В ВГ

ОТЦЫ ОСНОВАТЕЛИ

Василий ГОЛОВАЧЕВ

ВОЙНА РЕАЛЬНОСТЕЙ

ЭКСМО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

ВОЙНА РЕАЛЬНОСТЕЙ

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

ВТОРЖЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ
ПРАВИЛА БОЯ
СКАЗАНИЯ О ВЕЕРЕ МИРОВ
ГАСИТЕЛИ СОЛНЦ
ЛИК БЕСА
БОЙ БЕЗ ПРАВИЛ
ВОЙНА РЕАЛЬНОСТЕЙ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

ВОЙНА РЕАЛЬНОСТЕЙ

ПЕРЕХВАТЧИК
РАЗБОРКИ ТРЕТЬЕГО УРОВНЯ

Москва
ЭКСМО
2005

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 61

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Головачев В. В.

Г 61 Война реальностей: Фантастические романы. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 832 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-14044-1

Матвей Соболев, офицер контрразведки, вступает в борьбу с системой криминального беспредела, захлестнувшего страну. Путь «кулака и меча», избранный им против врагов, самый эффективный: на зло он отвечает злом, на насилие ответным насилием. Но что он сможет противопоставить самому Монарху Тьмы?

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Головачев В. В., 2005
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ISBN 5-699-14044-1

ПЕРЕХВАТЧИК

«КОРОЛЬ УМЕР — ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!»

Они собрались на квартире Завьялова — трое бывших комиссаров «Стопкрима»: Герман Довлатович Рыков, начальник информационного бюро Управления «И» Федеральной службы безопасности (бывшей ФСК), сам хозяин, покинувший пост референта премьера, и Владимир Эдуардович Боханов, сохранивший за собой кресло президента в Центре нетрадиционных технологий при Академии наук. Не было Графа, то есть Горшина, исчезнувшего после страшного штурма базы генерала Ельшина, и не явился Музыка Глеб Максимович, который, по сведениям Рыкова, ушел на пенсию из службы обеспечения МУРа.

Никто из них, включая Рыкова, не знал толком, что произошло на даче генерала.

Ужасные события тех дней: гибель десятков людей, руины, оставшиеся на месте комплекса зданий, таинственное исчезновение двух звеньев военных вертолетов с десантными подразделениями и полным боекомплектом — все это не вызвало никакого общественного резонанса. Никто так и не узнал об этих трагических происшествиях! А из тех, кто знал, одни были предупреждены компетентными органами об уголовной ответственности, другие изолированы, третьи просто тихо исчезли, как и вертолеты.

Почти столь же тихо, без особой помпы и обсуждений в прессе, прошел кризис власти, связанный с вышеуказанными событиями. Ушли в отставку премьер со своими заместителями, министр обороны, министр внутренних дел, несколько человек из Совета безопасности, директор Федеральной службы контрразведки, реорганизованной в службу безопасности, и тьма «ответственных лиц» рангом помельче. Но на смену им пришли такие же чиновники, воспитанные той же системой, и в жизни государства ничего не изменилось. Новый президент, выбранный из старой номенклатуры, естественно, обещал «скорое преодоление кризиса», но разве мог он решить главную проблему страны — проблему криминального беспредела, созданную коррумпированным снизу доверху аппаратом?..

Но речь об этом на совещании комиссаров не шла. Собрались они по просьбе Рыкова и теперь болтали, поглядывая на него с интересом и потягивая из стаканов и бокалов кто что любил: Боханов — пиво, Завьялов — горьковатый тоник, Рыков — кока-колу. Вечер выдался по-летнему теплым, но лишь на Завьялове была рубашка с короткими рукавами и джинсы, остальные явились в костюмах: Рыков — в коричневом, с желтым галстуком, Боханов — в темно-синем.

Первым не выдержал Владимир Эдуардович:

— Ну, долго будем переливать из пустого в порожнее? Что ты хотел сообщить, Герман?

— Я хотел предложить работу. — Рыков допил колу и взял горсть орехов. — Пора выходить на «тропу войны».

— Я думал, мы наигрались в солдатики, — фыркнул Боханов. — Что тебя разобрало? Не пора ли констатировать, что война с мельницами не увенчалась успехом?

— С мельницами — возможно, но борьба с преступностью — наш долг. Нельзя терпеть нынешнее положение вещей, при том что в наших силах изменить обстановку. Я и так собрал вас позже, чем следовало, не надо было ждать, пока свершится «великая криминальная революция». Вы же видите, что происходит. Ушли почти все лидеры, но ничего не изменилось! Система рождает новых преступников. Я имею в виду лидеров. Выдавила из себя, это же как зубная паста из тюбика: стоит только нажать — и готово! Новый червячок появляется на свет!..

Завьялов с любопытством глянул на всегда сдержанного и тихого Рыкова, у которого заблестели глаза и выступил румянец на щеках.

— Довлатович, ты стал красиво говорить!

— В стране царит государственно-бандитский беспредел, — закончил Рыков. — Бороться против него можно только жестокостью. Преступник должен знать, что за все он заплатит своей смертью. Причем без судебной волокиты, *сразу* после совершения преступления.

— Я всегда это говорил, — кивнул Боханов. — Но что мы можем втроем? Вон даже Глеб Максимович решил отмежеваться. Кроме того, раньше с нами был Граф.

— Что касается Музыки, то он порекомендовал, кем его заменить. С Графом нам, конечно, работалось легко, но и на его место можно подыскать перспективного человека.

— Но у нас потеряна связь с исполнительной сетью.

— Не совсем. — Рыков прожевал орехи и запил тоником. — Я сохранил свою ветвь целиком, да и у Музыки кое-что осталось в резерве. Восстановим.

— А кого рекомендует Глеб Максимович? И главное: кто же

все-таки заменит Графа? Я лично не знаю специалиста такого уровня.

— Стоп, коллеги, — поднял руку Завьялов. — Чтобы потом не гонять меня по буеракам, ни слова больше. Я выбываю из игры и прошу вас продолжать обсуждение без меня. Так будет лучше для всех вас. Да и для меня тоже. Любые консультации — пожалуйста, тут я к вашим услугам, но о конкретных предложениях давайте потом, когда я уйду.

Боханов крякнул, потер себе шею сильной ладонью, на взгляд Рыкова ответил пожатием плеч.

— Я в общем-то тоже не горю желанием начинать все сначала, но, если предложения будут действительно интересные, подключу свой аппарат.

Рыков погасил в глазах упрямый огонек и кивнул Завьялову.

— Что ж, у каждого свой выбор. Жаль, что вы отказываетесь, Дмитрий Васильевич, я привык видеть вас во главе.

В последних словах Рыкова чувствовалась некоторая неискренность. Вместо ответа Завьялов только развел руками. С кем бы Завьялов меньше всего хотел иметь дело, так это с бывшим комиссаром-2.

Рыков встал.

— Придется мне крепко подумать, стоит ли начинать войну ослабленным составом. А как вы думаете жить дальше, Дмитрий Васильевич? Вы ведь вообще ушли из аппарата премьера?

— Выживу, — встал и Завьялов. — Я юрист, работу будет найти нетрудно.

— Ну что же, удачи вам!

В машине Боханова Рыков, помолчав немного, сказал:

— Он оказался слабее, чем я думал. Если организация возродится, он станет опасен.

— Пусть живет как хочет, — нажал на газ Боханов. «Тойота» плавно тронулась. — Так что, сворачиваем план?

— Наоборот, раскручиваем дальше! Завьялов всегда был слишком интеллигентен для роли комиссара «Стопкрима». А уж для должности координатора он тем более не годится!

— Насколько я понимаю, лидер теперь ты?

— Нет, есть кандидатура помощней. Приезжай завтра к Музыке.

— Ты же говорил, что он вышел из игры.

— На одно из кресел в «Чистилище» претендует его зять. В девять вечера, не опаздывай. Высади меня на углу.

Боханов свернул в Староконюшенный, остановился и долго смотрел вслед Рыкову, пока комиссар-2, худой и невысокий, как подросток, не растворился в серой толпе.

...Вторая встреча комиссаров разительно отличалась от первой.

Кроме Боханова и Рыкова, на ней присутствовали еще трое, все в костюмах, но друг на друга совсем непохожие. Самый старший — на вид ему исполнилось лет шестьдесят — слегка напоминал Музыку тяжелым и властным лицом, бровями, осанистой фигурой. Двое других были моложе едва ли не вдвое. Один — небольшого роста, белобрысый, уверенный в себе, подвижный и резкий, по виду — бывший, а может, и сейчас еще спортсмен. Второй — высокий, широкоплечий, темноволосый, с невыразительным, но умным и в некоторые моменты каким-то хищным лицом — напоминал охотника в засаде, готового в любую секунду применить оружие. Будучи хорошим психологом, Боханов сразу отметил эту особенность в облике незнакомца.

— Знакомьтесь, — сказал Рыков, закрывая дверь в гостиную. — Боханов Владимир Эдуардович. А это — главный консультант управляющего администрацией президента Прохор Петрович Бородкин. — Кряжистый тяжелолицый гость кивнул, мельком глянул на Боханова, продолжая изучать картину на стене. — Шевченко Валерий Егорович, вице-президент «Барса»[1].

Белобрысый подошел скользящим шагом и протянул Боханову руку.

— И, наконец, Дмитрий Олегович Громов, полковник, главный военный эксперт Комитета по новым военным технологиям при Министерстве обороны.

Высокий гость сверкнул глазами, коротко поклонился и снова превратился в задумчиво-добродушного здоровяка. Вряд ли кто теперь увидел бы в нем охотника, ждущего добычу. Именно он и оказался зятем Музыки.

Присутствующие расселись возле круглого стола с шампанским и напитками, и после недолгого взаимного разглядывания Рыков начал:

— Все здесь знакомы в общих чертах с деятельностью «Чистилища», поэтому вводить в курс дела я вас не буду. Предлагаю возобновить работу нашей организации, сменив вывеску на более благозвучную.

— «ККК», если хотите. То есть «Команда контр-крим». По-моему, звучит неплохо.

— Подумаем, дело не в названии, — заметил Рыков.

— Герман Довлатович, нас здесь пять человек, — сказал Боханов, — то есть пять комиссаров. Так вот, давай-ка начнем сразу с

---

[1] «Барс» — Ассоциация ветеранов спецслужб. Сейчас она называется «Вымпел-Союз».

главного — с распределения кресел, чтобы знать обязанности каждого. Я думаю, прежде чем собрать нас, ты все продумал.

— Именно с этого я и собирался начать, — тихим бесстрастным голосом ответил Рыков. — Шевченко Валерию Егоровичу отводится роль комиссара-5, начальника службы безопасности «СК»[1]... э-э... нашей будущей организации. Кроме того, он будет набирать исполнителей.

Вице-президент Ассоциации ветеранов спецслужб посмотрел на всех выжидательно, хотел что-то сказать, но Рыков уже представлял следующего кандидата:

— Прохору Петровичу предлагается занять пост комиссара-3, ему будет подчиняться сеть гранд-операторов[2] и спикеров[3] по работе с высшим эшелоном властных структур. Плюс кадровая политика в отношении самого корпуса спикеров. Я остаюсь комиссаром-2: разведка и сбор информации, наведение на цель. Ты, Владимир Эдуардович...

— Комиссар-4, как и прежде? То есть компьютерное обеспечение, разработка операций? Не возражаю. Таким образом, комиссар-1, то бишь координатор, — господин из Минобороны?

Глаза Громова, не то серые, не то зеленовато-голубые, снова сверкнули, но сдерживать себя он умел.

— Да, роль координатора я предлагаю отдать Дмитрию Олеговичу, — сказал Рыков. — По многим причинам. Во-первых, именно он инициатор возобновления работы «Чистилища». К тому же в Минобороны он руководит структурой, которая... э-э... негласно финансирует проекты со степенью «четыре нуля».

— Годится! — кивнул Боханов, сразу сообразив, насколько Громов будет полезен организации. По-видимому, это поняли и остальные, потому что возражений ни у кого не нашлось.

— Что ж, молчание — знак согласия. — Рыков откупорил бутылку шампанского, разлил по бокалам, встал. — Предлагаю по традиции — за доброе начало!

Все встали.

— «Король умер — да здравствует король!» — весело проговорил Шевченко.

Выпили, расселись.

— Слово лидеру, — сказал Рыков.

— Да, хотелось бы услышать что-нибудь, — скрипучим голо-

---

[1] «СК» — сокращенно от «Стопкрим».

[2] Гранд-оператор — управляющий сетью спикеров. Подчиняется лично комиссару-5.

[3] Спикер — лицо, координирующее действия командиров групп (монад).

сом произнес Бородкин. — Задачи, так сказать, приоритеты, цели...

— Минутку, — вставил слово Шевченко. — Мне известно, что в руководство «СК» входил один человек... Граф... большой специалист по воинским искусствам.

— Он... исчез, — сказал Рыков. — Вероятнее всего, погиб.

— Не «вероятнее» — он действительно погиб, — глубоким баритоном с басовыми нотками произнес новый координатор.

— Откуда вы знаете?

— Знаю! — Громов сказал это таким тоном, что все поверили: знает.

— Ну хорошо, Графа нет. Но у него был помощник, офицер военной контрразведки по фамилии Соболев. Он жив?

— А вы откуда знаете такие подробности? — удивился Боханов.

— Сорока на хвосте принесла, — засмеялся Шевченко. — Но речь не об этом: этот парень — профи очень высокого уровня, надо его найти и предложить снова работать на нас.

— Идея хорошая, но вряд ли он согласится работать после того, что произошло на полигоне Ельшина.

— И все же стоит попробовать.

— Поищем, — сказал Рыков. — Продолжайте, Дмитрий Олегович.

Боханов наклонился к нему.

— Откуда этот «ветеран» знает о Графе и Соболеве?

— От Завьялова, — шепотом ответил Рыков. — Хотя ты забываешь, из какой он организации. У «Барса» великолепный банк данных.

— А ты Завьялова... не того?

— Еще нет, но Завьялов слишком много знает. Может возникнуть потребность в его исчезновении.

Владимир Эдуардович не нашелся, что ответить.

— Не стоит чересчур долго рассуждать о беспределе, который захлестнул нашу многострадальную страну, — мягко проговорил лидер-координатор. — Достаточно отметить хотя бы такой факт: отдел по «резонансным» делам ГУБО не раскрыл в последнее время ни одного громкого преступления. Так и остаются неотомщенными убийцы Меня, Талькова, Холодова, Листьева, Корнева, Ланцевича и десятков других... А ведь эти убийства — лишь самая верхушка айсберга. Вдохновителем их является небезызвестная вам структура, пришедшая на смену Куполу.

— «СС», — пробормотал Бородкин. — «Сверхсистема», как они себя величают.

— Вот против нее мы и будем работать. Но тут я позволю себе некоторые уточнения. Бандитами, рэкетирами и ворами в законе

пусть занимаются правоохранительные органы, а мы должны заставить работать против мафии не за страх, а за совесть самих «законников». Предлагается следующая ориентация нашей команды: коррумпированный госаппарат, коррумпированные верхи в МВД, ФСБ и Минобороны, а также ликвидация российских киллер-центров, число которых превысило предел терпения народа.

Наступила тишина. Присутствующие смотрели на Громова в неком замешательстве, и даже Рыков почувствовал себя не в своей тарелке.

— Не слишком ли ты широко замахнулся, Дмитрий Олегович?

— А что, мне нравится! — воскликнул Боханов, стукнув себя кулаком по колену. — Вот это размах! Интереснее всего будет работать по киллерам, эти ребятки в последнее время уж очень распоясались с заказными убийствами.

— А ваше мнение, Прохор Петрович? — спросил Рыков.

Бородкин покачал головой.

— Только сумасшедшие вроде нас с вами могут обсуждать такие планы, и только нам под силу хоть что-нибудь сделать. Но все же какому направлению мы отдадим предпочтение? Вы же понимаете, охватить сразу все зоны криминальной среды в стране мы не сможем. Справиться бы со столицей.

— Начнем с Минобороны, — ничуть не смутился задумчиво-флегматичный Громов. Присутствующие уже успели почувствовать внутреннюю силу этого человека. — Затем почистим депутатский корпус, перейдем к киллер-центрам. Последний шаг — выход на «СС».

«Он жаждет власти! — мелькнуло в голове у Боханова. — Причем власти абсолютной! Потому что, когда «ККК» уничтожит «СС», в стране останутся лишь две реальные силы: президент и «Чистилище». А может быть, и вовсе одна, невидимая, но карающая за преступления сразу, без волокиты... Ну и черт с ним! Тем интереснее будет воевать против всех, благо противник у нас не слабый».

— И все же вернемся на грешную землю, — гнул свое Бородкин, педант по натуре. — Вы, помнится, уже говорили, что в прошлом в «Чистилище» работал некто Граф, обладающий, судя по тому, что я слышал, экстраординарными способностями. Именно благодаря ему «СК» успел сделать так много и не допустил значительных ошибок. Кто сможет заменить его в обновленной команде?

— Я! — после некоторого молчания ответил полковник Громов. — «Смерш-3».

...Совещание руководителей военной контрразведки было внеплановым, поэтому на нем не присутствовали ни министр обороны, ни директор ФСБ, ни их заместители. Проводил совещание Никушин, генерал-лейтенант, шеф ВКР, или «Смерша», как продолжали называть военную контрразведку коллеги из родственных организаций. Среднего роста, неброский, молчаливый, упрямый на вид, Андрей Витальевич чем-то походил на артиста Александра Збруева. Жизнь научила его ни на кого не опираться, всегда «выплывать» самому, не ожидая дружеской помощи, но никогда не отказывать другим. Кроме того, Никушину была присуща стойкость и внутренняя твердость, которую весьма ценили его подчиненные и коллеги в Министерстве обороны.

На место начальника военной контрразведки генерала Дикого, погибшего при невыясненных обстоятельствах, Никушин перешел с должности заместителя министра, и все его друзья сочли этот переход понижением. Сам Никушин думал иначе. Он начинал свою карьеру с работы в контрразведке, знал все ее нюансы, и ему было интересно вернуться туда на более высокий уровень.

Заместителем Никушина стал полковник Холин, исполняющий обязанности начальника ВКР — молодой, но опытный контрразведчик, за восемь лет прошедший путь от рядового до полковника, начальника оперативного отдела, а до этого он успел закончить институт.

Кроме Никушина и его зама, на совещании присутствовали руководители отделов и подразделений, всего девять человек. Еще один участник, главный военный эксперт Громов, должен был подойти позже.

Андрей Витальевич оглядел обращенные к нему внимательные лица сидевших за столом — пять слева, пять справа — и негромко заговорил:

— На нас свалилось еще несколько дел, и нам предстоит определиться, справимся ли мы собственными силами или придется просить помощи у «федепасов»[1]. Вадим Мартынович, пожалуйста, динамическую сводку.

— В пакете следствия десять внутренних и три внешних дела, — начал высокий, но тонкий в кости, хрупкий, интеллигентного вида Холин; говорил он всегда мягко и тихо, как и начальник, но жесткий взгляд карих глаз выдавал в нем человека решительного и целеустремленного. — Два внутренних и два внешних близки к завершению. Так, Петр Дмитриевич?

Начальник Первого следственного отдела Шестопалов кивнул. «Внутренними» назывались мероприятия по борьбе с кри-

[1] Со сменой вывески ФСК на ФСБ изменилась и кличка контрразведчиков с «фискалов» на «федепасов».

миналом в Минобороны, в армии и военно-промышленном комплексе, «внешними» — война с разведчиками других стран и выявление махинаций с военным имуществом на территории стран СНГ.

— Работа по ЗРК С-300 и танку Т-95 закончена, — пробасил Шестопалов. — Можно передавать материалы в прокуратуру и оперативникам наших братьев-славян.

Шестопалов имел в виду нашумевшие дела о продаже секретных образцов оружия с территории Беларуси: зенитно-ракетного комплекса С-300-99, способного обрабатывать одномоментно до сотни воздушных целей, и новейшего танка Т-95 с двойной артиллерийской установкой и каркасно-магнитной защитой.

— Как показывает статистика, — продолжал начальник отдела СВ-1, — торговля оружием вошла в тройку наиболее прибыльных видов легального бизнеса, но если иметь в виду нелегальные сделки, то она стоит на втором месте после сбыта наркотиков. Впечатляют не суммы продаж комплекса С-300 и танка, а суммы взяток, полученных чиновниками из высших эшелонов власти.

— «ККК» на их головы, — пробормотал начальник Второго отдела, специализировавшегося на работе против разведок «дружественных» стран. Никушин усмехнулся.

— Это уж точно. Кстати, о трех «К» разговор еще впереди.

— Кроме указанных дел, раскрыто семнадцать мелких, связанных с незаконной торговлей оружием непосредственно в войсковых соединениях. Идет непрерывный процесс оснащения разномастных мини-армий в городах России. К сожалению, этот криминальный торг остановить не удается. Прибалтика остается главной базой контрабандного оружия, а всех каналов поступления его в Россию мы просто не знаем. И таможни им не помеха.

— Без лирики, пожалуйста, — остановил оперативника Никушин. — Что еще?

— Мы проверили заявление генерала Голышева, — продолжил начальник оперативного отдела. — Почти все подтверждается. Но... — Он замялся. — На объекты наших сыскарей не пустили. По личному распоряжению замминистра Козлова, как выяснилось.

Никушин коротко кивнул. Министр обороны Гусев уже звонил ему и сделал внушение, предлагая закрыть дело Голышева, командира сто двенадцатой военной базы. Теперь надо было решать — идти ли на конфронтацию с начальством или подумать о собственной карьере.

Генерал-майор Голышев принял вторую мотострелковую дивизию на территории Аджарии, потом дивизию преобразовали в сто двенадцатую базу российских войск в Грузии — два года назад. Рядовых не хватало, караульную службу несли офицеры, ди-

визия превратилась в явно небоеспособную единицу, хотя вооружением была обеспечена под завязку. Как Голышеву это удалось — неизвестно, однако меньше чем за два года он буквально преобразил свою часть, превратив ее в лучшую из российских баз. Несомненно было одно: генерал принадлежал к редкому ныне типу служивых, презирающих политику, но истово, попадая из-за этого впросак, поклоняющихся своему воинскому долгу.

Увы, Голышев не углядел, как в недрах его подразделения свила гнездо ядовитая змея коррупции и началась тихая распродажа дивизионного имущества... Затем последовали инциденты с нападениями на склады со стороны своего же спецназа, спровоцированного службой безопасности Грузии, появились человеческие жертвы, и генерала срочно уложили в госпиталь, откуда ему чудом удалось бежать...

Никушин вздохнул. Дело Голышева было самым обычным, таких дел в ВКР насчитывалось уже десятка три, и все они заканчивались одинаково — приказом министра обороны «прекратить следствие для поддержания в армии надлежащего порядка».

— С Голышевым повременим, нужен нестандартный ход, чтобы обойти известные препятствия. Что еще?

Холин раскрыл свою коричневую папку и зачитал сводку по остальным делам «Смерша». Еще час ушел на обсуждение плана мероприятий, и наконец Никушин отпустил подчиненных, оставив только заместителя и подполковника Санеева, начальника седьмого подразделения, ответственного за соблюдение секретности расследований.

Минут пять они курили, пили чай, пока не явился Громов, который принес с собой не папку с документами и не видеокассету, а компакт-диск. Никушин вставил диск в приемный блок компьютера, и с полчаса контрразведчики изучали материал, представленный главным экспертом.

Речь шла об утечке новейших образцов оружия, разрабатываемых в военных лабораториях: гипноиндуктора многоцелевого переносного «Удав», именуемого самими разработчиками «глушаком», генератора боли, известного под названием «болевик», а также цифровых шифраторов, защищающих телефоны от прослушивания, микротелекамер в шурупах и шляпках гвоздей, замков, открываемых с помощью лазерного считывания рисунка сетчатки глаза или запахового индикатора, и прочей спецаппаратуры. Но главным, несомненно, были суггестор «Удав» и генератор нервных наводок. Это было уже второе поколение подобного рода оружия, не имеющего аналогов в мире. Первые действующие образцы «глушаков» и «болевиков» были испытаны в ФСК еще при генерале Ельшине.

— Вряд ли мы получим доступ к этим делам, — с сомнением

сказал Холин. — Если сам министр не заинтересован в расследовании, никто не даст нам хода в святая святых.

— Министр подпишет разрешение... в самое ближайшее время, — сказал Громов хрипловатым баритоном. — У него на хвосте висит «Чистилище», а эта организация работает не хуже старого «Стопкрима».

— Откуда вы знаете? — Холин задал вопрос вопреки желанию. Ответа он не дождался и продолжил с изрядной долей скептицизма: — Но даже если это правда, руки у трех «К», по-моему, слишком коротки для таких масштабов.

Глаза главного военного эксперта зло сверкнули.

— Увидим. И все же недопустимо, чтобы наши технологии распродавались столь нагло и открыто. Виновных необходимо не то что судить, а публично казнить! Чтобы другим неповадно было. Но боюсь, все будет спущено на тормозах, если дело об утечке отдадут в Главную военную прокуратуру. Мне известно, что практически все военные верхи коррумпированны. Любое дело, которое кто бы то ни было начинает с самыми чистыми и честными намерениями, оборачивается при нашей бюрократии обманом, воровством и кровью. Военная контрразведка тоже не без греха... но, насколько мне известно, вы, господин генерал, не успели запятнать себя за те полгода, что сидите в этом кресле.

— Спасибо за оценку, — криво усмехнулся Никушин.

— Надеюсь, вы и дальше не уроните честь мундира. Мне, например, появление в вашей конторе грозит многими бедами, однако я пришел. Итак, ваше мнение?

— Мы начнем расследование, — сказал Никушин после длительного раздумья, прослыть нерешительным он не боялся. — По степени «четыре нуля». В конце концов, министр не имеет права говорить: «Государство — это я!» А я лично работаю не на него, а на закон.

Громов кивнул, встал.

— Оставьте материалы себе. Если понадобится, я свяжусь с вами, не надо искать меня ни по каким каналам. И по делу я могу проходить лишь как свидетель, да и то на завершающей стадии.

— Само собой разумеется.

Главный эксперт ушел — по-спортивному подтянутый, деловитый, знающий себе цену. В кабинете некоторое время стояла тишина. Нарушил молчание секретчик:

— Не провокация ли это?

Никушин покачал головой.

— Нет, все правда. У меня есть кое-какие данные по утечке, все совпадает. Но он, конечно, знает больше. И в связи с этим возникает одна проблема: для ведения следствия нужны профес-

сионалы высочайшего класса, охотники, перехватчики. Есть у нас такие?

Холин покосился на Санеева.

— Охотники найдутся, а ганфайтеров нет. Был один волкодав, ушел по состоянию здоровья, подстрелили его. А молодежь из роты захвата пока не дотягивает до супервысоких кондиций. Вы же знаете, на подготовку одного профессионала требуется лет пять-семь, не меньше.

— Слышал я об одном ганфайтере, — вмешался в разговор Санеев. — Класса «супер» или даже «абсолют»... Он работал на бывших начальников «Смерша» Ивакина и Дикого. Но год назад он исчез.

— Откуда такие сведения?

— Секретчик я или нет? В компьютере раскопал... случайно. Но, судя по регалиям, профессионал он великий. Надо его найти.

— Найти надо, — согласился Никушин.

— Попытайтесь оба по своим каналам. Я тоже кое-что слышал о нем. Таких спецов наберется всего полсотни на всю планету, так что овчинка стоит выделки. Если удастся его найти и уговорить вернуться...

Никушин не знал, что он уже третий, кто говорит эти слова. МЫ ЖИВЫ!

Падение было недолгим: он пробил потолок пещеры, внутри похожей на храм необычных пропорций, и упал рядом с возвышением, на котором лежала исполинских размеров книга в кожаном переплете с бронзовыми уголками. На ее обложке можно было играть в теннис, а толщина книги достигала не менее двух метров.

Матвей встал, обошел ее кругом, прикидывая вес верхней крышки, и не особенно удивился, когда с тихим стуком книга раскрылась, выпустив светящееся облако дыма. Облако поднялось вверх и приобрело очертания женской фигуры в плаще. Женщина, чье лицо мерцало, искрилось, трепетало, изредка как бы проступая отдельными чертами — губы, нос, глаза, — взмахнув широким рукавом плаща, поманила Матвея:

— Читай...

Матвей взобрался на первую страницу книги и невольно отступил назад, едва не свалившись: буквы, скорее напоминавшие символы или китайские иероглифы, ползли по странице сверху вниз, как ровные ряды жутковатых насекомых! Ни одной из них Матвей не узнал, хотя изредка то одна, то другая напоминали буквы русского или латинского алфавита.

— Читай, идущий!

— Я... не понимаю!

— Попытайся.

Матвей напрягся, пытаясь зафиксировать ползущие буквы, и на одно мгновение это ему удалось.

— Универсальная... — прочитал он слово, готовясь «остановить» второе, но страшный удар в спину сбросил его с книги. Пролетев десятка два метров по воздуху, Матвей врезался в стену пещеры-храма, привычно сгруппировался и вскочил на ноги, хотя боль в спине была ужасная. Голова затуманилась.

Сзади, над книгой, возвышалась черная фигура высотой в три человеческих роста, закутанная в туманный балахон, с мечом, то сверкавшим, как пламя, то расплывавшимся дымным хвостом.

— Монарх! — произнес внутри Матвея чей-то холодный голос.

— Экзарх! — возразил кто-то за спиной. — Иерарх контроля за информацией.

Облако света, принявшее форму женской фигуры, упало на книгу, попыталось просочиться в потолок пещеры, но рассыпалось на звезды и молнии, которые впитались в страницу. Книга с тихим шелестом закрылась, стала изменять очертания и, превратившись в птицу, улетела в глубь пещеры, где и исчезла.

— Не пытайся вернуться на эту тропу! — гулко возвестил незнакомец в балахоне. — Этот сон-напоминание — инициатива Светлены, и она за это пострадает. Но будет еще хуже, если ты вздумаешь вернуться на тропу Хранителей, преодолев запрет инфарха.

— Это буду решать я, — упрямо возразил Матвей.

Черный человек покачал головой, вытянул руку с мечом и коснулся его кончиком груди Матвея...

Он проснулся от боли. Полежал, глядя в окно, за которым росла береза: шел шестой час утра, но уже рассвело, день шестого сентября обещал быть теплым и солнечным.

Сон потряс Матвея. Не ужасами и таинственными угрозами черного меченосца, а самим фактом появления. Подобные сны Матвею не снились уже больше года, с момента боя с Ельшиным, Монархом Тьмы, на его даче. И означал сей факт одно: вернулись силы, выводящие душу и тело за пределы пяти чувств. Вероятно, закончился период восстановления прежних запасов, период успокоения, адаптации, накопления новых положительных эмоций, рождающих вкус к жизни. А еще сон говорил о появлении на горизонте подсознания «фигуры предостережения», роль которой сыграла таинственная спутница инфарха, после долгих колебаний принявшая решение напомнить об ином порядке вещей, ином знании и скрытых реальностях. Почему она пошла на это вопреки воле инфарха — можно было только гадать.

После тех страшных событий Матвей долго не мог восстано-

вить былую физическую и психическую форму, и об отношениях Людей Внутреннего Круга думал редко, хотя книги по эзотерике читал и готовился к поиску Храмов инсектоцивилизаций, один из которых показал ему Тарас Горшин. Однако жизнь заставляла его все свободное время отдавать помощи друзьям. Правда, Матвей не жалел о потере свободы, потому что не мыслил себя без Кристины, Стаса и без Василия Балуева, ставшего ему близким человеком.

Они переехали в Рязань, где за Матвеем сохранялась квартира, выделенная еще по варианту «глубокой консервации» руководством военной контрразведки, и девять месяцев приходили в себя, лечились и устраивались на новом месте, постепенно адаптируясь к новым условиям жизни. Матвею долго не давался переход на скоростной рефлекторный режим, хотя физически он восстановился быстро и почти сразу же вошел в ритм обычных своих тренировок по сильной чигонг-о. Так же долго не мог он переводить организм в состояние турийи, или сатори — состояние ментального просветления, позволяющее безошибочно оценивать опасность и окружающую обстановку и действовать адекватно ситуации. И вот, когда эти утраченные способности начали возвращаться, приснился сон. Достаточно странный, если не сказать больше, связанный с тайным смыслом слов экзарха: «Этот сон-напоминание — инициатива Светлены...» Значит, спутницу инфарха зовут Светленой. Что же она хотела сказать? Предупредить о новой опасности? Или помочь найти «свою тропу» во Внутренний Круг?..

Спустя два месяца после переезда в Рязань Матвей устроился в акционерное общество «Рюрик» охранником и уже к лету стал начальником охраны, зарекомендовав себя с самой лучшей стороны. Но вряд ли кто-нибудь из его начальства или новых приятелей мог предположить, кем он был на самом деле.

Вася Балуев, радиофизик по образованию, сначала нашел себе работу на радиозаводе, но быстро понял, что на полмиллиона в месяц прожить сложно, и ушел тренером по рукопашному бою в местную школу безопасности для бизнесменов.

Стаса, которому исполнилось десять лет, Матвей определил в частный лицей, но мечтал в будущем поместить мальчишку, к которому привязался как к сыну, в Рязанскую академию воздушно-десантных войск. Жил Стас у родителей Кристины, но по субботам и воскресеньям часто гостил у Матвея. Малоразговорчивый и стеснительный, он тоже привязался к Соболеву, искренне полюбив его всем своим маленьким исстрадавшимся сердцем.

Больше всего не повезло Кристине.

Из шокового состояния она вышла сравнительно легко и оправилась быстро, но после переезда домой оказалось, что у нее

парализованы ноги. Результат не замедлил сказаться: комплекс неполноценности и психологический срыв, надолго определивший ее состояние.

Матвей обил пороги всех частных и государственных клиник, консультировался с ведущими психиатрами и нейрохирургами Рязани и Москвы, но вылечить Кристину не удалось. В последнее время она, похоже, смирилась со своим положением, и тоска сменилась грустью, но разговаривала она все реже, все чаще уходила в себя, стала худеть и таять на глазах. Чем это могло кончиться, Матвей *знал*. Последней надеждой для него был приезд в Рязань знаменитого невропатолога, экстрасенса и гипнотизера, мастера психосинтеза Ивана Парамонова, о котором случайно узнал Василий.

— Блажен, кто верует, — пробормотал Матвей, загадывая, удастся ли ему выйти на Парамонова. Определил время по внутреннему состоянию и глянул на будильник — пять пятьдесят две: внутренние «часы» спешили на полминуты. Нормально. Матвей вспомнил изречение Лихтенберга: «Сегодня я позволил солнцу встать раньше, чем я...» — и усмехнулся. Хорошо чувствовать себя повелителем если не солнца, то хотя бы собственного тела. Для Кристи это пока мечта. Но как бы она ни выглядела после болезни, Матвей смотрел на нее не умом, а сердцем, и видел ее прежней — здоровой, красивой, милой...

Позанимавшись со снарядами в спортивном углу комнаты и позавтракав, Матвей вывел из гаража свою неброскую «Таврию», усовершенствованную еще Ильей Муромцем, и поехал за Стасом, чтобы отвезти его в лицей.

Семью Кристины он застал в полном сборе: за столом завтракали Михаил Сергеевич, отец Кристи, декан факультета конструирования радиоэлектронной аппаратуры Рязанского радиоинститута, Ольга Николаевна, мама, инженер-программист этого же института, Бася Яновна, Кристинина бабушка по матери, сама Кристина в кресле на колесах и Стас, по-мужски важно пожавший руку гостю:

— Я готов, поехали.

— Молоко допей, — попыталась задержать его Бася Яновна и, кивнув Матвею на стул, предложила: — Присоединяйтесь, Матвей Фомич.

Соболев ответил улыбкой на взгляд Кристины, пожал руку Михаилу Сергеевичу, чмокнул в щеку Кристину и развел руками.

— Спасибо, уже сподобился. Я живу по Козьме Пруткову: петух пробуждается рано, но злодей еще раньше. Однако поужинать собирался с вами, если не возражаете. Кристя, соберись к двенадцати часам, поедем к врачу.

— Стоит ли? — повела худеньким плечиком Кристина, и печаль в ее глазах загустела.

— Стоит, — твердо сказал Матвей, хотя далеко не был уверен в этом.

Через двадцать минут он высадил Стаса возле лицея, а еще через четверть часа входил в офис фирмы, опытным глазом отметив подготовку охраны, которую инструктировал и тренировал сам.

Фирма «Рюрик» была создана всего полтора года назад, но уже сумела зарекомендовать себя на фондовом рынке, участвуя в прибыльных инвестициях в сельское хозяйство. Президент фирмы, почти ровесник Матвея, после МГУ закончил Академию бизнеса и дело поставил широко, предпочитая действовать в рамках закона. «Рюрика» быстро узнали и зауважали. Все больше людей доверяли свои сбережения «Рюрик-банку».

Однако успех фирмы не мог не обратить на себя внимание конкурентов, госчиновников и мафиозных структур, никогда не упускающих возможности погреть руки на чужих успехах.

Правда, за время службы Матвея ни одна из вышеуказанных контор особого давления на руководство фирмы не оказывала, если не считать одной попытки самого обычного рэкета, но Матвей чувствовал, что тучи на горизонте сгущаются, и готовился к предполагаемому «переделу собственности» серьезно. Президент не мешал ему, поскольку давно сообразил, что лучшего начальника охраны ему не найти, и лишь изредка интересовался состоянием дел в соболевской «епархии». Зато каждодневно советовался с Матвеем, как поступить в том или ином случае, даже если речь шла о финансовых операциях. Такая идиллия не могла длиться долго, поэтому Соболев был весьма рад, что его глубокая «эзотерическая» система интуиции наконец заработала, отозвавшись сном на грядущие изменения в жизни.

Фирма занимала два этажа в новом шестнадцатиэтажном здании на проспекте Долгорукого, в центре престижного жилого массива Окский, где селились преимущественно «новые русские» и располагались деловые конторы других фирм. Матвей мог бы не обходить охраняемую территорию, потому что ориентировался в здании с закрытыми глазами, прекрасно зная расположение подсобных помещений, служб, лестниц, лифтов и запасных выходов, однако предпочитал проверять посты каждый день, и подчиненные воспринимали это не как придирчивость, а как ответственное отношение к делу.

В принципе таких постов было всего три, и охраняли фирму восемь человек посменно: шестеро на входах и двое — в дежурной комнате. Зато почти все эти люди были проверены в деле, и лишь трое из них, пришедшие еще до Матвея, не нравились ему

цветом аур — биополевых оболочек, но обращаться к начальству только на основании «цветоощущений» он не хотел.

Со всеми сотрудниками фирмы у Матвея сложились нормальные приятельские отношения, а некоторые сотрудницы даже мечтали завязать с ним и более прочные связи. Но начальник охраны с девушками был вежлив и внимателен, не более того, тем самым, правда, лишь подогревая интерес к своей персоне.

— Привет, чемпион, — встретила его секретарша президента Людмила, единственная из всех, кто относился к Соболеву чисто по-дружески. — Ты сегодня рано. Зайдешь к шефу?

— А что, он искал меня? — Матвей поздоровался с охранником Сашей Пресняковым, одетым в строгую серую униформу. Саша был самым молодым в команде и самым вежливым, хотя отпор мог бы дать любому. Он занимался бодибилдингом, гимнастикой и выглядел весьма внушительно.

Людмила отвернулась от дисплея компьютера, сделала гримаску, означавшую улыбку. Матвей окинул взглядом ее хорошую фигурку и вошел в кабинет шефа.

Сергей Сергеевич Афонин был смугл, высок, энергичен, подтянут, безукоризненно выбрит и подстрижен и всегда великолепно одет: президент тратил немало средств и времени на свой внешний вид. Однако имидж интеллигентного, умного руководителя был им не наработан, не натренирован, а, что называется, всосан с молоком матери. Работать с ним было приятно.

В кабинете уже находился вице-президент фирмы Эрик Баблумян, такой же молодой, как и глава «Рюрика», а также главный бухгалтер Шаровский, которого Матвей недолюбливал за подчеркнутое высокомерие. В команде фирмы Аркадий Самсонович был старше всех, хотя ему недавно и исполнилось всего тридцать восемь лет. Баблумян и Шаровский стояли у стола, а президент опирался на него.

— Что пригорюнились? — спросил Матвей, заметив, что настроение начальства близко к минору. — Сон плохой увидели?

— Коллективный, — улыбнулся Баблумян, которого не портили ни усы, ни огромный нос.

— Ждем налоговую инспекцию, — сказал Афонин.

— В первый раз, что ли? В чем трагедия? Поднимут документы, убедятся в идеальном порядке и отстанут.

— Это не рядовая проверка, — покачал головой Шаровский. — Кто-то из окружения мэра очень нас невзлюбил и землю роет, чтобы прищучить.

— А разве в работе фирмы появился криминал?

Шаровский скривил губы, не желая отвечать, Афонин глянул на него с интересом, обошел свой стол и сел в кресло.

— Ладно, разберемся. Слышали, послезавтра к нам приезжает Олег Янченко, будет давать концерты органной музыки?

— А рекламы в газетах не было, — сказал Баблумян. — Я бы сходил с женой.

— Концерты для местной элиты, потому и нет рекламы, — буркнул Шаровский, доставая зубочистку. Эта его манера — чистить зубы в любом месте и при любых собеседниках — чрезвычайно раздражала Матвея. — Могу посодействовать с контрамарками или достать билеты.

— Хорошо бы, Аркадий Самсонович, — кивнул президент. — Я тоже не откажусь сходить. Пойдешь? — обратился он к Матвею. — Сколько тебе билетов?

Матвей хотел отказаться, но потом подумал, что концерт, возможно, развлечет Кристину, и показал два пальца.

— Хорошо, к вечеру будут. — С этими словами Шаровский вышел.

— Сергей, — понизил голос Соболев, — может быть, попросим мэра поставить здесь официальный пост? Из муниципалов? Предчувствие у меня нехорошее.

Афонин окинул фигуру начальника охраны ироническим взглядом.

— Я еще не депутат Госдумы, чтобы требовать защиты от государственных служб. Это у депутата пять оплачиваемых помощников плюс шофер, я тяну только на двоих, да и тем плачу из собственного кармана.

Матвей стал «во фрунт», повернулся к двери и вспомнил о просьбе:

— Мне в полдвенадцатого надо будет отвезти одну девушку к врачу, нужен «рафик» или «Газель».

— Нужен — бери. Что за девушка?

— Так... хорошая знакомая, — замялся Матвей, потом посмотрел на Афонина прямо. — Моя девушка. У нее ноги парализованы, хочу показать экстрасенсу. Говорят, у нас сейчас гостит одна отечественная знаменитость — Иван Парамонов.

— Могу посодействовать. У меня отец — врач-психиатр, и они дружат, так что без проблем...

— Это было бы здорово! Я, честно говоря, думал, придется пробиваться к нему на прием с боем, — сказал Матвей, отметив с некоторым удивлением, что все в мире взаимосвязано больше, чем полагают люди.

— Зачем же с боем? — Афонин набрал номер на компьютерном комплексе, соединявшем в себе телефон, часы, магнитофон, видеоприставку для канала коммерческих новостей, собственно компьютер и лазерный сканер.

На дисплее комплекса мигнули алые глазки, означающие, что связь защищена от прослушивания, зажегся номер абонента.

— Отец, это я. Мне нужно записать на прием к Парамонову моего друга... Да, очень. Сегодня, — сказал Афонин, отвечая, видимо, на вопросы отца, прикрыл трубку ладонью. — Когда поедешь?

— Я собирался к двенадцати, для того и машину просил.

— На двенадцать. Непременно! Хорошо иметь такого отца, а? До вечера.

Сергей Сергеевич дал отбой, поднял руку ладонью вперед.

— Тебе повезло. Парамонов как раз у отца был. Благодарить будешь позже, главное, чтобы помогло. Говорят, что специалист он действительно классный.

Настроение улучшилось, и делами Матвей занялся с энтузиазмом, хотя рассудком отнесся к вспыхнувшей надежде скептически.

Из кабинета президента он заглянул в дежурку, оборудованную монитором теле- и радиосвязи, проверил готовность постов и аппаратуры и остался доволен. Глянул на старшего смены, угрюмоватого парня, которому очень подходила фамилия Кудёма.

— Похоже, у тебя живот схватило, Паша?

— Угадал, — буркнул Кудёма и добавил три непечатных слова.

Его напарник фыркнул.

— Не обращайте внимания, патрон, он никак с женой квартиру не разделит, второй месяц делит.

— А что случилось? — полюбопытствовал Матвей.

— Развожусь, — буркнул охранник и снова закончил матом.

— Тише, тише, — успокаивающе похлопал его по плечу напарник. — Крепкое слово здесь не поможет. Хотя я где-то читал, — повернулся он к Соболеву, — что употребление нецензурных слов понижает кровяное давление и уменьшает содержание адреналина в крови.

Матвей засмеялся.

— Добавь: нормализует мышечный тонус и улучшает работу надпочечников. Это правда. Но все же не пугайте клиентов фирмы.

— Постараемся, — отвернулся Кудёма.

Матвей внимательно посмотрел на него.

— Паша, что случилось? Я чую, это все не из-за развода. Нука, выкладывай.

Угрюмый охранник — косая сажень в плечах, руки-лопаты, бычья сила — покосился на него, но командира уважал и поэтому нехотя поведал:

— У брата дочку похитили... четырнадцатилетнюю...

— Почему ты считаешь, что похитили?

— Уже были случаи... говорят, у нас целая банда орудует: крадут девочек и... продают... клиентам.

Второй дежурный присвистнул, с изумлением оглянувшись на Соболева. Тот посидел немного, чувствуя, как уходит хорошее настроение и откуда-то начинает дуть холодный ветер. Встал.

— После обеда расскажешь подробнее, попробую помочь.

Обойдя посты охраны на своих двух этажах, Матвей спустился во двор и отправился искать водителя «Газели», на которой собирался везти Кристину к доктору.

Визит к врачу Матвея окрылил и укрепил его надежду на исцеление.

Иван Терентьевич Парамонов был неординарным человеком. Мастер психосинтеза, гипнотизер и психиатр, он закончил мединститут и стажировался по гипнозу у знаменитого Адама Бёрка в Санта-Крусе (Калифорния). Психоэнергетика, биоэнергетика, психология и нейролингвистическое программирование были основными направлениями его исследований, но главное — он прекрасно *видел* болезни человека и безошибочно диагностировал его состояние.

— У нее психический паралич, — сказал он Матвею после приема, когда они остались одни. — Помните роман Ефремова «Лезвие бритвы»? Там описан практически идентичный случай. Излечить вашу девушку можно лишь с помощью сильнейшего стресса. Если не боитесь, можем попробовать вместе.

— Не боюсь. Если есть шанс, его надо использовать.

— Хорошо, случай очень интересный, я разработаю сценарий и позвоню вам. Дня через два вас устроит?

— Спасибо, доктор! Вы ставите на ноги больше меня, чем ее!

Иван Терентьевич улыбнулся.

— Понимаю. Кстати... — врач замялся, — у нее была закрыта Анахата — зеленая чакра, центр мудрости, высшей любви и человечности, — я открыл ее. И еще... Есть очень сильное подозрение, что она... закодирована в темной половине.

Матвей замер, глаза его похолодели. Вспомнились слова Хасана Ибрагимова: «Мы из них сделаем зомби»... Неужели подручные Ельшина все-таки успели...

— Вы... уверены?

— И да, и нет. Есть кое-какие следы нейровмешательства... Необходима тщательная проверка. Вам придется привезти ее ко мне еще раз, я проверю свои подозрения с помощью приборов.

— Разве есть такие аппараты?

Парамонов, высокий, поджарый, сухой, с молодым энергичным лицом, на котором горели светлые — не голубые и не серые,

но и не бесцветные, с металлическим блеском — глаза, снова улыбнулся.

— Мои личные разработки в области нейролингвистики. Но необходимо ее абсолютное согласие на пси-зондаж.

— Уговорю. А что за «темная половина»? Вы сказали, что она закодирована в «темной половине».

— Термин психиатрии. Означает область «эго», отвечающую за вспышечное проявление негативных эмоций. Приходите завтра вечером, часов в семь.

Матвей пожал руку врачу и вышел в коридор поликлиники, где его ждала в коляске безучастная ко всему Кристина. Глянула на него снизу вверх, и, видимо, что-то в выражении его глаз поразило девушку.

— Ну что, плохо?

Матвей опустился рядом на колени, не обращая внимания на оглядывающихся посетителей, и поцеловал Кристине руку.

— Все будет в порядке, Кристя. Главное, что мы живы!

ОМОН-РЭКЕТ

Матвей узнал о случившемся утром от матери Кристины.

В лицее, где учился Стас, произошел страшный случай: учительницу русского языка и литературы избили четверо парней.

— За что? — спросил пораженный Матвей.

Ольга Николаевна пересказала все, что знала сама.

История началась еще с неделю назад.

В группе Стаса училась девочка Саня, у которой были очень «крутые» родители, привозившие ее в лицей на «Мерседесе» и одевавшие дочку по высшему классу. И хотя в лицее учились дети из состоятельных семей, но золотые сережки и перстеньки носила далеко не каждая десятилетняя кроха.

Девочка росла надменной и капризной, часто проказничала, а все свои грехи сваливала на подружек и приятелей по группе. В лицей часто заявлялась ее бабушка, требовала одергивать детей, которые «не так относятся» к Сане, и даже выговаривала девочкам, поссорившимся с ее внучкой, угрожала наказанием и обзывала их «интриганками» и «быдлом».

Однажды один из мальчиков, вбегая в класс, нечаянно толкнул Саню, и хотя она не упала, но заревела во весь голос. Учительница успокоила ее, отчитала мальчика и посчитала инцидент исчерпанным, а на вопрос Сани: «Почему вы его не наказали?» — неосторожно заметила:

— Все-таки, Саня, насколько в классе спокойнее, когда тебя

нет! (Незадолго до этого девочка болела и пропустила несколько дней.)

А на следующее утро в класс ворвалась разъяренная Санина мама, пожелавшая, чтобы провинившегося мальчишку наказали прямо тут же, при ней, так сказать, показательно. Учительница (ее звали Елена Ивановна, Матвей ее знал и относился с уважением) предложила дождаться перемены и во всем разобраться, родительница настаивала на своем и в конце концов перешла на крик:

— Бездарь, где ты купила свой диплом?! Я тебя вышвырну из лицея в три часа!

Пришел завуч, увел мать Сани, и взволнованная Елена Ивановна едва смогла закончить урок. Но на следующий день в класс вошли четверо квадратных парней в кожаных безрукавках и на глазах у детей избили учительницу до потери сознания. Лишь Стас бросился на мерзавцев с кулаками, за что получил удар по шее, чуть не снесший ему голову. Сделав свое дело, четверо негодяев спокойно оправили одежду, зашли в кабинет завуча и пригрозили:

— Вякнешь хоть слово в милицию — доберемся и до тебя! И чтоб эта сучка в вашем вонючем лицее больше не работала, ясно? Не умеете детей как следует воспитывать — научим. — Затем четверо сели в красную «Феррари» с открытым верхом и уехали...

— Ясно, — сказал Матвей, чувствуя, как в груди рванулось и замерло сердце, жаждущее справедливости. — А мне Стас ничего не сказал.

— Мужчина, — улыбнулась Ольга Николаевна, — боится потерять твое уважение. Шея у него до сих пор болит.

— А что же милиция? Нашли бандитов?

— Найти-то нашли — их и искать долго не надо, — но власти у тех оказалось побольше, чем у милиции. Отпустили их: у всех алиби, как говорят в таких случаях...

— Рассказала все-таки? — объявился на пороге своей комнаты взъерошенный Стас; он вытирал лицо полотенцем после умывания. Прошел мимо Матвея с независимым видом, потом вернулся и бросился к нему на шею. — Ты когда научишь меня драться? Обещал!

— Драться нет, а вот защищаться — научу. Сегодня же заедем к дяде Васе, сначала будешь брать уроки у него. А сейчас собирайся, поедем к хирургу, пора заняться твоей ногой.

Стас побледнел, глядя на Матвея огромными глазами, потом неловко ткнулся носом ему в щеку и заковылял в свою комнату. Ольга Николаевна и Матвей посмотрели ему вслед, переглянулись.

— Это правда? Есть шанс? — спросила женщина.

— Да, я консультировался с хирургом, в областном центре хирургии есть один специалист. Говорит, излечимо, хотя только с помощью операции.

— Дай-то Бог!

Пока ехали на Гагарина, где в парке располагался Рязанский областной хирургический центр, Матвей размышлял о внезапном проявлении криминальных сил, коснувшихся непосредственно его самого. До этого момента в жизни Матвея и людей, окружавших его, особого ничего не происходило, словно им дали отдохнуть от переживаний и потрясений. Но сон означал приближение волны каких-то негативных событий, и первой ласточкой было избиение учительницы Стаса. Единственное, что надо было решить, — это как реагировать Матвею. Стоило ли вмешиваться в события, которые вполне могут завести в тупик. С другой стороны, оставлять все как есть, делать вид, что ничего не случилось, Матвей не мог.

Стас, увлеченно рассказывающий о своих делах, заметил рассеянный вид старшего товарища и замолчал. Потом сказал:

— Ты об учительнице думаешь?

Соболев не удивился прозорливости мальчишки: тот давно научился видеть настроение собеседника, пройдя хорошую школу жизни без родителей и близких.

— В общем-то да. Что с ней?

— Сотрясение мозга, рука сломана. Лежит в больнице Стасова, мы к ней классом ходили.

Больше вопросов Матвей не задавал.

Хирург Ляшенко оказался огромным, пузатым и краснолицым здоровяком с могучими руками и зычным голосом. Но разговаривал он жизнерадостно, интеллигентно, с юмором и сразу понравился и Матвею, и Стасу.

— Чудес не обещаю, но бегать будет, — сказал он после получасового осмотра. — Это самый обыкновенный случай менискового повреждения, приведший к появлению мозолистого тела и фиксации коленного сустава. Через неделю — на операцию. И не реветь! — повернулся хирург к Стасу, хотя тот реветь и не собирался, ошеломленный заявлением, что он будет бегать.

— Доктор, делайте все, что хотите, — сказал Матвей, когда они остались с ним наедине, — но вылечите парня! Он заслужил. Любое ваше условие будет выполнено.

— Никаких «условий» мне предлагать не надо, я и так сделаю операцию. А вот в послеоперационный период вам придется за ним поухаживать по особой методике. Надо будет разрабатывать и сустав, и мышцы.

— Гарантирую!

— Сын?

— Сын, — твердо ответил Матвей.

— А на вид вы гораздо моложе. Что же мать не пришла?

Матвей смущенно раздумывал, кого можно было бы назвать матерью Стаса в данной ситуации, Ольгу Николаевну или Кристину, но хирург понял его замешательство по-своему.

— Понимаю, боится врачей. Небось, обожглась когда-то на лечении. Все, через неделю пожалуйте к нам. Приемный покой на первом этаже, я запишу вас в очередь. Будьте здоровы.

— А он не обманывает? — уже в машине спросил Стас. Щеки его горели лихорадочным румянцем.

Матвей засмеялся, потрепал мальчишку по вихрам, и тот ответил слабой улыбкой.

По пути они заехали в Школу безопасности, где работал Балуев. Школа размещалась в старом двухэтажном здании на Комсомольской площади, специально отреставрированном для такого рода заведений. Весь первый этаж занимали спортзал и сауна с душем, а верхний был разбит на тренировочные комнаты по секциям и вмещал небольшой зал со снарядами для накачивания мышц. Тир и полоса препятствий располагались во дворе, за двухслойным забором из металлической сетки.

Василия они отыскали на втором этаже, в одном из тренировочных боксов, где он занимался рукопашным боем с группой молодых крепких ребят. Оставив группу, обрадованный Балуев отвел гостей в комнату отдыха — телевизор, бар, три столика и низкие кресла, — умылся и предложил всем напитки.

— Откуда, зачем, куда?

— Из больницы, были у хирурга. — Матвей рассказал о посещении травматологического отделения. — Обещали, что отрок скоро будет бегать. Не мог бы ты пару раз в неделю заниматься с парнем? Азы боя, философия адекватного ответа, общий тренинг?

— Почему нет? Пусть приходит, когда захочет. А ты что ж?

— Я — само собой, но времени у меня меньше.

— А не ослаб ты, часом, молодец? — Василий вдруг метнул в Соболева стакан, на треть наполненный «херши», но Матвей мгновенно поймал его, не расплескав при этом ни капли, и поставил на столик.

— Не балуй, ганфайтер!

Василий хмыкнул, наставил палец на Стаса, сидевшего с округлившимися глазами.

— Хочешь научиться таким вещам? Тогда слушайся меня во всем. Ну, и этого типа тоже. — Балуев вдруг умолк, нахмурился, достал из бара початую бутылку рижского бальзама, налил в две стопки по глотку, протянул одну Матвею. — Давай-ка помянем Бориса Ивановича, год исполнился со дня его безвременной...

Матвей вспомнил Ивакина, встал и молча проглотил содержимое стопки, запил минералкой.

Помолчали. Стас ничего не спросил, понимая, что речь идет о прошлогодних событиях, когда погибло множество людей.

— Не жалеешь, что ушел из ВКР? — спросил Василий. — Все ж специалист такого класса, как ты, не должен киснуть, сидеть без дела.

Матвей с минуту размышлял, пососал ломтик колбасы, однако так ничего и не сказал. Не знал, что сказать. С одной стороны, он никогда не жил по формуле «моя хата с краю», с другой — не хотел ввязываться в постоянную битву за власть, в которой невольно принимал участие как профессионал на стороне одной из партий, пусть и в такой специфичной области «государственного устройства», как Министерство обороны и военная контрразведка. Любые благие намерения там заканчивались одинаково: борьбой за выживание, необходимостью спасать собственную жизнь и жизни друзей.

— Понятно, — кивнул Балуев. — Я тоже не горю желанием. Нельзя сказать, что Рязань — райское место, но мне здесь нравится. Тихо, спокойно, работа есть, платят сносно, да и контингент подобрался неплохой. Теперь вот из Стаса бойца сделаю... Кстати, слышал сообщение по телику?

Матвей насторожился.

— Я телевизор смотрю очень редко. Что случилось?

— Похоже, «Чистилище» снова выбралось из подполья. Только называется теперь иначе: «ККК». «Команда контркрим». Они провели акцию по одному из депутатов Госдумы, замешанному в какой-то афере с торговлей оружием, и сообщили об этом во все газеты.

Матвей кивнул, глаза его посветлели, но молчал он так долго, что встревожился Стас.

— Так все плохо, Соболев? — серьезно спросил он.

— В принципе, ничего плохого я не вижу, — отозвался Василий, глядя на друга с понимающей усмешкой. — Мы вроде бы вне игры, никого не трогаем, но... вдруг кто-то из давних наших неприятелей вспомнит о нашем существовании? А Рязань находится слишком близко от столицы.

— Вот именно, — тихо сказал Матвей, у которого снова в предчувствии грядущих потрясений сжалось сердце: сон был в руку, приближался очередной *излом* судьбы. Надо было бежать от Москвы подальше, пришла трезвая мысль. Хотя и это, наверное, не дало бы полного спокойствия.

— Теперь у нас в стране три банды, — с показным весельем произнес Балуев. — Мафия, то есть Сверхсистема, заменив Купол, правительство и «ККК». Жить становится все интересней.

Но не вешайте нос, гардемарины, как поется в одной песне. Мы никого не трогаем, и нас — не должны. Зря я, что ли, заработал эти дырки? — Василий распахнул тренировочную куртку, показал шрамы и две белых звезды на груди и под ключицей — зарубцевавшиеся раны от пуль.

— Не беспокоят? — Матвей встал, жалея, что разговор этот состоялся при Стасе.

— Никаких последствий, здоров как бык.

— Ну и отлично. Конечно же, никто нас не тронет... пока мы не вышли на «тропу войны». Но лично я выходить не собираюсь.

— Я тоже, — радостно ответил Василий, однако уверенности в его голосе не было.

На работу Матвей приехал под вечер и стал свидетелем самого натурального налета на фирму, со знанием дела проведенного местным отделением ОМОНа.

Одетые в стандартные камуфляж-комбинезоны, омоновцы уложили лицом вниз на асфальт всех, кто был в это время возле здания, в том числе и двух охранников, и проникли вовнутрь. Оттуда уже неслись крики: «К стене! Руки за голову! На пол!»

Матвей не успел поставить машину на стоянку, как к ней подскочили двое с «чеченками» — масками-чулками — на головах и с автоматами Никонова в руках. На Матвея тупо уставились лазерные прицелы и зрачки глушителей.

— Выходи! Руки за голову!

— А что случилось? — полюбопытствовал Матвей, вылезая. — Я начальник охраны фирмы «Рюрик». Кто у вас главный? Разобраться бы надо.

— Сейчас разберемся. Мордой вниз, быстро!

— Вот мои документы. Отведите меня к командиру...

— Ты что, сука, не понимаешь? — Омоновец без размаха ударил Матвея автоматом в живот и... что называется, передвинул вниз «скобу терпения» Соболева. Матвею хотелось лишь разобраться, в чем дело, если надо — предложить свою помощь, но действия «государственных рэкетиров» в форме милиции особого назначения ничем не отличались от действий обычных бандитов. Это заставило его отвечать адекватно.

Ни сами омоновцы, ни их коллеги ударов не заметили. «Комбинезоны» тихо осели на бордюр возле капота машины. Матвей спокойно поднялся по ступенькам в вестибюль, не обращая внимания на остальных налетчиков, расхаживающих возле лежащих лицом вниз людей; его не тронули, не поняв, в чем дело. Так же хладнокровно Соболев поднялся на второй этаж и, обезоружив двух здоровенных лбов возле двери офиса, за которой начиналась территория фирмы «Рюрик», вошел в приемную президента.

В коридоре он увидел ту же картину, что и на улице: все, кто находился там на момент операции, лежали на полу лицами вниз с руками на затылках, в том числе и охранник Саша, лишь афонинская секретарша Людмила, всхлипывая, сидела за столом, нервно ломая пальцы. Омоновцев здесь было трое, но только у одного на форме виднелись знаки различия — три лычки.

— Что здесь происходит? — тихо и вежливо спросил Матвей, оценив силы доблестных защитников порядка.

— А ты кто такой? — воззрился на него старший.

— Я начальник охраны фирмы. — Матвей покосился на своего подчиненного, на скуле которого багровел кровоподтек. — Санкции на обыск и на применение силы у вас имеются?

— Я тебе покажу сейчас санкции!.. — Один из верзил шагнул к Соболеву — и упал лицом вниз, как бы продолжая движение.

У старшего наряда пискнула рация, видимо, те, у входа, разобрались в ситуации и поспешили предупредить командира. И все же Матвею очень не хотелось начинать потасовку. Все еще теплилась надежда, что недоразумение быстро выяснится, милиционеры разберутся в ошибке, извинятся и уйдут.

Глаза сержанта сузились, он выслушал сообщение, махнул рукой своим.

— Взять!

В то же мгновение Матвей прыгнул к нему, чиркнул ладонью по носу, отобрал у падающего автомат и направил на двух громил, не успевших даже сдернуть оружие с плеч.

— Стоять! Не шучу! Саша, обезоружь их.

Охранник, смущенный оборотом дела и своей несостоятельностью, выполнил приказ, уложив омоновцев у стены. Заметил взгляд Матвея, тронул скулу.

— Я не стал сопротивляться: ОМОН все же...

— Правильно сделал. Но они тебя, гляжу, не пожалели. Все наши в норме?

— Кудёме досталось, он начал было качать права.

— Ладно, лишь бы живой был, сейчас разберемся. Сергей Сергеевич у себя?

— Все там, плюс ихний майор и еще человек пять в камуфляже.

Матвей помог подняться двум пожилым мужчинам, подмигнул Людмиле, глядевшей на него как на привидение, и подошел к сержанту с рацией, который уже очухался и ворочал головой.

— Вызови сюда командира.

— Ах ты, с-сволота, я ж тебя!..

Матвей несильно хлопнул омоновца по ушам, тот охнул, замолчал, откинулся назад.

— Вызови командира, одного. Скажи, ему принесли срочный пакет.

Сержант открыл рот, хотел ответить ругательством, но глянул в ставшие холодными, как лед, глаза Соболева и достал рацию.

— Товарищ майор, тут Маркис вам какой-то срочный пакет приволок, говорит, лично...

Дверь в кабинет Афонина открылась, но вышел оттуда не командир отряда, а один из рядовых омоновцев.

Матвей отправил его в нокдаун, отобрал автомат, задумался на мгновение и начал снимать с бойца его комбинезон.

— Саша, помоги. Держи этих «орлов» на прицеле, а если начнут шебуршиться, бей в полную силу. Пока мне не предъявят санкции прокурора, их действия — вне закона, и мы имеем право обороняться.

Переодевшись, Матвей надвинул на лоб зеленый берет (маску-чулок с прорезями для глаз он натягивать не стал) и зашел в кабинет.

Президент «Рюрика» стоял у стены с руками на затылке, лицом к столу; за столом сидел незнакомый одутловатый малый в сером костюме и работал на компьютере; бледный как мертвец Баблумян сидел на стуле, держась за живот; главный бухгалтер стоял рядом, тоже с руками над головой; двое омоновцев рылись в шкафах, третий держал под прицелом Афонина; их командир, одетый в такой же пятнистый костюм, но с майорскими погонами, низкорослый, коренастый, с красноватым лицом, изучал на столе какие-то документы.

— Ну что там? — обернулся он на звук открываемой двери и замер, уставившись на зрачок автомата. Матвей быстро подошел, уткнул ствол автомата майору в бок и сказал с нажимом:

— Прикажи своим нукерам убраться отсюда!

— Ты кто такой, черт подери?! — прорычал майор.

— Ангел-хранитель. Быстро! — Матвей двумя пальцами слегка сдавил локоть майора, и тот, охнув, просипел:

— Козырев, Шумейко, Рыбкин — на улицу! Ждать приказа!

Верзилы-омоновцы, поколебавшись, вышли. За ними вылез из-за стола одутловатый некомбатант[1].

— Спасибо, — поблагодарил Матвей, повернулся к Афонину, глядевшему на него с радостным недоверием. — Что произошло, Сергей Сергеевич?

— Сам ничего не понимаю. — Афонин сел за стол, пощелкал клавиатурой на пульте. — Ворвались, приказали не вякать и начали копаться в бумагах и в компе.

— А ордер на обыск предъявили?

— Нет, конечно!

— Мы имеем право... — начал майор.

---

[1] Некомбатант — гражданское лицо.

— Не имеете, — остановил его Матвей. — Кто приказал провести акцию? Что вы ищете?

— Приказало начальство, а ищем мы доказательства связи с террористами, обстрелявшими вчера мэрию. Нам стало известно, что участвовали в этом ваши люди.

— Чушь собачья! — бросил Шаровский, неодобрительно глянул на Соболева. — Но и вы — герой кверху дырой! Зачем понадобилось заваривать эту кашу? Разобрались бы и без мордобоя. А теперь они возьмутся за нас по-настоящему.

— А вы что же, боитесь? Документы не в порядке?

— Не ругайтесь, — поморщился Афонин. — Это какая-то провокация. Может быть, и не стоило ссориться с ОМОНом, они тоже люди подневольные, но манера их работы кого хочешь заставит нервничать. А вы видите, что получается, когда сердится мой начальник охраны. — Президент фирмы посмотрел на краснолицего командира ОМОНа. — Похоже, вас подставили, майор. Мои люди никогда и ни при каких обстоятельствах не могли участвовать в террористических актах, и бизнес фирмы абсолютно некриминален. Если ваше начальство хочет разобраться в делах фирмы, пусть присылает специалистов с документом, подтверждающим право на проведение проверки. Уверен, что мы снимем все спорные вопросы. А силой вы ничего не добьетесь.

— Я вас... — Лицо майора налилось кровью так, что, казалось, вот-вот лопнет. — Через минуту... штурмом...

Матвей щелкнул его в лоб, майор прикусил язык и умолк, тяжело дыша.

— Убирайся, — медленно проговорил Матвей. — У тебя и так уже завтра полетят погоны, а если начнешь штурм...

Командир ОМОНа поправил берет, оглядел все в кабинете, задержал взгляд на Соболеве, вышел. Через несколько минут отряд снялся и уехал на двух фургонах.

— Ну и дела! — сказал Баблумян неопределенным тоном, посмотрел на президента. — Нажили себе врагов! А ведь тот тип искал файлы целенаправленно. Им нужны были наши счета и депозиты.

— Я так и понял. Да, Соболев, отличился ты сегодня. Но, с другой стороны, пусть все знают, что у нас здесь никому ничего не обломится, ни рэкетирам, ни ОМОНу.

— Что будем делать? — Шаровский похлопал себя по карманам, достал сигареты, закурил. — Кому выгодна эта пиратская выходка, хотел бы я знать? Кому мы перебежали дорогу?

— Мэру, — коротко ответил Афонин. — Его команда давно пытается заставить нас плясать под его дудку.

— Разрешите идти? — спросил Матвей, чувствуя внезапное душевное опустошение, он был здесь лишним.

Сергей Сергеевич посмотрел на него, вышел из-за стола, обнял за плечи.

— Не обращай внимания, ты все делал правильно. Где только научился таким приемам? Отдыхай, завтра поговорим.

Матвей попрощался со всеми кивком и вышел в приемную, где народ, набежавший со всех этажей, оживленно обсуждал происшедшее. К его удивлению, совесть молчала. Виноватым себя не считал, да и настроение не испортилось, хотя в глубине души росла уверенность, что этот случай — еще одна ласточка из грядущей стаи себе подобных.

«А, черт с ними! — пришла холодная мысль. — Хватит прятаться за спины других. Что будет, то и будет, нет смысла бояться судьбы. Надо и в школу сходить, где учительницу Стаса избили, и Кудёме помочь. Если не я, им никто не поможет. ОМОНу легче заниматься такими делами, как сегодня, чем бандитов ловить. И даже если я не прав, противник у меня хоть и сильный, но не Монарх!»

Успокоенный, Матвей пошел утешать избитого Кудёму. Он еще не знал, насколько ошибается в оценке ситуации.

«ГОСУДАРСТВО — ЭТО Я!»

Дождь начался еще в середине дня, затяжной, мелкий, холодный, первый из серии осенних дождей, навевающих грусть и меланхолию. Но у хозяина роскошного кабинета, завороженно глядевшего на дождь, настроение было хорошее. Олег Каренович Лобанов занимал один из самых значительных, хотя и незаметных с виду постов в государстве, а именно — пост советника президента. И только несколько человек в Москве знали его еще и как маршала новой организации, заменившей Купол. Организация называлась коротко: «СС» — Сверхсистема. Именно она объединила большинство столичных и множество региональных мафиозных и чиновничьих структур, именно она обладала реальной властью в стране, потеснив, вернее, негласно разделив полномочия с президентом и правительством.

Структура Сверхсистемы, подчинившей себе криминальных лидеров и коммерсантов, подавившей конкурентов в столице и многих городах России, была весьма сложной, ибо она впитала или скопировала жизненные принципы не только старого Купола, но и таких «крутых» контор, как Главное разведуправление и ФСБ.

Мозг структуры, ее лидер или, как его называли, маршал, управлял штабом из шести человек, именуемым Тень-кабинетом или просто Тенью; сам босс был седьмым. Именно ему подчи-

нялся «спецназ» — «ССС», отвечающий за физическое устранение противника, «контрразведка» — «КСС», выявляющая чужих агентов в коммерческих сетях, подчиненных «СС», и «служба безопасности» — «БСС», отвечающая за охрану маршала и членов штаба.

Самому Тень-кабинету подчинялась «разведка» — «РСС», отвечающая за сбор информации в криминальных и коммерческих центрах, в органах государственной власти, в МВД и прокуратуре, за вербовку агентов-низовиков и за подготовку акций устрашения и ликвидации; служба боевого и хозяйственного обеспечения — «ХСС», курирующая содержание конспиративных квартир, добывание и хранение оружия; и Аналитический центр Сверхсистемы — «АСС», занимающийся сбором и анализом информации, поступающей из всех доступных источников, в том числе и от агентурной сети.

Низовым звеном «СС» — бригадами, собирающими дань с коммерческих киосков и крупных фирм, контактирующими с милицейскими чинами и организующими разборки с конкурентами, — руководил один из «начальников штаба» — Тень-5, Мирза Тогоев, владелец ресторана «Клондайк». Он же — вор в законе по кличке Аятолла.

Далеко не все работники Сверхсистемы знали о ее существовании. Они добросовестно охраняли офисы, склады, автостоянки, гаражи, дачи, собирали дань с киосков, проводили разборки. Бойцы «СС», называемые «эсэсовцами» или системниками, вступали в дело лишь в крайних случаях, когда требовалась особая секретность акции или масштаб ее не позволял обходиться низовиками. Кроме того, «эсэсовцы»-системники часто подстраховывали работу бригад или исправляли их ошибки.

Имели «СС» и электронные системы разведки, не уступающие тем, которыми пользовались некоторые подразделения Федеральной службы безопасности и МВД: приборы для прослушивания разговоров через стены, окна и двери, для записи чужих телефонных диалогов и кодирования своих, для прощупывания помещений в поисках подслушивающих устройств и считывания информации с компьютерных систем. Были на вооружении Сверхсистемы и компактные детекторы лжи, умещавшиеся в кейсах, и аппараты перехвата радиосвязи вневедомственной охраны, патрульно-постовой службы ГАИ, МУРа и других подразделений УВД и ГУБО. Один из таких аппаратов был установлен в кабинете Лобанова и позволял ему прослушивать даже переговоры начальников ФАПСИ и службы охраны президента.

Настроение же у Олега Кареновича было хорошим по многим причинам.

Во-первых, на последнем экстренном заседании штаба ему

удалось довершить становление организации, подчинив одного из конкурентов, который занимал высокий пост в Совете Федерации и был одновременно главой клана «Авиа». Теперь предстояло убрать последнее препятствие, чтобы окончательно можно было провозгласить: «Купол умер, да здравствует «СС»!»

Тезис: чиновник всегда потенциально более криминогенен, чем бизнесмен, ибо может обогащаться только бесчестным путем, — оказался верным. И не важно, где работал этот чиновник, на почте или в Государственной думе, подход к нему был один и тот же — деньги! Или Большие Деньги! А тот факт, что со Сверхсистемой начал работать даже спикер Госдумы, говорил сам за себя.

Стоя у окна кабинета, выходящего на Арбат, Олег Каренович не обернулся, когда в кабинет вошел гость. Это мог быть только Носовой, начальник информационной службы президента, он же Тень-3 в иерархии штата «СС». Хейно Яанович обладал влиянием в сфере бизнес-программ, позволяющих негласно увеличивать капитал членам Сверхсистемы — от охранника до депутата, а также в мире рекламы и эстрады, на радио и телевидении. Это было его хобби: в прошлом Носовой был популярным певцом... Кроме того, в организации он заведовал Аналитическим центром.

— Этап борьбы за *Самого* мы проигрываем, — сказал он, не смущаясь тем, что маршал «СС» не обернулся. — Парадом командует Юрьев, и, похоже, удалить его от президента не удастся, он не захочет ни терять, ни даже делить такой лакомый кусок власти.

Лобанов кивнул. Юрьев был советником президента по национальной безопасности и мог практически в любой момент контактировать с главой государства. Кроме того, Юрьев опирался на своих естественных союзников — советников Парипа, Сабурова и Люшина, которые имели сильные позиции на телевидении и в ряде газет.

Носовой подошел к боссу, зачарованно глядевшему на дождь.

— Но в любом случае главное для нас — не влияние на президента, а сохранение структуры госэкономики.

Лобанов снова кивнул. Хейно Яанович имел в виду «вторую» экономику, неофициальную, теневую, где их капиталы действовали под видом и на правах государственных.

Постояв немного у окна, Носовой пожал плечами, вернулся к столу и налил себе минеральной воды.

— Я окончательно понял, что государство — частная собственность бюрократии.

— Поздновато понял, — пробормотал Лобанов. — В России паразитический империализм для высшего бюрократического

сословия создан давно, а мы должны его зафиксировать, сохранить, тогда всегда можно будет распоряжаться доходами с «ничьей» собственности. К сожалению, президент тоже понимает толк в таких вещах, но цель у него другая.

— Какая же?

— Сделать Россию «колонией», сырьевым придатком передовых демократических стран, недаром он начал кампанию по сокращению производств с высоким научно-техническим и интеллектуальным потенциалом. Нам это невыгодно.

— Почему?

Лобанов наконец оторвался от созерцания непогоды за стеклом, сел за стол.

— Потому что нас быстро съест мафия этих стран. Конкуренции мы не выдержим, их опыт исчисляется десятками лет. А работать на других мы не станем. Ведь так, Хейно Яанович?

Носовой глубокомысленно кивнул. Ему такие глубины анализа политической ситуации были недоступны, несмотря на то, что он занимал пост советника президента.

— Акцию «Президент» надо форсировать.

Лобанов не ответил. Начальник информслужбы президента имел в виду покушение на главу государства, но спешить с этим как раз не стоило. Надо было попробовать перевернуть ориентацию президента другим способом — «шепотом», — именно такой момент и означал бы, что настоящий хозяин в стране — Тень «СС». А точнее, Тень-1, то есть он, Лобанов Олег Каренович, уже привыкший про себя произносить фразу: «государство — это я!».

— Вообще-то у меня есть идея, как нейтрализовать *Самого*, — сказал Носовой; фамилия ему не подходила никак — миниатюрный нос Хейно Яановича служил мишенью для бесчисленных каламбуров его сослуживцев. — Президент собирается снова сокращать ядерные арсеналы и численность армии. Надо помочь ему, и генералы, которых у нас слишком много и которые останутся не у дел, задавят его сами.

Лобанов одобрительно глянул на лысину Тени-3.

— Нестандартно мыслишь, Хейно Яанович. Какие еще идеи у тебя возникли?

— Необходимо пополнить корпус исполнителей-низовиков и системников. Против нас начали работать «безопасность», «губошлепы», «смершевцы», а теперь к ним присоединится и «Чистилище».

— Вот тут ты прав, — помрачнел Лобанов. — В свое время «СК» много крови попил у Купола, пока не разрушил. Если три «К» — преемница «СК», то противник это серьезный. Я уже проконсультировался кое у кого... — Олег Каренович замолчал, потому что о том, с кем он консультировался, говорить было нель-

зя. Вряд ли Носовой, как и остальные боссы Сверхсистемы, знал, что генерал Ельшин, начальник бывшего Управления «Т» ФСК, ставший калекой, был другом Лобанова и передал ему в наследство кое-какие «сюрпризы».

— Но, с другой стороны, у трех «К» будет слишком много соперников: милиция, ОМОН, те же «губошлепы» и «федепасы», Минобороны, служба охраны правительства... так что наша задача упрощается, а дойти до нас вряд ли сможет рядовой... — Хейно Яанович вдруг хихикнул. — Я только сейчас сообразил: ведь три «К» — это аббревиатура ку-клукс-клана! Неужели эти деятели из «СК» недокумекали? Я-то мучился, как назвать рядового «какакиста», а тут и думать не надо — «куклускклановцы»!

— Не очень-то радуйся, нас и вовсе называют «эсэсовцами». Кстати, сами «куклускклановцы» называют себя «чистильщиками». Сути дела название не меняет. Хейно Яанович, я тебя вызвал пораньше по двум причинам. Первая: надо усилить давление на некоторых депутатов, все еще сопротивляющихся нам. Подбери кандидатуру для устрашения.

Носовой потрогал свой крошечный нос, поежился, потом снова налил минеральной воды. Сказать, что он был сильно взволнован, значило пойти против истины, однако он знал, что такое «устрашение» в устах маршала.

— Согласен, Олег Каренович. Думаю, Китаенко и Ланцевич подойдут.

— Вторая проблема — тот самый корпус исполнителей-системников. Нужно дать объявления в газеты, что для хорошо оплачиваемой работы требуются молодые люди, владеющие боевыми единоборствами и тренеры воинских искусств. Заработки очень высокие! Из них и наберем команду. Но мне нужны двое... а точнее — даже один человек, бывший военный контрразведчик, ганфайтер, перехватчик класса «абсолют» Матвей Соболев. Надо выйти на него любыми способами. Любыми!

Носовой снова озадаченно поискал на лице нос.

— Попробую полазить по банкам данных спецслужб. Почему именно он?

— Не задавай лишних вопросов, Хейно Яанович. Он крутой профи, если тебе ничего не говорит термин «абсолют». Если удастся склонить его работать на нас... но сначала надо отыскать. Год назад он исчез. А для этого моего знакомого он как бревно в глазу! Садись, сейчас соберутся остальные.

Через минуту в кабинет Лобанова, купленный и обставленный им совсем недавно и о котором не знал почти никто, стали собираться вершители Сверхсистемы, владельцы гигантской сети теневой экономики, пустившей корни во всех сферах жизни государства.

Последним пришел Тень-7, он же Шкуро Борис Натанович, он же бывший мэр в иерархии Купола.

— Неплохо тут у тебя, — сказал он снисходительным тоном, оглядывая кабинет хозяина, располагавшийся на семнадцатом этаже в здании банка «Северо-Запад».

— Да, мне нравится, — с деланным простодушием ответил Олег Каренович.

И в самом деле, по части роскоши кабинет мог бы поспорить даже с Грановитой палатой Кремля, а техническое оборудование его было гораздо лучше.

Шкуро сделал шаг к столу, за которым уже сидели пять человек, и это был последний шаг в его жизни. Олег Каренович отступил в сторону, пропуская вперед незаметного тихого человечка в черном костюме, который поднял пистолет с глушителем и дважды выстрелил в мэра. В это же самое время в приемной были без шума ликвидированы его телохранители, с которыми он, по слухам, не расставался даже на ночь.

Олег Каренович кивнул, начальник службы ликвидации спрятал пистолет и бесшумно исчез.

— Купол сделал свое дело, Купол должен уйти. — Лобанов мельком взглянул на одного из сидевших за столом. — Вас это не касается, Евдоким Матвеевич. Но этот человек пережил себя. К тому же он начал самостоятельно действовать за нашими спинами. — Хозяин кабинета сел во главе стола и нажал на клавишу селектора. — Ярослав, уберите мусор.

В кабинет, огромный, как волейбольная площадка, вошли двое молодых людей в строгих темных костюмах, без усилий подняли громоздкую тушу бывшего мэра и унесли.

— Предлагаю замену, — продолжил как ни в чем не бывало Лобанов, нажимая новую клавишу.

В кабинете появился худощавый седой человек в очках. Было бы трудно определить с первого взгляда его возраст.

— Маринич Феликс Вансович, — представил вошедшего Олег Каренович. — Заведует лабораторией психических исследований в Центре нетрадиционных технологий. В нашем штабе — Тень-7. Есть вопросы?

— Чем он будет заниматься? — поинтересовался Тень-5, владелец ресторана «Клондайк». Он контролировал в столице средний бизнес и сбыт наркотиков, а также отвечал за связи с ворами в законе и за набор новых низовиков.

— Системный анализ, компьютерное обеспечение, эвристика и прогнозирование деятельности. А с обязанностями только что носившего... э-э... нашего уважаемого мэра вполне справится и Тень-4. Итак, ваше мнение?

Возражений не было.

Новый босс занял место за столом.

ВЗГЛЯД В СПИНУ

Эзотерические сны стали появляться регулярно, раз в неделю, а то и чаще, повинуясь не то какой-то внутренней программе, не зависевшей от жизненных реалий, не то внешнему воздействию.

Последний из них был весьма занимателен и хорошо запомнился Матвею, потому что таких снов, похожих скорее на телепередачу, он прежде не видел.

Под ним простиралась угрюмая ночная полупустыня с верхушками барханов, светящимися голубым светом, и частыми каменными столбами. На вершине одного из таких столбов он и стоял.

В фиолетовом небе с незнакомым рисунком созвездий висел гигантский объект, напоминающий очертаниями подводную лодку с двумя синусоидальными крыльями. Материал, из которого был сделан корпус лодки, был похож на серо-зеленый ноздреватый сыр или какую-то губку, узор каверн и отверстий подчинялся вполне различимому закону симметрии; так издали смотрятся пчелиные соты. Дырчатые крылья левиафана были полупрозрачными, с краев свисала бахрома, напоминавшая траву или водоросли — будто вся эта конструкция была растительного происхождения.

...Два всадника, мчавшиеся через пустыню, оставляли за собой хвосты светящейся пыли. Под неподвижно висящей «растительной лодкой» они остановились. Матвей напряг зрение и содрогнулся: под всадниками были не лошади, а какие-то неизвестные животные. Да и сами седоки, хотя и имели человеческие очертания, не были людьми. На миг сверкнули их горящие рубиновые глаза-щели на отсвечивающих металлом лбах. Остальное скрывали накидки, окутывающие фигуры и нижнюю часть лиц.

Один из всадников крикнул: пронзительный стеклянный вопль, всколыхнув тишину, умчался в пустыню, но ни одно движение не нарушило мертвой неподвижности гиганта над холмами. Всадники посовещались, потом один из них размахнулся и метнул вверх что-то вроде копья, которое вонзилось в днище «лодки», оставив за собой паутинку света. Что-то вспыхнуло там, в глубине пористого корпуса в полусотне метров над землей, вспыхнуло и погасло. Всадники снова посовещались, наклонившись друг к другу, и повернули в пустыню. Вдруг один из них заметил Матвея и не раздумывая метнул в него светящееся копье...

Проснулся Соболев словно от удара током — горел и дергался глаз, в который попал странный копьеметатель! Но не это поразило Матвея, он вспомнил на миг свое тело, вернее — тело наблюдателя из сна, тело полульва-получеловека! Сон был интере-

сен еще и тем, что вызывал ассоциации, связанные с эзотерическими концепциями Петра Дмитриевича Успенского. Висящий в воздухе колосс, например, напоминал «город» или «крепость» апоидов — древнейших разумных пчел, цивилизация которых погибла десятки миллионов лет назад по неизвестной причине. Успенский, правда, в своих трудах называл эту причину — вмешательство неких сил, контролирующих земную реальность.

Если бы Матвей мог, он «заказал» бы продолжение сна, но прямой связи со своим подсознанием у него пока не было. Та связь, которую установил когда-то Тарас Горшин, «корректируя» сознание Соболева, почему-то перестала действовать. И все же Матвей был доволен: его генетическая память начинала потихоньку «выходить из транса».

Внешняя жизнь шла своим чередом, и менять ее Соболев пока не собирался.

В четверг он отвез Стаса в хирургический центр, а в пятницу целых два часа просидел в коридоре, пока мальчишке не прооперировали колено. Операция прошла нормально при полной анестезии. Стас спал, поговорить с ним не удалось, и Матвей отправился в лицей. Он надеялся разыскать мерзавцев, избивших учительницу, хотя применять силу не хотелось.

После посещения лицея картина происшествия обросла дополнительными подробностями, но главное, что заставило Матвея действовать, — это уверенность всех, с кем ему удалось побеседовать, в том, что виновных опять не найдут. И уверенность эта была не беспочвенной. Прошло уже пять дней с момента нападения, а следствие по делу почти не развивалось. Местное милицейское начальство приказало «не форсировать розыск». На звонок директора лицея в «Вечерку» журналисты отозвались вяло: не убили же, так о чем особенно трубить?

— Безнадега, — вздохнул муж учительницы, субтильного вида бородач, преподаватель в радиоинституте. — Я ходил к родителям девочки, из-за которой весь сыр-бор разгорелся, так мне даже на порог ступить не дали, собаку пообещали спустить.

— А жена как себя чувствует? — поинтересовался Матвей.

— Да так, отошла уже. Хотя и рвота была, и слабость... Сотрясение, в общем.

— Но ведь если есть травмы, то можно возбудить уголовное дело!

— В том-то и штука, что травм нет! Сначала ее ударили в живот, потом по голове, но следов практически не осталось. Видно, профессионалы били. — Муж учительницы махнул рукой. — Похоже, на роду у нас написано смиренно дожидаться своей очереди не угодить кому-нибудь из этих... которые из грязи — да в кня-

зи. Они ведь совершенно ошалели от долларов, лимузинов и норковых шуб! Видели бы вы эту мадам, мать Сани... той самой девицы... Воспитана в лучших традициях заносчивости и пренебрежения! Говорят, она вообще пригрозила лицей взорвать, если от них не отстанут. А Лена... что ж, выздоровеет, конечно. Однако в лицей больше не вернется.

Поразмыслив над словами бородача, а особенно над тем, что он говорил о синяках и травмах, Матвей отправился к Василию на работу и рассказал ему всю историю.

— Ага, ты хочешь организовать свое частное бюро расследований, — кивнул Балуев, одетый по обыкновению в спортивный костюм. — Или что-нибудь покруче? «Мини-стоп-крим», например?

Матвей молча покачал головой.

— Труба зовет? — продолжал полунасмешливо-полусерьезно Василий. Матвей кивнул. Балуев с улыбкой прищурился. — Я же говорил, что ты не выдержишь тихой пристани! Конституция не та, все равно потребует свое. А как ты собираешься добиваться справедливости?

— На следственные мероприятия времени у меня нет, поэтому действовать придется дедовским способом.

— То есть пойти к этим держимордам и учинить допрос с пристрастием? — Василий отбросил шутливый тон.

— Да. Но я хочу выйти не только на исполнителей, но и на того, кто дал приказ избить учительницу. Кстати, били ее действительно со знанием дела: ни одного синяка не оставили, а чувствует она себя до сих пор скверно.

— Хорошо, идем. Один ты, конечно, справишься, но вдвоем мы все же стоим побольше.

— Не сейчас, вечером, я заеду на машине. Кстати, наведи «макияж»: осторожность не помешает.

— Не учи ученого, ганфайтер, я из формы еще не вышел. Между прочим, я недавно прочитал объяву в «Коммерсанте»: в Москве образуется частное агентство по защите прав граждан и охране предпринимательства. Примерно то же, что и наша контора, только помасштабней. Не хочешь предложить им свои услуги?

— Не думал. Скорее всего нет.

— А я вот подумываю. Все-таки провинциальная жизнь не для меня. Да и подруга рвется в столицу. У нее родители там окопались. Хотя я ничего еще не решил. Чаю попьешь?

— На работе не пью. — Матвей поднялся и, попрощавшись с Василием, отправился в офис.

В семь часов вечера они подъехали к новой шестнадцатиэтажке, выстроенной турецкой строительной компанией для «отцов города». Дом находился в самом центре, на площади Свободы.

Квартиры в нем были шикарные и по планировке, и по отделке, поэтому ничего удивительного не было в том, что дом охранялся. Однако стоило Матвею, одетому, как и Василий, в спортивный костюм, сказать солидному вахтеру, что они по вызову к Маракуцу, как их тут же пропустили. Вероятно, такие гости появлялись здесь нередко.

На пятом этаже возле стеклоблочной стены, отгораживающей две квартиры — самого Маракуца и соседнюю, — ошивался какой-то коренастый угрюмый тип в точно таком же костюме, как и на «гостях». Он оглядел незнакомых посетителей исподлобья, но ничего не сказал, видно, поджидал кого-то.

— Нам везет, — констатировал Василий, — не надо будет ломать дверь. Эй, мужик, босс дома?

— Зачем он вам нужен? — неожиданным дискантом отозвался коренастый. В том, что гости пришли именно к его хозяину, он, похоже, не сомневался.

— А тебе-то что? Мы ему тут кое-что принесли.

— От кого принесли?

— От деда моего! Много будешь знать, скоро состаришься. Зови босса, «шестерка».

«Спортсмен» выхватил из кармана пружинный нож и потянулся за рацией, но сказать ничего не успел — Василий уложил его ударом в подбородок. Нож и рацию отправил в мусоропровод.

— Ну, что будем делать дальше?

Вместо ответа Матвей нажал кнопку звонка, трижды посигналил. В тупике за стеклянной стеной послышался звук открываемой двери, кто-то протопал по коридору и открыл запор: видимо, кроме своих, никого не ждали. Это был такой же «спортсмен», что и перед входом, разве что пониже ростом и помощнее. Василий перехватил его руку, нанес резкий удар растопыренными пальцами в лоб и потащил, оглушенного, в глубь коридора.

Вход в квартиру — металлический моноблок, две двери, суперзамки фирмы «Локхид», отделка под карельскую березу — был открыт, и они вошли.

Квартира Николая Савельевича Маракуца, Саниного папаши, оказалась пятикомнатной. Обставлена итальянской мебелью, испанские ковры, картины на стенах и разные «прибамбасы» вроде кадок с пальмами, стенных аквариумов в нишах, искусных подсветок и раздвижных панелей с инкрустацией.

В прихожей топтался еще один «спортсмен», похожий скорее на очеловеченного гризли. Он с недоумением уставился на вошедших, потянулся было под куртку, откуда выпирала рукоять пистолета, но Василий, не отпуская обмякшей туши его приятеля, легко ткнул охранника в солнечное сплетение.

На шум, произведенный упавшим «гризли», из гостиной в конце огромного коридора-фойе выглянул сам хозяин — молодой, но уже потерявший фигуру мужчина, похожий на борца сумо или на штангиста-тяжеловеса. Из комнаты слева появилась его жена.

Матвей без труда узнал ее по рассказу директора лицея. Мадам Маракуц вполне соответствовала сложившемуся образу: шикарная, полная, роскошных форм молодая «леди» в дорогом халате и с сигаретой в холеных пальцах.

— Что такое? — требовательно произнесла она грудным голосом. — Кто вы такие?

Хозяин скрылся в гостиной, и Матвей догадался зачем. Ускорил темп, в два прыжка пересек коридор и с ходу применил свой излюбленный прием: метнул в «штангиста», уже вытащившего откуда-то пистолет, круглый камешек-окатыш. Камень угодил хозяину в лоб, и тот осел, роняя оружие. «ТТ», определил Матвей. Двое гостей Маракуца так и остались сидеть в креслах, не успев даже пошевелиться. Один из них был полковник милиции Сиволапов. Тот самый, который давал приказ «пощупать» фирму, мелькнуло в голове у Матвея, а второй оказался заместителем главы местной администрации. Они, видимо, еще не поняли, в чем дело, потому что вели себя мирно.

— Кто приказал избить учительницу лицея Тригорину? — негромко, но отчетливо произнес Матвей, когда хозяин очухался.

— Кто ты такой? — прохрипел Маракуц, пытаясь схватить Матвея за горло. — Какого хрена?!

Соболев повторил вопрос.

— Пожалеешь, козел, что на свет родился! — зарычал «штангист» и, потрогав лоб, на котором появился багровый бугор, скривился. — Вот сволочь! Эй, Губа, где ты там...

— Врежь ему побольней, — посоветовал Василий из коридора. — Сразу заговорит на два тона ниже.

— Повторять вопрос больше не буду. — Глаза Матвея стали холоднее колодезной воды, и Маракуц понял, что к нему пришли разбираться не простые гости. Эти парни были покруче его телохранителей, а силу Маракуц уважал. Крикнул:

— Мила, иди сюда!

В гостиную «вплыла» супруга, не потерявшая своего апломба и величавого презрения.

— Говорил тебе, не вмешивай в свои дела моих ребят. Теперь вот разбирайся сама!

Матвей перевел взгляд на хозяйку, и та, заглянув в его голубые, полные глубокого спокойствия и уверенности ледяные глаза, вздрогнула.

— Что надо? С какой стати я должна отвечать всякому...

— Поаккуратней в выражениях! Значит, это вы приказали избить учительницу лицея, в котором учится ваша дочь?

— Так это все из-за той вертихвостки? — искренне изумилась «леди» Маракуц. — Я дала ей урок, только и всего. Будет знать, как надо вести себя с приличными людьми...

Матвей незаметным движением кости метнул голыш, и графин с янтарным соком на столике разлетелся на куски, заставив вздрогнуть всю компанию. Мила Маракуц побледнела.

— Мразь! — донесся из прихожей голос Василия. — Была бы она мужиком — на всю жизнь запомнила бы... как надо вести себя с приличными людьми!

— Э-э... — озадаченно промычал полковник Сиволапов, видимо, начиная соображать, что к чему. — Вы что себе...

— Сидеть! — Матвей наставил на него палец. — Ты свое дело сделал, прикрыл бандитов. Теперь ими займемся мы.

— Что сидишь? — повернулась к мужу подбоченившаяся хозяйка. — Их всего двое, вышвырни их. Где твои хваленые соколы? Или они только девок бить умеют? А вы что сидите, Константин Михайлович? Позвоните своим...

Сиволапов дернулся было к телефону, однако бросок Матвея разнес изящную трубку вдребезги.

— Да кто вы такие? — взвыл Маракуц.

— Три «К», — весело ответил Василий. — Слышал небось, подонок? Готовься к загробной жизни.

Матвей усмехнулся в душе, видя, как бледнеет хозяин, а у гостей вытягиваются физиономии. Видимо, им уже было известно, что «Чистилище» заработало вновь.

— Кто избивал учительницу? Фамилии, адреса.

Маракуц сглотнул, обвел комнату невидящим взглядом и вдруг выдернул из-под подушки кресла еще одну «пушку» — автомат «гюрза». Матвей опередил его на долю секунды, вырвал автомат и двинул владельцу по уху. Маракуц понял, что говорить придется. Запинаясь, назвал три фамилии с адресами.

— Их было четверо, — напомнил Матвей.

— Четвертый в коридоре... Бабурин...

— Спасибо, дружок. Кстати, советую прикрыть свою лавочку, чем бы ты ни занимался. Сегодня мы пришли только предупредить, в следующий раз явимся по твою душу. Да и вам, господа, советуем подумать, с кем дружить и как работать дальше. Ваша очередь наступит скоро. Теперь что касается вас. — Матвей повернулся к бледной от испуга женщине. — Жаль, что вы не мужчина, — я поучил бы вас хорошим манерам! Но если и впредь будете вести себя так же по-хамски, «Чистилище» позаботится о вашем... э-э... воспитании. Я понятно выражаюсь? Не слышу.

— Д-да... я постараюсь...

— Вот и хорошо.

Через несколько секунд псевдочистильщики исчезли, прихватив с собой одного из «спортсменов», еще не вполне очухавшегося от нокаута.

— Маракуц сейчас позвонит своим «нукерам», и мы никого не найдем, — сказал Василий, садясь в машину. — Или нам подготовят засаду.

— Вряд ли. Команда у него не военная, а полубандитская. До засады они не додумаются. Да и дома такие слоны по вечерам не сидят. Этот ублюдок должен знать, где найти остальных. — Матвей усадил парня на заднее сиденье, похлопал по щекам. — Очухался, болезный? Где мы можем отыскать твоих приятелей — Вислого, Муху и Дохляка?

«Спортсмен» дернулся было, но затих в железных тисках Василия.

— Сиди смирно, а то кости поломаю. Так где, говоришь, можно их найти?

— Я в-вас!.. С-суки... Ой!.. — Он взвыл от едва заметного тычка в болевую точку. — Они сейчас, наверное, в «Белом носороге», в баре...

— Поехали, покажешь.

Бар находился неподалеку от кинотеатра «Родина». Матвей поставил машину во дворе, и все трое прошли в бар через черный ход, где пара амбалов в кожанках проверяла каждого на предмет ношения оружия. Губу — «спортсмена» — амбалы, кажется, знали и пропустили без звука. Впрочем, как и его сопровождающих.

Троица бандитов, избивших учительницу, сидела за столиком, укрытым декоративной резной панелью, в углу небольшого уютного зала, освещенного неяркими бра. Компанию разбавляли еще два мордоворота и три девицы. Матвей подошел к столику.

— Пошли выйдем, — наклонился он к уху Дохляка, на которого указал Губа. — Поговорить надо. И дружков захвати.

Дохляк — глыба мускулов с габаритами шкафа — удивленно глянул на Соболева, затянулся сигаретой и выдохнул дым ему в лицо.

— Не понял!

— Поговорить надо. — Матвей быстрым движением пропихнул всю сигарету в рот Дохляку. — Бери Муху и Вислого. Губа все объяснит! Только не здесь.

Дохляк вскочил, отплевываясь, но Матвей уже шел за Василием, который вел к выходу приплясывающего от боли Губу. Через минуту из двери вывалилась целая компания: трое «нукеров» Маракуца и те двое, что сидели с ними за столом.

— Че надо, козел? — прорычал рассвирепевший Дохляк.

Матвей хлестко отвесил ему пощечину.

— Это задаток. За воспитание учительницы. Чем били?

«Нукеры» на мгновение замерли. Затем Дохляк взревел: «Ах ты, сучара!» — бросился на Матвея и тут же споткнулся, пропахав носом борозду в асфальте.

— Хорошо, что их так много, — с удовлетворением потер ладони Василий, — а то неудобно было бы: вдвоем на четверых...

Потасовка длилась недолго. Сопротивление оказал лишь один из парней — Вислый, который знал карате в объеме сёдана[1], — но и он продержался лишь несколько секунд, получив под конец от Василия точный дуаньда[2], сломавший ему челюсть. Остальные отделались синяками и сотрясениями мозга, сполна заплатив за то, что сделали с беззащитной учительницей...

У Василия они переоделись, приняли душ и до ночи беседовали, вспоминая детство. О «работе» не говорили, хотя чувствовали почти одно и то же.

— Я всегда любил возиться в лужах, — с улыбкой рассказывал Василий, развалившись на низкой кушетке. — Я ведь родился и до третьего класса жил в небольшом городке на Брянщине. Наш дом стоял на окраине — бревенчатый пятистенок. Свой участок, сад, хоздвор, обычная деревенская улица... и лужи после дождя. Меня просто тянуло к ним. То кораблики, то запруды и дамбы, то «морские сражения». Я вообще любил смотреть на воду...

— Я тоже, — кивнул Матвей, вспоминая, что родился в таком же городке. Мать долго не могла родить, хотя они с отцом мечтали о ребенке. А потом она попала в авиакатастрофу, уцелела чудом и... через девять месяцев и девять дней вопреки судьбе на свет появился он, Матвей Соболев...

— Потом я уехал, закончил физфак МГУ, но по специальности практически не работал, — продолжал Василий расслабленно. — В пять лет отец отдал меня в секцию дзюдо, в девять мы переехали, я перешел в сингитай[3], а оттуда в Академию боевых искусств. Айкидо и кунгфу я занялся, уже когда был резервистом спортивной комиссии КГБ, в тринадцать лет, а ты?

— А я начал заниматься борьбой с трех лет, — нехотя ответил Матвей, но продолжать не стал. Василий задумчиво оглядел его тонкое, спокойное лицо, допил кофе.

— Знаешь, о чем я жалею? О том, что мы не нашли какого-нибудь нестандартного хода с этим делягой Маракуцем и его бан-

---

[1] Сёдан — первый дан в карате.

[2] Дуаньда (дуань — короткий, да — удар, *кит.*) — удар в технике ближнего боя.

[3] Сингитай — «триединство» (гармоничное развитие духа, тела и техники) — школа карате-до.

дой. Вряд ли урок пойдет им на пользу, они привыкли жить понаглому. Видел их рожи? Дебилы настоящие!

— Ничего! С такими так и надо — чем проще, тем лучше. И еще желательно, чтобы больно было. Да, заставил ты их призадуматься, упомянув «Чистилище».

Василий хмыкнул.

— А что, согласись, это была неплохая идея. Знаешь, хорошо, что мы наконец проснулись от спячки. Стоит хоть изредка бить морды подлецам, раз закон не работает. Так что не терзайся.

— Да я и не терзаюсь. — Матвей переменил тему, заговорив о Парамонове и о том, как вылечить Кристину. Сам он далеко не был уверен, что поступил правильно, выйдя на «тропу войны» с подлецами.

Василий отнесся к идее врача серьезно, пообещав подумать, как провести «операцию». Посидев еще немного, Матвей засобирался, оставив Василия одного в его однокомнатной квартире, явно прибранной не мужскими руками. Женат Балуев не был, но с полгода назад у него появилась подруга. Матвей ее знал — симпатичная массажистка Лариса из салона «Ваш имидж».

Последним событием бурного дня была встреча Соболева с лифтовыми рэкетирами. Что это такое, Матвей знал из газет и до сих пор сам не сталкивался с этой разновидностью бандитизма.

Обычно это происходило так.

Один из бандитов ждал жертву на первом этаже и, как только появлялся подходящий «экземпляр», подсаживался в кабину. Этаже на третьем он останавливал лифт. Тут-то к ним и присоединялся еще один «пассажир», молча показывал несчастной жертве нож или пистолет, в то время как первый отбирал вещи и деньги. На следующем этаже мошенники высаживались, запуская лифт под самую крышу. Искать их спустя четверть часа, когда жертва ограбления добиралась до своей квартиры, было, разумеется, уже бесполезно.

С Матвеем в лифт вскочил мальчишка лет шестнадцати, самого обычного вида. Соболев не обратил бы на него внимания, если бы на втором этаже не вошел огромный бугай в кожаной «броне». На предложение здоровенного грабителя: «Гони монету!» — Матвей ответил простодушно:

— А корень не надо?

— К-какой корень? — опешил громила.

— Квадратный. — Матвей подумал и добавил: — Из минус единицы.

— Ты еще ш-шутить взду...

Ни «кожаный» детина (как же они все любят кожаную униформу, прямо-таки атрибут касты!), ни юный напарник не успе-

ли ничего предпринять, потеряв сознание от ударов бедной жертвы. Мальчишку Матвей пожалел, а вот громилу выключил надолго, не меньше чем на час: пусть запомнит эту встречу надолго!

А выходя из лифта на своем этаже — жил он на седьмом, — Матвей вдруг почувствовал, как кто-то неслышно возник за спиной. Мгновенно отпрянув в сторону, Соболев оглянулся, но сзади *никого* не было! Однако ощущение взгляда в спину — тяжелого, пристального, иронично-снисходительного — осталось. Взгляд этот мог принадлежать только одному существу на свете — Монарху Тьмы!

БАТОНЫ НАРЕЗНЫЕ 45-го КАЛИБРА

Генерал Гусев был вечным заместителем. Какие бы этапы своей военной карьеры он ни проходил, его всегда назначали замом. Министром обороны он стал неожиданно для всех, но главное — для себя, ибо на столь высокое кресло просто не замахивался, хотя и был замминистра по кадрам. Однако министр Галкин лишился погон в одночасье, а через день Федор Иванович уже въезжал в его кабинет, обалдев от скорости принятия решений главнокомандующим российской армией — президентом.

Слухи о степени вины Галкина ходили разные, но дело тихо спустили на тормозах, так как вместе с министром ушли с постов многие высшие лица государства: премьер Краснорыжин, министр внутренних дел, директор ФСК.

Все эти дела почти не интересовали нового министра, середнячка по всем параметрам, но, вцепившись в штурвал одного из самых непотопляемых кораблей власти, Министерства обороны, Гусев быстро принял все правила игры на этом уровне и доказал, что может быть жестким и требовательным начальником, радеющим об успехах армии и обороне государства. Мало кто знал, что за спинами других мощных фигур этого самого государства он быстро преуспел еще в одной сфере деятельности — набивания собственного кошелька. Гусев не брезговал ничем, в том числе и связями с мафиозными структурами, подтверждая известный закон Савченко: к власти приходят в большинстве своем умственные недоноски с бычьим темпераментом и зарядом животной силы, ибо такова природа любой власти! Человек, достигший вершины при всей своей умственной ограниченности и неумении что-то делать, *всегда* живет лучше тех, кто много знает и умеет.

Поскольку холуйско-палаческая составляющая пресловутой «славянской души» у Гусева была выражена достаточно ярко, он быстро задавил в своем министерстве всех людей с самостоятель-

ным мышлением, зато в Совете безопасности и перед президентом разве что на задние лапки не становился. О демократии между министром обороны и подчиненными речь никогда не шла, в их отношениях царил абсолют Устава и абсолютизм звездочек на погонах.

Гусеву шел сорок третий год, но выглядел он на все шестьдесят: невысокий, квадратный, медлительный, с широким рыхлым лицом, на котором горели маленькие недобрые глазки. Но самой примечательной деталью этого лица был хищный кривой нос, живший как бы отдельно от всего остального. По его цвету подчиненные всегда безошибочно определяли, в каком настроении находится министр.

В это утро двенадцатого сентября Гусев вызвал к себе зама по режиму и главного эксперта Комитета по новым технологиям, чтобы решить с ними кое-какие важные вопросы.

Заместитель по режиму генерал Глухарь прибыл на несколько минут раньше, однако дождался главного эксперта в приемной, и они вошли в кабинет министра вместе, выражая своим видом трогательное единство противоположностей. Насколько полковник Громов был высок, худощав, гибок, пышноволос, настолько Яков Устимович был приземист, толст, неповоротлив (под стать министру) и плешив. Если от Громова всегда пахло дорогими лосьонами и одеколоном «Ван мен шоу», то от генерала Глухаря постоянно несло казармой и пивом.

— Полковник, — сказал министр, кивком поздоровавшись и кивком же предлагая обоим сесть, — поделился бы с Яковом Устимычем секретом, как можно вырастить такую шевелюру, а то он у нас на облезлую псину похож.

— Да она сама выросла, — прикинулся простачком Громов, уже привыкший к солдафонским шуткам министра.

Глухарь покосился на полковника, однако и ему манеры начальства были не в новинку. Он только буркнул в ответ:

— Волосы для мужика не главное.

— Ладно, приступим. Наш «Смерш» начал копать дело об утечке оружия из лабораторий Тулы-2 и Удмуртии. Прямому давлению Никушин не поддается, я ему звонил уже, поэтому придется действовать иначе, и займетесь этим вы. Как — подумаете. Прежде всего, конечно, надо остановить попадание информации в прессу, все остальное потом. Теперь об эксперименте «Тунель». Получилось что-нибудь?

Министр обороны имел в виду эксперименты военспецов по «темному кодированию» в метро. На стены туннелей наклеивались на определенном расстоянии светоотражающие квадраты с закодированной информацией, которые при определенной скорости поездов метрополитена складывались в смысловые паке-

ты, действующие на психику тех, кто имеет обыкновение смотреть в окно поезда. Смысловым пакетом могла быть и реклама, срабатывающая в подсознании, независимо от сознания перципиента, и любая другая команда от самой безобидной, типа «почеши глаз», до приказа в моменты выборов вычеркнуть из списков того или иного претендента на место в парламенте.

— Результаты обнадеживают, — сказал Громов. — Но обработка их займет еще какое-то время, слишком велик разброс мотивации поступков у разных социальных групп. И все же вывод однозначен: «темное кодирование» возможно.

— Отвечаете за режим секретности оба! Перспективы эксперимента таковы, что и не снились нашим поборникам мира в Совете. А каковы результаты по НК?

Громов достал из папки кассету, вручил министру.

— Убедитесь сами.

— Потом. В двух словах: ваше мнение?

— «Дырокол»... э-э, то есть НК, работает! На расстоянии в сто метров образуется канал диаметром в сантиметр. Сдвиг тоже равен сантиметру. — Речь шла об эксперименте с «невидимым копьем» (шифр НК) — новейшей разработкой спецлаборатории в Петербурге, создающей особое поле, мгновенно сдвигавшее все атомы и молекулы в зоне «выстрела». Действовало поле на любые материалы от молекул возка до атомов танковой брони, и защиты от него пока не существовало. Выход НК из стадии экспериментальных проверок резко изменял соотношение сил с любой армией мира, потому что решал проблему уничтожения как живой силы противника, так и техники самым простым и действенным способом.

— А говорят, все лучшие умы сбежали за границу, — заметил министр. — Черта лысого! У нас они сидят. Извини, Яков Устимыч, я не только тебя имел в виду. Ну и последнее. Когда мы получим новые «глушаки» и «болевики»? Программа испытаний закончена еще нашими предшественниками, пора выходить на мировой рынок.

— Ельцин уже попробовал, — пробормотал генерал Глухарь. — Что из этого вышло, вы знаете. Даже странно, что журналисты до сих пор не пронюхали об этом! К счастью, всю информацию в компьютерах как корова языком слизнула! Но если общественность узнает об испытаниях...

— Вот для того ты и поставлен замом по режиму, чтобы никто ничего не узнал. Впрочем, если кто и узнает, самое страшное, что нам грозит, — мораторий на разработки и применение психотропного оружия. — Министр достал из стола черный пистолет необычной формы, любовно погладил ствол, направил по очере-

ди на подчиненных. — Эта штука незаменима в наше время, не правда ли, господа офицеры?

Громов и бровью не повел, поскольку носил в кобуре точно такой же «глушак», или суггестор «Удав», а генерал Глухарь беспокойно заерзал на стуле, хотя тоже видел новый образец «глушака» не впервые.

— Свободны, — махнул пистолетом министр, вдавил клавишу селектора. — Юрген появился?

— Так точно, — ответил интерком голосом адъютанта.

— Впустить.

В кабинет вошел полковник Томас Юстович Юрген, эстонец по национальности. Официально Юрген числился начальником курьерской службы Министерства обороны, неофициально — возглавлял «службу гашения конфликтов» и подчинялся непосредственно министру. Юрген был молод, поджар, смугл, невысок ростом, но весьма силен и владел всеми видами восточных единоборств, хотя специализировался в эстыывя — эстонской разновидности карате. Кроме того, он был отменным охотником и следопытом. Полковником же Юргена сделал министр обороны, сразу сменив ему погоны старшего лейтенанта на погоны полковника «за отличную службу»: до прихода Гусева старлей Юрген командовал взводом охраны министерского аппарата.

— Садись, — небрежно кивнул Гусев на стул. — Память у тебя хорошая, поэтому письменного приказа не будет, запоминай. Первое: надо «погасить» того настырного журналиста из «Красной звезды», он увлекся раскапыванием наших «оружейных» дел.

— Листохладова?

— Не перебивай. Второе: убрать бы надо и Голышева, он слишком много знает о наших проблемах в Грузии.

— Может, припугнуть сначала?

— Нет, он из старой гвардии, их угрозами не остановишь. И третье: пора подумать о «гашении» *Самого*. Судя по информации от доверенных лиц, он со своим советником по безопасности готовит проект радикального сокращения армии и, главное, ядерных арсеналов. Чего мы, естественно, допустить не можем! В целях, так сказать, защиты отечества. Запомнил? В средствах я тебя не связываю, на твой выбор.

— Что-нибудь еще?

— Да ты хват, эстонец, я еще не все сказал! О трех «К» слышал?

— Разумеется.

— Моя разведка доносит, что «Чистилище» вот-вот возьмется за нас. Надо их упредить. А для этого необходимо создать свое «Чистилище»... вернее, «Античистилище»... Группу охотников за охотниками, этакое два «О».

— Тогда уж лучше три «О», в пику трем «К»: отряд охотников за охотниками.

— Что ж, звучит неплохо: «ООО» против «ККК». Итак, формирование трех «О» я возлагаю на тебя. Есть соображения по командиру?

— Я сам могу возглавить отряд.

— Тебе и без того достанется немало работы, кроме того, нужен человек, которого никто не знает.

Полковник задумчиво сощурил и без того маленькие глазки.

— Есть у меня подходящая кандидатура... Мой дружок Паша... Пауль Артурович Кийк. Капитан, командир разведроты седьмого авиадесантного полка.

— Того, что был расквартирован в Пярну?

— Под Таллином, в поселке Харью Вяйке. Паша — спец высокой квалификации, еще в Чечне отличился... на стороне Дудаева. Потом, правда, вынужден был завербоваться в эстонскую полицию...

— Хорошо, принеси личное дело. Смотри не промахнись. Нужен человек, умеющий не только стрелять и драться, но и держать язык за зубами... А где он сейчас, этот твой герой?

— Мы на одной улице живем. — Юрген растянул в улыбке тонкие бескровные губы. — Пленных он сильно не любил... да и солдат своих учил... жестковато. Но — орел!

— Жестковато... — проворчал министр. — Впрочем, это хорошая рекомендация. Иди, завтра доложишь, что надумал.

Не отодвигая стула, Юрген поднялся гибким движением и бесшумно вышел. Гусев посмотрел ему вслед со странным чувством восхищения и опаски, ибо человек этот не знал ни преград в достижении цели, ни пределов жестокости.

Правда, министру был известен еще кое-кто, превосходивший в жестокости и равнодушии и Юргена, и многих исторических персонажей.

В тот же самый день и в то же самое время состоялась малая «планерка» у директора Федеральной службы безопасности генерал-лейтенанта Коваля Сергея Вениаминовича. Приглашены были только начальники управлений. Место директора Коваль занял год назад после отставки генерала Панова, но его назначение не было неожиданностью ни для сотрудников ФСБ, ни для него самого.

Сергей Вениаминович начал свою деятельность еще в легендарном КГБ, где успел поработать начальником чуть ли не всех важнейших отделов: следственного — курировал дело директора ЦУМа, отдела контрразведки — разработал операцию «Сурок» против литовских шпионов, в результате которой был задержан

резидент военной разведки «дружественной» державы, скупавший оборонные технологии. Кроме того, Коваль, тогда еще полковник, спланировал операцию «Ковбой-2» по делу так называемых «инициативников», потенциальных агентов, ищущих контакты с иностранными спецслужбами с целью продать технологию российского космического «челнока».

Затем была служба в столичном управлении КГБ по контрразведывательному обеспечению органов внутренних дел, которое потом было реорганизовано в отдел по борьбе с организованной преступностью. Сергей Вениаминович вел там дела подольской и кунцевской преступных группировок. Оттуда его перевели в Управление по борьбе с контрабандой и коррупцией Министерства обороны. Три года он поработал заместителем, потом начальником академии ФСК и вернулся в федеральную службу уже начальником Управления «КК» (по борьбе с коррупцией и контрабандой) и заместителем директора. Словом, это был профессионал, деловые качества которого не подлежали сомнению. Что же касается качеств личных, то генерал Коваль был всегда спокоен, даже флегматичен, с подчиненными ровен и решительно не был подвержен человеческим слабостям: не пил, не курил, к женщинам и азартным играм тяги не испытывал, телевизор не смотрел и в компаниях не участвовал. Зато с одержимостью фанатика любил разрабатывать игровые программы для компьютеров и с компьютером общался чаще, чем с людьми.

Высокий, худой, седоватый, с длинным холеным лицом, он был похож на английского лорда, особенно в гражданском костюме. А носил он его всегда, за исключением редких торжественных мероприятий.

Начальники Управлений собирались по одному. Первым пришел генерал Бондарь, начальник Управления «КК», занимающегося собственно контрразведкой. Длинный, сухой как жердь, но сутулый, был он хмур, малоразговорчив, и весь нрав его, упрямый, неприветливый и недоверчивый, свободно читался на вытянутом лошадином лице. Он был единственным из высших должностных лиц ФСБ, кто остался на прежнем месте после реорганизации, все остальные начальники Управлений пришли вместе с новым директором.

— Что, еще никого нет?

— А я? — меланхолически пошутил Коваль.

— Любит молодежь форс держать, — заметил главный контрразведчик, имея в виду, что остальные начальники гораздо моложе его. — Я начинаю укрепляться во мнении, что старики и молодые — совершенно разные типы цивилизаций на Земле, вынужденные в силу социальных обстоятельств жить рядом.

— Какой же ты старик, Владимир Алексеевич? Пятьдесят семь — это не возраст.

— Годы не всегда есть мерило возраста. Уговорил меня вчера зять сходить на выставку панк-авангарда в зал на Кузнецком. Господи, облевался! Это ж каким психом надо быть, чтобы устроить подобный вернисаж?! Художников, с позволения сказать, было пятеро, а их картины... — Владимир Алексеевич достал платок и высморкался. — Один, значит, устроил «сад камней» — штук двадцать бетонных блоков с арматурой полил грязью, а в луже между ними сам улегся голый. Второй, тоже в чем мать родила, стоял в тазу и бормотал «гы-гы-гы-гы!» в течение восьми часов! Да еще при этом каждые пять минут измерял член линейкой! Это искусство?!

Директор ФСБ засмеялся.

— Я слышал об этой выставке. Действительно, к искусству отнести этот выпендреж нельзя. Но ведь глупость, как говорится, это не отсутствие ума, это такой ум.

В кабинет один за другим вошли начальники Управлений: «И» — информационно-аналитического, «КК» — по борьбе с коррупцией и контрабандой, «Т» — по борьбе с терроризмом и бандитизмом, «СО» — специальных операций и недавно созданного Управления стратегических исследований.

— Задерживаетесь, господа генералы, — заметил директор. — В следующий раз постарайтесь быть точнее! Итак, обрисую наши задачи, а затем каждый проанализирует мероприятия по своему Управлению.

Как вам должно быть известно, Госдума вынесла на обсуждение проект переноса столицы в Рязань. Это — первая наша проблема: предстоит проработать все ее аспекты, касающиеся нашего ведомства. Но это не криминальная проблема, а социально-специальная, так сказать. Главная же наша головная боль — Сверхсистема, «СС». Монстр, возникший на месте Купола, люди которого проникли во все сферы государства: в аппарат правительства и президента, в Совет Федерации и Госдуму, в Минобороны, МВД и даже в наше ведомство, как это ни печально. Кстати, в связи с этим уровень работы по «СС» должен быть не ниже «четырех нулей». Выводы делайте сами. Поскольку Сверхсистемой придется заниматься в основном вашему департаменту, Лев Шагенович, учтите мое замечание.

Начальник Управления «КК» наклонил голову.

Коваль налил себе газированной воды, выпил.

— Вторая острая проблема — три «К», то есть пресловутое «Чистилище». Замах у него большой, крупнее даже, чем у его предшественников из «СК», и сил эта организация отнимет немало. Есть мнение, что и «ККК», и «СС», несмотря на разные

подходы, целью ставят достижение абсолютной власти в стране. Тремя «К» будете заниматься вы, Игорь Ярославович.

Начальник Управления «Т» посмотрел на соседа слева, но на его подмигивание не ответил.

— Остальные наши заботы помельче, вы все их знаете, поэтому давайте по порядку. Я прошу укладываться в пять минут.

Совещание свернуло в обычное практическое русло.

Генерал Бондарь поведал о работе Управления в Институте стратегических исследований — были выявлены организаторы саботажа на космодроме в Плесецке, из-за которого российская модифицированная ракета «СС-22» не смогла вывести в космос три коммерческих спутника, а также рассказал о совместных мероприятиях с европейскими спецслужбами по пресечению транспортировки оружия в страны СНГ.

Начальник Управления «Т» сообщил о деятельности своего подразделения по расследованию выходок новых ультраправых — «Русского национального легиона» и «Русского освободительного фронта», которые уже дважды пытались помешать визиту в столицу важных иностранных персон.

Говорилось на совещании о незаконном вывозе валюты за рубеж, об «утечке мозгов» — ученые продолжали уезжать за границу, о непрекращающихся актах терроризма в Чечне, об ошибках дипломатов МИДа, о хищениях новейших образцов оружия из специальных военных лабораторий, о контрабанде наркотиков из стран Балтии, о продолжающемся конфликте Управления безопасности президента и ФСБ и т. д.

Когда совещание закончилось, директор отпустил всех, кроме начальника Управления специальных операций.

— Федор Ильич, вашему подразделению предстоит попотеть. Нужно выйти на «Чистилище» и на «СС». Технически вы оснащены неплохо, дело только за кадрами. Есть ли у вас, в ваших «Гамме», «Дельте», «Руслане», профессионалы класса «супер» и «абсолют»?

— «Суперов» семеро, — немного помедлив, ответил молодой генерал Первухин. — «Абсолютов» ни одного. До этого уровня добираются единицы из сотен тысяч мастеров боя и перехвата. Неужели возникла необходимость в спецах такого класса?

— Необходимость диктуется уровнем организаций, против которых нам предстоит работать. До меня дошли слухи, что у бывшего директора были в резерве такие агенты. У вас нет никаких данных по ним?

Первухин покачал головой.

— Попробую покопаться в компах кадрового спецбункера и банках данных Ассоциации ветеранов «Барс»... если дадите проводку по «четырем нулям».

— Оформлю.

— Тогда я пошел. — Первухин встал, но, дойдя до двери, оглянулся. — Знал я одного «абсолюта»... Вам фамилия Балуев ни о чем не говорит?

— Как будто нет.

— Работал в «Т» один перехватчик-«абсолют» Василий Балуев, но после известных событий на даче генерала Ельшина исчез.

— Попытайтесь разыскать его как можно быстрей.

Первухин щелкнул каблуками и вышел.

Директор ФСБ написал на чистом листе бумаги фамилию «Балуев» и в задумчивости стал рисовать над ней человечка.

МЕЛКИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Нога у Стаса начала сгибаться в колене, и мальчишка не помнил себя от счастья. Он смотрел на Матвея, приходившего навестить его, такими глазами, что тому становилось не по себе. Вряд ли родные дети относятся к своим отцам лучше, чем относился к Соболеву этот десятилетний парень, рано познавший горе и боль утраты.

— Через два дня снимем гипс, и можете забирать сына, — сказал хирург, изучая повторные рентгеновские снимки колена. — С методикой восстановления я вас познакомлю.

Матвей переглянулся со Стасом, сидевшим на кровати. Мальчишка опустил глаза, улыбнулся, и по его щекам пробежали красные пятна.

— Не волнуйся... пап... все будет в порядке.

У Матвея встал ком в горле, он поцеловал Стаса в макушку и со смешанным чувством поехал к Ивану Парамонову, который ждал его, чтобы обговорить детали предстоящего «стрессового» лечения Кристины.

Парамонов предложил даже два варианта. Первый почти полностью копировал случай, описанный Иваном Ефремовым в романе «Лезвие бритвы», второй чем-то напоминал библейское исцеление Иисусом Христом парализованного мальчика. Роль «Христа» в этом случае должен был сыграть сам психотерапевт, а Матвей должен был всеми правдами и неправдами создать ему соответствующую рекламу и устойчивый образ «чудотворца» в сознании Кристины. Вначале Матвей больше склонялся к этому варианту, однако, посоветовавшись, они решили не торопиться, подумать пару дней и тогда уже сделать окончательный выбор.

Потом мастер психосинтеза попытался загипнотизировать Матвея, но это ему не удалось ни в первый, ни во второй раз, хо-

тя Соболев и не сопротивлялся. Вернее, он думал, что не сопротивляется. В конце концов Парамонов заметил с уважением:

— Вы обладаете адаптивной психофизической защитой на уровне инстинктов, молодой человек. Далеко не каждый умеет так защищать свой мозг от вторжения извне, как это делаете вы. Не хотели бы вы немного поработать со мной? Ради этого я мог бы задержаться в вашем городе.

Матвей покачал головой и вспомнил «темный взгляд» Конкере, Монарха Тьмы, который всякий раз определял его координаты с точностью до десятка метров. Если Соболев способен защищать свой мозг, почему же Монарху удавалось вычислять его?

— Расскажите, — посоветовал Парамонов, видя его колебания. — Я умею хранить тайны моих пациентов.

Подумав, Матвей рассказал врачу историю своих снов и отношений с Конкере и иерархами, опустив, правда, многие подробности и детали.

Парамонов никак не выразил своего отношения к рассказу, хотя слушал внимательно.

— Интересно, — сказал он задумчиво, когда Матвей закончил. — Значит, этот ваш мистический приятель мог обнаружить вас даже в многомиллионном городе?.. Весьма интересно... Я тоже знаю способ психопеленгации конкретного человека, но знание мое больше интуитивно и срабатывает лишь в меозе.

— Где, простите?

— Меоз — это состояние ментального озарения. Термин мой. Впрочем, существуют и более древние названия: сатори, турийя, йопалча, фанскана. Я тоже могу — хотя и очень редко — доводить организм до такого состояния. Но у вашего недруга «пси-нюх», похоже, абсолютный. А ну-ка, встаньте ко мне боком.

Матвей повиновался. Парамонов закрыл глаза, поводил головой из стороны в сторону.

— Теперь повернитесь спиной.

Матвей послушно повернулся. Видеть, что делает экстрасенс, он не мог, но от того явно повеяло теплым воздухом, проникающим под одежду.

— Нет, не вижу, — сожалеющим тоном сказал психотерапевт. — Я чувствую вашу *силу*, но никаких пси-эманаций не ощущаю. Единственное, в чем я уверен, что ваша Вишудха — голубая чакра, центр синтеза и логического анализа — блокирована какой-то внутренней программой.

— А «разбудить» ее вы не можете? — Матвей понял, что Парамонов почувствовал «коррекцию», проделанную когда-то Тарасом Горшиным. Однако со дня боя с Конкере способности откорректированного организма себя пока не проявляли.

— Не знаю. — Взгляд Парамонова стал рассеянным. — Мне

надо посмотреть кое-какую литературу. А пока повторю свое предложение: давайте поработаем пару недель, разберемся с вашим организмом. Выиграем мы оба.

— Ну что ж, пару недель можно, — согласился Матвей. — Я думал, речь идет о месяцах.

— Договорились? Тогда жду вас завтра у себя дома, вернее, в доме моего друга, где я остановился. — Парамонов продиктовал адрес, и на этом они расстались. Оба были заинтригованы, но старались не слишком выражать свои эмоции. Что до Матвея, то в случае удачи задавленный Монархом «коррекционный мостик» мог заработать снова, а это открывало горизонты, о которых Соболев в нынешнем положении и мечтать не мог. И первым из этих горизонтов был выход на Внутренний Круг. Второй, не менее интересный, — слой Культур Инсектов, погибших в далеком прошлом и оставивших свои диковинные «храмы», один из которых показывал Соболеву и Балуеву «отступник» Горшин.

Вечером Матвей все же уговорил Кристину отправиться в филармонию на концерт знаменитого Олега Янченко, композитора, заслуженного артиста, лауреата госпремий и профессора.

В зал Матвей внес Кристину на руках, не обращая внимания на любопытствующие взоры окружающих: коляску девушки они оставили дома. Кристина тоже не реагировала на взгляды публики, безучастно наблюдая за предконцертной суетой, но когда прозвучали первые аккорды органа — замерла и с пылающим лицом прослушала весь концерт, растворяясь в музыке, вновь открывая для себя почти забытый мир. Она сидела как завороженная, вцепившись руками в подлокотники кресла, и смотреть на нее было больно и сладко.

Янченко играл «Органную мессу» Баха, «Магнификат» Вивальди, собственное «Музыкальное приношение», кроме него, в концерте принимали участие Нинель Камбург с Московской капеллой мальчиков, солисты ансамбля «Российский консорт», виолончелист Олег Оловников и трубач Владислав Лаврик.

Концерт закончился, и восхищенная Кристина, не стесняясь, поцеловала Матвея. Он дал себе клятву поставить ее на ноги во что бы то ни стало. Единственной «печатью зла» был ее паралич. Вивисекторы Ельшина не успели сделать из нее зомби «замедленного действия».

Наутро позвонил Василий.

— Соболев, зайди сегодня вечером, пообщаемся напоследок.

— Решил наведаться в столицу?

— Ты догадлив, волкодав. Хочу посмотреть, что за школу там открывают, какие условия. Заодно навещу одно место, знакомое и тебе.

— Церковь Спаса?

— Ну ты даешь, ясновидящий! В общем, приходи.

— Я занят вечером.

— Тогда давай прямо сейчас.

Матвей собрался. Прислушался к своим ощущениям, ничего особенного не услышал и усмехнулся в душе своей постоянной готовности к встрече с очевидной материализацией Конкере. С одной стороны, жить в условиях войны с Монархом тяжело, с другой — интересно.

В почтовом ящике он обнаружил письмо из Вологодской области от мужа Лиды. На ходу пробежал его глазами, и настроение упало.

Сестра находилась в Вологодском следственном изоляторе по обвинению в покушении на убийство, и потерявший голову Леонид Нестеров слезно умолял приехать и помочь по хозяйству. Не разобраться или вызволить жену, а именно «помочь по хозяйству»! Это расстроило Матвея больше всего.

Леонид не слишком вдавался в подробности происшествия, и из путаного письма его выходило следующее.

Дела у фермеров шли все хуже. Многие уехали, но Нестеровы держались. Держались до тех пор, пока не начались конфликты с колхозниками, которые, увы, так и остались люмпенами в худшем значении этого слова. Что за конфликты имели место, Леонид не писал, но последнюю точку в их череде поставил выстрел Лиды.

В этот день она стирала, уложив детей спать, а Леонид, кажется, впервые в жизни решил ей помочь. И тут в дом зашли подвыпившие мужики, двое из которых когда-то работали у Нестеровых по найму, стали требовать денег или бутылку. Лида не хотела, чтобы проснулись дети, поэтому бутылку дала. Но они пришли снова, стали угрожать, полезли к ней, не обращая внимания на Леонида, и тогда у нее лопнуло терпение... Вырвавшись, она схватила ружье и выстрелила...

Матвей представил, что могло заставить его сверхтерпеливую сестру пойти на подобный шаг, и сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев. Леонид, конечно, и не пытался ее защитить, хотя в письме оправдывал себя полностью. Что ж, подумал Матвей, придется ехать и разбираться...

Полный тревог и предчувствий, Матвей остановил машину возле дома, в котором жил Василий, и вдруг обратил внимание на сцену возле обменного пункта валюты, располагавшегося в здании напротив.

Молодая и очень симпатичная девушка в зеленой курточке, чуть не плача, что-то требовала у двух молодых людей. Один одет прилично, второй — типичный кидала под метр девяносто, широкоплечий, толстый, с небритой круглой рожей, в замызганном

плаще и кожаной кепке. Именно он вылез из кабины «Мерседеса», хотя, на взгляд Матвея, место ему было разве что за рулем экскаватора.

Прилично одетый молодой человек с красивой волной каштановых волос что-то сказал своему напарнику, и тот толкнул девушку, грязно ругнувшись. Лишь на один миг лицо незнакомки появилось перед Матвеем, но его будто что-то толкнуло — это было лицо прекрасной спутницы инфарха из его снов. Не раздумывая, он пересек улицу и негромко спросил, обращаясь к девушке, но так, чтобы слышали и те двое:

— Что случилось, мадемуазель? Может быть, требуется помощь?

Огромные, полные слез глаза девушки распахнулись еще больше, она обреченно глянула на своих обидчиков, встрепенувшихся при появлении Соболева, и, сгорбившись, побрела прочь.

«Приняла меня за одного из них», — пришла догадка.

Матвей догнал незнакомку, зафиксировав в уме фразу небритого: «А этому мудаку чего надо?»

— Извините, девушка, я не из числа приятелей тех парней и действительно хочу вам помочь. Что произошло?

Девушка искоса глянула на него, и снова ее необычайная красота резанула сердце Матвея.

Видимо, что-то в словах незнакомого парня расположило девушку заговорить.

— Чем вы поможете? Они... — Глаза незнакомки снова наполнились слезами. — Обманули... я хотела...

— Обменять валюту?

— Да, пришла к открытию... пункт еще закрыт был... а этот в куртке... такой обходительный и одет прилично...

Матвей все понял. Девушка нарвалась на обычных валютных кидал. Один предлагает обмен «по более выгодному» курсу, вручает жертве «куклу» в рублях или в валюте, а второй в это время, прикидываясь либо охранником обменного пункта, либо сотрудником милиции, начинает требовать документы и тащит жертву в отделение «для выяснения». Эти, похоже, даже не считали нужным прятаться от обманутых людей и действовали почти в открытую, привыкнув, видимо, что никто еще не возвращался «качать права».

— Сколько они у вас взяли?

— Четыре миллиона... соседка дала, чтобы я обменяла, ей гарнитур купить надо. А они сунули... вот. — Девушка показала смятый целлофановый пакетик с «куклой», в которой оказалось две банкноты — пятидесятидолларовая и однодолларовая, прикрывающие стопку аккуратно нарезанной газетной бумаги.

— То есть они «обули» вас на пятьсот с лишним баксов. Не-

дурно! Неужели вы не знаете, что менять валюту у частных лиц опасно?

Глаза девушки снова наполнились слезами.

— Я... торопилась... а теперь не знаю, как отдавать...

— Как вас зовут?

— Ульяна... Митина.

— Рязанка?

— Нет, из Чернавы, село такое в Милославском районе. Учусь в медицинском на первом курсе...

— Вы их точно запомнили? Тех, которые взяли деньги?

Длинные и пышные ресницы сделали взмах, глаза распахнулись, блеснув зеленью.

— Конечно.

— Идемте. — Матвей взял Ульяну под руку и повел к обменному пункту. Кидал он застал в тот момент, когда они нашли очередного лоха, позарившегося на «выгодный» курс. Один — «прилично одетый» — считал деньги, второй — мордатый, небритый — ждал момента, когда надо выходить на сцену.

Матвей выхватил у «приличного» кидалы деньги, сунул мужичку средних лет, развернул его и дал коленом под зад. И обернулся к опешившему кидале.

— Предлагаю взаимовыгодный обмен: тебе — это, — он протянул целлофановый пакетик с «куклой», — ей — ее четыре лимона. И побыстрее.

— Ты что, свихнулся? — покрутил пальцем у виска «приличный» кидала. — Я ее впервые вижу.

— Что тут происходит? — рявкнул по привычке его мордатый напарник, объявляясь рядом.

— Этот псих утверждает, что мы обманули... — «Приличный» прикусил язык, сообразив, что выдает себя.

— А ну пошел отсюда! — напористо продолжал небритый, доставая красное удостоверение с золотым тиснением: «Министерство внутренних дел Российской Федерации». — Если не хочешь схлопотать срок...

— Деньги! — медленно и спокойно повторил Матвей.

— Боб, сделай дяде больно...

Мордатый сделал выпад, целясь пудовым кулаком в живот Соболеву, и сложился пополам, сел на корточки, а потом упал. «Приличный» удивленно глянул на него, потом на Матвея и, видимо, что-то понял. Сунул руку в карман, однако нож достать не успел, вскрикнул от боли — руку до локтя парализовало.

— Деньги.

Непослушной рукой тыкаясь за отворот американской куртки, «приличный» попытался достать что-то из кармана. Матвей помог ему вытащить бумажник.

Деньги Ульяны — все четыре миллиона — так и лежали отдельно в одном из карманов бумажника. Кидалы даже не подумали перепрятать их или смешать с другими.

— Я тебя... гад... по стене... размажу, — с натугой выговорил мордатый, потихоньку приходя в себя; охранник у двери обменного пункта с интересом смотрел на них, но с места не сдвинулся, хотя, похоже, компания кидал была ему хорошо знакома. Прохожие начали было останавливаться рядом, привлеченные «тихой дракой», и Матвей поспешил прочь, увлекая Ульяну за собой. За углом отдал ей деньги.

— Не ввязывайтесь больше в сомнительные предприятия. Можно было бы обменять деньги и здесь, но не стоит мозолить глаза этим парням.

— Я теперь сама! — Восхищенные глаза девушки говорили больше, чем язык. — Спасибо вам огромное! Я никогда больше... если хотите, возьмите себе комиссионные... ой, что я говорю! — Щеки Ульяны вспыхнули. — И все же... я ваша должница и не могу вас не отблагодарить, — с отчаянной смелостью добавила она. — Вот мой телефон, я живу не в общежитии, а у тетки. Позвоните, когда захотите.

— Непременно, — улыбнулся Матвей.

Девушка просияла, помахала ему рукой и убежала.

И день тут же померк, словно Ульяна унесла с собой солнечный свет. Но перед глазами Матвея долго еще стояло ее прекрасное лицо, пока ему не стало казаться, что в нем проступают черты Кристины...

Кидал возле пункта обмена валют уже не было. Матвей перешел улицу и вошел в подъезд девятиэтажки, где жил Василий.

— Через Воркуту ехал? — встретил его хозяин, одетый в майку и шорты. — Или случилось что? Взъерошенный ты какой-то.

— Так, мелкие неприятности. — Матвей не стал рассказывать о случае с Ульяной. — Итак, ты решил пожить интересно?

— Что-то вроде того, хотя не исключено, что через пару дней вернусь. Да и Лариса ждать будет. — Василий имел в виду свою подругу. — Но на всякий случай я хочу передать тебе кое-что из своих старых запасов, вдруг пригодится? Не дай Бог, конечно.

Балуев вытянул из кладовки два узла, развязал. В одном хранились бронежилеты типа «Юг», которые можно было носить даже под летней рубашкой, в другом — армейский походный мешок МП-95.

Матвей присвистнул.

— Ну, брат, королевский подарок! Где взял?

— Где взял, где взял... Украл! Был у меня в Москве схрон, оттуда и снаряжение. В принципе, если в службе не будут прове-

рять все фискальные хазы, этот схрон может сохраниться и до нынешних времен. Я проверю.

Матвей взвесил в руке десантный комплект: килограммов двадцать. Насколько он помнил, в комплект входило более тридцати предметов «первой необходимости»: автомат Никонова с боекомплектом, оптическим прицелом и прибором ночного видения, маскировочный комбинезон, вещмешок, спальник, фонарь, бронежилет, три фляжки с водой, каска, десантные ботинки, нижнее белье, аптечка, маска для лица, защищающая от песка, пыли и ветра, герметически запаянный сухой паек, мазь против укусов змей и насекомых, противогаз, противохимический костюм. Ну и разного рода мелочи: панама, шейный платок, ремень, крем для рук и ног, таблетки для обеззараживания воды и так далее.

— Беру, — сказал Матвей. — Надеюсь, у тебя не один такой комплект?

— Обижаешь, начальник. Жаль, набор Н-1 у меня всего в единственном экземпляре. — Василий имел в виду комплект снаряжения ниндзюцу, которым пользуются не мифические, а вполне реальные воины-ниндзя. — Однако в схроне должна быть по крайней мере еще пара таких же.

— Ты поосторожнее там, перехватчик.

— Я всегда осторожен. Или ты имеешь в виду что-то конкретное? — Балуев пристально глянул на друга, на лице которого ничего нельзя было прочитать, кроме спокойной уравновешенности и невероятной уверенности в себе.

Матвей заколебался, делиться ли с ним своими подозрениями, но все же решил предупредить:

— Сон я видел... любопытный.

— С Монархом, что ли? — мгновенно сориентировался Василий. Балуев давно уже перечитал всю литературу по эзотерике, которую принес ему Матвей. — Его же ликвиднули эти твои приятели из Внутреннего Круга, инфарх и декарх.

— Не «ликвиднули», а только выставили из нашей реальности, которую они называют запрещенной. Так что жив господин Конкере, и вряд ли он бросит свое занятие. Просто он ищет другой способ, как тихо проникнуть к нам. И еще я недавно почувствовал чей-то взгляд, ментальное касание, так сказать. Конкере либо уже сумел реализовать здесь свое «я», либо, так сказать, заглянул из своей реальности в нашу.

Василий кивнул. Вопреки опасениям Матвея предупреждение он воспринял всерьез.

— Значит, жив, зверюга... Ладно, посмотрим! Мы с тобой тоже живы, и нас двое, и мы еще сразимся, если понадобится. К то-

му же в моей группе есть пара приличных ребят, готовых пойти за мной в огонь и воду.

Они ударили ладонь в ладонь, прощаясь, и Соболев отправился домой, спрятал подарки, а в одиннадцать часов уже входил в офис «Рюрика».

НАЙТИ!

Никто никогда не подсчитывал общее количество квартир в Москве, принадлежащих спецслужбам: Федеральной службе безопасности, Агентству внешней разведки, Министерству обороны, военной контрразведке, Главному управлению по борьбе с организованной преступностью, Службе безопасности президента, Главному управлению охраны правительства, ОМОНу и Министерству внутренних дел.

Вероятно, их насчитывалось не менее тысячи. Но из них лишь десятая часть отвечала условиям секретности в «четыре нуля» и была оборудована по последнему слову техники. Многие из квартир как бы вообще не существовали — не были зарегистрированы ни в Госкомимуществе, ни в милиции, ни даже в секретных кондуитах тех служб, которым принадлежали.

Однако не только государственные организации имели такие схроны. «СС» и «ККК» тоже владели сетью спецквартир, а то и целых домов, как и их предшественники, Купол и «СК». Но только «Чистилище» обладало информацией о схронах своих «коллег», потому что одним из комиссаров трех «К» был начальник информационного бюро Управления «И» ФСБ.

Координатор «Чистилища» редко собирал совещания на одной и той же квартире больше трех раз. В данном же случае он сделал исключение: трехкомнатная квартира, имеющая три скрытых выхода и тайный «чулан» с компьютерным комплексом, располагалась в центре Москвы, на Лубянке, под боком у Федеральной службы безопасности, и не принадлежала никому, а войти в нее незаметно не составляло труда. К тому же она была оборудована всеми системами защиты: цифровыми шифраторами, предохраняющими телефонные разговоры от прослушивания, телекамерами системы контроля, встроенными в шляпки гвоздей и шурупов, замками, открывающимися по рисунку сетчатки глаза, и прочими хитроумными приспособлениями, а также устройством спутниковой связи и даже автономным источником питания — МГД-генератором последней модели.

«Полный квадрат» «ККК» — четыре комиссара плюс координатор — собирался редко, лишь для принятия важных решений или планирования масштабных акций. Каждый из комиссаров

имел свой собственный план действий и мог, если это не сказывалось на результате работы «Чистилища», корректировать его в достаточно широких пределах. Однако никто из них не имел права отменять общее решение или начинать самостоятельную деятельность даже во имя самых благих целей.

Комиссар-3 Бородкин испросил аудиенцию у координатора именно ради того, чтобы предложить кое-какие изменения в принятом ранее плане мероприятий.

— Дмитрий Олегович, требуется корректировка, вернее, дополнение к плану.

Координатор «ККК» покосился на Шевченко, комиссара-5, начальника службы безопасности «Чистилища», отвечавшего, кроме всего прочего, за набор новых исполнителей. Валерий Егорович, которого никто по отчеству не звал из-за его молодости и едва не мальчишеского вида, подмигнул Громову, но, зная характер комиссара-3, пошутить не рискнул.

— Выкладывайте аргументы, — кивнул Дмитрий Олегович.

— Глобальные задачи — это хорошо. — Под взглядами собеседников Бородкин поправил галстук, сдул с рукава несуществующую пылинку. — Однако не следует забывать и о вещах более прозаических.

— Конкретнее, Прохор Петрович.

— Мои информаторы сообщили несколько фактов... Мне хотелось бы включить эти дела в перечень неотложных оперативных мероприятий. Взять, например, нашумевший случай с Карасевым, с тем маньяком, который полгода держал двух похищенных девушек в ванной комнате, приковав их к трубе и насилуя чуть ли не каждый день. Одну он потом убил. Его признали невменяемым, хотя врачам просто заплатили за диагноз.

— Случай интересный. Что еще?

Бородкин протянул Громову пачку листов с напечатанным текстом.

— Здесь собраны статистические данные по нападениям на депутатов Госдумы и высших должностных лиц, а также по тому, как наказаны преступники. Доклад подготовлен в единственном экземпляре для президента. Вы не поверите: наказан лишь каждый десятый! Не говоря уже о том, что половина случаев просто не раскрыта.

— Мы не прочь пошерстить и сам депутатский корпус, — заметил, улыбаясь, Шевченко, — а вы предлагаете их защищать.

— Это совсем разные вещи...

— Не стоит затевать дискуссию, — поднял ладонь Громов. — Такие же данные есть и у комиссара-4. Я чувствую, что вскоре мы доберемся и до этих проблем, хотя оперативных сил нам пока еще не хватает. У вас все, Прохор Петрович?

— Есть еще пара подобных случаев... — Бородкин замялся, поглаживая свою «чеховскую» бородку. — Правда, тут с какой стороны посмотреть... но я хотел бы лично просить «квадрат» о включении их в реестр «Чистилища».

— Имеете полное право.

— Первый случай произошел с семьей моего старого приятеля Кучкова. В ресторане на них накатила крутая компания, и в драке был убит его сын Жора. Убийцу задержали, однако по личной... не знаю, как назвать... просьбе председателя Комиссии по помилованиям дело вернули на доследование, и в конце концов убийца — сотрудник ГУО[1], кстати, — был выпущен.

— Вы имеете в виду дело Скорняка?

— Да. — Бородкин не удивился осведомленности координатора.

— Хорошо, подумаем, случай действительно показательный, а за этим Простатовым давно уже тянется хвост странных помилований. Хотя, с другой стороны, Прохор Петрович, «Чистилище» изменило ориентацию...

— Из каждого правила бывают исключения.

— Отличный аргумент! — хмыкнул Шевченко.

— Ну а второй «личный» случай? — спросил координатор.

— Этот и вовсе из ряда вон... На Рублевском шоссе «членовоз» — «Форд» последней модели — в сопровождении гаишной «Волги» пошел на обгон колонны, вылетел на встречную полосу и смял левую фару у автобуса с детьми, шедшего навстречу. Шоферу «членовоза» — ничего, а шоферу автобуса — пять лет!

Шевченко покрутил головой, но комментировать рассказ не стал.

— А как этот случай касается вас лично? — спросил Громов.

— Водитель автобуса — племянник моей жены. Между прочим, знаете, кто ехал в «членовозе»? Ну хотя бы министр или какой-нибудь захудалый зампремьера, а то ведь рядовой депутатик Совета Федерации по Марьинскому округу Свищов! Хотя руки у него, судя по всему, длинные.

Координатор подвинул к себе электронную записную книжку, набрал какую-то фразу.

— Могу вас заверить, что этим делом мы займемся в первую очередь. Вы приготовили проект?

Бородкин достал из «дипломата» еще три листочка, соединенные скрепкой. Это были наброски письма правительству, призывающего «немедленно изменить состояние дел в МВД и ГУБО». Громов пробежал текст глазами, кивнул.

— Для начала вполне годится.

---

[1] ГУО — Главное управление охраны РФ.

Бородкин встал, оправил костюм и вышел, прямой и величаво неприступный, как сейф фирмы «Байер».

— Он слишком сентиментален, — сказал Шевченко. — И, как любой чиновник, корыстен, хотя корысть его имеет что-то общее с местью. Может, он и в «Чистилище» внедрился ради устранения личных врагов? Кто его рекомендовал?

— Рыков.

— Тогда надо и Рыкова остерегаться.

Громов с интересом глянул на мальчишески подвижное и с виду не слишком уверенное лицо комиссара-5. Который раз Дмитрий Олегович убеждался, что под милой маской «неоформившегося юнца», проработавшего, кстати, семь лет в Управлении спецопераций КГБ, скрывается зрелый и умный политик, способный к тому же постоять за себя.

— Пока что Прохор Петрович незаменим, информацию из стана президента он поставляет первосортную. Но к делу, Валера. Вчера вечером в собственной квартире был убит генерал Голышев. Известно, что киллеров было трое, хотя следов, как полагается, они не оставили. Почти не оставили. Потому что убили его не обычным оружием. След на теле... м-м, очень любопытный, если не сказать больше. Я знаю только один вид оружия, способный оставлять такие следы: «дырокол».

— То есть убили его военные профи?

— Вполне резонно, хотя пока у меня нет полной информации. Подключись к мейдеру комиссара-2 и найди, кто заказчик.

— Это и так ясно — министр обороны!

— Мне нужны факты, а не домыслы. Как идут дела с пополнением рядов?

— Нашли двоих исполнителей. Мастеров по боксу и дзюдо. Есть еще один спикер. Кандидатура вполне подходящая: кадровый военный, обижен судьбой, начальством и обычным нашим беспределом.

— Не дурак?

— В какой-то степени, потому что сцепил зубы и продолжает работать там, куда его задвинули. Считает, что кто-то должен делать и грязную работу.

— Кто он? — заинтересовался Громов.

— Был капитаном, командиром роты противохимической защиты, сейчас — военный ассенизатор.

— Ладно, определимся. Недавно в газетах прошло сообщение об организации школы защиты предпринимателей. Приглядись-ка к рекламодателям: действительно ли они работают на бизнесменов. Не исключено, что какая-то из «контор» занялась вербовкой кадров. Хотя не слишком важно, кто она на самом деле: мы вполне можем подсоединиться и к тем, и к другим.

— Понял, сделаем.

— И последнее: поедешь с командой в Рязань и найдешь там одного человека. Зовут его Матвей Соболев. Бывший контрразведчик и ганфайтер, агент класса «абсолют». Передашь ему предложение работать на «Чистилище». Точные координаты получишь перед отъездом.

— Вы знаете координаты агента класса «абсолют»? Тогда он не суперагент.

— Он «абсолют», но я — *знаю*. — Громов нехотя улыбнулся. — И не конфликтуй с ним, он этого не любит.

— Не проще ли привезти его сюда?

Координатор «ККК» снова усмехнулся.

— Этот парень угрохал полкоманды Ельшина год назад, так что никакого силового давления. Мягкая просьба и время на размышление. Вот если он после размышлений откажется...

— Понял, генерал. Найти и передать просьбу. И все же я изыскал бы способ уговорить его приехать сюда.

Громов не стал разубеждать своего начальника безопасности. Он и сам не очень-то верил в легенды о необычайном мастерстве бывшего ганфайтера, хотя рассказывал о нем тот, кому не верить было нельзя.

Директор Федеральной службы безопасности привык, что охрана сопровождает его до дверей квартиры, и не обращал внимания на молчаливых парней, забывая иногда прощаться или здороваться. Поэтому когда командир ОБЕДа[1] вежливо пожелал ему спокойного отдыха, Сергей Вениаминович смутился и ответил почти искренне:

— Спасибо, вам того же.

Этого капитана он выделил еще полгода назад во время показательных занятий боевой подготовкой в Академии ФСБ, и пока что молодой человек с густыми черными бровями свое новое назначение оправдывал. Каково же было удивление Сергея Вениаминовича, когда через полчаса капитан вернулся. Генерал успел принять душ, переоделся в халат и выпил рюмку коньяку, которую на подносе принесла тихая жена. Так, с рюмкой в одной руке и с долькой грейпфрута в другой, он и вышел в прихожую своей небольшой — по современным меркам — трехкомнатной квартиры. Жена, знавшая в лицо всех телохранителей мужа, открыла дверь.

— У меня к вам личный вопрос, — приятным голосом прого-

[1] О Б Е Д — охранно-боевая единица, численность варьируется в зависимости от условий сопровождения.

ворил с порога командир ОБЕДа. Сергей Вениаминович вспомнил его фамилию — Хватов, но имени вспомнить не смог.

— Проходите в кабинет.

В поведении капитана не было ничего особенного, но Сергей Вениаминович психологом был неплохим и сразу насторожился. Сесть гостю не предложил и сам остался стоять, потрогав рукоять «браунинга» в кармане халата.

— Слушаю вас.

— Револьвер не понадобится, — мягко сказал капитан.

Держался он все так же корректно, предупредительно, однако в каждом жесте чувствовалась не угроза, но сдержанная сила.

— В данный момент я не столько капитан Хватов, командир подразделения телохранителей, — продолжал Хватов спокойно, — сколько посредник, представитель некой... скажем так, трансцендентной силы, которую зовут Конкере.

— Что вам нужно? — сухо поинтересовался директор ФСБ, пытаясь вспомнить, слышал ли он раньше это имя. Нет, имя Конкере ему ничего не говорило. Кто скрывался за ним? Руководитель «СС»? Трех «К»? Новой террористической организации?

— Ни то, ни другое, ни третье, — покачал головой «посредник», глаза его блеснули превосходством и иронией. — Да вы не пугайтесь, Сергей Вениаминович, я пришел как друг и хочу предложить вам помощь. Опять же — *трансцендентную* помощь, на уровне полевых взаимодействий и релаксации местных физических законов.

Псих, подумал генерал, успокаиваясь.

— Отнюдь, — слегка погрустнел Хватов. — У вас ведь тоже есть отдел, занимающийся изучением экстраординарных способностей человека. Я обладаю именно такими способностями. Правда, нужно уточнить: способности эти даны мне, капитану Хватову, проекцией Конкере на ваш мир, всего лишь на время контакта с вами. Я свободно могу читать ваши мысли, могу заставить вас швырнуть рюмку о стену. — Сергей Вениаминович судорожно дернул рукой; рюмка врезалась в деревянную панель и разлетелась на куски. — Могу заставить вас застрелиться или поджечь квартиру. Но не бойтесь. Ничего этого делать я не буду. Конкере действительно желает помочь и вам, и вашей службе в борьбе против врагов государства. Подумайте, через пару дней я снова навещу вас.

Хватов подошел к оцепеневшему хозяину, протянул руку вперед, и осколки, прыгнув с пола прямо в ладонь, собрались в рюмку. Капитан поставил ее на журнальный столик, обвел глазами полки с книгами.

— Уютно тут у вас. Жаль, если все это сгорит. До свидания, господин генерал. — На пороге командир отделения охраны ог-

лянулся через плечо. — Только не нужно завтра пытать капитана Хватова. Он все равно ничего помнить не будет, а специалист он хороший. Ведь настоящих профессионалов у вас не так уж и много, верно? Кстати, в Рязани проживает один человек — ганфайтер, бывший военный контрразведчик Матвей Соболев, — вот он бы вам пригодился. Лучшего волкодава-перехватчика данная реальность Земли, пожалуй, не знает. И последнее: если вы откажетесь от помощи, я предложу свои услуги конкурирующим фирмам.

Капитан вышел, щелкнул дверной замок.

— Чего он хотел? — возникла в кабинете жена.

— Выпить, — буркнул Сергей Вениаминович, изумленно разглядывая рюмку на столике. Потом подошел к телефону, набрал номер. — Федор Ильич, капитана Хватова от несения службы в охране временно отстранить... до выяснения обстоятельств. Нет, ничего объяснять не надо, перевести пока в техкоманду. Тебе фамилия Соболев ни о чем не говорит? Нет? Ну, не важно. Он живет в Рязани. Найти и доставить в контору. Нет, без наручников. Все.

Генерал достал другую рюмку, налил до краев коньяку и залпом выпил.

Машины вырвались из теснины леса, и горизонт отодвинулся за пологие холмы. Но через полчаса поля и перелески закончились, дорога снова нырнула в темень, долго петляла вдоль какой-то речки, пока Ельшин, сидевший сзади, не бросил:

— За теми кустами сверни направо.

Машины остановились, из первой вылез бывший начальник Управления «Т» ФСК, он же бывший генерал Ельшин. Следом за ним появился нынешний маршал «СС» Лобанов, потом Носовой, он же Тень-3, и наконец личный лобановский телохранитель Дзиро Маюмура. Шофер, комплекцией не уступавший самому Маршавину, чемпиону страны по бодибилдингу, смиренно остался в кабине. Вторая машина с телохранителями остановилась поодаль.

Теперь Ельшин совсем не был похож на прежнего щеголеватого, подтянутого, энергичного и злого генерала. Как ни старались медики, сохранить ему ногу не удалось, стопу пришлось отнять, да и левая рука едва двигалась. Ходил он сгорбившись, припадая на протез. Он поседел и выглядел совсем стариком, отпустил бородку, но в глазах по-прежнему горел жестокий и упрямый огонек.

Он огляделся и зашагал, прихрамывая, по склону холма вверх, лавируя между кустами. Остальные молча последовали за ним.

С вершины холма открывался вид на небольшую долину, окруженную со всех сторон редким лесом. Кроме деревьев, долину

опоясывала двойная изгородь из колючей проволоки с единственными воротами. У ворот прохаживался вооруженный автоматом охранник, а невдалеке стояла приземистая военная палатка. Но не это приковало взгляды приезжих.

В центре, там, где когда-то возвышалась двухэтажная дача Ельшина, превращенная гением безвестных армейских строителей в современную военную базу, располагалось странное сооружение, напоминавшее почерневшие развалины древнего замка. Застывшие фестоны, сталагмиты, наплывы, лепестки и ручьи из оплавленного камня, кирпича, бетона и металла образовывали причудливые фигуры, от которых по земле расходились ожогами черные лучи-полосы, так и не поросшие за целый год травой. Ельшин, прищурясь, смотрел на развалины, будто целился в кого-то. Сопровождавшие его члены Тень-кабинета молча переглядывались.

— Ты уверен, что там хоть что-нибудь сохранилось? — прервал наконец паузу Лобанов. Он поднял воротник плаща, поскольку начал накрапывать дождь.

— Бункер должен был уцелеть, — хрипло ответил Ельшин. — В любом случае мы ничего не теряем, а найти можем очень много.

— Давай, — кивнул Маюмуре маршал «СС».

Телохранитель отошел к машине и вытащил радиотелефон. Вторая машина тут же выехала на дорогу и направилась к воротам.

— Я посижу в кабине, — произнес Носовой, — не люблю дождливую погоду.

На вершине холма остались Ельшин и Лобанов.

— А все-таки что ты рассчитываешь там найти?

— Оружие, — ответил Ельшин и усмехнулся бескровными губами в ответ на удивленно вскинутые брови «наследника трона». — Абсолютное оружие.

— Раньше ты о нем не вспоминал.

— Просто я не мог в одиночку пробиться сюда. Слишком много людей охраняло этот... полигон. Терпеть больше нет сил! Очень уж хочется найти моего...

— Соболева? — Ельшин не ответил, зябко запахнул свою куртку. — Мы его найдем. Его дружок уже появился в поле зрения. Василий Балуев. Помнишь?

Бывший генерал медленно повернул к нему голову и оскалился.

Заместитель вошел в кабинет начальника военной контрразведки темнее тучи. Вместе с ним появился подполковник Смышляев, маленький, большеротый, ушастый — командир подразделения «Сокол», специализировавшегося на задержании диверсантов, террористов и шпионов.

— Ну? — поднял голову от стола Никушин.

— Потеряли двоих, еще четверо ранены.

У Андрея Витальевича заходили на скулах желваки.

— Это уж слишком! Вы что же, атаковали группу в лоб?

— Мы попали в ловушку, — пробасил Смышляев. — Да к тому же они дрались до последнего патрона.

Речь шла о захвате группы «черных шакалов» — боевиков из Чечни, все еще пытавшихся сводить счеты с руководством Министерства обороны, хотя с тех пор прошло уже немало времени и сменились почти все командиры высшего и среднего звена.

— Не надо было загонять их в угол, — неприязненно заметил Холин. — Всем известное правило. Дай противнику шанс мирно урегулировать конфликт, возможность выбирать между жизнью и смертью, и в девяноста девяти случаях из ста он не станет драться насмерть.

— Их предупреждали... — начал было снова Смышляев, но Никушин оборвал его взглядом.

— Разберитесь, Вадим Мартынович. И ускорьте комплектацию отряда «высокой пробы». Будь у нас такие спецы, как ганфайтер Соболев...

— Ищем, Андрей Витальевич. По некоторым данным, он окопался где-то поблизости, не то во Владимире, не то в Твери, не то в Рязани.

— Лично займитесь его поиском, он нужен мне... нам. — Начальник ВКР поморщился. — Теперь я жалею, что в свое время отказался от помощи одного... человека. Поверь я ему тогда, и искать Соболева, может, не пришлось бы... Да, жалею! — с нажимом повторил генерал больше для себя, чем для подчиненных. — Доложите о подробностях захвата, подполковник.

— Группа состояла из девяти человек, — начал Смышляев. — Командир, подрывник, снайпер, два стрелка, два мастера боя и заплечных дел, компьютерщик-взломщик и водила. Четверо убиты, остальные задержаны. Но их действительно предупре...

— Черт! — с досадой щелкнул пальцами генерал. — От жизни я отстал, что ли? Почему бы и мистику не обратить на пользу отечеству, если помощь предлагает такой... — Он не договорил, поглядев в растерянные лица подчиненных, и закончил спокойно: — Вадим Мартынович, Соболева найти как можно быстрее!

— Найдем и привезем, товарищ генерал!

— Это если он захочет, чтобы его везли. Передайте ему только мою просьбу: мне с ним необходимо встретиться. Теперь давайте материалы по убийству Голышева...

Слева мелькнуло белое пятно, и он ударил в него с ходу, подсекая противника снизу, безошибочно отыскивая при падении в темноте его лицо. Сдавленный вскрик, удар, тишина...

Возник еще один влажный блик — отсвет уличного фонаря в глазу нападавшего: очевидно, где-то было неплотно закрыто окно.

Кийк сделал подкат, уходя от захвата сзади, и достал того, чей глаз мелькнул в четырех метрах от него. Затем угадал движение тех двоих, что остались, и тремя ударами айучи отправил бойцов на пол.

В зале вспыхнул свет, кто-то несколько раз хлопнул в ладоши, из угла выступил полковник Юрген, снимая с головы прибор ночного видения.

— Неплохо, Паша. Но ты, гляжу, не в настроении?

— Вы, двое, — показал пальцем Кийк на пытавшихся подняться парней, — обратно в часть! Остальные — на занятия.

Юрген подождал, пока уйдут бойцы в пятнистых комбинезонах, державшиеся за головы, животы и спины, повернулся к капитану, который с недовольным видом приводил в порядок свой костюм. Пауля Артуровича Кийка, тридцати лет от роду, можно было охарактеризовать двумя словами: всегда победитель!

Кийк был высок, широкоплеч, гибок. Уверен в себе до самозабвения. Похоже, что родился командиром, вернее, человеком, который должен повелевать.

Юрген оглядел узкое, бледное, высокомерно-скучающее лицо капитана, встретил взгляд его прозрачно-голубоватых, со стальным блеском глаз и кивнул с удовлетворением: в их глубине читалось непреодолимое стремление к цели и презрение к жизни, в том числе своей собственной.

— Сколько человек ты отобрал?

— Пятерых. — Капитан выключил свет в зале тренировочной базы и отдернул тяжелые шторы. — Не из кого выбирать. Матерые профи работают в спецназах, ДДО и всяких спецкомандах типа «Щит», «Альфа», «Витязь», «Сокол» и «Руслан», а среди любителей мастеров нужного класса найти трудно.

— К сожалению, наше объявление об организации школы защиты предпринимателей пока не срабатывает. Приходили пять или шесть человек, но экзамены не выдержали.

Оба вышли из одноэтажного здания бывшей котельной, а теперь тренировочной базы трех «О», расположившейся в лесу на окраине Старой Купавны. Территория базы была окружена высоким бетонным забором со спиралью колючей проволоки поверху и просматривалась телекамерами и фотоэлементными системами. Здесь когда-то был могильник отходов, ставший впоследствии сначала оружейным, потом угольным складом, превращенным еще позже в жилое помещение, казарму, спортивный городок, полосу препятствий, машинный парк и стрельбище. Именно здесь проходил подготовку десантно-диверсионный отряд «Алабуга»,

который подчинялся непосредственно министру обороны Галкину.

— Генерал требует ускорить формирование команды, — с трудом проговорил Юрген, пряча лицо от ветра в воротник меховой куртки. — Твоя три «О» должна быть готова к выходу не позже чем через неделю. Если на объявление больше никто не откликнется, мне придется добавить тебе свою обойму «зомби».

— Не нравится мне эта ваша аббревиатура — «ООО». Не могли уж назвать именем собственным? «ККК» тоже именует себя «Чистилищем».

— Ну, назови «Ад» или «Тайфун».

— Уже было.

— Сам предложи.

— «Анальгин».

Юрген невольно рассмеялся, разглядывая серьезное лицо Кийка.

— Почему «Анальгин»?

— У тех, кого мы будем ловить, после захвата голова болеть уже не будет никогда.

— Резонно. Паша, я привез тебе первое задание. Съезди скоренько в Рязань и выясни, кто напал на моего давнего дружка Боксера, то есть Маракуца. Он говорит — это были парни из «Чистилища». Чего им там делать, ума не приложу! Разберись, найди и, если можешь, привези этих «чистильщиков» сюда. Генерал дает добро. Это будет твоей боевой проверкой. Возьми необходимых людей и вооружись «глушаком».

— Зачем? Мы и так их возьмем.

— Не гоношись, охотник, у Маракуца побывали спецы очень высокого класса, недооценивать их нельзя.

Кийк вдруг взмахнул рукой, и нож, вылетевший у него из рукава, буквально вонзился в ручку лопаты шагах в двадцати от него, висевшей на противопожарном щите.

— Пошли ко мне, дашь вводную, — бросил капитан через плечо, направляясь за ножом.

Полковник, оценив бросок, промолчал.

ПИРАМИДЫ И ЗАСАДА

Мгла рассеялась, и он оказался висящим в воздухе над колоссальной всхолмленной пустыней Древнего Египта.

— Хет-ка-Птах, — прилетел с ветром мелодичный женский голос. — Или Та Кемт. Хотя известны и более древние названия этой страны, например, Скрийт-кра.

Слева под солнцем близ Дашура, или Хай-Санофре, как на-

звали город древние египтяне, высились вторая и третья пирамиды Снофру, воздвигнутые рабами фараона — если следовать официальной исторической версии — более двух тысяч шестисот лет до нашей эры: одна — «ломаная», составленная из двух пирамид с разными наклонами граней, вторая — правильная, классическая. Обе возносились на высоту более ста метров, лучи солнца высекали в них, высвечивая, кварцево-слюдяные искры. Первая, ступенчатая, пирамида Снофру располагалась чуть дальше, вблизи Медума, в древности — Тат-Санофре.

Севернее попирали пустыню пирамиды фараонов четвертой династии: Хеопса, или Хуфу, Хефрена и Микерина — так называемая группа Гизы, которую охранял Великий Хармакути — загадочный Сфинкс. Перед Сфинксом стояло очень странное сложное сооружение, напоминающее сделанный из снега или фарфора симметричный, геометрически точный термитник и одновременно паука.

— Памятник культуры Арахнидов, — раздался над ухом тихий женский голос, но Матвей, завороженный всем увиденным, не ответил.

От Дашура до Фаюма высились пирамиды царей двенадцатой династии, так называемого Среднего царства, фараонов Ментухатепа, Аменемхетов — первого, второго и третьего, Сенусертов; но эти сооружения были лишь копиями Великих пирамид Древнего царства. Если высота пирамиды Хеопса-Хуфу достигала ста сорока семи метров, а одна ее сторона тянулась в длину на двести тридцать, то Ментухатепа в Дейр-эль-Бахари достигала всего лишь шестидесяти метров, как и первая из древнейших — шестиступенчатая пирамида Джосера.

Промелькнула ленивая мысль: пирамида считалась «вечным горизонтом», за который «зашел» фараон...

Матвей перевел взгляд на Сфинкса и застыл, созерцая это чудо — скульптуру, статую бога Хора, — по мнению ученых-историков, олицетворяющего восходящее солнце.

— Это не так, — снова прошелестел голос невидимой собеседницы.

И оцепенение схлынуло. Матвей вдруг осознал, что видит неповрежденного[1] Сфинкса! Но главное — он обнаружил, на *что* смотрит Сфинкс — на храм, подобный тому, что показал ему когда-то Тарас Горшин. Храм Инсектов! Памятник культуры Арахнидов, то есть разумных пауков!

— Значит, прав был Успенский?

— В очень большой степени. Древние египтяне *не построили*

[1] У Сфинкса, сохранившегося до наших времен, повреждено лицо и с головы сбита повязка.

пирамиды, они нашли их, полузасыпанные песком, и приспособили для своих религиозных обрядов — все эти усыпальницы, мавзолеи и гробницы. Да и окончательную, привычную для нас форму пирамиды приобрели позже — фараоны просто *достраивали* их. На самом деле изначально выглядели они совсем не так.

На мгновение массивные сооружения пирамид стали вдруг стеклянно прозрачными, и в их глубинах проступили очертания иных контуров, таинственных, сложных, необычных, чуждых человеческому глазу. И тут же снова стали непроницаемо плотными: вернулось ощущение монолита.

— Прапирамиды строила цивилизация, которая гораздо старше цивилизаций Шумера, Ассирии, Вавилона, городов-государств Малой Азии: Каркемши, Урму, Хамшу, Хахха, иранских Аван, Аншан, Кимаш, древнее Урарту[1], натуфийской культуры в Палестине, капсийской в Тунисе, культур лупембе и читоле в Конго, смитфилд в Южной Африке, древнее индийской и даже китайской[2] цивилизаций.

— Кто же строил Сфинкса?

— Первые. То есть Первые Люди на Земле, конечно. Еще не совсем люди, но уже и не насекомые. Таких изваяний было воздвигнуто всего три, но два разрушены во времена Темного Вмешательства, третий, как видишь, уцелел. Сфинксов строили мои предки. — В голосе невидимой собеседницы прозвучала грусть.

— Почему у него такая форма... фигура?

— Потому что так выглядели скульпторы.

До Матвея не сразу дошел смысл сказанного, а когда дошел, он почувствовал, что падает. Мир Египта снова скрылся в дымке желтой пыли или тумана...

— Помни... — запечатлелся в памяти тихий шепот.

Проснувшись, Матвей привычно оценил свое положение и степень предполагаемой опасности, но ничего подозрительного не почувствовал и открыл глаза.

Солнце еще не встало, день обещал быть если и не солнечным, то хотя бы не дождливым.

Бросив взгляд на стопку книг на столике у кровати, среди которых красовалось роскошное издание книги «Тайны египетских пирамид», Матвей пробормотал: «Дочитался до зеленых чертиков... то бишь до шизоидных «древнеегипетских» снов...»

Однако совершенно точно знал, что именно в снах он познает Истинное Положение Вещей в этом мире.

Полоскание, разминка, тренинг суплеса, душ, завтрак...

---

[1] VI—V тысячелетия до н. э.

[2] С конца позднего неолита, 20—30 тысяч лет назад.

Обязательное «доброе утро» Кристине, помноженное на поцелуй...

Заезд в больницу к выздоравливающему Стасу...

Воспоминания деталей последнего сна... Неужели таинственный гид — скорее всего все та же спутница инфарха — нашла способ передачи знаний напрямую, минуя подсознание? Спасибо ей за все, в особенности за вести об *ином* порядке мира, о цивилизациях, обустраивающих Землю задолго до появления на ней человека, о первых человеческих культурах, воздвигших такие памятники старины, как Сфинкс... Спасибо!

В девять утра Матвей вошел в здание фирмы. На посту у входной двери на второй этаж его встретил Кирсан Алимбаев, здоровенный детина, про которых говорят: амбал. Этого охранника, отличавшегося строптивым нравом и высокомерным отношением к товарищам, Матвей не любил, но Алимбаев был ставленником Шаровского и его телохранителем, поэтому приходилось терпеть.

— Что случилось? — поинтересовался Матвей, заметив на скуле охранника красную припухлость. — Зуб болит?

— Зуб. — Алимбаев оскалился. — Кудёма психует. Ну ничего, я с ним еще разберусь.

Матвей молча направился в дежурку, где возле телемонитора сидел нахохлившийся Кудёма и слушал напарника Сашу Преснякова.

— Ты что, «озверин» принял? — осведомился Матвей, присаживаясь рядом. — Что тут у вас произошло?

Кудёма отвернулся, а Саша с виноватым видом, страдая за товарища, коротко пояснил:

— Алимбай заходил... Мы тут об Игоре говорили, брате Паши... Ну, помните, у него дочку похитили?

— Ну?

— Вернулась... убежала от похитителей...

Кудёма вдруг встал и вышел из комнаты. Матвей и Саша переглянулись.

— Изнасиловали ее...

Матвей глубоко вздохнул и медленно выдавил воздух сквозь стиснутые зубы.

— Нашли — кто?

— Кто — известно, банда Шестопала, только милиция вся повязана, кормится от нее... Ничего они не найдут.

— Ясно. За что Алимбаев схлопотал по морде?

— Пошутил насчет девочки, скотина... что, мол, она давно уже, наверное, не девочка...

— Ясно. Об инциденте начальство не знает?

— Вряд ли. Во всяком случае нам нет смысла выносить сор из избы.

— Вот тут ты прав, разберемся сами.

В кабинете шефа Матвея ждал сюрприз.

— Срочно уезжаем в Москву. — Афонин перебирал какие-то бумаги, кое-что складывал в папку. — Кого порекомендуешь взять в сопровождающие, кроме Алимбаева?

— Как раз его-то я бы и не взял.

— Аркадий Самсонович тебя не поймет, это его телохранитель.

— Он тоже едет? Тогда поеду и я, если вы ненадолго.

— Туда и обратно. — Президент «Рюрика» сложил документы в «дипломат», обнял Соболева за плечи и повел к выходу. — Не обращай на них внимания, терпи. Шаровский — классный специалист, я без него как без рук, а так — давно бы уволил.

В приемной их уже ждал главный бухгалтер с таким же «дипломатом», хмурый Алимбаев и Баблумян, шутивший с Людочкой. Он не скрывал, что неравнодушен к ней.

— Не мало защитников берете? — спросил он и подмигнул Матвею. — Я бы посоветовал взять еще пару ребят.

— Хватит, мы не собираемся ни с кем воевать.

— Тогда хоть вооружитесь посерьезней, сейчас кругом стреляют. Не дал воровать — стреляют, не дал хамить — стреляют, да даже просто обогнал иномарку — опять стреляют!

Подняв бровь, Афонин в сомнении замолчал.

— Хватит пистолетов, — негромко сказал Матвей: у него, как и у всех охранников фирмы, было разрешение на ношение оружия.

— Тогда возьмите хотя бы еще «КС», — никак не мог успокоиться Баблумян, проявляя несвойственную ему заботу.

Подумав, Афонин кивнул. Матвею пришлось возвращаться в дежурку и брать из сейфа помповое ружье «КС-23», которое могло, кроме патронов калибра двадцать три миллиметра, стрелять контейнером «черемухи», а также пластиковыми пулями «стрела-3», резиновыми шариками «волна-Р» и зарядом картечи. У Алимбаева, насколько помнил Матвей, был швейцарский «ЗИГ-зауэр», сам же Соболев носил армейский «ПМ-М» под девятимиллиметровую пулю с магазином емкостью двенадцать патронов. Конечно, он мог бы достать себе личное оружие и более экзотического вида, но не считал нужным делать это, так как не собирался применять его.

Афонин сел в свой синий шестиместный «Шевроле» рядом с водителем. Шаровский, Алимбаев и Матвей устроились сзади. Матвей поймал темный, рыскающий взгляд охранника, и ему сразу перестала нравиться предстоящая поездка. Что-то в ней

было тревожное, поспешное, неподготовленное, суматошное. С бухты-барахты такие поездки не делаются, их надо обдумывать и готовить заранее, даже если кто-то из директоров Союза банкиров и предпринимателей и приказал президенту «Рюрика» явиться немедленно «на ковер».

Пока выезжали за город, в основном молчали, изредка перекидываясь репликами, а за Луховицами разговорился Шаровский, пересказав вычитанную в газетах историю о преступной группировке в Воронеже, шерстившей коммерсантов. Банда занималась тем, что насильно заставляла предпринимателей передавать ей недвижимое имущество, отстегивать немалые суммы за «охрану», получать по подложным документам кредиты в банках и отдавать ей. Пытавшихся сопротивляться бандиты подвергали пыткам в «подпольных тюрьмах», накачивая наркотиками и алкоголем, пилили ножовками, дробили молотками пальцы, отрезали уши, выбивали зубы, сажали на раскаленную электрическую плитку, погружали с головой в экскременты...

— Работали не хуже гестапо, — усмехнулся Афонин. — Ты к чему это все рассказываешь, Аркадий Самсонович?

— Так, вспомнилось, — пожал плечами Шаровский.

— А чем закончилось дело? — не удержался от вопроса водитель средних лет, всегда серьезный, обстоятельный, исполнительный, ас своего рода.

— Похватали их, конечно, всех, да изъяли там всего-то сумму в несколько тысяч долларов.

— Негусто. Деньги, небось, успели перевести в банки за границу. Да, наглеют преступники. Вчера мой свояк стал свидетелем драки. Пошли они с женой в ресторан «Золотой Плес» по случаю дня рождения приятеля, а там гуляла «крутая» компания. Напились, стали приставать ко всем, милиция начала их урезонивать, так они отметелили двух милиционеров да еще и погнались за ними на своих иномарках, стреляя в воздух. Ведут себя, гады сопливые, как в оккупированном городе!

— А ты что скажешь, Соболев? — спросил Шаровский.

— Остановите машину, — сказал вдруг Матвей, увидев тревожную вспышку сторожевой сигнальной системы, и понял наконец, что ему с самого начала не нравилось во всей этой истории с поездкой.

— Зачем? — оглянулся Сергей Сергеевич.

— Остановите, пересядем.

Шофер остановил «Шевроле». Матвей вылез из кабины, оглядел ближайший лес, подступающий к дороге, проносившиеся по шоссе автомобили и жестоким усилием воли — до укола сильнейшей головной боли, иначе пока не получалось, — вошел в со-

стояние турийи, или меоза, как говорил Иван Парамонов, то есть ментального озарения.

На бесконечно долгое мгновение между двумя ударами сердца Матвей стал частью природы: деревом, травой, дорогой, зверями и птицами, живущими в лесу, сложной системой перекрещивающихся биополей, молекулами воздуха, облаками и солнечным светом. С пронзительной ясностью проступил во всем огромном событийном пространстве меоза объемный рисунок пси-структур — человеческих аур и эгрегоров, природных сообществ, массивных земных платформ.

Читать мысли людей, попавших в зону меоза, Матвей не мог, но *видел* взаимодействие их полей и интеллектов, эмоций и чувств, переживаний и стремлений. Злые агрессивные связи окрашивались в багровые, фиолетовые и черные цвета, и таких зон в пределах видимости — вплоть до Москвы — было очень много. И, прежде чем выйти из турийи, Матвей успел проследить багровые линии связи Алимбаева и Шаровского.

Впереди их ждала засада, и оба были связаны с ней: Алимбаев — непосредственно, Аркадий Самсонович — через кружевную сеть других связей, зависимостей и знакомств.

— Что с тобой? — спросил Афонин, успевший дойти до леса и вернуться.

— Я сяду впереди, — решил Матвей, понимая, что ему не поверят, если он начнет рассказывать о своем «прозрении». Теперь надо было ловить Алимбаева с поличным и пресечь задержание в самый неожиданный момент. К тому же засада насчитывала всего пять человек на двух машинах, «договориться» с ними можно и в одиночку.

Алимбаеву и Шаровскому было весьма кстати, что вперед садится Соболев, поэтому они промолчали. Афонин же пересел, сомневаясь, но так как доверял своему начальнику охраны, то и возражать не стал.

— А как отреагировало начальство ОМОНа? — спросил Матвей, когда машина тронулась. — На то, что мы выдворили их отделение?

— Ты нажил себе серьезных врагов, — пробурчал Шаровский. — Тот майор-омоновец таких ударов не прощает. До сих пор не пойму, как тебе это удалось.

— Коммандос, — в тон ему проворчал Алимбаев, и было непонятно — одобрительно ли, осуждающе или презрительно.

— А в общем-то все тихо, — подытожил Сергей Сергеевич. — Они не имели права на обыск, изъятие документов и задержание сотрудников без санкции прокурора.

— Значит, нас кто-то подставил?

Афонин промолчал.

«Шевроле» перестроился в левый ряд, увеличил скорость.

И тут Матвей увидел засаду — черный «Паккард» с мощным мотором и «крутым» номером: М-020-ММ, российским флагом вместо буквенного обозначения района приписки. Такие номера могли позволить себе иметь разве что депутаты Думы да мэры городов, однако пользовались ими все, кто мог купить номер в ГАИ. «Паккард» тронулся с места, едва «Шевроле» фирмы проехал мимо, и пристроился сзади в сотне метров.

Вторую машину засады Матвей обнаружил за поворотом к Коломне, не более чем в километре от них, стоящей на обочине носом к дороге.

— Увеличь скорость! — приказал Матвей водителю.

— Отставить! — тут же отреагировал Алимбаев. — Останавливай!

И Матвей почувствовал, как тут же ему в шею уткнулся ствол пистолета.

— Не двигаться! — Второй пистолет Алимбаев направил в бок Афонину. — Тормози, Сан Саныч. И не надо дергаться, Соболев! Я с удовольствием сделаю в тебе дырку, не поможет даже твое хваленое карате.

— Ошибаешься, — хладнокровно проговорил Матвей. — Ты забыл снять свою «пушку» с предохранителя.

Алимбаев перевел взгляд на пистолет, отодвинув его от шеи Соболева, и этого мгновения хватило, чтобы Матвей, извернувшись самым немыслимым образом, нанес удар из арсенала приемов «импоссибл», называемом в русбое «мотыгой».

Алимбаев обмяк, выпустив пистолеты. Как оказалось, один из них действительно стоял на предохранителе, именно тот, который был направлен в бок президенту «Рюрика».

— Тормозить? — Водитель взглянул на Матвея.

— Газу!

— Черт! Что происходит?! — опомнился Афонин, только теперь обретая дар речи.

— Нас поджидали, — отрывисто бросил Матвей, оглянулся. — Одна машина идет сзади, другая — впереди, белый «Сааб». Заберите у него пистолеты, Сергей Сергеевич.

— Остановите, — сдавленным голосом просил Шаровский. — Они же начнут стрелять!

— Откуда вы знаете? — Матвей в упор глянул на главного бухгалтера, но выяснять отношения не стал: это было не его дело. — Сан Саныч, разворачивай назад и — ходу!

Водитель тут же сделал лихой разворот на скорости сто километров в час, и машина помчалась обратно в Рязань.

— Кто-то вас сильно не любит, Сергей Сергеевич, — сказал Матвей, убедившись в том, что черный «Паккард» отстал. — Этот

парень куплен конкурентами, кто бы они ни были. Возможно, это те большие люди, которые дали заказ ОМОНу «пощупать» фирму и которым в свое время вы не стали платить дань. Но я не думаю, что Алимбаев расскажет, на кого он работает.

— А вы уверены, что это не розыгрыш? — обрел свою всегдашнюю уверенность язвительный Шаровский. — Не фантазии нашего уважаемого начальника охраны? Где его машины «засады»? Где сама «засада»? И почему здесь командует он?

— Помолчите, Аркадий Самсонович, — поморщился Афонин. Анализировать и сопоставлять факты он умел, иначе не стал бы президентом преуспевающей фирмы.

Алимбаев пришел в себя лишь тогда, когда машина припарковалась у здания «Рюрик-банка».

— Позвольте, я поговорю с ним, — сказал Матвей.

— Мы сами поговорим, — поспешно ответил Шаровский. — Но если он не виноват...

— «Верь не своим глазам, верь моей совести», — фыркнул водитель, который тоже понял маневры группы засады. — Эта тварь хотела всех нас...

— Позовите если что, я буду у себя. — Не обращая внимания на Шаровского, Матвей ушел к своим подчиненным в дежурку.

Афонин вызвал его в конце рабочего дня.

В кабинете президента фирмы никого не было.

— Садись, — кивнул Сергей Сергеевич на стул, помял усталое лицо ладонями. — Темное это дело, Матвей.

— В нем замешан Шаровский.

— И я это понимаю, но доказать не могу. И уволить его не могу, у него пятнадцать процентов акций фирмы!

— И покровитель он сильный...

Афонин взглянул на Соболева, прищурясь.

— Не вмешивайся в мои личные дела, Соболев. Ты действительно нажил себе врагов, но не стоит из-за меня подставлять шею под топор. Кстати, как это ты умудрился достать Алимбаева?

— Да, кстати, а где он?

— Я его уволил. Доказать злой умысел с его стороны невозможно, слишком быстро ты расстроил их планы. И все же где ты научился таким приемам? Для Афгана ты вроде больно молод. Спецназ?

Матвей, помедлив, кивнул.

— Да что-то вроде этого. Вы тоже не должны забивать себе голову такими пустяками. Но от Шаровского вам надо избавляться — он спит и видит себя президентом «Рюрика». Попытавшись скомпрометировать вас, устроить налет, засаду, его друзья перейдут к более действенным мерам.

— Каким же?

— Это будет киллер.

Афонин закурил, прошелся по кабинету, снова сел. Брови его упрямо сдвинулись на переносице.

— Я буду работать, как и начинал, честно. И таких, как я, коммерсантов много, будь уверен.

— Знаю! — Матвей встал. — Но нечестных все-таки больше. К сожалению. Сергей Сергеевич, мне надо на три-четыре дня съездить в село, с сестрой плохо...

— Хоть на неделю. Деньги нужны?

— Обойдусь. На какое-то время наш враг притихнет, будет искать другие варианты, так что опасность чуть уменьшится. Но все-таки будьте осторожнее. В качестве телохрана возьмите Кудёму, парень надежный, хотя и угрюмый. А когда я вернусь, найдем способ заставить кое-кого уважать наши принципы.

Афонин молча пожал протянутую руку.

СЮРПРИЗ

Леонид Арнольдович Пашин стал министром внутренних дел, сменив на этом посту ушедшего на пенсию Жаренова Ивана Кузьмича неожиданно для многих, но только не для тех, кто знал его достаточно хорошо.

Родился он в тысяча девятьсот пятьдесят втором году в Порт-Артуре. Закончил Высшее военно-политическое училище МВД еще тогда — в СССР, потом Академию МВД. Стал кандидатом исторических наук. Занимал должности заместителя начальника кафедры Ленинградского высшего военно-политического училища МВД, председателя Комитета Верховного Совета России по вопросам обороны и безопасности, заместителя директора Агентства федеральной безопасности, начальника Управления Министерства безопасности, начальника Управления Министерства безопасности по Петербургу, заместителя министра безопасности России, затем директора службы контрразведки. Когда ФСК сменила вывеску на ФСБ и директором стал Сергей Вениаминович Коваль, Пашина вызвал к себе президент, через два дня ему присвоили звание генерал-лейтенанта, и он стал министром МВД.

Его собеседником, вернее, хозяином кабинета, куда его пригласили, был Генеральный прокурор Николай Григорьевич Плотников.

Кадровые перестановки в верхах, в результате которых Плотников из заместителя Главного прокурора Москвы передвинулся сразу в кресло Генпрокурора, были негласными, щепетильность

в расчет не бралась, несмотря на громкое провозглашение высоких нравственных принципов.

Личное дело Плотникова было шито белыми нитками, хотя никто из должностных лиц, принимавших его на работу, почему-то не обращал на это внимания, не сделал ни одной документальной проверки.

Так, в личном деле было сказано, что он в тысяча девятьсот семьдесят втором году закончил МГУ, а в графе «работа» значилось: «С 1961 года по апрель 1972-го — лаборант, старший лаборант Новосибирского государственного университета». Записи никак не состыковывались друг с другом. МГУ Николай Григорьевич никогда не заканчивал, так как учился на вечернем отделении Новосибирского университета.

Но это была не единственная «история с географией» в биографии Плотникова.

В тысяча девятьсот семьдесят восьмом он женился и сменил свою звучную фамилию, полученную в наследство от родного отца, — Жмых, на фамилию жены, Плотниковой С. Л. Конечно, сменить фамилию может каждый, но не каждый может получить на новую фамилию военный билет, датированный 1974 годом, когда Плотников еще не знал, что станет Плотниковым. Получил он билет в кубанском городке Тлеубинске, где никогда не жил и не служил, и там же стал обладателем офицерского удостоверения, датированного тысяча девятьсот семьдесят седьмым годом, хотя удостоверения с такими серией и номером выдавались только с 1985 года. Но именно офицерское удостоверение и позволило Плотникову сделать военно-юридическую карьеру и добраться до должности заместителя прокурора Москвы. Последний прыжок в высокое кресло Генпрокуратуры был сделан без особых на то усилий: к тому времени Плотников находился на вершине криминальной пирамиды теневой экономики.

Он успешно боролся с преступностью и еще более успешно создал собственную структуру власти, независимую от других властных институтов, в том числе от бывшего Купола, нынешней «СС» и государственных защитных систем. При этом он опирался и на тех, и на других, так как всех устраивал и был нужен всем.

Пашин и Плотников знали друг друга давно, однако приятельскими их отношения назвать было нельзя. Оба были прекрасно осведомлены о возможностях друг друга и разговоры вели только на официально-деловом уровне. На сей раз Плотников снизошел до личной доверительной беседы, причину которой сообщил генералу милиции не сразу.

Начал Генпрокурор с сетований на ухудшение криминальной обстановки в стране в целом и в столице в частности, приведя с

десяток примеров, которые министру МВД, конечно же, были хорошо известны.

Описан был и случай в ресторане «Рига», где трое молодых подгулявших посетителей стали приставать к охраннику, потом к какой-то компании, а потом к самому маленькому и тщедушному человечку, который вдруг вытащил откуда-то пистолет и уложил на месте всех троих... Плотников говорил и о бандитской группировке из тридцати семи человек, задержанной в районе Рязанского проспекта, которая занималась вымогательством средств у частных структур, малых предприятий и частных лиц. В результате операции ГУБО были изъяты шесть автоматов, тринадцать ружей, в том числе пять «винчестеров», двадцать девять пистолетов, гранаты, взрывчатка.

Не преминул Генеральный прокурор упомянуть и о раскрытии подпольного бомбосиндиката, занимавшегося изготовлением и сбытом взрывных устройств, имеющего филиалы в Санкт-Петербурге, Калининграде, Москве и Туле. Синдикат делал настолько совершенные мины и бомбы с дистанционным управлением, что подозрение пало на участие военных химиков из спецлабораторий Министерства обороны.

Когда же Плотников приступил к перечислению убийств предпринимателей, депутатов, милиционеров и офицеров Российской Армии, Пашин не выдержал:

— Мне все это хорошо известно, Николай Григорьевич. Но это мелочи. Вы прекрасно знаете, что гораздо страшнее для нас с вами — деятельность не бандитов и воров в законе, а организаций типа «СС» и «ККК». Не так ли?

Генеральный прокурор, медлительный, тяжелый, весь какой-то угловатый, будто с вырубленным, в глубоких морщинах лицом и глазами-буравчиками, потеребил отвисшие щеки, закурил сигару. Предложил и гостю.

Тот достал «Данхилл».

— Курю только сигареты и только свои, так что не обессудьте. Я не прав?

— Вы правы, Леонид Арнольдович. Хотя, скажем, раздел аэропорта разными кланами мафии — не менее важная акция для наших подразделений, но сделать мы ничего не сможем: таков сложившийся миропорядок. Но вот дела «СС» или «Чистилища», замахивающихся на святая святых...

— На номенклатуру, — приподняв бровь, продолжил министр.

Плотников, ощупав его костистое сухое лицо сверлящими глазами, засмеялся.

— И тут вы правы. — Посерьезнел. — Но это — наша власть, и мы ее должны защищать. — Спохватился. — Как, впрочем, и пра-

вопорядок в стране, разумеется. Вы знаете, сколько преступников находится в тюрьмах и СИЗО? Более миллиона! Но еще больше гуляет на свободе. Однако самое скверное знаете что? Среди этой массы попадаются стражи порядка, коррумпированные чиновники вашего ведомства.

— А из вашего разве нет?

— Есть, не спорю. Но я это говорю не ради порицания, просто напоминаю: всегда надо ждать удара в спину. Поэтому наша задача — объединить усилия, выявить потенциальных предателей и уничтожить их... или уволить.

Пашин еле сдержался, чтобы не пожать плечами. Однако он не любил кабинетные игры и предпочитал если и не рубить с плеча, то изъясняться прямо.

— Что вы предлагаете конкретно, Николай Григорьевич?

Генеральный прокурор понимающе кивнул.

— Скажу! Но сначала еще несколько фактов. Позавчера убит генерал Голышев. Неделей раньше — полковник Ставадзе, интендант военной базы в Саранске. Вчера — журналист Гальцев, как и Листохладов до него, раскопавший залежи коррупции в Министерстве обороны...

— Мы занимаемся этими делами...

— К сожалению, кроме вас, ими занялось и «Чистилище». — Плотников взял со стола лист плотной белой бумаги с броским золотым значком, вытисненным в уголке. Значок состоял из переплетенных букв «ККК», образующих рукоять кинжала.

Пашин прочитал текст под значком, вернул лист,

«Чистилище» предупреждало Генерального прокурора о том, что, если убийцы указанных лиц не будут найдены в кратчайшие сроки, «чистильщики» отыщут их сами, но вместе с киллерами будет казнен и ряд мешающих следствию работников Министерства внутренних дел и прокуратуры, вплоть до самого Генерального прокурора.

— А может быть, это деза ФСБ? У них ведь есть спецотдел по разработке дезинформации.

— Зачем службе безопасности пугать или предупреждать Генеральную прокуратуру? Они едят из одной кормушки. Нет, «Чистилище» заработало снова — и с большим размахом. Не хочется признаваться, но я его боюсь. Если оно вознесется над всеми нами, над законом, страна покатится к тоталитаризму... — Плотников замолчал, видя, что министр думает о чем-то своем. — В общем, Леонид Арнольдович, давайте без обиняков. Киньте все силы, весь МУР на поиски главарей «ККК», иначе скоро и мы с вами получим «повестки в ад» с этаким вот красивым золотым кинжальчиком. Вы хорошо знаете нового началь-

ника МУРа Синельникова? На совместном совещании он не показался мне достаточно компетентным.

— Это крупный профессионал, — коротко сказал Пашин.

— Да уж, действительно крупный — два метра на два! Ну ладно, пусть работает. Никто не вправе подменять собой прокуратуру, суд и органы наказания преступников. Закон должен быть законом для всех без исключения.

Пашин усмехнулся, но промолчал. Он хорошо понимал Плотникова, но не уважал его, зная послужной список последнего. Но ему был известен также и тот факт, что честных и сильных людей практически не существует, а тем более в органах. У каждого чиновника, тянувшего лямку карьеры в коридорах власти, рыльце в пуху, потому что иначе не выживешь при том бюрократически-криминальном беспределе, который создан системой партноменклатуры в годы «строительства коммунизма» и который крепчал день ото дня, пережив своих творцов.

— А еще лучше создать в недрах МУРа спецподразделение для борьбы с «Чистилищем», — продолжал развивать свою мысль Генеральный прокурор. — Проконсультируйтесь с директором ФСБ и начальником ГУБО, думаю, они не будут возражать. Не пожалею, отдам в вашу группу лучших своих следователей.

Министр поднялся.

— Я приму меры, Николай Григорьевич.

Им не надо было собираться всем вместе по каждому поводу, чтобы обсудить вопрос, требующий коллегиального решения: система сотовой радиотелефонной связи «криптофон» позволяла комиссарам «ККК» обсудить любую проблему, когда они находились в своих офисах, дома или в машине, а современные системы защиты с кодовым опознаванием голоса и даже запаха владельца телефона не позволяли разговаривать по этой сети другим людям и подслушивать переговоры других. Как только трубку брал в руки посторонний человек, телефон отключался.

Координатор «ККК» получил сигнал «на связь квадрата», находясь в своем кабинете в здании Министерства обороны на Берсеневской набережной. Включил криптофон, а заодно и комплекс охранной автоматики с шумоподавлением и лазерной отсечкой, который не только не давал возможности прослушать телефонные переговоры, но и просто разговор в кабинете, даже если в его стены были внедрены специальные устройства.

Инициатива связи «квадрата» принадлежала комиссару-2 Рыкову:

— Все меня слышат?

Громов тронул кнопку автоматического ответа. Очевидно, остальные комиссары сделали то же самое, и Рыков продолжал:

— Поступили сведения, требующие общего обсуждения. Пока же сообщаю информацию для размышлений: пятьдесят процентов депутатов Госдумы и треть сенаторов Совета Федерации работают на «СС». Да и остальные заняты в основном собой, строительством дач, счетами в банках, скупкой недвижимости и скорейшим решением личных проблем, а не государственными заботами. Кресла депутатов — всего лишь ширма...

— Мы знаем, Герман, — донесла сеть криптофона недовольный голос комиссара-4. — Из-за этого не стоило поднимать бучу для всего «квадрата».

— Но вы еще не знаете, что эти пятьдесят процентов протащили дополнение к Закону о борьбе с организованной преступностью, позволяющее силовым службам поступать с особо опасными преступниками по законам чрезвычайного положения. Вплоть до расстрела на месте.

— Ну и что?

— А то, что мы *тоже*, вернее, *преимущественно* входим в ранг «особо опасных». И теперь ФСБ и ГУБО заняты организацией спецкоманд для охоты за «чистильщиками».

Ответом Рыкову было продолжительное молчание. Наконец лидер «ККК» нарушил его:

— Да, следует признаться, это тревожный сюрприз. Предлагаю обдумать контрмеры и через день встретиться. Могу добавить: в недрах Минобороны уже создана подобная команда под названием «ООО» — «отряд охотников за охотниками». Сами себя они нарекли еще интереснее: «Отряд Анальгин». Догадываетесь, почему? Конец связи.

Громов отключил криптофон, задумчиво походил по кабинету, поглядывая на хмурый осенний день за окном. Сообщение Рыкова не стало неожиданностью: государственная система не могла не реагировать на посягательство на власть и защищала себя всеми средствами, вплоть до антизаконных, антиконституционных. Впрочем, чиновники всегда могут сделать эти средства конституционными, сварганив «дополнения к Закону», и в этом их великое преимущество перед другими властными структурами: они хотя бы формально опираются на «мнение народа».

Что ж, подумал координатор «Чистилища», пора и консультироваться с моим личным «другом-дьяволом». Что он посоветует в данной ситуации?

Дмитрий Олегович выдвинул из корпуса «вертушки», как привычно называли пульт сверхсовременного селектора, дополнительную панель всего с двумя сенсорами красного и зеленого цвета и дотронулся до зеленого квадратика. Через минуту зеленый цвет сменился на желтый, а динамик селектора тихо проговорил:

— Вызов принят. Аргументы?

— Вероятность облавы близка к единице. Необходим информконтакт.

— Ждите.

Громов сел за стол, настроил себя на тот режим напряжения, который был необходим для контакта с «другом-дьяволом», и стал ждать.

Прежде чем пойти по указанному в объявлении адресу, Василий Балуев навестил двух своих друзей. Один из них жил в Митино и работал в баре недалеко от дома, где жил; второй служил охранником в частной хлебопекарне. Охранника звали Костя Злобин, русбоем и восточными единоборствами он занимался с детства, имел разного цвета пояса от разных школ и чувствовал себя в жизни достаточно уверенно. О наборе в школу безопасности предпринимателей он ничего не слышал, а на вопрос Василия — не хотел бы он туда устроиться? — ответил:

— На кой ляд? Платить там будут если и больше, то не намного, а ответственности — выше крыши. Мне и в моей пекарне хорошо. От рэкетиров отбились, налоги платим исправно, жить можно.

Разговор происходил днем сначала у Злобина дома, потом приятели решили вспомнить былое в более уютном месте и остановились на кафе-мороженом «Фиорд» на Тверской недалеко от Белорусского вокзала. Машины у Кости не было, поехали на метро. А в кафе произошла сцена, которая произвела на Василия гнетущее впечатление.

Несмотря на хмурый осенний день, народу в кафе поднабралось прилично, даже образовалась очередь. Впереди приятелей оказалась компания из двух молодых пар интеллигентного вида, вознамерившихся, очевидно, тихо посидеть в кафе и отдохнуть. Женщины подошли к свободному столику и, поглядывая на своих кавалеров, не садились в ожидании, пока те возьмут мороженое и напитки. И в этот момент два коротко стриженных амбала, только что вошедшие в кафе, одетые в «фирму» — спортивные костюмы «Панда», кожаные жилеты, кроссовки «Найк», — бесцеремонно растолкав очередь, взяли мороженое и столь же нагло оттолкнули женщин от столика. А когда те попробовали возражать, апеллируя к своим кавалерам, один амбал, не стесняясь, бросил женщине просто:

— Пошла на... Врежу — сдохнешь!

Шокированные женщины тут же отошли в сторону, стали уговаривать своих молодых людей не трогать «крутых», но один из них все же подошел к «спортсменам», что-то сказал и тут же

получил короткий удар в низ живота от даже не поднявшегося со стула амбала.

Василий не вмешивался, когда наглецы растолкали очередь и взяли мороженое, стерпел и явное пренебрежение с их стороны ко всем «слабакам и бабам», но не выдержал, когда громила сказал двинувшемуся на него второму «интеллигенту»:

— Лучше не лезь, мудак, по стенке размажу!

— Бери мне то же, что и себе, — сказал Василий Косте, подошел к столику, проговорив очень тихо, чтобы слышали только они: — Мальчики, поднимайтесь и уходите, пока я добрый. Не дай вам Бог увидеть меня злым!

— Гля, Лева, еще один защитник выискался! — повел крутыми плечами «спортсмен». — Какой-то сегодня день ненормальный, не дают расслабиться спокойно. Вали, бобик, я тебя пальцем сломаю.

Василий изящно перехватил руку говорившего приемом «хлыст», рывком поднял со стула, одновременно вырубая второго мордоворота выпадом большого пальца под ключицу. Повел взвывшего «спортсмена» к выходу, приговаривая еле слышно:

— Не дергайся, урод, руку сломаю.

На них с опаской посматривали посетители других столиков, но не вмешивались, привыкнув к бандитскому беспределу подонков, не предвещавшему ничего хорошего от «крутой» разборки. Второго «спортсмена» пришлось выносить на улицу вдвоем с Костей. Первый, держась чуть поодаль, грозился «убить сук» всеми известными ему способами, но приятели вернулись в кафе, не обращая на него внимания, весьма равнодушно отреагировав на благодарный лепет дам компании.

Сев на освободившиеся у окна места, Костя, поглядывая на потерявшую живость физиономию Балуева, сказал:

— Что это на тебя нашло? От этих ублюдков всего ждать можно — от ножа в спину до выстрела в грудь. А если бы у него имелась «пушка»?

— Зря я, что ли, двадцать лет занимаюсь рукоприкладством? Надоело смотреть, как жирует эта падаль, «хозяева жизни». Надо же когда-то и отпор дать.

Костя с явным интересом заглянул в ставшие угрюмыми глаза товарища.

— Всем подонкам морду не набьешь.

— Может, и не набьешь, но стремиться к этому надо.

— Ну-ну, давай, если захотел на свою задницу приключений. Оно, конечно, может, ты и прав. Недаром говорится, что висящее на стене ружье раз в год стреляет.

— Что ты имеешь в виду?

— Твое воинское мастерство — что висящее ружье, ему требуется выход.

— Ладно, давай поговорим на другие темы, как-никак расслабиться пришли. Ты до сих пор не женат?

— А зачем? Баб и без того хватает. Как говорится, «кончил тело — гуляй смело». Я еще молодой, погожу хомут на шею вешать.

— Циником ты стал, Константин.

— Жизнь такая, Василич. Ты вон тоже не окольцованный. Или есть кто на примете?

— Да в общем-то нет. — Василий вспомнил жаркий шепот Ларисы, ее губы, грудь, сильные и нежные руки. — Хотя нет... одна кандидатура появилась. Массажистка в одном салоне здоровья. Но я не уверен.

— В ней?

— В себе.

Костя рассмеялся.

— Вот это речь мужчины! Но ты вообще-то где обитаешь? Встречались мы с тобой, если не ошибаюсь, года два назад. Тогда ты вроде служил где-то в органах?

— В Федеральной службе контрразведки.

— А теперь?

— Ушел... по собственному желанию, живу в Рязани, работаю в одной из частных тренировочных школ по «унибосу». А тут увидел недавно объявление в газете и решил вернуться в столицу. Сходишь со мной?

— Как говорил Пятачок в мультфильме: «До пятницы я совершенно свободен». Схожу с удовольствием! Кстати, помнишь Вовку Абуткина? Год назад врезался на мотоцикле в фургон, сломал позвоночник. Навестил бы ты его, он тебя помнит.

— Что с ним?

— Лежит парализованный, самостоятельно на горшок сходить не может. А ведь каким спортсменом был!

— Схожу обязательно, дай только адресок.

Посидев еще с час в кафе, приятели вышли на улицу, но «спортсменов», вопреки ожиданиям, не встретили. Вероятно, оценив соперников, те решили не рисковать своим драгоценным здоровьем.

Василий почувствовал атмосферу этого учреждения сразу, едва переступил порог комнаты, где зачисляли в школу безопасности бизнесменов. Впечатление было такое, будто на спину поставили клеймо. И хотя в дальнейшем это ощущение несколько притупилось, Василий не спешил отделаться от него, памятуя предупреждение Матвея: похоже, кто-то «положил на него глаз» и уже не выпускал из поля своего зрения.

Процедура приема на работу оказалась весьма простой.

Паспорт (у Балуева был еще ганфайтерный, липовый, для знакомств, на фамилию Синякин), рекомендации тренерского совета какой-нибудь из секций карате (здесь у Балуева была заготовлена справка о том, что он служил в спецбате внутренних войск в качестве тренера по рукопашному бою), «полигон».

«Полигоном» служил небольшой зал с ковром вместо татáми, где соискателя экзаменовали на владение воинскими искусствами. Сначала предложили продемонстрировать ката, то есть комплекс обязательных стандартных передвижений, что Василий сделал без удовольствия, зато «раскачал» организм, подготовил его к переходу в состояние высоких энергозатрат. Затем экзаменатор, военно-спортивной выучки «гуру», беловолосый, но смуглый, гибкий, сильный, не то прибалт, не то немец, показал ему класс, едва не уложив серией ударов атэ-вадза[1] в стиле Дзёсинмон[2]. Василий никак не ожидал встретить тут бойца такой квалификации и потратил достаточно много времени, чтобы нейтрализовать его. Однако как только он, разозлившись на самого себя, начал отвечать на поражение, экзамен остановили.

— Годится! — бросил беловолосый, дыша бесшумно, почти спокойно, и ушел не попрощавшись.

— Приходите завтра сюда же, — сказал Василию нездорового вида одутловатый наниматель, проверявший документы. — Будет директор школы, познакомится с вами и определит круг задач.

Василий, потирая ключицу, куда пришелся локоть экзаменатора, вышел в сопровождении Кости на улицу.

— А ведь он использовал не весь свой потенциал, — проговорил Злобин, наблюдавший за боем. — У этого арийца хатидан, если не кюдан[3]. Не нравится мне эта контора, Василич, уж больно профессионально подходит к контакту.

И ему тоже не нравится, подумал про себя Василий, прислушиваясь к собственным ощущениям. «Клеймо» продолжало гореть на спине, и означало это лишь одно: за ним установили слежку с применением спецсредств. В свою очередь последнее соображение говорило в пользу того, что его здесь ждали!

В полной мере Балуев проверил верность своих ошущений вечером, когда за ним пришли.

Остановился он у приятеля в Митино, а не у Кости Злобина, о чем впоследствии не раз пожалел. Приятель, доцент Московско-

---

[1] Атэ-вадза — тычковые удары в уязвимые места.

[2] Дзёсинмон — Врата непоколебимого духа *(яп.)*.

[3] Хатидан — восьмой дан, кюдан — девятый (в классификации карате-до).

го авиационного института Хлебников, и не подозревал, кем на самом деле был Балуев, с которым он учился когда-то в одной группе.

Они проговорили до одиннадцати вечера, вспоминали однокашников, преподавателей, подруг и друзей, делились скромными успехами, рассказывали каждый о своей работе, хотя Василий как бы мимолетно заметил, что работает в «одном секретном ящике». Когда в дверь позвонили, его подозрения тотчас обрели реальную почву, и он сразу понял, что пришли за ним.

— Интересно, — проговорил он медленно, останавливая двинувшегося к двери приятеля Юрия. — Из каких соображений исходила муха, садясь на липкую бумагу?

— Что? — растерялся тот.

— Это я о себе... Балкон есть?

— Лоджия, вход из спальни.

— Тогда бывай, Юра, я ухожу нестандартным путем, но ты об этом никому не говори. Я у тебя был и ушел еще засветло. Понял?

— П-понял... н-нет, не понял. Что случилось? Чего ты всполошился? Погоди, еще поговорим, пойду открою, звонят...

— Откроешь, когда меня не будет. Потом объясню, в чем дело. Иди, потяни время у двери, будто ты ничего не понимаешь, только проснулся.

Василий вышел на балкон, несколько мгновений прислушиваясь к тишине: дом стоял в парковой зоне, вокруг громоздились новостройки с возвышающимися над ними кранами, до шоссе было далеко, но внизу ощущалось какое-то движение, скрытое от глаз темнотой. Квартира Юрия была на двенадцатом этаже шестнадцатиэтажки, но это не смущало Василия. Смущало другое — отсутствие страховки у тех, кто за ним явился. Они наверняка должны были как-то перекрыть пути его отступления через балконы.

Мелькнула мысль: может, напрасно он психует и пришли вовсе не за ним? Но тут в спину Василия дохнуло вдруг таким ледяным ветром опасности, что он сиганул на нижнюю лоджию, не раздумывая ни секунды, хваля Бога, что район еще не обжит и хозяева не успели застеклить лоджии.

Так, с лоджии на лоджию — по диагонали вдоль стены дома — он опускался до третьего этажа, пока не попалась открытая дверь с лоджии в квартиру. Шмыгнул в темную комнату, где на постели спал с потухшей в пальцах сигаретой хозяин или квартирант, бесшумно нащупал входные запоры и выскользнул за дверь в коридор, готовый с ходу вступить в схватку.

Но никого. Все-таки его маневр — он вышел аж в третьем от перекрытого подъезде — если и не остался незамеченным, то за-

стал преследователей врасплох: все подъезды блокировать они не успели или не догадались.

Василий вышел из подъезда вместе с компанией парней и девушек, возвращавшихся с вечеринки, притворясь слегка хмельным и своим парнем. Наметанным глазом определил, что за ним явился армейский спецназ — если судить по машинам с военными номерами и «гориллам» в пятнистой форме, вооруженным бесшумными автоматами «АПБ» калибра девять миллиметров и «никонами» (десантный вариант).

Молчаливые парни с профессиональным хватом автоматов обратили на него внимание, лишь когда он остался один во дворе, так как места в кабинах «Тойот», «Вольво», «вазовских» шестнадцатых моделей ему не хватило.

— Эй, малый, постой-ка! — позвал его рослый командир группы захвата.

В то же мгновение ожил мотор одиноко стоящего во дворе джипа «Чероки» с затемненными стеклами, машина прыгнула навстречу Василию с визгом шин, открылась дверца, и чей-то полузабытый голос рявкнул:

— Садись, быстро!

Помедлив мгновение, ровно столько, сколько понадобилось для оценки дружественности предлагаемой помощи, Балуев нырнул в кабину. Промедли он еще хоть секунду — и не выручили бы его ни навыки ганфайтера, ни умение маскироваться и быстро бегать.

Джип снова с визгом шин рванул за угол и, попетляв немного, вырвался на улицу. Только теперь Василий обратил внимание на водителя — в кабине больше никого не было.

— Кто вы?

— Своих не узнаешь? — Водитель обернулся, и Василий изумленно воскликнул:

— Валерка, ты?

Это был Валерий Шевченко, бывший агент ФСК класса «супер», списанный вчистую из-за ранения года два назад.

— Как ты здесь оказался?

— Тебя ждал. Держись, будем отрываться, эти ребята шутить не любят.

— Кто они?

— Спецкоманда Юргена, главного телохрана министра обороны. Видать, ты им здорово насолил, раз они примчались сюда двумя отделениями.

— В том-то все и заключается, что я ничего такого не сделал!

— Ладно, потом расскажешь!

Джип свернул с шоссе в лес, на заасфальтированную дорогу, остановился возле затрапезного вида «Москвича». Оба быстро

пересели в «Москвич», шофер которого занял место Валерия за рулем джипа. И машина тут же помчалась по Можайскому шоссе к Москве.

ФЕРМЕРЫ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Астрал — кто бы что под этим ни подразумевал — настолько сложное и странное «болото», что *видящие* входят в него при строжайших ограничениях собственных побуждений. Но соблазн проникновения в его глубины и высоты столь велик, что редко кто удерживается на грани простого созерцания волшебных панорам или мерзких тварей низшего слоя, возбуждаемого самыми низменными желаниями человека. Матвей убедился в непреодолимости этого соблазна, с трудом вернувшись «в тело» из очередного путешествия, выполненного не во сне, а вполне осознанно. Вернее, почти осознанно, по воле собственного «я», свободного от оков здравого смысла. Впредь он решил действовать более осмотрительно, потому что испытал самый тривиальный ужас, заплутав в горизонтах инобытия и с громадным трудом выплыв на уровень, обеспечивающий знание всех языков, на которых разговаривало человечество. А оттуда уже было «рукой подать» до воплощенной в материальные структуры земной реальности.

Отдышавшись, Матвей подумал, что ему необходим проводник по астралу, Учитель или в крайнем случае путеводитель с указанием безопасных маршрутов. Иначе когда-нибудь он рискует либо вернуться в чужое тело, либо вообще не вернуться из путешествия по всеобщему эйдо-эмоциональному полю, называемому «астралом». Правда, несмотря на обладание достаточной свободой в этом состоянии, Матвей понял, что высший этаж астрала — «ментал», истинная энергоинформационная матрица Вселенной, ему недоступна. Кто-то или что-то не позволяло ему проникать туда, каждый раз направляя полет воли в нижние горизонты астрала.

Но и то, чем овладела душа-воля Матвея, позволяло ему выходить в меоз усилием мысли, хотя и не без головной боли. Что, в свою очередь, раскрывало небывалые экстрафизические возможности: увеличение темпа жизни, сверхреакцию, тончайшие ощущения электромагнитных полей, точное восприятие опасности, физическую силу, уменьшение веса тела, снятие боли и тому подобное. Вернулись все паранормальные способности, индуцированные биокоррекцией, произведенной более года назад Тара-

сом Горшиным, «отступником», преступившим законы людей Внутреннего Круга.

Перед отъездом в Вологду Матвей потренировал выход в меоз и с небывалым чувством свободы и внутренней силы определил пределы новой балансировки восприятия. Теперь он мог не только задерживать дыхание на пять-восемь минут, но и регулировать сердечную деятельность вплоть до остановки сердца на несколько минут, менять по желанию температуру тела, регулировать (уменьшать) вес тела чуть ли не на треть, а также свободно различать цвет ауры людей — «свечение» их тонких тел.

Так он убедился воочию, что преобладание красного цвета в верхней части ауры означает избыточную самоуверенность владельца, оранжевого — наличие доброты и гуманности, зеленого — дружелюбия и стремления к духовному росту. Голубой цвет являлся свидетельством высокого интеллекта, здоровья и бодрости, серый — болезни, фиолетовый отражал ясность мысли и воображение, грязно-коричневый — повышенную сексуальность, фальшь в поведении, зелено-желтые вспышки говорили о лживости обладателя ауры, а золотисто-желтое ровное свечение указывало на высокую духовность. Но людей с таким оттенком ауры Матвей практически не встречал, все больше попадались серые, коричневые, бурые цвета — цвета неблагополучия и нездоровья.

Утром в воскресенье, проделав комплекс обязательных упражнений и сменив ряд поз йоги от вакрасаны до сукхасаны[1], Матвей вывел свою бронированную «Таврию» из гаража, заехал к Сумароковым, повозился со Стасом, привыкающим к своему полноценному двуногому положению, поговорил с Кристиной и отбыл в Москву.

Доехал за два часа без происшествий, однако в Вологду отправился на поезде, оставив машину на стоянке возле Ярославского вокзала. Хотелось подготовиться, отдохнуть за ночь и явиться на место свежим и полным сил.

В купе беседовали двое: пожилой толстяк с лысиной на полчерепа и неопределенного возраста мужчина, скорее всего узбек, черноволосый, смуглый, скуластый. Ему можно было дать и тридцать и пятьдесят лет, представительной фактурой природа его не наделила, и все же Матвей почувствовал в нем определенную силу, способную остановить кого угодно, сокрушить любое препятствие.

Разговор зашел о политике.

Говорил больше толстяк, другой пассажир вставлял иногда редкое слово и слушал, поглядывая на Матвея черными, блестящими, как маслины, глазами.

---

[1] Вакрасана — «скрученная» поза, сукхасана — «приятная».

— Сегодня серьезная опасность исходит не от шпаны, — горячился толстяк, расслабляя галстук, — малюющей свастику на стенах и заборах, делающей себе соответствующие татуировки, и не от утонченных околофашистских интеллигентов. Такая жалкая тусовка была и будет всегда. Политического значения вся эта маргинальная компания не имеет, политической погоды эта публика не делает. Опасно иное. Экстремисты прекрасно чувствуют, что время работает против них. Стабильность означает их исчезновение с политической сцены, поэтому им необходимы кризисы, революции, потрясения. И ради создания условий для этого они пойдут на все.

— Разве им нельзя помешать? — низким голосом спокойно спросил черноволосый.

— А кто им способен помешать? Президент? Он ищет опору, которой у него до сих пор нет, и, если понадобится, уцепится за любой спасательный круг, кто бы его ни бросил. Премьер? У него свой круг приоритетов, и он также пойдет на сговор с любым дьяволом, чтобы остаться у кормила власти. Дума? Депутаты озабочены лишь одним: сохранением своих кресел и привилегий, которые эти кресла дают.

— Невысокого вы, однако, мнения о депутатах.

Фыркнув, толстяк глянул на Матвея.

— Спросите у этого молодого человека, какого он мнения о них. Вас как зовут?

Матвей назвал себя.

— А меня Егор Феоктистович.

Черноволосый и в самом деле оказался узбеком, у него было звучное имя: Вахид Тожиевич Самандар. И, как оказалось, он был директором МИЦБИ — Международного исследовательского центра боевых искусств. Толстяк же работал экспертом-экономистом в другом международном институте — стратегических исследований.

— Депутаты! — фыркнул Егор Феоктистович. — Парламентарии, так сказать, представители народа, мать вашу!.. Если бы вы знали, сколько среди них мерзавцев! Хотите общую характеристику? Извольте. Во-первых, все они, как старые кокетки, заигрывают с народом, обещая то, чего и сами через день не вспомнят. Во-вторых, обожают цацки — машины, дачи, видеотехнику, мебель. В-третьих, падки на популизм, любят лесть, комплименты, презентации и фуршеты, обожают целоваться, клясться друг другу в верности и любви, хотят нравиться всем, завидуют успеху других... А, да что говорить! — Толстяк-эксперт махнул рукой. — Клейма ставить негде!

— Но, видно, мы достойны таких правителей, — мягко улыб-

нулся Вахид Тожиевич. — Избираем-то их по своему образу и подобию.

В дальнейшем разговоре Матвей не участвовал, хотя его забавляла горячность Егора Феоктистовича, основательно осведомленного о жизни депутатов и правительственных чиновников. Явилось ощущение, что встреча с этими людьми в поезде неслучайна. Но, поскольку непосредственной опасности они не представляли, Матвей переключил свое внимание на внутреннее созерцание, ловя изредка внимательные взгляды узбека. Этот человек был явно неординарен, нестандартен, однако не спешил выказывать свою осведомленность и оригинальность, предпочитая слушать, оценивать и взвешивать каждое свое слово.

Оба сошли в Вологде, пожелали друг другу удачи и разошлись в разные стороны: Самандар — на привокзальную площадь, Соболев — к автовокзалу. Но у него сложилось убеждение, что они еще встретятся.

В первом часу дня Матвей прибыл в бывший колхоз «Новый завет», теперь — АО «Процветание». Погода стояла почти летняя, облачка в небе не портили его голубизны, солнце жарило вовсю, ветер приносил с полей запахи трав, и Матвей забалдел, как от хмельного напитка, снова пережив внутренний подъем и грусть по давно ушедшим дням юности.

Ряд фермерских усадеб в селе Старом на первый взгляд не претерпел изменений, но, увидев заколоченные ставни в двух домах, Матвей понял, что фермеры не выдерживают гонок на выживание с АО «Процветание». У бывшего колхоза прав и связей в агроверхах было несравненно больше, а сила, как известно, и солому ломит.

Леонид Нестеров возился на скотном дворе, небритый, похудевший, злой, и у Соболева в душе даже шевельнулась жалость к нему, однако он помнил, что во всей истории с сестрой муж ее едва ли не главный виновник всего случившегося. Приезду шурина Нестеров не то чтобы сильно обрадовался, но при его появлении несколько оживился.

Дети были дома, играли без обычной возни и шума, однако, не в пример отцу, встретили дядьку с восторгом, тем более что он привез племяннику приставку «кенди» к телевизору, а племяннице набор бижутерии. После общего чаепития мужчины уединились в горнице, и Леонид принялся за рассказ.

Шаг за шагом перед Матвеем разворачивался процесс травли фермеров, в том числе и семьи сестры, Нестеровых, направляемый бессменным председателем колхоза «Новый завет», а потом президентом акционерного общества «Процветание» Антоном Сергеевичем Дурбанем и его подручными, среди которых был и

небезызвестный Соболеву инспектор Константин Кириллович Шавло.

Картина вырисовывалась нерадостная.

После тихой драки Матвея с местной властью дела у Нестеровых вроде бы пошли на лад. В течение полугода никто ничего у них не крал, никто не ставил палки в колеса, не зажимал кредиты, не задерживал выплаты денег за сданные сельхозсырье и продукты. Но потом, видно, не дождавшись обещанной Матвеем проверки деятельности колхозных «госарбайтеров», успешно превратив колхоз в акционерное общество открытого типа, Дурбань решил додавить несговорчивых и нашел хитрый ход: сделать это руками сельчан, недовольных заработками фермеров.

В селе Старом этих людей знали по кличкам — Шпана, Мокрый, Бегемот, Дубина, Мост, Капитан... Вечные нахлебники и алкаши, готовые за пол-литра на что угодно. Единственное, что они умели, — это крутить баранку грузовика или трактора. Зато амбиций больше, чем у любого уважающего себя мастера. Вот с такими-то людьми и пришлось работать сестре Лиде, когда потребовалось привлекать сезонных рабочих. Двух она наняла водителями своего грузовичка «Бурлак», который Нестеровы купили еще весной, а двое других колупались на скотном дворе, ежедневно требуя выпивку.

Чем их купил Дурбань, догадаться было несложно. Однако начали мужички пропадать с грузовиком и трактором по нескольку дней, подрабатывая на стороне. Лида стала требовать с них плату за эксплуатацию машины, и получился первый конфликт. В колхозе ведь как: стоит трактор — садись и зарабатывай деньги, никто не спросит, по какому праву ты это делаешь — «все кругом колхозное, все кругом мое». Какая там еще плата? Так Лиде и сказал директор АО, прекрасно понимая, что пришли новые времена и за все надо платить.

Привыкли в Старом и к другому «коммунистическому» принципу: если ты что-то заработал — поделись с соседями или ставь по крайней мере бутылку. Правда, с начала девяностых годов этот принцип работать перестал, но директор — президент АО — решил его возродить. И зачастили к Нестеровым «новые люмпены», любители дармовщинки, требуя за каждый, хоть и небольшой успех фермерской семьи бутылку за бутылкой. Лида не давала, они злились, портили технику, отравили собаку...

С виду отношения с соседями вроде были самые нормальные, а с некоторыми даже дружеские, казалось бы — зачем вредить? Но нет, эти отношения развивались и углублялись, направляемые подручными Дурбаня — «Шавло и компанией». Однажды Лида вернулась домой с синяком во всю щеку. Леонид к ней: «Что случилось?» Она: «В машине ударилась». Потом пришел

шофер — Бегемот: ты, мол, прости, забери заявление... Оказалось, он избил ее, выкинул из машины, забрал ключи и на два дня скрылся. Тогда Лидия заявление, написанное в милицию, забрала у Шавло. Но потом были и другие похожие случаи. Опять избили. Отравили свинью. Неоднократно угоняли машину и трактор. Угрожали расправой, бросались на нее с ножами, топором и даже бензопилой...

Роковой выстрел раздался, когда терпение Лиды лопнуло. И хотя пострадавший — некий Капитан, подонок из подонков, — давно выздоровел, Лиду осудили на пять лет «за превышение мер необходимой обороны». Свидетелями были все те же «Шавло и К°», бывшие работники Нестеровых Мокрый, Губошлеп, Бегемот и... ее муж Леонид!

Матвей, выслушав рассказ, стиснул зубы. Нестеров ничего в принципе не сделал, чтобы защитить жену, помочь ей, облегчить ее участь, хотя мог бы взять всю вину на себя, как мужчина и защитник. Но он даже ни разу после суда не навестил жену в районной вологодской тюрьме!

Видимо, Леонид что-то почувствовал в молчании гостя, потому что внезапно замолчал и отодвинулся от него.

— Ясно, — сказал Матвей, вставая, и глаза его вспыхнули такой ледяной голубизной, что муж сестры едва не свалился со стула, инстинктивно закрывая лицо рукой.

— Что ты... вы... хочешь делать? — проговорил Нестеров.

— Поживу пока тут, — медленно сказал Матвей, отворачиваясь и тут же забывая о существовании шурина. — Пару дней. Уточню кое-что. Потом посмотрим.

— Конечно, оставайся, живи, я со своей стороны... как-нибудь... — залепетал Леонид. — Вот, стели себе в горнице, белье бери... стираное. Обедать с нами будешь... или как?

— Или как, — ответил Матвей.

Следующий день он потратил на выяснение всех обстоятельств дела, разговаривал с соседями и односельчанами Нестеровых, чтобы детально разобраться в случившемся. Потом съездил в Вологду на свидание с сестрой, несказанно обрадовав ее своим появлением.

— Это мне кара заслуженная, — с тоской говорила Лида, отплакав положенное, когда они проговорили с полчаса. — Кара за старые грехи.

— Какие еще грехи? — удивился Матвей, с не меньшей тоской в душе разглядывая заплаканное, похудевшее, с тенями под глазами лицо сестры. — Ты в жизни никого не обидела и любила только одного.

— Вот именно. — Глаза Лидии вспыхнули, повлажнели. — Прав ты, Матвейша, всю жизнь я любила одного... а жила с дру-

гим. Вот за то и кара — за отказ от любви. Все боялась быть слишком зависимой от Алексея... хотя могла пойти за ним в огонь и воду. А с Леонидом жизнь — ты сам видишь какая. Не помощник он мне, не мужик и не любовник...

— Ну так бросай его к чертовой матери! Разводись, уезжай домой, мама всегда тебя примет, хоть с детьми, хоть одну.

— Знаю, да как же я уеду-то? Нет, братец, отсижу свое и вернусь, не дам этим гнидам, Дурбаню и Шавло, торжествовать!

— Что ж, характерец у тебя мужской, Лидуха. Тебе бы и мужика под стать себе... Крепись, я предпринял кое-какие шаги, может, пересмотрят дело и скостят пару лет. Ведь заяву, что подписал подстреленный Капитан, писал Шавло? И в нем все описано с точностью до наоборот?

— Что с того? Все свидетели хором заявили, что я была, во-первых, навеселе, во-вторых, сама полезла к этим выпивохам, а в-третьих, давно уже грозила их «пришить». Больше всех Бегемот старался, боялся, что я его за старые обиды выдам.

— А разве Леонида не было рядом, когда это случилось?

— Был, да что толку! Он даже контрзаявление не написал, на суде отдувался да сопел только.

— Ладно, не реви, сказал же — уходи от него. Я всегда поражался, что ты в нем нашла?! Теперь понял: ты и не искала, убежала от проблем, считая, что можешь убежать и от самой себя. Ну все, помчался я по делам, до отъезда навещу еще, жди.

После свидания Матвей зашел в местную коллегию адвокатов и нанял адвоката, который согласился начать пересмотр дела Нестеровой, как только появятся новые факты или если обвинители откажутся от своих прежних показаний.

Из Вологды Матвей снова поехал в Старое и вечером в среду наведался домой к поселковому инспектору.

Константин Кириллович Шавло за год еще больше раздался вширь, а на рябом лице его, ставшем в полтора раза мясистее и шире, можно было сеять уже не только репу, но и другие овощи. Соболева он признал, лишь очнувшись от первого его удара, от которого сорвал тушей ворота гаража, неожиданно отлетев к ним. Ибо на приветствие Матвея и его вопрос: «Привет, Кириллыч, помнишь меня?» — Шавло промычал нечленораздельно:

— Хто это такой еще приперся?

Двое знакомых Матвею «клевретов» инспектора, похоже, так и не снимавших никогда свои спортивные костюмы, попытались было заступиться за патрона, однако ушли в отключку надолго, довершив разгром гаража с красавицей шестнадцатой моделью цвета «серый перламутр».

— Вспомнил наконец? — равнодушно спросил Матвей, присаживаясь на капот шестнадцатой модели. Шавло, выпучив гла-

за, завозился на воротах, оглядываясь по сторонам, потом до него дошло.

— Ах ты, падло! — Он схватил с верстака монтировку, но не успел ничего сделать, потому что снова грохнулся спиной о стену, сломав верстак. Матвей же продолжал сидеть все в том же положении, покачивая ногой, не вынимая рук из карманов куртки.

— Ну теперь-то вспомнил?

На сей раз инспектор приходил в себя дольше, зато попыток убить обидчика уже не предпринимал.

— Заступник... Нестеровых...

— Молодец, вспомнил. А теперь припомни, что я тебе говорил, когда уезжал. Блюди порядок! Наверное, я плохо объяснил, что будет в противном случае? Так вот, даю тебе последний шанс: завтра утром ты, Бегемот, все остальные свидетели и потерпевший поедете в Вологду, найдете адвоката Никитина и сделаете новые заявления относительно дела Лидии Нестеровой. Она *защищалась*, и ты знаешь это, ублюдок! Все понял?

Шавло оглядел свой разгромленный гараж, в его глазах изумление боролось со страхом и ненавистью, но вступать в схватку он больше не решался.

— Понял... Только я не ответчик за Бегемота... Хлобанеева... он не поедет. Да и Капитан тоже.

— Это моя забота. Поедете как миленькие.

Матвей оглядел лоснящееся от пота красное лицо инспектора. Было видно, что в голове его, с узким и каким-то вогнутым лбом, идет тяжелая, неподъемная для него работа. Что ж, думать иногда полезно.

— Бывай, Кириллыч. — Матвей пошел со двора, сопровождая взглядом собак, что бегали у забора и поглядывали на гостя с недоверием и сомнением, однако не нападали и даже не рычали.

— Эй, каратист! — вдруг окликнул его Шавло, выходя из гаража в сопровождении очухавшихся «спортсменов». В руках он держал штатного «макарова». — Не торопись, а то дырок наделаю. От пули не убежишь, а я всегда могу оформить заяву, что ты напал первым.

— Спасибо за предупреждение. Но ведь я тоже могу сотворить такой фокус. Ты не подумал об этом?

Матвей вошел в сверхскоростной режим и как бы «выпал» из поля зрения Шавло и его помощников. В следующее мгновение пистолет из руки инспектора перекочевал в карман Соболева, «спортсмены» схлопотали боковые удэ-атэ, словно вихрем унесшие их в глубь гаража, а у Шавло искры из глаз посыпались от тычка в нос, едва не сломавшего носовую перегородку.

— Так я жду всю команду завтра утром на автобусной остановке, — напомнил Матвей. — Не забудешь, Кириллыч? А?

— Н-нет, — ответил тот, вытирая под носом слезы, смешанные с кровью.

— Тогда вот, держи «пушку», обойму получишь завтра.

От инспектора Матвей направился прямо к Бегемоту, то есть к Хлобанееву Степану Викторовичу, тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года рождения, семейному, нигде не работающему, алкашу и бузотеру.

Хлобанеев с виду казался родным братом Шавло, кличку Бегемот он оправдывал на все сто процентов. И был дубина дубиной, потому что понял, о чем идет речь, лишь с третьей попытки Матвея объяснить, что от него требуется.

— Шо?! — проревел он, сообразив наконец, в чем дело. — Ты... мне... чтоб я... сам на себя?! Да я тебя в три погибели...

Матвей щелкнул детину в лоб, и тот, икнув, упал на скамью возле сарая, на которой рядом с бутылкой вологодского пива лежала вяленая рыба. Поднимать шум не хотелось: у Хлобанеева была большая семья и не стоило поднимать переполоха. Правда, очень хотелось взглянуть на жену Бегемота, которая столько лет терпела такую орясину, бандита, алкаша и тунеядца.

— Пойдешь и напишешь, как было на самом деле, — сказал Матвей, чувствуя злость и одновременно жалость к этому уроду. Хотя в принципе большей жалости была достойна его семья.

— Да и хто ты вобче такой?! — заорал Бегемот.

Матвей перехватил его руку с бутылкой пива, уперся локтем в ключицу, надавил. Бегемот взвизгнул, посерел лицом, хватая воздух ртом, сполз на землю. От него несло таким отталкивающим букетом перегара, что Матвея едва не вырвало.

— Я — твоя смерть! — сурово произнес Соболев, хихикнув про себя: где-то он читал такие вот страшилки, но для этого толстокожего представителя человечества с интеллектом настоящего бегемота подобные угрозы вполне годились. — Завтра я жду тебя и Шавло утром на автостанции. Не придешь — пеняй на себя!

Съездив по морде Хлобанеева тыльной стороной ладони, Матвей ушел с территории его неприглядного владения и через четверть часа с чувством глубокого удовлетворения проводил взглядом Бегемота, рысью мчавшегося к центру села, где жил инспектор.

Остальных свидетелей Соболев обнаружил в местном «баре» — возле палатки с пивом, где человек пять любителей «жидкого хлеба» обсуждали местные и центральные новости. Мужики были совсем молодые, простецкие на вид, любители выпить и закусить, и Матвею удалось решить с ними проблему полюбовно, объяснив, что главные обвинители согласились ехать в район и написать новые заявления.

До наступления сумерек Матвей успел переговорить также и с

другими фермерами, соседями Нестеровых, с горечью убедившись, что заняты они только собой и собственными заботами. Никто из них и не подумал вовремя вступиться за соседку, игнорируя известный социально правильный лозунг, который в приложении к данной ситуации звучал примерно так: «Фермеры всех стран, объединяйтесь!» Но, к сожалению, объединяться они не спешили, поэтому клике Дурбаня было легко воевать с ними.

Конечно, многие сочувствовали Нестеровым, но боялись всего и всех и, случись какая-нибудь новая заваруха, вряд ли пошли бы выручать соседа. Шавло настолько запугал людей, что говорили о нем едва ли не шепотом.

С сознанием исполненного долга, но разочарованный, Соболев вернулся в дом к Нестеровым. К Дурбаню он решил сходить на следующий день после отправки «команды» в Вологду.

Перекинулся парой фраз с Леонидом, выпил молока, поиграл с племяшами и лег спать. А в два часа ночи его потревожили.

«ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!»

Жил Шевченко на Щербаковской в старом доме сталинской постройки — с толстыми стенами и высокими потолками. Квартира была однокомнатная, но ее площадь — тридцать шесть «квадратов» — позволила хозяину сделать из одной комнаты три: спальню, гостиную с видеосистемой «Панасоник» и тренировочный зал, где стояли тренажеры и висела в углу макивара.

Пока Василий осматривался, Шевченко сварганил чай, подогрел в волновой печи бутерброды и притащил все это на подносе в гостиную. Когда они сели чаевничать, шел второй час ночи.

— Пить будешь? — спросил Валерий. — Шампанское, вино, водку, коньяк, ром, горилку с перцем?

— Не потребляю, привык держать форму. К тому же алкоголь не улучшает цвет лица и стройность фигуры.

— Как сказал Прутков, «если хочешь быть красивым, поступи в гусары», — засмеялся Валерий. — Есть хороший анекдот на тему выпивки. Из дневника французского летчика: «Пятница: пил с русскими летчиками. Суббота: чуть не умер. Воскресенье: опять пил с русскими летчиками. Понедельник: лучше бы я в субботу умер!» Слышал такой?

Рассмеялся и Василий.

— Нет, не слышал, нормально. — Посерьезнел. — Ну а теперь вешай лапшу на уши: как ты «случайно» оказался в нужное время в нужном месте?

Шевченко, продолжая улыбаться, откусил сразу полбутерброда, запил чаем, оглядел мрачновато-спокойное лицо Балуева.

— Ты не изменился, Баловень. Минимум эмоций, максимум самообладания, замкнутый и застегнутый на все пуговицы. Что ж, вешать лапшу на уши не буду. Еще бутерброд?

— Благодарю, сыт.

— Дело в том, что ты попался в поле зрения случайно. Мы давно наблюдаем за той «школой», где ты побывал. Это всего-навсего «крыша» для какой-то «крутой» конторы типа Ф-безопасности или военной контрразведки, служащая для подбора кадров. Когда я тебя увидел, то хотел сразу предупредить, но за тобой пошел «хвост», пришлось ждать, чем все это закончится. Зато теперь мы почти точно знаем, что «школа» набирает профи рукопашного боя для «Смерша» или еще какой-то военной команды, потому что пришла за тобой зондеркоманда «Стикс», военный спецназ, подчиненный напрямую полковнику Юргену, командиру личной охраны министра обороны.

Василий присвистнул.

— Серьезные ребята! А кто это «мы»? Ты все время говоришь: «Мы наблюдаем, мы знаем...»

— Мы — это «Чистилище», — белозубо улыбнулся Шевченко, всегда отличавшийся веселым нравом. — Надеюсь, слышал о такой организации?

— Три «К»...

— Значит, слышал. Надеюсь также, что задачи наши тебе понятны, поэтому общую панораму рисовать не буду.

— Какой же ты занимаешь там пост?

— Комиссар-5, начальник службы безопасности и кадровой подготовки. Официальное прикрытие: вице-президент Ассоциации ветеранов спецслужб «Барс». Кроме того, я преподаю стиль «комба» в Русском центре боевых искусств. Слышал?

Василий кивнул. «Комба» — комбинированная манера боя — включала в себя техническую спецподготовку, приемы карате, джиу-джитсу, дзюдо, бокса и кэмпо, короче — приемы уличной драки, реального боя.

— Впрочем, что я спрашиваю, — продолжал Шевченко, — ты же проходил курс «коммандо»[1], а это примерно то же самое.

— Короче, Склифосовский, не ходи вокруг да около.

— Вася, нам нужны специалисты высокого класса, вплоть до «абсолюта», а ты — бывший ганфайтер-перехватчик, иных рекомендаций и не требуется. Пойдешь в «кобры»?

— «Кобры»? Что это?

— Командир обоймы риска, сокращенно «кобра». Зарплата такая, что и министрам не снится. Плюс моральное удовлетворение от искоренения зла, что немаловажно. Ну и главное... — Ва-

[1] Курс выживания и разведывательно-диверсионных действий.

лерий перестал улыбаться. — Осознание полной свободы и власти.

— Последнее — лишнее, — буркнул Василий. — Я подумаю. Хотя убежден: злом зло победить нельзя. Другое дело — торжество справедливости... Но я подумаю. Можно у тебя еще на сутки задержаться?

— Ради Бога. И последнее, Вася. Ты был дружен с другим «абсолютом», неким Соболевым. Не знаешь, где его можно найти? О нем такие легенды ходят, что нам захотелось и его заполучить в команду.

— Откуда ты знаешь о Соболеве?

— От верблюда. Не забывай, я работаю в «Барсе» и в «ККК», а информация и там и там поставлена не хуже, чем в контрразведке. Так что ты скажешь?

Василий долго не отвечал, размышляя о предчувствиях вообще и Матвея в частности. Рано или поздно такое должно было случиться, когда-нибудь их вычислили бы и без этой случайной встречи в Москве. Хотя, с другой стороны, ничего случайного в мире не происходит, ибо случайность — непроявленная закономерность.

— В принципе мы и сами в состоянии попросить его присоединиться к нам, тем более что знаем, где он в настоящий момент пустил корни, — в Рязани. Но будет лучше, если попросишь ты.

Балуева неприятно поразила осведомленность бывшего соученика по рукопашному бою относительно местонахождения Матвея, однако виду он не подал.

— Если решу работать с вами, предложу и ему, — отрезал он. — Давай-ка спать, утро вечера мудренее.

Проснулся Василий в семь утра, однако хозяина уже дома не было. На столе ждала записка: «В холодильнике колбаса и яйца, молоко. Завтракай. Вечером покалякаем». На записке лежал ключ от квартиры.

Позанимавшись в «спортзале» на тренажерах, Василий позавтракал и, не имея особых планов, поехал к Володе Абуткину, адрес которого дал Злобин.

В фойе метро Балуев обратил внимание на милиционеров, работников метрополитена, задержавших на его глазах пожилого мужчину в сапогах и стеганом халате, не то киргиза, не то казаха. О чем они с ним толковали, неизвестно, только в результате пожилой киргиз опустился на лавку и заплакал, а милиционеры, один тощий, согнутый, как скоба, а второй толстозадый, с бритым мясистым затылком, спокойно направились вдоль перрона, поигрывая дубинками.

Обычно Балуев не вмешивался в подобные инциденты ни на улице, ни в присутственных местах, но при взгляде на морщини-

стое темное лицо жителя дружественной державы, по которому текли слезы, что-то стронулось в его душе, и Василий, не раздумывая, шагнул к нему.

— Что случилось, отец? Я видел, как ты беседовал с держимордами. Ударили, что ли?

— К дочке приехал... Сулеймановы мы... а паспорт забыл... тот деньга взял... все... сказал, заберу, давай деньга...

— Сколько взяли-то?

— Двесть тыща... все... больше нету... подарка хотел купить...

— На, отец, держи. — Василий сунул мужичку шесть бумажек по пятьдесят тысяч. — Покупай свой подарок. Ошиблись солдатики, я с ними поговорю. Куда ехать собрался?

— Савале... Савольска...

— «Савеловская»? Садись, твой поезд идет. — Василий посадил ошеломленного старика в вагон, догнал милиционеров, остановивших молодую пару армянского вида.

— Эй, начальник, поговорить надо.

— Чего тебе? — лениво обернулся толстозадый страж порядка с блинообразным безбровым лицом.

— Пошли в дежурку, здесь народу много.

— А документы есть?

— Там и покажу. — Василий направился в конец платформы, где находились служебные помещения станции метрополитена. Однако милиционеры остановили его раньше, дернули за плечо. Один демонстративно расстегнул кобуру штатного «ПМ», второй перехватил дубинку левой рукой, протягивая правую.

— Документы, гражданин.

— В порядке, — обернулся Василий, сдвигая кожаную кепку на затылок. — Давайте-ка по хорошему договоримся: вы возвращаете деньги, что отобрали у того старика-киргиза в халате, добавляете столько же своих за моральный ущерб, а я делаю вид, что ничего не произошло.

Тощий служитель закона заржал, у блинномордого нехорошо сузились глаза и побелели губы.

— У тебя что, бля, крыша поехала?! А ну, кажи документы, пока не загремел в темную!

Василий со вздохом воткнул ему кулак в подреберье, помог сесть на скамью у стены. Сказал застывшему от неожиданности тощему:

— Деньги!

Милиционер схватился за дубинку, но рука вдруг отказалась повиноваться, из глаз посыпались искры, воздух застрял в легких, не желая выходить. Василий плюнул на его мундир, сел в вагон и уехал. Ругал себя лишь за то, что не довел защитников пра-

вопорядка до дежурного помещения — урок надолго запомнился бы им.

Володя Абуткин жил в двухкомнатной квартире по Староконюшенному переулку вместе с женой, ее матерью и дочерью жены от первого брака. От одного запаха, витавшего в квартире больного, Василия замутило, а когда он глянул на неподвижно лежащего в кровати бывшего однокашника, на его бледное одутловатое лицо, настроение и вовсе испортилось.

Абуткин узнал Балуева не сразу, а когда понял, кто к нему пришел, даже прослезился. Василий выгрузил из сумки яблоки, бананы, фруктовую воду, открыл «херши», сказал со смешком:

— Время пить «херши», Бутя. Рад тебя видеть!

— Взаимно, — прошептал растроганный Абуткин. Говорил он медленно, не заикаясь, но явно с трудом, и смотреть на мучения парня было тяжело. Вся нижняя часть тела Володи была парализована и не двигалась, а что он чувствовал, можно было представить.

Пробыл у товарища Василий недолго, минут сорок, и за это время лишь раз увидел старуху, мать жены, возникшую на пороге и тут же куда-то сгинувшую. Абуткин ожил, раскраснелся, с удовольствием уплетал яблоки и рассказывал свою невеселую историю, столь печально окончившуюся.

— Вот и лежу теперь, как колода, — закончил он, постепенно утрачивая блеск в глазах и недолгое оживление. — Жена терпит, но я-то вижу, каково ей... Подумывал даже о самоубийстве, да решимости не хватает. Все один да один, читаю да телик смотрю... Кому я нужен? Изредка приходят навестить племяши. — Владимир снова оживился на короткое время, хрипло рассмеялся. — Ох и башибузуки! Одному три года, тезке твоему, Васькой звать, второму, Андрею, пять. Однажды пришли в гости всей компанией: дед, отец и мать... моя сестра, ну и они, конечно, а Василий хмурый чего-то. Спрашиваю: ты что, Василек, мороженого переел? Дед глянул на него строго: оказывается, описался в троллейбусе молодец. Ну, я ничего. Сидим, обедаем. Потом Андрей начинает младшему выговаривать:

«Ты почему не попросился? А? Вот папа мог бы описаться?»

«Не», — ответил Васька, а сам в пол смотрит.

«А мама могла бы?

«Не...»

«А я?»

«Не...» Потом Васька вдруг, смотрю, светлеет и торжественно так заявляет, с верой, значит, в деда:

— Дед мог бы!

Василий засмеялся, Абуткин, не удержавшись, тоже, и это была единственная светлая минута в их разговоре, хотя Балуев и

пытался выглядеть веселым, а Володя бодрился и хорохорился. Ушел Василий от товарища почему-то с ощущением, что видит его в последний раз.

К обеду он подъехал к шестнадцатиэтажному дому Юры Хлебникова в Митино, откуда так удачно бежал с помощью Валеры Шевченко, комиссара-5 «Чистилища». Не обнаружив ничего подозрительного, проверил подъезд, лестницу до шестнадцатого этажа и позвонил в дверь квартиры Юрия на двенадцатом. Ответом была тишина.

«На работе, — подумал Василий, хотя у него как-то нехорошо сжался желудок. Придется зайти вечером. Нервничать не следует: ведь ему они ничего не должны были сделать плохого, приходили-то за мной...»

Вернувшись в центр, Василий случайно прочитал объявление о конкурсе «на лучшую грудь», который должен был состояться во Дворце молодежи, и повернул туда. С шести до восьми вечера он с удовольствием разглядывал грудастых сеньорит, впитывая атмосферу полушутливого шоу, выбрал королеву бала и был весьма разочарован, когда его мнение и мнение жюри не совпали. Однако девушки, за редким исключением, действительно были молоды и симпатичны, и впечатление от «бала грудей» не испортили даже выкрики из зала каких-то нетерпеливых студентов.

В девять Василий снова был в Митино, однако квартира Юрия по-прежнему была заперта, а от дома исходили флюиды недоброжелательности и угрозы. Прямых наблюдателей Балуев не заметил, но было ясно, что за квартирой приятеля ведется наблюдение. Пришлось уходить «огородами к Котовскому», сбивая со следа предполагаемых ищеек, и к Шевченко Василий попал только поздно ночью.

Валерий был уже дома — и не один. Гость Шевченко, широкоплечий, узколицый, широколобый, одетый в строгий темно-синий костюм, посмотрел в глаза Василию, и тот даже отшатнулся: впечатление нечеловеческой мощи, презрения, высокомерия, угрозы, снисходительного терпения и величия — все это было столь ужасающим, физически нетерпимым, что взгляд незнакомца казался воплощенным ударом! Длился контакт всего мгновение, но запомнился на всю жизнь. Никогда еще Василий не чувствовал себя таким ничтожно малым и слабым существом по сравнению с тем, кто на него просто *посмотрел*.

— Балуев, — представил Василия гостю Шевченко. — Бывший ганфайтер класса «абсолют».

— Вижу, — кивнул гость, гася взгляд, встал. — Собственно, у меня все, я узнал, что хотел. До связи, комиссар. Проводи меня.

Шевченко вышел с гостем в коридор, а Василий не сразу при-

шел в себя после его ухода, пребывая в шоке, словно после пропущенного удара «под ложечку».

Вернулся хозяин, усадил Василия на тахту.

— Ну и какое он произвел впечатление?

— Кто это был?

— Комиссар-1, координатор «ККК», Громов Дмитрий Олегович.

— Гад ты, однако, Валера! Ты же не оставляешь мне пути для отхода. Если я откажусь, вы же меня сожрете!

— А ты не отказывайся, — рассмеялся Шевченко. — Если уж сам пришел взглянуть на тебя, значит, ты действительно стоишь того, чтобы работать в «Чистилище». — Он сходил на кухню и принес оттуда Василию тоника с запахом хмеля. — Пей, успокойся. Никто тебя жрать не собирается, даже если откажешься. Хотя... не вижу причин для отказа. Что творится в стране, даже беспределом назвать трудно, все продается и покупается: любовь, дружба, честь, совесть, жизнь и душа...

Василий вспомнил недавний инцидент в метро с киргизом и кивнул. Что творится в стране, он и сам видел.

Наутро он поехал к надвратной церкви Спаса, что на территории Зачатьевского женского монастыря, между Остоженкой и Москвой-рекой. От одного воспоминания о «храме инсектоцивилизации», показанном Горшиным, сжималось сердце и во рту появлялся железистый привкус. С течением времени все труднее верилось, что это было на самом деле, что под Москвой сохранились и другие «храмы», построенные десятки и сотни миллионов лет назад предками муравьев, термитов и пчел.

Василий был прагматиком, почти начисто лишенным фантазии, поэтому ему труднее было вникать в теоретические философские построения школы эзотериков от Рампы до Успенского, однако «храм» он видел своими собственными глазами, которым вполне доверял. После отъезда из Москвы Василий не вспоминал о посещении «храма» около полугода, словно забыл о нем, пока о «храме» не напомнил сам Соболев. И тогда Балуев признался другу, что давно почитывает эзотерическую литературу и подумывает о новом походе к «храму». Единственное, что его беспокоило, — он не был «посвященным», и Люди Внутреннего Круга, наверняка охраняющие тайны подобного рода, могли воспрепятствовать ему, ограничить доступ к «храмам» и тайнам истории. Того же побаивался и Матвей, однако у него было преимущество: бывший военный контрразведчик стоял к Посвящению на ступеньку-две выше, чем Василий.

Осмотревшись, Балуев обошел церковь, остатки древних каменных стен монастыря в окружении столетних акаций и лип, не обнаружил ничего подозрительного и с замиранием сердца пере-

сек двор, направившись к низкой каменной пристройке, похожей на склеп. Однако вместо зеленой железной двери с громадным висячим замком увидел вполне современную серую стальную с электронным замком, на которой висела табличка: «Посторонним вход воспрещен! Трансформаторная подстанция». И как бы в подтверждение этого из-за двери слышалось монотонное гудение трансформатора.

— Что, закрыто? — послышался сзади сочувственный голос.

Василий обернулся. На него, улыбаясь уголками губ, смотрел Матвей Соболев.

— Ешь твою медь! Ты откуда здесь взялся?

— С луны свалился. — Соболев подошел к двери, прикрыл глазок замка ладонью, замер, и через несколько мгновений замок, издав серию щелчков, открылся. Дверь отворилась медленно и торжественно, толщина ее не уступала толщине прежней, едва ли не с полметра, и, наверное, ее невозможно было прошибить даже из пушки.

Матвей скрылся за дверью, появился вновь.

— Действительно, посторонним вход воспрещен. Этот путь к «храму» для нас закрыт. Там свежая кирпичная кладка.

— Ну ты даешь! — рассмеялся Василий. — Цирк! Теперь тебе прямая дорога в «домушники». Возьмешь напарником? Буду мебель выносить.

— Пошли, я с машиной.

Они вышли с территории бывшего монастыря и сели в «Таврию», оставленную Матвеем за квартал от церкви.

— Как ты здесь оказался?

— Как сказал бы Саид, стреляли... Долго рассказывать.

— Я не тороплюсь.

— А куда сейчас?

— Да в общем-то особой цели у меня нет. Объявление о наборе в школу — лажа, прикрытие чекистов. Я пытался выяснить, кто за всем этим стоит, но это может и подождать. А ты куда?

— Домой, в Рязань.

— Так нам вроде бы по пути.

Матвей включил мотор, выжал сцепление, и «Таврия» покатила в сторону набережной. Ни водитель, ни пассажир не заметили, что за ними сквозь церковную ограду наблюдает высокий черноволосый человек в сером плаще. Проводив машину глазами, он обошел храм и очутился у трансформаторной подстанции, в которую только что стремились попасть друзья. Постоял в задумчивости, потом открыл дверь, оставшуюся незапертой, и шагнул в помещение с гудящим трансформатором. Дверь за ним медленно закрылась.

В тот же момент Матвей вдруг остановил машину, закрыл глаза, прислушиваясь к чему-то.

— Ты что? — повернул к нему голову Василий. Вместо ответа Матвей развернул «Таврию» и погнал обратно. Через несколько минут они опять были возле церкви. Ни слова не говоря, Соболев прошел за ограду, обогнул церковь и направился прямо к каменному склепу в глубине двора. Балуев, ничего не понимая, последовал за ним. Матвей остановился у двери с табличкой, пристально разглядывая ее, на попытку Василия что-то спросить прижал палец к губам. Прошла минута, другая. Потом дверь открылась, и на пороге возник черноволосый в плаще. Сощурив и без того маленькие черные глаза, он без улыбки поклонился Матвею, перевел взгляд на Балуева.

— Это ваш друг?

— Знакомьтесь, — отрывисто бросил Соболев. — Василий Балуев, ганфайтер и волкодав. Самандар Вахид Тожиевич, президент Международного исследовательского центра боевых искусств. Как-то уж очень запланированно встречаемся мы с вами, Вахид Тожиевич. Может быть, откроете наконец, кто вы и зачем следите за мной?

Василий вдруг остро ощутил волну властной враждебности, исходящую от Соболева, и мгновенно привел себя в состояние боевой готовности.

— Я вовсе не слежу за вами, Матвей Фомич, — ответил черноволосый Самандар почти басом с едва уловимым акцентом. — Но вами, похоже, заинтересовались небезызвестные лица, и в скором времени вам потребуется проводник.

— Учитель появляется, когда ученик готов, так?

— Примерно так, хотя Учитель — это большая ответственность и несвобода. Я же в большой степени транслятор или передатчик воли знакомого вам лица, хотя и прошедшего первую ступень Посвящения. Проводник, одним словом.

— Какого лица? Монарха?

— Какая вам разница? Главное, что я не враг вам. Но давайте поговорим в другой раз, теперь я спешу. Не ожидал, что вы меня вычислите.

— Где же мы встретимся?

— Я найду вас, когда потребуется. Единственная просьба: будьте осмотрительнее и по возможности не вмешивайтесь в события, затрагивающие другие реальности. До свидания.

Черноволосый зашагал к церкви, предварительно ощупав Балуева своими острыми глазами-маслинами.

— Это вы закрыли... вход? — бросил вдруг Василий ему в спину.

— Он откроется, — оглянулся Самандар. — В нужное время... И в нужном месте. — И тотчас исчез за разрушенной стеной.

Через минуту друзья уже катили по улице, не говоря друг другу ни слова. Василий первым нарушил молчание уже где-то за Кольцевой дорогой, на Рязанском шоссе:

— Если он не Монарх, то кто? И как он на тебя вышел?

Матвей промолчал, вспоминая свою вторую встречу с президентом МИЦБИ...

Видимо, у Шавло были связи с большими чинами в Управлении внутренних дел района, потому что за Матвеем пришел вологодский ОМОН: двадцать два человека во главе с командиром-старлеем.

Матвей проснулся за четверть часа до появления спецназовцев на территории фермы Нестеровых: сторожевая система отреагировала на изменение пси-потенциалов в округе и предупредила хозяина возбуждением нервных окончаний кожи всего тела. Ощущение было такое, будто его покусала туча невидимых мошек. Матвей перевел свое «И» (разум-волю) в рабочее положение, и «молнию» ментального разряда, поднявшего режим внутренних процессов на уровень выше, принял уже как должное. Согласно терминологии дзэн он перешел в состояние самадхи — сверхсознания, включающего в себя гипервидение и гиперслух. Теперь он видел в темноте, причем в инфракрасном и ультрафиолетовом диапазонах, сквозь предметы, стены, и слышал любой шорох в радиусе сотни метров, в том числе и сквозь стены строений. Иван Парамонов называл такое состояние «меозом», ментальным озарением, и это слово очень точно отражало суть состояния.

Петлю окружения омоновцы затянули вполне профессионально, не оставив ни одной щели для отступления, и Матвей пожалел, что остался ночевать у Нестеровых. Очень не хотелось пугать уснувших детей и объяснять Леониду, что происходит. Надо было увести отсюда отряд и отступить по возможности тихо, не нанося ощутимого урона подразделению, бойцы которого наверняка были ориентированы на поиски и захват «опасного преступника». Но, с другой стороны, необходимо было дать урок Шавло с его шефом, Дурбанем, привыкшим к безнаказанности и беззаконию.

Матвей быстро оделся, выбрался через окно спальни в сад, определил, где удобнее всего прорывать кольцо оцепления, бесшумно обогнул дом Нестеровых и сделал стремительный рывок к лесу, маскируясь за шпалерой малины. Кравшийся к дому в этом же направлении омоновец прибора ночного видения не имел и поэтому обнаружил Соболева лишь тогда, когда тот оказался в двух шагах от него, но сделать ничего не успел: Матвей, прыгнув, ударил его ногой в подбородок. Второго, бросившегося на шум, пришлось также «выносить» на выдохе, в полную, хотя и дозиро-

ванную силу. Парни были экипированы бронежилетами, и достать их шоковыми уколами пальцев в темноте не представлялось возможным.

Не останавливаясь, Матвей «произвел утечку шума», затопал ногами и попер, как лось, через кустарник и парниковые палатки, чтобы ОМОН сумел взять след с гарантией. Ребята, понукаемые командиром, развернулись и послушно бросились в погоню.

Земля была сухая, и бежать по ней было делом легким. Оторвался от них Матвей через десять минут, повернул назад и в темпе преодолел два километра до улицы с усадьбами фермеров, на которой ждал результата облавы господин Шавло Константин Кириллович.

Омоновец здесь был один, он сторожил «Газель» и «Рафик», на которых прибыли бойцы спецназа. Успокоить его не составило труда, после чего Матвей занялся командой Шавло числом в пять человек, среди которых — ни одного профессионала: лишь молодые сельские любители «красивой житухи», существующие по законам стаи и кормящиеся остатками со стола власть предержащих, готовых ради этой власти загрызть кого угодно.

Шавло был все так же неповоротлив и доставал свое оружие слишком долго, чтобы успеть пустить его в ход. Матвей не стал брать его на прием, сам Константин Кириллович ничего не умел, за него все делали шавки, и Матвей лишь погрузил кулак в пузо инспектора, с трудом достав солнечное сплетение.

Когда Шавло обрел способность соображать, то обнаружил себя сидящим на скамейке у забора и освещенным фарами «Газели». Напротив на корточках сидел ненавистный ему родственник Лидии Нестеровой и считал его пульс. Кивнул, поднимаясь.

— Ожил, болезный.

Подошел к машине, открыл дверцу и дважды нажал на клаксон, потом стал за спиной Шавло и приставил к виску его же пистолет. Шавло вспотел и запáх.

— Страшно? — усмехнулся Матвей. — Терпи, начальник, то ли еще будет!

— Чего тебе надо? — просипел инспектор.

— Что мне надо, я сказал тебе еще вчера. Теперь объясню то же самое ребяткам, что притопали с твоей подачи за мной.

Спустя несколько минут появился командир подразделения ОМОНа, за ним собрались остальные, с недоверием и озадаченностью разглядывая живописную картину: «парящего» Шавло, Матвея с пистолетом, перед машинами три лежащих тела да еще двух парней, медленно приходящих в себя.

— Окружить! — обрел наконец голос старлей-омоновец.

— Стой, где стоишь, — безразлично сказал Матвей. — Отвечать за труп придется тебе, так что не дергайся. А теперь послу-

шайте, во что вы влипли. — Он коротко изложил историю фермерства Нестеровых. — Так что давайте по домам, мужики. Не сердись за своих помятых ребят, командир, я человек мирный, но до определенного предела.

Старший лейтенант открыл было рот, собираясь дать какую-то команду, и Матвей понял, что ошибся в определении умственных способностей российского спецназа. Остановить этих дуболомов, физически сильных и тренированных, но без царя в голове, можно было только более жесткими методами. Вспомнилась притча о трех мастерах, и Матвей со вздохом в душе признался, что он не достиг кондиции последнего из мастеров, в которого никто не бросил камень.

— Взять... — начал командир омоновцев и не закончил.

В кругу света от фонарей машины возник вдруг человек в сером плаще, высокий, черноволосый, вскинул руку.

— Остановитесь, достопочтенные. Оглянитесь!

Солдаты заозирались, сжимая в руках свои автоматы. Вокруг стоящих цепью омоновцев в двадцати шагах замигали огоньки, потом погасли.

— Хорошо видно? Вы окружены, нет смысла погибать смертью храбрых из-за одного подонка. Собирайтесь и уезжайте.

— Кто вы? — хмуро спросил старший лейтенант.

— «Чистильщики», — ответил человек в плаще. — Слышал о трех «К»? Переводить не надо?

— Кто же не слышал... А с ним что?

— Будет жить.

Омоновец подумал и повесил автомат через плечо, махнул рукой.

— По машинам.

Через минуту Матвей, Шавло и незнакомец остались в темноте у забора. Пришедшие в себя помощники инспектора убрались вместе с омоновцами.

— Ну так как, Константин Кириллыч? — похлопал Матвей по плечу Шавло, выводя его из ступора. — Все понял?

— П-понял, — заикнулся Шавло. — З-завтра п-поеду...

— Вот и ладно. Мужик ты умный, честный, все понимаешь, а если чего не поймешь, мы еще приедем, объясним. Иди домой, жена заждалась, наверное. Передай Дурбаню, что к нему я попозже заеду, после того как Нестерова выйдет на волю.

Шавло встряхнулся и тяжело затопал по улице к центру села, отдуваясь и пыхтя.

— Как вы здесь оказались? — поинтересовался Матвей у человека в плаще, узнав недавнего попутчика по купе Самандара Вахида Тожиевича.

— Случайно, — усмехнулся тот в темноте. — Вы всегда так рискуете, не прогнозируя результат?

— Разве у меня был выбор?

— Был.

— Кто вы? «Чистилище» так не работает. Да и нет вокруг никого, фокус ваш только для этих дуболомов и годится.

— А большего и не требовалось, мальчик. Научись обходиться минимумом средств с максимальной результативностью. Извини, я тороплюсь, поговорим в следующий раз.

И директор Международного исследовательского центра боевых искусств, по необъяснимой причине появившийся глухой ночью в селе Старом, исчез. Некоторое время Матвей всеми своими обострившимися чувствами сопровождал его до выхода из деревни, потом потерял из виду.

— Уж не родственник ли он Тараса Горшина? — предположил Василий, когда Матвей закончил рассказ. — Если, конечно, не Монарх.

— Нет, я бы это почувствовал. Скорее действительно человек Круга, ищущий учеников. Ты же читал Успенского: «Людьми Круга не рождаются, ими становятся, и каждый должен передать свои знания ученику».

— Но он сказал, что он Проводник... Как это понимать?

Матвей долго не отвечал, потом увеличил скорость.

— Придет время, узнаем.

— А жаль...

— Чего жаль?

— Что он не сказал, когда можно будет еще раз взглянуть на подземный «храм».

— Наверное, когда мы перестанем быть посторонними...

Василий посмотрел сначала на спутника, потом перевел взгляд на спидометр, стрелка которого подошла к цифре «сто пятьдесят», но ничего не сказал. Ему вдруг тоже захотелось побыстрее попасть домой.

CONSERVUS

Евгения Карасева по кличке Карась, бандита, насильника, убийцу, последней жертвой которого стала шестнадцатилетняя девочка и у которого были такие покровители, что в очередной раз его помиловали, дав всего семь лет отсидки, убили в столовой прямо во время ужина. И никто из заключенных Одинцовского СИЗО не заметил, как это произошло: Карась просто не встал из-за стола, словно в задумчивости склонившись над тарелкой. Но когда надзиратель тронул его за плечо, Карасев мягко зава-

лился на бок, и стал заметен тонкий нож, стилет, торчавший из его виска. Удар был нанесен мастерски, это отметили все эксперты и следователь, но главным отличием преступления был квадратик белого картона величиной с зажигалку, с тисненым золотым кинжальчиком в уголке, на котором были напечатаны всего три слова: «Привет из «ККК».

Спустя сутки письма с подобной печатью получили судьи, помиловавшие Карасева, и прокурор Одинцовской прокуратуры Криволапов, который и явился инициатором пересмотра дела. Письма были короткими, в них констатировался факт «наказания» помилованного убийцы, перечислялись его подвиги и излагалось предложение «ККК» уйти из органов правосудия по доброй воле. В противном случае каждый из предупрежденных будет наказан «в пределах адекватного ответа».

Убийцу Карасева найти не удалось.

Второй подобный случай произошел в «правительственной» тюрьме в Останкино, которую называли «северным курортом». Введена в строй она была всего полтора года назад, строили ее по американским образцам, и это действительно была самая комфортабельная тюрьма, предназначенная для проштрафившихся высоких чинов.

Утром надзиратели обнаружили убитым в своем отдельном «нумере» бывшего сотрудника Главного управления охраны Скорняка Илью Михайловича, отбывающего смехотворно малый срок в три года за убийство молодого парня в ресторане. Сам Скорняк был убит ударом в горло, а на посиневшем лице его лежал белый квадратик картона с золотым кинжальчиком и надписью: «Привет из «ККК».

Убийство наделало немало шуму, потому что на «северном курорте» сидело много людей с биографиями, подобными биографии Скорняка, имевшими огромные связи в мире бизнеса, мафии и в правительственных кругах. Поэтому вполне естественно, что, опасаясь за свою шкуру, они не могли не забить тревогу. Некоторые добились перевода в другие тюрьмы, менее комфортабельные, но более спокойные, остальные сумели поднять на ноги все следовательские силы Генеральной прокуратуры и МУРа. Однако убийцу, сотрудничающего с «Чистилищем», и в этом случае обнаружить не удалось, хотя всем было ясно, что он работает в тюрьме. Как и «СК» в прошлом, «ККК» ошибок пока не допускал.

И наконец последовала серия взаимосвязанных казней, всколыхнувшая не только правоохранительную систему и правительственные круги, но и всю общественность. Ответственность за них взяло на себя «Чистилище».

Сначала у Зиновия Явлинского, водителя «Форда», принад-

лежащего сенатору Свищову, «чистильщики» отрубили указательные пальцы на обеих руках. В заявлении «ККК», опубликованном на следующий день во всех крупных газетах, была приведена история с обгоном автобуса, в результате которого пострадали люди, а шофер автобуса получил пять лет, хотя был и не виноват.

Затем экзекуции подверглись сам сенатор Свищов, сотрудник ГАИ, давший показания против шофера автобуса, прокурор Красногорской прокуратуры Певзнер и судья Сукиасян. Все они знали, что осуждают невиновного человека. Однако Свищова лишили двух пальцев на правой руке, сотруднику ГАИ выдавили глаз, прокурору отрубили ухо, а судье проткнули язык шампуром: когда к нему пришли «чистильщики», Сукиасян вкушал шашлык...

Начальник Московского уголовного розыска отодвинул от себя раскрытую папку с пачкой дел, откинулся своей громоздкой квадратной тушей на спинку стула, так что тот жалобно скрипнул, и недовольно глянул на тихого начальника оперативно-розыскной бригады.

— Я все это уже знаю, Юрий Федорович. Ты мне результаты расследования давай, результаты, а не констацию фактов!

— Заказные убийства вообще раскрываются только на десять процентов, Александр Викторович, а когда заказчик и исполнитель — «Чистилище»... — Агапов безнадежно махнул рукой.

Его собеседником на сей раз был бывший руководитель ОРБ Синельников, получивший звание генерала и кресло начальника МУРа. Сам же Агапов из майоров передвинулся в подполковники и возглавил ОРБ. В остальном их отношения остались прежними, они прекрасно дополняли друг друга, понимали с полуслова и почти с одинаковой страстью относились к служебному долгу. Вне службы начальник и подчиненный превращались в друзей и частенько отдыхали вместе со своими семьями на лоне природы.

Синельников достал из холодильника литровую банку компота, налил чашку себе, предложил Агапову:

— Хочешь? Брусника моченая.

— Киллерами? — мрачно пошутил подполковник. — Ладно, давай налей, брусника хорошо действует на желудок.

Они выпили по чашке брусничного компота, потом Синельников придвинул к себе папку с документами и углубился в чтение. Поморщился, прочитав дело о похищении несовершеннолетних девочек для оказания сексуальных услуг клиентам. Поморщился еще раз, когда дошел до описания разоблаченных контор, занимающихся рэкетом. Проворчал:

— Будь моя воля, я бы позакрывал все эти «школы воинских

искусств». Потому что готовят они в большинстве своем бандитов, материал для рэкет-групп и мафиозных структур.

Наконец Синельников дочитал сводку, молча налил себе еще брусничного компота. Агапов смотрел на него вопросительно, но молча.

— Мы ловим, а они гладят убийц по головке, — сказал начальник МУРа, имея в виду органы правосудия. — Кой толк от такой чистки?

— Ты это министру скажи, а мы не «чистильщики», плюющие на закон.

— К сожалению, тут ты прав, Юрий Федорович. Законы писаны для умных, для нас с тобой да для простого народа. Дураки и преступники же, как и правительственные чиновники, между прочим, их не читают и не соблюдают. Знаешь, к какому выводу я недавно пришел? Народ только мешает правительству хорошо жить. Будь его воля, оно превратило бы народ в бессловесных рабов.

— А разве еще не превратило? Интеллигенцию затравили, ученых разогнали, творческую элиту низвели до уровня домохозяек, зато нацию превратили в сословие торговцев и воров... Давай не будем об этом, Викторович, и без того тошно. Отметил приоритеты?

Синельников хлопнул тяжелой рукой по красной папке.

— Главными остаются убийства депутатов и офицеров. Понимаешь, какой парадокс? До появления «Чистилища» криминогенная обстановка в городе была гораздо спокойнее.

— Благодаря давлению Сверхсистемы. Этой конторе невыгодно поднимать шум.

— Соображаешь. Итак, снова перед нами «СК»... вернее, «ККК». Сменилась только вывеска, методы остались теми же. Придется и нам действовать в том же направлении.

— Что ты имеешь в виду?

— Министр издал директиву: организовать сверхсекретное подразделение для ловли «чистильщиков» и их последующего уничтожения.

— Да было уже это при Жаренове!

— А теперь главными по формированию группы будем мы. Так что готовь кадры, Федорович, будем выполнять директиву. Кстати, до меня дошли слухи, что аналогичные группы сформированы и в Минобороны, и в ФСБ.

— Не по душе мне эта директива.

— Думаешь, мне по душе? Ведь «чистильщики» по сути делают нашу работу быстрее и качественнее нас. А мы их должны ловить... и уничтожать! В общем, давай действуй. — Генерал снова прихлопнул папку ладонью. — Да, я тут подумал... что, если по-

искать художника, который работает на «Чистилище»? Того, кто малевал им кинжал для эмблемы. Что «СК», что «ККК» — одна и та же стилизация, одна и та же рука.

— Мне бы твою голову, генерал! — оживился Агапов. — Горе-то без ума, то есть когда его нет, а не наоборот, как писал классик. Идея отличная, раскрутим непременно.

— Читай «ТВ-парк», и даже твои редеющие волосы станут блестящими и умными. А в нашей стране горе всегда было от ума, а не наоборот.

Агапов улыбнулся, вставая.

— Тогда я лучше останусь глупым.

— Послушай-ка, Федорович. — Синельников снова взялся за папку. — Я тут кое-что не понял в деле Голышева. Эксперт написал, что рана, от которой он скончался, очень странная. Что это значит?

Агапов виновато развел руками.

— Я не в курсе.

— Узнай и доложи. С этим делом, чувствую, мы еще повозимся.

Полковник Юрген Томас Юстович занимался любовью на квартире у подруги, когда мелодично прозвонил многоканальный радиотелефон. На пятой гамме полковник не выдержал, разнял объятия крутобедрой мускулистой гёрл, командирши женского батальона спецназначения «Щит», и добрался до телефона.

— Юрген.

— Полковник, Балуев ушел, — раздался в трубке голос Кийка, командира отряда «Анальгин».

У Юргена пропало желание продолжать приятное занятие.

— Все на сегодня! — сказал он девушке, а в трубку: — Как это — ушел?

Девица сползла с кровати, обняла его сзади, перебирая пальчиками мужское естество.

— Убирайся! — рявкнул полковник, но, увидев изумление в глазах подруги, тут же смягчился: — Подготовь ванную, Татьяна, мне надо идти. — Повторил вопрос в трубку: — Как он ушел?

— Ему помогли.

— Кто?

— Не знаю, догнать не удалось, у них все было подготовлено. Но он и сам неплохой спец, спустился с двенадцатого этажа по балконам.

Юрген фыркнул.

— Он не просто спец, он ганфайтер, стрелок и боец высочайшего класса! Надо было перестраховаться и перекрыть все пути отхода.

— Ничего, достанем его в Рязани. Паспорт он, конечно, по-

казал липовый, однако определить конуру, в которую он забился, будет несложно. Буду брать его вместе с Соболевым.

— Только учти урок: Соболев — «абсолютник», он не даст вам ни шанса, если сделаете ошибку. Но сперва попробуй его уговорить войти в команду. Балуева, кстати, тоже. Что еще?

— Мы засекли одного подозрительного молодца у квартиры депутата Свищова и проследили до интересного учреждения — школы русбоя. Оттуда он не вышел. Может быть, взять школу тихим штурмом?

— Ты где?

— На Русановке, с группой. Это будет и тренировкой, и показательным выступлением.

— Подождите, я сейчас подъеду.

Юрген быстро принял душ, оделся в полевую армейскую форму и встретил у входа свою любовницу, в таком же, как у него, пятнистом костюме.

— Можно я с тобой?

Полковник хотел было ответить матом, но передумал: Татьяна Щекочихина владела всеми видами рукопашного боя и по кондициям не уступала тренированным мужикам.

— Поехали!

Через минуту пикап полковника мчался по ночным улицам Москвы в сторону Русановской набережной.

По положению начальник военной контрразведки мог требовать явиться к нему по вызову даже заместителей министра обороны, поэтому ничего удивительного не было в том, что он воспользовался своим правом, вызвав главного эксперта Минобороны полковника Громова и начальника Главного управления военно-технического сотрудничества Госкомоборонпрома полковника Тлеубаева.

Накануне Никушина самого вызвали в Главную военную прокуратуру, в ведении которой находилось не только Министерство обороны, но и ФСБ, ФАПСИ[1] и внешняя разведка, и имел неприятный разговор с Главным военным прокурором генерал-лейтенантом юстиции Пятковым Станиславом Игнатьевичем, а также со следователем по особо важным делам Васнецовым.

Следователей по особо важным не зря называли «живодерами», и Васнецов вполне оправдывал эту кличку на все сто процентов. Ушел из прокуратуры Никушин взмокший, как после

[1] ФАПСИ — Федеральное агентство президентской службы информации.

парной, однако был не в обиде на коллег: оба радели за дело и были профессионалами жесткими и неудобными, однако педантичными и хваткими. Поговаривали, что их побаивается даже сам министр, везде имеющий свои глаза и уши, кроме прокуратуры.

Никушин вспомнил одно интервью с Пятковым в газете, после того как он проработал на посту Главного всего полгода.

— У вас много врагов, — констатировал тогда корреспондент. — Как вы к этому относитесь?

— Количество врагов прокурора — лучшая характеристика его работы, — ответил Пятков.

И он был прав: врагов у Главного военного прокурора было предостаточно. И еще он запомнил из того же интервью, что Пятков понимает власть «как повышенную ответственность перед обществом», хотя при этом наивным мечтателем и романтиком никогда не был.

Никушин заметил, как переглянулись вызванные им специалисты, и вернулся к действительности. Буркнул:

— Прошу прощения. Причин нашей встречи много, выделю главные. Клавдий Иванович, мои информаторы на местах докладывают, что руководство МЗК в Екатеринбурге пытается за спиной Госкомоборонпрома поставить за рубеж не экспортный вариант С-300, а полнокомплектный С-300-99[1]. Вы курируете этот проект. Прошу разобраться еще до того, как будет заведено уголовное дело с грифом «разглашение государственной тайны». Не хотелось бы терять таких высококвалифицированных специалистов.

— Я ничего об этом не знал, — сказал каменнолицый Тлеубаев. — Разберемся. Только не создавайте нервозной обстановки в ГКОпроме своими назойливыми расспросами, как уже было не раз.

— Постараемся не создавать, — сухо отрезал Никушин. — Но в интересах дела вы должны сотрудничать с нами, а не ставить палки в колеса, как уже тоже было не раз. Вам должно быть хорошо известно об утечках сверхсовременного оружия, не имеющего аналогов за рубежом, из секретных лабораторий и новейших технических приспособлений типа лазерных станций подсвета «Причал» для работы авиации по танкам, оптико-электронных прицелов для вертолетов и самолетов, комплексов корректируемого артиллерийского наведения «Смельчак» и «Миллиметр»,

[1] Суперсовременный противовоздушный и противоракетный комплекс, способный обрабатывать до 200 целей одновременно и управлять в залпе сразу 48 ракетами на высотах от 25 метров до 30 км и на дальности до 188 км.

многофункциональных комплексов разведки и управления «Зоопарк-22», позволяющих определять точные координаты цели по одному выстрелу и даже по летящему снаряду... Продолжать?

— Не надо. Комиссия следователей моего управления уже занимается этими делами, многие утечки уже пресечены и виновные наказаны.

— Не все, Клавдий Иванович! В том-то и дело, что далеко не все, шишки остались вне поля зрения комиссии, и теперь за них берется «Чистилище». — Никушин резко пододвинул Тлеубаеву листок плотной бумаги с тисненым кинжальчиком. — Вот, ознакомьтесь!

Начальник ГУВТС пробежал текст глазами, нахмурился. В письме обвинялся лично он и ряд работников Управления в коррупции и участии в делах несанкционированной продажи техники.

— Это... неправда!..

— Не знаю, — холодно проговорил генерал. — «Чистилище» доказало, что не ошибается. Не так ли, Дмитрий Олегович?

Громов молча кивнул. Лицо его было непроницаемо, но в глазах сквозь пелену иронии промелькнул огонек мрачного торжества.

— Теперь о заводах в Твери и Владимире, выпускающих изделие «Ракита»[1]. Каким образом американцы узнали о новых разработках? Кто давал санкцию на присутствие на этих испытаниях экспертов США? И как в печать просочились известия о поступлении в войска новых термобарических[2] ракет типа «Рассвет»? А также гранат типа «Факел»?[3] Не знаете? А я скажу: везде, где произошла утечка информации, побывали ваши заместители Кулябин и Малинин. Выводы делайте сами. Если не захотите, за вас это сделает «ККК». Дмитрий Олегович, вас это касается в не меньшей степени, каналы экспертиз слишком часто пересекаются с каналами торговли оружием. Я отношусь к вам с уважением, поэтому на сей раз ограничусь предупреждением. Давайте своими силами чистить свои ряды, пока опять же за нас с вами не взялось «Чистилище».

— Я давно сделал выводы, — сказал Громов, — и подал рапорт министру, но никакой реакции до сих пор.

— Я могу идти? — бросил в пространство Тлеубаев.

Никушин перелистал какие-то бумаги на столе.

---

[1] Машина залпово-коврового огня.

[2] Светозвуковые гранаты: громкость взрыва — до 170 дБ, яркость вспышки — до 60 млн. КДж.

[3] Граната выбрасывает шесть светозвуковых элементов на расстояние до 15 м.

— Можете.

Начальник ГУВТС вышел.

— Зря вы его предупредили, — тихо сказал Громов. — Если у него рыльце в пушку, он постарается уничтожить свидетелей, следы и документацию.

— Я хотел, чтобы он запсиховал, — за ним идут мои люди. Ну, а теперь давайте поговорим о главном, Дмитрий Олегович. За информацию о «глушаках» и «болевиках» спасибо. Кстати, в царицынском ВЛ-17 Сыромятов сделал защитные шлемы от «глушаков». Но об этом поговорим позже. Вы знаете, как был убит генерал Голышев?

— Слышал, но подробностей не знаю.

— По всем данным, из «дырокола».

— Из НК?! — вырвалось у Громова. — Не может быть! Существует всего три опытных образца, и все три — у Бушуева в ВЛ-33...

— Значит, есть еще один, неучтенный экземпляр, которым воспользовался убийца.

— Эт-то оч-чень интересный факт, Андрей Витальевич.

— Вы так думаете? Кто, по-вашему, мог это сделать?

Громов задумался, сразу став суровее, собраннее, с расстановкой произнес:

— Пока не знаю... но узнаю непременно, будьте уверены.

— Давайте идти по следу вместе. Надо же в конце концов кому-то очищать армию от скверны. Неужели и в самом деле будем ждать, пока вмешается «Чистилище»?

— Вы мне нравитесь, господин генерал, — улыбнулся Громов. — Но умрете вы явно не своей смертью.

Никушин неумело улыбнулся в ответ.

— Поживем — увидим. Мне бы в команду парочку ганфайтеров — горя бы не знал!..

После возвращения из контрразведки Громов полчаса разбирал дела в своем кабинете, потом вызвал комиссара-2.

— Герман Довлатович, наша «крыша-1» на Лубянке чиста?

— Комп тревоги не поднимал, все тихо.

— Собирайте «квадрат» на четырнадцать часов.

— Что случилось?

— Нам придется решение правительства, не поддающееся разумному контролю, принять в качестве форс-мажорного обстоятельства. — Рыков озадаченно молчал, и координатор «ККК» добавил: — Всем силовым структурам поступил секретный приказ премьера создать зондеркоманды для ликвидации «Чистилища».

Из трубки донесся тихий возглас Рыкова:

— От кого вы это узнали? У меня никаких сведений нет.

— От шефа «Смерша». Ему это стало известно по своим каналам. В Минобороны такая команда уже создана.

— Ну, наш уважаемый Федор Иванович всегда был консервусом[1], как и Леонид Арнольдович. Значит, наше письмо премьеру все-таки сработало.

— С точностью до наоборот: премьер перетрусил так, что дал задание избавиться от нас любыми способами. Сыграли, видимо, свою роль и наши аргументы по ликвидации убийц и наказании Свищова. Плохо, что к вам эта информация попадает с опозданием.

Рыков некоторое время не отвечал.

— Я приму меры, Дмитрий Олегович. Как говорится, шкаф и тот раз в году падает.

— Не понял.

— Если у меня нет нужной информации, значит, где-то в агентурной сети конторы «упал шкаф». В оперативном лексиконе «федепасов» это означает смену кадров, передвижение скомпрометировавшего себя агента на другой участок работы.

— Разбирайтесь. — Громов набрал другой номер и услышал голос комиссара-5.

— Слушаю, сэнсей.

— Валерий Егорович, проверь-ка оперативно «крышу-1»: сегодня в два соберется «квадрат».

— Нет ничего проще, Дмитрий Олегович. Могу вас обрадовать: наш общий знакомый Вася Балуев встретился с Соболевым на территории бывшего Зачатьевского женского монастыря. Потом к ним присоединился еще один гражданин, и... наша дальнобойная аппаратура отказала! А ведь раньше ничего подобного...

— Короче, Валерий Егорович.

— Они ушли, но в Рязани мы их достанем. Думаю, оба согласятся на сотрудничество, мы не оставили им другого выхода.

— Профессионал всегда найдет выход. Поторопите их, они понадобятся очень скоро. За нами начинают охоту все спецслужбы. *Все!* Понимаете, Валерий Егорович? Нужны кадры!

— Поторопим, Дмитрий Олегович.

Громов выключил радиотелефон, посидел еще немного и развернул панель компьютера. Выход на следующего абонента возможен был только через компьютерную сеть. Но Дмитрий Олегович не знал, что в свою очередь служил консервусом гораздо более жуткому созданию, носившему имя Конкере.

---

[1] Консервус — раб того же хозяина *(лат.)*.

КОНКУРИРУЮЩИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Дверь открыла Бася Яновна, бабушка Кристины, полька по происхождению: сухонькая, беловолосая, улыбчивая, с живыми проницательными глазами. Когда Матвей встречался с ней взглядом, то всегда вспоминал стихотворение Шарля Бодлера «Старухи»: «И пленится навек обаяньем их взора тот, кто тяжесть судьбы на себе испытал».

— Думали, забыл нас парубок, — сморщила в улыбке лицо Бася Яновна. — Мы уже соскучились все, особенно Стасик.

Из своей комнаты выбежал Стас, ткнулся головой в живот Матвея, обнял за талию, потом глянул снизу вверх.

— Ты предупреждай, когда надолго уезжаешь, ладно? — Мальчишка тут же убежал в комнату, крикнув на бегу: — Я модель планера собираю, осталось немножко.

Из зала выехала на коляске Кристина, молча улыбнулась, и сразу стало ясно, чья она внучка: улыбка у нее была такой же, как у бабушки.

— К тебе приходили...

Сердце Матвея екнуло.

— С работы?

— Не знаю, никогда их раньше не видела. Один совсем молодой, очень вежливый, а второй постарше, тоже вежливый, но неприятный.

— Они из разных контор, — подал голос через дверь Стас. — Первый приехал на «Жигулях», а второй на «Сааб» с номером А-010-АА, а вместо обозначения города — флаг.

— Вот пострелёнок! — всплеснула руками Бася Яновна. — И когда успел все разглядеть-то? Пойдем чай пить, Матвей Фомич. Обедал где али нет? Могу стол накрыть.

— Спасибо, только чай. — Матвей поцеловал Кристину в щеку, с удовольствием отметив, что цвет лица у девушки приобретает чистоту и прозрачность, хотя серых полос на нем, индикаторов нездоровья, еще хватало. — Что им было нужно?

— Думаю, им был нужен ты. Оба сказали, что придут в другой раз.

Матвей задумчиво прошелся по квартире, *растопырив*, как перья, или, скорее, как пальцы рук, все свои чувственные каналы, и явственно ощутил угрозу, исходящую от следов, оставленных чужаками. Было ясно, что его вычислили. Но кто, зачем, с какой целью? Ельшин, обуреваемый жаждой мести? Старые враги? Новые наниматели? Кто?.. Кристина смотрела на него пытливо, ее потемневшие глаза стали большими, тревожными, и Матвей уже хотел было успокоить ее, но зазвонил телефон. Реак-

тивный после выздоровления Стас, как снаряд, первым рванул трубку, позвал Матвея:

— Па, тебя! — и унесся обратно к себе, что-то напевая.

Улыбнувшись на это «па», Матвей прижал трубку к уху и услышал голос Василия:

— Нас вычислили, Соболь. Ко мне заходили гости.

— Ко мне тоже. Может быть, это твой приятель из К... э-э... из этой новой «контры»?

— Зачем ему наносить визит в стиле охотника, если он сам предложил сотрудничество? Нет, это не «Чистилище», это кто-то другой.

— Ко мне приезжали из двух «контор», как сказал Стас. Одни на «Жигуле», другие на «Саабе».

— Парень у тебя глазастый, да и соображает неплохо. Небось и номер запомнил. Что будем делать?

— А ничего... пока. Пусть появятся еще раз, предъявят полномочия, а там посмотрим.

— Я на твоем месте увез бы всех из города на некоторое время.

В пути от Москвы до Рязани они успели поговорить на все интересующие обоих темы, в том числе и о предложении Валерия Шевченко работать на «ККК». Но Матвей твердо ответил «нет», а Василий, сам в душе склонявшийся к такому же решению, знал друга достаточно хорошо, чтобы предлагать ему «подумать». Если Соболев говорил «нет», то это было «нет!».

— Приезжай вечером ко мне, переночуешь, — предложил Балуев, оценив молчание Матвея. — Или я могу к тебе, у тебя места побольше.

— Созвонимся.

Матвей положил трубку, и тотчас в ухе тихо пискнул «тревожный зуммер», всколыхнулись тонкие поля местных эгрегоров — растений, архитектурных сооружений: в облако пересекающихся человеческих пси-сфер вторглись чужеродные элементы, возникло ощущение неловкости, неудобства, заставившее напрячь все органы чувств. И в следующее мгновение в прихожей раздался звонок в дверь.

— Я открою, — возник у двери Стас.

— Стой! — негромко, но так, что побледнела Кристина, сказал Матвей. — В комнату! Ты тоже! — Он задвинул коляску с девушкой в спальню и открыл дверь.

Как и ожидалось, их было двое. Не вооружены. Тренированы в меру. Опасны, но не остро, в аурах — цвета индиго и желтое с зеленым: служители какого-то государственного культа, привыкшие по долгу службы быть актерами, верящие в «ложь во спасение», уверенные в своей силе. Не «шестерки», но и не «боссы». В общем, люди служивые, причем из какой-то государственной

спецслужбы, имеющей право задерживать любого. ФСБ? Угрозыск? ГУБО?..

— Здравия желаю, — чуть ли не козырнул один из позвонивших, длинный, коротко стриженный, лет тридцати. — Вы Матвей Соболев?

Армия, догадался Матвей. Кадровики. Неужели Ивакин или Дикой оставили где-то сведения обо мне?

— Он самый. А вы, если не ошибаюсь, из «Смерша»?

Гости переглянулись. Второй, поплотнее и помоложе, с каштановыми волосами, нахмурился.

— Может быть, впустите? Надо поговорить.

— Говорите здесь, что вам нужно, и проваливайте.

— А вы не слишком-то гостеприимны, Соболев, — укоризненно проговорил высокий. — Что ж, буду краток. Я, как вы правильно догадались, полковник Холин из военной контрразведки, а это майор Меркулов. Вы же, насколько нам известно, бывший сотрудник ВКР, мастер перехвата, ганфайтер, как называют таких сотрудников.

Лицо Матвея осталось неподвижным.

— Короче, полковник.

— Ты что о себе... — не выдержал второй гость, но Холин жестом остановил его.

— Мы пришли к вам с предложением начальства вернуться в «Смерш». Обстановка такова, что остро ощущается нехватка квалифицированных кадров. — Полковник достал плотный толстый конверт без каких-либо надписей и знаков, протянул Матвею. — Это сводка по Управлению, можете ознакомиться. Там же телефон, по которому вы должны позвонить в случае принятия решения.

Матвей покачал головой, не собираясь брать конверт.

— Дела ВКР меня больше не касаются. Я уволился... по собственному желанию. Так и передайте своему начальству.

— Да что ты о себе возомнил! — снова взвился спутник Холина, хрустнув пальцами. — Тебе предлагают по-хорошему...

— А что, могли бы и по-плохому?

— Александр, остынь, — сказал Холин, с любопытством оглядывая стоявшего в непринужденной позе Матвея. — Он не из тех, на кого можно давить...

— Да я...

— Остынь, я сказал. Извините, Соболев, мы несколько взвинчены последними событиями... убийством генерала Голышева... в общем, есть проблемы.

— Это *ваши* проблемы. Всего хорошего.

Матвей вошел в квартиру и закрыл за собой дверь. Двое потоптались на лестничной площадке — Матвей видел их сквозь

дверь зыбкими стеклянными силуэтами — и начали спускаться вниз. Через несколько минут они вышли из дома, подъехала бежевая «семерка» и увезла их.

— Что им было нужно? — тихо спросила Кристина, выезжая из гостиной.

— Предложили работу, — спокойно ответил Матвей, беря ее за холодные руки. — Не волнуйся, все будет хорошо.

— Ты согласился?

— Нет. — Матвей подхватил Кристину из коляски, с болью ощутил, как похудели ее бывшие когда-то сильными и красивыми ноги, понес на кухню, где хлопотала Бася Яновна. — Вот и мы. Стас, ты идешь?

— Не хочу, я занят, — донесся голос мальчишки.

До вечера Матвей оставался в доме Сумароковых, как мог успокоил Кристину, позанимался со Стасом, поболтал с Басей Яновной, а потом с Кристининой мамой, но так и не решил, что делать. Хотя понимал, что Василий прав и Сумароковых надо каким-то образом вывезти из города. Но куда — он не знал.

В девять вечера Матвей позвонил Василию и сказал, что ночевать будет дома, на что Балуев ответил, что приедет к одиннадцати.

Когда Матвей садился в машину, начинался дождь, превратившийся в ливень к тому времени, когда он подъехал к себе домой. Оставив «Таврию» во дворе на сигнализации, Матвей шмыгнул уже было к подъезду, но увидел под деревом чью-то маленькую сжавшуюся фигурку. Шагнул к ней, с трудом узнавая недавнюю знакомую, Ульяну, которую выручил у обменного пункта валют.

Девушка промокла до нитки, будучи без зонта, замерзла и дрожала как осиновый лист. Матвей вспомнил о ее существовании только сейчас, подумав, что случайных встреч, подобных этой, не бывает.

— Что вы тут делаете? Ждете кого-нибудь?

— Вас.

— Меня?! Зачем? Впрочем, выясним потом, пойдемте ко мне, обсохнете, попьете чаю, согреетесь...

Глаза Ульяны, темные, загадочные, и без того большие, стали еще больше.

— Вам нельзя домой... там вас ждут...

— Кто? — Матвей почти без усилий и головной боли вошел в меоз и определил, что в его квартире действительно находятся люди. Как, впрочем, и во дворе, и в подъезде. Это могли быть только те, кто приезжал к Сумароковым на авто дипломатического класса «Сааб». Но в отличие от представителей военной контрразведки «дипломаты» были вооружены. Мгновение Мат-

вей прикидывал, что предпринять, но его опередили. От квадратной бетонной загородки мусорного контейнера отделились две фигуры, из-за грузовика вышли еще двое, и наконец, со стороны арки показались трое парней, отрезая все пути к бегству.

В принципе Матвей мог бы уйти и при таком раскладе сил, но решил все же посмотреть, что будет дальше. Мучил только один вопрос: как Ульяна, по ее словам — студентка медицинского института, могла узнать о засаде?

— Садитесь в машину и ждите. — Матвей протянул ей ключи от «Таврии». — Запритесь изнутри.

— А вы?

— За меня не беспокойтесь. Я скоро вернусь. — Он быстро пошел к подъезду, справедливо полагая, что в данный момент останавливать его не будут.

На лестничной площадке задержался, чтобы обезвредить двух верзил, делающих вид, что они увлечены разговором. Еще одного придавил в прихожей: парень прятался за дверью и, конечно, понятия не имел, что существует приемы нейтрализации противника, занимающего подобное положение.

На шум из кухни и гостиной выглянули молодые люди с одинаковыми короткими стрижками и в одинаковых комбинезонах полувоенного типа, недавно вошедших в моду.

— «Без окон, без дверей полна горница людей», — прокомментировал Матвей хладнокровно, погрозил пальцем амбалу на кухне, вытаскивающему пистолет. — Не шали, малыш, я могу рассердиться. Вы и без того нарушили право экстерриториальности частного владения.

Из-за спины парня в гостиной вышел еще один гость, высокий, широкоплечий, тонкогубый и прозрачноглазый, в каждом движении которого просматривалась ленивая грация хищного зверя. Наверняка командир отряда.

— А вот и хозяин пожаловал. — Он сделал приглашающий жест рукой. — Проходите, есть разговор.

Матвей молча зашел на кухню, не обращая внимания на напрягшегося бойца, налил себе кружку грейпфрутового шипучего тоника и, прихлебывая, проследовал в собственную гостиную.

— Говорите быстро, что надо, и выметайтесь.

Прозрачноглазый вожак засады засмеялся.

— Вы мне нравитесь, Соболев. Моим солдатикам есть чему у вас поучиться, — говорил он с едва уловимым акцентом.

— Короче, я сказал.

Парень у двери дернулся было к Соболеву, но тут же тихо лег на ковер, прижав руки к животу и раскрыв рот.

Командир оценивающе глянул на него, потом на Матвея, глаза его, презрительно-наглые, умные, злые, еще больше посветле-

ли, сузились. Только теперь он начал соображать, что стоящий перед ним в расслабленной позе хозяин, пьющий сок мелкими глотками, противник серьезный и неординарный. Он еще не встречался с агентами уровня «абсолют» и считал, что рассказы о них — это все легенды и мифы. Но этот парень не играл «супера», лихого и хладнокровного, он *был* «супером», самым крутым профессионалом из всех, с кем когда-либо приходилось сталкиваться Паулю Артуровичу Кийку.

— Ну? — коротко бросил Матвей, допивая сок. Усмехнулся, понимая, какие чувства переживает сейчас незваный гость; точно такие же пережил Вася Балуев когда-то, но в отличие от этого, светлоглазого, Вася оценил его сразу, с первого взгляда.

— Мы представляем организацию, которая нуждается в специалистах вашего класса, — произнес прозрачноглазый. — Хотите работать с нами?

— Точнее. — Матвей начал сердиться. — Я не играю втемную. Что за организация? Что за работа?

— Работа знакомая, — гость пожал плечами, — перехват. Оплата в твердой валюте. Организация — военная.

— Я и так это понял. Но — нет!

— Подумайте...

— Вы слышали? Нет. Перед вами я ответил «нет» еще одной организации, родственной вашей, и то же самое повторю любой другой. Разговор окончен.

— Жаль. Я думал, профессионалы всегда могут договориться. А вам не страшно... за свою семью? За друзей? Ведь с ними может что-нибудь случиться... — Гость не договорил, мгновенно оказавшись в полусогнутом положении с вывернутой рукой, причиняющей неимоверную боль при каждом движении. Легкость, с какой был проведен прием, не могла не восхищать, и прозрачноглазый командир засады в полной мере оценил возможности соперника.

— Я пошутил... отпусти...

Матвей вынул из его карманов пистолет «волк», «глушак» и кинжал, две звездочки сякэнов, офицерское удостоверение и только потом отпустил руку. Сдвинул брови, развернув удостоверение, текст которого был отпечатан на эстонском языке.

— Прибалт, надо же! Я так и понял — по акценту, только страны не определил. Ничего себе, куда тебя занесло, Кийк Пауль Артурович! Неужто и работу предлагал мне на родине, в Эстонии?

Кийк помассировал плечо, растянул в две бледные полоски губы, показав зубы.

— Соболев, ты только что подписал себе смертный приго-

вор!.. — Он не успел договорить: удостоверение офицера эстонской полиции оказалось у него во рту.

Матвей наставил на него палец.

— Такие вещи в сердцах не говорятся! Человек я мирный, но запомни: если действительно что-нибудь случится с моими друзьями или родственниками, я найду тебя везде!

В прихожей вдруг раздался какой-то шум, что-то упало, и в проеме двери возник Василий с пистолетом в руке. Оглядел гостиную, кивнул сам себе: порядок — и бросил пистолет на диван.

— Я там помял немного кое-кого. Сразу понял, что это за тобой.

— Ты же говорил, что приедешь в одиннадцать.

— Мне позвонила какая-то дама, сказала, что тебя тут... — Василий обошел молча стоящего Кийка. — Что им от тебя надо?

— Понял? — Матвей спокойно вернул гостю «волк», но «глушак» оставил себе. — Вам тут ничего хорошего не светит, господин вербовщик. Так что оставьте угрозы и сворачивайте команду. Кстати, вычислить вас будет нетрудно. «Сааб» номер А-010-АА с флагом, не так ли? Слишком заметная машина... для снобов. Настоящие профи приезжают поскромнее.

Кийк бросил запоминающий, исподлобья, взгляд, помог подняться своему подчиненному, забрал остальных, и дверь за ними закрылась.

— По-моему, ты нажил себе смертельного врага, — сказал Василий безмятежно. — Кто он?

— Одним больше, одним меньше... — не менее легкомысленно ответил Матвей. — Капитан полиции эстонской столицы.

Василий присвистнул.

— Ни хрена себе! Ему-то ты зачем понадобился?

— Не думаю, что я понадобился эстонским спецслужбам. Скорее, он работает на какую-то из наших. Но они не из контрразведки, те работают не так. Это явно спецподразделение для каких-то десантных операций... Ну да Бог с ними, вряд ли они сунутся еще раз.

Василий скептически поджал губы, но возражать не стал. Матвей вдруг вспомнил о сидящей в машине Ульяне.

— Подожди-ка, я сейчас.

Он сбежал по лестнице во двор, но обнаружил «Таврию» пустой. Ключи торчали в замке зажигания, на сиденье валялась заколка для волос, и кабина пропиталась тонким и нежным запахом французских духов «Дориссимо». Девушка исчезла.

Откуда же она узнала о засаде? — опять подумал Матвей. Или она... с ними? Видимо, придется навестить ее в институте. Он вспомнил, какими глазами смотрела на него Ульяна, и невольно улыбнулся. Такие глаза лгать не умели. Как и глаза Кристины.

Было что-то общее у обеих, что отметил Матвей еще во время первой встречи с Улей, но у нее перед Кристиной было два преимущества: она была здорова — это раз, и два — походила на спутницу инфарха из снов Соболева, обладающую редчайшим типом красоты...

Визит эстонского «специалиста» с его командой оказался не последним. На следующий день позвонил некто, обладающий простуженным голосом, и предложил встретиться в одном из баров Рязани для «взаимовыгодных» переговоров. Матвей тут же послал его гораздо дальше баров Рязани, однако простуженный не отставал и позвонил на работу.

Входя в курс проблем, возникших в фирме за время его отсутствия, Матвей хотел было снова послать его куда подальше, но настырный абонент упомянул имена Ивакина и Дикого, и Матвей согласился.

Афонин в своем офисе отсутствовал, а Соболев никому больше был неподконтролен, поэтому отпрашиваться не стал ни у Баблумяна, ни у Шаровского. Предупредил только секретаршу шефа Людмилу да своего зама по охране Вадима Носкова.

Встреча с очередным нанимателем произошла в баре «Какаду», недалеко от цирка. В отличие от предыдущих «кадровиков» простуженный появился один, хотя наверняка имел прикрытие. Это оказался средних лет мужчина, неприметный с виду, в очках и с усами, хотя опять же это мог быть камуфляж, каким нередко пользовался и сам Соболев. Отрекомендовался он как представитель регионального отдела ФСБ, майор по званию, Петрусев Иван Спиридонович.

— Мне поручено доставить вас в центр, — сообщил он после знакомства (когда Матвей сел за пустовавший столик, к нему и подсел майор), — в случае, если вы откажетесь сотрудничать.

— Откажусь, — миролюбиво сказал Матвей, потягивая горячий кофе с лимоном.

— Тогда я вынужден буду задержать вас силой.

— Не получится.

— Вокруг бара мои люди.

— Майор, если вы знаете, кто такие Ивакин и Дикой, то должны знать и кто я. Если меня вынудят к сопротивлению, я все равно уйду, но уже не тихо.

Майор снял очки, подышал на стекло, протер и снова надел.

— Да, я наслышан. Однако вы не до конца...

— Ничего не хочу слушать. Хочу остаться в стороне от всех столичных свар и разборок любого уровня, а тем более не хочу работать на организацию, коррумпированную не меньше других

структур. Кстати, откуда вы знаете об Ивакине и Диком, вы, майор регионального отделения конторы? И что именно?

— Их знали многие профессионалы, я не исключение. Не могу сказать, что мы были друзьями, но знал их хорошо.

— Тогда вы не тот, за кого себя выдаете. Начальников военной контрразведки действительно знали многие профессионалы из параллельных органов, но вряд ли — хорошо.

Собеседник Соболева снова снял очки, поколебался немного и под ироничным взглядом Матвея спрятал их в карман пиджака.

— Вы правы, я не майор Петрусев... Генерал Первухин, начальник УСО[1] центральной конторы ФСБ. Прошу любить и жаловать. И у меня действительно есть приказ директора доставить вас на Лубянку. Но, зная Ивакина, его умение подбирать кадры, я не хочу поднимать большого шума. Подумайте, мы даем вам на размышление три-четыре дня. Нам очень нужны специалисты вашего класса.

Посидев еще минуту, Первухин откланялся. За ним из бара вышли еще трое посетителей, которых Матвей заметил еще раньше, до встречи с начальником УСО.

Крепко же их прижало, чуть ли не с сочувствием подумал Матвей. Причем всех, если посчитать еще и вербовку Василия «чистильщиками». Что же делать? Уезжать отсюда? Принять чье-то предложение? Снова ввязаться в бесперспективную и достаточно грязную войну всех со всеми?..

Расплатившись, Соболев вышел на улицу, отметил, как его повели филеры безопасности — вполне грамотно, хотя не слишком скрываясь, и сел в машину. И тут явилась мысль, от которой сжался желудок и заныли зубы: *каким образом всем заинтересованным в вербовке лицам стал известен его адрес?! Всем одновременно?!* Кстати, может быть, еще и не все до него добрались... М-да! Так что же? Снова из своего «Ада» в наш «Рай» выглянул Монарх?..

«ЛЕЧЕНИЕ» КРИСТИНЫ

Два дня, в течение которых Матвея не отпускало напряжение, прошли на удивление тихо и бесцветно. Ни Василию, ни Соболеву никто больше не звонил, ничего не предлагал, засад не устраивал и слежку не начинал.

Дела в фирме шли ни шатко ни валко, хотя президент «Рюрика» постоянно о чем-то думал, и думы эти были невеселыми. На осторожные расспросы Матвея он отделывался шутками или во-

[1] У С О — Управление специальных операций.

обще не отвечал, бросая фразу типа: «Все хорошо, прекрасная маркиза...»

Звонил Парамонов, еще не простившийся с мечтой исследовать возможности Соболева. Он уточнил план лечения Кристины и назначил время на вечер субботы. Матвею надо было подготовиться и сыграть достаточно натурально, чтобы девушка поверила в реальность опасности. Матвей согласился, хотя был далеко не уверен в успехе предстоящей операции. Но отступать было некуда, психические синдромы современная медицина излечивала редко.

Как бы компенсируя рутинность сознательного бытия, Матвею две ночи подряд снились великолепные красочные сны, мало чем отличающиеся от реальной жизни. Первый снова окунул его в атмосферу Древнего Египта, во времена строительства пирамид; теперь Матвею показали этот процесс в натуре, и стало совершенно ясно, что древние египтяне не строили, а *достраивали* уже готовые сооружения, придавая им форму пирамид. Стиралась с лица Земли даже память о цивилизации Инсектов, сооружения которой обладали сложной гармонией, буквально застывшей музыкой, чуждой и в то же время близкой человеческому восприятию.

Второй сон состоял из двух фрагментов-видений, одинаковых по форме подачи, но разных по содержанию. Пройдя первые этажи астрала, Матвей попал в некое сферическое пространство с зыбкими жемчужными стенами — словно внутрь мыльного пузыря. В «пузыре» его ждала таинственная спутница инфарха, которую Монарх Тьмы назвал Светленой и которая напомнила о себе появлением в реальной жизни девушки Ульяны. Было видно лишь лицо Светлены, фигура скрывалась в облаке вспыхивающих и гаснущих огней. Зато книга, которую уже однажды открывал Матвей, была зрима и вполне материальна.

— Читай, идущий, — раздался низкий голос женщины, в то время как ее глаза вглядывались в Соболева с непонятной мольбой и печалью. — Времени мало, ты можешь не успеть.

— Что я должен прочитать или узнать? — спросил Матвей, ощущая себя во сне таким же облаком без рук и ног. — Я пытался читать ваш талмуд, но, видно, мне еще рано браться за него.

— Ты должен пробудиться, я помогу.

— К истинному пробуждению нет королевского пути, разве не так? И я давно хотел спросить: почему вы помогаете мне? Я ведь даже не человек Круга.

— Когда-нибудь ты узнаешь об этом. В одном ты прав: доступ к знанию Внутреннего Круга идущий может получить лишь тогда, когда захочет серьезно учиться и достигнуть некоторого начального уровня в своей духовной эволюции. Твой потенциал

высок, но особого стремления учиться у тебя не обнаруживается, что озадачило иерархов и обрадовало Монарха. У него на тебя особые виды... в связи с чем я хотела бы предупредить: каждый ищет себе подобного. Чтобы стать учеником Иисуса, необходимо достичь уровня апостола...

— Не понимаю.

— Надо почувствовать Учителя, увидеть его изнутри... постараться выяснить, что он потребует.

— А разве Учитель обязан требовать?

— Ничто в мире не делается бесплатно. Знание тоже не дается бесплатно. Люди должны расплачиваться за минуту удовольствия, спокойствие, знания, силу, любовь, даже за воздух, которым дышат, короче — за жизнь! Правда, редко кто понимает это.

— Я уже понял. Однако речь шла об Учителе... я не совсем вас... вы хотите сказать, что Учителя бывают...

— Разные, идущий, — истинные и ложные. Приглядись к своим, иначе можешь пойти не той Тропой...

— У меня нет Учителей... если не считать... — Матвей вспомнил Самандара, но сумел вовремя остановить свой язык, вернее, мысль. С директором МИЦБИ, назвавшим себя Проводником, надо было разобраться самому.

Лицо женщины потускнело, замерцало огнями, и она исчезла... Зато появился еще один персонаж, в котором смутно угадывались знакомые черты.

— Узнаешь? — раздался тихий голос с когда-то слышанными уже интонациями. — Заторможенный ты какой-то. Приходи быстрее в себя.

Что-то громко треснуло, внутренний объем сферы резко уменьшился, однако лицо собеседника не обрело при этом резкости, оставаясь расплывчатым, текучим и по-прежнему неуловимо знакомым.

— Горшин? — с сомнением спросил Матвей.

Тотчас же лицо незнакомца проступило четче — лицо человека и Будды, живое и неживое одновременно.

— У тебя действительно мало времени, ганфайтер. Мы со Светленой можем поддерживать закапсулированный хрононереальный объем лишь в пределах определенной мысли-формы. Достучаться до твоего истинного «я» удалось только с двадцать первой попытки.

— Чем это вам грозит? Неужели в вашем раю тоже существуют запреты, суды, система наказаний?

— Да, но на другом уровне... и трудно это называть наказанием, но аналогия есть. Просто там, где я обитаю, формула: «Цель жизни не счастье, а опыт» — реализована гораздо конкретней.

— И все же вы рискуете. Ну ты-то, положим, отступник из-

вестный, а почему Светлене понадобилось сопротивляться системе общепринятого уклада?

— Есть нюансы... в том числе и личного порядка. Некогда объяснять. Читай.

Книга, висящая в воздухе, раскрылась. По ее странице ползли все те же иероглифы, знаки и буквы, понять которые Матвей был не в состоянии.

— Да что я должен прочитать, черт возьми?!

— Тут у нас со Светленой разные подходы. Она исповедует религию чистоты, этики, гармонии, красоты и хочет, чтобы ты поднялся над варварским чувственным естеством человека-зверя. Я же — практик и знаю, что ее мечта недостижима без борьбы. За истину и гармонию, любовь и жизнь надо сражаться насмерть! Иногда и с самим собой... Очень скоро тебе придется столкнуться с адептами иных реальностей, против которых даже твой тренинг ганфайтера-волкодава окажется слаб! В этой книге ты обретешь знание Внутреннего Круга, которое даст тебе новую силу, новые возможности и владение *абсолютной* системой защиты, которой обладали наши предки — Первые Люди — метаморфы Инсектов.

— Как?

— И это потом, читай. Используй свои способности психофизической адаптации, ведь не зря я корректировал твою нервную систему.

Гулкий удар потряс «мыльный пузырь», свет в нем померк, в воздух взметнулись мириады багровых звездочек, словно рой искр над костром.

— Засек все-таки, пограничник.

— Кто, Монарх?

— Нет, декарх, отвечающий за границу реальности. До связи, ганфайтер, будь осторожен...

Матвей проснулся с ощущением, что его сон «подсматривал» кто-то еще. Но поиск этого любопытного ничего не дал, сферу чувств Соболева не затронул ни один тревожный сигнал.

На работу он поехал с твердым намерением ни во что не вмешиваться, однако намерение это дало трещину сразу же после появления Матвея в приемной.

У стола Людочки толпился народ, она с заплаканным лицом разговаривала по телефону, дверь в кабинет Афонина была открыта. Матвей заглянул туда, но увидел лишь Баблумяна и своего зама Носкова.

— Что тут произошло?

Баблумян молча протянул Соболеву листок бумаги с коротким текстом: «Босс фирмы у нас. Требуем выкуп. Даем два дня на

сбор ста тысяч баксов. Настучите мусорам — босс умрет!» И подпись: «Комитет национального спасения».

— Я чувствовал, что происходит что-то не то... — начал было Носков, но Матвей перебил его.

— Кто наехал на этот раз?

Баблумян поморщился, закурил.

— Те же, кто и раньше. Это дело рук Маракуца и его банды. «Комитет национального спасения» — их визитная карточка.

И Матвей вспомнил свое посещение хоро́м некоего Маракуца по поводу избиения учительницы. Неужели это один и тот же человек?!

— Почему меня не предупредили? Я бы принял какие-то дополнительные меры.

— Решили зря не поднимать шума...

— Черт подери вашу осторожность! Вам уже погрозили пальчиком — во время выезда в Москву, неужто надо иметь семь пядей во лбу, чтобы подстраховаться? Кто такой Маракуц?

— Вор в законе, кличка Боксер, — объяснил Носков. — Местный авторитет. У него тут все куплено, милицию подкармливает, а мэра и администрацию вообще кормит.

Матвей пожалел, что давно не пользовался компьютерной сетью спецслужб. Этот пробел надо было восполнить как можно быстрее.

— Данные по Алимбаеву в компьютере имеются?

— Зачем это тебе? — Баблумян выпустил клуб дыма. — Мы решили заявить в местное отделение ГУБО... хотя надежд все равно мало.

— Так. И кто посоветовал обратиться к «губошлепам»?

— Аркадий Самсонович.

— Я так и думал. Позволь еще один вопрос, последний: в случае... э-э... летального, так сказать, исхода, кто будет командовать парадом в «Рюрике»?

— Номинально я... до собрания акционеров, фактически — Шаровский, у него контрольный пакет акций.

— Вопросов больше не имею. Пошли, Вадим.

Носков послушно направился следом за начальником.

— А-а... э-э... — растерянно промямлил им в спины Баблумян. — Что вы предлагаете? Собирать деньги?

— Делайте что хотите, — не обернулся Матвей. — Если начнете звонить местному отделению ГУБО, Сергей Сергеевич вряд ли вернется живым. Я займусь этой проблемой на своем уровне. Единственное, что мне нужно, — доступ к делам фирмы.

Заместитель Афонина нервно закурил очередную сигарету.

— Я не имею права... Да черт с ними, дам я тебе файл входа. Но только никому ни слова... Уверен, что выручишь Сергеевича?

— В нашем милом государстве стопроцентную гарантию не дает даже страховой полис. Но я попробую. Потяни время до завтра, потом сообщай в ГУБО.

Из дежурки Матвей позвонил Василию, застал его за завтраком и коротко поведал историю похищения Афонина. Василий остался к услышанному равнодушным, пребывая в отвратительном состоянии духа. На вопрос Матвея, в чем дело, ответил:

— Лариса моя где-то затерялась... Дома не появляется, на работе тоже...

— Не думаешь же ты, что и ее похитили? — хмыкнул Матвей.

Балуев, видимо, разобрался в интонациях друга и попытался оторваться от собственных переживаний.

— У твоего босса много врагов?

— А у кого их нет? И устрица имеет врагов, как говорил Козьма Прутков. Но я тебя понимаю. Ищи свою Ларису, а вечером ко мне, подумаем, что предпринять.

Проверив готовность своих подчиненных защищать фирму, Матвей набросал в уме план действий и вернулся в кабинет Афонина, где Баблумян с грехом пополам решал ежедневные задачи.

До обеда Соболев работал с компьютером, выяснив немало любопытных подробностей в делах «Рюрика». Стала понятна озлобленность рэкетиров и государственных организаций, не получивших от президента фирмы ожидаемых «дивидендов» за милостивое разрешение создать акционерное общество. Всеми наскоками на «Рюрика», несомненно, руководил господин Маракуц, также не добившийся надлежащего послушания и все увеличивающий давление на строптивого клиента. Выяснилась и еще одна деталь: Шаровский Аркадий Самсонович до перехода в фирму работал в мебельной ассоциации, принадлежащей некоему Куцу. Несомненно, Куц был или Маракуцем, или его подставным лицом.

Нашел Матвей и сведения об Алимбаеве, который пришел вместе с Шаровским из той же мебельной конторы, где работал грузчиком. Начинать «дознание» можно было с него, хотя цепочка наверняка приведет к Маракуцу. Но идти к «авторитету» следовало, лишь имея на руках некое количество козырей. И как же тесен мир! Кто знал, что их с Василием «воспитательный» поход к обидчикам учительницы окажется прыжком в пасть тигру! Спасло их, наверное, только то обстоятельство, что Маракуц не ожидал подобной наглости, да и упомянутое к месту «Чистилище» заставило его задуматься... Что ж, придется еще раз навестить вора в законе, но уже подготовившись на уровне операции ВКР...

До вечера Матвей мотался по Рязани, выясняя кое-какие интересующие его детали, а ужинать поехал к Сумароковым, зная,

как ждут его два родных существа — Кристина и Стас. Но, как оказалось, его ждали не только эти двое.

Почему у него не сработала интуиция, чутье опасности, стало ясно лишь позже, но одним из факторов, сыгравших отрицательную роль, было ожидание обещанного Парамоновым спектакля для лечения Кристины.

Когда Матвей открыл дверь квартиры своим ключом, то сразу отметил и странную атмосферу дома, взрывоопасную и *темную*, не просматривающуюся в пси-диапазоне, и наличие гостей, и тусклое мерцание чужих эмоций, пронизанных ожиданием. Первая мысль его была: Парамонов! Начал «лечение» почему-то раньше, в доме его люди и ждут Соболева, чтобы начать главное действие, способное довести пациентку до стресса. Однако достаточно было одного взгляда на застывшую в неестественно напряженной позе Кристину, сидящих рядом с ней Стаса и Басю Яновну, чтобы убедиться: дело не в Парамонове! Гости пришли по его, Матвея, душу.

— Не дергайся, ганфайтер, — вышел из спальни высокий плечистый мужчина в модном джинсовом костюме, в котором Соболев сразу узнал Пауля Артуровича Кийка. В руке Кийк держал необычной формы пистолет, и Матвей с содроганием опознал «глушак».

Из-за двери выглянул еще один парень, но уже в черном спортивном костюме и с «макаровым», а из кухни, поигрывая нунчаками, выдвинулся широкий, как холодильник, «сапиенс».

— Что им всем надо? — дрожащим голосом спросила Кристина. — Пусть забирают видак, телевизор... все... и уходят.

Им нужен не телевизор, — подумал Матвей, все еще надеясь на мирный исход событий. Посмотрел на женщин, Стаса.

— С вами все в порядке?

— Мы их пока не трогали, — осклабился Кийк. — Пусть успокоятся, мы не грабители. Ну так как — сам пойдешь с нами или транспортировать тебя в наручниках?

— Разве в прошлый раз я неясно выразился?

— Ага, упрямый, значит. Что ж, придется... — Кийк не договорил, потому что его подручный за дверью нанес Матвею сзади удар по затылку рукоятью пистолета и... повалился при ударе, хватая ртом воздух. Матвей вырубил его на уклоне, ногой в низ живота, развернулся, чтобы прыгнуть к Кийку, но больше, даже обладая сверхреакцией, ничего не успел сделать. Кийк не стал рисковать и выстрелил в него из суггестора «Удав», именуемого в среде профи «глушаком».

Сознание Матвея вылетело из тела, как ядро из пушки, породив страшное «землетрясение» головы и затихающий гул нервного урагана. Он застыл, пустой, как робот, из которого вынули

дискету программы, как слепое каменное изваяние, как Сфинкс в пустыне Египта, и Вечность набросила на него свое покрывало, словно он уже умер...

Но...

Тик-тик-тик — упала песчинка тысячелетия на дно песочных часов...

Тик-тик-тик — пролетела еще тысяча лет...

Кто это считает? ..

Не надо считать, а то вернется способность думать...

Разве это плохо — думать?

Да, способность думать — замечательный дар, но способность *не думать* — дар больший! Научившийся жить рефлекторно, не думая, свободен от груза и давления, которое несет даже мысль! Озарение приходит именно к нему...

И в тот момент, когда сознание Матвея погасло окончательно, ментальное озарение пронизало его с ног до головы, породив состояние самадхи. Это сработала откорректированная Тарасом Горшиным вторая сигнальная система, переключившая типы сознаний, обеспечившая автоматический выход в меоз без участия воли хозяина. Этого обладатели «глушака» учесть не могли.

«Сфинкс» растрескался и осыпался грудой камней с нового, ожившего тела Матвея, когда тот огляделся вокруг и начал действовать. И все же он пробыл в состоянии ступора больше, чем позволяла ситуация. За какие-то шесть-семь секунд произошли два события, изменившие соотношение сил в психологическом плане.

Первое: увидев, что друг его безвольно застыл, Стас побледнел и опустил руки, а потом внезапно бросился с кулаками на вышедшего из-за двери спальни человека с пистолетом, в результате чего тот не успел для верности облучить Соболева еще раз. Второе: приподнявшись в кресле, Кристина шагнула к этому человеку, повернувшемуся в этот момент к ней спиной, и воткнула ему ниже спины спицу: она вязала, когда пришли «гости».

Человек с пистолетом изумленно вскрикнул, оглянулся на девушку, отмахнулся от нее, так что она врезалась головой в сервант, небрежно отпихнул Стаса... и в этот момент Матвей пропал. То есть никуда он, конечно, не пропал, просто перешел в иное качество с другим темпом жизни, но для боевиков Пауля Артуровича Кийка он действительно исчез.

В следующие несколько мгновений по квартире словно промчался ураган, вышвыривая одного за другим солдат Кийка на лестничную площадку. Сам же Пауль Артурович был выдворен в первую очередь, потому что, во-первых, обладал хорошей реакцией и движения Соболева изредка, краем глаза, схватывал; а во-вторых, он начал стрельбу, но уже не из суггестора, а из пистоле-

та «волк». Матвею пришлось брать его из самого нестандартного положения, с выхода из сальто, в падении и подкате.

И все закончилось в считаные секунды. Наступила тишина. Затем кто-то переступил тело одного из боевиков засады и вошел в квартиру.

— Помощь не нужна?

— Нет, — ответил Матвей, выходя из скоростного режима.

— Ага! — Василий поднял с пола пистолет «волк», какую-то блестящую сеточку с усиками и дужкой для закрепления на голове, повертел в руках. — Ну «волк» — понятно, а это что за штуковина? Неужто наши вояки разработали бронежилет для головы?

И тут Матвей сообразил, в чем дело, взял сеточку из рук Василия.

— Черт, вот почему я их не слышал... Это защитный экран от луча «глушака». К тому же он, наверное, поглощает большую часть излучения мозга... Ладно, забери с собой. Как это ты успеваешь всегда к развязке дела?

— Интуиция. Крепко они тебя рассердили, однако!

— Сами виноваты, не надо было стрелять из «глушака».

— И ты... после этого... смог сопротивляться?!

— Бессознательно, на уровне безусловного выживания. Во дворе никого не заметил?

— Троих. — Василий не сразу пришел в себя. — Один был очень хорош, но я торопился и, кажется, что-то ему поломал. Кто это?

— Те же, что приезжали на «Саабе». Кийк и компания. — Матвей вернулся в квартиру, привел в чувство Стаса, наклонился к Кристине и несколько секунд *слушал* ее, поводя головой из стороны в сторону, словно локатором. Облегченно вздохнул. Рана на голове была поверхностной, скорее, просто ссадина — Кристина задела головой торчащий в ящике серванта ключ. Но ударься она виском...

Пережив только что вспышку холодной ярости, Матвей перенес девушку в спальню, потом вернулся к Басе Яновне, потерявшей сознание от избытка эмоций. В этот момент в квартиру вошла мать Кристины Ольга Николаевна и, потрясенная разговором, остановилась на пороге. С ужасом глянула на лежащее в прихожей тело.

— Что здесь... происходит?!

— Ребята плохо себя вели, — отозвался Василий, отбирая оружие у тех, кто упал, — и мы поставили их в угол. Да вы не волнуйтесь, все закончилось хорошо.

— Матвей!.. — прилетел из спальни прерывистый шепот.

Матвей мгновенно оказался у постели Кристины. По щекам девушки текли слезы.

— Ты... жив?!

— Да жив, жив, что мне сделается? Лежи, все нормально.

— Стас, бабушка?

— Все хорошо. Там мама пришла... и Вася.

Кристина зашевелилась, протянула руки.

— Помоги...

— Тебе бы лучше полежать.

— Я ходила! Понимаешь? Когда ты... тебя... я встала и...

— Помню, ты была великолепна.

— Тогда помоги, хочу проверить... не сон ли...

Матвей протянул девушке руку, предостерегающе покачав пальцем Ольге Николаевне, чтобы та не вмешивалась. Кристина встала на подкашивающиеся ноги, взглядом попросила отпустить руку, сделала шаг, другой... и с рыданием осела, так что Матвей едва успел подхватить ее. Но это не были слезы боли...

В гостиной Матвей появился в мокрой спереди рубашке — от слез Кристины. Василий понимающе кивнул.

— Пойдем поговорим?

Они вышли на лестничную площадку, куда выполз травмированный Кийк (Василий уже знал, кто он, проверив документы). С трудом передвигающиеся парни в спортивной униформе замерли. Кийк оглянулся. Один глаз у него заплыл, на шее до самого уха лиловел рубец — след кроссовки Матвея.

— Слушай меня внимательно, — ровным голосом проговорил Соболев. — Я не знаю, какую организацию ты представляешь, но теперь, надеюсь, обязательно узнаю. Даже если никто из твоих бандитов не скажет. В прошлый раз я уже сказал — нет! Не приведи тебе Господь встретиться со мной в третий раз. Для тебя он будет последним. И передай своему начальству: я, Матвей Соболев, ганфайтер и волкодав, предостерегаю его от того, чтобы затевать против меня и моих друзей любую пакость. Уяснил?

Кийк молча сплюнул... и от удара Василия ногой по копчику врезался в сетчатое ограждение лифта.

— Уяснил? — поинтересовался Василий. — Или повторить вопрос?

— Передам, — прошипел, белея от ненависти, Пауль Артурович.

Василий кивнул, поднял с пола выпавший из чьего-то кармана коробок спичек, подбросил и стремительным ударом разрубил коробок на две части. Ни слова не говоря, друзья вернулись в квартиру Сумароковых.

В прихожей Матвей попросил:

— Фокус повторить можешь? С коробком?

— Естессно! — осклабился Балуев. — Зря я, что ли, тренирую-

юсь денно и нощно? Но все же я рискнул бы повторить совет: забирай Кристю, Стаса и уезжай. Они не оставят тебя в покое.

— Это не решение проблемы, остаются ее родители, бабушка... Да и у меня появились кое-какие дополнительные заботы.

— Какие? С шефом?

— Его надо выручать... Тихо, потом поговорим.

Они вошли в гостиную, где возле Баси Яновны хлопотала Ольга Николаевна. Сама Кристина стояла на пороге спальни, поддерживаемая Стасом, раскрасневшаяся, с сияющими глазами, и во взгляде ее, обращенном к Матвею, было столько любви, признательности и тоски, что Василию стало неловко, будто он подсмотрел семейную сцену в замочную скважину.

— Ну как? — спросила она.

— Эмбра![1] — хрипловато ответил Матвей, перед мысленным взором которого мелькнуло вдруг печальное лицо Ульяны.

Василию слово было незнакомо, но Кристина, видимо, его знала, потому что щеки ее порозовели, а глаза засияли еще ярче.

ИЩИТЕ ЗАКАЗЧИКА

Все произошло мгновенно: на Садовой-Каретной бежевую «Волгу» догнал серый «Форд», прозвучали два выстрела, и «Волга» на скорости девяносто километров в час перелетела через бордюр, снесла дерево и со всего маху ударилась в столб, сплющив передок почти до лобового стекла. И, хотя двигатель не взорвался, пассажир и водитель «Волги» скончались на месте. Водитель — от пули в висок, пассажир — от удара грудью о приборную панель.

Оба, капитан Конюхов и майор Карасин, работали оперуполномоченными Четвертого отдела МУРа по борьбе с разбойными нападениями и грабежами, и оба незадолго до катастрофы организовали разгром солнцевской банды.

Проведенное в рекордно короткие сроки следствие показало, что предводитель банды Митков по прозвищу Митек после допроса объявил в камере Бутырок, что не в меру зарвавшихся оперов надо «мочить». Это и сделали его подручные Ковалев и Юшенков, взятые муровцами уже на третий день розыска. Оба получили по десять лет строгого режима, но вожак-заказчик Митек остался в стороне, обещая в скором времени выйти и «примерно наказать остальных наглеющих мусоров».

---

[1] Эмбра — настоящая женщина, отличающаяся женственностью и притягательностью.

Сторож садового товарищества «Яблоко» в подмосковных Мытищах обходил свои владения, когда недалеко от дороги в кустах обнаружил три трупа с одинаковыми пулевыми ранениями. Вскоре в погибших оперативники муровской «четверки» опознали своих подопечных — вожака бескудниковской банды Феликса Эдмундова, его брата Филиппа и уголовника с Украины по кличке Бандера.

Преступная организация эта преимущественно «бомбила» склады солидных фирм: «Ле Монти», «Сади», «Салита» и других — в Бескудникове и Сокольниках. Объекты будущих налетов выбирал сам Эдмундов, объезжая указанные в рекламных объявлениях адреса и представляясь коммерсантом. Он якобы выбирал товар для будущей сделки, на самом же деле знакомился с системой охраны и содержимым складов. Все в банде было построено на строжайшем разделении труда: одни проводили разведку на местности, другие в масках и с пистолетами врывались на склад, нейтрализовали охрану, третьи подъезжали на «КамАЗах» и «Татрах», и грузчики спешно закидывали в них то, что интересовало главаря.

Не брезговала банда и грабежом автофургонов на подъездах к Москве, выбирая машины международного класса перевозок. Под дулом пистолета водитель переправлял фургон в укромное место, где машину «раздевали», а убитого водителя закапывали рядом.

В месяц банда «зарабатывала» таким образом никак не менее миллиона долларов, но семьдесят процентов «заработка» главарь банды вынужден был передавать вору в законе по кличке Циркач, под «опекой» которого находилось еще пять подобных преступных групп.

Кто такой Циркач, знал только сам Феликс Эдмундов, и до поры до времени его устраивал раздел добычи, но потом он все больше награбленного стал реализовывать на стороне, минуя «патрона».

Расправа не заставила себя ждать.

Циркач, естественно, остался в стороне.

К ограблению «Дарма-банка» бандиты из группировки Шахрая по кличке Барбос готовились долго, пока их человек, специально устроившийся туда охранником, не подготовил почву для налета.

За долгие месяцы беспорочной службы в банке человек этот тщательно изучил систему безопасности денежных хранилищ на Каланчевке, работу сигнализации, главное — пришел к парадоксальному выводу: банк до сих пор ни разу не был ограблен лишь по чрезмерной лености московских криминальных структур. Он

не знал, что работу этого банка, через который проходили «неучтенные» заработки членов правительства, курировал первый заместитель премьера Сосков.

Акция была разработана очень тщательно и проведена блестяще: троих коллег новоявленный охранник напоил, еще двоих уговорил пойти повеселиться к общей знакомой, а когда ключи оказались у него, позвонил подельникам. На отключение сигнализации и вскрытие трех хранилищ наличных денег ушло всего полчаса, на погрузку — час, и машина уехала.

Охранника с целью запудрить мозги милиции связали, слегка побили, нанеся несколько «косметических» ударов по лицу и оставив связанным до утра. Выручка банды составила около десяти миллионов долларов.

Но охранник, рисковавший больше всех, получил такие крохи, что не задумываясь пошел «качать права» к Барбосу и вскоре был найден убитым недалеко от места жительства в Перове. Следствие вывело оперативников на Шахрая и... завязло, потому что уже на следующий день банда перестала существовать! А еще через день были найдены убитыми исполнители казни группы Шахрая. Было ясно, что произошла разборка между преступными кланами, но кто позаботился «о справедливости», можно было только догадываться. Оперативники Четвертого отдела МУРа спихнули дело на «Чистилище» и на этом умыли руки: «Чистилищем» в МУРе занималось другое подразделение.

Громов дочитал последний документ из папки, предложенной ему комиссаром-2, и поднял глаза на Рыкова.

— И что из всего этого следует?

— По всем этим делам определен один «крестный отец», а именно Тогоев Мирза Тогоевич, друг Соскова и многих влиятельных лиц в администрации президента.

Громов задумчиво пожевал мятную лепешечку.

— Значит, «СС»? Сомнений нет?

— Связи прослежены надежно. По сути, по всем трем делам наказаны лишь «шестерки», главари среднего звена отделались легким испугом, о боссах уж не говорю. Главный же и вовсе чист как ягненок. Впрочем, он всегда выплывал чистым из всех передряг.

Громов вывел на экран компьютера данные персоналий и бегло просмотрел личное дело Тогоева, известного вора, главы московской организации воров в законе, владельца сети московских ресторанов, подмявшего под себя главарей всех мафиозных группировок, в том числе и «беспредельщиков» — молодежных банд, контролирующих в столице торговлю наркотиками. Добраться до Тогоева пробовали многие оперативники МУРа и ГУБО, но

дела обычно кончались увольнением и отставкой милицейских начальников, посмевших поднять на него руку.

— И все же не Тогоев заказчик, — пришел наконец к выводу лидер «ККК». — Не мог он решиться пойти против Соскова, за которым стоит немереная мощь военных и оборонных структур. Ищите заказчика, Герман Довлатович.

— И так ясно, что заказчик — маршал «СС».

— И я это понимаю, но кто именно?

Рыков промолчал.

— Да и стоит ли нам распылять силы? — продолжал Громов. — Если мы начнем работать против Сверхсистемы, вряд ли выдержим конкуренцию еще и на этом фронте. Вы же знаете, сколько создано зондеркоманд для уничтожения «ККК» спецорганами.

— Пять, — подумав, сказал Рыков.

— Шесть, — поправил его лидер «Чистилища». — «Анальгин» в Минобороны, «Гроза» в службе безопасности, «Харон» в ГУБО, «Принцип» в МУРе, «Закон» в Генпрокуратуре и плюс теперь «Туз», команда, которую образует Коржанов, начальник службы безопасности президента. Не многовато ли, Герман Довлатович?

Рыков пригладил волосы, глаза его блеснули.

— Это значит, Дмитрий Олегович, что «ККК» очень уважают. Нет, даже не так — боятся! Какая музыка в этом слове — бо-ят-ся!

Громов хмыкнул, с новым интересом глянул на изменившееся на миг бледное лицо комиссара-2, но развивать эту мысль не стал. Поговорив еще с полчаса, Рыков ушел. В гостиную заглянул Шевченко, вызванный Громовым для оперативных указаний.

— Ну как твои ганфайтеры?

— Я имел контакт только с Балуевым, — сообщил начальник службы безопасности «ККК», у которого от недосыпания покраснели глаза. — Он еще не определился. Но, судя по инциденту в Рязани, оба придут к нам. В принципе им просто некуда податься.

— Что за инцидент?

Шевченко рассказал о конфликте между Соболевым и военными вербовщиками, побывавшими у него на квартире.

— Теперь совершенно ясно, что главный заказчик в этом деле — служба Юргена. Мы узнали одного из его парней, участвовавших в налете.

— Значит, «Анальгин»? Им тоже нужны высокие профессионалы?

— Профи нужны всем. Кстати, есть идея использовать в наших делах парней РНОФ[1].

---

[1] «Русский национальный освободительный фронт».

— «Красные рубахи»? Разве они себя не дискредитировали?

— Еще не успели, зато у них прекрасные базы и лагеря для спецподготовки, а их боевые группы мало чем уступают нашим.

— Следует подумать, уж больно тенденциозная группировка. А теперь давай обсудим ряд операций по армейским спискам. Удар нужно нанести одновременно в тринадцати городах...

Когда зазвонил телефон «красной линии», министр МВД Пашин подумал, что звонит сам президент, но это напомнил о себе начальник службы безопасности президента генерал Коржанов, не поддающийся никакому контролю правительственных структур.

— Леонид Арнольдович, *Сам* весьма обеспокоен вашим бездействием! Вы что, не дорожите своим креслом?

Пашин покрылся холодным потом. Власть Коржанова была абсолютной, о чем говорил и недавний инцидент с захватом службой безопасности президента офиса фирмы «Мастодонт» «в целях борьбы с терроризмом»: начальник московского отделения ФСБ генерал Рогов, попытавшийся разобраться в нем, был снят с должности в течение суток!

— Не понимаю вас, Николай Владимирович...

— Чем вы там занимаетесь, черт побери?! «Чистилище» позволило себе опубликовать в прессе открытое письмо правительству, в котором недвусмысленно угрожает террором высшим государственным лицам! Вы что, не можете понять, чем это кончится?

— Ах, это... Нет, Николай Владимирович, мы все понимаем и принимаем адекватные меры...

— Да какие там адекватные! Перестаньте заниматься своими ср...ми уголовниками и бросьте все силы на «ККК»!

— Но мы работаем не только с... э-э... уголовниками. В производстве двадцать дел по заказным убийствам, девяносто — по коррупции, двенадцать — по «СС»...

— «СС» подождет, она по крайней мере не замахивается на физическую ликвидацию руководителей государственного масштаба. Немедленно создайте команду для ликвидации «ККК» по типу тех, что создаются в ФСБ и ГУБО. Буду крайне удивлен, если через неделю вы не доложите о результатах! И запретите наконец всем газетам публиковать заявления «Чистилища»!

— Каким образом?

— Не мне вас учить. Соберите главных редакторов... пригрозите... проштрафившихся увольте! У меня все.

Трубка замолчала.

Пашин посмотрел на нее, как кролик на удава, потом в сердцах хватил по аппарату. Передразнил: «Создайте команду, соз-

дайте команду»... Создали уже! А что толку? Попробуй ликвидировать тайфун...

Сняв трубку другого телефона спецсвязи, тоже прямого, министр дождался ответа и сказал:

— Привет, Сергей Вениаминович. Тебе Коржанов не звонил? Звонил?! Ну, слава Богу, а то уж я подумал, что только мной особенно недовольны. Ну, что будем делать с «Чистилищем»?

— Об этом подумаем, когда «ККК» будет у нас в руках, — ответил директор ФСБ. — А пока и думать не о чем, надо искать.

— Но мне он дал неделю срока!

— Думаешь, мне больше?

— Но это же беспредел, Вениаминович!

Коваль засмеялся.

— Если уж министр жалуется на беспредел... Кстати, вчера вечером молодцы Коржанова снова отличились, слышал? Напали на ночной клуб «Какаду», уложили известных артистов на пол, обыскали... кое-кому залепили по морде...

— Ко мне уже поступило заявление, подписанное Никулиным, Моргуновым, Соломиным, Пугачевой и другими, но что я могу сделать? Это же Коржанов!

— Это не Коржанов, вернее, не один Коржанов. Он чувствует поддержку патрона, так что если кому и жаловаться, то только президенту... или Богу! Однако посоветуемся, как нам совместными усилиями нейтрализовать тихо и быстро «Чистилище».

— Тихо не получится. Завтра вечером тебя устроит?

— Давай завтра вечером, я созвонюсь с Федором Ивановичем. До связи.

Пашин бросил трубку на рычаг, налил до половины в бокал коньяку и залпом осушил.

В желтом халате и шлепанцах Юрген походил на образцового отца семейства, хотя в данный момент он находился с последней женой в разводе. Зато его нынешняя пассия в прозрачном пеньюаре выскользнула из гостиной в спальню, подмигнув гостю, который появлялся здесь уже не первый раз. А гостем полковника был на этот раз Пауль Артурович Кийк, на шее которого все еще лиловел продолговатый рубец, а под глазом красовался синяк с зеленым отливом.

— Как он тебя отделал! — хмыкнул Юрген. — Однако слабоват ты, Паша, оказался. Это тебе не Голышев, а?

Кийк скривил побелевшие губы, еле сдержал ярость.

— Я его еще сделаю... один на один...

— Разве что из гранатомета, Артурович. Уж если его «глушак» не взял... А точно не взял? Может, ты забыл снять его с предохранителя или не включился генератор?

Они расселись в удобных креслах. Свет торшера не до конца рассеивал мрак, создавая интимную уютную обстановку.

— Татьяна, сделай кофе, — слегка повысив голос, попросил Юрген.

Соблазнительная подруга полковника продефилировала мимо в своем сногсшибательном пеньюаре и вскоре принесла маленькие керамические чашки.

— «Глушак» сработал, — пробормотал Кийк, расслабляясь. — Когда из него стреляешь, это чувствуется. Единственное объяснение: у Соболева был фильтр защиты.

— Фильтры не вышли из стадии разработок, существуют лишь несколько экспериментальных образцов.

— Значит, Соболев раздобыл себе где-то один из них.

— Не я ли предупреждал тебя, Паша? Надо было взять моих «зомби», на них не действуют ни «глушаки», ни «болевики», да и пулей их не завалишь с одного раза. К тому же, замечу, захват ганфайтера в квартире — далеко не лучший вариант. Он специально тренирован для боя в ограниченном оперативном пространстве. Его надо было выгнать на простор, в поле, в лес, на улицу, и навалиться всем скопом. Впрочем, с этой минуты Соболев — моя проблема. Попробую взять его с другой стороны, связать с убийством Голышева.

— Каким образом?

— Подкину «улики», найму свидетелей, найду компромат... Надо только подумать, каким образом. Единственный твой прокол в деле Голышева — применение «дырокола». Прокол — «дырокол», хорошо рифмуется, да? Поэт Юрген...

— Сам же посоветовал испытать на нем НК.

— Ладно, замнем. Вряд ли милицейские дуроломы определят, из какого оружия убит генерал. Готовь на вторник команду, надо убрать еще одного сильно строптивого генерала.

— Кого же?

— Никушина.

Кийк залпом допил кофе, но под ироничным взглядом Юргена взял себя в руки.

— По «смершевцам» я еще не работал. Чем не угодил нашему полководцу начальник военной контрразведки?

— Слишком рьяно взялся копать дела Голышева, военного журналиста и левой торговли. Ликвидировать его будет непросто, зато есть возможность замести следы.

— «Чистилище»?

— Умен. Сделаем вид, что убрали генерала ВКР «чистильщики», подбросим их сертификат с кинжальчиком, сообразим на генерала компромат. Теперь о главном. Ты слышал, что все силовые дяди создают команды, подобные нашей? Страхуются. «Федепасы» уже сформировали «Грозу», «губошлепы» — «Харон»,

милиция — «Принцип». Даже Коржанов, кажется, засуетился и организует свою зондеркоманду под названием «Туз».

— Смешно!

— Это не смешно, Паша. В «ККК» работают не дилетанты, а спецы самого высокого класса, с ними и воевать надо всерьез. Требуются координация, информационный поиск и общее руководство розыском. Тебе придется связаться с командирами спецкоманд.

— Я предпочитаю работать один.

— Это не тот случай. Хотя по большому счету ты и будешь работать самостоятельно, как перехватчик. Но нужны наводчики, без них не обойтись. Ищи себе телохранителей покруче: те, что были с тобой у Соболева, не годятся. Помнишь, с нами вместе занимался Людвиг Белоярцев?

— Люда? Так он же «голубой»!

— Лучше быть «голубым», чем идиотом, а он — пидор с головой. Не знаешь, где он сейчас?

— Свяжусь со своими в Таллине, они выяснят. Но у меня с ним... э-э... отношения были несколько натянутыми.

— Переживете оба, главное, что он «супер». Кофе еще хочешь? Или чего покрепче для сугреву?

— Бабу бы, — грубовато пошутил Кийк.

ЗАЩИТА «РЮРИКА»

Кристина вышла в халатике, смущенно улыбаясь, и Матвей замер, окидывая ее взглядом. По сути, она являлась его женой и постоянно пробуждала в нем море чувств, желаний, воображения и мечтаний. Она и в парализованном состоянии, к его собственному изумлению, влекла его к себе с непреодолимой силой, отчего Матвей порой подумывал — уж не колдовство ли это? Но бороться со своими желаниями не хотел, потому что Кристина в моменты их близости вызывала максимум ощущений, оставаясь всегда новой и неразгаданной. Ее любовь так и не стала для него привычной, спокойной, объяснимой.

— Как самочувствие? — проговорил наконец Матвей и, едва Бася Яновна просеменила на кухню, подскочил к Кристине, обнял, стал целовать в шею, грудь, губы, а потом, быстро отпрянув, уселся на диван как ни в чем не бывало.

— Порядок, — ответила Кристина, и глаза ее сказали то, что не выговорили губы. — Я поняла, что Лихтенберг[1] прав: ощуще-

[1] Лихтенберг Г. К. (1742—1799) — знаменитый немецкий ученый и писатель.

ние здоровья приобретаешь только пройдя через болезни. Ты останешься сегодня?

— Сегодня — нет, надо разделаться с кое-какими делами.

— Стас будет ждать. Знаешь, что он заявил мне вчера? Я разговаривала с мамой, а он уроки делал. Говорю маме: «Надо, наверное, устраиваться на работу, пока я в академотпуске», а он услышал и так серьезно сказал: «С мужской точки зрения, красивая женщина работать не должна».

Матвей фыркнул.

— Он прав. Я вообще хочу вас на месяц увезти отсюда.

— Куда? И зачем? — Глаза Кристины потемнели, она догадалась, в чем дело.

— К своему отцу, в Воронеж. Он учитель, историю в школе преподает, живет один... Или к деду в Тамбов, тоже мужик один, старенький уже, помочь надо.

— Понятно. Опять нависла туча? Старые враги? Те, что приходили?

Матвей хлопнул ладонью по дивану.

— Садись, тебе еще вредно долго стоять.

Кристина послушно подошла — ходила она, конечно, еще неуверенно, всего день прошел, как ноги стали слушаться, но Матвей усадил ее к себе на колени, и, когда Бася Яновна принесла чай, они целовались.

Во время чаепития разговаривали на отвлеченные темы: о программах телевидения, о новом отечественном сериале, с успехом заменившем надоевшие мексиканские, аргентинские и бразильские «мыльные оперы», о ценах на продукты и налогах, которых становится все больше.

— Скоро Дума дойдет до налога на право жить, — с грустным юмором констатировала Бася Яновна.

Зазвонил телефон, и она засеменила в прихожую.

— Может, все-таки останешься? — спросила Кристина.

Матвей не успел ответить, Бася Яновна позвала его:

— Матвей Фомич, тебя.

Звонил расстроенный Парамонов.

— Я слышал, кто-то провел эксперимент с вашей девушкой без меня. Хотелось бы услышать подробности.

— Не переживайте, Иван Терентьевич, — с облегчением проговорил Матвей. — Я ни при чем, произошла жуткая история с попыткой ограбления. Но вы были правы, Кристя уже ходит. Если хотите, заезжайте, она сама все расскажет.

— Спасибо, заеду. Но учтите, этот шоковый удар, поставивший ее на ноги, может послужить спусковым механизмом психосуггестивной программы, о которой я вас предупреждал. Она,

конечно, далеко не «зомби», однако в подсознании хранит некий темный код, доминантный очаг возбуждения. Раздражитель, который этот код включит в нужный момент, мне неизвестен. Мне нужны контактные исследования...

— Нет, Иван Терентьевич, это исключено. Вряд ли она согласится. Да и мне не хотелось бы...

— Понимаю.

— Нет, я не о себе, мне не хотелось бы ее волновать.

— Но вам придется ей все рассказать.

— Я подумаю, стоит ли. До свидания, и спасибо вам за все.

Матвей повесил трубку, вернулся в гостиную.

— Кто звонил? Речь шла обо мне?

— Парамонов. Хочет выяснить подробности «операции», которая тебя вылечила. Это была его идея.

— Что?! Значит, бандиты... вовсе не бандиты?! Все было подстроено нарочно?

— Они не бандиты. — Матвей подумал и решил рассказать Кристине часть правды, чтобы умолчать о главном — о том, что она закодирована.

Через несколько минут Кристина знала историю придуманного Парамоновым шокового лечения, блестяще подтвердившегося на практике благодаря действиям ничего не подозревающих бойцов Кийка. Об остальном Соболев умолчал. Поцеловав растерянную Кристину, Матвей оставил ее размышлять над удивительным совпадением и поехал к Василию на работу.

Балуев занимался в зале сэйдай-до[1], методично избивая в стиле «унибос»[2] спорт-робота, включенного в самый динамичный режим. Увидев входящего Соболева, он прыгнул к нему, и Матвею пришлось отбиваться в полную силу, так как Василий был все-таки ганфайтером класса «абсолют» и обладал тем, для чего японцы придумали термин «сингитай» — триединство: гармоничное развитие духа, тела и техники защиты.

Потанцевав в суй-но ката[3] несколько минут, Василий поймал Матвея на смене иккадзё[4], продемонстрировал молниеносный уход с линии атаки за счет поворота тела и влепил ему по спине чувствительный кумадэ[5]. Помог подняться, протянув руку.

— Ты что не концентрируешься? Не уважаешь, начальник?

---

[1] Сэйдай-до («Создание тела») — техника улучшения состояния костей и мышц, увеличение подвижности суставов, поддержание энергетического баланса.

[2] «Унибос» — школа реального боя.

[3] Суй-но ката — ускользание от атак (кэмпо).

[4] Иккадзё — очередность приемов.

[5] Кумадэ — «медвежья лапа», удар в карате.

— На «темпе» я против своих не работаю.

— Ах, против своих, ах, не работаешь?.. А ну покажи, покажи, как это выглядит в натуре, глядишь, и я поднаберусь ума. — Василий сменил тон, видя, что другу не до шуток. — Что кислый? Вспомни сантоша[1]: мастер должен быть всегда довольным, излучать оптимизм. Или случилось что?

— Собирайся, пора приниматься за работу... если не передумал выручать моего шефа.

Василий вымылся в душе, переоделся в спортивный «адидас», и они уединились в комнате отдыха школы, где Матвей включил кофеварку.

— Я не передумал, — сказал Балуев, наливая себе кофе. — Как говорится, нечего бояться, кроме самого страха. Но, судя по последним событиям, от нас не отстанут ни «федепасы», ни твои контрразведчики-«смершевцы», ни эти убийцы из армейского спецназа. Может быть, примем предложение одной из контор? Я, например, склоняюсь к «Смершу». В случае чего он и защитит, и поддержит. Если они на нас навалятся всем скопом, не спасет и умение быстро бегать.

Матвей вспомнил сон, в котором Тарас Горшин, живущий теперь в какой-то «иной реальности», предлагал ему изучить универсальную систему рукопашного боя, разработанную Первыми Людьми.

— Что молчишь? — Василий кинул в рот мятную лепешку; он любил жевательную резинку, и пахло от него всегда приятно.

— Горшина помнишь? — Матвей рассказал свой сон. — Тарас явно хочет выйти на мое сознание, но ему кто-то мешает.

— Монарх?

— Не знаю. Но если передача информации состоится...

— Он снова станет отступником, только уже для тех, с кем сейчас живет.

— Я не уверен, что сейчас. Он может жить как в прошлом, так и в будущем, время в той реальности течет не так, как у нас. Да и такое ли оно, я не знаю. Может быть, оно там трехмерно... или многомерно.

— Неважно, главное — он хочет помочь.

Матвей покачал головой. Он еще помнил слова Тараса о том, что у них «разные Пути». Просто в какой-то момент они совпали... чтобы разойтись вновь. Тарас помогал другим, только если это не противоречило его целям.

Василий присмотрелся к ставшему вдруг неподвижным лицу друга, кивнул.

---

[1] Сантоша — одна из заповедей ниямы — кодекса личного поведения йога.

— В любом случае знание новой системы боя нам не повредит. Хотя я не понимаю, как это можно информацию передавать во сне. Ты вот ходишь по астралу... что ты видишь?

— Астрал — это иллюзорно-динамичная форма другой реальности, вернее, сложный комплекс смежных состояний форм «здесь-сейчас», допускающий резкое изменение событийного рельефа.

— Ага... иллюзорно-рельефная... событийного... а попроще?

— Астрал — промежуточное место встреч: умерших и живых — по нашим понятиям, живущих в нашей реальности и в других — в соответствии с истиной. Ты же читал труды эзотериков, — не удержался от колкости Матвей. — Там по меньшей мере два десятка определений.

— Я хотел услышать, к какому склоняешься ты, — не моргнув глазом, ответил Василий. — Хочешь пожевать?

— Жуй сам, я жевательную резинку на дух не переношу.

— Даже шипованную? Шучу. Итак, давай работать. Я кое-что выяснил о нашем добром знакомом Маракуце Николае Савельевиче.

— По каким же каналам?

— Компьютерная сеть МВД. К моему удивлению, код входа остался прежним, а доступ мой сохранился.

— Разве у тебя есть комп?

— Не у меня, у директора школы, который мне доверяет и дает иногда ключ от кабинета, полагая, что я хожу играть на компьютере. А вот коды ФСБ и ГУБО сменились, я едва успел выйти из поля запроса: ребята поставили резидент-программу, поднимающую шухер при попытке влезть в сети спецслужб.

Матвей, который проделал точно такую же процедуру, работая на компьютере «Рюрика», в душе только усмехнулся.

— Но и того, что я узнал, а это верхушка криминального айсберга Маракуца, вполне достаточно для «десяти лет строгого расстрела», — продолжал Василий. — Вор в законе, кличка Боксер. Трижды судим — якобы за незаконное ношение оружия, за превышение мер защиты, — он в прошлом профессиональный боксер-тяжеловес, — а также за покушение на убийство, находился под следствием по многим делам, неоднократно задерживался правоохранительными органами, однако ни разу не был осужден и в следственном изоляторе больше двадцати суток не сидел.

— В минувшем году, — ровным голосом добавил Матвей, — Маракуц субсидировал одну общественно-политическую структуру, планировавшую проведение общественного референдума на территории СНГ по вопросу воссоединения стран в едином государстве, но прогорел.

Василий поскучнел, покачал головой, оценивая услышанное.

— Похоже, мы идем по одному и тому же следу. Надо бы разделить функции во избежание дубляжа.

— Кто возражает? Что касается Маракуца, то он сделал ставку не на классический криминал и рэкет, а на криминальный контроль респектабельных коммерческих и финансовых структур. Впрочем, взимаемой с предпринимателей дани он предпочитает «крышу», то есть защиту собственности подконтрольных структур.

— Да, механизм прост и эффективен, как удар ломом. Видимо, твой Афонин не захотел платить Маракуцу за «крышу» и поплатился.

— Я не вникал в дела фирмы, пока на нас не напали во время поездки в Москву. — Матвей рассказал историю с нападением на дороге. — На фирму наезжали давно, в том числе и местные «правозащитники», «губошлепы» и милиция, но у Маракуца сил больше.

— План у тебя есть?

— Надо начинать с того охранника, Алимбаева, которого Сергей просто уволил, хотя мог бы отдать под суд. Потом пойдем к Шаровскому, он явно работает на Маракуца, обладая полной информацией о делах и средствах фирмы. Ну а потом нанесем еще один визит самому Маракуцу.

— Он будет ждать.

— У нас есть преимущество: он не знает, кто к нему приходил в прошлый раз, зато мы знаем его дружков — полковника Сиволапова и вице-мэра Поджабова.

Василий встал, хлопнул ладонью по подставленной ладони Матвея, отнес поднос с посудой к мойке, сказал:

— Тогда пошли ко мне, наведем марафет.

Через час, переодевшись в свободные, не стесняющие движений штормовки, прихватив «чеченки» — чулкоподобные шапочки-маски с прорезями для глаз, друзья поехали по первому адресу к бывшему охраннику фирмы «Рюрик» Кирсану Алимбаеву по кличке Бай.

Алимбаев жил в одном из «спальных» районов Рязани — Мещере, где изначально селились сильные мира сего — депутаты городской Думы, чиновники мэрии, милицейские начальники и респектабельные бизнесмены с темным и не очень темным прошлым. Камера по Баю плакала давно, однако, судя по всему, всесильная рука Маракуца поддерживала бывшего личного телохранителя до сих пор, и жил Алимбаев припеваючи, имея четырехкомнатные апартаменты, обставленные в соответствии с фантазией подобных недоумков. Оценить эту фантазию мог бы, наверное, только круглый идиот. Во всяком случае Василий бродил по владениям Алимбаева, шалея от обилия видео-, аудио-,

электро- и светоаппаратуры, количества кроватей, позолоченных, фарфоровых, серебряных деталей, мебели, антиквариата, картин и люстр.

На кухне стояли два холодильника: шведский «трехспальный» «Норд» и гигантский «Минск-10», а также кухонный комбайн, автомат-мойка, микроволновая печь, суперплита с восемью конфорками и автоматическим зажиганием, стеклянно-зеркальный шкаф с посудой и встроенный в стену агрегат для очистки воздуха и воды.

— Охренеть можно! — только и сказал Василий после посещения кухни.

То же самое мог повторить и Матвей, но уже после посещения туалета и обложенной черным и серым мрамором ванной комнаты, где была установлена японская ванна с гидромассажем стоимостью двенадцать тысяч долларов.

— Это как же должен жить босс, если *так* живет его раб! — добавил Василий, когда они уходили.

Проникли в квартиру легко.

Убедившись, что Бай дома, Василий переоделся в домашний женский халат, нацепил парик, «сделал» лицо, превратившись в смазливую «гёрл», и позвонил в дверь. Алимбаев был осторожен, открыл лишь после долгого рассматривания гостьи в дверной глазок, не отреагировав на кокетливое «приветик, я ваша соседка, не найдется спичек или зажигалки?», а открыв, получил хороший «колун» между глаз.

Допрашивала его «соседка», деловито обрабатывая пальцами болевые точки, в то время как Матвей, подволакивая ноги, играя пожилого «соседа», осматривал квартиру. В конце концов Алимбаев сдался, признавшись, что участвовал в захвате президента фирмы «Рюрик». Матвея он не узнал, а Василия, отлично справившегося с женской ролью, не знал совсем.

— Мы отвезли его на дачу Аркадия Самсоновича, — прохрипел Кирсан, стоя на четвереньках, не в силах разогнуться. — Это в тридцати километрах, в Брыкином бору. Но они собирались перебросить его на... в другое место. Куда — не знаю, хоть режьте.

— Не на дачу ли Маракуца?

Алимбаев дернулся, с ненавистью глянув на «соседку».

— Не знаю никакого Маракуца...

— Знаешь, дорогой, а не знаешь — так узнаешь, когда мы подбросим твоему боссу мыслишку, что это ты его продал.

— Я действительно не имею понятия, где его дача! — заскулил Алимбаев. — Где-то на озере Великом, но точно не помню.

— Верим, Бай. Может, знает Шаровский?

— Спросите у него.

— Спросим и вернемся, если ты соврал. Добра у тебя много, весело будет гореть. Ну что, шеф?

— Сонник[1] что надо! — ответил баском Матвей. — Игрушки[2] — аж целых пять по всем углам! А видел бы ты его лепень!..[3]

Василий с любопытством заглянул в гостиную, обошел спальни, кухню, после чего и сказал короткую фразу: «Охренеть можно!»

Алимбаев попытался их задержать, вытащив откуда-то помповое ружье — у него, похоже, в каждой комнате было по арсеналу, — однако добился лишь того, что Матвей вышиб из него дух в стиле нелюбимого «унибоса» — с оборота, круговым вращением ноги и ударом в брюшину.

Главный бухгалтер фирмы «Рюрик» жил в том же районе, двумя кварталами ниже к Оке, и занимал с семьей — жена, сын — пятикомнатную двухуровневую квартиру: три комнаты на одном этаже, две на другом. Его никто не охранял, но попасть в квартиру постороннему вряд ли представлялось возможным — двойной металлический моноблок двери можно было взять только из гранатомета. Открыл вход Шаровский лишь благодаря выдумке Василия, представившегося врачом санэпиднадзора; все в том же роскошном парике, в белом халате и шапочке он выглядел очень импозантно, и Матвей, также в белом халате и колпаке с эмблемой санэпиднадзора, даже пошутил:

— Похоже, в прошлой жизни ты был женщиной.

Балуев не обиделся, посчитав слова Матвея за комплимент. Ганфайтеры обязаны были обладать незаурядными актерскими способностями, потому что нередко им приходилось проводить операцию захвата в общественных местах, маскируясь под кого угодно, скрывая желания, расчет, силу и возможности.

Дверь открыл сын Шаровского, двадцатилетний оболтус в немыслимом «прикиде», похожий на попугая, бомжа, бандита, меломана (наушники на коротко стриженной голове) и спортсмена одновременно. Матвей его уже видел однажды — отпрыск нанес отцу визит в офис, и парень ему сразу не понравился.

— Че надо? — осведомился Шаровский-младший.

— Санэпиднадзор, — простуженным голосом произнес Матвей. — Проверяем продукты на холерный вибрион. Родители дома?

— Ма, к тебе, — отступил в прихожую отпрыск.

Из полумрака возникла дородная фигура жены Аркадия Самсоновича, платиновой блондинки, похожей на жену Маракуца выражением надменного высокомерия на холеном лице.

---

[1] Сонник — квартира (воровской жаргон, «блатная музыка»).

[2] Игрушка — револьвер, пистолет.

[3] Лепень — пиджак.

— Что надо? — повторила она вопрос сына.

— А хозяин дома? — мило улыбнулась «врачиха». — Пока фельдшер будет проверять продукты, я хотела бы поговорить с ним об опасности покупок на рынке.

— У нас продукты только импортные, — фыркнула госпожа Шаровская. — Проходите на кухню, да обувь снимайте. Аркадий, с тобой хочет побеседовать медработник.

Шаровский выполз из спальни в халате, с газетой в руке, недоуменно поднял брови. Буркнул автоматически:

— Че надо?

Василий засмеялся, подмигивая Матвею, который подумал примерно то же самое: муж и жена — одна сатана. У Шаровских понятие «сатана» распространялось на всю семью.

Квартиру главного бухгалтера «Рюрика» осмотреть не удалось, но и по прихожей с мебелью из карельской березы, с коврами, гобеленами, зеркалами и бра можно было судить о роскоши интерьера, недоступной простым смертным.

Жена и сын потеряли интерес к «медикам» и удалились, в доме громче заиграла музыка. Матвей закрыл за собой дверь на кухню, а Василий толчком усадил Шаровского на стул.

— Где Афонин?

Глаза Шаровского полезли на лоб, он начал что-то соображать, реакция у него все же была неплохая.

— Кто вы такие? Какой Афонин? В чем дело?

Василий дал ему пощечину, Шаровский свалился со стула, схватившись за щеку, и вдруг метнулся к холодильнику, занимающему полкухни. Однако не добрался, споткнулся о ногу Матвея и врезался в холодильник головой. Сел на пол, открыл рот, собираясь закричать, и закрыл, потому что Василий показал ему мясницкий нож с широким наточенным лезвием.

— Тихо, не поднимай шума из-за ерунды. Бай сказал, что ты знаешь, куда с твоей дачи увезли Афонина. Ну, будем говорить?

— Так вы не из сан... кто вы?

— «ККК», — коротко ответил Матвей. — Не задавай лишних вопросов.

— Ш-шутите!..

— Шутим мы редко, однако после наших шуток подонки вроде тебя остаются на всю жизнь калеками. Давай адрес, может быть, и уцелеешь.

Тон, каким были произнесены слова, равнодушно-холодный, будничный, подействовал на Шаровского сильнее, чем прямая угроза.

— Он на даче Маракуца...

— Той, что на озере Великом? Точнее.

— В шести километрах от Тимохина, там указатель есть. —

Шаровский вспотел. — Но я сам не принимал в этом... не был... это все они...

— Подручные Боксера?

Аркадий Самсонович стал белым, пролепетал:

— Они заставили... я не хотел... а вы меня не?..

— Не, — ответил Василий с презрением. — Если только не станешь делать лишние телодвижения. Позвонишь Маракуцу, придут ликвидаторы, понял?

— Уг-гу, — промычал Шаровский, которого бросало то в жар, то в холод. — С-спа-с-сиб-бо...

— Благодарить будешь Афонина, если он тебя простит. А Маракуцу передашь, чтобы не трогал фирму «Рюрик», не то взлетит на воздух и его офис, и квартира, и весь сходняк. Не помогут и московские связи. Жене — тоже ни слова!

Матвей замахнулся, Шаровский обмер, сжался, закрыл глаза, а когда открыл, в квартире уже никого не было.

Глубокой ночью они подъехали к владениям Маракуца на берегу озера Великое, расположенным в смешанном лесу красивейшего из районов Мещеры. Когда-то, говорят, здесь была база отдыха космонавтов, но государству стало не до отдыха своих звездных посланцев, и база поменяла много хозяев, пока ее через подставных лиц не купил Маракуц.

Ганфайтеры переоделись в комплекты ниндзя, вооружились опять же как ниндзя, но огнестрельного оружия не взяли. Только Василий сунул в карман две термобарические гранаты величиной с орех, дающие при взрыве вспышку света яркостью в шестьдесят миллионов килоджоулей и звуковую волну до ста восьмидесяти децибел.

Несмотря на полнейшую темень — тучи закрыли все небо, — оба хорошо ориентировались, хотя Матвей, конечно, владел этим искусством лучше, а тем более в состоянии турийи-меоза вообще мог *видеть* все как днем.

Машину оставили в лесу, в полукилометре от проволочного забора. Особого плана действий не составляли, в принципе надо было дойти до строений базы-дачи, укладывая по пути охрану, выяснить, где содержится глава фирмы «Рюрик», освободить его и увезти. Оба не сомневались, что справятся с этим быстро и просто, тем более что здесь их так скоро не ждали...

— Если только Шаровский не звякнул шефу, — шепотом поделился сомнениями Василий.

— Не посмеет, — так же шепотом ответил Матвей. — Расходимся: ты влево, я вправо — встречаемся у главного здания с тарелкой антенны, о которой говорил Шаровский.

— Хорошо, что дождя нет, терпеть ненавижу слякоть.

— Тем не менее слева начинается болотце, чуешь лягушек? Видишь хорошо? Пошли.

Но в этот момент на дороге в полусотне метров от машины «диверсантов» появилась тень, вспыхнул и погас желтый огонек. Затем донесся тихий, но отчетливый голос:

— Соболев, не стреляй, это я.

Тень бесшумно переместилась ближе, и перед замершими друзьями предстал Вахид Тожиевич Самандар собственной персоной, одетый в темный костюм с галстуком, будто собирался на работу в офис.

— Кажется, операция отменяется, — хмыкнул Василий, исчезая в кустах. — Проверю, кто там с ним.

— Я один, — сказал Самандар. — Просто хотел уговорить вас не делать того, что вы собираетесь делать.

— Как вы нас нашли? — Матвей усилием воли вошел в режим меоза и стал видеть собеседника, лес, дорогу, машины — свою и Самандара в километре от места, где они теперь были, хотя и в другом цветовом диапазоне.

— Это было нетрудно.

— Не лгите! Простому человеку, будь он даже директором Международного исследовательского центра боевых искусств, сделать это не под силу. Даже человеку Внутреннего Круга найти другого ночью в определенном месте, в лесу, достаточно сложно. Вы не Учитель, Вахид Тожиевич! И даже не Проводник. Меня мог вычислить лишь один субъект... — Матвей сделал шаг вперед, готовясь действовать немедленно. — Монарх Тьмы!

ВЫЗОВ КОНКЕРЕ

С момента домашней встречи с капитаном Хватовым директор Федеральной службы безопасности вызывал его к себе дважды, однако никаких странностей в поведении не заметил. Капитан явно ничего не помнил и не понимал, за какую провинность его перевели в другое подразделение. Сознавая, что выглядит в глазах подчиненного если не идиотом, то определенно сумасшедшим, генерал при последней встрече в своем кабинете кинул загадочную фразу:

— Передай там... наверх... или куда там надо... я согласен. Пусть выходят на связь.

— Куда? — растерялся Хватов. — Кому? На какую связь?

— Свободен! — отрезал Сергей Вениаминович. — Я пошутил. О нашем разговоре никому ни слова.

Капитан, получивший два противоречащих друг другу приказа: передать что-то «кому надо» — «я согласен» и «никому ни сло-

ва», вышел, совершенно сбитый с толку. Однако на переживания охранника директору ФСБ было наплевать, он был уверен, что таинственный Конкере узнает о его желании продолжить контакт и найдет способ связи.

— Федор Ильич, — нажал клавишу интеркома Коваль, — переведи Хватова обратно в команду, пусть занимается тем, чему обучен.

Следующая встреча директора с Хватовым-Конкере произошла в закрытом элитном клубе российских спецслужб «Георгий», охраняемом не хуже, чем известный комплекс зданий на Лубянке. Коваль страстно любил кегельбан и мог часами бросать тяжелые шары, попивая пиво. Партнером его обычно был кто-нибудь из начальников Управлений, но на сей раз он отдал предпочтение Хватову.

О том, что появился Конкере, Сергей Вениаминович понял по мощнейшему броску Хватова, не только свалившему кегли, но и пробившему решетку манипулятора, собирающего кегли. Хватов оглянулся на сидевшего у столика с напитками генерала, и тот вздрогнул, поймав пронзительный, сверх меры оживленный взгляд капитана охраны, в котором кипела какая-то чудовищная демоническая сила, вспыхивали и гасли искры недоброй воли, пренебрежения, сарказма, самоуверенности.

— Вы? — спросил Сергей Вениаминович, унимая дрожь в коленках.

— Я, — ответил Хватов, подсаживаясь к столику. У него изменился тон голоса, стал ниже и уверенней. — Вы хотели меня видеть. Говорите, у меня мало времени.

— Кто вы?

— Генерал, я человек иного плана бытия. Но на комментарии у меня нет ни секунды, да вы и не поверите рассказу. Главным для вас должно быть то, что я могу очень многое, чему нет рационального объяснения. Хотите проверить?

Коваль вздрогнул, потому что именно эта мысль пришла ему в голову.

Хватов кивнул.

— Это нормальное желание профессионала. Если вас интересует мой информационный доступ, то я знаю обо всех делах конторы, в том числе и о тех, состав исполнителей которых ограничен. Как, скажем, дело об утечке новейших систем оружия. Или «четырехнулевое» дело о секретных опытах с «темным кодированием» в метро. А также о создании после разговора с Генпрокурором спецподразделения «Гроза» для охоты за «чистильщиками»...

— Достаточно. — Сергей Вениаминович расслабил узел галстука, ему стало жарко. — Дьявол!

— Позвольте считать это комплиментом, — улыбнулся Хватов, наливая себе фирменного пива «Георгий». — Что касается других моих возможностей... Хотите прямо сейчас поговорить с премьером? С президентом? Я имею в виду отсюда и без телефона?

Коваль продолжал как-то отрешенно глядеть на собеседника, и Хватов для вящего эффекта щелкнул пальцами, хотя делать это было вовсе не обязательно. Перед директором ФСБ тотчас возникла прозрачная фигура человека за столом, и Сергей Вениаминович с ужасом узнал в ней президента. Тот поднял голову, снял трубку с телефонного аппарата, и в воздухе прозвучал его характерный картаво-окающий голос:

— Слушаю вас, Сергей Вениаминович. Что еще стряслось?

— А-а-а... э-э, — просипел Коваль. — Ничего, Илья Ильич...

Фигура вместе со столом растаяла. Коваль опомнился, с шумом отодвинулся от столика вместе с креслом, оглянулся по сторонам, сказал брюзгливо:

— Кончайте ваши шутки, капитан. А если нас кто-нибудь увидел?

— Не волнуйтесь, генерал, президента видели только вы. И это не шутка, завтра президент спросит вас, по какому поводу вы звонили ему. Итак, я вас слушаю. Какой помощи вы ждете? Подчеркиваю, она может быть очень разнообразной, в средствах я не стеснен.

Сергей Вениаминович собрался с мыслями не сразу, но, судя по его дальнейшей речи, готовился к встрече давно и серьезно.

— Не могли бы мы поговорить в другом месте?

— Зачем? Нас никто не слышит, будьте уверены.

— Что ж, тогда... помечтаем. Мне бы хотелось успешно завершить дело по утечке валюты за рубеж. Найти разведчика в Институте стратегических исследований Министерства обороны...

— Но ведь этим делом занимается военная контрразведка.

— Мы работаем параллельно, но не мешало бы их опередить. Кроме того, надо перекрыть все каналы утечки новейшего оружия... впрочем, и оружия вообще. Определить местонахождение двух оставшихся групп чеченских «мстителей». Выйти на руководителей Сверхсистемы...

Хватов покачал головой.

— Не многовато ли для создания имиджа непогрешимого руководителя спецслужбы?

— Вы же сказали, что можете многое. А если нет — к чему весь этот разговор? — рассердился генерал.

— Ну хорошо, продолжайте.

— Я еще не сказал главного. — Коваль пожевал губами, успокаиваясь. — В перспективе я бы хотел упразднить Управление безопасности президента, передав его функции нам, подчинить

ФСБ военную контрразведку[1] и ГУБО, снова создать политический сыск для надзора за врагами народа, отменить частные организации охраны и розыска уголовников, а также объединиться с «Чистилищем». Чтобы навести в этой стране порядок, нужна *одна* власть!

— Недурно, — одобрил Хватов. — Замах у вас королевский. И мне нравится, что вы не начали с вопроса: что потребуется взамен?

Сергей Вениаминович спохватился, крякнул:

— Что же потребуется? Надеюсь, скреплять договор кровью не нужно?

Хватов-Конкере засмеялся.

— О нет, в этом нет необходимости. В конце концов мы с вами делаем одно дело: поддерживаем уровень энтропии вашей реальности в пределах допустимого порога. Я буду помогать вам, генерал. Составьте план приоритетных направлений нашей совместной деятельности, укомплектуйте две команды — аналитическую и оперативно-исполнительную, и дайте мне знать, когда будете готовы.

Коваль, правда, не понял, что имел в виду Конкере, говоря о поддержке уровня энтропии, но вникать в это не стал.

— Как мне связываться с вами?

Хватов вырвал из блокнотика листок бумаги, написал несколько цифр и передал директору ФСБ.

— Это код моего вызова через ваш компьютер. Запомните и уничтожьте. Вам удалось заполучить согласие моего протеже работать на контору?

— Какого протеже?

Хватов укоризненно покачал головой.

— Матвея Соболева, бывшего ганфайтера из «Смерша».

— А-а-а! Этим занимается начальник Управления спецопераций. Невелика потеря, если этот ваш Соболев откажется, профессионалов хватает.

— Профи такого класса — два десятка на все пять миллиардов землян! Мне хотелось бы, чтобы он работал с вами. Я понимаю ваш скепсис, знаю и формулу контрразведчиков: на каждого профессионала найдется еще лучший, — но поверьте, Соболев один стоит вашего ДШБ «Щит», ДДО «Руслан» или нового отряда «Гроза».

Коваль скептически поджал губы, но промолчал, хотя слова капитана его не убедили.

---

[1] В настоящее время военная контрразведка находится в подчинении ФСБ.

— Договорились, — кивнул Хватов. — А теперь что ж, покидаем шары?

Он взял шар и не глядя, стоя боком к кегельбану, метнул его в центр батареи кеглей.

Если бы директор ФСБ пригляделся к другим игрокам в кегли, то обнаружил бы много знакомых лиц, в том числе помощника президента Лобанова, замминистра обороны по новым военным технологиям Бурлакова, начальника информационной службы президента Носового, управляющего делами администрации президента Бородкина, однако Сергей Вениаминович, во-первых, не приглядывался, а во-вторых, будучи человеком замкнутым, предпочитал отдыхать в одиночестве. В отличие от него Олег Каренович Лобанов заметил своего главного противника в борьбе за место под солнцем, хотя тоже не стал демонстрировать свое знакомство с директором столь могучей конторы, как Федеральная служба безопасности. Изредка кидая шары, Олег Каренович вел ленивый разговор с Бурлаковым и Носовым, Тенью-2 и Тенью-3 в иерархии Сверхсистемы, о политической ситуации в стране. Его собеседники знали манеру своего маршала начинать с общих сентенций, чтобы перейти к частным формулировкам и конкретным указаниям, и либо помалкивали, либо поддакивали.

— Смена режима нам крайне невыгодна, — говорил Олег Каренович, наблюдая за игрой соседей, и это было чистой правдой. — Пока государство стоит над личностью, пока оно — огромная, жестокая, коррумпированная, бюрократическая система, уродующая рынок, подминающая под себя все общественные отношения, — мы будем жить!

— Но, с другой стороны, — ввернул Носовой не в пику начальству, а так, для уточнения, ибо он тоже прекрасно разбирался в политических маневрах хозяев жизни, — как только закончится передел, вернее, переграбеж госсобственности, чиновники примутся за нас, потому что им не у кого больше будет отнимать власть.

— Это если они до тех пор не перейдут на нашу сторону, — возразил Олег Каренович. — Уже сейчас почти половина депутатов Госдумы, включая и верхнюю палату, работает на «СС», а к концу года их будет еще больше.

— Если не вмешается три «К», — буркнул Бурлаков.

— «Чистилищу» скоро станет не до нас. Против него собираются такие силы, что вряд ли оно выдержит войну на несколько фронтов. Да и мы не будем сидеть сложа руки. А что это вы приуныли, Евдоким Матвеевич? «ККК» ведь еще не прислала вам лично «черную метку»?

— Они могут сделать это в любую минуту, — меланхолично

заметил Носовой. — Информацией «чистильщики» обладают первоклассной.

— Типун вам на язык, Хейно Яанович! — в сердцах сказал Бурлаков.

— На полтона ниже, Евдоким Матвеевич! — предостерегающе произнес Лобанов. — Мы не на пляже, здесь могут быть уши, о которых я ничего не знаю. Мне хотелось бы поделиться с вами стратегическими идеями. Как вы смотрите на то, чтобы, образно выражаясь, объединить под «сенью», так сказать, Сверхсистемы организации, родственные нашей, контролирующие Север и Восток?

Наступило молчание.

Бурлаков ковырял во рту зубочисткой, Носовой потягивал минеральную воду, потом встал и неумело бросил шар, сбив только одну кеглю. Вернулся и сказал:

— Мы контролируем центральный и западный регионы вплоть до стран Балтии. И с меня этого, говорю прямо, вполне достаточно. К тому же для контроля над всей страной нам не хватит — нет, даже не сил и средств — духа.

— А ваше мнение, Евдоким Матвеевич?

— Не знаю, — нехотя пробурчал Бурлаков. — В свое время у Купола был весьма влиятельный помощник, какой-то дружок Ельшина, но и он не смог выручить его. Поговорите с Генрихом, может, у него еще осталась та связь.

Лобанов задумчиво пососал дольку лимона, хотя в душе чувствовал досаду и злость. Попытки выйти на Конкере, о котором рассказывал Ельшин, пока ничего не дали. Не помог и последний поход на дачу бывшего генерала ФСК, от которой остались рожки да ножки. Добраться до бункера, из которого якобы Ельшин держал связь с Конкере, тоже не удалось. Как только они, обезоружив охрану участка, проникли в подвал дачи, сработала сигнализация, и пришлось убираться оттуда во избежание контакта с оперативниками-«федепасами».

Олег Каренович бросил взгляд на директора ФСБ, развлекавшегося неподалеку в компании с молодым человеком, скорее всего телохранителем. Неужели он нашел бункер? И сам вышел на Конкере?!

— Черт!

— Что, Олег Каренович? — вынул свой короткий нос из стакана Носовой.

— Ничего, вспомнил одного... — Про себя же подумал: надо срочно разыскать ганфайтера Соболева! Он был с Генрихом на даче в момент ее разгрома и может знать то, чего не хочет говорить сам Генрих. По всему видать, личность незаурядная. Надо

выйти на его родственников: отца, мать, сестру, брата, жену — если есть, и тогда он придет к нам сам...

— Не трогали бы вы его, — сказал кто-то шелестящим шепотом, но отчетливо и внятно.

Лобанов вздрогнул, подозрительно поглядел на собеседников, оглянулся, но рядом, кроме них, никого не было. Лишь молодой напарник директора ФСБ смотрел на него, как показалось Олегу Кареновичу, с насмешливым сочувствием.

Агапов нашел начальника МУРа в сауне Главного управления МВД, которую тот навещал регулярно через день. Завернутый в простыню Синельников блаженствовал в комнате отдыха с пиалой чая в руке и смотрел метровой диагонали телевизор.

— Ну что, пришел попариться? — проворчал он, разомлевший от жары и пара. — Если по службе — уволю!

— Увольняй. — Полковник принялся, кряхтя, раздеваться. Рядом с могучим шефом он смотрелся как китайская джонка рядом с атомным ледоколом. — Пошли попаримся. Или ты уже вкусил на полную катушку?

— Докладывай.

— Нашли труп первого заместителя мэра...

Пиала хрустнула в ладони Синельникова, горячий чай выплеснулся на мощную ляжку, но Александр Викторович даже не поморщился.

— Шкуро?! Бориса Натановича? Где?

— Ниже третьего водозабора на Москве-реке. Две пули в спине.

— «Чистилище»?

— Неизвестно, записок при нем не обнаружено. Да и обычно три «К» сообщает о своих жертвах сразу.

— Начал действовать приказ министра, запрещающий публиковать заявления «Чистилища», передавать по радио и телевидению. Н-да, брат, принес ты новость. Придется подключать «орунов».

Агапов кивнул. «Орунами» негласно называли работников ОРРУ — отдела по расследованию «резонансных» убийств, то есть убийств, всколыхнувших общественность.

— Что еще вы нашли?

— Художника.

— Кого?!

— Художника-графика, который предположительно рисовал эмблемы для «СК» и «ККК». Это ж твоя идея была, забыл? Художника зовут Шерхов Сергей Борисович, работает в основном на издательство «Армада», хотя известен и в других издательствах. Я видел его работы. Несколько статичен, но профессионал крепкий.

— Кто с ним беседовал?

— Никто. И я хотел бы пойти к нему сам. Или с тобой. Если ты не против, составь компанию.

— Негоже начальнику МУРа заниматься оперативными делами лично... Ладно, поехали после ужина. Адрес знаешь? Прихвати на всякий случай группу реагирования.

— Обижаешь, начальник. — Агапов помахал рукой и потопал голышом по коридорчику к двери в парилку, откуда изредка просачивались струи пара.

ЗАЩИТА «РЮРИКА» (продолжение)

Василий возник из темноты сзади Самандара.

— Никого, он один.

— Итак, «проводник», — холодно сказал Матвей. — Вам есть что сообщить по существу? У нас тут неотложные дела.

Колючие холодные «щупальца» коснулись головы, проникли под череп, попытались пройти глубже — в мозг, но Соболев увеличил плотность защитного экрана — на уровне ощущений, иллюзий, нервных токов, — и «щупальца» растаяли. Это подтверждало догадку Матвея, что «случайно» появляющийся на его пути директор Международного исследовательского центра боевых искусств Самандар Вахид — «проекция» Конкере, Монарха Тьмы.

— Давай «сделаем» его, чтоб не мешался под ногами, — предложил Василий, и тотчас же Самандар оказался рядом с ним, провел в немыслимом темпе серию «казацкий веер», от которого Балуева унесло в кусты, без дыхания, с гудящей головой, хотя он и поставил винтовой блок. Не будь Матвея, Самандар через какое-то время добил бы его окончательно, однако Соболев владел режимом не хуже и вошел в контакт практически спустя мгновение. В темноте, несмотря на инфразрение, трудно было применить атэ-ми[1], поэтому он «связал» свободу Самандара «смирительной рубашкой» из арсенала русбоя, а пришедший в себя Василий, озверев, достал «проводника» классическим шоу-фа из арсенала китайской техники рук.

Самандар отлетел в канаву, но тут же появился левее, бесшумный, гибкий и опасный, как замаскированная под предмет обихода мина. Василий было двинулся к нему скользящим шагом, но Матвей удержал его.

— Вам не справиться с нами, «проводник», кем бы вы там ни были. Уходите. И больше не появляйтесь на моем пути, потому что вас не спасет ни Монарх, ни «зомби» спецслужб, если вы работаете на них.

---

[1] А т э - м и — комплекс шоковых ударов по болевым точкам.

— Вы ошибаетесь в оценке моей персоны, молодой человек, — проговорил Вахид Тожиевич негромко. Глаза его засветились на мгновение желтым светом и тут же погасли. — Допустим, я — проекция Конкере, авеша[1], как говорили индусы-хранители. Допустим, хотя это не так. Ну и что? Я ведь предлагаю помощь.

— Обойдемся, — хмуро бросил Василий.

— Едва ли. В дальнейшем вам придется столкнуться не только с хорошо вооруженными соотечественниками, но и с иерархами, а борьба с ними уже требует знания методов работы с ирреальностью.

— Чушь! — тихо сказал Матвей. — Я знаю иерархов... инфарха, например, декарха... которые помогали мне, силам добра, а не зла... Они нам не враги!

— Наверное, не враги, — согласился Самандар. — Хотя надо еще очень скрупулезно разобраться, что есть зло, а что — добро. Ведь никто в принципе не действует во зло, все, в том числе и бандиты, действуют ради добра, но — весь вопрос в том, *как они это понимают*. Учтите еще одну истину, которая, возможно, откроется вам позже: Сострадательных Лидеров не бывает! Как среди людей, так и среди иерархов. Они, как и Монарх Тьмы, находятся за гранью добра и зла. Если им надо будет ликвидировать одного человека или целый «куст временного ответвления реальности» во имя более значимых целей, они, конечно, сделают это не колеблясь. И тогда вам придется искать более могучих союзников, чем «Смерш» или ФСБ.

— Обойдемся, — уже менее уверенно повторил Василий.

Самандар не обратил внимания на его реплику, ожидая ответа Соболева. Добавил:

— Я еще раз советую не разменяться по мелочам и всю энергию сосредоточить на переходе в иной план бытия, овладеть всеми горизонтами астрала и ментала, стать властелином своего тела и «сверх-Я».

— Я не могу сидеть без дела, — все так же тихо и с той же интонацией неприятия сказал Матвей. — Я волкодав и терпеть ненавижу подонков! А еще больше не люблю, когда суют нос в мои дела и угрожают моим друзьям. Да, вероятно, есть более высокие цели, чем восстановление справедливости в отдельно взятом регионе. Однако, во-первых, я не посвящен в дела людей Внутреннего Круга, а во-вторых, у меня *свой* Путь.

— Я не имел в виду Внутренний Круг, Хранителей или иерархов. Посвящение в Круг — дело будущего. Но в столице образовался неустойчивый «объем соперничества» властных структур,

---

[1] Авеша — вселение в тело другого человека *(древнеинд. эзотерич. термин)*.

который в случае взаимной «аннигиляции» способен взорвать мир на всей Земле. Чтобы этого не произошло, надо выйти на руководителей властных институтов и ликвидировать их. Тебе это по плечу.

— Кого именно?

— Ты что, Соболь?! — изумленно, скороговоркой проговорил Василий. — Согласен?

Самандар снова не обратил на него внимания.

— Тень-1, то есть маршала «СС», министра обороны, Генерального прокурора, министра МВД, директора Федеральной службы безопасности, премьера, его замов... Хватит?

Балуев присвистнул.

— Ну и размах! А сам-то что ж? Или привык чужими руками жар загребать?

— Если Конкере начнет, — Матвей усмехнулся, — его остановят его вечные соперники. Не так ли, Монарх? То бишь авеша.

— Так, — спокойно кивнул Самандар. — Но не инфарх, как ты подумал.

— Кто же?

— Аморфы... праразум Земли, предтечи всего живого... Но об этом мы поговорим в следующий раз. Итак?

— Уходите. Определять, что нам делать, мы будем сами.

— Хорошо, ухожу, — неожиданно легко уступил «проводник». — Позвольте дать вам последний хороший совет. Воспользуйтесь возможностями, которыми наделил вас Горшин, «корректируя» природные данные. Никто не знает, даже ваши любимые инфарх и его эмоциональный двойник — Светлена, что вы способны свободно читать отпечатки будущих событий на эфирном теле Вселенной. Я имею в виду ментальное видение.

Матвей вспомнил, какие мучения доставляют ему всякий раз попытки прочитать во сне Книгу знаний, предлагаемую Светленой. Если это и есть «ментальное видение», то он им не владеет, несмотря на коррекцию.

— Ты пытался, — догадался Самандар, — и у тебя ничего не вышло.

— Катитесь к черту! — грубо сказал Василий, теряя терпение. — Соболь, скоро петухи проснутся.

Матвей молчал, и директор МИЦБИ продолжал:

— Тогда у тебя остался один шанс. В каждом Храме Инсектов, наподобие того, что показал вам Горшин, есть «тронный зал», где царствовали властелины инсектов, у пчел, термитов и муравьев — Матки, у тараканов, пауков, комаров — Командиры. Так вот, перед Изменением они создали себе Саркофаги Власти, своеобразные суперкомпьютеры, основанные на совершенно иных принципах, чем у людей. Если сможешь найти такой Сар-

кофаг и подключиться к нему, ты станешь Посвященным, минуя все промежуточные этапы Закона восхождения.

— Как же, найди его, если вы закрыли вход в Храм, — проворчал Василий, обнаруживая внезапный интерес к речи Самандара.

— Храмов Инсектов сохранилось много, хотя скорее их нужно все-таки называть Центрами управления Инсектоцивилизаций, а не храмами. Например, один из них располагается под разрушенной дачей Ельшина, бывшего генерала контрразведки. Еще один — под Кремлем. — Самандар усмехнулся. — Вход в него очень прост — через подворье Малюты Скуратова и подземный коридор под Москвой-рекой. Найдете, если захотите. Соболев почувствует вход. А теперь прощайте. — Самандар растворился в ночи, но почти тотчас уже издалека донесся его отчетливый шелестящий голос: — Кстати, Соболев, кроме Конкере тебя всегда находил, когда это было нужно, Тарас Горшин.

И все стихло. Не шевельнулась ни одна ветка, не чавкнула под ногами сырая дернина, не треснул сучок. Директор Международного исследовательского центра боевых искусств умел ходить не хуже охотника-ганфайтера. Оставшиеся двое молча смотрели друг на друга, прислушиваясь к тишине и не доверяя ей.

— Кто это был? — с расстановкой спросил Балуев.

— Монарх. — Матвей немного подумал. — Авеша Монарха. Или Горшина. Потом вычислим. Пошли доделывать дело.

— Я что-то расслабился.

— Три минуты на дхарану[1] — и вперед!

Через десять минут они перелезли через проволочную ограду, разошлись в разные стороны и перебежками достигли группы строений на территории дачи. Василий вышел к хоздвору, а Матвей к туалету, где и обнаружил первого охранника, вооруженного автоматом, спокойно покуривавшего в кустах. Соболева он не услышал и вряд ли понял, что свалилось ему на голову.

Второй охранник дежурил возле дровяного склада и тоже ничего не разобрал, так как слушал музыку через наушники плейера.

Зато третий у двери в гараж едва не поднял тревогу, успев вытащить из кармана уоки-токи. Матвею пришлось сначала бить по рации, а уж потом по широкой морде охранника, чтобы заглушить крик. Почему охранник не воспользовался автоматом, осталось неизвестным. Вероятно, он просто забыл о нем.

Василий возник слева через три минуты, шепнул:

— Порядок, у меня были двое.

— Похоже, на дворе их больше нет. Давай обезвредим сначала сменщиков, а потом поищем апартаменты, где прячут шефа.

Пост охраны, внутри которого отдыхали еще трое лбов во гла-

[1] Дхарана — медитативное сосредоточение.

ве с командиром смены, оказался в сторожке, оборудованной лишь телевизором и видаком, никакого телемонитора Маракуц на даче не завел. Наверное, ему и в голову не приходило, что на его владения кто-то осмелится покуситься.

Дверь в сторожку была не заперта, и, когда в помещении, где двое смотрели фильм, а двое спали, возникли две черные тени, никто из охранников не оказал сопротивления: нападение было слишком быстрым и неожиданным.

Афонина «диверсанты» обнаружили в подвале дома, превращенного в камеру предварительного заключения и камеру пыток одновременно; еще одно помещение подвала занимал винно-продуктовый погреб. Здесь был один охранник и со скуки читал журнал «Деньги». Когда он увидел перед собой кошмарную черную фигуру с ледяными глазами, то успел сказать только одно слово:

— Ой!..

Директор фирмы «Рюрик» спал на двух чугунных батареях, свернувшись калачиком, прикованный за руку к трубе отопления. Его костюм от Валентино висел на нем лохмотьями, на лице не было живого места, и Матвей представил, что пережил во время допросов этот молодой парень, по сути его ровесник.

Лишь спустя какое-то время до Афонина дошло, кто пришел за ним, однако сил радоваться у него не оставалось, только в глазах, сухо блестевших, красных от недосыпания, загорелся огонек сумасшедшей радости, смешанной с недоверием.

— Кто пытал? — тихо спросил Василий, снимая с него наручники.

— Там... — Сергей Сергеевич поднял глаза к потолку. — Правая рука Маракуца, Чертков его фамилия, кличка Жеребец.

Ганфайтеры переглянулись.

— Я схожу, — предложил Балуев.

— Надо уходить... Ладно, сходим вместе.

Они вывели Афонина и пристроили в кустах возле дорожки, вручив ему на всякий случай отобранный у охранника автомат.

— Подышите пока свежим воздухом, Сергей Сергеевич, мы быстро.

Дом состоял из десяти комнат, шесть из которых были заперты, седьмая представляла собой кухню, восьмая — гостиную с бильярдным столом и видеосистемой, а в двух оставшихся спали временные обитатели дачи: трое в одной спальне и господин Чертков по кличке Жеребец, грузный толстяк с оплывшей фигурой, пухлой грудью и маленькой головкой, — в другой.

Матвей на ходу ломал голову, как наказать палача и садиста, спящего и безоружного, однако тот оказался гораздо проворнее и опаснее, чем можно было предположить, глядя на его комплек-

цию, потому что, едва в спальне вспыхнул свет, Жеребец сунул лапищу под подушку и выхватил пистолет, какого Матвей еще не видывал: калибра 11,43 миллиметра, с лазерным модулем для целеуказания и насадкой для бесшумной и беспламенной стрельбы. Это был новейший германский «хеклер-кох ОХВС-II», применяемый спецподразделениями многих иностранных армий. Но бесшумность оружия в данной ситуации как раз и сослужила хозяину плохую службу. Жеребец успел выстрелить несколько раз — выстрелы напоминали щелканье пальцами, — попал в зеркало, в окно и в шкаф, пока Василий наконец не достал его в прыжке.

Однако гром разбитого зеркала разбудил остальных охранников, и Матвею пришлось успокаивать всех троих, со сна не врубившихся и не понявших, в чем дело.

Когда он выскользнул в коридор, из спальни, где спал Чертков-Жеребец, вышел Василий. Поймал взгляд Соболева, покривил губы:

— Пришлось его слегка побить... не сдержался. Уходим?

— Давай записку оставим, раз уж мы с тобой «чистильщики».

— Это идея. Жаль, нет фирменных бланков с эмблемой «KKK».

Они вернулись в спальню, где поперек рухнувшей деревянной кровати лежала туша Жеребца, вырвали чистый лист бумаги из тетради в серванте, и Василий под диктовку написал красивым каллиграфическим почерком: «Маракуц, это предупреждение — последнее. Еще одного не будет. В плане ликвидации ты — в первых рядах. Готовься предстать перед судом Всевышнего». И значок «KKK». Потом Матвей вспомнил лаконичность текстов настоящего «Чистилища» и отредактировал послание. Окончательно оно звучало так: «Боксер, это твой приговор».

— Годится, — одобрил Василий. — Коротко и сердито. Пусть попсихует, покрутится в роли жертвы.

Афонин спал, когда они нашли его там, где оставили, — у кустов. Друзья подхватили его на руки, донесли до машины и уложили на заднем сиденье.

Через полтора часа — в четыре утра — «Таврия» подкатила к дому Василия, и президент «Рюрика» был посажен в ванну отмокать, где он сразу уснул.

— Иди, я справлюсь один, — сказал Василий. — К одиннадцати утра он явится на работу свеженький как огурчик.

Матвей пожал руку друга и поехал домой.

В одиннадцать они встретились у входа в здание, где располагалась контора «Рюрика»: Афонин в новом костюме, чисто выбритый, энергичный, уверенный в себе, хотя и со следами побоев на лице, — он уже успел побывать дома, успокоить семью, — Ва-

силий в затрапезной штормовке и залатанных джинсах и Матвей в плаще, с модным белым шарфом на шее.

Поприветствовали друг друга как ни в чем не бывало. Проводили взглядами хорошенькую девушку, со слезами тащившую пьяного молодого мужика, скорее всего мужа, который, еле ворочая языком, матерился и обещал кого-то поиметь.

— Всю жизнь поражаюсь, — сплюнул Василий, — чем такие ублюдки привязывают к себе жен! Смотри, какая красавица! На кой он ей нужен такой? Что ее держит около него? Любовь? Не верю! Чего ей не хватает?

— Ума, — сказал Афонин, входя в вестибюль.

— Успокойся. — Матвей похлопал Балуева по спине. — Ты свою массажистку отыскал?

— Еще не звонила, и меня это уже начинает волновать. Ну что, до вечера? Пойду объявлюсь на работе. Встречаемся у меня?

— У Кристины. Попробую уговорить ее уехать на время вместе со Стасом. Ты не смог бы отвезти их к моему деду под Тамбов?

— Отвезу, если ничто не помешает. Чует мое сердце, скоро надо давать ответ «Чистилищу». С одной стороны, мы с тобой вроде бы как уже работаем на него; а с другой — влезать в чужие игры смерть как не хочется.

— Вечером решим. Кстати, надо бы проверить слова Самандара...

— Вход в Храм на даче Ельшина? — сразу понял Василий. — А что, давай завтра и махнем туда с утра. А потом я отвезу твоих в Тамбов, и у нас появится вариабельная свобода.

Матвей кивнул и вошел в здание вслед за Афониным, появление которого уже произвело фурор среди охранников фирмы и обслуживающего персонала.

День прошел в хлопотах по созданию страхующей сетки телохранителей, сопровождающих президента фирмы, и в разбирательстве мелких инцидентов: Кудёма не вышел на дежурство, запил один из охранников, а второй подрался в баре. Обоих Матвей представил к увольнению, решив заменить парнями из группы, которую тренировал Василий.

Шаровский на работу не вышел, передав по факсу письмо с заявлением об увольнении. Сергей Сергеевич порывался привлечь его к уголовной ответственности, но Матвей уговорил шефа не ввязываться в тяжбу с милицией и прокурором, явно купленными Маракуцем. К тому же Афонину пришлось бы рассказывать, как и кто его освобождал, а это было совершенно не в интересах освободителей.

Матвея сильно тянуло найти его новую знакомую, Ульяну. Не шло из головы ее непонятное предупреждение о засаде. Студент-

ка медицинского института не должна знать таких вещей, как операция по захвату, запланированная секретной спецслужбой. И чем больше Матвей думал об этом, тем больше склонялся к мысли, что появление Ульяны — это *выход* в земную реальность еще какой-то мистической фигуры, кого-то из иерархов, может быть, даже самой Светлены. Недаром же девушка так непереносимо похожа на нее!

Однако день оказался слишком насыщенным событиями, а вечером Матвей и Василий встретились у Сумароковых, провели хороший вечер, слегка поднявший настроение у всех домочадцев Кристины, и уговорили ее уехать со Стасом к деду Соболева. А рано утром, задолго до восхода солнца, оба уже ехали к даче Ельшина, изменив внешность и экипировавшись соответствующим образом. Ни Соболев, ни Балуев не знали, что в точности повторяют маршрут группы Лобанова, ведомой бывшим владельцем дачи. Спасло их лишь то обстоятельство, что руководство ФСБ не придало значения попытке неизвестных лиц прорваться на охраняемую территорию закрытого объекта, где трудились эксперты многих лабораторий контрразведки. Неизвестным пройти к остаткам дачи не удалось, и меры по усилению охраны приняты не были. Мало того, как раз за день до похода ганфайтеров кончился срок командировки сюда двух подразделений научных сотрудников, и они убыли к месту постоянной дислокации, кто в Новосибирск, кто в Пермь, кто в Тулу.

Ганфайтерам, таким образом, представилась возможность чистой вылазки, благодарить за которую было некого, разве что тонкие взаимопереходы множества физических реальностей Земли, которые люди привыкли называть случайными процессами.

Оставив машину практически в том же месте, где стояла неделю назад машина Лобанова, друзья поднялись на холм. Идти было тяжело, ночью прошел дождь, и ноги путались в космах слипшихся трав. Было сыро, холодно, темно; тучи над головами, закрывшие небосклон, готовы были снова пролиться дождем, хороший хозяин в такую погоду собаку не выгонит на улицу, но именно этот фактор как нельзя лучше подходил друзьям. Охрана дачи вряд ли соблюдала инструкции, прячась в тепле блокпостов.

Так оно и оказалось. Периметр огороженной территории не охранялся, не считая двух неработающих лазерно-фотоэлементных систем у сетки, в том месте, где перелезли через ограду бывшие контрразведчики.

Центральное строение дачного комплекса искали недолго, слишком свежи в памяти были события, происшедшие здесь год назад. Собственно строением это чудо архитектуры назвать можно было с большой натяжкой: от трехэтажного особняка осталась какая-то странная конструкция, похожая на цветок лотоса или

на застывший всплеск воды от упавшего в воду камня, только «всплеск» этот был вполне материальным: в нем соединились стены здания, земля, мебель, хозяйственное оборудование и даже тела людей! За минувший год монолит «всплеска» дал трещины, потерял плотность и стал разрушаться, так что проникнуть через один из проломов внутрь не составило труда, несмотря на то что весь «лотос» был упрятан под колпак временного укрытия. Охрана не показывалась, хотя тропинка, протоптанная вокруг деревянно-брезентового купола ботинками солдат, была видна. Матвей представил себе, что чувствовали предыдущие исследователи этого феномена, и ему на мгновение стало весело. Очевидно, та же мысль пришла на ум и Василию, потому что он нашел ухо товарища и шепнул:

— Такое коллегам не снилось и в страшном сне!

Матвей, уже вошедший в состояние меоза, ничего не ответил. Он ясно видел освещенный — в радио- и микроволновом диапазоне — пятачок в центре бугристого панциря над подвалами дачи, где проходила шахта к подземному метро, но здесь находилось еще одно «окно» в земляно-бетонно-кирпичной тверди, которое «светилось иначе» — на уровне «ментальных следов», как говорил Самандар, и смотреть на это «окно» было неприятно. Психика буквально «зарычала» на него, как собака на опасную тварь.

Весь массив внутри «цветка лотоса» был изрыт шурфами, ямами, траншеями, заставлен рентгеновскими аппаратами и исследовательским оборудованием. Пришлось потратить время, чтобы подойти к «окну» и не свалиться в одну из ям. Кто-то пытался рыть колодец и здесь, но, углубившись в почву на метр, очевидно, бросил это занятие. Сосредоточившись, Матвей понял, что здесь проходит ствол какой-то узкой шахты, перекрытой не плитой или грудой земли, а деревянной коробкой.

Вспомнилась последняя встреча с Ельшиным-Конкере, когда тот вышел из замаскированного лифта. Сомнений не было, именно тут начинался ход вниз, в секретный бункер генерала, откуда он вызывал Монарха Тьмы, а деревянной коробкой могли быть лишь остатки книжного шкафа или пенал лифта.

— Ищи лопаты, — сказал Матвей.

— Я почти ни фига не вижу.

— Включай фонарь, до восьми утра сюда точно никто не сунется.

Подсвечивая себе фонарями, они обошли площадку и обнаружили необходимые инструменты — от ломиков до кирок и лопат.

— Будем долбить по очереди. Сначала я — ты покараулишь снаружи, потом наоборот.

Матвей включил *темп* и начал работу. За пять минут выдохся, но и углубиться в землю успел больше чем на полметра. Василий копался дольше, минут десять, его режим не был столь скоростным, зато и он прошел не меньше. Еще через четверть часа они добрались до деревянного щита, который, как и предполагал Матвей, оказался платформой лифта. Стены лифта с потолком отсутствовали — то ли были разрушены, то ли так было задумано конструктором, а плита пола ходила по направляющим, поддерживаемая двумя рычагами и фиксатором. Моторы, очевидно, прятались где-то внизу, вращая винты, которые и передвигали лифт вверх-вниз.

— Нам туда, — кивнул на платформу Матвей.

— Как?

— Придется разбить площадку и спускаться на веревках. Глубина шахты метров десять.

Василий не стал уточнять, как его напарник определил глубину колодца, спрыгнул вниз и взялся за ломик.

Стараясь не стучать громко, они разобрали платформу лифта. Взору открылся прямоугольный колодец с бетонными стенами, четырьмя направляющими и двумя архимедовыми винтами. Время торопило, поэтому друзья не стали долго разглядывать ход, просто сбросили вниз веревку, которую взяли с собой, и Матвей первым спустился вниз.

Когда он достиг дна, «свечение» ментального следа стало таким ярким, что не оставалось сомнений — ход вел в бункер связи с Конкере. «Светилась» даже дверь, выходящая в коридор из шахты лифта, а также пол коридора и вторая дверь, ведущая в подземное убежище Ельшина.

— Спускайся, — высунул голову в шахту Матвей.

Через минуту Василий стоял рядом.

— Чёй-то мне не по себе, Соболь. — Он шагнул в дверь, обходя Матвея, задел какой-то выступ, и в то же мгновение вверху грохнул взрыв, обрушивая в шахту лифта с десяток тонн земли, бетона и кирпича.

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ

Председатель Комиссии по вопросам помилования Тимур Аркадьевич Простатов возвращался с литературной тусовки в ЦДЛ в благодушном настроении. Членом Союза писателей он не был, зато имел друзей — писателей и поэтов, любил посидеть в их кругу, послушать окололитературные сплетни. Особенно нравились поэмы и эпиграммы поэтов — Иванова-среднего и Кафта-старшего. Правда, оба не переносили друг друга, хотя на людях

были подчеркнуто любезны и обходительны, однако в своих компаниях читали такие злобные пасквили друг на друга, что стали притчей во языцех. Тимур Аркадьевич называл их «дружбу» клиническим случаем и с удовольствием посещал эти странные компании, чувствуя моральное удовлетворение от того, что все заискивают перед ним и готовы по движению бровей сделать любую пакость соседу.

Доволен Тимур Аркадьевич был еще и по причине сугубо меркантильной: подельщики спасенного от казни председателем Комиссии авторитета московской чеченской общины Тукаева принесли обещанный калым — пятьдесят тысяч «зеленых», что позволяло семье Простатовых в полной мере отдохнуть зимой на Фарерских островах.

Грузный, седовласый, с барственным дородным лицом, Тимур Аркадьевич излучал доброту и долготерпение; но тем, кто знал его хорошо, были известны и такие черты характера председателя Комиссии, как бесцеремонность в обращении с подчиненными, жадность, наглость и начальственный апломб, терпеливо сносимые окружающими, которые зависели от слова и жеста властителя. Лебезил Тимур Аркадьевич только перед своими покровителями: Генеральным прокурором и первым вице-премьером Сосковым, которым был обязан своим возвышением и солидным местом в коридорах власти. Достаточно было Соскову позвонить в Комиссию и сказать: «Тимур Аркадьевич, там в списках на помилование под номером пять проходит такой-то... посмотрите, что можно сделать», — и Простатов брал под козырек и «смотрел», в результате чего Комиссия выносила вердикт: «Помиловать!»

Конечно, списки на помилование утверждал президент, вернее, его помощник по вопросам права, но, как правило, предложения Комиссии проходили этот этап без осложнений.

Были и другие звонки и встречи, как, скажем, с друзьями Тукаева, пообещавшими «отблагодарить» председателя Комиссии, если вопрос помилования будет решен. И в таких случаях Простатов всегда пускал в ход аргументы, позволяющие убедить членов Комиссии в необходимости помилования преступника, главными из которых были «искреннее раскаяние убийцы в содеянном», его желание «жить во благо народа», искупить вину «честным трудом» и гуманность как «высшее проявление духа народа и воли Бога», а также ходатайства депутатов Думы, также «убежденных» в полезности смягчения приговора. Надо признаться, последнее обстоятельство было решающим, но в данном случае Простатов ничем не рисковал.

«Волга», принадлежащая Простатову как депутату Госдумы, ждала его на улице Воровского со стороны входа в ресторан Цен-

трального дома литераторов. Попрощавшись с приятелем, которого за глаза все звали «карманным писателем» главы правительства — за то, что тот написал за него три книги, — Простатов постоял у машины, вдыхая сырой прохладный воздух с редкими каплями дождя, и плюхнулся на переднее сиденье «Волги», коротко бросив шоферу:

— Домой.

Волнения водителя, общение с которым ограничивалось лишь подобными командами, Тимур Аркадьевич не заметил.

На Герцена машина повернула почему-то не налево, как обычно, на Тверской бульвар, а, проскочив перекресток, свернула в тихий Собиновский переулок и въехала во дворик старого восьмиэтажного дома еще сталинской постройки, остановилась, уткнувшись носом в глухую кирпичную стену. Простатов очнулся, поглядев направо, налево, с удивлением глянул на водителя.

— Э-э, любезный, куда это вы заехали?

Но тот ничего не успел ответить. Сзади вдруг выросла черная тень прятавшегося там человека в маске, ткнула шофера пистолетом в спину, и тот с трясущимися руками молча вылез из кабины. Послышался тупой звук удара, шофер упал.

— Привет из «Чистилища», — глухо сказал Простатову человек в маске, поднимая ствол пистолета.

Простатов мгновенно протрезвел, но сказать ничего не успел: убийца дважды нажал на спуск, целясь в голову. Пистолет имел глушитель, и звуки выстрелов из кабины закрытой машины слышны не были.

Киллер аккуратно подобрал гильзы и бросил на грудь Тимура Аркадьевича квадратик белой бумаги с золотым кинжальчиком «ККК».

Дежурный по городу получил сигнал об убийстве Простатова в одиннадцать вечера. Через две минуты об этом узнал начальник ОРБ МУРа, через пять — начальник МУРа. Но когда Синельников примчался на машине Управления в Собиновский переулок, то уже застал там целую толпу специалистов из разных ведомств. Встретил Александра Викторовича расстроенный Агапов, кивнул на молчаливых мужчин, копающихся возле «Волги» около тела убитого.

— Они приехали первыми.

Синельников обратил внимание на мающихся в сторонке розыскников МУРа, потом опытным глазом определил принадлежность оперативников к спецслужбам. Четверка молодых, уверенных в себе ребят, несомненно, принадлежала к Федеральной службе безопасности, точнее, к работникам Управления «Т», другой четверкой, осматривающей территорию дворика, коман-

довал невысокий человек в светлом плаще, в котором Синельников узнал заместителя начальника ГУБО Зинченко. Но работали с убитым еще трое хмурых молодых людей, широкоплечих, мощных, невозмутимых, не обращающих никакого внимания на представителей других контор.

— Кто это? — показал на них Синельников.

— Не знаю, — виновато ответил Агапов.

Александр Викторович подошел к оцеплению, отодвинул милиционера, пытавшегося остановить его, тронул за локоть Зинченко.

— Привет, Николай Афанасьевич. Что тут происходит? Что за массовое паломничество?

— Обычная ориентировка на резонансное убийство, Александр Викторович. Видишь, до кого добралось «Чистилище»?

К ним подошел один из четверки ФСБ, сказал начальственным тоном:

— А вас я попросил бы покинуть оцепленную зону.

— А вас я попросил бы предъявить удостоверение, — угрюмо пробасил Синельников. — Я начальник МУРа.

Руководитель «федепасов» подтянулся, оглядел громадную фигуру генерала, не без колебаний показал ему красную книжечку.

— Майор безопасности Белоярцев. Полагаю, это дело будет вести наше Управление, так что извините, господин генерал.

— Баба с возу... — проворчал Синельников. — Управление «Т»?

— Управление спецопераций.

— Ясно. А это что за ребята возле машины? По выправке вроде бы как не ваши.

— Спецподразделение Министерства обороны.

— А ему-то зачем заниматься расследованием гражданских дел? Ну ГУБО — я понимаю, или ваши оперы, но Минобороны!..

Майор Белоярцев спрятал удостоверение, которое бегло проглядел Александр Викторович, пожал плечами.

— У них карт-бланш, подписано министром, с печатью Совета безопасности... К тому же они приехали раньше всех и уже успели допросить свидетелей. Разрешите продолжать? — В тоне майора скрывалось явное нетерпение, но Синельников не обратил на это внимания.

— Продолжайте. — Обернулся к Зинченко. — Ну а ты что думаешь?

— Ребята явно работают по «ККК»... Да и «федепасы», судя по всему, объявились здесь по той же причине.

— А вы разве нет?

Заместитель начальника ГУБО помолчал, пригладил волосы на макушке.

— И мы, в общем, тоже. Велено «чистильщиков» отстрели-

вать без суда и следствия, так сказать, ответить «белым» террором на «черный» террор. Вы заметили — ни одного журналиста!

Только теперь Александр Викторович обратил внимание на отсутствие людей с фото- и видеокамерами.

— Да, действительно... зажали-таки прессу. Что ж, до встречи, Николай Афанасьевич, работайте, удач вам, а мы поехали досыпать.

В этот момент командир спецподразделения Министерства обороны получил по рации какое-то сообщение, собрал группу, и все трое быстро направились к джипу с военным номером, пряча свою аппаратуру. Хлопнули дверцы, джип с визгом шин рванул с места и исчез.

— Куда это они? — Зинченко не закончил, к ним подбежал Агапов.

— Только что в Сокольниках нашли тело Силакова!

— Какого Силакова? — не сразу дошло до Синельникова. — Президента фирмы «Грэгори»?

— Начальника ФАПСИ.

Несмотря на пронизывающий холод, Александр Викторович вспотел. Шагнул прочь, за оцепление.

— Поехали.

Через минуту они мчались через спящий город под вой сирены и свет мигалки. Однако приехали все-таки позже «федепасов» и парней из спецподразделения Минобороны.

Директор ФАПСИ был найден сторожем Сокольнического парка возле металлической решетки северного входа. Силакова задушили металлическим прутом, лежащим тут же, а к телу прикололи ножом белый лист картона с выдавленным кинжальчиком «ККК». Зачем директора агентства понесло в Сокольники в такую погоду, ночью да еще без охраны, осталось невыясненным.

Командовал следственной группой офицер ФСБ из того же Управления спецопераций, что и майор Белоярцев, поэтому за линию оцепления, организованную примчавшимися раньше всех омоновцами Сокольнического муниципалитета, пропустили только Синельникова и Зинченко, которые приехали следом на машине своего ведомства. Оба глянули на тело Силакова со свернутой шеей, понаблюдали за профессиональными действиями «федепасов», но обоих больше интересовали военные.

Командир группы, высокий, сильный, белобрысый, работал больше со сторожем и омоновцами, остальные возились с какими-то приборами, похожими на компьютеры в «дипломатах». Работали они недолго, обошли район происшествия, поговорили и тут же испарились.

— Два убийства высокопоставленных лиц в один вечер — это много даже для «Чистилища», — проговорил Зинченко.

— Что ты хочешь этим сказать? — покосился на него Синельников.

— Какое-то из двух убийств, думаю, не дело рук «чистильщиков». Кто-то пытается работать под три «К», убирая неугодных конкурентов.

— «СС»?

Зинченко не ответил.

Начальник МУРа потоптался возле ограды, подал руку коллеге и направился к выходу из парка, махнув рукой Агапову и давая понять, чтобы тот следовал за ним.

— Начинается война, — сказал он уже в кабине машины. — Война всех против «Чистилища».

— Я тоже так подумал, — отозвался Агапов, страдающий желудком каждый раз, как только начинал волноваться. — Стоит ли в таких условиях включаться в эту войну еще и нам?

— Домой, — коротко бросил водителю Синельников и несколько минут сидел молча, полузакрыв глаза. — Как там наш художник?

— Шерхов? Пасем, но толку пока никакого: ни с кем подозрительным не общается, часто закладывает за воротник... как натура творческая... Считаю, надо брать его и допрашивать — скорее выйдем на заказчика.

Начальник МУРа молчал до самого дома, а выходя из машины, произнес одну только фразу:

— Поторопитесь с художником, иначе нам перебегут дорогу прыткие ребятки из обороны.

Евдоким Матвеевич Бурлаков, заместитель министра обороны по новым военным технологиям, как обычно, вошел в свой кабинет на третьем этаже здания министерства ровно в девять утра. Из головы не шел разговор с начальником Главного управления военно-технического сотрудничества Госкомоборонпрома Тлеубаевым. Клавдий Иванович был явно напуган вызовом к руководителю «Смерша» и требовал защитить его аппарат от «посягательств на свободу, честь и жизнь» какого-то там генерала военной контрразведки.

— Да, Никушина пора «мочить», — вслух пробормотал Бурлаков, садясь за свой необъятный стол и открывая папку для работы с первоочередными документами. И сразу же наткнулся на плотный белый конверт с тисненным в углу золотым кинжальчиком, рукоятку которого образовывали красиво переплетенные буквы «ККК».

С минуту Бурлаков смотрел на конверт, как на ядовитое насе-

комое, потом осторожно взял двумя пальцами и вскрыл. На стол выпал листок бумаги с таким же кинжальчиком и напечатанным текстом: «Это первое и последнее предупреждение. Насколько нам известно, вы замешаны по крайней мере в десятке тайных сделок по незаконной продаже вооружений и военного имущества наряду с ответственными чиновниками Госкомоборонпрома, фирм «Росвооружение», «Оборонэкспорт», «Спецвнештехника» и «Воентех». Особенно «Воентех», потому что компания создана при Министерстве обороны и подчинена вам через подставных лиц. Виновные будут нами наказаны в ближайшее время, но вы состоите у нас на контроле по другому уровню — уровню, определяющему интеллектуальный потенциал армии и государства. Высокие военные технологии — важная, если не важнейшая составляющая этого потенциала. Мы имеем сведения о том, что вы готовите несколько секретных операций по продаже таких технологий на разработку новейших типов психосуггестивного оружия, известных как «глушак» и «болевик», то есть суггестор «Удав» и генератор боли «Пламя». Мало того, вы уже запланировали демонстрацию зарубежным покупателям принципиально нового вида оружия, называемого конструкторами «дыроколом» и зашифрованного буквами НК — «невидимое копье», аналогов которому не имеют не только ни одна армия на земле, но даже военные лаборатории мира! Вам осталось сделать последний шаг в этом направлении... который действительно может оказаться последним. Немедленно подавайте в отставку! Уймите коллег. Другого шанса не будет!»

Текст письма расплылся, словно глаза Бурлакова налились слезами. Он выронил листок, потом снова взял в руки, перечитал. Рассеянно закурил, сбрасывая пепел прямо на бумаги. Спохватился, вызвал адъютанта.

— Капитан, кто готовил папку с документами?

— Лично я, а что, Евдоким Матвеевич?

— Ко мне в мое отсутствие никто не наведывался?

Адъютант озадаченно помолчал.

— Сегодня никто... Вчера, когда вы ушли, появлялся Федор Иванович со своим телохраном Юргеном, но к вам в кабинет они не заходили.

У Бурлакова сильно забилось сердце, кровь мгновенно прилила к щекам, потом отлила, задрожали руки.

— Говоришь, министр заходил? — переспросил он глухо.

— Так точно. Спросил, где вы, еще пошутил насчет...

Не дослушав, Евдоким Матвеевич нажатием клавиши вырубил селектор. Посидел, унимая сердце, выпил холодного боржоми и, включив аппаратуру кодового ответа, связался с Лобановым. Через несколько минут, предупредив адъютанта, что у него

назначена важная встреча с военным прокурором, заместитель министра уже мчался в служебной машине на Мясницкую, где располагался банк «Северо-Запад».

Сидя в своем великолепно обставленном кабинете для приемов особо почетных гостей на семнадцатом этаже здания, маршал Сверхсистемы следил по телемонитору, как Бурлаков несется по лестнице входа, перепрыгивая через три-четыре ступеньки сразу. Кивнув на экран, сказал своему собеседнику:

— Его надо убрать тихо и незаметно... Пропал человек — и все... пока не найдем достойную замену.

— Потеряем рынок военных технологий, Олег Каренович, — осторожно ответил Тень-6, префект южной префектуры столицы Чирейко Яков Иванович.

— Не потеряем. — Лобанов вызвал своего секретаря и телохранителя. — Замену Летчику я наметил уже давно, и фигура эта будет помощней... хотя и поскандальней.

— Кто же, если не секрет?

— Министр обороны.

Поразмыслив, Чирейко покачал плешивой головой.

— Он не захочет делиться таким лакомым куском пирога. У него и без наших возможностей власти — ешь, не хочу. К тому же он сам лидер и не станет работать в Системе ни под чьим началом.

— А мы этого и не требуем. Предложим ему не конкуренцию, а сотрудничество. Пусть остается королем Министерства обороны и всей армейской кримгруппировки и даже считает свою контору равной нашей, но он *все равно* будет работать под нашим контролем.

Чирейко ослабил узел галстука, усмехнулся.

— Минобороны в качестве филиала «СС»? Гениально! А впрочем, почему бы и не попробовать?

На пороге возник Дзиро Маюмура, мастер кэмпо, имеющий шестой дан в карате. Год назад Лобанов спас его школу от разорения и взял к себе наставника в качестве личного телохранителя.

— Передай Вербицкому, есть объект.

Вербицкий был начальником службы ликвидации «СС», непревзойденным стрелком, но все знали его как начальника частной сыскной фирмы «Пуаро».

— Объект? — бесстрастно осведомился Маюмура.

— Сейчас войдет.

Маюмура поклонился, исчез, и через минуту в кабинет вошел, почти вбежал запыхавшийся, потный Евдоким Матвеевич Бурлаков.

ХРАНИТЕЛЬ

Темноту прорезал луч фонарика, ощупал стены, пол, завал из глыб земли, бетона и кирпичной кладки, нашел сидящего на корточках Балуева с руками, закинутыми на затылок.

— Живой?

Василий пошевелился, невнятно произнес:

— Черт, язык прикусил!.. Живой, только по башке балкой звездануло. Не знаешь, чего нас сюда понесло, Соболев? Ведь и ежу понятно, что Ельшин установит на входе в свое убежище сторожевую систему с сюрпризами.

— Поменьше говори, тогда и язык никогда не прикусишь. Живы, значит, все в порядке.

— А если отсюда нет выхода?

— Взрыв говорит, что должен быть. Ельшин был не дурак, чтобы в случае опасности просто завалить вход в святая святых.

— Логично. Что ж, тогда пошли искать вход в Храм.

Матвей не был уверен, что бывший генерал ФСК знал о Храме под своей дачей и посещал его, однако сейчас говорить ничего не стал.

Посвечивая под ноги, они медленно двинулись по коридору к металлической двери в тупике, тщательно осматривая каждый бугорок, каждую щель, принюхиваясь к запаху сырости, ржавого железа, бетона и пластика. Матвей снова перешел на пси-зрение, отнимающее много энергии, но ловушек больше не обнаружил.

Дверь удалось открыть легко, она просто не была заперта. Видимо, последний выход Конкере в теле Ельшина был «аварийным», сам генерал в бункер уже не вернулся, а Монарху закрывать за собой дверь было ни к чему.

Взору открылось прямоугольное помещение с решетками на стенах и потолке, с металлическим полом, покрытым резиновыми ковриками, и с какой-то современного вида конструкцией в центре. Экран, «стекающая» клавиатура, вторая панель — сигнально-информирующая, наводили на мысль, что это компьютер, только скомпонованный из блоков, принадлежащих по виду разным классам машин. И он был включен! По экрану дисплея бродили звезды холостого режима, а на панели горел зеленый огонек готовности к работе.

— Неужели эта штука функционировала все это время, до сегодняшнего дня?! — Василий обошел компьютер, провел пальцем по экрану, стирая пыль. — Глазам не верю!

— Не трогай ничего, — посоветовал Матвей, чувствуя исходящее от компьютера «злое тепло». — Где-то здесь установлено взрывное устройство, а может быть, и не одно, а какая кнопка их

включает, разбираться недосуг. Теперь нет сомнений: Ельшин связывался с Монархом через эту машину.

— Но она до сих пор включена! Автономное питание? Но прямого подключения к сети что-то не видно.

— Стационар ты и не увидишь. Поищи лучше выход.

Василий обошел бункер — семь на семь метров, но, не обнаружив другого выхода, достал фляжу с водой, глотнул, предложил спутнику.

— Я ничего не вижу, май френд, мы замурованы.

Матвей тоже глотнул из фляги, обошел еще раз компьютер, медленно прошелся по резиновым коврикам, глядя себе под ноги, и вскоре почувствовал «дуновение» пустоты. Откинул коврик. Все тот же рифленый металлический лист. Но именно под ним начинался колодец, уходящий на неведомую глубину.

— Здесь, — тихо обронил Матвей, оставаясь сидеть на корточках. — Значит, должен быть и механизм отпирания...

— Я вижу только сплошной пол, — подошел Василий. — Может, здесь и был выход, но, если замок управлялся компьютером, мы его не откроем. Кстати, ты заметил, что в дисководе торчит дискета?

Матвей вернулся к пульту компьютера, внимательно ощупал его всеми органами чувств и увидел три тоненькие жилки энергоподвода, тянущиеся куда-то вниз, под основание комплекса. Видимо, это был подвод аварийного питания от аккумуляторов, потому что подводы электроэнергии к даче были разрушены еще год назад. Смахнув пыль со стула, Матвей сел, проверил ощущения и, чувствуя, как напрягся Василий, вдавил дискету в шель дисковода, повернул рычаг замка и тронул клавищу «RETURN». Тускло засветилось табло на левом развороте панели, замигал оранжевый глаз на одном из шкафов возле стола.

— Не рванет? — понизил голос Балуев.

Вместо ответа Матвей повторно нажал клавишу ответа, и правый разворот панели расцвел индикаторами. Зашелестел вентилятор одного из шкафов, экран дисплея налился мягким опаловым свечением.

— Ему не было смысла минировать все хозяйство, и сам мог в спешке подорваться. Попробуем разобраться в меню... Если вход не кодирован и защита не включена... К тому же Ельшин торопился.

Матвей не ошибся в своих предположениях: компьютер высветил логотип машины — «Конан» и обычный знак ожидания — букву А со стрелочкой над рядом окошек стартового меню, что означало готовность к работе основной информационной системы DOS. Теперь можно было работать с файлами программ на диске А.

— Он вызвал Конкере и оставил комп в рабочем положении, а вернуться уже не смог, — задумчиво сказал Матвей.

— Кто?

— Ельшин, разумеется.

— И все же есть что-то мистическое в том, что компьютер проработал целый год и не сгорел!

— Пароль? — спросил экран по-английски. Матвей проиграл в уме веер возможных решений. То, что дискета закодирована, было ясно с самого начала, но пароль — слишком простое решение защиты... и слишком сложное, чтобы найти его в миллиарде смысловых комбинаций... если только...

«Имя!» — сработала интуиция.

Матвей напечатал: «Конкере».

— Пароль принят, — ответил экран, и за спиной Матвея шумно вздохнул Василий. — Какой предпочитаете режим?

Матвей выбил: «Выбор?»

— Звуковой диалог, тастатурный диалог, мысленный диалог... отбой! Мысленный диалог отключен.

«Звук», — отстучал на клавиатуре Матвей.

— Готов к работе, — приятным женским голосом ответил компьютер. — Заказ?

«Проблемные шифры».

Мигнув, экран почернел и выдал три алые строчки — буквы, символы, цифры. «Свечение» компьютера в «диапазоне зла» усилилось скачком. Матвей буквально физически почувствовал, как в машине, в толще земли, вокруг заворочался некто могучий, жуткий, непереносимо чужой и мрачный.

— Эдак мы еще вызовем Монарха, — охрипшим голосом проговорил Матвей.

— Ага, только его нам и недоставало, — невесело отозвался Василий. — Узнай лучше, как убраться отсюда подобру-поздорову. Нам и так слишком везет, ты не находишь?

Матвей запомнил комбинации шифров, надеясь когда-нибудь воспользоваться ими, и вскрыл карту секретных файлов ельшинской машины. Через несколько минут ему стали известны тайны подземных складов генерала ФСК, а также система их охраны. Однако секрет бункера удалось выяснить лишь спустя полчаса, как раз к тому моменту, когда по какой-то причине сработала аварийная отсечка электропитания.

Мигнули индикаторы, табло включения погасло, снова вспыхнуло, и Матвей на одном дыхании прошелся по клавиатуре компа, давая задание открыть запасной нижний лаз. С глухим мокрым лязгом металлическая плита пола отползла в сторону, к стене, вместе со столом и аппаратурой, открывая темный зев люка,

но до конца не открыла его, остановилась. Огоньки на панели компьютера погасли окончательно.

— Сдох бобик! — прокомментировал Василий, подскочив к люку в обнажившейся бетонной полосе пола. — Пролезем. Я первый, не отставай.

— Не спеши, торопыга, — отодвинул его Матвей. — Первым пойду я. Там могут встретиться препятствия.

— Человек — дитя препятствий, как говорил классик[1], а я кроме всего прочего — ганфайтер, интуиция у меня работает хорошо.

— Балуев, ты мне друг, но... живой ты мне дороже.

— Ладно, — уступил Василий, — иди, корректированный, однако нос не задирай и будь осторожен.

Колодец, узкий и круглый в сечении, одетый в бетон и металлические кольца-скобы, которые и служили лесенкой, шел на глубину не менее двадцати метров и привел их в искусственную пещеру, эдакий «карман» высотой четыре, шириной три с половиной и длиной пятнадцать метров. И служил этот «карман» личным «гаражом» генерала, потому что в нем, имеющем закрытые ворота, стоял на рельсах точно такой же вагончик-торпеда электропоезда, в каком год назад Соболев и Балуев подобрались к даче под землей по секретной ветке метро.

— Это называется — везет как утопленникам! — обрадовался Василий. — Садись и шпарь.

— Электроподвод отрублен, — остудил его восторги Матвей. — Аккумуляторы тоже сдохли, ты видел. Так что придется топать по шпалам, если выберемся. Но, честно признаться, я рассчитывал, что ход приведет нас в Храм Инсектов, о котором говорил Самандар.

— Значит, он просто находится ниже. Кстати, Ельшин мог ничего и не знать о Храме, вряд ли Монарх стал бы посвящать его в тайны ушедших цивилизаций. Ты что же, собираешься искать вход? Его можно проискать и годы.

— Если это так, я буду разочарован.

Матвей сосредоточился, и не видимый никому разряд ментальной энергии пронзил его насквозь, включил в информационное поле Земли, заставил работать подсознание, сверхсознание, метасознание, осветил мир вокруг сотней тонких излучений и полей, приостановив бег времени...

«След зла» обнаружился в нише за метровой ширины металлическим швеллером каркаса, удерживающего полукруглую кровлю «кармана». Здесь имела место каменная кладка, но за ней шла

[1] Блан де Сент-Бонне.

пустота, запах которой — запах тлена и тысячелетий — заставлял раздувать ноздри и дышать *историей.*

— Здесь! — выдохнул Матвей, выходя из транса. Василий осветил стену фонарем.

— А кладка-то свежая, шлакоблочная. Интересно, кому понадобилось заделывать тут стену? Да еще с той стороны?

— Наверняка это дело рук не Ельшина.

— Был бы ломик, попробовали бы эту перегородку сломать.

— Толщина стенки не меньше метра. Давай-ка поищем здесь какой-нибудь инструмент. Только сам ничего не трогай, зови меня.

— Как скажешь, начальник, — не обиделся Василий. Он всегда признавал лидерство друга в моменты, когда этого требовала ситуация.

Поиски длились недолго: электровагон был загружен под самую завязку всяческим провиантом и оружием, словно Ельшин собирался бежать по крайней мере на Луну. Оружие ганфайтеров не интересовало, а вот мины и гранаты могли понадобиться. Остановились на пластиковой взрывчатке, с которой оба умели обращаться.

Среди электрических детонаторов нашелся один электродинамический, ручку которого надо было вращать. И через несколько минут прогремел взрыв, аккуратно проломивший свежую перегородку, за котором открылся узкий наклонный коридор с бетонными стенами. Уходил коридор на неведомую глубину и так далеко, что не хватало радиозрения Матвея, чтобы увидеть, где он заканчивается.

Оба не были подвержены романтическим переживаниям и страху, однако задержались у входа, не решаясь углубиться в коридор, хотя пыль от взрыва осела быстро.

— Ну? — только и спросил Василий.

— Да, — ответил Матвей, ощущая пожатие предплечья.

«След зла» здесь ощущался сильнее, но впереди их могла ожидать встреча с тем, кто его оставил, и энтузиазма это предчувствие не прибавляло.

Бетонный коридор тянулся всего метров на пятьдесят, до открытой, вернее, сорванной с петель двери из какого-то керамического материала. За дверью коридор сужался, но стены его все еще были из красного кирпича. Закончился он лестницей в четыре пролета, затем пошел такой узкий лаз, что идти приходилось боком, а иногда согнувшись в три погибели, и материал стен этого туннеля-лаза походил на обожженную глину или спекшийся от жара чернозем.

Когда по расчетам Матвея они опустились под землю на двести метров, описав три витка спирали под территорией дачи Ельшина, коридор уперся еще в одну дверь, материал которой сразу

же воскресил в памяти поход с Горшиным к подземному Храму. Дверь, казалось, была сделана из четырех выпуклых надкрыльев громадных жуков или жужелиц, известных под названием «красотел Семенова». Они переливались в свете фонарей всеми оттенками зеленого цвета, хотя преобладал изумрудный, и казались на вид шелковистыми и мягкими.

— Все, тупик, — сказал Василий, с разочарованием оглядывая дверь. — Вряд ли нам удастся открыть эти крылышки без Горшина. Если только гранатой попробовать? — Он подошел ближе, дотронулся до сияющей поверхности «крыла» и вдруг заорал: — Сезам, откройся! А то взорву к чертовой матери! — И отскочил назад, потому что «крылья» вдруг бесшумно сложились одно в одно и провалились вниз.

В лицо пахнуло озоном, странными запахами, напоминающими ароматы пряных трав, сухим теплом.

— Понял? — опомнился Василий. — Что б ты делал без меня? Добро пожаловать в пещеру сокровищ. — Василий пропустил вперед приятеля.

— Благодарю, Али-Баба, — хмыкнул Матвей, соображая, по чьей мысленной команде открылся проход: его, Василия или их обоих.

— Ты все-таки осторожней там, — не удержался Балуев. — Если помнишь, дверь Храма, куда привел нас Горшин, открывалась иначе.

Матвей пошарил «щупальцами» чувств впереди, угрозы не учуял и двинулся по новому широкому коридору, выложенному со всех сторон все теми же «крыльями жуков» и дважды повернувшему влево-вправо. На стены лег желтоватый отсвет — впереди обозначился светлый прямоугольник выхода. Еще несколько шагов, и они вышли на широкий карниз, огражденный какой-то белой решеткой с изумительно красивым рисунком. С карниза им открылся вид на гигантскую полость в недрах скального массива, сверкавшую кристалликами слюды и гипса, в центре которой, далеко внизу, метрах в ста, высилось сооружение таких сложных форм, что сравнить его можно было разве что со множеством гармонично увязанных геометрических фигур. И все же общее впечатление у обоих сложилось одинаковое: это четырехбашенный замок, окруженный двумя рядами ажурных стен и накрытый ажурным зонтиком.

Если материал Храма Горшина походил на золото, то материал этого сооружения напоминал снег и лед, хрусталь и серебро.

Контрразведчики замерли, поглощенные невероятной картиной. Освещения в пещере не было, но казалось, здесь светится сам воздух, и видно все было великолепно, до мельчайшей детали. В пещере стояла такая ничем не нарушаемая торжественная

тишина, что невольно хотелось идти на цыпочках и лишь молча обмениваться жестами.

Матвей первым обратил внимание на другое сооружение рядом с замком, правда, на порядок меньшее по размерам. Приглядевшись, он понял, что это скульптура или статуя, изображающая какого-то древнего бога, а может быть, демона или строителя этого Храма.

— Кто же сотворил такое чудо? — прошептал Василий, сжимая побелевшими пальцами прутья решетки ограждения.

— Конечно, не люди, — так же тихо ответил Матвей.

— Сам вижу. Я имею в виду, что Храм Горшина строили разумные пчелы, а этот — неизвестно кто.

— Пауки?

— А что, похоже.

— Посмотри чуть левее, почти за Храмом, видишь?

— Что это?

— Изваяние местного бога... или строителя.

— Красавец! — Василий будто только что очнулся, с удивлением озираясь, словно не понимая, как сюда попал. — Не очень-то он похож на паука. Соболь, я не сплю?

— Ты уже это говорил когда-то.

— Потому что волнуюсь. Грандиозно! Самандар не солгал... Успенский был прав!.. Цивилизация Инсектов существовала! Да-а-а, если даже правы теологи и теософы и материя вторична, а мысль — первична, то это — не человеческая мысль! Ну что, пошли вниз, поглядим на это чудовище поближе? Пути назад у нас с тобой все равно нет.

Они поискали спуск вниз и обнаружили круглый, гибкий, сетчатый — из того же материала, что и решетка карниза, — рукав, очевидно, и представляющий собой «лифт» или «пожарную лестницу», и начали спускаться по нему, цепляясь за прутья узора, сухие, но скользкие, словно смазанные жидким мылом.

Первым не удержался Василий и покатился вниз, как бобслеист, слетевший со своего боба. Подождав немного и не слыша его криков, Матвей тоже отпустил прутья и помчался на спине вслед за Балуевым. Таким образом, спуск на стометровую глубину занял у них всего несколько секунд. А внизу, напротив статуи «демонобога», куда выбросил их рукав необычной «бобслейной трассы», друзей ждал человек в кожаной куртке, таких же штанах и кепке, в солдатских сапогах. Его лицо напоминало лицо арабского шейха, взгляд был умным и острым, а от всей фигуры исходили особые токи уверенности и внутренней силы.

— Привет, — сказал Василий, поднимаясь на ноги как ни в чем не бывало.

«Шейх» посмотрел на него внимательно, перевел взгляд на

появившегося Матвея. Взгляд его был необычайно глубок, всепроникающ, полон сдержанной печали и достоинства.

— Кто вы? — спросил Матвей, уже догадываясь, кто стоит перед ними.

Человек снял кепку, пригладил черные как смоль волосы, снова по очереди оглядел ганфайтеров, одетых в черные комбинезоны и армейские ботинки до лодыжек.

— Я Хранитель. — Голос незнакомца взлетел под купол пещеры и вернулся россыпью тихих, но звонких отголосков. — Вы не должны были попасть сюда, люди действия. Никто не должен знать о МИРах Инсектов, кроме Посвященных. Вы же хотя и подготовлены, но не Посвящены. Как вы здесь оказались и что вам нужно?

— Подумаешь, невидаль, — проворчал Василий, — Храм Инсектов. Видали мы уже один такой... ну, или не совсем такой, но тоже созданный инсектоцивилизацией.

— Значит, это вы проникли в хранилище МИРа Изоптеров год назад с помощью Отступника?

— Отступник — это, вероятно, Горшин, — посмотрел на Соболева Василий, — а что такое МИР Изоптеров?

— Изоптеры — латинское название семейства термитов. Этот МИР, — незнакомец кивнул за спину на сияющий белоснежно-хрустальный «замок», — принадлежит другому роду инсектоцивилизаций, а именно роду Арахнидов.

— Пауков?!

Хранитель, не ответив, снова глянул на молчащего Матвея.

— Вы Соболев. — Это был не вопрос, а утверждение. — Люди Внутреннего Круга наблюдают за вами давно, однако до сегодняшнего дня вы не проявляли особого желания следовать Закону восхождения. Что привело вас сюда?

Матвей вдруг испытал мгновенное чувство стыда. Хранитель пришел в Храм Инсектов специально для встречи непрошеных гостей, серьезно полагая, что у них есть высокая цель и готовность к постижению Пути. Сказать ему правду — означало если не подписать себе приговор, то выставиться в неприглядном виде. И все же лукавить, придумывать «благородные обстоятельства», приведшие их сюда, не хотелось. Выручил Василий, прямой как стрела и честный:

— О Храме Инсектов... э-э... об этом вашем МИРе...

— МИР — это аббревиатура слов «Модуль Иной Реальности», — терпеливо пояснил Хранитель.

— В общем, об этом МИРе нам рассказал один приятель, и мы решили проверить, правда ли это.

— Нам хотелось бы взглянуть на «тронный зал», — тихо добавил Матвей, — с саркофагом «царя».

Хранитель покачал головой.

— Тебе не стоит идти этим путем, полуизбранный. Моха[1] — лучшее состояние для ординарного человека.

— Почему?

— Иерархи — не Учителя вам, просто линии их связи в иных реальных планах бытия пролегли в астрале через твои сны, вернее, через твою психику. Ничего хорошего от ваших контактов с ними не получится.

— Вы говорите с такой... неприязнью... Люди Внутреннего Круга враждуют с иерархами?

Хранитель раздвинул губы в едва заметной улыбке.

— Как можно враждовать со своими детьми? Нет, они выросли и ушли в другие иномерные слои Вселенной, оставаясь рядом и одновременно пребывая очень далеко. Но вы правильно уловили эмоциональную окраску наших отношений: мы не одобряем многих их действий, особенно по контролю над... Впрочем, вам знать о таких вещах рано. Прежде чем мы расстанемся, я хотел бы услышать ответы на кое-какие вопросы, это поможет мне и моим коллегам решить, как относиться к вам.

— Ваши слова следует понимать как угрозу? — поднял брови Василий.

— О нет, всего лишь как предупреждение. В любом случае, чтобы выжить, вам придется соблюдать мауна — закон молчания и неразглашения. Итак, колеблющиеся, ответьте: хотели бы вы иметь власть?

Друзья переглянулись.

— Вопрос следует уточнить: существует слишком много разновидностей власти. В принципе нормальному человеку́ нет нужды в иной власти, кроме власти своего знания и мастерства.

— А власть над другими людьми разве не приятна?

— Лично я считаю, что власть человека над человеком — пещерный атавизм, — сказал Василий.

— Но ведь вы в своей деятельности используете насилие над другими людьми — разве это не инструмент достижения власти?

— Насилие насилию рознь... — Василий поскучнел. — Я применяю насилие лишь для защиты жизни, чести и достоинства.

— И все же...

— Не стоит продолжать, — обронил Матвей, не желая ввязываться в спор, давно решенный самой жизнью. — Если все Люди Внутреннего Круга смотрят на мир лишь с позиций теоретических концепций Добра и Зла, с позиций *сохранения* этих отношений, то мне более близка точка зрения иерархов. Добавлю к ответу моего товарища о власти: к властолюбцам мы с ним относимся

---

[1] М о х а — состояние неведения *(эзотерич. термин)*.

одинаково, как к людям с комплексом неполноценности и, более того, как к очень опасным психам.

— Спасибо, я понял. И тем не менее сегодня я просил бы вас покинуть хранилище данного МИРа. Вы же знаете, никто из ученых, эзотериков и хранителей истин не таит своих знаний: хочешь знать — бери, учись, иди вперед. Но приобретение или передача истинных знаний требует огромного труда и неимоверных усилий, причем не только со стороны получающего, но и со стороны дающего, Учителя. И если они или вы не обладаете данными качествами, не готовы не только вы, не готовы также и они. Понимаете, о чем я говорю?

— Не совсем, — нахмурился Василий. — Я не жажду иметь Учителя, кем бы он ни был. Что же, нам и посмотреть на Храм нельзя?

— Смотрите, но не ищите «тронных залов» и «усыпальниц», это может закончиться для вас весьма печально.

— Да что вы все заладили...

Матвей жестом остановил друга.

— Мы уходим, Хранитель, хотя мне почему-то кажется, что мы еще встретимся. Как ваше имя?

Хранитель снова улыбнулся.

— Имя — печать Бога, знать его полагается не всем, но вам я скажу: меня зовут Матфеем.

— Тезки, значит, — хмыкнул Василий. — Скажите хотя бы, что это за скульптура перед Храмом... то бишь МИРом? Статуя божества древних пауков?

— Это Сфинкс, — не сразу ответил Хранитель. — Но Сфинкс Арахнидов — отражение системы космологии цивилизации Инсектов. И в то же время это символическое изображение паука. Примерно такое же, но созданное другим семейством инсектоцивилизации, стояло перед Сфинксом Первых Людей в Египте. Точнее, древние строители Сфинкса поставили его перед своим аналогом.

Василий открыл рот и... закрыл, во все глаза рассматривая сложный рельеф скульптуры «инсектосфинкса». Впрочем, Матвей был поражен не меньше, также разглядывая высившуюся неподалеку громаду Сфинкса-паука. Когда очнулся от созерцания, Хранителя в зале уже не было. Он исчез, словно растворился в воздухе или провалился в преисподнюю. Лишь его след — светящееся в ультрафиолете пятно — остался на гладком полу пещеры.

— Дьявол его забери! А тезка твой где? — огляделся Василий. — Что же он не сказал нам, как выбираться отсюда?

— Наверное, считает, что мы догадаемся сами. Что ж, придется отступать тем же путем, вверх и через метро Ельшина.

— Все-таки пешком по шпалам?

— А ты предлагаешь другой выход?

— Сам-то Хранитель как сюда попал? Может быть, поищем? И вообще, раз мы уже здесь, может, все-таки заглянем внутрь этого... МИРа?

— Нет. — Матвей глянул на часы. — Уже десятый час утра, а мы еще выходить отсюда будем часа три, не меньше. Когда-нибудь потом заглянем.

— Тогда давай сейчас хоть перекусим, живот совсем подвело.

Они уселись на полу неподалеку от скульптурного изображения «системы космологии» и съели по два бутерброда с колбасой, запивая соком и поглядывая на удивительный Храм, созданный древними разумными пауками.

Назад из подземелья они выбирались не три, а все четыре с лишним часа, выйдя из ствола секретного метро через пожарно-воздушный колодец недалеко от Московской кольцевой автодороги.

СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ

Художника Сергея Шерхова, автора эмблемы «Чистилища», старой — «СК» и новой — «ККК», муровцам удалось отловить в издательстве «Армада», где художник — фигура колоритная, вальяжная, с бородой и лохматой шевелюрой, обладающая зычным голосом и недюжинной силой, — работал над иллюстрациями серии «Фантастический боевик».

Решено было не ходить вокруг да около, а сразу предложить художнику рассказать, кто являлся заказчиком эмблем. Судя по сведениям, которыми располагал Агапов, Шерхов был прям и прост, как голенище сапога, и говорить с ним надо было на его же языке. Агапов и пошел на контакт в сопровождении командира первого подразделения ОРБ Зелинского, когда «наружка» привела художника, ночевавшего у подруги, в издательство на улице Лавочкина.

Шерхов азартно спорил с кем-то из сотрудников «Армады» (впоследствии оказалось, что это заведующий художественной редакцией), человеком интеллигентного вида, с аккуратной седой бородкой, усами и обильной сединой в волосах.

Агапов, одетый в цивильное и в общем-то смахивающий на творческого работника излишней худобой, болезненным видом и каким-то фанатичным огнем в глазах, подождал, пока спор закончится, и отозвал Шерхова в сторонку:

— Извините, Сергей Борисович, не могли бы вы уделить мне толику внимания?

— А ты кто? — спросил художник, порываясь вернуться к оппоненту. — Если автор, то я сегодня занят.

Агапов, так, чтобы не было заметно со стороны, показал книжечку сотрудника МУРа.

— Чего?! — У Шерхова глаза на лоб полезли, и, чтобы сотрудники редакции не обращали на них внимания, Агапов сделал незаметный жест следовать за ним. Художник, к счастью, повиновался без лишних риторических вопросов, весьма заинтригованный этим приглашением.

Выйдя из здания лицея, где издательство арендовало два верхних этажа, Агапов направился к машине Управления, зная, что Зелинский следует сзади художника и никуда не денется. Но в этот момент произошло непредвиденное: из двух других машин, «Вольво» и «Форда», припаркованных возле входа, выскочили вдруг люди и бросились с двух сторон к Шерхову.

У Зелинского и Агапова реакция была мгновенной, и действовали они соответствующим образом, выхватив пистолеты. Да вдобавок группа оперов Зелинского мгновенно вылетела из-за кустов, из машины и из вестибюля здания. Еще несколько секунд — и грянули бы выстрелы! Но Агапов узнал в одном из нападавших майора контрразведки Семина, с которым был знаком по некоторым совместным операциям, и успел дать отбой.

— Черт, вы что здесь делаете?! — шумно выдохнул майор, переодетый в штатское, как и его подчиненные.

— А вы? — в свою очередь поинтересовался Агапов.

— Мы за этим типом. — Семин кивнул на обалдевшего художника. — Пасем его уже четыре дня.

— Мы тоже.

Майор присвистнул, потом сдвинул брови, махнул своим оперативникам: по машинам.

— Отойдем-ка.

Стоявшие у крыльца мальчики и девочки, учащиеся лицея, ничего не понимая, смотрели на них во все глаза, словно они были участниками репетиции съемок какого-нибудь фильма, и Агапов, решив не портить этого впечатления, крикнул:

— Коля, достаточно на сегодня, съемки начнем после обеда. Всем отбой, главаря — в машину.

Зелинский взял Шерхова под руку и препроводил в «Волгу».

Майор ФСБ непонимающе смотрел на начальника ОРБ МУРа, потом наконец до него дошло.

— Правильно, а то нашумели мы тут... Ну что, полковник? Отдадите нам его сразу или отъедем подальше? Этот художник проходит у нас по делу «Чистилища».

— Как и у нас, майор.

— Тогда звони своему шефу, у него должна быть ориентиров-

ка по верхам: нашей команде дан зеленый коридор по работе с «Чистилищем». Не будем же мы в самом деле устраивать из-за свидетеля петушиные бои.

— Конечно, не будем, — согласился Агапов, умевший быстро соображать. — Отъедем немного отсюда и через пару минут передадим его вам.

— Спасибо, в долгу не останусь.

Майор пошел к своим, и машины ФСБ тут же выехали со стоянки под стеной здания. Агапов сел в «Волгу», бросил шоферу:

— Давай, Митя, жми за ними. — Повернул голову к Шерхову, все еще пребывающему в шоке. — Сергей Борисович, ответьте только на один вопрос: кто давал вам заказ на разработку эмблем «СК» и «ККК», ставших теперь, как всем известно, фирменным знаком «Чистилища»?

Художник открыл рот и закрыл, потерзал свою бороду, взъерошил волосы, снова вернулся к бороде и наконец изрек:

— А какой в этом криминал? Да, я работал над эмблемой, ну и что?

— Ничего страшного, — успокоил его Агапов. — Во всяком случае за это срок не полагается. Но если вы будете скрывать заказчика, тогда другое дело.

«Вольво» и «Форд» впереди свернули к таксопарку, остановились у забора.

— Ну, Сергей Борисович?

— Их было двое, — сказал Шерхов, все еще в сомнении, стоит говорить об этом или нет. — Один — мой знакомый, вернее, однокашник, Паша Сидоров, сейчас он работает в какой-то частной фирме по розыску родственников и наследников. Второго не знаю, но представился он как знакомый Паши. Тихий, бледный, в очках. — Шерхов усмехнулся. — Вылитый ваш брат.

— Вылезайте. — Агапов остановил машину, сделал жест, означающий, что разговор окончен, и Зелинский открыл перед Шерховым дверцу, помогая художнику выйти. — Спасибо за доверие.

— А меня теперь куда?

— Над нами есть птицы более высокого полета. Вами займется федеральная безопасность. Ни пуха...

Шерхов не успел ответить «к черту», как двое «федепасов» взяли его под руки и усадили в «Вольво». Майор Семин кивнул Агапову, и машины уехали. Оперативники МУРа молча смотрели им вслед.

— Ну и что ты по этому поводу думаешь? — спросил Зелинский.

— Кому-то выгодно сталкивать лбами спецслужбы, — задумчиво сказал Агапов, не зная, что слова его — слова провидца. — Поехали докладывать о срыве операции.

— Надо срочно найти Пашу Сидорова.

— Ты же слышал: дело «Чистилища» на контроле в ФСБ.

— Ну и что? «Федепасы» тоже не из непогрешимых, мы и им нос утереть можем.

— Ты мне лучше Соболева найди побыстрей, а то ищешь третью неделю!

Зелинский виновато засопел, но промолчал.

Через полчаса полковник вошел в кабинет Синельникова.

— Слышал уже, — поднял тот голову от стола. — И получил головомойку за вмешательство в дела безопасности.

— Так что, завязываем с «Чистилищем»?

— Официально — да. Но убийства Простатова и Силакова висят и на нас, так что разрабатывать розыск все равно будем.

— Художник являлся реальнейшей возможностью выйти на «Чистилище» быстро и без особых хлопот. Если бы «федепасы» не перебежали дорогу... Кстати, как они узнали о художнике?

— Безопасность свой хлеб ест не даром.

— Может быть, попробуем половить заказчика? Шерхов тут брякнул о своем знакомом, некоем Паше Сидорове. Давай объявим в розыск по всем линейным отделам.

— Милиция — не угрозыск. — Синельников толстыми пальцами размял напряженное отекшее лицо. — Все испортит. Об умственных способностях районных милицейских начальников можно судить по одному такому факту. — Начальник МУРа усмехнулся. — Помнишь, во время войны в Чечне Дудаев был признан государственным преступником и на него объявили розыск? Так вот, после этого фотография генерала появилась в Тамбове на стенде «Их разыскивает милиция» среди фото уголовников и воров. Я там был, лично видел.

Агапов хихикнул, покрутил головой.

— Кроме Тамбова, Дудаеву ну прямо некуда было податься. Ладно, я понял, пойду работать. Знаешь, последовал твоему совету и хожу на массаж: боли в желудке почти прошли!

Полковник встал, пошел к двери.

— Вот что, Юрий Федорович, — окликнул его Синельников. — Есть очень серьезные сомнения относительно того, что Простатова и Силакова убил один и тот же исполнитель. Хотя в обоих случаях найдены «сертификаты» «ККК», киллеры все же из разных контор.

— Почему?

— А ты подумай, почему о «Чистилище» ни в одной газете — ни гугу, а об убийстве начальника ФАПСИ трубит вся периодическая печать? И это несмотря на негласный запрет — о деятельности «ККК» не писать!

— Кому-то выгодно облить «Чистилище» грязью: мол, и оно

совершает ошибки. Но ведь подобное было и раньше с «СК», и ответ «Чистилища» не замедлил себя ждать.

— Вот именно, Федорович. Кто-то провоцирует «чистильщиков» на ответ, кто-то очень высоко сидящий, кому «ККК» — что красная тряпка для быка. — Александр Викторович хмыкнул. — Гляди-ка, заговорил, как поэт.

— Кому-то выгодно и сталкивать спецслужбы, — продолжал Агапов. — И деятель этот действительно сидит на очень высоком троне. Вот бы пошатать этот трон? А?

— Не фантазируй, — проворчал начальник МУРа, — дольше проживешь.

«Чистилище» ответило на вызов, брошенный ему неизвестным организатором убийства начальника ФАПСИ. И уже на следующий день после обвального шквала статей и воплей в печати об «ошибках непогрешимого «ККК» ответ напечатали четыре газеты: «Известия», «Комсомольская правда», «Завтра» и «Россия».

Чего это стоило сотрудникам газет, осталось тайной, достоянием же общественности стали судьбы главных редакторов этих органов: двое подали в отставку, один слег в больницу с инсультом, а редактор «Известий» был найден в кабинете с простреленной головой и пистолетом в руке.

Скандал грянул громкий.

Директору ФСБ и начальнику ГУБО позвонил Генеральный прокурор и ледяным голосом осведомился, доколе еще придется терпеть выходки «Чистилища», после чего пригрозил скорой отставкой, если в ближайшее время главари «ККК» не будут пойманы.

Генеральному в свою очередь позвонил премьер-министр, поинтересовавшись, чем занимается прокуратура и ее следственное управление. Срочно собрался Совет безопасности, на котором с резким заявлением о некомпетентности силовых структур выступил начальник службы безопасности президента. После совещания обратная волна реакций покатилась по всем кабинетам чиновничьей рати, полетели погоны, кресла, должности и даже жизни, потому что, кроме главного редактора «Известий», ушел из жизни еще один человек, спикер Госдумы Денисов Аверьян Сафронович, покончивший жизнь самоубийством: он стоял в списке «Чистилища» третьим после министра обороны и Генерального прокурора.

А заварилась каша из-за того, что заявление «ККК» представляло собой план «работы» «Чистилища» по ликвидации скомпрометировавших себя по уши чиновников, сообщались их подробные биографии, с перечислением дел, поступков и причин, по которым они подлежали уничтожению.

Документ, по сути, вызвал кризис власти в стране, потому что замаранными оказались практически все главные лица государства и высшие сановники, но лишь десятая их часть имела какие-то проблески совести, стыдливости, толкнувшие некоторых служащих уйти с постов, а иных уйти из жизни, застрелившись. Остальные продолжали работать как ни в чем не бывало, прилагая усилия не столько чтобы отмыть черные пятна обвинений, сколько уничтожить силу, осмелившуюся выступить против них, а заодно и кое-кого из конкурентов на пути к большей власти.

На следующий день газеты напечатали опровержение обвинений, предъявленных большинству правительственных чиновников по обвинению в коррупции, хищении государственных средств в особо крупных размерах, строительстве дач за народные деньги... По телевидению долго и нудно выступали члены правительства, министры обороны и внутренних дел, директор департамента строительства и мэр столицы, но скандала замять не удалось. Страна поднялась на дыбы, общественность забурлила, и остановить ее можно было только радикальными мерами.

Некоторые из этих мер были гласными: отставка особо запятнавших себя работников высокого ранга, вплоть до второго вице-премьера, замов председателя верхней палаты парламента и заместителей министра обороны, а также начало усиленной кампании борьбы с преступностью. Но параллельно существовал план особо секретных мер, таких, как отстрел без суда и следствия «чистильщиков», поголовные проверки коммерческих структур и чистка аппаратов силовых министерств с целью освобождения их от предполагаемых «диверсантов и шпионов», работающих на «ККК». То, что при этом могут пострадать невинные люди, чиновников в погонах, как всегда, не волновало. Они жили по старому, проверенному веками принципу: чем выше ранг палача, тем чище у него руки.

Прибавилось дел не только у спецов ФСБ, ГУБО, ОМОНа, милиции и армии, но и у профессионалов Главного управления охраны правительственных структур, вынужденных теперь усиленно охранять перечисленных в плане «Чистилища» высших лиц государства. Окружили себя телохранителями даже мелкие — по масштабам страны, но не по личным амбициям — государственные чины из аппаратов обслуживания президента и правительства, а также депутаты верхней и нижней палат парламента. Многие из них еще не попали в черные списки «Чистилища», но рыльце у них было в пушку, и они приняли превентивные меры.

Докатилась волна судорожного реагирования политиков и до силовых институтов.

Начальнику военной контрразведки позвонил министр обороны и в категоричной форме потребовал закрыть дела по ракет-

ному комплексу С-300 и Управлению военного сотрудничества. Посоветовал он также закончить и расследование убийства генерала Голышева. А когда Никушин попробовал было возразить, министр процедил сквозь зубы:

— Тот факт, Андрей Витальевич, что ваша фамилия не попала в список «Чистилища», еще ни о чем не говорит.

Министр обороны бросил трубку, а Никушин, подержав свою в руке, представил рыхлое, брюзгливое лицо Гусева и улыбнулся. Министра можно было понять: спать ему теперь спокойно, как первому из списка, вряд ли удавалось.

— Что он сказал? — поинтересовался находившийся в кабинете полковник Холин.

— Пригрозил, что если не прикроем дела по С-300, а главное — по Голышеву и Тлеубаеву, то я попаду в другой черный список.

Холин помолчал.

— Может быть, спустим дела на тормозах? Гусев просто так грозить не станет, это серьезно.

— Нет, будем работать, как работали, я уважать себя хочу, а не бояться угроз министра. Или «Чистилища».

— Тогда хотя бы возьмите обойму телохранителей; пока не спадет весь этот ажиотаж или пока не...

— ...не уберут министра, так?

Холин серьезно кивнул.

— Примерно так. Гусев хочет прикрыть утечку «дыроколов», потому что Голышева убили из НК, а это значит, что он — главный инициатор продажи наших новейших видов оружия.

— Ты об этом вслух нигде больше не распространяйся, полковник, кроме моего кабинета... если хочешь жить. Гусев не сдастся, тут ты прав, не тот он человек, и даже «Чистилищу» взять его будет непросто. А что касается охраны... нет в мире защитного средства против личного телохранителя! Я о себе лучше сам позабочусь.

— Тогда как же выйти из положения?

— Как шутил мой отец: «Единственный выход из положения — это роды...» Ты Соболева нашел? Что он так долго решает, когда даст ответ?

— Я съезжу в Рязань еще раз, если понадобится — привезу его силой. В запас Соболева никто не увольнял.

— Ну-ну, не перестарайтесь только. Парень должен быть с нами, каша заваривается такая, что скоро грянет война спецслужб, в которой выживет сильнейший. Да и нам, когда размотаем главные дела, понадобятся перехватчики.

— Да, скандал с этим списком разгорелся сильнейший! — Холин кивнул на злополучный номер «Известий» с информацией

«Чистилища». — А верхам хоть бы что! Утерлись, сделали вид, что все идет нормально, и снова за прежнее. Их разве что атомной бомбой взять можно, и вряд ли «Чистилище», несмотря на заверения, доберется до верха пирамиды.

— Боюсь, доберется.

— Почему боитесь?

— Потому что тогда к власти придет «СС», то есть Сверхсистема мафиозно-государственного толка, и это будет конец демократии, свободы, духовности и личности. К власти придет сверхтоталитарная машина, которая не позволит никому слова сказать против.

— Ну, тут вы уж перегнули, Андрей Витальевич, времена Сталина прошли.

— Кто знает... Дай Бог, чтобы я был не прав!

СОПРОТИВЛЯТЬСЯ НЕЦЕЛЕСООБРАЗНО

В почтовом ящике Матвея ждало письмо от Лиды. Сестра сообщала, что ей сократили срок пребывания в тюрьме и через полгода выпустят. Просила еще разок приехать, навестить детей, но более всего радовалась, что ее Леонид приехал к ней с передачей и навещает теперь ее регулярно. Сдвинулось, видно, что-то в душе мужика: не то жену пожалел, не то детей... не то себя, подумал Матвей, дочитав письмо. На перевоспитание шурина он не особенно надеялся, помня известное высказывание Эйнштейна: «Я не верю в перевоспитание других».

Попозже съезжу, подумал Матвей, пусть немного улягутся страсти и здесь, и там.

Приняв душ, он позвонил на работу и узнал все новости лично от Афонина. Сергей Сергеевич, судя по голосу, был бодр и доволен судьбой.

— Мы тут посовещались, — сказал он, — и решили повысить кое-кому жалованье. В том числе и тебе — в два раза. Не возражаешь?

— Другой бы на моем месте возражал, а я так нет, — засмеялся Матвей. — Фирма не разорится?

— Не должна, все-таки мы делаем полезные дела, да и перспективы весьма заманчивы, иначе известные тебе лица не стали бы наезжать.

— А как прошел день?

— Все тихо, твои хлопцы ведут себя выше всяческих похвал. Кудёму я отпустил на неделю, пусть придет в себя, нехорошо ему. Все! До завтра.

Матвей пожелал в душе Кудёме и его семье пережить горе и залез в свой компьютерный уголок для систематизации полученных сведений. Затем полчаса позанимался со снарядами и, еще раз постояв под душем, лег спать.

Сон «эзотерической формулы» приснился ему, как всегда, под утро.

Снова перед глазами развернулась панорама Древнего Египта, наблюдаемая как бы с высоты птичьего полета. Только на сей раз Соболеву дали посмотреть окончание строительства Сфинкса напротив еще более древнего сооружения Инсектов, в котором Матвей с изумлением узнал изваяние, увиденное им с Василием в пещере под дачей Ельцина. Разве что размеры этой «скульптуры», соединявшей в себе, по словам Хранителя Матфея, изображение системы космологии Инсектов и символическую фигуру строителей-пауков, на порядок превосходили свой аналог в пещере.

Скульптура была так сложна и гармонична, что голова кружилась от долгого ее рассматривания, а в душе росли суеверный страх и безмерное благоговение перед мастерством ее создателей. Но и Сфинкс поражал не меньше, особенно тем, что был, во-первых, шестилапым и крылатым, во-вторых, соединял в себе черты человека, льва и... насекомого! И строили его также полулюди-полульвы-полунасекомые. Предки иерархов, вспомнил Матвей предыдущий сон. Таким образом, инфарх и его спутница — прямые потомки древнейших людей, являвшихся в свою очередь потомками метаморфически изменившихся насекомых. Интересно, каких? Пчел, муравьев, термитов, пауков?..

— Блаттоптера, — прошелестел в ушах бесплотный голос.

— Что?! — Матвей был шокирован. — Тараканы?! Мы — потомки тараканов?!

— Увы — это так, сомневающийся. — Матвей не узнал голос, не похожий ни на голос инфарха, ни Монарха, ни Тараса Горшина. — Род человеческий возник благодаря эксперименту Монарха, изменившему генетическую программу Блаттоптера. Кстати, самого воинственного семейства из всех древних семейств Инсектов и самого многочисленного. Правда, после Изменения количество видов Блаттоптеридов сократилось до четырех тысяч, а человечество выделилось в отдельный отряд, который люди ничтоже сумняшеся отнесли к млекопитающим.

— Я никогда... не знал... не думал...

— Еще бы! — В голосе невидимого собеседника прозвучали нотки сочувствия. — Человек — царь природы, венец эволюции! — и вдруг потомок самого мерзкого из насекомых — таракана! Фу!

Матвей понял, что над ним насмехаются, но не обиделся — слишком неожиданна была свалившаяся на голову новость.

— Почему произошло Изменение? Кто его спровоцировал: законы природы или разумная сила? Верны ли сведения, данные в книге русского философа Успенского?

— Отчасти. Подготовила Изменение разумная сила, диктующая в нашей части Вселенной законы природы.

— Кто? Арахниды? Апоиды-пчелы, формикоиды?

— О нет, вообще не Инсекты. Эту силу можно назвать Аморфами. Когда-нибудь вы получите исчерпывающую информацию об Изменении и его причинах, если захотите пройти Путь Истины до конца. А вот выбор Пути — за вами.

— Я хотел бы уяснить себе причины Изменения.

— Объяснения потребуют усилий и времени.

— Я не тороплюсь.

Фокус видения панорамы строительства несколько сместился; теперь Соболев видел, что тот, чьими глазами он смотрит на Сфинкса, стоит на громадной летающей конструкции, напоминающей плоский ажурный блин.

— Кстати, — спохватился Матвей, — почему у Сфинкса, сохранившегося до наших дней, всего четыре лапы и нет крыльев?

— Его изуродовали еще до фараоновой волны достраивания пирамид жители континента второй волны людей, уже мало похожих на львов. Историю переделывали не однажды, не только в двадцатом веке.

— Извините, с кем я имею честь общаться? Чья линия связи пересекла мой сон на этот раз?

Невидимый собеседник Соболева рассмеялся, луч зрения сместился еще, и Матвей увидел рядом существо, в котором нетрудно было угадать современника строителей Сфинкса. Разве что он был больше похож на человека современного. Лицо же этого удивительного существа так напоминало лицо Светлены, инфарха, Будды и Тараса Горшина, что Матвей невольно подался вперед.

— Вы... инфарх? Или Тарас?!

Незнакомец в странном балахоне, отливающем шелковистой зеленью камня, снова рассмеялся.

— Как вы любите определенность! Нет, я не Тарас. И сон ваш — не пересечение линий связи других реальностей между собой, а прямая трансляция.

— Чья?!

— Людей Внутреннего Круга. Мы считаем... к сожалению, не все, что вам эта информация пригодится в будущем. Но я не живое существо, а лишь проекция реального существа на ваше подсознание. По сути, вы разговариваете сами с собой.

Помимо воли Матвея фигура его визави отвернулась от собе-

седника, и он снова с содроганием увидел прекрасное, чуть ли не живое лицо Сфинкса и жуткую скульптуру перед ним. Строительство продолжалось в том же темпе, были уже готовы крылья и круп, оставалось сделать только лапы.

— Самое первое чудо света! — невольно подумал Матвей.

— О да, — согласилась «проекция» человека Внутреннего Круга. — Культуры Инсектов достигали в свое время очень высокого уровня, целиком основанного на интеллектуальных соображениях пользы и выгоды. Без мистики, эзотеризма и воображения. Они осуществили порядок вещей, полностью подчиняющий индивида интересам общества, то есть заблокировали всякую возможность развития личности.

— Из-за этого Аморфы и сделали Изменение?

— Браво! Вы догадливы! В общем, да, из-за этого. Культуры Инсектов — все, без исключения! — стали культурами разрушения, культурами методов и средств насилия над личностью... как, к слову, и человеческая цивилизация. Так что не исключено, что когда-нибудь произойдет новое Изменение.

— И человечеству придет конец!.. Если только Монарх не заступится и не проведет частный эксперимент по трансформации вида хомо сапиенс. Но... постойте! Как же Монарх смог предотвратить Изменение древних тараканов, если он сам является их потомком?

— Кто вам такое сказал? Монарх — не человек и не иерарх, он — один из Аморфов, может быть, самый первый из них... и последний.

— Неужели это... правда?!

— Истинный крест!

— А я считал его... О Господи! Теперь понятно, почему он за гранью Добра и Зла. И все же мне неясно, почему Аморфы решили провести Изменение.

— Приведу лишь один пример. В термитнике «боги» управления превратились в ненасытных чудовищ: чем больше им давали, тем большего они требовали — до тех пор, пока индивид не становился абсолютно нищим, больным и в конце концов не уничтожался. По сути термитник — прообраз фашистского концлагеря. Подобная тирания не имеет аналогов в мире даже среди остальных насекомых. Люди, к счастью, с концлагерями покончили, у них благами цивилизации пользуются хотя бы приближенные к царям и правителям, а в термитнике, каким бы красивым и гармоничным он ни выглядел, — никто! Впрочем, это не главная причина Изменения. Основная вина Инсектов — создание методов разрушения и насилия, колеблющих все Мироздание! Каждый род разумных насекомых создавал свой специфический вид оружия, и в конце концов их вечные конфликты...

— Привели к нарушению сложившегося равновесия! Понятно. Уфф! Ради одного этого открытия стоит отдать полжизни! Спасибо за информацию. Но тогда получается, что после Изменения оружие Инсектов... сохранилось? Не его ли берегут Хранители, Люди Внутреннего Круга, опекающие Храмы, то есть Модули Иной Реальности?

Собеседник Матвея перестал излучать доброжелательность.

— Вас это особо интересует?

— Я размышляю, и только.

— Мне бы не хотелось рассуждать на эту тему.

Матвей почувствовал возникшую неловкость, но причины ее не понял.

— Простите, мне хотелось бы кое-что выяснить, прежде чем вы отключите свою «линию трансляции». Почему Монарх всегда вычисляет меня, где бы я ни находился?

— Разве вы еще не знаете? Экзосоматическая система человека, его так называемая «душа», — многомерное образование, в отличие от тела, биологической структуры-носителя, трехмерного следа этого образования. Тело необходимо экзосоматической структуре лишь для материально-энергетического снабжения и контакта с данной реальностью. Ваши сны, между прочим, есть прорыв сознания в многомерность. Так вот, Монарх просто-напросто *видит* часть вашей «души» в своей реальности. Как верхушку айсберга, если будет позволительно сравнение. Когда вы овладеете методами психофизической экранировки своей экзосоматики, он перестанет вас лоцировать и находить.

— Но как этому научиться?

— А это уже ваши проблемы, идущий. Всего доброго.

Матвей рассеянно кивнул, созерцая удивительное лицо Сфинкса, говорившее о другой жизни, другой истории, о совершенно ином сознании, превосходящем обычное человеческое, об эмоциях, недоступных людям. И вдруг понял, что Сфинкс — вовсе не олицетворение Вечности, а олицетворение Преемственности Разума! Именно поэтому его построили напротив такого же «сфинкса», но — цивилизации Инсектов, далекой и, как оказалось, очень близкой по параметрам к человеческой.

— С другой стороны, Сфинкс — попытка изображения трехмерного времени, — сказал почему-то не ушедший собеседник. — То есть как бы его человеческий вариант, потому что перед ним — истинная фигура трехмерного времени! Реализованная Арахнидами. Соединившая в себе космологическую систему мира с изображением самого носителя разума Инсектов — Арахнида, достигшего наибольшего расцвета сотни миллионов лет назад.

И собеседник Матвея исчез — Соболев почувствовал это сразу, словно выключили свет в комнате и наступила темнота...

Матвей проснулся, полежал, по обыкновению привыкая к своему телу и обстановке, сел на кровати. Информация, полученная во сне, осталась в памяти вся до мелочей, и это говорило о полном восстановлении функций той самой «экзосоматической системы», о которой говорил недавний гид Соболева из сна. Поздравляю, сказал сам себе Матвей, чувствуя душевный подъем. Кажется, в стане иерархов наблюдается разлад и кое-кто хочет мне помочь, несмотря на запреты инфарха. Интересно, если он узнает, что предпримет? «Отключит» от верхних этажей астрала? Вообще... пришибет или только пожурит?

Но зачем иерарху-гиду понадобилось выдавать себя за человека Внутреннего Круга? Чтобы инфарх его не вычислил?

Во время завтрака мысли крутились возле этого вопроса, но потом вспомнилась студентка мединститута девушка Ульяна, и Матвей решил наконец расставить точки над «i»: не откладывая дела в долгий ящик, выяснить, каким образом она узнала о засаде в квартире Соболева.

Полдня Матвей решал проблемы снабжения и обучения своего подразделения в фирме, а в обед поехал в институт.

Ульяну Митину удалось найти без особых трудов: ее группа слушала лекцию по истории нетрадиционной медицины в аудитории на втором этаже. Когда лекция закончилась и девушка, выбежав с подругами, увидела Матвея, она от неожиданности обомлела, потом лицо ее покрылось бледностью, а потом буквально расцвело: она обрадовалась, хотя испуг в ее глазах так и остался.

— Вы?!

— Апостол Павел. Обещал — нашел. У вас есть пара минут для меня?

— Следующая лекция через двадцать минут, но я могу на нее и не пойти.

— Тогда давайте пообедаем где-нибудь, я есть хочу.

— Сейчас. — Ульяна отбежала к подругам, с любопытством поглядывающим на Соболева, о чем-то поговорила с ними и вернулась. — Я готова.

На улице шел дождь, но это не помешало им доехать до кафе — Матвей был на машине. Остановились на «Лакомке», новом молодежном кафе на площади Горького, где Матвей уже однажды бывал.

Изучив меню, заказали жюльен из шампиньонов, испанский омлет, начиненный картофелем, грибами, помидорами и перцем, баранину под соусом и флан — кусочки апельсинов, политые апельсиновым ликером и посыпанные корицей. Ничего по-

добного Ульяна и своей жизни не пробовала, кроме разве запеченных грибов, и доверилась вкусу сотрапезника безоговорочно. Видно было, что она стесняется и не знает, как себя вести, однако Матвею удалось быстро преодолеть барьер скованности, и разговор получился непринужденным и легким. Правда — до тех пор, пока не возник вопрос о засаде. Глядя, как меняется обаятельное девичье лицо, как оно темнеет и хмурится, теряя оживленность и жизнерадостность, Матвей уже пожалел, что задал его.

— Не хочешь — не отвечай. — Он накрыл ладонью руку Ульяны. — В конце концов, я просто хотел поблагодарить тебя за предупреждение. И еще ты очень похожа на... одну мою знакомую фею.

Ульяна не улыбнулась на «фею», настроение у нее испортилось окончательно, на глаза навернулись слезы.

— Да что с тобой? — озадаченно проговорил Матвей, переходя на «ты». — Может, тебе кто угрожал? Чтобы ты ничего никому не рассказывала?

Ульяна судорожно кивнула, не поднимая глаз, нервно облизнула губы.

— Ты не поверишь...

Матвей достал из ее сумки платочек, присел рядом с ней на корточки, мягко промокнул глаза, одновременно передавая девушке успокаивающий импульс, раппорт, как говорят психиатры[1].

— Ну вот, все в порядке. Почему же не поверю?

— Потому что Зойка... это моя подружка, считает, что я порой раздваиваюсь... ну, в меня как бы вселяется злой дух... а иногда и добрый...

Девушка подняла глаза, и Матвей поразился перемене: в глубине глаз Ульяны мерцала робкая надежда на понимание и печаль смирения.

— Рассказывай и ничего не бойся. Во всяком случае психбольницей я тебя стращать не буду.

Рассказ девушки длился недолго: в принципе и рассказывать-то было особенно нечего.

С недавних пор — месяца два назад — ее стали посещать странные видения, она видела целые серии снов, в которых с ней разговаривала какая-то невиданной красоты женщина. Самих снов она не помнила, но смысл их уловила: она должна была найти какой-то Путь и заменить кого-то, может быть, эту самую женщину. Но изредка какие-то подробности сна ей запомина-

[1] Раппорт — связь индуктора с перципиентом, наведенная передача.

лись и служили как бы командой, как в случае с Матвеем: незнакомый прежде голос приказал ей в определенное время найти Матвея Соболева и передать ему, чтобы тот остерегался засады...

Ульяна закончила тягостное для нее признание и посмотрела на спутника с тайным страхом: поверил ли?

Матвей кивнул. То, что переживала Ульяна, называлось наведенными психофизическими состояниями. В жизнь девушки вторглась чья-то воля, а сны ее были вызваны проникновением информации из других реальностей. В ее сознание входить могла и Светлена, и другие иерархи, один из которых — не Тарас ли Горшин? — предупредил о засаде, а второй — не Монарх ли? — приказал ни во что не вмешиваться. Нет, скорее не Монарх, а инфарх. И защититься от вторжений в свою психику Ульяна не могла.

Как мог, Матвей утешил свою новую знакомую, снова и снова поражаясь тому, как девушка похожа на Светлену, да и на Кристину тоже, однако окончательно успокоить ее, не сообщая всех подробностей своей личной жизни, не смог. Тем не менее она почувствовала себя гораздо лучше, а прощаясь, на виду у всех поцеловала Матвея, вызвав у того целую бурю воспоминаний и легкий укол совести: его тянуло к этой простой девчонке, привязанной к нему аурой тайных чувств и сопереживаний.

Договорились встретиться через день, чтобы еще раз обсудить сны Ульяны и способы защиты от них. Но в душе Матвей понимал, что мог бы отправиться на свидание и без всяких причин, несмотря на чувство долга и отношения с Кристиной. Вполне могло быть, что и на его подсознание действовали чьи-то чары — на более тонком уровне, заставляющие его думать об Ульяне чаще, чем позволяла ситуация, но мысль мелькнула и ушла, задавленная благими намерениями «разобраться во всем этом позже».

Вечером Матвей ужинал у Сумароковых, с удовольствием позанимавшись перед тем со Стасом по математике. Кроме того, мальчишка показал новый прием, который разучивал с Василием Балуевым, а Бася Яновна не уставала рассказывать, с каким упорством парень разрабатывает колено, повторяя физические упражнения по два часа в день.

Кристина поглядывала на Матвея с неким тайным интересом, словно догадывалась о появлении раздвоенности в его душе: интуиция у нее в последнее время явно обострилась, однако о своих подозрениях она не произнесла ни слова.

Стас ушел в свою комнату рано, у него там стоял неплохой игровой компьютер «Касио». Разошлись по спальням старшие Сумароковы, а Матвей с Кристиной продолжали тихую беседу за журнальным столиком, освещенным зеленоватым светом торшера. Постепенно стушевался в памяти, отступил в теплую грустную темноту образ Светлены, спутницы инфарха, уже начавший

ассоциироваться с образом Ульяны Митиной. Рассеялись сомнения и сожаления. Они снова были вместе и переживали миг единения почти с одинаковой эмоциональной наполненностью.

Кристина была одета в длинное коричневое платье, закрывающее ноги до щиколоток, но Матвей видел ее фигуру такой, какой она была до их первой встречи, и девушка отлично понимала значение его взглядов, только лицо вспыхивало в ответ на них.

— Давно я не чувствовала себя так уютно, — тихо проговорила Кристина. Провела пальцем по глянцевой глади столика, отражавшего торшер и какие-то блуждающие звезды. — Смотри, там другая вселенная...

— «В границах столика текла иная жизнь»[1], — продекламировал Матвей с улыбкой. И вдруг понял, что в душе Кристины плавятся совсем иные чувства, и ее спокойствие — результат волевой настройки, а не настоящее переживание. Кристина подняла на него глаза, поняла его медленное прозрение, и глаза ее наполнились слезами.

— Извини, я не хотела... но снова впереди что-то темное надвигается на нас, я чувствую... Неужели наши беды никогда не кончатся? Зачем я уезжаю, Соболев?

Матвей налил в бокал минеральной воды, протянул девушке, выпил сам. Глаза его засветились голубизной горного неба, в их глубине сквозь мрачную уверенность всплывала нежность.

— Ты мне веришь?

— Верю, но... зачем я тебе, Соболев? Ты меня любишь, я вижу, но что-то все же мешает тебе быть моим до конца... Что? Может быть, дело во мне? Ведь я самая обыкновенная земная женщина, а ты почти человек Круга... Я понимаю, женщина должна быть для мужчины одновременно женой, любовницей, другом, сестрой и матерью... Чего во мне не хватает?

— Жены, — коротко ответил Матвей, подхватывая Кристину на руки и поражаясь, какой она стала легкой...

В третьем часу ночи она тихонько коснулась губами его щеки, прошептала:

— Тебе звонил врач, Парамонов, просил зайти... Извини, я забыла сказать сразу.

Матвей открыл глаза.

— Когда?

— Зайти надо было еще вчера, у него к тебе какой-то важный разговор. Но ты приехал поздно... И еще он просил передать, чтобы ты поберег своих друзей.

— Так и сказал? — Матвей рывком сел, внезапно понимая,

[1] Хорхе Луис Борхес.

что опоздал со своим решением увезти Кристину и Стаса от греха подальше. Включил свой биоканал связи с астралом, перешел в меоз. Но было уже действительно поздно: вокруг дома замкнулось кольцо окружения (профессиональная ориентация, классная подготовка, мощное вооружение) и у двери квартиры уже затаилась наготове головная ударная обойма.

— Что? — встревожилась Кристина, научившаяся понимать его состояние.

— К нам гости, — так же тихо ответил Матвей. — Лежи, из комнаты не выходи ни под каким предлогом.

Он не знал, чье подразделение пришло за ним, поэтому не стал прорываться с боем на улицу, уводя перехватчиков за собой, не стал и прятаться. И в том, и в другом случае гарантий, что не пострадает семья Сумароковых, не было. Оставалось ждать, выяснять причины задержания и действовать в зависимости от ситуации.

Быстро одевшись, от прикинул свои возможности и сделал шаг, заставивший растеряться командира группы, пришедшей за ним. Открыл дверь, сказал в темноту лестничной клетки:

— Заходите, поговорим. Только не разбудите моих родственников. Я безоружен и сопротивляться не намерен.

За дверью послышалось какое-то движение, возникла небольшая заминка, потом в квадрат света ступил невысокого роста мужчина средних лет в плаще и берете, и Матвей узнал давешнего генерала Первухина из Управления специальных операций Федеральной службы безопасности. От сердца немного отлегло: Матвей ждал более «крутых» и беспощадных гостей.

— Ждите, — сказал генерал кому-то за дверью.

— Но, товарищ генерал... — попробовали там возразить.

— Ждите распоряжений, я сказал! — Первухин шагнул в прихожую, закрыл за собой дверь, взглядом спросил у хозяина, куда пройти. Матвей отступил, жестом приглашая гостя на кухню.

— Чай, кофе?

— А не поздновато?

— Скорей рановато, — сказал Матвей, глянув на часы: шел четвертый час ночи. — Что вам нужно?

— Мы за вами, Матвей Фомич. Начальство приказало доставить вас в контору независимо от того, согласны вы работать на нас или не согласны. Сопротивление нецелесообразно, дом окружен.

Матвей хотел сказать, что вряд ли угроза возымела бы действие, будь он один, но передумал.

— Хорошо, едем. Только предупрежу... э-э... жену и сделаю один звонок.

— Не стоит никуда звонить.

Матвей с иронией посмотрел в глаза генералу, и тот, прочитав во взгляде Соболева добрый совет не вмешиваться, решил не перегибать палку.

Из спальни вышла Кристина в халате, придерживая полу, увидела в коридоре возле двери незнакомого человека, вздрогнула, поздоровалась. Начальник Управления спецопераций вежливо поклонился.

— Что ему надо? — прошептала она, продолжая вздрагивать, обняла Матвея, набиравшего по телефону номер Балуева.

— Я уезжаю. — Матвей обнял ее другой рукой. — Все в порядке. Встретимся через пару дней, я приеду к вам.

— Не хочу... ехать в Тамбов. — Шепот девушки был еле слышен. — Что я там буду делать? Я же с тоски умру!..

— Слушаю, — раздался в трубке голос Василия.

— Действуй как договаривались, — коротко сказал Матвей. — За мной пришли федералы. Если через два-три дня не позвоню...

— Я знаю, что делать. Будь спок, Соболь, сделаю все в лучшем виде. Может, я отвезу их к своим старикам в Воронеж?

— Нет. — Матвей едва успел повесить трубку, как телефон зазвонил, заставив вздрогнуть не только Кристину, но и Матвея.

Это была Ульяна.

— Матвей, не соглашайся... не соглашайтесь на их условия! Не надо работать на ФСБ... Вы меня слышите?

— Слышу. — Матвей покосился на сделавшего к нему движение генерала Первухина, поднял руку в успокаивающем жесте. — Откуда звонишь?

— Неважно... Не соглашайтесь на их условия, будет плохо... всем будет плохо! — Девушка задохнулась, так как очень спешила и говорила быстро. — И вообще не вмешивайтесь в их разборки, попадете между молотом и наковальней... слышите?

— Слышу, все будет нормально.

В трубке раздался щелчок, затукали гудки отбоя.

Матвей положил трубку, сказал равнодушно:

— Со службы, сигнализация сработала.

Он поцеловал Кристину и первым шагнул за порог.

КОНКУРЕНТЫ

Они встретились на квартире Ельшина — бывший генерал ФСК и маршал-босс Сверхсистемы Лобанов.

Сопровождали Олега Кареновича всего четыре телохранителя, но это были профессионалы очень высокого класса, не уступавшие по кондиции ни мастерам спецподразделений ФСБ, ни перехватчикам военной контрразведки. Двое из них когда-то ра-

ботали в Управлении «Т» Федеральной службы безопасности в качестве киллхантеров — специалистов по захвату и ликвидации самих перехватчиков и террористов, и вообще специалистов рукопашного боя.

— Хороши ребятки, — одобрительно кивнул на двух телохранителей Ельшин; парни, одетые в строгие темные костюмы, вошли в квартиру, оперативно проверили комнаты и вышли на лоджию, чтобы не мешать разговору; двое других остались на лестничной площадке.

— Не жалуюсь, — равнодушно ответил Лобанов, с долей брезгливости глянув на одутловатое лицо бывшего генерала. В последнее время Ельшин много пил.

— Примешь чего-нибудь? — Прихрамывая, Генрих Герхардович прошел к бару, достал бутылку кьянти, рюмки. Лобанов сел, пристально наблюдая за трясущимися руками хозяина, потом глянул на его ногу, на бугристое лицо и впервые ощутил нечто вроде жалости. Досталось Ельшину крепко: когда на разгромленную дачу прибыли поднятые по тревоге подразделения ФСК, а также милиции и ОМОНа, генерала нашли без сознания под грудой обломков стены. У него были сломаны ребра, нога, рука и челюсть!

После лечения все срослось, но хромота до конца так и не прошла, да и левая рука двигалась плохо, а собранная по кусочкам челюсть не позволяла ему ни улыбаться, ни внятно разговаривать. Под суд генерала не отдали из-за отсутствия улик, хотя и приятелей в прокуратуре у него было более чем достаточно, но со службы ему пришлось уйти.

— Как тебе заявление «Чистилища»? — Ельшин выпил рюмку, налил еще. — Небось, в высоких сферах все на ушах стоят?

— Да, скандал разгорелся изрядный, — согласился Лобанов, смакуя маленькими глоточками коньяк. — Предпринимаются беспрецедентные меры по охране перечисленных в «плане» высших должностных лиц, однако у меня складывается впечатление, что для «ККК» это обстоятельство не послужит препятствием. Все ждут, затаив дыхание, чем все это закончится, с кого они начнут. А ты как думаешь?

— Да никак! Мне наплевать. Ты мне только Соболева найди... Что, пока еще никаких результатов?

Лобанов допил коньяк, пососал ломтик грейпфрута.

— Пока нет, но в Рязани кто-то снова «наехал» на Маракуца. Второй раз за последние две недели! Мне кажется, это дело не обошлось без участия твоего приятеля Соболева. Я уже послал туда команду.

— Что ты все возишься со своим Маракуцем? Зачем он тебе?

— Вопрос нехитрый, ответ еще проще: если депутаты и пра-

вительство в самом деле решат перенести столицу в Рязань, у меня там уже все будет схвачено.

— Глубокий расчет, ничего не скажешь. Но это еще в далекой перспективе, а в данный момент не упусти мне Соболева. Он профессионал такого класса, что... — Ельшин усмехнулся, потрогал челюсть, глаза его на миг остекленели, и проступила в них такая ненависть, что Лобанов поежился. — Учти: справиться с ним обычными методами почти невозможно, поэтому лучше всего подорвать его на расстоянии, в машине... но только так, чтоб живой остался. Или же примените «спецуху» вроде «глушаков» и «болевиков».

— Не волнуйся, мои охотники дело знают. Если не секрет, зачем он тебе?

Пальцы Ельшина скрючились, будто он тянул руки к горлу своего ненавистного врага, голос сел.

— Я его... по жилочке тянуть буду... по кусочку резать... чтоб долго жил и мучился...

— Зачем же его резать? Есть специальные инструменты, тот же «болевик» периферических модификаций, воздействует на отдельные органы. Ну да ладно, ты меня убедил, доставим тебе твоего обидчика. Но давай-ка и ты будь откровенным до конца. Кто тебе помогал во времена твоего... м-м... царствования? И зачем ты потащил меня на свою дачу?

Ельшин одну за другой выпил две рюмки коньяку, налил третью, глянул на Лобанова, наблюдавшего за ним с брезгливым пренебрежением.

— Лучше бы тебе ничего не знать... Принеси мне голову Соболева и будешь иметь все, что имел я.

— Не пойдет, Генрих. Я и так имею больше, чем имел когда-то ты. Выкладывай все, что знаешь, иначе...

— Что иначе? — Ельшин побагровел. — Ты... мне... угрожаешь?!

— Ну что ты, дорогой, какие угрозы? Во-первых, мы друзья, во-вторых, угроз достоин равный.

Ельшин засопел, взгляд его на мгновение стал трезвым, острым, ненавидящим, потом глаза снова подернулись дымкой осословелости.

— Равный, говоришь? В свое время я таких проколов не делал.

— Что ты имеешь в виду?

— Зачем вы убили Силакова, начальника ФАПСИ? Ведь все равно никто не поверил, что это дело рук «чистильщиков».

Лобанов поморщился, долгое время не отвечал.

— Согласен, поторопились. Хотя, с другой стороны, «ККК» просто успела себя прикрыть публикацией своего «килл-пла-

на». — Олег Каренович улыбнулся. — Знал бы ты, что сейчас творится в верхах! Одно удовольствие наблюдать. Но ты не совсем прав с оценкой ситуации. Теперь, после объявления войны коррумпированной власти, у нас развязаны руки, под шумок мы уберем всех строптивцев, неугодных партнеров и конкурентов. А свалим все на «Чистилище». И пусть разбираются компетентные органы, чьих это рук дело. Кстати, чтобы выжить самим, им проще будет свалить все на «КК» и начать с ним войну.

— Хитро...

— Мои аналитики тоже умеют работать. Но к делу, Генрих! У меня есть время, но нет терпения.

Ельшин хмыкнул, глянул на гостя тем же трезвым, горящим взглядом.

— Вряд ли ты поверишь... но изволь. — И бывший генерал рассказал свою историю знакомства с Конкере, Монархом Тьмы, закончившегося удивительным партнерством, которое привело к не менее поразительному взлету карьеры контрразведчика к высотам власти.

Лобанов выслушал рассказ молча, ни разу не перебив хозяина. Только изредка прихлебывал коньяк, заедая ломтиками грейпфрута и лимона. Молчал он и после того, как Ельшин закончил свое повествование.

— Ну, получил? — с издевкой спросил Генрих Герхардович, глотком опорожняя очередную рюмку. — Я бы на твоем месте тут же вызвал санитаров.

Лобанов не ответил. Он знал Ельшина давно, лет десять, и видел, что тот искренне верит в только что рассказанную историю. Любой здравомыслящий человек, наверное, и в самом деле подумал бы о приступе шизофрении, однако Олег Каренович не зря заканчивал два института и в оккультные теории не то чтобы верил, но и не отвергал их.

— Значит, говоришь, на Монарха твоего можно выйти из бункера под дачей? Почему только оттуда, если ты вызывал его через компьютер? А если попробовать через другой персональный комп?

— Я пробовал, но то ли нужна более мощная машина, то ли необходимо учитывать какие-то другие факторы. Например, расположение компьютера, наличие канала связи с соответствующими сетями... черт знает что еще!

— Разве ты не знаешь этих особенностей?

— Я проник в тайну бункера случайно, когда он был уже оборудован должным образом. Мне и в голову не приходило спросить Конкере, почему его можно вызывать только оттуда.

— Жаль. — Лобанов встал. — Вспомнишь еще что, позвони. Какой комп там, говоришь, у тебя стоял?

— «Конан».

— Ого, мощная штука! Таких есть только две на всю столицу! Через пару дней попробуем проникнуть на дачу еще раз, но мне надо еще будет подготовиться. А Соболева мы тебе привезем, генерал, живого или мертвого. Спи спокойно.

Маршал «СС» вышел, за ним выскользнули телохранители. Ельшин помянул черта и выпил еще одну стопку коньяку. Посмотрел сквозь бутылку мутнеющим взглядом, взболтал остатки жидкости, опрокинул в рот.

— «Спи спокойно!..» — передразнил он очень похоже Лобанова, вдруг преисполнившись какой-то мстительной радости. — Ты сначала, мой милый, достань его, а потом корчи из себя босса... Если уж я не сумел его остановить...

Юрген уже привык, что, как только он задумает расслабиться у своей подруги, сразу возникает проблема, которую надо срочно решать. Так было и на этот раз: телефон зазвонил именно в тот момент, когда полковник только снял штаны.

— Холера его задави!

— Отключи телефон! — жарко посоветовала подруга, прижимаясь к нему всем телом.

Юрген разнял объятия, подвинулся к краю кровати и снял трубку. Звонил министр обороны:

— Давай ко мне.

— Это срочно? Может, лучше утром, на свежую голову?

— Бабы подождут. — Гусев отключился.

Юрген посмотрел на трубку, плюнул на нее, задумчиво вытер о простыню, бросил на аппарат. Спустил было ногу на пол, но глянул на ждущее роскошное тело и потянулся к груди женщины, подумав: «А ни хрена с тобой не сделается, генерал! Лучше ты подожди...»

Через полчаса, наскоро облившись в душе водой, он гнал через город в контору, не обращая внимания на светофоры и посты ГАИ, которые знали, что джип «Чероки» цвета ультрамарин принадлежит Министерству обороны, и не реагировали на лихача.

Несмотря на поздний час, министр работал. Кивнул возникшему в затемненном кабинете полковнику на стул.

— Позволяешь себе опаздывать? Ну-ну... Давай обсудим кое-какие детали завтрашней операции.

Юрген закурил, сел поудобней. Слушал. На вторник двадцатого сентября было запланировано покушение на Никушина, имеющее целью припугнуть строптивого контрразведчика, влезшего без спроса на чужую территорию.

— Взрыв надо устроить так, чтобы телохранитель погиб, — продолжал Гусев, — а шофер остался жив, он наш человек. Это первое. Второе: Никушин поедет к директору ФСБ не на своей

«Ниве», а в служебном фургоне, учтите его массу и бронированное покрытие. И третье: «федепасы» взяли художника, работающего, по моим данным, на «Чистилище». Выясните его связи.

— Вряд ли мы выйдем на руководителя. С художником наверняка работал рядовой исполнитель, «шестерка».

— Художник делал эмблему и для «Стопкрима», а следовательно, он знает кого-то из старого состава «Чистилища». К тому же мне известно, что один из комиссаров «ККК» отказался работать в новой команде. Выясните, кто именно. Через него мы и выйдем на руководителя «ККК».

Юрген промолчал. Он уже не удивлялся осведомленности министра, убедившись, что все его сведения абсолютно точны и всегда подтверждаются.

— Каковы результаты вашей возни по убийствам Силакова и Простатова?

— Работали профессионалы, — нехотя ответил Юрген. — Но почерк разный. К тому же ясно, что Силакова убрали не «чистильщики». В их плане его фамилия не значится, в то время как Простатов — пятый по списку.

— Не имеет значения! — тяжело выдохнул Гусев. — Для всех нас это сделала «ККК», понятно? И искать мы будем только ее. У тебя все?

— Мы вышли на Ассоциацию ветеранов спецслужб «Барс», есть подозрения, что она работает на «Чистилище».

— Всего лишь подозрения, не факты?

— Завтра-послезавтра мы прощупаем ее и посмотрим, какова будет реакция. Думаю, и факты появятся.

— Хорошо. — Министр размял короткие, толстые, покрытые рыжим пушком пальцы, пододвинул к себе клавиатуру персоналки. — Садись ближе, пройдемся по контингенту твоего «Анальгина»: кое-кого надо будет проверить и убрать из отряда.

Через час Юрген возвращался домой тем же маршрутом, но ехал медленно, размышляя о личности министра даже с некоторой долей уважения. Сволочью он был, конечно, первостатейной и в повседневной жизни вел себя как хам и дурак, но изредка в нем словно просыпался исполин-мыслитель, интеллектуал и боец, не подчиниться которому значило умереть на месте!

Ассоциация ветеранов спецслужб «Барс» была создана в начале тысяча девятьсот девяносто пятого года и носила тогда название «Ассоциация ветеранов подразделений специального назначения «Вымпел-Союз». Окончательно сформировалась она в девяносто шестом и стала называться АВС «Барс». Располагалась Ассоциация сначала на Большой Полянке, потом переехала в Марьину рощу, где усилиями многих заинтересованных лиц ей

отремонтировали небольшой двухэтажный особнячок начала века рядом с восьмиэтажным домом-иглой из коричневого зеркального стекла, который принадлежал банку «Центр» и ресторану «Клондайк».

Инициатива создании Ассоциации принадлежала двум подполковникам, бывшим боевым офицерам отдела специальных операций из знаменитой группы «Вымпел», расформированной печально известным указом президента в девяносто третьем году[1]. Группа была создана в семьдесят девятом в недрах КГБ, участвовала во многих тайных зарубежных операциях, и не только в Афганистане, но и в странах бывшего Союза, и ничем не уступала подобным подразделениям в разных странах мира: «Дельте» — в США, «Кобре» — в Австрии, «Чепери» — в Италии, «Медведю» — в Финляндии, «Китодай» — в Японии, «Сайрет Маскал» — в Израиле.

Причиной разгона «Вымпела» стали политические интриги в окружении президента, и несколько месяцев спустя в высших эшелонах власти осознали ошибочность конъюнктурного решения, но было поздно: «Вымпел» перестал существовать, десятки суперпрофессионалов разошлись по свету, устроившись кто куда смог: одни заняли руководящие посты в службах безопасности крупнейших фирм и банков, другие создали собственные охранно-сыскные агентства, третьи возглавили аналогичные «Вымпелу» спецподразделения в странах СНГ, а иные остались в дальнем зарубежье, став владельцами созданных ими фирм и компаний.

Правда, кое-кто позже вернулся на службу, когда в ФСК начали создавать Управление специальных операций, по сути — тот же «Вымпел», только с обновленными функциями, однако большинство ветеранов не откликнулись на призыв возвратиться.

Ассоциацию ветеранов возглавили сначала Станислав Изотов и Игорь Волошин, много лет проработавшие в «Вымпеле», и за короткий срок создали негосударственную структуру с отлаженной, четкой службой информации и анализа, с отменным банком данных, в памяти которого хранились сведения о большинстве охранных агентств, служб, фондов и групп социальной защиты. Работники Ассоциации обзавелись завидными возможностями быстро и всесторонне проверять как отдельных граждан, так и целые фирмы, чем не преминули воспользоваться не только органы МВД, но и криминальные структуры. Вернее, попытались воспользоваться и получили от ворот поворот. Ассоциация объединяла более тысячи бывших агентов спецподразделений и могла отстоять себя на любом уровне.

---

[1] Указ о передаче группы в систему МВД, после которого из нее уволилось более пятидесяти процентов личного состава.

Правда, вице-президент «Барса» был ранен во время одного из «наездов» и вынужденно покинул свой пост, а его место занял Валерий Шевченко, бывший командир звена «Зет» группы «Вымпел», специалист по десантно-диверсионным операциям, мастер рукопашного боя.

Двадцать второго сентября к зданию штаб-квартиры Ассоциации, имеющему многодиапазонную систему безопасности, подкатили две иномарки: джип «Мицубиси» и длинный серый, похожий на крокодила «Роллс-Ройс». Из них выбрались двенадцать человек в одинаковых блестящих плащах с поднятыми воротниками и двинулись ко входу в особняк из красного «дореволюционного» кирпича. Четверо разошлись парами вдоль фасада, остальные остановились у крыльца, с виду — самого обыкновенного, из серых бетонных панелей, и белой гипсовой решетки, однако предводитель отряда знал, очевидно, об особенностях подхода к зданию и, вступив на крыльцо один, тронул кнопку звонка, над которой торчал глазок миниатюрной телекамеры.

— Пароль? — произнес динамик металлическим голосом.

— «Динозавр», — ответил командир приехавшего отряда, светловолосый, прозрачноглазый и крутоплечий.

— Личный код?

Командир назвал несколько цифр.

— Тактильный тест.

Молодой человек прижал большой палец к зеркальному кружку под телекамерой. На крошечной панели зажегся и погас желтый огонек. Дверь медленно открылась. Тотчас же командир сунул под дверь деревянный клин, и члены «команды плаща и кинжала» вошли в здание.

За дверью начинался небольшой холл с выходами в коридор первого этажа и на лестницу, ведущую на второй этаж. Обычной пропускной вертушки, характерной для такого рода заведений, здесь не было: два охранника располагались в прозрачных полуцилиндрах слева и справа от входа, хотя пользовались ими редко, предпочитая коротать время за разговором в холле возле окна раздевалки или смотреть телевизор, встроенный в стену. Оба были вооружены пистолетами, поэтому реагировали на вторжение стандартно: один положил руку на кобуру, второй двинулся к блондину в плаще, подняв ладонь.

— Минуту, господа, прошу предъявить пропуска.

В то же мгновение двое гостей распахнули свое плащи и показали охранникам спрятанные под ними «никоны», а третий и вовсе достал из-под полы двухстанковый гранатомет «клюв».

— Руки! И тихо!

Охранники послушно подняли вверх руки.

— Зови сюда начальство, — приказал одному из них блондин. — Президента и вице-президента. Живее!

Охранники переглянулись.

— Президент в командировке...

— Ну, тогда его зама, Шевченко.

— Я слушаю вас, — раздался уверенный энергичный голос, и с лестницы спустился улыбающийся вице-президент Ассоциации. — С кем имею честь?

— Военная контрразведка, майор Кийк, — представился блондин. — Обеспечьте нам доступ к вашим банкам данных, мы ловим опасного террориста, покушавшегося на жизнь министра обороны.

— По моим сведениям, на жизнь министра осмеливается покушаться только «Чистилище», а по этой организации у нас нет никаких сведений. Зато есть информация о военной контрразведке «Смерш». До сего времени майор Кийк в ее составе не числился. Так что говорите правду, какую из спецслужб вы представляете.

— Что с ним церемониться, — процедил спутник блондина, такой же рослый и плечистый. — Давай поднимемся в машинное отделение и выясним все сами.

— Не советую, молодой человек, — заулыбался еще шире Шевченко. — И опустите свои пукалки, мы тут этого не любим. Итак, майор? А может быть, и не майор, а, скажем, капитан?

Кийк пристально посмотрел на обманчиво простодушное, безмятежное лицо вице-президента «Барса», как бы взвешивая его слова.

— Мы из спецгруппы Министерства обороны, и у нас есть все необходимые разрешения на проверку вашей конторы. Дайте нам доступ к архиву, и мы мирно разойдемся.

— А иначе?

Кийк кивнул своему спутнику, и тот дал очередь по стене, задел телевизор, который взорвался с оглушительным шумом.

В то же мгновение из потолка выпали прозрачные стеклянные пластины, огородив группу с трех сторон и давая ей возможность выйти на улицу. Из невидимого динамика послышался насмешливый голос вице-президента Ассоциации:

— Иди-ка ты отсюда подобру-поздорову, майор. Для того чтобы получить доступ к нашим сетям, тебе нужно получить карт-бланш лично из рук Генерального прокурора. Так что дуй туда, откуда пришел. А за нанесенный ущерб, капитан Кийк, придется заплатить твоему непосредственному начальнику...

Шевченко повернулся спиной к ошеломленной группе вторжения. Охранники опустили руки, мгновенно очутившись в своих полуцилиндрах, и уже доставали табельное оружие.

Кийк задумчиво глядел вслед вице-президенту Ассоциации, пока тот не скрылся на лестнице второго этажа.

— Может, подготовить стекло, разбить? — поднял автомат напарник капитана.

— Скорее всего оно бронированное. Да и шума поднимать пока не стоит, наверняка у них подготовлено немало подобных сюрпризов.

— Ты же говорил, что все знаешь. Вошли-то мы нормально, даже дактилоскоп сработал на нашу «липу».

— К сожалению, наш информатор не посвящен во все тайны «Барса». — Кийк содрал с большого пальца прозрачный лоскутик чужого папиллярного узора. — Пошли отсюда. Я все равно узнал, что хотел.

Команда «Анальгин» уехала.

На втором этаже здания вице-президент Ассоциации набрал известный ему номер, включил кодовое шумовое подавление от вероятного прослушивания и сказал поднявшему трубку Громову:

— Конкуренты наконец «засветились», Дмитрий Олегович.

— Кто именно? — спросил лидер «KKK».

— Группа Минобороны три «О», или, как они себя назвали, «Анальгин». Приехал лично Кийк с телохраном Юргена, а я с ним знаком: бывший тренер по «унибосу» и системам реального боя в службе безопасности. Мощный мужик.

— Что им было надо?

— Доступ к банкам данных, якобы для поисков террористов, готовивших покушение на их министра. Думаю, они просто «бьют по площадям» в связи с появлением в печати нашего плана.

— Дыма без огня не бывает, Валерий Егорович, придется поискать их информатора. И вот еще что, комиссар. «Федепасы» взяли художника Шерхова, который рисовал нашу эмблему. Понимаешь, о чем речь?

Шевченко молчал. Это был приговор: не художнику, а исполнителю, приходившему к художнику с заданием от «Чистилища».

— Учти еще одно обстоятельство, — продолжал координатор «KKK». — Шерхов — приятель прежнего лидера «Чистилища» Завьялова.

— Учту, — после секундной заминки ответил Шевченко. — Может быть, обойтись длительной командировкой? Мне его жаль...

— Мне тоже, но сейчас не до сантиментов. И последнее: в Рязани кто-то снова начал работать под нас и хорошо потряс Боксера с его бандой. Не твой ли это приятель-ганфайтер? Найди его, пора уже ему определиться.

Громов попрощался и положил трубку, а вице-президент «Барса» еще долго сидел за столом в одиночестве, пил минералку и взвешивал все «за» и «против» своего участия в деятельности «Чистилища».

Кристина была грустна, но держалась хорошо, чтобы не расстраивать Стаса, который тоже не выглядел слишком веселым и все высматривал в толпе провожающих Матвея.

— Он сейчас в Москве, — сказал Василий бодро, хотя его настроение оставляло желать лучшего. Вдобавок ему казалось, что за ними кто-то все время наблюдает, хотя с виду до этого вроде бы никому не было дела. — Закончит хлопоты и приедет. А ты за это время должен вылечить свою ногу, да и приемы учи, которые я показывал.

Мальчишка бросил на Балуева застенчивый взгляд, кивнул серьезно, по-взрослому.

— Будь уверен, дядя Вася, я все сделаю. И за ней присмотрю.

— Да уж, присмотри, чтобы никто не обижал. Пошли в вагон, поезд через пять минут отходит.

Кристина, поискав в толпе Соболева, молча поднялась в вагон. За ней забрался Стас, отвергнув протянутую руку. Он все старался делать самостоятельно. Напрягшейся спиной Василий почувствовал чей-то взгляд, но не обернулся, вскакивая на подножку одним пружинистым прыжком. За ним, охнув, взлетел на ступеньку кто-то еще, наткнувшись на локоть Балуева. Василий едва сдержал второй удар, оглянулся и узнал Валерия Шевченко, вербовавшего его недавно в «ККК».

— Осторожно, елки зеленые! — прошипел Шевченко, потирая грудь. — Ребро сломаешь!

— А ты не прячься за спиной, я этого не люблю. Это твои люди меня пасут?

— Мои, мои. Надо признаться, ты в хорошей форме. Пошли поговорим.

— Поезд сейчас тронется.

— Далеко собрался?

Василий немного поколебался.

— В Тамбов провожаю своих знакомых.

— Сами доедут. Скажи, что у тебя срочные дела, и поехали с нами, шеф ждет.

— Я обещал другу доставить его жену и сына в целости и сохранности.

— Не маленькие, доберутся.

— Я сказал — нет!

Глаза Василия, по-кошачьи желтые, изучающие, осторожные, встретились с глазами Шевченко, серыми, веселыми, но насмешливо-предупреждающими. Комиссар-5 «Чистилища» отступил.

— Ну хорошо, подождем. Когда вернешься?

— Через три-четыре дня. Где тебя искать?

— Найдешь в столице в Ассоциации «Барс». Это Марьина роща, я буду там. Но не позже чем через четыре дня, идет?

И Шевченко растворился в перронной сутолоке. Проводник закрыл дверь, поезд медленно поплыл мимо вокзала.

— Заходите, сейчас билеты буду... — Проводник, усталый, весь какой-то взлохмаченный, но одетый аккуратно, даже немного щеголевато, вдруг уставился на Василия с нескрываемым изумлением. — Не может быть! Ты ли это, Баловень?!

— Матерь Божья — Петяня! — присмотрелся получше к проводнику Василий. — Какими судьбами? Я смотрю, вроде знакомы... но потом занялся своими... а это ты! Ну, никак не ожидал...

— Да и я тоже, столько лет прошло. Ты на каком месте едешь? Впрочем, что это я, соберу билеты, поговорим. Ну надо же, мать честная, однокашника встретить через столько лет!

Бывший одноклассник Балуева проследовал в вагон. Василий встал у окна вместе со Стасом и Кристиной, разглядывающими пейзажи за окном.

Четвертым попутчиком в купе оказался молодой мужик примерно того же возраста, что и Балуев, поглядывающий на Кристину с видимым интересом. Он явно жаждал познакомиться, и вскоре все знали, что его зовут Всеволодом, ему двадцать восемь лет, он не женат, воевал в Грузии, Чечне, а теперь занимается предпринимательством, что в переводе означало: перепродает товар, купленный на оптовых рынках Москвы.

Сначала Всеволод рассказывал о своих воинских подвигах, к чему Василий отнесся весьма скептически: вид у Севки, так он попросил его запросто называть, был далеко не геройский. Щуплый, малорослый, с жидкими соломенными усиками, он походил на взбудораженного воробья. Но примеры своего участия в боевых действиях привел весьма жутковатые.

— Я и в плену у чеченцев побывал, — с гордостью заявил он, доставая бутылку шампанского. — Как выжил — сам удивляюсь. Мы держали оборону в одном из домов в Грозном, при их наступлении, ну и... В общем, пришлось сдаться, они дом подожгли. Меня сразу ударили ногой в пах и прикладом по голове, отключили с ходу. Пришел в сознание уже в подвале, рядом какой-то парень лежит на спине лицом вверх... Я подполз и... — На миг возбуждение Всеволода схлынуло. — В общем, на груди у него на бечевке висели его уши, язык, два пальца и пол... — Всеволод быстро взглянул на Кристину, усмехнулся. — В общем, думаю, хана мне, обработают, как его... Но меня они почему-то не тронули, только били. А у моих сослуживцев... Юрке Сосновскому лицо паяльной лампой сожгли, другим скручивали руки и ноги колючей проволокой, почки отбивали...

— Боже мой! — прошептала Кристина.

— Да мы-то что — солдаты, — засмеялся Всеволод, — а вот что они делали с женщинами!..

— Давайте открою, — перебил словоохотливого попутчика Василий. — Может быть, расскажете что-нибудь повеселей? А то в горло ничего не полезет.

Севка снисходительно посмотрел на него, протянул бутылку.

— Гляжу, ты не воевал.

— Не пришлось.

— Гражданского сразу видно. Что ж, можно и повеселей что-нибудь. Не возражаете, если я о своей работе?

— Отнюдь, — слабо улыбнулась Кристина, перехватив красноречивый взгляд Василия.

Он аккуратно откупорил шампанское, поставил на столик.

— Как ты лихо открыл бутылку! — восхитился Всеволод. — А я вот всегда стреляю, однажды всех облил в вагоне.

— А оно с глушителем, — серьезно ответил Василий.

Попутчик захохотал, Кристина засмеялась тоже, лишь Стас глянул исподлобья и снова уткнулся в окно.

— И чем же вы занимаетесь? — спросил Василий после того, как все выпили по глотку розового мускатного. Проводник собрал билеты, предложил Василию зайти в его купе, и они договорились встретиться через полчаса.

— Знакомый? — кивнул на дверь Севка.

— Одноклассник, — ответил Василий коротко.

— Надо же, какая встреча. Вот и я с одним другом наезжаю в столицу, вместе учились в школе.

Далее разговор перешел в русло обсуждения практических выгод торговли, основанной на разнице цен в Москве и других городах России; сам Севка вез в Тамбов партию сигарет «Мор».

Продавал он и пуховики, и джинсы, и куртки, и сухие напитки «Зуко», и черт знает что еще!

— Я и в Москву кое-что привожу, — похвастался захмелевший предприниматель. — Например, пользуются большим спросом наши тамбовские плетенки, кроссовки, да и ножи тоже хорошо идут, только с ними мороки много. Зажигалки тоже... Больше всего люблю Черкизовский рынок, рэкетиры там милые. Все в элегантных кепочках, широких штанах и китайских кожанках. Изымут по пятьдесят штук и мирно в сторонку, зато больше никто не клеится...

Василию надоело слушать его треп, и он, предупредив Кристину, чтобы его не ждали и укладывались спать, ушел к бывшему школьному корешу Петру Плясунову, Петяне, с которым проучился с первого до одиннадцатого класса.

Проговорили они до часу ночи, хотя проводнику приходи-

лось то и дело отлучаться: то чай кто-то попросит, то шашки, то газету; потом пришли ревизоры, хмурые и неразговорчивые, прицепились к тому, что туалет в вагоне плохо закрывается, хотя вина проводника в этой беде была весьма проблематичной. До акта не дошло, Петяня откупился. Пришел в свое купе грустный, развел руками:

— Сто штук отдал. А что сделаешь? Акт накатают, так меня за него не только с рейса снимут, а вообще засунут в отстойник на пару месяцев стеречь вагоны.

— И часто проверяют?

— Почитай, два раза за рейс. Но обычно они устраивают посиделки в штабном вагоне, мы только оброк собираем — по пятьдесят штук с вагона. Прикинь: в составе шестнадцать-восемнадцать вагонов, умножь на пятьдесят...

— Восемьсот-девятьсот тысяч?

— Если рейс длинный, то до десятка раз заходят, так что зарабатывают ребята будь здоров! А прицепиться им — раз плюнуть: за «зайцев», за сокрытие мест, за антисанитарию, даже за отсутствие таблички на двери проводника. Выпьешь? Есть «Посольская», вино хорошее — «Саперави»...

— Спасибо, Петяня, не употребляю. Да и выпил уже глоток шампанского, попутчик угостил.

— Дохлый такой, веселый? Твою даму обхаживает. Кто она тебе? Сестра, жена? А пацан?

— Это жена и сын моего друга, везу их... на каникулы. — В подробности Василий вдаваться не стал. — Но если тебе невыгодно работать проводником, зачем ездишь?

— Почему невыгодно? Я за рейс, кроме зарплаты, имею в два раза больше. — Петяня смущенно покряхтел, снова развел руками. — А что делать, Баловень? Как другие, так и я. Не зубы же класть на полку. Это ты у нас университет кончал в Москве, да там и остался, а я только школу да пару коридоров в железнодорожном котовском училище. Да в Тамбов переехал. Зарабатываю как могу. Из нашего класса почти все в Котовске осели, только ты да Валерка Хапилин уехали в центр. Вера Холодная в деревне живет, Юрковский тоже...

Разговор перескочил на одноклассников, и они принялись вспоминать одного за другим, переживая приятные чувства дружеского единения и теплой грусти.

Потом вернулись к делам на «железке». Петяня привел несколько примеров, как на нем зарабатывают другие служители дороги, и Василий подивился его оптимизму: поборами занимались все — от бригадира поезда до работников прачечной.

— Сдаешь, к примеру, белье, пересчитываешь — пятьдесят простыней. А они посчитают, говорят: у тебя тут только сорок де-

вять. Не веришь? Считай сам. Считаешь — а там уже сорок восемь! Не скажешь же им, что получилось еще меньше, вот и говоришь — ваша правда. И за простыню отваливаешь несколько тысяч. Как они умудряются простыни воровать на абсолютно гладком столе — для меня лично загадка.

Петяня хватанул чаю — водку на работе не пил, дорожил добрым именем и отношением пассажиров.

— А образцово-показательного кретинизма на дороге — под завязку! — Он чиркнул ладонью по горлу. — Помнишь, президент собирался проехать на поезде через всю Россию? До Тамбова не доехал: на самолет — и на юг! Реформатор хренов! Но там у нас такой шухер был — как при коммунистах! Заборы покрасили, дороги подлатали, ямы позасыпали... С одной стороны, хорошо, кое-что сделали, что сделать должны были много лет назад, а с другой — показуха! Пыль в глаза. У нас в депо в учебный класс даже компьютер поставили, хотели продемонстрировать президенту, что машинисты на нем учатся. А подведи машиниста к компьютеру, он не сможет даже включить его.

Петяня сплюнул, снова глотнул чаю.

— Ну что, спать пойдешь? Второй час уже... — Он нахмурился, что-то прикидывая про себя, покачал головой. — Может, пронесет на этот раз?

— Ты о чем? — Василий зевнул.

— Перегон тут есть один, гнилой, часто поездные «щупачи» появляются. В мое дежурство еще такого не случалось, а напарник на прошлой неделе попал в переплет. Ничего ценного не везете? А то давай спрячу у себя, проводников, как правило, не обыскивают.

Василий улыбнулся.

— Самое ценное в моем грузе — мои спутники. Не волнуйся, все будет хорошо...

И в этот момент в вагон зашли они.

Конечно, палитра интуиции у Василия была беднее, чем у Матвея Соболева, но и он чувствовал опасность и мог жить в убыстренном ритме, на пределе возможностей, иначе не стал бы ганфайтером.

«Потрошители» поездов вошли в вагон с двух сторон — двое с одной, трое с другой. Оставили в тамбурах по одному сигнальщику с рациями и медленно пошли вдоль коридора, заглядывая в каждое купе. Вооружена группа была двумя автоматами, тремя пистолетами, пружинными ножами и дубинками, изредка используя их для острастки.

В купе проводника вломились сразу двое, один с автоматом, второй с пистолетом; третий остался в коридоре. Ствол автомата

уперся Петяне в живот, а дуло пистолета («беретта М-92», отметил Василий автоматически) глянуло Балуеву в лоб.

— Тихо, не ерзайте, и все будет тип-топ! Деньги, ценности на стол. Иностранцы в вагоне есть? Коммерсанты с «капустой»?

— Да вроде н-нет, — замялся Петяня, переглядываясь с Василием, и получил удар дубинкой по уху.

— Говори, падла!

Василий мог бы атаковать этих двоих прямо сейчас, не обращая внимания на их «пушки», но в коридоре стоял третий и мог поднять тревогу, а то и стрельбу. Надо было подготовиться и заманить его в купе.

Балуеву потребовалась всего пара секунд, чтобы оценить противника (чахоточного вида мужик с пистолетом не в счет, не профессионал, да и второй, с автоматом, — тоже, хотя здоров, как бугай; а вот третий, в коридоре, явно тренирован) и рассчитать, как действовать, после чего он начал свой рискованный полет.

— Эй, — окликнул Василий третьего, — загляни — чего покажу...

И молодой бритоголовый малый в кожаном кепи купился, сделав от неожиданности шаг навстречу.

Василию никогда еще не приходилось драться в купе проводника скорого поезда, но он специально был тренирован для боя в тесных помещениях, в том числе в таких, как купе, и даже в платяном шкафу, где мог продемонстрировать искусство киина мутай — филиппинскую систему укусов, выкалывания глаз и вырывания кожи с мясом.

В отсутствие пространства для маневра наиболее эффективны не захваты, удушающие и связывающие приемы, а удары: ногой в голень, коленом в пах, низ живота, руками в шею, лицо, живот, солнечное сплетение. И Василий выдал три таких удара в стиле пананджакман[1], причем квадратному спортсмену с бритым черепом достался первый и самый сильный — в переносицу.

— Т-ты... к-как?! — заикнулся Петяня, сглатывая комок в горле и глядя на рухнувших громил.

— Сиди здесь, не высовывайся. Свяжи их. — Василий накинул на себя черную куртку грабителя с автоматом, надвинул на уши его кепи, подхватил автомат и выскользнул в коридор.

Двое с другой стороны вагона уже открыли другое купе и на появление Василия не реагировали, приняв его за своего. А когда один из них случайно глянул в его сторону, было уже поздно: Василий в прыжке достал его внешней стороной стопы, в технике туй фа[2]. Второй грабитель успел только хлопнуть глазами, от-

[1] Пананджакман — малайский бокс.

[2] Туй фа — техника ног *(кит.)*.

крыть рот и выпустить из руки сумку, которую отобрал у пассажира. Потом нога Василия обрушилась и на его голову.

Сигнальщика в этом конце вагона Василий успел перехватить, а вот второй, в тамбуре возле купе проводника, вовремя сообразил, что дело плохо, открыл дверь тамбура и сиганул из поезда на полном ходу. Василий успел только пожелать ему благополучно разбиться. Потом Петяня помог Балуеву связать бандитов, сбегал за бригадиром и милиционером-сопровождающим и, тараща глаза, в лицах, артистически рассказал прибывшему на следующей станции наряду милиции, как проходивший по вагону во время налета один «боевой мужик» уложил всю банду и скрылся. Василий в это время уже спал.

Уговорил он школьного друга сочинить байку для милиции с трудом, но светиться лишний раз со знанием навыков рукопашного боя не хотел.

Кристина уже спала, как и коммерсант с Черкизовского рынка, Стас на верхней полке читал книжку.

— Что там за шум в коридоре, дядь Вась? — спросил он.

Василий отобрал у него книгу, глянул на обложку: Генрик Сенкевич, «Крестоносцы».

— Просто кто-то с полки упал. Спи, поздно уже.

— А ты мне завтра прием дзансин покажешь? А то я подзабыл поворот.

— Непременно.

Кристина заворочалась на своем ложе, Василий прижал палец к губам, погасил свет и одним движением запрыгнул на полку напротив Стаса. Через минуту оба уснули.

В Тамбов поезд пришел в семь утра.

Попрощавшись с Петяней и пообещав зайти к нему домой, Василий вывел свою «оперативную группу» на привокзальную площадь.

По рассказам Матвея он хорошо представлял, куда надо ехать, и вскоре автобус доставил их на окраину города, где начинался Тамбов — старинный, одноэтажный, с узкими сельскими улицами и деревянными домами. Пройдя две такие заасфальтированные улицы, они вышли на третью, но уже грунтовую, желтеющую песком. День был хмурым, но дождя, кажется, не предвиделось, хотя на мокрой дороге и стояли лужи. К озирающимся путешественникам подошла ветхая бабуля в громадном клетчатом платке, фуфайке и ботах.

— Откель будешь, сынок?

— Оттель, бабуля, — пояснил Василий.

Кристина посмотрела на него с укоризной.

— Мы издалека, бабушка, ищем улицу Солдатской Славы.

— Так вы на ей и стоите, милые. А к кому гости?

— Дом двадцать четыре, Соболев Кузьма Федорович.

— Так он через два дома живет, по правую руку. — Глаза старухи молодо блеснули, она показала сухонькой ручкой на дом неподалеку, с шиферной крышей и мансардой.

— Спасибо, бабушка.

— А не за что, милые. — Старушка мелко закивала, проводив глазами троицу, и вслед перекрестила их.

Дед Матвея, которому пошел уже семьдесят восьмой год, оказался небольшого роста, лысым, круглым, как шарик, и живым, как ртуть. Глаза его лучились приветливостью и улыбкой, и сразу было видно, что он добрый, веселый и безобидный. Таким он и остался в памяти Василия.

Кузьма Федорович был отменным хозяином и сам вел свое достаточно обширное хозяйство: четырехкомнатный просторный дом, где было чисто, уютно и пахло травами, двор с пристройками для коровы и кур, сад и огород. Ни одного неухоженного уголка в этом хозяйстве, хотя жил Кузьма Федорович один, рано похоронив жену и дочь.

Едва он узнал, что гостей прислал внук Матвей, как засуетился и принялся обхаживать Кристину и Стаса, сразу приняв их в свою семью. Письмо Матвея он читать не стал, махнул рукой.

— Потом почитаю. Проходите, гости любезные, располагайтесь, будьте как дома.

Несмотря на большую разницу в годах и комплекции, дед и внук — Кузьма Федорович и Матвей — имели явное сходство, и лишь цвет глаз у них был разный: у Матвея в зависимости от душевного состояния — синий или голубой, у его деда — теплый карий. Видимо, глаза Матвею достались в наследство от отца, летчика-испытателя Фомы Кузьмича Соболева, похоронившего жену десять лет назад. И если главной чертой характера Матвея были сдержанность и спокойствие, то у Кузьмы Федоровича — доброта. Василий понял, что Кристине и Стасу с дедом Соболева будет легко и просто.

До вечера было еще далеко, и Василий надеялся уехать обратно в тот же день, после обеда, но остался на ночь, поддавшись обаянию сельской тишины и старика Соболева.

Вечером, после ужина, все сидели на веранде и пили чай, чувствуя себя как дома. Хандра у Кристины прошла, она уже нашла себе кое-какую работу по хозяйству, а в часы отдыха в ее распоряжении была библиотека Кузьмы Федоровича в пяти книжных шкафах. Стас тоже смирился со своим положением, к тому же успел познакомиться с соседским мальчишкой-однолеткой и предаваться грусти не собирался.

Кузьма Федорович говорил больше всех, соскучившись по человеческому общению. Сообщив местные новости, он поругал

правительство, депутатов, милицию, потом расписал свою родословную и показал громадный пухлый фотоальбом, листая который, подробно и обстоятельно рассказывал о каждом родственнике, изображенном на снимках. Попадались там и фотографии юного Матвея, которые Кристина рассматривала с особым удовольствием.

Рядом с карточкой отца Матвея привлекала внимание фотография красивой улыбающейся женщины с ямочками на щеках, и Кузьма Федорович, любовно погладив снимок, сказал:

— А это моя Галя... Моя жена, бабушка Матвея в молодые годы. Как раз перед войной свадьбу сыграли, двадцать первого июня, а двадцать второго грянуло!.. — Кузьма Федорович глядел в альбом, а перед глазами стояла веселая жизнерадостная выпускница Борисоглебской летной школы. — Не знали мы тогда, что мне доведется дважды спасать ее — в «котле» под Вязьмой в сорок первом и в бою под Киевом в сорок третьем...

Василий вознамерился было перевести разговор в другое русло, но Кристина взглядом остановила его, и пришлось выслушать еще и историю спасения Гали бравым командиром кавалерийского эскадрона Кузьмой Соболевым.

— Только, помню, перешли Бородинское поле — попали на переформирование. Казалось, можно и вздохнуть свободно, ан нет, подскакивает ко мне мой верный друг и заместитель Коля Калашников: «Большая беда, командир!» — «В чем дело?!» — спрашиваю. «Твою жену бросили в волоколамском госпитале, сбили ее фашисты, а вывозить вроде никто не будет. Я разнюхал: немцы собирались входить туда завтра. Лазарет — в церкви, на горе, твоя Галка там, контуженая...» Ну и помчался я назад в этот самый «котел», семьдесят верст с гаком на коне, за три часа доскакал, чуть коня не загнал...

Кузьма Федорович полез в буфет, достал початую бутылку водки, налил стопку и выпил.

— Тебе не предлагаю, вижу, не потребляешь. — Сел за стол, нахмурив поредевшие соломенные брови. — А дальше нашел церквушку и прямо туда. Ору: «Где там у вас раненая летчица Соболева?!» Медперсонал — видят, человек не в себе, живо проводили к ней. И вижу — лежит она, моя Галочка, Галина Ивановна, на кровати. Худая, бледная, круги под глазами... — Голос Кузьмы Федоровича пресекся, но он справился с собой. — Упал я на колени перед ней, а тут сзади: «Руки вверх! Бросай оружие!» — чекисты, значит: сказал им кто-то, что, мол, лазутчик заявился... Проверили документы, и старший интересуется: «Зачем пожаловал в такую даль?» — «За женой, — говорю. — Забрать велено, родственница она... маршала Жукова, Георгия Константиновича...» Не поверил, а мне терять нечего. «Стоять! — кричу. — За уг-

лом в перелеске меня эскадрон ждет, не появлюсь через час — выскочат мои орлы, в капусту изрубят!» А тот поверил, натурально все было сыграно, хотя один я, конечно, приехал... Ну, забрал ее, родимую, на коня — и ходу! Так и вывез, не то под немца попала бы, а немцы, известное дело, раненую, да еще летчицу, не помиловали бы...

Кузьма Федорович примолк, закрыл альбом, посидел с закрытыми глазами, баюкая его на руках и виновато глядя на примолкших гостей.

— Простите старика, расчувствовался... Старики — они все только памятью и живы...

Уехал Василий на следующий день, уверенный в том, что решение Матвея правильное и что Кристине со Стасом жить здесь будет хорошо.

ДОРОГА К ХРАМУ

Весь путь до Москвы — преодолели за час с четвертью! — Матвей размышлял о предупреждении Ульяны и о том, что за ним стояло. Было ясно, что Ульяна послужила транслятором — авешей кого-то из иерархов, внедрившихся в ее сознание, но кого именно, определить с ходу не представлялось возможным. Это мог быть декарх, или экзарх, или еще кто-то рангом пониже, мог выйти в запрещенную реальность и Тарас Горшин, хотя более вероятным Матвей считал выход Светлены, спутницы-«секретарши» инфарха. Но почему она советовала «не соглашаться работать на «федепасов», догадаться было трудно. В любом случае это была одна из контор, не запятнавшая себя так, как другие.

Что ж, придется держать ухо востро, подумал Матвей. Светлена, если это она, предупреждать зря не станет. Как и Горшин.

В кабине машины их было всего трое: водитель, генерал Первухин и Матвей Соболев. Вторая машина с отрядом захвата следовала в кильватере и не отставала, хотя мчались они по ночному шоссе со скоростью никак не меньше двухсот километров в час.

Разговаривали мало. Первухин задал несколько ничего не значащих вопросов, перекинулся парой фраз с водителем и замолчал. Матвей же сделал вид, что дремлет, и послал ментальный призыв Кристине, но, поскольку ответа не получил, вскоре и в самом деле задремал. Проснулся же, когда машина подъехала к Лубянке.

Шел пятый час утра, когда они вошли в вестибюль левого крыла здания ФСБ. Матвей здесь никогда не был, но по описанию тех, кто знал, хорошо представлял, куда идти. Может быть, все-таки не стоило лезть в пасть льва, подумал, поднимаясь на

второй этаж вслед за Первухиным по мраморным ступеням, покрытым красным ковром. Выбраться отсюда будет гораздо сложнее, чем войти.

Генерал Коваль Сергей Вениаминович работал в своем кабинете, несмотря на столь поздний — или, скорее, ранний — час. При случае он, конечно, мог бы прилечь и здесь, имея неплохо оборудованную спальню, но в этот раз даже не прикорнул, что было заметно по красным глазам и припухлостям под ними. Адъютанта, естественно, в приемной не оказалось, хотя был охранник, прозрачноглазый молодой человек с цепким взглядом и уверенными движениями профессионала. Первухин кивнул ему и прошел в кабинет. Матвей последовал за ним.

Директор Федеральной службы безопасности отложил в сторону электронный щуп-стило для работы с настольным дисплеем компьютера, потер лицо, включил верхний свет и некоторое время рассматривал Матвея глубоко посаженными темными глазами.

— Так вот он какой, волкодав-«абсолют» Соболев, — произнес наконец. — С виду и не скажешь, а, Федор Ильич? Может быть, ты не того сокола прихватил?

— Того, — улыбнулся Первухин. — Он вычислил нас еще до начала операции. А в машине, кстати, спал как младенец.

— Да ну? — удивился Сергей Вениаминович не слишком натурально. — Отличные нервы. Молодой человек, вы догадываетесь, по какому поводу вас доставили сюда?

Матвею вдруг показалось, что струя холодного тумана попыталась проникнуть ему в затылок. Он напрягся: ощущение прошло, но заноза чужого взгляда в спине осталась. Вспотели пальцы ног. Неужели Конкере?! Здесь?! Первухин? Или сам директор?..

— Догадываюсь, — проговорил Матвей равнодушно. — Поскольку без наручников, следовательно, вербовка всветлую.

— Ишь ты! — снова удивился Коваль. — Умен. Что ж, все правильно, поговорим о вашей работе в нашей конторе.

— Поговорим о *вашем предложении* работать на контору, — поправил Матвей.

— Хамишь, ганфайтер, — укоризненно покачал головой Первухин. — Перед тобой все-таки директор федеральной безопасности, а не директор цирка.

Матвей глянул на него холодными голубыми глазами, и генерал ощутил внутреннюю силу этого совсем еще молодого, но, безусловно, знающего себе цену человека.

— Ну, насчет этого у него может сложиться собственное мнение, — усмехнулся Сергей Вениаминович.

— Да разве может быть собственное мнение у людей, не удостоенных доверия начальства? — удивился Первухин.

Матвей с любопытством посмотрел на простоватое с виду лицо начальника Управления специальных операций, который только что процитировал Козьму Пруткова.

— Не будем ходить вокруг да около. — Директор ФСБ откинулся в кресле, потянулся, так что хрустнули кости. — Извини, капитан, пора возвращаться на службу. Положение таково, что требуется твой навык ганфайтера-перехватчика. Дел невпроворот: утечка оружия, информации, ультраправые подняли голову, набрала мощь Сверхсистема, все активнее вмешивается в политическую жизнь страны «Чистилище»... В общем, ты нужен. Мне тебя рекомендовал один... уважаемый человек, так что не подведи.

— Генерал, у вас неверное представление о ганфайтерах и обо мне в частности, — бесстрастно сказал Матвей. — Ганфайтеры всегда стояли вне политики, подчиняясь конкретным задачам перехвата шпионов, диверсантов и террористов. Что касается меня, то я — контрактник, понимаете? Да, я работал на «Смерш», но срок моего контракта истек, и теперь я волен принимать любое решение. Кстати, я его и принял: в нынешней адской сшибке амбиций и стремления к власти мне вариться не хочется ни в чьем котле.

— Капитан, боюсь, ты не совсем верно оцениваешь ситуацию, — недовольно сказал Первухин, лицо которого мгновенно изменилось: оно стало жестким, властным, решительным. — Отсюда у тебя только два пути — в нашу команду или в Бутырку. Так что выбор невелик.

Матвей покачал головой, в глазах его мелькнули грусть и сочувствие, и Сергей Вениаминович, внимательно наблюдая за ним, невольно преисполнился восхищения: бывший контрразведчик держался так естественно, что его спокойствие вызывало уважение. К тому же от него исходило некое магнетическое поле внутренней силы и готовность в случае чего к мгновенному отпору, что говорило и в самом деле о необычных способностях этого парня.

— Я мог бы уйти от ваших мальчиков еще в Рязани, — сказал Матвей, внутренне напрягаясь, потому что снова почувствовал спиной *темный* взгляд. Но теперь уж точно знал, что ни начальник Управления спецопераций, ни директор ФСБ не были авешей Монарха.

— Чего же не ушел? — усмехнулся Первухин.

— Не хотел будить семью.

И генерал сразу поверил ему.

— Короче, волкодав. Предлагаем возглавить оперативную

спецкоманду быстрого реагирования из двенадцати человек, в которую входят семь «суперов», охотники, стрелки, техники.

— Нет, — без колебаний ответил Матвей. — Я всегда работал в одиночку.

— Ты даже не хочешь спросить, чем будет заниматься команда?

— Не хочу.

— Ну, тогда...

— Погоди, Федор Ильич, — перебил Первухина Сергей Вениаминович. — Дай-ка мне поговорить с ним наедине.

— Но...

— Позови Хватова, сам посиди в приемной.

Первухин подтянулся, глянул на стоявшего в свободной, расслабленной позе Соболева и вышел. И сразу же в кабинете появился давешний молодой человек приятной наружности. Матвею не нужно было даже приглядываться к нему, вся его нервная система тут же отреагировала соответствующим образом: это был авеша — внедренный в сознание обычного человека пси-двойник Монарха Тьмы. Или кого-то из иерархов.

— Итак, он не принимает нашего предложения? — произнес капитан Хватов, подрагивая уголками губ, словно сдерживая смех.

— Увы, мой друг.

— Кто вы? — медленно проговорил Матвей, выдерживая стремительный удар чужого импульса внушения.

— А он мне нравится, — рассмеялся Хватов, показывая ровные, крепкие белые зубы. — Сразу быка за рога... Я пашу-бхава, если будет угодно. Знаком термин? В отличие от вира-бхава — иерархов. Но ведь и ты не дивья-бхава[1], ганфайтер, хотя и стремишься создать впечатление благородного рыцаря, постоянно подвергаешь опасности тех, кто рядом, не так ли?

— Может быть, не задумывался. — Глаза Матвея потемнели, стали синими, *излучающими*. — Я просто придерживаюсь принципа апариграхи[2].

— Неплохой принцип, но не для меня. Я исповедую другие.

— Поздравляю. — В голосе Соболева проскользнула ирония, но глядел он в этот момент не на Хватова, а на директора ФСБ. — Кажется, генерал, вы приобрели себе достойного союзника. Только учтите, год назад он играл на другой стороне.

---

[1] Пашу-бхава — живущие в свое удовольствие, вира-бхава — обладающие стремлением к духовному развитию, но честолюбивые и эгоистичные люди, дивья-бхава — помогающие другим, не думающие о личной выгоде (древнеинд. эзотерич. касты).

[2] Апариграха — пятое из воздержаний в буддизме: следует придерживаться умеренности во всем, не быть слишком хорошим и слишком плохим, быть уравновешенным, избегать крайностей.

— Я всегда играю *на своей* стороне, — подчеркнул Хватов. — Времена меняются, вчера я играл против, сегодня играю за.

— Разве добро и зло тоже поменялись местами?

— Ну вот, ты опять затеваешь схоластический спор! Как зло, так и добро — это отклонение от нормы. Таков закон вашей реальности. Но что такое зло в твоем понимании? Да, очевидно, сами по себе войны, преступность, болезни типа СПИДа — страшные вещи, но для рода хомо сапиенс они *эволюционно* полезны! Кто выживет — тот будет иметь иммунную и психическую устойчивость.

— Зачем вам понадобилось превращать насекомых в людей вопреки воле остальных Аморфов?

Глаза Хватова округлились, он опять рассмеялся.

— Парень, неужели ты всерьез считаешь, что я Монарх? Если бы здесь появился ОН, лично, реальность просто изменилась бы в нужную ему сторону! Я же просто авеша, одна из реализаций его Проекции на реальность, в масштабном сравнении — один из муравьев гигантского муравейника, который и есть Монарх. А что касается превращения... — Хватов самодовольно ухмыльнулся. — Мне, вернее, ему было интересно, что получится. Но ты не совсем прав — не вопреки воле Аморфов, ибо я, то есть Он, — тоже один из Аморфов.

— Погодите, погодите, — обрел наконец дар речи Сергей Вениаминович, едва успевая переводить взгляд с одного на другого. — Какие превращения?! Какие насекомые?! О чем вы болтаете? Как это можно превращать насекомых в людей?!

— Ну, процесс это длительный, — дернул уголком губ Хватов, подмигивая Матвею, — но возможный. Сотни миллионов лет назад некто, скажем, Аморф или, точнее, Безличный Творец — этот молодой человек называет его Монархом Тьмы, — проделал эксперимент с отрядом Блаттоптера сапиенс...

— Тараканов разумных, — перевел Матвей, сочувствуя директору ФСБ. — Не по-человечески разумных, конечно, но сути это не меняет. В те времена на Земле жили разумные насекомые. Инсекты, не угодившие чем-то истинным хозяевам нашей реальности, которые взяли и просто уменьшили их в размерах. Так образовались современные насекомые. А вот тараканы, Блаттоптера сапиенс или какой-то их вид, метаморфически изменились, дав начало роду человеческому. Я понятно объяснил?

Хватов пристально смотрел на Матвея, и по лицу его бродили тени, отражавшие внутреннюю, не ведомую никому борьбу эмоций.

— Чушь! — очнулся Коваль, стукнув ладонью по бумагам на столе. — Прекратите пороть чепуху, вы, оба! Главное — он отка-

зался, понимаете, капитан? И теперь следует решить, что с ним делать.

— Не надо ничего решать, — тихо сказал Матвей. — Я ваших секретов не знаю, работать на спецслужбы не буду и опасности не представляю... если меня не трогать. Прикажите своим людям выпустить меня отсюда.

Сергей Вениаминович побагровел, рванул пальцами узел галстука.

— Ты... да что ты о себе возомнил, мальчишка?! Я же тебя... одним пальцем... лично... — Директор ФСБ выдернул из ящика стола небольшой красивый пистолет. — Что с ним церемониться, капитан!

В то же мгновение Матвей, давно готовившийся к сверхрежиму, вошел в меоз и... исчез. Для генерала, конечно. Потом возник уже сзади, ловко выдернул пистолет из руки Сергея Вениаминовича, направил на Хватова.

— Пошли, капитан?

Хватов сморщился, покачал головой.

— На авешу «глушак» не действует, Соболев. Он в состоянии отключить лишь сознание нормального человека, но не пси-матрицу авеши. Меня тебе не пройти. Боюсь, ты в патовом положении.

— Я *пройду* тебя, — сказал Матвей, бросая суггестор «Удав» в угол кабинета.

Это был самый странный и самый напряженный бой из всех проведенных Матвеем когда-либо.

Ни Матвей, ни его противник не тратили силы на кихон — «разгон воздуха», то есть на какие-то замахи, уклоны, хитрые телодвижения, прыжки и подкаты, они просто замерли друг против друга, глядя поверх головы соперника — то есть на уровне[1] инстинктивного перехвата атаки еще до окончательного ее формирования. Оба отлично знали уязвимые места на человеческом теле и готовили молниеносную атаку в одну из болевых точек. Но *ни одна* мысленно перед этим проигранная атака ни у того, ни у другого не прошла! Оба, что называется, были наглухо закрыты своими рефлекторно-защитными ответами на уровне психического восприятия, а значит — и на уровне физического действия.

Разум в принципе — самый убогий и ненадежный инструмент сознания, в бою мастеров он участия не принимает. Матвей *на режиме* всегда уходил в состояние мусин, то есть состояние полного «отсутствия разума», именно поэтому его реакция намного

[1] Взгляд ниже пояса считается «животным» уровнем реагирования, в глаза — «человеческим», поверх головы — признаком высочайшего мастерства.

превосходила обычную человеческую. Но и капитан Хватов владел мусин и мог жить ускоренно в режиме меоза, поэтому их столкновение было невидимо нормальному человеческому глазу, и даже директор ФСБ, единственный свидетель поединка, почувствовал его необходимость и скрытую мощь.

Наконец они закончили этап анализа мастерства друг друга. Настал черед приемов: Матвей работал в стиле карате-дзицу, двойной удар-блок-укол и встречный стопорящий удар, прерывающий атаку противника, Хватов — в стиле саватт — французского бокса.

Удары прошли!

Капитан отлетел к двери, сбив стул, но на ногах все же удержался, а Матвей вдруг почувствовал подступившую дурноту и слабость, хотя костяшки сжатых пальцев Хватова едва коснулись его груди.

«Техника смертельного касания! — произнес кто-то внутри Матвея хладнокровно. — С передачей раппорта на паралич нервного узла. Не подпускай его на дистанцию поражения...»

«Сам знаю!» — огрызнулся Матвей, покрываясь холодным потом от усилия, способного очистить нервную систему: меоз не позволил развиться процессу парализации, но и сил отнял немало.

— Отлично, ганфайтер! — похвалил Хватов, наблюдая за ним. — Ты хорошо подготовлен к *тонгла*, но я еще не все показал, что умею. Впрочем, как и в тот раз, когда вас было двое.

— Самандар! — озарило Матвея.

— Авешей Монарха может быть любой *светящийся* в моей реальности. Самандар — один из достаточно ярких *светящихся* и наиболее подготовлен к восприятию внешнего волеизъявления. Ну что, продолжим урок?

— Э-э, — вышел наконец из ступора Сергей Вениаминович, — какой Самандар, о чем вы бормочете? Капитан, в чем дело? Я могу просто вызвать охрану...

— Не стоит, генерал, мы договоримся. Пусть Соболев денек погуляет на воле, подумает, а завтра вечером даст ответ.

— На воле?! Да он же просто сбежит!

— Не сбежит, и он знает почему.

— Почему?

— Существуют две причины. Первая: сентиментальная привязанность к семье... пусть и чужой, странная для ганфайтера класса «абсолют». И вторая: отсутствие надежного убежища. В этой реальности его можно отыскать везде, куда бы он ни спрятался.

— Вы уверены, капитан? — Коваль остыл и, поскольку Хватов не ответил, вызвал Первухина. — Федор Ильич, проводите.

В шесть часов утра Матвей вышел из здания ФСБ к станции

метро «Лубянка». Подумал немного, отмечая редких еще пассажиров, и вдруг решил навестить Марию. В сущности, идти ему было больше не к кому.

Он проспал до двух часов дня, заснув на диване прямо в том, в чем был, едва Мария ушла на работу.

Перед самым пробуждением приснился сон: он стал огромным и пустым, как только что рожденная Вселенная. Протянул свои руки-щупальца вперед, дотронулся до Бесконечности, ощутил холод, раздвинул сам себе грудь и вошел в нее... оказавшись в сверкающей алмазами пещере!

Где-то тихо играла тоскливая музыка, непередаваемо прекрасная, неземная, рождающая сладкую муку забытых детских воспоминаний. Изредка стены пещеры отражали шепчущее эхо чьих-то легких шагов, голоса и звуки падающих водяных капель. Своих шагов Матвей, однако, не слышал и шел как по вате. Вскоре он оказался в самом большом зале пещеры, увидел среди сталагмитовых столбов и шпилей красивую снежно-белую колонну, сотканную из паутины, на которой висел распятый человек. Подошел ближе и с ужасом понял, что это он сам!

Распятый зашевелился, поднял голову, глянул на застывшего Матвея, печально улыбнулся. Из уголка его губ на шею скользнула струйка крови.

— Ну что, дружок, нашел себя? Определил свое положение в системе Мироздания?

— Кто... ты? — хрипло пробормотал Матвей.

— Твое внутреннее состояние. Изменил бы ты его, идущий, а то мне тут не очень-то сладко. Ищи себя побыстрей.

— Где?

— Там, где ты не ищешь...

— Схоластика. Уточни.

— Тут я тебе не помощник...

Распятый Соболев растаял вместе с «паутинной» колонной, и там, где он только что был, на миг проступили очертания креста, потом — знакомой гигантской книги, и все мгновенно исчезло. Матвей проснулся. Однако облегчения не почувствовал и решения никакого не принял. Сон был слишком неопределенным, а намеки на «запасной выход» из положения помочь в реальной жизни не могли.

Мария оставила ему от квартиры ключи, но Матвей, уходя, бросил их на стол. Он знал, что сюда больше не вернется. Не то чтобы девушка ждала его все это время, но их случайные встречи давали ей какую-то надежду на продолжение их отношений, которая никогда не могла вернуть прошлых чувств.

До вечера Матвей бродил по Москве без особой цели, пока не понял, что его *ведут*. Тогда он посетил церковь Спаса, вход в

подземный Храм Инсектов не нашел и поехал на Берсеневскую набережную, к церкви Николая Чудотворца, из которой, по словам Самандара, ход под Москвой-рекой вел в Кремль, а оттуда — еще в один Храм древних инсектоцивилизаций, вернее, в Модуль Иной Реальности.

На церкви и на древних палатах думного дьяка Аверкия Кириллова все еще висели чугунные доски с надписью: «Исторический комплекс принадлежит Научно-исследовательскому институту культуры», но церковь уже действовала по своему прямому назначению, отданная в пользование Московской епархии, и усилиями прихода была полностью восстановлена.

Матвей зашел внутрь, одарив милостыней двух древних старушек, постоял в трансепте, разглядывая темные лики святых на стенах и своде, вышел во двор. Те, кто следовал за ним, в церковь не шли, ждали на набережной: машина, три человека с аппаратурой, и на площади — двое утомленного вида пожилых мужчин со сканером в «дипломате», настроенным на биопараметры ведомого, то есть Матвея Соболева. Работали они отменно, но для Матвея установить их принадлежность спецслужбе не составило особого труда.

Во дворе он, естественно с помощью выхода в меоз, определил примерный план подземелий церкви и направился к флигелю из потемневшего от старости красного кирпича. В нем когда-то располагалась трапезная дьяка, и именно из него, этажом ниже, из подвала, начинался подземный ход, ведущий, судя по инфразвуковому эху, в сторону кремлевских стен.

Дверь во флигель была открыта, в одном из помещений горел свет, там были какие-то люди. Матвей тихо обошел первый этаж строения, нашел спуск в подвал и вскоре стоял перед штабелем коксовых шашек: котельная, отапливающая церковь, работала на угле. За штабелем в стене подвала зияла ниша, из которой тянуло сырым холодом, запахами гнили и тления. В нише на проволоке висела табличка: «Осторожно! Работы запрещены! Свод рухнул!»

Несмотря на инфракрасное видение, Матвей потратил немало времени, пока не забрался в нишу и не спустился по старым каменным ступеням в другой подвал, откуда, собственно, и начинался туннель. Дальше идти стало легче, хотя туннель больше напоминал саперный лаз, не всегда высокий, но очень узкий, так что приятного в этой прогулке было мало. Наконец Матвей достиг поворота и остановился: чутье подсказывало, что рядом, за тонкой стеной из окаменевшей глины, тянется еще один ход, и это был уже ход не в Кремль, а глубже, в его недра, в пещеру, где и должен был располагаться МИР Храма Инсектов. Самандар не солгал.

Постояв немного в задумчивости, попытавшись прозондировать ход до его спуска под холм Кремля, Матвей повернул обратно. Он не собирался искать Храм тотчас же, главное — появилась уверенность в существовании МИРа и в том, что проникнуть в него можно сравнительно легко.

В подвале флигеля его ждали асы слежки ФСБ.

Вспыхнул фонарь, едва не ослепивший Матвея, оглушила команда:

— Не двигаться! Руки за голову!

Матвей повиновался без единого слова.

— Обыщи его, Панас.

Чьи-то руки прошлись по одежде, помяли карманы, подмышки, брюки.

— Чисто.

— Выходи.

Во дворе церкви Матвея уже поджидал генерал Первухин.

— Что за шутки, Соболев? Неужели хотел уйти в Кремль?

— Вы что же, знаете о подземном ходе? — вопросом на вопрос ответил Матвей.

— Там их целых два, оба завалены, насколько мне известно: рухнули своды. Один пытались расчистить, но средств изыскателям не хватило, и работы свернули. Так что будем делать?

— Я согласен работать. Но мне нужно три-четыре дня на сворачивание дел в Рязани. В понедельник я буду у вас.

Первухин хмыкнул, оглядел Матвея с ног до головы, бросил ему ключ.

— Машина за церковью, на набережной, джип «Мицубиси» темно-фиолетового цвета. И благодари Хватова, капитан, это он посоветовал шефу не чинить тебе препятствий, если попросишь отпуск на несколько дней.

С этими словами начальник Управления спецопераций растворился в темноте за воротами церкви, сгинула и его обойма «наружки», а Матвей остался стоять, обуреваемый желанием вернуть генерала и сказать, что передумал. Хватов *не мог* знать, какое решение примет Соболев, но Конкере *знал*. Как и Ульяна Митина, вернее, та, что передала через нее совет не работать на «федепасов» и вообще ни во что не вмешиваться.

ЛИКВИДАЦИЯ

Александр Васильевич Завьялов, бывший координатор «Чистилища», а ныне юрисконсульт частной адвокатской конторы «Алунит», ужинал в одиночестве, когда зазвонил телефон. Завья-

лов промокнул губы салфеткой, снял трубку и услышал сдавленный торопливый голос:

— Васильевич, беги! «Федепасы» взяли художника Шерхова, который рисовал эмблему «СК», и новый состав «Чистилища» не хочет рисковать. Понял?

— Понял. Кто звонит?

— Ни пуха! — В трубке запульсировал сигнал отбоя.

Завьялов задумчиво подержал в руке трубку, снова поднес к уху, словно собираясь продолжить разговор, и понял, что худшие его опасения подтверждаются. Для комиссаров «ККК» он сейчас как бельмо в глазу, укор и напоминание, а главное — лишний свидетель. Рано или поздно они должны были принять превентивные меры безопасности, арест «федепасами» художника лишь ускорил реализацию решения.

Надо было уходить раньше, трезво подумал Александр Васильевич. Я же, как любой русский, все надеялся на «авось»: авось пронесет, авось не вспомнят... Вспомнили! Не поздно ли бежать-то? Интересно, сколько у меня еще в запасе времени?..

Страха он не ощущал, только сожаление и грусть оттого, что отказался в свое время от предложения Рыкова. И еще в голове вертелся вопрос: кто предупредил? Рыков этого сделать не мог по причине своего прямого участия в работе «ККК» и в силу характера. То же самое можно было сказать и об остальных комиссарах. Тогда кто же?..

Завьялов быстро собрал вещи, кое-какие документы, деньги, оружие (пистолет «волк», право на ношение которого подтверждалось документом), аккуратно убрал со стола, помыл посуду, как бы проверяя стабильность своей нервной системы, погасил свет в квартире и вышел на лестничную площадку.

О том, что времени на бегство у него уже не оставалось, он догадался за мгновение до выстрела, когда распахнулась дверь лифта и в проеме возник темный силуэт, на фоне которого мелькнул тусклый блик от глушителя поднятого пистолета. Выстрела Александр Васильевич не услышал...

План ликвидации заместителя министра обороны Бурлакова Евдокима Матвеевича разрабатывал «мозговой трест» «ККК» во главе с комиссаром-четыре Бохановым. Для его выполнения Громов выделил три мейдера наружного наблюдения и подслушивания, экстревер технического сопровождения и монаду исполнителей, всего двадцать пять человек.

Наблюдатели досконально изучили распорядок дня Бурлакова, его контакты в министерстве, время постоянных встреч, привычки, в течение недели прослушивали переговоры по телефонам и просто разговоры в компаниях и дома. В результате был

рассчитан стандартный маршрут заместителя министра и его обязательные «точки контакта»: ресторан, где он обедал, второй ресторан, где ужинал, клуб «Георгий», где отдыхал в кругу друзей, катран, где играл в покер с другими любителями азартных игр, квартира, где любвеобильный Евдоким Мартынович принимал «эротический массаж».

Поскольку план «Чистилища» по ликвидации замаранных, по уши погрязших в коррупции чиновников, опубликованный в газетах, по сути представлял собой вызов системе государственного рэкета, та предприняла, естественно, кое-какие защитные меры, весьма беспрецедентные по своим масштабам: на охрану чиновничьей рати Государственной думы, правительства, администрации президента и высшего командного состава Министерства обороны было привлечено дополнительно около шести тысяч человек! Это не считая того, что высшие должностные лица подстраховали себя сами, имея профессиональные команды телохранителей, снабженных самым современным оружием и арсеналами электронно-технических средств.

Бурлакова посменно — и круглосуточно — охраняли шестеро мощных бойцов из охранного министерского батальона «Щит», и еще двое сопровождали в фургоне с компьютерным комплексом радиоперехвата, анализа опасности и нестандартных ситуаций. Именно они командовали отрядом телохранителей, диктуя маршруты следования, меры предосторожности, способы доставки охраняемого объекта и определяя необходимое для той или иной операции количество «стволов». Кроме того, в пользовании замминистра всегда находился дежурный вертолет и машина с группой быстрого реагирования из пяти человек. Более мощной системой охраны обладали всего три человека из упомянутых в плане «Чистилища»: министр обороны Гусев, премьер-министр и директор Федеральной службы безопасности, — хотя у каждой были свои особенности. И все же, несмотря на это, «чистильщики» не устрашились привести свой план в исполнение.

Был задействован снайперский вариант ликвидации, для чего мейдер сопровождения вывел на цель монаду исполнителей: снайпера, корректировщика и наблюдателя-охранника.

Наиболее подходящим местом для исполнения приговора был признан ресторан «Дипломат», где Бурлаков обедал, так как для снайпера была выбрана позиция на другой стороне Москвы-реки, в километре от ресторана, что увеличивало в случае необходимости возможность его отхода. Со вторника всеми звеньями ликвидационной бригады начал отрабатываться этот вариант: готовились квартиры, места расположения исполнителей, транспортные цепочки, рассчитывались с точностью до секунды шаги жертвы и действия монады.

Разрабатывались векторы отхода, средства маскировки, запасные варианты отступления. Но в четверг утром «ресторанный» вариант был отменен, так как стало известно, что Бурлаков улетает в субботу утром в Сочи с военного аэродрома в Тушине. Разработка операции была приостановлена на два часа, то есть на время анализа группой Боханова новой вводной. А потом бригада нацелилась на Тушино, потому что, вопреки общепринятому мнению о невозможности скрытого подхода к военному аэродрому, лучшее место для засады трудно было придумать. Тем более что готовили акцию военспецы, входящие в «ККК» и досконально знающие объект в Тушине.

В пятницу все было готово к проведению операции. Спикеры мейдеров и экстревера доложили гранд-оператору о готовности, а тот в свою очередь позвонил комиссару-пять. Шевченко в это время находился в своей Ассоциации, готовый, если потребуется, подключить дополнительные силы. Он как раз вводил в курс дела появившегося Балуева. И в это время позвонил Громов:

— Валерий Егорович, с командой-один ко мне! Я у комиссара-четыре.

— Что случилось?

— Не теряй времени.

Шевченко озадаченно почесал бровь, потом переносицу, встретил взгляд Василия.

— Не нравится мне это... Придется тебе подождать меня дома, Баловень. Срочные дела. Располагайся, отдыхай, жди.

— А что произошло? Может быть, я с тобой? Неохота тут скучать одному.

Комиссар-пять думал недолго.

— Поехали, не помешаешь. Шеф вызывает по тревожной схеме, значит, появились непредвиденные обстоятельства. — Шевченко дал в эфир сигнал сбора команде-один, то есть своему личному экстреверу, и они помчались по известному адресу на Старую площадь, где находился Центр нетрадиционных технологий, возглавляемый комиссаром-четыре Бохановым Владимиром Эдуардовичем.

У девятиэтажного здания Центра был еще один этаж, десятый, о котором знали только те, кто работал в этом секретном 31-м отделе Центра. Здесь располагался компьютерный комплекс анализа информации «Чистилища», имеющий связь с большинством институтов страны и специальных организаций, в том числе — из среды силовых структур.

Громов ждал своего начальника безопасности в специальном кабинете-бункере на десятом этаже Центра, оборудованном мощным компьютером А-класса «Макинтош-Кинг». Увидев Балуева, он не удивился, только кивнул, протягивая руку:

— Как раз вовремя, Василий Никифорович. С корабля на бал. Сегодня потребуется ваша помощь.

Василий поймал его острый, насыщенный злой энергией взгляд и поежился: *такого* взгляда он не видел ни у одного из встречавшихся ему людей.

В кабинете находился и комиссар-четыре «Чистилища» Боханов, сидевший за пультом компьютера и не повернувший головы при появлении гостей. Руки у него лежали на двух лепестках-панелях сверхсовременного дизайна, голова схвачена дугой наушников, у губы — усик микрофона. Напротив светился объемный экран дисплея со сложной разноцветной схемой, то и дело меняющей форму.

— Не вижу, — произнес Боханов как бы самому себе.

Видимо, компьютер ответил ему через наушники, потому что комиссар-четыре снова буркнул себе под нос: «Не хами!» — и Василий понял, что директор Центра работает на компьютере в режиме звукового диалога.

— Что случилось, Дмитрий Олегович? — спросил Шевченко.

— В дело вмешались конкурирующие структуры, — ответил Громов, подсаживаясь к компьютеру. — Исполнителей завтра утром попытаются задержать, чтобы выйти на всю нашу сеть.

— Кто может себе это *позволить*?!

Координатор «Чистилища» улыбнулся, покосившись на Балуева.

— У вас самооценка на высоте, Валерий Егорович. Против нас начал работать «отряд охотников за охотниками» или, как они себя назвали, «Анальгин». Организация-создатель — Министерство обороны, главный руководитель — полковник Юрген, ты его знаешь.

— Еще бы, классный профессионал. Что они конкретно предприняли?

Громов взял световой щуп, коснулся лучиком света нескольких красных кружочков на схеме.

— Это их посты наблюдения. Это группа захвата. — Луч уперся в три красных стрелки. — Здесь машины сопровождения и вертолет поддержки. Как только наши ребята появятся возле аэродрома, начнется операция перехвата.

— Они уже там, — после минутного молчания сообщил Шевченко. — Гранд уже позвонил, все готово. Может быть, успеем предупредить?

— Предупреждать никого не надо, — бесстрастно сказал Громов. — Отменить операцию — значит расписаться в бессилии. Мы подготовим еще одну монаду исполнителей и выбросим в район аэродрома к моменту посадки Бурлакова в самолет.

— А как же первая группа?

— Первую подстрахуешь ты со своими орлами плюс Балуев. Наведение на цель я обеспечу лично, связь будем держать постоянно. Перехватишь этих «трехнулевых анальгиновцев» в тот момент, когда они начнут движение. Задание понятно?

— Так точно, генерал!

— Полковник, полковник, мне чужого звания не надо. Выезжайте прямо сейчас, по дороге обсудим детали.

— Вы с нами?

— Нет, я буду командовать отсюда. Операция перехвата, по сути, уже началась, связь через СВСС[1]. С Богом, Валерий Егорович!

Шевченко молча подтолкнул слушающего переговоры Балуева к выходу, на пороге оглянулся.

— Но как они узнали о нашей акции?!

— Похоже, у них появился информатор не хуже, чем у нас, — усмехнулся координатор «Чистилища». — Вы еще не все знаете: особая группа из Управления спецопераций ФСБ тоже крутится в районе аэродрома. Но ею занимаются другие наши люди. Так что сегодня мы сдаем экзамен по «высшему пилотажу» ликвидопераций.

Когда Шевченко и Балуев спустились вниз и сели в машину, Василий наконец задал вопрос, который давно вертелся у него на языке:

— А откуда твой шеф знает о конкурентах? Да еще с такими подробностями?

— Спроси чего-нибудь полегче, — был ответ. — Но он еще ни разу не ошибся.

Уже рассвело, когда снайпер первой монады исполнителей Крюков, бывший афганец, бывший инструктор по стрелковому делу в отряде «Вымпел», получил сигнал «змея». Это означало, что он обнаружен противником и должен позаботиться о себе до сигнала отступления.

Крюков удивился, потому что выбирал место себе сам, без посредников, и знал о нем только корректировщик, он же телохранитель. Но так как Крюков привык подчиняться командам — дисциплина в «Чистилище» поддерживалась жестоко, — то объясняться по рации не стал и быстро переместился на запасную позицию в сотне метров от первой — высокой сосны, с которой аэродром просматривался как на ладони. Вторая позиция представляла собой полуразрушенную и заброшенную водонапорную башню времен хрущевской оттепели, возвышающуюся над лесом и над северной частью Тушина, с которой также открывался

[1] СВСС — система военной спутниковой связи.

отличный вид на поле аэродрома с его строениями, самолетами, вышками охраны и капонирами.

День начинался облачный, но без дождя, и Крюков мимолетно порадовался этому обстоятельству, хотя радость его была чисто профессиональной: в дождь или туман точность выстрела на три километра даже из винтовки «селигер» калибра 12,7 миллиметра, с новейшим электронно-оптическим прицелом, электронным отсеивателем помех, гидростабилизацией и звукогасителем, была бы проблематична.

Машины объекта появились на поле аэродрома в десять часов десять минут, одна впереди — «Волга» оперативного сопровождения, вторая сзади — «Мерседес» охраны. Сам замминистра вышел из длинного черного «членовоза» — «Чайки» последней модели, пробить которую можно было разве что из танковой пушки, гранатомет ее не взял бы.

Крюков привычно протер замшей окуляр прицела, аккуратно приладил ствол на кирпичах оконного проема, приник глазом к мягкому нарамнику окуляра, и тут сзади вдруг возник кто-то бесшумный и быстрый, приставил к затылку ствол пистолета.

— Не дергайся, Крюк! Свои.

Крюков повернул голову. Рядом стоял одетый во все черное незнакомый парень в маске-«чеченке». Никакого пистолета у него в руках не было, а приставил он к затылку снайпера свой палец.

— Уходи отсюда, быстро! — продолжал незнакомец негромко. — За вами пошли охотники, операция отменяется. Во всяком случае, для вас с напарником. Его я уже предупредил. Да двигайся ты, они церемониться не станут!

Крюков молча закрыл прицел чехлом и, скользнув за незнакомцем к лестнице, прыгнул в люк. Они были уже на первом этаже, когда башню водокачки сотряс взрыв. С шумом рухнули два верхних пролета, почти засыпав два нижних. Крюков догадался, что по водонапорной башне дали залп из гранатомета.

«Ангел-спаситель» в черном поднял руку, оглянулся.

— Тише, сейчас они придут сюда, проверить, жив ты или нет.

Башня водокачки стояла в окружении развалин пакгаузов, мусорных куч и ржавых скелетов вагонов и платформ — здесь когда-то очень давно располагалась товарная станция. И, хотя прошло много лет с тех пор, как по вросшим в землю рельсам здесь ползали маневровые паровозы и тепловозы, в воздухе витали неистребимые запахи мазута, масел, ржавого железа, состава для пропитки шпал.

— Стой здесь, не высовывайся. В случае чего стреляй. — Парень в черном бесшумно обогнул башню и исчез.

Через минуту со стороны ближайшей липовой рощицы по-

слышался хруст стекла под каблуками, скрип гравия и кирпичной крошки. Из-за угла уцелевшей стены пакгауза показались двое в пятнистых комбинезонах, с масками на лицах. В руках одного был карабин КН с подствольным гранатометом «гроза».

Второй нес бесшумный снайперский автомат СВУ ОЦ-03. Все это Крюков отметил опытным глазом. Двое принадлежали, скорее всего, к армейскому спецназу, так как вооружены были чисто по-военному.

Черный «ниндзя» возник сзади спецназовцев, словно чертик из табакерки, приблизился к ним и ударил ребром ладони по шее того, кто нес карабин. Второй был опытен и успел отпрыгнуть в сторону, разворачиваясь и поднимая автомат, но выстрелить не успел — Крюков выстрелил первым, целясь в плечо. Парень крутанулся волчком, упал, роняя автомат и зажимая рану в предплечье. Потянулся к поясу, где был закреплен пистолет «волк» с обоймой на восемнадцать патронов. Крюков снова поднял винтовку, но незнакомец в черном опередил его, ловко отбирая у спецназовца пистолет, махнул снайперу рукой:

— Уходи!

За строениями, где начинался почерневший осенний лес, «ниндзя» кинул отобранное оружие Крюкову.

— Держи, сдашь начальству. Вариант отхода — аварийный, тут сейчас кругом полно этих военных мальчиков, обученных всеми способами уничтожать людей.

— Но у меня задание...

— Его, наверное, уже выполнили другие. Давай, Крюк.

— Кто ты?

— Много будешь знать, скоро состаришься. — И незнакомец в черном исчез, словно растворился в воздухе. Под его ногами не треснул ни один сучок, не чавкнул насыщенный влагой дерн, не хрустнула ни одна песчинка.

Когда Крюков, ошеломленный таким внезапным поворотом событий, наконец начал отходить, «ниндзя» — Василий Балуев — уже нашел Шевченко и доложил о выполнении своей части задачи.

— Порядок, — ответил комиссар-пять, — не потеряли ни одного человека, только Гошу Кучкова ранило.

— Как объект?

— Готов. Две пули в голову. Так и хочется сказать: собаке — собачья смерть! Но собакой он не был, скорее, волком, наглым и злобным.

— Стрелял, видно, снайпер экстра-класса.

— А мы других не держим, — ухмыльнулся Шевченко и поднес рацию к губам. — Всем отбой.

— За что вы его убрали?

— Ни чести, ни совести... впрочем, это лирика. Генерал тор-

говал не просто оружием, но *лучшим* оружием, с грифом «совсекретно». К тому же — по нашим разведданным — он один из боссов Сверхсистемы, последний из тех, кто работал еще на Купол. Поехали домой, Вася, отдохнем.

Василий молча зашагал за комиссаром «Чистилища», который так же, как и он, умел передвигаться по лесу совершенно бесшумно.

ВСТРЕЧНЫЕ ПЛАНЫ

Заседание Совета безопасности готовилось в большой тайне, поэтому проходило не в Георгиевском зале Кремля, как обычно, а в хоромах поскромнее — Оружейной палате, ухищрениями техники превращенной в абсолютно застрахованный от прослушивания спецбункер. Совет уже заседал здесь два раза: когда решалась судьба Госкомоборонпрома, Федеральной службы контрразведки и Службы внешней разведки, а также разрабатывался план «Крымской кампании» — силовое возвращение острова в лоно Федерации по «просьбе народа Крыма».

На этот раз вел совещание не президент, а всесильный глава службы безопасности генерал Коржанов, и речь шла о недопустимо беззаконной деятельности «ККК», организации, замахнувшейся на «честь, ум и совесть» государства — ее гигантский, непомерно раздувшийся чиновно-бюрократический, коррумпированный Институт Власти. Впрочем, вслух такие определения властных структур никто никогда не произносил даже в личных разговорах, не говоря уже о кулуарах.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения генерала Коржанова — инициатива сбора Совета исходила от него, — было убийство «чистильщиками» заместителя министра обороны Бурлакова. Со времен захвата больницы в Буденновске Шамилем Басаевым, полевым командиром дудаевского войска, когда погибло больше ста пятидесяти человек, правительство не находилось в большей опасности, подвергаясь угрозе не просто отставки, политического ухода в небытие, но угрозе физического уничтожения! Правда, убийство Бурлакова взволновало не только Коржанова, но и всех участников заседания, четверо из которых попали в список на уничтожение, опубликованный в газетах «Чистилищем». Но самым отвратительным фактом глава службы безопасности президента считал не убийство, а послание «чистильщиков», ставшее достоянием журналистов, в котором говорилось о «подвигах» казненного. Многие из этих «подвигов» тянули в принципе на десять — двенадцать лет тюрьмы, но были и такие, за которые с ходу можно было давать «вышку». Члены Со-

вета безопасности, читавшие послание, все это знали, в душе соглашались со справедливостью приговора, примеряли его к себе, и атмосфера заседания была весьма унылой.

— Что произошло в Тушине, господин министр? — обратился к Гусеву Коржанов. — Почему там оказались ваши люди? И почему покушение все же удалось, Сергей Вениаминович? — Коржанов бросил взгляд на директора ФСБ. — Вы обязаны были все предусмотреть, тем более что в охране аэродрома принимал участие ваш знаменитый батальон «Щит».

— Нам помешали, — сказал Коваль. — Были приняты все меры безопасности, предусмотренные данной процедурой. Мы устроили засады, вычислили киллеров, но... вмешались некие силы, о которых не знали наши информаторы. Хочу также отметить нервную обстановку, созданную действиями спецгруппы министра обороны. Трижды возникали стычки между его людьми и нашими, тяжело ранены два бойца отряда «Гроза»...

— Мои люди ни при чем, — перебил директора Гусев. — Они знали свое дело и могли бы захватить всех исполнителей, если бы им не помешали ваши мастера. К тому же возле аэродрома были замечены и другие спецподразделения, которых там не должно было быть. — Министр обороны бросил косой взгляд на министра МВД. — Не так ли, Леонид Арнольдович?

— Мы тоже занимаемся «Чистилищем», — ответил надутый Пашин, — и получили информацию о готовящемся покушении за два часа до операции. Естественно, мы отреагировали.

— И сорвали перехват!

— Прекратите! — недовольно бросил Коржанов, посмотрев на молчавшего президента. — Все виноваты! Спецподразделения созданы всеми, но координация отсутствует напрочь. Нужен центр, управляющий всеми группами. Предлагаю создать его на базе нашего Управления.

Члены Совета переглянулись.

— Занимались бы вы лучше своим прямым делом, генерал, — тяжело сказал Гусев. — Мы разберемся, кто будет руководить деятельностью спецгрупп.

— Пока вы будете разбираться...

— Не гони лошадей, Николай Владимирович, — подал голос президент. — Пусть силовые министры сами разберутся в этой проблеме. Лучше доложите, какие меры предусмотрены лично вами для защиты работников администрации.

Коржанов сбился с тона, не ожидая от патрона таких слов, подействовавших на него не хуже холодного душа. Заминкой воспользовался Генеральный прокурор, который бесстрастно информировал членов Совета о двух десятках преступлений, приписываемых «Чистилищу».

Затем, дополнив сводку Генерального прокурора, выступил министр внутренних дел, начальник Главного управления по борьбе с организованной преступностью, помощник президента по безопасности и председатель думского Комитета по вопросам обороны. Коржанов успел прийти в себя и заговорил с прежним апломбом, но его слушали уже с меньшим интересом и настороженностью.

Решение Совета было единодушным: разработать план ликвидации «Чистилища» с привлечением всех силовых институтов и новейших технических средств, а также обеспечить безопасность высших должностных лиц государства, для чего министру финансов предложено было изыскать требуемые суммы из особого резерва госбюджета, созданного специально для таких случаев. Не забыт был и фонд поощрения отличившихся в ликвидации мастеров перехвата. Хотя каждый из присутствующих тут же примерил этот фонд на себя.

Когда все разошлись, директор ФСБ оглядел коллекции оружия в палате и медленно спустился во двор Кремля, где его ждал начальник Управления спецопераций.

— Ну как?

— Нормально, — ответил Сергей Вениаминович рассеянно. — Принят реальный план совместных действий против «ККК». Но я не уверен, что среди членов Совета нет работников «Чистилища».

— Поинтересуйтесь у Хватова.

Коваль недоверчиво покосился на него, и генералу показалось, что где-то внутри у главы службы безопасности зарычал тигр.

Министр обороны получил это письмо не по почте, а обнаружил у себя на столе, хотя никто, даже адъютант, не мог проникнуть в кабинет, когда министр сдавал его под охрану.

Федор Иванович подержал плотный серый конверт на ладони, как бы взвешивая, и увидел, что рука дрожит. «Неужели предупреждение «ККК»? — подумал он. — Где этот кретин Юрген?! Что делает его хваленая команда? Команда, которая успешно провалила операцию по захвату боевиков «Чистилища» на аэродроме, хотя знала всех, кто участвовал в покушении?.. И чего после всего этого стоит план, принятый Советом безопасности?..»

Федор Иванович нажал клавишу интеркома, приказал адъютанту немедленно найти Юргена и лишь после этого надорвал конверт, вынув оттуда обыкновенный тетрадный листок в клеточку, без обычного значка «Чистилища» — золотого кинжальчика. Руки снова задрожали, потому что письмо писалось не работниками «ККК».

«Дорогой генерал, — было нацарапано от руки на листке. —

Необходимо встретиться, чтобы вместе попытаться покончить с «Чистилищем». Вряд ли ваши коллеги по Совету безопасности в состоянии сделать это. Думаю, у вас хватит мудрости, чтобы не строить ловушки или советоваться с другими фигурами на поле власти. Я буду ждать вас сегодня в Лосиноостровском парке у летнего кафе «Янтарь» в семнадцать ноль-ноль. Подъезжайте один, без охраны, водителем может быть Юрген. Мы будем вести вас от конторы, можете не волноваться за свою жизнь». Вместо подписи стояло три буквы — «МСС».

— «МСС», — вслух повторил Гусев и бросил письмо на стол.

«МСС» означало — маршал «СС». Ему назначил свидание босс Сверхсистемы!

Юрген появился через час, торопливо проговорил:

— Я был на базе...

Министр молча бросил ему через стол письмо.

Полковник прочитал его дважды, поднял голову.

— Туфта? Ловушка «Чистилища»?

— Нет, это предложение объединиться. Маршал «СС» вполне серьезно считает себя равным президенту... или Богу! Не говоря уже обо мне. Надо показать ему, что он ошибается.

— Понял.

— Ничего ты не понял. Мы пойдем на встречу, но за каждым «эсэсовцем», контролирующим контакт, должна стоять твоя тень. Плюс штук пятнадцать снайперов по периферии парка, с соответствующей подстраховкой. Но никаких прослушивающих устройств! То, о чем мы будем с ним говорить, должно остаться между нами.

— Вы хотите сотрудничать с «СС»?

Федор Иванович потер лоб, глаза его на миг остекленели, стали бессмысленными и тут же вспыхнули угрозой и зловещей энергией, так что Юрген, не боявшийся ни черта, ни дьявола, невольно отодвинулся.

— Для борьбы с тремя «К» допустимы все альянсы. Когда мы уничтожим «Чистилище», придет черед «СС». Но пока...

— Понял.

— Тогда действуй, времени у нас не много.

ПОМОГИ ТЫ — И ПОМОГУТ ТЕБЕ

Спал он всего четыре часа, но проснулся бодрым и оптимистически настроенным. Жизнь продолжалась, судьба сделала зигзаг, но те люди, за которых он боялся, которыми дорожил, были далеко отсюда и не связывали свободу маневра, а это пока было главным. Остальное тоже виделось не в мрачном свете, по-

тому что, несмотря на внешние события и авансы вербующих сторон, выбор остался за ним. ФСБ, конечно, была мощной организацией, сражаться с ней в одиночку не хотелось, да и не имело смысла, пока пути их и внутренние побуждения сходились. А то обстоятельство, что на стороне «федепасов» выступал Конкере, еще предстояло осмыслить. Может быть, Монарх был прав: мир изменился, изменилась шкала общечеловеческих ценностей, и следовало к этому относиться философски.

Матвей завтракал, когда позвонил Парамонов.

— Извини, не разбудил?

— Нет, я встаю рано. — Матвей вдруг поймал себя на том, что обрадовался звонку. Невропатолог был именно тем человеком, с которым он с удовольствием побеседовал бы. — Вы еще не отчаялись дождаться такого суетливого пациента, как я?

— Где бы я ни жил, я все равно работаю, а не провожу время даром. — В голосе Парамонова прозвучал мягкий упрек, и Матвей почувствовал угрызения совести. — Так что все идет нормально. Как съездили?

— Куда? — озадачился Матвей, не предполагая, что кому-то станет известно о его челночном рейсе в Москву.

— Вы ведь только что из столицы?

— Откуда вам это известно?

— Земля слухами полнится, — засмеялся Парамонов. — Не переживайте, я ведь все-таки экстрасенс. У вас найдется сегодня час времени на посиделки? Думаю, вам наша встреча тоже пойдет на пользу.

— Разве что вечером, после семи-восьми.

— Не возражаю, подъезжайте по старому адресу, буду ждать.

Парамонов повесил трубку, а Матвей потерял аппетит, тщетно пытаясь проанализировать разговор и понять, каким образом невропатологу удалось узнать о его контакте с ФСБ. Что встреча с ним далеко не случайна, Соболев понял еще во время первого визита к нему, теперь же и совсем становилось понятно, что Иван Парамонов — *не просто* врач-невропатолог, экстрасенс и гипнотизер. Он вполне мог быть авешей кого-то из иерархов либо человеком Внутреннего Круга. Последнее, в свою очередь, означало, что Матвей резко продвинулся вперед к пониманию истинного положения вещей в мире, к осмыслению земной реальности и других планов бытия, что он готов к восприятию новой информации.

Перед тем как поехать на работу, Матвей в своей новой машине заскочил к Сумароковым и застал осиротевшую после отъезда Кристины и Стаса семью в траурном настроении. Бабушка Бася плакала, сидя на кухне, и даже не вышла к гостю, у Ольги Николаевны глаза тоже были на мокром месте, и Матвей понял, что

произошло что-то плохое. Екнуло сердце: не с Кристиной ли беда?! Но тут же пришла успокаивающая мысль: там с ними Вася, он защитник надежный. Дело в чем-то другом.

— Что случилось? — осведомился Матвей, здороваясь с отцом Кристины. — Получили какое-то неприятное известие?

— Да уж получили, — проговорил Михаил Сергеевич, пряча глаза. — Ночью тут заходили... в черном... тебя искали... — Сумароков отвернулся, и Матвей увидел на его скуле и чуть ниже, на шее, две красные полосы. Били ребром ладони, мелькнула мысль. Однако!..

— Кто?

— Не представились. Все пытались добиться признания: где живет да куда подался. Басе Яновне руки пожгли... — Михаил Сергеевич криво усмехнулся. — Хорошо еще, жену пощадили.

— Как... пожгли?! — Свет в глазах Матвея померк, из глубины души поднялась темная волна гнева, сбила дыхание. Он стремительно прошел на кухню, мгновение смотрел на сидевшую у окна совершенно прямо, с забинтованными ладонями Басю Яновну, по щекам которой катились слезы, и опустился перед ней на колени.

— Ничего, сынок, — сказала она нараспев, — уже не болят. Ты их остерегайся, плохие это люди...

Матвей сглотнул комок в горле, осторожно взял руки старушки в свои, закрыл глаза и с минуту вбирал в себя ее боль, передавая энергию. Встал. Бася Яновна смотрела на него изумленно, перевела взгляд на ладони.

— Боже мой, действительно перестали... дергают только! Да ты никак волшебник, Матвей Фомич!

Соболев поцеловал бабушку в щеку, вышел в прихожую, где его ждали притихшие родители Кристины.

— Расскажите, как все это происходило.

Михаил Сергеевич со вздохом принялся вспоминать подробности, Ольга Николаевна изредка вставляла слово, и вскоре сложилась полная картина налета на квартиру неизвестного отряда людей в черных комбинезонах.

Это могло быть только спецподразделение какой-то из силовых контор, не брезговавшее никакими средствами для достижения цели, но какое именно, определить со слов не удалось. ФСБ отпадала, потому что Матвей как бы уже работал на нее, «Смерш» не имел причин действовать столь нагло и жестоко, из столичных контор оставались только Министерство обороны и Купол, то есть преемница Купола — Сверхсистема, но к ним вполне могли присоединиться и местные силовые структуры: рязанский ОМОН, обиженный когда-то Соболевым, и боевики Маракуца. И с теми, и с другими следовало разобраться.

К сожалению, ни отец, ни мать Кристины не смогли толком описать бандитов. Все они были одеты одинаково и выглядели братьями, разве что командир выделялся ростом и легким акцентом. Это вполне мог быть Алимбаев, подумал Матвей. Мог быть и Пауль Кийк. Что ж, мужики, долг платежом красен.

— Они сказали, что придут еще, — добавила Ольга Николаевна, зябко кутаясь в пуховый платок. — Ты уж поосторожней там, Матвей, не ввязывайся в драку.

— Я буду осторожен, — пообещал Матвей, целуя ей руку.

На работу он ехал медленно, обдумывая свои дальнейшие шаги, но мыслить свободно мешала память, которая болезненно возвращала в прошлое, прокручивая слова, сказанные когда-то Монархом Тьмы: «Ты приносишь несчастье всем, кого любишь, с кем дружишь и к кому привязан...» Как оказалось, слова Конкере имели тенденцию сбываться, и это означало, что в ближайшее время следовало пересмотреть свои принципы, освободиться от привязанностей и жить одному... как Горшин! В принципе Тарас жил один много лет, посвятив себя одному делу — мести. Но вряд ли он *хотел* так жить...

Президент «Рюрика» выглядел, как и всегда, элегантно, уверенно, и общаться с ним было приятно. Матвею он обрадовался, но тот поспешил вылить ему на голову ушат холодной воды:

— Сергей Сергеевич, я должен уехать.

— Что такое? Надолго? — Афонин не сел за стол, а остался стоять рядом. — На неделю, две?

— Боюсь, что гораздо больше. Может быть, навсегда.

— Что случилось? — На лицо президента легла тень.

— Так складываются обстоятельства. Вот сдам дела заму, поговорю с ребятами и... в общем, увольняйте.

— Может, зарплата не подходит? Скажи, сколько надо.

— Нет. — Матвей поколебался немного, но правды сказать шефу не мог. — Я буду неподалеку, в столице, так что, если понадобится моя помощь, приеду.

— Понимаю. — Афонин погрустнел. — Уходят умные и добрые люди, остаются... не очень умные и не очень добрые.

— Это я-то добрый? — слабо улыбнулся Матвей.

— Все больше убеждаюсь, что умных и добрых мало, — продолжал Сергей Сергеевич. — Все больше умных и злых, а еще больше — злых, трусливых, жестоких дураков, работать с которыми — значит не уважать себя. А ведь приходится... Ладно, решай свои проблемы, — оборвал он себя. — Жаль терять такого работника, да что поделаешь. Ты ведь не передумаешь?

— Мне тоже жаль расставаться, — искренне ответил Матвей. — Но все еще может повернуться иначе, тем более если Дума

и президент сойдутся во мнении перенести все-таки столицу из Москвы не в Сибирь, а в Рязань.

Афонин рассмеялся.

— Блестящая перспектива! Но, как сказал бы Лихтенберг: президент не настолько умен, чтобы обезуметь. Зайди через десять минут в бухгалтерию, получи расчет и премию, я распоряжусь.

Они обнялись, и Матвей поспешил в дежурку, где его встретил дружный смех Саши Преснякова, Антона Рыбина и Володи Максименко, сдающего дежурство.

— Привет, командир! — сказал Максименко. — Хочешь анекдот? Сидят вечером у костра на берегу озера охотник и его собака, ужинают каждый по-своему, вдруг из озера выныривает корова, выходит на берег и говорит охотнику: «Эй, мужик, закурить не найдется?» — «Не курю», — ошалело отвечает охотник. «Вот не везет!» — вздыхает корова и бросается в воду. Охотник дико смотрит на собаку, и та ему, пожимая плечами: «А я что? Я тоже обалдела!..»

Новый взрыв смеха сотряс помещение.

— Любишь ты анекдоты переделывать, — улыбнулся Матвей. — Я слышал подобный, но с другим концом. Все, ребята! Покидаю я вас, увольняюсь. Прощаться пришел.

Ответом была недоверчивая тишина.

— Шутишь? — неуверенно проговорил Рыбин.

— Увы, нет.

— И куда уходишь? — спросил Пресняков, сразу поверив начальнику. — В другую контору?

— В Москву. — Матвей по очереди пожал всем ребятам руки и вышел, унося в душе растерянно-сожалеющие взгляды подчиненных, теперь уже бывших. Долго прощаться он не любил.

— Тебя Кудёма искал, — догнал его в коридоре Саша Пресняков. — Спрашивал, когда появишься. Телефон дал, чтобы ты позвонил.

— Позвоню. — Матвей запомнил номер, записанный Сашей на клочке бумаги, еще раз пожал ему руку и вышел из здания, чтобы никогда больше сюда не возвращаться. Садясь в свою новую машину, имеющую грозный вид, он подумал, что Кудёма зря искать его не будет, и вылез, чтобы позвонить, не откладывая в долгий ящик.

Павел оказался дома, вернее, по указанному номеру.

— Привет, — отозвался он мрачно. — Ты еще не передумал помочь мне? Я выследил этих подонков.

«Каких?» — хотел спросить Матвей и понял:

— Тех, что девочку... дочку твоего брата?

— У них имеется нечто вроде «контрольно-пропускного»

пункта, где они держат девочек, пока не найдется клиент, это на окраине Рязани, рядом с парком Победы. Дежурят по шесть человек, смена — в девять утра. Кроме того, я выяснил адрес Шестопала, их главаря. Живет гад в Окском, недалеко от нашей конторы, в пятикомнатке, с женой и двумя детьми. Респектабельный такой на вид. А в дружках у него Маракуц, вице-мэр и начальник милиции. — Кудёма сплюнул. — Ничего компашка?

— Подходящая, ка́к раз для него.

— Ну так что, пойдешь с нами?

— С кем?

— Двое нас пока, я и брат.

— А не проще обратиться в милицию?

— Ты глухой? У Шестопала друг — начальник милиции. Если я сообщу туда, все прикроется, а меня захомутают за «ложный вызов».

— Пойду. Брат что-нибудь понимает в таких делах?

— По книгам только, но обузой не будет, он бывший баскетболист, да и силой Бог его не обидел.

— Хорошо. Ты знаешь, где я живу? — Матвей продиктовал адрес. — Подходите ко мне оба часов в шесть, приоденьтесь соответственно. И захватите фотографию девочки.

Кудёма дал отбой.

Матвей посидел в кабине джипа, размышляя, правильно ли он поступает, ввязываясь в разборку, которая его почти не касается, но потом представил себя на месте брата Кудёмы и сжал кулаки. Повторил вслух чьи-то слова:

— Цель правосудия — не месть, а пресечение потока зла. «Чистилище» в этом вопросе абсолютно право.

Полдня он потратил на поиски Ульяны, чтобы выяснить, откуда ей стало известно о появлении бригады ФСБ, но так и не нашел. Девушки не оказалось ни в институте, ни в общежитии, и даже подруги не знали, где она в данный момент находится. Виделись они с ней вчера, и выглядела она, как и всегда, тихой и задумчивой, без каких-либо признаков волнений и тревог.

Позже отыщу, решил Матвей, мало ли куда она могла пойти или поехать.

Навестив еще раз Сумароковых, которые уже немного успокоились, он пообедал с ними и поехал домой, чтобы подготовиться к отъезду в Москву и к операции, затеваемой Кудёмой. В шесть вечера он был уже готов и к тому, и к другому.

Кудёма заявился ровно в восемнадцать ноль-ноль вместе с двухметрового роста детиной с длинными руками и ногами, покатыми плечами и взглядом исподлобья. Сразу было видно, что они братья, разве что волосы у Игоря были потемнее и подлиннее и он был старше Павла лет на десять. Знакомясь, он сдавил

руку Матвея своей громадной, как и у младшего брата, рукой-лопатой, но встретил неожидаемое сопротивление и в дальнейшем, уважая силу, слушался его приказов беспрекословно.

Оделись братья в одинаковые коричневые ветровки, штаны из парусины и ботинки со шнуровкой, альпийский вариант. Паша вооружился пистолетом, у него была «беретта М-92», а Игорь бейсбольной битой. К огнестрельному, равно как и к холодному оружию он имел отвращение с детства.

— Пистолет оставь, — посоветовал Матвей Кудёме, — он имеет обыкновение стрелять. Пойдем тихо. Одно дело — кулачная разборка, другое — огневой контакт с непредсказуемыми последствиями.

— Я ему тоже говорил, — буркнул Игорь, отец похищенной девочки.

— А вы оба хорошо хоть представляете, чего хотите?

Кудёма-старший угрюмо воззрился на Соболева и ничего не ответил.

— Представляем, — вместо него тоном и голосом брата буркнул Павел. — Мне бы только в глаза тем подонкам посмотреть...

— Присядьте, покумекаем, с чего начать.

Полчаса ушло на уточнение деталей предстоящей «операции», пока Матвей не осознал, что должен сделать, и не проникся уверенностью в благополучном исходе. Затем залез в свой сейф, замаскированный под бар, и вытащил кое-что из снаряжения ниндзя, рассовал по карманам десантного комбинезона, проверил, не звенит ли и не скрипит ли что-нибудь в снаряжении.

— Десантником был? — поинтересовался Павел.

— Что-то в этом роде. — Матвей подумал и достал для братьев приборы ночного видения. — Возьмите, могут пригодиться. Присядем на дорожку.

Они посидели несколько секунд, думая каждый о своем, и один за другим вышли из квартиры Соболева. Матвей выходил последним, и ему показалось, что кто-то внимательно посмотрел ему вслед. Но ощущение это тут же пропало, и Матвей забыл о нем, поглощенный предстоящим делом.

Как всегда, он решил начать с главаря банды Шестопала. «Шестерки», выполнявшие заказ, могли и подождать.

Машину оставили прямо на улице, возле въезда во двор, где стоял дом, заселенный «новыми русскими» — бизнесменами, чиновниками и бандитами. «Федепасовский» джип, снабженный иммобилайзером[1], угона не боялся.

---

[1] Иммобилайзер — электронное устройство блокировки электрических и топливных систем автомобиля.

Единственный подъезд дома, в котором жил известный «бизнесмен» Шестопал Феликс Александрович, владелец казино «Седьмое небо» и ресторана «Орда», охранялся постом вневедомственной охраны. Кроме того, квартиру самого Шестопала могли сторожить и личные телохранители. А войти к нему надо было без шума. Соболев оглядел свою «гвардию» и пожалел, что с ними нет Балуева. Бычья сила Кудёмы-старшего и руки-кувалды Кудёмы-младшего не могли компенсировать спецподготовки и умения мгновенно оценивать ситуацию, действовать адекватно.

Перед выходом из машины Матвей заставил братьев наклеить усы и бакенбарды, и они выступили в путь. У подъезда топтались какие-то молодые девицы, со смехом принялись вдруг тащить в дверь подругу, и Матвей сразу сориентировался:

— Ждите пока здесь, я вас позову. — Подошел к девицам, посылая им призывный секс-раппорт, присоединился к их хохоту. — Че, красавицы, помочь?

— Помоги, добрый молодец, — подыграла ему брюнетка в прозрачном плаще и короткой юбке, бросив на него откровенно изучающий взгляд. — Муж ее ждет, видите ли. Подождет, не усохнет.

Другие девицы тоже оценивающе оглядели Соболева и пропустили в компанию, поддавшись его обаянию и волне силы, исходящей от незнакомого молодого человека. Так они гурьбой и ввалились в подъезд — четыре девушки и Матвей, делающий вид, что принадлежит компании и знает всех.

Сторож компанию видел не раз и пропустил без лишних слов, снова уткнувшись в экран телемонитора: он играл в какую-то боевую компьютерную игру со стрельбой и взрывами.

Матвей дошел с девицами до их квартиры, пообещал спуститься к ним через полчаса, вернулся на первый этаж и строго окликнул сторожа:

— Эй, командир!

Охранник, молодой, но какой-то скукоженный, словно чем-то испуганный или пришибленный, оглянулся.

— В сорок первую квартиру должны подойти двое, один баскетболист, второй грузчик. Не подходили еще?

— Не видел, — проблеял сторож.

— Ежели не появятся через полчаса, выгляни во двор, может, они там ошиваются. Пропустишь.

Матвей сел в лифт, доехал до девятого этажа и скомандовал в микрофон рации:

— Заходите. Скажете, в сорок первую квартиру по вызову.

Через пять минут браты присоединились к нему, изумленные легкостью, с которой они проникли на охраняемый объект.

— Спускаемся, — сказал Матвей. — Шестопал обитает на пя-

том этаже. Ты, Паша, будешь ждать на площадке этажом ниже, а ты, Игорь, — этажом выше...

— Не пойдет, — мотнул головой Кудёма-старший. — Я с тобой.

Матвей внимательно посмотрел на него и кивнул.

— Хорошо, только держись сзади. — Он вдруг понял, как лучше проникнуть в квартиру уважаемого бизнесмена. — Нет, ты, Игорь, пойдешь первым. Позвони в дверь, притворись пьяным и вызывай Серегу Иванова, дружка своего, якобы он здесь живет.

Игорь соображал быстро и начал звонить в дверь блока, созданного перегородкой на трех хозяев. Шестопал, уверенный в своей безопасности, охрану на ночь не оставлял, зная, что особо опасных врагов в криминальных кругах у него нет, а слабые, опасаясь мести, к нему не полезут. К тому же на помощь всегда могла поспешить милиция, с начальником которой он был дружен.

После второго звонка ожил динамик домофона на двери:

— Кто там еще?

— Серега, открывай, это я, Петро, — заплетающимся языком ответил Игорь. — Бутылку принес.

— Нету здесь никакого Сереги. — Динамик щелчком отключился. Одновременно с ним прошла какая-то дополнительная электрическая команда. Матвей почувствовал слабое колебание электромагнитных полей и поздравил себя с предусмотрительностью: в динамик была вмонтирована миниатюрная телекамера.

Игорь, пошатываясь и трясясь вполне натурально, как алкаш, принявший приличную дозу спиртного, снова вдавил кнопку звонка.

— Тебе сказали — нет здесь никакого Сереги! — басом рявкнул динамик. — Не живет!

— Это тридцать седьмая к-квартира? — заикнулся Кудёма. — Серега, не дури, я п-пузырь принес... открывай, трахнем...

— Вот зараза! — Обладатель баса выругался, через несколько секунд щелкнул электрический замок, по полу блока прошлепали шаги, дверь открылась, и на пороге объявился Шестопал Феликс Александрович в халате и шлепанцах.

В то же мгновение Матвей, ожидавший результата переговоров за трубой мусоропровода, прыгнул вперед и буквально внес Шестопала в отгороженный коридорчик-блок. Кивнул Игорю, чтобы тот придержал хозяина за горло, и проник в квартиру, настраиваясь на экстравидение. Но все было спокойно. В квартире находились только домочадцы «бизнесмена», занимавшиеся своими делами: отпрыски Феликса Александровича смотрели в детской телевизор, жена в гостиной ворковала по телефону с подругой, в кабинете Шестопала бормотал еще один телеящик, на кухне рыдал третий. Обстановка квартиры напоминала роскошную

«пещеру» Маракуца, ведь поставщики мебели и дорогой видеоаппаратуры у одного и другого одни и те же.

Игорь Кудёма внес трепыхавшегося в его руках хозяина в прихожую, поставил на пол, но руки с горла не убрал, и теперь Матвей мог разглядеть грозного главаря похитителей малолетних девочек во всей его неприглядной красе.

Был Феликс Александрович ростом от горшка два вершка — метр шестьдесят «с кепкой», не больше, зато шире дверей в свои хоромы — толст до неприличия и волосат до такой степени, что мог бы, очевидно, выжить без одежды в любые холода. С лица воду не пить, гласит старая русская пословица, но с лица Шестопала пить можно было что угодно: широкое, ровное и какое-то странно вогнутое, оно поражало отсутствием деталей, потому что пустые, водянистые, маленькие глазки и крохотный нос назвать рельефом было никак нельзя. Правда, пустыми глаза этого деятеля казались только издали, вблизи же в их глубине можно было уловить хищную неудовлетворенность, жестокость и жажду плотских удовольствий. Как люди подобного типа умудрялись создавать семьи, имея на стороне еще пять-шесть любовниц, для Матвея всегда было загадкой.

— Ну, кто там, Фил? — раздался из гостиной голос госпожи Шестопал.

— Это ко мне, по делу, — фальцетом ответил Феликс Александрович после весьма ощутимого тычка Кудёмы.

Вчетвером они прошли в его кабинет, и Матвей достал фотографию дочки Игоря:

— Помнишь, тварь?

Глаза Шестопала расширились.

— Кто это? Что вам надо?!

— Не помнишь? — Кудёма взмахнул рукой, и Феликс Александрович с грохотом влип в стену, расплющив изящный секретер в стиле ампир. Со стены упала картина в дорогом багете какого-то современного модерниста: абстракция на темы любви. Матвей укоризненно покачал головой, удержал Игоря от нового удара, прислушался к звукам за стеной, но никто из домочадцев Шестопала не обратил внимания на грохот в комнате хозяина.

Феликс Александрович заворочался на полу, сел, держась за шею, но в глазах его не было страха, только на мгновение вспыхнул злобный огонь. Ничего не скажешь, соображал этот человек быстро.

— Вспомнил? — угрожающе нагнулся к нему Павел.

Шестопал подвинулся, бросил взгляд на стол.

— Что вам нужно? Я ничего не знаю.

Матвей подошел к письменному столу и в верхнем его ящике наряду с пистолетом обнаружил на внутренней стороне кнопку

сигнального устройства. Напрягшись, проследил тонкие паутинки пульсирующих полей и токов. Кроме звонков в других комнатах, устройство включало передатчик, настроенный, очевидно, на фиксированную частоту УВД или собственной службы охраны. Передатчик находился здесь же, в нижнем ящике стола, и Матвей, обнаружив его, раздавил на глазах Шестопала.

— Кто ее... — Голос Игоря сорвался, но он справился с собой. — Кто ее насиловал?

— Никто ее не трогал...

Матвей не успел удержать Кудёму, и Феликсу Александровичу достался еще удар ладонью по лицу, превративший его губы в оладьи.

— Кто... ее... насиловал? — повторил Игорь раздельно.

Шестопал потрогал губы, посмотрел на окровавленную ладонь, усмехнулся.

— Я не знаю, кто вы, но жить вам осталось недолго...

Игорь замахнулся, но Матвей остановил его.

— Погоди, я сам разберусь. — Приблизил лицо к лицу Шестопала. — На тебя «наехали» не конкуренты, ублюдок, а «чистильщики». К твоему дружку Маракуцу они тоже наведывались, спроси у него, чем это закончилось. Но с тобой... с тобой мы поступим иначе, и поверь мне, ты будешь умолять нас не пощадить, а *убить* тебя!

Не отодвигаясь, Матвей протянул руку назад.

— Нож!

Павел Кудёма, прислушивающийся одним ухом к звукам за дверью, шагнул к нему и протянул свой армейский тесак.

— Полотенце! Завяжите ему рот, свяжите руки за спиной...

Шестопал отшатнулся, бледнея, не сводя взгляда с лица Соболева, быстро проговорил:

— Я скажу... но я к этому делу не имею никакого отношения... ребята перестарались... ее содержала фаланга Гулявского... больше я ничего не знаю...

— Фаланга? — поднял бровь Матвей.

Шестопал понял, что проговорился, метнулся к окну, но был перехвачен Игорем. Заскулил, когда почувствовал у горла клинок и прочитал в глазах «чистильщиков» приговор. Но Кудёма поступил иначе: он отпустил Феликса Александровича и изо всех сил ударил его ногой в пах. Шестопал без звука рухнул на пол.

Матвей подошел к нему, отодвинул дрожащего, словно в лихорадке, Игоря, провел ладонью по телу любителя девочек.

— Уходим.

— А он? Я его?..

— Будет жить, но вполне может случиться, что у него изменится голос.

Игорь вопросительно глянул на него, потом на брата, и Павел буркнул:

— Ты ему яйца отбил, братан.

Они тихо вышли в коридор, потом Матвей вернулся и, придерживая дверь, сказал громко, чтобы его услышали в других комнатах:

— Договорились, хозяин, мы все сделаем.

— Ты сам закроешь за гостями, дорогой? — прилетел из гостиной голос хозяйки дома.

— Сам, — ответил Матвей, похоже копируя голос Шестопала.

Через несколько минут они уже сидели в машине. Игоря все еще трясло, и Павел сунул ему открытую жестянку пива.

— Успокойся. Иди-ка ты лучше домой, мы и без тебя справимся.

— Нет, я с вами. — Игорь выдул пиво, глубоко вздохнул. — Поехали искать этого... Гулявского... вместе с его фалангой. А Шестопал не позвонит ему, не предупредит?

— Он теперь до утра в отключке будет валяться, — хмыкнул Павел. — Врезал ты ему от души, не загнулся бы.

Матвей молча тронул джип с места.

«СМЕРШ» ПЛЮС

Заместитель начальника Главного управления военно-технического сотрудничества Кулябин был убит традиционным способом «чистильщиков» — ударом в горло — в субботу, двадцать седьмого сентября. Телохранитель Кулябина почти не пострадал, если не считать полученного им тяжелого удара по голове, но убивать его «чистильщики» не собирались, им нужен был Кулябин.

На груди первого зама ГУВТС убийцы оставили листок плотной бумаги со своим «фирменным» значком и словами: «Привет из «ККК».

В воскресенье рано утром начальник военной контрразведки был поднят с постели звонком министра. Судя по тону, Гусев был напуган, взбешен и выражений не выбирал:

— Какого х... ты спишь, генерал, когда направо и налево убивают наших офицеров и специалистов?! Как долго это будет продолжаться? Кто следующий на очереди? Не знаешь?! Тогда какого х... ты занимаешь пост руководителя ВКР?

Никушин наконец понял, что «Чистилище» убрало кого-то из высших должностных лиц оборонпрома или аппарата Министерства обороны.

— Что случилось? — тем не менее осторожно спросил Андрей

Витальевич, просыпаясь окончательно и ставя крест на воскресном отдыхе.

Видимо, министра едва не хватил удар от этого незамысловатого вопроса, потому что какое-то время он пыхтел и матерился, потом наконец в трубке прорезался голос:

— Чтоб в двадцать четыре часа... живого или мертвого... ко мне! — И связь оборвалась.

Никушин подержал еще немного трубку возле уха, встретился с вопросительным взглядом жены и встал.

— Отдыхать, мамочка, сегодня не придется.

— Что опять случилось?

— Кого-то казнили «чистильщики». Звонил Гусев, потребовал в двадцать четыре часа найти киллера. — Андрей Витальевич хмуро улыбнулся. — Чувствует, что к нему подбираются...

— А ты здесь при чем? Пусть военная прокуратура занимается такими делами.

— Твои слова — да Богу в ушки! Я хоть и генерал, но вынужден подчиняться прямому приказу, несмотря на совершенно другой круг решаемых мною задач.

— Как говорил поэт: «Над миром глупость властвует, и это для всех столетий общая примета»[1].

Жена Андрея Витальевича закончила пединститут и преподавала в школе литературу.

Никушин поцеловал ее и пошел умываться.

Через час он был в здании ВКР, куда вызвал своих заместителей Холина и Сабанеева, а также командира спецроты Смышляева. Кроме того, он нашел по каналу «особки» главного эксперта Минобороны, предложил встретиться и обсудить одну важную проблему.

Громов явно не ощущал восторга, что его нашел в воскресенье начальник «Смерша», но как человек дела, понимающий, что причина рандеву должна быть очень веской, уточнил только время встречи.

— Министр приказал в двадцать четыре часа найти убийц Кулябина, — сказал Никушин. — И дал понять, что в противном случае я долго в этом кресле не задержусь.

Офицеры, прибывшие по вызову, переглянулись.

— У него что, крыша по... — начал было Смышляев.

— Потише, — недовольно перебил его Никушин. — Его тоже можно понять. В списке «Чистилища» он первый, вот и нервничает.

— Но двадцать четыре часа на поимку киллеров — это же нон-

---

[1] Вазех Мирза Шафи (1796—1852), азербайджанский поэт, просветитель.

сенс! — не выдержал Холин. — Тем более что мы будем лишними на этом поле брани. Расследованием уже наверняка занимаются соответствующие подразделения МУРа и военпрокуратуры.

— Плюс «федепасы», — вставил Сабанеев.

— Плюс «губошлепы», — добавил Смышляев.

Они замолчали и выжидательно уставились на генерала.

— Выговорились? — усмехнулся Андрей Витальевич. — Ну а теперь давайте помаракуем, как будем выполнять приказ.

Через час программа розыска была составлена и заместители разошлись по своим кабинетам, чтобы привести в действие механизм контрразведывательных мероприятий, оторвать людей от воскресного отдыха и испортить настроение многим законопослушным гражданам.

— Вадим Мартынович, — окликнул Никушин выходящего последним Холина. — Задержись. Где Соболев?

Полковник поскучнел.

— По моим сведениям, он... согласился работать на «федепасов». Его привезли на Лубянку... и после разговора с директором... в общем, он там.

— ...твою мать! — выругался Андрей Витальевич, чего никогда до этого не делал при подчиненных. — Как же вы его упустили? Он должен был работать у нас!

Холин виновато опустил голову.

— Я сам не поехал... а Смышляев не потянул...

— Да я вас обоих!.. — Никушин закашлялся, выдохнул воздух через ноздри, сжал челюсти, перебарывая желание заорать на заместителя, видимым усилием заставил себя успокоиться. — Откуда ты знаешь, что он был у директора на приеме?

— Контрразведчики мы или нет? — криво улыбнулся Холин. — Наших людей нет только на Марсе.

— А на Луне, что же, есть? Прикажите этим вашим людям, пусть передадут ему личную мою просьбу о встрече. Место и время пусть выбирает сам.

Холин наклонил голову, щелкнул каблуками и вышел.

Андрей Витальевич некоторое время смотрел на дверь, потом занялся изучением некоторых документов из сейфа, и в это время в кабинете появился Громов.

От главного эксперта Минобороны пахло дорогим мужским одеколоном, да и одет он был, словно отправлялся на прием в Кремль или на какой-нибудь светский раут, — темно-синий костюм в полоску, ослепительно белая рубашка с отливающим перламутром галстуком и туфли от Мантуччи.

— Садитесь, Дмитрий Олегович. — Никушин встал из-за стола, пожал гостю руку. — Спасибо, что согласились прийти. Но дело не терпит отлагательств.

— Я так и понял. — Координатор «ККК» сел, непринужденно закинул ногу за ногу.

— Сигарету, сигару, кофе, тоник?

— Благодарю, не балуюсь. И если не возражаете, генерал, сразу к делу.

Никушин включил аппаратуру защиты кабинета, налил себе минеральной воды, выпил и сказал, держа в руке стакан:

— Дмитрий Олегович, я знаю, что вы — один из комиссаров «Чистилища». Отрицать не будете? Требовать доказательств тоже?

Громов остался спокоен, только в глубине глаз мелькнул огонек сдержанной угрозы.

— Не буду. Кто еще... знает?

Андрей Витальевич понял.

— Совершенно точно знаю я один. Догадывается мой зам, полковник Холин, правая рука. Но все данные, по которым я ориентировался, собраны только у меня.

— Какие данные?

Начальник «Смерша» снова понял.

— Это не утечка информации, полковник, это результат строгого анализа и прогноза. Если бы вы не пришли ко мне две недели назад с предложением обратить внимание на Госкомобороны, я до сих пор не ведал бы, с кем имею дело. Боюсь, в спецслужбах не я один такой умный.

Громов задумчиво кивнул.

— Спасибо за предупреждение. Со своей стороны мы тоже проанализируем прокол... — Он сделал неуловимое движение, и в то же мгновение раздался тихий гудок, а на лацкане пиджака Громова появилось красное светящееся пятнышко. Он замер.

— Не делайте резких движений, — обозначил улыбку Никушин. — Как и вы, наверное, мы тоже применяем современные технические системы для защиты. Это сработал «малый» СЭР[1]. Вам эта система должна быть знакома, разработка Дугинца в ВЛ-151.

Громов кивнул. Пятнышко — след лазерного целеуказателя — погасло.

— Я не стал бы предпринимать что-либо против вас, да еще в вашем кабинете, Андрей Витальевич. Но могу вас заверить, что в случае... э-э... моего невыхода отсюда от здания не останется камня на камне, несмотря на толстые стены и бронированные стекла. Кстати, один из снайперов сейчас через прицел ОП-95 целится в вас из СВС калибра двадцать три миллиметра, пуля которого свободно проходит через стекла и стены толщиной четыреста миллиметров.

[1] СЭР — система электронной разведки.

Генерал засмеялся.

— Верю. Мы квиты. Хорошо, Дмитрий Олегович, давайте действительно о деле. У меня предложение объединить наши усилия. Не скажу, что деятельность трех «К» вызывает у меня большие симпатии, но, с другой стороны, я абсолютно разочарован в действенности закона! Все мои усилия по ликвидации криминальных очагов в армии нивелируются ответными действиями чиновников Минобороны и министра в частности. Ни один преступник не наказан! Ни один из генералов, которых у нас больше, чем во всех армиях мира, вместе взятых, погрязших в коррупции и торговле оружием, имуществом, технологиями, честью и совестью, наконец, даже не уволен в запас! — Никушин остановился, сдерживая жестикуляцию, налил себе еще воды и залпом выпил.

Громов молча ждал продолжения.

— Понимаю, что не оригинален, но я один из тех, кто со спокойной совестью может повторить слова Верещагина: за державу обидно! Не знаю, долго ли я продержусь на этом посту, но кое-что сделать успею. С вашей помощью.

Громов молчал. Никушин глянул на него, прищурясь, чувствуя внезапное душевное опустошение, и пожалел, что раскрыл перед ним свою душу.

— Вы хотите войти в состав комиссариата? — нарушил наконец молчание Дмитрий Олегович.

— Не хочу, — отрезал начальник ВКР. — У меня свой аппарат, свои люди и свое дело. Но работать мы будем в контакте. Разработайте систему связи типа «Биолинк», дайте мне свой личный канал, предупредите президента «ККК»...

— Координатора.

— Уверен, он согласится работать вместе. А для начала вот вам конкретные предложения. Прямые виновники продажи комплекса С-300-99 и танка Т-95 — начальник Главного управления военно-технического сотрудничества Тлеубаев, его заместители Кулябин и Малинин и директор Удмуртского завода спецконструкций Тетеревский. О Кулябине, не знаю с чьей подачи, но «ККК» уже позаботилась, пора подумать и об остальных. Главные виновники утечки сверхсекретного оружия из лабораторий ВЛ-17, ВЛ-33 и ВЛ-144 — заместители министра обороны Бурлаков и Костенко, их военные представители генерал Торосов и полковник Лотман, а также... лично Гусев Федор Иванович, министр обороны!

— Это я знаю, Андрей Витальевич.

— Вполне допускаю, но выдам все, что имею, до конца. И последнее: в хищении «дырокола» из лаборатории Бушуева подозревается полковник Юрген, создавший секретное подразделение

«Анальгин» во главе с капитаном Кийком для борьбы с «Чистилищем». Теперь все.

Громов встал, одернул пиджак, протянул руку Никушину.

— Вы подвергаете себя большой опасности, Андрей Витальевич, предлагая сотрудничество с «ККК», базис существования которой — отсутствие прямых контактов руководителей с исполнителями и секретность информканалов по уровню «четыре нуля». Даже я, один из комиссаров «Чистилища», не принадлежу себе, но принадлежу системе, которая ради выживания способна безжалостно уничтожить источник малейшей опасности, от кого бы она ни исходила.

Никушин тоже встал, вышел из-за стола.

— Так это ваши люди убрали бывшего комиссара «СК» Завьялова?

— Люди «Чистилища», — уточнил Громов. — ФСБ захватила художника, разработавшего эмблемы «СК» и «ККК» в форме кинжальчика, а художник — близкий приятель Завьялова. Мне жаль, что так получилось, но иного выхода не было.

— Вы могли его просто не найти, — тихо проговорил Никушин, еще раз пожалев, что поспешил открыться. За себя он не боялся, но у него были дети, жена, родственники...

Домой он собрался в пятом часу дня, чтобы успеть к ланчу, который по воскресеньям всегда устраивала жена.

Спустившись к машине и ответив на приветствие телохранителя, уставший за день Никушин оглядел хмурое осеннее небо, набережную, мрачноватые дома на другой стороне реки, и настроение его внезапно улучшилось — от предвкушения домашнего уюта и тепла, тишины и любимого занятия — копаться в подшивках старых журналов. В сущности, мир был не так уж и плох, если давал возможность хотя бы на короткое время прятаться от невзгод в собственной нише.

Он уже занес ногу в машину, собираясь занять место водителя, как вдруг какой-то человек в сером плаще, без головного убора, черноволосый и узкоглазый, неторопливо бредущий по тротуару с книгой в руке, проходя мимо, четко и быстро сказал:

— Машина заминирована, генерал, не садитесь. — И пошел дальше, как ни в чем не бывало, исчезнув за углом.

Никушин замер, но, будучи достаточно осторожным человеком, умея мгновенно анализировать ситуацию, решил не пренебрегать советом. Повернул голову к телохранителю, оглядывающему тротуары и дома, — слов черноволосого незнакомца тот явно не слышал:

— Гриша, быстро назад, в контору, сигнал «Т-2»!

Телохранитель, привыкший к беспрекословному подчинению, бросился в здание ВКР, и вскоре дежурное подразделение

контрразведчиков из роты быстрого реагирования, в составе которого были и опытные подрывники, занялось служебной машиной генерала.

Через полчаса стало известно, что в ней установлены две магнитные мины: одна — под капотом, которая могла взорваться при повороте ключа зажигания, вторая — на боковой грани глушителя, срабатывающая при повышении температуры поверхности до шестидесяти градусов Цельсия. Обе предназначались для десантно-штурмовых операций и имелись на вооружении большинства авиадесантных частей Российской Армии.

— Вас явно хотели угрохать коллеги, — сказал полковник Федорчук, командир саперного батальона из бригады спецобеспечения Министерства обороны. — Мины установлены профессионально. Но если бы те, кто их устанавливал, хотели вас угробить наверняка, они поставили бы дополнительно МДТ-10, срабатывающую от изменения уровня положения на пять миллиметров. От тяжести тела машина осела бы на амортизаторах...

— Спасибо, полковник, — сказал Андрей Витальевич. — Если обнаружите еще что-нибудь, позвоните.

Домой Никушин поехал на второй служебной машине, ломая голову, кому понадобилось предупреждать его таким способом. После слов Громова он уже не мог не подозревать в подобных намерениях «чистильщиков», хотя, с другой стороны, комиссар «ККК» мог бы убрать его и более простым приемом. Подъезжая к дому, Андрей Витальевич окончательно пришел к выводу, что минирование — дело рук отряда Юргена: министр обороны убирал контрразведчика, способного добраться до сути происходящих в министерстве событий.

Переодевшись в халат и успокоив жену, Никушин уединился в кабинете, набрал номер телефона Громова, но передумал и позвонил Главному военному прокурору.

ПРОВОДНИК УЧИТЕЛЮ НЕ ТОВАРИЩ

«Пункт контроля товара», где банда Шестопала держала девочек в ожидании клиентов, представлял собой трехкомнатную квартиру в старом коммунальном доме на окраине Рязани. Трехкомнатной она стала, когда хозяева комнат коммуналки продали свои апартаменты и уехали, а вся квартира, таким образом, досталась одному покупателю, который работал на Шестопала.

Квартира имела два входа-выхода в разные подъезды, а также подвал, в котором хозяева когда-то хранили картофель и банки с соленьями. Теперь же подвал стал «камерой подготовки», где стояли две кровати и располагался плохонький умывальник.

Здесь малолетних «гейш» проверяли «на профпригодность», то есть насиловали, и тюремщики делали это всегда с удовольствием, так как терять им было нечего, а босса они в лицо не знали.

Содержателем «пункта контроля» был некто Гулявский, тридцати двух лет от роду, четырежды судимый за кражи и сбыт наркотиков. Он руководил фалангой — группой тюремщиков в шесть человек, дежуривших попарно через двое суток. Все шестеро, молодые люди в возрасте от двадцати четырех до двадцати девяти лет, подбирались в команду из «отсидчиков» по мелкому хулиганству или из тех, кто сидел по зонам за изнасилование и был выпущен за хорошее поведение досрочно. Все они страдали разными формами сексуальных расстройств, в остальном же были людьми вполне нормальными, даже неглупыми, хотя уже одно то, что они работали в такой специфичной области киднеппинга, говорило об отклонениях в психике.

Кроме бригады сторожей, в банде Шестопала были еще две фаланги — разведки и захвата. Но они сейчас не интересовали Матвея и братьев Кудёма. Издевались над дочерью Игоря сторожа Гулявского. Однако Соболев не прочь был познакомиться и с высокопоставленным клиентом фирмы секс-услуг Шестопала, по заказу которого была похищена дочь Игоря.

Подъехали к дому в девятом часу вечера.

Матвей со вздохом — не пора ли признаться самому себе, что энергию он тратит хоть и не по мелочам, но не по назначению, — вызвал у себя состояние турийи и ловушек и засад не обнаружил и направился к подъезду, который указал ему Павел.

Игоря они поставили у другого выхода с бейсбольной битой в руке, а сами остановились у обшарпанной деревянной двери с тремя номерами: 4, 5 и 6 — и тремя кнопками звонков.

Павел выжидательно посмотрел на застывшего Матвея.

— Позвоним? Что сказать?

Матвей, определивший местоположение сторожей внутри квартиры, покачал головой.

— Держись сзади, я выбью дверь. Один из них спит в дальней комнате, где стоит телевизор. Он твой. А двое играют в карты во второй комнате, где стоит еще один телевизор. Вход в подвал — в конце коридора, но там никого нет. В самом подвале двое, но это, наверное...

Кудёма кивнул, мрачно сверкнув глазами. Из всех подчиненных Соболеву охранников фирмы «Рюрик» он единственный принимал экстраспособности начальника как должное. Вот и сейчас он не удивился, что Матвей разглядел противника сквозь дверь и стены.

Удар ногами с прыжка сорвал входную дверь с петель и внес ее в коридор, куда выходили еще три двери в комнаты и две в туа-

лет-ванную и на кухню. Дверь средней комнаты с цифрой 5 распахнулась, из нее выглянул бритый молодой человек, с изумлением глянул на две возникшие перед ним фигуры и от удара Матвея тотчас влетел обратно в комнату, не успев сказать ни слова. Его напарник кинулся было к дивану, к которому было прислонено помповое ружье, но Матвей его опередил, мягко отправив через всю комнату в угол с тумбочкой, на которой стоял телефон.

В коридоре послышался грохот, вскрик, выстрел, еще один вскрик. Покрывшись холодным потом, в предчувствии непоправимой беды, Матвей выскочил из комнаты и увидел завершающий этап происходящего.

Видимо, Гулявский сориентировался быстрее, чем члены его фаланги, и успел достать оружие, попытавшись прорваться через другой подъезд. Но там его встретил Игорь Кудёма с бейсбольной битой, которая, конечно, не могла защитить его от пули. Гулявский выстрелил в него с трех метров, бросился по коридору на кухню и нарвался на Павла Кудёму, который встретил его прямым ударом в лоб.

Матвей метнулся к Игорю, наклонился над ним и с облегчением выдохнул воздух из легких: пуля из «вальтера» попала Кудёме-старшему в плечо, пробив его насквозь, но не задев артерии и костей.

Остановить кровь и перевязать плечо было делом нескольких минут. После чего Павел поволок Гулявского в комнату сторожей и привел их в чувство, поставив рядком у стены, облитой не то соусом, не то маслом. Бледный от пережитого Игорь присел на диван, и взгляд его был настолько красноречив в своей ненависти, что один из сторожей, курчавый и черноволосый, похожий на армянина, поежился. Ему первому и показал фото Павел.

— Помнишь ее, малыш?

— К-кто это?

Голова черноволосого дернулась назад и ударилась о стену. Он сполз на пол, с трудом поднялся, держась за челюсть.

— Вспоминай быстрей!

— А-а... славяночка... та, что сбежала... — быстро заговорил армянин с заметным акцентом. — Но я ее не трогал... я был другая смена... это вот все он. — Черноволосый мотнул головой в сторону понурившегося бритоголового здоровяка, под глазом которого налился фиолетово-красный синяк.

— Бухарь, убью, с-стерво! — прошипел бритоголовый, взмахнул левой рукой, но Матвей успел перехватить выпад и отобрать финку, прятавшуюся в рукаве его джинсовой куртки.

— Ты... ее?! — в мертвой тишине спросил Кудёма.

— Он первый, — криво ухмыльнулся бритоголовый, глянув

на Гулявского, вытиравшего кровь с разбитой губы и со лба. — Я сначала смотрел... сисястая девка была... ох!

Удар Кудёмы в пах был столь силен, что бритоголовый подскочил вверх на добрых полметра. Сторож упал без звука, схватившись за промежность, лицо его посинело, пошло пятнами, стало на глазах желтеть.

«Ты же убил его!» — хотел сказать Матвей, но передумал, нагнулся к упавшему, с трудом нашел пульс, сделал импульсивный перенос энергии. Бритоголовый начал дышать, но было видно, что мужское достоинство ему теперь уже никогда не понадобится.

Гулявский с ужасом глянул на него, встретил беспощадный взгляд Кудёмы и заскулил. Матвей вскочил, пытаясь удержать Павла, но не успел: тот нанес свой жестокий удар в пах... Армянина уколом в сонную артерию успокоил Матвей, не желавший больше участвовать в экзекуции, хотя жалости к ублюдкам не испытывал.

Когда они спустились в подвал и освободили двух зареванных, бледных девчонок лет тринадцати-четырнадцати, Павел Кудёма вернулся в комнату и нанес еще по удару в то же самое место каждому из сторожей. Смотреть на его лицо без ужаса и содрогания было невозможно.

Молча пожав руку Матвею, братья растворились в темноте. Матвей проводил их взглядом, усадил плачущих, не верящих в избавление девчушек в джип и развез по домам. К себе он попал в полдвенадцатого ночи. На душе было муторно — она была похожа на пепельницу, полную окурков, никаких иных эмоций он не испытывал, и жаждал он только одного — спать.

Но спать ему не пришлось.

В час ночи зазвонил телефон.

— Матвей? Вы вернулись?!

— Ульяна?!

— Уходите немедленно! За вами организована охота... — Голос девушки был полон трагической отрешенности и тоски. — В любой момент они могут появиться, и... задача их — уничтожить вас...

— Откуда вы знаете? Снова заговорило чужое знание?

— Уходите... — Короткое рыдание и гудки отбоя.

Матвей посидел на кровати несколько мгновений, прижимая трубку к уху, потом начал одеваться. Сомнений не оставалось, Ульяна была авешей Светлены, получая информацию по каналу внечувственной связи, но боялась своего дара, боялась выглядеть в глазах Соболева психически неуравновешенной, больной, и в то же время не могла не передать ему тревожное предупреждение.

Покопавшись в шкафу, Матвей нашел там отобранный когда-то у Кийка «глушак», засунул в карман сумки. Повертел в руках сеточку с наушниками, хотел было бросить на место, но передумал, укрепил под волосами на голове и включил. Впечатление было такое, будто на голову прыгнула мокрая и холодная лягушка, потом превратилась в паука, мгновенно затянувшего голову паутиной. Ощущение было очень непривычным, но быстро прошло, ему на смену пришло другое — ощущение непробиваемой каски, броневого колпака, довольно тяжелого и толстого, стянувшего череп.

Он закончил экипировку, сложил документы и кое-какие книги в «дипломат», переложил походный мешок МП-95 в кожаную сумку, прикинул, что еще можно взять, и в это время в замке двери тихо провернулась отмычка.

Ульяна не сказала, кто устроил за ним охоту, но по тому, как действовали пришельцы, Матвей склонялся к мысли, что это местная команда. Военные, тот же Пауль Кийк или Ельшин, действовали бы иначе.

Матвей встал сбоку, повернул ручку, приоткрыл дверь и сказал в образовавшуюся щель:

— Заходите, господа. Только не поднимайте шума.

Последовала короткая пауза, полная, очевидно, изумления и недоверия тех, кто пытался открыть дверь отмычкой. А затем в прихожую ворвались сразу пятеро в одинаковых блестящих черных плащах и в масках. Направили на хозяина оружие. Матвей определил, что вооружены все были новейшими пистолетами-пулеметами «бизон-2» (штурмовой вариант, калибр 9 миллиметров, прицельная дальность 100 метров, емкость магазина 67 патронов), которые имели далеко не все спецподразделения. Затем из коридора шагнул в квартиру еще один человек, крупного телосложения, с блестящими черными волосами и пистолетом в руке. Впрочем, это был не пистолет и не «глушак», а «болевик», Матвей не сразу узнал его силуэт, потому что видел до того вечера всего один раз, да и то год назад.

— Привет, супермен гребаный! — раздался знакомый голос, принадлежащий бывшему охраннику «Рюрика» Алимбаеву. — Не ждал гостей?

— Ждал, — ответил Матвей. — Привет, Алимбай. Никак не можешь успокоиться? Что ж, заходи, поговорим.

Алимбаев стянул маску с лица на шею, ухмыльнулся, шевельнул стволом «болевика».

— Бахыт, проверь.

Один из нападающих нырнул в гостиную, оглядел спальню, кухню, туалет, вернулся.

— Никого. Он собирался уходить, чемоданы приготовил.

Алимбаев повел стволом генератора боли в сторону гостиной:

— Топай, супермен. Только не вздумай демонстрировать свои каратистские приемчики, с ходу нафаршируем свинцом.

Они прошли в гостиную. Двое боевиков остались в прихожей, трое расположились в соседней комнате, направив на Соболева оружие: один у окна, второй у двери в спальню. Алимбаев расхаживал по квартире, поигрывая своим нестандартным «пистолетом». Они явно ждали еще кого-то, имея задание задержать хозяина до подхода главного начальника. Решил подождать и Матвей, готовый перейти *на темп* в любое мгновение. Алимбаеву же очень хотелось показать безнадежность положения бывшего начальника, поиздеваться над ним и отомстить за прежние обиды, но он еще не пришел в себя от неожиданности, оттого, что удалось войти сюда без драки, и никак не мог решиться начать задуманное, подыскивая причину.

— Бахыт, обыщи его.

Жилистый черноволосый боевик подошел к Матвею, ударил ногой по ноге.

— Поставь шире! Руки за голову!

Матвей послушно встал так, как требовалось, стерпел довольно умелый обыск. Единственное, что могло побудить его начать свой веер действий, так это осмотр «дипломата» и сумки, но гости пока еще даже не взглянули на них.

— Чисто, — отошел от Матвея Бахыт. — Давай проверим, чем он сумки набил.

Алимбаев, разочарованно оглядев стоявшего в расслабленной позе Соболева, вдруг заорал:

— Что скалишься, супермен? А ну на пол, мордой вниз! Кому говорю!

— Отставить, — вошел в комнату еще один гость, в котором Матвей узнал господина Маракуца.

Вместе с боссом зашли двое его телохранителей, вполне способных сыграть роль бетонных панелей. Кожаные куртки при каждом движении буквально лопались на их могучих грудях и плечах. В руках-лапах каждый держал бейсбольную биту, казавшуюся по сравнению с ними зубочисткой.

— Вот мы и встретились, «чистильщик», — хмыкнул Маракуц, бросая беглый взгляд на интерьер комнаты. — Небогато живешь. Начальство плохо платит? Или ты упомянул тогда три «К» в запале, а сам работаешь на другую фирму? На какую же?

— «Рюрик», — хрюкнул Алимбаев со смешком.

— Ну, что молчишь?

— Да вот думаю, что мне с вами делать, — спокойно ответил Матвей.

Телохранители Маракуца вместе с боевиками Алимбаева заржали, и их хозяин удивленно приподнял бровь.

— Не придумал еще? Или надеешься, что тебе поможет твой приятель? Не жди, нет его в Рязани, уехал. Единственное, что тебе может помочь, так это НЛО. Или ты с НЛО не контактируешь?

— Я — нет, — откровенно признался Матвей. — Но один мой знакомый однажды увидел НЛО в форме телеграфного столба и имел с ним контакт.

Маракуц скривил губы.

— Юморим? Что ж, посмотрим, как ты будешь юморить после этой штучки, которую мне прислал мой друг из столицы.

В то же мгновение Алимбаев выстрелил в Матвея из «болевика», и Матвей пожалел, что довел ситуацию до тупика.

В принципе он был готов к атаке из «болевика» и «глушака», да понадеялся на защитные свойства «пси-шлема» на голове, но конструкторы генератора боли не стояли на месте и создали новую разновидность «болевика», воздействующего не на всю нервную систему, а на отдельные нервные узлы и органы тела. «Болевик», из которого выстрелил Бай, был настроен на поражение сердечной сумки.

Боль — сторожевой пес здоровья, гласит старая пословица, но даже длительная зубная боль — вещь очень неприятная, если не сказать больше. А когда от нее вопит каждая клеточка пораженного органа и кажется, что тебя в этом месте насадили на раскаленный вертел, — ни о каком здоровье речь уже не идет.

Сердце взорвалось, как граната, пробив грудь горячими фонтанами крови... таково было впечатление. Может быть, шлем, нацепленный Матвеем, и принял на себя какую-то часть излучения, но ощутимой помощи не оказал. Матвей потерял сознание уже на второй секунде борьбы с болью, не успев включить свои экстрасенсорные защитные системы сознательно.

Однако импульс «болевика», возбудивший сердечный нервный узел, не достиг своей цели — резонанса, который смог бы либо остановить сердце, либо разорвать сердечную мышцу. И Матвей очнулся через несколько секунд после выключения «болевика».

Осознав себя лежащим ничком, он не стал сразу вскакивать на ноги, а сначала огляделся — в чувственной сфере, конечно, хотя сердце продолжало болеть, словно в нем застрял ржавый гвоздь.

Положение остальных действующих лиц в комнате не изменилось. Прошло действительно всего несколько секунд, от силы полминуты, и боевики Маракуца успели обменяться всего двумя-тремя словами, ощущая себя победителями.

— И это все? — спросил один из прибывших с Алимбаевым. — По-моему, он уже не дышит. Из чего это ты его так шваркнул, Бай?

— Смотри-ка, работает! — вполголоса заметил озадаченный Алимбаев. — Шеф, что вы мне подсунули?

— Секрет фирмы. — Маракуц отобрал у него «болевик». — Надо будет передать моему дружку, что образец испытан в условиях, приближенных к боевым. Переверните его. Может, он еще жив?

Чьи-то руки грубо перевернули Матвея на спину, тронули артерию на шее, и Матвей задержал дыхание и сердцебиение.

— Готов, — с разочарованием сказал кто-то. — Жаль, слишком быстро ты его укокошил, Бай, а то повеселились бы напоследок.

— Он бы тебе повеселился, — раздался чей-то знакомый голос, и в гостиную вошел тот самый майор, руководитель ОМОНа, которого когда-то заставил убраться из офиса фирмы Соболев. — Поторопился ты, Николай Федорович, надо было его нам отдать.

— Кто же знал, что эта новая «пушка» такая мощная. Он свалился, как бык от удара кувалдой по лбу, побелел и затих. Ладно, уходим. Бай, контрольный выстрел в висок, пистолет ему в лапу, пусть думают, что застрелился сам. В квартире прибрать, следы уничтожить. Пошли, Семен.

И в этот момент Матвей перешел *на режим*.

В первую очередь он нейтрализовал Маракуца, вооруженного «болевиком»: Боксер пролетел по воздуху два метра и своей тушей сломал кресло. Затем настала очередь Алимбаева, среагировавшего на опасность на удивление быстро: удар «мотыга» раздробил ему носовую кость. Майор из ОМОНа тоже разобрался в обстановке и попытался применить штатное оружие, но ему помешали телохранители Маракуца, наконец врубившиеся в ситуацию и начавшие наступление. Свалить их мог бы, наверное, только удар шпалой по голове, и лишь медлительность «качков» не позволила им завладеть положением. Обычные удары их не брали, чудовищный мускульный каркас предохранял обоих не хуже бронежилета, а применять сютю-рёку[1] при нанесении кансю[2] — тычковых ударов пальцами — Матвей не хотел, любой такой удар мог закончиться смертью противника. Пришлось перейти на тяо-яо[3], или, как это называлось в русбое, — на «скакал-

[1] С ю т ю - р ё к у — концентрация силы.

[2] К а н - с ю — рука-копье (тычковый удар вытянутыми или сжатыми пальцами).

[3] Т я о - я о — техника прыжков (кунгфу).

ку», чтобы увеличить импульс силы при ударе. От первого такого удара один из «качков» рухнул на стол, превратив его в груду деревянных обломков. На мгновение все в комнате замерли, и в это время в гостиной появилось новое действующее лицо — Вахид Тожиевич Самандар собственной персоной. Одетый в неизменный серый плащ, он спокойно прошел на середину комнаты, оглядел застывшую компанию, три лежащих тела, перевел взгляд на Матвея:

— Похоже, я вовремя.

— Не спешите с выводами, коллега. — В гостиную Соболева шагнул еще один неожиданный гость, врач-невропатолог Иван Парамонов. Он, как и Самандар, осмотрелся и сосредоточил свое внимание на директоре Международного исследовательского центра боевых искусств.

Майор ОМОНа опомнился, сунул было руку в карман, однако снова уставился на вновь прибывших как завороженный. В таком же состоянии пребывали и остальные члены команды Маракуца, в том числе и телохранители, хотя никто им не угрожал и не ограничивал в действиях. Один Матвей почувствовал исходящие от Самандара и Парамонова силовые волны, столкнувшиеся наподобие двух волн цунами.

— Претензии, Посвященный? — сказал Самандар.

— Личность в зоне трансляции э-знаний, Посвященный, — ответил Парамонов.

— Ступень претензий? Баланс боя?

— Баланс глубины.

— Что ж, давайте попробуем.

— Кто вы такие? — прохрипел майор, снова хватаясь за карман, где у него, очевидно, был спрятан еще один пистолет.

Самандар оглянулся на него, сказал задумчиво:

— Они нам не помешают?

— Не помешают, но пусть лучше уйдут. — Парамонов глянул на майора, на телохранителей Маракуца, и взгляд его был тяжел и физически плотен.

— Уходите!

Боевики повиновались, не сделав ни одной попытки схватиться за оружие, забрали так и не пришедших в себя Маракуца и Алимбаева, увели пошатывающихся телохранителей. Во дворе было слышно, как сначала заработали моторы двух машин, потом взревели сильнее, вытягивая первую передачу и увозя банду, затем все стихло.

Матвей наконец пришел в себя, хладнокровно выглянул в окно, потом закрыл дверь на лестничную площадку, прибрал в квартире и пошел в душ. Самандар и Парамонов, переглянувшись, молча наблюдали за ним, пока он не скрылся в ванной.

Когда Матвей вернулся в гостиную, он стал свидетелем «разборки» двух Посвященных, уровень которой диктовался не физической силой и не знанием приемов рукопашного боя, а знанием Законов реальности.

Перед ними на журнальном столике лежал лист бумаги с нарисованной сложной схемой, похожей на иероглиф, Матвей узнал энеаграмму — фундаментальный иероглиф универсального языка, который знали только люди Круга. Он был настолько сложен, что у него зарябило в глазах, а гости Соболева все подрисовывали и подрисовывали к нему какие-то символы и знаки, изредка бросая реплики:

— Ислам?

— Только как символ покорности. Чистой веры не приемлет. Воины ислама — нонсенс! Принадлежит к патогенным системам верований.

— Аум? Кришнаизм?

— То же самое.

— Буддизм?

— Ближе. Основной тезис — все реальности относительны — верен.

— Но последствия действия можно устранить только действием.

— Это Закон запрещенной реальности. Я уверен, что не стоит переступать ступени Пути к Посвящению, пренебрегая Законом постепенного приближения. Уровень духовности должен быть всегда выше уровня возможностей, а не наоборот.

— Это не закон, а вариант достижимого. Что бы мы ни дали идущему, все будет зависеть от него.

Самандар и Парамонов одновременно посмотрели на Матвея, и тот почувствовал себя жалкой инфузорией, лежащей на стеклышке под микроскопом, откашлялся:

— Не соблаговолят ли Посвященные объясниться?

— Соблаговолят, ради этого и прибыли сюда, — обнадежил Самандар. — Мы еще не люди Круга, но Посвященные последней ступени. Кроме того, мы изредка становимся Проводниками...

— Авешами.

— Можно сказать и так. Теперь о главном. Говорите, Иван Терентьевич.

— Как вы понимаете, — улыбнулся Парамонов, — встретились мы с вами отнюдь не случайно. Я имею в виду — не здесь, а в Рязани. Вам был нужен Учитель, нам нужны Ученики.

— Я начал догадываться.

— Сохранение равновесия в запрещенной реальности, каковой является наш слой бытия Земли, невозможно без трансляции

стабилизирующей модели, чем занимаются и Монарх, и иерархи, но подходы к этой проблеме у них разные, зачастую даже диаметрально противоположные. Как только такое случается, ваш мир потрясает серия войн, катаклизмов и катастроф, стирающих с лица земли целые народы и государства.

— Пожалуй, не стоит так подробно, — посоветовал Самандар, — он все понимает.

— Мало того, — продолжал, кивнув, Парамонов, — даже среди иерархов нет единства мнений, как контролировать запрещенную по вине Монарха реальность, чтобы она не дестабилизировала другие реальности Мироздания, не вызывала колебания и судороги энергоинформационной матрицы мира — ментала. Монарх, например, считает, что необходима постоянная коррекция законов. На его позиции стоят такие мощные фигуры иерархов, как триарх и пентарх, хотя их принципы во многом расходятся. За эгрегорную стабилизацию ратуют инфарх, экзархи, примарх. Нюансы позиций объяснить сложно, и я их опускаю.

— Объясните свои позиции.

Парамонов и Самандар обменялись взглядами.

— Повторяем, мы — не иерархи и даже не люди Круга, хотя стремимся стать ими. Но и у нас есть принципы, которые мы отстаиваем. Я считаю, что людей переделать нельзя и что нельзя силой насаждать свое понимание справедливости. Вахид Тожиевич скажет о себе сам.

— В нашей реальности слабо работает Закон обратного действия, или Закон возмездия, — сказал Самандар. — Вернее, работает слабый вариант закона, допускающий слишком широкий спектр психосоциальных отклонений. Я бы хотел усилить его, что автоматически сняло бы целый класс безобразных форм отношений. Но без известного насилия, ограничения свободы воли и физического пространства сделать это не представляется возможным.

— Угол падения равен углу отражения, — пробормотал Матвей.

— Это частный случай Закона обратного действия.

— Я не противник насилия, — сказал мягко Парамонов, — но только лишь в приложении защиты личности. Если мне угрожают расправой, я действую адекватно. В остальном наши взгляды на жизнь расходятся.

— Понял. Кто же теперь из вас станет меня учить?

— Никто.

Матвей с недоумением посмотрел на потрясающе невозмутимые и спокойные лица собеседников, говорящие об их полном владении собой и ситуацией.

— Как никто?!

— Мы оба претендовали на это, — вздохнул Парамонов. — Энеаграмма не выявила лидера, и нам потребуется время, чтобы... э-э...

— Выяснить отношения, — подсказал Самандар с мрачной искрой в глазах. — Хотя мы не уверены, что вы последуете за одним из нас. И все же нам хотелось бы кое во что посвятить вас. В Москве, а по сути — в стране, образовались четыре конкурирующие силовые структуры: Федеральная служба безопасности плюс ГУБО — одна, Министерство обороны и Сверхсистема — другая, «Чистилище» — третья и Генпрокуратура плюс МВД — четвертая. Есть и еще одна подсистема — служба безопасности президента, но ее амбиции не идут так далеко, как у остальных.

— Между ними мечутся еще две подсистемы, коррумпированные меньше других: военная контрразведка и Московский уголовный розыск, — добавил Парамонов. — И все они конфликтуют, увеличивая подпороговый хаос. Как только порог взаимодействия будет преодолен...

— Начнется война на уничтожение, — закончил Самандар все с тем же насмешливо-ироничным, мрачноватым огоньком в глазах. — Хаос. Уцелеет ли государство, не знаю, но может *не уцелеть* реальность! Что для живущих в ней равносильно катастрофе. Вот теперь и думайте, стоит ли вам влезать в эту кашу, чтобы изменить потенциалы, или не стоит.

Матвей сел в уцелевшее после налета кресло, глубоко задумался, ища в памяти эзотерические тексты, созвучные услышанному. Двое людей, в силу разных причин вставшие на Путь во Внутренний Круг, с не меньшей сосредоточенностью и не без сомнений смотрели на него. Наконец Матвей первым прервал затянувшееся молчание, твердо взглянул на Парамонова:

— Что вы предлагаете мне делать?

— Как уже было сказано, у нас разные подходы к...

— Нет, я имею в виду вас лично. Что вы предлагаете делать?

Парамонов искоса посмотрел на Самандара. Тот усмехнулся, покачал головой.

— Кажется, этот молодой человек выбрал ваш Путь, Иван Терентьевич. Сожалею, что не могу помешать. Желаю удачи... всем нам, но не уверен, что пути наши не пересекутся.

И Самандар исчез. Только ветер прошелестел по комнате, шевеля разбросанные листы бумаги.

— Он поспешил, — тихо произнес Матвей. — Я еще не знаю, чей Путь мне ближе и каким пойду я.

— Я знаю, — кивнул Парамонов. — Выбор остается за вами. Но я всегда смогу помочь, если потребуется, и буду неподалеку. Одна просьба: не ошибитесь в оценке ситуации, как сегодня. Ибо настанет час, когда перед вами встанет проблема выбора

гораздо более значимых категорий, чем собственная жизнь и смерть. Идемте, оставаться здесь более нельзя, я имею в виду не столько квартиру, сколько город.

Матвей погасил выключатель, перекрыл воду, запер дверь и вышел за Парамоновым на улицу. Они молча сели в джип, думая каждый о своем. Потом Соболев понял, что к прошлому действительно нет возврата, что впереди его ждет совершенно иная жизнь, полная зигзагов и неожиданностей, и у него внезапно защемило сердце. Надо будет разыскать Ульяну, подумал он какой-то частью своего сознания, на что другая возразила: ради чего, многоженец? Ты и так знаешь, что Уля — лишь авеша Светлены. Не терзай девочку своим вниманием, она это понимает иначе. Ищи лучше саму Светлену...

Усмехнувшись самооценке «многоженец», Матвей включил двигатель, и джип покатил в ночь...

«ККК» CONTRA «РКК»

Согласно материалу «ККК», на территории России обосновалось четырнадцать киллер-центров, объединившихся в «Российский киллер-клуб» — «РКК», известный не только в самой России, но и за рубежом. По данным внешней разведки, к услугам этого клуба все чаще прибегали боссы преступного мира других стран, потому что действовал он быстро, изобретательно и надежно.

Сами центры образовались сравнительно давно, одновременно с распадом Союза ССР, но идея объединения их возникла одновременно с образованием «СК», а дозрела, когда «Чистилище» преобразовалось в «Команду контркрим».

Конечно, полной информации о деятельности «Клуба убийц» не имела даже ФСБ, не говоря уже о Министерстве внутренних дел, однако у координатора «ККК», во-первых, был первоклассный информационно-аналитический комплекс на базе боханов-ского Центра нетрадиционных технологий, а во-вторых, ему помогал некто, обладающий *полной* информацией о состоянии Земной реальности. Правда, иногда этот приятель — некто — требовал от Громова услуг, несовместимых со статусом лидера «ККК», да и энергии у Дмитрия Олеговича на каждый контакт уходило слишком много. Однако с этим приходилось мириться, потому что цена этих контактов себя оправдывала — предоставлялась возможность диктовать свою волю *любому* человеку, *любому* лидеру страны и даже *любой* властной структуре.

С одной стороны, Громов понимал, что «ККК» мало чем отличается от «РКК» — «Российского киллер-клуба», с другой —

он был уверен, что цели у них абсолютно разные. Но лишь цель «Чистилища» — возмездие и четкая работа Закона обратного действия — оправдывала применяемые «чистильщиками» средства. Уничтожением клуба Громов хотел показать власти, народу страны, да и всему миру, что существует *высшая* справедливость, а «ККК» — всего лишь проводник ее, исполнитель Закона.

В Московской области окопались, по данным Рыкова, три киллер-центра, один из которых играл роль объединяющего звена. Именно этот центр и решил уничтожить в первую очередь «полный квадрат» комиссаров «Чистилища».

Замаскирован киллер-центр был под двумя вывесками: фирмы по изготовлению гробов и памятников «Мемориал», располагавшейся в Люблинском районе, возле кладбища, и частного бюро по расследованию супружеских измен «Ватсон», которое размещалось в бывшей парикмахерской «Люблино» на улице Доватора. Последней акцией центра было убийство молодого девятнадцатилетнего парня, что и оказалось каплей, переполнившей чашу терпения «ККК».

Громов заинтересовался этим делом с подачи все того же комиссара-три Бородкина: похоже, поиск подобных беспредельных инцидентов стал для Прохора Петровича чем-то вроде хобби.

Дело начиналось, как и сотни таких же, слепленных по одному сценарию.

Работал человек заведующим базой в муниципальном округе Таганский. Человек энергичный, умный и честный. За короткое время превратил базу — бывшее овощехранилище — в современное предприятие с автоматическими линиями подачи, холодильными цехами и образцовым обслуживанием. Как водится, нашелся лидер местной мафиозной группировки, контролирующей данную территорию, и предложил работать на него. Человек отказался. А через месяц купленный лидером-мафиози отдел хищений госсобственности Таганского управления внутренних дел сфабриковал на заведующего базой уголовное дело: подставной свидетель принес взятку, заведующего базой в собственном кабинете повязал ОМОН, прокурор подписал дело, судьи вынесли приговор — семь лет строгого режима.

Сын безвинно осужденного не поверил в преступление родителя и начал собственное расследование. Тем более что парень пошел в своего отца, умел сопоставлять факты, анализировать, думать и делать выводы. А когда добрался до лидера мафии, с которого все, по существу, и началось, поступил заказ в киллер-центр «Ватсон» — «Мемориал». Наутро парня нашли в петле с запиской, в которой он объяснял свое решение уйти из жизни «стыдом за отца». В тот же день позвонили его матери и преду-

предили, что, если она вздумает пойти по стопам сына, жить ей — до первой подворотни.

Когда Громов дочитал досье, представленное ему Рыковым по заказу Бородкина, то понял, почему Прохор Петрович так печется о справедливом наказании за совершение подобных преступлений: у комиссара-три несколько лет назад погиб сын, попавший в лапы мафии, и горечь утраты не проходила до сих пор. Однако не столько этот факт заставил лидера «ККК» принять решение покончить с киллер-центром, сколько складывающаяся в стране ситуация: охоте всех силовых структур на «чистильщиков» срочно надо было противопоставить абсолютно правдивую и справедливую акцию, в которую поверила бы общественность. Ликвидация банды убийц должна была сыграть роль такой акции возмездия.

Василия Балуева подключили к операции, когда она была уже подготовлена. Но так как он не привык действовать вслепую, то потребовал полный пакет информации о преступной деятельности банды, на счету которой числилось уже около двух десятков заказных убийств. Валерий Шевченко не мог предоставить ему исчерпывающих сведений и обратился к Громову, на что тот реагировал холодно и лаконично:

— Пусть довольствуется тем, что знает. Его дело — перехват.

Шевченко передал ответ лидера «ККК» Василию и впервые увидел того взбешенным.

— Или вы даете мне пакет данных, или мы расстаемся! Так и передай своему боссу. Я не «шестерка», а волкодав с десятилетним стажем! Кстати, заодно передай: на «мокрые» дела не пойду! Захват — пожалуйста, в любой форме, на любом объекте, с любым коэффициентом риска. Убийство, даже какого-нибудь подонка, — нет! Тут мы расходимся с вами в оценке законности и справедливости казни.

Разговор этот происходил на территории охотничьего хозяйства «Измайловский заказник», на котором располагалась секретная база подготовки «чистильщиков», и свидетелем его стал комиссар-два Рыков, приехавший в качестве представителя органов якобы для рекогносцировки будущей правительственной охоты. На самом деле Рыков появился с целью контроля действий комиссара-пять, хотя об этом не знал никто, даже координатор «Чистилища» Громов. Зато Дмитрий Олегович узнал о претензиях Балуева и явился домой к Шевченко, где временно проживал Василий, в сопровождении мейдера личной охраны.

Операция должна была начаться ранним утром, то есть через восемь с половиной часов, и Шевченко готовился к выходу, тщательно разыгрывая с компьютером предстоящий спектакль, прокручивая варианты и адекватные ответы «чистильщиков». Васи-

лий тоже готовился к бою, но по-своему: прикидывал ответную реакцию атамана киллер-центра, наверняка подготовившего немало сюрпризов на случай прорыва работников милиции.

Громов зашел к Шевченко один, одетый в полувоенный комби, ладно сидевший на его фигуре. Узнать лидера «ККК» было трудно, он изменил внешность и стал похож на грузина.

— Ганфайтер, — сказал он, войдя в «гостиную» Валерия, где на диване лежал Василий, закинув руки за голову, — ты новичок, и сегодня я терплю твои высказывания в адрес комиссариата, но в дальнейшем воздержись от излишних претензий и делай свое дело, которому обучен. Все наши исполнители жестко подчинены вертикали командования, привыкай и ты.

— Ясно, — сказал Василий, оглядев «грузина». — А не пойти ли вам на хрен, уважаемый? Я не искал контакта с вами, инициатива исходила от вас, ну так и гуляйте лесом! Проживу и без вас.

Шевченко, возникший в двери, замер. Громов тоже. Потом лицо его изменилось, глаза угрожающе вспыхнули, но он сдержал готовое было вырваться слово. Улыбнулся.

— Боюсь, не проживешь, ганфайтер. Ты же знаешь пословицу военных контрразведчиков: на каждого профессионала найдется лучший профессионал. А у нас их достаточно, ты знаешь.

— Да ну? — проговорил Василий с радостным удивлением. — Те, что тебя стерегут? Ну-ка, ну-ка, интересно, давай их сюда, проверим.

Громов некоторое время разглядывал Балуева, как диковинного зверя, потом добродушно рассмеялся. Оглянулся на Шевченко, не знавшего, что сказать.

— Он меня убедил, Валерий Егорович. Мне нравится, когда люди *так* себя уважают. — Повернулся к Василию, не изменившему позы, но готовому к защите в любой момент. — Василий Никифорович, я предлагаю вам роль «ударной свободно-волевой единицы» во всех силовых акциях «Чистилища». По сути, это равнозначно должности вице-комиссара и уж точно выше должности гранд-оператора. Как вы на это смотрите?

— Подумаю, — равнодушно ответил Василий. — Для начала дайте полный интенсионал по киллер-центру.

— Упрямый дьявол! — проворчал Шевченко.

Громов достал из кармана дискету, бросил на диван.

— Читайте, потом вернете.

Поманил Шевченко за собой, на кухне сказал:

— Пусть делает что хочет. Ошибется — уничтожишь. Не ошибется — станет твоим замом.

— В прошлой ситуации он проявил себя великолепно.

— То было в прошлый раз. — Громов вышел.

— Ну и обнаглел ты, Баловень! — заявился в гостиную Шев-

ченко. — Чего на рожон-то прешь? Не знаешь, кто такой Громов? Мало того, что он сам — мастер мордобоя, виртуознее которого я еще не видел мастеров, так в его команде каждый телохран — профессионал почище любого ганфайтера!

— Ты не видел ганфайтера в настоящем деле, — сказал задетый за живое Василий. — Не думаю, что твой Громов выстоит против меня, а уж против Соболева — точно!

— Я не знаю возможностей твоего Соболева, только наслышан, но телохраны у Дмитрия Олеговича... не люди!

— А кто же?

Валерий замялся, и Балуев нахмурился.

— Зомби, что ли?

— Откуда ты?..

Василий присвистнул, сел на кровать.

— Вот почему он такой смелый!.. Хотя в принципе я мог бы и сам догадаться. Если уж у Ельшина была команда зомбированных бойцов, почему бы и вам ее не иметь?

— Ты, оказывается, страшный человек, Баловень! Все знаешь, все можешь... Хорошо все-таки, что я уговорил тебя работать с нами.

— Я не страшный, — вздохнул Василий, ощущая острую потребность пообщаться с Соболевым. — Я опасный. И еще не известно, останусь ли я в вашей команде после таких... заскоков...

В пять часов утра в район базирования двух офисов киллер-центра выдвинулись охотники и оперы захвата — два мейдера и тревер. Предварительно наблюдатели и разведчики обложили резиденции киллеров еще сутки назад.

Информационное обеспечение операции было столь всеобъемлющим, тщательно выверенным, что «чистильщикам» была известна о каждом действующем члене киллер-центра вся подноготная, начиная со дня их рождения. В принципе можно было, конечно, просто взорвать офисы вместе с боевиками, бросив туда взрывные устройства или дав залп из гранатомета. Однако предстояло доказать всему народу, что «Чистилище» действует только после скрупулезной проверки преступной деятельности группы, чтобы не пострадали невинные люди, и операция разрабатывалась по принципу: «Задержание, контрольный суд и лишь потом — казнь».

Одноэтажное строение фирмы «Мемориал» с виду казалось неказистым, старым, готовым вот-вот рухнуть. На самом деле по прочности оно могло соперничать с новостройками, а оборудовано было по первому классу контор с двойной деятельностью. Имело два цеха — по изготовлению гробов и производству памятников, склад и подсобное помещение. Но, кроме этого, в

двухэтажном подвале была скрыта мастерская по конструированию спецприспособлений — от простеньких отмычек до сложных электромагнитных щупов и металлоискателей, барокамера, пристрелочный бокс, оружейная мастерская и камера для быстрого изменения внешнего облика автотехники. На втором этаже подвала располагалась сауна и комнаты отдыха «гробоизготовителей» с барами и массажерами.

Кабинет «президента» фирмы находился в подсобном помещении, куда могли входить далеко не все рядовые сотрудники из штата столяров и каменщиков, и охранялся он почти как отделение банка с хранилищем денег, хотя «президент», некто господин Резник, являлся всего лишь командиром оперативного отряда киллеров и в разработке операций не участвовал.

В полседьмого экстревер разведчиков снял охрану зданий, и началась атака основных сил «KKK» на фирму «Мемориал». Не прозвучало ни одного выстрела: «чистильщики» были мастерами рукопашного боя, огнестрельное оружие им не понадобилось. Да и нельзя было в данном деле его применять во избежание потерь среди «гробоизготовителей» и до выяснения личности каждого.

В течение четверти часа здание «Мемориала» было захвачено — в полной темноте и почти бесшумно; все бойцы «Чистилища» имели приборы ночного видения и прекрасно ориентировались как на верхних этажах, так и в подвалах. Захваченных врасплох мастеров заплечных и «мокрых» дел согнали в цех по изготовлению памятников, и начался допрос.

Всего киллеров набралось одиннадцать человек вместе с главарем Резником, поднятым с постели голым в комнате отдыха (спал он аж с четырьмя девицами!). Трое членов банды не участвовали в непосредственном исполнении заданий — два шофера и грузчик. Им лишь отрубили указательные пальцы на руках. Еще двое хотя и принимали участие в четырех «заказах», но самолично жертв не убивали. Им отхватили по одному уху. Шестой бандит ножом убил одного человека — бизнесмена Корочкина, и ему отрубили кисть руки. На счету остальных оказалось по три-пять убийств, и все они были погребены под трехтонной глыбой гранита, приготовленной для изготовления памятника одному из «отцов» города. Шеф отряда Резник мучился дольше всех: за каждое убийство — а он один убил восьмерых — ему отрубили по пальцу на руках и ногах, а потом повесили.

Двое боевиков центра ночевали на своих квартирах, поэтому мейдеру охотников пришлось ехать к ним, чтобы чисто закончить операцию.

Василий участвовал в захвате главных вожаков киллер-центра, разрабатывающих операции по уничтожению, так называемых «лидеров-кардиналов думы», то есть думающих и контролирую-

щих исполнение. Контора частного сыска «Ватсон» практически ничем не отличалась от фирмы «Мемориал» по внутреннему оснащению и оформлению, разве что размерами офиса. Занимала она полуподвальное помещение в одном из домов на улице Доватора, расположенном недалеко от паркового массива и кладбища, возле которого стоял и «Мемориал». Помещение имело четыре комнаты: «деловой кабинет», где сидел директор конторы и заседали члены «думы», оружейную комнату, сауну с мини-бассейном и комнату отдыха, в которой могли разместиться сразу все боссы «Ватсона» вместе со своими подругами. Из этой комнаты был проделан тридцатиметровый подземный ход, врезающийся в городскую канализацию. Именно в него и сиганул главный планировщик «думы», президент киллер-центра Дементьев, когда в помещение «Ватсона» ворвались «чистильщики».

Без стрельбы на сей раз обойтись не удалось: охраняли свое начальство опытные и крепкие умельцы, владеющие оружием не хуже американских ковбоев. Двух из них пришлось брать в стиле ниндзюцу с использованием сюрикэнов и метательных ножей, что кончилось для них печально, хотя пострадали и «чистильщики» — один из них был тяжело ранен и скончался по дороге в больницу.

Василий ворвался в комнату отдыха первым, удачно избежал огневого контакта с одним из боссов «думы» и прыгнул в люк подземного хода вслед за президентом киллер-центра, которого успел узнать по фотографии. Догнал его только в трубе канализационной сети, когда у Дементьева кончились патроны в пистолете украинского производства «форт-12».

Судили главарей киллер-центра так же сурово и беспристрастно, как и рядовых исполнителей, допрашивая по одному в кабинете шефа «Ватсона». Все они валили вину друг на друга, изворачивались и лгали, и все были расстреляны...

Василий в «судебном разбирательстве» не участвовал, внезапно почувствовав отвращение ко всему на свете. С одной стороны, он понимал «чистильщиков», избавляющих мир от подонков, бандитов и убийц, с другой — осознавал, что путь, избранный комиссарами «ККК», не имеет перспективы. Для очищения мира от скверны преступности нужны были какие-то иные меры...

Синельников получил сообщение о разборке в Люблине в девять часов утра и поднял по тревоге свое новое войско — «Принцип». Через сорок минут он уже был возле кладбища, у ворот фирмы «Мемориал», изготавливающей гробы и памятники.

Однако начальника МУРа, как и его оперативников, бойцов «Принципа», на территорию «Мемориала» не пропустили. Хозяйничали здесь, как потом выяснилось, две бригады спецназна-

чения из ФСБ и Министерства обороны. Не подействовало на горилл в защитно-камуфляжном обмундировании, стерегущих входы во двор и в производственные помещения, даже удостоверение генерала.

Кроме муровцев и оперов местного отделения милиции возле «Мемориала» топтались и парни из подразделения ГУБО во главе с заместителем начальника Зинченко. Они попытались было пройти внутрь, но были встречены чуть ли не свинцом и отступили.

— Вот сволочи! — беззлобно ругнулся Агапов, который успел перекинуться парой слов со знакомыми офицерами. — Перекрыли доступ и кайфуют. Говорят, там внутри нашли пять трупов и море крови! Плюс карточку «Чистилища» с подробным описанием дел группы. Кто-то ликвидировал киллер-центр.

В ухе Агапова пикнула рация, он придержал наушник рукой.

— Только что обнаружили еще несколько трупов в фирме «Ватсон». Это рядом, поехали.

Не включая сирену, они втиснулись в муровский «уазик» и помчались по вызову, но и тут, как выяснилось, опоздали. «Федепасы» действовали быстрее. У входа в здание Синельникова остановили увешанные оружием и разного рода милицейскими прибамбасами парни в камуфляже без знаков различия.

— Никого не велено впускать!

— Я начальник МУРа генерал Синельников.

— А хоть бы и сам президент.

Синельников вскинул руки вверх. С визгом шин у здания развернулись две «Мазды» с бойцами «Принципа», в три секунды образовали цепь, окружили здание, машину «федепасов». Охранники у двери в полуподвал «Ватсона» схватились за автоматы, но Синельников пошел на них грудью, громадный, угрюмый, налитый злой силой. Молча отодвинул растерявшихся спецназовцев, оглянулся на Агапова:

— Пойдем вдвоем, полковник, поглядим.

В коридоре они наткнулись на четыре тела, покрытые простынями. Еще один труп — без пальцев на руках и ногах — лежал в кабинете президента сыскной конторы.

Везде виднелись следы боя, в помещениях царил разгром, но ничего из дорогого оборудования фирмы унесено не было. Молчаливые люди в краповых беретах возились у тел в каждой комнате, что-то измеряли, фотографировали, работали с портативными дипломат-компьютерами, прослушивали стены, пол и потолок.

В комнате с несколькими кроватями, где был обнаружен люк в потайной ход, Синельникова встретил широкоплечий светловолосый командир орудовавшей команды, козырнул:

— Полковник Юрген, управление «К» Минобороны. Чем могу быть полезен?

— Генерал Синельников...

— Наслышан. Извините за излишнее усердие моих людей. Но это дело, как и все дела, связанные с деятельностью «Чистилища», будет разрабатывать мое подразделение и команда «Гроза» Федеральной безопасности. Вот начальник УСО ФСБ, он может подтвердить.

К стоящим отдельно Синельникову и Агапову подошел озабоченный генерал Первухин, пожал обоим руки.

— Вам тоже сообщили? Полковник прав, по «ККК» теперь будет работать объединенная бригада в составе спецподразделений Минобороны и нашего Управления. Свяжитесь с директором и со своим министром, Александр Викторович, они дадут исчерпывающие пояснения.

— Какого тогда хрена министр приказал сформировать нам свою дружину? — пробурчал Агапов, но так как никто ему не ответил, обратился к Первухину: — Дайте хоть взглянуть на послание «чистильщиков».

Первухин глянул на Юргена, тот поколебался, но потом достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги.

Начальник МУРа прочитал приведенные свидетельства деятельности киллер-центра, вернул лист полковнику.

— Ясно. Мы вели четыре дела из указанных здесь. «ККК» успешно завершила нашу работу. Пошли, Юрий Федорович.

На улице, дав отбой оперативникам, Синельников сказал:

— Ты хорошо рассмотрел тех охранников?

— На входе? — оживился Агапов. — Внутри их таких еще человек пять в полном боевом. Похожи, словно братья, смотрят зверем и здоровые, как бронемашины! Не хотел бы я связываться с такими...

— Слышал я кое-что про команду этого Юргена... — Синельников бросил взгляд на низкую облачную пелену, зависшую над кладбищем, и сел в «уазик». — Поехали к министру, надо объясниться. Надоело мне это положение бедных родственников...

Сходка «мокрых» кардиналов киллер-клуба — руководителей московских киллер-центров — была организована президентом клуба на одной из явочных квартир в Лихоборах, расположенной в собственном доме по Четвертому Лихачевскому переулку.

Собралось пять кардиналов в возрасте от двадцати шести до сорока лет. Самым старшим был, естественно, президент клуба Доценко по кличке Бешеный, на счету которого числилось около сорока «устранений» — по одному на каждый год его жизни. Он был не только самым сильным, «крутым» и богатым, злым и жес-

токим, но и самым умным, потому что имел друзей в самых элитарных кругах — от помощника президента Лобанова до певца Коберзона и писателя Айтамутова. Кроме того, он увлекался восточными единоборствами и слыл философом.

— Господа кардиналы, — начал тихим, ничего не выражающим голосом Бешеный. Небольшого роста, но круглый от мышц, с плавными движениями пианиста, в безукоризненном костюме от Версаче, он был похож на японского дипломата. — Сегодня нам нанесли удар, который вполне может привести к ликвидации клуба. «Чистилище» решило присвоить право казни и помилования только себе, предлагая нам переквалифицироваться. Например, в управдомы. Кто из вас, господа, хочет переквалифицироваться?

Ответом президенту были смешки и красноречивый обмен взглядами. Кардиналы в непринужденных позах расселись вокруг столика с напитками и бутербродами, но фужеры и стаканы брать в руки не спешили.

— Мы поняли друг друга, — констатировал Бешеный. — Тогда у меня есть два предложения. Даже три. Первое: повысить взнос от каждой нашей организации на содержание клуба, современное информационное обеспечение и оборудование защиты. Второе: чтобы «Чистилище» от нас отстало, необходимо сделать вид, что мы испугались и самораспустились, но перед этим кинем трем «К» в зубы Северную организацию, открыто игнорирующую нас и наши законы.

— Давно пора, — процедил самый молодой кардинал клуба Бабенян по кличке Бабай: он был гомосексуалистом, но для членов клуба это не имело значения. — Я на их босса давно зуб имею — трижды дорогу переходил, скотина!

— Значит, согласились. И третье: есть идея присоединиться к такой уважаемой организации, как «СС». Возражения?

Кардиналы в замешательстве переглядывались. Наконец тридцатилетний Паша Корженевский по кличке Переводчик пробасил:

— На фига нам эта неспокойная компания? Сами не проживем, что ли?

— Проживем, конечно, — спокойно ответил Бешеный. — Но там платить нам будут больше.

— Тогда... надо подумать. Хотя я все равно против.

— Остальные?

Другие президенты киллер-центров промолчали.

— Согласились. О конкретной выгоде я сообщу дополнительно. А пока от «СС» поступил заказ: ликвидировать управляющего делами администрации президента Бородкина. Цена — полмиллиона баксов.

— Елы-палы! — присвистнул Переводчик. — Хорошие бабки! Но я все равно против. Со службой безопасности лучше не связываться.

— Остальные?

— Пол-лимона мало! — с презрением бросил Бабай. — За такие дела платить надо раза в два больше.

— Держи карман шире! Ну что, согласились?

Ответом президенту клуба на этот раз была тишина.

ПЕРЕДАЧА ЗАПРЕЩЕННОЙ СИЛЫ

Он выехал на вершину холма и остановился. Ночью эту необычную пору или время суток назвать было трудно. Несмотря на отсутствие солнца и луны на черно-фиолетовом небосводе с гроздьями незнакомых созвездий, холмистая равнина просматривалась отчетливо, объемно и в цвете, словно освещалась изнутри.

Внизу между двумя цепями холмов колыхалось море тумана, подсвеченного снизу призрачным голубоватым светом, а из тумана вырастал странный и таинственный лес, состоящий из длинных фиолетовых суставчатых жердей толщиной в руку человека. Верхушка каждой жерди расщеплялась на пучок тонких прутьев, похожих на нечто вроде веника или гнезда, внутри которого прятался отсвечивающий металлом и слюдой кокон.

Жерди отстояли друг от друга метров на двадцать, но их было много, и «лес» из них издали казался густым и сухим, словно то было поле сгоревшего камыша или бамбуковых побегов.

— Город хирономидов, — пояснил голос сзади, и на холм на шестиногом животном взобрался спутник Матвея, снизу до пояса закованный в металл, а от пояса до плеч укутанный в меха. Голова его напоминала одновременно человеческую и муравьиную, однако вместо глаз лоб рассекала светящаяся рубиновая щель. Рта у монстра не было вовсе, и голос звучал прямо в голове Матвея. Правда, последнего это не смущало, он знал, что собеседник — его *мыслеформа*, рожденная воображением, объемом знаний и возбужденным подсознанием при воздействии внешней информационной трансляции. Он и сам выглядел точно так же: гигант в доспехах и мехах, с копьем в руке-лапе, на шестиногом звере, похожем одновременно на льва и носорога.

— Город хирономидов, — повторил спутник Матвея. — Мертвый город. Вода отсюда ушла давно, и личинки комаров погибли. По периферии города располагались сторожевые вышки с хироносолдатами. Стоило сюда кому-либо приблизиться, как навстречу взлетал рой защитников, который мог мыслить уже на

уровне, достаточном для решения задач защиты. А так хирономиды представляли собой тип рассеянного сознания. Комары сохранили кое-какие их повадки, хотя гиганты хирономиды кровососами до Изменения не были.

«Конь» под Матвеем переступил с ноги на ногу. Спутник оглянулся.

— Поехали, надо торопиться. Посол ждать не будет.

Матвей безмолвно тронул поводья, и его «конь» стал спускаться в туман, скрывающий основание города-леса древних разумных комаров, не переживших Изменение, как и другие насекомые.

Вскоре город хирономидов остался позади, и они выехали на берег моря, представляющий удивительный расчлененный ландшафт: словно сотня рек низвергла свои воды в море, проточив камни и песок, а русла этих рек после ухода воды образовали причудливую сеть пересекающихся меандров с тысячью известняково-песчаных островов.

— Город пауроподов[1], — бесстрастно сообщил спутник Матвея.

На одном из «домов»-глыб древних многоножек виднелся белесый округлый предмет, и Матвей задержал на нем взгляд, затем подъехал ближе. Это был скелет странного существа, похожий на каркас боевого танка с башней, пушкой и гусеницами, только каркас этот был из отшлифованных ветром, песком, пылью и временем... костей!

— Колеоптер-воин, — пояснил проводник Соболева. — Далеко же он забрался.

— Жук?![2]

— Да, так выглядели некоторые виды разумных жуков. «Башня» — сложенные надкрылки, «пушка» — эффектор самого совершенного оружия Инсектов — «искривителя», или «трансформатора формы». Кстати, из-за создания этого защитного механизма жуками Аморфы и поспешили с Изменением, потому что остальные Инсекты слишком быстро переняли опыт колеоптеров и создали на базе «искривителей» более мощные виды вооружений, грозящих поколебать равновесие Мироздания. Оружие это можно назвать «Иглой Парабрахмы».

— Неужели войнами грешили все Инсекты?

— Все без исключения! Инсекты были изначально агрессивны, только этот фактор и давал им возможность прогресса. Одновременно вечная война помогала сохранять плотность популяций каждого вида в подкритическом состоянии. Как только

---

[1] Pauropoda — отряд многоножек (*лат.*).

[2] Coleoptera — жесткокрылые (жуки) (*лат.*).

плотность одного вида превышала критическую, молодые поколения устремлялись в набеги на соседей. Кстати, люди, как измененные Инсекты, сохранили эту особенность развития. Первопричина великих переселений народов, крестовых походов, нашествия монголов также кроется в глубинах инсекточеловеческой генетической программы. К чему приводит путь избыточной милитаризации, вы видите.

— С кем имею честь контактировать сегодня?

— Не суть важно. Я из числа друзей ваших друзей.

Матвей понял, что собеседник не хочет, чтобы его когда-нибудь узнали, хотя бы по голосу.

— Куда мы движемся?

— Узнаете.

Монстр на шестиноге поскакал вперед, и Матвей вынужден был гнать своего «гнедого» следом.

Город пауроподов остался позади, берег моря превратился в обычную песчаную полосу со светящимся крупным песком. Копыта-лапы шестиногов оставляли на нем темные вдавлины.

Матвей заметил на береговом откосе остроконечный силуэт, похожий на ракету, и мысли его свернули в другое русло.

— Инсекты вышли в космос?

— Они успели посетить все планеты Солнечной системы. Но выход в космос столь агрессивной формы жизни, чья деятельность носила заведомо энтропийный характер и противоречила негэнтропийности процессов структурирования, неизбежно должна была вызвать резкую ответную реакцию Мироздания. Что и произошло в конце концов. Аморфы, первые разумные системы Земли, послужили как бы исполнителями воли Мироздания. Они воспользовались собственным оружием Инсектов — «Иглой Парабрахмы», изменив все виды насекомых. Исключение составил отряд Блаттоптера сапиенс.

— Тараканы!

— Именно тараканы... да и то вследствие полнейшего равнодушия Аморфов к результатам своего деяния и вмешательства Монарха, одного из последних Аморфов. Зачем ему это понадобилось, знает только он. Когда остальные Аморфы узнали об эксперименте, они заблокировали выход Монарха в нашу, ставшую запрещенной, реальность.

— Каким же образом он обходит блок?

— Аморфы... ушли. Никто не знает — куда. Может, в другую реальность, созданную для собственных нужд, может, просто вымерли от старости... Монарх Тьмы — последний из Аморфов, противостоят ему только иерархи, потомки Перволюдей, Хранителей эзотерических знаний, в том числе — знаний цивилизации Инсектов.

— До сих пор не могу привыкнуть к тому, что Монарх — Аморф!

— Сочувствую... подождите!

Проводник Матвея остановился, повернувшись лицом к морю, потом достал из левой седельной сумки нечто вроде арбалета, перехватил правой рукой копье, и теперь стало ясно, что у него — четыре руки! Впрочем, как и у того монстра, в теле которого как бы жил Матвей.

— Что вы всполошились?

— Изменение было глобальным, но отдельные особи Инсектов и даже малочисленные — до десятка членов — их отряды уцелели, сохранив размеры и форму. Некоторые уменьшились не на два порядка, как планировалось Изменением, а всего в пять — десять раз. Первые «тараканолюди» сталкивались с ними на протяжении многих десятков тысяч лет! К нам сейчас приближается небольшой рой лепидоптеридов[1].

— И бабочки были?

— Ну, это не те бабочки, к каким вы привыкли. Древние разумные лепидоптериды были хищными Инсектами, и лучше бы нам с ними не встречаться.

Проводник тронул шестинога с места и поскакал наискосок между двумя холмами к третьему, на вершине которого стояла зубчатая покосившаяся башня. Матвей погнал своего «коня» следом, оглядываясь на приближающееся с моря белесое пятнышко, которое вскоре распалось на несколько делающих резкие пируэты в воздухе точек. Всадники достигли холма с башней в тот момент, когда точки превратились в громадных белесых тварей, похожих на летучих мышей, но с прозрачно-фарфоровыми крыльями бабочек. Одна из них сделала очередной поворот, спикировала на всадников, и спутник Матвея выстрелил в нее из «арбалета». Тонкий желтый лучик «стрелы» вонзился в тело лепидоптера, вспыхнула пронзительно-зеленая звездочка взрыва, тварь отвалила в сторону, помчалась вниз, исчезла за гребнем берегового вала. Остальные продолжали бесшумно-суетливый ломаный полет в прежнем направлении, не обратив внимания на инцидент. Матвей разглядел их головы и содрогнулся. Эти «бабочки» имели не хоботок, а челюсти с двумя рядами кинжаловидных зубов!

Внезапно земля под ногами содрогнулась, над морем вырос серо-серебристый гриб смерча, внутри которого заиграло голубое пламя. Горизонт словно перекосило, гигантская тень заслонила четверть небосклона, словно над всадниками воспарило крыло исполинской птицы.

---

[1] Lepidoptera — чешуекрылые (*лат.*).

— Искажение передачи, — возник в голове Матвея другой бестелесный голос. — Граничный баланс нарушен, время связи три ноль три...

— Успеем, — отрезал спутник Матвея продолжение информации неведомому обладателю голоса. — Мы уже у цели.

Они поднялись на холм к подножию покосившейся башни, в которой Матвей узнал наконец полуразрушенный остов «термитника» высотой сто с лишним метров. Видимо, «термитник» этот когда-то горел, потому что в отличие от Храмов, виденных Матвеем, он был темно-коричневым, смолянистым и оплывшим, потеряв свою былую гармоничную форму и цвет.

— Менгир изоптеридов[1], — подсказал проводник. — Нечто вроде пограничного поста государства изоптеридов. Дальше до горного массива — их владения.

Шестиноги шагом въехали в провал в стенах «термитника», остановились. Монстр ловко спрыгнул на твердую плиту из материала, похожего на янтарь. Матвей спешился рядом. Следуя друг за другом, они нырнули в черное отверстие туннеля, начинающегося в глубине разрушенного участка башни, который привел их в центральный «тронный» зал «термитника», где когда-то жил его Командир.

Матвей узнал этот зал, по которому он бродил в прежних своих снах, разве что теперь мог рассмотреть его во всех деталях.

Стены зала были сложены в готическом стиле из того же материала, напоминающего янтарь, с золотистыми искрами внутри, создающими эффект небывалой глубины. Посреди зала на полу из этого же материала, но более темного, почти черного, стояло сложное сооружение, чем-то напоминающее верхнюю часть скелета человека с ребрами, образующими грудную клетку, и с поднятыми вверх пятипалыми конечностями, растянутыми тонкими янтарными тросами и лентами между стенами. «Кости» также были из «янтаря», но почти прозрачного, и светящейся золотой пыли внутри них было больше. «Ребра» грудной клетки образовывали как бы шатер, накрывающий «сердце» почившего здесь исполина — трехметровый кокон в форме ананаса, оплетенный золотой паутиной.

— Саркофаг повелителя, — сказал проводник Матвея, останавливаясь на почтительном расстоянии от «трона» бывшего владыки «термитника».

Матвей приблизился, завороженный совершенным созданием древних разумных термитов, потом увидел возвышение в полу с лежащей на нем огромной книгой и понял, зачем его привели сюда.

---

[1] Isoptera — термиты (*лат.*).

Проводник, топая закованными в броню ногами, подошел к возвышению с книгой, шевельнул копьем верхнюю крышку и поспешно отступил. С гулким ударом книга раскрылась, выпустив столб светящейся рубиновой пыли.

— Читай, идущий. Более удобного момента может не представиться, в ближайшее время границы земной реальности будут усилены новым порогом просачивания. Прямая передача информации через астрал станет невозможной.

Матвей молча влез на возвышение, оттуда — на первую страницу книги, приготовился увидеть ползущие буквы-иероглифы и не поверил глазам. Буквы не ползли, хотя и подрагивали, словно напечатанные на слое желе, и текст был вполне понятен, хотя русским этот язык назвать было нельзя — смесь английского, латинского и русского! И все же Матвей понимал его!

— Читай и запоминай. Анализировать будешь потом.

Матвей прочитал первую страницу. Захватило дух! Это оказалась Книга боевых искусств Первых Людей!

Рой рубиновых искр, вьющихся над страницей книги, упал на нее дождем, размыл текст, взметнулся снова вверх. И это было продолжение текста. Другая страница. Прочитав таким образом их с десяток, Матвей прошептал:

— Не может быть!..

Никто ему не ответил, только искры засияли ярче да книга под ногами качнулась. Но факт оставался фактом: в ней описывалась система шоковых, парализующих и смертельных ударов в любую точку тела человека и объяснялось, как достичь желаемого результата. «Не может быть» Соболева относилось не к возможности или невозможности применить систему на практике, а к тому, что почти такая же система — техника смертельного касания — была ему знакома по восточным стилям, но там необходимо было точное попадание в нервный узел с передачей раппорта, импульса энергии...

— Этот пакет знаний запрещен иерархиями даже для Хранения, — прилетел шуршащий, как сухая осока, голос. — Из-за того, что в свое время произошла утечка информации, допущенная кем-то из Хранителей, которая привела к дестабилизации реальности. Однако любое знание, достигшее ментала, неуничтожимо.

Матвей дочитывал последние страницы книги с трудом — мешала сильная головная боль, судороги шеи и рук, временами наступающие приступы слепоты и слезы. Он едва успел спуститься вниз, как с ударом гонга книга захлопнулась, превратилась в огромного термита, который скрылся в шипастом «ананасе» саркофага, помахав Матвею на прощание четырьмя конечностями. Стены «термитника» вздрогнули, перекосились, поплыли...

— Передача прошла, граничные искажения ментала... — запульсировал, слабея, в голове Соболева тихий голос. — Опасно оставаться в теле транслятора... выход чреват... защит... колеб... проп... дар... — Голос умолк.

— Скорее! — рявкнул монстр-проводник, выводя Матвея из ступора. — Надо успеть до перекрытия потока ощущений.

Матвей выскочил за ним, прыгнул в седло, и они что есть духу поскакали обратно, ощущая спинами, как из-за горизонта тянется к ним, уплотняясь, черная тень, напоминающая лапу зверя с когтями...

Только сутки спустя Матвей отошел от переживаний, связанных с удивительным сном, и осознал, что помнит все, что прочитал в Книге боевых искусств Первых Людей. Проверять истинность полученного знания не было нужды. Матвей давно был профессионалом рукопашного боя, досконально изучил все болевые точки человеческого тела, как и вообще анатомию человека, и чувствовал, что владеет теперь исключительно опасными знаниями, против которых ни один человек не имел защиты, если только сам не был посвящен в это смертельное знание.

Сон ему приснился на третий день после появления в Москве, где «федепасы» предоставили новому сотруднику двухкомнатную квартиру. Никто его не беспокоил, не давал инструкций и не требовал подтверждения личности; лишь один раз позвонил генерал Первухин, осведомился, как его устроили, и приказал отдыхать. Зато сразу после сна, словно дожидаясь специально, Матвея по телефону потребовал к себе заместитель Первухина Золотухин и перепоручил его командиру группы «Гроза», которому он должен был теперь подчиняться.

Этого командира по фамилии Белоярцев Матвей когда-то встречал — года два назад, при совместной операции ФСК и «Смерша» по обезвреживанию банды чеченских террористов на территории военного госпиталя. Тогда молодой «супер» не произвел на Соболева особого впечатления. Теперь из лейтенанта он превратился в майора, явно возмужал и, кажется, подрос, хотя с виду оставался все тем же долговязым деревенским увальнем с румянцем во всю щеку и соломенным чубом. Матвея он не помнил и знал лишь по разговорам и слухам, ходившим в среде профессионалов, доверять которым не всегда было можно.

В хмурое утро начала октября он вызвал Матвея в подмосковное Бутово, где отряд «Гроза» имел свою базу подготовки, и приказал прогнать тест на профпригодность, который Соболев сдавал еще лет десять назад, будучи курсантом военного училища (куратор — КГБ) по подготовке особо засекреченных агентов высокой пробы.

Приказ майора Матвей понял, но сдавать тест отказался, чем вызвал оживление стоявших тут же по команде «вольно» бойцов «Грозы».

В тест входил марш-бросок на восемь километров в полной боевой выкладке по пересеченной местности, контрольное время — сорок минут; подъем на руках по канату на семь метров — за семь секунд; плавание — пятьдесят метров — за тридцать пять секунд; ныряние на пятьдесят метров; хождение по бревну с завязанными глазами; отражение нападения собаки; огневая подготовка — семьдесят очков из пистолета с двадцати пяти метров и семьдесят пять из винтовки с двухсот метров; скалолазание; спецвождение автомобиля; и все это — в затрудняющих выполнение задания условиях: газовая атака, светозвуковые гранаты, взрывпакеты, ловушки и встречные действия «противника» — то есть рукопашный бой.

— Майор, — сказал Матвей тихо, — гоняй по полосе своих мальчиков и не трогай меня, лады? Я старше тебя по возрасту и равен по званию и в эти игрушки играю с малого возраста. А если что нужно еще узнать, обратись к генералу Первухину, он объяснит.

Строй притих. Здоровые мощные молодые мужики молча разглядывали новичка, отказавшегося выполнять приказ командира.

Белоярцев почесал переносицу, пребывая в затруднении, потом махнул рукой.

— Я кое-что слышал о ганфайтерах, но ты попал в команду, где нет слабаков. Я знаю возможности каждого, и все знают меня. Кем бы ты ни был в прошлом, сейчас обязан повиноваться мне. Иначе...

— Иначе что? — поднял бровь Матвей.

— Заставим, не таких обламывали, — бросил левофланговый строя, заместитель Белоярцева капитан Натанович.

— Ну-ну, — только сказал Матвей. — Удачи вам, ребята, на этом благородном поприще. Пойду-ка я, пожалуй, поговорю с начальством, ошиблось оно в назначении.

Он повернулся спиной к строю, направляясь через плац к проходной, и услышал, как Белоярцев скомандовал с ленивым пренебрежением:

— *Покажите* ему, что такое «Гроза».

Отряд состоял из тридцати человек, мастеров рукопашного боя, в большинстве своем офицеров, отобранных из разных подразделений ФСБ, прослуживших в спецподразделениях не один год, знавших специфику отношений в подобного рода группах и умевших действовать эффективно в любой обстановке. Справиться с ними со всеми в манере Брюса Ли не представлялось

возможным, ибо киношный бой, когда на героя наскакивают по одному или в крайнем случае по двое, — это не реальный бой, в котором перед подразделением стоит задача захвата противника *любым* способом. Тут уж не до рыцарского этикета, чистых приемов и поединков чести. Поэтому, когда от строя отделилась пятерка волкодавов ОБЕДа и развернулась дугой, охватывая идущего к выходу новичка, Матвей сделал единственно правильный выбор: перейдя в состояние меоза, метнулся вдруг назад, *на проходе* уложил набегавшего сзади бойца, достал второго в прыжке, благодаря бога, покровителя драки, что тот не предложил ему более высокую плотность боя, и, с шипением разрезая воздух, за десятые доли секунды приблизился к Белоярцеву.

Командир «Грозы» был сильным «супером», не уступавшим ни одному реальному коммандос, но с мастерами класса «абсолют» он тягаться не мог. Матвей предложил ему секундный выбор в тактике схватки, оценил угрозу, перешел в *темп* и провел удушающий прием, известный адептам боевых стилей под названием усиро куби симэ[1]. Шепнул на ухо побелевшему Белоярцеву:

— Останови своих псов, командир. Если я начну играть в полную силу, многих придется отправлять в реанимацию.

— Отбой! — прохрипел майор, когда Матвей отпустил его, помассировал горло. Лицо Белоярцева не сразу приобрело естественный цвет, но во взгляде, брошенном на Соболева, было больше удивления, недоумения, недоверия и восхищения, нежели ненависти.

— Черт бы тебя побрал, ганфайтер! Как тебе это удается?

— Долго рассказывать. Ну, так я пошел?

— Погоди... не пори горячку... извини, я же не знал... Послушай, а что, если ты с ребятами проведешь пару занятий?

Матвей посмотрел на майора, заколебался было, собираясь ответить отказом, но снова не увидел в ауре этого человека коричневых негативных оттенков и согласился.

Два дня по утрам он занимался с бойцами «Грозы», показывая им специфическую технику русбоя, приемы из арсенала импоссибл и «комба», учил сосредоточению и работе на уровне мусин — отсутствия разума во время отражения многовекторной атаки, а потом Белоярцев объявил о «предстартовом положении».

— Готовится одна операция, — сказал он после утренних занятий «спецухой» и отработки элементов штурмовых и десантных задач. — «Альфа» плюс «Вымпел-2» плюс мы. Готовность — единица. До вечера всем отдыхать, ждать сигнала.

---

[1] Усиро куби симэ — удушение сзади.

— Что предстоит? — спросил его Матвей, когда все разошлись.

— Штурм и захват, — ответил Белоярцев. — Но вводную мы получим лишь за час до начала проведения во избежание...

— Утечки информации.

— Мы недавно стали так работать, наткнувшись пару раз на соперничающие службы. Отдыхай, ганфайтер, тебе разрешено заниматься этим делом дома. Остальные, а их большинство, находятся здесь, на базе.

До вечера Матвей читал, вспоминал приемы переданной ему во сне системы шокового поражения человека одним прикосновением, составлял план проникновения в подземный мир Москвы. А после ужина позвонил Василий:

— Наконец-то я тебя застал! Как дела?

— Как сажа бела, — обрадовался Матвей. — Как ты узнал номер моего телефона? Это же «четырехнулевая крыша»?

— Цыганка нагадала... не забывай, я теперь «чистильщик». Когда пойдем к Храму?

— Я уже прикинул вариант, необходимо встретиться и обговорить детали. Ты где остановился?

— Только что получил такую же «крышу», как и ты, в Ружейном переулке. Можешь заехать хоть сейчас.

— У нас объявлена «готовность один», завтра планируется операция.

— Надо же, у нас тоже. Не одну ли задачу решаем? Шучу. Когда встретимся?

— Завтра вечером, если уцелеем.

— Типун тебе на язык! Я суеверен. Твоих я отвез нормально. Расскажу при встрече. Ну, бывай. — Балуев повесил трубку. Он не знал, что шутка его была пророческой, что увидеться друзьям придется раньше и при не совсем обычных обстоятельствах.

ИНИЦИАЦИЯ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Встреча директора ФСБ и начальника Главного управления по борьбе с организованной преступностью проходила дома у генерала в отсутствие свидетелей, и даже телохранители обоих терпеливо ждали решения начальников за пределами квартиры. Знал о причинах прямого контакта высоких договаривающихся сторон только капитан Хватов, но помалкивал, предпочитая не выказывать чрезмерной осведомленности ни при каких обстоятельствах.

Приведя гостя в дом, Коваль остался в темно-синем костюме, только ослабил узел галстука. Казанцев Руслан Ибрагимович но-

сил коричневый костюм, черную рубашку с желтым галстуком и лакированные туфли тридцать девятого размера. Он был Ковалю по плечо, но тем не менее слабаком не выглядел.

Хозяин и гость прошли в кабинет генерала.

— Располагайтесь, Руслан Ибрагимович. — Сергей Вениаминович закрыл за собой дверь, зашторил окно, включил электронную систему защиты комнаты, сел напротив в удобное кожаное кресло. — Выкладывайте свой сюрприз. Что-нибудь выпьете?

— Пью только водку и только после работы. — Казанцев закурил сигару-крем. — Сюрприз состоит в том, что мы вычислили, на кого работает бывший вор в законе, владелец ресторана «Клондайк» и сети кафе-баров Тогоев Мирза Тогоевич.

— Ну-ка, ну-ка?

— На «СС»! Мы наблюдаем за ним давно, с момента его подключения к разработке бизнес-программ на ТВ. И, судя по всему, пост в Сверхсистеме он занимает высокий, потому что трое наших следователей, пытавшихся копнуть его деятельность поглубже, погибли при невыясненных обстоятельствах. Пакет информации, если не возражаете, я вам передам завтра.

Коваль встал, налил себе в рюмку любимого коньяку, гостю — стопку водки «Посольская», принес орехи и бутерброды.

— За здоровье государя.

Казанцев поднял бровь, так как не уловил, кого имел в виду Сергей Вениаминович, но выпил.

— Это не сюрприз. — Директор ФСБ захрустел орехами. — Это служебная подача данных. На Тогоева и у нас кое-что имеется. Но ведь ты не за этим напросился ко мне в гости, Руслан Ибрагимович?

— Мы теряем престиж в глазах общественности, — сказал начальник ГУБО. — «Чистилище» работает эффективнее, злее и нагляднее. Несмотря на негласный запрет, в газетах все чаще появляются статьи, восхваляющие «ККК» и уничижающие нас. Из этой ситуации есть только два выхода.

— Даже два? Я пока вижу один.

— Первый: покончить с коррупцией и преступностью. Это безусловно честный, правовой, конституционный и законный путь, но очень непростой и долгий. Второй путь легче...

— Уничтожить «Чистилище»?

— Именно так, Сергей Вениаминович. Боссы в верхах, обеспокоенные своим личным положением, и избрали этот второй путь. Мне хотелось бы знать, к какому склоняетесь вы.

Коваль снял галстук, бросил на стол.

— Дорогой Руслан Ибрагимович, престиж наши службы потеряли еще при штурме больницы в Буденновске... да и вообще во время чеченской кампании... Разогнать спецкоманду можно

за день, а подготовить новую можно только за семь — десять лет. Клюют нас журналисты — и правильно делают. Что касается дальнейшей нашей работы... ФСБ и ГУБО — инструменты государства, стоящие на страже властных институтов, инструменты защиты и, если необходимо, подавления. Боюсь, в данном случае мы — аппарат подавления. Работа «ККК» — вызов существующей системе государственного управления, и ни одно уважающее себя правительство этого не потерпело бы.

— Это следует понимать, что ФСБ — за «террор против террора»?

— ФСБ за скорейшее решение проблемы, раскачивающей устои общества. Нам равно мешает деятельность как «СС», так и трех «К», но последние слишком жестоки и одиозны, их надо ограничить... а потом попробовать переманить на свою сторону.

— Позиция ясна, генерал. Формально я на вашей стороне, но душой — за «Чистилище». Для себя я решил: если начнется заваруха, война спецслужб с «ККК», я скорее всего уйду в отставку.

— Война уже началась, Руслан Ибрагимович. Занимайтесь своей Сверхсистемой, а нам оставьте «Чистилище». Несмотря на объявленный Советом безопасности «джихад» против «чистильщиков», координация сил и действий идет туго, приходится изворачиваться. У меня даже создалось впечатление... — Коваль замолчал, так как приготовился сказать: «Создалось впечатление, что Конкере работает сразу на несколько контор», — но начальник ГУБО этого бы не понял.

Казанцев поднялся.

— Разрешите откланяться, Сергей Вениаминович. Моя команда «Харон» по-прежнему в вашем распоряжении, однако в скором времени она начнет заниматься другими делами.

— Завтра мы планируем совместную операцию по захвату предполагаемой базы «ККК», и после этого можете забирать своих ребят.

— Вы имеете в виду Ассоциацию «Барс»? Считаете, что это база «Чистилища»?

— Одна из основных, судя по анализу последних событий, обеспечивающая информационный контроль. Мы надеемся через нее выйти на императив-центр «Чистилища», на его комиссариат.

— Бог в помощь, Сергей Вениаминович.

«Скорее — дьявол!» — подумал директор ФСБ, но уже без обычного жутковатого холодка в желудке. Он привык принимать помощь и советы существа из другой реальности по имени Конкере, время от времени говорящего с ним устами капитана Хватова.

Генеральный прокурор любил обедать в ресторане «Артистико» в Камергерском переулке, напротив МХАТа. Свечи, тихая музыка, предупредительные официанты и великолепная итальянская кухня располагали к томлению духа и блаженству плоти. Мысли приходили возвышенные, тонкие, изысканные, как запах духов «Дориссимо», — о ренессансе, о художнике Гонзаго, о постмодернизме, то есть о том, о чем Плотников имел весьма отдаленное представление.

Николай Григорьевич доел нежнейшую лазанью, приступил к лососю с равиолями, и в это время за столик сел опоздавший к обеду Пашин.

Министр внутренних дел был хмур и озабочен, поэтому оправдываться не стал. Заказал форель и стал молча наблюдать за тем, как ест Плотников. Не выдержал долгой паузы:

— Вы уверены, Николай Григорьевич, что «Барс» — оплот «Чистилища»?

Генеральный прокурор вытер жир с пальцев, сдернул салфетку.

— Что это с вами, Леонид Арнольдович? Мы же все обговорили. Анализ данных показал, что Ассоциация ветеранов спецслужб обладает обширнейшим досье на всех влиятельных лиц государства, в том числе и на нас с вами. Если *это* не база «ККК», то что? Конечно, в другое время мы бы понаблюдали за ветеранами, выявили бы связи, контакты, но ситуация складывается так, что нужно спешить. Вот захватим сотрудников «Барса», его архив и выясним все, что надо.

— Мне бы вашу уверенность.

— Сведения абсолютно точны. — Плотников выпил кофе, промокнул губы. — Я получил их из... одного очень информированного источника. Непогрешимого. Он меня еще не подводил. Так что успокойтесь, все будет шито-крыто. А что конкретно вам не нравится?

Пашин получил свою форель в вине и стал быстро есть, не ощущая вкуса.

— Несколько сотрудников нового отряда, который мы создали для борьбы с «Чистилищем», отказались работать по «ККК». Кроме того, начальник МУРа генерал Синельников подал рапорт об отставке.

— Я же говорил — он ненадежен.

Пашин бросил взгляд исподлобья на лоснящееся брезгливо-уверенное лицо Генерального прокурора.

— Он прав. Нам не дают работать! Как только МУР начинает идти по следу «чистильщиков», операм перебегает дорогу безопасность, а то и спецы нашего уважаемого Федора Ивановича. А ведь договаривались работать по трем «К» в одной упряжке.

Плотников пожевал губами, побарабанил пальцами по столу.

— Спешат отличиться господа генералы... Что ж, мы тоже не лыком шиты, утрем им нос... Давайте-ка объединим наши спецкоманды, Леонид Арнольдович, ваш «Принцип» и мой... наш «Закон». Сделать «Барс» надо чисто, без потерь и большого шума, а законность этого шага я обосную.

Закончили обед представители закона в полном молчании.

Юрген оглядел молодые, сытые, уверенные лица солдат Кийка, построившихся на плацу базы, обошел строй и молча повернул к штабному домику.

— Разойдись! — скомандовал Кийк, догнал полковника, гадая, какой сюрприз тот преподнесет на этот раз.

День был по-осеннему хмур, но дождливые тучи постепенно рассеялись, очищая небосвод. Погода явно решила побаловать людей, соскучившихся по сухому теплу.

— Мы готовы, — на всякий случай доложил капитан, когда они зашли в охраняемый нарядом домик с аппаратурой спецсвязи и персональным компьютером.

Юрген расстегнул кожаную куртку, достал из кармана стопку белых квадратиков из плотного картона с тисненным в углу кинжальчиком и отпечатанной фразой: «Привет из «ККК».

— Возьми. Оставишь в их штабе пару штук. И впредь после любой нашей акции будешь оставлять на месте событий.

— Это называется «оперативной дезориентацией». Сделаем, полковник. Что еще?

— Надо съездить в Рязань, помочь Маракуцу. На него снова наехал местный филиал трех «К». Боксер даст ориентировку. Заодно выяснишь, куда подался Соболев. По идее, он должен выплыть где-то в столице, но пока в поле нашего зрения не попал.

— В чем проблема, Томас? Сделаем с удовольствием. Сразу после операции «Барс». Время «Ч» не изменилось?

— Десять утра. Место тихое, прохожих будет мало, да и попривыкли уже все к боевым действиям в городах. Ассоциацию надо брать, когда никто из сотрудников этого не ожидает. Что докладывают твои «глаза и уши»?

— Все тихо. «Барс» ни о чем не подозревает. Если произойдет что-нибудь подозрительное, наблюдатели засекут.

Юрген кивнул, умолчав о том, что за Ассоциацией ветеранов спецслужб наблюдают и его люди. Встал.

— Ни пуха, Паша. Министр лично держит это дело на контроле, так что не ударь лицом в грязь. Может, получишь майора.

Кийк проводил полковника за ворота базы, посмотрел, как четверка «бугров» Юргена профессионально *ведет* свой объект,

рассаживаясь по местам в кабине «Бьюика», и вернулся в казарму.

Юрген в машине снял трубку телефона, услышал голос министра и сказал в ответ всего три слова:

— Команда-два готова.

Гусев выслушал своего начальника службы «гашения конфликтов», положил трубку, но тут же взял другую.

— Мои орлы готовы, Олег Каренович, обе команды. Полковник Юрген будет координировать работу обеих групп и ваших людей. Время определено.

Что ответил ему маршал «СС», осталось между ними, но после этого министр обороны долго до слез хохотал.

Улыбнулся и Лобанов, подержал трубку над столом, до щелчка отбоя системы охраны тайны, аккуратно положил в гнездо селектора. Его собеседник — оба сидели в офисе банка «Северо-Запад» — вопросительно глянул на маршала «СС».

— Кто это?

— Министр обороны.

— Неужели он... в вашей команде?!

— Делает вид, что гуляет сам по себе, но в принципе работает на нас. Очень любит анекдоты.

Гость Лобанова хмыкнул. Это был новый президент киллер-клуба, выбранный «мокрыми» кардиналами киллер-центров столицы после гибели Дементьева и сумевший выйти на уровень Сверхсистемы.

— Через час у вас встреча с полковником Юргеном, — сказал Олег Каренович. — Так вот, соглашайтесь со всем, что он скажет. А когда попадете внутрь здания — в живых не оставлять *никого*! Уничтожить всех! Ясно?

— Что ж тут неясного, сделаем. Мотивы — ваша забота, исполнение — наша. Но оплата — по стандартному варианту: половина суммы вперед.

Лобанов нажал клавишу вызова и сказал появившемуся Маюмуре:

— Заплати ему.

Маюмура исчез и вернулся с черным кожаным «дипломатом».

Президент киллер-клуба открыл его, оглядел аккуратные ряды денежных пачек, улыбаясь, сказал:

— Мне нравится такой подход к делу...

— Может быть, все-таки ответим в полную силу? — предложил Шевченко.

Координатор «ККК» покачал головой:

— Мы сразу проиграем — политически! Произойдет мгновенный поворот общественного мнения, «Чистилище» превратится

в организацию обыкновенных убийц, в эдакий киллер-клуб номер два. Нет, будем действовать, как наметили. Все вывезли?

— Все особо ценное, оружие тоже. Компьютеры жалко...

— Дело наживное. Сотрудников успеешь вывести из зоны до начала штурма?

— Мы сделаем иначе: под видом сотрудников «Барса» к девяти утра заявятся мои парни, всего двенадцать человек, и тут же — через подземный ход за пустырь. Останутся лишь двое вместе со мной, для имитации сопротивления.

— Кого оставляешь?

— Рыбина и Балуева.

Громов поглядывал на экран дипломат-компьютера, по которому бежали зеленые строчки, сменяясь рисунками и схемами — компьютер прогонял варианты предстоящей операции, — снова покачал головой.

— Ты уверен в своем новом подчиненном?

— Он «абсолют».

— Я не о профпригодности. Слишком долго он колебался, перед тем как прийти к нам.

Шевченко промолчал.

ШТУРМ «БАРСА»

В семь утра десантно-штурмовая группа «Грозы», в которую входил и Матвей, тайно оцепила двухэтажное здание Ассоциации ветеранов спецслужб.

Было еще темно, небо пряталось за пеленой облаков, дул холодный пронизывающий ветер, редкие прохожие торопились к остановкам автобусов, никому не было дела до «грузчиков», подъехавших к продовольственному магазину напротив здания «Барса», и до рабочих водонадзора, вскрывших люки канализации с другой стороны.

Группа Матвея в форме дорожных рабочих была вооружена пистолетами-пулеметами «бизон-4» калибра девять миллиметров, с магазинами емкостью в сто патронов, пистолетами «волк-2» с лазерными модулями, кинжалами и термобарическими гранатами. Кроме того, бойцы были экипированы непромокаемыми и несгораемыми бронежилетами и спецкомбинезонами, со множеством приспособлений в кармашках — от консервного ножа до отмычек и мгновенно твердеющего клея.

Матвей комбинезон надел, но от огнестрельного оружия отказался, взяв только пару светозвуковых гранат, горсть металлических шариков, два сая и сюрикэны. Командир «Грозы» начал было настаивать на полном комплекте, но Соболев ответил, что

он перехватчик, приучен брать объект живым, — и Белоярцев замолчал. То, что майор вооружен и, кроме обычных огневых средств, у него есть еще «глушак» и «болевик», выяснилось только в ходе операции, когда Матвей ничего уже не мог изменить.

К девяти часам к зданию Ассоциации потянулись первые сотрудники. В одном из них Матвей, наблюдавший за улицей в бинокль, узнал Василия и чуть было не выдал себя, тронув Белоярцева за плечо, но вовремя остановился. Майор понял его по-своему и успокаивающе показал жестом: «Вижу».

Последним на «десятке» подъехал президент «Барса» в сопровождении двух крепких ребят, и снова движение возле штаба Ассоциации почти замерло. До половины десятого лишь двое прохожих нарушили шагами тишину этого тихого уголка столицы. Но затем одна за другой пошли *накладки* случайных событий, и Матвей сразу насторожился. Ему и раньше не нравилась здешняя атмосфера, однако он приписывал свои ощущения общему напряжению перед *работой* и *в режим* переходить не спешил.

Сначала мимо здания проползла поливальная машина, остановилась неподалеку. Рослый водитель вылез из кабины и открыл капот. Еще через пару минут появился хлебный фургон и тоже застрял в двадцати шагах от ворот территории «Барса».

Матвей почувствовал мягкий толчок в голову — интуиция зажгла тревожный сигнал — и перешел в меоз. Через несколько секунд он понял, что окрестности просто кишат вооруженными людьми и что, если не остановить операцию, может произойти крупное столкновение спецслужб.

— Кто, кроме нас, подключен к операции? — быстро обратился он к Белоярцеву; их пятерка сидела в «рафике» «Скорой помощи», припаркованном в переулке, который начинался у торца здания.

— Не понял, — обернулся майор.

— Здесь полно оперов!

— С чего ты взял? Наблюдатели никого не обнаружили.

— Поливальная машина ваша?

— Нет. — Белоярцев взялся за бинокль.

— А хлебный фургон?

— Тоже нет. Какого рожна?! — Майор щелкнул кнопкой рации. — Второй, кто пропустил хлебовозку?

Ответа Матвей не услышал, но и так было ясно, что произошло странное совпадение оперативных планов разных спецконтор.

— Отмени операцию, — посоветовал Матвей.

— Не могу. Первухин мне голову оторвет. Знаешь, сколько людей задействовано?

— Тогда начни раньше, это заставит остановиться тех, кто прячется тут с теми же намерениями.

Белоярцев снова поднес к глазам бинокль, опустил; видно было, что его мучили сомнения, но, когда на улице позади резиденции «Барса» появилась еще одна машина — фургон «Континенталь», которому явно было здесь не место, — пришла пора действовать. И все же команда «Отставить сход!» опоздала, прибывшие спецподразделения начали претворять в жизнь свои планы.

Сначала сработала группа в хлебном фургоне.

Разом распахнулись его боковые дверцы, оттуда выскочили восемь человек в камуфляж-комбинезонах, с автоматами АК-94 и пистолетами «тип 77», броском преодолели расстояние до ворот территории «Барса», на ходу растягиваясь в цепь.

Почти одновременно с ними из цистерны поливальной машины, как чертики из табакерки, выскочили четверо в коричнево-зеленых полевых костюмах ВДВ и тут же оказались у входа в здание, а один из них выстрелил по двери из гранатомета.

Из фургона «Континенталь» также посыпались спецназовцы в пятнистой форме, но уже вооруженные иначе — штурмовыми винтовками HK G11 фирмы «Хеклер и Кох» и пистолетами-пулеметами MP-5 той же фирмы. Умело преодолев забор с тыла здания, они открыли огонь по тем, кто шел им навстречу.

Тотчас же из люков канализации выскочили бойцы «Грозы» и ответили огнем на поражение из своих пистолетов-пулеметов «клин» и «спектр», оптимизированных для боя в условиях населенных пунктов.

И еще один ударный отряд численностью в десять человек буквально свалился на здание «Барса» с планирующих парашютов типа «одуванчик».

Тут же представители разных спецслужб обратили внимание друг на друга, стали отвечать огнем на огонь, и лишь командиры отрядов службы безопасности и внутренних дел поняли, в чем дело: произошло досадное пересечение операций. Остальные участники расценили происходящее как засаду, ловушку и пошли на прорыв.

Выгоду в ситуации увидели для себя двое: командир отряда «Анальгин» Кийк и вожак киллер-команды Игнатьева, инструктированная лично маршалом «СС». Со своими группами они проникли внутрь здания Ассоциации первыми.

Сообразил мгновенно, что происходит, и Матвей.

— Мегафоны! Дайте по мегафонам отбой стрельбе! Я туда! Похоже, там вот-вот разразится бойня!

Белоярцев кинул рацию заму: «Действуй!» — и выскочил вслед за Матвеем, догнав его у развороченной взрывом двери в

здание. Все же он был «супером» и ориентировался в ситуации быстро. По пути оба нейтрализовали чьих-то бойцов в камуфляже — одинаковая форма не позволяла разобраться в принадлежности спецназовцев к какой-то из служб, — удачно ушли от очереди из автомата броском за укрытие: стреляли из-за поливочной машины — и один за другим нырнули в клубящийся дымом и пылью пролом.

В здании на всех этажах слышалась стрельба, пахло пороховой гарью, пироксилином и сгоревшей изоляцией. Люди, которые проникли сюда первыми, явно были настроены пленных не брать.

— Это не наши! — бросил Белоярцев, доставая свой личный длинноствольный «волк». — Задача стояла — захватить.

— Тогда расходимся: ты — вправо, я — влево — и нейтрализуем всех, кто попадется на пути. Надо прекратить это безобразие.

— Попробуем. — Командир «Грозы» осклабился, доставая второй пистолет. — Давно я не работал в такой обстановке.

Он выглянул в коридор первого этажа и тут же прыгнул вправо. Матвей запоздало понял, что майор достал «болевик», но наступило время собственного выхода на сцену боевых действий, и все мешающее выполнению задачи вышибло из головы.

Он взял *темп*, выглянул в коридор, рванул по нему налево, в доли секунды преодолевая первый его отрезок до разбитой вдребезги стеклянной перегородки. Дорогу преградил бугай в зеленокоричневой форме и маске, с грозного вида пистолетом — дырчатый кожух, длинный ствол, внушительный магазин (память услужливо отметила: штурмовой пистолет «генц» калибра девять миллиметров, емкость магазина — от восемнадцати до тридцати шести патронов), повел стволом, пытаясь поймать на мушку вынырнувший из ниоткуда призрак, и Матвей на проходе «ампутировал» ему руку парализующим тэнкай[1], а потом «задвинул» кадык в горло.

Еще один здоровяк в таком же облачении выскочил из комнаты напротив, поливая коридор каскадом пуль из «мини-узи». Пришлось успокаивать его броском сюрикэна и добивать в падении типично уличным приемом «развал» — внешней стороной стопы в низ живота.

В два прыжка преодолев остаток коридора, Матвей свернул на лестницу и лицом к лицу столкнулся с двумя парнями в пятнистых комбинезонах, один волок на себе длинный ящик с рядами карточек, второй палил в окно из пистолета-пулемета «вихрь» российского производства. На появление Матвея он среагировал тотчас же, но недостаточно быстро, и вылетел в окно, не успев

[1] Тэнкай — круги нейтрализации (вращательные движения).

даже сообразить, как это случилось. Спец с ящиком начал стрелять из «спектра» одной рукой, сбросил ящик на пол и попал по перилам лестницы: пули с визгом срикошетили обратно, заставив стрелка пригнуться. В этот момент Матвей и вырубил его ударом локтя в ключицу, по-кошачьи мягко спрыгнув с карниза окна.

Он успел выглянуть наружу, где бой между подразделениями разных спецслужб начал стихать: сработали мегафоны и автомобильные громкоговорители, без перерыва ревущие:

— Прекратить стрельбу! Работает служба безопасности! Прекратить огонь! Вынужден буду начать газовую атаку!..

На втором этаже здания действовали те же законы, что и на первом: проникшие спецназовцы неизвестной принадлежности продолжали разгром помещений, не жалея патронов. Правда, трупов Матвей не заметил, и это его несколько успокоило. По всей видимости, «Барс» *был готов* к нападению, а его защитники отошли на заранее подготовленные позиции.

В ту же секунду Матвей увидел лежащее ничком тело у стены коридора. Сердце екнуло, но это оказался детина в знакомом зелено-коричневом комбинезоне, все еще сжимающий штурмовую винтовку фирмы «Хеклер и Кох». Кто-то уложил его жестоким приемом, но не до смерти, и Матвей мимолетно подумал о Балуеве: без нужды Василий никогда не убивал противника.

Усатую морду слева из холла он встретил «колуном» между глаз, бегемота в черном, с автоматом у живота (итальянская фирма «СИТЕС», девять миллиметров, бесшумный), — перехватом руки, рывком «плетью» (хруст в локте, вскрик), ударом по загривку; еще одного штурмовика — и снова в черном (откуда они взялись? в здание не входили... с крыши?), с великолепной игрушкой KF-AMP (калибр все тот же — девять миллиметров, магазин на сто восемь патронов, малые габариты, оптический прицел, дульный тормоз, где он такой оторвал?!) — уложил классическим шоку[1] и для верности фонфу[2] с круговым разворотом.

Рядом, впритирку с ухом, легла очередь из автомата.

Матвей нырнул вслед за падающим еще телом, перекатился, вынимая в движении из кармана термобарическую гранату, и послал в сторону стрелявшего. Мгновенно вскочил на ноги, когда граната взорвалась со страшным грохотом и ярчайшей вспышкой света, и преодолел холл не оглядываясь, не желая отвлекаться от цели: Василия в этом крыле не было, как и вообще работников Ассоциации, но Балуев мог нарваться на Белоярцева, и следовало его предупредить.

---

[1] Ш о к у — удар в переносицу.

[2] Ф о н ф у — удар в затылок.

Заглядывая в каждый кабинет, Матвей достиг очередной стеклянной перегородки (на кой черт они наставили тут столько стекла, пусть и бронированного), выглянул за угол коридора и увидел последние мгновения поединка Белоярцева с Балуевым.

Очевидно, до этого тут произошел бой защитников «Барса» с проникшими через крышу диверсантами, потому что по коридору тут и там лежали пять тел — два в зелено-коричневом и три в черном обмундировании, густо воняло порохом, кровью и рвотой, стены были изрешечены пулями, пол усеян деревянной щепой, осколками стекла и штукатурки, двери в кабинет выбиты или распахнуты. Кто успокаивал штурмовиков, нетрудно было догадаться, хотя Василий в условиях плотного огня на поражение вряд ли отвечал мягко. И он был не один: в тупике коридора, своеобразном уголке отдыха с креслами и пальмой в кадке, возле неприметной двери стоял, пригнувшись, Валерий Шевченко с перекинутым через плечо молодым парнем с разбитым в кровь лицом и ждал конца поединка. Матвей появился в тот момент, когда Белоярцев, отлетев от удара Василия за пальму, тут же выстрелил в него из «болевика».

Крик Василия потом долго вспоминался — дикий, звериный, страшный, длился он долгие пять секунд, в течение которых Балуев пытался справиться с болью, а потом упал, скорчился и начал рвать свой комбинезон на животе: «болевик» был настроен на поражение нервных узлов мочеполовой системы.

Белоярцев с трудом поднялся на ноги, снова направляя свое грозное оружие на противника, и в это мгновение Матвей достал его в прыжке, автоматически использовав прием из арсенала боя, переданного ему с помощью эзотерического сна. Палец Соболева коснулся виска майора, и тот без звука упал лицом вниз, потеряв сознание от шока.

Шевченко с раненым на плече сориентировался быстро, кивнул на Балуева:

— Помоги поднять его...

Матвей махнул ему рукой:

— Беги, я сам.

Шевченко безмолвно исчез за дверью, оставив ее открытой. Матвей наклонился над Василием, все еще дергавшимся на полу с лицом, залитым потом и кровью из прокушенной губы, прижал ко лбу, вискам, к затылку ладони, передавая энергетический шумовой импульс, фрустирующий нервную систему. Еще и еще раз. В голове поплыл звон, краски вокруг поблекли — режим энерголечения отнимал каждый раз огромное количество сил.

Василий перестал корчиться, застонал, разлепил веки, но глаза его не сразу стали осмысленно воспринимать окружающее.

— Соболь?..

— Я, поднимайся.

— Чем это он меня достал?

— Из «болевика». Уходи за своим боссом, сможешь?

— Попробую... — Василий с видимым усилием сел, все еще держась за живот, ощупал грудь, голову, сморщился. — Сволочь! Впечатление такое, будто я весь в дырках!

Матвей помог ему встать, проводил до двери.

— Встретимся вечером, шагай. Или все-таки не сможешь?

— «Зубные боли во всем теле», — морщась, пошутил Василий, — как говорится в одной книге по тибетской медицине. В долгу не останусь, пока...

И в этот момент сзади раздался чей-то хриплый торжествующий голос:

— Стоять! Оружие на пол!

Василий и Матвей оглянулись. К ним, пружиня на полусогнутых ногах, подбирался с пистолетами в обеих руках одетый в черное Кийк Пауль Артурович.

— Какие приятные встречи! Сначала Люда... дружок мой, Белоярцев, теперь ганфайтер Соболев с дружком-«чистильщиком». Везет мне сегодня. — Кийк увидел лежащего командира «Грозы», хищно оскалился. — Ага, нарвался «супер» на «абсолюта», не повезло Люде. Ну что, супермены, помните свои заявления, что следующая наша встреча будет последней? Ты был прав, Соболев, она последняя — для тебя... — Он не договорил.

Василий прыгнул вправо, Матвей влево, одновременно нащупывая рукоятки саев, прикрепленных на манжетах комбинезонов в специальных кармашках по рукавам. Кийк был очень хорошим рукопашником и отменным стрелком, он начал стрелять одновременно с начавшими раскачку ганфайтерами; пять пуль — в Матвея, пять — в Василия. Однако оба кинжала Соболева уже летели в него, как и финка Балуева, и ему уже было не до того, чтобы прицеливаться.

Один сай зацепил руку с пистолетом, второй воткнулся Кийку в грудь, но бронежилет не пробил, как и тяжелая финка Василия; и все же нескольких мгновений, потребовавшихся капитану на то, чтобы отбиться и сменить позицию, хватило Матвею, получившему две пули в плечо и три в живот (в бронежилет) и доставшего того в подкате.

Василию пули попали в левое предплечье и грудь (тоже в бронежилет, к счастью), поэтому он чуть опоздал к точке ближнего боя, зато встретил Кийка после того, как тот вскочил после удара Матвея и выхватил из подмышечного захвата еще один пистолет, теперь уже «глушак». Правда, воспользоваться им не успел: Василий, импульсивно расходуя остатки энергии, провел нестандартный усиро кататэ тори куби симэ, что на языке айкидоков

означало «захват руки и удушение сзади», и сломал Кийку шею, а сам тут же упал на колени рядом, зажимая раны на левой руке.

В это время стрельба вокруг резиденции, как и внутри здания «Барса», почти окончательно стихла, с первого этажа доносились возбужденные голоса, команды, топот множества ног.

Достав из кармана-ранца индивидуальный пакет, Матвей мгновенно забинтовал руку Василия, помог ему дойти до потайной дверцы в стене.

— Доберешься?

— Должен. Может, пойдешь со мной, от греха подальше?

— Я вроде бы как на службе.

— Тогда до вечера... — Василий заковылял вниз по винтовой лестнице, по которой пару минут назад ушел Шевченко с раненым напарником, и Матвей закрыл за ним дверь. Подумав, сел у стены, наблюдая за Белоярцевым, и стал ждать, когда на этаже появятся бойцы «Грозы».

РАЗБОРКИ НА ВЕРХНИХ ЭТАЖАХ

Громов поменял явочную квартиру, и «полный квадрат» комиссаров собрался в доме на улице Пятницкой, недалеко от станции метро «Новокузнецкая». Из окон квартиры были видны купола Василия Блаженного, и координатор рассматривал их до тех пор, пока не появился комиссар-пять Валерий Шевченко. Только после этого Дмитрий Олегович сел за стол с неизменным компьютерным пультом.

Комната была преобразована под кабинет деловых встреч и оборудована всеми новейшими техническими устройствами, а обставлена великолепным набором клерковской мебели итальянской фирмы «Мартекс», отделанной под палисандр. Как заметил комиссар-5, когда попал в эту квартиру впервые, такая мебель возвышает и заставляет держаться официально.

Лобанов включил электронно-оптическую защиту, кивнул Шевченко:

— Начинай.

— По записям, которые нам удалось извлечь из скрытых телекамер, — начал комиссар-пять, несколько подрастерявший свою природную веселость и оптимизм, — мы восстановили картину штурма. В нападении на штаб Ассоциации участвовали спецподразделения практически всех силовых ведомств. От ФСБ — ДШБ «Гроза»...

— Минуточку, — остановил его Боханов. — Можно без аббревиатур? Человек я невоенный и вашей терминологии не понимаю.

— Извольте. Федеральная служба безопасности задействовала против «Барса» десантно-штурмовой батальон «Гроза»... в котором, между прочим, оказался тот самый ганфайтер Соболев, что отказался работать с нами. О его роли в операции я еще расскажу... Главное управление по борьбе с преступностью выставило группу «Харон», действующую совместно с «Грозой». Милиция привлекла отряд «Принцип», а Генпрокуратора — «Закон». Министерство обороны прислало по наши души ДДО... э-э... десантно-диверсионный отряд «Анальгин». И наконец, там оказалась группа, которую мы не смогли опознать.

Рыков, пристроившийся с краю стола, поднял голову.

— Предположительно это зондеркоманда «СС», усиленная профессиональными киллерами. Данные уточняются.

— Жертвы?

— У нас ранен мой телохран и ганфайтер Балуев. Среди нападавших до полутора десятков ранены и... трое убито. Не нами. Один из них — командир ДДО «Анальгин» Пауль Кийк. Кстати, сотрудник эстонской внешней разведки.

— Во всем этом странном деле чувствуется очень опытный режиссер, — сказал комиссар-три. — Возникают два вопроса. Почему, несмотря на решение Совета безопасности о координации действий зондеркоманд, предназначенных для уничтожения «ККК», каждая силовая инстанция предпочитает работать отдельно? И второй: почему ни одна из команд не знала о готовности других к точно такой же операции? Кто столкнул их лбами? Зачем?

— Это уже не два, а четыре вопроса, — сдержанно прокомментировал Громов. — Но у меня пока нет ответов на эти вопросы. Валерий Егорович, расскажите подробней об участии в деле Балуева и Соболева.

Шевченко, стараясь быть объективным, поведал комиссарам историю появления Соболева в составе штурмовой группы и о происшедшем бое между ним, Василием Балуевым и командиром «Анальгина» Кийком.

С минуту после этого слушатели молчали, переваривая услышанное, потом Боханов проговорил:

— Значит, если бы не то обстоятельство, что Балуев и Соболев — друзья, все могло бы закончиться иначе? Белоярцев и Соболев захватили бы вас?

— Вряд ли.

— Но ведь они «супера» и «абсолюты»...

— Я тоже не разрядник по лыжам, — огрызнулся комиссар-пять, — и всегда подстраховываюсь. Если бы нас попытались взять на огневом контакте, я взорвал бы коридор, в стенах кото-

рого спрятаны унитар-заряды направленного действия. Но чтобы взять меня, надо очень постараться.

— Хорошо, Валерий Егорович, — остановил его Громов. — К этому вопросу мы еще вернемся. А сейчас давайте обсудим две проблемы. Одна — ликвидация Генерального прокурора, вторая — расширение «квадрата» за счет нового члена, комиссара шесть.

— Это еще кого? — в наступившей тишине прорычал Боханов.

— Начальника военной контрразведки Никушина, — спокойно ответил Дмитрий Олегович.

Гусев был вне себя, и Юрген помалкивал в ответ на гневные филиппики военного министра, озабоченного проблемой выживания.

— Бурлаков убит! Твоему хваленому Кийку свернули шею! — кричал Федор Иванович. — Художника, с помощью которого можно было подобраться к трем «К», угрохали «чистильщики»! Бывший комиссар «Чистилища» Завьялов убит! Чем ты занимаешься, полковник?! Почему в момент захвата Ассоциации «Барс» там оказались «федепасы» и «губошлепы»? Кто нас подставил?!

— Пока не знаю, — отважился вставить слово Юрген.

— Тогда какого х... ты занимаешь должность главного ликвидатора конфликтов?!

Это не должность, хотел возразить полковник, это призвание, но промолчал, признаваясь в душе, что министр во многом прав. Руководители «Барса» ждали нападения и соответствующим образом подготовились... что, кстати, косвенно говорит в пользу предположения, что они работают на «Чистилище». А их осведомленность означает, что произошла утечка информации, позволившая «Чистилищу» выйти сухим из воды. Без потерь. Если не считать угробленной техники. Но каким же образом им удалось натравить друг на друга спецслужбы? Почему не сработала хваленая контрразведка «федепасов»?

— Еще раз допустишь подобное — уволю! — закончил Гусев, заметно успокаиваясь. — Найди замену Кийку, он не оправдал наших надежд. Кто его пришил?

— По моим сведениям — Соболев.

Гусев, багровея, посмотрел на своего начальника службы ликвидации, и тот поспешил добавить:

— Соболев был в команде «федепасов», но теперь официально работает в «Грозе». Кстати, внутри здания Ассоциации замечен был его дружок Балуев. Это интересный момент, и мы его исследуем.

Министр налил себе пепси, выпил, поморщился, налил еще и со стаканом в руке пошел по периметру кабинета.

— Если Кийка ликвидировал Соболев, то он теперь знает все об отряде и о нас с тобой. Его надо убрать немедленно! Во вторую очередь надо уничтожить Никушина. Генерал зашел слишком далеко, начав шерстить компанию Тлеубаева. Он тоже может подобраться к нам достаточно близко. Соображения?

— Я сам займусь Никушиным, а заодно выясню, что он знает. Еще есть идея потрясти «красные рубахи».

— РНОФ? Зачем?

— По моим предположениям, Русский национальный фронт снабжает «Чистилище» информацией, агентурой и оперативными исполнителями. Можно пощупать две их базы в Подмосковье.

Гусев допил пепси, рухнул в кресло, будто принял яд.

— Пощупай, только без особого шума.

— Борьба с терроризмом — хорошее прикрытие для любой силовой акции, но я буду тих, как ягненок. Теперь о расследовании убийства Простатова, Бурлакова и Силакова. Мои следопыты вышли на предполагаемых исполнителей. Но теперь точно известно, что Силакова «погасили» не «чистильщики».

— Знаю, — хмуро произнес Гусев. — Я говорил Ло... одному деятелю, что он напрасно подливает масло в огонь. По Силакову розыск отменить. Его убрали люди... из другой конторы.

— «СС», — бесстрастно подсказал Юрген.

Федор Иванович посмотрел на него с неудовольствием, потом подумал, что смешно было бы отрицать свою связь с маршалом Сверхсистемы, когда полковник сам готовил их встречу, и сказал:

— Они помогут нам... до определенного предела, а потом мы их... попросим удалиться. Пойдя на контакт с нами, «эсэсовцы» стали уязвимы, потому что мы всегда сможем отговориться тем, что предприняли этот шаг для разведдействий и последующей ликвидации «СС». К слову, как действовала их команда?

— Мясники, — коротко ответил Юрген.

Генеральный прокурор встретился с министром внутренних дел на ипподроме в Бунькове. Плотников сидел в центральной ложе зрительской трибуны в окружении шести телохранителей и смотрел на трассу в бинокль. Прошедший дождь не помешал устроителям бегов подготовить поле, которое не утратило яркости зеленого цвета и красоты летних трав.

Пашин пришел в сопровождении всего одного телохранителя, и шестерка опекавших прокурора парней с профессиональным интересом оценила коллегу, переглянувшись между собой.

Это был известный в прошлом боксер-профессионал, чемпион России и Европы в тяжелом весе Вячеслав Полунин.

— Леонид Арнольдович, — сказал Плотников, не опуская бинокля и не поворачиваясь, — я дал вам свою группу не для того, чтобы вы подставляли ее под пули других спецгрупп. Уже известно, что произошло? Кто виноват в нестыковке?

— Стрельбу начали не мы, — угрюмо ответил Пашин. — Следственная комиссия начала работу, но вряд ли добьется скорых результатов. В штурме участвовали команды ФСБ, ГУБО и Минобороны, а эти конторы не заинтересованы в лишней шумихе, да и вообще в расследовании.

— А как получилось, что здание Ассоциации оказалось пустым? Куда делись ее сотрудники? Почему оказалась стертой память архивных компьютеров? Куда девалась база данных?

Министр внутренних дел молчал.

Плотников наконец опустил бинокль, посмотрел на него. Глаза Николая Григорьевича казались белыми и сонными.

— Рассмотрите вопрос о служебном несоответствии начальника МУРа Синельникова. Поставьте на его место другого человека, посговорчивей и поисполнительней.

— В этом нет необходимости, — сказал Пашин. — Генерал Синельников настаивает на своем решении уйти в отставку. С ним вместе уходят еще два отличных офицера, начальник ОРБ полковник Агапов и полковник Лазарев.

— Что еще за новости? Почему?

— Докладные записки составлены стандартно, однако... — министр посмотрел в глаза Генеральному прокурору, — основная причина — приказ работать против «Чистилища» по фронтовым стандартам.

Генеральный сунул бинокль одному из охранников.

— Вы уже подписали заявления?

— Еще нет, после коллегии министерства.

— Пусть уходят. Но предупредите их: ни слова представителям прессы о мотивах ухода, иначе... надеюсь, понятно?

— Мне-то понятно. — Пашин скривился. — Поймут ли они? Синельников запросто может послать меня на... и будет прав. А остановить его невозможно.

— Ничего, понадобится — остановим. Даю вам сутки на анализ операции по «Барсу» и подготовку плана мероприятий по «Чистилищу».

Не прощаясь, Пашин повернулся и зашагал прочь. И в голове все время вертелась мысль: не пора ли и ему самому подавать в отставку?

Генеральный прокурор смотрел ему вслед, думая о другом: а не пора ли заменить министра более динамичной фигурой?

Директор ФСБ и начальник ГУБО встретились тем же утром в подземном гараже Лубянки возле новой машины генерала — «Крайслера-999», выполненной по особому заказу и представлявшей собой мобильный пункт управления. Она была оборудована всеми видами связи, вплоть до спутниковой, имела системы электронной защиты, бронированные корпус и стекла, встроенные в бамперы пулеметы, катапультируемое кресло и удобное рабочее место. Кроме того, в кабине был бар, холодильник и запас продуктов на неделю. Весил «Крайслер» около пяти тонн, хотя с виду походил на обычный автомобиль комфорт-класса, в каких вовсю ездили бизнесмены, депутаты и бандиты.

— Звонил Коржанов, — сказал начальник Главного управления по борьбе с организованной преступностью. — Он в курсе всех событий, рвет и мечет. Первое, что его интересует: как мы допустили стычку групп. Второе: кто готовил операцию. Третье: почему отсутствует координация действий.

— Разберемся — доложим, — сказал Коваль, погладив тонированные стекла машины. — Кто-то очень умело подставил нас под огонь. Настолько умело, что я снова начинаю сомневаться в единоличном контакте с Конкере.

— С кем? — не разобрал Казанцев.

Сергей Вениаминович понял, что проговорился, однако не придал этому значения.

— С одним моим помощником. Как только он появится, я попытаюсь узнать. Хватов уже предупрежден, что я жду связи.

— Хватов? Командир ваших телохранителей? И что же, он связан с этим... Ко... кре?

Коваль мельком глянул на недоумевающего Казанцева, снова с обожанием во взгляде погладил «Крайслер».

— Как тебе мой бронеход?

— Красавец! — равнодушно ответил начальник ГУБО. Помолчал немного. — А что там произошло в вашей команде? Говорят, этот новый сотрудник Соболев ранил начальника отряда и отпустил «чистильщика»?

— Не «чистильщика», сотрудника Ассоциации. — Сергей Вениаминович наконец перестал разглядывать чудо-машину и устроился на заднем сиденье, пригласив Казанцева. — Садись, оцени внутри. Но инцидент, конечно, неприятный. В любом случае Соболев должен был задержать этого сотрудника. — Коваль не стал уточнять, что против того был использован «болевик».

— И что вы намерены делать с Соболевым?

— Посмотрим, — неопределенно проговорил директор ФСБ. — Наказать, однако, надо. Ребята из «Грозы» просят отдать его им «на правеж».

Казанцев помолчал.

— Насколько мне известно, он ганфайтер, волкодав-одиночка, и использовать его следовало бы только для чистого перехвата.

— Мы сами решим этот вопрос, — бросил Коваль с нетерпением. — В конце концов, он всего лишь опер, один из многих, пусть знает свое место.

— Он лучший опер, генерал, — тихо сказал Казанцев. — И если вы решите его проучить, многих сотрудников «Грозы» придется просто-напросто госпитализировать.

— Ладно, ладно, — отмахнулся Сергей Вениаминович. — Мой Хватов и один с ним справится, не надо преувеличивать его возможности. Я вызвал вас, Руслан Ибрагимович, вот по какому поводу. Есть идея потрясти Русский национальный освободительный фронт.

— «Красные рубахи»? Они-то в чем провинились?

— Пока ни в чем, но «Чистилище» вполне может иметь у них свою базу. Кто у вас занимается оперативной разработкой трех «К»?

— Полковник Зинченко и майор Князев, командир спецгруппы «Харон». Кстати, это именно он первым сообразил, что стрельба ведется своими по своим же, и дал отбой.

— Пусть состыкуются с моим Первухиным и подготовят план операции. Суток вам хватит?

Казанцев откинулся на мягком сиденье, оглядел салон машины и подумал: «Хватит, если только нас не опередит господин Гусев со товарищи». И, встретив изучающе-насмешливый взгляд директора ФСБ, ответил:

— Мне бы вашу уверенность.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Пули из плеча Матвей извлек сам: волевым усилием обезболил раны и заставил мышцы сокращаться так, чтобы девятимиллиметровые, слегка деформированные цилиндрики вышли наружу тем же путем, что и вошли в него.

Продезинфицировав раны и остановив кровотечение, Матвей впал в меоз и сосредоточился на восстановлении мышечной ткани. Когда спустя несколько минут он вышел из этого состояния, на месте пулевых отверстий виднелись два едва заметных глянцево-розовых шрамика, которые должны были окончательно исчезнуть через пару часов.

Василию справиться со своими дырками будет труднее, подумал Матвей, надо помочь. Подкрепившись горячими сосисками, он позвонил Балуеву:

— Как успехи?

— Лечусь. А ты?

— Я уже. Не трогай руку, перевяжи аккуратно, и все. А я сейчас подъеду, извлеку пули.

— Я сам это сделаю; одна прошла навылет, вторая застряла в кости. Хорошо еще, что нет перелома.

— Все равно жди, попробую залатать.

— Позже, сейчас я мчусь по вызову шефа, наверное, будет разбор операции. Но ты учти, Соболь, вас крупно подставили. Валера Шевченко узнал кое-кого из стрелков первого отряда, так вот — это ликвидаторы из киллер-клуба, по которому мы работаем. У них, очевидно, было прямое задание заварить кашу и перестрелять как можно больше народу.

— И свалить все на вас, на «Чистилище»? Вполне возможно. В свою очередь, могу ответить тем же: на вашу контору неспроста вышли все спецслужбы, кто-то из ваших допустил утечку информации.

— Ну, Ассоциация ветеранов — не контора, а всего лишь одна из информационных баз, но мы разберемся. Вечером позвони, встретимся.

Матвей засмеялся.

— Мы уже третий раз договариваемся встретиться, подозреваю, что не последний. К слову, я получил «сонный» пакет информации по древнейшей системе боя. И уже проверил на практике. Того майора, что шарахнул в тебя из «болевика», я взял приемом из этой системы.

— Что за система?

— Нечто вроде техники смертельного касания ниндзяцу, но намного сильнее... и неожиданнее. Встретимся, покажу. Лариса твоя знает, где ты обитаешь?

— Знает, я сообщил, но особого восторга почему-то не испытывает. Хотя сама же рвалась в столицу. Между прочим, к ней заходили, спрашивали меня.

— Кто?

— Не представились. Может быть, нукеры Маракуца? Разберусь потом. Ну, до связи!

Матвей задумчиво походил по комнате с трубкой телефона в руках, размышлял о своем положении, потом вспомнил о Кристине, и у него вдруг возникло острое желание увидеть ее. В то же мгновение раздались телефонные позывные — нежная мелодия Сен-Санса. Невольно задержав дыхание, Матвей поднес трубку к уху и услышал голос Ульяны.

— Матвей, вы?

— Кажется, я. А что, мы снова перешли на «вы»?

— Ой, как хорошо, что я вас... тебя нашла!

— Снова сон-приказ?

— Д-да... тебе нужно уходить из той организации, в которую ты попал. Срочно! Они задумали какую-то пакость... слышишь?

— Внимаю.

— Я звонила в прошлый раз...

— Все в порядке, я учел предупреждение, спасибо.

— Но это серьезней, чем ты думаешь. В ваших разборках замешаны какие-то очень высокие люди... а может быть, даже и не люди вовсе, я не поняла... Опасность исходит от них.

— Благодарю, Уля, я приму меры.

— Если хочешь... если будет трудно... — Голос девушки упал до шепота. — Я приеду. Ты только не думай...

— Никогда, — серьезно заверил Матвей.

— Я буду звонить... если можно... просто, чтобы знать.

— Звони. А вот приезжать пока не надо, лучше я приеду в Рязань. Желаю удач.

Трубка донесла тихое «я буду ждать», и Матвей дал отбой. Улыбнулся, представив полыхающее румянцем лицо Ульяны, ее большие глаза, полные губы, которые будто созданы были для поцелуев и... «Стоп, ганфайтер!» — сказал Матвей сам себе. Не хватало еще перейти в мусульманскую веру. Две жены, может быть, и лучше, чем одна, но не для волкодава-перехватчика.

Матвею стало грустно. Он точно знал, что Кристину никогда, ни при каких обстоятельствах не бросит, однако от этого его не переставало меньше тянуть к Ульяне Митиной.

Шрамы на плече начали зудеть и чесаться, пришлось провести еще один сеанс внутреннего распределения потоков энергии, и неприятные ощущения скоро прошли. Как раз в этот момент снова раздался мелодичный звонок; телефон в квартире стоял многофункциональный и мог исполнять до десяти разных мелодий. После серии щелчков, означавших проверку линии, в трубке послышался голос начальника Управления спецопераций:

— Соболев? Как самочувствие?

— Нормально, — ответил Матвей сдержанно.

— «Болевик» Белоярцева у вас?

Матвей покосился на черный пистолет необычной формы, лежащий на диване.

— Еще у меня.

— Упакуйте и привезите на базу через два часа. Я тоже подъеду, поговорим. — Щелчок — и голос генерала пропал.

— Не нравится мне это, — глядя на телефон, пробурчал Матвей. — Знаем мы, в каком тоне командир будет разговаривать с подчиненным после провала операции.

«Не ходи, — посоветовал внутренний голос. — Сошлись на раны, плохую погоду, отсутствие обуви...»

— Так ведь лучше от этого не станет. Не там, так здесь найдут.

«Тогда иди», — согласился все тот же голос.

Матвей усмехнулся разговору «сам на сам» и принялся собираться.

К двум часам дня он подкатил на своем джипе к воротам военного городка в Бутове, где располагался отряд «Гроза», поставил машину на открытой площадке возле гаража, где уже стояли «Вольво» Белоярцева цвета «мокрый асфальт» и с десяток других легковых автомобилей. Вылез из кабины и вдруг спиной ощутил ветерок опасности. Закрыл дверцу, оглянулся. К стоянке с трех сторон подходили бойцы «Грозы» в спортивных трико, словно готовясь к тренировочному циклу. Было их человек двенадцать. Еще одна группа ребят душ в двадцать собралась в полусотне метров возле курилки, явно не желая вмешиваться в готовящееся действо.

Кажется, меня собираются «опустить», невесело подумал Матвей. Интересно, за что? Неужели Люда Белоярцев решил отыграться таким образом за поединок в здании «Барса»? Что, интересно, он рассказал своим солдатикам? И почему, кстати, все зовут его за глаза Людой? Неужто майор «голубенький»?..

— В чем дело? — Матвей сделал несколько шагов вперед и оказался в полукольце приблизившихся парней. Он был так спокоен и уверен в себе, что те невольно переглянулись.

— Нам стало известно, — сказал один из них, низкорослый, но очень широкий, волосатый, похожий на медведя, с руками-лопатами, в отряде все его звали Потапычем, — что ты провалил дело... подставил майора... да еще и выключил его.

— Короче, предал! — перебил Потапыча другой, молодой, горячий, похожий на цыгана, по фамилии Хохан и по кличке Хохма. — Убивать тебя мы не собираемся, но поучим немного, хотя ты и «супер». Мы не привыкли, чтобы у нас кто-то не выполнял приказы.

— ...и нападал сзади, в спину, — угрюмо добавил третий, тоже молодой оперативник, Костя Бондарев.

— А может быть, поговорим сначала мирно и выясним степень моей вины? — предложил Матвей.

— Не о чем нам говорить! — яростно сверкнул глазами Хохма-Хохан. — Я с тобой на одном поле с... не сяду, не то что в разведку... Ты, гад, нашего командира... как самый последний трус... сзади! Дави его, мужики!

«Белоярцев рассказал, будто я взял его сзади, — сообразил Матвей, отступая и не зная, как поступить в такой ситуации. — Вот почему они взбеленились. И, конечно, мне сейчас никто не поверит...»

— Что, отступаешь, супермен? — завопил Бондарев, первым

бросаясь в атаку, и... взмыл в воздух на прыжке, перелетел джип, с треском врезаясь в штабель досок.

Остальные замерли на мгновение, потом молча ринулись вперед, а Матвей понял, что дело принимает серьезный оборот. Озверевшие спецназовцы запросто могли выколоть ему глаза или сломать ребро. И когда кто-то из нападавших достал носком ботинка его спину, Матвей, стряхнув оцепенение, перешел *на режим*.

Двоих он удачно поймал на обоюдной атаке, в результате которой они помешали друг другу: одному сломал палец, второму вывихнул руку в локтевом суставе, и оба выбыли из схватки. Но остальные ребята все как на подбор рослые, мощные, с хорошо развитой координацией, знающие «комба» и «унибос», поэтому драться с ними надо было в полную силу.

Отступив так, чтобы за спиной оказался штабель досок, Матвей на контратаках уложил еще троих спецназовцев. Он мог бы так сопротивляться довольно долгое время, не подпуская к себе никого на расстояние удара ногой, но ребят начало злить его сопротивление, и кое у кого уже сверкнул в руках тесак. Тогда Матвей решил вырваться из круга обороны к штабу и найти в здании Первухина, чтобы положить конец этой нелепой разборке. Звеном прорыва он избрал Потапыча, известного своей приверженностью к коти-котаэ — набивка предплечий, бедер и голеней, — приводящей к укреплению мышц до состояния деревянной плахи. Потапыч и в самом деле не раз демонстрировал коллегам свое умение разбивать руками, плечами, ногами и головой доски, столбы, палки и кирпичи.

Уйдя от кири-коми[1] левого противника, Матвей достал «плетью Джарасандхи»[2] правого, в падении миновал еще двоих, зацепив обоих ботинками, и оказался перед Потапычем, ошеломленным мгновенным появлением ганфайтера в полуметре от его лица.

Конечно, Потапыч среагировал поздно. Понадеялся на свой непробиваемый мускульный каркас, но уйти от шокового тычка в сонную артерию (тьянти в исполнении ложной расслабленности) не смог.

Потапыч осел на землю. Остальные остановились, тяжело дыша, не веря своим глазам. Кто-то выругался, со стороны послышались аплодисменты, и из-за летней душевой вышли капитан Хватов, майор Белоярцев и генерал Первухин. Аплодировал Хватов.

— Прекратить! — брюзгливо сказал начальник Управления

---

[1] Кири-коми — удар рукой в дзюдо.

[2] Джарасандха — школа индийского карате — кушти.

спецопераций, оглядел лежащие тела и, смерив Соболева взглядом, направился к зданию штаба. — Следуйте за нами, капитан.

Матвей глянул на ошеломленные лица бойцов «Грозы», развел руками.

— Прошу извинить, что так получилось. Но я не нападал на вашего майора сзади. К тому же он был вооружен, а я нет. Советую впредь до объявления приговора сначала изучить все факты, а потом судить.

Уже отойдя от побитой компании на несколько шагов, Матвей услышал:

— Ну и мудак ты, Хохма! Жалею, что он тебе шею не свернул!

— Ты тоже хорош — полез выяснять вперед всех!..

Дальнейшего разговора Соболев не услышал, но больше всего был доволен тем, что не применил особых приемов из техники смертельного касания, открытой ему эзотерической трансляцией во сне.

Когда они вошли в одноэтажный домик штаба, Хватов, идущий впереди, обернулся и сказал с обаятельной улыбкой:

— Вы очень сильный мастер боя, капитан, но у вас есть один существенный недостаток: вы жалеете противника. Он же вас жалеть не станет.

— Учту, — буркнул Матвей, прислушиваясь к своим ощущениям.

Но в данный момент капитан Хватов был сам собой, а не авешей Монарха, и говорил вполне искренне.

В одной из трех комнат штаба, где обычно располагался начальник базы или дежурный офицер, Первухин снял плащ, бросил берет на стол и сел. Кивнул на стулья вдоль стола.

— Присаживайтесь. Итак, Матвей Фомич, что скажете?

— Сначала я хотел бы выслушать вас, — корректно проговорил Матвей, ощущая толчки крови в местах, где его коснулись «дружеские» удары «восстановителей справедливости».

— Точку зрения майора Белоярцева я уже выслушал, теперь хотелось бы ознакомиться с вашей.

— Мне бы тоже не мешало ознакомиться с точкой зрения майора, — с той же подчеркнутой вежливостью сказал Матвей.

— Повторите, майор, — бросил Первухин.

Белоярцев быстро глянул на него, потом на Соболева, отвел глаза.

— Их было трое... вице-президент Ассоциации, какой-то молодой ухарь и... еще один...

— Мой друг Василий Балуев, — вставил Матвей, — в которого майор разрядил «болевик».

— Мне ничего не оставалось делать... они могли уйти...

Белоярцев снова посмотрел на Первухина, но тот смотрел в стол, барабаня пальцами по его поверхности.

— Был приказ... захватить всех...

— Но не испытывать на людях, чья вина не доказана, спецсредства вроде «болевика».

— Лес рубят — щепки летят...

— Люди — не щепки, — медленно произнес Матвей. — И если так считает все начальство конторы, мне с ним не по пути.

— Не спешите с оргвыводами, Соболев, — поморщился Первухин. — Деретесь вы хорошо, но в политике и социальной сфере разбираетесь слабо. Зачем вы обезоружили майора и дали им уйти?

Встретив угрожающе-предупредительный взгляд Белоярцева, Матвей пожал плечами.

— Во-первых, он хотел выстрелить в безоружных людей еще раз. Во-вторых, я считал, что сотрудники «Барса» непричастны к делам «Чистилища», и, чтобы задержать их, надо иметь на руках доказательства. Я таких доказательств не имел. В-третьих, Василий Балуев, ветеран спецподразделения «Вымпел», хотел стать членом Ассоциации и попал в здание в момент захвата случайно. А поскольку майор Белоярцев решил испытать «болевик» именно на нем...

— Ясно, не стоит продолжать, — шевельнул пальцами Первухин. — Инцидент исчерпан. Считаю нецелесообразным оставлять вас рядовым сотрудником «Грозы». Есть два варианта: командир особого звена в двенадцать человек...

— Нет.

— И операции ганфайтерного класса — в одиночку, со стопроцентной гарантией перехвата, конечно.

Матвей хотел было ответить «нет» и на это предложение, но подумал и согласился. Первухин ему нравился, мужик он был жесткий, но знающий дело и правильный, без желчной зависти и лукавства. Если он и заблуждался в чем иногда, так искренне. Можно было попробовать работать под его началом.

— Кто будет выдавать мне задания?

Первухин понял скрытый подтекст вопроса, усмехнулся тонкими губами.

— Я. Или майор Хватов — изредка, по приказу директора.

Это Матвею не понравилось, но отступать не хотелось, к тому же Хватов представлял Монарха.

— Уже майор? Поздравляю.

— Я вас тоже, — улыбнулся командир ОБЕДа. — С сегодняшнего дня и вы повышены в звании.

— Только учтите, молодой человек, — сказал Первухин, — герои-одиночки в истории Земли никогда не делали погоды. Все

решала толпа, плебс, выбирающий и своих правителей, и своих преступников.

— Я не претендую на роль героя.

— Если не претендуете, то не демонстрируйте постоянно свою самостоятельность и искусство рукопашного боя. В иных случаях это не идет на пользу делу и здоровью.

— Учту.

— Пошли покурим, — предложил Хватов.

Они вышли из домика в хмурый осенний день, оставив в штабе Первухина и Белоярцева. Хватов достал сигареты, предложил Матвею, но тот отказался.

Майор вставил сигарету в мундштук с фильтром, выпустил кольцо дыма, кивнул на окно штаба:

— А правда, что ты напал на Люду сзади?

Матвей иронично глянул на собеседника, и Хватов кивнул сам себе, как бы в подтверждение собственной догадке.

— Я так и думал, что Люда врет.

ПРИОБЩЕНИЕ К ТАЙНЕ

На шестнадцатом километре от Московской кольцевой автодороги Ельшин остановил кортеж. Лобанов, сидевший рядом, с недоумением посмотрел на бывшего генерала.

— Что случилось, Генрих? Раздумал ехать?

— Нет, пойдем другим путем. — Ельшин первым вылез из машины, поглядел на проглянувшее сквозь облака солнце и, сгорбившись, засунув руки в карманы длинной куртки, неторопливо побрел вдоль древнего деревянного забора, которым был обнесен полуразрушенный угольный склад.

Переглянувшись с телохранителем, Лобанов молча последовал за ним. Догнав, спросил:

— Почему мы в прошлый раз не пошли этим путем?

— Я был уверен, что пройдем поверху.

— А тут как — понизу?

— Тут ветка спецметро. От Лубянки его заблокировали, но есть пара колодцев, о которых никто не знает.

— Охраны нет?

— Возьми с собой пару человек, остальные пусть ждут здесь, у машин. Авто пусть отгонят за кусты справа, чтобы не бросалось в глаза с дороги.

Лобанов отстал, отдал короткое распоряжение старшему группы охраны и присоединился к бывшему генералу с двумя телохранителями, одним из которых был Дзиро Маюмура.

Ельшин остановился у покосившихся ворот, оглядел отодви-

нутую створку, пролез сквозь щель на территорию склада. Затем уверенно направился к одинокому бараку, в окнах которого кое-где еще уцелели стекла. Уголь отсюда давно забрали, двор был перекопан траншеями, усеян ямами от экскаваторных ковшей, и идти по сырому черному грунту было нелегко.

Не оглядываясь, Генрих Герхардович проследовал внутрь барака через сорванные ворота, остановился возле крепкой на вид кирпичной стены с полураспахнутой железной дверью. Хмыкнул, разглядывая дверь.

— Что? — подошел Лобанов.

— Похоже, нас опередили... Фонари взял?

Маршал «СС» сделал приглашающий жест, второй телохранитель — на голову выше Ельшина и вдвое шире — снял с плеча объемистую сумку, достал фонари и приборы ночного видения, а также оружие — автоматы Никонова и «глушак». Лобанов взял суггестор, предложил «никон» Ельшину.

— Если нас встретят, — отказался тот, — не поможет и танк.

— Тогда я возьму остальных.

— Я имел в виду не спецов ФСБ или военных. Боишься или не веришь — не ходи.

— Я оптимист, — пошутил Олег Каренович.

Ельшин покосился на него, кривя лицо в полуулыбке, взял фонарь.

— Существует поговорка: когда к власти приходят оптимисты, пессимисты начинают понимать, что их пессимизм имел все основания.

Подсвечивая под ноги, он со скрипом открыл железную дверь до конца и пролез в помещение, пол которого был усеян шлаком, битым кирпичом и заляпан пятнами смолы. В помещении находилась печь с выпуклой железной заслонкой, которая тоже была откинута. И лишь когда Ельшин, не говоря ни слова, полез в полуметровое отверстие печи, Лобанов понял, что «печь» — замаскированный вентиляционный или пожарный люк.

Один за другим по железной лестнице они спустились в бетонный колодец со скобами и продолжили путь вниз. Преодолев метров двадцать — по расчету Лобанова, — отдохнули в трехметровом бункере с вентилятором, откинутым на петлях к стене. Затем продолжили спуск, пока не достигли дна; случилось это примерно на пятидесятом метре от поверхности.

Выпуклый, с кремальерами запора, люк и здесь был открыт.

Видимо, тот, кто пользовался лазом последний раз, не собирался возвращаться той же дорогой.

По-прежнему не обращая внимания на переживания тех, кто следовал за ним, бывший босс Купола посветил в горловину лю-

ка и первым прополз в него. За ним с большим трудом протиснулся телохранитель со снаряжением и лишь потом Лобанов.

Они оказались в нише, отгороженной решеткой от туннеля спецметро с двумя нитками рельсов и пучком кабелей на стене. В нише стояла маленькая мотодрезина, имеющая и ручной привод. Ельшин кивнул на дрезину:

— Выкатывайте, путь неблизкий, поедем на ней. — Потом пробурчал себе под нос: — Странно...

Лобанов понял его.

— Если кто-то здесь уже побывал, то почему не воспользовался дрезиной?

— Тут может быть два варианта: подземный туннель открыли мальчишки и, не найдя ничего интересного, решили экспедицию не продолжать.

— А второй?

Лицо Ельшина напряглось.

— Кто-то шел не туда, а... оттуда.

Лобанов хотел подвергнуть данное предположение критике, но передумал.

— Дойдем до места, разберемся.

Решетка была на замке, который легко открылся гвоздем. Дрезину выкатили из ниши, установили на рельсы, кое-как уместились на крохотной площадке, и телохранители маршала «СС» взялись за рычаги. И собранные не из кубиков, а из огромных швеллеров стены туннеля побежали мимо...

Сначала было решили двигаться без света, надев инфраоптические шлемы-очки, но при отсутствии тепловых источников видимость в туннеле была настолько слабой, что Ельшин, чтобы освещать путь, включил фонарь.

Маюмура и гигант телохранитель работали не хуже мотора, и двенадцать километров до развилки отмахали всего за какие-нибудь четверть часа. По сигналу Генриха Герхардовича остановились. Ельшин слез, перевел стрелки, и дрезина свернула налево в полукруглый туннель меньшего диаметра, стены которого были сложены из специальных изогнутых швеллерных секций. Ехали недолго, преодолев метров двести пятьдесят, и остановились перед развороченными взрывом массивными воротами. По всему было видно, что стреляли с той стороны, изнутри видимого сквозь пролом подземного зала.

— ГП-30, — определил телохранитель, оглядев вывернутые стальные листы. — Плюс «дыня-2».

Он имел в виду, что стреляли противотанковой гранатой из подствольного сорокамиллиметрового гранатомета.

Ельшин прошипел что-то неразборчивое сквозь зубы, осклабился в ответ на взгляд Лобанова.

— Все-таки шли отсюда... сверху... но почему «федепасы» не выставили здесь пост?

— Значит, выходили не «федепасы».

Ельшин снова растянул рот в какой-то странной улыбке и без колебаний нырнул в пролом. Прислушиваясь к тишине, принюхиваясь к запахам пороховой гари, сырого бетона и ржавого железа, держа наготове оружие, остальные последовали за ним в подземный «гараж» генерала, где ждал его торпедовидный электровагон.

Пока телохранители рыскали вокруг, осматривая помещение, Лобанов обошел «торпеду», потом приблизился к Ельшину, который молча рассматривал еще одну дыру в стене, проделанную с помощью того же гранатомета.

— А ты мне ничего об этом схроне не рассказывал, — сказал Олег Каренович с оттенком укоризны.

— Тебе он все равно не пригодился бы, — глухо огрызнулся Генрих Герхардович. — Ничего не понимаю! Этой дырки, как и хода за ней, не должно было быть!

— Разве нам не туда?

— Нет. Пусть твои хлопцы проверят, что это за коридор, куда ведет, а мы пока поднимемся наверх. Все-таки в моем бункере побывали до меня, теперь я в этом уверен.

Ельшин поднялся на узкий карниз справа от электровагона и протиснулся в щель между приоткрытой полуметровой толщины металлической дверью и швеллером лутки. Посветил под ноги, разглядывая следы, четко отпечатавшиеся в пыли, и вцепился в скобы, образующие лестницу в бетонном колодце.

— Далеко лезть? — спросил Лобанов. Не получив ответа, со вздохом последовал за генералом. Маюмура, не проронивший за время экспедиции ни слова, молча поднялся за ним; второй телохранитель остался исследовать неизвестный Ельшину ход за разрушенной кирпично-шлаковой кладкой.

Вскоре они уже стояли посреди секретного бункера с компьютерным комплексом, озираясь по сторонам. Самые разные чувства волновали каждого из них.

Ельшин был бледен и страшен, он буквально трясся в каком-то нервном ознобе. Лобановым владели любопытство и восхищение, потому что машины, подобной этой, он еще никогда не видел. Устанавливалась она, очевидно, давно, не менее четырехпяти лет назад, но дизайном, компоновкой, ощущением мощи и величия, *запахом* совершенства не уступала современным комплексам типа «Макинтош» или «Русич».

Генрих Герхардович достал из кармана плоскую металлическую фляжку, отвинтил пробку, сделал два глотка и заметно ус-

покоился. Не отвечая на взгляды приятеля, подошел к столу и тронул сенсор включения компьютера.

На левой панели зажегся желтый огонек, но тут же побледнел и погас. Ельшин выругался.

— Питание? — подошел к нему Лобанов.

— Стационар отрублен, но должен был остаться контур аварийного изотопного генератора... который почему-то сдох.

— Может быть, те, кто выходил отсюда, включали компьютер и генератор сел?

Ельшин побледнел еще больше, опорожнил полфляги и сел в черное кожаное кресло с регулируемым наклоном и высотой. Бесцельно пощелкал клавиатурой, сгорбился.

— Поищите выход наверх... хотя, наверное, его нет. Я знаю, в чем дело: кто-то проник в шахту лифта, но сработала активная отсечка.

Маюмура бесшумно скользнул в открытую дверь бункера и вернулся через минуту.

— Завал.

— Я же говорил, — кивнул Ельшин: он на глазах как-то сразу постарел, превратившись из подтянутого, полного жизненных сил человека в больного, дряхлого старика. — Знать бы, кто тут похозяйничал...

— Ты с этого компа вызывал своего... благодетеля?

— Ничего, мы сюда еще вернемся, — пробормотал Ельшин. — Ты аккумуляторы или МГД-генератор найдешь?

— Нет ничего проще.

— Тогда пошли отсюда. Больше нам делать здесь нечего. Не очень-то я и надеялся на удачу.

Они спустились в «гараж» с электропоездом, где их ждал рослый охранник, по лицу которого бродили тени каких-то сложных эмоций.

— Там... туннель... длинный... идти долго, — проговорил он, мучаясь и не умея передать на словах то, что видел. — Колодец... и снова идти... и дверь! Зеленая, как... шелковая, зеленая... я таких никогда не видел! Дальше не пошел...

Ельшин и Лобанов переглянулись, и маршал «СС» в третий раз стал свидетелем того, как бывший босс Купола бледнеет и начинает дрожать. Отчего-то и у него самого зашевелились волосы на затылке; появилось ощущение, будто со всех сторон на них смотрит кто-то многоглазый, многорукий и холодный, как осьминог...

— Пошли! — наконец решительно произнес он. — Определимся наконец, что тут за катакомбы понастроены.

До зеленой «шелковой» двери добрались быстро. Подивились в молчании на отсвечивающие изумрудной зеленью, с голубым и

фиолетовым отливом половинки крыльев гигантских жуков и углубились в коридор, стены которого были обложены такими же крыльями. А когда вышли на карниз, опоясывающий гигантскую пещеру с неописуемой красоты белоснежным «замком» на дне, даже невозмутимый Маюмура на некоторое время утратил свое хладнокровие.

— Что... это... такое?! — сдавленным голосом проговорил Лобанов, очнувшись от шока и преодолев охватившую его вдруг внутреннюю панику.

— Монарх не соврал... — пробормотал Ельшин, завороженный увиденным, отвечая скорее своим мыслям, чем на заданный вопрос. — Они существуют... а я не мог... дурак! Надо было тогда еще проверить... ах, идиот! И был бы на коне...

— Что ты там бормочешь? — Голос Лобанова взлетел под купол пещеры, отразившись от стен, потолка, и вернулся серией отголосков, долгим эхом, так что все вздрогнули.

Ельшин посмотрел куда-то сквозь Олега Кареновича, продолжая что-то нашептывать, потом взгляд его стал осмысленнее, в нем проступили прежний ум и жестокая воля, а в глазах затеплилась надежда. Он решительно сказал:

— Надо спуститься.

— Зачем?

— Поищем кое-что...

— Говори! — Лобанов сделал знак, и второй телохранитель легонько прижал Ельшина к стене. — Никуда мы не пойдем, пока не расскажешь, что это все значит и что ты хочешь найти.

Ельшин обмяк и вдруг сделал непонятное ныряющее движение, от которого гигант телохран крутанулся как волчок и осел на пол с выражением полнейшего изумления на лице. Маюмура мгновенно стал в стойку, защищая Лобанова, но Генрих Герхардович глянул на него презрительно, разогнулся и сказал спокойно:

— Не держи меня за слабака, маршал, любой твой «черный пояс» я заткну за пояс... — Он ухмыльнулся собственному каламбуру. — Перед вами, господа, живое свидетельство существовавшей когда-то на Земле цивилизации разумных насекомых. Хотите верьте, хотите нет! Я сам сначала не верил, и, когда Монарх выдал мне эту информацию, я посчитал ее мифом. А так как «дворец» Инсектоцивилизации существует, то вполне может существовать и...

— Что? Да не тяни ты резину!

— ...оружие древних Инсектов, — помедлив, договорил Ельшин. — И это, брат, такое оружие, что... — Он оборвал себя на полуслове. — Ищите спуск, будем исследовать этот феномен!

После недолгих поисков обнаружили, что спуститься вниз, на

глубину около ста метров, можно только по извивам двухметрового диаметра трубы, сделанной, судя по внешнему виду, из ажурной паутины тонкого и необычного рисунка. Телохранитель с сумкой попробовал спуститься первым и, не удержавшись на скользком изгибе, покатился вниз. Через минуту он подал голос со дна пещеры:

— Нормально, можете идти!

«Идти» означало катиться на спине со все возрастающей скоростью, но, к счастью, никому эта процедура вреда не причинила, хотя Лобанов привык преодолевать подобные препятствия более комфортабельным способом. Через некоторое время, невольно сбившись в кучу, участники экспедиции уже глазели на изумительной гармонии «замок» и странное сооружение перед ним — не то скульптуру, не то часовню.

Тишину в зале не нарушал ни единый шорох, поэтому и гости старались не производить шума, не делать резких движений, проникшись торжественно-нереальной атмосферой подземелья.

Ельшин пришел в себя первым.

— Нечего вертеть головами, ищите вход в эту «крепость». Монарх мне говорил, как она называется, но я не запомнил. Да это вовсе и не «крепость», и не «замок», и не «храм». В таких вот сооружениях жили древние Инсекты, то бишь насекомые.

— Тогда это муравейник, — хмыкнул Лобанов.

— Не похоже. Такое впечатление, что тут поработали гусеницы тутового шелкопряда или пауки. Впрочем, не это главное. Итак, вперед!

Они разошлись по залу, не отрывая пальцев от спусковых крючков автоматов, прислушиваясь к дребезжащему эху своих шагов, к каждому шороху, стараясь не приближаться к «скульптуре», глядящей на них с непередаваемо холодным и отчужденным выражением.

В основании «крепости» было много ниш и каверн, но все они заканчивались тупиками. Повезло Маюмуре, он первым углубился в трехметровой высоты полость, которая куда-то вела, очевидно, в глубины сооружения.

За время поисков необычная тишина, призрачный свет, исходящий из ниоткуда, грандиозность «замка» стали настолько непереносимы для пришедших сюда, что поколебали даже фанатичную целеустремленность Ельшина. Лобанов, человек далеко не трусливый, и тот готов был поскорее убраться из этого зала подобру-поздорову; но, посовещавшись накоротке, пришли к выводу, что все же необходимо проверить, куда ведет обнаруженный коридор.

Внутри «крепости» освещение потускнело, приобрело серебристо-пепельный оттенок. Носы пришедших жадно ловили за-

пахи каких-то смол, трав, эфира и мускуса, муравьиной кислоты и камфары, раздражающие обоняние. Но скоро неприятные ощущения прошли, запахи стали более тонкими и сложными, не поддающимися определению.

Коридор обогнул «крепость» и нырнул куда-то вниз.

Озадаченные, исследователи остановились.

— Дальше я не пойду, — решительно остановился Лобанов. — Если материал, из которого сделан ход, такой же скользкий, что у той трубы, нас может занести черт знает куда. Без спецснаряжения отсюда не выбраться.

Маюмура безмолвно исчез где-то сзади, пока остальные исследовали на прочность стены и пол, вскоре объявился снова, сообщил:

— Там есть другие ходы.

Они вернулись на два десятка метров назад, и японец показал на нишу в стене коридора, мимо которой они недавно прошли. Таких ниш они насчитали штук пятнадцать, не углубляясь в них, посчитав тупиками. Но, как оказалось, каждая имела нечто вроде гибкой и тонкой дверцы, не имеющей запора, отодвинуть которую не составляло труда.

Оттолкнув Маюмуру, Ельшин полез в нишу первым. Свой пистолет он давно положил в карман и об опасности не думал.

Полуметровые, круглые в сечении, по виду сплетенные из жил белого матового стекла туннели все, как оказалось, выходили в центральный зал «крепости» с таким сложным рисунком стен, пилястров, контрфорсов, «сталагмитов» и «сталактитов», что в глазах зарябило, а от долгого их созерцания не могла не закружиться голова, словно от доброй порции алкоголя.

В центре зала высилась полупрозрачная ротонда с шестью витыми колоннами и сложнейшим паутинным шатром. Ползала поднималось к ротонде шестью наплывами, состоящими словно из жидкого расплавленного сахара, с застывшими «шерстинками» в глубине. Ступив на первый такой наплыв, люди поняли, что «сахар» тверд и невероятно скользок. Удержаться на нем не удалось никому.

— Все, хватит экспериментировать, — заявил потерявший терпение Лобанов. — Возвращаемся. Ничего мы втроем, без техники, не найдем. Когда подготовимся как следует, вернемся. Генрих, ты точно знаешь, что оно здесь есть? — Маршал имел в виду оружие Инсектов.

Ельшин промолчал, неотрывно глядя на ротонду, внутри которой проглядывал сквозь сплетение «паутинного» узора некий снежно-белый сгусток, не то саркофаг правителей «крепости», не то их трон.

ПЛАЧ ПО ПРОКУРОРУ

Каждую субботу и воскресенье, будь то зима, осень или иное время года, Генеральный прокурор проводил в загородном доме, назвать который дачей было бы просто кощунственно. Дом представлял собой роскошный трехэтажный дворец из цветного кирпича на двадцать комнат, с подземным гаражом, сауной, зимним и летним бассейнами, солярием, прекрасным садом в два гектара и подсобными помещениями, упрятанными под землей. Дом был окружен кирпичным забором, оборудованным фотоэлектронной сигнализацией и телекамерами, охранялся собаками и сторожами числом двенадцать, поэтому Николай Григорьевич чувствовал себя здесь в полной безопасности, отдыхая от трудов праведных, не очень праведных и совсем неправедных.

Располагался дом в сосновом бору, в ста километрах от Москвы, на окраине небольшого городка Вереи.

Не перестал ездить Николай Григорьевич в свою загородную резиденцию и после появления списка ликвидации «Чистилища», несмотря на уговоры друзей и беспокойство, вполне, вероятно, показное, работников прокуратуры. Был ли это вызов или точный расчет, неизвестно, однако тревожиться Плотникову особенно было нечего: сопровождение вояжей планировалось спецслужбами, кортежу давалась «зеленая улица», и, когда «Мерседес» Генерального прокурора с двумя «Фордами» охраны, автоэкипажем муниципальной милиции и «Волгой» ГАИ выносило на Ленинский проспект, переходящий во Внуковское шоссе, движение на проспекте замирало. Поэтому время в дороге — сто километров до Вереи от Кольцевой трассы, десять по Москве и шесть от шоссе до дома — не превышало сорока минут.

Все эти обстоятельства не помешали «думе» «ККК» разработать план ликвидации Генпрокурора именно во время одной из таких прогулок.

Претворению плана в жизнь предшествовал странный разговор Громова и Боханова, ответственного за компьютерное обеспечение предлагаемой акции.

— Владимир Эдуардович, — говорил координатор «Чистилища» во время встречи в секретном «тридцать первом» отделе Центра. — Вы хорошо знаете Маринича?

— Феликса Вансовича? — удивленно спросил Боханов. — Он уже три года заведует лабораторией психотроники, серьезный исследователь. Но рекомендовать его для работы в нашей конторе не могу.

— Речь не о том. Вы часто с ним беседуете о делах Центра?

— Вообще никогда не завожу об этом разговора, мы встречаемся только на оперативках раз в неделю, официально.

— А как часто он загружает компьютерный комплекс Центра своими задачами?

— Я не проверял, не знаю, очевидно, как все.

— Посчитайте. Теперь о задании. Проанализируйте два варианта ликвидации Генпрокурора и самый сложный рекомендуйте к исполнению на «полном квадрате».

— Зачем? — был явно озадачен комиссар-четыре.

— Так надо. Узнаете потом.

— Кому это надо?

— Мне лично.

— Хорошо. — Боханов не страдал излишним любопытством и расспрашивать шефа о причинах неординарного задания не стал, хотя в памяти разговор этот отложился.

Через пять дней после разговора на «квадрате» — собрании комиссаров — был принят план уничтожения Генпрокурора во время коллегии МВД, прямо в здании министерства. Реализация плана была сложной, тяжелой, зависела от точности состыковок всех исполнителей и грозила, в случае неудачи, невеселым тюремным исходом, если не путешествием на тот свет. Но убедили комиссаров два обстоятельства. Первое: телохранители в здание министерства не допускались, хватало своей охраны. Второе: покушение можно было подготовить заранее — в туалете, буфете и даже в малом зале заседаний на втором этаже.

А когда план был принят к исполнению, Громов вызвал Шевченко и приказал готовить второй вариант, предполагавший уничтожение Плотникова во время ближайшей его поездки за город.

Валерий Егорович тоже не любил задавать лишних вопросов, но тут не удержался:

— Дмитрий Олегович, я не ослышался? Мы же решили «погасить» его иначе.

— А тебя не настораживает факт совпадения наших акций с операциями спецслужб? Последние три раза мы все время натыкаемся на прямое противодействие, чего прежде *никогда* не было.

— Ну, спецслужбы обязаны... анализировать... они там тоже имеют головы на плечах... — Шевченко задумался. — Хотя, конечно, странно...

— Это уже не странность, Валерий Егорович, это закономерность. И я хочу ее поломать или в крайнем случае разгадать. Так что работайте по второму варианту, делая вид, что готовите первый.

Шевченко озадаченно почесал переносицу.

— Подготовку от остальных... необходимо скрыть?

— Разумеется. И вот еще что: готовится покушение на Никушина; генерала надо подстраховать, он нам еще понадобится.

Подключи два мейдера сопровождения поопытней. Один раз его предупредили, что машина заминирована, второй раз могут этого не успеть сделать.

— Кто предупредил?

Громов посмотрел сквозь комиссара-пять, и тот понял, что задал не очень корректный вопрос.

— И последнее. Балуева пока ни в одну из команд не включать, но как бы между прочим сообщить ему, что ты работаешь по второму варианту с выходом на дачу Плотникова.

Шевченко нахмурился.

— Вы полагаете, что он...

— Я ничего не полагаю, — отрезал Дмитрий Олегович, — но хочу исключить малейшую возможность провала. Прошу вас сделать все так, как я сказал, Валерий Егорович... если хотите продолжать работать в «Чистилище» и дальше.

Шевченко поймал угрожающий блеск во взгляде координатора и содрогнулся, хотя никогда и никого в жизни прежде не боялся.

Генеральный прокурор собрался посетить свой загородный замок в субботу, восемнадцатого октября, предварительно отправив туда одну из своих девятнадцатилетних пассий, бывшую победительницу конкурса «Мисс Москва» Галину Звягинцеву.

Жена всегда знала о связях Николая Григорьевича, но делала вид, что ничего не происходит и что муж ее святой, ибо целиком зависела от него, как правительство от Центрального банка. К тому же и у нее самой имелись аналогичные секреты.

Процедура выезда и движения Генерального прокурора к месту отдыха выглядела следующим образом.

От здания Генпрокуратуры отъезжала машина ГАИ, за ней следовала «Волга» последней модели с ОБЕДом авангарда охраны, затем «Чайка» с хозяином, и замыкала кортеж еще одна машина охраны — «Форд» или джип «Патрол». На Ленинском проспекте перекрывалось движение, а когда колонна выезжала на Внуковское шоссе, к ней присоединялись два автоэкипажа муниципальной милиции, в каждом из которых — инспекторы-офицеры. По всей трассе предупреждались посты ГАИ, обеспечивающие «зеленый коридор», и кавалькада со свистом устремлялась вперед, не снижая скорости, делая по сто пятьдесят — двести километров в час, даже проезжая через населенные пункты.

Зная ритм и скорость передвижения Генпрокурора с его кортежем, «чистильщики» не стали рисковать, перенеся проведение акции с дороги на загородный дом Генпрокурора, имеющий множество подходов.

Дворец Николая Григорьевича располагался на участке в пят-

надцать соток и был с трех сторон окружен сосновым бором. С четвертой простирался луг, спускающийся к реке.

Строился он итальянской фирмой в стиле модерн с использованием архитектуры и дизайна европейского типа. Первый этаж — холл, кухня, столовая, каминный зал, гостиная, застекленный зимний сад. Второй — четыре спальни и три ванные с электро- и гидромассажем. Третий — кабинет, игровой зал для карточных игр, уютный зал отдыха, мансарда.

Кроме того, дом имел встроенный гараж на три автомобиля, сауну с бассейном, спортзал, прачечную и винный погреб. Стоил такой дом по нынешним оценкам не слишком дорого — всего около полумиллиона долларов вместе с внутренней отделкой по высшему классу, внешними архитектурными элементами — эркерами и башенками, зубчатыми контрфорсами и балконами, а также мебелью, сантехникой, бытовой и кухонной аппаратурой.

Конечно, проще всего было убрать Генерального, как и любого деятеля, взорвав его в автомашине. Но так как при этом могли пострадать посторонние лица, телохранители или просто прохожие, «ККК» этот вариант не рассматривала, считая себя организацией «жестокого правосудия», а не фирмой террористического толка. Поэтому операция по ликвидации Плотникова готовилась таким образом, чтобы предотвратить случайные жертвы, и загородный дом считался идеальным местом для проведения казни. Зачем Громову понадобилось разрабатывать заведомо невыполнимый без потерь план с убийством Генерального прокурора в стенах здания МВД, стало известно в пятницу, когда исполнители получили сигнал «змея» — то есть свертывания операции. И по крайней мере два десятка их, готовых пожертвовать собой ради дела, вздохнули с облегчением, потому что не могли не обнаружить *подготовки* спецслужб к перехвату ликвидаторов «ККК».

Таким образом, Шевченко сам дотумкал, почему координатор настаивал на плане высшей категории сложности, операции по которой в терминологии спецслужб шифровались словом «элит».

Но это было еще не все. Ранним утром в субботу, когда все уже было готово к реализации плана «Загородная вилла», комиссар-пять получил предписание явиться со всей командой-один по указанному адресу в дом по улице Миклухо-Маклая, где его встретил координатор «Чистилища» с личной «обоймой» исполнителей класса «супер» в количестве двенадцати человек. Все они были отобраны Шевченко из числа бывших суперагентов «Вымпела» и «Альфы», проверены в деле, тренированы в группе и в одиночку, поэтому могли противостоять целым группам ОМОНа или спецназа.

— План меняется, Валерий Егорович, — сказал Громов, одетый в маскировочный комбинезон, как и его телохранители. — Произошла утечка информации.

— Я понял это еще вчера.

— О нет, вчера произошло то, чего я ждал, мы отвлекли силы спецслужб и проверили мои подозрения. Я не собирался проводить ликвидоперацию с Плотниковым в здании МВД. Но и ваша подготовка с виллой Генпрокурора засвечена. Поэтому переходим на запасной вариант, который разрабатывал я лично. Переодевайте свою команду в форму ГАИ и милиции.

— А успеем? — хмыкнул Шевченко, чувствуя внезапный озноб и одновременно азарт от предвкушения предстоящей операции.

— У нас два с лишним часа на подготовку, многое уже сделано, остальное — оперативные действия. Должны успеть.

— Балуев пойдет со мной?

— Балуев пойдет со мной, — многозначительно проговорил Громов.

Машины выскочили с Ленинского проспекта на Внуковское шоссе и увеличили скорость. Впереди, как всегда, мчалась «Волга» автоинспекции, включив сирену и трехсекционную мигалку, за ней следовала первая машина охраны, затем «Чайка» Генпрокурора, вторая машина охраны, и замыкали колонну два «Форда» муниципальной милиции, также с включенными мигалками.

В кабине «Чайки», кроме Плотникова, находился еще один телохранитель, владеющий всеми видами оружия и восточных единоборств, и старший следователь по особо важным делам Каширин, ведущий дело «ККК» и контролирующий действия спецгруппы с претенциозным названием «Закон».

Николай Григорьевич не собирался приглашать его к себе в гости, надеясь за время в пути обговорить кое-какие детали предстоящей операции, которую следователь готовил против «Чистилища». Чувствовал себя Плотников хорошо, считая, что находится в полной безопасности, и мысли его витали далеко от этих мест — возле Багамских островов, куда Николай Григорьевич собирался махнуть в ноябре, чтобы расслабиться и покайфовать.

Кавалькада проскочила Анино, село Большое Покровское, въехала в Апрелевку, чуть замедлив движение, за Апрелевкой снова было увеличила скорость, но за мостом через Десну вынуждена была притормозить, а потом и вовсе остановиться: впереди на шоссе горели две машины. В оба конца очереди машин увеличивались без надежды на скорый проезд.

«Волга» сопровождения обогнула очередь по встречной поло-

се, приблизилась к машинам ГАИ, пожарной и «Скорой», где ее также остановил офицер-гаишник.

— Прошу прощения, придется подождать, пока не потушим и не растащим. А так не проедете, шоссе полностью перекрыто, сами убедитесь.

— Как это произошло? — спросил старлей, старший машины сопровождения, отмечая, что не знает офицера, с которым ведет разговор.

— Столкнулись трактор и рефрижератор, а в них врезалась на полной скорости «шестерка» с пассажирами.

— А трактор как здесь оказался?

— Выехал с обочины, хотел пересечь шоссе, видимость здесь видишь какая, за поворотом? Кого провожаете?

— Ты что, майор, с луны свалился? Генеральный прокурор тут каждую пятницу-субботу, почитай, ездит.

— Я работаю недавно, — сухо сказал майор. — Но до выяснения деталей проезд будет закрыт.

— А объезд где-нибудь поблизости имеется?

— Могу порекомендовать только через Алабино. Повернете налево, по грунтовке пару километров и через Алабино снова выскочите на шоссе. Только не заплутайте в лесу, там два поворота направо и развилка.

— Черт, мы здесь не ориентируемся...

— Могу дать своего шофера для сопровождения.

— Будь другом, дай, — обрадовался старший лейтенант, — а то Генеральный крут на расправу, не любит ждать.

Майор отошел к своим сослуживцам, и вскоре одна из машин местного отделения ГАИ подала назад, развернулась, молодой усатый парень махнул рукой из окна, чтобы следовали за ним.

К машине сопровождения подошел один из телохранителей Плотникова, начальник авангардной ОБЕД.

— Что тут происходит? Долго будем стоять?

— Горят, — лаконично ответил старший лейтенант, указывая на затор впереди. — Попробуем в объезд.

Охранник мазнул взглядом по «Волге», собиравшейся проводить колонну, кивнул.

— Пусть не гонит по буеракам, на шоссе выедем — нагоним график.

Одна за другой машины прокурорского кортежа съехали на поперечную грунтовую дорогу, поплыли по ней, скользкой от грязи, к лесу. Но преодолели всего два с лишним километра и остановились: лопнуло колесо у джипа с прикрывающей группой охраны. Пока меняли колесо, Николай Григорьевич молчал. Но когда колонна застряла в очередной раз — не смогла выбраться из колдобины первая машина с охраной, — он не выдержал и от-

крыл дверцу со своей стороны, собираясь выйти и сказать сопровождающим все, что о них думает. Это было его роковой ошибкой. Едва он высунул голову из кабины, как тут же затылок его словно взорвался, и в мгновение все обрызгало кровью, мозгами, осколками костей черепа, в том числе и сидевшего в салоне «Чайки» на переднем сиденье следователя. Пуля из винтовки «селигер» калибра 12,7 миллиметра, выпущенная с близкого расстояния, вошла Генпрокурору точно в переносицу, пробила голову, разворотила бар и застряла в спинке сиденья водителя. Выстрела не услышал никто.

Когда охрана опомнилась и открыла огонь по кустам и деревьям с двух сторон дороги, было уже поздно. Сбежал и водитель гаишной «Волги», взявшийся проводить колонну, но вместо этого пригнавший ее в идеальное место для засады.

Листок со стандартным текстом: «Привет из «Чистилища» — нашли позже на сиденье машины ГАИ примчавшиеся буквально через полчаса оперативники Федеральной службы безопасности. Кроме них, здесь же объявились и другие спецслужбы: «Анальгин» из Министерства обороны и «Принцип» из Министерства внутренних дел, но помочь делу уже не смогли. Генеральный прокурор был мертв.

ПОСЛЕДНИЙ СОН

Горы со всех сторон блистали серебром и ультрамарином, золотом и платиной, чистыми тонами радужных высверков — от обнажившихся рудных жил и россыпей драгоценных камней. Горы были высокими, крутыми, изломанными стихией новообразований, молодыми, и не были обременены вершины их шапками ледников и шубами снежного покрова. Космы облаков необычного платинового оттенка вились вокруг отдельных, самых высоких, пиков, размывая их глыбистые очертания. Небо здесь тоже было не чисто-голубым и не синим, а жемчужно-серым, с каким-то даже седым оттенком. Солнце, низко висящее над зубчатым профилем гор, казалось огромной каплей расплавленного золота. Оно не слепило, но ощутимо грело.

Матвей перевел взгляд в другую сторону и увидел движущийся над склоном ближайшей горы какой-то бросающий зеркальные зайчики предмет. Через минуту стало ясно, что это один из летающих городов Инсектов, не то пчел, не то чешуекрылых.

— Дом Веспидов[1], — сказал чей-то голос сзади.

Матвей оглянулся. На него смотрел закованный в пластинча-

[1] Vespidae — осы *(лат)*.

тые доспехи и укутанный в меха монстр на знакомом шестиногом «коне», но голос его явно принадлежал Тарасу Горшину.

Где-то прозвучала труба, породив множество лающих отголосков. Внизу, в ущелье, на обрыве которого стояли Матвей и его спутник, началось движение. Около сотни всадников, в таких же точно доспехах, что и на спутнике Соболева, в сложных шлемах, напоминающих головы насекомых, но с единственным горизонтальным узким светящимся глазом, двинулись к выходу из ущелья, устремив к небу длинные жала копий.

— Кажется, тебе повезло, — снова раздался в голове Матвея голос Горшина. — Это летит зоэрекс — живой город-улей Веспидов. Изменение было глобальным, но все же кое-где по неизвестным причинам остались островки «недоделанных Инсектов», уменьшившихся не в сто раз, как остальные, а всего в пять — десять. Они были уже не в состоянии возродить былую мощь рода, но еще имели возможность некоторое время поддерживать жизнь в «аулах». Кое-где остались даже целые семьи. Как правило, эти мини-Инсекты были очень агрессивны и продолжали воевать с Первыми Людьми, еще шестилапыми, полульвами-полунасекомыми-полулюдьми. Тебе транслируется встреча одного из кланов Перволюдей с «ульем» ос разумных.

Летающий «замок» Веспидов приблизился. Он был похож на геометрически идеальный обломок горной кристаллической породы, на гигантский самородок золота или платины и сверкал на солнце так, что было больно глядеть. С тихим гулом он настиг отряд Перволюдей, завис над ним, гул усилился, и тут же вниз посыпались сверкающие, как драгоценные камни, огромные, со стопу человека, осы!

Они спикировали на плотно сбившийся отряд и были встречены залпом из арбалетов, стрелы которых, вонзившись в тело жертвы, загорались злым зеленым пламенем. С десяток оставшихся в живых ос метнулись назад, но их догнал новый залп — из копий, за которыми тянулись тонкие дымные хвосты. Казалось, в небо взметнулось около полусотни ракет...

До своего летающего дома добралась лишь одна оса. «Улей» в ту же секунду дрогнул и с прежним гулом двинулся, набирая скорость, в сторону солнца, скрылся за горой. Отряд соотечественников монстра, стоящего рядом с Матвеем, втянулся обратно в ущелье, спешился и рассредоточился по пещерам в отвесных стенах ущелья; это был их пещерный город или, скорее, пограничная застава.

— Почему осы... Веспиды... не применили оружия, из-за которого Аморфы пошли на Изменение? — спросил Матвей.

— Какое именно оружие ты имеешь в виду? Каждый род Инсектов имел собственное, специализированное, подогнанное

под специфические особенности формы особи и ее деятельности. Осы-Веспиды, кстати, имели «биологические арбалеты», метающие жала наподобие тех, чем встретили их Перволюди.

— Что же они не воспользовались ими?

— Ты просто не заметил — воспользовались. Но эти Веспиды, во-первых, все-таки уже претерпели Изменение, уменьшившись раз в пять, и жала их соответственно потеряли прежнюю пробивную способность. Во-вторых, Веспиды вели бой не просто с Перволюдьми, а с... назовем их пограничниками, стерегущими границы государства. Недаром все они закованы в броню.

— Понял. И все же было создано какое-то универсальное оружие...

— «Игла Парабрахмы», излучатель некоего поля, вызывающего «короткое замыкание» всех реальных планов бытия, попутно искажающего форму предметов, способного уменьшать или увеличивать любые объекты, в том числе и биологические. Именно им и воспользовались Аморфы, изменив мир Инсектов и не затронув физической реальности планет и Земли. Может быть, где-то отдельные экземпляры «Игл» и сохранились, но ими некому воспользоваться, ведь это не пистолет или кинжал, а сложная суперпозиция предметов и полей, почти разумная система, включающая в себя много самых разных элементов бытия. По сути, «Игла Парабрахмы» — прообраз магического жезла, волшебной палочки, использующей законы магической физики.

— Разве в нашей реальности эти законы действуют?

— Как и в любой другой. Магическая физика — это синтез физики и воли, только и всего. Разве что этих законов человек еще не установил. И вообще в вашей реальности человеческие возможности по овладению магической физикой, к счастью, ограничены неким пороговым значением спусковых механизмов реализации. Не будь этого, реальность давно перестала бы существовать... как и все Мироздание. Уж больно агрессивных существ выпестовала эволюция на Земле.

— Людей?

— Инсектов. Люди всего лишь их потомки, пытающиеся преодолеть родовое заклятие. Так что эксперимент Монарха был не так уж и преступен с точки зрения духовного целительства. Он дал шанс потомкам Инсектов перебороть свои внутренние агрессивные устремления. Если бы он больше не вмешивался...

Матвей, на голову которого свалилась новая информбомба, не сразу выплыл из дебрей ее анализа.

— Выходит, Монарх — не носитель абсолютного зла, как мы его представляли?

— Конечно, нет. Он действительно, как и любой Аморф, как адепт Абсолютного равнодушия, стоит вне Добра и Зла и дейст-

вует сообразно своим умозаключениям и душевным порывам... если у него есть душа. Но для нас многие его поступки лежат в плоскости зла, в поле человеческой оценки добра и зла, и тут уж никто нам не поможет, кроме нас самих.

— С чем же тогда и ради чего борются иерархи?

— Это сложный вопрос, мой друг. Я во многом еще не разобрался сам, потому что живу в мире причин, в то время как ты — в мире следствий. Но борьба имеет место и здесь. Сохранение запрещенной реальности, измененной Аморфами и «подредактированной» Монархом, невозможно без трансляции стабилизирующей модели. Это ты уже знаешь. Но вот чего не знаешь: модели Монархов и иерархов — во многом диаметрально противоположны! Что и задает в мире Земли фон катаклизмов, потрясений, революций, войн и болезней. Трансляция ведется на многих уровнях — физическом, биологическом, тонком полевом, психологическом и социальном, и много полегло, образно говоря, «диверсантов» с той и другой стороны. Я был одним из последних, не зная, что сижу в программе одного из них... Кстати, ты на очереди, мой друг. Если не сможешь защититься. Твой уровень очень высок, это уровень оперативного вмешательства, и вскоре тебе придется...

С гулом вздрогнули горы. Раскатами обрушилось грохочущее эхо. Шестиногий «конь», взбрыкнув под Матвеем, осел на задние ноги-лапы. То же самое сделал и шестиног Горшина, однако гул стих, и звери успокоились.

— ...готов к обороне, — прилетел тихий голос Тараса. — Кое-что ты получил, дальше рассчитывай только на себя, мы помочь уже не сможем. Этот сон-передача, вероятнее всего, последний.

Где-то далеко послышался новый звук — жужжание пропеллера, словно за горами летел одномоторный самолет. Отряд «пограничников» в ущелье мгновенно оказался на «конях», снова выехал на предгорье, ощетинившись копьями.

Спутник Матвея достал какой-то колючий шар и поднес к шлему, как подносят бинокль.

— Колеоптер, — пояснил он через минуту. — Жук-разведчик. Можешь полюбоваться. Возьми с седла ктар... вот такой шарик, это нечто вроде подзорной трубы.

Матвей потянулся к сумке у ноги и понял, что уже может управлять своим новым телом.

— Ты сейчас авеша для него, хозяина, — отреагировал Тарас на его удивление, — внедренный в его тело, и в состоянии чувствовать то же, что и он.

Матвей приставил шар к щели во лбу — бинокулярное зрение при этом сохранилось, будто у монстра было два глаза, — и разглядел гигантского жука, кружившегося над скалами одной из

гор. Два светящихся зеленью жестких надкрылка стояли у него как паруса, а между ними вихрились полупрозрачные крылья, издавая тот самый звук самолетного мотора.

— Хорош? — хмыкнул голос Горшина. — Представь, что было бы, возьми Монарх за исходный материал своего эксперимента не тараканов, а жуков.

Близкий подземный взрыв снова поколебал горы, но «пограничники» Перволюдей проигнорировали его, ожидая, когда улетит колеоптер.

— Похоже, меня засекли. — Монстр на шестиноге повернул к Матвею голову с пылающим глазом. — Прощай, друг. Что-нибудь хочешь спросить?

Матвей с трудом заставил себя не отвлекаться на пейзажи и жизнь палео-Земли, но мысль его перебил всадник, появившийся на склоне холма, один из тех, что стояли внизу. Он что-то проскрипел на своем языке, обращаясь к монстрам — носителям Горшина и Соболева. Матвей его понял: всадник спрашивал, не послать ли отряд в ту сторону, куда повернул колеоптер.

Горшин ответил коротким «послать», и посыльный ускакал. Видимо, для тех «пограничников» хозяин Тараса был командиром.

— Субдоминантом, — уточнил голос Тараса. — Мы с тобой сейчас субдоминанты и находимся в авангарде, но есть и доминант — командир всей бригады «пограничников». У Перволюдей почти все было скопировано по образу и подобию жизнеустройства Инсектов. Иерархия, касты, дворцовые перевороты... Ты не представляешь, до какого абсурда дошли последние поколения Инсектов! Формикоиды, например, то есть разумные муравьи, развлекались в «муравейнике» тем, что предоставляли возможность всем, кто пожелает, стать царем на определенное время — час, к примеру, и разрешали делать со страной-городом все, что взбредет в голову! Правда, любой «муравейник» — это разум коллективный и мало страдал от подобных экспериментов... Давай свои вопросы, — прервал сам себя голос Горшина, — я уже вижу, что ты готов.

— Ты сказал, что был одним из последних... э-э... коррелляторов нашей реальности, повиновавшихся программе...

— Последним великим коррелятором был Иисус Христос. Но были коррелирующие личности и рангом помельче, все они — реальные исторические личности, послужившие авешами иерархам или самому Монарху.

— Я не об этом... я тоже «сижу» в чьей-то программе?

— Боюсь, ты «сидишь» в узле пересечений таких программ, — после недолгого молчания ответил Горшин. — И не двух, а больше.

Матвей поцокал языком. Тарас сочувственно ждал, когда он

преодолеет шок. Горы колебались все чаще, и это, очевидно, было следствием несогласования частот «сонной» передачи и контуров подсознания Соболева.

— Как мне защитить мозг от локаторов Монарха?

— Есть только два способа, один — это повышение своего психофизического потенциала, что достигается Посвящением, и второй — привлечением полей эгрегора. Что такое эгрегор, знаешь?

— Групповое психоэнергетическое поле...

— В принципе да, своеобразное энергетическое пространство, образующееся за счет мысленной связи тождественных менталитетов людей, замыкающихся на определенный образ. Это если быть точным. Ищи свой эгрегор, только он поможет тебе в будущей коррекции. Нас со Светленой, скорее всего, в ближайшее время «лишат сана», и помочь мы уже будем не в состоянии. Но учти, ты сможешь стать проводником силы эгрегора, только став проводником его идей.

— Мне надо его еще найти.

Последнее «горотрясение» было наиболее сильным, и Горшин торопливо добавил:

— В МИРах Инсектов есть места с высокой концентрацией энергии «Иглы Парабрахмы», их надо обходить, почувствовать, но ни в коем случае...

Гулкий удар оборвал речь Горшина, и с ощущением падения в бездну Матвей проснулся...

Как всегда, полчаса ушло на размышления и «укладку» информации по внутренним «полкам» сознания. Очень хотелось еще раз поговорить с Горшиным, получить ответы на вновь сформировавшиеся вопросы, но это уже являлось несбыточной мечтой, судя по тону прощания Тараса. Оставалось надеяться на Учителя, в крайнем случае на Проводника, кто бы им ни стал — Самандар или Парамонов.

А жаль, подумал Матвей с искренним сожалением, имея в виду потерю связи с Историей, открывшейся ему благодаря какому-то расчету иерархов. Или Монарха. Или людей Внутреннего Круга. Вот погулять бы по МИРу Инсектов наяву, физически, ощутить его таинственную атмосферу, увидеть изумительные города-ульи, города-муравейники и термитники, города-башни и крепости древних разумных насекомых...

Тренькнул телефон.

— Ты скоро? — осведомился Василий недовольным тоном.

Только теперь Матвей обнаружил, что заснул еще днем: теперь шел девятый час вечера! Значит, этот сон-морфема был действительно чем-то вроде аварийного вызова, чрезвычайной передачи, призванной предупредить Соболева в последний раз и

передать ему больше эмоциональную, нежели интеллектуальную информацию.

— Сейчас буду, — ответил Матвей, с неохотой заставляя себя выбраться из расслабленного состояния.

Окончательно пришел в себя он только в машине.

«Чистилище» предоставило Балуеву скромную двухкомнатную квартиру в районе Щелкова, недалеко от станции метро. Ничего лишнего в ней не было: в гостиной — диван, два кресла, стол письменный, сервант, в спальне — деревянная двуспальная кровать, трюмо, шкаф для одежды.

— Обстановка почти спартанская, но мне хватает, — улыбнулся Василий, наблюдая за Матвеем, рассматривающим квартиру. — Как сказал бы Прутков: для достойного нету достойных наград.

— Не Прутков, а Хайям.

— Без разницы. Компьютера тут тоже нет, и это единственное, о чем приходится сожалеть.

Они уселись в кресла, и Василий включил торшер, создавая видимость домашнего уюта. Рука у него все еще была забинтована, Матвей кивнул:

— Подлечить?

— Не стоит, само заживет. Ты голоден? Могу разогреть пиццу или сосиски сварить.

— Давай лучше кофе.

Василий кивнул, и вскоре по комнатам распространился аромат «капуччино».

Кофе пили из красивых фарфоровых чашек, не торопясь начинать разговор. Оба понимали, что необходимо выработать какую-то дальнейшую стратегию при встречах на уровне спецкоманд, потому что оба принадлежали теперь к разным группировкам; но становилось также понятно и то, что долго такое двусмысленное положение длиться не может: их заставят сражаться друг против друга, и тогда придется решать уже целый узел проблем.

— Мне только что приснился эзотерический сон, — проговорил Матвей и пересказал разговор с Горшиным.

— Да, видать, не все там у них достойно восхищения, — отозвался Василий. — Те же интриги, та же борьба за власть... Нелегко, наверное, иерархам избавляться от своей насекомо-зверской сущности. Недаром Ницше устами Заратустры говорил, что человеческое существо — это и человек и зверь одновременно! Знал бы он, что еще и насекомое.

— Расскажи лучше, как вы угробили Генпрокурора.

Василий пожал плечами, с неохотой принялся вспоминать подробности охоты на прокурора. Добавил, закончив:

— Сначала я был против участия... но когда мне дали почитать его «послужной список» — чего он успел натворить, — то передумал: его, подлюку, надо было четвертовать! Как и каждого второго депутата! Вот же подонки, мать их!.. А попробуй достань, привлеки к уголовной ответственности — хрен достанешь! Депутатская неприкосновенность, круговая порука. Из четырехсот депутатов, на которых заводились уголовные дела, наказано всего четверо! Даже убийц выпускают на волю... — Василий махнул рукой. — Нет, брат, «Чистилище» свой хлеб ест не даром.

Матвей с неопределенным интересом разглядывал друга, и тот отвечал знакомым открытым взглядом.

— Я их не оправдываю, но и не осуждаю... Сам-то как устроился?

— Нормально. — Матвей подумал немного и рассказал о том, как его пытались «наказать» подчиненные майора Белоярцева.

Василий в свою очередь поведал о своих отношениях с Громовым и Шевченко, потом признался:

— Ну, Валера — обычный опер, не более того, до кондиции ганфайтера ему еще работать и работать, хотя как «супер» он годится. А вот Громов... знаешь, я иногда его боюсь! Такое впечатление, что он видит меня насквозь.

— Может быть, он авеша, как Хватов?

— Я тоже об этом размышлял и не пришел ни к какому выводу. Был у нас один разговор... он пытался давить на мою психику. И тогда я, знаешь, почувствовал, что против него не выстою! Совершенно жуткое чувство, честное слово!

Матвей, вспомнив свой бой с Хватовым, кивнул.

— Твоя третья сигнальная тебя не обманывает, Громов — «дискретный» авеша Монарха.

— Почему дискретный?

— В определенные моменты он приобретает матрицу Конкере, а не носит его в себе постоянно. А чтобы тебе впредь его не бояться, давай-ка прямо теперь займемся тренингом.

— Техника убийства прикосновением пальца?

— Для тебя главное — научиться защищаться от смертельного касания, а это потребует времени.

— Переодеваться будем? Только учти, если мы поломаем мебель, другую мне не поставят.

— Разденься до пояса, будем проходить ликбез по анатомии.

Василий снял рубашку, оставшись в брюках трико, и Матвей принялся объяснять азы искусства смертельного касания, показывать точки на теле, требующие защиты в первую очередь. Конечно, при передаче энергетического импульса уязвимым на человеческом теле становилось любое место, однако прикоснове-

ние к нервному узлу мгновенно приводило к парализации или смерти.

К ночи, трижды получив удар-шок, Василий запросил пощады:

— Все, довольно! Я все понял. Это настолько просто, что... никто из адептов боевых искусств никогда сам не догадается. Видимо, мастера ниндзюцу, разработавшие свою школу смертельного укола, получали уроки у авеши Перволюдей.

Приняв душ, они снова уселись в кресла с чашками кофе в руках, посматривая друг на друга. Порозовевший, с мокрыми волосами Василий первым нарушил молчание:

— Но против самого Монарха эта система не сработает. Против его авеши, наверное, она должна сработать, потому что основа авеши — человеческое тело, но Монарх, как мы знаем, не человек.

Матвей вспомнил выход Монарха в облике Ельшина: продавленное рукой стекло спальни... нестрашное, если глядеть издали, тихое *таяние* военных вертолетов... искривление и разрушение дачи...

— Ты прав, возможности Конкере велики. Но и с ним можно бороться на равных.

— Как?

Матвей долго не отвечал, погрузившись в собственные мысли, пока Василий не рассердился:

— Если знаешь — говори!

— Инсекты создали некое универсальное оружие — «Иглу Парабрахмы», способное изменять реальность. Возможно, в каком-то из Храмов, то бишь оставшихся неразрушенными МИРов, оно сохранилось.

Взгляды друзей встретились.

— Это... интересно! — медленно проговорил Балуев.

— Нас могут не пустить в такой МИР.

— В один из них уже не пустили — под дачей Ельшина. Твой тезка, Матфей, Хранитель. Может быть, это оружие все-таки хранится там? Поищем?

Матвей покачал головой.

— Нам оно ни к чему.

— Соображения этического плана?

— Дело в том, что Аморфы, проводя Изменение, использовали именно «Иглу Парабрахмы».

— Ах вот в чем дело. Имеющий меч от меча и погибнет... — пробормотал Василий. — Поразил ты меня, Соболев, надо признаться! А если эта «Игла» станет достоянием какой-то группировки?

— Не стала же до сих пор.

— Времена меняются. В истории человечества много примеров, когда резко менялся ход событий, исчезали государства и целые народы... динозавры тоже... Нет, надо обязательно попытаться отыскать «Иглу». А что или кто такой Парабрахма?

— Парабрахма дословно означает — «за пределами Брахмы». Это символ Абсолюта, безличный и безымянный всемирный Принцип.

— Как-то не очень сочетается «Игла» и «Парабрахма»... И против этого оружия защиты нет?

— Инсекты его не нашли, — ответил уклончиво Матвей.

Перед сном они договорились встретиться через день и предпринять еще одну попытку проникновения в Храм Инсектов под Кремлем.

ПЕРЕКРЕСТНАЯ ПОДГОТОВКА

Министр обороны встретился с маршалом Сверхсистемы в ночном диско-клубе «Карусель», принадлежащем Тени-пять «СС» Тогоеву.

В шоу-программу клуба были включены выступления Галины Романовой и Сергея Челобанова в сопровождении эротик-дуэта и концерт Кристины Орбакайте, чего Гусев никак не ожидал и был даже рад соединить приятное с полезным. Выезжал он теперь на подобные мероприятия редко, зато каждое такое появление министра обороны на людях сопровождалось не менее красочным шоу под названием «выход службы охраны очень Важной Персоны». Выглядело это весьма своеобразно.

Сначала возле объекта, который должен был посетить министр, появлялось подразделение «предварительной подготовки» с миноискателями и всякой другой аппаратурой. Убедившись, что объект «чист», оно освобождало место для группы спецагентов, ведущих наблюдение за «подозрительными лицами». Затем приезжал авангард телохранителей, освобождал подъезд, перекрывал подходы и выстраивал коридор передвижения. И лишь после этого подкатывал кортеж из трех машин: шесть человек основной ОБЕД, министр с кем-нибудь из помощников или замов и шесть человек арьергарда телохранителей, вооруженных до зубов.

Спектакли, подобные этому, весьма раздражали милицию и нормальных граждан, как и шумные вояжи министра по Москве, когда на автомагистралях перекрывалось все движение, однако Гусева это не смущало. Он очень хотел жить, причем жить хорошо.

Полюбовавшись на танец эротик-дуэта, распаливший вооб-

ражение министра, отведав экзотических вин и фруктов, Гусев и Лобанов уединились в отдельном кабинете, имеющем стереосистему, которая позволяла видеть все, что делалось на сцене. Юрген со своей пятеркой ОБЕД остался в зале, как и группа телохранителей маршала «СС» во главе с Дзиро Маюмурой.

— Предлагаю начать новый этап войны с «Чистилищем», — начал без обиняков министр обороны. — Мы проанализировали, на кого и на какие организации может опираться «ККК», и можем начать именно с них. Каждую необходимо тщательно проверить, выкачать нужную информацию и ликвидировать.

— В принципе я не возражаю, — согласился Олег Каренович. — В планы трех «К» попал и кое-кто из моих полевых командиров, так что пора подключаться и нам. Что за организации вы имеете в виду?

— Например, РНОФ, русский нацлегион, имеющий свои базы и лагеря для подготовки, кое-какие школы безопасности бизнесменов, Ассоциацию боевых искусств России, Ассоциацию «Барс»...

— «Барс» мы уже щупали. Очевидно, произошла утечка информации, «чистильщики» знали о нашей операции. Ну, в общем, в таком вот разрезе... Список организаций мы согласуем. Половина ваша. Идет?

Лобанов взял ломтик лососины, задумчиво пожевал.

— Как и чем мы прикроемся?

Гусев сыто рыгнул, промокнул пот на челе, выдавил улыбку.

— Громче всех «Держите вора!» кричит сам вор. Давайте и мы громче всех кричать: «Это дело рук трех «К», ловите «чистильщиков»!»

Лобанов улыбнулся, но продолжал размышлять, вспомнив пятый закон Паркинсона: если есть способ отложить принятие важного решения, настоящий чиновник всегда им воспользуется.

— Допустим, я согласен. Кто будет контролировать исполнение, координировать действия наших боевых дружин?

— С моей стороны — полковник Юрген, от вас — начальник службы ликвидации Вербицкий.

Вальяжность и расслабленность Лобанова словно ветром сдуло.

Глаза его сузились, похолодели.

— Вы даже Вербицкого знаете?

— Я всех знаю, — отрезал Гусев, не обращая внимания на угрожающий блеск глаз собеседника и обуревающие его чувства. — Моя служба работает не хуже любой другой.

— Что же вы в таком случае никак не уберете начальника военной контрразведки? Вы знаете, что он разговаривал с Главным военным прокурором по поводу санкции на ваш арест?

— Что?! — Федор Иванович чуть было не подавился оливкой. — А вам откуда это известно?

— От верблюда, — ответил Лобанов; он несколько успокоился, ответив ударом на удар.

Гусев глотнул вина, облил в раздражении галстук, но даже не заметил этого.

— Черт бы вас побрал, Олег Каренович!

— Да зачем я ему нужен, черту? — улыбнулся маршал Сверхсистемы. — Другое дело — вы. Впрочем, мне вы нужны не меньше. Давайте говорить конкретно. Я вам помогу убрать Никушина, вы мне — информатора, работающего в моем аппарате. А организациями, контактирующими с «Чистилищем», мы займемся вместе.

— Согласен, — буркнул министр.

Через полчаса он ушел, шагая вразвалку, тяжело, задевая стены, спотыкаясь на лестницах. Выпил он гораздо больше, чем позволял себе раньше.

Лобанов брезгливо понаблюдал за ним по системе телемониторов, отметил умелое движение телохранителей и улыбнулся про себя: несмотря на мощную охрану, ликвидировать министра можно было в любой момент, тем более что он находился на чужой территории. Но всему свое время...

Спустя еще полчаса в клуб явился Ельшин. Лобанов и его принял в отдельном кабинете, чтобы меньше высвечивать свою связь с бывшим генералом ФСК.

Генрих Герхардович был уже подшофе, но с удовольствием выпил еще и взялся за бутерброды с черной икрой.

— Когда пойдем? — спросил он с набитым ртом.

Лобанов оглядел его мятый костюм, поджал губы.

— Дня через три-четыре.

Он не стал говорить, что его опера из «КСС» уже обследовали участок спецметро с бункером генерала и подключили компьютер к энергоблоку, но Олег Каренович надеялся сам разобраться в системе и вызвать Конкере. В случае удачи Ельшин становился не нужен.

— Долго рожаешь, — хмыкнул Генрих Герхардович. — Или задумал обойтись без меня? Не выйдет, Олежек! Коды вызова у меня тут. — Ельшин постучал пальцем по лбу. — Да и где искать оружие Инсектов, знаю только я.

— Ешь, ешь, — миролюбиво заметил Лобанов. — Все идет своим чередом. Для штурма твоего «замка» нужно хорошо подготовиться.

— Ну-ну...

О деле они больше не говорили.

...Гусев сел в бронированный свой лимузин с грациозной неповоротливостью бегемота, но, когда Юрген присоединился к нему, это был уже совсем другой человек — трезвый, энергичный, деловой и *сильный*.

— Ну и сволочь этот Олег Каренович! — сказал он с веселой хрипотцой в голосе. — Споить меня захотел... Но умен! Что у тебя нового?

— Анализ показал, что одним из главных информаторов «Чистилища» может быть Центр нетрадиционных технологий Академии наук. Предлагаю проверить.

— Подготовь план. Что еще?

Юрген помедлил.

— Мы знаем, где теперь Соболев.

— Вот как? Интересно. И где же?

— В спецгруппе «Гроза» под командованием Люды... Людвига Белоярцева. Принимал участие в налете на «Барс».

— Он может стать нам полезен в этом качестве?

— Вряд ли, — с сомнением покачал головой Юрген.

— А ты все-таки попробуй уговорить. Не удастся — тогда выследишь и уничтожишь.

Полковник по обыкновению промолчал.

Неизвестно почему, но издавна повелось, что важнейшие решения принимаются не на заседаниях и совещаниях, а за накрытым столом. Не составляло исключения и застолье, организованное директором Федеральной службы безопасности на даче в Любимове по поводу собственного дня рождения. В качестве гостей присутствовали немногие из числа друзей и особо приближенных Сергея Вениаминовича, в том числе начальники управлений «К» и спецопераций, начальник охраны майор Хватов и начальник ГУБО Казанцев.

Стол был великолепен!

Чтобы перечислить сорта вин, водок и других напитков, а также количество закусок и блюд, не хватило бы, очевидно, и школьной тетради. Единственное, что отсутствовало на нем, по мнению Казанцева, так это целиком запеченный хобот слона.

Отобедав, гости разбились по группкам и разбрелись кто куда по комнатам дачи; Коваль и Казанцев остались в каминном зале, где уютно потрескивали сосновые поленья, источая легкие запахи смолы, коры и древесины. Майор Хватов тоже присутствовал тут, но держался поодаль, тихо и незаметно.

— Мои спецы разработали план выхода на «Чистилище», — сказал благодушно настроенный Сергей Вениаминович, располагаясь в кресле перед камином и закуривая тонкую сигару с фильтром. — Присоединяйте свой «Харон», будем долбать эту проблему вместе.

— Без Коржанова и Гусева?

Коваль пыхнул ароматным дымком.

— Коржанов метит в абсолютные лидеры, поэтому и мечет икру, пытаясь всех нас объединить под своим крылом. Но никто на это не пойдет, тем более наш уважаемый Федор Иванович. Он будет землю рыть, чтобы выйти на «ККК» раньше, чем она найдет его. Да и после гибели Плотникова Пашин тоже хочет отличиться перед президентом, его люди все чаще стали появляться в поле зрения моей наружки. Но речь не о них, все они — пешки. Вот что предлагается конкретно.

Коваль докурил сигару, взял с подноса бокал с сухим «Анжуйским», посмаковал глоток.

— «Чистилище» должно опираться на три кита жизненно важных потребностей: финансовые институты, спонсирующие его деятельность, силовые структуры, рекрутирующие кадры исполнителей, и банки данных, снабжающие любой необходимой информацией.

— Логично, — согласился начальник ГУБО, давно и заранее проанализировавший деятельность перечисленных «китов».

— Следуя в этом направлении и надобно действовать, а именно — пощупать все подозрительные организации в трех названных вами социосферах. Это Русский национальный освободительный фронт, ассоциация «Барс», Международный исследовательский центр боевых искусств, Московский казачий уряд, Международная ассоциация национальных организаций карате, Ассоциация боевых искусств, школы безопасности предпринимательской деятельности, воинских искусств, охранно-сыскные частные бюро, офисы некоторых коммерческих банков и фирм...

Коваль остановился, видя, как собеседник недоверчиво качает головой.

— Возражения?

— Нельзя объять необъятное, Сергей Вениаминович. — Казанцев налил себе «брют», пригубил. — К тому же не понятно, как вы собираетесь щупать все эти конторы.

— Самым натуральным образом, по обычной, правда, слегка упрощенной схеме: два-три дня — наблюдение и прослушивание, день — компьютерный анализ посещений, разговоров и телефонных бесед, затем штурм и захват подозрительных лиц, информбазы, документации. Затем допросы, сверка и анализ данных, выход на командиров «ККК» и новый захват. Финита!

Казанцев снова покачал головой.

— Слишком у вас как-то просто все получается. К тому же для проведения таких операций надо иметь веские основания, а не подозрения плюс карт-бланш прокурора. Я таких оснований не вижу, ваш план смахивает... на авантюру. На произвол.

Сергей Вениаминович снисходительно глянул на собеседника.

— Прокуроры, от районного до генерального, сами заинтересованные лица, любой из них подтвердит правильность наших действий. Что же касается обоснований нравственных, внутренних, так сказать... — Коваль растянул губы в усмешке. — Кому они нужны, Руслан Владимирович? Пардон, Ибрагимович. Лес рубят — щепки летят. Главное, что мы избавимся от напасти, а сколько при этом пострадает невиновных людей, неважно. Против силы работает только сила, террор можно сломать только террором. Разве не так?

— Так-то оно так... — как-то неопределенно заметил Казанцев, с грустью подумав, что придется, очевидно, самому уходить в отставку. С директором ФСБ ему было явно не по пути, что выяснилось уже давно.

— Ты учти еще одно обстоятельство, — добавил Сергей Вениаминович, стараясь не обращать внимания на внутреннюю борьбу, переживаемую начальником ГУБО. — Скоро у нас появится оружие, равного которому не имеет ни одна спецслужба мира. С его помощью мы уничтожим не только «Чистилище», но и Сверхсистему, и террористов любых мастей, и... вообще кого угодно! Нравится тебе такая перспектива?

Казанцев скептически поджал губы.

— Что же это за оружие? «Глушак», что ли? «Болевик»? Или ваш легендарный «дырокол», о котором ходит столько разных слухов?

— О нет, речь идет действительно об *абсолютном* оружии, — раздался из затемненного угла голос майора Хватова. — Оружии, оставшемся в наследство от древних цивилизаций. Перечисленные вами виды — лишь бледная тень настоящего психотронного оружия.

Казанцев выглядел растерянным, но по всему было видно, что слова майора его не убедили.

— Допустим, такое «абсолютное» оружие существует. Где и как вы собираетесь искать его? В археологических экспедициях? В Италии, Египте?..

— Поближе, — невозмутимо ответил Хватов. — Под Москвой.

Казанцев, понявший его слова буквально топографически, засмеялся.

— В Мытищах, что ли?

— Непосредственно под Кремлем, — улыбаясь чему-то, сказал директор ФСБ.

...Комиссар-пять и комиссар-четыре «Чистилища» встретились как бы невзначай в кафе «Ладья» на Пятницкой, на втором этаже, где Илья Боченков предлагал изготовленные вручную пельмени в чугунных горшочках, плавающие в бульоне. По мнению Шевченко, лучше Ильи пельмени в Москве никто не делал.

Съев порцию, Боханов, гурман по призванию, вынужден был с этим согласиться. Но разговор шел вовсе не о качестве пельменей и других блюд.

— Валера, я хотел бы тебя предупредить, — сказал Владимир Эдуардович. — Шеф недоволен твоими колебаниями и настроениями. Но самое главное, что ты приблизил к себе Балуева. Спец он отменный и хорошо справился с ролью водителя гаишной «Волги», которая завела кортеж Генпрокурора в ловушку, но ты учти: Балуев продолжает дружить со своим приятелем Соболевым, что может пагубно отразиться на здоровье всех вас троих. Для них и... — Боханов проглотил пельмень и закончил: — И для тебя. Тем более что зондеркоманда ФСБ «Гроза», где теперь обретается Соболев, все активнее начинает подбираться к нам. Когда-нибудь интересы «Грозы» и наших коммандос пересекутся... а какую сторону примет Балуев, неизвестно.

Шевченко действительно в последнее время под давлением обстоятельств как-то растерял свою природную веселость, подозрительно заглянул в слегка затуманенные цыганские глаза комиссара-четыре.

— С чего это вы обо мне печетесь, Эдуардович? И почему шеф не выскажет свои претензии мне лично?

— Отвечаю на первый вопрос. Я не альтруист, сентиментальным бываю крайне редко, но вы мне симпатичны. Перестаньте кукситься, восстановите былую форму, меня всегда заражал ваш оптимизм. Теперь о втором вопросе, ответ на него более прозаичен: Громов не прощает ошибок никому, даже самому себе, а то, что Соболев и Балуев оказались в разных командах, — ваша ошибка, Валера. Если произойдет утечка информации об операциях фирмы, первыми шеф уберет Балуева и вас. Докажите, что вы по-прежнему на высоте, последите за Балуевым, нанесите удар первым...

Шевченко лениво поковырял вилкой в тарелке, отложил ее, промокнул губы салфеткой.

— Соболев однажды спас меня... да и Балуев тоже. Не думаю, что он пойдет на сговор с Балуевым ради получения наград за уничтожение «Чистилища». Но я, конечно, приму меры. Спасибо за предупреждение, Владимир Эдуардович. Я смотрю, вы везде смело ходите без телохранителя...

— А вы разве нет?

— Я — другое дело, могу постоять за себя сам. — Шевченко не стал разочаровывать собеседника. — Вы хотя бы вооружены?

— Зачем? — безмятежно пожал плечами Боханов. — Пистолет в случае чего меня не спасет, как, впрочем, и «глушак», а более мощное оружие с собой не поносишь.

— Пулемет, что ли? — улыбнулся Шевченко. — Гранатомет?

— Посерьезней машинка есть, — подмигнул комиссар-четыре. — В скором времени Громов обещал вооружить им всех комиссаров. Он где-то раскопал информацию о сохранившемся от древних цивилизаций универсальном оружии.

Шевченко заинтересованно-скептически глянул на Боханова.

— Что-то я об этом не слышал. Не вешает ли лапшу на уши наш непогрешимый шеф?

— А разве вы еще не убедились, что Громов не ошибается? Ведь за нами охотятся все спецслужбы, хватают всех подряд, громят фирмы, банки, школы, институты... а мы продолжаем работать! Так что давайте, Валера, подсуетитесь, заявите в комиссариате, что вы незаменимы. — Боханов улыбнулся, тщательно вытер после еды губы, подбородок, пальцы рук и встал. — Любое, даже очень мощное оружие, конечно, не панацея от всех бед, но все-таки чувствовать себя увереннее хотелось бы и мне. До встречи.

Комиссар-четыре легко сбежал по лестнице на первый этаж, а Шевченко, глубоко задумавшись, остался сидеть за столом. Его начальник группы сопровождения безразлично окинул зал взглядом, но, поскольку патрон не подал никакого знака, остался сидеть за столиком у окна, с удовольствием поглощая вторую порцию пельменей.

СОЮЗ ДЕВЯТИ НЕИЗВЕСТНЫХ

Этот буддийский монастырь, расположенный на перевале Куг-Багач в Горно-Алтайской автономной области, неподалеку от города Кош-Агач, был известен с тысяча семьсот сорок первого года, хотя и до того имел многотысячелетнюю историю. В последнее время верующих, ставших на путь буддийских традиций, стало больше, монастырь окреп, разросся, стал местом настоящего паломничества, охотно посещаемым туристами со всех уголков России и местными жителями — бурятами, хакасами, монголами, русскими, украинцами.

Главным архитектурным сооружением монастыря был храм Гаутамы, внешне мало чем уступающий храму в тибетском городе Лхаканге, используемый местной монашеской общиной — сангхой — для мистических религиозных церемоний. На самом

деле храм Гаутамы, в котором проповедовался культ Будды и бодхисатв[1], был *эзотерическим* храмом и представлял собой четырехуровневое сооружение, то есть как бы четыре храма в одном.

В первый допускались верующие и просто любопытствующие туристы. Во второй — только принадлежащие касте люди или имеющие особое разрешение. В третий имели доступ служители храма, в четвертый — брахманы и Посвященные. Этот уровень был доступен всего лишь трем брахманам из числа приближенных и самому настоятелю Бабуу-Сэнгэ.

Но в этот ясный солнечный день начала октября, когда над Алтаем стоял антициклон «бабьего лета», вход во внутренний сектор храма был открыт для других гостей, прибывающих по одному. Всего их набралось девять человек.

Эти люди представляли собой реальное правительство России, чей уровень был столь высок, что о нем не догадывались даже такие властные институты, как контрразведка, безопасность и внешняя разведка, имеющие суперпрофессионалов анализа и обработки данных. Эти Девять влияли на любые события, хотя непосредственно и не участвовали в них.

Эти «серые кардиналы» предпочитали управлять царями и президентами, а не быть ими.

Одним из Девяти был комиссар-два «Чистилища» Герман Довлатович Рыков.

Обычно «кардиналы» Союза Девяти собирались не чаще одного раза в год, чтобы скоординировать свои действия в подконтрольных зонах социума и определить доминантный уровень стратегии на следующий год.

На этот раз встреча была внеочередной, экстренной, и на нее прибыл Десятый «кардинал», которого скорее надо было бы назвать Первым, потому что он контролировал Уровень Международных отношений, соединяя подобные Союзы Девяти (Семи, Пяти и Трех) других стран.

Все «кардиналы» занимали не очень заметные посты советников, экспертов, помощников государственных деятелей и структур, но властью обладали почти абсолютной, потому что могли убрать с политической сцены любого лидера или группу, не говоря уже о деятелях рангом ниже министра или депутата. Но делали они это лишь в тех случаях, когда обстановка в стране не укладывалась в рамки разработанного ими сценария.

Кроме Рыкова, представлявшего «Чистилище» и одновремен-

---

[1] Бодхисатва — в буддизме махаяны идеальное существо, выступающее как наставник и образец для других людей, ведущее их по пути нравственного совершенствования.

но Федеральную службу безопасности, в Союз Девяти входили советник президента по национальной безопасности Юрьев, один из двенадцати директоров Национального банка, председатель Совета директоров Грушин, начальник информационной службы президента и он же Тень-три в иерархии Сверхсистемы Носовой, главный военный эксперт при правительстве, курирующий Институт новых военных технологий, он же секретарь Совета безопасности Мурашов, член-корреспондент Академии наук профессор Блохинцев, заместитель директора Международного института стратегических исследований доктор права Головань, помощник премьер-министра по связи с религиозными концессиями и Православной Церковью отец Мефодий и настоятель монастыря и храма Гаутамы Бабуу-Сэнгэ.

Все они были людьми незаурядными, Посвященными в тайны Внутреннего Круга, а также *светящимися*, принимающими пси-посланцев иерархов, то есть их авешами. И каждый из них представлял реальную силу, принадлежа к той или иной властно-силовой группировке, которые в политической жизни страны вели острую конкурентную борьбу за выживание.

Так, Рыков опирался на мощь таких формирований, как ФСБ и «Чистилище». Носовой работал на Сверхсистему и владел инициативой административного президентского корпуса. Юрьев имел базу в лице самого президента и влиял на решения Совета безопасности, Мурашов действовал через Министерство обороны и Гособоронпром и также влиял на Совет безопасности державы. Остальные лично или через системы связей оказывали влияние на финансовые, информационные, экономические, лоббистские структуры, на аппараты Министерства внутренних дел и Государственной думы и власть имели не меньшую. Но в коалиции Союза Девяти они были не врагами или конкурентами, а равными партнерами, *теневыми правителями*, и на их отношения не влияла принадлежность к разным конкурирующим институтам власти. Впрочем, так думали — что они борются за власть и жизнь — сами руководители группировок, на самом же деле весь этот процесс управлялся Девятью.

Десятый или, вернее, Первый гость настоятеля, куратор Союзов Неизвестных в других государствах мира, представлял авешу инфарха, но известен был всему мировому сообществу как Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Хуан Франко Креспо. Он не боялся путешествовать инкогнито и прибыл в храм Гаутамы под видом паломника-исмаилита.

Келья настоятеля располагалась рядом с залом ритуальных церемоний в сердце четвертого сектора храма. Она в миниатюре воспроизводила главную молельню в Лхаканге: каменный склеп шесть на восемь метров со скульптурным изображением сидяще-

го в углу Будды, ступой с реликвиями Будды и шестью светильниками в форме лотоса. Сводчатый потолок мерцал россыпью драгоценных камней, как и стена напротив Будды. Пол кельи был выстлан мраморными плитами и покрыт циновками, на которых и расположились привыкшие к подобным бдениям гости настоятеля. Но, несмотря на кажущуюся простоту и аскетизм, келья наряду с хитроумными защитными сооружениями древних зодчих охранялась и новейшими современными электронными системами, позволяющими контролировать каждое постороннее движение в любом из секторов храма, определять вооруженных людей, следить за транспортом, прибывающим в Кош-Агач, и вести наблюдение за самолетами в радиусе трехсот километров.

Прежде чем усесться на циновки и начать совещание, каждый из Девяти взглянул на свои часы, в которые были вмонтированы датчики-сигнализаторы собственных систем контроля опасности. Зеленые нули на экранчиках циферблатов показывали, что нет повода для тревоги, и гости Бабуу-Сэнгэ принялись поудобнее устраиваться на жестких циновках. В принципе им ничего не стоило провести эту встречу с полным комфортом — в храме был зал, не уступающий в этом отношении залам московского ресторана «Националь». Но, согласно древней традиции, собеседников ничто не должно было отвлекать от дела, а жесткость циновок во многом способствовала краткости речи и скорости принятия решений.

Настоятель, сидевший лицом к своим гостям, традиционно исполнял роль председателя собрания. Он, перешагнувший рубеж девяти десятков лет, был старше всех присутствующих в келье, но выглядел молодо и очень походил на своего Учителя — Гаутаму Будду — и торжественностью позы, и лицом, и, весьма вероятно, характером. Казалось, на Девятерых смотрят сразу два Будды — каменный и живой, из плоти и крови.

— Начнем, Посвященные, — призвал глубоким баритоном Бабуу-Сэнгэ на русском языке и тут же перешел на метаязык, понятный только присутствующим; язык этот был настолько же богаче, ярче, информативнее всех существующих, насколько современный русский или английский богаче языка туземцев Папуа, словарь которого состоит из двухсот пятидесяти понятий. — Уровень принятия решений — в пределах Закона минимальных последствий, с применением коллективного поля растворения следов вмешательства. Уровень стратегии — не выше «экстра», уровень тактики — целевой, разрешающий любые средства, уровень оперативного исполнения — «элит». Прошу высказываться.

— Я бы посоветовал поднять потолок уровня стратегии, — предложил Юрьев, имеющий право говорить первым после председателя.

Иерархи, как и люди, делились на касты. Тот факт, что кастовость не признается современной социологической наукой, не говорит о правильности отношений между людьми. Желают этого люди или не желают, признают или не признают, но они разделены на касты. Точно так же, как были разделены на касты их палеопредки — Инсекты. Индийское общество первым ввело понятие кастовости, которое сохранилось до сегодняшних дней: брахманы, кшатрии, вайшья, шудры и чандала благополучно сосуществуют в этом обществе, претендуя каждый на свою социоэкологическую нишу. Тот, кто не согласен с этим положением, избирает Путь просвещения, просветления и самосовершенствования, хотя средства для достижения цели — нирваны — зачастую берутся негодные. Например, нельзя добиться духовного развития, просветления стоянием на голове, истязанием плоти, медитацией или с помощью лишенных смысла обрядов и церемоний, уповая на милость Духа или Бога, однако индийские йоги упорно продолжают двигаться в том же направлении, попадая в тупик, из которого нет выхода. Впрочем, подобными делами занимаются и миллионы верующих во всех странах мира.

Касты иерархов были более текучими, чем человеческие, каждый из иерархов вправе преодолеть кастовый барьер и перейти в другой «класс» отношений и обязанностей. Высшей кастой считались Архонты, достигшие порога мудрости. Ниже шли Ангелы, иерархи Сострадания, затем Адепты — достигшие уровня мысленного управления сверткой и разверткой реальностей, Мастера — способные управлять физическими процессами многомерных реальностей, и, наконец, Посвященные, воздействующие на трехмерный мир запрещенной земной реальности. Из действующих лиц нашего повествования инфарх принадлежал к касте Архонтов, примарх и секундарх — касте Ангелов, триархи, квадрархи и пентархи — касте Адептов, и так далее. Декарх, с которым когда-то встречался Матвей Соболев после битвы с Монархом, относился к касте Мастеров.

Советник президента по национальной безопасности Юрьев, как и Бабуу-Сэнгэ, был авешей одного из пентархов, то есть носителем Адепта. Остальные восемь из Девяти воспринимали психоматрицы Мастеров и Посвященных. Лишь куратор Союза Неизвестных Хуан Франко Креспо становился авешей Ангела, и ранг его позволял отменять решения Союза, принятые с перевесом в один-два голоса.

— Основания повышения уровня? — подал голос профессор Блохинцев.

— Вмешательство Монарха и подавление в результате этого рассчитанной нами доминанты исторического развития страны.

— Я согласен, — сказал Бабуу-Сэнгэ, обвел взглядом сосре-

доточенные лица сидящих по восточному обычаю гостей, хотя и в современных европейских костюмах. Кивнул самому себе. — Вижу, что и вы согласны. Повышаем уровень стратегии до потолка «абсолют», что не освобождает нас от обязанности принять решение. Продолжаем обсуждение. Само собой разумеется, что положение дел в стране в целом и в зоне ответственности каждого известно всем Девяти.

— Разумеется, — кивнул секретарь Совета безопасности Мурашов, авеша декарха. — Год назад мы передвинули колесо кризиса, заменили большинство сильных фигур в политике, но в социуме практически ничего не изменилось. Только усилились центробежные тенденции и противостояние в среде силовых структур, что, как мы видим, является следствием прямого вмешательства Монарха, силы трансцендентной, но изначально и перманентно эксцитативной. Регуляция на уровне частных изменений неэффективна, необходимо общее направленное изменение существующих тенденций.

— Все это понимают, но все ли подготовили конкретные предложения? Векторы вмешательства? Области стабилизации?

— К сожалению, люди в большинстве своем — высокоцивилизованные варвары, — обронил директор Международного института стратегических исследований Головань. — Человечество не преодолело стадии имаго, на что надеялся Монарх, и остается *потенциально* разумной расой.

— Ну и?.. Точнее выражайте мысль, уважаемый Кирилл Данилович.

— Надо усилить влияние Закона интеллектуальной чистоты, действующего среди иерархов: мышление не должно нести эмоциональной окраски. В приложении к нашей ситуации он звучит так: для достижения цели надо использовать любые средства! Жалость к кому-либо неуместна.

— Мы учтем ваше пожелание. Прошу предложения по векторам вмешательства.

— Кое-кто из простых смертных получает информацию по пси-каналам скрытой реальности из областей запретного смысла, — тихо сказал Рыков. — Пора поставить вопрос перед иерархами о блокировании таких передач или же увеличении высоты порога чувствительности в нашем слое.

— Тревога законна. Предложение принято к обсуждению. Продолжайте.

— Контроль вооружений в стране находится на самом низком уровне, — сказал Мурашов. — Начинается расползание оружия «пси» по странам СНГ — генераторов боли и суггесторов. Мало того, из стадии разработок выходит новое поколение излучателей с использованием тонких полевых эффектов, так называе-

мых «дыроколов», зашифрованных под аббревиатурой НК — «невидимое копье». Массовое применение этого оружия приведет к тому, что создававшаяся тысячи лет властная структура типа «муравейник» распадется, к власти придут, скорее всего, преступные кланы с организацией Хиронома.

— Вероятность прогноза вами просчитана?

— Ноль семьдесят девять.

— У меня число получилось меньше, но достаточное для того, чтобы обратить на него внимание. Предложение принято.

— У меня имеются достоверные сведения о пренебрежении некоторыми Посвященными Закона мауна, — вставил отец Мефодий. — Об этом стоит уведомить Внутренний Круг, пусть выносит их поведение на Суд Великого Покоя.

— Кем конкретно?

— Это — Иван Парамонов, Вахид Самандар, Ульяна Митина.

— Ваше мнение, Посвященные?

— Зачем выносить сор из избы? — проговорил профессор Блохинцев. — Наказать их можем и мы сами. Суд ВК вряд ли покарает их адекватно преступлению.

— Вы предлагаете суд Линча? Эгрегор Хранителей, к которому они принадлежат, будет против.

— И ничего страшного, уровень этого эгрегора — культурно-групповой, даже не государственный, в его функции входит всего лишь качественное сохранение остатков наследия культур, а не регуляция модели реальности. Масштабы наших эгрегоров позволят нам...

— Возражаю. Есть еще предложения по данной теме?

— Обратиться в суд ВК.

— Принимаем?

Ответом председателю собрания Девяти были опущенные в согласии головы присутствующих, кроме профессора Блохинцева, имеющего свое мнение. Бабуу-Сэнгэ взглянул на него, потом на державшегося, как всегда, незаметно Рыкова.

— Вы хотели внести еще одно предложение, Герман?

— Этот вопрос касается стабилизации социума, — тихо проговорил комиссар-два «Чистилища». — Вынужден подчеркнуть его масштаб. Появление «СК» — «ККК» в принципе означает переход запрещенной реальности на жесткий вариант Закона возмездия, или Закона обратного действия. Но этот переход натолкнулся на неожиданно сильное сопротивление пси-структур социума, чего я понять не могу, так как на прошлом заседании Девяти мы проголосовали за усиление Закона. Только ли вмешательством Монарха объясняется это положение?

Бабуу-Сэнгэ некоторое время озадаченно рассматривал свои скрещенные ноги. Потом поднял взгляд на Рыкова.

— Вы хотите сказать, что к этому причастен... кто-то из Девяти?

— Я не знаю, — еще тише проговорил Герман Довлатович. — Но впечатление такое, будто кто-то из нас играет на стороне Монарха. Прошу общего включения «И» в режим... «детектора лжи»!

В келье настоятеля воцарилась сторожкая тишина. Не выдержал Мурашов:

— Вы понимаете, Герман, что предлагаете сделать?!

— Успокойтесь, Александр, — мягко сказал Бабуу-Сэнгэ, — никто не принуждает вас соглашаться с предложением Германа. Кстати, я тоже против этой процедуры, которая может привести к распаду Союза. Как остальные?

Семеро других Посвященных после недолгих размышлений отказались от общего включения «разума-воли» в режиме «детектора лжи», Рыков не настаивал на своем предложении, понимая, что его время еще не пришло.

Последний вопрос «повестки дня» предложил Головань:

— Наблюдатели докладывают, что участились случаи проникновения непосвященных в реликтовые зоны с Модулями Иной Реальности. Люди начинают подбираться к Великим Вещам жизни Инсектов, самыми опасными из которых являются, конечно, «саркофаги» — своеобразные корректоры реальности с возможным выходом в прошлое — и «оружие», известное под названием «Игла Парабрахмы», тоже являющееся корректором реальности, но прямого действия. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы неподготовленные овладели этими вещами, особенно оружием.

— Проблема серьезная, принимается. Итак, приступим к обсуждению внесенных предложений. Слово вам, Владимир...

К полудню по всем вынесенным на обсуждение вопросам были приняты решения. Три из них требовали привлечения сил трансцендентных — иерархов: перекрытие каналов передачи информации из абсолютных реальностей в запрещенную, повышение порога чувствительности при проникновении в астрал и ментал непосвященных и блокирование границ запрещенной реальности от просачивания в нее проекции Монарха Тьмы. Остальные могли быть решены силами вполне земными: резкое ограничение использования оружия «пси» — «глушаков», «болевиков» и «дыроколов», ограничение доступа в МИРы Инсектов, наказание Посвященных, преступивших законы Внутреннего Круга, ограничение деятельности «Чистилища» и других силовых ведомств государства, прекращение доступа к оружию Инсектов.

Методы претворения решений в жизнь должны были разработать ответственные за них из числа Девяти, а так как на уровне

вмешательства Союза Девяти не существовало нравственных принципов, препятствующих достижению цели любыми средствами, то реализация некоторых решений обычного человека могла бы повергнуть в шок. Так, например, ограничение деятельности «Чистилища» и спецслужб доверялось Рыкову, Мурашову и Носовому, представлявшим в реальной жизни государства конкурирующие организации. Средства борьбы при этом могли быть использованы самые разные — от провокационных столкновений служб между собой, перекрестного сообщения необходимых сведений друг о друге до прямой ликвидации руководителей ведомств. Исполнители последней акции могли назначаться любым Посвященным из числа работников контор и служб, их дальнейшая судьба для Девяти не играла никакой роли. Исполнителей же высокого класса подобрать было пусть и не легко, но возможно.

— Закончили наши внутренние обсуждения, Посвященные, — подвел итог Бабуу-Сэнгэ. — После перерыва наш уважаемый Хуан Франко Креспо сообщит свое мнение о работе Союза, а также предложит тему для внешнего обсуждения.

— Нельзя ли узнать тему до перерыва? — спросил отец Мефодий. — Я предпочел бы остаться здесь и в тишине обдумать ее.

— Мы бы хотели предложить помощь вашему Союзу, — сказал Генеральный секретарь ООН. — Для быстрой перестановки фигур вам понадобится активное вмешательство оперативных подразделений иерархов. Мы поможем с внедрением. А тема нашей вечерней беседы такова: выгодно ли нам создание Федерации восточно-славянских народов, предлагаемой лидерами некоторых европейских стран и России. Все понимают, что решить эту проблему будет гораздо сложнее, чем ваши внутренние затруднения.

Ответом Хуану Франко Креспо была тишина.

ОПЯТЬ «ГРОЗА»

Штаб-квартира общественно-политической организации «Честь и Достоинство» располагалась на территории Международной ассоциации национальных организаций контактного карате (МАНОКК) на Якиманке. Занимала она весь пятый этаж небольшого пятиэтажного здания, имея в своем распоряжении шесть комнат: библиотеку, конференц-зал на сорок мест и кабинеты отделов.

Руководил организацией сам президент Ассоциации карате мастер спорта Сергей Евгеньев, он же являлся заместителем директора Международного исследовательского центра боевых ис-

кусств (МИЦБИ) и вице-президентом Ассоциации боевых искусств России.

В конце семидесятых годов он закончил Институт физкультуры, работал в угрозыске, в ОМОНе, закончил Академию МВД, профессионально занимался спортом (греко-римская борьба и бокс), работал преподавателем в школе МВД, старшим инструктором по карате и рукопашному бою московского горсовета «Динамо», кроме званий мастера спорта по борьбе и боксу, имел еще и шестой дан по карате («черный пояс»).

С президентом МИЦБИ Самандаром Сергей Владимирович имел довольно непростые отношения, сложившиеся, в сущности, по вине первого: Вахид Тожиевич относился резко отрицательно к тому, что Евгеньев занялся политикой. Тем более удивительной оказалась для Сергея Владимировича их последняя встреча.

Самандар лично явился в здание на Якиманке и, поговорив о делах Ассоциации, проблемах центра, вдруг спросил:

— Сергей Владимирович, вы имеете какое-либо отношение к «Чистилищу»?

— К кому?! — изумился Евгеньев.

Самандар невозмутимо повторил свой вопрос, делая вид, что рассматривает интерьер кабинета руководителя «Чести и Достоинства», который напоминал музей и библиотеку одновременно: холодное оружие по стенам — кинжалы, шпаги, сабли, рапиры, эспадроны, шашки, комплект саев; боксерские перчатки, тренировочные лапы, нукитэ; фигурки из кости на полках и в шкафах под стеклом, спортивная атрибутика; на книжных полках толковые словари Ожегова и Даля, книги по философии, искусству, справочники, боевики и фантастика; на столе руководителя статуэтки Вольтера и Брюса Ли.

По лицу Евгеньева и его реакции Самандар уже предвидел ответ, который услышит, но подождал подтверждения.

— Конечно, нет! — сказал Сергей Владимирович. — Никаких контактов, ни прямых, ни телефонных, я с «Чистилищем» не имел. Наша организация, насчитывающая, кстати, более ста тысяч человек, имеет возможность влиять на ситуацию в стране мирным, парламентским путем. Путь «Чистилища» мы не приемлем.

— Я понял и уважаю ваши убеждения. Но кое-кто в силовых ведомствах думает иначе. На ваш офис скоро «наедет» Федеральная служба безопасности... а может быть, и другие спецслужбы, так что будьте готовы. До связи.

Самандар пожал руку потерявшему дар речи хозяину кабинета и вышел. Только после этого у Евгеньева сложился наконец

вопрос, который он запоздало хотел задать гостю: откуда тому все известно?

Но ответить на него уже было некому.

Трудовой день Сергей Владимирович заканчивал, но по-прежнему голова его была занята одним: что бы это значило, откуда Самандар взял, что на «Честь и Достоинство» покушаются спецслужбы? Зачем он предупредил? Откуда знает такие подробности о деятельности ФСБ? И вообще правда ли это?..

Нанеся два визита, проведя тренировку в зале Ассоциации, пообедав и поработав с документацией, Евгеньев собрал начальников отделов и службы безопасности МАНОКК и предупредил о возможных провокациях со стороны правоохранительных органов.

— Кому-то в верхах наше объединение встало поперек горла. Видимо, там считают, что мы теперь имеем слишком большой авторитет среди новых партий,

— Но с какой стати защитники правопорядка станут нападать на нас? — высказал недоумение начальник охраны Ассоциации. — Ничего противозаконного мы не совершаем.

— Правоохранительные органы склонны больше защищать наши права от нас самих, — проворчал заместитель Евгеньева. — Но если это правда, я бы посоветовал обратиться за помощью.

— К кому? — иронично осведомился начальник информационного отдела. — Не к самим же работникам безопасности, коль скоро они и затевают сию провокацию.

— К «Чистилищу».

В кабинете послышались смешки. Улыбнулся и Сергей Владимирович, но как-то невесело.

— В общем, несмотря на то что мы чисты перед законом, давайте почистим отделы, кабинеты, спрячем лишние бумаги, дискеты, кассеты... не мне вас учить. И будьте готовы ко всему.

— Мы что, уже не способны защитить сами себя? — нахмурился начальник охраны. — Имеем полное право!

— До известного предела. Наши возможности ограничены пистолетами и рукопашным боем, против автоматов и карабинов, согласитесь, этого маловато. Да и ни к чему начинать разборки с «федепасами», когда они при исполнении.

— Надо понимать так, что сегодняшняя игра отменяется? — спросил самый молодой, начальник отдела связи с национальными федерациями карате. Он имел в виду соревнования по пейнтболу.

Во дворе МАНОКК располагал небольшим полем для этой игры, напоминающей известную «Зарницу», где две команды, используя отменные навыки тактики и спортивной подготовки, сражались красящими шариками за овладение флагом против-

ника. Игра была очень популярна среди молодежи Ассоциации, но в нее с удовольствием играли и ветераны, мало в чем уступающие молодым мастерам.

— Игра состоится, — сказал Евгеньев, — но начнется на час позже, чем обычно, из-за погоды: пусть подсохнет поле. Готовьтесь.

Однако в тот день в пейнтбол поиграть не удалось: спецслужбы, о которых предупреждал Самандар, предложили свою игру, оказавшуюся более жестким вариантом пейнтбола, в котором шарики с краской были заменены разнокалиберными пулями.

Атака на все объекты Ассоциации, включая хоздвор и поле для игры в пейнтбол с его искусственной полосой препятствий и бутафорскими крепостями, началась перед концом рабочего дня, в половине пятого. Нападающие действовали столь агрессивно, что охрана МАНОКК и дочерней ее организации «Честь и Достоинство», предупрежденная президентом Евгеньевым, прекратила сопротивление спустя несколько минут после начала штурма. Но это мало помогло работникам Ассоциации. Штурмующие, разъяренные сопротивлением, столкнувшись с другими спецотрядами и приняв их за охрану, «обрабатывали» всех подряд, укладывая захваченных лицом на пол в залах и кабинетах. Не было пощады ни женщинам, ни старикам, ни юным спортсменам, занимавшимся со своими наставниками.

Кое-где вспыхнула стрельба, спровоцированная какой-то из штурмующих сторон, что сразу резко осложнило обстановку, накалив до предела сдавшихся было на милость победителей охранников. А когда из аудитории на четвертом этаже мордовороты в пятнистых балахонах стали выволакивать в коридор за волосы девушек, Евгеньев, наблюдавший из своего кабинета по телемонитору ход «сражения», отдал приказ своей дружине личной охраны работать адекватно. Претворив в жизнь свою идею «защиты людей от любого произвола», то есть создав объединение «Честь и Достоинство», он считал, что имеет право защищаться любым способом, так как никто ему в данном конкретном случае не предъявил никаких обвинений, никаких ордеров, полномочий и разрешений высших чинов, что спецназ имеет право действовать на территории МАНОКК с такой бесцеремонностью и жестокостью. И отряд мастеров карате, имеющих все мыслимые пояса, способных постоять за себя и за дело, за честь и достоинство, как они это понимали вместе с руководителем, начал выдавливать воинов спецподразделений с этажа на этаж, отвечая огнем на огонь и смертным боем на жестокие приемы спецназа.

Матвей Соболев, прибывший к зданию МАНОКК в разгар боя с пятеркой лучших бойцов Первухина и сразу определивший перекрестный характер сражения (снова спецслужбы столкну-

лись меж собой! Выявить бы режиссера!), вступил в схватку без промедления. Его положение «свободного форварда» позволяло ему самому определять боевую задачу и применять при этом любые средства. Единственным внешним условием в данной операции, выдвинутым лично генералом — начальником Управления спецопераций, было задержание руководителя «антиправительственной» организации «Честь и Достоинство». О том, что информация о деятельности означенной организации была неполной и недостоверной, Матвей догадывался и сам, но не знал, что она настолько лжива, иначе сразу прекратил бы свой «культпоход». Но о настоящей цели операции, разработанной стратегами аналитического сектора УСО ФСБ, он узнал лишь после окончания самой операции.

Появившись на территории Ассоциации, представлявшей собой, как и в случае с «Барсом», поле боя, Матвей перешел *на темп* и окунулся в стихию сражения, как в огонь преисподней, ориентируясь в нем гораздо лучше всех остальных участников.

До третьего этажа он дошел быстро, попутно успокоив трех чересчур ретивых бойцов спецназа, под шумок громивших помещения МАНОКК. На четвертый этаж, где были расположены спортзалы и душевые кабины, пройти не удалось: защитники Ассоциации ответили огнем на поражение, отобрав у десятка нападавших оружие, и под пулями «качать маятник» Матвей не захотел.

Поразмыслив, он пробежал по коридорам третьего этажа, нашел с тыльной стороны здания пожарную лестницу, выходящую во двор, и, выбив стекло в окне, перебрался на лестницу. Во дворе бой уже затих, немногочисленных защитников Ассоциации согнали к гаражу, и штурмующие начали выяснять отношения между собой, так как имело место очередное пересечение операций, подготовленных разными спецслужбами. Благодаря этому Матвею удалось взобраться по лестнице на крышу практически незаметно, а дальнейшее было уже делом техники. Проникнув через слуховое окно крыши в балочное помещение, а оттуда на пятый этаж, Соболев начал одного за другим нейтрализовывать сопротивляющихся охранников объединения «Честь и Достоинство», не ожидавших нападения с тыла. Всего их оказалось одиннадцать, и лишь двое проявили серьезное сопротивление: молодой парень, худощавый, быстрый, гибкий, очень резкий, владеющий «комба» не хуже любого «супера» и метающий ножи в стиле героев «Великолепной семерки» (он прикрывал спину руководителя организации Евгеньева), и сам президент МАНОКК (о чем Матвей узнал позже).

Бой происходил в холле четвертого этажа, у выхода на лестничную площадку. Плечистый, мощный, очень хладнокровный,

владеющий стилями «барс» русбоя и карате школы сётокан-рю, президент дрался отчаянно и смело, пока какой-то приблизившийся спецназовец не выстрелил в него из пистолета откуда-то из-за спины Матвея.

Евгеньев, получив пулю в ключицу, упал.

Матвей, оглянувшись, встретил кривую усмешку одного из пятнистых десантников, в ярости врубил ему между глаз «колун», отобрал пистолет (снова мощный «генц», довольно редкое оружие, применяемое только спецподразделениями, надо все же выяснить, чья это команда пользуется таким) и опустился на корточки над командиром отряда защитников здания. Отвел руки здоровяка, которыми тот пытался зажать рану у основания шеи, прижав ее, — она оказалась сквозной, пуля прошла навылет, — сосредоточился и, побелев от напряжения, облившись холодным потом, остановил кровотечение.

Мужчина шевельнулся, открывая глаза, прошептал разбитыми губами, на которых пузырилась кровь:

— Подонки!.. Да вас всех надо... За что? Где ордер?.. Зачем весь этот штурм? Мы бы сами все отдали... — Ослабев, он затих. Но снова открыл глаза, в которых искрой разгорелось удивление. — Я президент МАНОКК Евгеньев, а кто вы?

— Федеральная служба безопасности, — глухо ответил Матвей.

— Какого дьявола вам понадобилось действовать такими методами? Неужели нельзя было просто явиться ко мне в кабинет и... — Глаза раненого расширились, и Матвей, почувствовав опасность на мгновение раньше, прыгнул вдруг в сторону, не оборачиваясь и не вставая с корточек.

Пуля из «генца» вонзилась в стеклянный аквариум, который до этой минуты очереди из автоматов щадили, и пятьсот литров воды вместе с рыбками с шумом вылились на пол холла, обдав упавшего навзничь Евгеньева. Стрелявший в спину Матвея невольно отпрянул, и тот, с усилием выходя *на режим*, прыгнул к нему, нанося удар ногой с разворотом, не заботясь о целости его головы. По всей видимости, это был один из оперов «Анальгина», получивший задание убить президента МАНОКК.

Матвей вернулся к Евгеньеву, глядевшему на него с недоумением, но расспросить его не успел — на этаже появились бойцы «Грозы», ведомые Белоярцевым. Они лихо повязали всех, кто находился в холле, бесцеремонно подняли Евгеньева и, не обращая внимания на ранение, надели наручники и ему.

— Осторожней, — хмуро бросил Матвей. — Это президент Ассоциации...

— Да хоть бы папа римский!

— Он ранен...

— Не сдохнет!

Матвей круто развернул к себе говорившего верзилу, зама Белоярцева, сжал ему запястье особым образом, так что тот охнул, и сказал, проникновенно глядя в расширившиеся глаза:

— Учись быть вежливым с поверженным противником, лейтенант, иначе тебе не место в органах. Усек?

— Да пошел ты!..

Матвей сжал пальцы верзилы сильнее, тот побелел и закатил глаза.

— Уяснил, я спрашиваю?

— Ладно, отпусти его, Соболев, — подошел возбужденный Белоярцев, держа палец на спусковом крючке «волка». — Он больше не будет. Ведите их, ребята.

— Чем они провинились? — спросил Матвей, глядя вслед Евгеньеву, который все оглядывался на него. — Не похоже, чтобы они работали на «Чистилище».

— Наше дело — взять, — осклабился командир «Грозы», все еще не отводя ствола пистолета от живота Соболева. Тот глянул на пистолет, потом на майора, покачал головой.

— Не выйдет у нас с тобой любви... Люда. И не надувай щеки, не твое это дело — командовать спецгруппой. Половина отряда — ублюдки, их гнать надо к чертовой матери, а ты вместо этого... — Матвей не договорил, сделал длинный скользящий шаг влево и, разворачиваясь, нанес точный удар ребром ладони в нос заместителю Белоярцева, который попытался ударить его сзади рукоятью пистолета.

Лейтенант отлетел назад, роняя оружие, и упал в лужу с осколками стекла. Стиснув пистолет побелевшими пальцами, Белоярцев посмотрел на него, потом на Матвея, встретив холодный, предостерегающий взгляд, и не решился на действие. Сказал только, криво усмехаясь:

— Не много ли на себя берешь, ганфайтер? Ребята не любят таких, правильных. Не боишься получить пулю от своих же в следующей совместной операции?

— Совместных больше не будет. — Матвей повернулся спиной к Белоярцеву и сбежал по лестнице вниз, догоняя конвой. Ему захотелось задать президенту МАНОКК пару вопросов.

Вечером, после встречи с Василием на его «хазе», где они обговорили детали предстоящего похода под Кремль, Матвей в одиночестве пил чай и размышлял о том, что узнал о МАНОКК и объединении «Честь и Достоинство». Никакого криминала в деятельности Ассоциации и ее дочерней фирмы, превратившейся в оплот партии нового типа, он не нашел и понял, что ФСБ просто «бьет по площадям» в поисках баз «Чистилища». Ни о какой законности подобного рода операций речь не шла, и было ясно,

что дальше так жить невозможно. В какой-то момент его, Матвея Соболева, перехватчика-ганфайтера, заставят убивать, и время это не за горами. Надо было решать, как жить дальше, что делать, идти ли на компромиссы или объявлять о своем несогласии с политикой директора на самом высоком уровне.

Хватова Матвей уже не боялся, зная секреты э-боя, как он назвал систему парализующих прикосновений, но понимал, что открытая конфронтация с такой мощной организацией, как Федеральная служба безопасности, перспектив не имеет. Следовало что-то придумать, чтобы не выглядеть в глазах директора врагом, а в глазах Первухина — предателем.

В одиннадцать часов вечера в дверь позвонили.

Мгновенно включив свою экстрачувствительную систему, Матвей ощупал коридор, весь дом, его окрестности и, не обнаружив в засаде команды, сосредоточил свое внимание на звонившем. Но тот отреагировал первым:

— Матвей Фомич, это Рыков, откройте.

Помедлив, Матвей впустил позднего гостя, жестом предложил пройти в комнату побольше, играющую роль гостиной.

— Чаю хотите? Вина? Чего-нибудь покрепче?

— Нет, спасибо. — Начальник информационного бюро ФСБ оглядел комнату, пристроился в одно из кресел, так чтобы свет торшера не падал на его лицо. — Кажется, вы не очень довольны сегодняшней операцией?

— Недоволен — не то слово, — сказал Матвей. — Насколько я осведомлен, «Честь и Достоинство» никак не связана с «Чистилищем», и действия «Грозы», таким образом, незаконны.

— Согласен. — Рыков растянул в улыбке бледные губы, и Матвей вдруг с опозданием осознал, что перед ним сидит один из *сильных* людей, если и не авеша, то человек Внутреннего Круга. Об этом говорила и его аура «безжалостного интеллектуала», и особая волна волевого давления.

— Кто... вы?

— Вы и сами догадались, Матвей Фомич. Я из тех, кто формирует законы социума данной реальности.

— Точнее. Чей вы авеша?

— В данный момент ничей. Авеша — отпечаток личности многореального существа, он появляется тогда, когда я в нем нуждаюсь. В остальное время я принимаю усредненный пси-импульс, так сказать, «дыхание» моего визави. Он не может появляться в нашем мире слишком часто. Ведь что такое запрещенная реальность? Это мир определенных ограничений по отношению к многомерному Мирозданию, к так называемой «розе реальностей».

— Даниил Андреев называл ее «Розой Мира».

— Он многое видел не так, но порядок вещей чувствовал. Впрочем, это неважно, не будем углубляться в обсуждение моделей Мироздания. Я пришел, чтобы предложить вам поучаствовать в чистке социума. Ситуация в стране взрывоопасная, но большой крови можно избежать.

— Ценой малой, — кивнул Матвей. — Я вас понял. Но не понял все же, кого вы представляете.

— Федеральную службу безопасности и... «Чистилище». — На лице Рыкова снова промелькнула специфически бледная улыбка. — Или вы имеете в виду *высший* клан? Тогда группу людей, к которой я принадлежу, можно представить в роли царицы-матки пчелиного улья. Она не управляет ульем, но рой без нее существовать не может. Ее воздействие — регулирующее, а не управляющее. Стоит ли вам знать о нас больше?

— Может быть, и нет.

— Да вы не напрягайтесь, Матвей Фомич, я пришел один.

— Переходите к вашим предложениям, господин регулятор. Но не уверен, что мы поймем друг друга.

— Не буду расплываться мыслью по древу и объяснять платформу нашего союза. Суть дела такова. Существует волновой закон российского тоталитаризма, по которому тираны типа Сталина появляются раз в столетие. В стране сложилась ситуация, когда любой лидер из среды силовых структур может стать единоличным властелином государства. К сожалению, ни один из них не способен обеспечить стабильность и уровень жизни, достигнутый к настоящему времени: ни директор ФСБ Коваль, ни министр обороны Гусев, ни координатор «Чистилища», ни маршал Сверхсистемы. Все эти фигуры — абсолютные диктаторы, и все, кроме маршала «СС», связаны с Монархом Тьмы.

— Но ведь Монарх... блокирован?

— На уровне «эго», то есть как личность. Но среди людей еще достаточно «насекомых», суть которых — агрессивная тяга к власти. Найти их несложно — по *свечению* экзосоматических систем. С такими Конкере устанавливает прямой пси-контакт. С другими, тоже лидерами, но уже не на уровне инстинктов, а сознательно, Монарх может контактировать...

— Через мощные компьютеры.

Рыков пристально глянул на Матвея, пожевав губами, кивнул.

— Я никак не привыкну, что вы — *идущий* и много знаете. Впрочем, недостаточно, чтобы отказаться от предложения, суть которого такова: необходимо устранить перечисленные фигуры до их оформления в «титанов плоти», в Великих Диктаторов, низводящих страну до уровня гигантского термитника. Надо

только иметь в виду, что все они поддерживаются Монархом — информационно, технически и физически.

Матвей, расслабившись, задумчиво вглядывался в поверхность столика: лицо его было безмятежно и спокойно, лишь глаза, потемнев, приобрели глубокий сапфировый оттенок. И Рыков понял, что его собеседник давно принял решение — еще до их встречи.

— Вы согласны?

— Нет, — мотнул головой Матвей, прямо взглянув на ночного гостя, — и вы это знаете. Я не ликвидатор, а перехватчик, профессионал задержания. Поэтому ищите других исполнителей.

— Но ведь Монарх — ваш враг! Разве не он год назад...

— Оставьте, — сказал Матвей негромко. — Олицетворением Абсолютного Зла его сделали инфарх и другие иерархи, игнорируя тот факт, что именно ему человечество должно быть благодарно своим появлением на свет. И, может быть, единственной претензией, которую мы можем предъявить ему, является его выбор. Может, ему следовало взять для эксперимента не Блаттоптера сапиенс — тараканов разумных, а каких-нибудь насекомых посимпатичней.

Матвей вспомнил гигантских хищных бабочек и невольно улыбнулся.

Рыков совсем утонул в кресле, маленький, тихий, незаметный, но полный внутренней силы и свободы.

— Вы хорошо подумали о последствиях, идущий? — Комиссар-два «Чистилища» особо выделил интонацией последнее слово, как бы давая понять, что разбираться с Матвеем будут на уровне более высоком, чем просто физическое воздействие.

— Мне многие говорили, что я иду не тем путем, каким следует, но путь, предлагаемый вами, — точно не мой. И ради Бога, не продолжайте в том же духе, иначе я разочаруюсь в той организации, которую вы представляете.

— Хорошо, не буду, — легко согласился Рыков. — Надеюсь, вы понимаете, чего хотите и что можете потерять. Примите один совет: прекратите свои исследовательские походы к МИРам Инсектов. Ни к чему хорошему это не приведет. Засим разрешите откланяться. — Рыков встал, отвесив короткий поклон.

Матвей, ответив столь же вежливым поклоном, проводил гостя до двери.

— Скажите, участившиеся столкновения спецслужб — ваша работа? Зачем вы это делаете, скажите?

— Регуляция социума — дело тонкое, — улыбнулся Рыков. — Поразмышляйте об этом на досуге. Думаю, вы понимаете, что о нашей встрече не стоит распространяться, даже друзьям.

Матвей закрыл за Германом Довлатовичем дверь и вдруг до

боли в сердце захотел увидеть Кристину, обнять ее, прижаться к ее лицу...

Но вместо этого... склонившись щекой к холодной дверце шкафа в прихожей, он тихо, выразительно проговорил вслух, будто его кто-то мог услышать:

Я коней напою,
Я куплет допою,
Хоть мгновенье еще постою
На краю...[1]

УЛЬЯНА МИТИНА

О том, что Матвей арестован и сидит в камере предварительного заключения внутренней тюрьмы ФСБ, Василий узнал не от своих приятелей из трех «К», а из уст совершенно незнакомой девушки. Произошло это так.

Балуев вернулся домой после встречи с Шевченко, на которой уточнялись детали предстоящей операции по захвату одного из депутатов Думы, ошалевшего от власти, с неохотой поужинал и улегся на диван, размышляя о своих отношениях с Ларисой. Массажистка объявилась в Москве, в Институте мануальной терапии, но на приглашение Василия «вспомнить радости жизни» и допить «недопитую чашу восторга» ответила отказом. Она явно не спешила встречаться с бывшим инструктором Рязанской школы безопасности, чем повергла того в состояние горестного недоумения. В глубине души он уже окончательно сдался и был готов связать себя узами Гименея.

Именно в этот момент невеселого подведения итогов жизни и раздался телефонный звонок. Сняв трубку, Василий был несколько ошарашен, поскольку звонила какая-то девица с красивым, но застенчиво-робким голосом:

— Василий Никифорович?

— Я, — рявкнул Балуев, считая, что его разыгрывает Шевченко. — Чего надо?

Девушка на том конце провода от испуга едва нашла в себе силы умоляюще произнести:

— Не сердитесь, пожалуйста! Я понимаю, что вы очень заняты, но дело в том... речь идет о вашем друге, Матвее Соболеве...

Василий понял, что если тут и пахнет розыгрышем, то никак не со стороны Валеры Шевченко.

— Говорите.

---

[1] Высоцкий В. Кони привередливые.

— По телефону неудобно... Давайте встретимся через час в городе. Вы в клубе «Экипаж» бывали?

— Тот, что в Спиридоньевском переулке? Насколько я знаю, вход туда только по клубным карточкам.

— Подъезжайте к парадному входу к девяти часам, я вас встречу. И не волнуйтесь, это не ловушка.

— Пусть море волнуется, — буркнул изумленный и встревоженный Василий. — Кто вы? Как я вас узнаю?

— Меня зовут Ульяна Митина. Узнаете, — пообещал голос, и тут же трубка запищала короткими гудками отбоя.

Размышляя, не ловушка ли это все-таки и откуда Ульяна знает его телефон, Василий побрился, переоделся в вечерний костюм, чего давно уже не делал, и поспешил к метро. В девять он подошел к неброскому, но изящному крыльцу клуба «Экипаж».

Две минуты понаблюдав за входом, Василий мельком взглянул на грациозную фигурку девушки в прозрачном плаще, стоящей под фонарем в стиле петровских времен, и подошел к ней.

— Здравствуйте, не меня ли вы ждете? — Василий хотел добавить: мисс, но слова застряли в горле, когда он разглядел лицо незнакомки. Такой чистой, типично славянской красоты ему еще видеть не доводилось никогда.

Девушка печально улыбнулась, слегка иронично и смущенно.

— Я Ульяна, а вы Василий. Идемте?

Василий молча поклонился, словно проглотил язык, не сводя с девушки восхищенных глаз. Опомнился вдруг в какой-то момент.

— Извините, но я никак не думал... и, случайно, не вы Матвею когда-то звонили, предупреждали?..

— Он что, вам все рассказывает?

— Не все, но многое. Разве в этом есть криминал?

— Напротив, мне легче будет разговаривать с вами.

Они поднялись по ступенькам к стеклянной двери, Ульяна показала рослому молодому стражу какие-то голубые «корочки», и второй очень вежливый молодой человек во фраке проводил их из гардероба в ресторанный зал.

Клуб «Экипаж», где с давних пор коротал время с двух дня до двух ночи столичный бомонд, славился своим европейским шиком, соединенным с русским гостеприимством. Великолепная кухня, вежливые улыбающиеся официанты, прямо-таки домашняя атмосфера располагали к задушевной беседе и расслаблению. По четвергам и пятницам играл джаз, в другие дни выступали известные певцы и актеры. В этот день играли «Виртуозы Москвы» под управлением Спивакова, но Балуев со спутницей сели подальше от эстрады, чтобы поговорить в способствующей инти-

му полутьме вдали от почти не доносившихся сюда звуков музыки.

Насмотревшись на вечерние туалеты от Fendi и Louis Ferand, костюмы класса «люкс» и «креатюр», стильные «прикиды» по моде «милитари», «пилот» и «мадам Неглиже», Ульяна и Василий заказали фирменное блюдо «форель по-императорски», шампанское, закуски и наконец заговорили на тему, ради которой и встретились здесь.

В черном платье из парчи, с единственным украшением — бриллиантовым колье в вырезе платья, Ульяна выглядела элегантно, и простота ее туалета была кажущейся: это был настоящий и первоклассный шик, оттеняющий красоту девушки и подчеркивающий ее природные данные.

А волосы, а глаза, а губы! — хотелось воскликнуть Василию, потому что сравнить привлекательность Ульяны ему было просто не с чем. В отличие от Матвея, он не видел по ночам во сне Светлены, не встречался с Ульяной — студенткой медицинского института. Если бы здесь был Соболев, он сразу уловил бы разницу в поведении той девочки и этой красавицы, чуть грустной, застенчиво-мягкой, но уверенной в себе и естественно независимой в каждом движении, в каждом жесте.

— Кто вы? — спросил Василий, пытаясь взять себя в руки, понимая, что попал под колдовское влияние Ульяны, но не слишком обеспокоенный этим обстоятельством.

— Человек Внутреннего Круга, — сразу поняла его собеседница. — С недавних пор — отступница, как и двое моих друзей. И мне нужна ваша помощь, потому что больше мне не к кому обратиться.

— Можете на меня положиться, — сказал Василий, открывая шампанское и разливая по бокалам. — Это с виду я грубый и неотесанный, а внутри я мягкий и пушистый.

— Вижу! — улыбнулась Ульяна. — Но не тревожьтесь, я не попрошу вас продать душу...

— Отчего же, я согласен, — вставил Василий, тут же запретив себе перебивать девушку и вообще производить на нее впечатление.

— Речь идет о вашем друге, — продолжала Ульяна. — Он сейчас находится во внутренней тюрьме Лубянки, но это не самое страшное...

— Что?! — не поверил своим ушам Василий. — Матвей в тюрьме? За что? Откуда вы знаете?.. Ах да, Внутренний Круг... И все же?

— За отказ работать на службу безопасности. Но, повторяю, это не самое плохое — оттуда он выберется. Но Матвей оказался замешанным в схватку иерархов и Монарха, и надо помочь ему

выбраться из этой гибельной трясины. Я и... мои друзья поможем ему, конечно, насколько нам хватит сил, однако у нас появились свои проблемы... короче, надежда на вас, Василий.

— Каким образом Соболев оказался вовлеченным в борьбу таких мощных фигур, как иерархи и Монарх?

— Ему предложили убрать с политической арены высших государственных лиц: директора ФСБ, министра обороны, координатора «Чистилища» и других.

— Кто предложил?

Ульяна допила шампанское, взглядом попросила разрешения закурить, достала мятные сигарки «Афанеор». Василий щелкнул пальцами, и официант, наблюдавший за ними от своего рабочего места, моментально подскочил и поднес зажигалку.

— Вы слышали что-нибудь о Союзе Девяти Неизвестных?

— Только в пределах доступной всем эзотерической литературы: Успенский, Флоренский, Рампа...

— Этого достаточно, чтобы вы поняли, о чем идет речь. Неизвестные — особая группа Внутреннего Круга, практически откололовшаяся от него, образовавшая замкнутую касту «регуляторов Закона». В каждой стране есть свой Союз Неизвестных, но лишь в нашей он — Союз Девяти, в остальных — Союзы Семи, Пяти и Трех. Но эти люди действительно способны изменять ход истории в нужную им сторону. Они не вмешиваются и не участвуют в событиях, они их организуют. Не знаю, ошибаются ли они в оценках событий, но, если принимают решение, оно всегда выполняется. Потому что они не только Посвященные, люди Круга, но в большинстве своем авеши иерархов.

Ульяна улыбнулась, но грусть и печаль в выражении ее лица стали заметнее.

— Недавно Союз Девяти за нарушение Закона молчания вынес решение наказать некоторых Посвященных...

— Мауна, — пробормотал Василий. — Некоторые — это вы?

— Да. И двое моих друзей, которых вы тоже знаете.

— Парамонов и Самандар?

— С вами легко общаться, — подарила еще одну очаровательную улыбку Ульяна. — Теперь я понимаю, почему вы сошлись с Матвеем. Собственно, я все вам рассказала. Представитель Союза Девяти предложил Соболеву ликвидировать важных деятелей государства, это их стиль — находить исполнителей и таким образом решать любые проблемы. Матвей отказался, и теперь сам попал под удар. Не знаю, когда им займутся те, кого наймут Девять Неизвестных, но рано или поздно это случится, они нанесут удар. Причем процесс охоты такого рода напоминает океанские волны: не сработала одна — поднимается другая, еще выше, за ней — третья, четвертая... девятый вал, до тех пор пока цель не

будет достигнута. В лексиконе Девяти операция уничтожения так и называется: «волны выключения».

— Сурово! — вымолвил притихший Василий. — Но Матвея не так-то легко взять, вы же знаете его возможности. К тому же он получил недавно пакет наставлений по системе... — Василий прикусил язык, понимая, что проговорился.

— Все-таки Горшин-отступник добился своего, — еще больше погрустнела Ульяна. — Передал Матвею тайную систему касаний смерти.

— Он никогда не станет применять ее без нужды!

— Верю, и все же... — Девушка едва прикоснулась вилкой к кусочку форели в тарелке. — Это не панацея от гнева иерархов. А они тоже настроены против Соболева.

— Они-то почему? Какие их планы он нарушил?

— Пока никакие. Но в будущем...

— Иерархи способны видеть будущее?

— Как и все люди Круга.

— И они боятся, что Матвей вмешается в их дела? Чушь какая-то!

Ульяна неопределенно пожала плечиком, и это движение почему-то убедило Василия в том, что девушка знает о способностях Соболева гораздо больше, чем говорит о них.

— Ну и дела у вас творятся в высших сферах! — фыркнул он. — Какой уж там идеал!

— Идеальное общество невозможно построить в принципе. Во всяком случае, в нашем секторе «розы реальностей», где царствуют Инсекты. Структура власти, как у нас на Земле, так и в других реальных слоях Мироздания, где живут иерархи, перенесена прямо из термитника... или муравейника: вождь или командир с помощью палачей и ликвидаторов, держа в страхе подчиненных, живут в свое удовольствие... а главным для них было и остается одно: иметь власть и не работать; тогда при всей умственной ограниченности и духовно-психической их неполноценности, неумении что-то делать, можно жить *лучше* тех, кто знает, умеет и делает.

— Вот это да-а! — присвистнул Василий. — Кошмар! И у вас... людей Круга — то же самое?!

— Люди Круга — такие же потомки насекомых, как и остальные люди, разве что мудрее и ответственнее. Они-то как раз и не хотят вмешиваться во властные разборки. У иерархов амбиций больше, в нашей запрещенной реальности они хотят контролировать любые процессы, стоять *над законами*, сами *быть законами*.

С минуту они не разговаривали, делая вид, что поглощают остывшую форель. Потом Василий поднял голову.

— Каковы же наши шансы? Что вы предлагаете сделать?

Ульяна поняла Балуева, словом «наши» определившего степень своего личного участия в судьбе Матвея Соболева.

— В принципе надо остановить грядущий «черный передел» власти, войну всех против всех. Союз Девяти решил правильно: для достижения этой цели достаточно устранить сильные политические фигуры, которые вы знаете. Это самый простой способ. Есть еще один — нейтрализация этих фигур, выключение из сферы реальной власти с помощью дискредитации, безболезненного ухода в отставку. Но этот способ не сработал, несмотря на провокационные натравливания спецслужб одна на другую. Союз Девяти начал торопиться. Нам же торопиться надо не спеша. Может быть, стоит обратиться напрямую к президенту, заставить его поверить в сценарий войны. Может, достаточно будет подключить к решению проблемы начальника службы безопасности президента... Я не знаю, что нужно сделать.

— Не думаю, что ключ к решению — в подключении Коржанова, — сказал Василий, удивляясь, с какой легкостью Ульяна оперирует чисто мужскими понятиями и категориями. — Он спит и видит себя вторым лицом в государстве... если не первым.

— Не судите того, кого мало знаете. Коржанов властолюбив, но искренне верит в идеалы справедливости и чести.

«Что не помешает ему стать вторым Дудаевым или диктатором помощней, когда он придет к власти», — подумал Василий.

Помолчали еще некоторое время. Ульяна рассеянно поглядывала по сторонам, оценивая вечерние туалеты дам, Василий больше смотрел на нее и никак не мог настроиться на деловой лад. Чтобы как-то справиться с неловкостью, он пробормотал:

— И все же я не понимаю, чем Соболев может угрожать иерархам?

— Он по рождению — *проникающий*, то есть обладает способностью черпать из астрала и ментала любую информацию. А после коррекции Горшина Матвей приобрел возможность преодолевать порог взаимодействий реальностей, хотя и не знает, как этим воспользоваться.

— И как же?

— Представьте, что эхо вашего крика отозвалось за тридевять земель и вызвало горную лавину. Соболев может вызвать «лавину» в глубинах Мироздания.

Василий с недоверием хмыкнул.

— Тогда почему вы беспокоитесь за его жизнь, если он может сам за себя постоять?

— Иерархи поставили эго-блок на его астральной частоте. Иными словами, заблокировали ему выход в поля информации астрала и ментала. Так поступили когда-то и с Горшиным.

Василий не нашелся что сказать и молча пил кофе, пока не задал еще один вопрос:

— Почему все-таки Аморфы сделали Изменение?

— Предтечи человечества — Инсекты — добились слишком большой и опасной власти над природой, чтобы им позволили жить дальше. Но на эту тему поговорите лучше с Матвеем, он знает причину.

— А как выглядели Аморфы?

Ульяна перестала оглядывать зал, с мягкой улыбкой развернула салфетку на столе.

— Карандаш или ручка есть?

Василий достал свой «Паркер», и девушка изобразила внешний вид Аморфа:

мыслящее на уровне «сотворения миров»,
живое,
мыслящее на уровне человеческого социума,
полуживое,
чувствующее и понимающее
на атомарно-молекулярном уровне,
неживое.

Василий ожидал увидеть жуткое чудовище, кошмарного монстра, поэтому был удивлен и разочарован.

— Так... просто?

Ульяна засмеялась.

— Это лишь схема. Аморф — не существо, а разумная система, живущая во многих измерениях... К сожалению, мне уже пора идти.

— Я провожу... — Но Василий вдруг почувствовал на своей спине острый, прицеливающийся взгляд и увидел, как изменилось лицо Ульяны. — Сидите спокойно, — посмотрел он на нее.

— Уходите! — тихо и быстро сказала девушка.

— Черта с два!

— Вы мне все равно не поможете, а сами пострадаете.

— Это мы еще посмотрим. Неужели это обещанная вами «волна выключения»? Так скоро?

— Уходите же!..

В следующее мгновение Василий, определивший направление взгляда Ульяны, метнул бокал в щель портьеры, скрывающей выход в подсобные помещения, откуда высунулась рука с пистолетом. Впрочем, это был не обычный пистолет, а «глушак», Василий узнал его мгновением позже, посылая в ту же сторону и авторучку. А затем прыгнул за нею следом сам — мимо остолбеневшего официанта.

Бокал с шампанским угодил обладателю «глушака» в грудь, разлетелся на стеклянные брызги, сбив прицел, и луч суггестора

накрыл столик рядом с тем, за которым сидела Ульяна. Авторучка же, запущенная Балуевым со знанием дела, вонзилась в руку, которая держала «глушак». Второго выстрела не последовало. Нападавший с тихим вскриком выпустил его, а в следующий миг рядом с ним появился Василий и послал этого человека (приличный черный костюм, галстук-бабочка, прилизанные волосы, бледное лицо типичного администратора) в глубокий транс прямым сомэн-цуки дзёдан[1]. Забрал «глушак», выглянул из-за портьеры, молча поманил Ульяну. Прошло всего несколько секунд с момента нападения, и шум в зале еще не возник, официанты, все как по команде, успели лишь оглянуться в направлении кухни.

Оказавшись за портьерой, они выбрались затем в коридорчик, выходящий во двор клуба, встретив по дороге у раскрытой двери на склад лишь двух курящих девиц в платьях-«перчатках». Василий прошел мимо, поддерживая Ульяну под локоток, делая вид, что они вышли по той же причине — покурить, но обострившаяся интуиция внезапно подсказала ему, что надо делать в следующее мгновение.

Толкнув Ульяну вперед, к выходу, Василий, не оборачиваясь, ударил ногой за спину, попал (изумленно-сдавленный вскрик одной из девиц), нырнул на пол, увертываясь от удара второй девицы, и достал ее ногой, ударив по ногам и сразу определив, что туфли на девице — с металлическими накладками на носах и металлическими каблуками. Такие могли принадлежать только воительницам из батальона «Щит», Василий это хорошо помнил.

Извернувшись, он прыгнул выгибом вперед на ноги, встретил блоком удар первой девицы и без жалости ответил в стиле Джет Кун До[2], перебив ей ключицу. Второй «амазонке», владеющей жестким карате на уровне третьего дана, он показал уход с линии атаки и тычковый удар в нервный узел под левой грудью. Не оглядываясь, догнал Ульяну, уже ждущую у выхода, снова переживая потрясение от красоты ее лица (огромные глаза, пунцовые полуоткрытые губы, изящный нос, линия изогнутых бровей). Выглянул во двор и, никого не заметив, первым вышел в холод октябрьского вечера.

Оставив Ульяну на улице в тени деревьев, за толстым стволом акации, он вернулся в клуб за своей курткой и плащом спутницы. Потом поймал такси, уже не опасаясь повторного нападения, и отвез девушку на Самотеку, где она, по ее словам, остановилась у подруги. Прощаясь, сказал, придерживая ее руку в своей:

---

[1] Сомэн-цуки дзёдан — прямой удар в верхнюю плоскость тела.

[2] Джет Кун До — «путь опережающего кулака», развитие системы Брюса Ли Дэном Иносанто и Полом Ванеком.

— Почему бы вам не держаться всем вместе? Самандару, Парамонову и вам? Легче было бы отбиваться.

Ульяна не спешила отнимать руку и только покачала головой.

— Во-первых, мы не можем все время быть вместе. Во-вторых, не имеет смысла постоянно прятаться, убегать. В-третьих, я не уверена, что они приходили за мной. Слишком примитивен... — Она замялась.

— ...Уровень «выключения»? — подсказал слегка оскорбленный Василий, в глубине души понимая, что девушка права.

— Не обижайтесь, — шепнула Ульяна, прижав его руку к своей груди. — Посвященных наказывают иначе. Спасибо вам... за все... и берегите Матвея. — Она исчезла за дверью подъезда (Василий уже обследовал его), но тотчас вернулась. — На всякий случай запишите телефоны Парамонова и Самандара.

— Я запомню, говорите.

Ульяна продиктовала номера, махнула рукой и исчезла, оставив после себя легкий аромат духов, одной ей присущего запаха и какого-то особого свечения, напоминающего ауру. Василий окунулся в эти запахи, в это свечение, зажмурив глаза, постоял немного, страстно желая, чтобы девушка опять вернулась и позвала его. Так и не дождавшись желаемого, побрел к метро.

По мере того как он удалялся от дома Ульяны, самообладание возвращалось к нему, улучшалось настроение, хотелось работать, восстановилась способность трезво смотреть на вещи. И тут же вспомнились советы Ульяны, касающиеся Соболева. Когда Балуев подъехал к своему дому, главным его ощущением была тревога за друга. Но тем не менее Василий понимал, что образ Ульяны отныне будет неотступно сопровождать его повсюду, маня и притягивая.

Гостя в квартире он почувствовал, едва переступив порог прихожей. Бесшумно открыл шкафчик для обуви, вытащил пистолет, сделал два шага к гостиной и услышал голос:

— Не поднимайте шума, Василий Никифорович.

Он вошел в комнату и увидел сидящего в кресле комиссара-два «Чистилища» Рыкова.

— Извините за вторжение, но я счел этот способ контакта наиболее приемлемым.

— Что вам надо? — Василий демонстративно переложил пистолет из правой руки в левую.

— У нас к вам деловое предложение...

— Наподобие того, что вы сделали Соболеву? — Балуев сказал первое, что пришло в голову, и по реакции гостя понял, что попал в точку. Оживился, честно признался: — Разрази меня гром! Никогда бы не подумал, что вы — член Союза Девяти!

— Откуда вы... знаете? — почти беззвучно выговорил Рыков.

— Собака воет — ветер носит... Меня только что хотели «выключить». Не с вашей ли подачи? Хотя, наверное, еще рано. Однако разговора у нас с вами не получится. Уходите!

Рыков молча встал, прошел в прихожую, обернулся.

— Не знаю, откуда вам стало известно о Союзе Девяти, хотя и догадываюсь. Самандар? Парамонов? Не суть важно. Но вы себя поставили в очень неловкое положение, ганфайтер, поставили в положение дичи. Вам не сказали, что мы *всегда* добиваемся поставленной цели?

Василий выстрелил. Пистолет был с приставкой глушителя и гильзоуловителя, поэтому звук выстрела походил скорее на хлопок в ладони. Пуля прошла в миллиметре от уха Рыкова, вонзилась в портрет президента на стене.

— Вы тоже сделали ошибку, господин комиссар, — сказал Василий ровным голосом. — В случае чего я буду знать, кого искать.

ПЕНА ПЕРВОЙ
«ВОЛНЫ ВЫКЛЮЧЕНИЯ»

Матвей вышел из машины, захлопнул дверцу и, не успев сделать и шага, ощутил всем телом колоссальной силы удар.

Впечатление было такое, будто удар был нанесен по каждой клеточке тела, причем не только по наружному покрову, но и внутри! Боль ощущалось всюду, адская боль...

Очнулся он от тишины.

Стоял, пустой и звонкий, очищенный от шелухи каких бы то ни было мыслей и чувств, онемевший, в непонятном, странном мире, где были разлиты покой и неподвижность. Нет-нет!.. Матвей находился все там же, куда и приехал: это было подмосковное Бутово, справа — бетонный забор воинской части, слева гастроном, почта, пивной бар... Все осталось на своих местах, словно удар, отключивший Соболева на какое-то время от реальной действительности, не подействовал на урбанистический пейзаж. Но стоило повнимательней оглядеться, как становилось понятно, что *подействовал*.

Здесь не было видно ни единого человека, не было слышно ни звука торопливой человеческой жизни. Застыли коробки троллейбусов и автобусов, пустые, как скорлупа съеденных орехов; обезлюдели тротуары, подъезды домов, дороги. Исчезли пешеходы, пассажиры и водители машин, затихли магазины и рынок невдалеке. А над вымершим городом тускло застыл светящийся лик скорбящей Богородицы...

Озираясь, Матвей сделал шаг назад, к машине, задел что-то ногой — оказалось, огромный арбуз, который откатился к бор-

дюру тротуара, ударился о него и раскололся. Но вместо семечек из сахарно-красного нутра посыпались... тараканы!

Матвея так и передернуло, но прежде, чем проснуться, он пригляделся к насекомым и понял, что это вовсе не тараканы, а крохотные человечки! ..

Когда открыл глаза, то не сразу сообразил, что лежит на узкой и жесткой кровати в камере с единственным зарешеченным окном и голыми стенами. За дверью с круглым смотровым глазком слышались голоса, шаги, позвякиванье ключей, гул открываемых дверей. Матвей проснулся как раз перед побудкой.

Все еще размышляя о деталях сна, он внезапно осознал, что этот сон — предупреждение! Причем адресован не ему лично, а всем принимающим, видящим суть вещей, и означает одно: кто-то из глубин реальных слоев Мироздания, иерархи либо Аморфы, чье терпение не беспредельно, передал последнее предупреждение о грядущем Изменении!

Матвей вспомнил свой последний разговор с Парамоновым.

— По сути, мы — единственные оставшиеся представители рода хомо сапиенс во Внутреннем Круге, — сказал Иван Терентьевич. — Наблюдаются все характерные признаки эволюционного тупика — гипертрофия функций, приводящая к прогрессивно растущему нарушению законов и гармонии. Например, то же самое наблюдалось и при Инсектах, и в эпоху мезозоя у ящеров — ничем не оправданное увеличение размеров и массы рогов, панцирей, когтей и зубов, клыков у саблезубых тигров и львов. У человека же рогам и зубам адекватна технология уничтожения: химическое, бактериологическое, ядерное оружие и самое страшное — психотропное, изменяющее сущность человека, превращающее живых людей в «зомби», готовых выполнить любой приказ. Стоит ли удивляться тому, что в какой-нибудь прекрасный момент Аморфы или кто-то другой сделает другое Изменение?..

— Нас тогда уже не будет, — проговорил Матвей.

— Кто знает? — печально ответил Парамонов. — Может быть, это произойдет завтра?..

— Если это и произойдет, — сказал Матвей, возвращаясь к яви камеры внутренней тюрьмы ФСБ, — то не по моей вине.

Теперь он был абсолютно уверен, что сон, только что увиденный им, на самом деле является *предупреждением*. Может быть, последним...

Сделав зарядку и сходив на завтрак с десятком других заключенных, сидевших в камерах-одиночках, Матвей вернулся в свою клетку и стал экспериментировать с медитацией. Но ни одна попытка выйти в астрал не прошла! Состояние меоза не наступало. Это означало, что Матвея, как когда-то Тараса Горшина,

отключили от всемирного поля информации. Полагаться он теперь мог только на свои природные данные и развитую интуицию.

То, что выход в ментал заблокирован, Соболев понял еще вчера вечером, попытавшись подняться на уровень астрала, позволяющий видеть-чувствовать родственные души, связываться тонкими энергиями с любимым человеком. Но ни Кристина, ни Ульяна, ни Василий со Стасом не отозвались даже в чувственной сфере, и Матвей прекратил попытки, испугавшись мрачной перспективы. Следовало разобраться в этом положении, прикинуть резко сузившиеся возможности и действовать адекватно обстоятельствам. Действовать, а не предаваться унынию.

И все же потеря была велика!

Неясное чувство тревоги заставило Матвея сосредоточиться на своих ощущениях, и в то же мгновение он нырнул с койки на пол.

Странный звук — словно лопнул стеклянный бокал — коснулся его слуха, и над спиной возникла тонкая смертельная струна, протянувшаяся от двери к стене. Матвей увидел ее, потому что готов был увидеть: струна была лучом инфракрасного лазера или еще какого-то излучателя. «Игла Парабрахмы» — тотчас всплыло в памяти название оружия Инсектов. Потом забрезжила и догадка...

Матвей полежал на полу, прислушиваясь к звукам в коридоре, но ничего не услышал и осторожно приблизился к выходу. На высоте полутора метров из двери торчал металлический штырь длиной в сантиметр, направленный чуть наискосок, в сторону койки. Матвей подошел к ней и над подушкой в штукатурке увидел сантиметровое отверстие. Пришла трезвая мысль: если бы он своевременно не свалился с койки, точно такая же дырка появилась бы в его голове с одной стороны, а штырек — с другой.

В него выстрелили не из лазера, а из «дырокола»!

Измерив шагами периметр камеры — шесть шагов в длину, четыре в ширину, — Матвей принял решение. Подошел к двери, несколько раз ударил в нее кулаком. Через минуту с глазка откинулась шторка, сверкнул чей-то глаз.

— Чего шумишь?

— Передай начальству, я должен поговорить с генералом Первухиным. Срочно!

Глазок захлопнулся.

За Соболевым пришли через полчаса. Две гориллы в черных мундирах вошли в камеру, привычно обыскали арестанта и вывели в коридор. Матвей посмотрел налево, встретил взгляд дежурного и подмигнул ему. Во взгляде верзилы отразилось беспокойство, но лицо осталось неподвижным. Вряд ли «дыроколом» вос-

пользовался он — скорее всего, возле камеры останавливался кто-то из начальников изолятора. Узнать бы, кто именно...

Соболева повели во двор, потом — в левое крыло особняка, соседствующего со зданием тюрьмы, передали трем молодым мужчинам в штатских костюмах. Пропетляв по переходам между зданиями, коридорам и лестницам, конвоиры доставили арестованного на третий этаж, в приемную начальника Управления спецопераций. Сами остались в коридоре. В приемной Матвея ждали еще двое крепких парней и адъютант генерала, подтянутый седой подполковник. Кивком он указал на дверь в кабинет Первухина.

— Не задерживайся.

Кабинет генерала был меньше, чем представлял себе Матвей, и казался каким-то неухоженным, неуютным. Видимо, Первухин появлялся здесь редко. Кроме самого хозяина, тут находился его второй заместитель полковник Андреев, симпатичный крепыш с выгоревшими бровями и соломенными усиками.

— Надеюсь, его предложения будут весомыми, — сказал он, обращаясь к Первухину, но глядя на Соболева. — Хотя веры ему все равно нет никакой.

— Именно об этом я и хотел поговорить. О вере, — кивнул Матвей, подойдя к массивному рабочему столу генерала. — Сотрудничать я с вами больше не собираюсь, так как вижу, к чему все это может привести. Убийцей сделать меня вам не удастся, какими бы высокопарными ни были разговоры о важности цели. А поскольку только что в меня стреляли из «дырокола», то финал ясен. Я даже не буду выяснять, кто это сделал и по чьему приказу.

— Ерунда какая-то! — сердито проговорил Андреев.

— Вы серьезно? — поднял брови Первухин. — В вас стреляли?!

— Шучу я редко и только со своими друзьями, — тихо ответил Матвей. — А теперь, генерал, мы с вами пройдемся к выходу и расстанемся. На воле у меня много неотложных дел.

— Как это — пройдемся? — не понял Андреев.

Первухин сделал движение рукой, и в то же мгновение Матвей в режиме ускорения перелетел через стол, парализовал руку генерала и буквально снял ее с кнопки звонка. Затем, почти не меняя позы, над столом нанес удар ногой по подбородку полковника, схватившегося было за кобуру пистолета.

— Прошу прощения, — все так же тихо сказал Матвей упавшему вместе со стулом заму Первухина. — Но третий — лишний. — Повернул голову к генералу. — Надеюсь, вы понимаете, что терять мне нечего?

Первухин посерел от боли, но нашел силы улыбнуться.

— Директор меня уволит к чертовой матери! Нельзя ли как-

нибудь вернуть руке чувствительность? Обещаю сделать все, что требуется.

Находя нужные точки, Матвей сдавил локоть генерала, и, судя по заблестевшим глазам пострадавшего, рука стала слушаться.

— Дьявол! Надо признаться, вы все-таки великий мастер, но ни черта не смыслите в политике, живете в придуманном мире, где еще сохранился дух рыцарства... давно сдохший в реальной жизни. Идемте! — Первухин обрел прежний властный вид и пошел к двери. На пороге кивнул на лежащего Андреева. — Он не окочурится?

— Не беспокойтесь, через полчаса очнется.

Они вместе вышли в приемную, пересекли ее под взглядами вскочивших со стульев адъютанта и телохранителей генерала.

— Мы сейчас вернемся, — глянул через плечо Первухин. — Подготовьте телезапись.

— Проводить? — спросил старший группы охраны.

— Не надо, мы ненадолго.

Те же слова Первухин повторил и двум конвоирам в коридоре, приказав им никуда не отлучаться.

В молчании они с Соболевым пересекли холл, спустились по лестнице на первый этаж и, миновав пропускной пост в конце крыла здания, вышли в переулок. Прошло ровно шесть минут с момента их выхода из кабинета, и время у Матвея, чтобы скрыться, еще оставалось.

На небольшом пятачке, образованном узорчатой решеткой забора, торцом здания и изгибом переулка, стояли три машины. В одной из них — великолепном белом «Линкольне» типа «Марк-8» — сидел шофер и курил, ожидая кого-то. Первухин посмотрел на него, потом на Матвея, спрятал в глазах насмешливый огонек и подошел к автомобилю. Достал удостоверение:

— Генерал Первухин, начальник УСО. Этому молодому человеку срочно требуется попасть по назначению.

— Но я жду полковника Баканова...

— Я передам полковнику, чтобы он полчаса потерпел. Долго вас этот молодой человек не задержит.

— Ну, коль приспичило, поехали.

— Спасибо, — сказал Матвей, пристально разглядывая Первухина; в принципе он не рассчитывал, что с такой легкостью удастся освободиться. — Жаль, что так получилось, генерал.

— Я понимаю, вы тоже мне симпатичны, майор, но... лучше бы вы этого не делали.

Матвей обошел машину, сел рядом с шофером, и «Линкольн» почти беззвучно тронулся с места, вливаясь в поток машин на площади.

Он и в самом деле долго чужой транспорт не задержал, отпус-

тил машину возле станции метро «Боровицкая», не сказав водителю, молодому бородатому мужику с крестом на шее, ни слова. Проехал одну остановку, пересел на «Чеховской» на другую ветку и через полчаса был в квартире у Василия.

— Тебя выпустили? — тупо спросил Василий, ошеломленный неожиданным появлением того, кого он вознамерился спасать.

— Сам ушел, — ответил Матвей, ощущая потребность обнять друга и с трудом преодолевая это желание. — Ты куда это собрался?

— Тебя выручать. — Василий, одетый в полувоенный комби, подумав, вернулся в гостиную. — Ну, рассказывай. Завтракать будешь?

— Кофе разве что.

Василий принес кофе, и Матвей сообщил все, что с ним произошло, включая освобождение и сон.

— Ясно, — кивнул Василий, выслушав. — Ульяна была права, тебя отключили от ментала, и теперь тебе придется рассчитывать только на чистую физику да на собственную интуицию. В меоз ты уже выйти не сможешь.

Матвей с интересом глянул на сосредоточенно-хмурое лицо друга.

— Ну-ка что ты там насчет Ульяны намекал?

Балуев сжато пересказал свою встречу с девушкой, удивив Соболева чрезвычайно.

— Выходит, Ульяна Посвященная?! — медленно проговорил Матвей, не сомневаясь, что Василий говорит правду. — Как же я сам-то не догадался?

Они посмотрели друг на друга, оценивая чувства, с какими каждый говорил о новостях. Василий мрачно улыбнулся.

— Что будем делать, ганфайтер?

— Прежде всего думать! — быстро пришел в себя Матвей. — Не хандрить, не ходить с такой кислой рожей, как у тебя. Угнетенная мысль, направленная на несчастье, этому несчастью способствует. Пусть доступ на уровень Великого мне закрыт, но это не причина поднимать руки вверх и сдаваться в плен обстоятельствам. Предлагаю найти Парамонова и Самандара и вместе отразить «волны выключения». А еще лучше — разобраться с теми, кто заказывает музыку, то есть отдает приказы на включение «волн». Первый — это Рыков, не так ли? Кстати, он знает, где ты обитаешь, потому надо убираться отсюда.

— Да я давно готов! — Василий кивнул на две большие черные сумки. — Кое-какое снаряжение да одежда.

— Тогда пошли.

— Куда?

— В одно безопасное место. — Матвей вспомнил о Марии и

со вздохом признался сам себе в душе, что зря не взял ключи от ее квартиры в прошлый раз.

Но они не успели даже закрыть за собой дверь, как зазвонил телефон. Остановились, прислушиваясь к его тихому сигналу. Потом Василий сделал движение к двери.

— Не ходи, — посоветовал Матвей. — Это может быть звонок проверки.

— А если звонит кто-нибудь из наших друзей?

Матвей пожал плечами, и Балуев вернулся обратно в квартиру. Через минуту позвал приглушенно:

— Зайди-ка. — Передал трубку. — Тебя.

Матвей поднес трубку к уху и услышал торопливый голос Ульяны Митиной:

— Матвей, у вас всего несколько минут, чтобы уйти из квартиры Василия подобру-поздорову, поэтому буду говорить коротко. Ельшин собрался в поход за оружием Инсектов...

— Какой Ельшин? — не сразу дошло до Соболева.

— Не перебивайте, наш лучший враг Генрих Герхардович Ельшин. И он очень близок к успеху, потому что ему помогает маршал «СС» Лобанов.

— Где он собирается искать оружие?

— Под своей дачей, где побывали и вы. Если сможете, остановите его. И еще... вашу девушку, Кристину...

— Что с ней?! — выдохнул Матвей.

— За ней отправилась команда полковника Юргена из Минобороны. Может быть, вы еще успеете... прощай...

— Подожди!

— Прощай, ганфайтер, извини за мою неискренность при первых наших встречах, но я не знала, как себя вести... Привет Васе! — И трубка замолчала, словно на другом ее конце оборвали провод.

— Что случилось? — требовательно спросил Василий.

«...Есть ли в твоей системе мира место для меня?» — вспомнил Матвей шепот Кристины. Жаркая волна крови ударила в голову, глаза застлала красная пелена. Голос Василия отдалился и пропал, потом возник снова.

— Да что ты стоишь словно истукан?!

Матвей заставил себя собраться, передал содержание разговора с Ульяной.

— Тогда круто меняем план, — быстро проговорил Балуев. — На самолет — и в Тамбов. К вечеру будем там.

Матвей покачал головой.

— Я полечу один.

— Ты из себя героя не строй!

— Я полечу один! А ты подстрахуй Ульяну, она теперь нуждается в защите больше, чем мы с тобой.

Василий открыл рот и тут же закрыл, так и не произнеся готовые было вырваться возражения, лицо его вдруг стало по-детски смущенным, нерешительным, растерянным.

— Соболь, а ты с ней... ну, она тебе не...

Матвей понял, едва заметно улыбнулся.

— Я люблю Кристину, Баловень, и этим сказано все. Ульяна очень красивая, очень, и безумно похожа на Светлену, проводницу моих снов, но... но моя Кристина — это жизнь!

— Извини, что спросил, мне показалось, что она к тебе неравнодушна... В общем, все понятно! — Василий заметно воспрянул духом, снова обретя уверенность и решительность. — Пора, друг, сматывать удочки. Посажу тебя в самолет во избежание всяких недоразумений и разыщу Ульяну. Вместе мы что-нибудь придумаем. Если в Тамбове все будет в норме, дашь телеграмму, мы встретим. Если нет...

Матвей хлопнул ладонью по ладони друга.

НАЙТИ И УНИЧТОЖИТЬ

Между «сессиями» Союза Девяти их деятельность координировал заместитель директора Международного института стратегических исследований Головань, но в зонах ответственности каждого из членов Союза он не имел права решающего голоса. Поэтому, когда Рыков доложил ему о возникших в реализации решений последней «сессии» затруднениях, Головань лишь посоветовал подключить к проблеме других Неизвестных — Юрьева и Носового. Что Рыков и сделал.

Встреча Трех из Девяти состоялась на одной из конспиративных квартир, принадлежащих Союзу, в доме на Новом Арбате. Обстановка квартиры была спартанской и не располагала к отдыху. Каждый имел свой ключ и пришел один, поэтому ни о каких напитках, кроме чая, мечтать не приходилось. Сурового вида джентльмены, одевающиеся в костюмы французских и итальянских модельеров, молча уселись вокруг столика в низкие кресла. Рыков помыл на кухне купленные им лично фрукты: киви, ананасы и бананы, принес чай; по обыкновению сел так, чтобы лицо его было скрыто в тени.

— Незрелый ананас для человека справедливого, — сказал с усмешкой Носовой, беря в руки фрукт и демонстрируя знание классика[1], — всегда хуже спелой смородины.

[1] К. Прутков.

— Не хочешь — не ешь, — ответил советник президента, — а критиковать фрукт не надо. Я, например, смородину не люблю. Знаете, что мне предложил Коржанов не далее как вчера вечером в приватной беседе? Взял меня за пуговицу и сказал: почему бы нам не обложить данью все мафиозные структуры в стране? Создать специальную рэкет-бригаду на государственном уровне, назвать ее как-нибудь похитрей, скажем, Комиссией по контролю за финансовым состоянием, и вперед! Пусть платят или распускаются. В противном случае...

— И что ты ему ответил? — спросил Носовой.

Юрьев очистил ананас, отрезал ломтик, съел.

— Нет, ничего, свежий... Я ему ответил в стиле русской пословицы: на чужой каравай рот не разевай. Но к делу, господа.

— Они отказались, — проговорил Рыков своим специфическим, тихим, ничего не выражающим голосом. — Соболев и Балуев отказались послужить «карающей десницей правосудия» в отношении известных нам деятелей. Естественно, я принял решение «погасить» или «выключить» их как опасных свидетелей, несмотря на всю мою симпатию к ним. Однако первая «волна выключения» не сработала. Соболев ушел из-под опеки ФСБ, Балуев сумел обезвредить киллер-команду, вооруженную «глушаком». Что лишний раз подтверждает высокую кондицию каждого.

— Подготовь вторую «волну выключения» с должной тщательностью, — сказал Юрьев. — В крайнем случае воспользуйся командой внедрения иерархов ПАН с подключением ПРОПАЛ[1].

— Я не исчерпал всех своих возможностей по тихому регулированию, но потребуется ваша помощь. Идея заключается в следующем: надо сделать так, чтобы наши фигуранты Соболев и Балуев все равно выполнили задачу, как бы непреднамеренно, то есть надо спровоцировать их на ликвидацию фигур дестабилизации: директора ФСБ, министра обороны, координатора «Чистилища» и других.

— Идея хорошая, — оценил Носовой. — Я так понимаю, что моя личная задача состоит в том, чтобы настроить соответствующим образом лидера Сверхсистемы и дать знать об этом фигурантам.

— Хейно Яанович, вы, как всегда, блестяще вникаете в глубины замысла, — сказал Рыков без тени иронии. — Я уже предпринял кое-какие шаги в этом направлении, указав команде Юргена адрес деда Соболева, где остановились его девушка и мальчишка, которого они как бы усыновили. Но этого мало. Владимир Вла-

---

[1] ПАН — подразделение активного наведения, ПРОПАЛ — подразделение разовой оперативно-агентурной ликвидации.

димирович, вам необходимо привлечь свои потенциалы, чтобы фигуранты вышли на Гусева.

— Понял, — кивнул Юрьев. — Это сделать несложно. Но у нас есть еще отступники — Посвященные. Сможем ли найти способ сами наказать их, не привлекая иерархов?

— Вряд ли, — мотнул головой Хейно Яанович. — На уровне нашей зоны их возможности защиты достаточны для паритета.

— Тогда давайте привлечем зоны остальных Девяти, включая Бабуу-Сэнгэ.

— Он не станет заниматься рутинными делами «выключения». Другое дело — ограничение деятельности «вселенных» копий Монарха или, как их называют наши фигуранты, авешей Монарха. Эта задача потрудней и поинтересней. Вот список. — Рыков положил на стол листок бумаги. — Давайте думать, с кого начнем и что предпримем.

Директору ФСБ позвонил начальник бюро анализа Управления «И» и попросил аудиенции. Коваль не возражал, хотя и удивился. Рыков очень редко напоминал о себе, как и положено классному профессионалу.

Сергей Вениаминович принял его перед обедом и беседовал всего четверть часа. О чем они говорили, осталось тайной, но после этого директор вызвал Хватова и Первухина, не обращая внимания на то, что начался обеденный перерыв.

После бегства Соболева начальник Управления спецопераций не то чтобы попал в опалу, но уже не имел того влияния на директора, каким обладал прежде, хотя Сергей Вениаминович внешне прореагировал на происшествие равнодушно, вяло.

Но, появившись в кабинете, генерал и майор увидели другого директора, переполненного мрачной злобой и раздражением.

— Вы знаете, что Соболев работает на «Чистилище»? — начал он, оставив подчиненных стоять. — Я только что получил сведения, что у него задание ликвидировать меня и кое-кого из начальников Управлений! Что вы там делаете, в своих кабинетах? Когда наконец Соболев будет пойман и доставлен сюда?

Первухин и Хватов переглянулись.

— Но, товарищ генерал...

— Молчи, Федор Ильич! Ты его упустил, ты теперь и лови! Майор в твоем распоряжении... до решения задачи. По моим сведениям, у Соболева есть девушка и приемный сын. Найти их и использовать в качестве приманки! Адреса родственников здесь. — Коваль щелкнул ногтем по конверту у себя на столе. — И ускорьте поиск руководителя трех «К» через организации, которые мы наметили потрясти.

— Это пока не дает результата...

— Вот именно — пока. Вы пошерстили всего три конторы, копайте дальше. В первую очередь пощупайте Московский казачий уряд, Центр нетрадиционных технологий, РНОФ и ветеранов Афгана. Уверен, результат будет. Идите.

В приемной генерал и майор снова обменялись взглядами, хорошо понимая чувства друг друга.

— Да, Федор Ильич, — сказал Хватов, — задачка не из легких.

— Пара пустяков, — отозвался Первухин хмуро, разворачивая конверт.

Рыков позвонил координатору «ККК», когда тот отдыхал после обеда, играя с компьютером в преферанс.

— По самым последним данным, Балуев работает на «федепасов» на пару с Соболевым.

Громов помолчал, разглядывая экран компьютера: мизер машина ловила на четвертом ходу. Он выключил комп.

— Данные проверены?

— Я бы не позвонил. У них задание... — Рыков тоже помолчал немного. — Убрать лидера «ККК», а по возможности и всех комиссаров.

Громов хмыкнул.

— Не слишком ли возросли аппетиты у директора ФСБ? Не пора ли и нам заняться им лично?

— Он стал опасен... непредсказуем... будто ему кто-то основательно помогает.

— Соболев, кто же еще. Плюс его дружок.

— Нет, речь идет об информации стратегического плана. Это может быть суперагент, о котором я ничего не знаю.

Громов знал одного такого «суперагента», но до сих пор не верил, что тот работает и на ФСБ. После же слов комиссара-два его сомнения окончательно рассеялись, в смысле — подтвердились.

— Я выявил родственников Соболева и Балуева, — продолжал Рыков. — Следовало бы пройтись по их адресам. Оба достаточно сильно привязаны к родным и друзьям, можно взять кого-нибудь в качестве живца.

— Хорошо, приносите списки. — Громов сжал руку в кулак, глядя на побелевшие пальцы. — Что-нибудь новое по комиссарутри появилось?

— Пока нет. На него готовят покушение ликвидаторы маршала «СС» на базе киллер-центра в Тропареве. Как только они подготовятся, мы нанесем встречный удар.

— Встречный — это хорошо, — пробормотал Громов, положив трубку, но думал он в этот момент не о Бородкине, которому грозила опасность, а о Конкере.

Министр обороны вызвал Юргена, как обычно, поздним вечером, вырвав его из объятий очередной герл. Это уже переходит все границы, решил полковник и собрался теперь же раз и навсегда прекратить порочную практику. Явившись в кабинет Гусева и оставив у дверей в приемную министра своих «зомби»-телохранителей, он прямо с порога заявил, что отныне ночь для подобных вызовов — табу! Для любых срочных дел существует день, и единственное, ради чего стоит мчаться по ночной Москве, это угроза жизни самого министра. Поскольку же таковой не существует...

— Сядь! — коротко прервал его Гусев, и с Юргена вмиг слетели вся его спесь и апломб: перед ним сидел не просто министр обороны, никчемный, серенький человечишка, внезапно вознесшийся на вершину государственной пирамиды, но человек *власти*! Сильный, безжалостный и жестокий, способный не моргнув глазом уничтожить любого, и Юрген сел, робея, тут же забыв о своих претензиях и не боящихся смерти «зомби»-солдатах, готовых по его команде броситься в огонь и в воду.

Гусев еще некоторое время разглядывал полковника умными и злыми глазами из-под кустистых бровей, потом отвернулся к экрану компьютера.

— Мне стало известно, что знакомый тебе ганфайтер Соболев получил задание на мой перехват. Что ты сделал, чтобы помешать этому?

— У нас его девчонка и приемный сын. На трупе его деда мы оставили записку, которая заставит его самого прибежать к нам.

Гусев снова глянул на полковника.

— Вы убили его деда? Зачем?

— Это вышло... случайно, дед полез защищать своих постояльцев, и один из моих оперов... толкнул его... да разве это принципиально?

— Вы допустили грубую ошибку, полковник. Есть пословица: голодный волк опаснее стаи сытых собак. Боюсь, после этого Соболев найдет тебя раньше, чем ты его.

— Пусть ищет, — беспечно отмахнулся начальник бюро ликвидации. — Я готов.

— Ну-ну, будь готов, пионер. Кийк тоже был готов. Ну а теперь о главном. Подойди сюда, взгляни на эту картинку.

Юрген обошел стол. На дисплее компьютера светились голубым светом контуры каких-то катакомб и подземных галерей.

— Что это, планы коммуникаций?

— В некотором роде. Это подземные ходы под Кремлем. Надо отыскать самый глубокий из них, который приведет нас в самый древний из храмов... Бери своих «зомби»-мальчиков, и за три дня отыщите этот ход. Пакет документов я тебе подготовил. Но сна-

чала проверь два сооружения: надвратную церковь Спаса и хоромы думного дьяка Аверкия. Справишься — повышу в звании.

Юрген уловил косой, усмешливо-угрожающий, тяжелый взгляд министра и демонстративно щелкнул каблуками.

«ВОЛНА ВЫКЛЮЧЕНИЯ»-ДВА

До Тамбова Матвей, как сотрудник ФСБ, летел на «ЯК-42». Билетов не было, но ему удалось найти командира корабля, предъявить удостоверение и пройти в самолет вместе с летчиками.

К дому деда по улице Солдатской Славы он добрался к вечеру на машине частника. И сразу понял, что опоздал. Возле дома плотно друг к другу стояли милицейский «уазик», серая «Волга» и старенький «Москвич» с злым крестом на дверцах — машина «Скорой помощи». Возле ограды толпилась небольшая группка людей, обсуждавшая случившееся, — скорее всего соседи. Двое молодых людей, выделявшиеся осанкой и особой сторожкой манерой поведения, молча прислушивались к разговорам, засунув руки в карманы одинаковых серых курток. Матвей сразу определил их принадлежность к спецслужбам, но тоскливое предчувствие беды заставило его действовать без обиняков. Подойдя к милиционеру, охранявшему вход в дом, он тихо проговорил:

— Я Соболев, это дом моего деда Кузьмы Федоровича. Что случилось?

— Документы есть? — спросил страж порядка, делая ударение на втором слоге.

Матвей молча протянул удостоверение офицера федеральной контрразведки. У милиционера-сержанта средних лет, плохо побритого, с недовольным выражением лица, вытянулась физиономия.

— Проходите.

Матвей шагнул в сени, отмечая полнейший разгром на полках с глиняной посудой и садовым инвентарем, вошел на кухню с русской печью и сразу увидел деда, лежавшего на лавке. На его изуродованном гримасой боли лице в широко раскрытых глазах застыло выражение ужаса и муки, пальцы рук были сведены судорогой, и Матвей сразу понял, что Кузьма Федорович умер от выстрела из «болевика».

Сердце Матвея остановилось... рванулось в груди до боли, загнав жаркую волну крови в лицо и уши. Он шагнул в горницу, ожидая увидеть еще два тела, но его остановил худой подполковник милиции:

— Вы куда, молодой человек? Кто вас пропустил?

Спрыгнул в тень колеса; самолет был освещен квадратной рамой осветительной мачты весьма удачно и выгодно для него. Несколько мгновений вглядывался в здание аэропорта, в движение вокруг него, отметив возле трех машин группы людей, явно кого-то поджидавших. Одна из машин, микроавтобус «Тойота», начала медленно двигаться к самолету. Матвей мельком глянул на высунувшуюся из люка стюардессу и что есть силы припустил к подруливавшему к своему причалу «Боингу» в пятидесяти метрах.

Бег его заметили разве что летчики «Боинга», но успокаиваться на этот счет было нельзя, в запасе у Матвея оставались какие-то полторы-две минуты, пока стюардесса не покажет прибывшей за ним команде открытый аварийный люк. И Матвей продолжал бежать от самолета к самолету, прячась в их тени, приближаясь к западному сектору аэропорта, где стояли корпуса технического обслуживания самолетов, ангары и мастерские. Он был уже возле одного из алюминиевых ребристых ангаров, когда сзади раздался рев мотора и визг шин, затем прозвучал знакомый голос:

— Эй, беглец, задержись ненадолго.

Матвей оглянулся. Из длинного черного лимузина («Крайслер-999») вылез майор Хватов в сопровождении трех мощных спортсменов в камуфляже. И по холодному «электрическому» ветру, дунувшему в спину, проникшему в голову, Матвей понял, что Хватов на сей раз — авеша Монарха!

Могучие парни двинулись было к Соболеву, ступая по асфальту по-особому мягко, гибко и уверенно, несмотря на габариты и массу, однако майор остановил их.

— Он мой. — Подошел ближе, улыбающийся, сильный и опасный, как готовый к прыжку тигр. — Ну что, ганфайтер, пока те олухи у самолета будут искать тебя там, мы успеем выяснить отношения здесь, не возражаешь?

— Разве меня встречали не «федепасы»?

— И «федепасы» в том числе, личная группа Первухина, имеющая приказ взять тебя живым. Симпатизирует тебе генерал. Но, кроме его дружины, там суетятся еще две — «Анальгин» и «Принцип», а эти имеют задание взять тебя мертвым. Так что выбор у тебя невелик.

Матвей вспомнил записку, оставленную убийцами в доме деда.

— Дай мне три дня, майор. Есть задача, которую мне надо срочно решить...

— Найти киллеров, убивших Кузьму Федоровича и похитивших Кристину Сумарокову и Стаса. — Хватов сделал еще шаг, и Матвей кубарем полетел на землю, пропустив совершенно неожиданный и невидимый удар. Сгруппировался, избежав встре-

чи с автотрапом. Но отвечать не стал, медленно приближаясь к Хватову.

— Майор, ты все знаешь, но не уверен, что поймешь... И тем не менее даю слово — через три дня я встречаюсь с тобой в любом месте, но дай мне эти три дня! Кстати, где их держат?

Майор покачал головой, и в глазах его мелькнула искра не то жалости, не то презрения.

— Твоих друзей взял «Стикс» Юргена и спрятал на своей базе в Бутове, но в одиночку тебе отбить их не удастся. Да и с чьей-либо помощью тоже, мальчики из «Стикса» зомбированы...

— Как, очевидно, и те, что за твоей спиной. Но я бы все же попробовал. Ну что, договорились?

Хватов снова покачал головой.

— Боюсь, что нет. Поступила команда «выключить» тебя, а я человек дисциплинированный. Слишком глубоко ты влез в дела спецслужб и людей Внутреннего Круга. Мы вынуждены заниматься чисткой следов по полной программе. Ликвидации подлежат все, кто хотя бы краем глаза видел МИРы Инсектов, узнал о хранящихся там Великих Вещах и невольно помешал коррекции реальности.

Матвей сузившимися глазами рассматривал лицо майора, по которому изредка пробегали отблески далеких огней аэропорта.

— Кажется, я ошибся в определении... ты не Монарх!

Хватов рассмеялся.

— Какая разница? Сейчас я авеша иерарха, точнее — Мастера, контролирующего зоны запретного смысла. — Он сделал неуловимое движение, и Матвей опять отлетел в сторону, получив удар в область сердца, от которого пришел в себя не сразу. Это был еще не смертельный укол из арсенала техники убийства прикосновением, но все же поражающий энергетический импульс прошел через одежду, сквозь мышцы груди, кости грудной клетки и резко сократил сердечную мышцу. И все-таки Матвей не стал отвечать и на этот раз. Восстановив дыхание, встал напротив майора, не поднимая рук. Сказал глухо:

— Я прошу всего три дня... Мастер! Я никуда не сбегу.

— Странно, что ты так привязан к этой девице, — задумчиво пробормотал Хватов. — Наверное, именно этот фактор — избыточная чувствительность — и мешает тебе преодолеть порог Закона восхождения. Прощай, ганфайтер. — Он коротко взмахнул рукой и... пролетев три метра по воздуху, с гулом врезался спиной в стену ангара.

Трое амбалов у машины сделали шаг к Матвею, но Хватов остановил их, вскочив с земли гибким змеиным движением. Улыбка на его губах изменилась, стала хищной и отталкивающей.

— Отлично, Соболев! А я уж было разочаровался в тебе.

избавился; теперь надо было вычислить третью и уходить. Совершенно не к месту вспомнились строфы стихотворения:

Ветер, о поле мне спой,
На ковыле сыграй.
Я иду в свой последний бой
За родимый и вольный край...

Кажется, это не просто стихи, а слова из песни...

Где же эти ликвидаторы, черт бы их брал? Классно завели в тупик: побеги я напрямик по вязкому полю — догонят пулей, поверни назад — встретят в лесу...

«А есть другой выход?» — спросил внутренний голос.

«Нету», — честно признался Матвей.

«Ну и действуй, как советовал Кришнамурти[1]: защита — это сопротивление, сопротивление же устраняет понимание».

«Это не совет, а предостережение».

«А ты воспользуйся как *советом*».

И Матвей понял наконец свою собственную мысль. По шуму в лесу прикинув движение группы ПРОПАЛ, он выбежал на поле и упал на землю прежде, чем прозвучал выстрел. А затем, подождав чужих шагов, мысленным усилием соорудил у основания шеи «кровоточащий след пули», перестал дышать и отключил сердце.

Сознание он, однако, потерял не сразу, успев услышать переговоры подбежавших «пропаловцев»:

— Куда ты ему попал?

— Целился в ноги...

— А попал в шею, великий стрелок, черт бы тебя драл! Он уже не дышит!

— Что-то он слишком легко умер, тебе не кажется, «второй»? Может, хитрит?

— Проверь, «третий»...

На этом сознание Матвея померкло, а о способе проверки он узнал через три минуты, когда сработал «таймер» психики, включивший сердце и прояснивший сознание: «третий» член группы просто полоснул ножом по шее Соболева, чудом не задев сонную артерию. Усилием воли остановив кровь, он напряг слух.

— ...уходить! — прозвучал голос «первого» — того самого круглолицего здоровяка. — Ждать больше нечего. Придется Девяти искать другой вариант корреляции действительности. Другие предложения есть?

Матвей понял, что его «смерть» удалась и бригада ПРОПАЛ посчитала свою задачу выполненной, хотя и со странными ого-

[1] Кришнамурти Дж. Проблемы жизни, т. 1.

ворками. Видимо, квалификация хозяев-носителей вселённых психоматриц оставляла желать лучшего, потому что, будь это оперативники хотя бы класса штурмовиков «Грозы», они бы разгадали трюк Матвея.

— Уходим? — подал голос «второй».

— А с ними что делать? — спросил «третий», подразумевая, очевидно, парней, чьими телами они воспользовались. — Четверо все еще в отключке, двое искалечены...

— Программы самоликвидации включать не будем, может, они нам еще пригодятся. Пусть сами выпутываются из этого положения. Уходим.

Наступило молчание. Матвей открыл глаза, увидел растерянно-изумленные лица оглядывающихся парней и понял, что эффект наведенных психофизических состояний, превративших обычных людей в авеши сверхсуществ, исчез.

— Чтоб я сдох! — пробормотал круглолицый. — Как я здесь... почему мы здесь?!

— Прошу предъявить документы! — подошел к нему Матвей, показывая свое удостоверение офицера ФСБ. Тон его был строгим и уверенным и на привыкших повиноваться парней отряда подействовал сразу. Матвей развернул протянутую оранжевую книжечку и прочитал: «Министерство внутренних дел России. Главное Управление внутренних дел. Отдел особого назначения». Справа от фотографии владельца было напечатано: «Уваров Максим Акимович, капитан».

Матвей вернул удостоверение здоровяку в берете, сказал тем же тоном:

— Соберите своих у кладбища, окажите помощь пострадавшим. Ждите приказа.

Оставив так и не пришедших в себя парней на опушке леса, Матвей направился по дороге к ближайшим домам окраины города, поймал попутку и вскоре подъехал к осиротевшему дому деда. Но пробыл там недолго, только чтобы залечить рану на шее: спецназовцы из особого отдела ГУВД могли вспомнить, кто такой Соболев, и вернуться.

Через полтора часа Матвей вылез из такси в аэропорту. Еще через час с минутами он сошел с борта самолета во Внукове.

Интуиция заговорила еще при посадке, усилив чувство неловкости и дискомфорта, а это означало, что в аэропорту его ждали. Но Матвей не мог приказать пилотам садиться на другом поле, не желая подвергать опасности жизнь шестидесяти пассажиров. Поэтому дождался, пока выйдут все, и, не обращая внимания на изумленный возглас бортпроводницы: «Что вы делаете?!» — открыл с левого борта самолета, обращенного к полю, а не к зданию Внуковского аэропорта, люк аварийного выхода.

тырехгранный металлический обелиск со звездой и табличкой с указанием фамилии, имени, отчества, даты рождения и смерти. Через месяц Кузьме Федоровичу исполнилось бы восемьдесят семь лет.

Толпа разошлась, машины с музыкантами, милиционерами и военными уехали, на кладбище у могилы остался Матвей, старушка — соседка Кузьмы Федоровича, помогавшая на похоронах, подсказывавшая очередность церемонии, да отделение спецназа, не решившееся принять участие в похоронах и ожидающее Матвея за оградой кладбища в тридцати шагах.

Сидя на скамеечке у могилы, Матвей снова попытался выйти в меоз, и снова у него это не получилось. Утешало лишь одно: отключение его от ментала, всеобщего информационного поля мира, означало только существенное сужение чувственной сферы, возможности глобальной оценки ситуации, но оно не ограничивало природных возможностей Матвея, его способности жить в ускоренном режиме. Справившись с реакцией организма на попытку выхода в меоз, он поклонился свежей могилке деда, потом старушке, смотревшей на него слезящимися глазами, и пошел ко второму выходу с кладбища, выходящему в сосняк. Четверка оперов направилась следом, не отставая, вдоль забора, но и не делая попыток догнать, из чего Матвей сделал вывод, что кладбище перекрыто как минимум еще двумя группами. Усмехнулся про себя, подумав: зауважал меня, однако, Первухин.

Подождав за оградой кладбища, пока четверка крепких молодых людей подойдет ближе, Матвей внезапно шагнул к ним и спросил, окидывая взглядом всех и определяя, кто из них опаснее:

— Кто старший группы?

Парни переглянулись. Самый крупный, в берете на бритой голове, круглолицый, налитой крутой силой, покачал головой:

— Вы, наверное, приняли нас не за тех, кто мы есть.

— А кто вы? — простодушно осведомился Матвей, готовясь к режиму ускорения.

— Мы из подразделений ПАН и ПРОПАЛ. И ничего смешного в этом я не вижу, — добавил круглолицый, видя, что Соболев улыбнулся. — ПАН — это подразделение активного наведения, ПРОПАЛ — подразделение разовой оперативно-агентурной ликвидации.

— Почему разовой? — с тем же простодушным видом полюбопытствовал Матвей, заставляя сердце начать разгон.

— Потому что после операции подразделение, как правило, подлежит уничтожению, — любезно ответил круглолицый. — Все мы — вселенные в тела людей психоматрицы иерархов и после

необходимой коррекции покидаем тело-носитель, которое получает приказ на самоликвидацию.

Матвей покачал головой, готовый к бою, но ему еще не все было понятно в сложившейся ситуации, и он задал еще один вопрос:

— И вы ждали меня сутки, чтобы сообщить такую новость? Почему не убили сразу, как только я появился?

— Нам велено убедиться в окончательности вашего решения, — вмешался в разговор второй член группы, ростом ниже первого, но шире в груди, бородатый и тоже — бритоголовый. — Посланец Девяти предложил вам сотрудничество...

— Я ответил ему «нет» и сейчас повторяю: нет. Я не хочу после выполнения задания разделить участь ваших тел-носителей.

— Тогда мы вынуждены начать реализацию второй части своего задания — закодировать вас. — Круглолицый не торопясь достал суггестор «Удав». — Все равно вы сделаете то, что обязаны были сделать добровольно.

В ту же секунду Матвей включил *темп* и коснулся лба говорившего, передавая ему раппорт-импульс гашения сознания. Затем, продолжая движение, коснулся шеи второго ликвидатора, готового пустить в ход еще один «глушак»; пока эти двое падали безвольными куклами, взорвался ударом в стиле Пангай-нун-Уэчи-рю, кулаком доставая третьего из четверки ПАН — ПРОПАЛ и ногой — четвертого.

Вся эта сцена произошла в нескольких шагах от изгороди кладбища, явно заинтересовав нескольких посетителей, впоследствии рассказавших о битве двух «мафиозных групп за передел сферы влияния — кладбища». Но групп этих было больше. Как и предполагал Матвей, их было три, и как только он нейтрализовал первую, в дело вступила вторая. Однако рисковать они не стали, сразу открыв огонь из «глушаков» примерно с тридцати — сорока метров. Два луча суггесторов, хотя и ослабленные расстоянием и стволами молодых сосен, накрыли Соболева, и тот с ходу нырнул в спасительный мусин — бессознательное состояние, диктующее особое поведение человеку, живущему в пространстве боя. Сознание Матвея отключилось, но он продолжал действовать так, будто не получил оглушающего удара, от которого любой другой человек застыл бы безвольным истуканом.

Очнулся Матвей спустя несколько минут вдали от кладбища, на опушке сосновой рощи, откуда начиналось картофельное поле, а за полем — домики сельской окраины Тамбова с колокольней и вышкой для парашютных прыжков. Сознание не зафиксировало, как он оказался здесь, но и так было ясно, что от преследования двух групп ПАН — ПРОПАЛ он на какое-то время

Только теперь Матвей обратил внимание на то, что на кухне и в горнице полно народу.

Трое в штатском возились у тела деда, что-то измеряли, фотографировали, записывали. Подполковник милиции беседовал с другим офицером — старшим лейтенантом. Какой-то старик в плаще ходил по комнатам, осматривая вещи, заглядывая в сервант, шкафы с книгами. Еще двое парней, поглядывая вокруг, стояли поодаль с рациями в руках. И наконец, третий офицер милиции — майор — беседовал с сухонькой старушкой, по щекам которой непрерывно текли слезы.

— Я его племянник... — Голос сел, и Матвей кивнул на тело Кузьмы Федоровича. — Это мой дед. А больше тут никого... не было?..

Подполковник окинул Соболева взглядом, но документы требовать не стал.

— Кто тут должен был быть?

Матвей сжал зубы, подошел к телу деда, опустился возле него на колени, взял холодную руку в свои ладони, который раз вспоминая слова Конкере о том, что он приносит несчастье всем, с кем дружен и кого любит. Попытался выйти в меоз, чтобы посмотреть на следы, оставленные убийцами, но молния ментального разряда не пронзила его с головы до пят, как обычно, лишь на мгновение вернулся абсолютный слух и ощущение остановленного времени. Зато последствия попытки были не слишком приятными: по нервным узлам тела прокатилась волна колющей боли, и, чтобы выдержать ее, потребовалось все его хладнокровие.

— Соболев? — раздался голос за спиной, и на плечо Матвея опустилась чья-то тяжелая рука. Он поднял голову, не сразу разглядев сквозь пелену слез одного из специалистов в штатском.

— Слушаю.

— Идемте с нами.

Матвей отвернулся, пристроил руку деда на груди, прошептал беззвучно:

— Прости, дед! Я не хотел...

— Пройдемте с нами, — настойчиво повторил шкафообразный молодой человек, до боли сжимая плечо Соболева.

Матвей взял его за слоновье запястье, поднялся с колен, сжимая определенные точки, сказал негромко в исказившееся лицо:

— После похорон я в вашем распоряжении. А теперь вон отсюда!

Потирая руку, оперативник (явно из «федепасов», но не из «Грозы», какое-то другое подразделение) отошел к своему товарищу, и, посоветовавшись, оба вышли.

— Они ждали вас, — подошел к Матвею подполковник милиции. — Показали удостоверение офицеров спецназа.

— Я сам оттуда, — сказал Матвей, не сводя глаз с лица деда. — Все в порядке, подполковник, делайте свое дело. Дайте знать, если обнаружите какие-нибудь следы.

Подполковник помялся немного, потом протянул Соболеву листок бумаги с надписью: «Ищите анальгин во всех аптеках!»

— Эту записку, пришпиленную ножом, мы нашли на столе. Не уверен, что это след.

«Здесь был «Анальгин»... то есть зондеркоманда Минобороны! — понял Матвей. — Кристина и Стас у них! Значит, живы!..»

Он вернул листок милиционеру.

— Спасибо, вряд ли записка имеет отношение к этому делу. Когда закончите, помогите с похоронами, буду признателен.

Ночь Матвей провел без сна, помогая соседям и той самой плачущей старушке обмывать Кузьму Федоровича, переодевать и готовить для похорон. В девять утра приехал катафалк, привез гроб. Потом подъехали двое ребят-стажеров, согласившихся сопровождать катафалк на кладбище.

Все это время парни в куртках, принадлежащие какой-то из спецслужб, не выпускали Матвея из поля зрения, но близко не подходили и не мешали, Матвей же не обращал на них никакого внимания, воскрешая в памяти свои встречи с дедом, его ненавязчивые наставления и бесконечное терпение, неизменно доброжелательное отношение ко всем, с кем когда-либо встречался в жизни. Единственно, о чем Соболев сожалел больше всего, так это о том, что не смог навестить старика до его смерти, понимая, что видится со своими ближайшими родственниками непозволительно редко. Остро захотелось увидеться с отцом, побывать на могиле мамы, поговорить с тетками в деревне, и Матвей дал себе слово, что сделает это непременно в самое ближайшее время.

На похоронах Кузьмы Федоровича неожиданно собралось много народу. Приехали сослуживцы-ветераны, предупрежденные военкомом, пенсионеры, с которыми Соболев работал на местном заводе «Металлоштамп», пришли соседи не только со всей улицы, но даже с других, где давно знали Кузьму Федоровича. Команда музыкантов сыграла марш Мендельсона, и колонна тронулась в путь мимо училища механизации, бывшего скотного двора, оплывшего противотанкового рва, санэпидемстанции, углубилась в сосновую рощу, на окраине которой притулилось кладбище.

Панихида была короткой, речей не прозвучало, лишь местный священник прочитал заупокойную молитву. Гроб опустили в могилу, забросали землей, выровняли холмик, установили че-

Он боком двинулся к Матвею, и время остановилось, словно завороженное начавшимся боем, приемы которого знали только Перволюди, иерархи и Посвященные Внутреннего Круга. Да еще Матвей Соболев.

Этот бой нельзя было назвать зрелищным. Большинство приемов из-за скорости их проведения были недоступны для наблюдения обыкновенным людям, а остальные блокировались еще до их завершения, но внутренний драматизм поединка почувствовали даже бугаи-телохранители из отряда Хватова.

Для профессионала класса Соболева не существовало невозможных поз и ударов, позиций и положений, защитных блоков и атак на поражение. Он действовал в точном соответствии с древним законом всех единоборств: если враг нарушает гармонию мастера, то, совершая акт возмездия, тот должен действовать без каких-либо эгоистических и садистских побуждений, адекватно мере нарушения его покоя. Этот закон непреднамеренного насилия Матвей исповедовал всегда, восстанавливая нарушенную природную справедливость. Но для киллхантера, которым стал Хватов из-за внедрения сущности иерарха, запретов и законов не существовало, и, начав схватку ради удовлетворения чувства превосходства, он вскоре стал применять приемы фазовой дестабилизации, внушая противнику атаку в одном направлении, а проводя — в другом.

Никогда еще Матвей не был так близок к гибели, как в этом пси-физическом бою, и никогда до этого не чувствовал себя так свободно и раскованно, потому что сдерживать свою силу и *знания* не требовалось. И все же бой слишком затянулся!

Трижды Матвей получал шоковые удары, едва успевая после этого восстанавливаться до прежних кондиций, и трижды посылал Хватова в нокаут — такими же ударами из системы э-боя, но ни один из них не стал смертельным: слишком хорошо оба владели телом и знали методы очищения организма от «шлаков» витальных пси-атак.

После очередного улета Хватова к воротам ангара в дело вмешались его сослуживцы, которым надоело ждать результата поединка. Начали они с демонстрации своей несокрушимой мощи и непробиваемости, показав неплохую технику карате-дзицу, но выдерживать соревнование в скорости с Матвеем не могли. Зато и сомнений в правильности применения спецсредств не имели. Когда двое из них легли на бетон и не встали, оставшиеся двое просто начали пальбу, не расслышав сдавленного крика Хватова: «Не стрелять!»

Вряд ли Матвей продержался бы долго, не имея с собой ничего, кроме расчески, бумажника и носового платка. Но ему помогли.

Одновременно с начавшейся стрельбой рядом с «Крайслером» директора ФСБ появилась черная «Мазда», из нее выскочили три человека и бросились в гущу сражения, сразу изменив ход боя. Бугаеподобные стрелки Хватова прекратили огонь и залегли в разных позах в проходах между автотрапами, тракторами и электрокарами. Майора перехватил один из прибывших, высокий и черноволосый, в светлом плаще. Матвей узнал в нем Самандара и опустил руки.

— Беги! — подскочил к нему второй из подоспевшей тройки, хлопнув по плечу. — Беги! Я тебя найду!

Это был Василий Балуев.

Матвей не сразу пришел в себя от неожиданности, но тут его потянул за рукав третий, Иван Парамонов:

— Идемте, Матвей Фомич. Они прикроют отход.

— Но, может, вместе...

— Сейчас здесь будут все спецслужбы, быстрее!

Матвей услышал сирены, приближающийся рев моторов и нырнул в кабину «Мазды». Водитель тотчас же, не включая фар, погнал машину за ангар, вывернул куда-то к бетонному забору, проехал метров сто, направил машину прямо на деревянную будочку в конце стены.

Будочка разлетелась вдребезги, за ней оказалась металлическая сетка, но и она не выдержала удара и прорвалась. Еще через минуту машина была далеко от аэропорта, направляясь по грунтовой дороге к западу и оставляя за собой море света, шум и вой сирен.

— С удачным возвращением, — проговорил водитель женским голосом, и Матвей узнал Ульяну Митину.

Сказал хмуро:

— Спасибо за подстраховку. Надо было остаться и пробиваться всем вместе.

Ульяна быстро взглянула на него, дотронулась до плеча.

— Мы знаем о... случившемся, примите наши соболезнования. К сожалению, вовремя не смогли помочь, слишком поздно узнали о готовящейся акции.

— Понимаю.

— Не беспокойтесь за Самандара и вашего друга, — сказал Парамонов, — они уйдут. — И добавил мягко, но все же с осуждением: — А ехать в Тамбов надо было вдвоем... Куда вас теперь отвезти?

Матвей помолчал, поглядывая на нежный профиль девушки, изредка выступавший из темноты в случайных отблесках далеких фонарей.

— В Бутово.

— Я же говорила, что он не отступит, — произнесла Ульяна с

оттенком грусти, обращаясь к сидящему на заднем сиденье Парамонову. Тот легонько сжал горячей рукой плечо Соболева.

— Я бы посоветовал вам не соваться туда, Матвей Фомич. Может быть, вы чувствуете себя обязанным... мы понимаем... но людей соединяют не человеческие законы, а законы природы, и эти же законы их разъединяют. Поверьте, с ними ничего не случится...

Матвей не ответил.

— Во всяком случае, пока вы не начнете угрожать стабильности сложившейся системы...

Матвей молчал.

— И даже если вы все-таки вознамеритесь освободить своих друзей — а кончиться это может плохо, — не вздумайте мстить! Потому что при этом силы, которые вы приведете в действие, в конечном счете обрушатся на вас.

— Благодарю за совет, — тихо сказал Матвей. — А также за помощь. Постараюсь не обмануть ваших ожиданий. Но если знаете, чем это все закончится, почему помогаете мне?

— Во-первых, мы отступники, — грустно сказал Парамонов. — А во-вторых, этой помощью мы выражаем не наше знание, а недостаточность нашего знания. Любой прогноз — это всего лишь опыт несбывшегося, и дай Бог, чтобы мы ошибались.

Ладонь Ульяны, узкая и прохладная, вдруг нашла руку Матвея, сжала ее. И было в этом жесте все: дружеское успокоение, поддержка, понимание, нежность, сочувствие и любовь...

ПОПЫТКА ЗАДЕРЖАНИЯ

Самочувствие Матвея после всех пережитых событий было неважное, и Мария, воспринявшая очередное его появление спокойно, без лишних слов приготовила ему хвойную ванну, сделала массаж спины и усадила в кресле в махровом халате; в прошлый раз этого халата не было, что не могло не наводить на кое-какие размышления.

Во время завтрака — Ульяна и Парамонов привезли Соболева в Москву в пять утра — разговаривали мало; Мария не отличалась ни любопытством, ни разговорчивостью, лишь взгляд ее выражал заинтересованность и некий неопределенный вопрос, на который Матвей ответить не мог. Разомлевший и успокоенный, он не заметил, как уснул, и проснулся от звонка в дверь.

Марии уже не было, шел одиннадцатый час утра, на столе белела записка: «Холодильник в твоем распоряжении. Буду поздно. Не забудь ключи». Отыскав шлепанцы, Матвей поплелся откры-

вать дверь, абсолютно уверенный в том, что вернулась Мария. И лишь впустив Балуева, окончательно пришел в себя.

— Ты?!

— Нет, Дед Мороз! — буркнул Василий, снимая грязную изодранную куртку и бросая на вешалку кепку. — Ты что не спрашиваешь, прежде чем открывать, кто пришел? Или увидел меня в окно?

Матвей почувствовал озноб, пропустил друга в ванную и, пока тот мылся, включил плиту и поставил на нее чайник. Порозовевший Василий ввалился на кухню, и они принялись разглядывать друг друга: у Матвея еще не исчез шрам на шее, лицо похудело и заострилось, глаза ввалились, хотя выглядел он, как всегда, уравновешенным и холодно-спокойным. У Василия красовались две царапины на щеке и на лбу, а на подбородке вспух зелено-лиловый синяк.

— Хорош! — сказали они в один голос, выразив одновременно друг другу и дружеское порицание, и озабоченность, и радость от встречи, от того, что живы и здоровы.

Василий провел по лицу ладонями, сморщился, задев синяк, уселся за стол. Минутное оживление снова покинуло его. Матвей молча смотрел на друга, поняв, что произошло что-то неординарное. Василий поднял на него глаза.

— Самандар погиб...

Матвей снял чайник, заварил чай, налил в кружки себе и Балуеву, сделал бутерброды, сел напротив.

— Рассказывай.

— Да рассказывать почти нечего. Когда вы уехали, телохраны этого зверя, с которым ты дрался, начали оживать...

— Все-таки у Хватова действительно были «зомби»...

— Ну и пришлось их... — Василий искоса посмотрел на Матвея, — «гасить» по-настоящему. А потом этот мужик... Хватов, говоришь? Тот самый телохран директора? Когда он вдруг начал стрелять, пришлось отходить. Самандар крикнул мне: уходи! Я бросился к нему на помощь и увидел... Две пули попали ему в голову, в глаз и в висок... но он все равно добрался до твоего Хватова и буквально перекрутил ему голову на сто восемьдесят градусов! Упал, конечно. Весь бой и длился-то от силы две минуты. Я подскочил к ним, но успел только убедиться, что оба мертвы... как подоспели на машинах доблестные стражи порядка, с полсотни человек! Пришлось отходить в условиях плотного боя. Еле оторвался!.. Хорошо, что взорвалась одна из машин, наделала шуму.

Василий замолчал.

Молчал и Матвей, представляя последний поединок Посвященного и авеши Монарха. То, что обоих было убить нелегко, не

вызывало сомнений, но и две пули в голову — не две косточки от вишен, не говоря о перекруте головы...

— Жаль Вахида Тожиевича, — сказал он. — Как-то мы его не так приняли.

— Да и меня совесть грызет, — признался Василий. — Я считал его если не врагом, то уже никак не другом. Но вот что мне непонятно: если он — авеша Монарха, то этот твой Хватов чей авеша? Не может же Монарх сражаться сам с собой?

— И я подумал о том же. Либо Самандар — авеша иерарха, в крайнем случае Тараса Горшина, либо он — авеша Монарха, но тогда Хватов — авеша иерарха.

— И как ты все это объяснишь? Их появление? Засаду? Очередное столкновение спецслужб?

— Этому есть только одно объяснение. — Матвей вспомнил слова Рыкова о том, что «регуляция социума — дело тонкое». — Союз Девяти продолжает свою провокационную деятельность, намеренно сталкивая силовые структуры, чтобы держать процесс под контролем. Они же подключают очередных исполнителей «волн выключения». Надо полагать, следующие «волны» не за горами. Что предлагаешь делать? Или не было времени на размышления? Кстати, как ты меня здесь нашел?

— Ты же сам давал адрес. А куда бы ты еще мог податься? Не домой же, в лапы группы засады.

— Логично.

— Надо выручать твоих. Узнать, кто их похитил и где поместил...

— Захватил Юрген со своим «Стиксом», а держит на базе в Бутове. Хватов проговорился, считая, что я уже покойник.

— Ну и отлично, давай разрабатывать операцию освобождения. Вчетвером мы...

— Вдвоем, ты хотел сказать?

— Вчетвером. Ты, я, Парамонов и... — Василий вздохнул, — и Ульяна. Хотя ею я бы не хотел рисковать. — Он виновато посмотрел на Матвея. — Знаешь, минуты теперь не могу прожить, чтобы не вспомнить о ней! Прямо наваждение какое-то...

Матвей кивнул, оставаясь сдержанно-деловым, сосредоточенным и хладнокровным.

— Это нормальное состояние, старик. Состояние влюбленности. Такая девушка стоит того, чтобы думать о ней непрестанно. Но Крис и Стас подождут. Ульяна говорила, что Ельшин собирается добыть оружие Инсектов. Этого допустить ни в коем случае нельзя, хотя бы из этических соображений.

Василий, вздохнув, мысленно неохотно расставаясь с образом Ульяны, вернулся к действительности.

— Да, я совсем было забыл... Громов тоже вознамерился

снабдить своих комиссаров каким-то древним оружием, это мне Валера Шевченко сказал. И я так понял, что координатор «Чистилища» собрался в поход к одному из МИРов. Где бы еще он мог искать это оружие? Только вот какой МИР он выбрал?

— Мы знаем два МИРа-Храма под Москвой.

— Горшинский под церковью Спаса и под Кремлем.

— Вот и проверим оба. Давай готовиться. Ты еще не был в своем схроне? Снаряжение у нас есть?

— Все в порядке, там никто не появлялся. Была б машина, прямо сейчас и поехали бы. Знаешь, во время схватки в «Экипаже» я отобрал у киллера «глушак». А насчет освобождения Кристины у меня появилась одна любопытная мысль. Вспомнился кое-какой опыт. Что, если нам самим захватить родственников Юргена? А еще лучше — Гусева, который им командует? Жену, например, детей... впрочем, детей жалко... И потом обменять? А?

Матвей покачал головой, но решительно ответить «нет» не спешил. Идея, конечно, была неплохая, но ведь ни дети, ни другие родственники министра обороны не отвечали за его деяния и гнусность натуры.

— Посмотрим, — сказал он наконец. — Может быть, в твоем предложении и есть какое-то рациональное зерно.

Транспорт они раздобыли просто. Матвей вспомнил о мастерской Ильи Шимука на улице Шухова, и, хотя мастерской после гибели Ильи владел другой человек, его напарник Коля, он без звука дал во временное пользование старенькую «семерку» Муромца.

Схрон Василия, то есть самый обыкновенный погреб, в каких рачительные хозяева держат зимой картошку и банки с разносолами, располагался в районе Савеловского вокзала. Жильцам нового девятиэтажного дома разрешили использовать для строительства погребов высокие отвалы у демонтированной ветки железной дороги. Фантазия какого начальника контрразведки позволила оборудовать в одном из погребов целый склад спецснаряжения для тайных операций ФСК, было неизвестно, но Василию Балуеву досталась в наследство настоящая «пещера Али-Бабы». За время знакомства с Соболевым он, конечно, основательно почистил эту «пещеру», но оставалось в ней еще достаточно всего, чтобы восхитить Матвея: от комплектов «ниндзя» до противотанковых и противосамолетных ручных ракетных комплексов.

С собой они взяли по комплекту «ниндзя», маскхалаты, комбинезоны разных покроев, бинокли, приборы ночного видения, кинжалы, арбалет, автоматы Никонова, карабины с оптическими прицелами, гранатометы и один зенитно-ракетный комплекс

«малина», способный сбивать самолеты и вертолеты как на сверхмалых высотах, так и на дальности до семи километров.

Упаковав снаряжение и оружие в сумки, они некоторое время посидели в погребе, прикидывая, что бы еще такое прихватить с собой, и Матвей задал вопрос, который давно вертелся на языке:

— А почему этот твой схрон забыли в ФСБ? Неужели он был рассчитан на длительную консервацию? Кто, кроме тебя, знал о его существовании?

Василий не успел ответить, за него ответили те, кто знал о расположении склада и наверняка следил за передвижением Соболева и Балуева.

— Эй, там, в окопе! — проревел над люком в погреб усиленный мегафоном голос. — Выходи по одному!

Матвей и Василий, переглянувшись, замерли.

— Кажется, мы влипли, — хладнокровно констатировал Матвей.

— Так, да не совсем, — отозвался Василий. — Зря я, что ли, столько лет проработал в контрразведке? Их надо отвлечь на пару минут, сможешь? — Он начал лихорадочно выбрасывать из угла кучу всякого хлама. — Мне понадобится некоторое время.

Матвей молча поднялся по лестнице до люка, приподнял крышку:

— Кто старший? Поговорить надо.

Несколько секунд прошло в молчании, потом мегафон изменил тон и голос:

— Здесь Коваль. Выходи, ганфайтер.

Матвей в щель быстро оглядел окрестности и оценил способности спецназа ФСБ перекрывать подступы к объекту. Из ребят почти никого не было видно, однако для того, чтобы окруженные не дергались, кое-кто демонстративно высунул из-за укрытия ствол автомата. Из-за трансформаторной будки на другой стороне бывшего железнодорожного полотна вышел директор ФСБ, за ним два его телохранителя, начальник ГУБО Казанцев, его заместитель Зинченко и командир спецотряда «Гроза» Белоярцев.

— Ну и ну! — пробормотал Матвей. — Встреча по высшему разряду!

— Кто там? — невнятно спросил Василий, продолжая освобождать угол погреба и отрывать доски пола.

— Сам директор пожаловал, плюс руководство «губошлепов», плюс Люда Белоярцев.

Василий присвистнул, сдвинул обнажившуюся крышку люка в полу.

Матвей вылез из погреба, готовый в течение долей секунды прыгнуть обратно, вытащил и положил на сгиб локтя гранатомет.

— Бросай свою пушку, Соболев! — крикнул Белоярцев. — Это тебе не поможет, ты у нас на мушке.

— Я хотел бы поговорить с тем, кто отдает приказы, — ответил Матвей, — а не с тем, кто их выполняет.

Директор федеральной безопасности повернул голову к группе людей справа, отдал какое-то распоряжение и двинулся с горба вала вниз в сопровождении великанов телохранителей. Матвей оставил гранатомет у горловины люка в погреб, спустился на полотно со своей стороны. Догадливый Василий выставил рядом пулемет, но сам не показывался, зная, что снайперы ждут его появления.

Они сошлись на полосе шпал.

— Склад окружен, — сказал холодно Коваль. — Сопротивление бесполезно. Сдавайтесь, Соболев, поедем выяснять отношения.

Матвей ощутил мгновенное давление на глазные яблоки, на кости черепа, нервные узлы лица и понял, что перед ним *вселённый*, авеша кого-то из многореальных существ. Потеряв Хватова, директор каким-то образом вышел на уровень систем связи Внутреннего Круга и вызвал Монарха. А может быть, кого-то из иерархов.

— Не поеду я с вами, Сергей Вениаминович, — сказал Матвей. — Все обвинения в мой адрес ложны, и вы это знаете.

— Знаю, — кивнул Коваль. — И все же ты потенциально опасен, ганфайтер. Пока ты на свободе, я не могу спокойно делать свое дело.

— Нейтрализовать остальных лидеров-конкурентов?

— Ты все хорошо понимаешь. Я даже не буду тебя убивать, просто изолирую, посажу на некоторое время под замок.

— А зачем вы взяли с собой Казанцева и Зинченко?

— Неужели не догадался?

Матвей посмотрел в глаза директору, который значительно-торжественным тоном, подражая диктору телевидения, закончил:

— В завязавшейся перестрелке террористами были убиты начальник Главного управления по борьбе с организованной преступностью и его заместитель... Но этого можно избежать, — уже другим, будничным, тоном добавил Сергей Вениаминович. — Если вы сдадитесь без боя.

Матвей, вошедший в *режим*, шестым чувством понял, что директор ФСБ лжет. Их с Василием захват оставался самым удобным предлогом для уничтожения ближайших соперников.

— Хватова убил ты? — осведомился Коваль, делая какой-то знак пальцами левой руки.

— Воин Внутреннего Круга, — ответил Матвей, начиная ком-

бинацию чи-мэй[1]; он чувствовал, что времени на разгон обычных стилей — айкидо, русбоя или карате-дзицу — у него нет.

Телохранители директора, накачанные сверх всякой меры, наверняка хорошо держали удары, но защиты от парализующих прикосновений не знали. Они успели вытащить пистолеты только для того, чтобы тут же выронить их и рухнуть рядом. Коваль, будучи авешей иерарха, действовал быстрей, да и его психоматрица знала приемы э-боя и защиту от них, но для выполнения приемов одного знания их недостаточно, надобно иметь еще и тренированное тело, а этим Сергей Вениаминович, давно забывший, когда он в последний раз был на стадионе, как раз похвастаться и не мог. Пропустив шоковый укол, он на какие-то доли секунды замедлил темп движений, что позволило Матвею оглядеться для оценки внешних событий, и ему удалось уловить едва заметное движение Белоярцева, поднявшего пистолет.

Что у майора был «дырокол», а не обычное огнестрельное оружие, Матвей понял только после выстрела: за мгновение до того, как палец Белоярцева утопил гашетку «дырокола», он рванул Коваля на себя и увидел, как над бровью директора ФСБ вырос небольшой стерженек телесного цвета, тут же заплывший кровью. И лишь после этого послышался хрусткий стеклянный звон луча-струны «дырокола», сдвинувшего в пространстве луча атомы всех предметов в радиусе ста метров.

Коваль стал падать на Матвея, и это страшное долгое падение все длилось и длилось, а все кругом было как в тумане, и не хватало сил отвести взгляда от сантиметрового кровавого штырька, выросшего над бровью между лбом и виском директора...

Тра-та-та-та! — гулко заговорил пулемет с вершины вала.

Три пули попали Белоярцеву в лицо, отбросив тело за штабель шпал, остальные ударили по укрытиям, заставив солдат «Грозы» попрятать свои головы.

— Соболь, гони! — раздался голос Василия.

Напрягаясь до боли в натянутых мышцах, Матвей пробежал десять шагов по откосу вала вверх, нырнул головой вниз в открытый люк, и только после этого соединенные силы захвата открыли огонь из всех видов оружия, не сразу сообразив, куда надо стрелять: бега Матвея в режиме сверхускорения большинство бойцов не видели.

— Быстрее! — поддержал его снизу Василий, не терявший присутствия духа, швырнул в отверстие пола погреба одну из сумок, сиганул туда сам, крикнул: — Сумки возьми и больше ничего не трогай!

Матвей подхватил две оставшиеся сумки, бросил в люк и

[1] Чи-мэй — смертельный удар (кэмпо).

спустился туда сам. Когда он достиг дна квадратного колодца и углубился в узкий, но достаточно высокий ход, сзади раздался взрыв, и стены погреба-склада рухнули, завалив колодец.

Однако, вопреки ожиданиям Матвея, подземный ход закончился уже на двадцать девятом шаге. Наткнувшись на спину Василия, Соболев остановился, прислушиваясь, но сюда звуки с поверхности земли не долетали.

— Что остановился?

— Думаешь, копатель этого крысиного лаза, то есть я, разумеется, прорыл туннель до Кремля? — хмыкнул Василий. — К сожалению, всего лишь до одного из соседних погребов, о чем его хозяин, естественно, не подозревает.

Балуев потянул на себя за ручку деревянный щит, со скрипом оторвал перекладину, и в тот же момент ход сзади обвалился. Обоих швырнуло воздушной волной вперед. Василий выругался, но не выпустил ручки и открыл еще одну дверь, за которой оказалась деревянная стенка погреба. Отбить доски было минутным делом, после чего друзья проникли в помещение гораздо более скромное по размерам, чем то, откуда они только что сбежали. В нос ударили убойные запахи квашеной капусты, картофеля, плесени и пыли.

— Устраивайся, — гостеприимно повел рукой Василий. — Здесь можно год продержаться на овощной диете.

Матвей поднялся по лесенке к люку, нашел щель, но, кроме штабелей шпал, ничего не увидел. Не было и особого шума: стрельба стихла, ветер доносил лишь мужские голоса да звуки автомобильных моторов.

— Ход они вряд ли станут раскапывать, — сказал Василий. — Подождем, пока они уберутся отсюда, тогда и уйдем.

— Они не дураки и рано или поздно начнут обшаривать все погреба и сараи в округе. Уходить надо сейчас, пока они не опомнились.

Балуев раздумывал недолго.

— Ты прав, давай переоденемся и попробуем пробраться за кольцо оцепления. Коваль быстро сообразит, где нас искать.

— Не сообразит. Его убрал Люда... Белоярцев... из «дырокола». Так что, не вмешайся ты, я бы сейчас тоже лежал там с дыркой в одном боку и стержнем из собственной кожи в другом.

Василий странно посмотрел на Соболева: оба уже адаптировались к темноте и все вокруг хорошо видели.

— Ты что? — встревожился Матвей.

— Ничего... интересно получается... Рыков мне сказал, что они всегда добиваются цели. Какая ему разница, каким путем это достигается. Им надо было убрать директора ФСБ, они его убрали. Послушай, может, чтоб отстали, сделаем то, чего они от нас

хотят? Коваль уже готов, осталось убрать Гусева, министра МВД, лидеров «ККК» и «СС»...

— Не отстанут, — убежденно сказал Матвей. — Мы слишком много знаем. Союз Девяти получил от иерархов особые команды ПАН и ПРОПАЛ для наведения на цель и ликвидации неугодных лиц. Психоматрицы ликвидаторов внедряются в людей, подходящих для выполнения задания, и те делают дело. В Тамбове меня перехватили опера особого отдела МВД. Кроме того, сомневаюсь, что Коваль в самом деле мертв. В момент выстрела он был авешей Монарха, что давало ему шанс выжить. Но ты попал в точку, Союз Девяти способен, наверное, точно рассчитать самые сложные траектории решения проблемы.

Матвей почувствовал вдруг ледяной озноб, вспомнив слова Горшина о том, что он сидит в узле чужих программ... Так, может быть, и в самом деле он *запрограммирован* иерархами на выполнение определенного задания? Но какого? Да иерархами ли? Зачем им в таком случае нейтрализовывать его, устраивать на него охоту? Может быть, в нем заинтересованы... Аморфы?

— ...расселся? — донесся в этот момент голос Василия. — Переодевайся быстрей!

Через минуту они превратились в пожилую пару, в которой роль супруги играл Василий. Сумки спрятали в том же коридорчике, откуда вышли, предварительно восстановив деревянную обивку стены погреба. Открыли люк, перекусив изнутри дужку висячего замка, и выбрались наружу с ведром картошки в руках. Пока Василий цеплял новый замок на крышку люка, Матвей осматривался и возблагодарил Спасителя за то, что погреб располагался по другую сторону вала железнодорожного пути. С этой стороны «федепасы» оставили охрану всего из двух человек и машины, на которых приехали.

Солдаты, равнодушно глянув на вышедших из погреба старика и старуху, снова уставились на вершину вала, где копошились их товарищи, и ганфайтерам не оставалось ничего другого, как сесть в одну из машин — фургончик «Каролина», в одно мгновение обезвредив водителя.

Через четверть часа они бросили фургон возле Белорусского вокзала, где поймали такси и доехали до своей «базы» в квартире Марии.

РАНДЕВУ С ХРАНИТЕЛЕМ

Ульяна позвонила в двенадцать ночи, когда Матвей и Василий уже пришли в себя после схватки с подразделением ФСБ и укладывались спать, разработав план проникновения на базу юр-

геновского отряда «Стикс» в Бутове. До этого Василий нашел Шевченко, попросил его дать поработать на компьютере Ассоциации «Барс» и, зная коды Минобороны, вытащил из оборонной компсети необходимые сведения о военном городке в Бутове. Теперь ганфайтеры знали все, что было нужно для проведения операции по освобождению Кристины и Стаса.

Трубку сняла еще не ложившаяся спать Мария, подозвала к телефону Соболева, кутаясь в пуховый платок поверх вызывающе открытого халатика. В глазах ее стояли любопытство и грусть, и Матвей, беря трубку, погладил ее по руке.

— Соболев, — услышал он голос Ульяны. — За вами сейчас заедут, собирайтесь и спускайтесь во двор.

— Это обязательно? — не сразу спросил Матвей.

— Если хотите жить — да! — Телефон замолчал.

— Кто это? — не удержалась на этот раз от вопроса Мария. — Жена?

— Сестра, — почти честно ответил Матвей, разведя руками. — Кажется... мы уезжаем.

— На ночь-то глядя?

— Так мы живем... с некоторых пор.

— Придете еще?

— Не знаю, — сказал Матвей честно. — Собирайся, — бросил он оторвавшему голову от подушки Василию.

Тот, демонстрируя неплохую выдержку, молча стал одеваться, и Матвей объяснил:

— Звонила Ульяна, нас куда-то повезут.

— Лишь бы не на кладбище. Поедем налегке?

— На всякий случай экипировку возьмем с собой.

Они спустились во двор, одевшись по-походному в теплые джинсовые костюмы, с сумками через плечо, и несколько минут простояли в подъезде, глядя на мокрый асфальт двора. Черная «Мазда» с военным номером подъехала тихо, не зажигая фар. За рулем сидела Ульяна Митина.

— Добрый вечер. Сумки могли бы и не брать.

— Уже ночь, — сказал Василий, на которого присутствие Ульяны действовало гипнотически. — А в сумках только завтраки. Куда вы нас решили забросить?

— На кудыкины горы, — засмеялась Ульяна, и от ее смеха у Матвея сжалось сердце, готовое разорваться на части: одна его часть болела болью за Кристину, вторая радовалась встрече с Ульяной.

«Мазда» выкатилась на улицу, повернула по Фрунзенскому валу к набережной. До окончания поездки они не произнесли ни слова. Через сорок минут машина съехала с Волгоградского про-

спекта на Люблинскую улицу, остановилась возле автозаправки. Из темноты вышел человек в плаще, подождал, пока они выйдут.

— Я подожду вас здесь, — сказала Ульяна. — Ни пуха...

— К черту!

Матвей двинулся к человеку в плаще и вдруг узнал в нем Самандара. Остановился. Василий ткнулся ему в спину, чертыхнулся, вытаращив глаза на директора МИЦБИ.

— Вы же... убиты!

— Как видите, не совсем, — невозмутимо ответил Вахид Тожиевич. — Посвященных трудно уничтожить. Пойдемте, друзья, нас ждут.

Матвей повиновался без слов.

Они вошли в небольшой сквер возле одиноко стоящего двухэтажного старинного особняка, сохранившегося, судя по медной доске на фасаде, со времен Петра I, взошли на резное каменное крыльцо, где их ждал еще один человек — Иван Парамонов. Он пожал друзьям руки, подтолкнул их к открывшейся двери, шепнув:

— Идите смело.

Отчего-то оробевшие Матвей и Василий шагнули за порог и, преодолев в полутьме коридор, вошли в комнату с камином, где горел огонь. Отблески его освещали фигуру человека в кресле перед камином, и, хотя в мятущемся свете трудно было разглядеть лицо сидящего, Матвей сразу узнал его.

— Хранитель!

— Матфей?! — эхом отозвался Балуев.

Человек поднял голову, сделал приглашающий жест.

— Проходите, идущие, присаживайтесь. — Он подождал, пока гости снимут куртки и сядут в приготовленные для них кресла. — Меня кое-кто просил помочь вам, и аргументы этих людей показались мне достаточно убедительными. Но все же хотелось бы побеседовать с вами, прежде чем мы перейдем к конкретным делам.

— Кто просил? — полюбопытствовал Матвей.

— Те, кто привел вас ко мне.

— Самандар и Парамонов? — удивился Василий. — Но ведь они же... отступники!

— Может быть, по отношению к воле иерархов, но не по отношению к законам Внутреннего Круга.

— Разве они не преступили Закон мауна?

— Конечно, нет, потому что они нашли Учеников. На подобную ситуацию Закон мауна не распространяется.

— Допустим. И все же непонятно, почему вы согласились помочь нам. Такие люди, как вы, обычно устанавливают контакты только с равными себе.

— А кто сказал, что мы не равны? — По губам Матфея скользнула едва заметная улыбка. — Но мы еще вернемся к этому.

— Хорошо, тогда сразу главный вопрос: чем вы можете помочь нам?

— Ваши друзья просили подключить вас к эгрегору Хранителей. Они сказали, что вы знаете принципы такого вхождения.

— Стать пользователем силы эгрегора можно, лишь став предварительно проводником его идей...

— Абсолютно верно. Вы готовы к этому?

Матвей и Василий переглянулись.

— О каких идеях идет речь?

— Девять Неизвестных, с которыми вы имели честь столкнуться, стратегически правы: реальность требует коррекции на многих уровнях, в том числе и на социальном. К сожалению, структура запрещенной реальности, как и во времена Инсектов, основана на абсолютной слабости, малодушии, бессилии, невежестве, полной уязвимости индивида, который создает коллективные системы защиты, поддержки и контроля. Вся история человечества иллюстрирует власть патологических форм над нормальными. Да, повторюсь: Девять Неизвестных совершенно правы — нашу реальность необходимо жестко корректировать. Но для этой цели они избрали негодные средства. Возможен иной путь.

— Какой же?

— Принцип ненасилия.

— Кажется, мы понимаем.

— Наверное, все же не до конца. Принцип ненасилия не равнозначен религиозному принципу покорности.

— Если это так, — вставил слово Балуев, — то почему вы не вмешаетесь в деятельность Девяти?

— Я мог бы ответить девизом Хранителей: мы подобны Солнцу, которое одинаково светит всем! Но я отвечу иначе: Хранители давно были бы уничтожены, если бы вмешивались в силовые разборки властных эго-структур Мироздания.

— Тогда почему сегодня вы изменили этому принципу?

— Нет, еще не изменил. — Опять беглая улыбка коснулась губ Матфея. — Ведь даже помощь нашего эгрегора — не панацея от вмешательства более мощных сил. Но не буду лукавить: Хранители встревожены. Мы видим, что происходит ускоряющаяся инсектиализация и бестиализация интеллекта: чем умнее индивид, тем отчетливее в нем проступает насекомое и могущественный зверь. Прогресс порождает все большее число титанов ума и пигмеев духа. На примере маршала Сверхсистемы это можно проследить достаточно ярко. Под угрозой дело всей нашей жиз-

ни — Хранение Информации. Вот почему мы не можем стоять в стороне.

Матвей покачал головой.

— Вы спохватились слишком поздно.

— Ваша оценка эмоциональна и потому неверна.

— Но мне вы уже не сможете помочь, иерархи заблокировали мне выход в энергоинформационное поле астрала и ментала.

— Астрал и ментал — лишь первые два уровня информационного континуума, существуют и другие — универсум и логос. С помощью эгрегора вы сможете их достичь... если эгрегор Хранителей примет вас. Ведь он тоже — своего рода *рой*.

— Не эгрегоры мы выбираем, а эгрегоры выбирают нас, — пробормотал Матвей.

— Абсолютно верно.

— А можно пару конкретных вопросов? — вмешался Василий, дождавшись паузы. — Что оберегают Хранители? И где? В МИРах Инсектов?

— МИРы Инсектов сохранились лишь благодаря воле иерархов, мы не имеем к ним никакого отношения, как и вообще к сохранившимся Великим Вещам той жизни. Мы храним информацию, и место ее хранения — эгрегор.

Василий непроизвольно округлил было губы, чтобы свистнуть, и сдержался, уловив брошенный на него взгляд Соболева.

— Чтоб мне лопнуть! Я никогда бы не... Значит, и оружие Инсектов тоже не находится под вашей опекой?

— Увы, мой друг. И то, что его собираются реактивировать, беспокоит нас еще больше. Если вам удастся помешать этому, грядущее Изменение может не произойти.

— Вам и это известно... что готовится новое Изменение? Если да, то кем?

Матфей отвернулся, подбросил полено в огонь. Из тьмы вдруг выступил его чеканный суровый профиль, и Соболеву на мгновение стало страшно.

— Существует изречение, — медленно проговорил Хранитель. — Бог никогда не отменяет того, что однажды решил, если даже нам и кажется, что происходит нечто противоположное[1]. Аморфы ушли... не все, но большинство. Однако остался тот, внутри которого мы живем... и терпение его не беспредельно.

— Вы говорите... жуткие вещи! — вполголоса заметил Василий, который тоже понял смысл и тон сказанного. — Если ничего нельзя сделать, если новое Изменение запрограммировано, стоит ли барахтаться, бороться за справедливость, пытаться изменить жизнь к лучшему?

---

[1] Винсент де Поль.

— Только такие попытки и смогут оттянуть перемены, а то и вовсе отменить.

— Ну, коли так, тогда есть смысл... тогда давайте говорить о конкретных вещах. Что вы хотите нам предложить?

— Как всегда — только информацию, — усмехнулся Хранитель. — Вы многое знаете, но не все. Существует шесть так называемых эго-групп существ, чьи сферы интересов пересеклись в запрещенной реальности, в том числе и на Земле. И все шесть считают, что именно они действуют правильно, в соответствии с абсолютным пониманием добра и зла. Вот эти группы: группа Монарха, группа Лекса...

— Стоп! — тут же отреагировал потрясенный Матвей. — Как вы сказали? Группа... Лекса? Разве он не... сам Монарх?

— Лекс — Аморф, который предложил свою концепцию переустройства реальности, отличную от той, что исповедуют иерархи и Монарх. Я продолжу, если позволите.

Матвей, который наконец нашел объяснение своим дискомфортным ощущениям во время недавнего разговора с Ковалем, как оказалось — авешей не Монарха, а Лекса, согласно кивнул.

— Итак, группы Монарха, Лекса, иерархов низших каст — Посвященных и Мастеров, инфарха и примарха, Внутреннего Круга — то есть базового лагеря, к которому имеем честь принадлежать и мы. И наконец, Союза Девяти. Все эти группы ведут тихую, но весьма напряженную борьбу за право управлять законами реальности. И почти все они будут убирать возникающие препятствия любым доступным им способом.

— Например, организуя «волны выключения».

— Абсолютно верно. Вы стали мешать Девяти, иерархам, инфарху, Аморфам... в общем, финал достаточно ясен, если вы не остепенитесь.

— Тогда почему вы так печетесь обо мне? Зачем я нужен вам? Что должен делать, чтобы выжить?

— Не мне вы нужны — Мирозданию. Раздоры всех перечисленных эго-групп может прекратить лишь корректирующая Личность, или аватара[1], если вспомнить мифологию. Аватара всегда появляется, когда миру угрожает опасность, когда под угрозой все человечество. Будда, если помните, был аватарой бога Вишну, как Иисус Христос — аватарой христианского Бога. Но это к слову. Наша реальность ждет нового аватару. Вы понимаете?

Василий ошеломленно глянул на Матвея, перевел взгляд на Хранителя.

---

[1] Аватара — в индуистской мифологии нисхождение божества на землю, его воплощение в смертное существо ради «спасения мира», восстановления закона и добродетели.

— Вы что же... хотите сказать, что Соболев... аватара?!

— Еще нет, но — надежда на него. Очень многое зависит от его деяний, мыслей, переживаний, устремлений, от выбора пути. Аватара должен обладать шестью качествами: силой и властностью, могуществом, величием, мудростью и самоотречением. И прежде всего — самоотречением.

— Что ж, в таком случае мне это не грозит, — с грустной уверенностью и философским спокойствием отозвался Матвей. — Я есмь человек... и давайте о другом. Все эти разговоры об аватаре смешны.

— Давайте о другом, — согласился Матфей. — В скором будущем вам придется выдерживать атаки на уровне глубокой психики — витальные и ментальные. Витальная атака, «затемнение просветленного», действует на сознание, ментальная — увод с «путей истинных» — на подсознание. Вам надо научиться защищаться от них. Существует техника уклонения от психического удара путем перехода на другую частоту психического состояния. Мы научим вас этому. Надежда на аватару, как бы вам ни были неприятны эти намеки, остается.

— Но почему все-таки именно я? Не Посвященный, не человек Круга, не иерарх?

— Каждый человек получает по наследию полный пакет генетических программ, в том числе и ранее не использованных, и тех, которые должны работать через тысячи поколений. Но только сильные личности, способные к самоотречению и смирению, имеют шанс генетического резонанса, поднимающего их на уровень Великого Деяния. Ищите Учителя, юноша.

— Ученик должен соответствовать уровню Учителя.

— Горе и боль — вот самые доброжелательные Учителя. Но вы поймете это позже. Думайте, будем думать и мы.

Матвей понял, что аудиенция окончена, встал, поклонился и пошел к двери, взяв в руки куртку. Василий, вконец осоловев, сраженный свалившейся на его голову информационной бомбой и не в меру разыгравшимся воображением, молча последовал за ним.

Парамонов, ожидавший у крыльца, сразу понял все по их лицам и, не говоря ни слова, повел к машине. В кабине, посидев минуту неподвижно, Матвей обвел прозрачно-голубым взглядом лица сидящих и прошептал:

— И все же этот путь, наверное, тоже не мой... — Матвей словно очнулся. — Пора действовать, монсеньоры. Который теперь час?

— Два ночи.

— Я иду за той, которой принес столько горя... — Матвей прервал сам себя, поясняя: — Я иду за Кристиной. Вася, ты как?

— Обижаешь, аватара, — пробурчал Балуев.

— Мы пойдем туда вместе, — мягко и решительно проговорил Парамонов. — Потом расскажете, как сложилась беседа.

Ульяна за рулем, посматривая на отрешенное лицо Матвея, тронула машину с места.

ТЫ НАС НЕ БРОСИЛ!

Операция по освобождению Кристины и Стаса напомнила Матвею его поход с Тарасом Горшиным в больницу ФСК за раненым Аристовой. Только теперь роль лидера играл Парамонов, а участников экспедиции было четверо, включая Матвея с Василием и Самандара с Парамоновым. Да Ульяна за рулем автомобиля.

К военному городку в Бутове, пригрезившемуся Соболеву во сне-предупреждении, они подъехали в четвертом часу ночи, экипированные по высшему стандарту операций класса «элит».

Первыми к будке проходной рядом с воротами подошли Самандар и Соболев. Дремавший на вышке часовой в двадцати шагах от ворот встрепенулся, но увидел знакомые фигуры и снова закрыл глаза. Разбуженные звонком дежурные лейтенант и сержант в будке поста открыли дверь, увидели полковника Юргена в сопровождении телохранителя и вытянулись по стойке «смирно», балдея от появления начальства в столь неурочное время.

«Юрген», не говоря ни слова, прошел во двор городка, направился к отдельно стоящему одноэтажному кирпичному строению с узкими зарешеченными окнами и металлической дверью, но на полпути свернул к штабному домику, на крыльцо которого вышел дежурный офицер базы майор Гарькавый, предупрежденный охраной на входе, приложил руку к берету:

— Товарищ полковник, за время дежурства в подразделении...

— Оставь, майор, — бросил «Юрген». — Что с пленниками?

— Да вроде все в порядке, находятся под усиленной охраной, сейчас, наверное, спят.

— Откройте изолятор.

— Слушаюсь.

Майор нырнул в дверь штаба и вернулся с ключами. На лице его жило выражение жгучего желания проснуться.

— Может быть, нужно что-нибудь еще?

— Поспеши, мне некогда. — «Юрген», не оглядываясь, пошел к угрюмому зданию изолятора, старший дежурный смены поспешил вперед, остановился перед строением в десяти метрах, поднес к губам рацию.

Тотчас же из темноты с трех сторон выступили темные фигуры в маскировочных костюмах, с автоматами в руках. Дверь в изолятор распахнулась, и на пороге появился... еще один полковник Юрген в своем фирменном комбинезоне для десантных операций.

Матвей покосился на Самандара, играющего роль полковника, и увидел на его лбу выступившие капельки пота.

— Наконец-то вы решились на штурм, — с веселым пренебрежением сказал настоящий Юрген. — А ничего, с виду ты — вылитый я... если смотреть издали. Вы, конечно, мощные гипнотизеры... или кто там еще, мне говорили, но вот одного вы не учли. — Полковник поднял волосы на виске, под которыми блеснула металлическая сеточка. — Генератор пси-защиты. На них — тоже. — Он указал на окруживших гостей солдат. — Так что, увы, ганфайтеры, штурм ваш провалился. Даже обидно, что вы действовали так прямолинейно, могли бы придумать что-нибудь и похитрей. Неужели вдвоем рассчитывали отбить своих баб и детей у моего «Стикса»?

Самандар и Матвей молчали. Юрген хмыкнул.

— Что-то вы не очень разговорчивы. Кто из вас Соболев, а кто Балуев?

Матвей понял, что, несмотря на защитные приспособления, Самандар продолжает держать сознание полковника и его подчиненных под контролем, значит, пока все шло по разработанному сценарию.

— Я Соболев, — шагнул вперед Матвей.

— Ага, я так и думал. — Юрген махнул рукой майору с рацией. — Проверьте периметр и пройдитесь вокруг базы на всякий случай, вдруг у них есть поддержка. Ну, а с вами...

— Подожди, полковник, — быстро проговорил Матвей. — Дай хоть взглянуть на... пленников, убедиться, что с ними ничего...

— А вот это уж — позволь, пусть пока посидят. Никто и пальцем не тронул, хотя было желание... поиграть с мадам, уж больно красивая. — Юрген растянул губы в плотоядной улыбке, глаза его стали маслеными. — Кусается только.

— Если ты ее... — Голос Матвея стал хриплым.

— То что? — поднял брови Юрген. — Ты меня в угол поставишь? — Солдаты заржали. — Или проведешь операцию перехвата под огнем шести стволов? Вряд ли тебе это удастся даже с твоими возможностями. Но вообще идея хорошая — потягаться с тобой в спарринге. Министр почему-то дал приказ доставить тебя к нему живым, но он ничего не говорил, когда — до боя или после. Будем считать, что мы перехватили вас при попытке десантного прорыва.

— Покажи... девушку... и сына... — проговорил Матвей шепотом. — Потом устроим показательный бой.

Юрген оскалился, собираясь ответить отказом, но почему-то передумал. Капли пота на лбу Самандара стали крупнее, и Юрген пренебрежительным жестом подозвал дежурного майора:

— Приведи их, пусть посмотрят напоследок.

Майор скрылся в здании изолятора и через несколько минут вывел Кристину и сонного Стаса. Несколько долгих мгновений Матвей вглядывался в их родные, осунувшиеся, бледные лица, молча передавая импульсы любви и нежности, надежды и успокоения. Потом повернул голову к Юргену:

— За то, что ты сделал, полковник, ты скоро заплатишь в полной мере.

Юрген сплюнул, махнул рукой на изолятор.

— Уведите! — И в это время недалеко вдруг послышался звук автомобильного мотора, смолкшего у входных ворот. — Кого еще принесло? — прислушался к шуму Юрген, доставая рацию. — Сманидзе, что там у тебя за шум?

В ответ ворота базы раздвинулись, и во двор вкатился широкий черный «Лендровер» с флажком на капоте, приблизился, урча мотором, к зданию изолятора.

Открылась дверца, и из темного нутра автомобиля грузно вылез... министр обороны Федор Иванович Гусев.

Если бы Матвей сам не готовил появление «министра», он поверил бы в то, что появился истинный министр, собственной персоной. У него на миг даже возникло сомнение: уж не случилось ли совпадения?

— Этих в машину, — властно бросил «Гусев», кивая на девушку и Стаса. — А этих в подвал. — Беглый взгляд на Матвея и Самандара. — Все-таки решились на штурм базы. Молодец, полковник, дождался. Я не верил, извини. Смотри-ка, один из них здорово смахивает на тебя, а?

— Удивляться не приходится, — пожал плечами Юрген. — Маскироваться они умеют. Если бы меня здесь не было, кто знает, как бы все повернулось. Вы забираете пленников? Зачем?

— Они тебе больше не понадобятся. — Министр знакомо глянул на Юргена из-под кустистых бровей. — Не увлекайся играми в честные поединки, ты мне понадобишься к утру.

Юрген осклабился.

— Мы тут просто выясним отношения. Об этом ганфайтере так много говорят, что мне не терпится проверить его на профпригодность. Хочу выяснить, на чем погорел Паша Кийк, пусть покажет свое мастерство.

— Ну-ну. — «Гусев» обошел стоящих неподвижно Матвея и Самандара, изображавшего Юргена. — Я был о вас лучшего мне-

ния, господа ганфайтеры. На что вы рассчитывали? Впрочем, полковник вскоре задаст вам эти и другие вопросы, советую отвечать искренне и честно, это облегчит вашу участь.

«Министр» сел в машину, куда верзила телохранитель затолкал Кристину и Стаса, потом высунулся в окно.

— Привези их мне к восьми утра домой, желательно живыми. Понял?

— Да ладно, генерал...

— Не перестарайся с «болевиком», полковник, а то я тебя самого пропущу через него! — В голосе «министра» прозвучала такая зловещая угроза, что Юрген невольно подтянулся.

— Все будет сделано, господин министр!

— Оставляю своего малыша, он проконтролирует.

Верзила-телохранитель «Гусева» вылез из машины, и Матвей с трудом узнал в нем Василия, да и то лишь потому, что ожидал его появления.

«Лендровер» заурчал двигателем, попятился и повернул к воротам, заливая их потоками света от фар. Все во дворе спящей базы смотрели ему вслед, пока он не исчез и пока не стих звук мотора. Потом Юрген очнулся, улыбнулся мертвой улыбкой, сказал оставленному «министром» охраннику:

— Только не вмешивайся ни во что, лады? У меня с этими парнями свои счеты. Я гляжу, ты новичок, так вот мой тебе совет: подумай о карьере. Договорились?

Василий кивнул, отошел в тень здания, и все тут же забыли о нем.

— Только один вопрос, полковник, — с неожиданным холодным безразличием проговорил Матвей, с плеч которого словно гора свалилась, ему хотелось плакать и смеяться, петь и кричать, но среди лиц солдат привиделось укоризненное лицо деда, и это остужало огонь ненависти. — Кто убил Кузьму Федоровича?

— Ну я, — пожал плечами Юрген. — Хотелось проверить действие «болевика» на таком материале. Он и минуты не продержался. Что еще тебе хочется узнать, ганфайтер? Все свои вопросы задал? Может быть, начнем?

— Начнем! — ответил Матвей, переходя на *темп*.

Юрген почувствовал, что сделал ошибку, решив «поиграть» с ненавистным ему мастером рукопашного боя, когда его блок и защита не смогли нейтрализовать атаки противника. Удары были столь сильными и жестокими, что спасло полковника лишь умение концентрировать энергию на мышечном обезболивании. Но даже это мало помогло.

Сначала он пропустил два удара подряд из техники русбоя — «штык» и «сивуху», от которых пролетел по воздуху метров пять и сбил с ног одного из своих подчиненных с автоматом. Потом его

блок пробил удар ногой, известный адептам боевых стилей под названием ёко-гэри ка-суми[1], от которого Юрген снова пролетел по воздуху несколько метров и врезался головой в бочку с водой, стоящую у колонки.

— Возьмите... их! — прохрипел он, царапая пальцами карман куртки, чтобы достать пистолет.

Бойцы «Стикса» бросились на Самандара и Матвея, но двое из них тут же споткнулись и упали, чтобы уже не подняться. Старший дежурный, сопровождавший «начальство» к изолятору, не был новичком и успел заметить движение телохранителя, оставленного «министром» (Василий бросил две звездочки сякэнов), но успел только поднести к губам рацию и был вырублен еще одним точным броском Василия. Сюрикэн разбил рацию и глубоко вошел в рот майора вместе с осколками рации.

Самандар нейтрализовал двух автоматчиков и отступил в сторону, напрягая свою чувственно-волевую сферу для более полного контроля схватки и часовых возле ворот. Остальных «зомби» Юргена взял на прием Василий, ломая им челюсти, руки и ребра, не давая возможности начать стрельбу. Общий бой поэтому длился всего минуту и закончился падением последнего «зомби»-солдата; всего их оказалось семь человек.

Затем Матвей нанес последний удар Юргену из системы эбоя и остановился на дрожащих от напряжения ногах, опустил руки. Удар-укол поразил одну из болевых точек за ухом, но был нанесен с таким энерговыходом, что возбудил *всю* нервную систему. Нервы Юргена буквально взбесились от пси-ожога, и он закричал, завыл от дикой боли, вцепившейся в тело, в глазные яблоки, гениталии, в позвоночник и мозг. Этот крик был так страшен, что заставил вздрогнуть даже Самандара, с трудом удерживавшего контроль над проснувшимся часовым на вышке.

— Уходим! — дернул Василий за рукав Матвея, бросаясь к воротам.

Сам он рванул было за ним, но вернулся, заметив, что в какое-то мгновение Матвей вдруг застыл, словно парализованный.

— Какого дьявола?

Матвей очнулся, подошел к Юргену, бившемуся на земле, наклонился над ним, глухо проговорил:

— Деду было еще больней, подонок!

Крик превратился в хрипение, Юрген открыл безумные глаза, вытянул из-под себя руку с пистолетом, вернее, с «болевиком», и Матвей одним движением освободил его от мук и боли.

Тревога на базе началась, когда они прошли через проходную (часовые опять увидели полковника Юргена с двумя солдатами)

---

[1] Ёко-гэри ка-суми — удар ногой в висок.

и скрылись за углом продовольственного магазина, где их ждала в машине Ульяна.

Всю поездку на скорости сто двадцать километров в час они провели в молчании, возбужденные и усталые, все еще переживая отдельные моменты боя. Затем Ульяна остановила «Мазду» и сказала ровным голосом:

— Приехали.

Матвей наконец пришел в себя, огляделся, понял, что Ульяна привезла их к дому Марии. Вопросительно посмотрел на нее:

— Где... они?

— Парамонов доставил твоих близких сюда, — ответил Самандар ворчливо. — Но следует подыскать для них более надежное место. Если оно, конечно, еще существует на Земле.

— Спасибо. — Матвей глянул в лицо Ульяны. — Теперь я навеки ваш должник. И еще мне хочется... сказать... — Он запнулся, и девушка закончила за него:

— Мы не прощаемся, идущий. Кто знает, когда и где это произойдет, но мы обязательно встретимся. Ты и я... и Вахид Тожиевич, и Иван Терентьевич...

— И я, — вставил слово Василий полушутливо, но с обидой.

Ульяна улыбнулась.

— И вы, синьор Балуев.

Матвей вылез из машины, потянул за собой Василия. Мигнули фары, «Мазда» тронулась с места и, словно призрак, растворилась в темноте переулка.

— Были бы у меня крылья... — пробормотал Василий, глядя вслед машине, и, обнаружив вдруг, что остался один, поплелся к подъезду, в котором только что скрылся Матвей.

Дверь открыла им Мария, лицо которой выражало недоумение, пугливое ожидание и обескураженность.

Матвей, не отвечая на ее немой вопрос, вошел в прихожую и едва не был сбит с ног ворвавшейся туда Кристиной, а за нею и Стасом.

— Любимый! — с рыданием проговорила Кристина, обнимая за шею Соболева. — Ты нас не бросил! Ты... нас... не бросил!

Вошедший Василий молча развернул Марию, глядевшую на эту сцену во все глаза, и подтолкнул к гостиной.

МИР ВОЗБУЖДЕННЫЙ

Глубокой ночью они проникли в подземный ход, ведущий к Кремлю под Москвой-рекой из-под церкви Николая Чудотворца на Берсеневской набережной.

Целый день до этого события Матвей и Василий отдыхали,

заботливо опекаемые Кристиной и Марией, быстро подружившимися. И было это так хорошо, что Матвею не хотелось ни о чем больше думать и ничего делать. Если бы не тревога на душе за судьбы Посвященных, ставших родней и ближе за несколько проведенных вместе часов, то все было бы и совсем отлично.

Однако Матвей первым напомнил Василию об их обязательствах перед Ульяной, поэтому вечер они потратили на сборы, с трудом успокоив женщин и Стаса, не желавших ни в какую отпускать их.

Оба были экипированы по высшему классу «элит», разве что вместо маскировочных комбинезонов они надели черные ночные костюмы из комплектов «ниндзя». Остальное снаряжение соответствовало цели похода — проникновению в реликтовый МИР-Храм Инсектов и уничтожению склада с оружием древних разумных насекомых, буде таковой найдется. Плюс нейтрализация команды лидера «Чистилища», вознамерившегося подвооружиться более мощными системами уничтожения людей.

В подземный ход под Кремлем проникли легко. Никто его не охранял, а замки на воротах и дверях палат думного дьяка Аверкия открыть не составило особого труда.

Фонарей не включали, имея шлемы с ноктовизорами последней модели, позволяющими ночью все видеть почти так же хорошо, как днем. Матвей снова попытался войти в состояние меоза, ему это не удалось, и он на сей раз оставил эти попытки, с горечью констатируя свое неумение пользоваться прямым каналом связи с Горшиным.

Стенку, отделяющую тупиковый туннель от параллельного, ведущего в недра Кремлевского холма, удалось проломить обыкновенным ломом, который они взяли с собой специально для этой цели; сложена стенка была из двух рядов кирпичей — белых, современных, и коричневых, окаменевших от старости и многовекового пребывания под землей. Почему этого не сделали ранее исследователи подземелий, оставалось только гадать.

Второй коридор оказался ненамного шире, но существенно выше, так что идти можно было, не сгибаясь в три погибели.

— Что-то незаметно, чтобы Громов со своими охранниками пользовался этим туннелем, — заметил Василий, прикрывая тылы.

— Значит, он знает другой путь, — отозвался Матвей, чувствуя, как участилось дыхание и засосало под ложечкой. Экстрасенсорная система отзывалась на какую-то опасность впереди, на «ветер зла». — Мы вообще-то не с того начали. Надо было сначала нанести визит Громову домой, выяснить его намерения, чей он авеша, что собирается делать с оружием Инсектов. Возникает

и такой, например, вопрос: почему он только теперь вспомнил об оружии? Отчего не воспользовался им раньше?

— Потому что не знал, где оно, — резонно заметил Василий. — Или не позволяла ситуация. Теперь же у него земля горит под ногами, псы спецслужб стали наступать на пятки, вот и пришло время взяться за сверхоружие, способное изменить баланс сил в его пользу.

Продолжая разговаривать шепотом, они углубились в туннель не менее чем на километр, дошли до нового тупика, но тут же обнаружили за стеной еще один ход и опять пустили в ход ломик и саперные лопатки.

Этот туннель оказался даже и не туннелем, а овальной трубой с фосфоресцирующим покрытием, зеленоватым, рельефным, но очень скользким. Идти по нему на подъем было бы очень трудно, но, к счастью, он вел под уклон, и, вспомнив свое путешествие под дачу Ельшина, друзья решили применить тот же способ: переместили заплечные ранцы на грудь, легли на спину и покатились вниз, притормаживая изредка кинжалами.

Труба хода нырнула глубже под углом сорок пять градусов и вынесла их в зал с еще одним Храмом Инсектов, каких они еще не встречали. Скорее всего, это был МИР формикоидов, муравьев разумных, если судить по его муравейникоподобной форме. Перед встающими с пола людьми возвышался удивительной красоты купол с гармоническим узором многочисленных окон, входов и сложной системой подвесных дорог, соединяющих входы. Материал купола напоминал крупнокристаллический красно-коричневый гранит, а обрамление входов и дороги — щебенку из какого-то минерала наподобие малахита. Самым же удивительным было то, что щебенка эта казалась ничем не скрепленной, не склеенной, камни просто касались друг друга, но почему-то держались, не рассыпаясь.

Как и в других подземных пещерах с МИРами, в этой полости высотой не менее двухсот метров светился сам воздух, поэтому «муравейник» формикоидов был виден во всех деталях. Однако стоило Матвею и его спутнику сделать шаг к нему, как их ослепили вспыхнувшие с двух сторон прожекторы.

— Рад приветствовать вас, ганфайтеры, в МИРе формикоидов! — раздался чей-то насмешливо-сочувственный голос, и из темноты ближайшего входа в «муравейник» вышел координатор «Чистилища» в сопровождении комиссара-пять Валерия Шевченко. — Мы ждем вас здесь уже третьи сутки, прямо заждались, господа волкодавы. Уж думали, не случилось ли что! Валерий Егорович никак не хотел верить, что вы явитесь вдвоем.

Громов сделал два шага вперед и остановился, почувствовав растущее напряжение друзей.

— Сопротивляться не советую, вас расстреляют с трех сторон, не спасет ни реакция, ни бронежилеты. Предлагаю мирные переговоры.

— Разве у нас есть выбор? — сразу успокоился Василий, снимая свой шлем. — Привет, Валера.

Шевченко вскинул руку в приветственном жесте. Было видно, что он чувствует себя не в своей тарелке.

— Выбор есть всегда. По легенде, даже такие выдающиеся личности, как Владимир Ульянов, шли на компромиссы, спасая свою шкуру. Но не беспокойтесь, я не предложу ничего такого, что шло бы вразрез с вашей нравственной позицией.

— Конкретнее.

Громов не ответил на реплику Василия, ожидая реакции Матвея, который наконец определил количество снайперов, держащих их на мушке: стрелков было действительно трое, да еще телохранители координатора «ККК» в количестве четырех-пяти человек, прячущиеся в глубине непросматривающегося входа в «муравейник». Со всеми можно было бы потягаться в меткости и отбиться, но что-то смущало Матвея, какой-то неучтенный им фактор, и без разгадки этого фактора начинать бой он не хотел.

Шагнул вперед, снял шлем.

— Вас всего девять человек, полковник, учтите это, когда начнете маневр. Этой команды будет недостаточно, чтобы остановить нас. Начинайте свои переговоры.

Громов усмехнулся, повернул голову к Шевченко.

— Валерий, позови генерала.

Шевченко поманил кого-то из глубин МИРа формикоидов, и оттуда собственной персоной появился начальник военной контрразведки, подошел к Громову.

— Здравствуйте, Соболев. Давно хотел познакомиться с вами, да все никак не удавалось.

— Он здесь для того, — сказал Дмитрий Олегович, — чтобы вы убедились в чистоте моих помыслов. Мне нечего скрывать от тех, кто защищает честь и достоинство людей.

— Короче, — не выдержал Василий, — все мы умеем говорить красиво.

— Раньше или позже «Чистилище» прижмут к стенке, — продолжал Громов. — А мы еще далеко не закончили чистку государственного организма от вирусов коррупции, стяжательства, воровства, рэкета, грабительства, всего того, что называется криминально-государственным беспределом. Я нашел способ...

— Кто это — я? — перебил Дмитрия Олеговича неугомонный Василий, продолжая бдительно прикрывать спину Матвея.

Громов глянул на него глубоким потемневшим взглядом, по-

молчал, и Матвей, чтобы сгладить неприятное впечатление от реплики друга, пояснил:

— Он имел в виду — чей вы авеша?

— А вы как думаете?

— Конкере.

— Что ж, интуиция у вас по-прежнему на высоте. Я — авеша Монарха, но имя Конкере мне уже не подходит. Все течет, все меняется, в том числе и направление моей деятельности. И характер, конечно. Можете называть меня Лекс[1].

— Постойте, — обескураженно проговорил Никушин, прислушивающийся к разговору со все большим изумлением. — Не могли бы вы ввести меня в курс дела? Я до сих пор не могу прийти в себя от того, что увидел... — начальник «Смерша» махнул рукой на купол Храма формикоидов, — а вы еще добавляете...

— Потерпите, Андрей Витальевич, — сказал Громов. — Все скоро разъяснится. Итак, Соболев, я действительно ждал вашего появления. «Игла Парабрахмы» находится здесь, в саркофаге последнего императора формикоидной цивилизации, но включить его, активировать, сможете только вы.

— А сами-то вы что же? — бросил Василий.

— «Игла» заблокирована для любой проекции Монарха. Впрочем, и для большинства иерархов тоже. Воспользоваться ею могут лишь Ангелы и Архонты. Видите, насколько я с вами откровенен? В принципе все мы окажемся в вашей власти, когда вы активируете контур «Иглы», но я этого не боюсь. Что вы на это скажете?

Матвей ответил не сразу. Его все еще смущал таинственный психологический фактор, уловленный подсознанием, но не фиксируемый умом.

— Соболь, нутром чую, это ловушка! — едва слышно проговорил Василий на ухо Матвею.

— Согласен, — ответил Матвей обоим сразу, надеясь, что Балуев поймет его так, как требуется. Выхода у них в самом деле не было. — Но я слышал, что наш общий знакомый Ельшин тоже ищет оружие Инсектов в МИРе под своей дачей.

— Не столько он, сколько его заклятейший друг Лобанов, маршал Сверхсистемы. Однако они, во-первых, настроены корректировать реальность не в ту сторону, во-вторых, не способны реактивировать «Иглу». Их разум просто не в состоянии вынести контакт.

— А мой?

— Вы — *идущий*, причем очень быстро идущий, что не может не волновать иерархов, обладающих видением будущего.

---

[1] Lex — закон *(лат.)*.

— Ведите! — Матвей шагнул ко входу в Храм формикоидов.

— А я, пожалуй, подожду тебя здесь, — сказал Василий. — Если, конечно, не возражает атаман.

— Не возражаю, — небрежно ответил Громов.

Делегация скрылась внутри МИРа-Храма древних разумных муравьев, и Василий остался в пещере вместе с двумя рослыми стражами координатора «ККК» и начальником военной контрразведки, который тоже пожелал остаться. Вдвоем они обошли «муравейник», разглядывая его со смешанным чувством суеверного страха и восторга, делясь на ходу впечатлениями, и Василий вычислил остальных членов команды Громова. Дмитрий Олегович не солгал, снайперов и в самом деле было трое: двое сидели под самым куполом пещеры, в естественных нишах, третий — в одном из выходов «муравейника».

Тревога в душе Василия росла по мере того, как таяли секунды, и наконец достигла той черты, за которой по всем законам ганфайтерного предчувствия следовало реагировать на внешние раздражители. Прости, Соболь, сказал сам себе Балуев, но я больше верю своей интуиции, чем доброжелательным посулам лидера «Чистилища», а она мне подсказывает, что дело дрянь! Пора начинать контригру...

— Андрей Витальевич, — негромко обратился к Никушину Василий. — Делайте вид, что все идет нормально, и выслушайте меня. Потом сами решите, что делать. Вы вляпались в достаточно гнусное дело, несмотря на все заявления и действия шефа «Чистилища». Да, я понимаю, почему вы примкнули к «чистильщикам», но рано или поздно любая такая система должна скатиться в пропасть обыкновенной борьбы за власть. Что и происходит на самом деле. Пока вы полезны Громову, он ваш друг, но стоит только дать понять, что вы тоже лидер... а вы именно *лидер*, и все станет на свои места. Вы начнете мешать, если уже не мешаете ему. Вполне допустимо, что он и сюда взял вас только для того, чтобы с помощью оборудования древних Инсектов выяснить ваш потенциал и... оставить вас тут навсегда! Я сказал все. А теперь думайте.

Вопреки ожиданиям Василия, Никушин не стал прикидываться возмущенным, становиться в позу и доказывать, что у него были самые благие намерения. Он продолжал все так же задумчиво идти рядом, изредка посматривая на сверкающий утес МИРа формикоидов, и Василий сделал вывод, что начальника «Смерша» давно грызут сомнения в правильности выбора.

— Что вы предлагаете? — спросил наконец после долгих раздумий начальник контрразведки.

— Если вы не удивились этому феномену в недрах Москвы, то

не удивляйтесь и тому, что я скажу: Громов — не просто лидер группировки трех «К», он — проводник более жесткого варианта Закона обратного действия, закона возмездия, пропагандируемого Союзом Девяти — негласным, но реальным правительством страны. Мало того, он еще является носителем многореального существа — Монарха Тьмы, с которым мы с Матвеем уже имели честь встречаться. Если он добьется власти...

— Извините, — перебил Василия Никушин, — я мало чего понял из вашей невразумительной речи, да и звучит она слишком... — Андрей Витальевич поискал слово, — слишком мистически, чтобы не сказать определеннее, и все же я согласен помочь вам. Так что же вы предлагаете?

— Освободиться от этих ребят, стерегущих выход, и помочь Соболеву избавиться от включения в МИР... э-э... в этот «муравейник». Нутром чую, что-то здесь нехорошее затевается, несмотря на «честные» предложения Громова.

— Все это настолько выбило меня из колеи... — Никушин с каким-то омерзением глянул на узорчатую стену «муравейника» формикоидов, — что никак не могу прийти в себя... Неужели такие замки засекречены лишь для того, чтобы хранить в них оружие?.. — Он словно опомнился, придвинулся ближе к Балуеву. — Я готов. Но справимся ли?

— Возьмите на себя снайпера, который сидит в «муравейнике». Кстати, как он туда попал?

— Они рассаживались при мне, я помню дорогу.

— Отлично. Я возьму на себя остальных.

Никушин в сомнении покачал головой, потом вспомнил все, что знал о ганфайтерах, и, махнув рукой, согласился.

— Эй, орлы! — окликнул он мощных телохранителей Громова, лениво жующих резинку и не обращавших внимания на удивительный Храм Инсектов. — Пойдемте со мной!

— Не велено, — с ленивой небрежностью ответил великан со шрамом над бровью. — Приказано ждать здесь.

— Прошло уже полчаса, а от них ни слуху ни духу, даже по рации не отвечают. Что-то случилось, надо идти выручать. Заглянем одним глазком и вернемся, если все в порядке.

Телохранители переглянулись, сдвинули автоматы на живот и направились следом за Никушиным и Балуевым. А когда углубились в коридор, Василий атаковал их, стоя спиной к обоим, из самого невыгодного положения, когда никто не ожидал атаки. Первый громила получил удар в кадык и надежно отключился, второй едва успел поднять ствол автомата, не успев нажать на спуск, как Василий левой рукой отвел ствол в сторону, а правой сверху вниз перебил ему ключицу, добавив затем для верности косой шоку.

Оглянувшись на шум, Никушин перевел взгляд на Василия, который пожал плечами, как бы говоря: что тут такого? — и воскликнул с искренним восхищением:

— Цены вам нет, перехватчики! Может быть, еще поработаем вместе в контрразведке?

Василий отнял у одного из упавших телохранителей автомат, кинул Никушину, сделал жест пальцами, показывая наверх. Себе взял второй, выглянул из прохода и, определяя местоположение первого снайпера, стал ждать, пока Никушин начнет свою часть операции.

Ждать пришлось недолго. Спустя минуты три-четыре послышался неясный шум, шлепок, и откуда-то сверху свалилось тело прятавшегося на третьем этаже «муравейника» стрелка, ударилось о пол пещеры и осталось лежать неподвижно. В то же мгновение Василий метнулся вперед, направляя ствол «никона» в точку на высоте шестидесяти метров, где в нише над карнизом сидел снайпер, и едва успел удержать палец на спуске. Снайпер вдруг стал падать вниз, отдельно от него мелькнула винтовка с оптическим прицелом: с гулким ударом тело рухнуло на россыпь камней одновременно с винтовкой. Затем из ниши показались голова и плечи Самандара и тут же скрылись.

Василий перевел взгляд и ствол автомата в другую сторону, где прятался второй снайпер, но там все было тихо, никто не стрелял и не высовывался. Зато через минуту в пещере появился Иван Терентьевич Парамонов, быстро подошел к Балуеву.

— Вовремя вы начали.

— Там есть еще один стрелок, — опомнился Василий, показывая взглядом на стену пещеры.

— Он спит, — спокойно ответил Иван Терентьевич. — У нас мало времени. Соболев внутри?

— Вместе с Громовым и его командой.

— Пойдемте туда, если мы еще не опоздали.

Парамонов быстро направился ко входу в МИР формикоидов, к нему присоединился невозмутимый Самандар, и Василию пришлось догонять их чуть ли не вприпрыжку. Встретившийся им Никушин только оторопело хлопнул глазами, уступая дорогу, пока Василий не махнул ему рукой — следовать за ним. Догнал Парамонова.

— Что случилось, Иван Терентьевич? Как вы здесь оказались? Где Ульяна?

Парамонов пренебрег последним вопросом, отвечая на первые два:

— Как же вы все-таки торопитесь, ганфайтеры! За вами не угнаться. Если бы не Ульяна, мы не успели бы сюда... А случиться может непоправимое, — бросал на ходу Парамонов. — В этом

МИРе находится саркофаг императора формикоидов, представляющий собой одновременно аналог самого древнего компьютера и фантоматический генератор. Активировав его, Соболев может стать его частью, деталью, «блоком решений», ибо саркофаг — сложнейшая система МИРа, включающая в себя многие технические и биологические объекты. Если мы не поможем вашему другу, он никогда не выберется из системы, утонет в наведенной ею ложной реальности.

— А если мы освободим его?

— Необходимо психическое освобождение, а не физическое. И вдали от саркофага он останется всего лишь его деталью, будет жить в призрачном мире, созданном фантоматом.

— Зачем же Громову понадобилось обманывать Соболева? Он сказал, что здесь спрятано оружие, «Игла Парабрахмы»...

— Контактируя с «блоком решений», Громов станет управлять саркофагом-компьютером дистанционно, обходя блокировку иерархов, а главное, сможет включить ту самую «Иглу Парабрахмы», которая находится в другом МИРе. Без саркофага «Иглу» включить невозможно.

— Так вот оно в чем дело! Недаром я все время чувствовал какой-то подвох. Ай да Громов, ай да Монарх! Уговорил, как салажат!

И в этот момент они вышли в центральный, тронный, зал «муравейника», в центре которого сверкал, как друза кристаллов, саркофаг-трон императора формикоидов, с помощью которого сотни миллионов лет назад он управлял своим городом-государством.

В отличие от Василия Матвей сразу догадался, что у Громова, помимо откровенно высказанных желаний, есть собственный расчет в том, чтобы именно он, Соболев, включил саркофаг. Но Матвей понадеялся на свои силы и знание предмета, рассчитывая, в свою очередь, подчинить себе технику древних муравьев или же вовремя выйти из игры. Что выйти без посторонней помощи не удастся, он понял уже в первые мгновения своего «подключения».

В зал с троном императора формика сапиенс они вошли всем отрядом: Громов и Матвей впереди, четверо его телохранителей во главе с Шевченко — сзади. Затем охранники рассредоточились по залу, не слишком глазея на его убранство, а Громов подвел Матвея к саркофагу, напоминающему асимметричный сгусток кристаллов разной формы, образующий «трон» в форме пепельницы под шатром из светящихся оранжевых перепонок, растяжек, нитей и жгутов.

— Тебе ничего не надо делать, — сказал Громов, сдерживая нетерпение. — Надо лишь стать в центре этой «пепельницы» и

ждать, пока саркофаг не проснется. Ты это почувствуешь. А потом волен решать, что с нами делать. Но прежде выслушай предложение. Помоги мне здесь, в реальности твоего мира, и я помогу тебе там, в других мирах «розы реальностей», когда ты дойдешь до них. Это говорит тебе не координатор «Чистилища», а Монарх! А теперь иди.

Ощущая себя как во сне, а вернее, как на сцене во время репетиции какой-то фантастической пьесы, Матвей на деревянных ногах взошел на помост, сооруженный из досок поверх сверхскользкого покрытия вокруг трона, вошел под шатер и встал на дно кристаллической «пепельницы», освещаемый бестеневым свечением шатра.

Сколько он простоял так, в каком-то сомнамбулическом состоянии, вспомнить впоследствии не удалось. А потом восприятие мира вокруг скачком изменилось.

Краски стали ярче, и количество их оттенков достигло, пожалуй, двух сотен, диапазон слуха расширился беспредельно: он стал слышать все звуки в зале и за его пределами, даже на поверхности земли, в том числе — звук движения атомов собственного тела! Горизонт видения резко раздвинулся. При желании он мог бы разглядеть и камни на поверхности Луны!

Изменилась и чувственная сфера Соболева. Он теперь ощущал свет, любые электромагнитные колебания, полет элементарных частиц, танцы полей и даже *дрожь* вакуума — рождение и смерть виртуальных частиц!

Затем на мозг обрушился океан информации. Ибо, полностью открыв себя, Матвей обрел полноту понимания ситуации. Он ощутил все человечество сразу, стал как бы продолжением мозга каждого человека в отдельности, вобрал в себя все его боли, муки и радости, ожидание, мечты и скорбь. И воспринимать это было странно, жутко и интересно, больно и мучительно сладко...

Но вот ощущение чужих чувств стало отдаляться, затухать, наметилась система в определении очагов наиболее сильных эмоций и устойчивых переживаний. Пси-сфера человечества разбилась на массивы — эгрегоры, многие из которых «ворчанием сторожевой собаки» ответили на вторжение чужой воли.

И вдруг произошел еще один скачок в ощущении-восприятии мира: Матвея словно вставили в гнездо, как лампу в телевизор, как предохранитель в электрическую схему, и он всем телом почувствовал удар чужой, инородной, *нечеловеческой* воли, ломающий его собственную, заставляющий признать чужую власть над своим сознанием. «Стены» этой воли сдавили нервную систему, сверху на голову упала тысячетонная плита чужого приказа, и Мат-

вей стал проваливаться в болото дурмана, в колодец необычайных ощущений и транса, подобного наркотическому...

Он изо всех сил рванулся из этого «болота», освободился на несколько мгновений от щупалец чужой воли и услышал раскатистый шепот — так Монарх пытался внедриться в его сознание, в глубины его психики.

— Не сопротивляйся напрасно, идущий! Поздно. С твоей помощью я наконец откорректирую эту запрещенную реальность так, как задумал. Все мы — иерархи, мой брат, Аморф Лекс, и я — справедливо полагаем, что необходимо новое Изменение, но только я реализую вариант, который даст шанс выжить роду хомо сапиенс. Как — это уже другой вопрос, ты и сам будешь участвовать в этом процессе.

Бог никогда не отменяет того, что он однажды решил, если даже нам и кажется, что происходит нечто противоположное, вспомнил Матвей слова Хранителя и стал сопротивляться еще яростней. Но древний компьютер формикоидов был сильнее воли одного человека. Если бы Матвей мог выйти в ментал, он перешел бы на невовлеченное созерцание и отстранился бы от витально-ментального нападения, но блок иерархов не позволял ему сделать этого. И вот, когда он готов был окончательно утонуть в «болоте» чужих мыслей, образов и желаний, раствориться в них без следа, чья-то твердая горячая рука выдернула его оттуда, и Матвей ощутил себя всадником в рыцарских доспехах, сидящим на гигантском — величиной с гору! — коне. В следующее мгновение пришла догадка: «конем» этим был эгрегор Хранителей, вливший в него свежие силы, а «доспехами» — мысли-чувства Посвященных: Самандара, Парамонова и Ульяны Митиной.

— Слушай внимательно! — проник в тело Матвея тонкий вибрирующий голос. — Прямое подключение твоего сознания к менталу невозможно, поэтому придется идти более сложным путем — через «И», мозг-волю твоего друга. Это опасно, но он согласен. Кроме того, нам помогут иерархи — Горшин и Светлена, хотя и ценой своей свободы... если не жизни.

— Если жизни — я не согласен!

— Думай не о них и даже не о себе, думай о Мироздании. Громов — игрушка в руках Монарха, а вся его возня — предлог для того, чтобы в нашей реальности появились не проекции иерархов и других многореальных существ, а их *личности*! Это — конец реальности, конец Земле, человечеству, всем нам. Поэтому слушай и делай! Тарас и Светлена готовят КЗ — короткое замыкание информационного поля на приемник в нашей реальности, в данном случае — на твой мозг. Разряд универсума минует ментал, и ты успеешь освободиться до выхода на Землю перечисленных лиц. Продержись какое-то время.

— Продержусь! — ответил Матвей, цепляясь сознанием за образ Кристины, слившийся с образом Ульяны, и последние секунды до обещанного «короткого замыкания» был почти счастлив...

Четверо охранников Громова вместе с Шевченко вскинули автоматы, но стрелять не стали, застыв на месте, стиснутые волевым раппортом Парамонова. Зато среагировал Громов, сразу сообразив, кто и с какой целью проник в «муравейник». Кроме автомата, он был вооружен «глушаком», «болевиком» и «дыроколом», словно собирался воевать с целой армией, владел мысленным внушением и меозом, позволяющим жить ускоренно, и знал приемы э-боя. Поединок с ним оказался тяжелейшим испытанием для всего отряда Балуева.

Первым погиб Никушин, получив разряд «глушака», а затем пять пуль из «никона». Зато его смерть отвлекла Громова и позволила Самандару в облике призрака преодолеть полсотни метров и обрушиться на противника. Василий тоже было рванулся туда же, но был остановлен Парамоновым.

— У нас другая задача, ганфайтер. С вашей помощью мы свяжемся с Соболевым и поможем ему выйти из системы саркофага. Но это опасно для здоровья, предупреждаю.

— Давайте разделаемся с этим воякой...

— Будет поздно. Стойте и слушайте.

И Василий вынужден был стоять и в бессилии наблюдать за поединком Посвященного и авеши Монарха. Поединок этот закончился гибелью обоих: Громов разрядил в Вахида Тожиевича все оружие, которое имел, в том числе и «невидимое копье», но Самандар достал его в последние мгновения своей жизни жестоким усиро куби симэ и держал до тех пор, пока Громов не перестал двигаться. Оба упали. Именно в этот момент открылся канал «короткого замыкания», созданный Горшиным и Светленой, и Василий бесконечно долгое мгновение стал видеть, слышать и понимать все, что чувствовали и понимали остальные.

Затем сознание Балуева померкло, а когда он пришел в себя, то увидел склонившуюся над ним Ульяну. Потряс головой, прошептал:

— Я уже на том или еще на этом свете?

— На этом, на этом, — ответила Ульяна, протягивая руку, по ее щеке ползла слеза. — Как вы себя чувствуете?

— Спереди плохо, сзади еще хуже. Точно я сижу в холодной луже, — процитировал Козьму Пруткова Василий.

— Вставайте, нас ждут.

Василий кое-как поднялся, с удовольствием опираясь на нежную, но сильную руку девушки, и увидел стоящих возле тела Самандара Матвея и Ивана Терентьевича. Сразу вспомнился бой,

тело заныло, запульсировало болью, словно и оно получило несколько пуль и копье «дырокола».

— О черт! Он... мертв?

Ульяна кивнула, украдкой вытирая слезу, сползшую по щеке.

— Но ведь он и раньше... в него стреляли... и ничего.

— Луч «дырокола» разрезал его пополам...

Василий беззвучно выговорил ругательство, не решаясь подойти к Матвею, кивнул ему.

— Получилось?

— Скорее да, чем нет. Соболев остался частью системы саркофага, но может действовать самостоятельно.

— Что это значит?

— Только то, что он, как всегда, избрал *свой* путь.

— Какой же?

— Скоро узнаем. Но все мы сейчас едем к даче Ельшина, где разворачивается еще одна драма. Не боитесь? Ведь риск — сто процентов!

— Я привык, — криво усмехнулся Василий. — С вами — хоть в преисподнюю!

Ульяна кивнула, разглядывая лицо Балуева огромными влажными глазами, и ему на мгновение стало трудно дышать от нахлынувшей нежности, тоски и тревоги.

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Пройти к МИРу под дачей Ельшина можно было только через туннель секретного метро, и Матвей не колеблясь выбрал этот путь, хотя и знал, какие трудности предстоит преодолеть.

Благодаря прорыву метасознания Горшина и Светлены в реальность Земли образовался специфичный внечувственный мостик, соединяющий Матвея с третьим уровнем энергоинформационного континуума — универсумом, и теперь он снова мог переходить в состояние меоза-самадхи, позволяющее ему оценивать обстановку вокруг до мельчайших подробностей. Подключенное поле взаимодействий саркофага Инсектов не мешало мыслить, анализировать, чувствовать и принимать решения и ощущалось гигантским горбом, висящим на спине, питающимся его мыслями и эмоциями. Но страха не было, Матвей знал, что в любой момент может сбросить с себя «горб» чужой воли, потому что эгрегор Хранителей продолжал поддерживать его, служить психофизической опорой, своеобразным «конем».

Подъехав к заброшенному угольному складу, откуда начинался спуск к ветке секретного метро, они первым делом обезоружили команду Лобанова, стерегущую вход. Боя не было, Парамонов

и Матвей мысленным усилием просто приказали шестерке боевиков сойтись во дворе и бросить оружие.

Точно так же они обезоружили еще четверых боевиков уже в самом туннеле метро, заодно выяснив у них, что маршал «СС» и бывший генерал ФСК Ельшин в сопровождении восьми охранников проследовал здесь всего час назад.

— До бункера Ельшина около десяти километров, — сказал Матвей, оглядывая отряд — Парамонова, Ульяну и Василия. — Транспорта нет, придется бежать *в темпе*, времени в обрез.

— Неужели нельзя сделать себе колеса? — проворчал Василий. — Или крылья. Какие вы Посвященные, если не можете даже летать?

— Способы передвижения в пространстве усилием мысли — следующая ступень Посвящения, — серьезно сказал Иван Терентьевич. — Этим в нашей реальности владеют немногие люди Внутреннего Круга.

— Он пошутил, — сказал Матвей, повернулся и побежал, постепенно наращивая скорость. Ульяна догнала его и пристроилась рядом. Парамонов бежал следом, а замыкал группу Василий, которому пришлось тяжелее всех. Энергетика человеческого тела, даже самого тренированного, не позволяла развивать скорость больше сорока километров в час, и поэтому к бункеру Ельшина Василий прибыл почти бездыханным, но отстав от остальных всего на пять минут.

Бункер с электропоездом охранялся еще тремя дюжими молодцами, которые все же успели открыть огонь по ворвавшемуся отряду неизвестных. Двоих взял приказом «спать» Парамонов, третьего — Матвей, внушив ему, что он окружен целым взводом спецназа.

И в это время все одновременно почувствовали мягкий толчок в голову — словно пошатнулся весь скальный массив под землей, — и в воздухе прозвучал тихий хрупкий звон лопнувшего бокала.

Матвей и Парамонов посмотрели друг на друга, понимая, что Ельшину удалось наконец вызвать Монарха.

— Вниз, к Храму арахнидов! — бросил Матвей. Оглянулся на Ульяну. — А вам с Василием придется остаться здесь и попытаться задержать Ельшина, когда он выйдет из своего компьютерного бункера. Только не лезьте на рожон, достаточно создать видимость сопротивления. Возьмите автоматы и поливайте дверь свинцом издали.

Ульяна хотела было возразить, сказать, что они способны на большее, но, глянув на Матвея, отступила. *Такого* неумолимого, невероятно спокойного, полного силы и знания взгляда, каким посмотрел на нее Матвей, она еще у него не видела! Подтолкнула

Василия, как и она, почувствовавшего власть друга, к электропоезду, проводила Матвея к спуску в подземную полость с Храмом Инсектов. Соболев, не оглядываясь, скрылся в проломе, и Ульяна украдкой перекрестила его спину, мысленно произнося заклинание:

— Спаси его и помилуй!..

Ельшин не заставил долго ждать себя. Медленно открылась толстая стальная дверь, ведущая от лифта, и оттуда вышел закованный в латы монстр! Таково было первое впечатление Василия. Затем он понял, что монстр с единственным горизонтальным глазом-щелью — внушенный образ, и открыл огонь из «никона», целясь прямо в глаз.

Ощущение-видение разбилось на два изображения происходящего. В одном пули отскакивали от серебряных лат одного монстра, смахивающего на льва и насекомого одновременно. В другом Ельшин, сосредоточенный на своих мыслях, просто отбивался от пуль рукой.

Не подействовал на него и «болевик». Лишь когда Василий нажал гашетку «дырокола», Ельшин-Монарх наконец обратил на него внимание и нанес ответный удар, превративший «сигару» электропоезда в смятый лист бумаги. Если бы не вмешательство Ульяны в момент нанесения удара, которая вступила в схватку на психофизическом уровне, Василия не спасла бы и его реакция.

Когда он выбрался из-под корпуса поезда на карниз перрона, Ельшин уже скрылся в проломе, направляясь к туннелю, ведущему в МИР арахнидов. Почему Монарх вышел один, без Лобанова, объяснялось просто: маршал «СС» был не нужен авеше Монарха, и он превратил Олега Кареновича, жаждавшего абсолютной власти, в «чертополох», растениевидный конгломерат. Но Василий этого не знал и потерял несколько минут, поджидая босса Сверхсистемы. Потом плюнул и принялся искать Ульяну, которая, оказывается, находилась совсем рядом — лежала навзничь у пролома с открытыми глазами, прижав руки к горлу, и ничего не видела. Василий с трудом, словно расталкивая воду, подбежал к ней, наклонился, проверяя пульс, и услышал ее почти беззвучный шепот:

— Он... остановил... сердце... я... справлюсь... помоги... Матвею...

Василий скрипнул зубами, раздираясь между желанием остаться и мчаться на помощь, поцеловал Ульяну в губы и тяжело побрел по коридору вслед за Ельшиным, все убыстряя шаги. Через несколько секунд он уже бежал...

Матвея и Ивана Терентьевича перехватили на верхней галерее, опоясывающей купол пещеры с МИРом арахнидов и скульптурой Инсекто-Сфинкса, боевики Лобанова и киллеры из груп-

пы поддержки, которые были оставлены в туннеле метро, не сдержали любопытства и проникли в подземелье. Всего их набралось на галерее человек десять, и Матвею пришлось пробиваться к спуску в условиях многовариантной атаки, используя все свои навыки ганфайтера и знание приемов э-боя. Киллеры московского киллер-клуба драться в основном не умели, зато отлично владели всеми видами холодного и огнестрельного оружия. Поэтому, когда они начали стрельбу, Матвей ответил адекватно, мгновенно определяя, кто перед ним, по свечению ауры и одному ему известным другим ощущениям. Парамонов шел следом и «работал» с нападающими в пси-контакте, создавая иллюзионные картины, сбивающие прицел, отвлекающие боевиков «реальными» фигурами новых действующих лиц.

Легко пройдя дезорганизованную толпу боевиков, как вязальная спица проходит сквозь шерсть, оставив пять остывающих тел (киллер-команду) и четверых покалеченных из охраны Лобанова, Матвей и его спутник соскользнули по трубе спуска на дно пещеры и были встречены противником посерьезней: министром обороны Гусевым, его личной дружиной телохранителей-«зомби» и ликвидаторов в количестве двенадцати человек.

— Не торопитесь, бегущие! — произнес Федор Иванович обыденным тоном, но так, что у Матвея свело скулы. — Предлагаю выбор: или неторопливая беседа с последующим договором — на моих условиях, разумеется, либо полная дезинтеграция. Весьма мучительный процесс, должен вам сказать. Что вы предпочитаете?

— Лекс! — пробормотал Матвей.

— Вижу, — невозмутимо ответил Парамонов, добавив на метаязыке: — Я их отвлеку, ты должен успеть.

— Ну что вы, не успеет! — скучающе проговорил Гусев-Лекс, также на метаязыке. — Что это вас на подвиги потянуло, Иван Терентьевич? Жить, что ли, надоело? Только-только нашли себе Ученика, такие горизонты открылись впереди — и вдруг элементарная драка! Несолидно как-то!

— Чего ты хочешь? — странно дрожащим голосом спросил Матвей. Глаза его засияли изнутри ледяным голубым огнем, по волосам пробежали голубые искры, кончики пальцев засветились.

Лицо министра дрогнуло, он с недоумением глядел на фигуру противника и, видимо, что-то почувствовал, потому что сделал знак рукой своим телохранителям. Четверо тотчас же сменили автоматы на гранатометы, а двое направили на стоящих неподвижно Парамонова и Соболева раструбы метателей сеток-ловушек. Но приказа стрелять Гусев отдать не успел.

На галерее с гулким всхлипом-ударом, погнавшим тугую воздушную волну, появился Ельшин-Конкере.

Мгновение всех четверых — Гусева, Ельшина, Соболева и Парамонова — связывало поле *трансового* взаимодействия, создающего эффект взаимопонимания, а затем Парамонов, первым оценивший появившийся шанс, нанес пси-удар, словно две пощечины, Ельшину и Гусеву на их личных психочастотах, и они спонтанно разрядили свои «батареи» магических знаний друг на друга.

Вздрогнул пол пещеры, зашатались стены, с которых посыпались глыбы и пласты камня, вспышка безумного света ослепила солдат Гусева! Задрожали атомы воздуха и всех предметов, находящихся в зоне магического разряда. В том числе — атомы и молекулы человеческих тел. Все, кто находился в этот момент в зале пещеры, завопили хором от нестерпимой боли, попадали без сознания. Лишь усилием воли и защитным действием эгрегора Хранителей Матвею удалось удержать ясность сознания и владение телом. А затем он стремительной молнией рванулся мимо Гусева-Лекса к замку МИРа арахнидов и скрылся за порталом главного входа.

К чести «проекций» Монарха и Аморфа Лекса, они не стали продолжать выяснять отношения между собой, сразу сообразив, чем это им грозит. Важно было не допустить Соболева к «трону» арахнидов, сохранившему способность реактивировать «Иглу Парабрахмы», поэтому оба получеловека-полунасекомых-полудьявола сосредоточили свое внимание на посмевшем бросить им вызов.

Но как бы ни были малы силы друзей, прикрывающих спину Матвея, — пренебрежительно малы, по мнению Аморфов! — они все же не дали последним уничтожить его.

Василий, появившийся на галерее следом за Ельшиным, открыл огонь из «дырокола» одновременно с начавшим пси-атаку на Гусева Парамоновым.

Два выстрела прорезали голову Ельшина-Монарха, замедлив его движения, вырубив сознание Ельшина-человека, прежде чем Монарх швырнул Балуева вниз с высоты ста с лишним метров.

Выпад Парамонова отключил сознание Гусева-человека, также парализовав его на некоторое время, прежде чем Гусев-Аморф превратил Ивана Терентьевича в каменную статую.

Ульяна Митина, Посвященная Внутреннего Круга, которая наконец восстановила дыхание и появилась в этот момент на галерее, успела только смягчить удар тела Василия о дно пещеры и тоже была парализована жестоким мысленным приказом Монарха: мори!

Мгновением позже в зале с МИРом древних разумных пауков

появились другие действующие лица: инфарх в сопровождении декарха, Хранитель Матфей, Трое из Девяти — Бабуу-Сэнгэ, Рыков и отец Мефодий, а также координатор Союзов Неизвестных Хуан Франко Креспо.

И наступила вдруг поразительная тишина!..

Свет в пещере померк, стены ее перестали качаться, камни — падать со стен, любое движение прекратилось.

Затем инфарх, неслышно ступая, словно по воздуху, приблизился к Парамонову, дотронулся до него рукой, постоял в задумчивости, оглядывая зал, Храм Инсектов, остановил взгляд на Сфинксе. Никто не шелохнулся, не произнес ни слова, даже Ельшин-Монарх и Гусев-Лекс. И вот Сфинкс зашевелился, расправил все свои многочисленные члены, лапы и крылья, сошел с пьедестала и... превратился в Матвея Соболева!

Так они стояли друг против друга, с виду — обыкновенные люди: седой, высокий, в белоснежных одеждах инфарх, имя которого было известно, наверное, только Создателю, и молодой человек в камуфляж-комбинезоне с сияющими голубыми глазами, ганфайтер и перехватчик Матвей Соболев, пока наконец губы инфарха не раздвинулись в дружелюбно-осуждающей усмешке.

— Успел-таки, бегущий? И что же ты теперь будешь делать?

Вместо ответа Матвей двинулся к телу Василия, остановился над ним, дожидаясь, пока тот откроет глаза. Затем подошел к Парамонову и тоже стоял рядом до тех пор, пока тот не шевельнулся, оживая. Повернул голову к галерее, где все еще стоял Ельшин, и тотчас же галерея «протекла» жидкой смоляной струей на пол пещеры, образуя желоб, по которому соскользнуло вниз тело Ульяны. Через минуту очнулась и девушка, села на полу, поправляя волосы чисто женским кокетливым движением.

Матвей отвернулся и по очереди посмотрел на главных действующих лиц этого мистического спектакля. И когда он заговорил, голос его был ровен и сдержан.

— Уходите все! Оставьте нашу реальность в покое. Нам не нужен контроль ни одной из сторон. Необходима не постоянная коррекция, а *стабилизация* реальности! Дайте нам возможность развиваться самим.

— В таком случае человечество погибнет! — хмыкнул Ельшин-Монарх.

— Пусть будет то, что будет! В моей власти сейчас уничтожить вас всех, превратить в растения, уменьшить в размерах до величины атомов! Я могу изменить реальность в масштабе Земли, Солнечной системы... — Матвей повел рукой, и неведомая сила искривила очертания Храма Инсектов, разгладила стены пещеры до зеркального блеска, испарила всю толщу горных пород до

самой поверхности Земли, и впервые за миллионы лет на дно пещеры, ставшей котлованом, упали лучи нежаркого осеннего солнца.

— Что же тебя удерживает от этого шага? — как равный равного спросил инфарх.

— Соблазн! — ответил Матвей, подставляя лицо солнцу. — А соблазн велик: воскресить всех погибших — Илью Муромца, деда, Ивакина, Дикого, Никушина... Создать свой мирок на каком-нибудь острове в океане... или вообще уйти в другую реальность с переходом в нирвану... Но я знаю: стоит только начать — и уже не остановиться!

Матвей закрыл глаза, улыбнулся печально и насмешливо, прочитал строки, давно запавшие в душу:

И раскатился Божий глас:
«О человечий род нелепый,
Вы все умом и знаньем слепы,
И тот, кто слабый, отступал,
И кто в гордыне восставал.
Вы в разных сектах гнули выи,
Чтоб были прокляты другие
(Но, кто учил вас, знать не мог,
Что думает об этом Бог).
Конец пришел безумству света,
До вас мне больше дела нету.
А ведь хотел глупцам помочь.
Болваны проклятые, прочь![1]

— Не слишком ли круто, Господь? — улыбнулся и инфарх.

Матвей вздохнул.

— Все правильно, я не Господь. И даже не аватара. Мой путь земной не пройден до конца, и пусть он соответствует Закону восхождения. А теперь — уходите!

— Давайте, давайте, не задерживайтесь! — подал голос ожил-ший Василий. Подошел к Матвею, обнял его за плечи. К нему присоединился Парамонов.

— Один за всех?

— И все за одного! — засмеялась, подходя, Ульяна.

— Мы уходим, — сказал инфарх, поглядел на Троих из Девяти Неизвестных. — Господа, для вас наступают трудные времена. Думаю, в ближайшее время граница реальности будет перекрыта и на помощь иерархов надеяться будет нельзя.

— Мы обойдемся своими силами, — вежливо поклонился Бабуу-Сэнгэ.

---

[1] Свифт Д. Судный день.

— Только не вздумайте баловаться «волнами выключения», — обернулся Василий, ища взглядом Рыкова. — Мне это порядком надоело. Соболь, а не перевести ли их в касту рангом пониже?

— Очень решительный молодой человек, — сказал Матфей, обращаясь к инфарху. — Похоже, он может исполнить свою угрозу. — И Хранитель исчез.

За ним удалились, сохраняя достоинство, Трое из Девяти и не произнесший ни слова координатор Союзов Неизвестных. Монарх и Аморф Лекс покинули тела своих хозяев незаметно, словно им стало стыдно, хотя вряд ли в их запасе эмоций такое ощущение имело место.

Инфарх посмотрел на солнце, на небо над головой в космах облаков, на стену леса над обрывом котлована.

— Прощайте, Посвященные. Едва ли мы встретимся в ближайшее время. Моя работа в запрещенной реальности закончена. Но учтите, сюда сейчас идет колонна танков, вызванная министром обороны, а с аэродрома в Гобареве готовится к старту эскадрилья «МИГ-31». Справитесь без «Иглы Парабрахмы»?

— Раз плюнуть! — пообещал Василий.

— В таком случае...

— Минуту, Архонт, — быстро проговорил Матвей, видя, что инфарх собирается исчезнуть. — Вы только что проговорились... Горшин во время одной из трансляций заронил в мою душу сомнения... я действительно был запрограммирован на выполнение задачи, которую решил только что? Кем? Вами? Архонтами, Ангелами?

— Мирозданием, — ответил инфарх с необидной насмешливостью в голосе. — Если только жизнь во всех ее проявлениях можно назвать «запрограммированной». Но следует признаться, что без вашей помощи, бегущий, мы не смогли бы оставить Землю в покое. Авеши иерархов и других многореальных существ сейчас покидают и другие страны, так что масштаб событий намного больше, чем вы себе представляете.

— Нет, я это вижу. — Матвей помолчал немного. — Тогда последний вопрос: какова судьба вашей спутницы Светлены и новообращенного Тараса Горшина? Что с ними?

— Они... живы, — сказал инфарх мягко, и в нем на мгновение проступил облик Светлены. Матвей с запозданием вспомнил слова Монарха, что Светлена — всего лишь эмоциональный двойник инфарха. И это подтверждало его догадку, что сам он, Матвей Соболев, действительно «сидел» в узле программ Архонтов. Но неужели все его подвиги были запрограммированы ими? Может быть, кроме расчета, существовали и чисто человеческие эмоции: расположение, симпатия, вера, надежда?..

Инфарх улыбнулся, его не стало.

На дне котлована остались стоять друг против друга Гусев с ожившей зондеркомандой, Ельшин, Посвященные и Соболев с Балуевым.

— Уходите, Иван Терентьевич, пока я не вышел из контура «Иглы», — сказал Матвей. — Когда я восстановлю все как было, здесь начнется ад, министр не смирится с поражением. Хотя в принципе я могу отправить вас в любую точку земного шара.

— Не можешь! — покачал головой Парамонов. — Это коррекция реальности, а ты уже дал слово.

— Но мы останемся вчетвером против армии, танков и самолетов... ишь как глазами сверкает, волчара! — вполголоса заметил Василий, кивая на Гусева. — Эх, будь моя воля, я бы его тут же и похоронил. В саркофаге Инсектов...

— Справимся, — сказала Ульяна. — Один вы стоите целого взвода.

— Бери выше — роты!

— Но, если они выберутся отсюда, весь мир узнает о МИРах Инсектов! Этого нельзя допустить.

— Я закрою выход... когда все уйдут отсюда. — Матвей поднял вверх кулак, и тотчас же свод пещеры вернулся на место, с гулом дернулись стены, сияние МИРа арахнидов померкло, скульптура Сфинкса вернулась из небытия, и люди впервые за миллионы лет существования запрещенной реальности оказались предоставленными сами себе.

г. Орехово-Зуево, июль 1995 г.

РАЗБОРКИ ТРЕТЬЕГО УРОВНЯ

ЗАКАЗ НА ЛИКВИДАЦИЮ

Несмотря на разгром киллер-клуба «Чистилищем» полтора года назад, эта организация наемных убийц выжила, хотя и несколько сократила объем своей «работы». А для прикрытия она приняла на вооружение методы контрразведки, разработанные светлыми умами еще во времена НКВД и усовершенствованные теоретиками Федеральной службы безопасности. Каким образом киллерам-аналитикам удалось приобрести пакет секретной информации, история умалчивает, но теперь вычислить местонахождение киллер-центров стало для органов правосудия задачей почти неразрешимой. Так, для связи с высокопоставленными заказчиками «генералы» киллер-центров использовали исключительно компьютерную сеть, что резко увеличило их «коэффициент полезного действия». Правда, истины ради стоит добавить, что точно такими же методами, разве что более утонченными, пользовались и «чистильщики» «ККК» — «Команды контркрим».

Однажды после майских праздников «генерал» одного из киллер-центров Ахмет Мухамадиев по кличке Шах получил через компьютер заказ на ликвидацию скромного на первый взгляд по своему политическому весу деятеля — заместителя помощника президента по общим вопросам Забодыко. Убедившись, что деньги за операцию устранения на счет организации перечислены — также с помощью компьютерной сети «Интернет», — Шах вызвал бригадира, начальника оперативной группы ликвидации Макашина по кличке Столяр. Кивнув на стул, вывел на экран сведения о Забодыко; центр имел свой банк данных о политиках высшего эшелона власти, но заказчик прислал целое досье с перечислением привычек и слабостей Забодыко. Было видно, что охотились за этим человеком основательно.

— Ну, с ним у нас хлопот не будет, — сказал Столяр, высокий, лысый, с бледным лошадиным лицом, на котором выделялись туфлеобразный нос, бачки, бородка и круглые очки, прочитав на экране дисплея данные будущей жертвы. — Этот Забодыко явно не ходит в фаворитах, раз передвигается без охраны и не носит оружия.

— Ты в позу чемпиона по бодибилдингу не становись, — буркнул Шах. — Никаких показательных стрельб с использованием крутых средств — автоматов, «помпушек» и гранатометов! Убрать объект надо быстро, чисто и аккуратно. Заказчик платит большие бабки.

— Кто заказчик?

«Генерал» посмотрел на бригадира, как на заговоривший на русском языке пистолет.

— Хочешь жить — таких вопросов больше не задавай. Даже я не знаю имен многих клиентов. Даю два дня на подготовку.

Столяр почесал лысину, снял и протер очки, снова водрузил на свой утиный нос.

— Два дня мало. Надо походить вокруг, посмотреть...

— Я сказал: два дня! Исполнение — в пятницу, в крайнем случае в субботу, восемнадцатого. Половину работы за нас уже, как видишь, сделали: изучили все повадки мишени.

— А экзотику применить можно?

Начальник киллер-центра поморщился, зная, что речь идет о новом оружии, которым их снабдил неизвестный доброжелатель, — «глушаке», генераторе пси-излучения, подавляющего волю.

— Найди способ попроще.

— Самый простой — граната в лифте, — проворчал Столяр, вставая. — Завтра после обеда будет готов экшн-план, давайте распечатку.

Шах включил принтер и через минуту вручил бригадиру стопку листов — данные по мишени.

Столяр принес план ликвидации объекта даже раньше, чем обещал.

Забодыко Николай Трофимович, пятидесятипятилетний холостяк, жил на Арбате, имел дачу в Лианозове и ездил на работу в скромном «Форде» выпуска девяносто третьего года. Его можно было убрать в любом из этих пунктов или же взорвать вместе с машиной, но бригадир киллер-центра, изучавший досье подопечного, предложил другое решение проблемы. Решено было заминировать дачу в Лианозове: телевизор, телефон и туалет. Поскольку Забодыко жил один, лишь изредка привозя очередную любовницу, обслуживал дачу управляющий, он же сторож, а соседи-дачники в гости к нему ходили редко, то шанс, что одна из мин сработает точно по адресату, был весьма высок.

«Генерал» выслушал соображения подчиненного и признал, что план хорош.

— Но ты все-таки проследи, чтобы объект ликвидирован был стопроцентно, а на месте акции оставьте вот это. — Шах вложил в ладонь Столяра квадратик из плотного белого картона со словами: «Привет из «Чистилища».

БУНТ ТРОИХ ИЗ ДЕВЯТИ

Сигнал «Свернутая змея» Рыков получил рано утром в среду, пятнадцатого мая. Сигнал предписывал в два дня свернуть деятельность личного «манипула», подчиненного кардиналу, в данном случае непосредственно Рыкову Герману Довлатовичу, и явиться на чрезвычайный сход Союза Девяти в Храм Гаутамы на Алтае.

Однако, получив сигнал, Рыков не стал спешить со свертыванием своих программ. К этому времени, — а прошло уже полтора года с момента последнего схода, — он сумел упрочить свое положение как среди Девяти, так и в сфере мирских интересов, сохранить влияние и власть. Из скромного начальника бюро Информационно-аналитического управления ФСБ он переместился на должность советника президента по национальной безопасности, потеснив самого Юрьева Юрия Венедиктовича, также одного из Девяти, казавшегося непотопляемым дредноутом при любой смене властных структур.

Впрочем, удивляться этому не приходилось. Люди, входящие в Союз Девяти Неизвестных, при всех режимах и правительствах умудрялись сохранять свои кресла советников президентов, помощников премьер-министров, экспертов генсеков любых партий.

Эти люди являли собой реальное правительство страны, о существовании которого не догадывались даже такие силовые структуры, как Федеральная служба безопасности, внешняя разведка и военная контрразведка, имеющие высокопрофессиональные бюро анализа и прогноза. А если кто и начинал догадываться, то в скором времени исчезал с политического горизонта, уходил в отставку, переводился на другую работу, а то и вообще «случайно» погибал в авто- или авиакатастрофе.

Кардиналы Союза Девяти влияли на любые серьезные события, хотя непосредственно в них и не участвовали.

Эти «серые кардиналы» предпочитали управлять царями, королями и президентами, а не быть ими.

Наконец, эти люди корректировали ход истории так, как считали нужным, и власть их была почти безгранична.

Рыков Герман Довлатович, Посвященный в тайны Внутреннего Круга человечества, новоиспеченный советник президента, был одним из них.

О причинах ухода Юрьева с поста советника президента судачили многие в кулуарах Думы и в кабинетах правительства, но лишь Рыков знал подлинные причины, ну и сам Юрий Венедиктович, добровольно покинувший пост. Правда, влияние свое на

президента он в принципе сохранил, так как перешел не куда-нибудь, а на место руководителя его администрации.

Рыков же к моменту описываемых событий, помимо крутого повышения властного статуса — он оказался в кресле советника, — оставался комиссаром «Чистилища», что давало ему дополнительные возможности контроля над ситуацией и гарантии безопасности. Однако амбиции его шли еще дальше, и в перспективе он надеялся иметь контроль над всеми сферами жизни общества: политикой, экономикой, культурой, а также искусством и спортом. А для этого следовало подняться еще на одну ступеньку в иерархии Союза Девяти — стать его координатором.

Кроме Рыкова и Юрьева, в Союз Девяти входили: директор Национального банка Грушин; один из боссов Сверхсистемы, он же начальник информационной службы президента Носовой; главный военный эксперт при правительстве, курирующий Институт новых военных технологий, он же секретарь Совета безопасности Мурашов; член-корреспондент Академии наук Блохинцев; заместитель директора Международного института стратегических исследований Головань; отец Мефодий — помощник премьер-министра по связям с религиозными конфессиями и Православной Церковью; настоятель Храма Гаутамы Бабуу-Сэнгэ, много лет занимавший пост координатора Союза Девяти.

Внутренний Круг человечества[1], к которому принадлежали все Девять, делился на касты, как и все человечество, независимо от непризнания этого факта ортодоксальной наукой и сложившимися социальными отношениями. Низший уровень Внутреннего Круга образовывала каста Посвященных I ступени; второй уровень — Посвященные II ступени, или Знающие; высший уровень Внутреннего Круга поддерживали собственно Хранители, Посвященные III ступени, веками и тысячелетиями хранившие знания, добытые человечеством, в том числе эзотерические, утерянные людьми во времена революций, упадка, войн, регресса, физического вымирания и психической деградации.

Девять Неизвестных — их настоящие имена знали только они сами — принадлежали к касте Посвященных II ступени, обладающих Знанием тысячелетий, способных применить их в повседневной жизни. Все они владели в той или иной степени ясновидением, гипнотической волей, гипервидением, искусством изменять температуру тела в широких пределах, органолептикой — то есть способностью изменять облик, могли долго обходиться без воды, пищи и кислорода, изменять вес тела, его химизм — для увеличения быстроты реакции, но главное — они умели волевым усилием уходить в измененные состояния для

[1] См. книги «Смерш-2» и «Перехватчик».

проникновения в общее информационное поле Земли, образованное эгрегорами всех социальных групп. Наука называла это поле астралом или менталом, хотя и то и другое на самом деле всего лишь подуровни всеобщего информационного континуума наравне с двумя другими — универсумом и логосом.

Внутренний Круг человечества был образован очень давно, еще во времена Инсектов, предков людей. Создавался он именно в целях хранения, сбережения знаний для грядущих поколений в надежде на то, что поколения эти, преодолевшие болезни социального роста — войны, угнетение одних разумных существ другими, подавление и ограничение свободы, насилие и ложь, — смогут употребить сохраненную информацию во благо человечества. Однако шли годы, века, тысячелетия, но жизнь общества практически не изменялась к лучшему, борьба за власть продолжала вестись с тем же ожесточением, разве что средства достижения власти менялись сообразно темпу жизни и прогрессу науки и техники. Реальность Земли оставалась запретной для существ высших планов бытия, потому что эволюция жизни, приведшая однажды к расколу единого принципа на две ветви — материального благополучия и духовного упадка, — продолжала усугублять этот кризис: прогресс науки и техники увеличивал материальные возможности человека, но процесс утраты духовных ценностей и нравственных норм вел цивилизацию к гибели.

Союзы Неизвестных, управляющие социумом в разных странах на протяжении всей истории человечества, изначально были призваны любой ценой уберечь человечество от гибели и деградации, регулировать отношения таким образом, чтобы сохранялся шанс на выход реальности в другие подпланы Вселенной. Однако и Союзы иногда не справлялись с этим, в результате чего с лица Земли исчезали великие памятники культуры, оставались невостребованными и забывались достижения науки, редких ремесел и искусств, а из памяти истории стирались племена, нации и целые народы. Изменялись и сами Союзы, нередко переходя зыбкую границу целесообразности корректировки в том или ином социуме и подменяя регулятивные функции решением задачи достижения абсолютной власти, не заботясь о последствиях своих действий.

Союз Девяти Неизвестных, регулирующий социум сначала СССР, а потом России, достиг как раз такого порога. Создание Рыковым «СК» — организации «Стопкрим», а потом «ККК» — «Команды контркрим», то есть «Чистилища», бросившего вызов мафии и коррумпированным структурам государственной власти, — было в принципе реализацией более жестокого варианта Закона возмездия, или Закона обратной связи, регулирующего отношения людей в запрещенной реальности. Но благие намере-

ния, как всегда, оказались материалом для дороги в ад, и деятельность «Чистилища» в конечном счете способствовала развязыванию негласной войны властных структур, что привело к дестабилизации обстановки в стране в целом. Развал Союза ССР, штурм «Белого дома», войны в Чечне, Абхазии, Дагестане, Таджикистане стали жестокой иллюстрацией деятельности Союза Девяти, хотя кардиналы так не считали. Власть — отнюдь не обязательно мудрость, а в Российском государстве этот постулат почти всегда решался в предельно тираническом варианте. Поэтому, как сказал философ[1], претендентам на роль ангелов следует знать, что, если они смогут воплотить в жизнь свои амбиции, сразу появятся толпы дьяволов, призванные восстановить нарушенный баланс.

Неизвестно, когда начал меняться характер воздействия Союза Девяти в России: во времена ли «Великой» Октябрьской революции, сталинского режима, брежневского «болота» или последующих «великих социальных потрясений», — однако регулирующие функции Союза стали приобретать личностно-эгоистические акценты, приводящие к устранению мешающих фигур все чаще и все более жестоким образом. Задумал ли изменить характер этой деятельности координатор Союза Бабуу-Сэнгэ или нет, но внеочередной чрезвычайный сход Девяти наверняка не мог не коснуться этой темы, и Рыков решил предпринять кое-какие контрмеры, не дожидаясь, пока ему навяжут чужие правила игры.

Лишь трое из Девяти кардиналов Союза жили вдали от столицы: отец Мефодий — в Ярославле, Блохинцев Дмитрий Феоктистович — в Новосибирске, Бабуу-Сэнгэ — на Алтае; остальные имели дома и квартиры в Москве, а также дачи в Подмосковье, на юге страны и в других странах. Рыков тоже владел четырехкомнатной квартирой на Пречистенке и четырьмя дачами, две из которых были оформлены на подставных лиц: под Москвой — в Орехове-Борисове, в Коктебеле, на Рижском взморье и в Швейцарии, в Санкт-Морице. Но никто из Девяти никогда не бывал в его доме, равно как и на дачах. Герман Довлатович жил настолько замкнуто и обособленно, что о его семье кардиналы Союза почти ничего не знали, кроме самого факта ее существования. Было известно, что он женат и что у него есть дочь. Остальные родственники скрывались за завесой секретности, недомолвок, намеков и легенд.

Получив «Свернутую змею», Рыков тем не менее свою деятельность свертывать не собирался, а сразу позвонил Кириллу Даниловичу Голованю, координирующему деятельность Союза Девяти в период между сходами, и договорился о встрече на од-

[1] Уотс Алан. Книга о табу.

ной из конспиративных квартир, принадлежавших сети Внутреннего Круга. Располагалась квартира на Новом Арбате в доме-«книжке», на двенадцатом этаже. Обстановка ее с момента последней встречи кардиналов полтора года назад не претерпела изменений — оставалась спартанской, лишь в одной из комнат появился персональный компьютер из серии «Большой дока».

Кроме Голованя, Рыков пригласил на встречу и Мурашова, зная его возможности и могущество. Если Головань опирался на информационную базу Института стратегических исследований, финансовую помощь западных инвесторов, оказывая влияние на лоббистские структуры Госдумы, то Мурашов принадлежал к мощной властно-силовой группировке Министерства обороны и военно-промышленного комплекса, в зоне ответственности которого ничего нельзя было решить, а тем более предпринять без его санкции. Среди Девяти считалось, что и деятельность «Чистилища», комиссаром которого, а с недавних пор — вторым руководителем стал Рыков, находилась под контролем Мурашова, однако сам Герман Довлатович был иного мнения на этот счет.

Конечно, бывший советник президента по безопасности Юрий Венедиктович Юрьев опирался на более мощные структуры — нефтегазовый комплекс и добывающую важное стратегическое сырье промышленность, но среди Девяти кардиналов Юрий Венедиктович не пользовался популярностью, всегда имея свое особое мнение, в силу как характера, так и достижения подуровня, возвышавшего его над остальными Посвященными. Поговаривали, что в скором времени он перейдет в касту Хранителей, и Юрьев подтверждал это мнение спецификой своей деятельности, направленной на стабилизацию сложившихся в социуме отношений, а также на увеличение «максимума» морали. И все же, несмотря на то что времена, когда Юрьева и Бабуу-Сэнгэ поддерживал пентарх — одна из наиболее сильных фигур среди иерархов, — прошли, Юрий Венедиктович продолжал оставаться влиятельнейшим лицом в государстве и среди кардиналов Союза Девяти.

В отличие от Рыкова, с недавних пор начавшего прикрывать спину обоймой телохранителей, Мурашов и Головань прибыли в одиночку. Они были чем-то похожи, профессор права, академик Российской академии наук и многих зарубежных академий, и заместитель директора Международного института стратегических исследований, главный военный эксперт правительства, генерал-лейтенант, секретарь Совета безопасности, хотя по возрасту значительно отличались: Головань разменял восьмой десяток — официально, по документам (неофициально его возраст не поддавался учету), а Мурашову пошел всего сорок девятый. Оба носили печать «арийской породы» — холеные надменные лица,

прозрачно-голубые глаза, крутые подбородки, твердые узкие губы, волнистые светлые волосы без единого седого волоска, оба имели крупные плечистые фигуры, изящные, но сильные руки с ухоженными ногтями. Правда, на встречу Головань прибыл в камуфляже: бородка, усики, очки, плешь на голове вместо роскошной шевелюры. В отличие от Мурашова он носил неброские темно-серые костюмы, в то время как Виктор Викторович предпочитал темно-синие, тем не менее их вполне можно было принять за братьев. Отличала лишь манера поведения: Головань никогда ни на кого не смотрел прямо, а Мурашов, наоборот, норовил вонзить в собеседника прямой, холодный, взвешивающий взгляд.

Квартира охранялась разного рода системами электронной защиты, но кардиналам защита в общем-то была не нужна, они сами могли контролировать состояние среды в широком диапазоне волн и были способны вычислить любого наблюдателя за километр от места встречи.

Как обычно, до начала беседы Рыков приготовил чай, и несколько минут трое кардиналов молча смаковали «элит» с запахом и вкусом чабреца, поглядывая друг на друга. Потом Головань отставил чашку из тончайшего китайского фарфора.

— Мы вас слушаем, Герман.

Рыков, по обыкновению устроившийся в уголке кресла, тихий и незаметный, разительно отличавшийся от собеседников, не торопясь, допил свою чашку. Он понимал, что рискует, но, с другой стороны, риск был вполне оправдан: двое кардиналов Союза Девяти пришли на встречу не зря, они тоже знали, чем грозит им роспуск Союза, который затеял Бабуу-Сэнгэ. Знали они и причины, толкнувшие настоятеля Храма Гаутамы на этот шаг.

— Все мы хорошо представляем ситуацию, — заговорил Герман Довлатович ровным тусклым голосом на русском языке, чуть позже перейдя на метаязык. — Но я хотел бы обратить ваше внимание на один из самых важных аспектов возникшей проблемы. Ликвидация Союза будет означать начало войны между Девятью за создание нового Союза, как бы дико это ни звучало. Жест координатора говорит не о необходимости свертывания Союза, а о слабости самого координатора. Он не в состоянии контролировать деятельность Союза.

Собеседники Рыкова отлично поняли подтекст его речи, но и они не собирались сворачивать свои программы по сигналу «Змея».

— Кого же вы видите на месте Бабуу? — поджал губы Головань.

— Вас, — с ходу ответил Рыков.

В комнате повисла тишина. Мурашов ничем не выдал своих

чувств, и Герман Довлатович затаил дыхание, сжимая в кармане брюк рукоять суггестора «удав».

— А вы хитрец, Герман, — проговорил через минуту Кирилл Данилович с холодной усмешкой. — Одним выстрелом норовите ухлопать двух зайцев: сместить координатора и приобрести союзника. Ваше мнение, Виктор?

— Герман не сказал всего, что хотел, — скривил губы Мурашов. — Я предпочел бы знать весь пакет информации.

Рыков, помедлив, кивнул, расслабился. Реакция Мурашова говорила о том, что он не отвергает идею, но ищет оправдание будущих действий и свое место в иерархии Союза.

— Нынешний чрезвычайный сход ничего не решит, только расколет Союз, это очевидно. Против нашего предложения наверняка выступит Юрьев... Кстати, это с его подачи свернуты программы по дальнейшему совершенствованию гипноиндуктора «удав» и генератора боли «пламя». Так вот, против будут Юрьев и Носовой. Но мы можем противопоставить их аргументам не только логику коррелята реальности, но и силу.

— Что вы имеете в виду? — поднял бровь Головань.

— Я потратил год на то, чтобы найти координаты одного человека.

— Соболева! — догадался Мурашов. — Зачем?

— Поскольку именно он закрыл доступ ко всем МИРам Инсектов, он может и открыть его. А это, как вы сами понимаете, прямой выход на известные вам Великие Вещи Инсектов — саркофаги власти и «Иглу Парабрахмы», то есть корректор реальности. Завладев ими, мы...

— Мы? — перебил Рыков Мурашова с любопытством. — Герман, ты меня удивляешь! Никогда не думал, что ты предложишь работать по какому-то проекту совместно. Однако идея мне... — он повернул голову к заместителю директора Института стратегических исследований, — нравится. А вам, Кирилл Данилович?

Головань рассмеялся.

— Я же сказал, Герман — хитрец! Он отлично знает, что все мы, каждый втайне от других, искали подступы к МИРам. Такова уж этика коррелирования запрещенной реальности, и нет смысла давать ей эмоциональную оценку. Герман прав и в том, что Бабуу перестал справляться с обязанностями координатора, его надо заменить. Другой вопрос — кем и как?

— Кем — я уже сказал...

— Как — тоже понятно, — пробормотал задумавшийся Мурашов. — Но у нас мало времени. Вы действительно нашли того человека, Соболева, реализовавшего блокировку реальности?

— Нет, я его не нашел. Он перестал светиться и прямой пе-

ленгации не боится, но зато я вычислил кое-кого из его друзей и уже предпринял определенные шаги.

— И все же это длительный процесс.

— А мы никуда не торопимся. Игра стоит свеч, если цель — возврат Союзу абсолютной власти над всей реальностью.

— Тогда учтите один момент. Я знаю, что Соболев стал Посвященным I ступени Внутреннего Круга и способен защититься от физического и психологического воздействия. Если он не захочет помочь...

— Если он не захочет, мы найдем способ его устранить.

— Но вы однажды уже пытались организовать «волну выключения».

— Если вы помните обстоятельства, мне помешали известные нам трансцендентные силы...

— Не стоит выяснять истинность суждений на словах, — остановил Рыкова Головань. — Соболев сильный противник, но уровень его пока ниже нашего, и особыми знаниями он не владеет, в том числе и Знаниями Бездн. Появится нужда — мы его выключим.

— И все же вы его явно недооцениваете, — вздохнул Мурашов, тряхнув головой. — Впрочем, к чему эти споры, в самом-то деле. Поживем — увидим. У вас есть план, Герман? Хотя вы и хитрец, по словам Кирилла Даниловича, одной хитрости для реализации ваших идей будет маловато, требуется кое-что посущественней.

— Ну-ка, ну-ка? — заинтересовался Головань.

— Мудрость, например.

В комнате раздался тихий кашель — это смеялся Рыков. Заметив взгляды собеседников, проговорил, не стирая с лица специфической, едва заметной улыбки:

— Не обращайте внимания, коллеги, я просто подумал... По-еврейски «мудрость» звучит как «хохма», а это слово в русском языке имеет прямо противоположный смысл. А план у меня есть...

СОЮЗЫ ДОЛГО НЕ ЖИВУТ

Сход Союза Девяти Неизвестных, истинных правителей государства, состоялся на территории буддийского монастыря, расположенного в Горном Алтае на перевале Куг-Багач, недалеко от городка Кош-Агач.

По форме встреча кардиналов Союза ничем не отличалась от предыдущих, но содержание ее было иным, а напряжение, владевшее всеми, хотя и тщательно скрываемое, было на порядок выше.

На сей раз Бабуу-Сэнгэ, настоятель Храма Гаутамы, координатор Союза Девяти, характером и обликом похожий на живое воплощение Будды, принимал гостей не в молельне, а в своем рабочем кабинете, запрятанном в недрах монастыря. Кабинет, смахивающий деловой роскошью и отделкой на малый зал заседаний ЮНЕСКО, с кольцевым столом, опоясывающим мини-бассейн с голубой водой, с множеством бра из золота и хрусталя в форме лотоса на мраморных стенах, с четырьмя золотыми статуэтками Будды по углам, обладал современнейшей системой охраны тайны, делавшей недоступными не только любые методы прослушивания и съемки, но и несанкционированный физический доступ. В принципе в охране, состоящей из живых людей, он не нуждался.

Бабуу-Сэнгэ появился в зале позже всех, в пурпурной мантии, с массивной золотой цепью на груди, несущей квадратный медальон. На одной стороне медальона была выгравирована Тайдзокай-мандала, структура и символика которой считались дорогой к просветлению, на другой стороне — Конгокай-мандала[1], обозначающая схематический «Мир Алмазов», символ ясности, прозрачности, благородства и твердости. В разговорной речи кардиналов медальон имел слегка игривое ироническое название «нагрудник справедливости». Он вручался избранному координатору и, по легенде, обладал таинственной силой, удушая тех, кто лгал.

Вопреки обычаю, Бабуу-Сэнгэ повел речь сразу на метаязыке, богатство оттенков которого не шло ни в какое сравнение ни с одним из языков Земли:

— Господа Посвященные, пришло время перемен. Вы прекрасно знаете причины, по которым мы собрались здесь, но я также отлично знаю, что ни один из вас не послушался и не свернул рабочие программы. И все же я попытаюсь доказать свою точку зрения на происходящие события.

Голос настоятеля был ровен и звучен, и тем не менее в нем явственно проступало зловещее предупреждение.

— Все вы полтора года назад были свидетелями вмешательства в коррелят-схему реальности непосвященного по имени Матвей Соболев, в результате которого оказались заблокированными границы реальности и мы потеряли связь с иерархами. Мало того, из-за повышения порога выхода в астрал и другие подуровни информационного континуума стал невозможен и переход сознания из одной реальности в другую, что резко сузило диапазон нашего вмешательства.

— Нельзя ли покороче, господин координатор? — не выдер-

[1] Мандала — символическая структура Вселенной.

жал самый молодой из кардиналов, Петр Адамович Грушин. — Я ценю свое время больше воспоминаний. Еще Прутков говорил: бойтесь объяснений, объясняющих объясненные вещи.

— Я постараюсь, — кротко согласился Бабуу-Сэнгэ. — Предлагаю на какое-то время законсервировать Союз, ограничить его деятельность наблюдением и анализом происходящих перемен. За прошедшие полтора года с момента капсулирования реальности произошла определенная стабилизация социума по всем параметрам: уменьшилось количество конфликтов, закончилось наконец противостояние в Чечне, наметились сдвиги в урегулировании таджикского конфликта.

— И резко поднялась вверх волна терроризма, — угрюмо добавил Грушин. — Возросла преступность... А если бы не деятельность «Чистилища», которую мы контролируем?

— Будьте добры, Петр Адамович, — посмотрел на Грушина Юрьев, сидевший напротив, — не перебивайте настоятеля!

Он не сказал: «координатора», и кардиналы Союза переглянулись, оценив этот момент. Оценил его и Бабуу-Сэнгэ, по губам которого скользнула презрительная усмешка.

— Благодарю вас, Юрий Венедиктович. К аргументам уже привычным могу добавить следующее. Деятельность криминализированных систем «ККК» и «СС» также ограничена в настоящее время до приемлемого предела, так как они уравновешивают друг друга и не требуют особого контроля. Расползание психотропного оружия по планете остановлено, мало того, все разработки в этом направлении у нас в стране и за рубежом прекращены. Я полагаю, перечисленных мной аргументов достаточно, чтобы наш Союз временно ушел в тень.

Координатор умолк и застыл, полуприкрыв глаза веками, и сразу же стал похожим на бронзовую статую. Некоторое время по залу кружила пугливая тишина, первым дернулся Юрьев, собираясь что-то сказать, но его опередил Рыков:

— Посвященные, картина, нарисованная нашим уважаемым координатором, не совсем верна. Настоятель лукавит, он устал, и ему пора уйти на покой. Да, времена, когда нас поддерживали иерархи, прошли, но у нас достаточно сил и знаний, чтобы и дальше корректировать социум реальности в нужном направлении. Граница реальности закрыта не навсегда. Предлагаю...

— Подождите, Герман, — вмешался Хейно Яанович Носовой, остающийся одним из боссов Сверхсистемы. — В словах координатора есть резон. У вас имеются контраргументы, позволяющие считать деятельность Союза незаконченной?

— Извольте. Несмотря на то что каналы передачи информации из «розы реальностей» в нашу запрещенную реальность перекрыты, есть свидетельства того, что непосвященные продол-

жают ими пользоваться. Разве это не угроза социуму? Нашему Союзу? Кто поддерживает эти каналы? Зачем? Не потворствуют ли этому Хранители? Далее. Я имею доказательства того, что некоторые из Посвященных I ступени вместе с Идущими пытаются овладеть Великими Вещами Инсектов — саркофагами власти, «Иглой Парабрахмы» и другими. Разве это не прямая угроза реальности?! И наконец последнее. — Рыков налил стакан воды, сделал глоток. — В нашу реальность снова дышит Монарх. И я точно знаю, кто ему не только потворствует, но и помогает. — Рыков исподлобья глянул на Бабуу-Сэнгэ, на лице которого не дрогнула ни одна жилка.

— Кто? — спросил в наступившей тишине Кирилл Данилович Головань.

Настоятель Храма Гаутамы встал. Головы всех присутствующих повернулись к нему. По твердым губам Бабуу-Сэнгэ скользнула та же презрительная улыбка.

— Герман, я давно заметил ваше стремление к власти, причем власти неограниченной, но не думал, что вы зайдете так далеко. — Координатор обвел взглядом лица собравшихся. — Я знал, что мне не удастся убедить вас, но не мог не сделать попытки. Я сам, лично, снимаю с вас ответственность за выбор и покидаю Союз.

Бабуу-Сэнгэ снял с себя цепь с «нагрудником справедливости», взвесил на ладони и бросил в бассейн с водой. Зашипев, как раскаленная сковорода, медальон потемнел и медленно опустился на дно, влекомый цепью.

— Теперь я отвечу на выпад Германа Довлатовича. Да, я имел связь с Монархом Тьмы, а точнее, с Аморфом по имени Конкере, но только лишь для того, чтобы получить информацию. Вот вам новость: в «розе реальностей» началась междоусобица между иерархами за передел Мироздания. Конечно, в человеческом понимании эту междуусобицу трудно назвать войной, ведется она на ином уровне, на уровне изменения законов и принципов, но если при этом количество жертв увеличивается... — Бабуу-Сэнгэ взглянул на сжавшегося в уголке кресла Рыкова. — Герман, а ведь о моем контакте с Конкере мог знать только тот, кто сам контактирует с подобными ему. Не так ли?

— Погодите, координатор... э-э... настоятель, — включился молчавший до сих пор Мурашов. — Если даже информация о событиях в абсолютных планах бытия правдива... э-э... извините, я не хотел обидеть... нас должно касаться лишь то, что происходит на Земле. Союз должен работать и дальше, чтобы уберечь... э-э...

— Власть?

— Реальность от... э-э... распада.

— Что ж, благое дело, — кивнул Бабуу-Сэнгэ. — Кого же вы прочите на мое место? Германа Довлатовича?

— Кирилла Даниловича.

— О! — Бабуу-Сэнгэ с удивлением глянул на Голованя, ни разу не посмотревшего в его сторону. — Поздравляем, Кирилл Данилович. А так как я до конца схода являюсь его председателем, прошу подтвердить ваше решение.

— Это еще не решение, — капризно заметил Носовой, переглядываясь с Грушиным. — Я против этой кандидатуры и предлагаю свою: Петр Адамович.

— А я предлагаю Юрия Венедиктовича, — скрипучим голосом возразил Блохинцев.

Все замолчали, и взгляды снова скрестились на невозмутимом Бабуу-Сэнгэ. Тот развел руками.

— Боюсь, ни одна кандидатура не наберет необходимого количества голосов. Я воздерживаюсь от голосования.

— Я тоже, — вставил слово отец Мефодий.

— В итоге ни одна кандидатура не может быть утверждена. Предлагаю после перерыва на обед продолжить совещание и попытаться найти консенсус. Стол уже накрыт.

Настоятель Храма вышел. Некоторое время за столом заседаний царило напряженное молчание. Потом встал Юрьев.

— Действительно, надо подумать.

Он никому не угрожал, но Рыкову показалось, что в его сторону подул ледяной ветер.

За Юрьевым покинули стол заседаний Носовой, Грушин и Блохинцев, помявшись, вышел и отец Мефодий. Остались трое «реформаторов» — Мурашов, Головань и Рыков.

— Ничего мы сегодня не решим, — сказал Мурашов, глядя на золотую цепь с пластиной медальона на дне бассейна. — К тому же здесь мы во власти хозяина.

Трое обменялись взглядами, хорошо понимая подоплеку сказанного. Чтобы реально сместить Бабуу-Сэнгэ с поста координатора, мало было его скомпрометировать, требовалось уничтожить его. Театральный жест с «нагрудником справедливости» ни о чем не говорил: стать координатором можно было только после обряда инициации людьми Внутреннего Круга, хотя бы Посвященными II ступени.

Мурашов оказался прав. Самоустранение Бабуу-Сэнгэ не решило проблемы выбора его преемника, и Союз Девяти раскололся на три «фракции». В одной оказались Рыков, Головань и Мурашов, в другой — Юрьев и Блохинцев, в третьей — Носовой и Грушин. Отец Мефодий отказался участвовать в распрях на любом уровне, призвав всех кардиналов вести себя «конституционно» и через два-три месяца вернуться к выборам. Но члены Сою-

за Девяти понимали, что раскол в их рядах мирно не закончится. Абсолютную монархическую власть надо завоевывать, устраняя претендентов.

«ККК» НА ТРОПЕ ВОЙНЫ

Как советник президента по национальной безопасности, Рыков имел свой кабинет в здании правительства, в «Черно-белом доме» на Краснопресненской набережной, однако у него были кабинеты и в других районах города, как у комиссара «Чистилища». В частности, один из них располагался в здании-башне на Сенной площади, о чем знали всего пять человек: четыре комиссара «ККК» и начальник службы безопасности «Чистилища».

В девять утра семнадцатого мая Рыков появился именно в этом кабинете, оборудованном компьютерным комплексом с выходами во все сети страны.

За полтора года, истекшие с момента последнего боя, в котором участвовали все лидеры властно-силовых структур и в котором почти все они погибли, в том числе маршал Сверхсистемы Лобанов и координатор «Чистилища» Громов, деятельность «ККК» претерпела некоторые изменения. Место Громова занял комиссар-2 Прохор Петрович Бородкин, главный консультант управляющего администрацией президента. Ушел из комиссариата комиссар-4 Боханов, и его заменил молодой, но перспективный кибернетик из центра информатизации Зайцев. Также отказался от работы в «ККК» бывший начальник военной контрразведки Никушин, которого сменил его заместитель полковник Холин, став комиссаром-3. Начальником службы безопасности и комиссаром-5 соответственно был назначен инструктор Центра боевых искусств Темир Жанболатов, казах по национальности. Рыков таким образом остался комиссаром-2, однако фактически именно он являлся настоящим руководителем «Чистилища», умело направляя комиссара-1 по нужному пути.

Полгода назад, в декабре, изменились и «должности» комиссаров, теперь они стали называться Судьями, а глава «Чистилища» получил статус Генерального Судьи. Все они имели собственных телохранителей, но командовать сетями исполнителей, гранд-операторов и спикеров могли только сообща, после принятия совместного решения. Выход на сеть грандов имел лишь Судья-5 Жанболатов и сам Генеральный Судья. Плюс Судья-2 Герман Довлатович Рыков, о чем он, разумеется, не докладывал никому.

Историческое решение прежнего «Чистилища» об уничтожении всех коррумпированных чиновников высшего эшелона вла-

сти до сих пор оставалось в силе, хотя треть «работы» по этому разделу деятельности «ККК» была уже выполнена. Однако списки кандидатов на ликвидацию, опубликованные полтора года назад в центральных газетах, настала пора подкорректировать. Кое-кто из смертников подал в отставку, некоторые резко сменили род занятий и явно «почестнели», двое-трое умерли естественной смертью. И все же по мере работы новой Государственной Думы выявлялись новые депутаты, жаждущие любой ценой власти, богатства, привилегий и безмерных прав. Многие из них начинали работать на мафиозные структуры, на Сверхсистему, их надо было останавливать. И «Чистилище» понемногу расчищало авгиевы конюшни коррупционеров, нацеливаясь на главных действующих лиц, засевших в аппаратах президента и правительства. Правда, в деле чистки рядов общества возникали и провалы — контрразведка Сверхсистемы не дремала, да и органы МВД не сидели сложа руки. Наметилось некое странное равновесие в этой войне, не имеющей конца, ведущейся почти незаметно для рядового гражданина страны. В принципе уровень, на котором работало «Чистилище» — институты власти: Дума, силовые министерства, — был недоступен не только общественности, но и журналистам.

Неизвестно, были ли удовлетворены результатом деятельности «ККК» остальные Судьи, но Рыков доволен бывал редко. К тому же цель его отличалась от постулированной цели «Чистилища»: справедливое воздаяние! Целью, сверхзадачей Германа Довлатовича была Единоличная Власть здесь, в запрещенной реальности Земли, и там — в «розе реальностей», на уровнях, абсолютно недоступных воображению обыкновенного человека.

В рабочем кабинете на Сенной площади Герман Довлатович появлялся два раза в неделю. Во вторник он работал с аналитической группой «Чистилища», руководимой Судьей-4, знакомился с развединформацией, проверял и корректировал выполнение планов, а в пятницу принимал отчеты гранд-операторов о подготовке акций — «чистильщики» называли акции бандликами, соединив два слова: «бандит» и «ликвидация». Кроме того, Рыков подключал к исполнению группы подготовки и держал связь со своими фликами — агентами-информаторами, наблюдателями и экспертами. Все это — через компьютерную сеть, естественно, с умопомрачительной системой кодово-опознавательной защиты. Зато подобная схема управления исключала прямые контакты с исполнителями и сводила почти к нулю возможность провала. Исключение Герман Довлатович делал лишь для руководителя службы безопасности Темира Жанболатова, которого знал уже двенадцать лет.

Начинал свою карьеру Жанболатов штатным информатором

КГБ, затем по совету Рыкова перешел в военную контрразведку, проработал там до известных событий 1993 года. Потом ушел в коммерческую структуру, где в качестве начальника охраны продержался два года, одновременно тренируя частных предпринимателей в одной из школ рукопашного боя. Там его заметил директор Российского центра боевых искусств и предложил работу инструктора в одном из клубов Центра. Темир согласился. К тому времени ему исполнилось тридцать пять лет и он был в отличной физической и психической форме. Предложение Рыкова работать на «Чистилище» Жанболатов принял без колебаний.

Судьи «ККК» сперва косились на «азиата», но потом привыкли. Манера Жанболатова держаться, по-восточному вежливая и вкрадчивая, при всем том, что он был умен и образован — окончил Казахский университет, — не могла не располагать к себе самых разных людей. Да и школу он прошел хорошую, прекрасно научился использовать слабые струнки собеседника, знал методы работы контор, подобных безопасности, контрразведке и Министерству внутренних дел. Более ценный кадр Рыкову найти было трудно, хотя он и старался. Герману Довлатовичу не хватало профессионалов класса «абсолют». Заменить таких профи не могла даже целая зомби-команда, прикрывающая спины Судей во время совещаний и особо важных бандликов.

В пятницу семнадцатого мая Рыков появился в кабинете в девять утра и тут же сросся с пультом компьютера в единое целое. К обеду он почти закончил работу, и тут в кабинете, пройдя тройной контроль, возник Жанболатов. Рыков почувствовал его приближение еще до выхода из машины, но решил не отвлекаться. Не стал торопить босса и Темир, усевшись за спиной Германа Довлатовича в своем любимом кожаном кресле. На экран дисплея он глянул всего два раза, но и этого было достаточно, чтобы понять, с кем и зачем вел диалог Судья-2.

Через минуту Рыков закончил работу, провел привычную процедуру проверки на утечку секретной информации и развернул свое вращающееся кресло. Теперь он сидел лицом к гостю. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Потом Жанболатов, сощурив черные глаза, кивнул на потухший экран.

— Вы не боитесь работать с такими людьми?

Рыков покачал головой. Он только что дал заказ президенту киллер-клуба на ликвидацию конкретного человека, предварительно переведя сумму заказа со счета «ККК» на счет клуба.

— Почему вы не действуете обычным путем? — продолжал Жанболатов. — Дайте команду, и мой тревер ликвидирует любого человека.

Герман Довлатович снова покачал головой.

— Твой тревер и мейдеры поддержки должны быть чистыми

как слеза. Дело же, которое я поручаю киллеру, грязное. Надо убрать депутата... хорошего депутата, помощника президента. А потом ты со своей командой уберешь исполнителей. Громко, чтобы все узнали, как мы караем убийц. Тебе все ясно?

— Это называется — стратегическая провокация. Цель — создание нестабильности вокруг президента?

— Ты слишком умен, Темир, иногда это меня пугает. Да, цель — подготовить президента к принятию решения. Какого — узнаешь позже. Готовь свою обойму, ликвидировать киллеров надо будет в течение суток после акции. И второе задание, по важности оно даже первое: съезди во Владимир с двумя-тремя фликами, возьмешь ай-профи[1] и попаси одного знакомого. Только пасти надо очень тонко, на грани призрака и тени, и еще надо выявить круг его знакомых, друзей, родственников. Он мне очень нужен.

— Кто этот человек?

— Василий Котов. Во всяком случае, так он сейчас себя называет. Полтора года назад его звали Василий Никифорович Балуев.

В субботу восемнадцатого мая, в десять часов вечера, был убит на своей даче депутат Государственной думы Забодыко. В телефонный аппарат, которым пользовался депутат для связи с президентом, была вмонтирована мина, и, когда Забодыко по звонку поднял трубку, прогремел взрыв. Бывшему секретарю райкома, потом мэру, затем главе информационного агентства, заместителю председателя Совета директоров Бизнес-центра, депутату Госдумы, давнему приятелю нынешнего президента оторвало руку, и он истек кровью, прежде чем приехала «Скорая».

В тот же вечер в Кремль были вызваны президентом начальник службы безопасности генерал Коржанов, советник по национальной безопасности Рыков и секретарь Совета безопасности Мурашов. Все трое, прибыв одновременно в половине двенадцатого ночи, вошли в рабочий кабинет президента.

Илья Ильич, одетый по-рабочему, в белую рубашку с галстуком и светлые летние брюки, меривший шагами мраморный пол комнаты, покрытый коврами, поглядел на вошедших и снял очки.

— Прошу извинить, господа, что собрал вас на ночь глядя, но дело не терпит отлагательств. Только что от меня ушли директор СБ и министр внутренних дел... Вы в курсе произошедшего?

— Погиб Николай Трофимович Забодыко, — тихо сказал Рыков.

[1] Наблюдатель (от англ. слова «глаз»).

— Вы, как всегда, все узнаете первым, — холодно сказал президент. — Кто, по-вашему, это сделал?

— Киллер... — Коржанов откашлялся.

— Я знаю, что киллер! Имеется в виду организация. «Чистилище»? Мафия? Личные враги? Кому понадобилось убирать Колю... Николая Трофимовича? Милейшего человека? Ни Бондарь, ни Глухарь мне на этот простой вопрос не ответили. Кто теперь следующий? За два месяца убиты три депутата...

Голос президента снизился до шепота. Он подошел к столу, отпил из бокала минеральной воды, снова повернулся к молчавшим гостям.

— Все мы знаем, — голос Ильи Ильича окреп, — что многие депутаты кичливы, спесивы, чванливы, некультурны, агрессивны и меркантильны. Но не каждый же второй! — Президент както сник, волоча ноги, добрался до стула с мягким сиденьем, сел, махнув рукой. — Садитесь... пока. — Покачал головой. — По большому счету, общество до сих пор находится в состоянии войны, и люди привыкли. Понимаете? Привыкли к каждодневным сводкам погибших, воспринимая их на уровне статистического отчета! Вот чему я поражаюсь больше всего. Может быть, все же виновата система, которую мы претворяем в жизнь?

Трое молчали, неслышно рассевшись по стульям в стиле ампир. Президент оглядел их сосредоточенные лица, усмехнулся бледными губами.

— Что молчите? Нечего сказать? Посоветуйте, что делать. Только учтите, указ об усилении борьбы с преступностью не поможет. Предыдущий президент таких указов издал с десяток, и ни один из них никак не повлиял на снижение преступности.

— На месте преступления ничего не нашли? — поинтересовался Рыков.

— Нашли. — Илья Ильич фыркнул. — Карточку со знаменитой печатью «Чистилища». Но мне мало верится, что это убийство — дело рук «чистильщиков». Коля... Николай Трофимович не был замешан ни в одной из криминальных операций, а «ККК» очень щепетильна в этом вопросе. Кто-то сработал под «Чистилище», чтобы лишний раз подставить его и замести следы. Но кто?

Рыков обменялся взглядом с Мурашовым, но промолчал. Заговорил Коржанов:

— Я утверждал и еще раз повторяю: нас отстреливают, как оленей, на выбор, а мы все стесняемся принять адекватные меры. Неужели надо взойти на эшафот, чтобы признать: конституционные методы борьбы с преступностью не срабатывают! Требуются иные, более действенные.

Президент нахмурился, пожевал губами, хотел возразить сво-

ему главному гаранту безопасности, но задумался. По его глазам было видно, что он не уверен в том, насколько отвечает принципам нравственности это предложение.

— Какие методы вы предлагаете, Николай Владимирович?

— Под вывеской фельдъегерской службы создать подразделение для особых поручений.

— И чем оно будет заниматься?

— Всем, что пойдет на благо Отечества.

— Конкретнее, пожалуйста.

Коржанов покосился на Рыкова, с которым сутки назад имел разговор на эту тему.

— Секретная связь, контроль продуктов для Кремля, выявление неблагонадежных в правительственных кругах, контроль за исполнением приказов и распоряжений, надзор за органами, исполняющими особо важные указы президента...

Мурашов, деликатно улыбнувшись при упоминании Коржановым функции «контроля за продуктами», посмотрел на недовольное лицо президента.

— Илья Ильич, вы все прекрасно понимаете. Функции команды, перечисленные уважаемым Николаем Владимировичем, не главные, хотя и важные. Основной задачей формируемой команды должно быть устранение! Устранение факторов, мешающих управлять государством, которое во все времена было аппаратом насилия, какие бы благие намерения при этом ни преследовались.

— У вас же есть целых две команды, «Туз» и эта ваша... «Бэта». Зачем создавать еще и третью?

Коржанов покрутил головой, глянул на Рыкова.

— «Туз» обеспечивает вашу личную безопасность физически, а «Бэта» психически, ни на что другое они не годятся.

— Так, может быть, они вообще ни на что не годятся?! Особенно хваленая «Бэта» — что толкового она сделала с момента создания?

Коржанов тоже не видел особой надобности в «Бэте», но она была создана еще при Брежневе, и ни один последующий президент ее не расформировал.

Команды типа «Бэты» — группы биоэтиков и экстрасенсов, охраняющих ауру президента от «энергетического пробоя» и прочих негативных воздействий, начали создаваться в США при Рейгане. У самого Рональда Рейгана было двенадцать биоэтиков, у Буша — шесть, у Клинтона — двадцать один, у Ельцина — пятнадцать. Команда Ильи Ильича насчитывала восемь человек, но и этого, по его мнению, было слишком много.

— Что еще вы мне скажете, господа профессионалы? — более примирительно спросил Илья Ильич.

— Необходимо создать секретность вокруг работы команды, — продолжил Коржанов, — знать о ней будем только мы да командир группы. Рядовые бойцы не должны даже догадываться, чьи приказы и во имя чего они выполняют.

Президент откинулся на спинку стула, включил кондиционер: ему вдруг стало жарко. Но было видно, что колеблется он не потому, что отвергает идею создания спецотряда, а по причинам иного свойства. Он явно боялся последствий действий отряда, боялся не меньше, чем информации о его существовании.

— Эта команда — единственная сила, которая способна защитить нас и наших друзей от «ККК», — привел убойный аргумент Коржанов, видя колебания президента.

— Кто будет управлять ею?

— Вы. Мы втроем будем готовить предложения по мере поступления проблем, вы же утверждаете конкретную программу. Непосредственное руководство группой я беру на себя, планы удобнее обсуждать при личной встрече, но не втроем, как сегодня, — это вызовет лишь подозрения. Будем комбинировать.

— Почему вы хотите подчинить команду фельдъегерской службе?

— Потому что легче всего ее спрятать именно там, среди профессионалов, разъезжающих по стране, подчиняющихся только непосредственно вам. А поручения все они получают индивидуально и секретно. Способы связи, сборов, получения заданий мы разработаем в рабочем порядке.

— Вы представляете, что будет, если произойдет утечка информации о наших... намерениях?

— Этого мы не допустим, — бесстрастно ответил Рыков.

Президент заинтересованно посмотрел на него, однако развивать тему не стал.

— Найдите мне убийц Николая. И дайте знать, когда ваша КОП-команда будет сформирована.

— Как вы сказали? КОП-команда? — поднял голову Мурашов.

— Как-то же ее надо называть? КОП — аббревиатура. Команда для особых поручений. Или не нравится?

— Напротив, подходит, копами американцы называют полицейских. Пусть будет КОП.

Президент сделал жест, означающий конец аудиенции, и трое его самых близких помощников неслышно удалились из кабинета.

ВСЕМУ ЕСТЬ ПРЕДЕЛ (ОЖИДАНИЮ ТОЖЕ)

Проснувшись, он лежал с открытыми глазами, втянул в себя воздух, ощущая все запахи: цветущего луга, аромат свежего кофе, долетевший с кухни, пряный дух шалфея, пропитавший простыни, запах валерьянки, исходящий от ящика с медикаментами в серванте, совсем тонкие оттенки запахов лаванды, миндаля, лимона, боярышника и фиалки, а также свежий, едва уловимый аромат ландыша — так пахли духи Наташи. Лежа в постели, Василий еще с минуту исследовал запахи квартиры и обнаружил, что их палитра значительно расширилась. Раньше он, например, не различал нюансы запаха от своих рук — правой и левой, — теперь же чувствовал разницу.

Закрыв глаза, чтобы лучше уловить это весьма своеобразное ощущение и запомнить его, Василий стал исследовать телевизор, столик возле кровати с журналами, карандашами и зажигалкой, ковры на полу, стены, окно. Сосредоточившись, «вышел» из дома и ярко представил лесопарковую полосу, начинавшуюся прямо за двором и тянувшуюся до Клязьмы. «Подышал» свежестью утра, глубоко втягивая воздух в легкие, выпятив живот, производя выдох через нос, до полного вытеснения воздуха из легких, и «вернулся» в спальню.

Бесшумно встал, выглянул на кухню, где хлопотала у плиты Наташа, Наталья Петровна Янина, женщина двадцати восьми лет от роду, по профессии мануальный терапевт, мастер рэйки[1], стройная, милая, улыбчивая. На Наташе был скромый халатик в мелкую полоску. Мгновение Василий смотрел на нее, затем бесшумно вернулся в спальню и присел на край кровати.

С Наташей он познакомился полгода назад, зимой, с тоски пригласив незнакомую девушку, в одиночестве прогуливавшуюся по набережной, покататься на лыжах. Девушка неожиданно согласилась, и Новый год они спустя две недели встретили вместе.

Наташа оказалась обаятельной, мягкой, уступчивой, милой и в общем красивой женщиной, понимающей души людей и вещей. У нее была необратимая потребность целиком посвящать себя чему-то — какому-то делу, человеку, но человеку мечты, претворяющему ее в жизнь. Делом являлась ее лечебная практика целителя, мастера рэйки, а «человеком мечты» неожиданно для него самого стал Василий Балуев, живущий нынче под фамилией Котов в древнерусском городе Владимире. Наталья легко

[1] Рэйки — древнейшая тибетская система оздоровления и лечения методом наложения рук.

понимала глубоко сокрытые тайны окружающих, знала она, наверное, и отношение Василия к той, которая была до нее, к Ульяне Митиной, но держать себя в руках умела и никогда не спрашивала у своего друга причин его редких приступов тоски. Она верила, что все это пройдет. Лишь сам Василий знал, что не пройдет, не забудется, не залечится.

Расставшись с Ульяной полтора года назад, Вася не выдержал и через месяц приехал в Рязань, где девушка училась в мединституте, но из этого ничего не получилось. Митина, студентка второго курса, была еще и Посвященной в тайны Внутреннего Круга, чьи дела и помыслы мог понять далеко не каждый обычный гражданин Земли. К Василию она отнеслась дружески, понимая его чувства, но помочь ничем не могла. Котов не стал ее идеалом, не мог дать больше того, что предлагал идущий по Пути Посвящения, не пробудил особого интереса и не затронул нежных чувств. Идеалом Ульяны оставался Матвей Соболев, бывший ганфайтер, контрразведчик, мастер боя и перехвата, который стал первым Посвященным, миновавшим промежуточные этапы Пути благодаря своему врожденному дару духовной чистоты. И Василий уехал, не попрощавшись, выбрав местом жительства Владимир — город, где жили когда-то его мать и родственники по женской линии. Мать умерла давно, еще до событий, в результате которых Балуев познакомился с Матвеем Соболевым и жизнь его круто изменилась, но квартира ее осталась за сыном, хранимая теткой Ксенией, сестрой мамы.

Надо признаться, Василий ездил в Рязань еще раз, зимой, и даже видел Ульяну, выходящую с подругами из здания института, однако подойти не решился и тут же уехал обратно, поклявшись забыть ее и никогда не вспоминать. Не вышло с клятвой. Какая-то тонюсенькая ниточка ментальной связи соединяла их и не давала сердцу покоя. Если бы не это, Василий давно бы женился на Наталье и был счастлив.

«Прости, Натали, — сказал он про себя, — я не виноват. Пока есть на свете Уля Митина — нет другой женщины, способной заставить меня прыгнуть выше себя».

Посидев немного в позе лотоса, Василий начал обычную утреннюю разминку по китайской системе чигонг-о[1], которой его обучил Соболев. Система позволяла за считанные минуты переводить организм на уровень высокой активности, делать мышцы эластичными, готовыми к взрывному действию и растягивать суставно-сухожильный аппарат до состояния «резинового каркаса».

Вася занимался рукопашным боем уже четверть века, начав

[1] Чигонг-о — старинная китайская система тренировки.

Путь воина в додзё карате и закончив школу Куки-Синдэн-рю-Хаппо Хи-Кэн (тайное искусство владения оружием). Прошел он и другие школы — айкидо и русбоя, проповедующего стиль реального боя в условиях, максимально приближенных к жизни. Но основную закалку дала Балуеву школа ниндзюцу, которую он одолел на Дальнем Востоке, под Приморском, где прожил одиннадцать лет (отец был офицером-ракетчиком и служил в зенитно-ракетных войсках), под руководством японского мастера Хатсуми, владевшего стилем тогакурэ-рю («спрятанное за дверью»).

Балуев, конечно, не стал «японцем» — по ощущению мира, но воспитан все-таки был в традициях ниндзюцу и не только довел до совершенства искусство рукопашного боя, но и достиг гармонического отражения окружающей действительности, в основе которого лежало интуитивное ощущение опасности и непрерывное определение текущих событий с анализом угрозы на уровне рефлексов, тонких движений полей и излучений.

После встречи с Соболевым Василий еще более развил в себе этот комплекс чувств, подсознательно вызывающих естественно ненапряженный ответ на любое событие. А главное, за полтора года, прошедших с момента их разлуки, Вася полностью овладел искусством смертельного касания, которое он назвал системой космек — комбинаторикой смертельного касания. Мало того, не желая никого убивать даже во имя защиты собственной жизни, он разработал на базе космек новый комплекс боевого стиля — ТУК, что означало: техника усыпляющего касания. Владение этим стилем поставило его по классификации ниндзюцу в ряды мейдзинов, то есть Мастеров, Достигших Совершенства. Проверить же себя в реальных условиях не составило труда: криминализированная жизнь России часто преподносила неприятные сюрпризы, даже если ты не искал встреч с бандитами, ворами и негодяями. Изредка Василию все же приходилось применять ТУК-метод для успокоения не в меру воинственных и разгоряченных безнаказанностью «повелителей жизни».

С Матвеем Соболевым он за это время встречался лишь дважды: в Москве, куда тот приезжал по делам, и в Санкт-Петербурге, где теперь жила семья Соболевых — Матвей, Кристина и Стас. Кристина заканчивала университет, а Стас учился в одной из частных школ; ему исполнилось двенадцать лет, но был Стас не по возрасту серьезен и трудолюбив, успевая и рисовать — прорезался у парня талант, и заниматься под руководством приемного отца воинскими искусствами. Где работал Соболев, Вася узнать не удосужился, но собирался как-нибудь бросить все дела и повстречаться с другом, по которому успел смертельно соскучиться.

Сам Василий работал в Управлении социальной защиты на-

селения Владимира водителем, развозя пенсии с двумя инкассаторами на своем видавшем виды «Вольво» модели 343, который приобрел за тысячу «зеленых» и отремонтировал своими руками.

В свободное от работы время Вася копался в своей «радиомастерской», устроив ее в одной из комнат квартиры. Все-таки по образованию он был физиком, знал и умел многое и любил экспериментировать со всякими генераторами СВЧ, радиоконтурами и телесистемами. В последнее время он совершенствовал «тюбетейку», как он назвал генератор пси-защиты, предназначенный для подавления полей гипноиндуктора «удав», который был известен среди профессионалов под названием «глушак». Генератор защиты в виде сеточки и собственно резонансного контура удалось сохранить со времен последнего боя с Монархом Тьмы. Разбирался с ним Василий долго, но сумел существенно расширить диапазон реагирования и усилить защитные свойства. Если бы об этом узнали разработчики из секретных военных лабораторий, они поставили бы Балуеву-Котову памятник. А если бы узнали федералы, добавил про себя Василий, имея в виду сотрудников ФСБ, они тут же этот памятник закопали бы в землю... вместе с оригиналом.

Позанимавшись полчаса, Василий прибрал постель, помня изречение Пифагора: «Поднявшись с постели, сгладь отпечатки тела», — забежал на кухню, чмокнул Наташу в шею и закрылся в ванной.

Во время завтрака Наталья не без юмора рассказывала, как она вправляла позвоночник одному пугливому больному, а Василий делал вид, что слушает. Наконец девушка заметила его состояние и спросила:

— Что случилось, Котов? Ты где-то далеко...

Василий оторвался от киннаю[1] — высокоэнергетические «помпажные» режимы требовали перехода на восточную кухню, и по утрам он ел рис с овощами, — с некоторым смущением глянул на подругу. Обычно он, легкий в общении с людьми, не боящийся нарушить устоявшееся равновесие, мгновенно находил нужную интонацию, форму ответа, а нынешнее его замешательство говорило о дискомфорте в душе.

— На работе неприятности? — продолжала Наташа.

— В некотором роде, — с облегчением кивнул Василий.

— Расскажешь? — Она сделала вид, что поверила.

— Когда все выяснится. — Василий постарался сделать вид, что говорит правду. Он допил травяной настой, поцеловал Наталью в ухо и испарился. Девушка с грустью смотрела ему вслед, уронив руки на колени. Она знала, что Котов ее не любит, но

[1] К и н н а ю — блюдо китайской кухни.

знала также, что нужна ему. Всюду необходимый, сильный, волевой, он, в сущности, нигде не находил себе настоящего пристанища и был одинок даже в постели с женщиной.

— Господи, помоги ему! — подняла глаза Наташа, усмехнувшись, добавила: — И мне тоже!..

Котовская машина стояла во дворе, охраняемая спецсистемой тульских оружейников, не уступающей иностранным иммобилайзерам второго поколения. Система называлась «ХВ-96», что расшифровывалось очень просто: «Хрен вам!» — и не стоила Васе ни гроша, потому что подарил ее ему по доброй памяти приятель из военной контрразведки. Украсть машину со двора пробовали дважды, но безрезультатно. Первый раз «ХВ» сработала сразу, как только угонщики проникли в нее: звуковой сигнал, направленный в основном внутрь салона, послужил акустическим ударом мощностью в шестьдесят децибел. Вполне вероятно, что у воров полопались барабанные перепонки, и Вася поступил с ними по-джентльменски, пару раз съездив каждому по морде.

Заменив сломанный замок левой дверцы, он слегка изменил режим «ХВ», а дверцы на ночь перестал закрывать вообще, сформулировав поговорку: чтобы не ломать дверь, надо ее не запирать. Второй раз угонщики нарвались на более серьезную защиту: «ХВ» тихонько вызвала хозяина и закрыла насмерть замки обеих дверей машины. Василий вышел во двор, когда воры лихорадочно пытались выбраться из салона, не решаясь бить стекла (кстати, бронированные). Они были вооружены, и Василий мог бы просто вызвать милицию и сдать двух грабителей, но он предпочел дать им урок. Выпустил обоих, отобрал оружие, от души поработал над их физиономиями и проникновенно попросил объявить всем угонщикам города не трогать его машину. С тех пор к ней никто не подходил, хотя приятель Васи, с которым он поделился опытом, сказал со знанием дела:

— Смотри, чтобы ее не заминировали или не саданули из гранатомета. Банды угонщиков мстительны.

Василий так не считал, но машину на предмет минирования проверял регулярно. А со временем собирался поставить в салон компьютер, регистрирующий все изменения параметров среды и самого автомобиля, который предупреждал бы хозяина об опасности заранее.

Включив мотор, он с минуту сидел в кабине с закрытыми глазами, анализируя реакцию своей нервной системы на сигналы подсознания. Ничего не уловив, тронул машину с места. Совесть — зря он мучает Наташу — грызла его недолго, потому что в душе он давно решил все ей объяснить. Правда, сил на это объяснение пока не хватало.

«Ульяна!» — позвал он космос, привычно представив, как его

мысленный зов пронизывает пространство и достигает слуха девушки в Рязани. И услышал ответный мыслешепот: «Привет, ганфайтер! Не забыл еще?»

Облившись потом, Василий вырулил вправо на проспект Ленина и остановил машину. Сердце заколотилось так, что казалось, сейчас выскочит из груди. К голове прилила волна крови, в ушах поплыл звон. «Ульяна!» — снова мысленно крикнул он, напрягая слух, но космос на этот раз промолчал. Лишь прозвенела эмоциональная нотка печали, словно по виску скатилась холодная струйка воды. Василий опомнился, приводя чувства в порядок, но факт внечувственной связи с той, которую боготворил, отрицать не спешил. Слишком многое он узнал за последнее время о возможностях человеческого организма и очень многому научился сам.

Еще год назад он перевез к себе библиотеку эзотерической литературы Матвея Соболева, прочитал ее всю, постоянно искал труды древних мудрецов и современных философов и пришел к выводу, что человек утратил подлинное видение Вселенной и владение ее законами не окончательно. Об этом же говорил и факт существования Внутреннего Круга человечества, по сути — новая его раса, овладевшая экстраординарными возможностями тела и разума. Факт же того, что история человечества была фальсифицирована, а сами люди оказались результатом эксперимента, потомками древней цивилизации Инсектов, точнее — рода Блаттоптера сапиенс, «тараканов разумных», никогда не воспринимался Васей как оскорбление его чувств, осквернение духовной сферы. Он относился к этому философски, просто как к неоспоримой данности. Он видел МИРы Инсектов — «модули инореальности», архитектурные ансамбли-памятники невероятной сложности и красоты, он дрался с Монархом Тьмы, «отцом» человечества, встречался с людьми Внутреннего Круга и точно знал, что все это было! В какой-то миг просветления истина открылась ему с другой стороны, и он понял, почему земная реальность называется запрещенной! И хотя миг этот прошел, оставив чувство сожаления и досады, Василий верил, что понимание сути вещей вернется. Верил он и в свой Путь к вершинам понимания мироустройства. Шел он медленно, гораздо медленнее, чем Матвей Соболев, зато не терял достигнутого.

— Ульяна... — прошептал он едва слышно, понимая, что сейчас только что окончательно решил поехать в Рязань и найти Ульяну Митину. Не ради выяснения отношений, ради самой жизни, требующей, чтобы он был рядом с девушкой. С тех пор, как он стал исповедовать принципы «базовых норм»: не ловчи, не мелочись, не воруй, обходись — если можешь, — Василий умел прямо сказать о своих чувствах любому. Не сработал этот

закон только в отношении Натальи, да и то лишь потому, что он боялся сделать ей больно.

— И все же лучший выход из положения — роды, — пробормотал он, трогая «Вольво» с места.

В девять он был у здания Управления социального обеспечения, проспект Ленина, 59. Дождался, не заходя в здание, двух своих молодых напарников с «дипломатами», вооруженных табельным оружием — пистолетами Макарова, и поехал в банк, расположенный на том же проспекте, тремя кварталами ниже, в доме номер тридцать пять.

Старшего инкассатора звали Сашей, ему было за тридцать. Младшего, двадцатидвухлетнего, — Виталием. Он, по сути, был охранником и кое-что умел, занимаясь в местной школе русбоя.

— Поплыли на Юрковского, — сказал Саша, несмотря на теплый майский день, одетый в теплую джинсовую куртку. Его напарник пистолет носил за поясом сбоку, прикрывая его футболкой.

— Вчера мой братан историю рассказал, — начал он, устраиваясь на заднем сиденье. — Братан в «Автосервисе» работает, что на Московском шоссе. Его приятель, Севкой звать, недавно «вольву» себе купил, не чета, конечно, твоей. — Виталий дотронулся до плеча Котова. — Не обижайся. У тебя триста сорок третья, а он сподобился на девятьсот сороковую за тридцать семь тысяч. Сам понимаешь: комфорт, защита Sips, подушки безопасности и все такое прочее. Ну вот, приехал этот мужик, Севка, на работу, оставил на пару минут свою красавицу на улице, выходит — в ней сидят двое. «Ребята, вы чего здесь делаете? Это моя машина. А ну вылезайте!» — «Ключи», — говорит ему тот, что за руль сел, в очках, бритые виски, без бровей, в черном костюме. «Да вы что, очумели?!» — «Ключи», — снова ему тот, в очках. «Да я сейчас милицию вызову, е-мое!» Ну, повернулся мужик и пошел к проходной, а те вылезли, спокойненько так, бритый достал пистолет — и шарах в спину хозяину! Когда ребята выбежали, их и след простыл. Севка помучился немного и отдал концы по дороге в больницу. Вот тебе и поездил на «крутой» тачке!

Помолчали, переваривая историю. Потом Саша спросил:

— А откуда подробности такие знаешь: что они бритые были, в очках, в костюмах?

— Один был в очках и бритый, второго Севка не разглядел. Но рассказать братану успел, тот первым из конторы выскочил. Увидел, как они, не торопясь, шли через площадь к памятнику Жукова, да не придал значения.

— Внаглую бандиты работать стали. — Саша достал свой пистолет, проверил обойму, щелкнул курком, поставил на предохра-

нитель. — Проверь свою пушку. Деньги мы возим не слишком большие, но и не малые.

— Чего ее проверять, — буркнул Виталий, но пистолет достал, убедился в готовности к стрельбе и сунул за ремень. Процедура это повторялась изо дня в день неукоснительно, и Василий в душе ее приветствовал, хотя не был уверен, что инкассаторы успеют применить оружие, произойди что-нибудь серьезное.

Случай, приведенный Виталием, его не поразил, однако заставил задуматься. Вспомнилась другая история, рассказанная соседкой, матерью-одиночкой, имевшей прелестную дочурку четырех лет.

Соседку звали Клавдия, и работала она не в какой-нибудь «крутой» фирме, а санитарным врачом. В ее обязанности входила проверка пищевых продуктов и выдача сертификата качества, то есть справок, дающих разрешение на продажу. И вот одна из торгующих фирм, некая «Черная пантера», привезла партию деликатесов из Венгрии с истекшим сроком годности. Видимо, купила по дешевке в расчете «наварить» дома по-крупному. Естественно, Клавдию попросили дать справку. Она отказалась. Предложили взятку. Снова отказалась. Тогда к ней в санэпидстанцию пришли двое плечистых молодцов и предупредили: или берешь взятку и подписываешь документы, или что-нибудь случится с дочкой.

— Ну и что мне теперь делать? — плакала Клавдия. — При моей смешной зарплате их тысяча долларов — бешеные деньги! Но ведь возьми я их — попаду к ним на крючок, будут каждый раз тухлятину подсовывать, всякую дрянь в торговлю запускать. А если, не дай Бог, люди отравятся, кто сядет? Я, конечно. Вот и думай что хочешь. А в милицию велели не соваться, там у них все схвачено. Теперь живу в постоянном страхе, уже сердечный приступ был...

Василий выслушал эту историю внешне равнодушно, как мог успокоил соседку и пообещал помочь, хотя сам еще не знал — как. Теперь же, после рассказа Виталия об убийстве владельца девятьсот сороковой модели «Вольво», решил все же выполнить обещание. Кто-то там, в других реальностях, следящий за его Путем, явно был не против, чтобы этот Путь стал «тропой войны за справедливость». Он знал глубинные черты характера Василия Балуева-Котова, такие, как организация ритма жизни по внутренней оценке смысла и готовность вступиться за всякую правду. Да, Вася был не безгрешен. Вполне осознавая мотивы своего поведения, он мог быть жестоким, нарушать общепринятые нормы, уходить от дела, если решал, что это ему не нужно и неинтересно, но он мог быть и безмерно великодушным, способным действовать без всякой корысти, гибко или по-рыцарски прямо.

Рабочий день они закончили к трем часам, перекусив в кафе «Сунгирь» на Суздальском проспекте. Потом Василий отвез инкассаторов в управление, а сам поехал к тетке Ксении, чтобы засвидетельствовать ей свое почтение и справиться, не нужно ли чего. От тетки он отправился в центр, собираясь выяснить расположение офиса фирмы «Черная пантера». А вылезая из машины на Девической улице, он вдруг понял, что за ним следят.

Ощущение это родилось не сразу. Еще утром у него испортилось настроение, появилось раздражающее чувство неловкости и дискомфорта, которое он связал с реакцией души на невеселые истории Виталия и Клавдии. Теперь же, открывая дверцу машины, Василий почувствовал покалывание в левой руке и жаркое полыхание левого уха. Так его нервная система, для которой мысленное сканирование окружающей среды стало даже не привычкой, а инстинктом, реагировала на сакки — «дыхание», или «ветер смерти», как переводился на русский язык японский термин ниндзюцу.

Ощущения Василия переводились так: появилась реальная опасность, а поскольку он никого не видел, не мог даже вычислить предполагаемого наблюдателя, это означало, что за ним пришли профессионалы.

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ

Матвей стоял на ячеистой платформе, похожей на пчелиные соты, сработанной из зеленовато-желтого материала, напоминающего янтарь, и разглядывал центральное сооружение платформы — пять башен-складок, сросшихся боками, образующих нечто вроде мехов гармошки.

Стены башен тоже напоминали соты, но более крупные, а сотово-чешуйчатый их узор был удивительно гармоничен, геометричен и красив. За башнями шла еще одна платформа, представлявшая, по сути, крыло, как и та, на которой стоял Матвей. Крылья эти загибались на концах вверх и заканчивались трубчатыми наростами в дырах и оспинах, опускавшимися под крылья и там расходившимися водорослевидными бородами. Издали вся эта конструкция напоминала гигантский самолет с дырчато-сотовым пузом, усеянным рядами длинных шипов, скорее, пожалуй, странный дирижабль, слепленный из пчелиных сот. Галиктопоэдр — всплыло в памяти название летающего гнезда-крепости древних разумных пчел — Галиктов. Тип — пагода, возраст — около миллиона лет, жизненный запас еще достаточно велик, около трех тысяч лет, но защитников гнездо уже не имеет. И насколько знал Матвей, ни один галиктопоэдр в виде МИРа — «мо-

дуля иной реальности» — к двадцать первому веку на Земле не сохранился. Судя по форме этого гнезда-крепости, оно принадлежало Пережившим Изменение, хотя уже и первые Галикты и Апоиды знали о той огромной роли, какую играет форма здания и сооружений — именно она организует вакуум, помогает воздействовать на сознание, — и строили свои летающие крепости в соответствии с законом форм. Первые Люди еще пользовались этим знанием, отразив его в форме своих храмов — пирамид, но затем знание закона стало уделом Хранителей, людей Внутреннего Круга, и хранилось лишь в их коллективной памяти, образующей первый горизонт информационного поля земной реальности.

Издалека донесся стеклянно-металлический вопль.

Тяжело ступая, Матвей приблизился к краю крыла-платформы и глянул вниз. Крепость Галиктов висела в воздухе на высоте двухсот метров над холмистой равниной и была соединена с вершиной холма четырьмя тросами подъемника. Когда внизу сородичи великана, в чьем теле обитало сознание Матвея, начинали вращать барабан, тросы передвигали раму — своеобразный лифт, способный поднять наверх двух-трех человек или груз до полутонны весом.

Всадники на вершине холма смотрели вверх, ожидая сигнала. Затем кто-то из них снова издал странный звенящий вопль, от которого в тоске сжималось сердце. Матвей достал с пояса длинную трехколенчатую трубку, дунул в ее узкий конец, и вниз полетел такой же невыносимо тоскливый звук.

Не оглядываясь более, Матвей направился к пролому в стене центрального строения крепости Галиктов. Как бы ни ярился командир отряда Стражи, без своего разведчика отряд не уйдет.

Внутри складчатой башни было темно, однако стоило Матвею переступить границу света и тьмы, как диапазон зрения скачком изменился, и взору представились сложные внутренности гнезда Галиктов, излучающие призрачный голубовато-серебристый свет. Даже сейчас, спустя миллион лет после постройки, жилище древних разумных пчел продолжало поражать наблюдателей-людей своей внутренней гармонией и необычайно тонкой игрой геометрических переходов, производя впечатление законченности и совершенства.

Вбирая красоту узоров стен, коридоров, помещений не глазами, а сердцем, Матвей обошел по сложной спирали первую складку-башню, потом вторую, а в третьей, где Галикты сделали «тронный зал» повелительницы гнезда, царицы, или матки, разведчика ждал сюрприз.

Когда он приблизился к «трону», освещенному невидимыми источниками света наподобие солнечного дня, в глубине хру-

стально-медовой друзы невероятной красоты кристаллов — так выглядел «трон» и «саркофаг» царицы семьи — вдруг зашевелилась тень, и между двумя сложными колоннами-растяжками, поддерживающими мерцающий янтарными искрами полог, появилась странная фигура в прозрачно-серебряных перепонках. Царица-матка!

Долго-долго два представителя разных и одновременно близких классов разумных существ смотрели друг на друга. Царица вовсе не походила на ту пчелу, которую привык видеть Матвей на летнем лугу, однако было видно, что это насекомое гигантское по сравнению с современными земными, высотой более полутора метров, со сложным многосегментным телом и кошмарной головой, с огромными, отнюдь не фасетчатыми, а овальными глазами со щелевидными зрачками. Конечно, разум Галиктов весьма сильно отличался от человеческого; каждая особь хотя и могла мыслить самостоятельно, но настоящим разумным существом была вся стая пчел, вернее, рой. Однако и эта последняя представительница Галиктов, пережившая каким-то образом Изменение, производила впечатление мудрого отшельника, давно открывшего для себя суть всех вещей.

«Подойди поближе», — прошелестел в воображении Матвея бестелесный хрупкий голос.

Никак не ожидавший подобной встречи, Матвей безропотно шагнул вперед. Опомнившись, сбросил с себя гипнотическое оцепенение.

— Кто вы?

Существо проигнорировало вопрос.

«Я знаю, что ты ищешь. Но этого здесь давно нет».

Матвей, не знавший сам в точности, что он ищет в прошлом, опешил.

— Вы не можете знать, ради чего я...

«Возможно, я ошибаюсь. В таком случае хочу предостеречь тебя, незавершенный. С недавних пор ты научился преодолевать порог выхода в астрал и ментал и создавать устойчивый канал передачи запрещенной информации. Эти походы уже заставили кое-кого предпринять защитные меры. Будь осторожен. Однажды Закон восхождения уже был тобой нарушен...»

— Я иду своим Путем, — не выдержал Матвей. — К тому же мне помогли. И я не простой любопытный, а Посвященный I ступени Внутреннего Круга.

«Все это так, однако в тебе осталось слишком много человеческого, что может подвигнуть тебя на действие во имя призрачных идеалов человечества».

— Кто вы? Я не заказывал встреч в своем трансовом сне-путешествии.

«Догадайся сам. Мы не могли не предупредить того, кто нам симпатичен. Будь осторожен».

Существо в перепончато-прозрачных одеждах просеменило в глубину своего «трона-гнезда» и застыло грудой сверкающих драгоценностей возле сложнейших кристаллических сростков саркофага.

Матвей с невольным сочувствием понял одиночество этого древнего представителя разумной расы пчел, уцелевшего во время Изменения, и повернул к выходу. Но выйти не успел — сознание начало возвращение из трансового сна по цепи памяти, не дожидаясь волевого приказа.

Переход прошел нормально, без особой встряски нервной системы, и вскоре Матвей осознал себя лежащим с закрытыми глазами на спальном мешке под пологом палатки. Привычно включил внутренний отсчет времени: пять часов три минуты утра. Пора вставать. Однако минут десять он еще лежал, размышляя над встречей с одним из Галиктов.

Умение двигаться вспять по родовой-мировой линии памяти предков, генной памяти, ему далось не сразу, но с тех пор Матвей мог заказывать сновидение — он назвал такое состояние ортосном, — осознанно и часто путешествовал в прошлое своих предков, переживая практически то же самое, что пережили когда-то они. Такие сны в свое время проецировали ему иерархи да Граф, Тарас Горшин, как бы подталкивая к решению вступить на Путь во Внутренний Круг. Именно это обстоятельство и упомянул как нарушение Закона восхождения таинственный доброжелатель из только что закончившегося ортосна, внедрившийся в образ последнего Галикта. Как это ему удалось, Матвей понять не мог. Совершить такое внедрение могли только иерархи, тот же инфарх, например, или же Хранители, то есть Матфей. Но кто из них почтил своим вниманием подсознание Посвященного I ступени, определить путем размышлений не представлялось возможным. Что же хотел сказать этот неизвестный? О чем предупредить? Чего не стоило искать, чего не было в жилище Галиктов?

Матвей откинул полу спальника, сел на нем в позе лотоса, привычно процеживая окружающий мир сквозь охранный и сигнальный отделы нервной системы. Но на многие километры от места в лесу, на берегу озера, где он разбил палатку, опасность не обнаруживалась, лес жил своей растительной жизнью, природа была спокойна и доброжелательна.

И все же, на что намекал гость во сне? Поиски Матвея в прошлом не были материальными, он просто хотел разобраться в причинах пристального внимания и постоянного вмешательства Монарха Тьмы в ход истории запрещенной реальности Земли. То

есть в события и действия людей, потомков Инсектов, которых он сам и создал, метаморфически изменив род Блаттоптера сапиенс. Остальные Инсекты в результате Изменения, произведенного Аморфами, сородичами Монарха, Предтечами всех разумных существ Вселенной («розы реальностей»), разум сохранить не смогли; уменьшенные в сто раз, они постепенно утратили все, кроме инстинктивного сохранения клановой организации — термитников, роев, муравьиных куч и стай.

Но что-то продолжало интересовать Монарха в созданной им модели мира, и он снова и снова пытался подрегулировать ход событий, откорректировать поведение «бывших насекомых», изменить соотношение законов и норм, ограничить рамки одних законов и расширить другие. Чувства самих людей, их страдания, переживания, горе и боль, страх смерти, жажду свободы и самовыражения, их естественное желание жить так, как они хотят, Монарх в расчет не принимал. Матвею очень хотелось понять Монарха, потому что он видел — близится новое пришествие этого таинственного существа, чудовищно далекого от всего человеческого, несмотря на то, что он создал человеческую расу, хотя сам Соболев и не собирался вмешиваться в события.

Ортосны же стали для Матвея своеобразным эстетическим нормативом. Погружаясь в них как в омут, опускаясь «на дно» истории, он посещал города, которые давно исчезли с лица земли, входил в музеи, великолепием превосходившие все известные ныне, бродил по разрушенным крепостям Первых Людей, наблюдал за строительством Первых Пирамид и древнейших сооружений Инсектов, но душа жаждала новых путешествий, новых впечатлений, и Матвей никак не мог пресытиться этим процессом, страдая от того, что ни с кем в принципе не может поделиться своим знанием и впечатлениями. Даже с Кристиной.

Матвей улыбнулся, чувствуя шевеление сердца в ответ на мысль о жене. Кристина оказалась умнее и дальновиднее его, ни разу не упрекнув мужа в прошлом увлечении Ульяной Митиной и совершенно спокойно отпуская его в частые командировки, во время которых он путешествовал по свету в поисках «особого смысла жизни» или жил отшельником неделями и месяцами вдали от людских поселений. Вот как сейчас. Но Матвей всегда возвращался. Он знал, что его ждут, ему всегда рады, что его любят самая красивая женщина в мире и самый преданный сын и чувства эти — вне любых пространств и времен.

С момента переселения в Питер семья Соболевых редкие моменты собиралась вместе: Кристина училась на третьем курсе Санкт-Петербургского университета, двенадцатилетний Стас — в седьмом классе Морской школы при Государственной морской академии имени Макарова, Матвей же пропадал в экспедициях,

словно его влекла по материкам и океанам погоня за утерянной душой. Зато когда всем троим удавалось соединиться, отвлечься от забот, наступал «медовый месяц» семейного бытия, не омрачаемый ничем.

Прислушиваясь к птичьим голосам, Матвей выбрался из палатки в одних плавках и подошел к кромке обрывистого берега над озером. Холода он не чувствовал, хотя утренняя температура в здешних краях редко поднималась в мае выше пяти-семи градусов. Солнце уже встало, вызолотив верхушки сосен и елей на левом берегу озера и макушку одного из дальних моренных островов.

С тех пор, как Матвей вообще что-либо помнил в жизни, плеск и движение озерной или речной волны казались ему дыханием живого существа. Такое же впечатление на него производили ручьи, колодцы и в особенности родники. В памяти еще с детских времен остались образы живущих в воде — нимер, нереид, океанид, а также русалок и водяных, олицетворяющих ушедшую в прошлое таинственную волшебную жизнь. И если Матвею приходилось иногда в прежней жизни искать спасения от суеты, он не находил ничего лучше, чем забраться в лес и часами сидеть на берегу ручья, вглядываясь в его прозрачные струи и космы шевелящихся водорослей. Жизнь озера или моря, конечно, отличалась от жизни ручья, но и она завораживала чередой волн, похожей на дыхание дремлющего доброго существа, пульс которого не имеет ничего общего с измерением и отсчетом времени. Шелест волн представлялся Матвею дыханием вечности, величественным напоминанием о том, как индийский бог Брахма, вдыхая и выдыхая, вечно создает и разрушает вселенные.

Не отрывая глаз от водяной глади, Матвей размышлял: а ведь Аморфы, Предтечи всего живого-разумного в «розе реальностей», тоже не были первыми во Вселенной, их также кто-то должен был создать...

Без разбега он сделал длинный прыжок — не менее чем на десять метров, вошел в воду без плеска и брызг и плыл под водой до тех пор, пока в крови не кончился запас кислорода. Вынырнул, повернул голову к берегу: он проплыл около восьмисот метров, приблизившись к одному из малых каменистых островков Пандозера, на берегу которого жил уже четыре дня. Перевернувшись на спину, раскинул руки, блаженно глядя в небо с редкими перьями облаков.

Вообще он бродил по территории Заонежья в Карелии уже почти две недели, посетив Кивач, один из самых высоких[1] водопадов на реке Суне, впадающей в Онежское озеро; сунские поро-

[1] 10,7 м.

ги, не замерзающие зимой; Сопохский бор с соснами до тридцати с лишним метров высотой и толщиной ствола до одного метра, где сохранились деревья, возраст которых перевалил за четыре сотни лет.

Когда-то, во времена «Союза нерушимого республик свободных», многие хвойные леса заповедника свели на нет, и на их месте обосновались осинники и березняки с ольховыми полосами по берегам ручьев и речушек, но лучшим приобретением лесов стали мощные зеленомошники, полные брусники, черники и голубики. Уже в первый день пройдя одно из таких ягодных полей, Матвей решил в августе привезти сюда Кристину и Стаса, пожить на природе и поесть живых ягод.

Тень коснулась лица лежащего на воде.

Матвей с недоумением оглядел небосвод и внезапно понял, что он не один. На берегу озера объявился некто, чье присутствие ощущалось лишь на ментальном уровне. Ни глаза, ни другие органы чувств Матвея его не взяли. Мгновенно развернув чувственную сферу, Матвей попытался определить источник беспокойства, увидеть его на фоне тонких полевых движений, оценить степень опасности и не смог, потрясенный этим открытием. Некто, появившийся на берегу, был невидим и неуязвим, словно призрак без души и тела. И открылся он хозяину палатки явно лишь для того, чтобы оценить остроту его гипервидения. Это мог быть только человек Внутреннего Круга, потому что иерархи уже полтора года не могли появляться на Земле в виде «проекций» — авешей в телах других людей... «Если только не произошло нечто неординарное в других мирах-лепестках «розы реальностей», — пришла трезвая мысль.

Матвей набрал воздуха в легкие и ушел под воду, вынырнув только у берега. Возле палатки его ждал Матфей, Хранитель Внутреннего Круга, успевший разжечь костер и повесить котелок с водой. Он встал с бревна при появлении Соболева, и оба некоторое время смотрели друг на друга, не произнося ни слова. Потом Матвей продемонстрировал умение сохнуть за несколько секунд (нагрев кожи до сорока пяти градусов плюс поглощение порами капель воды), поклонился и, получив ответный поклон, забрался в палатку. Вылез оттуда уже одетый в майку и шорты. Матфей, похожий на охотника или лесника в своей брезентовой куртке, высоких мягких сапогах, джинсах, с кепкой на голове, снял котелок и заварил чай. Все еще не обменявшись ни словом, они принялись за чаепитие по системе нэйгун: чай с добавками трав, сушеная малина, орехи. В шесть часов утра есть еще не хотелось, хотя гость и хозяин успели проделать необходимое утром количество физических упражнений: Хранитель прошел от «точки высадки» до озера не менее десятка километров, Матвей пла-

вал. К тому же он собирался свертывать лагерь, намереваясь вернуться в Петербург.

— Что случилось? — наконец спросил Матвей, когда они выпили чай и обменялись ничего не значащими фразами о погоде и природе.

— Можно сказать, что ничего не случилось, — ответил гость рассеянно; солнце светило прямо ему в глаза, но он не щурился и не отводил взгляда. — С другой стороны, главные события, затронувшие «розу реальностей», уже произошли.

Матвей с минуту размышлял над словами Хранителя, но смысл сказанного был слишком неопределенным, чтобы можно было его локализовать. И все же Матвею показалось, что он понял.

— Иерархи задумались над судьбой запрещенной реальности? Нас снова ждут революции и потрясения, связанные с их выходом на Землю? Или Монарх решил доделать начатое, продолжить эксперимент?

На миг в глазах Хранителя сверкнуло пламя абсолютного знания, и Матвей внезапно осознал, что на этом глубинном уровне бытия его гость невообразимо стар!

— Вы очень способный ученик, — сказал Матфей, погашая взгляд, становясь чуть более грустным. — Иван Терентьевич Парамонов не ошибался, оценив ваш потенциал. И все же желающий достичь высочайшей степени понимания сути вещей должен последовательно пройти все порядки жизни, находя в каждом новые горизонты и возможности для самовыражения. Вы же — спешите.

Матвей пошевелил прутиком угли костра, не торопясь отвечать или возражать. Токи, исходящие от Хранителя, позволяли оценивать его отношение к Посвященному I ступени как уважительно-дружелюбное, хотя и с оттенком неодобрения.

— Мне следует счесть ваши слова предложением?

Хранитель понял, улыбнулся.

— Еще нет, но Учитель вам все-таки нужен, хотя вы и прошли I ступень Посвящения. Однако сегодня я решил встретиться с вами по другим причинам. Первая: в Собор Круга поступило анонимное заявление, по сути — угроза в ваш адрес. Некто, пожелавший остаться неизвестным, скорее всего это кто-то из Посвященных II ступени, встревожен вашими экспериментами с переходами сознания из одной реальности в другие и «генными спусками», походами по цепи памяти предков в прошлое. Кстати, действительно, зачем вы это делаете?

Матвей без особых усилий отвел раппорт собеседника — попытку мысленно прощупать психосферу. Ему не хотелось делиться своими планами ни с кем, но Хранитель имел право инте-

ресоваться жизненными устремлениями своего младшего коллеги.

— Монарх не ради удовольствия или развлечения пытался вмешиваться в жизнь запрещенной реальности. Я хотел бы выяснить причину его заинтересованности.

— Есть результаты?

— Исследование не закончено, — сухо ответил Матвей.

— Простите мое любопытство, несомненно, подобная цель делает вам честь. Проблема номер два: с вами в последнее время никто не пытался встретиться... вмешаться... с просьбой помочь?.. Я имею в виду высоких людей.

Матвей пристально посмотрел на собеседника, попытался ответно проникнуть в его мысленную сферу, но это была попытка соломинкой пробить бетонную стену.

— Что случилось?

Матфей встретил взгляд Соболева, и некоторое время они сдерживали сверкание воль друг друга — в итоге Матвей отступил.

— Со мной никто не пытался встретиться. Но даже если это произойдет, я могу вас успокоить: я ни во что не стану вмешиваться.

— Хотелось бы верить. — Хранитель встал. — Поживем — увидим. До встречи, Посвященный.

С этими словами человек Внутреннего Круга исчез.

Матвей задумчиво поворошил прогоревший костер, бросил в него веточку можжевельника, понюхал дымок и подумал, что период спокойного качания Закона изменения энтропии, неподвластного даже Аморфам, качания вблизи точки перегиба, закончился.

НЕ НАРЫВАЙСЯ НА НЕПРИЯТНОСТИ

В это утро, проснувшись, Василий не открывал глаз, сосредоточившись на своих вкусовых ощущениях. Он провел языком по полости рта — вкус нёба напоминал яблочные корки, а вот зубы оставили впечатление опилок и сухой шершавости, их явно надо было чистить. С внутренним вздохом Вася признался себе, что не достиг еще того уровня контроля над телом, каким обладал Матвей Соболев, умевший вставать по утрам с запахом целого букета луговых трав во рту.

Прикрыв губы, он посмаковал воздух, коснулся кончиком языка кожи плеча, потом костяшек пальцев. Вкусовых ощущений соли и мускуса почти не было, зато на языке остался вкус железа, озона и молодой упругой кожи, нагретой солнцем. Через

минуту он встал, собираясь в течение дня сосредоточиваться на своих вкусовых ощущениях, чтобы оценить их непредвзято и точно.

Вот уже много лет Василий занимался по утрам не только чигонг-о, но и даосской системой интегральной тренировки цигун[1], пройдя все ее уровни от «железной рубашки» до «алмазного венца», позволяющие управлять силой Ци, или по-японски «ки», — то есть внутренней энергией тела. В свое время его поражало искусство Матвея исцелять смертельные раны с помощью тонкой энергетической саморегуляции, но в конце концов он овладел и сам этим искусством, во всяком случае — при лечении собственных травм, ранений и болезней.

Нынешним утром, предполагая, что в скором времени ему понадобится напрягаться, он отработал полный объем «железной рубашки»: первый уровень — практика наполнения силой Ци внутренних органов, второй — древнее искусство «воспитания связок», изменение качественного состояния сухожилий, и третий уровень — древняя секретная система нэйгун — искусство очищения глубин организма, с помощью которого жировые ткани в полостях трубчатых костей взрослого человека трансформируются в красный костный мозг, а функционирование всех органов изменяется таким образом, что омолаживается все тело.

Закончив тренировку, Василий попытался воткнуть себе в живот нож, полюбовался на гладкую кожу с красной полоской в месте удара и, проговорив: «Бронеживот, хе-хе!» — пошел в душ.

Искупавшись, приготовил завтрак: рис по-гонконгски, с овощами и соусом ля берр, печеные яблоки, отвар девясила с облепиховым вареньем. Ел он медленно и внимательно, не отвлекаясь на шумы за окном и бормочущий телевизор за стеной, и в конце концов добился цели: каждый кусок пищи, положенный в рот, начал приобретать свой собственный, неповторимый вкус, а по телу разлилось непередаваемое чувство силы и бодрости.

Не удержавшись, Василий подкинул в воздух картонную тарелку, на которой до этого лежали яблоки, проткнул ударом пальца и точным движением швырнул в мойку, сплющив ее в трубочку. Удивительное умение Матвея бросать камни и любые предметы без промаха всегда вызывало у него зависть, и он целый год тренировался в технике локте-кистевого броска, пока не достиг определенного мастерства сюрикэн-дзюцу[2]. Теперь он мог попадать в цель не только голышами и ножами, но и лезвиями бритв, скрепками и даже спичками, метая их особым образом.

В прихожей зазвонил телефон. Василий снял трубку.

---

[1] Ци — воздух, сила, гун — искусство, дисциплина, контроль (*кит.*).

[2] Сюрикэн-дзюцу — искусство метать лезвия (система ниндзюцу).

— Доброе утро, соня, — раздался в трубке голос Натальи. — Я тебя вчера не дождалась. Не забыл, что мы приглашены сегодня на день рождения?

Василий почесал в затылке, хотел честно признаться: забыл, — но вместо этого спросил:

— А подарок?

— Я купила. Когда тебя ждать?

— А когда мы должны быть там?

— Часов в шесть, в крайнем случае полседьмого.

— Тогда я буду дома в пять. За тобой заехать?

— Не надо, я сегодня работаю до обеда. До встречи. — Наталья прервала разговор.

Василий, держа трубку возле уха, вспомнил наконец, к кому они приглашены.

У Натальи оказались замечательные друзья, быстро принявшие в свой круг нового знакомого их подруги. Все они знали друг друга еще со школьной скамьи, дружили семьями, часто встречались, понимали толк в юморе, в розыгрышах, с ними всегда было интересно и весело. Василий с улыбкой вспомнил историю, рассказанную под Новый год подругой Натальи Валентиной.

Однажды Валентину с мужем пригласила приятельница отметить десятилетие замужества. Валентина прождала Алексея, своего мужа, до восьми часов вечера, не дождалась и ушла к подруге, оставив на столе в гостиной записку с адресом, где ее искать. Алексей же пришел домой поздно, за полночь: он участвовал в заседании совета фирмы, где работал коммерческим директором. Понимая, что особых оправданий за столь поздний приход у него нет, он тихонько лег в гостиной на диван, не заглядывая в спальню, чтобы не будить жену... Утром встал пораньше, приготовил завтрак — блины со сметаной и медом, чай — и вошел в спальню со словами: «Дорогая, вставай, я тебе тут блинчиков испек...»

Василий представил лицо Алексея, разглядывающего с подносом в руках пустую кровать, и засмеялся. Валентина рассказывала этот случай артистически, в лицах, компания смеялась долго.

Вася вернулся на кухню, прибрал за собой, помыл посуду, вспоминая слова Алана Уотса: «Каждый человек — это форма, которую принимает поток, чудесным образом объединяющий в себе молоко, хлеб, бифштексы, фрукты, овощи, воздух, свет, тепло». Философ мыслил оригинально и во многом был прав, в чем Василий уже успел убедиться. Каждый человек действительно представлял собой поток, структуру никогда не прекращавшегося движения, и пересечение этих структур порождало множество вихрей — от любви до смертельного боя.

Мысли свернули в другое русло. Василий чувствовал, что ему остро не хватает сомышленника, с кем он мог бы побеседовать на

интересующие его темы, поделиться своим знанием, сомнениями, воспоминаниями, задать вопросы и получить ответы. Нужен был если и не учитель, то проводник по миру эзотерических чудес, странному миру чудесных и чудовищных знаний, хранимых в памяти людей Внутреннего Круга. Но Матвей Соболев был далеко и жил своей жизнью, а Иван Терентьевич Парамонов хотя и находился поблизости, в Москве, но Василий почему-то стеснялся обращаться к нему. Правда, в последнее время он чувствовал, что готов отбросить колебания и найти Парамонова или Самандара, который, по слухам, также обретался в первопрестольной, продолжая оставаться президентом Международного исследовательского центра боевых искусств. А еще Васе очень хотелось хоть одним глазком глянуть на МИРы Инсектов — «модули иной реальности», то есть на храмы, построенные древними разумными насекомыми и сохранившиеся в недрах под Москвой и другими городами до нынешних времен...

Что-то изменилось вокруг, словно тень гигантского крыла мазнула стекло окна, на миг прервав поток света. Василий прислушался к себе, зная, что его инстинкт всегда просыпается раньше сознания. Став мэйдзином, Мастером, достигшим совершенства в боевых искусствах, Василий ощущал опасность как нарушение гармонии мира. Он не выбирал тактику боя и поведения в той или иной ситуации, его организм сам находил естественный ответ, никогда не ошибаясь. Правда, до боевых ситуаций дело не доходило, все проблемы до сих пор удавалось решать мирным путем. Если бы не сигнал, прозвучавший позавчера, во время работы: кто-то наблюдал за ним, профессионально и чисто, — Василий вряд ли в ближайшее время изменил бы свой статус «дхъяни-будды», Будды созерцания в индуистской религии.

За стеной, там, где жила Клавдия с дочкой, говорили на повышенных тонах, и Василий с раскаянием подумал, что не выполнил обещания помочь соседке. Надо было либо не обращать внимания на ее проблемы, либо уж найти время помочь. За полтора года он успел построить себе достаточно удобную экологическую нишу, нащупать тропу, ведущую во Внутренний Круг, и приспособиться к жизни мирного гражданина. Подвигнуть себя на какое-то крутое действие было теперь не очень легко, да и принцип ненасилия, исповедуемый Хранителями, способствовал мирному решению любой проблемы. И все же иногда приходилось вмешиваться в процессы, угрожающие жизни других людей.

Преодолевая внутреннее сопротивление, Василий открыл дверь и вышел в коридор.

Дверь в квартиру Клавдии была приоткрыта, оттуда доносились возбужденные голоса, детский плач. Возле лифта маялся долговязый парень в безрукавке и блестящих, словно из фольги,

брюках. Он было угрожающе двинулся к Василию, вынимая из карманов пудовые кулаки, но тот, не глядя, погладил парня по щеке, и долговязый медленно осел на пол. В прихожей двухкомнатной квартиры Клавдии топтался еще один отрок в спортивном трико, придерживая хозяйку за заломленную руку. Второй гость, приземистый, белобрысый, с рыхлым болезненным лицом, держал одной рукой дочку Клавы Сашу за волосы, а второй совал Клавдии папку с листком бумаги и ручкой. На скрип все трое оглянулись, затем Василий воткнул большой палец «спортсмену» в спину, вырубая его надолго, и одним движением пальцев сломал в запястье руку приземистому крепышу, который держал за волосы девочку. Белобрысый взревел от боли, побелел как мел, выронил папку с бумагами, сунул было правую руку в карман широких штанов, но достать оружие не успел: Вася от души влепил гостю удар в стиле саватт — тыльной стороной ладони по глазу. Приземистый отлетел в сторону, стукнулся затылком о стену и сполз на пол.

Клавдия расширенными глазами глянула на Василия, на обидчиков, потом подхватила на руки плачущую дочку и залилась слезами. Пришлось успокаивать ее, применяя мысленное внушение и ласковые слова. Через несколько минут Василий выгрузил гостей из квартиры к лифту и сказал пришедшему в себя, подвывающему от боли низкорослому вожаку бандитов:

— Еще раз увижу — покалечу всерьез! И передай своим шефам: я их скоро навещу.

После этого Вася снова зашел к соседке, поиграл с девчушкой, успокоил ее и вернулся к себе, решив в ближайшее время разобраться с фирмой, продающей некачественные продукты и требующей справку от врача санэпидстанции, которая бы снимала с них ответственность.

Позвонив в контору и выяснив, что денег нет, а значит, не придется и развозить пенсии, Василий некоторое время размышлял, чем заняться, и остановился на подготовке автомобиля к грядущей поездке в Рязань и Санкт-Петербург. Откладывать свидание с двумя дорогими ему людьми Василий больше не мог. Он переоделся в старенькие джинсы и футболку, взял сумку с инструментом, ведро с водой, автошампунь с полиролем и спустился во двор, к машине. Однако там его ждал сюрприз.

В кабине «Вольво» сидели двое молодых мужчин в строгих черных костюмах с сигаретами в зубах. Сидевший за рулем прятал глаза за черными очками. В ухе второго типа, с крупными чертами лица и глазами навыкате, красовалась золотая серьга с бриллиантом. Оба явно ждали хозяина машины, каким-то образом отключив первый контур сигнализации, срабатывающей при посадке в кабину чужих людей. Они были опасны, Василий опре-

делил это сразу, как только подошел поближе, но на «отмороженных» не походили. Тех Вася вычислял мгновенно. «Отмороженными» в народе называли психопатов и прочих акцентуированных личностей, пребывающих в постоянном напряжении, разряжать которое они могли только агрессивным поведением, издевательством, физическим насилием над другими людьми. Отличались подобные типы крайней жестокостью, пониженной чувствительностью к боли, презрением к закону и моральным нормам, а также полным отсутствием сострадания к жертвам.

Впрочем, и этим, судя по их аурам, убить человека было так же легко, как раздавить муху. Василий вспомнил рассказ Виталия об убийстве его приятеля, владельца девятьсот сороковой модели «Вольво». Убийцы по его описанию весьма походили на этих парней в его кабине. Почему их интересовали только авто с маркой «Вольво»?

— Это моя машина, джентльмены, — открыл дверцу Вася со стороны водителя. — Вам помочь выйти или вы сами выберетесь?

— Ключи, — протянул руку «джентльмен» в очках.

— Ага, значит, я не ошибся. — Вася сделал мгновенный выпад пальцем в висок требующего ключи и тут же выдавил из трубы автошампуня струю в глаза второго угонщика. Затем обошел машину, пока тот протирал глаза от едкой пены, рывком выдернул его из кабины, вывихнув руку в локте, отобрал пистолет («ТТ» с глушителем) и сказал, участливо глядя в побелевшие от боли и изумления глаза:

— Сегодня я добрый, дружок, потому и оставлю вас в живых. Забирай своего напарника и — аллюр три креста! В случае повторения инцидента я вас сильно помну и сдам в милицию. Подходит такой вариант?

— Н-нет, — выговорил крупнолицый, держась левой рукой за локоть правой. По его лицу и шее плыл маслянистый голубой шампунь, стекая на пиджак и белую рубашку.

Василий удовлетворенно кивнул, выволок отключившегося любителя чужих «Вольво» в очках, взгромоздил на плечи приятеля.

— Топай, дружок.

— Мы еще... — глухо начал крупнолицый.

— А вот этого не советую, — прервал его Василий, щелкнув пальцем по губам. — Я не всегда бываю добрый.

Провожаемый глазами обитателей двора, угонщик потащился на улицу, сгибаясь под тяжестью тела второго подельника. Глядя ему вслед, Василий подумал, что зря начал первым. Надо было дождаться, пока выступят эти странные угонщики, обезоружить их и сдать в УВД. Но, с другой стороны, связываться с

милицией не хотелось вовсе. Там наверняка заинтересовались бы, кто такой Василий Котов, способный скрутить двух вооруженных бандитов.

И тут Василий снова почувствовал взгляд, тот самый взгляд, не оставляющий следа, которым умели пользоваться только профессионалы спецслужб. Если бы Вася не владел особыми состояниями сознания, пробуждающими глубинные резервы психики, способностью мгновенно и точно реагировать на любую неожиданность, он не смог бы ничего почувствовать.

«Значит, мне это не показалось позавчера, — подумал он с огорчением. — Надо было перестраховаться и вычислить наблюдателя, а не ждать продолжения. Что ж, придется заняться этой проблемой всерьез. Интересно, что за контора заинтересовалась моей физиономией? Неужели контрразведка? Кому я понадобился?»

Насвистывая, Василий принялся драить машину, потихоньку включая себя в ритм нинпо-микке, как называли современные мастера ниндзюцу систему психоэнергетического изменения принципов восприятия и взаимодействия с окружающим миром. В сущности, сканирование окружающей мысленной среды в любом месте стало для Василия даже не привычкой, а инстинктом, но отсутствие настоящего боевого напряжения сказывалось на состоянии психики не лучшим образом, и Вася несколько подзапустил один из уровней сан-го[1], а именно — уровень духа. Пора было выходить из состояния постоянного расслабления ожидания — сэйдза-но камаэ, как говорят японцы, в состояние хэйхо — мгновенного определения стратегии боя, адекватного ответа.

Через полчаса он уже знал, что наблюдают за ним с двух сторон с применением технической системы, известной в контрразведке под названием «малый СЭР» — система электронной разведки. «Малый СЭР» включал в себя лазерный сканер, фотооптический усилитель с разверткой на экран, компьютер — синтезатор изображения и видеозаписывающее устройство. Размеры «малого СЭРа» не превышали размеров компьютера системы «Notebook» и позволяли прятать его в «дипломат».

Еще через полчаса Василий вычислил одного из наблюдателей, замаскировавшегося под автолюбителя в дальнем углу двора, который тоже, похоже, вознамеривался довести свой автомобиль — джип «Хонда» цвета «металлик» — до блеска. Второй наблюдатель скрывался где-то в доме напротив, скорее всего в одной из квартир, представившись сантехником на профилактическом осмотре или телемастером. Его-то Василий и решил взять

[1] Сан-го — три уровня подготовки мастера: тело, понимание, дух.

первым, потому что он засек бы захват «автолюбителя», старательно наводящего блеск на капоте своего джипа.

Сделав вид, что ему не хватило воды, Василий заскочил в ближайший подъезд дома, где сидел наблюдатель, но чтобы асы слежки не заподозрили неладное, сначала вышел оттуда с ведром воды, набрав ее на первом этаже в одной из квартир. Второй его поход за водой был более продолжительным, зато удалось определить, что по квартирам ходит телевизионный мастер и проверяет подключение к общей антенне. Вылив остатки воды из второго ведра на заднее стекло, Василий отправился за третьим и сразу же включил темп, дающий ему преимущество в скорости и силе почти перед любым противником.

«Телевизионного мастера», проверяющего антенны, он обнаружил на пятом этаже в пятьдесят шестой квартире. Сканер «малого СЭРа», похожий на японскую телекамеру, мирно лежал на подоконнике распахнутого окна в гостиной, а сам «телемастер» в шлеме с очками и наушниками, соединенном со сканером проводами, ковырялся в телевизоре хозяина квартиры, поглядывая на развернутую в «дипломате» приставку дисплея с клавиатурой управления. На экране во всех деталях был виден двор с Васиным «Вольво», десятком других автомашин и джипом «Хонда» второго наблюдателя. «Телемастер» заметил гостя лишь в тот момент, когда тот присел перед ним на корточки. Глаза его расширились, челюсть отвисла, но рука, действующая независимо от сознания, как и у каждого профессионала, дернулась к блоку «СЭРа», и Василию пришлось усыпить наблюдателя, чтобы тот не успел подать сигнал тревоги.

Сбежать вниз, прошмыгнув мимо пожилого хозяина квартиры, недоуменно разглядывающего открытую в коридор дверь, было делом нескольких секунд, и во двор Василий вышел с пустым ведром, имитируя, что несет полное. Сунул в рот сигарету, похлопал по карманам в поисках спичек и прошелся вдоль машин, делая вид, что ищет огоньку. Второй наблюдатель, у джипа, слишком поздно понял, что упустил момент, когда можно было убраться со двора, не вызывая подозрений. А когда понял, обернувшись на деликатное покашливание, увидел в полуметре от носа улыбающееся лицо того, за кем следил.

— Ну и как аппарат? — спросил Василий, жуя свернутую трубочкой бумажку, которую издали можно было принять за сигарету.

— Н-нормально, — дернулся назад «автолюбитель», оторопев.

— Работает? — Василий плавно переместился влево, сунул руку в окно джипа и достал с сиденья «дипломат» второго «СЭРа» с работающим дисплеем, кивнул удовлетворенно. — Смотри-ка, отлично все видно! Хороший аппаратик. Не возражаешь, если я

его экспроприирую? Пригодится когда-нибудь. Вы не учли только одного: я не волк, чтобы на меня безнаказанно устраивать охоту, я волкодав. Же не компран па?

Рука «автолюбителя» нырнула в карман комбинезона, Василию пришлось парализовать ее хватом левой руки за предплечье.

— Не дергайся, я не люблю, когда люди нервничают и хватаются за оружие. У меня к тебе только два вопроса: кто послал и зачем?

«Автолюбитель» машинально глянул на верхние этажи дома, в котором уже побывал Вася, и тот добавил:

— Твой напарник нас сейчас не видит, можешь говорить.

— Он не скажет, — раздался сзади тихий, но четкий голос с почти незаметным акцентом. — Будьте добры, Котов, не демонстрируйте нам свои возможности волкодава, не нарывайтесь на неприятности, мы бы не хотели затевать ссору.

— Ну так и не затевайте.

Василий, который почувствовал приближение третьего и был готов к его выходу на сцену, медленно обернулся. В десяти шагах от него стоял скуластый, черноволосый, среднего роста, но гибкий, поджарый и ощутимо сильный мужчина в белом полотняном костюме, не то казах, не то туркмен. Чем-то он походил на Вахида Тожиевича Самандара, но сходство исчезло, как только он улыбнулся: так мог бы улыбаться, скажем, копер, готовый заколотить сваю в землю.

«Автолюбитель» за спиной Василия снова сунул руку в карман, теперь уже левую, и Вася, не глядя, ударил его локтем в грудь, чуть ниже сердца, отключая на пару минут. Казах в белом костюме проследил за падением тела, но не двинулся с места и выражения лица не изменил, лишь в глазах вспыхнули и погасли огоньки интереса и вызова.

— Кто вы? Зачем «пасете»? Не обознались?

— Судя по вашему поведению — не обознались. Вы Василий Котов, он же Балуев, бывший капитан, перехватчик класса «абсолют», ганфайтер контрразведки. Я ничего не пропустил?

Василий сцепил челюсти с такой силой, что заныли зубы. Упрекать себя было поздно, однако и играть слабака при обнаружении слежки особых причин не имелось.

— Кто вы и что вам надо?

Незнакомец в белом подошел ближе, и стало ясно, что он без оружия. Этот факт, а также грация и свободная, раскованная манера поведения явно выдавали в нем профи боя. Уж не «волна ли выключения» началась? — мелькнула мысль. Неужели Рыков спохватился и решил-таки убрать всех свидетелей, знавших, кто он на самом деле?

— Вы когда-то работали в той же конторе, что и я, — уклончи-

во ответил казах. — Мы понаблюдали за вами и убедились в ваших высоких кондициях, после чего, продолжая выполнять приказ, передаем вам предложение руководства. Начальник службы безопасности президента страны...

— Коржанов? Он по-прежнему в фаворе?

Командир группы филеров внимательно поглядел в желтые насмешливо-угрюмые глаза Котова.

— Вы хорошо осведомлены. Генерал Коржанов набирает команду для особых поручений под вывеской фельдъегерской службы и предлагает вам войти в нее офицером. Звание — не ниже майора, оклад...

— Условия потом. Что я должен делать? — спросил Василий, озадаченный поворотом событий и масштабом предложения.

— Все, что понадобится для блага государства. — Порученец Коржанова явно повторял чьи-то слова.

— Точнее.

Казах снова вгляделся в невозмутимое лицо собеседника, улыбнулся уже более человечно, хотя видно было, что техникой внутренней улыбки он не владеет.

— Офицер для особых поручений должен уметь делать все. — Он подчеркнул последнее слово. — Хотя ценится более всего умение держать язык за зубами. На размышления дается два дня. Если через два дня вы не позвоните вот по этому телефону в Москву, — незнакомец продиктовал номер, — мы будем знать, что вы отказались. Но лучше бы вы этого не делали, потому что... — Он не договорил — Василий, вдруг оказавшийся рядом, из немыслимого положения и в немыслимом темпе провел хоко-но кэри[1], отчего чужак нырнул под джип затылком вниз, успев сгруппироваться лишь в самый последний момент.

Он спокойно вылез из-под машины, отряхнул костюм, заканчивая фразу:

— ...на любого крутого профи можно найти еще более крутого. — Пригладил волосы, глянул на хладнокровно ждущего продолжения Василия. — Или зомби-команду. Не так ли, мастер? До встречи в столице.

Он помог сесть в кабину пришедшему в себя наблюдателю, бросил туда же «дипломат» «СЭРа», покосился на задумчиво жующего травинку Котова.

— Надеюсь, вы не сильно травмировали моего второго наблюдателя? Это может негативно отразиться на вашей судьбе.

— Наша судьба — то гульба, то пальба, — пробормотал Вася, поворачиваясь к нему спиной.

---

[1] Хоко-но кэри — удар из техники тай-дзюцу — ближнего боя без оружия (ниндзюцу).

ВЕЧЕР В КРУГУ ДРУЗЕЙ

В шесть часов вечера они с Натальей поехали на день рождения к ее друзьям, с которыми успел сдружиться и Василий. Компания была действительно веселая, добрая, неагрессивная, любившая розыгрыши и шутки, отдыхать с ними было легко и приятно.

Валентина Брускова, ближайшая подруга Натальи, снова рассмешила всех историей, которые вечно происходили с ней и с мужем. Одну из таких историй Василий помнил еще с прошлой встречи — рассказала ее не Валентина, а Наташа.

Произошла история во время празднования 8 Марта.

Собралось на 8 Марта на квартире у Брусковых человек десять, выпили, закусили, потанцевали, послушали анекдоты — муж Вали Алексей был мастак на это, снова выпили, а когда стали расходиться, из спальни в прихожую вдруг вышла с трагическим лицом Валентина, держа в вытянутой руке бюстгальтер, в чашки которого свободно уместилась бы мужская голова.

— Вот, полюбуйтесь! — голосом, соответствующим ее облику, изрекла Валентина. — Нашла за батареей отопления. Ну что мне с ним, моим суженым, делать? Как жить дальше? Посоветуйте.

Гости оторопели, переглядываясь, не зная, что сказать, — так убедительно было поведение хозяйки.

— Валь, что за шутки? — нашлась наконец одна из ее подруг, Ольга.

— Действительно, Брускова, — поддержала Ольгу Раиса, — любишь ты людей разыгрывать.

— Какие розыгрыши?! Какие шутки?! — повысила голос Валентина. — Первый раз, что ли? То трусы нахожу, то полотенце чужое, теперь вот это...

В прихожую выглянул Алексей, глянул на жену.

— Чего шумишь, гостей пугаешь? Что это у тебя в руке?

— Сам не видишь, что ли? — Лицо Валентины стало плаксивым, на глаза навернулись слезы. — Кто к тебе ходит, пока я на работе? Чей это бюстгальтер?!

— Да ты что, Валь? — забормотал изумленный Алексей. — Кто ко мне может ходить, да еще с такими... габаритами! Я ведь тоже целыми днями на работе. Может, твоя мама забыла?

— Вот и позвони, выясни, а я послушаю.

Растерянный Алексей оглядел притихших гостей, обреченно снял трубку, набрал номер.

— Вера Васильевна? Это я, Леша... Вы у нас... э-э... извините, конечно... случайно свой бюстгальтер не оставили? Нет? Очень жаль!

Все молча смотрели на взмокшего Алексея, ожидая развязки

сцены, и тут Валентина не выдержала, расхохоталась до слез. Выяснилось, что бюстгальтер был подарен ей коллективом парикмахерской в качестве шутки...

— Что? — опомнился Василий, выплывая из глубин воспоминаний, отреагировав на вопрос сидевшей слева Наташи.

— Что с тобой? — повторила вопрос девушка, которая всегда улавливала его состояние, хотя внешне он казался таким же, как всегда. Значит, все же следует держать себя плотнее, никто не должен видеть борьбы в его душе — его мучило предложение Коржанова.

— Все нормально, — ответил Вася, сжимая пальцы подруги, понимая, что все как раз ненормально. Однако и он не был виноват в том, что не может жить долго без круговорота друзей и врагов, без риска, взгляда или выстрела в спину, без волнений и тревог...

Расходиться начали в начале двенадцатого ночи, когда за стеной раздались звуки музыки и загалдели голоса. Лица Раисы и Виктора, у которых собралась компания, поскучнели.

— Опять... — со вздохом произнесла хозяйка. — Хорошо, что мама ночует у бабули.

— А в чем дело? — остановился у порога Василий.

— С месяц не можем жить спокойно. Наши соседи переехали в другой город, а на их место переселилась одна... мать-героиня! Каждый день пьянки да гульки, шум такой, что не только мама уснуть не может, а весь подъезд! И ведь начинают, подлецы, именно в полночь, а бывает, и в час ночи, и в два.

— Не пробовали втолковать?

— Пытались, — махнул рукой муж Раисы, высокий, но худой и субтильный человек, далеко не спортсмен. — Молодые ребята, им море по колено, пригрозили, что если еще раз сунемся...

— Понятно. — Василий придержал Наталью за локоть. — Подожди меня здесь, я сейчас.

— Не ходи, — покачала головой Рая, — мало ли что случится, еще зарежут.

— Мы тоже пойдем, — сказал Алексей, которого поддержал муж Ольги и, поколебавшись, муж Раи.

— Не надо, я пойду один.

— Не переживайте, — улыбнулась с долей гордости и грусти Наталья, — пусть поговорит, все будет нормально.

Василий позвонил в соседнюю дверь, обитую черным дерматином, потом два раза звонко стукнул в косяк ладонью. Загремел засов, звякнула цепь, дверь открылась. На Василия смотрел полуголый молодой мужик, круглый от жира, заросший черными волосами.

— Чего надо?

— Поговорить, — мирным тоном сказал Василий. — Не могли бы вы слегка уменьшить звук? Уже полдвенадцатого, а за стеной больная старая женщина...

— Вали на... — Волосатый попытался закрыть дверь, но не успел. Василий подставил ногу, щелкнул парня в переносицу и спокойно вошел, не обращая внимания на его закатившиеся глаза.

В обеих комнатах квартиры и на кухне толкались парни и девчата — где пили, где танцевали, пели и целовались, занимались любовью. В одной из комнат орал телевизор, в другой аудиосистема «Сони». На вошедшего никто не обратил внимания, и Василий вынужден был привлечь внимание резким хлопком в ладоши; звук при этом получался весьма похожим на выстрел. Двоетрое парней оглянулись, из кухни в прихожую выглянул верзила с всклокоченной шевелюрой, в майке и спортивных штанах, с бутылкой в руке.

— Вы хозяин? — спросил Василий.

— А ты кто такой? — Верзила перевел взгляд на толстяка, сидевшего на полу, глаза его расширились. — Свист, ты что расселся? Кого впустил?

— Кто хозяин? — терпеливо повторил Василий.

— Ну, гля, ты кто? Че влез?

Василий подушечками пальцев мягко коснулся лба верзилы с бутылкой, и тот так же мягко осел на пол, закатывая глаза. Тогда Вася прошел в комнату, выключил телевизор, в другой — аудиосистему. Стало тихо.

— Кто хозяин? — спросил он в третий раз.

Поднялся гвалт, крики, кто-то включил телевизор, и тут же заорала магнитола. Но не надолго. Вася выключил аппаратуру, оторвал вилки, с грохотом сбросил со стола пару тарелок. Тишина на этот раз стала более глубокой.

— Кто хозяин? — медленно проговорил Василий в четвертый раз, обводя сузившимися глазами притихшую компанию.

— Ну, я хозяйка. — Из-за спин гуляющих выглянула уже немолодая особа с жидкими крашеными волосами. — А ты чего приперся, посуду бьешь?

— Мил, чего этому козлу надо? — вылез вперед бугай в футболке, до этого лапавший пухлую девицу в платье-перчатке. — Может, дать по морде и выбросить?

— Соседка небось прислала, — пожала плечами хозяйка. — Они мне уже опостылели своими приколами. Дай ему, Брыль, чтоб не ходил больше права тут качать... — Крашеная Мила, не договорив, вздрогнула от звона еще одной разлетевшейся вдребезги тарелки.

— Слушай меня внимательно, — ровным голосом сказал Василий. — С этого дня в этой квартире не разрешается шуметь по-

сле одиннадцати часов вечера... нет, после десяти. Это закон! В случае нарушения закона я обязуюсь привлечь к ответственности каждого, кто...

— Че он мелет?! — изумленно выдохнул мордатый. — Крыша поехала, что ли?!

— ...кто забудет о предупреждении, — закончил Василий, успокаивая шагнувшего к нему мордатого.

Все молча смотрели, как здоровяк складывается пополам и падает на грязный пол мордой вниз. Сзади возникло движение, и Василий на полушаге, с разворота, послал ударившего его бутылкой хилого хлопца лицом в телевизор. Телевизор при этом выдержал удар, хлопец нет.

— Хороший аппарат, — хладнокровно похвалил Василий. — Фирма. Слышали все?

— Да я тебя!.. — завизжала хозяйка и отпрянула, замолчав, с открытым ртом, после хлопка-выстрела в ладоши.

— Так я могу быть уверен, что здесь будет тихо? — спросил Василий в пространство.

— Я милицию вызову... — нерешительно проговорила Мила.

— Это было бы как нельзя более кстати. Звоните, я подожду.

По комнате пошел шепоток, стих, потом в двери появился неплохо упакованный молодой человек, не качок, но тренированный и уверенный в себе. К тому же у него был пистолет, вернее, короткоствольный револьвер.

— Сам уйдешь или предпочитаешь, чтобы тебя вынесли?

Василий лениво улыбнулся, разглядывая парня. Ему стало почему-то жаль его, компания тут была для него неподходящая.

— Ты-то как здесь оказался, крутой? Выпить захотелось на халяву?

В глазах парня мелькнула озабоченность, однако на него смотрели смазливые девицы и дружки, и лица терять перед ними он не хотел.

— Не твое дело, козел. Вали отсюда, пока не схлопотал сливу в пузо. Все подтвердят, что ты напал первым.

Вася вздохнул, теряя к парню интерес, незаметным движением кисти бросил гайку — в отличие от Матвея он пользовался ими чаще, чем голышами, — и, ойкнув, молодой человек выронил револьвер из онемевшей руки. Вася в тишине нырнул на пол, в подкате поднял револьвер (девятимиллиметровый «кольт»), высыпал из барабана и ствола патроны, кинул оружие на диван.

— В следующий раз не вытаскивай такие вещи зря.

На пороге он оглянулся: на него смотрели бледные лица полутора десятков парней и девушек разного возраста, не считая пятидесятилетней хозяйки.

— Как насчет моей просьбы?

— Поняли... будет тихо... нормально... — раздались нестройные голоса.

— Ну и отлично, спасибо за теплый прием. — Вася вышел.

В квартире Раисы его ждали возбужденные, рвущиеся в бой мужчины.

— Что так долго? Кто стрелял? Что там произошло? Как они восприняли? — закидали его вопросами женщины.

— Все в порядке, — пожал плечами Василий. — Никто не стрелял, честно, это я хлопнул в ладоши пару раз, чтобы привлечь внимание. Они все поняли, шуметь больше не будут.

— Я же говорила, — повела плечом Наташа, беря друга под руку. — Чао, ребята, до встречи.

В кабине машины она посмотрела на профиль Василия и сказала с дрожью в голосе:

— Ну, ты и даешь, Котов! Как тебе удается утихомиривать такие хамские компании?

— Я был неотразимо красноречив, — рассеянно ответил Вася.

Наталья улыбнулась все той же грустной улыбкой, которая так ей шла.

— Представляю... И все же ты о чем-то думаешь все время. Хочешь уехать?

Василий вздрогнул, хотел сказать ей, что грядет волна перемен, но вместо этого взял руку девушки в свою и поцеловал ее холодные пальцы.

Наутро он поехал в фирму «Черная пантера», чтобы завершить дело с рэкетом соседки, врача санэпиднадзора, аудиенцией с руководством фирмы. Раздвоенности в душе поубавилось, Василий уже не комплексовал, твердо решив «выйти в жизнь» из созданной им «экологической ниши». К тому же ему нравилась формула: «справедливость — мое ремесло», — хотя едва ли он признался бы в этом кому-нибудь из друзей. Кроме Матвея, разумеется.

Фирма с громким названием «Черная пантера» — заурядное торговое общество с ограниченной ответственностью — занимала подвалы в одном из старых домов Владимира на улице Скрябина. По тому, с какой наглостью действовали боевики фирмы, запугивая бедную женщину для получения справки, Вася сделал вывод, что у боссов фирмы есть хорошие покровители в губернских верхах, однако у него не было ни желания действовать по полной форме, ни времени на все эти тониу хэн и мэкики хэн, а мивакэ хэн[1] он собирался провести уже на чужой территории.

---

[1] Тониу хэн — длительное наблюдение за врагом, мэкики хэн — анализ географических данных о вражеской местности, мивакэ хэн — анализ сил и состава группировки (*ниндзюцу*).

Войти в подвал удалось легко: охранникам Вася представился посыльным от другой фирмы, которому поручено вручить пакет лично боссу — Лаптеву Игорю Ивановичу, и его пропустили, не ведая, что пришел к ним мастер класса «абсолют».

В стандартной, как и полагается для подобных организаций, приемной с телевизором, персоналкой, пишущей машинкой «Оливетти» и юной сексуальной секретаршей Васю задержали было двое амбалов в мятых черных кожаных костюмах, далеко не интеллигентного вида, как они ни старались преподнести себя «покультурнее», но пакет — конверт с чистыми листками бумаги — Вася им не отдал.

— У нас так не принято, — сказал один из амбалов, крутоплечий, с румянцем во всю щеку, молодой, но уже с заметным брюшком. — Я должен ознакомиться с содержанием пакета, — покрутил он рукой с грязными ломаными ногтями.

— Он секретный, обойдешься, — сказал Василий невозмутимо и повернулся к секретарше. — Доложите шефу, что пришел Котов.

Второй амбал, пошире и моложе первого, но такой же неухоженный, с перхотью на воротнике пиджака, перестал заигрывать с секретаршей и нехорошим взглядом окинул Василия.

— Что еще за Котов?

Вася перешел на темп и скрылся за дверью кабинета президента фирмы, мгновенно пропав из поля зрения ошеломленных церберов.

Лаптев Игорь Иванович оказался чуть ли не пацаном, на вид ему можно было дать не более двадцати двух лет: широкое сытое лицо с капризной складкой губ, глубоко посаженные глаза неопределенного цвета, белесые брови и ресницы, волосы ежиком с вихром на затылке. Одет в серый костюм в крупную клетку, белую рубашку не первой свежести, если судить по серому налету на воротнике, малиновый галстук. На руках по три массивных золотых перстня. В зубах сигара. «Что называется — из грязи в князи», — подумал Василий с невольной усмешкой. Этот тип ярко отражал уровень самого низкого звена в торговом бизнесе.

В кабинете, кроме хозяина, находился посетитель — наглого вида юнец в кожаной куртке. Он сидел прямо на столе, приставленном к громадному столу босса в виде буквы Т. Оба в немом изумлении уставились на появившегося, как чертик из коробки, Василия.

— Ты кто? — хрипло выдавил из себя Лаптев.

— Акшобхья[1], — ответил Василий лаконично.

---

[1] Акшобхья — невозмутимый, непобедимый: один из будд созерцания (*йога*).

Президент «Черной пантеры» не понял: вряд ли он читал что-нибудь в жизни, кроме телефонного справочника и отчетов главбуха. Прозвучавшее имя он трансформировал по-своему, созвучно своим знаниям:

— Что еще за Ашот? Как ты здесь оказался?

— Через дверь. — Василий прислушался к звукам в приемной: амбалы вот-вот опомнятся и доложат шефу о появлении странного посыльного. — Вчера я имел честь познакомиться с твоими клевретами, они шантажировали врача санэпидстанции Клавдию Новикову.

— Ах вот в чем дело. — Лаптев откинулся на спинку кресла, сцепив руки на груди, ухмыльнулся. Отрицать свою причастность к рэкет-банде он и не подумал. — Правдолюбец сыскался. Сам пришел. Жорж, это он сломал руку Биндюгу, зови ребят...

Вася пустил гайку в ухо соскочившему со стола парню, проследив за его падением. Лаптев как зачарованный уставился на лежащее тело, потянулся к столу, достал из ящика тяжелый «магнум-38». Эта мощная «пушка» красноречиво говорила о гипертрофированных амбициях президента, для которого золотые перстни, охрана, личный «Мерседес», длинноногая секретарша, «крутой» пистолет служили доказательствами принадлежности к сильным мира сего.

— Ну что? — повеселел Лаптев, направляя ствол «магнума» на посыльного. — Не стоило бы тебе нарываться на неприятности, супермен. Как говорится, против лома нет приема.

— Есть, — равнодушно ответил Василий.

В кабинет ворвались амбалы, вооруженные не менее впечатляюще: у одного из кулака торчал ствол «люгера», второй картинно нес штурмовой пистолет «партизан». Пришлось действовать на скорости, чтобы удержать ситуацию под контролем.

Большинство приемов ниндзюцу имеют исключительно красивые, поэтические названия, например: мурасимэ-но дзюцу — «искусство дождя в деревне» или оникудаки — «разрушитель демонов». Эти названия ничего не говорят непосвященным, именно для того разработчики приемов и прятали смысл каждого, чтобы сохранить в тайне секреты боевых искусств. Лишь тот, кто ступил на тропу совершенствования, гармонизации со Вселенной, что и является целью искусства ниндзюцу, в конце концов овладевал приемами, постигая их практический смысл. Вася, который за двадцать с лишним лет занятий боевыми искусствами овладел айкидо и кунгфу, прошел цикл подготовки русбоя и закончил школу «тайного искусства владения оружием», знал практически весь арсенал приемов ниндзюцу. Так, термин «оникудаки» в переводе на язык движений означал: выкручивание локтя противника вверх до вывиха плеча. Что Василий и проде-

монстрировал амбалу с автоматом, послав второго на пол легким касанием пятки к его ключице.

Спустя мгновение охранник обмяк, а ствол «партизана» оказался наведенным в лоб Лаптеву. Тот, впрочем, осознал свое положение не сразу.

— Т-ты ч-что?.. К-как ты?.. Почему? — Шеф «Черной пантеры» вспотел, опустил враз потяжелевший как гиря «магнум». — Успокойся, к-как там тебя... Чем это ты их? — Лаптев отдернул руки от стола, кивнул на три лежащих тела. — Карате, что ли?

— Муто-дори[1], — доходчиво ответил Василий. В русбое эта техника имела не столь романтическое название «техники отцов и детей», но на Лаптева она не произвела бы впечатления.

— Так что вы хотите? — продолжал президент фирмы, постепенно приходя в себя, и незаметно нажал кнопку сигнализации. — Может, присядете?

— Некогда, — покачал головой Вася, передернув затвор пистолета. — Не стоит звать сюда своих цепных псов, мальчик, меня это не остановит. Давай отбой.

Побледневший Лаптев пробормотал в микрофон сотовой связи:

— Всем вернуться на свои места, проверка. — Он глянул на неподвижно стоящего гостя. — Я слушаю.

Вася усмехнулся.

— Если ты еще раз, гаденыш, попробуешь приставать к Клавдии Новиковой, а тем более угрожать, посылать к ней своих горилл, жить дальше будешь без языка. Я понятно выражаюсь?

Лаптев поерзал в кресле, что-то про себя прикидывая, и Василий дал очередь из «партизана» по дверце бара, породившую звонкий грохот лопнувших бутылок.

— Как понял? Перехожу на прием.

— По-понял, — торопливо заговорил босс фирмы, забыв о своем «магнуме» начисто. — Все сделаю, не сомневайтесь...

Василий разрядил «магнум», остальное оружие бросил на пол и вышел.

Охранники на выходе посторонились, держа руки на рукоятках пистолетов, но задерживать не стали. Они еще не знали, что произошло в кабинете шефа.

С чувством облегчения Василий сел за руль «Вольво» и вдруг понял, что хоть сейчас готов звонить по номеру, который ему оставили таинственные наниматели из Москвы, представители всесильного главы президентской службы безопасности. Останавливало его только врожденное чувство осторожности: следо-

[1] Муто-дори — техника боя безоружного с вооруженным до зубов.

вало все же сначала посоветоваться с Соболевым и заехать в Рязань, где жила Ульяна Митина. Очень хотелось верить, что два дня назад он в самом деле слышал ее мысленный голос.

ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА

Юрий Венедиктович Юрьев, глава администрации президента, прибыл в городок Кош-Агач на Алтае инкогнито, изменив внешность. Устроившись в местной гостинице под видом пожилого туриста, который загорелся желанием посетить буддийский монастырь на перевале Куг-Багач, он неторопливо обошел городок, внимательно осматривая его достопримечательности, побывал на рынке, а убедившись, что никто им не интересуется и спецсредства для слежки не использует, послал тихий ментальный сигнал — раппорт, сразу же принятый тем, к кому, собственно, и прибыл Юрий Венедиктович.

Спустя час они встретились в двух километрах от города, в небольшой долине, окруженной пихто-кедровым лесом, к югу переходившим в редкий чистый лиственничек с огромными, как колонны, деревьями.

Бабуу-Сэнгэ, настоятель Храма Гаутамы, был одет в черный шелковый халат, подпоясанный алым кушаком, легкие сапоги и красивую алую шапочку в форме пирамиды. Коня, на котором он спустился с перевала, настоятель оставил между скалами, маскирующими кратчайшую тропу из долины к монастырю. Юрьев, одетый в потертые джинсы, ветровку и вязаную шапочку, вышел на поляну первым. Не боясь, что их кто-нибудь может увидеть, Бабуу-Сэнгэ спустился со склона долины и пересек поляну, раздвигая телом гигантские, в рост человека и выше, крупностебельные зонтичные травы: чемерицу, борщевик, дудник, живокость и другие. В зарослях этих трав мог бы скрыться и всадник, так что увидеть двух беседующих людей было невозможно ни со склонов гор, ни с высоты птичьего полета. Услышать же со стороны их тихий разговор тоже не представлялось возможным, потому что Юрьев для перестраховки включил особое устройство — звуковой генератор, создающий вокруг беседующих сферу не пробиваемого никакими подслушивающими устройствами «белого шума».

Обменявшись поклонами, двое Неизвестных остались стоять, закованные в броню воли и психофизической энергии.

— Положение Союза осложняется, — начал Юрьев без предисловий на метаязыке. — По сути, он распался на три группы тайновластия при двух воздержавшихся. Я имею в виду вас и Мефодия.

— Отец Мефодий избрал другой путь, перестав быть проводником идей Союза. Он давно метит на место святейшего патриарха Всея Руси и добился неоспоримых успехов, став архиепископом и первым претендентом на православно-церковный престол.

— Да, он стал силой, с которой необходимо считаться. Но главная угроза Союзу исходит не от него.

— От Германа.

— От него, Рыкова Германа Довлатовича. Уже сейчас видно, что его цель — абсолютная монархическая власть! Рождается новый Монарх Тьмы, хотя и ниже уровнем, чем первый. В его руках «Чистилище», информационная служба ФСБ, президентские структуры безопасности и связи, влияние на президента, выход на руководителей Сверхсистемы. В скором времени он подомнет ее под себя. Всю. А потом наступит черед «волн выключения»: Герман начнет отстрел конкурентов одного за другим, в первую очередь тех, кто не подчинится ему, во вторую — тех, кто потенциально создает угрозу для его замыслов.

— То есть нас.

— А для этого он создает КОП — спецкоманду для особых поручений, справиться с которой будет очень нелегко даже нам с вами.

— Зомби?

— Нет, профи класса «абсолют» и «супер», экипированные не только по последнему слову диверсионной техники и новейших достижений науки, но и в перспективе — Великими Вещами Инсектов, о значении которых Герман знает не меньше нас. Это грозит нам если не уничтожением, то серьезным конфликтом с непредсказуемыми последствиями.

— Вся история человечества является одним бессмысленным конфликтом, — изрек настоятель Храма Гаутамы с философской невозмутимостью. — Но вы правы, Юрий Венедиктович, угроза Союзу велика. В одном вы можете не сомневаться: «нагрудник справедливости», олицетворяющий власть высшего уровня, Герману не достанется.

— Если Герман доберется до «Иглы Парабрахмы», «нагрудник» ему не понадобится. Вы прекрасно знаете, что он... как и все мы, впрочем, давно ищет доступ к заблокированным МИРам, и если найдет его первым...

— Не найдет.

— И все же надо изобрести способ его остановить.

Над головами Посвященных промелькнула бесшумная тень — беркут искал в траве рябчиков и поползней. Бабуу-Сэнгэ проводил его внутренним зрением, но опасности не почувствовал.

— Я старше вас, Юрий Венедиктович, и знаю, что Нечто, никогда не сообщаемое в виде Ответа, то есть Сила и Знание, хранимые эгрегором Внутреннего Круга, существуют, но пользоваться ими могут только Собиратели и Хранители, да и то лишь по формуле «не навреди!». Нам с вами эта Сила недоступна, несмотря на Посвящение II ступени.

— Вы хотите сказать, что способа остановить Рыкова не существует?

— Ну почему же? Такие способы есть. Во-первых, это корректор реальности, известный под названием «Игла Парабрахмы», включить который не сможет никто, в том числе и Герман. — Бабуу-Сэнгэ помолчал. — В том числе и я. Во-вторых, это эйнсоф, зона перечисления слоев «розы реальностей». Но и ее ни один из нас инициировать не в состоянии.

— Но ведь «Иглу» недавно включал обыкновенный человек...

— Соболев — не обыкновенный человек, он незавершенный аватара! Но и для него порог запрета на вход в МИРы Инсектов слишком высок, а где располагается эйнсоф, он не знает. И надеюсь, не узнает.

— Почему бы не привлечь его на нашу сторону? Имея такого союзника, мы выиграем войну с Германом.

— В современных войнах победу определяют не герои-одиночки на полях сражений, а политическая система и финансовое положение противоборствующих сторон. У Германа положение безупречно. К тому же Соболев не согласится участвовать в нашей войне против Рыкова.

— Попробуем уговорить. Откажется — заставим, похитим его семью, родственников — и он сделает все, что потребуется.

Бабуу-Сэнгэ покачал головой в сомнении, хотя лицо его при этом оставалось чистым, спокойным и как бы отрешенным от земных проблем.

— Попытайтесь, Юрий Венедиктович. В конце концов, шансы надо использовать, даже самые минимальные. Попытайтесь также выйти на друзей Соболева, Посвященных I ступени Парамонова и Самандара. Может получиться сложная, взаимопересекающаяся, но потенциально выгодная игра.

— Я понял, — мгновенно сориентировался Юрьев. — Как говорится: что теряете на качелях, приобретаете на каруселях. Я найду способ привлечь к решению наших общих проблем Посвященных. Остался последний вопрос: будем ли мы сосредоточивать внимание на «волнах выключения», организуемых Германом по отношению к другим... э-э... Неизвестным? Первыми в списке Рыкова стоят Хейно Яанович Носовой и Петр Адамович Грушин.

— Уважаемый Юрий Венедиктович, — бесстрастно сказал на-

стоятель Храма Гаутамы, — внимание — это всегда ограничение диапазона восприятия. Заостряя на чем-то внимание, мы теряем широту и глубину анализа бытия в целом. Вы согласны?

— Я понял, — медленно проговорил Юрьев. — В принципе цель оправдывает средства.

— Вот и отлично. Кардиналы Союза Девяти не должны быть сентиментальны. Учтите еще одно обстоятельство: Герману удалось переманить на свою сторону Кирилла Даниловича и Виктора Викторовича. Надо попытаться вбить между ними клин, это ослабит позицию каждого.

— Как это сделать?

— Подумайте, я тоже поразмышляю над этим. Времени у нас до следующего схода не так уж и много, надо успеть подготовиться.

С этими словами Бабуу-Сэнгэ шагнул назад и исчез за стеной гигантской травы.

Юрьев некоторое время слышал его шаги, потом потерял, поднял лицо к безоблачному небу и, поймав пролетавшего над ним беркута в прицел глаз, послал ему мыслеволевой раппорт. Хищная птица камнем рухнула в травы, ослепнув на лету.

Вернувшись в Москву, Юрий Венедиктович вызвал к себе Валерия Шевченко, бывшего вице-президента Ассоциации ветеранов спецслужб, бывшего комиссара-5 «Чистилища», работавшего теперь на него. В драме полуторагодичной давности Шевченко выжил чудом, вытерпел две операции на глазном нерве, спасая зрение, а также пластическую операцию, изменившую его лицо. Нынче вряд ли кто из друзей Валерия мог узнать в прихрамывающем, седом, пожилом с виду человеке прежнего Валерку Шевченко, мастера рукопашного боя. В поле зрения Юрия Венедиктовича он попал случайно, как пациент глазной клиники, где работала жена Юрьева, а на предложение работать в административном аппарате президента тот согласился сразу. Официально он числился помощником Юрьева по оргвопросам, неофициально выполнял обязанности начальника службы безопасности и курьера с особыми полномочиями.

Окно кабинета Юрия Венедиктовича выходило на Москву-реку, и он любил подолгу смотреть на нее с высоты тринадцатого этажа, не обращая внимания на суету машин на набережной и движение речных суденышек. Войдя, Шевченко деликатно кашлянул, не дождавшись, пока начальник администрации повернется к нему сам.

— Извините, Юрий Венедиктович, дверь была приоткрыта...

— Есть хорошее правило, — обернулся хозяин кабинета, прошелся по ковру, пожал руку помощнику и сел за стол. — Чтобы

двери не ломали, их не надо закрывать. Присаживайтесь, Валерий Егорович. Вы сделали, что я просил?

Шрам под глазом Шевченко покраснел, хотя лицо осталось неподвижным и как бы сонным.

— Подобраться к архивам, а тем более к оперативной информации коржановской канцелярии очень сложно. Мы попытались вскрыть файлы секретки по кадрам, но кодово-опознавательную защиту не прошли. Не помог и ваш пароль. Вероятнее всего, они встроили «Лазерлайн», плавающий мультидинамический шифр, «убегающий» от любого сканера.

— Откуда у них «Лазерлайн»?

— Рыков не зря работал в ФСБ, у него связи со всеми разработчиками технических систем оборонки. Но, как говорится, на каждую хитрую ж... есть хрен с винтом! Мы еще не все варианты опробовали.

— Очень образно, — усмехнулся на «хрен с винтом» Юрьев. — Поторопитесь, Валерий Егорович, Рыков нас опережает не намного, всего на полшага. Но опережает. Я точно знаю, что КОП, то есть команда для особых поручений, уже сформирована, необходимо как можно быстрее выяснить ее численность и состав. Фамилии. Характеристики. Возможности.

— Постараемся, Юрий Венедиктович.

— Я хочу дать вам еще два задания. Первое: найти известных вам лиц — Вахида Тожиевича Самандара, директора МИЦБИ, и Ивана Терентьевича Парамонова, психотерапевта и целителя, и намеренно допустить утечку информации о создании КОП. Чтобы это выглядело именно утечкой.

— Это будет нетрудно сделать, — сказал Шевченко, подумав. — У меня есть приятели в МИЦБИ.

— Второе задание — найти в Питере еще одного знакомого, Матвея Соболева, и сделать ему... — Юрьев задумался, пожевал дольку лимона, проглотил, не поморщившись. — Впрочем, это я сделаю сам.

— Почему же? Я справлюсь.

— Нет, необходим паритет. — Юрий Венедиктович растянул губы в холодной улыбке. — Он станет контактировать только с равным себе. Извините, Валерий, за уничижающую вас оценку. Но он человек Круга...

— Я знаю и не обижаюсь. Разрешите приступать?

— Да, конечно. В средствах не стесняйтесь, любой ваш заказ будет обеспечен. Не нужно ли увеличить вашу команду?

Шевченко встал.

— Не стоит пока, да и любой встречный для нашей работы не подойдет. Вот если бы вы могли отыскать давнего моего приятеля...

— Василия Балуева?

Глаза Шевченко сузились, вспыхнули.

— Иногда мне кажется, что вы читаете мои мысли, генерал. Да, Васю Балуева я бы взял в свою обойму.

— Он живет во Владимире, но в скором времени всплывет в столице. Я дам знать.

Шевченко кивнул и вышел — сжатая пружина, несмотря на хромоту. Помощником он был исполнительным и надежным при полном отсутствии воображения, и, хотя это был невеликий грех, Юрьеву пришлось приложить немало усилий, чтобы Валерий поверил, во-первых, в существование Внутреннего Круга, во-вторых, в благие намерения самого Юрия Венедиктовича.

ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ

В это раннее утро второй половины мая Василий проснулся с чувством нетерпеливого ожидания. Однако, натолкнувшись на волевой приказ, оно отступило, затаилось в глубинах психики, зная, что, каким бы ни было самочувствие хозяина, по утрам он все равно будет заниматься сведением воедино духа и чувств для усиления сознательного контроля над личностью.

Не открывая глаз, Василий мгновенно оценил положение и состояние тела, затем перешел на отдельные телесные ощущения, перебирая их одно за другим. Прочувствовав таким образом все органы, он сосредоточился на тактильных ощущениях. Через несколько минут он добился того, что даже те ощущения, которые в нормальном состоянии считались неприятными, стали для него вполне приемлемыми. Сосредоточившись на этом, Василий приказал себе все касания считать сегодня приятными, проанализировал движения мышц при дыхании и встал. В соответствии с методикой ему предстояло в течение дня три-четыре раза расслабляться до состояния сонного тяжелого «желе» и внезапно напрягать тело, чтобы добиться как можно более полного ощущения удара. Таким образом он тренировал переход на темп, состояние сверхскорости, когда все мышцы должны действовать согласованно и со скоростью, превосходящей нормальную в пять-десять раз.

Проделав обычную процедуру: купание — завтрак — медитативное расслабление с попыткой войти в состояние меоза, Василий собрал сумку, положив туда все, что могло пригодиться в дальнейшем, в том числе и пять комплектов «тюбетеек» — генераторов защиты от «глушака», остановился на пороге, с грустью окидывая взглядом гостиную. Он знал, что больше сюда не приедет, оттого ощущение вины было острым, как никогда.

На свою беду, Василий был устроен так, что не мог радоваться чему-то один. Ему всегда хотелось поделиться приятными вещами с другими, чтобы родные и близкие, любимые, друзья и приятели радовались вместе с ним, сопереживали и чувствовали то же, что и он. Уезжая из Владимира, он, по сути, бросал Наташу, хотя ничего никогда ей не обещал, и все же...

Поколебавшись, он вырвал из блокнота листок бумаги, написал крупно: «Прости меня! Я приеду», — положил на стол, но еще с минуту боролся с собой, не зная, то ли приписать что-нибудь еще, то ли не оставлять ничего. Все же решил записку оставить. А взявшись за ручку сумки, вдруг почувствовал знакомое покалывание левой ладони, дискомфорт в одежде, будто брюки и рубашка стали ему малы. Это было явное нарушение гармонии мира, и виной этому ощущению были внешние обстоятельства. Так глубокое «я» Котова реагировало на появление опасности.

Василий глянул в дверной глазок и увидел давешних знакомцев, заставлявших Клавдию Новикову подписывать сертификат годности продуктов. Только на сей раз они взяли подкрепление — двух мордоворотов, на крутых плечах которых едва не лопались куртки из модного нынче дилюрекса с черным шелковым отливом. Один поигрывал концом толстой стальной цепи, намотанной на ладонь, у второго из-под мышки торчали нунчаки. Остальные трое были вооружены скорее всего посерьезней и держали руки в карманах брюк.

Как они рано встают, подумал Василий с досадой и открыл дверь.

— Заходите, мужики. Говорят, ранние гости — к теплому лету, а уж если они к тому же незваные — к жаре.

Последовала немая сцена, длившаяся несколько секунд, и оторопевшие гости пошагали в квартиру, сбитые с толку спокойствием хозяина.

— Чему обязан?

— Ты, что ль, лезешь не в свои дела? — пришел в себя мордоворот с цепью — наверное, старший кодлы. — Работать мешаешь.

— Да кому ж я мешаю? — удивился Василий. — Это вы мешаете.

— Да он это, Влас, — проблеял один из парней, посещавших Клавдию. — Биндюгу руку сломал, приемы знает. Дай ему как следует!

— А может, обойдемся мирными переговорами? — поскучнел Василий.

— Т-ты, с-сука, к-кончай п-прикалываться! — заговорил второй мордоворот, умело выхватывая нунчаки. И Василий понял, что достучаться до остатков разума в головах этих качков можно

лишь с помощью дубины. Он мог бы усыпить или покалечить их всех одновременно, в течение одной-двух секунд, но этот урок остался бы никем не понятым, в том числе и руководством фирмы «Черная пантера», и Вася решил разыграть стандартный вариант квартирной потасовки, мимолетно подумав, что Матвей не допустил бы такого развития событий.

— Если у вас есть что сказать — говорите, если нет — дверь открыта. И побыстрее, пожалуйста, я тороплюсь.

— Т-ты, н-недоносок, р-решил, что с-сильно к-крутой? — Верзила с цепью шагнул вперед, с размаху опустил цепь на голову хозяина. Только головы в этом месте не оказалось.

Василий сделал шаг вправо, принял удар цепью вдоль левой руки, захватил ее вращательным движением кисти, дернул противника на себя и от души врезал ему в лоб открытой ладонью, использовав руку как поршень. Прием так и назывался в русбое — «поршень». Парень с выпученными глазами отлетел к стенке с книгами и уплыл в океан бессознания. Второй амбал в атласной куртке тут же сделал стремительный выпад, вращая нунчаки вполне профессионально, почти не моргая, но падающий нунчак вдруг завис в воздухе, встретив цепь, и оказался в руке хозяина, в то время как второй нунчак вылетел из кулака владельца и со стуком опустился на его переносицу.

Трое оставшихся бандитов проводили глазами с грохотом рухнувшее тело приятеля, перевели взгляды на Василия, спокойно рассматривающего цепь, и бросились на него с ножами. Однако первый тут же получил удар ногой в лицо, едва не сломавший ему челюсть, второй согнулся пополам, заработав удар в пах, а третий, вооруженный посерьезнее — итальянской «беретой», почувствовал страшную боль в плече, будто ему оторвали руку, заорал и потерял сознание.

Василий принес с кухни воды, брызнул на лицо первого качка, пошлепал по щекам второго и, когда они очухались, проговорил с расстановкой:

— Передайте боссу, что испытывать мое терпение — это очень плохой способ самоубийства. На пару дней я съезжу в командировку, а когда вернусь, мы побеседуем с ним на эту тему. Но лучше бы он не ждал этого момента. Все поняли?

— Он т-тебя в п-порошок... — начал было заикатый, на лбу которого лиловела огромная припухлость.

Василий щелкнул его в эту припухлость, парень взвыл, пытаясь отодвинуться.

— К-как п-понял, фраер?

— П-передам...

— Не забудь только — слово в слово. А теперь забирай свою

гвардию и топай отсюда, пока я не озверел. Учти, мое терпение имеет пределы.

Команда, посланная молодым и глупым президентом фирмы «Черная пантера» Лаптевым для того, чтобы «проучить» защитника Клавдии Новиковой, убралась восвояси. Вася с грустью оглядел разгром в комнате, но беспорядка оставлять не захотел и потратил около часа на уборку. В десять утра он вышел во двор, бросил сумку с вещами на заднее сиденье машины, завел мотор, однако еще с минуту сидел, ни о чем не думая, — просто сидел и смотрел на окна старой маминой квартиры, выходящие во двор. В голове стоял легкий звон, и Валера Меладзе пел свою знаменитую песню:

Выйду, дому поклонюсь,
Молча Богу помолюсь
И пойду искать края,
Где живет любовь моя...

Отклоняйся от дорог исхоженных, говорил когда-то Пифагор, один из Великих Посвященных, много сделавший для Внутреннего Круга человечества. Но как бы ни хотел следовать этому совету Василий, избравший автомобиль в качестве средства передвижения, он все равно не смог бы миновать шоссе Нижний Новгород — Москва, называемое по-прежнему Горьковским, и саму столицу, потому что эта дорога была кратчайшей от Владимира до Санкт-Петербурга. Зато он вполне смог ощутить прелесть еще одного изречения древнего математика и философа: дует ветер — поклоняйся шуму. В переводе с поэтического на разговорный язык это означало — внимай голосу природы, живи ее ритмом. И Вася около двух часов провел в лесу, дважды съехав с трассы — сначала возле Покрова, а потом в районе Орехова-Зуева. Надышавшись целебным настоем майского леса, повеселевший и полный сил, он доехал до МКАД за два с половиной часа, не считая, конечно, времени, проведенного в лесу.

Почему его вдруг занесло в центр, на Тверскую, он не понял — задумался, анализируя свои ощущения: при въезде в город вдруг показалось, что поток машин накрыла мрачная смрадная туча, хотя солнце светило вовсю, было по-летнему тепло, а сквозь запахи бензина и асфальта пробивались ароматы цветущих трав. Вероятнее всего, так отреагировала на неблагополучную психологическую ауру Москвы нервная система, чутко отзывающаяся на опасность. В общем, как ехал Василий по шоссе, так и ехал, не сворачивая, миновав Энтузиастов, Садовое, Николоямскую, Солянку, Лубянский и Театральный проезды, пока не оказался у памятника Пушкину... где и задержался на полчаса по очень простой и естественной для любого жителя столицы при-

чине: Тверскую в оба конца перекрыли гаишники, чтобы пропустить по Тверскому и Страстному бульварам черную «Волгу» с номером А001КК и российским государственным флагом на капоте.

Василий в открытое окно поинтересовался у лейтенанта ГАИ, занятого очень важным делом — передачей по рации приказа: движения пока не открывать! — чья машина, и получил ответ:

— Не твоего ума дело. Сейчас отберу документы, год будешь за ними ходить!

Василий вышел из кабины, сжал лейтенанту локоть так, что тот побелел, и сказал в перекошенное лицо:

— Так чья машина, говоришь?

— Охранники...

— Что?! Какие еще охранники?

— Это «Волга» охраны председателя Конституционного суда.

— А сам он где? — не понял Василий.

— Да кто ж знает... Отпусти, больно!

Вася присвистнул, изумленно глядя на «Волгу» с людьми в штатском, не скрывающими, что именно они — хозяева на этом конкретном участке конкретной жизни.

— Ну, мастера машинного доения, если вы уже перед охранниками ОВП шапки ломаете, ковры расстилаете, то крыша у вашего начальства точно поехала!.. А вот этого не надо! — Вася незаметным движением раздавил рацию в руке лейтенанта, поднесшего ее к губам, похлопал его по плечу, как давнего знакомого. — Тебе же лучше будет, если не станешь качать права: погоны потеряешь... а то и кое-что поважнее. Пропускай, я тороплюсь.

Ошалевший инспектор дал отмашку жезлом, и движение по Тверской возобновилось. Вася сел в свой «Вольво» цвета «голубой перламутр» и через сорок минут был на Ленинградском шоссе. Происшествие на Тверской его не разозлило, но направило мысли в область размышлений о соблюдении законности чиновниками. Там, где чиновник на госслужбе не зависел от мнения граждан, он становился сатрапом или самодуром. Закон обратного действия все еще не работал в полную силу во всех сферах жизни. Покинув Землю запрещенной реальности, иерархи не довели до конца начатое. «А интересно, — подумал Василий, — «Чистилище» еще работает или заглохло полтора года назад, после ликвидации координатора? Надо же, я за все это время не удосужился даже подумать об этом, не то что спросить...»

Но вопреки ожиданиям при выезде из города особого облегчения он не почувствовал. У него осталось впечатление, что кто-то проводил его внимательным и недобрым взглядом, будто предупреждая: ты здесь не нужен...

...В Петергоф, где жил Матвей Соболев с семьей, Василий приехал поздно ночью. Долго не решался выходить из машины, приткнув ее к забору соболевского коттеджа. У него было странное чувство раздвоенности и обмана: Матвей видел его и в то же время как бы отсутствовал. Словно за подъехавшим гостем наблюдали сам коттедж, сад, участок и забор. Хмыкнув, Василий решил проверить впечатление, для чего переоделся в костюм ниндзя (Н-1) и тенью перелетел через забор, переходя на темп. Производя шума не больше, чем рыба, плывущая в глубине реки, он обогнул двухэтажный кирпичный дом, определил все его коммуникации и наметил путь, по которому собирался достичь цели. Однако сделать этого ему не дали.

Из окна на втором этаже, с виду закрытого наглухо, метнулась вниз струя мрака и оформилась в фигуру человека — такого же ниндзя, каким, наверное, виделся со стороны Василий. Человек мгновенно преодолел расстояние до замершего Котова, взмахнул рукой и встретил блок, управляемый по большей части не мышцами, а внутренней энергией Ци. Блок, не пробиваемый даже ударом лома.

Несколько мгновений оба бойца стояли в положении прием—контрприем, пока не рассмеялись. Обнялись, хлопая друг друга по спинам.

— Я думал, что тебя нет дома, и решил проверить. Как ты умудряешься достигать такого эффекта? В состоянии турийи я всегда чувствую противника.

— Во-первых, я тебе не противник, — сказал Матвей, — а во-вторых, человек — лишь небольшой диапазон на шкале вибраций Вселенной, его легко можно воспринять или заэкранировать. Пошли в дом, мэйдзин.

— Только захвачу вещи в машине.

Дверь открылась бесшумно, пропуская хозяина и гостя, в коридоре вспыхнул свет. Василий с недоумением взглянул на голую спину Соболева: только что ему казалось, что Матвей одет так же, как и он, — в черный костюм «демона ночи», на самом же деле на нем были только плавки.

— Дьявол! Ты же был во всем черном!

— Тебе показалось, — улыбнулся Матвей. — Раздевайся, мойся, а я пока сварганю легкий ночной стол.

Когда Василий появился в столовой, распаренный, чистый, осоловелый, его за столом ждали двое — Матвей в футболке и спортивных трусах и Кристина в халатике. И были они так похожи — выражением глаз, состоянием внутренней свободы, несуетливостью, приветливостью, спокойствием, уравновешенностью, особым пониманием сути вещей, что у Василия защипало

глаза и он сам почувствовал удивительное спокойствие и облегчение.

— Привет, Баловень, — сказала Кристина, целуя его в обе щеки.

— Рад вас видеть безумно! — ответил он искренне. — Извини, что разбудил. По-моему, ты еще больше похорошела. Неужели этот тип научился за тобой ухаживать?

— Этот тип скоро станет отцом, — улыбнулась Кристина, прислушиваясь к себе.

Василий перевел взгляд на ее живот, потом растерянно глянул на чистые лица друзей и, не удержавшись, подхватил Кристину на руки.

— Вот здорово! Поздравляю! Когда ждете?

— Тише, Стаса разбудишь, — понизила голос женщина. — Скоро уже, осенью. Поставь меня обратно.

— А я не сплю, — раздался из коридора детский голос, и в столовую ворвался Стас, с разбегу запрыгивая на грудь гостю. — Ура, дядя Вася приехал!..

Дальше начался небольшой сабантуй в два часа ночи, полный сдержанной радости, шуток, рассказов, воспоминаний, дружеских пикировок, который закончился с рассветом; правда, Стаса удалось уложить спать раньше. Затем мужскую компанию покинула Кристина, порывавшаяся убрать посуду. Мужчины, взявшие на себя благородную миссию уборки, остались вдвоем.

— Рассказывай, — сказал Матвей, когда они кончили мыть посуду и устроились со всеми удобствами в гостиной, на втором этаже коттеджа. — Что заставило тебя уехать из Владимира? Охота к перемене мест? Поиск Пути? Опасность?

— Пожалуй, первое, — сказал разомлевший Василий, с удовольствием разглядывая неподвижную и надежную фигуру друга, его непостижимо глубокое, сильное и спокойное лицо. — В последнее время я вдруг ощутил, что мне катастрофически не хватает действия. Понимаешь, я всегда был игроком второго темпа, как говорят волейболисты. Меня это устраивало, когда я служил в спецкоманде федералов и когда ты был рядом. Более того, я с облегчением ушел в «нишу» и полтора года прожил тише воды, ниже травы. И вот... Кстати, за это время я разобрал по винтику одно интересное устройство — генератор защиты от гипноизлучения.

— Тот, что мы отобрали у псов Гусева? Защита от «глушака»?

— Я эту «тюбетейку» усовершенствовал и привез несколько штук с собой, можешь испробовать.

— Спасибо, — улыбнулся Матвей, и Вася понял, что ему-то как раз «тюбетейки» защиты не требуются.

— Не лыбься, Посвященный, не тебе, так Стасу с Кристиной

пригодятся. А приехал я за советом. Ко мне заявились спецы из столицы с предложением поработать на них.

— ФСБ? Военная контрразведка?

— Бери выше — служба безопасности президента.

Матвей внимательно вгляделся в оживленно-смущенное лицо Котова.

— Это что-то новенькое.

— В недрах президентского аппарата под вывеской фельдъегерской службы создается команда для особых поручений. Что это будут за поручения, я не знаю, но меня предложение заинтересовало. Почему бы не выяснить на месте, что имеет в виду генерал Коржанов? Что посоветуешь?

Матвей покачал головой.

— Ничего. Я дал тебе в свое время все что мог, дальше иди сам. Может быть, тебя нашли по инерции, но возможен и другой вариант развития мировой линии, вбирающий в себя судьбу индивидуума по имени Василий Балуев.

— Я теперь Котов. Извини, не дошло: что ты имеешь в виду?

— Законы, движущие атомами воздуха и социальными явлениями, универсальны. Случайного в мире нет, случай — непроявленная закономерность...

— Это я уже слышал.

— Терпение, мой друг. То, что тебя потянуло на подвиги, к перемене обстановки, — уже не случайное явление, что подтверждается и передачей предложения. Где-то повернулись контакты «реле времени бытия» и сработал закон усиления событийной остроты. Ведь тебе небось уже не раз за последнее время пришлось вмешиваться в события, тебя непосредственно вроде и не касающиеся? Восстанавливать, так сказать, справедливость?

Вася вспомнил контакты с рэкетирствующими коммерсантами из фирмы «Черная пантера», с угонщиками машин и кивнул.

— Ты прав, я об этом не подумал. Но до твоего уровня мне ползти и ползти, не хватает ни терпения, ни знаний.

— Всякое знание ограничено, лишь незнание не имеет пределов. Что касается терпения, ты как мэйдзин должен знать формулу мастеров ниндзюцу: «терпение есть перевод собственного сознания в позицию стороннего наблюдателя».

Вася хмыкнул, чувствуя, что сейчас уснет.

— Не всегда получается этот перевод, знаешь ли. Ну, так что все-таки посоветуешь?

— По-моему, ты уже все решил сам. Единственный мой совет... даже не совет — сентенция: принцип Духовной чистоты не приемлет ни ненависти, ни удовольствия, ни стремления к власти. Если нет в душе единства с самим собой, Путь — какой бы он ни был — лучше не начинать.

— Зачем же так сурово?.. — пробормотал Василий, обидевшись, но заметил веселый блеск в глазах Матвея и бросил в него нож со столика с фруктами. — Нечего тестировать друга, когда он расслабился!

Матвей не двинулся с места, однако нож вдруг оказался в его руке. Василий ожидал ответного броска, готовясь его встретить, потом понял, что броска не последует. И это красноречивее всего говорило о переменах в мировоззрении Соболева, Посвященного I ступени Внутреннего Круга.

— Что задумался? — услышал Василий голос Матвея, смотревшего на него без всякого превосходства и снисходительности. — Что за мысль тебя гложет?

А наши мысли, старина,
Ребячески просты;
Для счастья нужен мне пустяк —
Вселенная и ты[1].

Вася вскочил, засмеялся, прыгнул к Матвею, нанося ему рубящий хоко-но кэри и колющий китанкэн, против которых ни один «черный пояс» карате или кунгфу не нашел бы приема, но Матвей уже не сидел — стоял в свободной позе, вроде бы не отвечая, не делая каких-то движений, и удары Василия ушли, как в вату, в захваты, из которых теперь уже он не мог выйти, как ни старался, применяя умение выкручиваться, растягиваться, разъединять кости и выскальзывать из любых захватов. Несколько мгновений они стояли как бы обнявшись, потом засмеялись оба и обнялись по-настоящему.

— Ей-Богу, чертовски рад тебя видеть! — сказал Вася.

— Взаимно, — ответил Матвей. — Но даю голову в заклад — думал ты минуту назад о девушке, а не обо мне. Нет? Точнее, об Ульяне Митиной.

Василий вскинулся.

— Что ты о ней?..

— Тише, завтра поговорим, вернее, уже сегодня, но позже, иди отдыхай. Как долго ты намерен остаться у нас?

— Да я хотел только побеседовать... посоветоваться... но дня два побуду.

— Отлично. Завтра мы со Стасом и Кристой идем на яхте по Балтике, посетим пару островов, позагораем, порыбачим... Короче, вливайся в команду. Кто бы тебя ни нанимал, он подождет.

«А Ульяна подождет?» — хотел спросить Василий, но передумал.

Уснул он мгновенно, как только голова упала на подушку.

---

[1] Честертон Г. К. Посвящение.

РЖАВЧИНА «СС»

Сверхсистема, или, как ее называли короче, «СС», что невольно вызывало ненужные ассоциации, не только выжила с момента разгрома ее «генералитета» во главе с маршалом Лобановым, но и упрочила свое положение, проникнув в святая святых российских коридоров власти — в окружение президента. Ее главой стал Хейно Яанович Носовой, начальник информационной службы президента, некогда Тень-3 в иерархии «СС», бывший руководитель АСС — аналитического центра Тень-кабинета и он же — один из Девяти Неизвестных, образовавших куда более могущественный тайный Союз Девяти, который до описываемых здесь событий, по сути, управлял страной.

Еще до того как монолит Союза дал трещину, Носовой, Посвященный II ступени Внутреннего Круга, бывший авеша Адепта[1], получил известие о грядущем переделе власти в высших сферах «розы реальностей» и понял: для того чтобы сохранить власть и жизнь, ему надлежит срочно предпринять превентивные меры. Потрясение в результате разборок в абсолютных реальностях неминуемо отзовется в запрещенной реальности Земли невиданным размахом клановых войн, и не только в России — во всем мире! Предвестником этого стал невиданный разгул терроризма, поразивший даже такие относительно благополучные страны, как Швейцария и Финляндия.

Сменив Лобанова на посту маршала «СС», Хейно Яанович устранил две мешающие ему фигуры из Тень-кабинета: Чирейко Якова Ивановича, префекта Южной префектуры Москвы — Тень-6 в иерархии «СС», и Тень-5 — Мирзу Тогоева, друга первого вице-премьера Соскова, владельца сети ресторанов, вора в законе по кличке Аятолла. Тогоев руководил бригадами «СС», которые собирали дань с коммерческих ларьков и крупных фирм, а также контактировали с милицейскими чиновниками и устраняли недовольных. Причем сделал это Носовой не без помощи своего главного конкурента — «ККК», подкинув главному «чистильщику» — Рыкову — вместе с информацией о деятельности Аятоллы идею о его ликвидации.

Убийство Тогоева наделало тогда в Москве много шуму, так как, во-первых, было организовано весьма оригинально и с ювелирной точностью (Тогоев умер от удушья, проглотив язык во

---

[1] Авеша — проекция высшего существа на сознание человека; Адепты — одна из каст иерархов, людей Внутреннего Круга человечества, достигших в развитии этапа полной свободы на основе владения магической физикой. Низшая ступень иерархов — Посвященные II ступени, затем идут Мастера, Адепты, Ангелы и Архонты.

время сна после одной из пирушек в кругу друзей), во-вторых, убийство вызвало перестановки в правительстве, потому что всплыли неблаговидные связи вице-премьера Соскова и его чиновников с мафиозными структурами.

Следующим шагом Хейно Яновича была реорганизация «СС», усиление вертикали власти при сохранении структуры Тень-кабинета. По-прежнему деятельностью Сверхсистемы, всеми ее подразделениями: КСС — контрразведкой, БСС — службой безопасности, РСС — разведкой, АСС — аналитическим центром, ХСС — службой обеспечения, ФСС — финансово-экономическим институтом, — руководил штаб. Но теперь маршал, которому напрямую был подчинен ССС (спецназ Сверхсистемы), мог вмешиваться и в деятельность каждого подразделения, кроме одного — финансового. Сверхприбыли, получаемые Сверхсистемой в результате операций подчиненных ей мафиозных кланов, как и собственных проектов, должен был контролировать весь штаб. Правда, самого Хейно Яновича это мало волновало, в деньгах он не нуждался по двум причинам: как Посвященный II ступени он всегда мог иметь их по потребностям, а кроме того, являлся владельцем крупного состояния. Как и все Девять Неизвестных, он имел вклады в банках мира, позволяющие распоряжаться судьбами сотен и тысяч людей.

После всех утрясок и разборок Тень-кабинет Сверхсистемы образовали одиннадцать генералов, но лишь один из них работал в прежнем составе кабинета — Маринич Феликс Вансович, заведующий лабораторией психофизических исследований Центра нетрадиционных технологий, директором которого, кстати, являлся один из комиссаров, а ныне Судей «Чистилища» Боханов (о чем Носовой, естественно, знал). Остальные генералы были новыми, они пришли в «СС» с наработанными методами получения колоссальных прибылей и со своими кланами. В основном это были «отцы» российской мафии и крупные деятели из состава правительства и Государственной думы. Одним из них стал вор в законе по кличке Боксер, руководитель рязанской мафиозной группировки Маракуц Николай Савельевич.

Сохранил Носовой и структуру охраны маршала, переподчинив ее новому шефу вместо исчезнувшего ликвидатора Вербицкого. Теперь спецназом «СС» командовал Дзиро Маюмура, личный телохранитель прежнего маршала Лобанова.

В принципе каждый кардинал Союза Девяти обладал такой степенью могущества, которая могла оградить его от опасности, исходящей от коллег или органов правосудия. Однако Носовой при этом опирался на мощную структуру «СС», а Рыков — на «ККК», и оба они претендовали на главенствующую роль в своей тайной организации. И тот и другой искали выход в «розу реаль-

ностей», где стремились найти поддержку и покровительство иерархов. Не оставляли они и попыток проникнуть в МИРы Инсектов, древнейшие храмы разумных насекомых, с надеждой найти там оружие, равного которому еще не создало нынешнее человечество, — корректор реальности, известный под названием «Игла Парабрахмы».

По сведениям Хейно Яновича, ни один из Девяти, в том числе и Рыков, доступа к МИРам еще не получил и «Иглу» не нашел. И все же шансы на скорое решение этой проблемы у Носового появились. Он наконец определил координаты местонахождения недавнего обладателя «Иглы» Матвея Соболева, закрывшего доступ к МИРам. Оставалось найти способ уговорить его на совместное деяние по корректировке социума, чтобы заполучить «Иглу», помешав при этом остальным кардиналам Союза Девяти сделать то же самое.

Основными соперниками в борьбе Хейно Яновича считал Рыкова и Юрьева. Но если Юрьев не замахивался на абсолют власти, поддерживая традиции Внутреннего Круга, то Герман Довлатович эти традиции напрочь отметал, считая их устаревшими, отживающими свой век условностями, догмой, мешающей гармонизации управления реальностью. Основным принципом Рыкова была беспринципность. Впрочем, остальные Девять мало отличались от своего коллеги, исповедуя закон интеллектуальной чистоты в самой извращенной его форме: мышление не должно нести эмоциональной окраски.

Поскольку здание банка «Северо-Запад» на Мясницкой, на семнадцатом этаже которого находился один из неофициальных центров управления «СС» и кабинет маршала, было «засвечено» прежним маршалом и его сподвижником Тогоевым, Носовой для своей тайной резиденции избрал другое прикрытие — здание Управления организационно-информационного обеспечения и кадров по Большому Комсомольскому переулку, где он часто бывал по служебным делам. Здание посещало много людей, и уследить за всеми ни одна из государственных охранных структур была не в состоянии. Конечно, у Хейно Яновича был и мобильный пункт управления — в его персональном автомобиле марки «форд-гэлэкси», мини-вэне[1] темно-фиолетового цвета, оборудованном всеми средствами защиты, сотовой и спутниковой связью. Однако любящий комфорт маршал «СС» предпочитал стационарные кабинеты.

В понедельник двадцать первого мая Носовой прибыл в здание по Большому Комсомольскому, как и все, к девяти утра. В десять минут десятого, после стаканчика кофе, он уже работал

[1] Мини-вэн — седан-универсал повышенной вместимости.

с компьютером, составляя оперативный план для подразделений «СС» на следующую неделю. Прослушав доклады контрразведки и аналитического центра — через компьютерные сети города, — он к двенадцати часам закончил обработку информации и вызвал начальника ССС.

Дзиро Маюмура, «черный пояс» кунгфу, имеющий шестой дан, возник в кабинете босса неслышно, как привидение. Он одевался по-европейски в отличный костюм «макабре де парти», носил белые рубашки с неброскими, но дорогими галстуками и туфли на толстой подошве, почти не увеличивающей его рост — метр шестьдесят два.

— Появилась возможность потрясти наших основных конкурентов, — сказал Хейно Яанович, не приглашая Маюмуру сесть. — План здесь. — Он бросил подчиненному коробку с дискетой.

Шеф ССС поклонился.

— Вторая задача посложней: надо поехать в Питер, найти одного моего знакомого, пощупать его на профпригодность и передать кассету. — Носовой достал еще одну коробку. — Знакомого зовут Матвей Соболев, он бывший ганфайтер, перехватчик класса «абсолют», поэтому подход может быть очень жестким, но не предельно, без стрельбы. В противном случае он вас просто «погасит». Мне нужно знать его сегодняшний потенциал.

Дзиро Маюмура поймал кассету, снова поклонился.

— Ваш друг из Японии, этот... э-э... мастер айкидо прибыл?

— Он с Окинавы, — тихо произнес начальник спецназа, — и не мастер айкидо, а мэйдзин, мастер ниндзюцу. Он здесь.

— Очень хорошо. Объясните ему ситуацию и возьмите на задание. У меня все.

Маюмура поклонился в третий раз и неслышно исчез. Носовой в некотором сомнении смотрел ему вслед. Дзиро, которому пошел сорок девятый год, был очень сильным мастером боя и как помощник в обычных земных делах с участием обычных, пусть и тренированных, людей вполне устраивал маршала «СС», однако он знал, на что способен Матвей Соболев, и его сомнения имели под собой почву.

Как сообщили средства массовой информации, двадцать второго мая в Сокольниках произошла крупная разборка между мафиозными кланами, унесшая одиннадцать жизней. Этот факт потом стал предметом обсуждения на одном из заседаний Государственной Думы, так как оказалось, что среди погибших двое были охранниками президента. По признанию следователей, прибывших к месту происшествия через два часа, разборка оказалась уникальной: лишь один из молодых парней был убит выстрелом в голову, остальные десять погибли от ударов, проло-

мивших им головы, свернувших шеи или пробивших тело до сердца и прочих важных органов. Происшествие стало еще более загадочным, когда выяснилось, что все одиннадцать человек владели какой-либо разновидностью рукопашного боя и были тренерами либо инструкторами школ боевых искусств! А один из охранников президента даже имел черный пояс по карате! И все же всех их убили руками, в течение одной-двух минут.

Зачем эти ребята собрались вместе, можно было только догадываться, по официальной версии — на дружескую вечеринку. Однако у старшего следователя Генпрокуратуры Мирошниченко была своя версия, которой он поделился только со своим другом, начальником президентской службы безопасности Коржановым: кто-то уничтожил подразделение «Чистилища», готовившееся к проведению своей операции. Работали суперпрофессионалы, но не из ФСБ или ГУБО, вообще не из государственных спецслужб, однако кто именно, из какой организации, оставалось тайной. Хотя и на этот счет Мирошниченко имел свое мнение: ликвидаторы были из другой могущественной конторы — «СС». Но доказать причастность Сверхсистемы к убийству практически не представлялось возможным. Понимал это Мирошниченко, понимал и Коржанов, вызванный президентом на ковер.

— Долго ли вы еще будете решать стандартную задачу защиты государственных интересов? — спросил разгневанный глава страны. — Ржавчина «СС» разъедает корпус государственного корабля, мы скоро пойдем ко дну, если не прекратим этот процесс! Где ваша хваленая КОП-команда? Почему не работает?

— Она сформирована, — сдержанно проговорил Коржанов, глядя в лицо президента, — но не ее вина, что мафия проникла во все госструктуры. Первым делом команды и будет операция по выявлению и уничтожению бандитов, поработавших в Сокольниках.

Президент был настроен скептически, Коржанов это заметил, но сказать больше было нечего, и сразу после встречи с президентом он связался с Рыковым. Через час они сошлись в Кремле, в кабинете Германа Довлатовича. Еще через час генерал устроил смотр команде КОП, размещенной временно на территории его дачи в районе Битцевского лесопарка.

КАК ЭТО ПОНИМАТЬ?

Рыков очень быстро смекнул, что акция в Сокольниках, по сути, объявление войны, но не «СС» против «ККК», а лично Хейно Яновича Герману Довлатовичу. Однако реагировать надо было по-крупному, чтобы не потерять лица перед коллегами-

Судьями, поэтому Рыков сразу же позвонил Генеральному Судье Бородкину и предложил созвать чрезвычайное совещание. В тот же день, в среду, они собрались на конспиративной квартире с видом на Кремль: Рыков, Жанболатов, несуетливый, обстоятельный Прохор Петрович Бородкин, бывший полковник военной контрразведки Холин, подтянутый, моложавый, энергичный, и кибернетик из Центра информатизации Константин Павлович Зайцев, молодой, по-спортивному настроенный на результат, презирающий законы и людей, их создающих.

Когда по криптофонному кольцу взаимострахования прошло сообщение от охранных систем, что все спокойно, режим секретности нужной степени соблюден, все пятеро Судей «Чистилища» расселись за столом на свои традиционные места. Бородкин занял кресло во главе стола.

— Все вы уже знаете, что нам бросила открытый вызов конкурирующая структура — Сверхсистема, уничтожив две монады исполнителей, готовых к Суду над одним из криминальных лидеров. Уровень исполнения — класса «элит». Ваше мнение?

— Произошла явная утечка информации, — сказал Судья-3 Холин. — Подозреваю, что это горизонт спикеров.

— Это горизонт гранд-оператора, — тихо произнес Судья-5 Жанболатов. — Спикеры, как правило, узнают о координатах точки сбора непосредственно перед реализацией задания, за два часа до начала бандлика.

Рыков, который знал об уровне исполнения лучше других, промолчал. Его коллега по Союзу Девяти Хейно Яанович Носовой пока был недоступен «Чистилищу».

— Предлагаю повременить с обвинениями в тот или иной адрес, — мягко заметил он. — Пусть поработает Темир со своими следопытами, да и каждый из нас. Случился серьезный прокол в деятельности Суда, необходимы анализ и точные рекомендации.

— Всегда готов дать рекомендации, — насмешливо сказал Феликс Вансович, снимая и протирая очки. — Только предоставьте информацию.

— Решили! — хлопнул ладонью по столу Бородкин, перенявший этот жест у президента. — Прежде чем мы перейдем к конкретике, хочу поделиться с вами кое-какими размышлениями.

Судьи «Чистилища», знавшие пристрастие Генерального к обширным сентенциям, переглянулись, но Прохор Петрович не обратил на это внимания.

— Прошлое заседание правительства произвело на меня удручающее впечатление. Ни один высший руководитель страны ни на одну тему не способен говорить свободно, связно, без бумажки! Министры косноязычны, как студенты на экзаменах! О культуре поведения я уже и не говорю. Старая номенклатурная гвар-

дия ею никогда не обладала, за редким исключением, а хваленая новая генерация управленцев и политиков еще не достигла европейских высот, хотя и научилась драться. Это не ворчание старика, как вы, уверен, думаете.

Прохор Петрович неторопливо налил в стакан боржоми и отпил глоток.

— Это констатация общего положения реальности: нами управляют бескультурные, жадные, меркантильные, наглые, неумные люди. Как сказал мой зам: чиновник нынче пошел необразованный и наглый. Госдума вообще превратилась в заповедник криминальных элементов, территорию, свободную от правосудия и критики. За год не осужден ни один депутат, пойманный на махинациях, воровстве и закулисных сделках!

Бородкин сделал еще один глоток, изучая пейзаж на стене: пустыня, саксаул, череп лошади.

— К власти приходят люди недалекие и циничные, люди из низов, без иных способностей, кроме рваческих, не выделяющиеся интеллектом, люди посредственные во всех отношениях, желающие только одного: попользоваться жизнью на славу! Короче — быдло! Это положение надо менять. Как — вопрос второй. Хотелось бы выслушать ваши предложения. Теперь о другом. На сегодняшний день делами страны вершат двадцать пять министерств, двенадцать госкомитетов, двадцать три просто комитета, пятнадцать федеральных служб, Департамент налоговой полиции, Российское космическое агентство и Главное управление охраны. Итого — семьдесят восемь ведомств на сто сорок девять миллионов россиян. В СССР на излете «застоя» с населением вдвое большим и то насчитывалось лишь восемьдесят четыре! Но этого, оказывается, мало! Правительство подготовило проект расширения списка главных ведомств еще на два министерства и четыре госкомитета! Как вам это нравится? Скоро чиновничья рать станет качать более десяти процентов бюджета на зарплату и льготы. Мало того, Госдума внесла поправку в Закон «О статусе депутата Государственной думы», где предусматривается стопроцентная оплата жилья депутата из госфондов, бесплатное пользование поликлиникой, транспортом и телефонной связью. Что будет дальше?

Судьи «Чистилища» молчали. Разговор о привилегиях депутатов они уже вели, но не пришли к единому мнению, как их отменить. Прохор Петрович грустно посмотрел вокруг, кивнул сам себе, как бы соглашаясь со всем, что о нем думали присутствующие, и повернулся к Рыкову.

— Герман Довлатович, у вас есть соображения по поводу ответа Сверхсистеме?

— Пока нет, — ответил Рыков, хотя на самом деле они у него

были. — Требуется время. Мы должны ответить не менее жестко — это все, что я знаю. Зато у меня есть три предложения по стабилизации общественного мнения. Первое: примерно наказать судью Зюзинского межмуниципального суда Гарольда Блоймермана за игнорирование первого предупреждения. Как вы помните, в Зюзинском суде установилась интересная практика по административным делам о торговле с рук в неустановленных местах. Милиция задерживала продавцов, изымала товар и передавала в суд, а судья выносил постановление из двух пунктов — одним дело прекращали в связи с истечением срока давности, вторым — конфисковывали товар. Оба пункта исключают друг друга...

— Короче, Герман Довлатович, — сказал Холин. — Мы в курсе. С разрешения судьи товар вроде бы уничтожали, а на самом деле продавали. Предлагаю этому Гарольду отрубить руку по локоть. Что еще?

— Ликвидировать секту сатанистов, действующую под вывеской «Церкви Блаженства». Настоятели секты выдвинули программу: убийство и пытки являются источниками полноты бытия. Юные идиоты слетаются на этот зов, как мотыльки на огонь.

— Да, это истинное Зло, — покачал головой Бородкин. — Родители ушедших в секту детей станут молиться не Богу, а на «Чистилище», когда мы уничтожим секту. Разумное решение, Герман Довлатович.

— И третье предложение. Несмотря на деятельность созданного внутри МВД не так давно Управления собственной безопасности, занимающегося чисткой рядов милиции, старший дознаватель отдела внутренних дел «Гольяново» майор милиции Шариков продолжает брать взятки за прекращение уголовных дел. Информация проверена. Все три операции предлагаю провести одновременно.

Бородкин взглянул на Судей, кивнул.

— Принимается. А теперь займемся старыми делами. Темир Шыныбекович, удалось установить киллер-центр, чьи люди убрали депутата Забодыко?

— Так точно, — ответил Жанболатов, ведающий разведкой, контрразведкой и обеспечением безопасности работы всего «ККК». — План операции по уничтожению центра готов.

— Давайте рассмотрим.

Жанболатов передал Бородкину дискету, и экран компьютера воспроизвел операцию во всех деталях. Закончив обсуждение, Судьи «Чистилища» приступили к анализу остальных дел, но у каждого нет-нет да и мелькала мысль, что все они находятся под пристальным вниманием чужого лазутчика, проникшего в их империю. Это же тревожило и Рыкова, но совсем на другом уров-

не. Он не задавал себе вопроса: как вас понимать, Хейно Яанович? — зная ответ абсолютно точно, однако ощущение взгляда в спину явно говорило об утечке информации из стана «Чистилища» больше, чем уничтожение группы «чистильщиков».

ИМЕЮЩИЙ УШИ — ДА УСЛЫШИТ

Вахид Тожиевич Самандар, президент Международного исследовательского центра боевых искусств, Посвященный I ступени Внутреннего Круга, обладал недюжинным даром прогностики — видения будущего, поэтому был готов ко многим неожиданностям, которые могла преподнести жизнь. О переменах в «розе реальностей» Вселенной он не знал, но чувствовал их и ждал ответных перемен в земной запрещенной реальности спокойно.

Характер у Вахида Тожиевича был непростой — упрямый, настойчивый и смелый. Но именно упрямство и настойчивость помогли ему стать тем, кем он стал: мастером рукопашного боя и человеком Внутреннего Круга. Он был трудолюбив и умен, но при этом мало доверял людям и рассчитывал только на себя. К чужим советам, даже дельным, прислушиваться не любил, мог иногда вести себя грубо, хотя обычно ему хватало гибкости и дипломатического такта для контактов с непосвященными. И тем не менее семейная жизнь Вахида Тожиевича складывалась неудачно.

Дважды он был женат и дважды расходился. Делал он предложение и Ульяне Митиной, с которой его свела судьба несколько лет назад, однако получил отказ. Это его огорчило, но не остановило, наоборот, заставило переоценить свое отношение к женщинам вообще и Ульяне в частности. Не то чтобы он решил добиться благосклонности Ульяны во что бы то ни стало, однако все же попыток предложить союз не прекратил, несмотря на явное нежелание девушки встречаться чаще, чем встречаются все Посвященные, то есть раз в год, на Соборе Внутреннего Круга.

Для того чтобы пройти Посвящение II ступени, Самандару нужен был ученик, и казалось, его удалось найти полтора года назад. Но, во-первых, Матвей Соболев оказался более подготовленным по меркам Внутреннего Круга, чем даже сам Вахид Тожиевич, а во-вторых, начались события с коррекцией реальности, в дело вмешались иерархи, Хранители и даже древние Аморфы — Монарх и Лекс, перворазумные Земли, и в конце концов реальность земного плана была заблокирована. Теперь, чтобы выйти за ее пределы в «розу реальностей», в пору самому было становиться учеником. Однако переход в состояние иерарха мог

потребовать всей жизни, а ждать Самандар не любил. К тому же он знал способ, как достичь более высокого уровня Посвящения и без изнурительной повседневной работы над собой. Этот способ назывался «Иглой Парабрахмы», так сказать, вариант волшебной палочки, с помощью которой можно было стать всем, кем пожелаешь. Но «Иглу», во-первых, еще надо найти, во-вторых, включить, а сделать это мог только один человек в мире — Матвей Соболев, бывший волкодав-перехватчик военной контрразведки. Повода же встречаться с ним у Вахида Тожиевича не было, напрямую он не мог просить у Соболева открыть ему доступ к МИРам Инсектов, к «Игле», и вовсе не из-за тактичности или неуверенности, а в силу закона Внутреннего Круга — Закона постепенного восхождения, преступить который означало поставить крест на дальнейшем Пути к Знанию и Совершенству.

И все-таки Вахиду Тожиевичу представился случай навестить Соболева, в последнее время жившего в Санкт-Петербурге, вернее, в Старом Петергофе, по сути — уже в черте города.

Помимо обязанностей руководителя такого специфического учреждения, как Международный исследовательский центр боевых искусств, Самандар выполнял еще и функции координатора школ боевых искусств России, что давало ему широкую свободу и возможность путешествовать во все концы огромной страны и за рубеж. Кроме того, он много времени уделял собственно тренировкам, поддерживая высокие физические кондиции и готовность к немедленному действию.

МИЦБИ имел не только административный и учебный корпуса, но и прекрасные спортзалы, где могли тренироваться как новички, так и мастера, инструкторы разных школ. Вахид Тожиевич сам руководил одной из наиболее подготовленных групп, составленной из руководителей школ. В составе группы занимался и довольно молодой, двадцатисемилетний, заместитель директора школы русбоя, единственной в Москве, Максим Усов, имеющий отличные перспективы как боец и человек, увлекающийся психологическими экспериментами. Вахид Тожиевич успел присмотреться к нему и постепенно приблизил к себе, явно выделяя из остальных обладателей разного цвета поясов. Подумывал даже: а не взять ли в ученики именно его, сориентировать, направить на путь истинный, рассказать о Круге? Но из осторожности Самандар все же откладывал решение.

И вот Максим преподнес сюрприз.

После одной из тренировок он зашел в кабинет к директору и сказал, смущаясь:

— Ухожу я от вас, Вахид Тожиевич.

— Что так? — не понял Самандар. — То есть почему уходишь? Переезжаешь куда-нибудь?

— Да нет, в Москве остаюсь, но... понимаете... — Усов замялся. — Есть работа... очень серьезная... и по специализации. Я там тренироваться буду. Так что прощаться пришел. Не совсем, конечно, но тем не менее. Спасибо вам за все.

— Что за работа, если не секрет?

Усов снова помялся немного, потом прямо взглянул в черные непроницаемые глаза Самандара.

— Вам могу сказать. В службе безопасности президента создается особое подразделение — КОП, то есть команда для особых поручений. Мне предложили войти в эту группу, даже звание дали — майор, хотя я лейтенант по воинскому билету.

Самандар мгновенно насторожился, хотя не подал виду.

— Кто же будет руководить подразделением?

— Говорят, сам генерал Коржанов, начальник СБ. А кто на самом деле, не знаю. Но работа должна быть интересной.

«Да уж!» — подумал про себя Самандар. Сказал, пожимая крепкую руку Максиму:

— Что ж, удачи, барс! Буду нужен — заходи. А если захочешь, начну заниматься с тобой индивидуально.

— Это было бы здорово! Я прикину и позвоню. Не поминайте лихом.

Усов ушел, а Самандар некоторое время размышлял, рассеянно наводя на столе порядок. Потом подсел к компьютеру и начал наводить справки, знакомых у него было много, в том числе и среди высокопоставленных лиц.

Однако ни в этот вечер, ни на следующий день нужной информации найти не удалось. О создании команды для спецпоручений никто ничего не знал, даже контрразведка ФСБ. И тогда Вахид Тожиевич применил свои возможности Посвященного — вошел в компьютерную сеть президентской службы безопасности с помощью мысленного усилия, подключив к компьютеру свой мозг.

Его ждало жестокое разочарование: о создании КОП и там не оказалось ни одного файла! Либо команда была засекречена «по четырем нулям», либо Усов врал. Но как раз ему-то Самандар и верил.

Лишь под утро он сообразил войти в компьютер самого генерала Коржанова, главы ведомства безопасности, не подчинявшегося никому, кроме президента, и обладавшего огромным влиянием на него самого. Все сразу стало на свои места. Идея создания КОП принадлежала Рыкову. Обдумав ситуацию, Самандар в семь утра позвонил Ивану Терентьевичу Парамонову и договорился о встрече.

Встретились Посвященные I ступени Внутреннего Круга на берегу пруда в Ботаническом саду, нимало не беспокоясь о воз-

можном подслушивании или подглядывании. Они умели вести разговоры, которые невозможно было «засечь».

Плотная зеленая стена кустарника за спиной источала одуряющие весенние запахи, солнце светило вовсю, вода в пруду сверкала как зеркало; было тепло и тихо, и оба Посвященных почувствовали себя, как в детстве, счастливыми. На короткую минуту созерцания природы. Вглядевшись друг в друга, присели на скамеечку у бронзового фонаря, не обращая внимания на рыболова, пристроившегося неподалеку, и школьника, выгуливающего собаку.

— На сцене жизни снова появляются знакомые актеры, — сказал Самандар.

— Ты имеешь в виду Союз Девяти Неизвестных?

— Я имею в виду Рыкова. Он фактически возглавил «Чистилище» и замахнулся на «СС».

— Ничего удивительного в этом я не вижу. Действия Рыкова в частности и «Чистилища» вообще — всего лишь следствия вступившего в силу жесткого варианта Закона возмездия.

— Увы, не только. Рыков пытается реализовать пирамиду власти, а точнее — Муравейник Власти по типу и подобию тех, что создавали Инсекты-мирмекоиды. Для этого он готов начать войну на уничтожение с вероятными соперниками и уже сделал первый шаг — создал в недрах президентской службы безопасности спецподразделение — КОП, команду для особых поручений.

— Не такой уж это высокий уровень, чтобы бить тревогу, — поразмыслив, сказал Парамонов. — Потеряв связь с иерархами и их командами ПАН и ПРОПАЛ[1], Герман просто нашел замену для организации предполагаемых «волн выключения». Для нас создание КОП особой опасности не представляет. К тому же у нее будет так много конкурентов. При первом же выходе ею займутся не только силовые конторы типа ФСБ, ГУБО и МВД, но и «Чистилище», и «СС». Разве не так? В последнее время они решают задачи довольно успешно.

Самандар достал из кармана горсть жареного миндаля, предложил собеседнику.

— В принципе, ты прав, Иван Терентьевич. Перечисленные тобой конторы плюс СВР действительно неплохо справляются с делом. Толково решают общегосударственные задачи — защиту от внешних и внутренних врагов, ведут борьбу с терроризмом... хотя в последнее время эта проблема вновь выходит на передний план. На равных ведут борьбу с бандитизмом и коррупцией... Что там еще-то? Да, подавление недовольства инакомыслящих, это

[1] ПАН — подразделение активного наблюдения; ПРОПАЛ — подразделение разовой оперативно-агентурной ликвидации.

делают почти как в свое время КГБ. Но есть и другая сторона медали. Время от времени в эти конторы проникают властолюбцы и коррумпированные на корню чины и начинают использовать мощный потенциал данных служб в корыстных целях, для достижения власти, богатства, удовлетворения садистских и сексуальных наклонностей. И это бывает...

— Что-то ты заговорил по-книжному, — прищурился Парамонов. — Но я понял, к чему ты клонишь. Угроза скатывания социума к тоталитаризму существует всегда. Но даже если Рыков стартует с этой платформы... Ах, прости, Вахид Тожиевич, только сейчас дошло. Под ударом могут оказаться наши друзья и сподвижники?

— Ну, друзья и сподвижники меня волнуют мало, — криво улыбнулся Самандар. — Наши друзья могут постоять за себя сами. Зная твое въедливое стремление задать вопрос, который невозможно точно сформулировать, я ожидал от тебя другого.

— Хорошо, сформулирую вопрос иначе: что нужно Рыкову?

— Это другое дело. Рыкову нужно нечто большее, чем быть одним из Девяти, ему нужна абсолютная власть! И для этого он усиленно ищет...

— Доступ к МИРам Инсектов?

— Точнее, к «Игле Парабрахмы».

Иван Терентьевич с рассеянным видом сорвал одуванчик, повертел в пальцах.

— Это достаточно серьезная заявка... В последнее время я и сам чувствую, что поднимается некий темный ветер из «розы реальностей». Ты считаешь, что пришла пора перемен?

— Кто-то умело манипулирует Законом изменения энтропии. Готовит ее «пикирование», скатывание процессов структурирования к упрощению мира, к хаосу.

— Но ведь до предела еще далеко, если мы видим, что мир несовершенен.

— Кто-то постоянно опускает планку предельного уровня энтропии в нашей реальности. Предел может быть перейден в любой момент.

— Чего добьется при этом твой «кто-то»? Разрушения всех созданных за прошедшие века гармонических структур, всей реальности? Да и кто это, по-твоему, может быть?

— Не знаю пока. Но уже начались разборки между иерархами, и эхо тех боев непременно отзовется на Земле. Сначала в форме изменения социальных законов, потом физических, потом фундаментальных принципов бытия.

Парамонов встал со скамейки, подошел к воде и долго смотрел на гусиный пух, скользящий по ее глади. Сказал задумчиво:

— Я всегда считал, что в абсолютных реальных подпланах

«розы реальностей» система скрытых конфликтов существует, но гармоническая, свободная от честолюбивых замыслов.

— Ты ошибался.

— К сожалению. Но если уж люди Внутреннего Круга начинают воевать...

— Все мы потомки Инсектов. Монарх не смог исправить в нас худшие черты насекомых, история человечества подтверждает это.

— Может быть, он снова пытается вмешаться в наши дела?

— Я чувствую его дыхание. Но он «дышит» в нашу Вселенную не один. Единственная надежда на то, что всем победителям нужны побежденные.

— Ты хочешь сказать, что при любом исходе Перемен люди выживут?

— Выживут муравьи, рабы муравейника, в который превратится социум Земли... если победу одержит Рыков.

— Что же ты предлагаешь?

— Я хотел бы побороться за сохранение реальности, пусть она и запрещена иерархами. Давайте объединимся: мы, наши приятели, остальные Посвященные I ступени. Я встречусь для начала с Соболевым, ты — с Ульяной Митиной. Можно и наоборот.

Парамонов улыбнулся про себя, зная отношение Вахида Тожиевича к девушке.

— Согласен наоборот.

Через несколько минут Самандар ушел, а Парамонов еще некоторое время бродил по саду, размышляя об услышанном. Но от впечатления, что ими кто-то руководит как марионетками, дергая за ниточки, избавиться не удалось.

ОСТАВАЙТЕСЬ У МЕНЯ

За Кольцевой автодорогой машина вырвалась на Рязанское шоссе, и Василий прибавил скорость. Пейзажи по обеим сторонам дороги были великолепны, они напоминали другие — морские, которыми удалось за те два дня, что Вася отдыхал с Матвеем и его семьей, вдоволь налюбоваться.

У Матвея, как оказалось, была парусно-моторная яхта «Кристина» типа «Фишер-30», старенькая, но содержавшаяся в идеальном состоянии. На ней все они — Соболев, Кристина, Стас и Василий — и отправились в пятницу двадцать четвертого мая в путешествие, сначала по Неве, вниз от Петербурга, потом вышли в Финский залив.

Купались, загорали, ловили рыбу, готовили уху и наслаждались покоем и природой, словно специально подготовившей им

отличную погоду. Управлял яхтой Стас, отлично знавший ее такелаж. За год, с тех пор как Василий видел его в последний раз, мальчишка вытянулся, окреп и весьма неплохо для своего возраста владел приемами русбоя. Он с удовольствием показал «дяде Васе» комплекс приемов для боя в ограниченном пространстве, и вряд ли с ним справились бы теперь мальчики на три-четыре года старше его.

Кристина почти все время сидела под тентом в шезлонге на юте, читала учебники и конспекты — готовилась к сессии, но мужчин это не огорчало, они с удовольствием готовили обеды сами, не прекращая своих неторопливых бесед.

Василий снова попытался соблазнить друга активной жизнью в столице и снова получил твердое «нет».

— Мне уже предлагали вмешаться в дела Союза Девяти Неизвестных, — сказал Матвей как-то вечером, когда они сидели рядом с Кристиной в шезлонгах, по обе стороны от мачты, после тренировки, в которой принимал участие и Стас. — И я ответил, что вмешиваться ни во что не собираюсь.

— Даже если появится реальная угроза жизни? — полюбопытствовал осоловевший от воздуха Василий. — Мало ли какой конфликт возникнет.

— Помнишь притчу о трех мастерах Дао? Один очень ловко уворачивался от камней, которые в него бросали, до второго камни не долетали, а в третьего никто не бросил ни единого камня!

Василий приоткрыл глаз, глянул на Матвея, лежащего под лучами закатного солнца с лицом кротким и потрясающе невозмутимым, и от шутки воздержался.

— Допустим. Ты хочешь сказать, что достиг уровня третьего мастера Дао?

— Можно подчинить разум любой мощности, зная гимнастику Гермеса и психотехнику оформления мысли как реальной физической силы.

— Ну-ка, ну-ка, — оживился Василий. — О гимнастике Гермеса я хотя бы читал, в принципе это трансовый метод набора энергии. А что такое психотехника оформления мысли? В какой школе можно ей научиться?

— Такой школы не существует. Школы и системы, насколько тебе должно быть известно, а также Учителя могут указывать лишь методы и пути, но не цели и работу, которую должен проделать ученик.

— Так укажи хотя бы путь.

— Ты им идешь, хотя и медленно.

— Да? Что-то я этого не ощущаю.

— Потому тебя и тянет на подвиги. Но в военные игры я боль-

ше не играю, тем более с Посвященными из Союза Девяти. Это игры, в которых все действия приводят к поражению.

— А если придется воевать за Родину?

— Это вопрос провокационный, — улыбнулся Матвей. — Ты случайно не видел фильм Никиты Михалкова «Анна от шести до восемнадцати»? Там его дочь на вопрос: «Что такое Родина?» — ответила: «Это поле... лес... ты...» Понимаешь? Она имела в виду отца, для нее он ассоциировался со словом «Родина» вполне естественно и свободно, как поле, лес, река.

Василий повернул голову к другу, который смотрел на него с веселым прищуром, потом оглянулся на Стаса, приросшего к штурвалу, и на каюту, откуда доносился голос напевающей песенку Кристины.

— Они — твоя Родина?

Матвей снова улыбнулся и не ответил...

На следующий день они пристали к безымянному островку, состоящему из живописных скал, и высадили десант в составе Стаса и Кристины, которые принялись искать раковины моллюсков. Мужчины же, сообразив обед, снова уселись в шезлонги, подставив тела и лица солнцу.

— А кто к тебе приходил? — спросил Василий. — Ты вчера сказал, что тебе предлагали вмешаться в дела Союза Девяти.

— Ты его не знаешь.

— Секрет, что ли?

— Юрьев приходил, бывший советник президента, сейчас начальник администрации... и он же — один из Девяти. В «розе реальностей» началась какая-то свара между иерархами, что, естественно, отразится и на Земле. Связь тут прямая.

— Каким образом эта свара отразится на Земле?

— Самым непосредственным, в первую очередь — изменением существующих законов. «Чистилище» было создано, как ты уже знаешь, в силу срабатывания более жесткого варианта Закона обратного действия. Так вот Рыков начал еще больше ужесточать этот закон.

— Жив курилка... — пробормотал Василий. — Не останавливается на достигнутом. Чего он хочет?

— Власти. И его претензии так основательны, что встревожили даже коллег из Союза Девяти.

Василий некоторое время переваривал услышанное.

— А не может ли предложение присоединиться к спецкоманде Коржанова быть следствием деятельности Рыкова?

— Не исключено.

— И все же я поеду. Надоело вариться в собственном соку. А что предлагал Юрьев в обмен на твою помощь?

— У них применяется двойной стандарт к подобного рода де-

лам. Сначала он предложил доступ к Знаниям Бездн, потом намекнул, что в результате отказа может пострадать моя семья.

— И ты?..

— Отказался, естественно.

— Я бы ему голову отвернул! — проворчал Василий. — За один только намек на угрозу. А что такое Знания Бездн? О таких я нигде ничего не читал.

Матвей долго молчал, следя за чайками у скал.

— Это информация о Безусловно Первом...

— Об Аморфе, что ли?

— Аморфы были первыми разумными существами в нашей реальности. В Знаниях Бездн говорится о Предтече всех разумных во Вселенной, о Безусловно Первом.

— Тогда мы говорим о Боге...

— Не совсем.

— Не буду спорить, тебе видней. И что дают эти Знания?

— Эти Знания практически делают человека всемогущим.

Василий скептически хмыкнул.

— Что ж сам Юрьев ими не воспользуется?

— Знаниями Бездн может владеть только просветленный, завершивший Путь. Будда, например. Иисус Христос. Юрьев, как и все Девять Неизвестных, не способен изменить себя даже с помощью «техники внутренней улыбки», доступ к Знаниям для него закрыт. Но он может знать путь к ним.

— Я так понимаю, что тебе они не нужны?

— Я еще иду. Habes — habeberis[1], как говорил древний философ.

— Вася! — раздался голос Кристины. — Иди сюда, посмотри, что мы нашли.

— Поговорим еще о Знаниях Бездн? — Василий встал.

— Если будет настроение. — Матвей закрыл глаза, расслабленно двинул рукой. — Иди поищи вместе с ними жемчужину размером с кулак.

Рассмеявшись, Василий нырнул с борта в воду и поплыл вокруг островка на голос Кристины. Но на эту тему они потом так и не поговорили. На следующий день Василий покинул Петербург, держа курс на Москву. Пересек он ее, не останавливаясь: сердце гнало в Рязань...

Машина проехала Коломну, потом Луховицы, а Василий все прибавлял и прибавлял скорость, пока на въезде в Рыбное его не остановил инспектор ГАИ. Пришлось вылезать, объясняться.

Инспектор, молодой, но какой-то угасший, с усталым взглядом человека, прожившего долгую нелегкую жизнь, молча при-

[1] Имеешь одно — будешь иметь и другое (Петроний) (*лат.*).

нял документы, так же молча показал на домик блокпоста: мол, заходи.

— Погоди, командир, — миролюбиво произнес Василий. — Ну, признаю, нарушил, был не прав, превысил, но ведь можно договориться. Сколько я должен?

Инспектор продолжал на ходу неторопливо изучать техпаспорт и права, и Василий вынужден был тащиться следом, заметив между прочим, что напарник гаишника только что пропустил кортеж автомобилей во главе с «Мерседесом», мчавшимся с той же скоростью.

— Командир, да постой ты, я заплачу, сколько скажешь. Причина у меня уважительная — к невесте еду, вот и спешу.

Инспектор зашел в здание поста, без слов сел за стол и принялся писать справку об изъятии водительских прав.

— Черт бы тебя побрал, лейтенант! — взорвался Василий, выхватывая у инспектора ручку. — «Мерседесы» с крутыми ребятами пропускаете, а мою «вольвуху» с двумя дверцами решили задержать для статистики?

Лейтенант достал другую ручку, смерил Василия меланхолическим взглядом, сказал скрипучим голосом:

— Будешь год ходить за своим удостоверением, это я тебе гарантирую.

— Да что вам дался год моего хождения за документами! В Москве один грозился, теперь ты. — Василий вздохнул, неуловимым движением выхватил у гаишника документы, бросил ему на стол сто тысяч и пошел к выходу. На пороге обернулся. — Не ошибись в следующий раз, болезный. Я себе другое удостоверение достану, если потребуется, а вот ты свои погоны вряд ли.

— Я сейчас позвоню в центральную... — несколько попритих лейтенант.

— Не надо. — Василий вернулся и показал свое старое удостоверение офицера Федеральной службы безопасности. — Я тебе, дураку, не хотел усложнять жизнь, предлагая калым, а теперь ты не только забудешь, кто я и на какой машине проехал, но и честного заработка лишишься. Уразумел?

— Я это... не думал... ага... — забормотал инспектор, вскакивая и вытягиваясь. На щеках его проступили лихорадочные пятна. — Так точно!

— Вольно! Не забудь о погонах. И вообще, квелый ты какой-то, не больной, случайно?

— Язва... — пожал узкими плечами лейтенант, теряя интерес к жизни.

Василий несколько секунд рассматривал лицо инспектора, анемичное и бледное, подошел ближе, бросил на стол еще четыре бумажки по пятьдесят тысяч и вышел.

Вскоре он был под Рязанью, продолжая гнать машину на скорости не ниже ста сорока в час. Вспомнились кое-какие данные по Рязанской области: площадь — около сорока тысяч квадратных километров, то есть больше таких европейских стран, как Албания и Бельгия, численность населения — миллион четыреста тысяч, пять высших учебных заведений, главная промышленная отрасль — нефтепереработка. Самой Рязани исполнилось более девятисот лет, а знаменитому Успенскому собору, который называют Рязанским кремлем, построенному в конце семнадцатого века крепостным зодчим Яковом Бухвостовым, — более трехсот. Василий вспомнил эти цифры, заметив справа от шоссе грандиозные колокольни собора с мощным пятиглавым куполом. Еще через несколько минут он проехал самое старое здание города — Михайло-Архангельский храм, возведенный еще при последнем рязанском князе Иване, в начале шестнадцатого века, повернул к Дворянскому собранию. О том, что Рязань раньше называлась Переяславлем-Рязанским, Василий вспомнил, проезжая мимо соборной колокольни со старинным гербом, изображавшим Олега Рязанского. Герб этот не менялся три века подряд и принадлежал настоящей старой Рязани, ровеснице Киева, располагавшейся в пятидесяти километрах от Переяславля и считавшейся столицей княжества до двадцать первого декабря тысяча двести тридцать седьмого года. В тот год орды Батыя захватили Рязань, один из крупнейших на то время городов Европы — гораздо больше Рима и Лондона, уничтожили защитников и не оставили от города камня на камне. А Переяславль стал называться Рязанью с тысяча семьсот семьдесят восьмого года...

Машина свернула на улицу Каляева, миновала здание Рязанской таможни, и через несколько минут Василий остановился во дворе возле трех металлических гаражей-ракушек. В одном из домов жила тетка Ульяны Митиной Анна Павловна, у которой на время учебы остановилась девушка.

Ровно в шесть часов вечера Василий позвонил в обитую черным дерматином дверь на пятом этаже, волнуясь как мальчишка, и вдруг понял, что Ульяны дома нет. Откуда пришла эта уверенность, он не знал, но сердце сразу успокоилось, кровь вернулась к щекам, а вздох облегчения был почти искренним. Дверь открыла сухонькая старушка с морщинистым, но добрым лицом с живыми проницательными глазами. Чем-то тетка Ульяны была похожа на бабушку Кристины Сумароковой Басю Яновну.

— А Ули еще нету, мил человек, — сказала она, признавая приятеля Ульяны: Василий уже был у них в гостях. — Сказала, что будет поздно, часов в десять.

— Где ее можно найти, Анна Павловна? — заметно приуныл Василий. — В институте?

— Так ведь друг к ней приехал, с ним и ушла. Он довольно часто приезжает из Москвы, почитай, раз в месяц.

Василий молча стал спускаться по лестнице вниз, но пересилил себя и оглянулся.

— Извините, Анна Павловна, до свидания.

— Да ты не горюй так, мил человек, — озорно заулыбалась хозяйка. — Не любит она его, хотя он видный из себя, красивый, интересный. Ищи их в ресторане «Салтыков-Щедрин», Улин любимый.

— Спасибо! — Василий не выдержал и улыбнулся в ответ. — Не любит, говорите? — Прыгая через целые пролеты, он спустился во двор, завел машину и лишь потом понял, что не догадался узнать у старушки адрес ресторана. Однако искать его пришлось недолго, ресторан «Салтыков-Щедрин» располагался на улице Радищева, почти напротив здания Медкомбанка. Теряясь в догадках, что за «интересный друг» появился у Ульяны и откуда он взялся, Василий поставил «Вольво» в ряду других «крутых» машин и поднялся по ступенькам к парадному входу в ресторан. Одет он был в таскер, дорожный костюм из ткани, выглядевшей так, будто она полиняла после стирки, — последний писк моды, но надеялся, что в это заведение его в таком прикиде пропустят.

Однако, пройдя вертящуюся дверь, Василий вдруг почувствовал, как на затылке встопорщились волосы и по левой ладони побежали мурашки. В принципе ничего необычного в этом не было, просто «эфирная» энергетическая оболочка Котова реагировала на любые формы внешних воздействий, в том числе и на ментальное, мысленное. В данном случае кто-то коснулся психофизического поля Василия своим полем, как бы лоцируя его, ощупывая сознание, и было это ощущение странным и неприятным.

Покрывшись потом, Василий заставил себя собраться, вспомнил советы Матвея и внутренним усилием закрыл сферу сознания. «Луч локатора», ощупывающий мозг под черепом, постепенно погас.

— Вы к нам? — с полупоклоном спросил Василия швейцар в старинной ливрее.

— Оф коз, — ответил Вася, не глядя на него.

В зал он вошел осторожно, мгновенно оценив обстановку, расположение столов, число посетителей. Ульяна сидела в углу за резной деревянной колонной и смотрела на вошедшего с легкой усмешкой на смуглом точеном лице. Она была так прекрасна, что у Василия перехватило дыхание и остановилось сердце. «Женская красота — страшная сила!» — вспомнил он слова своего отца, сраженного когда-то красотой матери, кстати, тоже студентки медицинского института. Спутник Ульяны оглянулся, и

Василий невольно вздрогнул, встретив непроницаемый взгляд Вахида Тожиевича Самандара. По этому взгляду Вася понял, что он здесь гость архинежелательный.

Его тонус резко повысился, и к давним своим знакомым Василий подошел с непринужденностью уверенного в себе человека. Но вот чего он не знал наверняка: кто светил его «локатором» мыслеэнергетического поля — Самандар или Ульяна?

— Привет, — сказал он, целуя руку Уле и пожимая протянутую ладонь Самандару. — Вот уж не ожидал вас здесь встретить. Разрешите подсесть?

— Конечно, мы рады тебя видеть, — ответила девушка. — Как раз мы тут вспоминали друзей.

Вася поманил пальцем метрдотеля.

— Стул, пожалуйста.

— Понимаете, — замялся распорядитель зала, — этот столик с восьми вечера записан на... важную персону... Не хотите ли пересесть в другой зал?

— Вы нам этого не говорили, — удивленно произнесла Ульяна.

— Обстоятельства изменились...

— Стул, — коротко повторил Василий.

Метрдотель вздохнул и отошел. Официант принес стул и принял Васин заказ: гаспачо[1], салат из спаржи, фасоль в маринаде и апельсиновый коктейль. На столе уже стояла бутылка шампанского, и Василий налил себе несколько капель.

— Какими судьбами, Вахид Тожиевич? Какие интересы вашего ведомства привели директора МИЦБИ в Рязань?

— Интересы есть, — кивнул невозмутимый Самандар. — Борьба с международным терроризмом.

Вася обратил внимание на первое слово, произнесенное директором МИЦБИ, но оно его не очень задело, он помнил слова тетки Ульяны. Но вот последующие...

— С какой стороны борьба с терроризмом касается центра боевых искусств? Вы же не филиал ГУБО? Тем более что по большому счету борьба с терроризмом — это борьба с последствиями. Монарх не смог «улучшить» расу тараканов, Блаттоптера сапиенс, он оставил агрессивность и зависть основополагающими чертами людей наравне, правда, с положительными.

— Тут вы правы. Причины — в прошлом, а не в настоящем. Так что, если вы намерены вмешаться в эту борьбу, подумайте.

— А почему вы считаете, что я намерен вмешаться?

— До меня дошли слухи о создании некой странной команды... Разве вы не являетесь кандидатом?

Василий помолчал, согревая в ладони бокал. Мышцы живота

---

[1] Гаспачо — холодный суп из овощей.

неприятно свело от нехорошего предчувствия. Самандар знал о предложении Коржанова.

— Во-первых, я еще ничего не решил... а во-вторых, жить по принципу непротивления злу я не умею. Да и не хочу. — Василий вспомнил реакцию Матвея на его информацию, и предчувствие недоброго усилилось. — Как вы знаете, культура — игровое пространство цивилизации, как говорил философ, но если со злом не бороться, игровым пространством станет терроризм. Или война, к примеру.

— Вася, вы меня поражаете, — серьезно произнесла Ульяна. — Таким я вас не знала.

— Я и сам не знал, — махнул рукой Василий, одним глотком осушая бокал.

Самандар усмехнулся.

— Влияние Соболева, это заметно. Он тоже ставил во главу угла жажду справедливости вместо жажды счастья.

— Как говорил один мой знакомый: характерной чертой первой половины жизни является неутолимая жажда счастья, второй половины — боязнь несчастья[1]. Добавлю — не для всех. Во всяком случае не для Матвея.

— Мальчики, давайте поговорим на другие темы, — взмолилась Ульяна, почувствовав состояние Василия. Он уже закипал. — У меня предложение: не попутешествовать ли нам летом по Мещере? Есть два хороших лодочных маршрута по речке Пре — вверх до озера Великого и вниз до Брыкина бора.

Мужчины переглянулись, одновременно вспоминая свою встречу в Брыкином бору, возле дачи Маракуца, вора в законе и бизнесмена, упрятавшего туда строптивого конкурента, президента фирмы «Рюрик».

— А что, — пожал плечами Вася, — я бы пошел вверх.

— А я вниз, — в тон ему ответил Самандар.

Они одновременно засмеялись... и замолчали, потому что в ресторан вошла группа молодых людей в одинаковых темно-серых костюмах, и в зале повеяло холодом и недоброжелательностью. Посетители ресторана, коих оставалось всего три пары, спешно покидали свои столики.

— А вы что расселись? — подошел один из атлетов к их троице. Мужчины, не обращая на вошедших никакого внимания, слушали Ульяну, которая с увлечением продолжала расписывать красоты Мещеры с ее болотами и комарами.

— Между прочим, Мещера считается «легкими» Москвы, — продолжала девушка, в свою очередь, проигнорировав шкафопо-

[1] А. Шопенгауэр.

добного молодого человека. — Она очищает воздух на площади в сорок тысяч квадратных километров.

— Эй, я вам говорю! — нахмурился квадратный. — Закругляйтесь, эти столики заказаны.

Самандар искоса посмотрел на Василия, тот понял, что отвечать придется ему. Особой тревоги не было, судя по всему, в ресторане просто захотел поужинать один из местных авторитетов. На «волну выключения» действия его охраны не походили.

— Э-э, молодой человек, — сказал Василий бархатистым голосом. — Когда мы сюда пришли, столик был свободен. Так что, с вашего разрешения, мы тут еще посидим немного, побеседуем и тихо удалимся по-английски, никому не мешая. О'кей?

— Две минуты, — шевельнул квадратными челюстями квадратный молодой человек. — Ясно?

— Спасибо, — кивнул Вася. — Через полчасика нас уже не будет.

— Что?! — Повернувшийся было атлет остановился. — У вас что, со слухом плохо? Валите отсюда, и побыстрей! Не нарывайтесь на неприятности.

— Мы и не нарываемся, — мило улыбнулась Ульяна. — Но ведь вы не имеете права вышвыривать посетителей ресторана, не так ли?

К атлету подошел его начальник, как две капли воды похожий на него, только с галстуком иной расцветки.

— Что тут происходит, Жбан?

— Интеллигенты бузят, — буркнул квадратный.

— Так вышвырни их, босс вот-вот подкатит.

— Ребята, — проникновенно сказал Василий, — не превышайте полномочий, это может пагубно отразиться на вашей карьере. Вам тихо и вежливо сказано: посидим полчаса и уйдем — какие могут быть претензии?

Квадратные «братья» переглянулись, потом тот, что был с галстуком в клеточку, достал нож с подпружиненным лезвием, щелкнул кнопкой, выстреливая лезвие перед носом Василия... и замер с открытым ртом. Нож вдруг выскользнул из его руки и оказался в руках продолжавшего сидеть как ни в чем не бывало Котова.

— Не шали, а то порежешься, ножичек-то острый!

— Ах ты, супермен поганый! — Атлет с клетчатым галстуком выхватил пистолет из-под мышки, но Василий не успел его обезвредить — сзади раздался чей-то лениво-недовольный голос:

— Шпиль, убери пушку!

Из-за спины сгрудившихся мордатых парней вышел одетый в зеленый костюм широкий и обрюзгший мужчина с мощными плечами и выпирающим животом, в котором Вася узнал давнего

знакомого Маракуца Николая Савельевича, вора в законе по кличке Боксер, владельца сети рязанских ресторанов и баров, а также филиала Обского пароходства и консалтинговых фирм.

— Вы необыкновенно благородный человек, маэстро, — почти серьезно сказал Василий. — Вы только что спасли жизнь вашему цепному псу. Может быть, оставите нас в покое на время? Или начнем разбираться в правах?

В глазах Маракуца мигнули злобные огоньки, он явно пытался вспомнить имя дерзкого парня, с которым встречался полтора года назад, но так и не вспомнил.

— Пусть сидят, — решил он наконец, ощупывая насмешливо улыбающуюся Ульяну маслеными глазами. — Пошли, ребята, в бильярдную. — Маракуц наставил на Василия толстый палец. — Я тебя видел, паря. Вспомню — найду. Если через полчаса ты еще будешь здесь, пеняй на себя.

— Как скажете, — равнодушно отвернулся Василий.

Николай Савельевич, раздавшийся за полтора года вширь, погрузневший, побледневший, заплывший с блиноподобного лица, постоял немного, соображая, что делать с наглецом, но решил удалиться, не теряя достоинства. Лишь квадратный Шпиль, лишившийся ножа, прошипел в спину Васе:

— Я тебя, падла, еще встречу!..

— Вы гигант, Балуев, — сказал Самандар сдержанно. — Вы в Рязани всего час, а уже успели нажить врагов.

— Котов, — рассеянно поправил его Василий, понимая, что Вахид Тожиевич, несмотря на невмешательство, оказался в более выгодном свете, чем он. — Я теперь Котов. А насчет врагов...

— Мальчики, предлагаю скромно удалиться, не завязывая крупных ссор, — вмешалась в словесную дуэль мужчин Ульяна. — Действительно, не стоит раздражать сильных мира сего, доказывать им что-то — терять время и достоинство. Поехали ко мне, выпьем кофе с не меньшим комфортом.

— Я, пожалуй, откажусь, — мотнул головой Самандар. — Успею до темноты уладить кое-какие свои дела. Не откажетесь проводить даму... э-э... Котов?

— Ни в коем разе, — ответил Василий, недоумевая по поводу внезапно свалившегося счастья. Отказ Самандара от вечеринки был непонятен, хотя и не говорил напрямую об отказе от главной цели — завоевания расположения девушки.

Выходу гостей из ресторана страховочная команда Маракуца не препятствовала.

На улице царил теплый и тихий майский вечер, напоенный ароматами близкого цветника. Ни о чем неприятном в такой вечер думать не хотелось.

Самандар, поцеловав пальцы Ульяны, сел в мощный внедо-

рожник фирмы «Крайслер» и уехал, закованный в броню невозмутимого превосходства и загадочной целеустремленности. Василий оглянулся на Ульяну и увидел улыбку в ее глазах. Пожал плечами.

— Поехали?

— Вам есть где остановиться?

— Нет, — ответил он не вполне искренне, потому что в принципе он мог бы найти ночлег, прожив в городе больше года и имея кучу приятелей. Да и гостиниц в Рязани хватало — от ночлежек до пятизвездочного отеля «Рэдисон Приокская».

— Если хотите, оставайтесь у нас, тетя возражать не станет. В квартире три комнаты, разместимся...

— Согласен, — быстро сказал Василий, не веря собственным ушам.

Ульяна засмеялась, взяла его под руку — сумасшедше, жутко, таинственно красивая, женственная, неповторимая в каждом жесте.

— Давайте пройдемся пешком, а? Такой чудесный вечер. Если, конечно, не боитесь за машину.

— Не боюсь, ничего ей не сделается.

И они медленно пошли по тротуару в сторону парка Есенина, наслаждаясь запахом весны.

.

ОПЕРАЦИЯ КОП № 1

Они собрались на второй даче генерала Коржанова, расположенной за Балашихой в густом сосново-еловом лесу: восемь молодых парней не старше тридцати лет, восемь мастеров боевых искусств, прошедших суровые школы реального рукопашного боя, испытанные в боевых условиях — в Абхазии, в Чечне, Дагестане. Четверо из них знали друг друга по службе в контрразведке, будучи перехватчиками, специалистами по задержанию преступников, еще двое были знакомы как инструкторы в спецвойсках и руководители школ русбоя и кунгфу в системе Российской ассоциации боевых искусств — Максим Усов и Дмитрий Лысцов. Поскольку команда не мыслилась военной, хотя все получили звания, даже те, кто их сроду не имел, нужды жить всем вместе на казарменном положении не было, и каждый мог до сигнала сбора заниматься чем хотел. Зато после сигнала жизнь каждого принадлежала только командиру отряда, никаких уважительных причин отказа от работы не могло быть. Кроме смерти. Так сказал генерал Коржанов на первом сборе команды, добавив, что смысл работы — уничтожение «любых препятствий на пути к де-

мократическому развитию государства». Намек был прозрачный, и все поняли его как надо.

— И последнее, — сказал одетый в тренировочный костюм генерал, похожий на мирного дачника. — Степень секретности работы отряда КОП — «четыре нуля»! Любая утечка информации о принадлежности к КОП будет караться незамедлительно... с летальным исходом в итоге. Остальное доскажет ваш командир, полковник Каледин.

Полковник был приземист, могуч телом, рыжеволос, носил белую кепку и напоминал капитана в отставке. С виду неторопливый и обстоятельный, он мог легко справиться с тремя-четырьмя вооруженными бандитами, стрелял безошибочно на звук из любого оружия, а по физическим кондициям не уступал профессиональному футболисту. До появления в КОП он работал в антитеррористической бригаде Службы внешней разведки, но был ранен и списан из оперативников в группу обеспечения в той же бригаде.

Он вышел из-под яблони, под которой сидели на траве будущие бойцы КОП, и встал перед ними, широко расставив ноги, с руками, спрятанными за спиной.

— Есть несколько заповедей, выполнять которые следует неукоснительно. Первая: вопросы задавать только во время подготовки, во время выполнения задания вы должны действовать точно по разработанной схеме. Вторая: если я передам сигнал «отбой», операция отменяется, даже если ваш палец уже надавил на спусковой крючок. Третья заповедь: каждый раз перед операцией вы обязаны пройти психологическое тестирование.

— Зачем? — поинтересовался жующий стебель щавеля Сергей Лямин, бывший спецназовец «Руслана».

— Во избежание проколов. Все вы знаете, что любого человека можно запрограммировать, сделать зомби с помощью гипноиндуктора «удав»...

— «Глушака», что ли? — проворчал сосед Усова. — Вы что же, не доверяете нам?

— Эта процедура касается и меня, — взглянул на него прозрачными глазами Каледин. — Риск нежелательных последствий должен быть сведен к нулю. Конкретные возражения есть?

Возражений не последовало.

— Тогда слушайте расписание на сегодня. Знакомство со спецтехникой, которой нам придется пользоваться. Обучение работе на персональном компьютере с программой «Комбат-2». Тренажеры. Спортзал, где вы продемонстрируете мне свое мастерство, и специальное стрельбище. Инструктор по спецтехнике — среди вас, это Темир Жанболатов.

Сухой и жилистый, с неподвижным лицом казах, сидевший впереди Усова, привстал и, оглядев всех, снова сел.

— Инструктор по компьютерам тоже среди вас, это Эрнст Марини.

Здоровяк с бритым затылком поднял руку, не оглянувшись.

— Теперь я познакомлю вас друг с другом — и вперед. — Полковник по памяти зачитал список отряда КОП. — Вопросы есть?

— Если степень секретности нашей группы и будущей деятельности столь высока, — подал голос Лямин, — то почему же мы так свободно разговариваем об этом в саду, где нас можно подслушать за километр?

— Меры предосторожности приняты, — сухо ответил Каледин. — В этом вы еще убедитесь, потому что с подобными устройствами придется работать и нам.

В течение дня бойцы КОП выполняли программу обучения, предложенную командиром. Со спецтехникой проблем не возникло, почти все свободно владели оружием, огнестрельным и холодным, знали принципы работы «глушака» и «болевика» — генератора боли, а также ультразвуковых и лазерных сканеров, радаров, подслушивающих и пеленгирующих устройств, глушителей звука, насадок, шумоподавителей и защитно-активных шлемов, с помощью которых можно было видеть в темноте и наводить оружие на цель. Труднее оказалось освоить компьютер.

Компьютерные системы анализа военной ситуации «Комбат-1» были внедрены в Министерстве обороны спустя год после провала войны в Чечне. Затем были сконструированы системы «Комбат-2», способные учитывать специфику действий групп специального назначения в операциях типа «Заложники». С учетом печального опыта отдельных соединений российских войск — в Буденновске, Серноводске, селе Первомайском. В последнем, как известно, особенно ярко проявилась бездарность генералов, командующих элитными подразделениями при отсутствии взаимодействия частей. «Комбат-2» могла разрабатывать игровые ситуации, по сложности не уступающие настоящим боевым, давать рекомендации во время реальных событий и прогнозировать последствия тех или иных действий. Как такая программа попала в руки Коржанова, знал только он сам да Рыков, приложивший к этому кое-какие из своих дарований.

День закончился своеобразным «кумитэ»: бойцы КОП показывали свое умение мастеров боя в обоюдных схватках, но с ограничением по системе ури куми го — свободный спарринг с запрещением ударов в глаза, горло, пах, колени и без добивания.

«Кумитэ» не выиграл никто, пары менялись произвольно, и Каледин останавливал бой, когда видел, что кто-то «заводится». Сам он в схватках не участвовал, только продемонстрировал удар

раскрытой ладонью по кирпичу, который от удара рассыпался в порошок.

На следующий день Темир Жанболатов ознакомил бойцов КОП, которые сразу же стали называть себя «копами», с роб-комплектом — сверхсовременным боевым костюмом для спецподразделений типа «Альфа» и «Руслан». Костюм состоял из легкого и прочного комбинезона, армированного кевларовыми нитями и выдерживающего удар ножом или штыком; шлема-каски из прочнейшего пластика с вмонтированными в него микрофоном, наушниками, сектором прицеливания с плавающим визиром, инфраочками и устройством ориентировки на местности; ранца с НЗ и компьютером, который обслуживал специальный прибор для отслеживания обстановки и анализа воздуха на предмет химического, газового или радиационного загрязнения. Этот же прибор помогал отличать своих от чужих, а также следить за противником и передавать информацию командиру группы для управления. В комплект входило и оружие — отечественный так называемый комплекс-пистолет для выживания «КП-95», состоящий из ножа «оборотень-3», мачете «тайга» и пистолета «вепрь». Комплекс имел беспроводную связь со шлемом, из него можно было вести огонь в темноте и из-за угла, не рискуя попасть под огонь противника.

Жанболатов надел роб-комплект и продемонстрировал стрельбу из «вепря», имеющего совмещенные стволы — гладкий для стрельбы боеприпасами 32-го калибра и нарезной — под усиленный патрон калибра 9 миллиметров. Емкость магазина пистолета — тридцать патронов — позволяла при меткой стрельбе отбиться от взвода солдат, а стрелял Жанболатов как Бог!

Вечером отряд получил первое задание и детально проработал его на компьютере так, чтобы каждый уяснил цель операции и свою роль в ней.

Южный муниципальный морг столицы располагался недалеко от метро «Калужская», на территории сорок первой больницы, принадлежащей Центру экспериментальной хирургии. Представлял он собой двухэтажное здание, построенное специально для хранения трупов, и оборудование имел новейшее, поставленное американскими фирмами, собаку съевшими на подобной технике. Обслуживался морг бригадой из восьми человек во главе с комендантом; люди одновременно выполняли и роль сторожей, дежуря по двое сутками.

Поздним вечером двадцать четвертого мая у главного входа в здание морга остановилась машина реанимации с белыми матовыми стеклами. Шофер в надвинутой на лоб кепке посигналил,

когда двое санитаров в белых халатах выкатывали тележку с лежащим на ней под простыней телом.

Двери раздвинулись. Санитары вкатили тележку в холл, где их встретил служитель морга.

— Откуда, ребята? Что-то я вас не знаю.

— Тебе и не обязательно, — буркнул санитар, протягивая ему какие-то бумаги. — Распишись.

Второй санитар в это время пересек холл, свернул в коридор и вошел в открытую дверь дежурной комнаты, где у селектора сидел еще один служитель.

— Эй, эй! — окликнул его первый, помахивая зажатой в руке справкой. — Туда нельзя... — Больше он ничего не успел сказать, потому что «труп» на тележке вдруг ожил, сбросил с себя простыню, привстал и выстрелил в голову дежурному.

Тотчас же из дежурки донесся тихий хлопок — санитар выстрелил в голову служителя за пультом из пистолета «ТТ» с глушителем.

Санитары и «труп», одетый в робу рабочего зелентреста, собрались в холле, протерли ваткой со спиртом ручки тележки и неторопливо покинули прохладный, овеваемый свежей струей озонатора холл морга. Мотор реанимационного «рафика» заворчал громче, машина развернулась и уехала. Убитые служители морга, один молодой, другой постарше, лежали в тех позах, в каких застала их смерть.

Ликинское стрельбище, принадлежащее Южному муниципальному училищу МВД, располагалось у станции «Новогиреево», на пустыре, окруженном смешанным, больным на вид, лесом; пустырь этот был образован на болоте свалкой мусора, которую засыпали землей и песком. Будущие работники правоохранительных органов учились стрелять здесь каждый день с десяти утра до четырех часов дня. Их обычно инструктировали трое штатных сотрудников стрельбища, но изредка, когда требовалось продемонстрировать отличную подготовку или специфичные виды оружия, в процесс обучения вмешивались заведующий стрельбищем Коцубинский и его заместитель Чешко.

В этот день, двадцать четвертого мая, Коцубинский, худой и высокий как оглобля, и Чешко, вылитый питекантроп с висячими запорожскими усами, задержались на стрельбище до пяти часов — им сообщили по телефону, что приедет особое милицейское подразделение, которое надо натаскать в стрельбе по движущейся мишени.

Обещанная команда прибыла в начале шестого: восемь одетых в новенькую милицейскую форму молодых и не очень пар-

ней под командованием запыленного рыжего капитана в мятом летнем мундире.

— В первый раз? — кивнул на сгрудившихся на краю поля милиционеров Коцубинский.

— Для вас — последний, — равнодушно бросил капитан. — Сколько человек убил ты лично?

— Что?! — Глаза начальника стрельбища полезли на лоб, но руки сами собой нащупали приклад автомата на деревянной стойке. — Вы о чем?

— Мы не из милиции, — сказал капитан все тем же равнодушным голосом. — О «Чистилище» слышал? Я задал вопрос — не слышу ответа.

Коцубинский рванул к себе автомат, но почти незаметным ударом капитан сломал ему руку как спичку. Начальник стрельбища взвыл от боли. Его заместитель дернулся на голос — он раскладывал по стойке коробки с патронами, схватился за пистолет под мышкой и упал с дырой во лбу. Выстрела почти не было слышно, один из «милиционеров», стоящий в двадцати шагах, стрелял из пистолета «ТТ» с глушителем.

— А-а... йя-а... — проблеял Коцубинский. — За что?! Кто вы?

— Ликвидаторы, — коротко ответил капитан, стреляя из неведомо откуда появившегося в его левой руке пистолета в голову начальника стрельбища. — Но мы не из «Чистилища», мой друг. — Он проводил тело взглядом, обернулся к остальным. — К огневому рубежу марш! Раз приехали, то хотя бы потренируемся малость из местного арсенала.

Уехали «милиционеры» через полчаса, расстреляв весь приготовленный запас патронов, оставив лежать в пыли два тела с дырами во лбу.

Андрей Бурмылов, известный в тусовочной среде под кличкой Бык, работал вышибалой в баре «Зуко» на Перовской улице. Был он широк в кости, пузат, тучен и косолап, но силен как бык, за что и получил свою кликуху. Мало кто знал, что Бык в прошлом — мастер спорта по вольной борьбе. Еще меньше было тех, кто знал о его увлечении: Андрей Бурмылов великолепно владел удавками всех сортов, ремешками, тесемками, цепочками, веревкой и прочими длинномерными предметами — если надо было кого-то тихо и без особой возни лишить жизни.

Вечером двадцать четвертого мая в бар «Зуко» зашли трое молодых людей в прикидах байкеров, хотя подъехали они не на мотоциклах, а на «Жигулях» с заляпанным грязью номером. В половине одиннадцатого между ними вспыхнула ссора, полетела на пол посуда, началась драка. Бармен вызвал охрану, и Бык принялся за дело, выволакивая троицу из полуподвала. У двери он

как-то неловко споткнулся и упал, сунувшись головой в порог, а троица байкеров с шумом вывалилась на улицу и сгинула, укатив на машине.

Когда бармен, озадаченный молчанием и неподвижностью Быка, подошел к нему в сопровождении приятеля, то увидел ручеек крови, лившийся из полуоткрытого рта, и понял все.

Андрея Бурмылова по кличке Бык убили ударом ножа в сердце. Удар был нанесен мастерски, сильно и точно, а главное — незаметно, что говорило о высокой квалификации исполнителей. За что его убили — знали только они и кое-кто из друзей Быка, из тех, кто встречался с ним тайно, в укромных местах и совсем по другим поводам, нежели выпивка или игра в карты.

Ахмед Моджахедович Мухамадиев, генерал киллер-центра по кличке Шах, имел в Подмосковье две дачи — в Орехове-Борисове и в Солнцеве, обе зарегистрированные на подставных лиц.

Вечером двадцать четвертого мая он находился в Солнцеве, собрав компанию игроков в покер. Правда, лишь один человек из приглашенной компании, бригадир киллер-центра Макашин по кличке Столяр, знал о настоящей профессии Мухамадиева, остальные — полковник милиции Каипбергенов и известный продюсер Киноцентра Лабоев — считали своего приятеля крупным бизнесменом. Впрочем, они были недалеки от истины, разве что бизнес у Шаха был основан на крови.

Дачу в Солнцеве, расположенную в красивом сосновом бору на берегу речки Переделки, охраняли двое сторожей, нигде более не работавших, но за двухэтажным особняком, садом и четырьмя собаками ухаживавших отменно. Эти собаки и учуяли кого-то за высоким деревянным забором. Прекратив бегать по территории дачи, они сгрудились с рычанием и лаем у одного из прожекторов; было еще светло, и прожектор не включали.

Оба сторожа схватились было за оружие, но в этот момент через забор сиганула белка — виновница тревоги. Однако на этом инцидент исчерпан не был. Пока собаки с азартом гоняли белку, а охранники глазели на эту охоту, через забор перемахнули четыре фигуры, напоминающие робота-полицейского в сериале «Робокоп». Шесть негромких хлопков означали шесть выстрелов из странных двухствольных пистолетов с длинными дулами. Сторожа успели только оглянуться на звук прыжков и полегли — пули угодили им в голову. Собаки тоже были расстреляны мгновенно, лишь одна успела взвизгнуть в агонии.

Четверо в броске преодолели сад и открытое пространство до коттеджа и выросли у открытой веранды с двух сторон, где Шах и его гости играли в карты.

Среагировал на появление четверки только Столяр, весьма

опытный в таких делах и обладавший тонким слухом. Но он успел выстрелить из своего «партизана» лишь один раз, да и то не прицельно — пуля из «вепря», выпущенная одним из «робокопов», вошла ему точно в правый глаз, разбив очки.

Мухамадиев тоже схватился было за карман брюк, где грелся о тело пистолет, но два выстрела с разных сторон остановили и его движение, как и сердце.

Когда остолбеневшие гости Шаха пришли в себя от шока, возле дачи никого не было. В саду остались трупы сторожей, а на веранде в лужах крови плавали босс киллер-центра и его помощник, поздно сообразившие, что пришло возмездие.

В тот же вечер полковник Каледин доложил генералу Коржанову о выполнении задания.

— Шум? — лаконично осведомился генерал.

— Ни малейшего.

— Свидетели?

— Трое, но будут молчать, боясь за свою шкуру.

— Потери?

— Ни одного человека.

— Отбой готовности.

После этого Коржанов позвонил Рыкову и доложил об успехе операции.

— Киллер-центр отошел в мир иной в полном составе. Вы уверены, Герман Довлатович, что это именно он ликвидировал Забодыко?

— Я это знаю, — последовал ответ.

— Эх, если бы еще знать, кто заказчик! По чьему приказу действовали киллеры...

— Уже известно.

— Что?! Ты серьезно?

— Убийцы действовали по наводке Прохора Бородкина.

— Откуда ты... Он же... Шутишь?!

— У меня есть две пленки переговоров Бородкина. Одна — с Забодыко, где он предлагает Николаю надавить на комиссию по военным закупкам, а вторая — с генералом киллер-центра.

— Не может быть! Зачем Прохору убивать Николая?

Рыков молчал.

Трубка в руке Коржанова стала влажной.

— Что докладывать наверх?

— Доложишь, что убийцы Забодыко наказаны, КОП проверена в деле и идет по следу дальше. Мой приятель Котов не объявлялся?

— Пока нет.

— Дайте знать, когда позвонит. Но обо мне ни слова.

— Будь спокоен. Что у нас на очереди... после Бородкина?

— Хороший вопрос. После Бородкина начнем работать по «СС». Пора кое-кого там подержать за яйца.

— Как? — не поверил ушам Коржанов, который никогда раньше не слышал от Рыкова ни одного бранного слова.

В трубке раздался смешок, затем характерный свист отключенного скремблера. Связь прервалась.

Размышляя над необычной развязностью Германа Довлатовича, Коржанов позвонил секретарю президента и, сказав, что у него срочное дело, отправился на доклад.

НАДЕЙСЯ И ЖДИ

В тот вечер они гуляли по Рязани допоздна.

Вряд ли Василий вспомнил бы, что говорил Ульяне, да это было и неважно. Главное, что ему было хорошо, как никогда, а ей интересно, и Василий рассказал о себе все, вернее, почти все, в том числе и о своем серьезном намерении добиться того же, чего добился Матвей Соболев.

Женская красота и ум в большинстве случаев несовместимы, Василий не раз убеждался в этом, но в отношении Ульяны эта истина не работала. Она была обаятельна, мила, красива так, что кружилась голова, и необыкновенно умна, поэтому хотелось выглядеть в ее глазах соответственно, хотя Вася нет-нет да и одергивал себя, понимая, что увлекается. У девушки в характере не было властолюбия, желания подчинять других, однако и подчиняться она тоже особенно не хотела.

Побродив по парку Есенина, а потом по тротуарам вдоль Первомайского проспекта, они вернулись к машине Котова, терпеливо дожидавшейся хозяина возле Медкомбанка, и к дому Ульяны подъехали в одиннадцать часов с минутами.

Василий боялся, что тетка Ули спросит: а где же первый кавалер? Но этого не произошло. Анна Павловна тонко чувствовала душевное состояние молодых людей, увлеченных беседой, и обладала врожденным чувством такта. На слова Ульяны, что гость останется у них ночевать, только с готовностью закивала, озаряясь улыбкой, доброй и понимающе-озорной.

Пока Василий принимал ванну, женщины приготовили легкий ужин: салаты, рисовый пудинг, клюквенный морс, варенье, чай. Молодые люди устроились в большой комнате со старинным сервантом, низкими креслами в стиле русский ампир, с вышитыми рушниками по стенам и коллекцией фарфора в стенке и принялись чаевничать.

— У меня на языке давно вертится вопрос, — признался Вася,

стараясь реже смотреть на грудь Ульяны, туго обтянутую майкой, и стройные голые ноги девушки: она надела шорты и забралась в кресло с ногами. — Зачем тебе мединститут? Ты же Посвященная Внутреннего Круга.

— Посвященная — это не профессия, — ответила Ульяна, держа чашку с чаем в обеих руках. — Я хочу стать целителем, а для этого необходимо знать и тело человека, и его болезни, и традиционные методы лечения. В последнее время появляется все больше геопатогенных зон, усиливающих отрицательное влияние на людей. Я их вижу, обычные доктора — нет.

— А как они проявляются — патогенные зоны?

— Начинают вдруг умирать дети в роддоме, молодые матери... или старики в коммунальных квартирах. Заболевают нервными расстройствами вполне благополучные и здоровые люди, целые семьи. Кто их будет лечить? Кто научит бороться со злом?

— Почему ты?

— Потому что не могу сидеть и спокойно смотреть на страдающих людей. В конце концов, я мастер Дао света.

Василий вспомнил о Наталье, которая тоже была целителем — мастером рэйки, и поспешил перевести разговор в другое русло.

— Знаешь, недели две назад я думал о тебе и... мне показалось, что ты меня позвала... Голос прозвучал так реально, что я оглянулся! Что это было?

— Трансовая связь, — улыбнулась Ульяна. — В тот момент я подумала о тебе, и наши мыслесферы соединились. Это говорит о твоем потенциале.

— Правда? — обрадовался Василий. — А я уж начал подумывать, не крыша ли поехала от чтения мистической литературы? А по Мещере на лодках поплавать ты предлагала всерьез или чтобы проверить реакцию?

— Вполне серьезно. Этот вид отдыха не заменить никаким другим: река, лес, грибы-ягоды, тишина, запахи... Господи, я уже целых три года не плавала по Пре на лодке, так хочется!

— Тогда попутешествуем непременно. Вот съезжу в столицу, выясню, что от меня хотят, и через пару недель приеду. Саманда-ра брать с собой обязательно?

Ульяна слегка нахмурилась.

— Он мой давний друг и... я бы не хотела его разочаровывать окончательно.

— Что ж, пусть плывет тоже, — великодушно согласился Вася. — Третий не всегда лишний.

Ульяна откинула голову и засмеялась.

— Вряд ли Вахид считает себя третьим лишним.

— А может, пригласим тогда уж и Матвея? С семьей? — Васи-

лий тут же пожалел, что задал этот вопрос, потому что в глазах Ульяны всплыли тоска и боль. И хотя девушка сразу же заблокировала свои чувства от собеседника, улыбаться она стала реже.

— Матвей... не поедет с нами, — проговорила она с запинкой. — Он стал другим...

— Я это заметил.

— У него свой путь, длиннее и тяжелее нашего. И дело даже не в этом... Не то чтобы я боялась с ним встречаться, но... не хочу. — Ульяна посмотрела прямо в глаза Котову. — Знаешь, если бы я захотела, он бы бросил все и пришел!

— Верю, — хрипло пробормотал Вася, съеживаясь до размера крольчонка. — Но Кристя...

— Да, он любит ее... — Ульяна отвернулась, успокаиваясь. — Поэтому я не спешу замуж, хотя Вахид давно предлагает мне выйти за него.

— И что же? — Василий продолжал уменьшаться, как проколотый воздушный шарик, в ушах шумело — это выходил из шарика воздух...

Ульяна искоса глянула на него, веселые огоньки зажглись в ее потемневших глазах.

— Как говаривал один сатирик: брак — это всегда борьба: сначала за объединение, потом за равноправие, потом за независимость. Я начинаю борьбу с последнего момента.

Василий с облегчением засмеялся, чувствуя, как с плеч падает гора переживаний.

— В случае чего будем бороться вместе. Я всегда придерживался тезиса: любовь — дама своенравная, ее не надо ни искать, ни завоевывать. И вообще я очень медленно взрослею — все кажется, что мое детство бродит где-то рядом, за углом.

Девушка окинула Василия задумчивым взглядом, допила чай.

— Убираем или хочешь еще?

— Все, сыт и пьян.

Она унесла на кухню поднос, зашумела вода.

Василий огляделся, только теперь замечая в углу за сервантом телевизор. Это была проекционная система «Home sinema» модели «Thomson» с экраном в сто шестнадцать сантиметров по диагонали. Благодаря короткофокусной оптике телевизор при внушительных размерах экрана казался даже тоньше, чем обычные. И хотя «Thomson» стоил меньше, чем «Philips» или «Panasonic», все же вряд ли тетка Ули на свою пенсию могла купить такой аппарат. Скорее всего телевизор купила сама Ульяна... или его подарил ей Самандар, меланхолически подумал Василий.

Ульяна вернулась в гостиную уже в халате, от нее тонко пахло духами «Ма гриф» французской фирмы «Карвен», очень дорогими, насколько знал Вася, и снова в его душе шевельнулась рев-

ность. Он пожалел, что не догадался где-нибудь, по пути хотя бы, купить Ульяне цветы.

— Что принюхиваешься? — Девушка сделала вид, что не замечает взглядов гостя и его волнения. — Духи не нравятся?

— Я думал о том, кто их тебе подарил, — честно признался Василий. — Но теперь буду знать, какие предпочитаешь ты. Аромат совершенно сногсшибательный! Интересно, женщины-иерархи пользуются духами в своих абсолютных реальностях или нет?

— Не знаю. — Ульяна чинно села напротив, как школьница, положив руки на колени.

— Ты же была авешей Светлены.

— Светлену занимали совсем другие проблемы, нежели проблема выбора духов.

— Кстати, а зачем им всем — иерархам и Аморфам — наша запрещенная реальность? Что за кайф они здесь ловят?

— «Кайф» прост: именно в нашей Вселенной, на Земле в том числе, созданы и создаются шедевры искусства и культуры, равных которым нет ни в одном из подуровней «розы реальностей». Я не знаю, в чем тут дело, почему сами иерархи не могут создавать гениальные творения. Может, дело в том, что в высших сферах слишком жестко соблюдается Закон интеллектуальной чистоты, в то время как созидание и созерцание шедевра требует высоких эмоций и духовной полноты.

— Ты хочешь сказать, что там принципы духовности не соблюдаются? — удивился Василий.

— Когда-то соблюдались, теперь нарушены. Все в конце концов проходит, изменяется в ту или иную сторону. Вероятно, пришло время недобрых перемен, время ти-хой жизни кончилось.

— Ничего себе — тихой жизни! — фыркнул Василий. — Ты считаешь нашу нынешнюю жизнь в полностью криминализированном государстве, воюющем с народами, тихой?

С грустной усмешкой Ульяна покачала головой, и Котов вдруг понял, что девушка на самом деле гораздо старше, чем выглядит. Может быть, даже старше его и знает гораздо больше.

— Мир еще не дошел до точки закипания, друг мой, но, если в наши дела на Земле снова вмешаются иерархи, быть беде! Разборок третьего уровня наша реальность не выдержит.

— Каких-каких разборок?

— Хорошо, что ты едешь в Москву. Столица сейчас является средоточием темных сил, всякого рода силовых группировок, готовых сразиться за передел власти, а в скором времени станет ареной крутых схваток, способных изменить статус реальности. Вахид Тожиевич как раз приезжал предупредить об этом.

— Можно подумать, что сам он ангел небесный... Но ты не объяснила, что такое третий уровень.

— Терпение, идущий. Первый уровень — выяснение отношений — ликвидация бандами друг друга, террористические акты, операции сил МВД, ОМОНа по установлению порядка. Второй уровень — устранение соперника в высших эшелонах власти путем передвижения финансовых и политических фигур, шантажа, подкупа, угроз на базе реальной физической силы. И третий — разборка с участием трансцендентных сил, с помощью слабых законов магической физики. Это уровень Внутреннего Круга.

— Тогда должен быть и четвертый уровень...

Уля с неподдельным интересом оглядела чуть мрачноватое, твердое и спокойное лицо Василия.

— Ты прав, Васенька. Четвертый уровень противостояния — игры иерархов, силовых структур абсолютных реальностей с применением сильных законов магической физики, что всегда приводит к перестройке фундаментальных принципов Вселенной. Но давай не будем больше о грустном, а то пропадет впечатление от вечера. Честно говоря, редко удается посидеть тихо и уютно в приятной компании.

— Спасибо, — засмущался Василий, одновременно стараясь не переигрывать. — По-моему, вы оба меня переоцениваете.

— Кто еще? — собрала морщинки на лбу Ульяна.

— Соболев. Он тоже был... — Вася прервал сам себя, потому что при упоминании имени друга настроение у девушки падало. — Между прочим, он проговорился об очень интересных вещах. Ты что-нибудь слышала о Знаниях Бездн?

Ульяна посерьезнела, некоторое время изучала небо в окне, свою руку, лицо Василия, пока тот не забеспокоился.

— Я что-то не то сказал? Запретная для непосвященного тема?

— В общем-то да, разговаривать о таких материях не рекомендуется... разве что в самых общих чертах. Ты уверен, что тебе это необходимо знать?

— Да ни в чем я не уверен, просто интересно. Матвей тоже не стал распространяться на эту тему, сказал только, что Знания Бездн — это информация о Безусловно Первом. То есть о первом во Вселенной разумном существе, как я понял.

Ульяна качнула головой, что-то решая про себя.

— Знания Бездн считаются утерянными, хотя Хранители, наверное, обладают ими. Учение Моисея, дошедшее до нас, лишь слабый отзвук тех Знаний, как и слухи о тайне Гермеса Трисмегиста, которую он унес с собой.

— Но, насколько я знаю, тайна Гермеса — тетраграмматон, настоящее четырехбуквенное имя Бога, выражающееся в звуке, зная который, можно творить любые чудеса. Это если верить ле-

генде. На самом деле, очевидно, имя Бога — формула преодоления магического порога, регулирующего в нашем мире законы магической физики. Что, не так?

— Ты меня все-таки удивляешь, Котов, — тихо сказала Ульяна. — Сам додумался или подсказал кто?

Василий не обиделся.

— У самого не горшок на плечах. Даром, что ли, я проштудировал гору эзотерической литературы? Что же это за формула? Неужели действительно звуковой пакет?

— Слово Бога. Дико и странно звучащая фраза, содержащая Силу и Энергию Вселенной. Только человеческое горло произнести эту фразу не способно. Зато Инсекты в свое время обошли проблему с другой стороны — создали псевдоживые организмы, невероятно сложные, включающие в себя целые системы объектов, способные синтезировать и произносить имя Бога. С действием одного такого организма ты уже знаком.

— Так это... «Игла Парабрахмы»?!

Девушка кивнула.

— Гермес пытался донести потомкам свою тайну, но в закодированном виде. В свою очередь, египетские жрецы, владевшие фрагментами учения Гермеса, для сокрытия его от всех непосвященных разработали систему троякого изложения мысли. Любое слово имело обычный смысл, образный — символический и священный, трансцендентный. Их тексты мог прочитать лишь тот, кто владел ключом — системой связи смыслов в одно целое. На Земле таким ключом мог пользоваться только один человек...

— Христос?

— И он тоже, но до него — Моисей. О Перволюдях я ничего не знаю. Кстати, учение Моисея также изложено в трех уровнях понимания, а третий уровень ещё и закодирован. В нынешнее время эти коды знают лишь иерархи, но они не живут в запрещенной реальности.

— А Хранители?

— О, Хранители — каста особая. Чтобы стать Хранителем, недостаточно Посвящения II ступени. Иной раз мне кажется, что Хранители образовали внутри Внутреннего Круга еще один «внутренний круг», государство в государстве, и сила их не уступает силе иерархов. Во всяком случае, они владеют тем, что в каббале называется Эхейх и Иегова[1]. И... и давай оставим эту тему, Василий свет Никифорович. Ты действительно знаешь больше, чем я думала, и приятно меня удивил, но есть хороший совет: не поминай имя Господа всуе. Главное, что ты идешь.

Василий пожал плечами.

---

[1] Эхейх — Я Есмь; Иегова — Сущность Бытия.

— Совершенство — не цель, а направление движения. Сказано не мной, но для меня. Ну что, будем укладываться? Устал я что-то...

На самом деле он готов был просидеть так хоть всю ночь, однако видел, что Ульяна хочет побыть одна.

— Я сейчас постелю тебе в этой комнате, — соскочила девушка с кресла. — Диван тут удобный.

— А я пойду проверю машину.

Василий вышел во двор, постоял немного, всей грудью вбирая полный запахов воздух, и вдруг сорвался с места, завел машину и выехал со двора, поймав не дающую покоя мысль. Через двадцать минут он заехал обратно с букетом роз, который купил на вокзале, не торгуясь: с недавних пор цветы можно было купить там круглосуточно.

Глаза Ульяны вспыхнули и широко раскрылись, когда она увидела букет из тринадцати алых роз.

— Ты... ты с ума сошел! Где ты взял цветы?

— Где взял, где взял... — передразнил ее Василий. — Украл, конечно.

Девушка уткнула лицо в букет, не боясь уколоться, не сводя с Василия темного загадочного взгляда. Этот взгляд можно было истолковать по-разному, но Василию хотелось верить, что означал он — надейся и жди!

На пороге спальни девушка полуобернулась и проговорила почти шепотом:

— Я очень рада, что ты приехал...

ГОДЕН БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ

Остановился Василий в гостинице «Космос» на проспекте Мира. Была у него идея посетить свой старый «схрон» — конспиративную квартиру «по четырем нулям», принадлежащую ФСБ, но рисковать он не стал, отложил проверку до лучших времен. Сначала надо было выяснить, чего хочет от него генерал Коржанов и какие условия предложит. Квартиру, во всяком случае, он должен был предоставить.

По телефону, переданному посланником генерала, Василий позвонил в условленное время — с трех до четверти четвертого дня.

Ответил глуховатый старческий голос:

— Хозотдел на проводе.

— Полковника Каледина.

Щелчок в трубке, за ним другой голос, энергичный, деловой, с требовательными интонациями:

— Каледин слушает.

— Я Василий Котов. Ваши люди предложили связаться, но прежде хотелось бы...

— Вы опоздали на неделю. — Голос стал суше. — Задержка мотивирована?

— Вне всяких сомнений. Я был занят другими делами.

— Откуда вы звоните?

— Разве у вас не работает опознаватель номера? Из гостиницы я звоню.

— Можете подъехать в Бирюлево через час?

— Вполне.

— Запоминайте адрес. — Обладатель командирского голоса продиктовал координаты пункта назначения, как туда добраться, и отключил связь.

Василий подержал трубку в руке, опустил на рычаг и глубокомысленно изрек:

— Слаб человек: любит показать свою силу.

Через час он выходил из машины в Бирюлеве возле ворот и зеленой двери в высоком заборе из бетонных панелей. На двери имелась табличка: «Склад № 2. Посторонним вход воспрещен!»

Ни кнопки звонка, ни дверного глазка Василий на двери не заметил, но стоило ему приблизиться, как дверь открылась, и на пороге возник крутоплечий малый в робе с книгой в руке. Оружия у него с виду не было, но по некоторым признакам Василий определил, что парень вооружен по меньшей мере укороченным автоматом, искусно спрятанным под мышкой. Он выжидательно глянул на визитера, не говоря ни слова.

— Меня ждут, — сказал Василий.

— Фамилия?

— Котов.

Сторож отступил в сторону, и Василий прошел на территорию «Склада № 2», заставленную штабелями ящиков и поленницами дров. Располагался на территории склада и современного вида одноэтажный домик из деревянных панелей. У домика Василия ждал рыжеволосый крепыш в такой же робе, что и сторож у входа. Он прошелся по фигуре Василия цепким взглядом, протянул сильную, заросшую рыжим волосом руку.

— Каледин, командир КОП. Мне говорили о вас, но, прошу прощения, придется пройти все же тест на профпригодность.

Василий остался равнодушен.

— Надо так надо.

— Сегодня у нас день спецподготовки, вся группа в сборе. Идемте.

Вход в деревянный домик охранял еще один сторож, но уже в

комбинезоне монтажника. Автомат у него висел через плечо стволом вниз.

Проводник прошел по коридору к последней двери, на которой висела табличка: «Венткамера». На самом деле здесь находился тамбур с лифтом, опустившим их в подвал. И вот тут Вася оценил масштабы «Склада № 2» в полной мере: под землей был выкопан настоящий лабиринт с широкими туннелями, множеством помещений и гаражом на два десятка машин. Кроме того, как оказалось, здесь находились тир с суперсовременным оборудованием и самый настоящий додзё — зал для занятий рукопашным боем с полным набором тренажеров. Несомненно, «склад» принадлежал хозяйству президентской службы безопасности, и вряд ли о его существовании знали в ФСБ и других силовых ведомствах.

Группа КОП ожидала своего командира в раздевалке с выходом в тренировочный зал. Дверь в раздевалку открывалась так, что входящего не было видно из-за поворота и первого металлического шкафа. Каледин некоторое время стоял в этом тупичке, прислушиваясь к разговору парней. Ждал и Котов.

— Ты не прав, Георгий, — долетел чей-то простуженный бас. — Что, федералы не знали, где сидит Шамиль Басаев? Знали! Не могли послать группу спецов «Альфы» и взять их всех? Могли! В крайнем случае накрыли бы «ковром» сверху или нанесли точечный удар подъядерным боезапасом.

— Точно, Сашок, — поддержал говорившего хрипловатый баритон. — Контрразведка свой хлеб ест не даром, она всегда знала, где прячутся Дудаев, Радуев, Басаев, Шамиров и другие главари банд, но все дело в том, что их уничтожение было невыгодно политикам наверху, качающим чеченские нефтяные денежки, командующим всем этим сволочным парадом! Вспомните Буденновск, Кизляр, Первомайский, Серноводск, Пятигорск...

— Борода, ты краєноречив, как Гомер!.. И так же красив. Какой вой тогда подняли газеты: позор армии! Позор спецподразделениям! Полный провал операции!.. Правильно, провал очевиден, но произошел он не из-за непрофессионализма ребят, а из-за тупости командиров! В Буденновске «Альфа» сделала все, что ей приказывали. Не было только приказа — уничтожить Басаева! Я там был, знаю. Точно так же действовали генералы и в Первомайском, и в Серноводске...

— Можно подумать, ты везде побывать успел.

— В Серноводске и Пятигорске не был, но знаю...

Каледин искоса посмотрел на невозмутимого Василия и шагнул в раздевалку. Голоса разом стихли, восемь голов повернулись к вошедшим, восемь пар глаз оценивающе оглядели нового напарника. Потом все встали. Они были разными, бойцы КОП,

высокими и не очень, широкоплечими, мускулистыми и не слишком, но каждый из них был опасен, и это впечатление было общим.

— Прошу любить и жаловать, Василий Котов, бывший ганфайтер, — представил Василия Каледин.

— Надо же, волкодава откопали, — сказал светловолосый и светлоглазый парень, державшийся чуть более развязно, чем остальные. — Может, покажет свое мастерство? А мы поучимся.

— Покажет, покажет. — Каледин направился из раздевалки в зал. — Сейчас огневая подготовка, потом рукопашка. Переодеваться будешь? — поинтересовался полковник у Василия.

— Нет, — ответил тот, одетый в холщовые штаны, не стесняющие движений, и в футболку.

Пройдя хорошо освещенный зал додзё с тремя квадратами татами, группа миновала короткий коридор и оказалась в тире.

Тир Василия поразил, тем более что находился под землей. Он имел как стандартный створ с кабинками для стрельбы по мишеням, которые перемещались и снимались автоматически, так и павильоны с игровой разверткой: улица с домами, из окон или из дверей которых выскакивали вдруг «враги», внутренности магазина-супермаркета, банка и станции метро. Видно было, что готовились здесь спецы высокого класса, способные охранять ОВП — особо важных персон — и нейтрализовать террористов.

— Сначала стандарт, — бросил Каледин. — Какое оружие предпочитаешь?

— Предпочитаю обходиться без него, — пробормотал Василий.

Светловолосый крепыш хмыкнул.

— Ганфайтер — и не умеет стрелять? Любопытно.

— Угомонись, Серж, — проговорил приятного вида молодой человек, худощавый и гибкий, шагавший с грацией барса — мастера по русбою. Посмотрел на Василия и подмигнул. Вася кивнул, отвечая на волну расположения.

— Выбирай. — Каледин подвел Котова к длинному стенду с оружием.

Василий про себя присвистнул.

На столе были разложены чуть ли не все существующие в мире виды стрелкового оружия. Особенно велик был выбор пистолетов и револьверов. Вася прошелся вдоль стенда, разглядывая «беретты», «кольты», «ЗИГ-зауэры», «глоки», «дезерт игл», «стерлинги», «браунинги», «магнумы», «ТТ», «макаровы», «волки», «гюрзы», «узи», «бизоны», «скорпионы», «партизаны», «вепри», «ругеры» и другие модели, мельком глянул на бесшумные снайперские комплексы и штурмовые винтовки, затем вернулся к пистолетам. Бойцы КОП, одетые в одинаковые спортивные кос-

тюмы, разбирали оружие, поглядывая на новичка. Василий наконец остановился на отечественном пистолете «волк» и австрийском «глоке». Магазин «волка» вмещал пятнадцать патронов, «глока» — семнадцать, но у обоих была одна и та же особенность: первичное нажатие на спусковой крючок лишь освобождало предохранитель крючка, одновременно взводя ударник и выключая два внутренних предохранительных устройства. Тот, кто не знал этой особенности, мог поплатиться жизнью, надеясь убить противника первым же выстрелом, то есть первым же нажатием на спусковой крючок.

Взвесив пистолеты — «волк» в правой руке, «глок» в левой, — Василий подошел к свободной кабине, не обращая внимания на ехидный шепот Сержа:

— Глянь-ка, по-македонски примеривает...

Первые два выстрела — по одному из обоих стволов — Василий сделал, тщательно прицеливаясь, чем вызвал сдержанный ропот среди зрителей. Включил механизм передвижения мишеней, сначала приблизив их, чтобы рассмотреть отверстия от пуль, затем удалив на максимальную дистанцию тира — тридцать метров. Остальные патроны он расстрелял в течение трех секунд, целя в одну мишень с вытянутых рук.

Пока Каледин вытягивал мишень и разглядывал дыру в голове мишени, куда вошли все пули, Вася перезарядил пистолеты.

— Неплохо, — сдержанно сказал полковник.

— Подумаешь... — пробормотал Серж. — Из «волка» попасть в цель невелика заслуга, пусть попробует из «ТТ».

Василий поднял пистолеты, но уже держа их в согнутых руках, и снова расстрелял патроны в течение трех секунд, только целил он теперь в две мишени сразу: правой рукой — в мишень слева, левой — в мишень справа. Все пули кучно легли в головы полуростовых мишеней.

Двое парней зааплодировали; никто из членов команды стрельбу не открывал, ожидая, пока закончит новичок.

Сменив мишени, Василий постоял немного, сосредоточиваясь, затем сделал две серии выстрелов — по одному на каждую из десяти мишеней, поразив все десять в лоб, хотя в соседние мишени пришлось стрелять под все более острым углом. Причем сделал он это приемом «двузубая вилка»: из левой руки начал стрелять по самой дальней левой мишени, из правой — по центру, смещая сектор обстрела вправо.

Несколько секунд в тире стояла оглушительная тишина, потом раздались общие рукоплескания.

— Максим Усов, — сунул Василию ладонь парень, который раньше дружелюбно подмигнул ему. — Мы тут все профи, но так у нас не стреляет никто, даже Серж, хотя он снайпер.

— Это мы еще посмотрим, — процедил, отходя, светловолосый и открыл огонь из «ТТ», заглушив возгласы остальных стрелков.

— Годится, — сказал Каледин, с некоторой озадаченностью глянув на неподвижное лицо Василия. — Снайперы нам нужны позарез.

— Снайпером я не буду, — покачал головой Вася. — Я перехватчик, волкодав и оружия почти никогда не применял.

— Посмотрим. — Каледин отошел. — Поехали, полчаса на весь артналет.

Через полчаса, пройдя стрелковый полигон с появляющимися и исчезающими фигурами, они собрались в додзё, рассевшись по периметру одного из татами.

— Кто хочет потягаться с Котовым? — выжидательно поглядел на свою команду Каледин. — Приемы разрешаются все, кроме травмирующих голову.

— Можно без исключения, — безразлично сказал Василий, подняв тонус организма до сэйдза-но камаэ, как говорят мастера ниндзюцу, — состояния расслабленного ожидания.

— Я попробую, — встал светловолосый снайпер, которого, как уже знал Василий, звали Сергеем Ляминым; парень работал инструктором по унибосу[1] в системе подготовки муниципалов.

Василий молча ждал его с сонным видом, не вставая ни в какую стойку, вызвав мусин — состояние почти полного отсутствия сознания, потому что естественно ненапряженный ответ вызывается подсознательно, без участия сознания, которое всегда тормозит реакцию.

Лямин обошел Васю кругом, слегка согнув руки. Передвигался он мягко, не отрывая стопы от пола, на финты времени и сил не тратил, но двигался непрерывно, меняя местоположение в дерганой манере комба[2]. Напал он неожиданно, как бы на переходе, целя ногой в голень Василия, но промахнулся. Вернее, ноги Котова там уже не оказалось.

Тогда Лямин попытался нанести серию ударов в технике куэнов вьетнамской школы Нятнам, но ни один из ударов цели не достиг. Василий плавно перетекал из одного положения в другое, каждый раз опережая соперника. Среди зрителей послышались смешки.

В глазах Лямина зажглись нехорошие огоньки, и, чтобы не доводить дело до ненависти, Василий наконец ответил. Конечно, он мог бы применить свое знание ТУК — техники усыпляющих

---

[1] Унибос — одна из школ реального боя.

[2] Комба — комбинированная манера боя: карате + джиу-джитсу + дзюдо + самбо.

касаний, освоенной им досконально, до полного автоматизма, до уровня рефлекса, но это было абсолютным личным оружием, резервным, и его стоило хранить в секрете. Поэтому Вася ответил в том же стиле Нятнам, применив сакуэн, в переводе — «форму змеи». В этом куэне были отражены многие движения и повадки змеи: мягкость, пластичность, скручивание, скольжение, мгновенный выпад. Движения в нем выполняются по кривой, быстро, ловко, слитно — без выделения поз.

Василий ушел влево-назад от прямого удара, скручивающим движением правой руки отводя удар вправо; его резко отклонившееся назад тело в сочетании с движением ног создало впечатление ухода головы кобры. Затем он повернулся левым плечом влево, правую ногу поставил перед собой на носок, тут же сделал шаг назад, в то время как левая рука выполняла движение по кривой линии слева направо вверх, а потом вниз, захватывая правую руку соперника. Мгновением позже Лямин летел лицом на татами и оказался прижатым к полу спиной Василия, причем рука его осталась в болевом захвате вывернутой кверху. Схватка закончилась.

— Зараза! — сказал ошеломленный Серж, приходя в себя уже на краю татами.

Василий остался стоять в центре поля в той же непринужденно-свободной позе, словно ничего не произошло.

— Кто еще? — вынужден был повысить голос Каледин, чтобы перекричать шум.

— Я, — встал Максим Усов, улыбаясь чуть смущенно и доброжелательно. Из всей команды он нравился Василию больше всего — открытостью и какой-то хорошей детской наивностью, хотя нельзя и забывать, что команда КОП подбиралась из крутых ребят, познавших жизнь, видевших кровь и испытавших боль.

Работал Максим в технике реального боя, легко и свободно переходя из стиля карате-дзицу на хапкидо, потом в пангай-нун и наконец в чистый русбой с его удивительными, доведенными до совершенства, хотя и взятыми в большинстве своем из других древних стилей связками приемов, чуть ли не исключающих друг друга. Если бы Василий сам не практиковал русбой наряду с ниндзюцу, ему пришлось бы туговато. Но поскольку Усов дрался беззлобно, хотя и очень увлеченно, Вася решил не отвечать по уязвимым зонам тела противника в излюбленном своем стиле атэ-вадза или атэми[1]. Поэтому бой длился еще пару минут, пока Василий не поймал Максима на атаке и не выбросил его за ковер приемом «пропуск в хвост».

---

[1] Атэ-вадза, атэми — тычковые удары пальцами в уязвимые места тела.

— Все, экзамен закончен, — объявил Каледин. — Годен без ограничений. Теперь общий медленный спарринг в мягкое касание. Лямин, Усов, Котов — отдыхаете.

— Я бы тоже хотел с ним... — встал кряжистый, мощный, бородатый Дима Лысцов по кличке Борода.

— Хватит, я сказал, — отрезал командир. — Успеешь еще получить по ребрам. — Он повернулся к Котову. — Где проходил школу?

— Не одну и в разных местах, — уклончиво ответил Василий.

— А ты силен! — подошел к нему разгоряченный, помятый, но довольный Максим Усов. — Я считал, что знаю всех мастеров кэмпо класса ситидана[1]. Но ты, по-моему, выше. Хатидан, кюдан?

— Выше, — улыбнулся Василий.

— Выше только черный пояс сидоси...

— Еще выше.

Максим озадаченно и недоверчиво покачал головой.

— По-моему, даже в Японии не все основатели школ и наставники имеют дзюдан.

— Ты забыл о мастерах ниндзюцу, — буркнул Каледин, с некоторым удивлением разглядывая Василия. — Этот парень мэйдзин... и еще не все показал, на что способен, не так ли?

— Что я должен буду делать в отряде? — спросил Василий, игнорируя вопрос.

— Что и остальные: особые поручения, фельдъегерская связь, контроль учреждений... ликвидация преступных групп. Что-нибудь не так?

— Все так, — флегматично заметил Василий, — кроме одного: я не специалист по ликвидации. Любой перехват в любых условиях — да, физическое уничтожение кого бы то ни было — нет.

— Что за новости, ганфайтер? — нахмурился Каледин. — КОП — не институт благородных девиц.

— В таком случае я могу считать себя уволенным. — Вася повернулся к выходу из зала. Каледин попытался схватить его за плечо, но странным образом промахнулся. Бросил в спину Котова:

— Остынь, майор, о твоих обязанностях мы еще поговорим. Ты не выслушал условия.

Василий остановился, понимая, что выглядит глупо.

— Их два, — продолжал командир КОП. — Первое: войдя в команду, будешь иметь все, что пожелаешь. Второе: откажешься — будет все наоборот.

— Это следует понимать как угрозу?

---

[1] Ситидан — 7-й дан в классификации кэмпо, хатидан — 8-й, кюдан — 9-й, дзюдан — 10-й.

— Майор, ты видел слишком много... чтобы уйти отсюда живым и невредимым... в случае отказа. Как видишь, я предельно откровенен. Могу лишь добавить, что цели команды — не очистка высших эшелонов власти от подонков и негодяев, что вынесло себе на знамя «Чистилище», а защита государственных интересов, если хочешь — защита конституционных прав... ну, может быть, и не всегда законным путем.

— Это я понял сразу. Но, полковник, если бы я захотел уйти отсюда, я бы ушел... живым и невредимым. Веришь — не веришь, не имеет значения. Что касается заданий... Как я проверю, кто заинтересован в выполнении того или иного задания? То есть соответствует ли оно уровню лица, отдавшего его? Я имею в виду президента.

Каледин невольно оглянулся, понизив голос:

— Потише, ганфайтер, здесь не все тянут на осмысление упомянутого тобой... уровня. Я получаю задания напрямую от генерала Коржанова. Этого достаточно?

— Нет.

— Черт бы побрал, Котов! Не заносит ли тебя на поворотах? У меня нет никаких указаний насчет твоей личности и особого к ней отношения.

— Так выясни.

— Черт бы тебя!.. — Каледин сдержал резкое слово с трудом. — Ладно, потом поговорим, после занятий и разборки задания.

Василий не ответил. Он в этот момент думал над тем, не ошибся ли он в выборе дальнейшего пути. И не прав ли был Матвей Соболев, считавший Путь Воина необязательным этапом на пути к совершенству?

НОВАЯ ЦЕЛЬ

Главный консультант управляющего администрацией президента Прохор Петрович Бородкин был убит выстрелом в голову из снайперской винтовки особой точности прямо у выхода из здания Государственной думы. Стреляли из гостиницы «Москва», это удалось установить быстро, была даже найдена винтовка калибра 7,62 миллиметра «паркер-хейл» модели 85 — с оптическим прицелом, глушителем и сошками, с коробчатым магазином емкостью на десять патронов. Такая винтовка обеспечивает стопроцентное поражение цели первым же выстрелом на дальности до шестисот метров, в данном же случае между стрелком и мишенью было всего лишь около ста двадцати метров. Пуля попала Бородкину в левый висок почти под прямым углом и вышла из другого виска, проделав на выходе дыру величиной с кулак.

Прохор Петрович, прослуживший консультантом многих влиятельных фигур государства около десяти лет, ставший незадолго до смерти Генеральным Судьей «Чистилища», умер мгновенно.

Так как маршал «СС» Хейно Яанович Носовой имел не меньше возможностей по добыче разведданных, чем Судья-2 «Чистилища» Рыков, возможностей не только технических, но и трансцендентных, Герман Довлатович вынужден был принимать специальные меры для обеспечения секретности заседаний Генерального Суда и вообще любых встреч Судей между собой. Удавалось это все с большим трудом, разведка Сверхсистемы все чаще выходила на прямые контакты с защитными системами «ККК». Приходилось применять контрмеры, блокировать эфир, используя электронные методы защиты каналов связи, кодирование линий, тестирование абонентов и специальное стохастическое программирование координат очередной встречи. Чтобы угадать, где в очередной раз собираются Судьи «Чистилища», надо было перебрать миллиарды вариантов соединений, даже если у тех, кто попытался бы это сделать, были эвристические сканеры и ключевой файл.

Сигнал экстренной встречи Судьи получили спустя час после убийства Бородкина. На сей раз наручные пейджеры, которые носили руководители «ККК», играющие роль компьютеров связи и часов, высветили две цифры — 33, что означало: встреча назначена в поселке Агашин Луг, расположенном в Одинцовском районе в двадцати пяти километрах от Москвы.

Коттедж, в котором собрались Судьи, в общем-то ничем не примечательный снаружи, как и десятки ему подобных в поселке, располагался неподалеку от культурно-делового комплекса с бассейном, сауной, рестораном, барами и офисными помещениями, магазинами и теннисными кортами. В другие времена Судьи нередко с удовольствием посещали комплекс, отдыхая от «судов праведных» в сауне или за карточными столами, однако нынешняя встреча не располагала к отдыху. «Чистилищу» был нанесен новый чувствительный удар, даже два — если учитывать уничтожение боевой группы в Сокольниках, и следовало проанализировать случившееся, чтобы понять причины провалов и степень угрозы.

Четверо Судей, встретившись в зале заседаний коттеджа, имеющем два потайных выхода — подземный и надземный, — молча расселись вокруг стола, поглядывая на пустующее кресло Генерального Судьи.

— Что происходит, милостивые государи? — произнес наконец полковник Холин, исполняющий с недавнего времени обя-

занности начальника военной контрразведки. — По моим каналам — ноль информации! Кто убил Прохора Петровича?

— Еще не знаю, — бесстрастно ответил Жанболатов, отвечающий за безопасность руководителей «Чистилища». — Но, судя по всему, у нас происходит прямая утечка информации.

— Что ты хочешь этим сказать, Темир? Уж не среди нас ли ты собираешься искать источник утечки?

— Э-э, коллега... — встрепенулся Рыков, повернувшись к соседу, Константину Зайцеву, Судье-4. — Вы не скажете, зачем в вашу контору вчера вечером заходил Хейно Яанович Носовой?

Брови Зайцева, всегда бледного, с тенями под глазами — молодой кибернетик страдал почками, — взлетели вверх.

— Носовой? Он же шеф информслужбы президента...

— Вы контактировали с ним?

— Конечно, ведь он курирует аналитические программы... К чему вы клоните, Герман Довлатович?

— К тому, что Носовой, похоже, начал «курировать» и наши программы.

— Это исключено!

— Вы уверены? Вы часто уходите с рабочего места, не выключая монитор?

— Н-ну, бывает... А что? Неужели вы?.. Чушь какая-то!

В то же мгновение Жанболатов достал из-под мышки пистолет «ТТ» и выстрелил в голову Зайцева. Судьи молча смотрели, как во лбу Судьи-4 возникает круглая дырочка, оттуда выплескивается струйка крови, голова падает на стол... Потом выхватил свой пистолет Холин и направил на Жанболатова.

— Что здесь происходит, черт возьми?!

Темир спокойно спрятал пистолет, отпил томатного сока из стакана на столе. Вместо него ответил Рыков:

— Хейно Яанович Носовой, по моим данным, маршал Сверхсистемы. Выводы можете сделать сами.

Холин с шумом выдохнул, подумал немного, хотел сказать: бред! — но посмотрел на голову Зайцева, под которой скопилась лужица крови, и передумал. Спрятал пистолет, криво усмехнулся.

— Ну и дела! Зайцев же был вашим ставленником, Герман.

— Никто не застрахован от ошибок, — меланхолически ответил Рыков.

— И что же мы теперь будем делать? Или я тоже... мешаю?

— Будем работать. — Герман Довлатович пропустил второй вопрос мимо ушей. — Только теперь у нас появились более важные цели.

— Сверхсистема?

— Первая цель — выжить. — Рыков пожевал губами. — Вторая более глобальна — подчинить «СС».

Холин присвистнул, по-новому взглянув на малоподвижное, невыразительное лицо Судьи-2.

— Зачем?

— Прямую войну со Сверхсистемой мы не выиграем, — уклончиво ответил Рыков. — Покончить с ней можно, лишь подчинив ее изнутри.

Начальник военной контрразведки хмыкнул, постучал пальцами по столу, оценивая услышанное.

— Ну-ну... дикая идея... но интересная... Надо подумать.

— Думайте.

— А как же наши программы? Мы хорошо почистили Думу, добрались до правительства, подошли вплотную к администрации президента...

— Носовой как раз оттуда.

— А я хотел предложить классный объект... Не пора ли нам взяться за «партию войны» в парламенте и правительстве? Конкретно за тех, кто санкционировал и поддерживал войну в Чечне и Дагестане.

— Идея хорошая, — тихо сказал Рыков. — И мы ее непременно осуществим. Но сначала разберемся с «СС».

— Хорошо, допустим, я согласен. Кто заменит Генерального? И... этого? — Кивок на мертвого Зайцева.

— Его — никто, мы справимся втроем.

— Понятно. Значит, теперь Генеральный — ты?

Рыков натужно улыбнулся.

— У вас есть возражения, Вадим Мартынович?

Холин покатал по столу ручку, поднял голову.

— Пожалуй, нет.

— Тогда приступим к обсуждению планов на будущее. Темир, убери труп и принеси чай.

Вечером Герман Довлатович позвонил Мурашову.

— Виктор, надо срочно слетать в Питер.

— На кой ляд?

— Есть сведения, что Матвея Соболева посетил Юрьев.

— Ну и что? Разве Соболев согласился работать на него?

— Нет, но нас начинают опережать. В ближайшее время следует ждать визита Хейно к Соболеву, а я не уверен, что тот устоит.

— Если так боишься их альянса, лети туда сам, у меня много нерешенных проблем.

— Меня он... не поймет. В свое время я готовил «волны выключения» Соболева и его семьи... В общем, нужен нейтральный человек Круга. Тебе он поверит. А не поверит, так пощупаешь его, выяснишь слабину, сильные стороны, планы, задачи, чем живет и дышит.

В трубке сквозь тихое пощелкивание кодирующего устройства — оба тем не менее разговаривали на метаязыке — послышался зевок.

— Нет, Герман, это дело не моего уровня. Если хочешь, могу поговорить с Кириллом Даниловичем, он дипломат хороший, все выяснит.

Рыков, подумав, согласился. Головань действительно умел выбрать нужный тон в разговоре с любым оппонентом. Он был умен, хитер, непрост и, как и Рыков, отстаивал всегда лишь один принцип — беспринципность.

— Хорошо, звони. Позже я его навещу.

— Как тебе удалось убрать Бородкина? КОП работала или мейдер «Чистилища»? Говорят, действовал отменный снайпер. Но не рассчитывай, что ему удастся убрать так же просто и Хейно.

— Я не рассчитываю, есть вариант получше. Что, если предложить вакантное место в Союзе Девяти... кое-кому из честолюбивых Посвященных I ступени?

Мурашов понял Рыкова мгновенно.

— Чтобы он сам освободил себе место? Недурно. Но я не вижу подходящей кандидатуры.

— Директор МИЦБИ.

— Вахид? — Мурашов помолчал. — Что ж, пожалуй, хотя я знаю его плохо.

— Вот и узнаешь. Самандар — твоя забота. Если он справится с Хейно... натравим его на...

— Бабуу? Ты страшный человек, Герман! Так загребать жар чужими руками умел только один человек из прежнего состава Девяти — Сталин. Но я согласен. Кстати, не ты ли метишь в координаторы Союза вместо Бабуу? Готовишь это место якобы для меня, а займешь его сам... Шутка. — В трубке раздался смех, и связь прервалась.

Усмехнулся и Рыков. Мурашов не догадывался, насколько он близок к истине.

НЕПУСТЫЕ ХЛОПОТЫ

Международный исследовательский центр боевых искусств (МИЦБИ) располагал собственным пятиэтажным зданием возле речного порта, в районе Нагатинской поймы, на проезде с оригинальным названием Проектируемый. За это название чиновнику Госкомархитектуры, автору сего кретинического шедевра, стоило бы поставить памятник.

К началу описываемых событий штат Центра имел свыше четырехсот сотрудников и более трех десятков федераций: контакт-

ного карате, кикбоксинга, айкидо, славянских стилей, западного и восточного бокса, вьет-во-дао и так далее. Имел МИЦБИ спортивные залы, оборудованные спецтренажерами, душевые, сауну и бассейн, а также собственное кафе и безалкогольный бар. Но главной достопримечательностью Центра, несомненно, был научно-исследовательский медико-биологический комплекс с уникальным оборудованием и компьютерным залом для обработки данных. Он занимал весь пятый этаж здания, и трудились в нем весьма увлеченные, в большинстве своем молодые ученые, кандидаты и доктора наук. Вахид Тожиевич Самандар, директор МИЦБИ, будучи доктором медицинских наук, чаще находился там, нежели в своем кабинете на третьем этаже. Он как раз работал с физиологами тренинг-группы, когда сотовый телефон в кармане его халата произнес голосом секретарши:

— Вахид Тожиевич, к вам посетитель.

— У меня сегодня неприемный день, — буркнул Самандар, разглядывая на экране компьютера цветные схемы взаимодействия гемоглобина с кислородом.

— Он говорит, что вы примете.

— Кто это у нас такой уверенный?

— Мурашов Виктор Викторович.

Самандар мгновенно привел себя в состояние сатори и ощутил касание к своей эмоциональной сфере потока чужой воли. Сомнений быть не могло: его посетил один из Девяти Неизвестных!

— Продолжайте без меня, — сказал Самандар сотрудникам отдела, — вечером представите рекомендации.

Сняв халат, он спустился на третий этаж и вошел в приемную, где его ждал корректно-вальяжный господин с породистым лицом — Виктор Викторович Мурашов, главный военный эксперт при правительстве, секретарь Совета безопасности, фигура номер три в иерархии Союза Девяти Неизвестных.

— Добрый день, Вахид Тожиевич. Говорят, нежданный гость хуже татарина...

Самандар протянул руку, приглашая гостя войти в кабинет. Там он молча сел в свое кресло, продолжая ощущать давление на психику. Наконец сказал, когда молчание затянулось:

— Слушаю вас... татарин. Какими судьбами?

Вахид Тожиевич знал о существовании Союза Девяти, знал также и кое-кого из Неизвестных, но не думал, что кто-нибудь из них вот так запросто явится к нему.

— Вы знаете, кто я?

— Кто этого не знает? — усмехнулся Самандар.

Улыбнулся и Мурашов.

— Ценю ваш юмор. Ну, раз представляться не надо, давайте сразу брать быка за рога. Или вы предпочитаете прелюдию?

— Быка.

— Тогда у нас есть к вам деловое предложение.

— У кого — «у нас»? В Совете безопасности или в Союзе Девяти?

Мурашов остался внешне рассеянно-невозмутимым, но волна давления на мозг Самандара резко усилилась. Пришлось напрягаться, снимая раппорт гипноатаки.

— Что вы знаете о Союзе Девяти, Посвященный?

— Что он существует, и только.

— Ценю вашу скромность. С вами легко разговаривать. Итак, я представляю Союз... вернее, если быть точным, некоторую часть его. А предложение такое: не хотите ли вы войти в состав Союза? Настала пора менять его структуру.

Самандар скептически поднял бровь.

— Генитальная идея, как сказал бы один мой приятель. Вместо кого же, если не секрет?

— Вы хорошо схватываете ситуацию, Вахид Тожиевич. В принципе возможны замены трех из Девяти, но для вас конкретно подходит статус распорядителя регламента и чайной церемонии, которым наделен Хейно Яанович Носовой.

— Носовой... один из Девяти?

— Кроме того, он маршал Сверхсистемы.

— Это не главное... — Самандар помолчал. — Быстро вы меняете кресла... как-то несерьезно... Неужели так сильно осложнилась ситуация?

— Ну что вы, Вахид Тожиевич, только на первый взгляд все кажется очень сложным, на самом деле все гораздо сложней. Вы принимаете предложение?

— Его следует понимать так, что я должен... устранить Носового?

— Возможно, до этого дело и не дойдет, мы уговорим его, но в любом случае наша поддержка вам обеспечена.

— Я должен подумать.

— Думайте. — Мурашов встал. — Но не слишком долго, иначе мы найдем другого претендента. Позвоните мне в секретариат Совета безопасности, когда надумаете.

— Может быть, выпьете чего-нибудь? Коньяк, ром, водка, вино, кофе?

— Спасибо. — Виктор Викторович поклонился. — В другой раз непременно. Всего доброго.

Мурашов ушел, и вместе с ним исчезло ощущение неприятного давления на мозг. Это еще не было психическим нападени-

ем, один из Девяти просто прощупывал собеседника, выяснял его пси-потенциал, но противником он был очень сильным.

Самандар прошелся по кабинету, прислушиваясь к себе, потом сел за стол и попросил секретаршу сделать кофе.

Во второй раз Юрьев и Бабуу-Сэнгэ встретились в Екатеринбурге, так сказать, на нейтральной территории, сняв номера в четырехзвездочной гостинице «Большой Урал».

Настоятель Храма Гаутамы был на сей раз одет, как обычный сельский житель, — серый пиджак, полосатые брюки и сапоги, а головной убор, напоминающий кепку и смятую шляпу, не снимал даже в номере: имитировал он деревенского мужичка-алтайца весьма артистично.

В отличие от него Юрьев играл роль тихого и незаметного клерка одной из коммерческих фирм, боящегося всех и вся, но играл тоже весьма убедительно.

Они встретились в номере Бабуу, убедившись, что за ними никто не следит, никто даже не обращает внимания — ментальные щупальца остальных Неизвестных не тянулись к Екатеринбургу в попытках определить координаты главы Союза Девяти и его неформального заместителя. Установив прямой мысленный контроль за всеми подозрительными пси-флуктуациями в сфере радиусом до двадцати километров — с захватом автовокзалов и аэропорта, — они повели беседу на метаязыке.

— Поиски Великих Вещей Инсектов продолжают все без исключения Посвященные, — начал Юрьев. — По этому поводу готовится Собор Внутреннего Круга, обеспокоенный несоблюдением законов. Рано или поздно кто-нибудь найдет доступ к заблокированным МИРам, и тогда начнется хаос.

— Что ж, люди остаются насекомыми, чего вы хотите? Соблазн абсолютной власти слишком велик, чтобы от него отказаться. Что вы предлагаете?

— Попытаться вскрыть пакет Знаний Бездн.

Настоятель Храма Гаутамы на мгновение явился тем, кем был, — координатором Союза Девяти: лицо его стало твердым, как бы металлическим, глаза засияли, спина выпрямилась, фигура налилась сдержанной силой. Под рубашкой координатора шевельнулся и засветился «нагрудник справедливости». Юрьев заметил это, но не удивился, хотя Бабуу-Сэнгэ уже не имел права носить «нагрудник» после публичного отречения.

— Знания Бездн — спящий демон, — медленно проговорил он. — Разбудить Память Мира о Безусловно Первом можно даже вопреки воле Хранителей, стереть ее — нельзя. Безусловно, Первый давно ушел из нашей запрещенной реальности, но След Его

сохранился, как матрица мира, каркас Вселенной... Трогать этот каркас не рекомендуется. Иерархи уже однажды пробовали...

— До них это не раз проделывали Аморфы, но «роза реальностей» уцелела.

— Терпение Вселенной не вечно.

— Может быть, у нас не останется другой возможности, чтобы уцелеть. Я предвижу скорую бурю.

— Но даже если мы захотим воспользоваться Знаниями, наших сил не хватит. Нужен инициатор восьмой и девятой сил — Элохим Цабоат и Шаддай, Эль-Хай[1]...

— Матвей Соболев.

— Разве он... знает?

— Еще нет. Я был у него, он отказался помочь нам в борьбе против Рыкова, и даже соблазн доступа к Знаниям Бездн оставил его равнодушным.

— Значит, пока не знает.

— Но он, безусловно, незавершенный, идущий к завершению. По моим данным, он научился спускаться по памяти предков в глубокое прошлое, за рубеж расщепления реальностей, и вполне способен на ретроактивное действие.

— К сожалению, я упустил его из виду. Вы правы, Юрий Венедиктович, Соболев — огромный шанс... для всех. И все будут стараться заполучить его в свою свиту. Может, его лучше ликвидировать, пока не поздно?

— Я еще не все рычаги влияния использовал. Один из них — его семья и друзья, второй — Хранители. Можно попытаться спровоцировать их на «волну включения»... и предложить Соболеву нашу помощь.

Бабуу-Сэнгэ полуприкрыл глаза и превратился в монгольского божка. Спустя минуту он изрек:

— Мудро!

БЕЗ КАЙФА НЕТ ЛАЙФА

В операции по устранению Прохора Петровича Бородкина Василий не участвовал ни в качестве исполнителя, ни в группе поддержки. Каледин не настаивал, хотя Вася ожидал крутого разговора, — просто дал распечатку досье на Бородкина, а также на генералов «СС»: следующей операцией КОП было уничтожение одного из подразделений штаба Сверхсистемы — РСС, то есть разведки. Василию в этой операции отводилась роль пере-

[1] Каббала. Восьмая Сила Бога — Элохим Цабоат (Владыка Духов), девятая — Шаддай, Эль-Хай (Всемогущий).

хватчика шефа РСС Кочкина. В иерархии штаба «СС» Кочкин имел «звание» Тень-4.

Изучив схему операции, Василий скрепя сердце согласился на вариант своего участия в ней, хотя понимал, что в реальной ситуации может случиться всякое и тогда придется пускать в ход не только кулаки и зубы, но и оружие помощней. В связи с этим огнестрельное оружие Василий брать отказался. Каледин и здесь не спорил. Он уже убедился в высоких кондициях бывшего ганфайтера, теперь же предстояло проверить его в деле.

В пятницу Котов был отпущен с базы в Бирюлеве, как и остальные «копы», для «домашнего успокоения нервной системы». Подумав, Василий решил навестить приятеля, с которым не виделся уже почти два года, Костю Злобина, в то время служившего охранником в частной хлебопекарне. К удивлению гостя, хозяин оказался дома: увлеченно мастерил модель самолета — сверхсовременного «СУ-31».

— Племяшу делаю, — смущенно пояснил он, кивая на стол с деталями самолета, когда приятели поздоровались и ответили на стандартные: «Ну, как ты?» — «Нормально...» — «А ты?» — «Тоже ничего себе...» — Три года стервецу, а выглядит на все пять. Я с ним гулял надысь по парку, купил арбуз — их у нас теперь с апреля продают, — а он косточки глотает. Я ему: выплевывай кости, а то арбуз в животе вырастет. Послушался. Идем дальше, навстречу мужик прет с пузом, видать, любитель пива, ну, Сашок мой и говорит: смотри, у него уже вырос... — Константин прыснул. — Пока домой шли, он все свой живот щупал — не растет ли арбуз.

Василий засмеялся, плюхаясь на огромный злобинский диван, вспомнил умершего Володю Абуткина, который тоже любил рассказывать о своем внуке, и погрустнел.

— Хорошо иметь племяша, а я вот бездетный со всех сторон, да и не женатый. Впрочем, ты, я гляжу, тоже не остепенился?

— Рано мне. — Злобин скрылся в ванной, чтобы смыть с рук клей, крикнул оттуда: — А бабу найти — не проблема. Могу познакомить. Посиди, я сейчас.

Вася нашел на диване пульт-дистанционку и включил хозяйский «Панасоник». Почти по всем каналам шла реклама, лишь по тридцать первому крутили какую-то мелодраму, да по второй российской показывали футбол.

Появился Константин, на ходу вытирая руки и лицо полотенцем, кивнул на экран, где прилизанный диктор в белом халате талдычил что-то о кислотном дисбалансе, о кариесе и о том, как легко с ним бороться с помощью жевательной резинки «Полистирол».

— У тебя не возникало желания поубивать всех рекламистов

наподобие этих кретинов? Сценариста, режиссера, артиста в халате?

— Я телик не смотрю, — сказал Василий. — Разве что программу «Время». Да и не виноваты рекламисты, они лишь исполнители, убивать следует тех, кто заказывает музыку.

— А я иногда готов взорвать «Останкино», посмотрев очередной рекламный шедевр. — Костя переключил каналы, остановился на футболе. — Ладно, пусть эти бегают. Ну, рассказывай, какими судьбами тебя занесло в столицу. Впрочем, есть предложение: не махнуть ли нам в какой-нибудь ресторанчик или в кафе, как в прошлый раз? А то у меня холодильник почти пустой.

— Пожалуй, — согласился Вася. — Давно не сиживал в уютном тихом уголке.

— Без кайфа нет лайфа, как говаривал классик... то есть я сам. В конце концов, почему бы двум благородным донам не посидеть в ресторане? Поехали. У меня машина во дворе, доберемся за пять минут.

— У тебя же раньше не было.

— Растем, богатеем, — хохотнул Константин, переодеваясь в белую рубашку с галстуком и модные брюки. А так как раньше он не имел обыкновения носить галстуки, Василий сделал вывод, что девушка у него появилась — с выходом на серьезные намерения.

Сели в машину Злобина — темно-синий «Пежо» с мигающей через стекло охрансистемой «Маус-2». Свой «Вольво» Вася решил оставить во дворе, не особенно переживая за его сохранность: вряд ли кому-нибудь удалось бы его угнать.

Ехали действительно около пяти минут, на Новопесчаную. На двери, которую открыл Константин, висела табличка: «Бизнес-клуб «Невка».

Их встретил вежливый молодой метрдотель, поздоровался, проводил в зал, ничего не спрашивая. Видимо, Злобина в клубе знали.

— Еще бы, — ухмыльнулся Костя, — я же здесь работаю, в охране. Штат небольшой, но дружный и умелый, и клуб популярный. Хочешь, сходим в сауну?

— В другой раз, — пообещал Василий, с любопытством оглядывая небольшой, но уютный зал, аквариум во всю стену, картины по стенам, выполненные в стиле «Ecusson»[1]: соединение рисунка на медной фольге со скульптурными изображениями животных. — Как тебе удалось попасть в столь крутое заведение? Клуб-то небось элитарный?

— Связи, дружище, связи, — засмеялся Константин, беря из

[1] Гербовый щит.

рук официанта кожаную папку с меню. — Спасибо, Витя. Выбирай, мон шер, на цены не смотри, фирма платит.

Они заказали соленые грибы — лисички и маслята, форель, салаты — крабовый и овощной, лобстер, копченый угорь, а Злобин еще и телятину в кляре. Оба спиртного не употребляли, но, чтобы не обидеть обслугу клуба, заказали бутылку шампанского. Затем принялись вкушать пищу и вести неторопливую беседу. И впервые за много дней Василий позволил себе слегка расслабиться. Говорил больше Костя, он же только слушал, изредка ловя себя на мысли, что хорошо бы вот так посидеть вдвоем с Ульяной...

Два с лишним часа пролетели незаметно.

В двенадцатом часу ночи приятели добрались до квартиры Злобина и расстались, хотя Костя предлагал заночевать у него. Но у Васи были другие планы на поздний вечер. Он узнал, что хотел, удостоверился в боеготовности товарища и мог на него положиться в трудную минуту. Что такие минуты появятся, сомневаться не приходилось.

А во дворе злобинского дома Василия ждал Вахид Тожиевич Самандар, сидя на лавочке у детских качелей с тросточкой в руке. Вася почувствовал его не сразу, лишь когда подошел к машине: на спину легла невесомая «трасса» чужого взгляда и включила несколько расслабившуюся сторожевую систему организма. Оглянувшись, Вася узнал Самандара — было уже темно, и фонарь во дворе не горел, но это не мешало Котову видеть ночью, почти как днем, — подошел к скамейке и сел рядом.

— Добрый вечер. Вы случайно не ко мне?

— Не буду отрицать.

— Поехали, я сейчас временно живу на Рязанке.

— Я знаю, но поговорить можно и в машине.

Они сели в «Вольво», Василий включил двигатель и выехал со двора на улицу Зорге.

— Говорите.

— Мне предложили вакантное место в Союзе Девяти. Понимаете, о чем идет речь?

Василий увеличил скорость, помолчал.

— При чем здесь я?

— Это вакантное место предстоит еще освободить.

— Кому понадобилось менять состав Девяти?

— Союзу Девяти. Точнее... его части.

— Кто занимает это место сейчас?

— Хейно Яанович Носовой, начальник информслужбы президента. И он же — маршал «СС».

Василий вдруг засмеялся. Самандар посмотрел на него с удивлением.

— Что вас развеселило?

— Обратите внимание на номер машины впереди.

Вахид Тожиевич глянул на идущую впереди «четверку» и невольно улыбнулся: у машины действительно был примечательный номер — Х-345-ЕР.

Василий посерьезнел.

— Извините. Однако я не знал, что Носовой — один из Девяти.

— Не хотите же вы обвинить меня во лжи? К тому же эта информация смертельно опасна. Обладающий ею в конечном счете... исчезает. Поэтому о деятельности Союза Девяти не знают даже люди Внутреннего Круга... кроме разве что Собирателей и Хранителей.

— Чего вы хотите от меня?

— Помогите мне войти в Союз. Думаю, что смогу быть вам полезным ответно. Но хорошо бы еще подключить к этому и Соболева.

— Исключено. Матвей не пойдет на ликвидацию Носового... и вообще кого бы то ни было. Я тоже. Во всяком случае, без серьезных мотиваций.

— Моих уверений недостаточно?

— Нет.

— А если я представлю полный пакет информации?

— Посмотрим.

— Что ж, и на этом спасибо. Высадите меня, пожалуйста, у Белорусского вокзала.

Василий послушно свернул с Ленинградского проспекта направо к вокзалу.

— Хочу вас предостеречь по-дружески, — уже вылезая, сказал Вахид Тожиевич. — Команда КОП — не президентская команда, как вы считаете. В этом вы убедитесь в скором времени.

— А чья же? — озадаченно спросил Василий.

— Это смертники, предназначенные для игр, проводимых небезызвестным вам Рыковым, теперь — советником президента по безопасности.

— Не может быть!

— Вы этого не знали?

— Коржанов не обмолвился ни одним словом... Но зачем Рыкову еще одна команда профи боя и перехвата? У него же, как и у всех деятелей Союза Девяти, наверняка есть дружина телохранителей-зомби.

— Я же сказал: КОП — жертва, объект подставки. Рано или поздно ее накроют, и тогда полетят головы, в первую очередь — Коржанова, во вторую — президента.

— В первую — ребят из команды...

— Это далеко не главное, особенно для Рыкова.

— Зачем это ему? Власть? Но ведь Неизвестные предпочитают работать в тени.

— До свидания. Позвоните мне в МИЦБИ, если надумаете, я буду ждать. И поберегите себя, не увлекайтесь рыцарскими поединками с разного рода бандитской шушерой.

Вася мог бы сказать, что вся эта шушера профессионалу не опасна, что она просто самоутверждается и драться не любит, обожает поговорить, получая наслаждение от своих собственных угроз и криков. Но ничего этого Вася говорить не стал.

Самандар вышел из машины и растворился у входа в метро. Василий только сейчас сообразил, что не успел спросить Вахида Тожиевича, кто сделал ему предложение войти в состав Девяти. С другой стороны, Самандар мог сообщить о Рыкове еще в Рязани, тогда не пришлось бы решать проблему сейчас.

«Впрочем, я бы все равно позвонил Коржанову, — честно признался сам себе Василий, трогая машину с места. — Что же нам теперь делать, а, ганфайтер? Выйти из КОП по собственному желанию уже сейчас, немедленно, или подождать чуток? И как относиться к предложению Самандара? Отказать? Вроде бы неэтично, неудобно, приятель Ули все-таки... а с другой стороны — соперник! Эх, посоветоваться бы с кем!..»

Подъезжая к дому, Василий решил немедленно поговорить с Матвеем, а также и с Ульяной. В принципе это был хороший повод для встречи.

Однако участвовать в следующей операции КОП Вася согласился. Совпали некоторые обстоятельства, внезапно дополнившие друг друга, а также разрешились душевные сомнения, мучившие его с момента встречи с Самандаром. И еще очень не хотелось свою деятельность «фельдъегеря» начинать с конфликта с начальством. Обстоятельства же оказались любопытными: работать «копам» предстояло по верхушке «СС», что совпадало и с устремлениями Вахида Тожиевича устранить маршала «СС» Носового. Короче, Василий согласился, хотя и помнил напутствие Самандара «поберечься». Появилась интересная задача: разобраться, зачем Рыкову, одному из Девяти, и без того обладавшему мощной армией «чистильщиков», понадобилось создавать КОП, команду для особых поручений, все функции которой, по сути, сводились к ликвидации явного и потенциального противника. Эти функции спокойно могла бы выполнять и «KKK».

Два дня ушло на подготовку операции, прогон ее модели на компьютерах, утряску управления и связи. Ранним утром первого июня, в субботу, КОП в полном составе выехала на задание на трех машинах. Василию на этот раз отводилась роль контролера,

ответственного за «зачистку» операции. В случае каких-либо осложнений и нестыковок он должен был обеспечить успешное завершение дела или же убрать следы деятельности КОП. Что этими «следами» могли стать члены команды, полковник Каледин по рассеянности не сказал.

По данным Коржанова, из пятисот с лишним депутатов Государственной думы двенадцать имели явно криминальное прошлое. Как они оказались избранниками народа — вопрос другой. Но погоду в Думе делали другие депутаты, так или иначе связанные с «СС», а их было ни много ни мало более двухсот! Двое из этих «служителей народа»: Серапион Кочкин, председатель комиссии по информационным технологиям, и Евгений Мореман, секретарь подкомитета Думы по проблемам обеспечения работы депутатов, одновременно возглавляли РСС — разведотдел Сверхсистемы.

Серапион Кочкин, сорокатрехлетний шатен с глазами навыкате, не красавец, но дамский любимец, имел четырехкомнатную квартиру на Арбате и дачу в Воронове, неподалеку от замечательных архитектурных сооружений старинной усадьбы графа Ростопчина — голландского домика, роскошного дворца и церкви Спаса, построенной более двухсот лет назад архитектором Бланком.

Много десятилетий отдыхающим в Воронове не давала покоя тайна усадьбы: в тысяча восемьсот двенадцатом году, когда на Москву шли войска Наполеона, граф приказал спрятать в обширных «тайных лазах» Воронова свои коллекции скульптуры, живописи, фарфора, а саму усадьбу сжечь; постройки потом были восстановлены, а вот коллекции графские так и не нашли, хотя кладоискатели облазали усадьбу и окрестности с миноискателями, лозовыми прутиками и просто с лопатами.

Неизвестно, по какой протекции построил свою дачу в Воронове господин Кочкин и участвовал ли он в поисках сокровищ, однако его загородное пристанище по роскоши не уступало дворцу Ростопчина, разве что сделано было из современных материалов и в ином стиле: трехэтажное, с резными чайными башенками, с куполом телескопа (любил депутат глядеть на звезды), ну и, как водится, с подземным гаражом, сауной, кухней, столовой на двадцать персон, двенадцатью комнатами разного калибра, четырьмя спальнями и каминным залом. Охраняли дачу пятеро сторожей и натасканные собаки — ирландские волкодавы и лабрадор-ретриверы, черные как ночь. Кроме того, Кочкина всегда и всюду сопровождала бригада телохранителей из четырех человек, бывших «черных беретов» из состава морских сил быстрого реагирования.

Усадьба Вороново расположена на шестидесятом километре

Калужского шоссе, от станции метро «Теплый стан» до нее можно доехать на пятьсот восьмом автобусе, но Кочкин никогда, естественно, не ездил на автобусах, имея лимузин марки «Бьюик-Лесабре Астом». Обычно он приезжал на дачу под вечер, в сопровождении еще двух машин, в одной из которых находилась очередная пассия депутата. Но первого июня Кочкин собирал на даче «малый кворум», то есть руководителей разведотдела РСС, поэтому приехал в Вороново очень рано, в девять часов утра. Правда, команда полковника Каледина прибыла значительно раньше и была готова к встрече высокого гостя. Точнее, хозяина.

Операция по уничтожению боссов разведки Сверхсистемы началась практически в то же мгновение, как только Серапион Кочкин переступил порог своего дворца.

Первыми сработали снайперы КОП Лямин и Лысцов, уничтожив четырех собак в течение двух секунд. Затем с двух сторон на территорию дачи проникли шестеро бойцов команды, одетые в пятнистые комбинезоны типа «барс». Такими комбинезонами экипировались лишь секретные подразделения ФСБ «Витязь», «Руслан» и «Щит».

Сторожа, охранявшие дачу, в принципе неплохо знали свои обязанности, но, во-первых, были все же любителями, а во-вторых, давно не верили в возможность нападения на босса, а посему находились далеко не в боевом состоянии. Двое из них расстались с жизнью сразу же — они курили в саду, держа свои помповые ружья за спинами. Еще двое играли в карты в дежурке, небольшом дощатом строении возле вторых ворот, во дворе дачи, их взяли тихо, без борьбы, отключив ударами в голову и связав. Пятый сторож, исполнявший обязанности начальника ОБЕД[1], отсутствовал — уехал в Москву еще вечером и не вернулся.

Телохранители Кочкина в каком-то смысле были профессионалами, но опыта охраны ОВП не имели, поэтому и действовали далеко не лучшим образом. Во-первых, они вошли в коттедж-дворец депутата все четверо, не подстраховав наружную охрану дачи. Во-вторых, услышав шум во дворе, выскочили из дома все сразу, где их и встретила атакующая шестерка КОП. В-третьих, опытная охрана обычно действует по принципу «спина к спине», если попадает в засаду, прикрывая охраняемый объект или прорывая цепь атакующих, чтобы спасти его. Телохраны же Кочкина вместо того, чтобы вернуться в дом и защищаться изнутри, спасать шефа, приняли бой у главного входа.

Все они были хорошо тренированы, «черные береты» как-никак, владели приемами рукопашного боя и многими видами оружия, но лишь один из них успел открыть огонь из пистолета-пу-

[1] ОБЕД — охранно-боевая единица.

лемета («НК MP5A3» фирмы «Хеклер и Кох», калибр 9 миллиметров, модель, пользующаяся популярностью как у охранников, так и у террористов во всем мире). Очередь из «MP5» прошила одну из машин у входа в центральное строение усадьбы, беседку в глубине сада, но не задела никого из нападавших. После чего стрелявший получил пулю в висок и прекратил сопротивление. Остальные продержались совсем недолго, пока не были выведены из строя жестокими приемами школы унибос, далекими от этики спортивных видов единоборств.

До этого момента операция КОП шла по плану, укладываясь в отрезки времени, просчитанные на компьютере. Но, как известно, реальная жизнь отличается непредсказуемостью, поэтому случилось то, чего не предусмотрели разработчики операции: Серапион Кочкин, будучи человеком опытным в подобных разборках, не вступая в войну с превосходящими силами противника, мгновенно сбежал в подвал, где у него было оборудовано потайное убежище со спецтелефоном, и позвонил в милицию. Правда, его это не спасло, потому что об убежище знали и «копы», но все же этот шаг начальника РСС их задержал, ибо металлическую дверь пришлось взрывать.

А пока бойцы КОП возились с Кочкиным, к даче подъехали и остальные участники «малого кворума»: Евгений Мореман, заместитель начальника РСС «со товарищи» — тремя сотрудниками разведслужбы и десятком телохранителей. И операция КОП сразу потекла по другому сценарию, выйдя из-под контроля Каледина. Не то чтобы он не предвидел появления других действующих лиц, но не ждал их так скоро.

К счастью, прибывшие не сразу разобрались, что происходит. Пятнистые комбинезоны «копов» издали походили на форму ОМОНа, и многих гостей, имевших криминальное прошлое, а также и настоящее, данное обстоятельство напугало. Поэтому кое-кто кинулся обратно к машинам, остальные же приостановились, глядя на двух омоновцев с автоматами, направившихся к ним. Первым стрелять начал один из телохранителей Моремана, определивший настоящую армейскую принадлежность комбинезонов, он и погиб первым — от пули снайпера, контролировавшего территорию дачи. Затем началась полупаника-полувойна, в которой были убиты все приехавшие боссы разведки «СС» и сам Евгений Мореман. Однако зацепило и двух «копов» — Эриха Тротта и Максима Усова. Тротт сумел вырваться из боя и скрыться в саду, где его подобрал Борода — Дмитрий Лысцов, а Усов вынужден был после ликвидации Кочкина ретироваться под защиту стен дачи. А так как времени на отступление у командира КОП уже почти не оставалось, вот-вот должны были прибыть вызванные по тревоге наряды настоящего ОМОНа и милиции,

Каледин выпустил наконец контролера — для ликвидации «следов».

— Мы отвлечем их, — бросил он Василию, — у тебя будет всего три-четыре минуты. Уберешь Усова, захватишь его спецуху и оружие — и в овраги. Там тебя подберет один из наших водил на «Даймлере». Пошел!

Василий не прореагировал на слова полковника «уберешь Усова», он вспомнил их потом, в данный же момент он жил боем и думал, как выполнить задание чисто и быстро. Темп он включил, как только выбрался из машины управления — неприметного фургона с полосой на борту: «Перевозка грузов».

Сад он пробежал за минуту.

Еще одна минута ушла на проникновение в коттедж Кочкина через окно кухни: рывок за решетку окна, удар по стеклу, прыжок внутрь.

Минута понадобилась на поиск Усова; помогла стрельба — Максим изредка огрызался короткими очередями из своего «веприя», лежа в холле первого этажа здания и не имея возможности передвигаться. Он был ранен в обе ноги — в бедро и голень. Услышав шум за спиной, он чуть было не влепил очередь в Василия, и тому пришлось в прыжке выбивать пистолет из рук ослабевшего «копа».

Глаза Усова расширились, он упал на спину, вжался в угол коридора, облизнул губы, бледнея.

— Давай кончай...

— Не дури. — Василий взял его за руку и за талию, рывком поднял, перебросил через плечо. — Потерпи, пока не выберемся, покарауль спину.

Пробежав коридором до кухни, Василий преодолел подсобку, кухню, где у плиты затаилась поварская прислуга, и выскочил во двор, готовый стрелять или драться. Ни того, ни другого делать не пришлось: охрана РСС практически прекратила существование, приехавшие остались позади, у фасада здания, а машины ОМОНа, судя по сиренам, еще только въезжали в Вороново со стороны шоссе.

Усов не шевелился, потеряв сознание от тряски, и Василию выпало тащить его на себе целых три километра по лесу и оврагу, пока он не вышел к месту, где его ждал один из водителей КОП на пятиместном, ржавом, помятом донельзя «Даймлере».

Когда они прибыли на базу в Бирюлеве, встретивший машину Каледин стал сначала багровым, потом белым.

— Спасибо, — слабо улыбнулся Усов, когда его выносили из машины. — Я теперь твой должник.

— Сочтемся, — равнодушно ответил Василий, провожая взгля-

дом носилки и не обращая внимания на переговаривающихся бойцов отряда, обступивших машину.

— Ты, герой! — раздался над ухом Василия сдавленный от бешенства голос Каледина. — Ты понимаешь, чем рисковал? Ты должен был... замести следы... твою мать!

— Пошел ты, полковник, — любезно ответил Василий. — Я в такие игры не играю. Эта была последней.

— Да я тебя... без суда и следствия! Наши законы ты знаешь...

Василий медленно повернул голову к полковнику, смерил его ничего не выражающим взглядом, и Каледин умолк.

НЕ БЫЛО ПЕЧАЛИ...

У директора Федеральной службы безопасности, коим после отставки Коваля стал начальник Управления «К» генерал-майор Владимир Алексеевич Бондарь, проблем хватало. Поэтому донесение соответствующих подразделений о нешуточном бое в Воронове, после которого там обнаружили одиннадцать трупов, повергло Владимира Алексеевича в состояние крайнего раздражения. В тот же день он вызвал к себе начальников Управления «Т» (по борьбе с терроризмом и бандитизмом) и «СО» (спецопераций).

Генералы Баканов и Первухин явились в кабинет минута в минуту, хотя оба ехали на Лубянку с разных концов города: один с Рязанского проспекта, другой из Крылатского. Насколько Первухин был высок, худ, лысоват, подобран, настолько Баканов был широк в кости, вальяжен и прочен. Вдобавок он носил усы. Но обоих генералов роднило умение быстро принимать решение и быстро действовать.

— Слушаю вас, товарищи генералы, — скрипучим голосом произнес директор ФСБ. — У меня на столе запрос Думы: когда мы остановим наконец волну терроризма, захлестнувшую страну? Что происходит? За две недели убиты четыре депутата, двадцать с лишним сотрудников спецслужб! Чем занимается ваша служба, Игорь Владимирович?

Генерал Баканов выдержал взгляд из-под косматых бровей, помолчал немного, потом сказал в обычном своем стиле:

— Работаем.

— Плохо работаете! Взяли убийц Заводыко?

— Их же «взяли»... «чистильщики».

— Я не уверен, что «чистильщики», — тихо заметил генерал Первухин.

— Вот именно! Кто-то вырезает весь киллер-центр, а мы даже

не знаем, чьих это рук дело! А кто убил Бородкина, уже выяснили?

Баканов и Первухин переглянулись.

— Работали профессионалы...

— Это я и сам знаю! Кто именно? Из какой конторы? «СС»? «ККК»?

— Появилась третья сила, — все так же тихо сказал Первухин. — Явно не Сверхсистема, но и не «Чистилище», хотя работают эти люди сверхпрофессионально.

— Есть предположение... — через силу выдавил из себя Баканов, не любивший раскрывать карты раньше времени. — Кто-то из высшего эшелона создал команду для ликвидации потенциальных соперников...

— Чушь! Бородкин всегда сидел в стороне от всех политических разборок, не высовывался. Кочкин же был связан с известными нам криминальными структурами, ему шум тоже был ни к чему. Но убрали именно их. Почему?

Вопрос был из разряда риторических, и Баканов промолчал.

— Я согласен с мнением Игоря Владимировича, — сказал Первухин. — Какой-то очень большой человек на самом верху создал свою собственную команду. Вас не удивляет, Владимир Алексеевич, одно обстоятельство? Почему президент вдруг перестал теребить нас за убийства депутатов? Когда он вызывал вас в последний раз?

Бондарь задумался, машинально закуривая.

— После убийства Забодыко, пожалуй...

— Потом убили Бородкина, Кочкина, Моремана, Винокура, Петросяна... и ничего? Где благородный гнев? Где разносы? Внеочередные заседания Совета безопасности? Почему не летят головы?

Директор ФСБ озадаченно разглядывал строгое лицо Первухина, и даже Баканов глянул на сослуживца с удивлением.

— Что ты хочешь этим сказать, Федор Ильич?

— Ничего, — последовал лаконичный ответ. — Я просто думаю.

— А поконкретней? Сказал «а», говори «б».

Начальник Управления спецопераций покачал головой. Он был достаточно умен, чтобы понимать: инициатива всегда наказуема, даже если ты просто размышляешь вслух. У него, конечно, была версия относительно волны смертей депутатов Госдумы и сотрудников спецподразделений, но высказывать ее до времени он не хотел.

— Не знаю, Владимир Алексеевич, данных недостаточно для конкретных выводов.

Директор ФСБ понял своего подчиненного, помрачнел.

— А когда будет достаточно? Когда ваша «третья сила» перестреляет половину парламента? — Он перевел взгляд на ерзавшего на стуле Баканова. — Генерал, чтоб через три дня у меня был результат по делу Кочкина! То, что президент не вызывает на ковер, еще ни о чем не говорит. Но головы полетят, я уверен. А вслед за моей...

— Понял, товарищ генерал! — вытянулся Баканов, вставая. — Разрешите выполнять?

Встал и Первухин, разглядывая над столом за спиной директора портрет президента в натуральную величину. Бондарь оглядел их, понимая чувства обоих, усмехнулся.

— Ладно, не тянитесь, исполнительных служак вы изображаете плохо. Работайте быстрее, генералы, ФСБ должна стоять над ситуацией, а не под ней. Ясно?

Начальники управлений молча наклонили головы.

— А вам, Федор Ильич, все же придется высказать свои соображения по поводу... э-э... «третьей силы». В письменной форме.

— Вряд ли у меня получится, — возразил Первухин. — Я исполнитель, а не аналитик.

— Идите.

Генералы вышли.

— Ну, что ты об этом думаешь? — закурил в коридоре Баканов. — Не было печали...

— Был такой польский писатель, Станислав Лем...

— Почему был? Он и сейчас живет, пишет.

— Я как-то читал его интервью, где он высказал мнение о политиках. Постой-ка, вспомню... Ага, он сказал так: политик не должен быть слишком умным. Очень умный политик видит, что большая часть стоящих перед ним задач совершенно неразрешима.

— Ну правильно.

— Эта формула вполне отражает уровень директора. Меня-то он зачем вызвал? Я действительно не аналитик и не следопыт. Хочет повесить «мертвяка»?[1]

— Вполне возможно. Пути отхода и ему нужны. Однако я о другом. Кому понадобилось создавать спецкоманду? Может, Коржанову?

Первухин иронически прищурился, и Баканов понял, что ответа не получит.

---

[1] «Мертвяк» — дело, не поддающееся раскрытию (*жарг.*).

ОТКАЗ № 2

Несмотря на основательный опыт трансовых путешествий — по мировой линии рода Соболевых, во время которых Матвей как бы внедрялся в память своих предков и мог видеть мир прошлого их глазами, ему никак не удавалось опуститься по времени в прошлое ниже определенного предела: все его «погружения» заканчивались в телах Перволюдей — полульвов-полулюдей-полунасекомых. То есть, если брать определенный отрезок земной истории, период, в который попадал Матвей, соответствовал стыку протерозоя и кембрия — около пятисот пятидесяти миллионов лет назад, когда природа Земли после колоссальной встряски Изменения реальности снова испытала бурный всплеск жизни и по суше наряду с первыми измененными Инсектами уже бродили гигантские рептилии, динозавры и быстро прогрессирующие отряды млекопитающих.

Все попытки Матвея «нырнуть» за предел Изменения — хотя бы на миллиард лет назад, в мир Инсектов — терпели неудачу.

Вот и на сей раз, погрузившись в трансовый сон, он выплыл из временного «водопада» в теле одного из своих первопредков, видимо, курьера или разведчика, посланного каким-то из кланов Перволюдей в один из районов материка, где когда-то обитали Инсекты.

Вход в сон напоминал зеркало: Матвей как бы продавил телом отражающую поверхность, преодолел залитый светом проход, не обращая внимания на тихие шорохи, шепоты и вздохи, пережил состояние невесомости, потом приятной расслабляющей эйфории и превратился в стремительный поток энергии, пронизывающий пространство генной памяти отца, деда, прадеда...

Сознание в этом полете не участвовало, прочерчивая штриховую трассу смысловых вспышек. Личностью Матвея, его «я» управляло подсознание, и именно оно останавливало падение в прошлое, непостижимым образом внедряя душу Матвея, его сознание, память, интеллект, чувственную сферу в сознание одного из предков...

Он недвижно стоял на склоне горы и смотрел вниз, на расстилавшуюся у подножия горы холмистую равнину. Холмов было много, и располагались они не как попало, а в шахматном порядке, и кое-где на их вершинах еще сохранились грибообразные башни — палеоменгиры, жилища древних разумных термитов — Изоптеров. Один из палеоменгиров был особенно велик и сложен, он, очевидно, принадлежал царской семье Изоптеров, а в его чешуйчато-рельефную стену уткнулся гигантский скелет колеоптера, похожий на танк, собранный из костей. Матвей, вер-

нее, тот, в сознании которого он устроился тайным лазутчиком, задержал взгляд на скелете, потом достал ктар — бинокль, позволявший перестраивать фасетчатое зрение Инсектов в бинокулярное — людей.

Колеоптер приблизился — жуткое творение природы, задолго до появления человека и его машин для уничтожения себе подобных — танков реализовавшей эту же форму в живых существах. Еще труднее было вообразить, что «танк» — скелет разумного жука...

Окинув взглядом небосвод, Матвей-носитель (в отличие от Матвея-наездника) обогнул скалу и тяжело влез на гигантское шестилапое животное, заменяющее Перволюдям коней. Пока всадник спускался по склону горы на равнину, Матвей-второй осмотрел его снаряжение, и уверенность в том, что его неведомый предок — разведчик, окрепла: всадник был вооружен арбалетом, копьем, мечом, целым колчаном метательных ножей, набором дротиков и плетью с колючим шаром на конце. В случае чего он мог отбиться от небольшой стаи измененных Инсектов или от шайки грабителей, существовавших уже и в те времена.

Тяжелой иноходью шестиног вынес своего повелителя к первому ряду холмов, пошел медленнее. Матвей-первый снова приставил к глазной щели ктар, вглядываясь в покосившиеся башни термитников, но все было тихо, ветер посвистывал в щелях входов, играл текучими струями пыли, шевелил высохшие ленты ползучих растений. Приблизившись к царскому дворцу, всадник спрыгнул на землю, достал арбалет, несколько ножей, какую-то короткую палку с белым навершием и полез на холм. Остановился возле скелета колеоптера, внимательно осмотрел его со всех сторон и шагнул в треугольную щель главного входа во «дворец». Матвей-второй успел заметить пористо-глазурованную поверхность стен башни и понял, что «дворец» Изоптеров когда-то горел. А может быть, перенес термический удар, оплавивший стены, изменивший его геометрический рисунок.

Матвей-первый что-то сделал второй парой рук, обычно прятавшихся под панцирем на животе, и белая нашлепка на конце палки загорелась ядовитым пронзительно-зеленым пламенем, стреляя искрами, как бенгальский огонь. Мимо потянулись крупнопористые, почерневшие, в пятнах лишайников стены коридора, который, дважды повернув, вывел разведчика в тронный зал «дворца». Матвей прошагал к центру зала и поднял выше свой необычный факел. В его неверном свете Матвей-второй разглядел расколотый надвое трон — бликующий многогранный шатер с тонкими витыми ножками и глыбой саркофага. От шатра несло пылью, запустением, давней смертью и безнадежной древностью. Было ясно, что хозяева «дворца» Изоптеров давно исчез-

ли с лица земли, а если кто и жил здесь, то лишь летучие мыши и одичавшие потомки Инсектов — пауки, мокрицы и тараканы.

Тяжело топая в застывший рябью пол, Матвей-первый приблизился к трону, грохнул рукой в перчатке по вздутию саркофага, и тот внезапно раскрылся, как раскрывается коробка под действием пружины. Внутри трехметровой ячейки на толстом слое не то паутины, не то ваты лежали почерневшие останки Изоптера, командира семьи, древнего разумного термита. Несколько секунд Матвей-первый смотрел на останки, потом повернулся к саркофагу спиной.

До этого момента Матвей-второй не вмешивался в действия хозяина тела, теперь же его интересы разошлись с интересами предка. Усилием воли он «выпрямился» внутри тела и занял весь объем сознания Первочеловека. С этого мгновения он мог командовать телом сам, и с этого мгновения вся человеческая история могла измениться от каждого его шага! Именно это имели в виду Посвященные из Союза Девяти, когда говорили о ретроактивном воздействии, именно этого боялись они, и не только они, но и Хранители Внутреннего Круга. Однако Матвей не догадывался о своих возможностях, считая свое ретропутешествие пусть необычным, но сном.

Он повернулся к саркофагу Изоптера, преодолел внутреннее сопротивление и суеверный страх, пошевелил останки «царя», легкие, пустотелые, как скорлупа, и нащупал некий изогнутый предмет. Медленно вытащил его из-под хитинового панциря Изоптера: нечто вроде старинного кремневого пистолета с рифленой рукоятью, толстым пупырчатым стволом и сложным курком. «Пистолет» отсвечивал тусклым золотом и был тяжел, как двухпудовая гиря.

Хмыкнув, Матвей перехватил «пистолет» поудобнее, направил ствол на стену зала и нажал на спуск. Вернее, хотел нажать. Кто-то с невероятной силой вырвал «пистолет» из его руки, а удар по голове бросил Матвея в беспамятство...

«Выплыл» он из этого состояния уже в каюте яхты, стоявшей на якоре возле любимых Стасом и Кристиной островков.

Рядом, на соседних койках, спокойно спали Кристина и мальчишка. В каюте стоял тонкий запах духов женщины, в последнее время она предпочитала «Же озе» французской фирмы «Карвен».

Матвей несколько мгновений ласкал ее взглядом, потом встал с койки и принял на полу подмасану[1]. Наклонил вперед голову, пока подбородок не прижался к груди, позволил телу свободно реагировать на происходящие в нем процессы и спустя

[1] Подмасана — поза лотоса.

минуту перешел на так называемое «огненное дыхание», при котором брюшная полость расширяется во все стороны равномерно. Через несколько минут, закончив массаж внутренних органов, он был полностью спокоен и воспринимал большинство полей и излучений, пронизывающих воздух, море, всю Землю как планету. Непосредственной опасности будущее — утро по крайней мере — не предвещало, но состояние мира было тревожным. Темные облака эгрегоров — психических излучений основных групп людей — постепенно сгущали цвет, что говорило о негативном изменении общего пси-фона; мир сдвигался к резонансу зла, несмотря на видимость внешней стабилизации обстановки во всех странах. Но усиливающаяся волна терроризма вскоре грозила превратиться в цунами, в ураган, сметающий все на своем пути. Человечество шло к гибели как разумный вид, подвластное Закону изменения энтропии. И в этой общей разбалансированности добра и зла готовилась кем-то «ниша страданий» и для семьи Матвея Соболева. Тонкие струйки враждебного дыхания этой «ниши» Матвей уже ощутил...

Закончив медитативный сеанс успокоения и оздоровления, он вышел на палубу яхты и долго любовался луной, спящим морем, лунной дорожкой, звездным небом... О своем сне-путешествии думалось как-то отстраненно, словно он видел фильм, а не был его участником. И вот ему показалось, что кто-то огромный, как Вселенная, тенью навис над морем, посмотрел на человека сверху задумчиво и строго, с долей недоумения и погрозил пальцем...

Кристина все еще спала, когда мужчины (Стас приучился вставать рано утром, почти с восходом солнца) приготовили завтрак и разбудили ее утренней молитвой:

— О, святая Кристина, покровительница сирых и слабых семейства Соболевых, смилуйся над нами и отведай пищи, которую послал Бог, оцени мастерство слуг твоих и отринь сон, и восславь природу, дарующую радость...

— Аминь! — звонко закончила Кристина, появляясь на пороге каюты, потянулась всем телом, и мужчины, глядящие на нее с высот разного опыта и возраста, но с одинаковым восхищением и любовью, бросились перед ней на колени.

Потом они завтракали, купались, ловили крабов, а когда Кристина легла с книгой в шезлонг, заслонясь от солнца зонтиком, Матвей и Стас принялись играть в дартс, метая стрелки в мишень с разной дистанции и азартно споря, кто удачнее бросал. Одновременно Матвей тренировал свое новое умение контролировать сознанием рефлекторные процессы — сердцебиение и дыхание. На уровне высокого напряжения нервной системы это удавалось легко, в обычном же состоянии организм сопротив-

лялся, то и дело останавливая сердце. Именно это обстоятельство и объясняло промахи Соболева-старшего во время игры. Правда, радость Стасу промахи отца доставляли искреннюю.

Играть он прекратил, почувствовав внутренний дискомфорт. Сторожевая система организма проснулась и тихо «зарычала» на тончайшее дуновение опасности.

В принципе для Матвея само понятие «неожиданность» перестало существовать. Ему давно стали подвластны не только острые ощущения опасности — сакки, как говорят японцы, что в традиции ниндзюцу обозначает «ветер смерти», интуитивное ощущение внезапного нападения, — но и более тонкие полевые нарушения вакуума, сдвиги внешних состояний структур: от элементарных частиц до массивных скоплений материи — зданий, сооружений, машин, лесных пространств и гор. На природном равновесии отражается не только действие человека, но даже его слово и мысль, просто надо знать законы, позволяющие уловить воздействие, прочитать его. Матвей знал.

Поэтому, когда на горизонте появился быстроходный катер с двумя пассажирами, он был готов к приему гостей. В том, что они ищут его, он не сомневался. Не сомневался Матвей и в недобрых намерениях гостей, потому что дисгармония от появления катера не уменьшалась по мере его приближения.

— Па, смотри — катер! — обернулся на звук мотора Стас. — Похоже, к нам идет.

— Спустись с мамой в каюту, — тихо произнес Матвей, глянув на встрепенувшуюся Кристину. — Крис, посидите несколько минут в каюте, хорошо?

— Что-нибудь не так? — Кристина посмотрела на идущий полным ходом катер, нахмурилась. — Ты думаешь...

— Идем, мадэ Крис, — дернул ее за руку мальчишка, понимавший Матвея с полуслова. — В карты поиграем, пока па с ними выяснит отношения. Спорим, обыграю?

Матвей улыбнулся, подмигивая парню. Он научил всех играть в белот, и Стасу очень понравилась эта сложная игра. Кристина, так же хорошо улавливающая настроение мужа, спокойно улыбнулась в ответ.

Катер сбавил ход, подошел к яхте впритирку, качнув ее слегка волной, и на палубу, держась за леер, ловко перебрались пассажиры катера — как оказалось, японцы. Прищурившись, Матвей разглядывал обоих, не вставая из шезлонга. Оба, явно профессиональные воины, были очень сильны, судя по ауре и несуетливым раскованным движениям, но один из них скорее всего обрусел, переняв западную манеру поведения, а второй вел себя, как все мэйдзины, мастера ниндзюцу, свободно читающие противника.

Несколько мгновений Матвей и японец (лет сорока — возраст наивысшего расцвета мастерства при соблюдении всех традиций нинпо тайдзюцу) смотрели друг на друга, не шелохнувшись, потом японец отступил назад, поклонился и спрыгнул на корму катера, сел на сиденье в кабине и застыл. Второй гость покосился на него, но отступать не стал, не потому, что реакция спутника не произвела на него впечатления, а по причине более прозаической: ему дали задание, он должен его выполнить.

— Я Дзиро Маюмура, — сказал японец практически без акцента, что указывало на правильную оценку Соболевым его личности — мастер долго жил в России, может быть, с рождения. — Меня послал Посвященный с предложением...

— Стоп! — прервал гостя Матвей, поднимая руку. — Не стоит продолжать. Я не хочу знать, кто этот Посвященный, хотя вычислить его нетрудно. Я не жду никаких предложений — это первое. Не стремлюсь ни к славе, ни к власти, ни к богатству — это второе. И последнее: передайте вашему хозяину, что я не потерплю ни малейшего давления, от кого бы оно ни исходило. Человек я сугубо мирный, но всегда готов ответить адекватно. Ваш друг из Страны восходящего солнца, честь ему и хвала, это понял.

— Я закончу, — невозмутимо продолжил Маюмура. — Не хотите участвовать в коррекции — я передаю слова моего хозяина, — ваше дело, но тогда сообщите хотя бы координаты мира, где хранится действующий «трон».

Матвей понял, что речь идет о МИРе — «модуле иной реальности» Инсектов, в котором остался включенным саркофаг последнего «командира» Арахнидов. С его помощью полтора года назад Матвею удалось блокировать все входы в уцелевшие МИРы и перекрыть границу запрещенной реальности Земли. Но многим из Посвященных, членов Союза Девяти Неизвестных, захотелось исправить положение, при котором они потеряли былую власть и вес, откорректировать реальность по-новому — и ради этого они были готовы на все. Первым к Соболеву пришел Юрьев, подчеркнуто открыто, не убоявшись раскрыть себя. Он попытался прощупать мыслесферу Матвея, пробить блоки и подчинить его волю, но натолкнулся на непробиваемую пси-защиту и отступил. Его предложение дать доступ к Знаниям Бездн в обмен на доступ к МИРам Матвей посчитал несерьезным. Если бы Юрий Венедиктович имел этот доступ, ему не понадобилось бы уговаривать Соболева открыть вход в МИР Арахнидов.

Матвей не раз вспоминал своего тезку Матфея-Хранителя, предупредившего о возможных появлениях Посвященных, однако только теперь понял, что его действительно не оставят в покое, пока он не согласится или не предпримет какие-то контрмеры. Этот японец, мастер «гашения обликов», посланец таинст-

венного Посвященного (скорее всего Рыкова или Носового), вряд ли догадывается, кто его хозяин на самом деле и что такое МИР, упомянутый им, но настроен весьма решительно. Господи, подумал Матвей, как не хочется возвращаться на тропу войны!..

— Я не знаю координат входа в МИР, — сказал он, более не излучая доброжелательности. — Передайте Хейно Яновичу — я правильно определил имя вашего хозяина? — что ему я не сказал бы этого, даже если бы знал координаты. Впрочем, как и любому другому из Девяти. Вы запомнили?

Что-то быстро-быстро сказал по-японски спутник Маюмуры, сидящий в катере. Судя по интонации, он предлагал приятелю отступить.

Маюмура был шокирован, но природная невозмутимость помогла ему прийти в себя.

— У меня приказ, — проговорил он, вытаскивая из-за ремня под рубашкой тяжелый пистолет. На Матвея выплеснулась волна угрозы — деловой, рабочей, так сказать, без ненависти и злобы. Японец действительно имел приказ заставить Соболева заговорить.

Но, как ни быстро двигалась рука Маюмуры, направляя ствол пистолета (не пистолета — «глушака»!) в голову полулежащего в шезлонге Соболева, как ни спешил палец нажать на спуск, Матвей действовал быстрее. За сотую долю секунды до выстрела он ушел с трассы луча, в стиле кайтэн[1] достиг Маюмуры и, коснувшись его колена, послал японца в состояние ступора. Подобрал выпавший из руки «глушак», бросил в воду, мягко похлопал гостя по щекам.

— Ну как, все в порядке? Идти сможете?

Маюмура потряс головой, огляделся вокруг все еще затуманенными глазами и, деревянно переставляя ноги, двинулся по палубе яхты к борту, с трудом перелез на корму катера, сел к штурвалу.

— Вы все запомнили? — вежливо спросил Матвей, глядя на обоих пассажиров сверху.

Маюмура включил мотор, катер взревел и прыгнул вперед, задев борт яхты. Из каюты на корме выглянул Стас, на лице которого читалось восхищение.

— Ты даешь, па!

Появилась Кристина в халатике, подошла к Соболеву, чмокнула его в щеку.

— Ты был великолепен!

---

[1] Кайтэн — кувырок с перекатами.

— Так вы подсматривали? — Матвей напустил на себя сердитый вид. — Я же велел не высовываться.

— Мы и не высовывались, — засмеялся Стас. — Ты забыл про перископ. Ну что, купаться? Или продолжим бросать стрелки?

— Я покемарю. — Матвей прошлепал ко второму шезлонгу и улегся рядом с женой.

— Чего они хотели? — тихо спросила женщина.

— Предлагали хорошо оплачиваемую работу.

— Ты согласился?

— Я сказал, что неплохо живу на стипендию жены.

Кристина фыркнула.

— А если серьезно? У меня нехорошее предчувствие...

— Не волнуйся, все будет хорошо. Как он? — Матвей бросил взгляд на живот жены.

— Шевелится изредка, но вообще спокойный парень, весь в тебя. Но ты не сказал, кто это был.

Матвей сделал вид, что заснул. Потом позвал Стаса:

— Эй, матрос, готовь корабль к походу, меняем дислокацию.

— Есть, шкип! — с готовностью отозвался мальчишка и закричал звонким голосом: — Бом-брам-рею развернуть! Эрнс-бакштаги закрепить! Брасы и шкоты вытравить! По марселям стоять, с якоря сниматься!..

О ЧЕМ ГОВОРИТЬ, ЕСЛИ НЕ О ЧЕМ ГОВОРИТЬ?

Полковник Каледин оказался умнее, чем обычный армейский командир. Он не стал задерживать Василия после разборки операции по ликвидации разведотдела Сверхсистемы и ни словом не обмолвился, назначая сбор команды на воскресенье второго июня.

Поэтому ничего не подозревавший Котов, собиравшийся встретиться с самим Коржановым и перейти в его непосредственное подчинение, был весьма неприятно удивлен, когда Каледин завел его в дежурку на территории базы и сказал сухо:

— Вы арестованы, Котов. До выяснения позиций. Сдайте оружие.

И тотчас же в комнату размером три на четыре метра с решетками на окнах, со столом, двумя стульями и монитором телеобзора территории вошли трое «копов» с автоматами в руках: Скворцов и Бразаускас — с «узи», Лямин — с «никоном».

Василий бегло оглядел ребят: Андрей Скворцов выглядел явно смущенным, Витас Бразаускас был холоден, как всегда, Сергей Лямин играл сверхкрутого профи, которому сам черт не брат.

В принципе он был неплохим рукопашником и отличным снайпером, но гонор и презрительное отношение к противнику мешали ему стать настоящим мастером боя.

— Во-первых, я не ношу оружия, — спокойно сказал Василий. — Во-вторых, за что я арестован? Какие позиции должны быть выяснены, когда и с кем?

— Ты задаешь много вопросов, ганфайтер, — произнес брезгливо Лямин. — Пошли, посидишь в КПЗ денек-другой, подумаешь, как надо выполнять приказы командира.

— Никуда я не пойду. — Вася уселся за стол, заняв с виду предельно неудобную позицию для человека в этом положении. Опытные в подобных делах бойцы должны были оценить это. Но именно на такую оценку он и рассчитывал, зная, как расслабляет людей уверенность в своем превосходстве. И он не ошибся: Скворцов и Бразаускас опустили автоматы, Лямин перехватил свой «никон» левой рукой.

— Итак, полковник, в чем дело?

Каледин сдвинул брови, озадаченный поведением подчиненного.

— Ты знал, на что шел, когда звонил мне. Или будешь подчиняться без всяких условий, или...

— Договаривай, здесь все свои. — Вася сделал широкий жест рукой, наблюдая, как на него прореагируют конвоиры. Никак. Очень хорошо!

— Или мы больше не встретимся, — совсем уж сухо закончил Каледин.

— Ах, даже так? — Вася покачался на стуле вперед-назад. — Говорил мне дед: не увлекайся беспорядочными сексуальными связями, заразу подхватишь, а я не послушался. Помнишь, полковник, что я сказал при первом знакомстве?

— Давай двигай! — замахнулся прикладом автомата Лямин.

И Василий ответил ему одним из приемов «импоссибл», разработанных специально для кажущихся безнадежными и невыгодными положений; применять космек он не мог — ребята были ни в чем не виноваты, а ТУК — не хотел.

Конечно, общеизвестно, что самый быстрый удар ногой в прыжке значительно медленнее выстрела из пистолета и даже профессионального удара ножом, например, мечом или кулаком. Но когда помещение очень тесное, развернуться негде и удар не виден из-за тела соратника, такой удар проходит.

Уколов Лямина в сонную артерию, Вася тут же врезал ногой Бразаускасу в подбородок, а Скворцову рукой в живот, пробивая мускульный каркас. И бой закончился. Автомат, отобранный у Лямина изящным круговым движением с уклоном и поворотом, смотрел Каледину в грудь.

Полковник ошарашенно проследил, как падают гаранты его безопасности (Лямин — тихо, как мягкая игрушка, Бразаускас — с грохотом, ломая стул, Скворцов — согнувшись), поднял глаза на Василия.

— Не дури, Котов. Ты же понимаешь, уйти отсюда тебе все равно не удастся.

— Ошибаешься. — Василий ловко крутанул в руке «никон», удобный, увесистый, грозный и красивый автомат, один из лучших в мире, если не лучший. — Я уйду. Но прежде я все же хотел бы поговорить с начальством.

— Я к вашим услугам, — раздался из-за двери тихий, ничего не выражающий голос, и в комнату вошел Рыков Герман Довлатович собственной персоной. За ним бесшумно просочился один из «копов» — Темир Жанболатов, и по тому, как он держал внимание на Рыкове, Василий понял, что Темир — телохранитель Рыкова, а может быть, и помощник. Оглядев поле боя, медленно приходивших в себя бойцов КОП, Герман Довлатович скривил губы в понимающей усмешке и сел у стола на уцелевший стул.

— Я не успел... — начал Каледин.

— Выйди, Семен Петрович, — сказал Рыков, — и мальчиков забери. Я хочу поговорить с Котовым наедине.

— Но он...

Рыков с кротким укором посмотрел на полковника, и тот вышел, жестом приказав остальным следовать за ним.

— Садись, ганфайтер, поговорим.

Василий ногой подвинул к себе табурет, сел.

— О чем пойдет речь?

— О чем говорить, если не о чем говорить, так? — улыбнулся бледными губами Герман Довлатович, и Василию показалось, что под черепом у него зашевелились-побежали муравьи. Он напрягся, ощущение прошло.

— Примерно так.

Улыбка Рыкова погасла.

— Не бузи, ганфайтер. Ты в самом деле знал, на что шел, соглашаясь на предложение Коржанова. КОП — не спортивная команда, законы ее жизни значительно суровей, зато и возможности гораздо шире. А ты — человек действия, и путь твой — карма марга, а не нивритти марга[1].

— Я не подряжался работать обыкновенным киллером.

— Согласен. Это была моя инициатива — пригласить тебя в команду, я исправлю положение. Тем не менее хочу уточнить: ты

---

[1] Карма марга — путь для активных людей к реализации через действие; нивритти марга — путь реализации путем воздержания от мирских действий и желаний.

еще не сакши, как твой друг Соболев, а садхака[1], которому полезен опыт ликвидации других людей. Надеюсь, терминология йоги тебе знакома?

— Соболев — не сакши. — Вася проглотил обидную нотку насмешливого превосходства в голосе собеседника. — И пусть я садхака, ликвидатором все равно не стану. — Василий подумал и добавил: — Если только меня не вынудят защищаться. Что касается Матвея, то он скорее самахитачитта[2], а не сакши.

— О Соболеве разговор особый. Давай решим, что делать с тобой. Итак, работать в КОП ты отказываешься...

— Я отказываюсь только от «мокрых» дел, — сказал Вася чуть резче. — Могу, в конце концов, работать фельдъегерем, контролером, порученцем, поваром даже... если рентабельно ганфайтера держать за «шестерку» на побегушках.

— Но и отпустить тебя на все четыре стороны мы не можем. Согласись, после всего, что узнал, ты прямая угроза утечки стратегически важной информации по уровню «четыре нуля». Даже если тебе удастся уйти отсюда живым, всегда отыщется исполнитель более высокого класса и приведет приговор в исполнение.

— А что, приговор уже готов? — угрюмо полюбопытствовал Василий. — Боюсь, исполнителя такого класса вы будете искать долго.

— Вопрос времени — не главный. Но оставим схоластические споры. У меня есть более сильное предложение. Ты ведь знаком с Вахидом Тожиевичем Самандаром, президентом МИЦБИ?

— Вы прекрасно знаете, что знаком.

— Он кандидат в Союз Девяти. О чем идет речь, понятно? Желательно, чтобы ты ему помог. Для чего необходимо убрать маршала «СС» Хейно Яновича Носового. Думаю, в этом случае проблема этики решена, потому что Носовой по всем законам — носитель зла. Не так ли?

— Кто взвесит зло? Может быть, вы по тем же законам не меньший носитель зла. — Василий, уже получивший предложение Самандара, продолжал соблюдать внешнюю невозмутимость. Рыков не мог знать о визите Самандара к Котову и о его просьбе помочь, но совпадение предложений навевало кое-какие ассоциации.

— Почему именно вы проявляете заботу о Самандаре?

— Дело не в нем лично, просто он подготовлен к работе в Союзе, дело в Хейно... э-э... Яновиче. Носовой перестал быть

---

[1] Сакши — провидец, который видит, но не действует; садхака — ищущий, стремящийся (*йога*).

[2] Самахитачитта — состояние, в котором ум, интеллект и эго хорошо сочетаются, хорошо уравновешенная личность.

одним из, некоторые его действия идут вразрез с волей Девяти. Он должен уйти.

— А разве Союз не решает сам вопросы отставки того или иного члена? Путем голосования, например? И разве вы не теряете секретность деятельности Союза, привлекая к своим проблемам непосвященных? Ведь ваша организация называется Союзом Девяти Неизвестных. Неизвестных! А я уже, по сути, знаю троих. Или вы меня потом, после выполнения задания, ликвиднете?

— Отвечаю по порядку. — Рыков был само терпение и кротость. — К сожалению, голосование на нынешнем этапе отношений невозможно, в Союзе образовались три коалиции, и решающего большинства голосов набрать не удастся. Что касается тайны... да, Неизвестные должны оставаться неизвестными, но и они при выполнении своих планов опираются на простых смертных. А особо приближенные иногда становятся людьми Внутреннего Круга. Так что у тебя есть перспектива.

— Благодарю покорно. Я и сам иду в нужном направлении. А если я откажусь?

Рыков не ответил, но и без того ответ его был ясен.

— И все-таки мне надо все взвесить.

— Взвешивай, — неожиданно легко согласился Генеральный Судья «Чистилища», встал и словно навис над Василием огромной стеной, хотя, даже стоя, едва ли доставал ему, сидящему, до макушки. Постоял немного и тихо удалился, не сказав больше ни слова. Это было мысленное предупреждение, слабый энергоинформационный выпад, смявший эфирную оболочку — ауру Котова, но он этого не понял, посчитав свои ощущения реакцией на разговор.

Через минуту в дежурку зашел озабоченный Каледин.

— Что он тебе сказал?

— Посоветовал думать, прежде чем совать голову в петлю.

— Хороший совет. Мне приказано оказывать содействие... — Каледин с любопытством глянул на отрешенно-безучастное лицо Котова. — Ну, ты и фрукт, ганфайтер! Что ж молчал?

Вася глянул непонимающе.

— О чем?

— Герман сказал, что ты — резерв главного командования. То есть, я так понимаю, самого президента. Верно?

— М-м-м... — сказал Василий.

— Понятно. Можешь убираться... или оставаться, как пожелаешь. На территорию базы вход для тебя открыт в любое время суток. Пожелания какие-нибудь будут?

— Нет.

— Тогда прими еще один совет: остерегайся Серегу Лямина. Ты его побил дважды, а такие не прощают.

— Переживу, — равнодушно произнес Василий. — Врага нынче иметь выгодней, чем друга.

— Это почему?

— По крайней мере он не предаст.

Василий вышел из здания дежурного поста, глянул на замолчавших парней — Скворцова, Лямина, Бразаускаса, Тротта, помахал им рукой и направился к стоянке машин, где стоял его «Вольво» и откуда только что уехал Рыков в сопровождении Жанболатова. Что делать дальше, Василий не знал. С одной стороны, Рыков был прав: по характеру он человек действия, скорее трудолюбивый, чем талантливый. Но это не означало, что он не умел размышлять и принимать решения на основе размышлений. Он мог быть жестоким — при необходимости, но чаще поступал великодушно, уходил от дела, если считал, что это необходимо, так как организовывал ритм жизни по внутренней оценке смысла, но тут же брался за дела, практически его не касавшиеся. Однако данный случай был особым. С одной стороны, Василий не прочь был помочь Вахиду Тожиевичу стать одним из Девяти, все же полтора года назад они сражались на одной стороне. С другой — эта помощь могла выйти боком, потому что тут замешан Рыков, личность темная и неприятная.

«Взвешивай», — сказал он. Что ж, хороший совет. А что бы посоветовала Ульяна? Может, все-таки съездить к ней, поговорить?

Еще не приняв решения, Василий понял, что поедет в Рязань во что бы то ни стало, имея все основания для визита.

Они встретились на Новопесчаной у знакомой двери с медной табличкой «Бизнес-клуб «Невка»: Василий, Костя Злобин и его девушка, которую звали Светлана. Симпатичная курносая девушка с длинными русыми волосами и серыми глазами, и она хорошо дополняла Константина, человека в общем-то незлобивого, несмотря на фамилию, но весьма независимого и свободолюбивого.

— Видно пана по халяве, — шепнул Вася Косте на ухо, когда они познакомились, имея в виду его подругу. Костя понял это как комплимент.

— Ты еще не знаешь, какова она в постели, — самодовольно шепнул он, пока Светлана приводила себя в порядок у зеркала.

Вася засмеялся.

— Мне нравится твое «еще». Красивая девушка, видно сразу. Где ты с ней познакомился?

— Так она в той самой пекарне работает, откуда я ушел. Не сразу разглядел ее, да и ухажер имелся.

— Ты его не зашиб, часом?

Теперь уже засмеялся Константин.

— Столкнулись как-то, он думал, что сильно крутой... как же — замдиректора пекарни! В общем, мы поговорили, и Светланка меня оценила. Ну, что заказываешь?

— Давай сам.

Пришла Светлана, разговор сразу стал интереснее, веселее, друзья расслабились, и даже Василий, обычно в компании больше слушающий, чем говорящий, рассказал пару анекдотов и сам смеялся над анекдотами Кости. Жалел он только об одном — рядом нет Ульяны.

В десять часов вечера они вышли из клуба и двинулись в сторону улицы Куусинена. Машину Вася оставил у «Невки», решил пройтись пешком, благо Света жила недалеко, в двух кварталах.

Шли медленно, в разговоре перескакивали с темы на тему, обсуждая достоинства то политических деятелей, то артистов и писателей, то просто приятелей и знакомых. Вечер выдался тихим и теплым, и домой идти не хотелось. И вдруг Василий почувствовал, что по тыльной стороне ладони левой руки бегут холодные мурашки, и настроение его подувяло. Подсознание — предупреждение об опасности.

Они свернули за угол, в переулок Чапаевский, где жила Светлана, и сразу же стали свидетелями нападения трех парней на молодую пару. Девушку они отшвырнули в сторону, а сами принялись избивать парня в белом костюме. Парень сначала сопротивлялся, но, получив удар в лицо каким-то черным предметом, упал, и добивали его уже ногами.

Девушка, заметив появившихся Костю, Васю и Свету, закричала.

Трое громил в одинаковых шелковистых куртках оглянулись, но не побежали, а с ленцой двинулись в глубь переулка, явно не принимая возникших молодых людей за серьезного противника.

— Догоним? — предложил Злобин.

Василий подошел к упавшему парню, который зашевелился, пытаясь подняться на ноги. Его рыдающая подруга пыталась ему помочь.

— Что происходит? — хмуро спросил Василий.

— П-подонки!.. — Дрожащие губы мешали девушке говорить. — Роман журналист... второй раз уже... с-сволочи... Помогите ему встать... г-гады! Говорила: не трогай их — не послушался...

Костя и Василий переглянулись, помогли парню подняться.

Лицо у него было в крови, рубашка разорвана, сквозь дыры проглядывали ссадины и лиловые пятна.

— Вот подлецы... — с трудом сказал пострадавший, морщась. — Они меня сначала электрошокером в грудь...

— Вы уверены?

— Еще бы!

— За что? Может, просто хотели ограбить?

— Роман журналист, — снова сказала спутница пострадавшего, всхлипывая. — Написал статью в «Сегодня», «Джентльмены у дачи» называлась... о строительстве дач депутатами. Ему сначала звонили, грозили голову отвернуть... а когда другая статья вышла — о даче депутата Подгорного, сначала облили бензином дверь квартиры и подожгли, а теперь вот... видите...

— Так это заказ?

Журналист неловко дернул рукой, сморщился, помассировал бок, грудь.

— Один из этих амбалов все время ходит с Подгорным, телохранитель, наверное. Я запомнил.

— Идти можете?

— Дойду, мы недалеко тут живем. Катя поможет. Спасибо.

Василий и Костя проводили глазами заковылявшую прочь пару, глянули друг на друга.

— Да ну их к дьяволу! — проворчал Злобин. — Не стоит связываться.

— Так они же снова к нему придут. Ты иди со Светой домой, а я вас догоню, — решился Василий. — Не волнуйся, я только вежливо поговорю с ними.

— Вася, не надо, — попыталась было отговорить его девушка, но Василий уже исчез, оказавшись далеко впереди, в круге света от следующего фонаря.

Он догнал напавших буквально на следующем перекрестке: трое не спешили, привыкнув считать себя хозяевами положения, и не боялись милиции, с которой у них наверняка были неплохие отношения. Они уже садились в машину, красную «Лянчию», когда неслышно возникший сзади Василий окликнул:

— Эй, мордовороты, поговорить надо!

Фонарь в этом месте не горел, однако Вася хорошо видел выражение изумления, проступившее на лице оглянувшегося парня (богатырское сложение, явно из спортсменов, но слишком сытый).

— Тебе чего, глиста?

— Пару оплеух, и на ночь в катух, — насмешливо ответил Василий, приблизившись на расстояние уверенного приема — два метра. — Хочу кое-что выяснить, мурло. Кто давал задание на устранение журналиста?

Парни переглянулись, обменялись нехорошими усмешками, двое начали заходить с обеих сторон, доставая черные пеналы, в которых Василий опознал полицейские электрошокеры «павиан».

— Ты кто такой, шибздик? Жить надоело? О каком задании речь?

— О том самом, какое ты, рожа, получил от Подгорного. Или от другого депутата? От кого именно, харя?

— Он офигел! — обратился спортсмен к своим подельникам, тоже спортивного вида малым, с печатью рэкетиров на квадратных физиономиях. — Надо привести его в чувство...

Василий сделал выпад левой рукой, вдвигая кадык парня слева в горло, отобрал электрошокер и тут же разрядил его в физиономию того, что приблизился справа. Сказал, переждав два сдавленных крика и падение крупных тел, не повышая голоса:

— Так от кого ты получил заказ, рыло?

Спортсмен изумленно перевел взгляд с упавших приятелей на Котова, схватился за карман и, охнув, ударился спиной о дверцу автомобиля, сполз на асфальт. Ударов он не заметил, но рука онемела, а под ребрами застрял горячий кирпич, мешая дышать и говорить. Вася вплотную приблизил лицо к его вспотевшей небритой физии, так что, дернувшись назад, спортсмен ударился затылком о ступеньку машины.

— Не слышу ответа, рожа.

— Да кто ты?..

Удар по ушам заставил атлета завопить от боли. Пришлось вбить ему в рот пачку сигарет, валявшуюся на переднем сиденье «Лянчии».

— Спрашиваю в последний раз!

Атлет замычал, Вася вытащил у него изо рта смятую пачку.

— Николай... Подгорный... мы предупреждали этого борзописца, он не унимается...

— Вот и хорошо, жлоб, наконец-то я услышал, что хотел. Предупреди и ты Николая... как его там, Подгорного. Если он не уймется, я займусь всерьез его дачей и им самим. Передашь?

— Да кто ты такой в самом де... — Парень выставил вперед руки, заметив сдвинувшиеся брови обидчика. — Передам, передам.

— Ну, совсем хорошо, — миролюбиво закончил Василий, затем вспомнил однажды примененный им ход и добавил: — Заодно передай ему привет из «Чистилища». Не дай Бог ему получить такой привет письменно!

Оставив помятую троицу возле машины, Василий вернулся в переулок, ведущий к дому Светланы, но догонять Злобина с подругой не стал. Он вдруг почувствовал себя неуютно, прислушался к ощущениям и сделал четкий вывод: пришла пора перемен. Уча-

щение случайных на первый взгляд разборок с подонками разного сорта, ситуаций с восстановлением справедливости говорило о грядущей волне враждебного противостояния. В запрещенную реальность действительно просачивалось отравленное дыхание Монарха Тьмы... Ульяна предупреждала об этом, но лишь теперь Василий поверил в ее прогноз.

ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ, ЧТО БУДЕТ?

Президент был раздражен и не скрывал этого.

Коржанов впервые видел его таким, поэтому стоял навытяжку и молчал, преданно глядя в лицо патрону.

В принципе Илье Ильичу повезло, что судьба свела его с Коржановым. Генерал окружил президента такой охраной, что не снилась ни Горбачеву, ни Ельцину. Его система защиты была на порядок надежнее, чем даже у Брежнева, несмотря на то, что на «девятку» (Девятое управление КГБ, под эгидой которого находилось подразделение охраны) работал весь Комитет с его штатными и внештатными осведомителями.

В начале девяностых годов в КГБ начали компьютерно моделироваться ситуации с покушением на Горбачева, и его охрана в этих играх проигрывала безнадежно, потому что ориентировалась только на физическую защиту от не вполне нормальных людей. Охрану Ельцина строили уже по другому принципу, учтя прошлые ошибки и включив в службу профессиональных диверсантов, способных поделиться опытом покушений. К охране же нынешнего президента Коржанов подключил еще и команду экстрасенсов и научное подразделение, «балующееся» вероятностными прогнозами и психическими экспериментами с генератором боли «пламя» (небезызвестный «болевик») и гипногенератором «удав» («глушак»). Генерал хорошо знал, что главное — не закрыть шефа грудью, когда начнется стрельба, а сделать так, чтобы стрельбы вообще не было, снять заказ на убийство. Как известно, заказывают ликвидацию обычно бывшим спецназовцам, десантникам, грушникам ГРУ — Главного разведуправления Министерства обороны, бандитам, профессиональным киллерам, и у того, кто возглавляет службу безопасности, связи должны быть везде. У Коржанова они были. Он уже однажды решал проблему, повлекшую заказ на устранение Ильи Ильича, но смог добиться того, чтобы заказчик отозвал исполнителей.

Всех этих тонкостей президент не знал, поэтому вел себя иногда по отношению к своему главному телохранителю не совсем сдержанно.

— Читайте! — Илья Ильич бросил Коржанову конверт из

плотной белой бумаги с вытисненным в углу золотым кинжальчиком. Это было письмо «Чистилища», неведомо какими путями попавшее в канцелярию президента. В нем Генеральный Судья «ККК» рекомендовал главе государства освободиться от некоторых помощников и советников, погрязших в коррупции. Среди них Николай Владимирович с удивлением увидел имена Хейно Яновича Носового, Юрия Венедиктовича Юрьева и Петра Адамовича Грушина — людей, чей авторитет не вызывал сомнения ни у президента, ни у оппозиции.

— Вы понимаете, чего они требуют? — осведомился Илья Ильич, оценив мимику генерала.

— Понимаю.

— А я думаю, не совсем. Это объявление войны! В предыдущем послании «чистильщики» потребовали отставки министра обороны и директора ФСБ. Если так пойдет и дальше, окажется, что в правительстве нет ни одного честного человека!

— Но, может быть, «чистильщики»... в чем-то правы?

— В том все и дело, что правы! Но система управления страной в нынешнем виде существует уже почти сто лет! Лишь наивные люди полагают, будто что-то меняется при смене власти. Ленина сменил Сталин, потом Хрущев, потом Брежнев, Ельцин... а что изменилось? Ничего! Как говорится, нет иных властителей, кроме тех, кто более всего печется о благе народа!

Коржанов промолчал, продолжая поедать глазами президента, семенившего из угла в угол кабинета.

— Представляете, что будет, если «ККК» начнет войну на уничтожение? Власть сметут... и нас с вами тоже, несмотря на все защитные бастионы... даже если нас будет защищать ваша легендарная КОП. Кстати, вам не кажется, Николай Владимирович, что она слишком рьяно взялась за дело? Почерк команды настолько отличен от почерка других спецподразделений, что даже в кулуарах Думы заговорили о «третьей силе». У меня недавно был Бондарь... Короче, ФСБ сильно встревожена! Начался поиск команды по «четырем нулям»... Мне этот шум сейчас ни к чему, нужна определенная стабилизация положения. Ясно? Придержите КОП... до особого распоряжения, законсервируйте. А лучше расформируйте вообще. Стоит какому-нибудь досужему крикуну из оппозиции узнать о ее существовании... В общем, подумайте, что можно сделать.

— Законсервирую, — сказал Коржанов. — Слишком много средств потрачено на ее создание, чтобы отказаться от услуг КОП. Сами же говорите — «Чистилище» активизируется, надо применить превентивные меры, а лучше КОП никто этого не сделает.

Президент остыл, перестал бегать вокруг стола с резными ножками, инкрустированного слоновой костью и перламутром.

— Заткнуть всем рот пулей все равно не удастся, надо хотя бы внешне поддерживать имидж демократического государства.

Коржанов позволил себе улыбнуться.

— Помните анекдот о демократии? Встретились американец и русский, еще во времена Клинтона, заспорили, у кого страна демократичней. Американец говорит: «Да я свободно могу подойти к Белому дому и кричать: «Билл Клинтон — свинья!» И ничего мне не сделают — имею право». — «Подумаешь, — отвечает русский. — Я тоже могу подойти к Кремлю и кричать: «Билл Клинтон — свинья!»

Анекдот был с бородой, но Илья Ильич засмеялся. Он был отходчив.

— Николай Владимирович, разговоры о «третьей силе» надо прекратить. Прикиньте — как, посоветуйтесь с Германом Довлатовичем. А что касается КОП... Вам не кажется опасным то обстоятельство, что ваши «копы» не интересуются, кого и за что они уничтожают? Как бы это не вышло боком...

— Во-первых, все они перед операцией получают исчерпывающую информацию по объекту, во-вторых, им платят не только за работу, но и за молчание, и платят не меньше, чем министрам. Есть и «в-третьих». Вы никогда не задумывались, почему солдаты в команде расстрела не спрашивают, в кого и за что они стреляют? Почему повинуются без колебаний, сомнений и нервных срывов?

— Не задумывался, — озадаченно проговорил президент, которому подобное в голову не могло прийти.

— А я как-то проанализировал и нашел ответ: они являются господами положения, властителями последних мгновений жизни казненных!

— Ну и что?

— Профессионалы КОП чувствуют то же самое, только возможностей у них больше. Когда они вместе и составляют управляемую боевую единицу, они действительно сила!

— Вы меня не убедили, — после недолгого размышления сказал Илья Ильич. — А откуда вы знаете... о расстрельной команде?

— Службу я начинал с нее, — ответил Коржанов.

Обедал Рыков в клубе «Экипаж» в Спиридоньевском переулке, где изредка бывали и высокие официальные лица — вице-премьеры, министры, депутаты. Поэтому Герман Довлатович не удивился, когда в ресторан клуба заглянул начальник информобеспечения президента Хейно Яанович Носовой. Подошел, поздоровался учтиво и сел рядом.

Рыков заказал блины с черной икрой, севрюгу с хреном, салат крабовый, седло барашка под чесночно-сметанным соусом, стразопретти «Лингвини» с ветчиной и розовой семгой и на десерт клубнику со взбитыми сливками. Алкогольные напитки он не употреблял.

Носовой попросил принести классический коктейль «Singapore sling», красную икру, стерлядь в шампанском, лангусты и бараньи ребрышки.

— Слушаю вас, Хейно Яанович, — сказал Рыков, перейдя от салата к закускам.

Со стороны они смотрелись как обычные завсегдатаи ресторана, собравшиеся откушать чем Бог послал и побеседовать о приятном, на самом деле контакт Посвященных, двух из Девяти Неизвестных, замахнувшихся на кресло координатора Союза Девяти, был полон внутреннего драматизма и напряжения.

— Необходимо разграничить сферы влияния, — сказал Хейно Яанович, не заходя издалека. — И договориться о границах.

— Сферы влияния может разграничить только сход Девяти, — ответил простодушно Рыков. — К тому же я не вижу причин столь серьезного шага.

— Ваши люди начали активную охоту за моими исполнителями.

— Прости, Хейно, однако ваши люди начали раньше. Мои ответили. Теперь мы квиты.

Носовой потрогал свой крошечный носик, будто сомневаясь, на месте ли он.

— Чего ты хочешь, Герман?

— По-моему, этот вопрос должен задать я. — Рыков доел салат, промокнул губы салфеткой. — Ты просил встретиться, я пришел.

— Хорошо, будем говорить прямо. В планах «ККК» появились новые цели, причем большинство из них — мои люди.

— Люди «СС», — уточнил Герман Довлатович. — Судьи «ККК» обеспокоены некоторыми тенденциями, возникшими в государственной системе власти после появления там ваших... э-э... людей. Государство снова начинает вставать над обществом, над личностью, сваливаться к тоталитарному режиму. А правительство продолжает действовать по остаточному принципу: сначала — себе, что останется — народу...

— Передергиваешь, Герман, — поморщился Носовой. — Популистские заявления в устах Посвященного смешны. Чего ты хочешь добиться?

Рыков неторопливо принялся за седло барашка. Хейно Яанович подождал немного, потом подвинул к себе блюдо с бараньими ребрышками. Напряжения защитных пси-оболочек обоих

Неизвестных сгустились, хотя по-прежнему со стороны они казались мирными собеседниками, занятыми хорошей едой. Наконец Герман Довлатович покончил с мясом и взялся за клубнику. Сказал закончившему трапезу Носовому:

— Хейно, я вижу на троне Союза другую кандидатуру.

— Я знаю, но Мурашов не созрел для...

— Не Мурашова.

— А кого же? — озадаченно глянул на собеседника Носовой.

— Себя, — невозмутимо ответил Рыков.

Наступило минутное молчание.

Герман Довлатович доел клубнику, попросил у подскочившего официанта чашечку капуччино.

— Вряд ли это известие изменит наши отношения, — изрек наконец Носовой. — У меня насчет трона свои замыслы.

— Разве ты стараешься не для себя?

Хейно Яанович выдержал огненно-алчный высверк взгляда собеседника, покачал головой, помедлил.

— Какая разница, Герман? Я считаю, ты не фигура для координатора. И я не одинок в своем мнении.

Рыков погасил взгляд, способный остановить сердце обыкновенного человека.

— Оставим эту бесплодную дискуссию. Говорят, твои церберы навещали Соболева... Что он им ответил?

Носовой усмехнулся.

— А ты пошли к нему своих — узнаешь.

— Пошлю, — спокойно проговорил Рыков. — Хотя не уверен, знает ли он хотя бы один незаблокированный МИР.

— Даже если знает — не скажет.

— Скажет. — От тихого голоса Рыкова повеяло могильным холодом. — Или исчезнет.

— Но даже если Соболев скажет, тебе не удастся в одиночку проникнуть в МИР и овладеть «Иглой».

Рыков вздохнул — незаметный, маленький человечек, с виду клерк или бухгалтер, мягкий, уступчивый, всего и всех боящийся, не претендующий на роль лидера, но способный на все.

— Хейно, переходи в мою команду, пока не поздно. Когда придет Монарх, у тебя не будет шансов остаться... в живых. — Рыков поднялся.

Носовой с любопытством глянул на него снизу вверх.

— Ты считаешь, он... придет? Зачем? Как это ему удастся? Кто его вызовет?

— Всего хорошего. — Герман Довлатович поклонился и просеменил к выходу из ресторана. Хейно Яанович задумчиво смотрел ему вслед, отмечая внутренним зрением, как засуетилась на

улице команда телохранителей Рыкова, ведомая Темиром Жанболатовым, хотя Герман в ней не особенно-то и нуждался.

Их разговор не мог подслушать никто, даже другие Посвященные, оба заблаговременно приняли защитные меры, однако у Носового осталось в душе тягостное впечатление, что в беседе незримо присутствовал кто-то третий.

ОТКАЗ № 3

Недаром говорится, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Матвей убедился в этом, попытавшись повторить путь предка, который добрался до «трона» Изоптеров — разумных термитов — и нашел там некий предмет, по виду кремневый пистолет, на самом же деле инициатор «Иглы Парабрахмы», вернее, его последнюю ступень — спусковой механизм. Сама «Игла» включала в себя сложнейший набор сооружений и систем, в который входила и часть природы данного конкретного места, и оператор — человек ли, Инсект или Аморф.

Дважды трансовый сон выводил Матвея в Египет, к моменту строительства пирамид, точнее, к моменту обкладывания каменными блоками скульптурных сооружений Инсектов Перволюдьми. С упорством, достойным маньяков, строители хоронили под пирамидами следы деятельности древних разумных насекомых. Участвовал в этом «строительстве» и кто-то из предков Соболева — командовал отрядом каменотесов, выравнивающих грани пирамиды.

Лишь на третий раз Матвею повезло, «выплыл» он в теле того же самого разведчика Перволюдей, углубившегося на территорию, которую контролировали измененные Инсекты, потерявшие былую власть и силу, но еще способные воевать с пришедшими им на смену разумными существами.

Осознал себя Матвей в тот момент, когда разведчик выехал на своем шестиногом «коне» на обрывистый скалистый берег моря. Внизу, под обрывом, начинался лабиринтовый ландшафт, означавший, что здесь когда-то стоял город Пауроподов — разумных многоножек: узкие «улицы» города, похожие на ущелья, разъединяли массивы «зданий» с плоскими крышами, создавая удивительный гармоничный рисунок, геометрически красивый «такыр». Как и все Инсекты, Пауроподы были прекрасными строителями.

Впрочем, не все, подумал Матвей, вспоминая, что ни разу не видел в своих снах-путешествиях сооружений разумных тараканов. Похоже, настоящие предки людей, Блаттоптеры, не строили никаких убежищ, пользуясь чужими при надобности. Это гово-

рило о том, что они были кочевниками, изначально ориентированными на агрессию, на завоевание мира.

Гигант в перепончатых латах, в сознании которого «окопался» Матвей, тронул шестинога с места, не спеша двинулся вдоль обрыва, обозревая берег и часть моря в бинокль. Задержал взгляд на громаде «танка» — скелете колеоптера. Как уже отметил Матвей, скелеты разумных жуков встречались довольно часто, видимо, Изменение, совершенное Монархом Тьмы, затронуло их меньше, чем остальных Инсектов, так как жили они не стаями, а небольшими группами по три-четыре особи. Кстати, строили они себе самые грандиозные «замки», используя труд «рабов» — захваченных в плен термитов, ос и муравьев, но эти «замки» всегда имели одну форму купола. Один из таких куполов диаметром в километр и высотой не менее трехсот метров Матвей однажды проезжал в своих снах-путешествиях.

Что-то заставило его насторожиться.

Остановился и хозяин — Матвей-первый, мазнул биноклем по горизонту, потянул к себе копье со слабо светящимся наконечником.

Над морем медленно плыл зоэрекс — воздушный город Веспидов, разумных ос, представляющий собой фрагмоциттарный тип гнезда (с внешним скелетом), чудо природы, удивительно красивое и сложное сооружение. Матвей наравне с восхищением испытал чувство грусти и сожаления: эти потрясающие совершенные творения в большинстве своем исчезли в веках. Лишь единицы их были законсервированы Хранителями в МИРах Инсектов и хранились под землей, недоступные взгляду человека.

За летающим городом Веспидов проплыла над морем еще одна необычная конструкция в форме ажурно-сотового колоссального — с километр длиной! — веретена. Такого гнезда Матвей еще не видел, зато его предок видел и знал, очевидно, насколько обманчив мирный вид веретена. Он погнал «лошадь» во весь опор прочь от берега, но не успел преодолеть и половины расстояния до скал, как обитатель веретена догнал всадника. Это был гигантский, четырехметровый по длине и с шестиметровым размахом крыльев, шмель! В памяти всплыло название этого подсемейства пчел — Bombus. Но Матвей ошибался. Это был представитель семейства Psythyrus, шмелей-кукушек, гнездовых паразитов шмелей, которые, как оказалось, имели и разумных прототипов. Пситирусы сами гнезд не строили, они захватывали готовые гнезда Бомбусов, убивали царицу-матку, самку-основательницу и заставляли работать на себя рабочих особей Бомбусов. Это были самые жестокие хищники из всех видов разумных Инсектов, даже Блаттоптеры уступали им в безумном насилии и безжалостности.

Пситирус, издавая крыльями свистящий вой, атаковал первым.

Впереди мчавшегося во всю прыть всадника вдруг вырос веер ослепительного радужного огня, проделав в голой скале десятиметровую ложбину, тут же заполнившуюся озерцом расплавленного камня. Прапрапрадед Матвея резко свернул влево, остановился, выстрелил вверх из арбалета и тут же метнул в Пситируса засветившееся еще сильнее копье. Он не промахнулся. Стрела арбалета попала шмелю в крыло, а копье вонзилось в чешуйчатое брюхо, и следующий удар Пситируса пришелся по стене какого-то зубчатого строения, похожего на крепость, внезапно выросшую на пути. И тотчас же из огромной неровной дыры в стене крепости выскочило кошмарное существо, похожее на гигантского тарантула. Впрочем, это и был тарантул, но разумный — Ликозид, он тоже уцелел при Изменении и доживал свой век в уединении и размышлениях. Однако нарушения границ своего жилища он не потерпел.

Всадника на шестиногом животном Ликозид не тронул, словно не заметил, сразу направив свой изогнутый хвост с хищным жалом в небо, где кружил Пситирус. С жала сорвалась фиолетово-зеленая молния, вонзилась в брюхо разумного шмеля, и бой закончился.

Крылья Пситируса остановили вращение, тело его растрескалось, словно глиняный горшок, по которому ударили молотком, и рассыпалось на мелкие осколки, выпавшие каменным дождем. Крылья упали отдельно, планируя, как громадные полупрозрачные одеяла.

Ликозид мгновение всматривался в небо, потом чисто насекомьим движением повернулся к застывшему — копье в руке, взведенный арбалет в другой — всаднику. Еще мгновение — и оба начнут смертельный бой, имея одинаковые шансы уцелеть. Однако тарантул вдруг заговорил, Матвей уловил его мысленный шепот:

— Привет, Посвященный! Не стреляй.

Реакция у Матвея была неплохой и на уровне трансового сна, поэтому он успел овладеть сознанием предка и предотвратить выстрел. Первочеловек на шестиноге, закованный в своеобразные доспехи, и уцелевший Ликозид застыли напротив, внимательно разглядывая друг друга. Теперь Матвей смог рассмотреть разумного тарантула во всех подробностях. Но странное дело, отвращения сложное тело Инсекта не вызывало, разве что тревогу и удивление.

Да, Ликозид имел общие черты тарантула, но были и различия, особенно в строении головы и глаз. К тому же Ликозид был

одет в полупрозрачный золотистый «комбинезон», скрывающий многосложное тело до хвоста.

— Кто ты? — задал мысленный вопрос Матвей.

— Своих надо узнавать, мастер, — долетел насмешливо-сочувственный мысленный «голос», и Матвей едва не выронил копье от изумления.

— Тарас? Горшин?!

— Ну, не совсем я, только наведенная пси-копия, но для выполнения миссии и это сгодится.

— Какой миссии?

— Ты слишком рано овладел трансовым скольжением, незавершенный, и это обеспокоило не только Союз Девяти и Хранителей Внутреннего Круга в вашей запрещенной реальности, но и властелинов «розы реальностей».

— Иерархов, Аморфов?

— Кроме иерархов и Аморфов, абсолютные уровни Вселенной населяет множество других существ, в том числе и твои приятели Монарх и Лекс. Но суть не в этом. Прекрати ходить в прошлое слишком часто, иначе рискуешь не вернуться в собственное тело. И еще. Я послан предупредить...

— Кем? Инфархом? Светленой?

— Ох и любишь ты определения! Не отвлекайся, тебя очень трудно поймать во время твоих путешествий, другого случая может не представиться. Ты помнишь последнее свое путешествие?

— Когда я проник во дворец Изоптеров? Кто-то врезал мне... то есть предку, конечно, по затылку...

— Никто ему не врезал, это сработала «Игла Парабрахмы».

— Но я же ее не... Постой! Я нашел нечто вроде старинного пистолета и хотел испробовать...

— Это был инициатор «Иглы», а твоя фантазия представила его в форме пистолета. Ты забыл, что со времени нашего последнего боя с Монархом и Лексом полтора года назад ты остался включенным в контур саркофага? Да, ты откорректировал реальность, заблокировал входы в МИРы Инсектов, но... остался в контуре! То есть ты сохранил способность влиять на события в любой точке пространства и в любой момент времени. Даже в прошлом! Что, кстати, наиболее пугает всех перечисленных мною лиц, людей и магов, монстров с нечеловеческой психикой, негуманоидов, иерархов... Аморфов, как ни странно, тоже.

— Им-то какое дело до наших внутренних разборок?

— У них свой взгляд на жизнь и смерть, и они привыкли опираться только на свои желания и соображения.

— Значит, в том моем походе я включил «Иглу»?

— Ты ее разбудил. Предок твой — ты сейчас в его теле, — но только чуть раньше, до подхода к замку Изоптеров, каким-то об-

разом успел тебя вышвырнуть из своего сознания... Вполне возможно, тебе кто-то помог... поэтому большой беды не произошло. Но знай, если ты снова появишься там, может произойти ретроактивное воздействие на реальность, изменится вся мировая линия...

— Каким образом?

— Скорее всего ты изменишь собственное будущее. Как — я не знаю сам, что именно изменится — тоже не знаю. Но будь осторожен... и прощай. Я ухожу. Беги отсюда, покуда сознание Ликозида не вышвырнуло меня, иначе от твоего предка останется пепел.

— Но я еще...

— Беги, я сказал!

И Матвей дернул «коня» за поводья, направляя его в глубь материка, к горам. Проехав несколько сот метров, оглянулся, но тарантула с проекцией психики Тараса Горшина уже не было, он скрылся в своей мощной крепости-«келье»...

Вернувшись в свое собственное тело, лежащее на кровати в позе спящего, Матвей проанализировал полученную информацию и решил кое-что предпринять для проверки сделанного вывода. Но для этого надо было обезопасить семью, и он решил отправить Кристину и Стаса в Рязань, к родителям. Какой-никакой присмотр они обеспечивали, но главное — в Рязани жила Ульяна Митина, которая могла в случае чего защитить родных Соболева лучше любого спецназа.

В субботу первого июня Матвей отправил Кристину и Стаса в Москву самолетом, откуда они должны были, не задерживаясь, выехать в Рязань. В душе он был спокоен за своих близких, но подстраховался, позвонив Василию и попросив его позаботиться о них.

Звонок поверг Котова в радостное изумление.

— Конечно, я все сделаю, — сказал он в трубку громче, чем следовало. — Но ты поймал меня в последний момент: дело в том, что я тоже собрался в Рязань.

— К Ульяне? — тихо рассмеялся Матвей.

— Ты что-то имеешь против?

— Как раз наоборот. За моими надо присмотреть, а я собирался просить об этом Ульяну. Теперь за меня это сделаешь ты.

— Я и сам их поберегу, пока буду там. А что, есть основания? — понизил голос Василий.

— Потенциально возможные состояния Вселенной имеют широкий спектр квантовых переходов, — дипломатично ответил Матвей, заканчивая разговор. Представил себе лицо Василия, усмехнулся. Пусть думает сам, интуиция у него развита неплохо.

В тот же вечер Матвей собрал свою машину к походу.

У него были две «тачки»: трехдверный «Порше-959» цвета «маренго» и мини-вэн «Форд-Транзит» цвета «фиолетовый перламутр». Он остановил выбор на «Форде» с дополнительными элементами системы безопасности. Обе машины Матвей держал на платной стоянке в двух километрах от дома, охраняемой по европейскому классу, хотя у него был и свой гараж. Угонов он не боялся, но не потому, что обе машины имели экранированные дверные замки и блокираторы двигателей, а из-за кое-каких встроенных дополнительно устройств, внушающих злоумышленникам идею не трогать частную собственность. Однажды «Порше» попытались угнать — прямо от дома, где его оставил Матвей, внаглую, но угонщики испытали недюжинное нервное потрясение, когда машина вдруг сказала:

— Советую покинуть салон, иначе пущу газ!

Никакого баллона с газом, естественно, в кабине не было, но хватило одного предупреждения, тем более что, подождав три секунды, автомат включил сирену.

Матвей собирался выехать в начале девятого, однако задержался — к нему пожаловали гости: Кирилл Данилович Головань, заместитель директора Международного института стратегических исследований, и четверо его телохранителей, бывших спецназовцев из группы ФСБ «Альфа».

Телохранители на территорию дома заходить не стали и предпочли не демонстрировать свой профессионализм, просто умело и неприметно рассредоточились, что говорило об их хорошей подготовке. Впрочем, Головань вряд ли нуждался в особой охране, будучи не просто Посвященным, а одним из Девяти, таким образом он всего лишь продемонстрировал хозяину свою значимость.

Несмотря на теплый вечер, на замдиректоре МИСИ был строгий темно-синий костюм, ослепительно белая рубашка и галстук с изображением старинной часовенки. Глаза Кирилла Даниловича, в которых светились мощный интеллект и угрюмое высокомерие, никогда не улыбались. Правда, вел он себя вполне корректно, не задаваясь целью показать превосходство над собеседником. Последнему соображению Матвей улыбнулся в душе: с ним бы подобный номер не прошел, и Головань понимал это.

Они поднялись на веранду. Матвей принес фрукты, сыр, тосты, чай, и оба принялись за неторопливое чаепитие, будто встретились старые друзья. Головань попытался прощупать мыслесферу хозяина, получил отпор и отступил. В свою очередь, Матвей почуял беспокойство, огляделся в пси-диапазоне, без выхода в состояние меоза, определил источник беспокойства и сказал, погрозив собеседнику пальцем, с мягкой улыбкой:

— Ай-ай-ай, Кирилл Данилович, не ожидал, не ожидал. Это

ваш снайперок сидит в трехстах метрах отсюда, на водонапорке, и смотрит на нас в прицел «паркер-хейл» модели восемьдесят пять?

Головань ответил беглой улыбкой, тронул карман пиджака на груди и тихо проговорил:

— Первому отбой. — Кивнул сам себе, вернее, голосу из наушника рации, прятавшейся в дужке очков. — Каюсь, переусердствовал, Матвей Фомич. Но уж очень о вас много легенд ходит...

— К делу, — лаконично ответил Матвей. — Я знаю, кто вы, вы знаете, кто я, стандартные обороты речи ни к чему.

— Может быть, перейдем на метаязык? Во избежание, так сказать...

— Не возражаю.

Дальнейшая беседа шла на метаязыке и заняла всего несколько минут.

— Мы знаем... — начал Головань.

— Кто — мы? — перебил его Матвей. — Кого вы представляете? Союз Девяти? Ваш институт? Правительство? Органы правопорядка? Точнее, пожалуйста.

— Я представляю себя лично. — Кирилл Данилович пожевал губами, наливаясь темной силой, но сдерживаясь. — Впрочем, будем говорить о некой фракции Союза Девяти, пожелавшей обновить состав Союза. Так вот, мы знаем о ваших походах в прошлое...

— Это не походы, всего лишь трансовые сны.

— Это именно походы, Матвей Фомич. Если вы еще не знаете, то я сообщу вам истину: время — скольжение сознания вдоль мировой линии индивида в будущее! Для большинства людей это скольжение вперед необратимо, но Закон изменения времени открывает путь и в другую сторону — назад, в прошлое, существующее почти так же абсолютно, как и настоящее. Почти — потому что наряду с другими в «розе реальностей» выполняется Закон вероятностного размыва мировой линии... Об этом можно говорить долго. Суть в другом. Вам удалось преодолеть порог срабатывания закона в обратную сторону?

— Допустим. Что из этого следует?

— Вы становитесь опасным для человечества.

— Говорите о себе лично, человечество само побеспокоится о своей безопасности.

— Хорошо, вы опасны и нам, Посвященным II ступени, и даже Хранителям...

— Я же сказал: говорите о себе!

Глаза Голованя вспыхнули свирепо и угрожающе, но тут же погасли.

— Хорошо. У нас предложение: помогите нам, и мы поможем

вам. Вы ведь ищете в прошлом место захоронения Знаний Бездн, не так ли? Мы подскажем, где их искать. Но и вы помогите нам отыскать доступ к системе МИРов, заблокированных по вашей же милости.

Над верандой нависло молчание.

Где-то далеко на окраине Петергофа тарахтел трактор, кудахтали куры в соседнем дворе, вскрикивал петух, в саду чирикали воробьи, ветер шевелил ветви деревьев, приносил запахи трав и цветов. И в то же время пространство вокруг ощутимо прогибалось под массой сосредоточенных здесь психофизических энергий. Кто-то, кого Матвей ощущал как далекую галактику, а его опасный гость не чувствовал вовсе, знал о встрече и прислушивался к разговору. Так расшифровал для себя сигналы подсознания Соболев. Наконец он оторвался от созерцания заката.

— Я не смогу вам помочь, Кирилл Данилович. Входы в сохранившиеся МИРы Инсектов не просто закрыты, данное состояние приняло форму физического закона! Понимаете? Для того чтобы разблокировать модули, необходимо взломать глубины Мироздания, сделать новое Изменение.

— Ну так сделайте, — равнодушно бросил Головань.

Матвей глянул на него заинтересованно и засмеялся. Но, судя по тону, один из Девяти не шутил. Правда, он поспешил отступить, сгладить впечатление разверзшейся под ногами пропасти, но Соболев уже схватил мысль, задумался, пряча слабый свет прозрения в глубинах памяти.

— Что вы можете предложить в обмен... если я попытаюсь? — сказал он.

— Мы откроем вам туннель сквозь временной барьер, — поспешил с ответом Головань. — Ведь вы в своих ретропутешествиях не смогли уйти в прошлое за порог Изменения? То есть ниже миллиарда лет? Мы поможем пройти глубже, до Изменения, и подскажем, где искать след, ведущий к Знаниям Бездн. Последним, кто ими владел, был Аморф Конкере, Монарх Тьмы.

Матвей поднял похолодевшие глаза на гостя, сказал тихо и просто:

— Нет!

— Что?! — не сдержал удивления Головань.

— Обмен не состоится. И передайте своим партнерам по «фракции», чтобы они не беспокоили меня больше по этому поводу. Я сильно рассержусь, хотя с недавнего времени и проповедую доктрину ненасилия. Кстати, ваши партнеры случайно не Рыков с Мурашовым?

Головань встал, поправил галстук. Лицо его было каменным, тяжелым, властным, глубоким, и какое-то время Матвей ждал

психофизической атаки на мозг, но один из Девяти Неизвестных воздержался от этого шага.

— Подумайте еще немного, — сказал он с показным смирением, пряча в глазах хищный блеск. — Я знаю, вы человек рисковый, но не рискуйте чрезмерно.

— Постараюсь, — так же кротко ответил Матвей.

Визит Посвященного II ступени к Посвященному I ступени закончился. Но это был явно не последний визит. Матвей ничего не мог изменить в психологии властителей запрещенной реальности, жаждущих абсолютной власти, он мог изменить лишь свое отношение к происходящему — ответить на насилие насилием. Но не хотел этого.

Через полчаса он был в пути.

БУДЬТЕ С НАМИ

Встречая Кристину и Стаса, Василий от нечего делать прошелся по залу Шереметьева-1 и вопреки желанию стал свидетелем некрасивой сцены возле столика с набором призов и игровым автоматом. Две женщины, одна лет сорока, другая вдвое моложе, может быть, ее дочь, чуть не плача, безуспешно пытались вернуть проигранные деньги.

Василий знал механику игры.

Играющий делает взнос, нажимает кнопку, и ему выпадает счастливый или несчастливый номер. Пока ставки невысоки, «свежак», он же «лох», понемногу выигрывает, привлекая тем самым внимание других «лохов», а когда, увлекаясь, ставит все свои деньги на кон, вдруг оказывается, что счастливых номеров два! Второй, естественно, всегда выпадает подставному игроку. А по правилам выигрыш на двоих не делится, надо играть дальше. После чего «счастливчик» проигрывает на первом же ходе.

То же самое произошло и с парой деревенских, судя по всему, женщин, соблазненных кажущейся простотой игры.

Вася наблюдал за происходящим несколько минут, раздражаясь от собственной нерешительности, хотя вмешиваться в события не собирался, но, когда к шумному столику подошел милиционер и сообщил женщинам, что «все нормально, у них лицензия, а игра есть игра, не хочешь — не играй», Котов не выдержал. Определив обслуживающий персонал игры: ведущий — вежливый молодой человек с прилизанными волосами, двое кидал — подставных игроков приличного вида, охранник — угрюмый мордоворот недалеко от киоска, плюс контролер игорного бизнеса в Шереметьеве, отличный белый летний костюм, галстук с изумрудной булавкой, цепь на шее, перстни на руках, — Василий

подошел к столику, придержал отходящих в слезах женщин и сказал, приятно улыбаясь:

— Можно, я сыграю?

Ведущий оглядел Василия, неохотно разложил по столу картонки с номерами, однако появившийся у столика «директор», почуяв опасность, решительно махнул рукой.

— Мы закрываемся. Тем более что игроков должно быть четверо.

— А вот они будут играть, — кивнул на удивленных женщин Вася, шепнув им: «Все будет хорошо, мы вернем ваши деньги». — А четвертым пусть будет представитель закона. Не возражаете?

Последовала немая сцена, могущая развеселить любителей пантомимы, затем «директор» столика, считая, что кругом все свои и он ничем не рискует, отступил:

— Давай, Витек, пусть гражданин получит удовольствие.

Игра длилась ровно три минуты. Милиционер, молодой, но придурковатый, вошел в азарт — деньги-то он рассчитывал вернуть, а Василий увеличил ставки до двухсот тысяч, расплачиваясь за себя и за женщин, сбитых с толку, но поверивших ему. Затем наступил момент торжества владельцев игры — запуск компьютера. И в этот миг Василий, войдя в темп, коснулся кнопки раньше времени, а когда выпал его номер, незаметным движением сменил картонку с таким же номером, переданную одним из кидал милиционеру.

— Они выиграли, — объявил Василий сокрушенным тоном в наступившей тишине, собрал деньги, отдал их ошеломленным женщинам, подтолкнул в обступившую столик толпу. — Идите, ваш рейс объявили. — Повернулся к милиционеру с виноватой улыбкой. — Извини, командир, не повезло нам. — Глянул на ошарашенные лица «директора» и его подельников. — Я приду через полчасика, поиграть хочется, но лучше бы вас здесь уже не было, мальчики.

Объявили посадку самолета из Петербурга.

Василий спокойно направился к залу прилета, а в коридоре его, как он и рассчитывал, перехватил контролер игорного бизнеса аэропорта. Он вырос на пути Котова, а трое телохранителей тут же окружили «объект», прижимая его к стене. У них были такие скучающе-ленивые лица до предела уверенных в себе людей, что Вася подумал: уж не зомбированы ли качки охраны?

— Вам чего, мужики? — миролюбиво сказал Василий.

— Да вот решили посмотреть, какой ты крутой, — ответил прекрасно одетый молодой человек. — Пришел, нашумел, начал права качать...

— А что я такого сделал? — удивился Вася. — Сыграл в жучка,

причем проиграл кровные денежки... а то, что мент проиграл, так я его не заставлял рисковать.

— Не понимаешь? Ладно, пойдем пройдемся, поговорим.

— Не, ребята, я спешу...

Контролер кивнул, двое качков попытались взять Васю за руки и тихо сели на пол, держась руками за животы и хватая ртом воздух. Третий сунул было руку в карман и застыл, не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть; лицо его начало синеть.

— Извини, перестарался. — Вася похлопал парня по щеке, повернулся к ничего не понявшему молодому человеку в белом костюме, сказал назидательно: — Честный бизнес всегда приносит больше прибыли, чем криминальный. Учти это в дальнейшей карьере, говнюк.

Кристину Василий увидел раньше, чем она его, и, окинув ее взглядом, подумал, что по красоте Крис ничем не уступает Ульяне. Просто они разные. Фигура же у Кристины Сумароковой была от Бога! После паралича ног, вылеченного полтора года назад с помощью своеобразной шоковой терапии, формы Кристины быстро восстановились, длинные от природы ноги пополнели, стали стройными, вернулись грация и особый акцент походки, не вызывающий, но заставляющий оглядываться мужчин. Да и одевалась она, следуя моде, используя силуэт «песочных часов», подчеркивающий тонкую талию и красивые бедра. Правда, в настоящий момент талия у Кристины слегка располнела, но не настолько, чтобы испортить фигуру. На женщине была просторная маечка, скрывающая живот, и обтягивающая бедра юбка до колен (из коллекции Сони Ракель) плюс сандалии с ремешком, обвивающим лодыжку. Смотреть на нее было одно удовольствие, и Василий даже почувствовал некое облегчение: подруга-жена у Матвея была достаточно красивой, чтобы уберечь его от соблазна... Вася имел в виду Ульяну.

Стас в джинсовом костюмчике, свежий и деятельный, как мужчина, которому доверили жизнь женщины, увидел Василия издалека, но не подбежал с криком, а степенно подошел. Все трое обнялись, и Василий повел их к машине, забрав багаж — всего две сумки.

Кабина «Вольво» тут же пропиталась тонким ароматом духов Кристины, и Вася не сразу сообразил, что запах ему знаком: точно такие же духи имела Ульяна.

Не заезжая в Москву, обогнув ее по Кольцевой дороге, Василий выехал на Рязанское шоссе и погнал машину, выжимая из нее все, на что она была способна.

За разговорами время пролетело незаметно. Через два часа с момента посадки самолета в Шереметьеве они были уже в Рязани. Кристина пригласила Василия поужинать с ними и вообще

остаться ночевать, чего очень хотел Стас, но Вася отказался, сославшись на дела, зато пообещал приехать и успокоил этим мальчишку. Кристина, тонко чувствующая состояние друга Матвея, улыбнулась и проводила Василия до машины.

— Может, все-таки останешься ночевать? Когда решишь свои проблемы.

— Нет, — засмеялся в ответ Вася, понимая, что Кристина осведомлена о его сердечных делах. — Приду навеселе, еще перепугаю твоих родичей.

— Не перепугаешь. Разве что тараканов? Кстати, в прошлом году мы с Матвеем приезжали сюда, и произошла странная вещь: Матвей вошел в квартиру, и началось повальное бегство тараканов! Такого я еще не видела. С тех пор в доме ни одного!

— Что с него взять, с Посвященного, — фыркнул Вася, у которого екнуло сердце. — Ты же не собираешься убежать от него?

— Я — нет.

— Ну и отлично. Спокойной ночи. До завтра.

Василий уехал, уже в машине сообразив, что Кристина намекнула о возможности другого варианта их отношений с Соболевым. Какой бы причина ни была, уйти мог он! Настроение слегка упало, но впереди Котова ждала встреча с Ульяной, и все его мысли резко свернули в другое русло.

В воскресенье вечером Василий пошел с Ульяной на показ высокой моды: в Рязани с разрешения губернатора проходила Неделя «прет-а-порте». Конечно, это была не Парижская «прет-а-порте», где за восемь дней совершается восемьдесят показов одежды, но и в Рязани модельеры — Иссей Мияке, Соня Ракель, Ив Сен-Лоран, Вивье Вествуд, Слава Зайцев, Валентин Юдашкин и другие — тоже неплохо потрудились. Показ в воскресенье второго июня был заключительным, и на него съехался весь местный бомонд во главе с губернатором Рязани, театральными и эстрадными деятелями, а также всякого рода авторитетами. Были гости и из столицы.

Настроение у Василия трудно было назвать хорошим. Ульяна на этот раз вела себя сдержанно, ночевать не пригласила и вообще словно не видела его переживаний; внешне он держался достойно, сразу приняв предложенную дистанцию. Ночевал у одного из прежних своих учеников, которого тренировал полтора года назад в бытность инструктором Школы защиты частного предпринимательства.

Так прошел вчерашний вечер, начался день, а после обеда Ульяна нашла Котова по новому адресу (хотя он ей его не сообщал) и предложила сходить в Рязанский манеж, где гостил салон высокой моды. Естественно, Василий согласился.

Встретились они у театра оперетты в начале шестого вечера. Василий приоделся — летний костюм цвета «седой граф», белая рубашка с высоким воротником и белые туфли, — выглядел не хуже манекенщиков на подиуме. Кстати, это произвело впечатление и на Ульяну, привыкшую видеть его в повседневной джинсе. Но стоило Васе увидеть девушку, как дыхание у него перехватило, голова закружилась, и с мыслями он собрался нескоро.

На Ульяне был костюм-компромисс, отражающий тенденцию сезона: комбинация кисейно-белых хламид, сквозь которые загадочно проступали контуры молодого, сильного, красивого тела, удачно подчеркивалась черной жилеткой из латекса, и завершалась композиция черными туфлями на высоких каблуках. И Вася, целуя руку девушке и вручая ей цветы, лишь сказал хрипло:

— Разрази меня гром, если я не понимаю Самандара!

— У нас еще есть время, — засмеялась Ульяна, тоже немного заинтригованная видом кавалера, — погуляем?

— Как скажете, мадам! — шаркнул ногой Василий.

Они гуляли больше полутора часов, посидели в кафе, побывали в парке, пока не открылся манеж, успели обсудить погоду, климат вообще, экономическое состояние страны, политику президента, коснулись даже деятельности силовых структур и слухов об угрозах здравствующего и поныне «Чистилища» коррумпированным верхам. Ульяна первой заговорила на интересующие Васю темы, и он порадовался, что выдержал толчки внутреннего «я» направить разговор в нужное русло.

Оказалось, что девушка уже приобрела в турбюро путевки на один из лодочных маршрутов по реке Пре — ровно восемь штук.

— Зачем так много? — удивился Василий.

Ульяна искоса посмотрела на него, спрятала веселый блеск в глазах.

— С нами пойдут как минимум еще трое. Разве мы не возьмем с собой Кристину и Стаса?

Василий подумал немного, кивнул, оживляясь, понимая, что это идеальный выход из положения. Одним ударом соединялось приятное с полезным и железно необходимым, то есть решалась проблема семьи Матвея.

— Отличная идея! Третий — Матвей?

— Третий Самандар. Вахид подъедет позже, уже на маршрут. Возможно, присоединится и Соболев, а также кое-кто еще.

— Не Иван ли Терентьевич? — Василий со вздохом попрощался с мечтой отправиться в путешествие наедине с Улей. — А что, отличная компания получается!

— И я так думаю, — засмеялась Ульяна, крепче прижимая к себе локоть кавалера, чем привела его чуть ли не в состояние обморока.

Однако, как известно, к бочке меда нередко в качестве противовеса придается ложка дегтя. Этой ложкой оказалась для Василия встреча с квадратными телохранителями господина Маракуца, с которыми он уже имел удовольствие общаться в прошлый приезд в Рязань. Судьбе угодно было распорядиться таким образом, что Маракуц, четверо его лбов, а также мэр города Печеньев с двумя спецназовцами и Котов с Ульяной оказались в одной ложе напротив подиума, по которому отрабатывали дефиле тощие манекенщицы. По мнению Василия, ни одна из них не могла даже сравниться с Ульяной по красоте и женственности.

Василий ни за что не стал бы поднимать шум, хотя и узнал «шестерок» Маракуца: чернявого, со шрамом на лбу, и белобрысого, подбритого по моде «селедка». Однако именно они начали бузу, грубо предложив подошедшей паре пересесть на одно место левее. Васю они не признали, все же одет он был «от кутюр». Но его задело, что придется уступать Маракуцу, которого он когда-то с Матвеем учил «уму-разуму», и, как оказалось, впустую: бывший вор в законе по кличке Боксер не изменился, вполне искренне считая, что этот мир принадлежит ему. Точно так же думали и его служки.

— Мы сядем на свои места, — тихо сказал Василий, предлагая Ульяне кресло.

— Сдвинься, фраер! — сдавленно просипел белобрысый. — Здесь будет сидеть босс. Перо схлопочешь после фильмы...

Вася покосился на Ульяну, делавшую вид, что ничего не происходит, хотел было последовать совету и пересесть, но передумал. Сказал еще тише, прямо в ухо квадратному:

— Отвали, урка, карасем сделаю! И не поднимай кипеж, твой босс не лучше моего короля. Усек?

С этими словами Вася уселся рядом с Ульяной, не обращая внимания на шум за спиной.

Пришел мэр со своими защитниками, потом Маракуц, сел со стороны Василия, никак не прореагировав на торопливую скороговорку подскочившего охранника. И началось представление.

Василий посмотрел его с удовольствием, отключившись от мирских дел, от присутствия мерзких соседей, вслушиваясь только в голос Ульяны и всматриваясь в ее профиль. Надо отдать ему должное: он успевал посматривать и на подиум. Но напрасно он посчитал инцидент с соседями исчерпанным.

Их перехватили возле машины все те же клевреты господина Маракуца. Вася предчувствовал это и мог бы уйти в любой момент, с шумом или без оного, однако с ним была Ульяна, и это заставляло его искать другие пути решения конфликта.

— Ну? — осведомился он спокойно, продолжая поддерживать спутницу под локоть.

— Я же тебя предупреждал, — прошипел белобрысый. — Помнишь ресторан «Салтыков»? Вот мы и встретились. Отпусти руку... руку отпусти, говорю!

Вася отпустил, и белобрысый завалился лицом вниз. Трое его приятелей молча смотрели то на него, то на противника, который, казалось, не сделал ни одного движения. В этот момент из-за мощных спин телохранителей вышел Николай Савельевич Маракуц, безучастно глянул на скорчившегося парня, перевел взгляд на Котова.

— И все же, где я тебя видел, малый? Никак не припомню.

— Вы ошиблись, — любезно ответил Вася. — Разрешите пройти? Мы с дамой спешим.

— Он же Серого примочил... — заговорил чернявый «квадрат» со шрамом.

Маракуц повел бровями, и тот замолчал.

— Где-то я тебя определенно встречал. Может, сам скажешь?

— У меня память тоже слабая, — ухмыльнулся Вася.

— У тебя что, паря, крыша поехала? — угрожающе придвинулся чернявый.

— Не, арендована, — спростодушничал Вася. — Так мы можем пройти? Не хотелось бы принимать крутые меры.

— Он какого-то короля вспомнил, — шепнул Маракуцу глыбистый телохранитель справа.

— Так на кого ты работаешь, голубчик? — Николай Савельевич был настроен почти мирно, но уже закипал. — Намеки какие-то делаешь... жесты ненужные... В Рязани-то другие законы, мы не любим таких шустрых и независимых. Что за контора тебя прислала? Зачем? Говори, не стесняйся, ты же не хочешь, чтобы мы твоей даме сделали больно.

— «Чистилище» меня прислало, — буркнул Василий, теряя терпение. Безошибочно ткнул Маракуца в четвертое межреберье от средней грудной линии, в точку тянь-чи, регулирующую перикард. Затем мгновенно обошел остальных сподвижников Боксера, усыпляя их уколами в точки на шее и на затылке. Угрюмо буркнул молча стоявшей Ульяне, проследив за картинным падением всей пятерки:

— Извини, не сдержался. Куда тебя отвезти?

— А разве ты не останешься ночевать? — задумчиво спросила Ульяна, по-новому разглядывая Котова.

Вася медленно повернул к ней голову, взглядом спрашивая, правильно ли он ее понял, и почувствовал себя вознесенным на седьмое небо. Правда, во время вечерней беседы девушка отрезвила его, заметив, что вполне можно было избежать открытой

конфронтации. Вася скрепя сердце согласился. В отличие от людей Внутреннего Круга, обладающих всеми формами сознания и внушения, он пока владел управлением среды лишь на уровне рукопашного боя.

— Чего же ты не вмешалась, если могла предотвратить конфликт в зародыше иным способом? — с обидой сказал он.

— Во-первых, хотела посмотреть, как это сделаешь ты, — ответила она с обезоруживающей улыбкой. — Если не возражаешь, я научу тебя «технике внутренней улыбки», исключающей любые конфликты. Во-вторых, я все же немножко вмешалась.

— Не понял. Когда?

— А разве ты не заметил, что они не обратили на меня практически никакого внимания? В то время как в практике бандитов самое естественное в подобных случаях давить на мужчину через женщину. Пригрозили бы убить меня, пытать или... там... изнасиловать... — Ульяна искоса глянула на Васю. — Ты бы и сдался.

— Конечно, сдался бы, — остыл Василий, отвечая ей в тон. — А что ты им внушила?

— Что я старая карга, хромая, слепая и крючконосая.

Василий засмеялся.

— Представляю! К сожалению, я внушением на таком уровне не владею. Да и Соболь тоже не сразу овладел этой вашей «техникой улыбки», насколько я помню.

— Да, не сразу, — кивнула Ульяна. Легкое облачко легло на ее лицо. — Тебе не кажется, что Матвей... как бы это сказать... проповедует в последнее время эскапизм? Стремится уйти от реальности, уклоняется от нормальной общественной жизни, тяготеет к абстрактным рассуждениям? Не замечал?

— Что-то в этом есть, конечно, — промямлил озадаченный Василий. — Но не в такой уж степени... Соболев есть Соболев, он всегда был не от мира сего. А что?

— Да так, ничего, — задумчиво проговорила девушка. — Он остается незавершенным... Что же будет, когда он пройдет Путь до конца? Кем станет?

Василий промолчал. Таких вопросов он себе не задавал, предпочитая действовать, а не размышлять над смыслом жизни.

На следующий день он обрадовал Кристину и Стаса, что они все вместе идут на лодках в турпоход по Пре, дал им на сборы три часа и отправился по магазинам, чтобы приобрести недостающее снаряжение: надувные матрацы, прозрачные накидки от дождя, репшнур, полиэтиленовую пленку для защиты палаток, сапоги, спортивные костюмы для всех, фонари, репеллент от комаров, фляги для воды, рукавицы, мыло, клеенку, бадминтон и волейбольный мяч. К обеду он был готов.

Собрались и остальные. Кристина и Ульяна обнялись, обра-

довавшись друг другу, а Стас — тот и вообще парил в облаках от счастья. Повеселел окончательно при виде оживленных лиц и Василий. В конце концов отдохнуть от суеты городской жизни, постоянного напряжения и тревог захотелось и ему.

До турбазы «Мещера», расположенной в двух километрах от городка Спас-Клепики, доехали за сорок минут. Оставили машину на платной стоянке и принялись за комплектацию отряда. В стоимость путевок входили аренда двух лодок, четырех палаток, кострища, инструмента и снабжение продуктами. Больше всего времени ушло на выбор концентратов и загрузку продовольствия, но Василий был опытным туристом и справился с задачей блестяще.

В пять часов вечера они закончили подготовку и спуск лодок на воду, загрузили снаряжение и продукты, и в этот момент на турбазе появился Самандар.

Вахид Тожиевич был одет, как дипломат на приеме, в строгий темно-серый костюм и лакированные штиблеты, но имел с собой большой рюкзак типа «охотник». На вопрос Василия после того, как они поздоровались, имеет ли уважаемый директор МИЦБИ представление, что такое лес и палатка, Самандар лаконично ответил: «Я взял с собой все необходимое».

И правда, через пятнадцать минут он появился у лодок уже переодетый в черный спортивный костюм и кроссовки.

Василий глянул на Ульяну, предлагая ей рассадить всех «согласно купленным билетам», но ему помогла Кристина:

— Вахид Тожиевич, не согласитесь ли сесть в нашу лодку? А Вася пусть едет с Улей, мы им зато больше груза положим.

Неизвестно, что чувствовал Самандар, на лице его не дрогнул ни один мускул, но Вася был обрадован инициативой Кристины капитально. Недоволен остался лишь Стас, да и то относительно, все равно они плыли вместе.

И начался «великий поход» Посвященных по Мещере, в верховьях реки Пра, ознаменовавший новый этап отношений людей Внутреннего Круга и обычных людей, поход, длившийся ровно пять дней вместо рассчитанных десяти. Но об этом путешественники в момент отплытия не догадывались, увлеченные перспективой чудного отдыха. Из них лишь Василий не однажды ходил в походы на лодках (четырехвесельных шлюпках по Селигеру и на байдарках по реке Белой) да Ульяна, остальные шли впервые, даже рязанка Кристя не представляла себе, что такое лес вообще и Мещера в частности. И уж тем более не знал особенностей местной флоры и фауны Вахид Тожиевич, уроженец Ферганской долины. Впрочем, Василий тоже лишь понаслышке знал, что Мещера — край спокойных рек, многочисленных озер, заливных лугов, болот и необъятных лесов с великолепными беломошни-

ками — сосновыми борами с лишайниковым покровом, зеленомошниками — борами с черникой и брусникой, дубравами по долинам рек и березово-осиновыми светлянниками, выросшими на местах вырубок и гарей.

Бабье болото, занимавшее центральную часть Окского заповедника, они преодолели по протокам за четверть часа, выплыв из камышовых зарослей возле дома отдыха «Лось» в десять вечера, когда уже стемнело. Быстро поставили палатки, разожгли костер, приготовили чай, бутерброды, поели и легли спать.

Василий, утомленный непривычным трудом — на веслах он не ходил уже года два, — забыл даже о репелленте, уснув в спальном мешке мгновенно, но ни один комар его не тронул, как и остальных. И Ульяна, и Самандар знали секрет, как отпугивать кровососов, потомков древнего рода разумных комаров — Хирономид.

На следующий день они достигли мыса Мачтового, и к отряду присоединился Иван Терентьевич Парамонов. Оставалось ждать последнего участника экспедиции, Матвея Соболева. Отдых без него казался неполным не только Кристине.

МЕТЕОРА

В конце третьего века нашей эры первые христианские отшельники удалились в пустыни Египта и Сирии, надеясь найти уединение, отойти от мирской жизни и жить в молитвах и медитациях поближе к Богу. Самыми знаменитыми из них стали святой Антоний Египетский и святой Симеон Столпник, проведший сорок лет жизни в горах Сирии на столбе высотой восемнадцать метров.

В массовом порядке отшельники начали селиться в пещерах на обрывистых склонах Пинда в Фессалии в двенадцатом столетии, но лишь в тысяча триста шестидесятом году здесь поселился монах святой Афанасий с горы Афон[1], который и основал два главных монастыря — Гегало Метеорон и Магало Метеорон — на отвесных скалах высотой в двести с лишним метров. Достроил монастыри спустя тридцать-сорок лет его ученик Йоасаф, сын сербского короля. А когда в пятнадцатом-шестнадцатом столетиях Фессалия была захвачена турками, в этих местах возникло свыше тридцати монашеских общин. Увеличилось, естественно, и количество монастырей. Этот комплекс монастырей и скитов, которые и в самом деле словно витают в небесах, греки назвали Метеора, что означает «парящий в воздухе».

[1] Северо-восток Греции.

Монастыри сложены из камня на вершинах одиноких скал, покрыты красной черепицей, как правило, имеют деревянные галереи, нависающие над бездонными провалами скалистых склонов. Вид, открывающийся с вершин монастырей и с галерей, настолько живописен, так захватывает дух бездна под ногами, что слава Метеоры достигла даже других материков, и с конца девятнадцатого века в этих краях появились первые паломники и путешественники. С тех пор Метеора стала скорее музеем, нежели монашеской общиной, все больше привлекая посетителей.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что в одном из монастырей Метеоры — Николаосе, расположенном на трехсотметровой скале, к которому можно было пройти только по веревочному мосту над пропастью, однажды появились туристы. Их собралось сто сорок семь человек — небывало много для тургруппы, ведомой экскурсоводом, однако, во-первых, прибыли они по одному и из разных стран, во-вторых, монастырь Николаос перед их появлением буквально вымер: все его посетители ушли, как и монахи, впрочем. У каждого нашлись дела в соседних монастырях или в соседнем городе Ларисе.

Таким образом, собравшиеся оказались предоставленными сами себе — до тех пор, пока не прозвучал гонг сбора.

Монастырь Николаос вмещал множество тесных монашеских келий, церковь, кухню и общую трапезную с лоханями и черпаками. В скалах северной стороны под стеной были вырублены ниши для цистерн с питьевой водой. В церкви сохранились фрески, изображавшие сцены адских пыток и страданий мучеников: отсечение головы, убиение мечом и кинжалом, распятие, бичевание, сожжение на костре. Фрески эти были созданы еще в шестнадцатом веке живописцем Феофаном из Креты. Но прибывшие «паломники» не смотрели на красоты монастыря и близлежащих гор. По сигналу гонга они собрались во дворе монастыря и обратили лица к тому, кто собрал их здесь со всех концов света, — Хуану Франко Креспо, Генеральному секретарю ООН, Посвященному II ступени, куратору Союзов Неизвестных во всех странах мира, контролирующему уровень международных отношений.

Среди собравшихся был и координатор Союза Девяти России Бабуу-Сэнгэ.

По сути, в Метеоре собралось тайное, но отнюдь не мифическое, а самое реальное правительство Земли, способное в течение очень короткого срока сменить любое формальное правительство любой страны, которое мнило себя единственно претендующим на власть, убрать любого политика, переместить любого чиновника в самых мощных эшелонах власти.

— Начнем, господа, — звучным голосом произнес Хуан Франко Креспо на метаязыке. — Но сначала, как обычно, послушаем нашего Покровителя.

Во дворе монастыря раздались странно звучащие фразы странного языка, содержащие Силу и Энергию Вселенной, не имеющие аналогов ни в одной языковой, семантической, звуковой или музыкальной шкале. Эти особые звуки были по легенде фрагментами речи первого Вселенского Будды — Махавайрочаны, завещавшего следовать его Путем всем остальным буддам. На самом же деле это был коан гипервнушения, кодирующий сознание Посвященных, превращавший их в своеобразных зомби, подчинявшихся единой программе, которую разрабатывал и претворял в жизнь Верховный координатор контроля. Этот коан был создан еще во времена Перволюдей, уже тогда замышлявших построить пирамиду Абсолютной Власти. Он передавался из поколения в поколение «серыми кардиналами» структуры, контролирующей реальность Земли. Хуан Франко Креспо принял его около ста лет назад. Только он один знал, что такое «речь Первобудды» и для чего ее слушают кардиналы рангом пониже, правящие государствами на всех материках Земли. Впрочем, некоторые из них догадывались о смысле «речи», слышимой человеческим ухом, но не воспроизводимой человеческим языком. Среди этих догадливых был и Бабуу-Сэнгэ, один из самых опытных и знающих Посвященных, готовый стать соискателем трона, главным преемником Верховного координатора.

При первых же звуках «речи Первобудды» он машинально взялся за «нагрудник справедливости», защищавший его в числе других опасностей от гипнотического внушения, и встретил пылающий взгляд Хуана Креспо с невозмутимым смирением.

Необыкновенные журчаще-вибрирующие, стонущие, прерываемые мерными ударами металла о металл звуки стихли. Но сто сорок семь Неизвестных стояли еще некоторое время, полузакрыв глаза, словно пребывая в трансе, пока Верховный координатор не развеял чары, сказав:

— Продолжим нашу встречу, господа.

— Один вопрос, господин председатель, — подал голос немолодой по годам, но совсем зеленый по опыту работы координатор Союза Пяти Украины, созданного совсем недавно, в тысяча девятьсот девяносто первом году. — Я не заметил достаточных мер по обеспечению... э-э... безопасности высокого собрания...

Координатор Украины, как истый хохол, уроженец Ивано-Франковска, был хитер, неотроплив, исключительно осторожен и любил трижды перестраховаться, прежде чем что-либо предпринять. Он и на чрезвычайный сход координаторов приехал только после всестороннего анализа предполагаемой угрозы, вы-

брав стохастически запутанный маршрут следования и взяв с собой бригаду «хлопцев» в двадцать пять человек, обеспечивающих его безопасность в пути. «Хлопцев» на территорию Метеоры не пустили, и господин Крольчук, советник по национальным приоритетам нынешнего президента Украины Корчмы, нервничал.

— Господин Крольчук, — улыбнулся Хуан Франко Креспо, — крупней операция по обеспечению безопасности была организована лишь во время празднования пятидесятилетия ООН в Нью-Йорке. Вы можете не волноваться, все необходимые меры предосторожности приняты. Мы можем защитить вас лично от любых посягательств вплоть до пункта назначения. Ведь вы летите в Киев? Или прежним маршрутом через Англию, Финляндию, Турцию, Германию, Швейцарию, Львов... э-э?

— Это нереально, — не смутился Крольчук, умудрявшийся даже здесь выглядеть провинциалом, степенным «козацким головою».

— А что сейчас реально? — проворчал сосед Бабуу-Сэнгэ, аргентинец. — Единственная реальность в мире насилия — смерть!

— Если все сомнения разрешены, я продолжу. — Хуан Франко Креспо обвел ряды стоящих посуровевшим взглядом. — Причины, по которым я вынужден был собрать вас, две. Первая: события, происшедшие в абсолютных планах «розы реальностей», начинают сказываться у нас, в запрещенной реальности, грозя дестабилизировать состояние мира и сорвать контроль за ним. На уровнях физических законов это отразится мало, на уровне социума — очень сильно, вплоть до его полного разрушения. Чем в таком случае мы будем управлять? Выражается же влияние абсолюта двумя стихийно-причинными процессами: ужесточением Закона возмездия и распадом наших Союзов, призванных корректировать реальность по единому сценарию. Если с первым процессом мы еще кое-как могли справляться, локализуя его с помощью создания всякого рода антиправительственных группировок типа «красных» и «черных бригад», «Ирландской республиканской армии», «Команды контркрим», движения «Хамас», исламских «серых братьев» и «защитников веры», неофашистских славянских отрядов, то с процессом распада Союзов можем не совладать.

— В моем регионе этот процесс не наблюдается, — с заметной долей скепсиса проворчал Крольчук.

— Ваш Союз слишком молод, — парировал Верховный координатор, — и монотеистичен, ибо исповедует черный национализм. Впрочем, это нас не волнует, важен результат, а не путь его достижения. Итак, проблема номер один для большинства из нас — распад системы. Какие меры вы предпринимаете в связи с этим?

— Необходима ликвидация смутьянов, — бросил горячий аргентинский лидер. — Никакие другие меры не помогут. Если бы у нас был доступ к МИРам Инсектов, проблема была бы решена в сжатые сроки и бескровным путем.

— Вторая причина, по которой мы собрались, и есть блокировка МИРов, — усмехнулся Хуан Креспо. — Все вы знаете, когда и по чьей инициативе доступ к МИРам был закрыт. Была инициирована так называемая «Игла Парабрахмы», чье включение всегда приобретает характер и силу физического закона. По сути, произошла прямая коррекция реальности, отменить которую мы не в силах. На Земле сохранилось около трехсот памятников культуры Инсектов, получивших название МИРы — модули иной реальности, и все они закрыты.

— И что же, открыть их не удастся никогда? — подал голос лидер Союза Неизвестных Канады. — Нельзя ли заставить того, кто инициировал «Иглу»?

— Заставить — нет, есть путь похитрей. Этот Посвященный по имени Матвей Соболев овладел методом смещения временных потенциалов, то есть способом глубокого проникновения в прошлое по цепи генной памяти предков. Мало того, он в потенциале способен на ретроактивное действие. Надо подтолкнуть его сделать то, что нам нужно, запрограммировать.

— И кто это сделает?

— Наш уважаемый настоятель Храма Гаутамы Бабуу-Сэнгэ, координатор Союза Девяти России, на территории которой проживает наш герой.

Взоры всех ста сорока шести координаторов обратились на Бабуу-Сэнгэ.

— А он справится? — раздался скрипучий голос Крольчука. — Господин Бабуу хорошо ориентируется на Алтае, а Соболев живет где-то в Питере, а?

— Господин украинский гетман хорошо ориентируется на Украине, — разжал зубы Бабуу-Сэнгэ. — Если понадобится его помощь, я попрошу.

— Но до этого момента возможны перевороты Союзов, — сказал канадец. — В моем Союзе образовалась оппозиция режиму...

— И в моем... и у меня фракции... — раздались голоса.

— Есть одна идея, — поднял руку Верховный координатор, успокаивая собрание. — В России создано оружие психофизического воздействия — гипноиндуктор «удав», известный в среде спецслужб под названием «глушак». Возможности его невелики, то есть я хочу сказать, что воздействует он лишь на мозг нормального человека, но хотя программа по его дальнейшему усовершенствованию свернута...

— Чем он поможет нам, людям Круга? — саркастически осведомился аргентинский лидер. — Каждый из нас способен защититься от пси-атаки любой мощности.

— Не каждый и не от любой, — парировал Хуан Креспо. — Во-первых, существует забытый всеми... до поры до времени... источник Силы — Знания Бездн. Найдите его, и ваша воля станет единственной Силой, регулирующей законы данной реальности. Во-вторых, иерархи, Собиратели и Хранители, наши старшие братья, давно овладели психотехникой оформления мысли как реальной физической силой, на базе нижних планов «розы реальностей». Против этой силы, реализующей сплав физики, магии и воли, нет никакой защиты... кроме еще более высокого уровня того, кто послал целенаправленную Мысль.

— Но иерархи там, а мы здесь! Хранители же свято соблюдают доктрину невмешательства.

— Да, иерархи живут выше нас, но... — Верховный координатор сделал паузу. — Я имею возможность получить оттуда кодоны, способные запрограммировать любого из Неизвестных. Этими кодонами, пси-программами высшего класса, можно модулировать излучение «глушаков».

Во дворе монастыря возник и стих ропот. Все присутствующие поняли идею председателя.

— Вы правильно поняли, — показал свою ослепительную улыбку Хуан Креспо. — Самое интересное, что этот способ зомбирования людей уже был описан в литературе около тридцати лет назад русским писателем Мирером в романе «Дом скитальцев». Но вряд ли он предполагал, что Вселенная реализует почти что любую человеческую фантазию.

— Не проще ли сбросить на оппонентов... э-э... на отщепенцев, пытающихся развалить Союзы, небольшой атомный заряд? — спросил в наступившей тишине все еще скептически настроенный координатор Украины.

— Проще, — согласился Верховный координатор. — Но ведь вы не захотите управлять радиоактивной пустыней вместо государства? У вас, господин Крольчук, и так хватает проблем с Чернобылем, не так ли? Не стоит превращать в Чернобыль еще и Киев. Итак, что решим, коллеги?

Над толпой Посвященных всплыли золотые и серебряные облачка света, означавшие согласие или воздержание. Золотых было больше. Погасли.

— Осталось решить две маленькие задачки, — меланхолически заметил китайский лидер Союза Двадцати Девяти. — Где приобрести «глушаки» и как мы получим кодоны?

Верховный координатор помолчал, оглядывая недвижные ряды людей Внутреннего Круга. По сути, он сейчас поднялся по

властной лестнице на ступень выше, потому что жизнь каждого координатора теперь зависела от его решения более, чем раньше. Он готов был принять сан иерарха. А на свое место подготовил хорошего заместителя, от которого теперь тоже зависело многое.

— Кодоны я буду вручать в индивидуальном порядке, — произнес наконец Хуан Франко Креспо. — После вызова. А получение «глушаков» будет зависеть от представителя России господина Бабуу-Сэнгэ. Вам придется договариваться с ним также индивидуально.

Сто сорок шесть координаторов Власти на Земле молча смотрели на невозмутимого настоятеля Храма Гаутамы, прекрасно понимая значение слов, произнесенных Верховным координатором.

НАД ОБРЫВОМ

«Форд-Транзит» бегал быстро, до двухсот километров в час, и до Москвы Матвей доехал за четыре часа. Ночь — он прибыл в начале второго — провел в машине на кольцевой дороге, недалеко от поста ГАИ, чувствуя себя вполне комфортно: в салоне «Форда» можно было разместиться и четверым.

Спал спокойно и без сновидений, хотя изредка сторожевая система отмечала тихие призрачные всполохи пси-полей, очень тонкие, почти неощутимые, на уровне шумов, означающие слабую десинхронизацию его динамической пространственно-волновой структуры энергетической эфирной оболочки, деформацию силового каркаса. На нормальный человеческий язык это состояние переводилось как реакция на ментальный взгляд, взгляд, не оставляющий следа.

В шесть утра Матвей вышел в астрал и позвал того, с кем задумал встретиться. В семь с минутами он подъехал к надвратной церкви Спаса, расположенной на территории Зачатьевского женского монастыря на Остоженке.

Матфей ждал его на скамеечке за резной чугунной оградой в окружении лип и тополей. За миниатюрной ротондой, играющей роль привратной будки, начиналось небольшое, на два десятка надгробных плит, старинное кладбище, которое посещали только служители церкви. Хоронили здесь когда-то основателей монастыря и его послушниц, роды которых угасли, поэтому посетителей в этом уголке Зачатьевского сада никогда не было.

— Спасибо, что откликнулись, Хранитель, — поклонился Матвей.

Матфей, с виду пожилой, убеленный сединами пенсионер, одетый в маечку и серый пиджачок, в брюки зеленоватого цвета

и неизменные сапоги, встал и сделал ответный поклон. Жестом предложил сесть.

Некоторое время они молчали, прислушиваясь к тишине, пропитываясь торжественно-печальным настроением здешних мест, достигая дхъяны, затем дхараны и пратьяхары[1], пока не ощутили полное единение с природой и Вселенной. Потом Соболев негромко сказал:

— Хранитель, я имел несколько странных встреч... в настоящем и в прошлом... и хочу выяснить: что происходит? Если вы не имеете права на информационный контакт, скажите, я уйду.

Матфей не ответил, погруженный в свои мысли, и Соболев в который раз поразился его сходству с теми, кого знал: с Тарасом Горшиным, Буддой, с инфархом. Это было скорее не внешнее сходство, а печать внутреннего состояния полной свободы и сдержанной силы, производящая неизгладимое впечатление.

Наконец Матфей проговорил:

— Происходит то, что и должно происходить по Закону изменения энтропии. И ничего сверх того. Вам должно быть известно, что человечество своей конструктивной деятельностью уменьшает энтропию Земли, и при достижении критического уровня ее организации срабатывает Закон изменения энтропии, в данном случае — Закон возрастания. Он порождает процессы, уничтожающие излишек организации, причем по инерции всегда разрушается чуть больше, чем диктует сам закон. Но это объективное следствие нашего мироустройства. Вот и все.

Матвей не пошевелился, глядя на ползущего по земле муравья. Хранитель искоса посмотрел на него, усмехнулся.

— Я имел в виду самый общий случай, распространяющийся не только на нашу запрещенную реальность, но и на всю Вселенную, на «розу реальностей». В принципе это изначальный дефект мира, заложенный в него Творцом, а нами, людьми, интерпретируемый как противоречие между добром и злом. Это противоречие вечно, смиритесь с ним.

Соболев снова не ответил, словно завороженный гортанным голосом собеседника.

— А теперь перейдем к частностям, — не торопясь, продолжал Матфей. — Закон изменения энтропии уже сработал в абсолютных планах, к нам докатится его ослабленная волна. Но все же хаоса не избежать. И это тоже объективное следствие первоначального замысла Творца. Относиться к нему следует как к стихийному бедствию, не более того.

— Что вы хотите сказать? — очнулся Матвей.

---

[1] Дхъяна — созерцание, дхарана — сосредоточение, пратьяхара — освобождение ума от влияния чувств (*йога*).

— Не вмешивайтесь в действие закона, идущий! Судя по моим впечатлениям, вы избрали Истинный Путь духовной самореализации, ну так не сходите с него. По большому счету вы ничего не измените.

Матвей, которому уже в третий раз предлагали не вмешиваться (не считая тех случаев, когда толкали на противоположное), остался спокоен.

— Каждая душа идет в ту сторону, куда привела ее духовная эволюция. Разве не так?

— О да, этот принцип незыблем, но он не более чем пакет неопределенности. Выбирать Путь вам. В связи с чем у меня встречный вопрос: зачем вы все чаще погружаетесь в прошлое? Что вы там ищете?

Матвей поставил ногу в кроссовке перед муравьем и некоторое время наблюдал, как тот безуспешно пытается понять, что за преграда возникла у него на пути.

— Вы знаете, это как наркотик! — Он улыбнулся, поворачиваясь к собеседнику и встречая его пытливый взгляд. — У меня родился интерес даже не исследователя, а философа. Я хочу понять: зачем Монарху понадобилось экспериментировать над Инсектами? Чего он добивался, превращая род Блаттоптера сапиенс в род Хомо сапиенс? Какой в этом смысл? И еще один попутный вопрос: зачем иерархам надо было постоянно вмешиваться в бытие запрещенной реальности? Ну вышли они оттуда в высшие сферы, ну и живите себе там!

Хранитель качнул головой.

— Неужели вы еще не нашли ответа на свои вопросы?

Матвей не обиделся. На учителей не обижаются, а хотел этого Хранитель или нет, но он давно стал для Соболева Учителем. Впрочем, он наверняка понимал ситуацию, только никогда не признался бы в этом напрямую. Хранители Внутреннего Круга не имели права вмешиваться в «мирскую жизнь». Стать для кого-либо из них Учителем означало — вмешаться. Поэтому Матфей нередко ставил Соболеву задачи, как до Посвящения, так и после, которые не могли быть решены с помощью разума и логики. И Соболев давно понял его: целью этого метода было уничтожить, превзойти концептуальное мышление во имя постижения сущностной, неповторимой природы всех вещей.

— У меня есть лишь догадки, — прямо сказал Матвей. — Интерес Монарха скорее всего интерес исследователя плюс жажда безжалостного экспериментатора. Что касается иерархов, то в глубинах психики они остались Инсектами, жаждущими абсолютной власти... Я не прав?

— Браво! — серьезно ответил Хранитель. — Вы почти угадали. Добавлю кое-какие несущественные детали. Среди иерархов на

высших планах «розы реальностей» вспыхнула война за абсолютное лидерство... что, естественно, уже отразилось и на Земле, поскольку все «реальности» вложены одна в одну и возможно подбарьерное просачивание виртуальной информации.

— Каким образом отразилось? Уж не распадом ли Союзов Неизвестных?

— Именно. Многие иерархи уничтожены или «опущены» в низшие миры; вам, наверное, интересно будет узнать, что существуют еще и «инфернальные реальности», отраженные в мифологии человечества под названиями «чистилища» и «ада». Земная реальность — не самая низкая, хотя по сути она представляет собой нечто вроде исправительного учреждения. И последнее: инфарх низложен! Власть в абсолютных реальностях «розы» захватила группа иерархов, поддерживаемая Аморфом Лексом. Помните встречу с ним?

Матвей кивнул. Бой с Лексом и Монархом Тьмы полтора года назад забыть было невозможно.

— У вас еще есть вопросы, идущий?

— Почему вы сообщили мне все это? Нарушили запрет...

— Потому что я уже не Хранитель. Вернее, срок моей деятельности в качестве Хранителя истекает. Скоро я уйду...

— Уйдете?! Куда? Зачем? Совсем?!

Матфей улыбнулся, так что от глаз на щеки побежали лучики морщинок.

— Я прошел Посвящение IV ступени и достиг сана иерарха. Мой Путь земной закончен, я иду выше. Для меня настало время осознания во Вселенной незримого и невыразимого Плана Бытия. Того, что создал Безусловно Первый.

— Но там же... вы сами говорите... война!

— Война не вечна, — спокойно сказал Матфей. — Наступит время созидания. К тому же инфарх мой друг, ему нужно помочь. Все, чего я хочу, — только восстановления справедливости. Прощайте, идущий. Может быть, еще свидимся.

— Подождите... вы сказали... произнесли слова — Безусловно Первый... Не значит ли это, что вы знаете, где искать... Знания Бездн?

— А зачем их искать? В закодированном виде они содержатся в глубокой памяти любого человека.

— Как это?! — не поверил Матвей. — Мне говорили, что они спрятаны в прошлом... предлагали помочь преодолеть временной барьер, пройти за порог Изменения... Якобы я могу изменить прошлое... и соответственно будущее...

— Это неверно. Все разговоры о возможностях ретроактивного действия — не более чем разговоры. Ваши погружения в прошлое — на самом деле погружения в вашу личную память. Время

не есть скольжение сознания вдоль мировой линии, как вам сообщил Кирилл Данилович и как думают Посвященные нижних ступеней. «Скольжение» — лишь одна из версий о сущности времени.

— Но как же тогда... — Ошеломленный известием, Матвей не сразу собрался с мыслями. — Выходит, все мои прежние походы в прошлое... фикция? Сны? Трансперсональные переживания? И изменить прошлое невозможно?

— Если бы это было возможно, иерархи давно сделали бы изменение, причем даже более жестоко, чем когда-то Монарх и вообще Аморфы. Нет, время — это Процесс, Движение, Делание, вспять его повернуть нельзя, примиритесь с этим.

— Да я и не собирался...

— Другое дело, что вы можете изменить настоящее... и соответственно будущее, как вы изволили выразиться, совершенно случайно, неосознанно, и вот за это на вас лежит колоссальная ответственность. На вашем месте я бы не брался за такую задачу.

— Но я в самом деле не... — Матвей с трудом сдержал свой растерянный лепет. — Извините, Хранитель. Я попытаюсь идти избранным Путем. Просто на меня давят...

— К сожалению, вы действительно стали пациенсом[1] кардиналов Союза Девяти. Избегайте контактов с ними. В скором времени они попытаются запрограммировать вас с помощью известных вам суггесторов «удав».

— «Глушаков» я не боюсь.

— Доработка требуется незначительная, излучение «глушаков» будет модулироваться с помощью особых программ — кодонов, которые уже переправлены в наш мир из «розы реальностей».

— Но ведь «роза» отделена от нашей запрещенной реальности граничным потенциалом...

— Этот барьер не абсолютен. Позволю подсказать вам кое-что. Вы знаете, почему Перволюди строили свои сооружения в форме пирамид? Нет? Дело в том, что форма зданий и предметов играет в нашем мире огромную роль: она организует вакуум! Более всего структурируют полевую ситуацию пирамидальные сооружения, поляризующие вакуум, концентрирующие спин-торсионные поля[2]. В принципе пирамиды — первые торсионные генераторы, воздействующие на сознание людей. Вот почему древние строили храмы с куполами и шпилями, мечети, часовни, церкви, пирамидальные и готические залы — для прямого воз-

[1] Пациенс — объект, на который направлено действие.

[2] Спин-торсионное поле — поле кручения, поле, порождаемое плотностью вращения элементарных частиц.

действия на верующих, на психику людей. Так вот, на Земле и вне модулей иной реальности, оставленных Инсектами, существуют по крайней мере три храма, образующих точки бифуркации.

— Простите, Хранитель, я не физик по образованию...

Матфей кивнул, не выражая своего превосходства или неодобрения ни единым жестом.

— В точках бифуркации все уровни реальности проявляются одновременно виртуальным образом. Они как бы «вморожены» в ткань Вселенной, в тело Земли, в недра других планет и звезд. Подчиняются они лишь полю сознания, торсионному полю, организованному определенным образом — в форме иглы.

— «Игла Парабрахмы», — медленно проговорил Матвей.

Хранитель улыбнулся, встал.

— Прощайте, Соболев. Мир висит над обрывом, решите для себя, где вы находитесь — над обрывом или под ним. Удачи вам...

И Матфея не стало. Лишь над скамьей остался медленно тускнеющий отпечаток его мысленной сферы.

Матвей закрыл глаза, сосредоточиваясь на пространственном поиске, но ни в астрале, ни в ментале не нашел отклика на свой зов. Хранитель ушел, искать его было бесполезно. И Матвей почувствовал вдруг такое безмерное одиночество и отчаяние, какое не испытывал даже после похорон деда.

Посидев еще с минуту, он проследил за муравьем, который наконец обошел преграду — ногу сидящего, встал и тихо направился через парк в сторону набережной Москвы-реки. Получив гораздо больше, чем надеялся, но потеряв поддержку того, на кого рассчитывал.

ФИЛОСОФСКИЕ БЕСЕДЫ НАКАНУНЕ МОРДОВОЯ

Никогда еще Василий не чувствовал себя так хорошо, как во время похода по рекам и озерам Мещеры.

Во-первых, рядом была любимая девушка, во-вторых, появилась уникальная возможность пообщаться с загадочными Посвященными, людьми Внутреннего Круга, в-третьих, можно было не думать о бытийных проблемах, наслаждаться тишиной природы и мечтать, как в юношеские годы.

В среду после часовых занятий со Стасом — мальчишка всерьез подавал большие надежды стать мастером боя уже через пару лет — Василий увлек Ивана Терентьевича на рыбалку и завел разговор о возможностях человеческого тела.

— Мне кое-что непонятно, — сказал он, когда рыбаки отплы-

ли на лодке по протоке к небольшому озерцу в окружении сосен, осин и берез. — Каким образом люди стали четырехконечными существами? Ведь Монарх, когда экспериментировал с тараканами, оставил их шестилапыми. Да и Матвей говорил, что Перволюди, прямые потомки Блаттоптеров, были двуногими и четырехрукими.

— Монарх запустил особую генетическую программу, — ответил Парамонов, экипированный, как завзятый рыбак: джинсовый костюм, накидка, кепка, высокие — выше колен — сапоги. — Рудименты, — продолжил он, — как-то: лишняя пара рук, некоторые отделы кишечника насекомых, сердечные надстройки, фасетчатые глаза — отмирали постепенно, в течение сотен поколений. Больше всего времени ушло на формирование человеческого мозга и черепа.

— Черепа? Но ведь это всего лишь... э-э... сосуд для хранения мозга. Горшок. Почему потребовалось много времени на его эволюцию?

Парамонов улыбнулся при слове «горшок».

— Функции человеческого черепа не только и не столько защита мозга от внешней среды, сколько защита Вселенной от человеческой мысли, могущей потрясти основы мироздания, вырвись она из-под эндокрана[1]. Монарх то ли случайно, то ли по ошибке, то ли намеренно заложил в нас возможности владения магической физикой, после чего ему пришлось долго корректировать собственное творение, чтобы оно не разрушило «розу реальностей».

— Ни хрена себе! — пробормотал Василий, вытаскивая из воды первого щуренка. — Это что же получается? Каждый человек — потенциальный маг? Колдун?

— Почему это вас расстраивает?

— Да не расстраивает... я не знал... нигде в литературе этого нет. Почему же человек не воспользовался своей силой... еще тогда, миллионы лет назад?

— О, Монарх — мощный интеллект, он кинул человечеству иной соблазн — идею рая, идею наслаждения, отрицающую духовное совершенствование — единственный путь, ведущий к овладению магией. С тех пор синтез физики и воли, Слово Власти, способность творить чудеса стали уделом немногих.

Вася, получивший новую порцию информации для размышлений, некоторое время молчал, механически меняя наживку, но в течение часа так больше ничего и не поймал, в то время как

[1] Эндокран — внутренняя поверхность черепа, непосредственно соприкасающаяся с мозгом.

Иван Терентьевич таскал и таскал из воды рыбу: лещей, красноперок, щурят и даже небольшого сома.

— Значит, возможность легкого получения удовольствия, — наконец проговорил Василий, — мешает развитию у человека магических сил?

— Удовольствие в предельном случае, то есть наслаждение — это утонченное искусство, для овладения которым требуется время и талант. Этим искусством человек в массе своей не владеет. Зато его индивидуальное сознание способно производить изменение структуры пространства— времени, то есть порождать флуктуации вакуума. А флуктуация вакуума подобна горному обвалу, лавине: нарушается равновесие, симметрия, и лавина материи извергается из недр вакуума в проявленный мир... как уже и случилось, когда родилась наша Вселенная.

Иван Терентьевич глянул на ошеломленно-задумчивое лицо Котова, но шутить не стал.

— Я не знаю, чем руководствовался Тот, Кто Создал наш мир; можете называть его Творцом, Демиургом, Богом, Безусловно Первым... Но он предусмотрел в нашей Вселенной, разбитой на множество подуровней-реальностей, возможность нового рождения вселенных, новых подуровней. Конкретные же побудительные причины для этого могут быть самыми разными — от чисто случайных спонтанных флуктуаций до целенаправленных действий высокоразвитых, точнее, высокодуховных существ. Или вовсе бездуховных, как Аморфы.

— Аморфы... не близки нам? Хотя бы по мысли...

— По мысли — да, — погрустнел Иван Терентьевич. — Но ни Аморфов, ни даже иерархов нельзя отнести к высокодуховным существам. Как говорится, и Бог может ошибиться в своем творчестве. Возможно, это еще один изначальный дефект Мира... а может быть, только нашей запрещенной реальности.

На этом беседа закончилась, потому что подплыла на лодке Ульяна и присоединилась к рыбакам. Она тоже любила созерцать удочки, текущую воду и лилии на водной глади.

После обеда экспедиция снялась и направилась к Белому озеру, проплыв мимо поселка великолепных вилл, двух- и трехэтажных коттеджей в стиле модерн, построенных с использованием архитектуры и дизайна европейского типа. Неожиданно разговорившийся Самандар поведал об устройстве вилл: первый этаж — холл, кухня, столовая, каминный зал, гостиная, бильярдная, застекленный зимний сад, второй этаж — три-четыре ванные комнаты, от четырех до восьми спален, кабинет, третий этаж — библиотека, компьютерный комплекс для видеоигр, еще один кабинет, зал для конфиденциальных встреч. Кроме того, каждая вилла имела гараж, сауну с бассейном, спортзал, прачечную и

винный погреб. Стоимость одного такого еврокоттеджа с прилегающим садовым участком в пятнадцать соток составляла от двухсот до шестисот тысяч долларов.

— Кто же там живет? — невольно воскликнула Кристина.

— Все, кто может заплатить такие деньги, — безразлично отозвался Вахид Тожиевич. — Депутаты Госдумы, вице-премьеры правительства, бизнесмены... бандиты. Кстати, здесь где-то стоит и дача Маракуца. Вы должны его помнить, Василий.

Вася и Ульяна переглянулись. В последнее время их дороги все чаще пересекались с дорогами Николая Савельевича Маракуца, вора в законе по кличке Боксер.

К вечеру через извилистую протоку выплыли на Белое озеро и быстро разбили лагерь, приобретя некоторую сноровку после трех переходов, разожгли костер. Пока женщины готовили ужин, Василий снова подсел к Парамонову, устроившемуся на чурбачке над обрывом и созерцавшему плес, поле на другом берегу озера и лес, за который садилось по-вечернему ласковое солнце.

— Можно, Иван Терентьевич?

Парамонов, не терявший благожелательности ни при каких обстоятельствах, кивнул.

— Не думал, что попаду в место, где кончаются проблемы и начинается полное растворение индивидуальности, — продолжал Вася со смешком. — Мне не хватало общения с природой, большего кайфа я не получаю ни от какого другого вида отдыха.

— Даже от женщины? — подковырнул его Парамонов.

Вася невольно оглянулся на хлопочущую у костра Ульяну, понизил голос:

— Честно говоря, с тех пор как я с ней... других женщин мне не надо, хотя... зов плоти иногда становится непереносим. Но мы с ней еще не...

— Понимаю, ваши души соприкасаются чаще, чем тела. Что это с вами, Василий Никифорович? Неужто зацепило по-настоящему?

Василий насупился.

— А что, разве мне это недоступно?

— Не обижайтесь. — Парамонов положил руку на локоть Котова. — Вы Близнец по гороскопу, человек действия, а для таких людей постоянство нехарактерно. Эмоции у них зачастую стоят между умом и волей. Я чувствую у вас стремление к глубинности, однако больше всего вам мешает чрезмерная легкость общения с людьми. Любовь ведь требует колоссальной отдачи, а не слепого обожания. Готовы вы к ней?

— Любовь бывает разная... — пробормотал Василий, вовсе не рассчитывавший, что разговор пойдет на эту скользкую тему.

— Само собой разумеется. Любовь — огонь и вихрь — удел

юных, любовь — безбрежный океан и вечное волнение — доля зрелых, любовь — материк с редкими землетрясениями — участь стариков. Вы еще молоды, Василий, все ваши ураганы и тайфуны впереди. Могу только пожелать удачи. Но, судя по объекту внимания, вы уже в центре урагана, так что покоя не ждите.

— Покой нам только снится, — снова пробормотал Василий рассеянно. — Летит, летит степная кобылица и мнет ковыль... Спасибо за добрые слова. Не возьмете меня в ученики? — Слова вырвались сами собой, и Вася прикусил язык, с испугом взирая на собеседника, понимая, что сморозил глупость. Но Парамонов не стал ни иронизировать, ни высмеивать, ни экзаменовать.

— Всему свое время, идущий, — сказал он с необидной улыбкой. — Магия симпатий еще не гарантирует интеллектуальный комфорт общения учителя и ученика. Вы не готовы к получению бодхи[1] путем размышлений. Вы еще не в состоянии воспринимать информацию напрямую из общего энергоинформационного поля Земли.

— Из астрала...

Парамонов не обратил на реплику внимания.

— ...без взаимодействия объекта и наблюдателя. Выход в астрал вам пока недоступен, потому что явления высшего порядка невозможно наблюдать обычными средствами и повседневным состоянием сознания.

— Я понимаю... закон восхождения...

— Но вы не безнадежны, друг мой, — снова пропустил мимо ушей бормотание собеседника Парамонов, позволив себе малую толику теплой иронии. — Обычный человек в толпе слабеет, вы — нет, умеете сохранять индивидуальность. Без вызова и кризиса вы зачахнете, они — основа вашего Пути, не позволяющая расслабляться и деградировать. И вы не боитесь боли, что внушает надежду. — Голос Ивана Терентьевича стал едва слышен, словно он размышлял сам с собой. — Хотя этот параметр обладает глобальностью: стремление избежать боли равнозначно гибели вида.

— Простите, я не совсем... — начал было Василий.

Парамонов очнулся.

— Вам надо научиться принимать информацию от любого иерархического уровня мирового информационного континуума, я попытаюсь помочь. Ну а там посмотрим...

— Спасибо! — с чувством сказал Василий.

— Дядь Вась, — подбежал загорелый до черноты Стас, — а как можно определить, где мы находимся?

Василий встал, разминаясь, сказал очень серьезно:

---

[1] Бодха — мудрость, передающаяся от учителя к ученику (*йога*).

— Поверни ухо на тринадцать градусов к востоку и прислушайся. Или позвони ближайшему дилеру.

Стас округлил глаза, потом засмеялся:

— Это же реклама «хот бёрд». Ты шутишь?

Засмеялись и Василий с Иваном Терентьевичем.

— Я очень люблю «хрюкламу» подобного типа. А насчет того, где мы находимся, могу сказать абсолютно точно: в ста пятидесяти километрах от Москвы. Купаться вечером будем?

— Не, я уже. Я тут огромный муравейник нашел, с тебя ростом, не хочешь посмотреть?

— Хочу. — Василий взял мальчишку за руку, и тот повел его по речному откосу в лес.

Парамонов задумчиво смотрел им вслед.

На Белом озере они задержались на два дня, уж очень хороша была здесь рыбалка.

Муравейник, обнаруженный Стасом на холме в сосновом бору, в ста метрах от лагеря, действительно впечатлял. Высота его достигала двух метров, а диаметр основания и того больше — метра четыре! Василий дважды ходил к нему, испытывая непонятную тягу понаблюдать за деятельностью потомков Формика сапиенс — разумных муравьев. Во второй раз с ним пошел и Парамонов.

— Представить страшно, — поежился Василий, — что муравьи когда-то были ростом с лошадь!

— Они выглядели несколько иначе, — флегматично заметил Иван Терентьевич. — Но все равно впечатляет.

— А над чем вы работаете? Я имею в виду — как Посвященный, человек Круга?

Парамонов обошел муравейник, присел на корточки, наблюдая за суетой его обитателей, сказал вдруг:

— Хотите фокус?

В то же мгновение все муравьи как по команде замерли! Движение вокруг прекратилось, перестали петь даже птицы неподалеку. А затем все бесчисленное муравьиное войско кинулось к муравейнику и полезло внутрь, грозя смести его с лица земли. Исчезло! Муравейник вымер, словно поздней осенью, перед холодами. Пробежал последний муравей, скрылся в одном из окон. И снова тишина и неподвижность.

— Что вы с ними сделали? — прошептал Василий.

Парамонов встал с корточек.

— Я передал им раппорт опасности, сигнал, что сюда летит колеоптер. Сработало.

— Колеоптер — это...

— Жук. Во времена Инсектов колеоптеры наравне со шмеля-

ми — пситирусами — были одними из самых агрессивных хищников. Так что вы хотели узнать, Василий Никифорович?

— Над чем вы работаете...

— Ах, ну да, вы спросили... Это не очень интересно для неспециалиста. Я исследую воздействие фохата на метрику пространства.

— Фохат... э-э... это из индийских эзотерических...

— Тексты Веданты. Фохат в них понимается как универсальный движущий принцип, всемирная жизненная сила. Безусловно Первый реализовал его сначала в Аморфах... ну, и так далее.

— Я читал, что прежде всего сущего была Кала-ханса, Птица вне пространства и времени.

— Это и есть Безусловно Первый, Творец, понимаемый древними йогами как символическая птица, Брама, роняющая яйцо в Хаос, который и превратился во Вселенную. Таким образом, Тьма Хаоса есть лишь средство для мысленного творчества, а не изначальное зло, иерархия темных неструктур. Наша Вселенная была образована по принципу образования любых сложных систем, дихотомически, с заданным вектором предпочтения «лучше — хуже». То есть «добро» и «зло» в ней являются самостоятельными образованиями и через посредника между информационным и вещественным мирами могут влиять на вещественные объекты.

— Вы хотите сказать, что зло — изначальное состояние мира?

— Добро и зло как две категории предпочтения, не более того. Это уже люди сделали их конкретными, насыщенными эмоционально. Так что, увы, мой друг, зло вечно! И поединки с ним — это срок, потерянный для созидания, истинного творчества. Отвечая на ваш вопрос, я мог бы сразу сказать, что занимаюсь проблемами высшего творчества, но тогда вам пришлось бы задавать мне кучу дополнительных вопросов.

Парамонов рассмеялся, увлекая Васю за собой.

— Пойдемте, скоро обед. Вахид готовит плов, а повар он прекрасный.

— Скажите, Иван Терентьевич... недавно мне довелось узнать о существовании Знаний Бездн... якобы это сведения, оставленные Безусловно Первым, обладающие огромной силой. Тот, кто завладеет ими, будет всемогущ. Это правда?

— Как вам сказать... — Иван Терентьевич неторопливо побрел по лесу, сшибая прутиком головы мухоморов. — С одной стороны, Знания Бездн — это отпечатки событий начала Времен на эфирном теле Вселенной, с другой — Нечто, никогда не переводимое на язык Ответа... но способное повлечь очень серьезные и пагубные последствия для всей реальности, особенно изменением мировоззрений. Ибо в Знаниях Бездн, помимо Сил Бога, как принято говорить, сосредоточены все разрушительные демо-

ны человеческих страстей. Овладев Знаниями, человек приобретет не просто красоту, милосердие, понимание, мудрость, но — Дьявольское Милосердие, Дьявольскую Жестокость, Дьявольскую Мудрость... Понимаете? А Дьявольская Жестокость, между прочим, во сто крат превосходит человеческую.

— Понимаю, — пробормотал Василий. — А от кого зависит, что именно приобретет владелец Знаний? Разве не от его воли?

— От воли — нет, от духовного потенциала. — Парамонов помолчал немного. — Да и то не всегда.

— А что за Силы Бога кроются в Знаниях?

— Это трудно объяснить словами, разве если призвать на помощь теории древних мудрецов и святых, зашифровавших свои знания в текстах учений: Гермеса, Иисуса, Моисея, апостолов Петра и Павла. В каббале тоже есть упоминание о Силах Бога...

— Кажется, припоминаю: первая Сила Бога — Эхейх, то есть — Я Есмь! Вторая — Иегова, Сущность Бытия... По-моему, этих сил всего семь...

— Люди Внутреннего Круга владеют двумя первыми, Хранители — тремя-четырьмя, иерархи — не менее чем пятью, полным набором — разве что Аморфы, да и то я не уверен. Друг мой, это не тема для философских бесед. Недаром говорится: не поминай имя Господа всуе...

Василий, собиравшийся задать еще несколько вопросов, прикусил язык.

Вечером Парамонов отозвал его в сторонку:

— Пройдемся, Василий Никифорович.

Василий, наметивший прогулку на лодке с Ульяной, с неуверенностью в душе догнал его на тропинке, огибавшей озеро со стороны крутого берега.

— Может быть, попозже поговорим?..

Впереди замаячила фигура человека, и Вася приумолк, понимая, что Парамонов не зря увел его от лагеря: это был Самандар. Не говоря ни слова, все трое отмахали с полкилометра и остановились у поваленного бурей дерева. Прислушались к звукам лесной жизни.

— Пора кое-что прояснить, сударь мои, — сказал Парамонов. — Я недавно узнал о ваших контактах с господином Рыковым и хотел бы поговорить об этом.

Василий покосился на неподвижно стоявшего Самандара, однако в начинающихся сумерках нельзя было разглядеть выражения его глаз.

— Первое и главное: откажитесь от предложения. Оба! Вахид, я понимаю, соблазн велик. Стать одним из Девяти — это прецедент! Но Рыков не тот человек, который способен на широкий жест, филантропию и благодарность. Устранив Носового вашими руками, он возьмется за вас! Свидетели и исполнители всегда

становятся лишними на «пиру жизни», а уж тем более для Неизвестных, желающих оставаться неизвестными и дальше. — Иван Терентьевич с силой потер ладонь о ладонь, и руки его засветились, облачко розоватого сияния вспорхнуло над ними, приобрело форму человеческой головы с острыми волчьими ушами, затем пролилось струйками света на землю.

— Рыков хочет занять место координатора Союза и ни перед чем не остановится. А ваша команда КОП, Василий Никифорович, — Парамонов повернулся к Василию, — не что иное, как подставка, на которую Рыков собирается свалить все грехи. Сам он останется в стороне, на «копов» же организует охоту... после того как они, естественно, устранят всех неугодных Германну действующих лиц.

Помолчали, вслушиваясь в торжественную тишину вечернего леса. Вверху над вершинами деревьев проступили первые звезды, издалека доносились смех и тихие женские голоса, где-то звенели комары, но близко не подлетали.

— Все? — осведомился Самандар.

— Второе предупреждение не столь важно, как первое, — глухо сказал Иван Терентьевич. — Между иерархами в высших горизонтах «розы реальностей» вспыхнула свара. Контроль границ нашей родной запрещенной реальности практически отсутствует, что дает возможность Монарху Тьмы подготовить и провести новое Изменение. Об этом он мечтает давно, люди ему стали неинтересны, а теперь появился и повод.

Самандар с любопытством посмотрел на ссутулившегося психотерапевта.

— Откуда у вас такие сведения, Иван?

— Вообще-то я не имел права говорить вам об этом, — совсем тихо проговорил Парамонов. — Я готовлюсь к Посвящению II ступени... но вы мне оба симпатичны, просто не мог не предупредить.

— Вот как?! Почему же я ничего не знаю о Посвящении? С каких это пор канцелярия Круга перестала информировать нас о Посвящениях?

— Канцелярия упразднена. Теперь каждая каста Круга подбирает себе преемников сама.

Самандар секунду молчал, потом шагнул прочь и растворился в темноте между соснами. Неизвестно, о чем думал Парамонов, но у Василия осталось чувство, будто он обидел Самандара.

— Мне почему-то жаль его...

— Мне тоже, — со вздохом признался Иван Терентьевич. — Вахид очень упорный Посвященный и способен на многое. — Последние слова прозвучали двусмысленно, однако объяснять, что он имеет в виду, Иван Терентьевич не стал. — И еще мне кажется, что он изменился...

...Утро следующего дня началось с тревоги. Охарактеризовать ее смог бы только Соболев, помнивший слова Хранителя, что «мир висит над обрывом». Наступил момент, когда «мир спрыгнул с обрыва».

Первым, еще в четыре часа утра, проснулся в палатке Парамонов, ощутивший изменение психоэнергетических потенциалов на гигантской площади болот Мещеры. Затем рядом заворочался Самандар. За минуту они оделись, выскользнули из палатки и оказались на берегу, над которым лежала рыхлая подушка тумана. Уже рассвело, хотя солнце еще пряталось за горизонтом, воздух был свеж и прохладен, птицы начинали свои пока еще тихие утренние разговоры.

Иван Терентьевич подошел к палатке, где спали Василий и Стас, но будить Котова не пришлось: его инстинкт проснулся раньше хозяина, насторожил и заставил прислушиваться к своим ощущениям. Полог палатки отогнулся, и оттуда высунулась голова Василия.

— Что-то стало холодать, господа офицеры. Похоже, к нам гости?

Самандар, стоявший неподалеку в позе Железного Стержня, безмолвно нырнул в кусты.

— Их человек пятнадцать, — тихо и быстро заговорил Парамонов. — Уйти по воде не сможем, они перекрыли реку, мост и две дороги. Надо уходить лесом.

— Зачем уходить? Мы их встретим на подходах...

— С нами женщины и ребенок, — сухо напомнил Парамонов.

— Но и бегать от кого-то — не лучшее решение, — окрысился Василий. — Кто они?

— Судя по их аурам, это просто бандиты, хотя среди них имеется и какой-то темный профессионал. И они очень хорошо вооружены.

Из палатки, где спали женщины, бесшумно вылезла Ульяна, подошла к оглянувшимся на нее мужчинам.

— Что будем делать, мастера?

— Предлагаю отступать, — сказал Парамонов.

— Предлагаю отогнать, — эхом отозвался Василий. — Если не дать им отпор, они будут идти за нами до тех пор, пока не загонят в ловушку.

Ульяна окинула Котова насмешливым взглядом.

— Экий ты у нас не гибкий. Но зачем мы им нужны? Вы уверены, что объект охоты — мы?

— Объект нападения — я! — дошло вдруг до Василия. — Так, Иван Терентьевич? Или Самандар. Это не вы накаркали вчерашними рассуждениями? Кто-то из наших подопечных решил перестраховаться и начать первым. Уж не Рыков ли?

— Непохоже, — нехотя ответил Парамонов. — Скорее это люди Хейно Яновича. Кстати, Маракуц, по слухам, принят в «СС» на правах одного из боссов. Тень-2, кажется. Вполне может быть, что Носовой дал ему приказ усмирить потенциального противника. У него ведь тоже разведка поставлена по высшему классу.

Появился Самандар, невозмутимый, стремительный, налитый упругой силой.

— Шесть человек идут по двум дорогам, с оружием, еще четверо со стороны леса и пятеро по реке. На болотах, очевидно, снайпер, там появляться нельзя, все протоки как на ладони. Предлагаю женщин и Стаса увести на озеро, к старице, туда они не сунутся, топко. Остальных разберем — кому кого.

— Согласен! — кивнул Василий.

Ульяна и Парамонов с одинаковыми чувствами глянули на обоих. Вася и Вахид Тожиевич были людьми боя, в то время как Иван Терентьевич — человеком мирного решения конфликтов, но и он мог постоять за себя. Как и Ульяна.

— Я с вами, — заикнулась было девушка, но Парамонов поотечески погрозил пальчиком.

— Ты уводишь Кристу и Стаса. Буди их тихонько и вперед. У нас в запасе не больше двадцати минут.

Мужчины подождали, пока Ульяна уведет растерянную Кристину и зевающего мальчишку, переглянулись.

— Кто их навел на нас?

— Неважно, кто. Как пойдем?

— Каждому по группе, — отрывисто сказал Самандар. — Я возьму шестерых на обеих дорогах.

— Тогда я реку, — предложил Вася.

— Ясно. — Иван Терентьевич придержал приятелей за локти. — Только умоляю вас, не увлекайтесь дракой без нужды. Достаточно выяснить, кто они, кто их послал, и обезоружить.

— Кто бы их ни послал, я его достану, — с угрюмой угрозой проговорил Самандар.

— Ну, ни пуха...

— К черту! — ответили все трое дружным шепотом.

УТЕЧКА «ГЛУШАКОВ»

Прямой вызов координатора, да еще в Москве, где он избегал появляться, оказался для Юрьева полной неожиданностью. Он понял, что произошло что-то исключительно важное, что побудило Бабуу-Сэнгэ покинуть свой укрепрайон на Алтае и прилететь в Москву.

Юрий Венедиктович прислушался к себе, к внешнему миру,

источников особого беспокойства не обнаружил и немного успокоился. Настоятель Храма Гаутамы звонил по криптофону, был деловит и тревоги не излучал.

— Где вы? — спросил Юрьев, находясь в своем первом рабочем кабинете в «черно-белом» доме; второй его кабинет располагался в Кремле.

— Я в Шереметьеве, — ответил Бабуу-Сэнгэ. — Необходимо встретиться. Вы сможете приехать сюда через два часа? Вечером я улетаю к себе, а до этого времени надо решить одну проблему.

Юрий Венедиктович посмотрел на часы, покачал головой, но отказать не решился, хотя ему вовсе не улыбалось сломя голову мчаться в аэропорт.

— Хорошо, ждите.

Через два часа они пересеклись в ресторане Шереметьева-2 на втором этаже здания аэропорта как случайные посетители, встретившиеся за одним столом. Заказали обед. Бабуу-Сэнгэ был одет в безукоризненный черный костюм. Длинные волосы он связал в пучок, изменил цвет и пропорции лица и стал похож на китайского дипломата. Впрочем, он и паспорт имел китайский на имя товарища Чжоу Шужэня. Юрьев всегда одевался проще и прибыл в джинсовой рубашке с распахнутым воротом и серых слаксах. Правда, в ресторан его пропустили без звука.

— Я был на всемирном сходе Круга в Греции, — сказал наконец Бабуу-Сэнгэ, начиная трапезу. — Появилась возможность укротить наших оппонентов.

Юрьев доел салат из овощей, принялся за грибы.

— Как?

— Хуан Франко Креспо располагает особыми программами внушения — кодонами, сопротивляться которым не сможет ни один Посвященный.

Юрьев доел грибы, подвинул к себе тарелку с овощной соляночкой.

— Что он хочет в обмен?

— Вы прекрасно все понимаете, Юрий Венедиктович. Ему необходимо повиновение, лишь тогда он сохранит влияние. Естественно, мы вынуждены были согласиться. Однако и ваш покорный слуга неожиданно поднялся на ступень выше. — Бабуу-Сэнгэ доел овощи и перешел к рису. — Дело в том, что кодоны могут быть применены в качестве модуляторов для наших отечественных гипногенераторов «удав».

— «Глушаков»? — поразился Юрьев.

— Именно. И теперь многое будет зависеть от нас... от вас лично, Юрий Венедиктович. Мы сейчас, по сути, монополисты, и этот факт позволит нам преодолеть кастовый барьер.

— Посвящение III ступени? Это возможно?

— Кто сказал — нет?

Некоторое время Юрьев ел молча.

— ФСБ свернула программу разработки психотропного оружия. Лаборатория Овечкина работает сейчас над сугубо мирной техникой — нейролептическим генератором, снимающим многие синдромы. А «глушаков» было сделано всего с десяток...

— Не хитрите, Юрий Венедиктович. Я знаю, что партия «глушаков» второго поколения, как и «болевики», была передана в Управление «Т» ФСБ.

Юрьев, продолжая жевать, выдержал острый взгляд «китайского дипломата».

— Да, я вспомнил.

— Нам будут нужны все «глушаки».

В воздухе снова повисло молчание.

— Я попробую, — сказал наконец Юрьев. — А нельзя ли испытать ваш кодон на Соболеве? Если он откроет нам вход в МИРы...

— Попытаться можно, надеяться — не стоит.

— Тем не менее это шанс. Куда переправить груз? В Москве его держать долго нельзя.

— Думаю, территория монастыря — самое подходящее место. Или у вас другое предложение?

— Пусть будет монастырь. Но... — Юрий Венедиктович хладнокровно допил заказанный облепиховый сок. — Я должен быть уверен...

— Разумеется, — кивнул Бабуу-Сэнгэ. — Мне нужен не только союзник, но и преемник. Кандидаты, предложенные Рыковым и Носовым, не подготовлены в должной степени, так что вы — единственный реальный претендент. Что касается мистерии Посвящения... патриархи касты уже уведомлены о наших притязаниях и будут следить за развитием событий. Все теперь зависит от нас самих. Вам понадобится помощь моих людей?

— Справлюсь, — ответил один из Девяти, вставая из-за стола и раскланиваясь с «китайцем».

Генерал Баканов, начальник Управления «Т» Федеральной службы безопасности, был взбешен и с трудом скрывал свои чувства, меряя шагами кабинет Первухина. Начальник Управления спецопераций смотрел на него сочувственно, однако пока не знал, как помочь.

— Что мне докладывать наверх? — наконец остановился Баканов. — Что офицер охраны склада и два прапора проникли в помещение, вскрыли спецбункер и, похитив контейнер с грифом «четыре нуля», скрылись?!

— Но ведь ты же их потом нашел...

— Они ни черта не помнят! Контейнер исчез! Полный «глушаков»! Плюс комплект генераторов боли «пламя»...

— Сколько всего?

— Двадцать штук «глушаков» и пять «болевиков».

— Н-да, брат, это хреново. Ты сам охрану допрашивал или кто-то из замов?

— Миронов. Я же говорю: они ничего не помнят!

— Значит, кто-то их обработал. Где ты их держишь?

— В Солнцевском армейском СИЗО.

— Поехали поговорим.

— Зачем? — вытаращил глаза Баканов. — Ты думаешь, мы не применили «третью меру»? Глухо. Теряют сознание и молчат.

— Поехали, попытка не пытка, авось заговорят.

Через полтора часа оба генерала, одетые в штатское, въехали на территорию следственного изолятора на окраине Солнцева, законспирированного под воинскую часть. Правда, все местные жители отлично знали, что за «часть» здесь расположена, и называли ее «тюрьмой ГПУ».

В камеру, где сидел проштрафившийся майор охраны секретного склада ФСБ, генералы спустились в сопровождении офицера охраны изолятора и первухинского адъютанта, игравшего роль телохранителя. Майор лежал на койке в форме. Когда в камеру вошли двое незнакомых в штатском, он зашевелился и сел. Бледный до зелени, с мешками под глазами, майор двигался с трудом.

— Сидите, — сказал Первухин, присаживаясь на единственный привинченный к полу деревянный табурет. Баканов остался стоять. — Повторите, что вы помните.

— Ничего, — глухо ответил майор. У него задергался мускул под глазом, задрожали руки и губы. Но все же он справился с собой. — Пытайте — не пытайте, мне сказать нечего.

— Хорошо, поступим иначе. Подойдите, станьте ко мне спиной. Не бойтесь, я бить не буду. — Первухин усмехнулся.

Офицер-охранник с усилием встал с койки, подошел, пошатываясь, повернулся и замер. Первухин достал из кармана пиджака пистолет, направил в затылок арестованному — Баканов округлил глаза, открыл рот, собираясь крикнуть: ты что?! — и нажал на спуск. Выстрела не последовало. Вернее, выстрел произошел, но в руке генерала был не обычный пистолет, а «глушак», Баканов сообразил это мгновением позже.

Майор вздрогнул, обмяк и едва не упал, пришлось поддержать его под руки и усадить на койку, так что его широко раскрытые глаза невидяще уставились в зарешеченное окно.

— Имя, фамилия? — четко спросил Первухин.

— Сергей Буркин.

— Звание?

— Майор.

— Подразделение?

— Спецподразделение «Щит» по охране секретных объектов.

— Что случилось шестого июня перед вашим дежурством на объекте «Склад № 3»?

— Ко мне домой зашли двое федералов...

— Точнее.

— Двое федеральных агентов, показали удостоверения.

— Вы их запомнили?

— Так точно. Полковник Семашко и капитан Балуев. Один приземистый, седой, крепкий, с усами, второй высокий, плечистый, русоволосый.

— Узнать сможете?

— Смогу.

— Что они вам предложили?

— Ничего не предлагали, сунули в лицо пистолет и...

— Дальше.

— Все. Они исчезли. Я посчитал, что это галлюцинация. Пошел на дежурство. Потом меня взяли ваши люди на шоссе.

— Что вы там делали?

— Не знаю.

— Куда девался контейнер спецхранения?

— Не знаю.

— Но вы помните, что вы его забрали со склада?

— Не помню.

— Ложитесь и спите.

Майор послушно закрыл глаза и завалился на койку. Лицо его еще больше позеленело.

— Вызови врача, — сказал Первухин, пряча «глушак».

— Но он же...

— Он больше ничего не скажет. Прапорщики тоже. Все они были зомбированы с помощью «удавов».

Генералы вышли из камеры, направились по коридору к выходу из изолятора.

— Откуда у тебя «глушак»?

— От верблюда, — ответил Первухин.

— Понятно. Мне бы найти такого верблюда... А нельзя было заставить его вспомнить, кто все же приходил, что приказал сделать и куда они отволокли контейнер? Выстрелить в него еще раз...

— Выстрелить — значит, превратить в идиота. Ему и так досталось, а мужик в общем-то ни в чем не виноват. Память его сейчас блокирована командой запрета, внушенной с помощью «глушака» теми, кто к нему приходил. Пробить этот блок другим «глушаком» невозможно, нужны другие средства. А Семашко и Балуев — фамилии подставные, наверняка в штате таких нет. Хотя... фамилия Балуев кое-кого мне напоминает.

— Кого?

— Одного бывшего ганфайтера, работал такой года два назад у нас, еще при прежнем директоре.

— Ну и что мне делать?

Генералы вышли из прохладного помещения в жаркий июньский день, сели в джип, на котором приехали, адъютант Первухина завел мотор и вывел машину с территории СИЗО.

— Ничего не говори Бондарю, — посоветовал наконец начальник Управления спецопераций. — Он не знает, что у нас хранились генераторы «удав» и «пламя». Следствие веди, но тихо. Потом подумаем, что делать дальше. Одно могу сказать: операция проведена по классу «элит», а значит, разработчик ее — кто-то из наших аппаратчиков, знающий о «глушаках». А таких знающих наберется всего три-четыре человека. Попробуем поработать с верхов.

— Спасибо, Федор Ильич. С меня магарыч...

— Я не пью, — без улыбки ответил Первухин.

Спустя полчаса после отъезда генералов ФСБ из Солнцевского СИЗО один из офицеров охраны изолятора, сопровождавший их до камеры с подследственным, зашел в гараж, достал сотовый телефон с кодовой приставкой и набрал нужный ему номер. Трубку снял начальник военной контрразведки полковник Холин. Выслушав донесение, сказал:

— Пленку доставить мне немедленно!

Еще через час ему привезли пленку с записью беседы начальников управлений «Т» и «СО» с находящимся в изоляторе майором Буркиным. Прослушав запись дважды, Холин соединился с Рыковым и попросил аудиенции.

Встретились они на территории катрана, в сауне, где подслушивающих устройств не имела ни одна из заинтересованных сторон.

— Что случилось? — спросил Герман Довлатович, залезая в парилку.

— Кто-то похитил из спецхрана партию «глушаков», — сказал Холин, замачивая веник. — Что будем делать?

— Париться, — подумав, ответил Рыков.

БОЙ В ЛЕСУ

Василий увидел охотника раньше, чем тот его: высокий, подобранный, в пятнистом комбинезоне, с копной светлых нечесаных волос, он крался вдоль протоки, изредка скрываясь в кустах

или в камышовой крепи. В руках у него был скорострельный «никонов» — оружие очень серьезное, мощное и точное.

Второй охотник шел следом, метрах в двадцати от первого, и вел себя довольно шумно — по оценке специалиста-перехватчика. Видимо, он считал, что находится в безопасности, и надеялся на сигналы первого. Одет он был в джинсовую безрукавку и брюки, а в руке нес «мосберг» модели 500[1].

Еще один член группы шумел осокой где-то справа, с другой стороны протоки, и, как он был вооружен, Василий не видел.

Остальные двое плыли в байдарке, бесшумно опуская весла в воду, держа свое оружие — штурмовые винтовки «штейер» калибра 5,56 миллиметра — перед грудью.

По тому, как была укомплектована группа, Василий сделал вывод, что готовили операцию армейские спецы, но боевики группы явно не были кадровыми военными. Самандар не ошибся, эта группа стерегла отход туристов по воде, в ее задачу не входила прямая атака.

Сконцентрировавшись на муладхаре-чакре[2], Василий перешел в состояние боевого транса и перестал мыслить и чувствовать, как обыкновенный человек. Теперь он был истинно мэйдзином, Мастером ниндзюцу, владевшим сидзэн и ногарэ — естественностью и текучестью движений, которые обеспечивали раскованность, свободу, уверенность и отсутствие излишнего напряжения психики и мускулатуры. Он еще раз провел мэкики хэн — анализ географических данных местности предполагаемого боя, проверил свою пространственно-ситуативную ориентацию, убедился, что высчитал положение всего отряда противника правильно, и бесшумно скользнул влево от первого охотника группы, чтобы зайти в тыл.

Второго боевика он перехватил у ракитовых кустов, внезапно возникнув у него за спиной и нанеся удар по шее ребром левой ладони. Охотник, икнув, упал лицом вниз, в обросшую мохом валежину. Василий прихватил с собой ружье бандита, рацию («шоубой» третьего поколения, сделано в Германии) и, не издав ни малейшего звука, исчез в кустах.

Первого охотника пришлось брать в прыжке через полусгнивший ствол упавшего клена: тот отреагировал на писк рации (!) в кармане Василия и мгновенно развернулся в его сторону, вскидывая «никонов». Выстрелить, однако, не успел. Зато успел подставить кулак, на который Вася налетел щекой. Чтобы боевик не

---

[1] Боевое гладкоствольное магазинное оружие 12-го калибра с пистолетной рукояткой и магазином на восемь патронов.

[2] Муладхара-чакра — инстинктивный центр человеческого тела.

выстрелил, ему пришлось принять на себя еще один удар, и лишь после этого он в стиле кентай-итиё[1] нанес ответный удар головой в нос противника, локтем отбил ствол автомата вниз и добавил выпад суставом согнутого среднего пальца в живот «пятнистому» верзиле на выдохе с переносом энергии. Если бы он резко убрал бьющую руку, создалась бы мощная ударная волна, способная вызвать серьезные внутренние повреждения — разрывы селезенки, почек, сосудов, кишечника. Но Вася пока не был полностью уверен, что отряд идет по его душу (или душу Самандара) с целью уничтожения, и противника щадил. Вспомнив прочитанное в книге, пробормотал назидательно:

— Информация об объекте есть изменение параметра наблюдателя, вызванное взаимодействием наблюдателя с объектом.

Потрогал щеку, сплюнул кровь. Такое «взаимодействие» с объектом приятным не назовешь.

«Никон» потерявшего сознание боевика он разрядил и бросил в болотное оконце неподалеку. Подумав, сунул туда же ружье второго охотника. В случае нужды автомат и ружье можно было разыскать.

Рации в кармане Василия и еще одна — на груди упавшего — снова запищали. Далекий голос командира операции требовал доложить обстановку.

— Нормально, — вполголоса ответил Василий.

— Повтори, Пятый, — потребовала рация.

— Все нормально, — зашипел Василий. — Кончай связь, лагерь близко!

Рации умолкли, но Вася без жалости по очереди раздавил их в кулаке.

Следующим на очереди был боевик, шедший справа от протоки. Берег там низкий, топкий, бедняге приходилось несладко, и он отстал, ворочаясь в зарослях осоки, камыша и ольхи, как кабан.

Вася пропустил лодку с гребцами, перешел протоку вброд и настиг легионера — бедняга застрял в бочажине, грязный с ног до головы, он матерился шепотом и, похоже, забыл начисто, для чего здесь находится. В другое время Василий непременно придумал бы какую-нибудь шутку или напугал бы человека, уж очень смешон был несостоявшийся «охотник» на людей, однако настоящий мэйдзин, исповедующий принцип ин-син тонкэй — достижение максимального результата минимальными средствами, никогда не усложняет себе путь, и Вася, свалившись на несчастного легионера, тут же усыпил его касанием пальца за ухом.

---

[1] Кентай-итиё — тело и оружие едины; удар наносится из любого положения любой частью тела и идет в конкретную точку.

Подивился на оружие — «помпушку» MAG-ЭМ-1 12-го калибра, прекрасного дизайна: под пистолет-пулемет, с удлиненным магазином на десять патронов, и утопил его в реке. Интересно все же, черт возьми, подумал он, где эти ребята откопали такое мощное современное оружие? И зачем оно им в делах «гашения обликов»? Засветишься с таким, считай — пропал. Настоящие профи действуют пушками попроще...

Оставались боевики в лодке, уже забеспокоившиеся, что их напарники, идущие по суше, перестали отвечать. Вася «сделал» их очень просто: зашел вперед, за поворот протоки, лег на дно, глядя вверх, держась за космы водорослей, чтобы не всплыть до времени, и, когда появилась байдарка, рывком перевернул ее вверх дном. Придержал лодку, чтобы гребцы наглотались воды, потом дал им возможность освободиться, вынырнуть и точными уколами в нервные узлы на шее послал обоих в глубокий сон. Вытащил тела на берег, оружие и рации побросал в воду, отдохнул немного и снова взял темп. До сих пор все было тихо, он справился со своими подопечными за четверть часа, но у Самандара задача была посложней, боевиков было шестеро, и шли они вдоль дорог, по открытому пространству, поэтому Вахида Тожиевича следовало подстраховать.

Обойдя топь и старую гарь крюком, Вася вышел в тыл второй группы, снова убеждаясь в том, что шли не профессионалы: группа перла по двум дорогам — если можно было назвать дорогами две почти параллельные тропы, по которым с трудом проехал бы мотоцикл, — не додумавшись выставить хотя бы одного человека для арьергардного прикрытия. Однако вмешаться Вася не успел, Самандар начал атаку раньше.

Вахид Тожиевич сделал это довольно изобретательно. Поскольку боевики шли двумя группками по три человека в каждой, растянувшись в цепь: один топает по дороге, двое по бокам, а дороги то и дело петляли, и боевики часто теряли друг друга из вида, Самандар на одной из таких петель вышел на тропу и сел на выступавший из земли корень сосны — просто сидит и отдыхает старый грибник. Как и Котов, он тоже владел сити-хо дэ — методами маскировки, переодевания и игры в роли другого человека, древним искусством ниндзюцу. К тому же он, как Посвященный Внутреннего Круга, мог воздействовать на мозг любого человека, подавляя волю, внушая ему любой образ, включая воображение и тормозя реакцию. Волевой раппорт, посланный им строго по вектору, был достаточно силен, чтобы идущая по дороге и вдоль нее троица приняла его за старика.

Действовали боевики расторопно — по их понятиям, разумеется, — не решаясь стрелять, чтобы не нарушить тишины.

— Эй, отец! — передвинув автомат за спину, окликнул Саман-

дара вполголоса тот, кто шел по дороге; он был одет в стандартный пятнистый хэбэ, его напарники — в нейлоновые куртки не первой свежести. — Ты здесь никого не видел?

«Старик» подслеповато прищурился на подходившего парня, не переставая жевать бутерброд. Второй боевик в это время бесшумно заходил ему со спины.

— Никого, — буркнул «грибник». — Тут на двадцать верст людей нема — болото.

Сзади вырос бандит, без размаха опустил на голову сидящего приклад автомата и... сел рядом, разом осоловев. «Старик» как ни в чем не бывало продолжал есть, и тут до предводителя в камуфляже дошло, что ест он не что-нибудь, а бутерброд с красной икрой! Правда, открытие ему не помогло. «Старик» вдруг оказался рядом, и парень отключился, так ничего и не сообразив.

Третий член группы, выбравшись из кустов, с удивлением обнаружил, что никакого «старика» на дороге нет, а его напарники лежат и не двигаются.

— Вы что там, охренели?! — засипел он, высовываясь. — Отдыхать вздумали? Где это пугало?

Бандит не договорил, заметив боковым зрением шевельнувшуюся тень. Повернул голову и не поверил глазам: рядом стоял незнакомый черноволосый мужик и выжидательно смотрел на него. Рука парня дернулась к автомату, палец лег на курок, но внезапно рухнувшее на голову дерево выбило из нее все желания и мысли.

Вторую группку из трех камуфлированных мальчиков, одинаково — под ноль — подстриженных, одинаково играющих роль бывалых спецназовцев, Самандар взял не совсем чисто, с шумом, но вины его в этом не было.

Начал он с крайнего легионера, уложив его броском кинжала в шею; кинжал он отобрал у предводителя первой тройки. Когда командир второй тройки, шагавший по дороге, как Рэмбо, оглянулся на шум упавшего тела, его встретил точный удар кулаком в гортань, и возглас удивления застрял у парня в горле вместе с воздухом. И тотчас же из кустов справа выскочил на дорогу третий член группы, получивший по рации приказ открывать огонь на любой шум или движение. Он успел дать очередь из своего «никона», затем из лесных зарослей вылетела шишка, врезалась ему в затылок, и, пока парень поворачивался и палил по кустам сзади, Самандар в три прыжка преодолел отделявшее его от боевика расстояние и длинным ура сюто вырубил парня окончательно.

На дорогу выскользнул Василий. Мгновение они смотрели друг на друга, потом в полукилометре от них раздалась еще одна

автоматная очередь, и оба бросились в ту сторону, молясь в душе, чтобы никто из женщин не пострадал.

Ивану Терентьевичу Парамонову досталась самая трудная задача, несмотря на малочисленность группы, которую надо было обезвредить. В число этих четверых входил Дзиро Маюмура, личный телохранитель Носового. Он-то и руководил операцией. Остальные боевики принадлежали окружению Маракуца, получившего приказ от босса «СС» уничтожить в лесах Мещеры тургруппу в составе шести человек: трех мужчин, двух женщин и пацана.

Ведомая Маюмурой четверка вышла точно на лагерь туристов — очень мирный и сонный. Впечатление было такое, что тут все еще спали, кроме кого-то из дежурных, кто жег костер. Именно такого впечатления и добивался Иван Терентьевич, предпринимая первую свою ментальную атаку.

В крайней палатке «кто-то зашевелился», собираясь вылезать, по жесту Маюмуры туда нырнул один из его помощников с финкой, вонзил несколько раз свое орудие убийства слева и справа, распарывая матрац, который со свистом и шумом лопнул. И тогда остальные начали стрелять по палаткам, причем одна из пуль попала первому боевику с финкой в спину, перебив ему позвоночник.

Пока они палили по кустам и палаткам, Иван Терентьевич возник за спиной второго парня и внушил ему, что враг слева. Детина под два метра ростом ответил очередью влево и достал своего напарника.

Маюмура сообразил, что происходит нечто не предусмотренное планом, и дал по рации приказ всем группам мчаться на помощь, а сам нырнул в лес, отвечая ливнем пуль на любой шум, не жалея патронов и лесной фауны — белок, лягушек, ящериц и ужей.

Парамонову пришлось задержаться, чтобы справиться с великаном в камуфляж-комбинезоне. А когда он догнал Маюмуру, одетого в черное трико ниндзя (комплект Н-1 для российского спецназа), произошло то, что меньше всего ожидали оба: прямо на телохранителя Носового выбежала Ульяна Митина.

Тут же на поляну с двух сторон выскочили Самандар и Котов. И Дзиро Маюмура сделал то, что сделал бы на его месте любой профессионал: прыгнул к Ульяне, заломил ей руку и приставил к виску пистолет. Неестественно звонкая тишина оглушила всех. Затем вперед шагнул Самандар, и тут же Маюмура выстрелил ему под ноги из автомата, продолжая держать Ульяну и целиться ей в голову.

— Не делайте лишних движений, — сказал японец хладнокровно. — Сейчас сюда придут мои мальчики, и мы...

— Не придут, — буркнул Самандар.

— Ах вот как? Что ж, чудесно. Тогда я вызову транспорт, мы с этой мадам сделаем марш-бросок по дорожке на пару километров...

Щелчок выстрела заставил вздрогнуть всех, в том числе и японца, рука его дернулась, и Василий прыгнул вперед, закричав:

— Нет!

Однако Маюмура удержал палец на курке. Автомат его смотрел на Самандара, который только что стрелял из пистолета, целясь в голову Маюмуре.

— Вахид! — металлическим голосом произнес Парамонов, лицо которого заблестело от пота: гигантским напряжением психических сил он пытался подавить волю Маюмуры, но у него это почему-то не получалось. Как и у Ульяны, ошеломленной случившимся.

Самандар нехотя бросил пистолет на землю. Вася взглядом пообещал ему запомнить этот инцидент надолго. Шагнул вперед, не обращая внимания на метнувшийся к нему зрачок автомата.

— Слушай сюда, урка. Нам от тебя ничего не надо, даже жизни. Твои мальчики уже все рассказали. В том числе и то, что они из команды Маракуца, которого мы достанем везде, даже на том свете. Ты же — столичная крыса, и с тобой наша разборка будет другой. Пойми одно: случись что с этой девушкой, у тебя будет три кровника! Три, сука! Считать умеешь? Я же предлагаю честную сделку: ты отпускаешь ее — мы отпускаем тебя. Даю слово ганфайтера — уйдешь живым! Но если... — Голос Васи упал до шепота.

— Понял, — с прежним невозмутимым видом ответил Маюмура. — Я принимаю предложение. Надеюсь, вы умеете держать слово?

Василий скрипнул зубами, преодолевая порыв броситься к врагу и убить его одним касанием пальца.

Маюмура опустил пистолет, выпустил руку Ульяны, которая смотрела на него, прикусив губу, и кинул автомат на землю.

— Я могу идти?

Никто ему не ответил, и японец тихо исчез за стеной кустарника. Василий бросился к девушке, обнял ее, но Ульяна отстранила его, все еще глядя вслед Маюмуре.

— Ничего не понимаю! Я же пыталась его...

— Я тоже, — со вздохом признался Парамонов. — Как об стену горох! Неужели он владеет пси-блоком?

— Кажется, я знаю, в чем дело, — сказал Василий. — Вы пытались его загипнотизировать? А не может он защититься от внушения с помощью генератора пси-защиты? Я же говорил, у меня есть несколько штук, сам дорабатывал. А у него может остаться

стандартный колпак, разработанный в лабораториях ФСБ и предназначенный для экранизации мозга от излучения «глушака».

— Как же я мог забыть! — пробормотал с облегчением Иван Терентьевич. — Это меняет дело. Но я не знал, что генератор способен защитить человека от раппорта. Что ж, будем знать. Итак, господа отдыхающие, что предпримем?

— Пойду догоню, — бросил Самандар, собираясь нырнуть в лес, и наткнулся на стальную руку Василия.

— Я дал ему слово! — Вася поглядел в непроницаемые глаза Вахида Тожиевича. — Он должен уйти.

— Он может вернуться.

— Не вернется.

— Вы не понимаете разве, зачем он пришел сюда во главе целого отряда?

— Понимаю. И все же мы отпустили его. Пусть идет.

— Он не отстанет, пока не выполнит приказа Хейно...

Вася отвернулся, подошел к Ульяне, прислушивающейся к их разговору, сказал с улыбкой:

— Кажется, отдых наш закончился? Пойдем свертывать лагерь.

— Спасибо... за освобождение, — улыбнулась в ответ девушка; целуя вдруг Василия в щеку, она взмахнула рукой. — Твоя речь меня потрясла обилием сленга. Идем за Соболевыми, Стас там, наверное, весь испереживался.

Ульяна и Василий скрылись в лесу, не боясь разговаривать во весь голос и смеяться.

— Молодость, молодость, — задумчиво проговорил Парамонов, глядя им вслед. — Я, конечно, не хочу вмешиваться, Вахид, но у вас очень сильный соперник. Я имею в виду не Носового, с ним-то вы еще справитесь...

— Котов мне не соперник, — растянул в улыбке губы Самандар. — Уровень мальчика слишком низок.

— Как сказать... Он идет, а это главное.

Парамонов проследил передвижение Маюмуры по лесу с помощью гипервидения, отметил очаги некроизлучения — Самандар оставил на поле боя три трупа да у палаток остывали еще три — и со вздохом поплелся за Вахидом Тожиевичем в лагерь. Они и раньше в общем-то не были близкими друзьями, попав в зону отторжения людьми Внутреннего Круга по разным причинам, что их, в сущности, и сблизило, однако последние события заставляли Ивана Терентьевича переоценить свое отношение к образу жизни директора МИЦБИ. В его психике наметился излом, и произошло это не без воздействия Рыкова, предложившего заманчивую перспективу стать одним из Девяти.

ВЫ НЕ ПРАВЫ, ГЕРМАН ДОВЛАТОВИЧ

Всю пятницу Матвей колесил по Москве в поисках церкви или монастыря, хотя бы отдаленно похожих на храм, где, по намеку Хранителя, «все уровни реальности проявляются виртуальным образом». Но ни в одной из ста сорока церквей столицы, в том числе и в кремлевских соборах, не обнаружил ничего, что влияло бы на его психику глубже, чем торжественное молчание храма веры. Выдохся он на церкви Николая Чудотворца в Мытищах. Выйдя из церкви, сел в машину и некоторое время размышлял, правильно ли он понял Хранителя. Потом поехал в «Метрополь», где снял стандартный по европейским меркам двухкомнатный «турклacc».

Ужинал он в ресторане «Боярский», хотя мог бы выбрать и ресторан «Метрополя» подешевле: «Европейский», например, или «Гоголь», «Достоевский», «Бунин» или «Савва Морозов». Однако именно в «Боярском» Матвею пришла мысль, что храм с «зоной бифуркации», во-первых, должен быть известен во всем мире как притягивающее всех место паломничества, а во-вторых, располагаться он может и не в России, а в других странах. Стоило поискать его в других городах, в знаменитых монастырях и соборах.

Мысль была хороша, и Матвей оценил ее бокалом шампанского, после которого пришла еще одна мысль — трезвая. На то, чтобы обследовать все земные храмы на предмет нахождения там «вмороженной» в ткань Вселенной сферы, где реализовались законы магической физики, потребовался бы не один год! Поразмышляв над этим обстоятельством, Матвей понял, что грядущие перемены не дадут ему возможности путешествовать по Земле спокойно. Судя по судорогам астрала, Союз Девяти деятельно готовился к переделу власти, а это означало, что в скором времени они снова придут к Соболеву за «ключами» от МИРов Инсектов... которых у него нет. И тогда, отчаявшись, от переговоров они перейдут к делу, и снова под удар попадут те, кто меньше всего повинен в существовании Внутреннего Круга и его жутких тайн: Кристина, ее родные и близкие, Стас, Вася Балуев...

Надо поспешить, сказал сам себе Матвей, расплачиваясь за ужин. В номере, переодевшись в шорты и майку, он принял окончательное решение — вести поиск храма с «зоной бифуркации» в астрале или ментале, в предельно осторожном режиме.

Матвей не был физиком по образованию, естествоиспытателем, но после разговора с Хранителем нашел необходимую литературу и знал теперь механику связи человеческого мозга с общим энергоинформационным полем Земли, называемым астралом.

Сознание оператора, которое проявлялось через спин-торсионное поле, давало возможность доступа оператора не только к любым процессорам без трансляционной периферии (именно этим способом Матвей и добыл информацию из компьютеров ФИА-На), но и через торсионный канал обмена информацией свободно проникало в астрал, откуда могло черпать любые сведения (зная, как это делается) из любых областей существующего или утерянного человеческого знания. Конечно, далеко не каждый человек мог свободно путешествовать по астралу, этому странному информационному «болоту», многие проникающие туда без должной подготовки сходили с ума. Но у Матвея был накоплен достаточно большой опыт астральных путешествий, и затеряться в колоссальном океане информации он не боялся. Боялся только одного: что, если Посвященные из Союза Девяти запеленгуют его во время сеанса и предпримут психофизическую атаку? А в том, что он выиграет бой, Матвей отнюдь не был уверен.

Тем не менее поздно ночью, приняв в роскошной постели позу звезды — панчасану, он вошел в медитативный транс, поднимаясь «по ступеням» в горние выси астрала: первая «ступень» — дхъяна, созерцание собственного «я», вторая — дхарана, сосредоточение на погружении в психическое пространство, и, наконец, третья «ступенька» — пратьяхара, освобождение ума от влияния чувств, полный отказ от чувственного восприятия. Состояние меоза, или по-другому — самадхи или турий, то есть ментального просветления, наступило, как и всегда, незаметно. Сознание Матвея слилось с космосом, с волнующимся океаном информационных матриц и полей...

Сначала он «обошел» знаменитые монастыри, соборы, храмы и церкви Европы, начав с Шартрского собора во Франции. Изучал лишь те сооружения, которые реализовали форму торсионного генератора — пирамиды или же конусы.

Шартрский собор Нотр-Дам (что в переводе означает буквально «Нашей дорогой госпоже»), одно из величайших творений готической архитектуры и христианской культуры Средневековья, был посвящен Деве Марии и построен на месте кельтских святынь, которое испокон веков считалось священным. Начиная с трехсот пятидесятого года нашей эры здесь неизменно стояли церкви. Последняя из них сгорела дотла в тысяча сто девяносто четвертом году, и на ее пепелище был возведен новый собор.

Матвей неосязаемым облачком мысли медленно облетел две колокольни высотой более девяноста метров, примыкающие к собору, задумчиво повисел над своеобразным лабиринтом на полу собора, предназначенным для кающихся грешников, затем еще раз полюбовался издали на грандиозную панораму Нотр-Дам с его десятью тысячами скульптурных изображений из кам-

ня и стекла и двинулся дальше, в Париж, в церковь Сакре-Кёр, расположенную на пересечении бульваров Клиши и Рошфора. Создана она была в конце прошлого столетия, но по праву считалась одним из чудес света. Матвей же решил ее посетить из-за великолепных резных каменных куполов, наверняка способных организовывать вакуум, быть торсионными генераторами, влияющими на сознание верующих.

Однако Сакре-Кёр (Sacré Coeur — церковь Сердца Христа), расположенная к северу от центра Парижа, как и родственный ей собор Сан Фро, построенный в византийском стиле в одиннадцатом веке в Перигё, на юго-западе Франции, с его пятью куполами, пси-сферу Матвея не затронули. Покружив над главным куполом церкви, напоминающим скорее восточный тип архитектуры, чем европейский, Матвей прыгнул в Англию.

Здесь он осмотрел собор в Солсбери с его высокой, устремленной в небо колокольней и собор Святого Павла в Лондоне, построенный в семнадцатом веке. Не обнаружив того, что искал, переместился в Германию, где «пощупал» мыслевидением знаменитый Кёльнский собор, начатый еще в тысяча двести сорок восьмом году и строящийся и подстраивающийся на протяжении всех семи с половиной веков своего существования. Изумительная готика продольного и поперечного нефов, хора и двух стопятидесятисемиметровых башен действительно потрясала, но Матвею было не до наслаждения эстетикой построек, и из Кёльна он перелетел мыслью в Баварские Альпы, где стоял замок Людвига Баварского — Нойшванштайн.

Король Баварии Людвиг II был натурой романтической, страстным почитателем германской мифологии и себя, очевидно, отождествлял с рыцарем-лебедем Лоэнгрином. Недаром он в тысяча восемьсот шестьдесят первом году стал меценатом Вагнера, оплатив все долги композитора и пригласив его в Мюнхен. Одновременно семнадцатилетний Людвиг распорядился начать строительство замка, которое длилось более семнадцати лет.

Всю эту информацию Матвей черпал прямо из астрала, не прилагая никаких специальных усилий. Напрягался он, лишь когда просеивал через собственную пси-ауру пространство залов и башен в поисках резонанса. Однако замок Нойшванштайн не таил в своих недрах пересечений с иными реальностями.

Из Германии Матвей перенесся в Венгрию, где осмотрел здание парламента, возвышавшееся над Дунаем, — интереснейший образец неоготического архитектурного стиля. Парламент начали строить в тысяча восемьсот восьмидесятом году, а закончили в тысяча девятьсот втором. Неповторимый облик ему придавали шпили неоготических башен и мощный купол, высота которого — девяносто шесть метров — символизировала дату завоева-

ния Венгрии мадьярами. Повисев в центре шестнадцатиугольного Главного зала под куполом, Матвей перелетел сначала в Испанию, посетил Эскориал — монастырь и королевский дворец одновременно, а потом церковь Саграда Фамилия[1].

Здесь он невольно задержался, потому что церковь Саграда Фамилия, расположенная к северу от центра Барселоны, задуманная как символ незыблемости католической веры, поразила Матвея неповторимой самобытностью и буйной фантазией.

Архитектор Антонио Гауди, соорудивший этот шедевр, подходил к строительству как к органическому созидательному процессу: камень превращался под его руками в живую форму, орнамент и резьба вырастали из него, как листья и ветви. Он строил церковь тридцать пять лет, отклоняя другие заказы, с тысяча восемьсот девяносто первого по тысяча девятьсот двадцать шестой год, когда внезапно погиб под колесами трамвая. Церковь осталась незавершенной, продолжить творение гениального мастера оказалось делом немыслимым, хотя и было сделано несколько неубедительных попыток. Но необычайная причудливость, ажурность, пластическая выразительность сооружения, подчеркнутая силой искусства мастера, еще ждали своего гения, способного завершить архитектурное чудо....

Утомившись, Матвей вышел из транса, отдохнул на диване, переключая программы телестены, пока не заинтересовался футболом. Играли «Спартак» и «Ливерпуль» в Кубке европейских чемпионов. Первым забил «Спартак» — с пенальти. Потом забили игроки «Ливерпуля» — с острого угла, после великолепной игровой комбинации, показав настоящий класс, и Матвей выключил телевизор, уже зная, чем все закончится.

Во втором часу ночи он снова начал погружение в астрал, торопясь закончить поиск неведомого провала в иные реальности, а по сути — точки опоры, взявшись за которую можно было перевернуть мир.

Путешествие по храмам Матвей начал с посещения одной из исламских святынь — «Купола скалы», сооруженного в иерусалимском Старом городе. Сияющий золотом купол, символ священной скалы, по традиционному поверью расположенной в сердце и центре мира, действительно мог претендовать на роль главного торсионного генератора с «провалом иномерия» посередине, но оказался пустым.

Так же не затронули струны души Матвея исламские святыни в Турции — Голубая мечеть в Стамбуле с ее каскадом куполов, другие мечети города и страны, Золотая мечеть — мавзолей Мусы аль-Кадима в Ираке, мечеть Мекка-Масджид в Хайдарабаде, Го-

[1] Sagrada Familia — церковь Святого Семейства.

лестан в Тегеране, мечеть Шах-Джахана в парке Баш-Бабур в Кабуле, мечеть Омейядов в Дамаске и бесчисленное множество мечетей во всех городах и уголках мусульманского мира.

Не нашел «провала иномерия» Матвей и в Японии, потратив некоторое время на изучение монастыря Тодайдзи с его Дайбуцудэн — Залом Великого Будды. Монастырь представлял собой самое большое деревянное здание в мире, множество раз горевшее и восстанавливаемое. Зал Великого Будды со статуей Будды, отлитой из четырехсот сорока четырех тонн бронзы, был построен в восьмом веке по приказу императора Шому и олицетворял могущество японского властителя и одновременно размеренность и гармоничность образа жизни японцев. Матвей созерцал бы лицо Будды — высотой почти в пять метров и шириной в три — долго, получая при этом самое настоящее благословение, душевное спокойствие, но время торопило, и прямо из зала Матвей перелетел в Индонезию, где в сорока двух километрах от Джокьякарты, главного города Центральной Явы, располагался храмовый комплекс Боробудур.

Но и в Боробудуре (название означало: «Много Будд») Соболев не задержался, несмотря на то что комплекс иллюстрировал собой сакральный символ — мандалу, то есть диаграмму мироздания, по форме представлял собой ступенчатую пирамиду и был пропитан таинственными шепотами истории, буддийского учения и магии.

В течение немногих минут Матвей облетел Ангкор-Ват, самый знаменитый и большой храм на территории кхмерского государства, расположенный в нескольких километрах от города Сиемреап в Камбодже; Запретный город в Пекине с императорским троном во Дворце высшей гармонии; Храм Минакиш[1] в Мандураи, построенный на территории индийского штата Тамилнад; мавзолей царицы Мумтаз-Махал, несравненной Арджуманд Бану, известный как символ Индии Тадж-Махал.

Из Азии Матвей перенесся на Американский континент и некоторое время бродил по величественным руинам древнеиндейских цивилизаций. Перед его мысленно-эфирным взором прошли пирамиды в Тикале, религиозно-культовом центре, расположенном в Гватемале недалеко от города Флорес, бывшего некогда центром культуры майя; красивые и величественные многоступенчатые пирамиды Теотиуакана, древнего и таинственного города на территории Мексики, происхождение которого все еще остается загадкой и в наши дни; пирамиды и скульпту-

[1] Так звали принцессу, которая родилась на свет с тремя грудями и рыбьими глазами. Уродство ее прошло, как только она обручилась с богом Сундарешварой («Властителем красоты»).

ры в Чицен-Ице, точке рокового столкновения культур майя и тольтеков, захвативших город в десятом веке нашей эры. После вторжения тольтеков Чицен-Ица стала новой столицей изгнанного верховного вождя и богочеловека Топильцина, известного в культуре майя под именем Кукулькана. Посвященная ему девятиступенчатая пирамида получила название Кастильо (Замок), но построена она была на развалинах более древнего сооружения и тоже пирамиды. Матвей потратил на ее осмотр больше времени, чем на десятки других, однако печати особенности и чужеродности не обнаружил.

Как бестелесная молния он облетел все культовые сооружения Южной Америки, добрался до Северной и с разбегу пронзил Храм Христовой Церкви Святых Последнего Дня в США, известный больше под названием Храма Мормонов, — строгий готический замок с шестью остроконечными башнями, затем изучил замок Херста близ небольшого городка Сан-Симеон на Калифорнийском побережье, Эмпайр-Стейт-Билдинг в Нью-Йорке и памятник Линкольну в Вашингтоне.

Порыв астрального путешественника иссякал: слишком много энергии отобрало это путешествие и слишком большим становился риск дальнейшего погружения в невидимые вихри информационной бездны.

Уже на исходе терпения Матвей облетел Канадиан Нэшнл Тауэр — смотровую башню в Торонто высотой в пятьсот пятьдесят три метра, статую Спасителя высотой в тридцать метров, водруженную на вершине холма Корковаду на высоте семисот метров, которая нависает над панорамой Рио-де-Жанейро, и Сиднейскую оперу в Австралии, завораживающую взор комплексом бетонных «парусов» — эллиптических параболоидов высотой в шестьдесят семь метров.

Но, метнувшись в Африку, Матвей застрял там дольше, чем мог себе позволить. Сначала он долго рассматривал руины пирамид в Мэроэ, столице могущественного эфиопского государства шестого века до нашей эры. Затем так же внимательно, с трепетом изучал любимые свои пирамиды: Хуфу, Хефрена и Микерина в десяти километрах от Каира. Чувства, вызываемые созерцанием пирамид, Матвей смог бы только обозначить, но не назвать. Лишь одно из них было переводимо на человеческий язык: благоговение...

В свое тело, лежащее в постели гостиницы, он вернулся совершенно без сил, с колоссальным ощущением жажды, будто проработал в знойной пустыне без воды и пищи не один год.

То, что его запеленговали во время выхода в астрал, Матвею стало ясно уже ранним утром, когда третья сигнальная система, настроенная на поиск и обнаружение опасности в любое время

суток независимо от состояния хозяина, включила внутреннюю «сирену тревоги». Матвей мгновенно проснулся, «надел» на себя состояние меоза — ментального озарения, как надевают рубашку, и сразу определил причину тревоги: возле «Метрополя» стояли две машины со специфическим нервным наполнением, охраняемые пятнистыми комбинезонами. Вход в «Метрополь» был перекрыт, как и все его лифты, а по коридорам крались на полусогнутых три отряда «пятнистых», которых Матвей насчитал пятнадцать человек. Тот, кто его запеленговал, знал о возможностях объекта и укомплектовал команду перехвата мощными бугаями с мощным вооружением: все парни были вооружены суперкомпактными многозарядными ружьями «neostead» 12-го калибра, предназначенными для гарантированного поражения живой силы в ближнем бою. А поскольку такими ружьями вооружались лишь спецподразделения ЮАР и полиция некоторых африканских стран, Матвей сделал вывод, что парни в камуфляже работают на какую-то очень крутую частную контору, а не на Федеральную службу безопасности или любую другую государственную службу. Это давало «жертве» возможность действовать адекватно в широком диапазоне приемов «охотник — мишень». С другой стороны, воевать Матвей не хотел ни под каким предлогом.

Он открыл дверь номера, как только трое «пятнистых» расположились за ней в позиции для штурма, а четвертый — портье (они взяли его с собой, идиоты!) поднял руку, чтобы постучать.

Секунду длилась оторопелая тишина, потом заученно, оттолкнув растерявшегося благообразного вида старикана, в комнату ворвались спецназовцы в черных масках-чеченках, окружив спокойно стоявшего Матвея и направив на него стволы своих необычного вида, с зализанным прикладом-ложем, с двумя трубчатыми магазинами под стволом, ружей. Пользоваться такими Матвею не доводилось, но он знал их особенности. Скорострельностью ружья «neostead» не отличались, однако этот недостаток компенсировался повышенной точностью и эффективностью оружия, его малыми габаритами. При стрельбе дробью калибра «00» дробовой сноп на дальности пятнадцати метров ложится в круг диаметром не более двадцати сантиметров.

— В чем дело, господа актеры? — хладнокровно спросил Матвей.

Из-за широких спин здоровяков штурмовой группы вышел еще один великан в комбинезоне без погон, показал издали красную книжечку с тисненым золотым орлом. Парень был без маски.

— Служба безопасности президента. Матвей Соболев, вы арестованы.

— Во-первых, молодой человек, вы уверены, что я Соболев? А во-вторых, в чем его обвиняют?

— Вы Соболев, и в конторе вам все расскажут.

— А ордер на арест у вас имеется?

— Вот он. — Здоровяк сунул в лицо Матвею пистолет «глок-24». — Ну-ка, ребятки, наденьте на него браслеты, а будет трепыхаться...

— Конечно, буду, — хмыкнул Соболев, разгоняя темп.

И уже войдя в сверхскоростное вальсирование вокруг бойцов президентской СБ, он понял, что совершил ошибку. От его усыпляющих касаний парни не падали, а замирали на несколько мгновений и снова лезли в бой. Они были зомбированы! Выключить их можно было только с помощью смертельных уколов, остановив сердце.

Бой поэтому продлился еще несколько секунд, пока Матвей рассчитывал дозировку ударов по длительности и энергетическому наполнению: отключение сердца у закодированных парней должно было длиться не больше минуты-двух, чтобы они имели шанс выжить.

Великана с документом Матвей взял на прием последним, когда тот разобрался в обстановке и собирался отступить в коридор и вызвать по рации подмогу. Уложил его на пол, заломив руку до затылка, тихо спросил:

— Кто вас послал? Зачем?

Здоровяк заерзал под коленом Соболева, выдохнул сквозь стиснутые зубы:

— Ты покойник, падла!

Матвей повернул голову командира отряда к себе, глянул в его мертвые, лишенные всякого выражения глаза и понял, что гигант ничего не скажет: он тоже находился в состоянии зомби. Мгновение Матвей решал, что делать, потом сконцентрировался на мысленной атаке и вошел в сознание спецназовца. Через несколько секунд, разобравшись в его не слишком интеллектуальном психологическом пространстве, Матвей выяснил, что хотел.

Посланная за ним команда «Туз» действительно принадлежала Коржанову, начальнику службы безопасности президента, но направлена она была с подачи Рыкова Германа Довлатовича, нового советника президента по безопасности. Один из Девяти просто решил выключить Матвея Соболева из процесса, на всякий случай, как реальную угрозу своим планам. Что же он такое запланировал, господин Рыков? К чему такая серьезная перестраховка? Чего следует ожидать в ближайшее время? Почему Рыков боится вмешательства того, кто отказал ему в помощи недавно?

— Вы не правы, Герман Довлатович, — вслух проговорил

Матвей, одновременно приказывая командиру — на уровне волевого раппорта — свернуть отряд и уезжать.

Гигант обмяк, но потом все же встал, оглядел завозившихся на полу бойцов, потер виски, глянул на Матвея, стоявшего со стаканом воды, взял стакан и залпом выпил. Глаза его стали осмысленными, сузились.

— Дьявол, ничего не понимаю!.. Ты кто?

— Да я постоялец...

— Ага... Зачем мы сюда залезли, не знаешь? Ну ладно... Подъем! — рявкнул командир на парней. — Что расселись? По машинам!

Четверка убралась из комнаты, в дверь заглянул растерянный, ничего не понимающий портье и скрылся, тихо прикрыв дверь за собой. Через минуту покинул номер и Матвей. У него в запасе еще было несколько минут, пока первоначальная программа в мозгу командира боролась со второй, полученной в результате внушения.

И все же Матвей отнесся к происшедшему как к досадному, но несерьезному инциденту, не принял его за предупреждение, о чем впоследствии пожалел.

ПОДАЧА НАВЫЛЕТ

В Рязань они вернулись в пятницу седьмого июня, отказавшись на турбазе от продолжения похода под предлогом болезни одной из женщин. «Сердце», — лаконично объяснил Самандар решение закончить маршрут раньше директору базы, хотя мог бы спокойно сослаться на беременность Кристины.

Иван Терентьевич в Рязань не поехал, отправившись прямо с турбазы в Спас-Клепики, где у него, по его словам, жили какие-то дальние родственники. Остальные устроились в Васиной машине и в безрадостном настроении отправились домой. Особенно горевал Стас, но и он понимал — какой теперь отдых!

Вася развез всех по квартирам, пообещав на следующий день навестить и Ульяну, и Стаса с Кристиной, а оставшись наедине с молчавшим всю дорогу Самандаром, сказал:

— Что будем делать с Маракуцем? Ему надо устроить сладкую жизнь.

— Какой смысл? Боксер сейчас не только вор в законе и бизнесмен, но один из лидеров «СС». В табели о рангах он Тень-2, второй после Носового.

— Тем более! Возьмем его, разузнаем все тайны...

— Вряд ли Боксер знает много. Для Хейно он «шестерка», удобный исполнитель, имеющий кое-какое влияние.

— А откуда у него такое оружие?

— Запасы Носового. «СС» давно торгует оружием вне государственного контроля. Естественно, в страну попадает и оружие с Запада.

— Что конкретно велел Маракуцу сделать Носовой? Уничтожить всю группу или только нас? И почему вы уверены, что, когда мы уйдем, Маракуц не предпримет еще одно нападение — на Ульяну и родственников Матвея?

Самандар молчал.

— Вас куда?

— К главпочтамту.

Василий остановил машину на улице Подбельского, Самандар вышел, наклонился к дверце.

— Встретимся вечером у памятника Есенину.

— Лучше вечером у меня на квартире. — Василий продиктовал адрес приятеля. — Спокойно поговорим.

Вахид Тожиевич явился по указанному адресу в начале двенадцатого вечера, когда приятель Васи Саша Антошкин уже спал.

Квартира у Саши была однокомнатная, поэтому решили расположиться на кухне под видом чаепития.

— Какие будут предложения? — спросил Василий, налив гостю кружку кипятка и бросив туда пакетик «Липтона».

— Начнем с ваших, — осклабился Самандар.

— Пожалуйста, — пожал плечами Василий. — Лучше всего брать Маракуца на его квартире. Однажды мы с Матвеем уже были у него, вряд ли он ожидает повторения чего-либо подобного. Как известно, короля играет свита, а свита у Николая Савельевича не производит впечатления интеллектуалов.

— Это все?

— Все.

— Тогда у меня другое предложение. Маракуц построил недавно на берегу Оки большой спортивный центр с первоклассными теннисными кортами, а для того чтобы заявить об этом миру, пригласил известных теннисистов, есть даже пара ребят из первой десятки. Завтра открытие комплекса и начало соревнований под громким названием «Кубок Рязанского кремля». Лучше всего брать Маракуца там.

Василий хлебнул кипятку, чуть не обжегся и некоторое время пил чай молча. Наконец сказал свое слово:

— А что? Вполне бредовый план. Может сработать. Там-то уж он наверняка не будет нас ждать. Давайте обсудим детали.

Самандар достал из кармана пиджака сложенный вчетверо план спортивного комплекса и разложил на столе.

Через полчаса они закончили обсуждение плана операции, и

Самандар ушел. Был ли он сердит на Котова за Ульяну или просто не мог вести себя иначе, но говорил он коротко, отрывисто и только по делу, ни разу не упомянув имени Ули. Вася даже почувствовал облегчение, когда Вахид ушел. В принципе он и контактировал-то с ним вынужденно, понимая, что один с гвардией Маракуца-Боксера не справится. Но с приближенным Носового, ставшим Тенью-2 в кабинете «СС», надо было кончать.

В субботу восьмого июня Василий подъехал к центральным проходным спорткомплекса за час до начала соревнований. Публика уже начала собираться, в основном элитарная — на «девятках», «шестнадцатых», «Фордах», «Тойотах» и «Мерседесах». День обещал быть солнечным, безветренным, температура к девяти часам утра поднялась уже до двадцати двух градусов.

Через центральный вход Василий все же не пошел. Понаблюдав за толчеей у турникета через стекла автомобиля, он обошел здание зимнего корта и предъявил дежурному у служебного входа удостоверение офицера ФСБ. Охранник, молодой мужик в кепи, с побитым оспой лицом, постарался вытянуться «во фрунт», но ему помешал живот. Сконфуженный, он открыл дверь во двор комплекса, и Василий гордо продефилировал дальше. Одет он был в черные легкие брюки и шелковую куртку с эмблемой пепси-колы, на голове имел точно такое же кепи, как у охранника, а светлые усики и накладные брови сделали его практически неузнаваемым.

Хорошо изучив расположение спортзалов, кортов и подсобных помещений, Василий знал, куда идти, и вскоре проник на территорию главного корта с изумительным травяным покрытием и многоярусным амфитеатром для зрителей.

С размахом строил себе игрушку Боксер! — подумал Василий. Когда-то он играл в теннис, но любительски, ради удовольствия, однако игру эту любил.

К половине десятого на корт прибыла бригада обеспечения безопасности Маракуца, ведомая знакомым Васе квадратным качком со светлыми волосами и глазами навыкате. Расставив людей: двоих — на входе корта, шестерых — за сеткой тренерского ложа, еще двоих — у входа в ложу, где должны были сидеть влиятельные люди города от мэра до начальника УВД, и четверых — за спинами гостей, — квадратный молодец исчез.

Ровно в десять появился сам Маракуц в ослепительно белом костюме, ковбойской шляпе, громадный, толстопузый, потеющий не столько от жары, сколько от массы тела, улыбающийся ослепительной улыбкой кинозвезды, довольный жизнью. Жена Боксера, мэр Рязани, чиновники помельче шли в кильватере главного «благодетеля». Спину Маракуца прикрывали два широ-

ких «шкафа», отодвинувшиеся в тень, как только Николай Савельевич сел на свое место под козырьком ложи.

Затем началась процедура открытия соревнований.

Подождав минуты две и не заметив среди зрителей Самандара, Василий начал действовать.

Сначала он подошел к одному из сторожей Маракуца, оставленному на входе, и сказал тихо, незаметно показав удостоверение:

— Нужна твоя помощь. Зайди в раздевалку.

— Но мне приказано... — заикнулся было парень, одетый, как и вся команда телохранителей Боксера, в светло-серый костюм, бежевые туфли, серую рубашку и белый галстук.

— Готовится шухер, — сказал Василий с нажимом. — Мы должны защитить твоего босса и его друзей. Иди!

Парень глянул на своего напарника, с которым разговаривала какая-то дама в зеркальных очках, и поплелся по главному проходу, ныряющему под землю, в раздевалки и душевые. Не заметив ничего подозрительного, Василий сбежал по ступенькам вниз, догнал охранника, настороженно следящего за суетой спортсменов и обслуживающего персонала в коридорах под амфитеатром стадиона, и махнул рукой: за мной. В первой же из пустующих раздевалок он с ходу воткнул парню указательный палец в солнечное сплетение, раздел обмякшего и переоделся в его костюм. Свой аккуратно свернул и спрятал в один из шкафчиков. Уложил уснувшего подручного Маракуца на лавку, чтобы кто-нибудь, увидев, принял его за уставшего спортсмена. После чего направился в средний ярус трибун, где располагалась центральная ложа для Очень Важных Персон. У парня в карманах обнаружились карты, складной нож, электрошокер «павиан», зажигалка, сигареты, расческа и портмоне с пачкой «зеленых». Все это хозяйство Васе было без надобности, но выбрасывать его он не стал.

Расположившись так, чтобы видна была вся ложа, Василий принялся считать эйсы[1], подаваемые одним из фаворитов Кубка, хорватом Гораном Иванишевичем. На третьем эйсе к мэру города, сидевшему рядом с Маракуцем, подошел его секретарь, склонился к уху. Выслушав, мэр кивнул, сказал что-то соседу, встал и вышел из ложи. Сопровождал его всего один телохранитель, и Вася посчитал это удачей.

Они пересеклись в холле административного здания спорткомплекса: мэр, телохранитель, секретарь, Котов и Самандар. В результате на ногах остались стоять лишь Василий и Вахид Тожиевич.

В холле никого не было, все работники центра смотрели игру,

[1] Эйс — подача навылет (термин теннисного спорта).

но переодеваться сподручнее было в закрытом помещении, и тела потерявших сознание людей перенесли в кабинет директора спорткомплекса. Самандар надел костюм мэра, Василий — его телохранителя, хотя в костюм этого шкафообразного представителя мужского пола можно было бы влезть двоим нормального телосложения мужчинам. Василию пришлось выпячивать грудь, чтобы не выглядеть манекеном.

— Второй раз переодеваюсь, — проворчал он, принюхиваясь: чужой костюм пропах ментолом. — Как вам удалось вызвать этого кабана сюда? — полюбопытствовал он.

— Обладание полной информацией об объекте есть сила, — назидательным тоном обронил Самандар. — Пришлось поднять досье на всех приятелей Маракуца. Мэр оказался единственным человеком, побаивающимся жены. Она ему позвонила... отсюда. Пожелала увидеть.

— Ясно. Ну что, пошли, пока сюда не нагрянул весь форс де фрап[1] Боксера? Сколько у нас... — Вася не договорил.

Самандар вдруг исчез. Вернее, превратился в мэра! Перед Котовым стоял вылитый «кабан» — с мясистым багровым лицом, с бородавкой под глазом, с тремя складками подбородка, с залысинами, носом-картошкой и маленькими глубоко посаженными глазками. Если бы Вася не был свидетелем операции переодевания, он принял бы этого человека за первое лицо города.

— Похож? — хрюкнул «мэр».

— Впечатляет!

— Тогда не отставай. Не предпринимай ничего без команды, действовать буду я.

Самандар-«мэр» потопал из кабинета, слегка потрясенный и возбужденный Котов поспешил следом. Он понимал, что Вахид Тожиевич владеет внушительной волевой индукцией, гипнотической силой, но не думал, что эта сила способна влиять и на него. Вася напрягся, сдвигая психические колебания своего сознания в другой диапазон частот, как его учили Матвей и Парамонов, и сквозь ставший прозрачным слой ауры «мэра» разглядел контуры тела и лица Самандара. Но этим приемом вряд ли владели телохранители Маракуца и обычные люди вокруг, и Вася успокоился.

Не обращая ни на кого внимания, «мэр» и сопровождающий вернулись в ложу. Вася остался стоять рядом с верзилой в светлом костюме, охранником Боксера, за спинами высоких гостей, а «мэр» сел на свое место рядом с Маракуцем.

---

[1] La force de frappe — «ударная сила», состав боевых средств, имеющих наступательную мощь, достаточную для удержания противника от атаки (*фр.*).

Гигант-охранник, покосившись на Васю, снова обратил свой бдительный взор на широкую спину патрона, а Василий принялся считать секунды, не спуская взгляда с фигур Маракуца и «мэра». О чем они разговаривали, слышно не было, доносились лишь удары по мячу да выкрики судей с корта. Наконец, когда Василий решил несколько расслабиться, снять напряжение мышц, «мэр» обнял Маракуца за талию, похлопал его по плечу и поднялся, собираясь, видно, выйти по нужде.

И все закончилось бы благополучно, без суеты и шума, если бы не непредвиденное, но оттого не менее досадное и лишнее обстоятельство: возле Васи возник квадратный командир маракуцевской команды обеспечения. Надо отдать ему должное — несмотря на внешний дебильно-воинственный вид, оценивать обстановку он умел и память имел неплохую.

— Эй, ты что здесь делаешь? — окликнул он Василия негромко, останавливаясь за его спиной.

Вася повернул к нему голову, окинул лениво-пренебрежительным взглядом и отвернулся.

— Я тебе говорю, — тронул его за плечо начальник охраны. — Откуда ты взялся?

— Убери лапу, — процедил сквозь зубы Василий, судорожно вспоминая, как зовут мэра.

— Он с Егоровым, босс, с мэром, — вмешался верзила-охранник рядом. — Пришли вместе.

— Что-то раньше я у Егорова в команде его не видел, — сбавил тон квадратный. — А где Витек? Мэр же с ним пришел.

— А ты у него спроси, — равнодушно кивнул Василий на поднимающегося по ступенькам наверх «мэра».

Квадратный посторонился, пропуская обоих, и в этот момент в ложе начался шум. Оглянувшись, Вася понял, что это упал с сиденья Маракуц.

Квадратный понял все мгновенно. Однако Василий действовал быстрей. Шепнул, проходя мимо:

— У тебя ширинка расстегнута...

И когда начальник охраны машинально глянул вниз, на брюки, Вася легонько коснулся его шеи костяшками пальцев. Так же «ласково» погладил двух сопровождавших начальника качков и гиганта-охранника, так ничего и не сообразившего. Упали все четверо почти одновременно, уже когда Самандар и Василий в темпе преодолевали спуск по лестнице к выходу под трибуны, в раздевалки. Начавшийся на трибунах шум отрезала вертящаяся стеклянная дверь.

Не останавливаясь, они проскочили раздевалки, где Вася прихватил оставленный им личный костюм, вышли с другой стороны и, бегом преодолев двор, нырнули в здание административ-

ного управления спорткомплекса. Быстро переоделись в кабинете директора в свои костюмы (мэр и его телохранитель все еще находились в отключке) и спокойно вышли через служебный вход с другой стороны комплекса.

— Что вы узнали? — спросил Василий уже в машине.

Мимо с воем пронеслись машины милиции с мигалками и «уазик» ОМОНа. Вася глянул им вслед, перевел взгляд на невозмутимое лицо Вахида Тожиевича.

— Маракуц... жив?

— Вряд ли, — хладнокровно отозвался директор МИЦБИ. — Задание ему давал действительно Носовой. Нас должны были убрать чисто и оставить в болотах навсегда. Если бы эта операция не удалась... а она не удалась... нас нашли бы в Рязани или в Москве. Хейно Яанович никогда ничего не делает своими руками, а исполнителей у него как босса «СС» хватает.

— Я знал, что он не остановится на достигнутом. Надо его гасить... пока он не добрался до наших друзей. — Вася вспомнил взгляд Ульяны, когда ее держал Маюмура, приставив к виску пистолет, и почувствовал жаркий прилив ненависти. — Но Маюмура мой!

— Не возражаю, — равнодушно сказал Самандар.

— Куда теперь?

— В столицу. Звонил Рыков...

— Когда?

— Мы ему нужны, — проигнорировал вопрос Вахид Тожиевич. — Оба. Я выезжаю через два часа. Вы же... — Самандар искоса посмотрел на водителя, — можете выезжать позже. Вам ведь необходимо кое с кем повидаться?

— А вам? — огрызнулся Василий, понимая, кого имеет в виду собеседник.

— Мне необязательно. Высадите меня у главпочтамта.

Василий остановил машину у здания главпочты, проводил угрюмым взглядом прямую сильную фигуру Самандара и вдруг рассмеялся. Что бы ни имел в виду соперник, Уля была к нему равнодушна. С легким сердцем Вася повернул и погнал машину к дому девушки, будучи абсолютно уверенным, что его там ждут.

НАВЕДЕНИЕ НА ЦЕЛЬ

Совещание Судей «Чистилища» проходило в здании-башне на Сенной площади. С тех пор как убили Генерального Судью, Прохора Петровича Бородкина, и Судью-4 Зайцева, Суд «ККК» уже не напоминал прежнее торжественно-значимое действо, однако Рыкову, занявшему пост Генерального Судьи, на это было

наплевать. Большую часть функций, выполняемых Бородкиным и Зайцевым, он взял на себя, а кое-что передал Холину, неожиданно для себя ставшему вторым лицом «ККК».

Вслед за Рыковым в кабинете появился Темир Жанболатов, присел в уголке, по обыкновению ожидая, когда Генеральный закончит нескончаемый диалог с компьютером, но тот подозвал его движением пальца.

— Это не твоя работа?

Жанболатов глянул на дисплей, мотнул головой. На экран была выведена суточная сводка криминальных происшествий, в которой был отмечен красным один эпизод: в мужском туалете ресторана «Саппоро» был взорван директор коммерческого Континентбанка. Ударной волной повредило перегородку между кабинками, вышибло окна, двери, полностью разрушило два унитаза и сушильный агрегат. Кроме директора, погибли еще двое ни в чем не повинных посетителей ресторана, трое были ранены.

— Мы так грязно не работаем, — сказал Жанболатов. — Хотя по этому директору давно петля плакала. Слава Аллаху, кто-то из своих пришил.

— Когда будет готов бандлик по ЦБ? — Рыков имел в виду «Церковь блаженства». Послушники Церкви, находящиеся в моральном родстве с сатанистами сект Хаббарда и Холокоста, проповедовали программу убийств и пыток как «источников наслаждения и полноты бытия». Церковь после ареста ее руководителя «иеромонаха Михаила», в миру — Ковальчука, ушла в подполье, однако деятельность свою не прекратила.

— Через два дня будем готовы, — пообещал Жанболатов. — Но ведь вы дали ориентировку на Цоду...

Судья-3 имел в виду депутата Государственной думы Валентина Цоду, изобличенного в финансовых аферах. Мошенническая деятельность Цоды началась еще в мае тысяча девятьсот девяносто второго года в Хабаровске, где он изготовил фальшивые платежки со штампом «уплачено» для приватизации концерна «Оспо». На основании этих «документов» тогдашний министр Кулак, состоявший с Цодой в приятельских отношениях, подмахнул документы и признал его законным собственником. Были у Цоды и другие прегрешения: незаконное приобретение автомашины «лендкруизер», незаконный опять же отпуск товаров народного потребления концерном «Оспо» фонду «Дальневосточные журавли», которым заправляла его жена, незаконное получение премии работниками «Оспо» и многое другое. Но покрупному Цода развернулся, став депутатом Госдумы. Один только перечень его темных дел занял бы несколько страниц текста. Он и в Думу-то пробился, одолев семнадцать соперников, благодаря поддержке утвержденных им через подставных лиц и

взятых им же на содержание четырех газет и трех теле- и радиокомпаний, а переехав в Москву и став заместителем председателя думского Комитета по информационной политике, и вовсе замахнулся на глобальный контроль телерадиовещания всей России.

Никого он, судя по неудачам прокурорских расследований его махинаций, не боялся, зато журналистов и следователей, пытавшихся вывести его на чистую воду, сам преследовал с неиссякаемой энергией, жестоко и беспощадно.

«ККК» уже давно вынесла вердикт на ликвидацию Цоды, однако Рыков, внезапно выяснивший, что Цоду поддерживает Мурашов (оттого этот «бизнесмен» и осмелел), решил не торопиться с исполнением бандлика.

— Пусть поживет малость, — сказал наконец Герман Довлатович. — Я определил еще не весь круг лиц, помогавших ему. Нанесем удар сразу по всему кусту.

Жанболатов пожал плечами и промолчал.

Пришел Холин, умылся с дороги, снял пиджак и повесил на стул. Ио начальника военной контрразведки был чем-то взволнован, и Рыков посмотрел на него выжидательно.

— Что-нибудь случилось, Вадим Мартынович?

Полковник пригладил волнистые волосы, внезапно успокоился, сел на стул у стены и закурил.

— Мне не удалось установить, куда делся контейнер с «глушаками» и «болевиками».

— Понятно. Выходит, я зря на вас понадеялся. — Рыков повернулся к компьютеру, ввел пароль, пробежал пальцами по клавиатуре.

— Я не бог! И опираюсь тоже на людей, обычных осведомителей, а не на экстрасенсов. Федералы, кстати, тоже контейнер пока не нашли.

Минут десять Рыков работал с компьютером, пробираясь в сети ФСБ, Минобороны и МВД, наконец откинулся в кресле, побарабанил пальцами по столу. Проговорил невыразительно:

— Выйдите в соседнюю комнату.

Холин и Жанболатов переглянулись.

— Что ты хочешь, Герман?..

— Выйдите, попейте кофе, я позову.

Судья-2 и Судья-3, несколько обескураженные просьбой, вышли в соседнюю комнату с телевизором и телефоном, закрыли за собой дверь. Еще мгновение Рыков оставался неподвижным, словно в оцепенении, потом откинул спинку кресла почти в горизонтальное положение, лег на нее и одним коротким и мощным импульсом ушел в ментал, второй уровень энергоинформационного поля Земли.

Через несколько минут, ослабевший, побледневший — расход энергии для поддержания трансового канала требовался колоссальный, — но довольный, он вызвал коллег. Кивнул на стулья, не обращая внимания на взгляды Судей, пораженных его видом.

— Садитесь, поговорим.

— Что-нибудь удалось узнать? — поинтересовался Холин.

— Удалось.

— Что делать мне? Я не могу продолжать поиск своим официальным аппаратом, надо обращаться к директору.

— Шум нам не нужен. «Удавы» пригодятся и «Чистилищу»... если мы их возьмем. Ваше дело — сторона, Вадим Мартынович.

— Но я могу...

— Вы не задумывались, почему улитка, ползущая по лезвию бритвы, не режется, не ранит себе брюхо? Потому что ползет она медленно. Вы поняли?

Холин сжал зубы, нехотя кивнул.

— Займитесь окружением Цоды, — продолжал Герман Довлатович. — Среди них немало военных чиновников. Этого подонка явно поддерживает кто-то из военных спецов высокого уровня. Собирайте досье.

— Хорошо, займусь. Но может быть, мои ребята помогут в поиске «глушаков»?

— Это все, Вадим Мартынович. Риск вам противопоказан. Спасибо, что вовремя предупредили. Встречаемся теперь лишь по звонку.

Холин помедлил, хотел задать какой-то вопрос, но передумал, надел костюм и вышел. Жанболатов, проводив его, вернулся в зал.

— Контейнер еще в Подмосковье, — сказал Рыков, массируя себе затылок. — Где именно, пока не выяснил. Вывозить его собираются на Алтай. Дорога длинная, так что перехватить успеем.

— Почему на Алтай?

— Потому что заказчик сидит там. — Рыков не стал распространяться на эту тему, так как Темир не знал и даже не догадывался о существовании Бабуу-Сэнгэ, Храма Гаутамы на Алтае и вообще Союза Девяти Неизвестных.

— Готовить свой мейдер?

— Перехват груза будет осуществлять КОП... не зная, что на самом деле находится в контейнере. А ты готовь акцию по Вадиму Мартыновичу.

Жанболатов прищурясь, но без удивления глянул в пустые уставшие глаза Генерального Судьи.

— Разве он?..

— Он будет нам мешать, — покривил губы Рыков. — Этап

парламентского управления «Чистилищем» закончен, начинается этап монархического управления. Ты чем-то недоволен? Возражаешь?

— Конечно, нет, — четко ответил Жанболатов.

— Тогда отправляйся к Каледину на базу. КОП должна быть готова к перехвату завтра утром. На цель ее я наведу лично.

КОНТРНАВЕДЕНИЕ

Единственной крупной организацией в Москве, до сих пор сопротивляющейся контролю Сверхсистемы, оставалась сеть городских кладбищ, объединенная обществом «с очень ограниченной ответственностью» «Ритуал». В принципе Хейно Яанович пока и не брался за эту мощную организацию всерьез, полагая, что боссы «Ритуала» в конце концов сами придут к нему на поклон, однако шли месяцы, годы, кладбища оставались «терра инкогнита» для «СС», а прибыль своему начальству приносили немалую.

В субботу восьмого июня Хейно Яанович вызвал в свой кабинет на Якиманке (не официальный, необходимый ему по должности, а «эсэсовский») заместителя мэра столицы Щербака, который недавно стал Тенью-4, то есть четвертым генералом «СС», и поделился с ним планами завоевания кладбищенской сети.

Владимир Яковлевич Щербак к идее обложить данью «Ритуал» отнесся скептически.

— Вы плохо знаете эту систему, — сказал он бабьим голосом, поминутно вытирая лунообразное лицо платком; тучный, страдающий одышкой, потел он нещадно, однако был удивительно проворен. — Знаете, сколько в столице действующих кладбищ? Около шестидесяти. И каждое охраняется, как укрепрайон! Это армия, Хейно Яанович! Я живу рядом с Калитниковским, отца там хоронил и хорошо знаю их порядки.

— А вы все же попробуйте выйти на верхи «Ритуала», пощупайте их базу, — ровным голосом ответил Носовой. — Воевать с крутыми мальцами, стерегущими кладбища непосредственно, мы не собираемся. Пусть работают как работали. А вот подчинить верхушку «Ритуала» можем. Соберите досье на президента фирмы или как он там называется, на заместителей, на исполнителей, проследите за каналами передачи средств, на какую информационную базу они опираются, ну и так далее.

— Попробую, — без особого оживления покачал головой Щербак, — но мне известно, что кладбища курирует мой непосредственный шеф...

— Мэр? Луговой? Тем лучше, с ним мы всегда найдем общий язык.

Отпустив Щербака, Носовой включил компьютер — для него это было своеобразным ритуалом, потому что только по компьютерной сети он выуживал немало ценных и важных сведений, используемых в работе «СС», — и полчаса работал с компсетью под названием «Вист», запущенной мэрией два года назад. Однако звонок по кодовому телефону оторвал его от пульта.

— Пимандр на связи.

— Привет, пастух[1], — раздался в трубке голос Грушина. — Сильно занят?

Носовой не ждал звонка от своего союзника по «фракции» в Союзе Девяти, поэтому несколько смешался.

— Петр Адамович? Ты откуда?

— С Луны, — пошутил заместитель председателя Нацбанка. — Надо встретиться.

— Где ты находишься?

— На кладбище.

— Где?! — Носовой, который только что имел разговор о сети кладбищ, не сдержал изумления.

— На Ваганьковском, — долетел смешок Грушина. — Не хочешь присоединиться? Очень дисциплинирует, знаешь ли. Заодно повстречаемся со знаменитыми людьми, лежащими здесь.

— В другой раз, — сухо оценил шутку Хейно Яанович.

— Тогда я еду к тебе.

Носовой бросил трубку, посидел немного в задумчивости и вызвал Маюмуру. Японец неслышно возник в кабинете виноватой тенью. Вряд ли он особенно переживал неудачу с покушением на Самандара и Котова, но, как профессионал, оценивал себя невысоко.

— Сейчас ко мне приедет гость. Встретишь внизу и проводишь. Если он будет не один, свиту оставишь внизу. Вежливо, но непреклонно.

— Мы вообще можем ее ликвидировать.

— Хватит ликвидаций... ты уже отличился под Рязанью. Выполняй.

Маюмура безмолвно исчез.

В принципе он был не виноват, встретившись в болотах Мещеры с противником, на голову превосходящим его лично и отряд Маракуца. Но Хейно Яанович и не рассчитывал на иной результат, давая задание уничтожить Самандара с целью прощупать его оборону. Что ж, шесть трупов, уложенных на алтарь

[1] Пимандр — «Пастух людей». Один из текстов, приписываемых Гермесу Трисмегисту, назывался «Божественный Пимандр».

проверки, не ахти какая потеря. Зато ясно теперь, что Вахид Тожиевич ждет момента и готов к ответной атаке. Пусть ждет. Придет время, и он забудет о своих претензиях на место в Союзе Девяти. Что же касается отношений со своим телохранителем, Носовой намеренно подчеркивал его несостоятельность — как в эпизоде с Матвеем Соболевым, так и в эпизоде на болотах Мещеры. Злее будет, подумал маршал «СС» равнодушно.

Грушин приехал через час с небольшим.

Вошел, улыбаясь, разводя руки для объятий, будто они не виделись по крайней мере несколько лет. Носовой подал руку, кивнул на кресло, отпустил движением брови Маюмуру и сел сам.

— Плохие новости? Плохое настроение? — спросил гость, одетый в неизменный строгий костюм в полоску «парис классик» цвета «беж».

— Не до сантиментов, — отрезал Носовой, переходя на метаязык. — Что случилось, Петр? Что побудило тебя навестить маршала «СС»?

Грушин перестал улыбаться, лицо его стало жестким, надменным, недобрым, карие глаза посветлели, обрели желтый кошачий блеск.

— Видно, ты слишком увлекся делами фирмы, — сказал он, мельком оглядывая интерьер комнаты, задержал взгляд на работающем компьютере. — Но постоянное увеличение скорости топтания на месте не дает положительных результатов. Можешь опоздать к финишу.

Носовой выключил компьютер, зная, как легко Посвященный может входить в память машины, буркнул:

— Конкретнее.

— По моим сведениям, Юрьев организовал похищение партии «глушаков» из спецхрана ФСБ.

— Ну и что? Я в курсе.

— А перед этим он имел встречу с Бабуу.

— И это я знаю.

— А перед встречей координатор посетил Метеору... Не хочешь связать все это в одну цепочку?

Носовой задумался.

— Ты думаешь, сход координаторов принял какое-то важное решение?

— И для его выполнения потребовались «глушаки».

— Зачем? Гипноиндукторы «удав» способны подавлять волю и зомбировать лишь обыкновенных людей. Нам они не опасны.

— Кто знает? Юрьев начал какую-то свою игру... с Бабуу вместе. Какую? Зашевелился Рыков...

— Да уж, — позволил себе усмехнуться Носовой. — Разрабо-

тал «волну выключения», натравил на меня ликвидаторов, перехватил несколько операций.

— Кто ему помогает? Головань?

— И Виктор.

— Блохинцев на нашей стороне?

— Колеблется. Но я заставлю его присоединиться.

— А кого задействовал Герман в «волне выключения»?

— Одного из Посвященных I ступени... и бывшего ганфайтера.

— Самандара и Соболева?

— Если бы Соболева... Котова, его дружка. Не волнуйся, Петр, мне они не соперники. Конечно, Вахид землю будет носом рыть, чтобы выполнить задание Германа, тот ему пообещал мое место в Союзе. — Носовой снова растянул губы в улыбке. — Хотя задача его скромнее — отвлечь меня от деяния.

— Но он может нанести и удар на уничтожение.

— Может, однако и я не дремлю. Есть у меня идея — ответить Герману тем же, нанять ликвидаторов из Круга.

— Никто не согласится.

— Есть один человек... незавершенный.

— Я знаю лишь одного незавершенного — Соболева. Но разве ты не посылал к нему людей с предложением объединиться?

— Посылал, и он отказался. Однако я не все способы давления испробовал. У него есть семья, жена, сын...

Грушин скептически поджал губы.

— История нас учит плохо, Хейно. В свое время жену у Соболева уже похищали. Что из этого вышло, ты знаешь.

— Почему бы не попробовать еще раз?

— Ну, если так... пробуй. Лично я — пас. Не связывайся с ним, не советую. Он контактировал с Хранителями... свободно ходит по менталу... Нет, не советую.

Хейно Яанович помолчал и перевел разговор:

— Что ты делал на Ваганьковском кладбище?

— Искал похищенный холуями Юрьева контейнер с «глушаками».

— Интересная мысль. Нашел?

— У них там разработана целая стохастическая система хранения: каждые шесть часов меняются грузовик, охрана, стоянка, маршрут следования. Колесят по Москве и Подмосковью. Но скоро отправятся к месту назначения.

— Куда?

— На Алтай.

— Значит, инициатор все-таки Бабуу. А что это ты проявляешь такую заинтересованность в этом деле? Рискуешь, выслеживаешь?

— Меня тоже беспокоит вопрос, что задумал Юрьев. Надо пе-

рехватить груз. Тогда мы сможем диктовать Бабуу свои условия. Ты маршал «СС», у тебя есть исполнители, тебе и карты в руки.

— Как мы вычислим маршрут?

— Выйдем в астрал, пощупаем эгрегоры...

Хейно Яанович невольно покачал головой.

— Ловок ты, однако, Петр. Я выйду, меня тут же запеленгует Бабуу или Юрьев, а ты в это время...

— А я, дорогой Хейно Яанович, поставлю шумовую пси-завесу во время твоего сеанса, чтобы тебя не запеленговали. Зови своего японца, будем обсуждать детали. Ты небось его пошлешь с командой на перехват?

Носовой несколько минут сидел за столом без движения, словно превратился в соляной столб: думал, взвешивал, решал, — потом вызвал Маюмуру.

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ

Неизвестно, чем руководствовался Рыков, посылая команду КОП по следу таинственных похитителей контейнера с «глушаками», но Каледину без труда удалось перехватить их в Зарайске, на территории историко-художественного музея, располагавшегося на площади Революции.

Дело происходило в семь часов вечера, в воскресенье девятого июня; по площади гуляли немногочисленные семейные пары и шумные молодежные компании. Когда началась стрельба, не все сразу поняли, что происходит. Многим показалось, что начался фейерверк. Однако, после того как на площади с визгом шин развернулись четыре легковые автомашины и джип «Крайслер» с мощным бампером, гуляющие бросились врассыпную, спасаясь от пуль.

Если бы нашелся сторонний наблюдатель, способный объективно описать все детали начавшегося боя, он сразу бы отметил, что центром событий является грузовик «Газель», потому что в течение нескольких секунд он был окружен сначала одним кольцом нападавших, потом другим. Но стороннего наблюдателя здесь не оказалось. Вернее, был наблюдатель, но вовсе не сторонний, а заинтересованное лицо, подключившееся к действию в нужный момент. Этим лицом был Вахид Тожиевич Самандар, который вышел на цель самостоятельно.

Однако первыми на грузовик с контейнером напали люди Носового. В двух машинах, «Феррари» и «Паджеро», набралось одиннадцать человек. Мгновенно приткнув машины с двух сторон от «Газели», боевики Маюмуры рванулись к грузовичку, но вынуждены были задержаться, потому что мирный грузовик с

брезентовым фургончиком вдруг огрызнулся автоматным огнем — эти выстрелы гуляющие и приняли за фейерверк. Однако все же нападавших было много и двигались они умело, хотя «качать маятник» обучены не были. Четверо из них, в камуфляжной форме спецназа, преодолели два десятка метров и добрались до грузовика, где были встречены защитниками. Защитников оказалось шестеро.

Маюмура довольно легко справился со своими двумя более рослыми и сильными на вид противниками, рывком ушел от очереди из-под брезентового полога, вспорол его ножом и вскочил в кузов машины.

И в этот момент подоспели еще три транспортных средства с командой КОП, ведомой полковником Калединым: джип «вранглер» с дополнительно усиленным бампером и два восьмиместных микроавтобуса «синержи». Действовали бойцы КОП еще стремительнее, чем люди Маюмуры, сказывалась подготовка, да и экипированы были как суперполицейские из американских боевиков. Спецкостюмы со шлемами, множеством приспособлений и кармашков превращали их в «робокопов».

Василий выбрался из «Вранглера» в числе последних, но не из-за плохой реакции, а в соответствии с поставленной ему задачей. Он должен был контролировать точное выполнение группой задания и в случае нужды «зачищать» операцию. А нужда выявилась тут же, потому что два десятка штурмовых винтовок и автоматов, заговоривших в полный голос с обеих сторон, заставили атакующих, защищавшихся и контратакующих залечь и снизить темпы движения.

Конечно, более подвижные, защищенные кевларовыми бронежилетами бойцы КОП имели некоторое преимущество перед своим противником, но и они не желали идти напролом, сквозь плотный огонь обороны «Газели»; теперь у защитников грузовика и парней Маюмуры появилась общая цель.

Однако вмешаться Василия вынудила не задержка атаки, а действия телохранителя Носового. Убив двух охранников контейнера внутри фургона, Маюмура с помощью одного из своих подчиненных уже вытащил контейнер из фургона и стремительно удалялся к узорчатой ограде музея. Почему он направился именно туда, а не к своей машине, Васе стало ясно, когда он увидел у здания музея еще одно авто — «Порше-Турбо-928», развивающее скорость до двухсот восьмидесяти восьми километров в час. Сомнений не оставалось: вездесущий телохранитель Хейно Яновича знал, что в перехвате бесценного груза будет участвовать еще одна спецкоманда, и тщательно подготовился.

Взяв темп, Василий обошел поле боя, которым стала площадь Революции, и достал Маюмуру, когда тот засовывал в багажник

«Порше» контейнер с партией суггесторов «удав» и генераторов боли «пламя».

Пока напарник японца палил из двух стволов по людям Каледина, бросившимся преследовать ускользающую добычу, к нему присоединился и водитель «Порше», вооруженный посерьезнее — штурмовой винтовкой с подствольным гранатометом «скорпион». Первым же выстрелом он взорвал одну из машин КОП, вторым снес голову одному из «копов» (как потом узнал Василий, это был Жора Баранович). Пришлось отвлечься от выполнения прямой задачи и выключать гранатометчика, который оказался серьезным противником, потому что был зомбирован и держал не только удары, но и выстрелы в упор. С трудом уложив парня одним из приемов космек, Вася понял, что перехватить Маюмуру уже не успеет. И в этот момент в бой вмешался еще один неожиданный соперник, и события для обеих сторон приняли непрогнозируемый оборот. Этим соперником, внимательно наблюдавшим за развертывающимся действием от начала до конца, был Самандар.

Он нанес удар именно тогда, когда этого потребовала ситуация: ни секундой раньше, ни секундой позже.

Маюмура, уже севший за руль «Порше», застыл в нелепой позе, потом оглянулся, глаза его расширились. Несмотря на то что он действительно носил на голове под волосами генератор защиты от гипноизлучения, ментальный импульс Вахида Тожиевича дошел до цели, ослабив на несколько мгновений волю японского мастера. Этих мгновений хватило Самандару на преодоление двух десятков шагов от стеклянной двери в здании музея, где он прятался до сих пор, до появления машины Маюмуры.

И все же телохранитель Носового оказался крепким орешком. Он успел выхватить «глушак», выстрелить, метнуть в надвигавшуюся страшную тень сюрикэн, причем попал Самандару в плечо, однако это было и его ошибкой, потому что противником японца был не обычный человек, а Посвященный, прошедший Путь воина длиной по крайней мере в полсотни лет. Если бы Маюмура сразу нажал на акселератор вместо того, чтобы пытаться вывести врага из строя, он успел бы набрать скорость и скрыться. Ни выстрел из «глушака», ни бросок сюрикэна Вахида Тожиевича не задержали, и Маюмура вылетел из кабины машины, как камень из пращи, едва не сбив подбежавшего в этот момент Котова.

Вася с ходу врубил японцу «колун» в стиле русбоя и остановился, не зная, что делать.

— Садись! — рявкнул басом Самандар.

Василий нырнул на сиденье рядом, и «Порше» с визгом шин и

грохотом ударивших из-под колес струй гравия рванул за угол здания музея, сразу оставив позади звуки утихавшего боя.

Видимо, директор МИЦБИ неплохо ориентировался в Зарайске. Попетляв по аллеям парка вокруг музея, они выехали на дорогу с другой стороны, пересекли несколько улиц города и вырвались на шоссе в сторону Клишина. Еще через полчаса, миновав Каширу, «Порше» выехал на Симферопольское шоссе, ведущее к Москве.

Василий, за это время успевший разоблачиться, снять шлем и оружие, представил лицо Каледина, оставшегося с командой в Зарайске, вряд ли что успевшего понять и предпринять, и засмеялся. Но, вспомнив, что в бою погибли люди, примолк.

— Лихо мы их! — пробормотал он. — Но вы-то как здесь оказались, Вахид Тожиевич?

— Стреляли, — ответил Самандар словами Саида из фильма «Белое солнце пустыни».

Василий посмотрел на его чеканный профиль, хмыкнул:

— М-да... Неисповедимы пути Посвященных... И куда мы теперь направляемся?

— Передадим этот ящик по назначению.

— Рыкову, что ли?

Самандар промолчал.

— Разве КОП действовала не по его указке?

— У меня свои резоны. Надо набирать очки...

Василий понял. Самандар имел в виду доказательства своей полезности Рыкову, пообещавшему ему место в Союзе Девяти.

— А почему эти ребята кружили по Москве и Подмосковью с контейнером? Не проще ли было запрятать его в каком-нибудь укромном уголке?

— Во-первых, в дело замешаны деятели Союза Девяти, для которых найти спрятанный груз не проблема. Вычислил же его Рыков, несмотря на запутанный маршрут. А во-вторых, его должны были в скором времени переправить военным самолетом на Алтай.

— Кто?

— Юрьев.

— А кто это?

Самандар промолчал. Машина шла по шоссе на скорости под двести, но ни один инспектор ГАИ ее ни разу не остановил.

— Главный претендент на пост координатора Союза Девяти. Вместо Бабуу-Сэнгэ, настоятеля Храма Гаутамы на Алтае. И «глушаки» он должен был отправить ему.

— Зачем?

Вахид Тожиевич насмешливо глянул на водителя и не ответил.

— Значит, в этом явно грязном деле замешаны чуть ли не все Неизвестные? — не унимался Василий. — Рыков, Носовой, Юрьев, Бабуу-Сэнгэ... кто еще? Все «сливки общества», так сказать. На каждом пробы ставить негде... Неужели вам хочется работать с такими людьми?

— Не суйте нос не в свое дело, — без всякого выражения сказал Самандар. — Эти люди всего лишь олицетворение закона, а закон не может быть ни злым, ни добрым, ни хорошим, ни плохим, ни чистым, ни грязным. Когда-нибудь вы поймете это... если дойдете до конца Пути.

— Дойду, — легкомысленно ответил Вася, уходя мыслями в мечты о встрече с Ульяной. Мечты были розовыми, как клеверный луг, и недостижимыми, но очень хотелось верить в их скорое осуществление.

Расстались Василий и Вахид Тожиевич в районе Домодедова.

Самандар свернул с шоссе на окраине Домодедова, проехал километра четыре по извилистой проселочной дороге, остановился у глухого забора с металлической сеткой поверху, выгрузил контейнер.

— База Рыкова? — Вася с любопытством окинул взглядом забор, пытаясь разглядеть строения за ним.

— Езжайте, — ответил Самандар, — я доберусь. Хочу предупредить. Носовой вычислит, кто столкнулся с его подразделением в Зарайске, и постарается убрать всю КОП-команду.

— Ну и?.. — поднял бровь Вася.

— Надо поторопиться с ликвидацией Хейно и его банды. Иначе они найдут нас раньше. Приезжайте завтра в Сокольники, обговорим детали. Или вы... решили выйти из игры?

Вася нажал на газ, и до Самандара донесся из-за поворота его насмешливый голос:

— Я коней на переправе не меняю...

Затем в заборе, не имеющем до этого момента ни одной щели, неожиданно и бесшумно отворилась незаметная дверь, и к Самандару вышел Рыков.

— Не нравится мне ваш друг, — сказал он безразличным тоном. — Он ненадежен.

— Он мне не друг, — тем же тоном отозвался Самандар. — Но дело он сделает.

— Вдвоем с ним вам с Хейно не справиться. Почему бы не привлечь к акции других Посвященных? Парамонова, например, или Митину? Соболева, наконец?

— Вряд ли они согласятся, исповедуя принцип ненасилия.

— А вы предложите. Откажутся — будем искать другие пути. Их же придется потом ликвидировать... во избежание утечки.

Самандар налился темной кровью, смерил кроткого и слабого на вид Германа Довлатовича оценивающим взглядом.

— Вы... шутите, надеюсь?

Рыков легко, без усилий, поднял сорокапятикилограммовый контейнер с оружием за ручку, подержал на весу и шагнул за дверь. Сказал, не прощаясь и не оборачиваясь:

— Если хотите стать одним из Девяти, сделаете все, что для этого потребуется.

Дверь без скрипа и малейшего стука закрылась, срослась с забором, будто ее здесь и не было.

Самандар внутренним зрением проследил, как Рыков идет по пустырю за забором к низкому бараку, сложенному из шлакоблоков, и, не торопясь, направился к центру Домодедова, где сел в автобус, следующий в Москву.

В этот вечер Василий не собирался забивать себе голову планами на будущее и вообще думать о том, в какую историю он ввязался, согласившись работать на КОП, которая, в свою очередь, работала на Рыкова. Но идея выйти из игры, как заметил проницательный Самандар, уже зрела в подсознании. Не хватало какого-то толчка, зацепки, психологического нюанса, чтобы она стала превалирующей и заставила Котова пойти против расчетов Рыкова и Вахида Тожиевича. К тому же не давали покоя вопросы: зачем, во-первых, понадобились «глушаки» Юрьеву, собравшемуся переправить их на Алтай, а во-вторых, зачем Рыков их перехватил? Почему Посвященные Союза Девяти вставляют друг другу палки в колеса? Поиск ответов на эти вопросы Вася отложил на следующий день, предполагая отдохнуть вечером с Костей Злобиным в его бизнес-клубе, однако судьбе угодно было распорядиться иначе.

Когда Василий, созвонившись с Костей и договорившись о встрече, переоделся в вечерний костюм, в дверь квартиры позвонили.

Прикинув степень опасности непрошеного гостя — по оценке Васи, тот был один, — Василий открыл дверь и впустил Ивана Терентьевича Парамонова.

— Елки-палки! — сказал он с веселым недоверием. — Как вы меня нашли, Иван Терентьевич?

— Не беспокойтесь, легальным путем, — улыбнулся Парамонов, разглядывая наряд хозяина. — Уля подсказала. Вы куда-то собирались уходить? Я не задержу.

— Проходите, минут десять у меня есть.

Они прошли в гостиную квартиры Котова, выделенной ему из резерва генерала Коржанова, сели на диван. От чая-кофе Парамонов отказался и сразу приступил к делу:

— Самандар при вас передал «глушаки» Рыкову?

— Вы и об этом... знаете? — внимательно глянул на гостя Василий. — Нет, я оставил Вахида в Домодедове. Кстати, зачем они ему понадобились?

— Об этом я и хотел поговорить, Василий Никифорович. Вы впутались в грязное дело...

— Я уже сообразил.

— Вам вообще не следовало вмешиваться в разборки между Посвященными, а тем более между кардиналами Союза Девяти. Как правило, исполнители и свидетели в результате этих разборок... исчезают.

— Ну, пусть попробуют.

— Они попробуют, — жестко сказал Парамонов. — И не обольщайтесь насчет своих возможностей ганфайтера. Если кто-нибудь из Девяти задумает вас убрать, «волны выключения» будут следовать одна за другой, пока заказчики не добьются результата.

Вася с интересом глянул на строгое лицо Ивана Терентьевича, почесал левой рукой тыльную сторону правой.

— Я не только ганфайтер.

— Знаю, и это ваш единственный шанс уцелеть. Уходите из КОП, вообще уезжайте из Москвы...

— Вы хотели поговорить о «глушаках», Иван Терентьевич.

— Да, — согласился Парамонов. — Я, как всегда, тороплю события. «Глушаки» понадобились координатору Союза Девяти Бабуу-Сэнгэ для коррекции Союза. Как вы уже знаете, Союз начал распадаться, и властная система, опекающая социум нашей реальности, забеспокоилась.

— Но ведь «глушаки», насколько я знаю, на людей Внутреннего Круга не действуют.

— Бабуу заполучил специальные программы, так называемые кодоны, с помощью которых можно подавить волю любого Посвященного.

Вася присвистнул.

— Вот оно в чем дело!

— Юрьев организовал похищение партии «глушаков», об этом узнали Рыков и Носовой... а вы с Вахидом теперь находитесь в эпицентре столкнувшихся интересов. Об этом я и хотел вас предупредить.

— Значит, Рыков хочет воспользоваться...

— Не только Рыков, все кардиналы так или иначе будут замешаны в попытке раздела власти. Во что это выльется, я не знаю, но предполагаю. — Парамонов встал. — Будьте осторожны, Василий Никифорович.

Василий проводил его до двери, придержал за рукав.

— А Матвей знает?

Иван Терентьевич кивнул.

— Знает. Но скорее всего Путь воина он закончил. Разборки третьего уровня его не интересуют.

Парамонов ушел, а Василий остался задумчиво стоять посреди прихожей, ощущая, как по ногам дует холодный ветер, и внезапно подумал, что Иван Терентьевич знает слишком много даже для Посвященного.

ПЕРЕГРУППИРОВКА СИЛ

Юрьев позвонил Рыкову в три часа ночи.

Герман Довлатович, сон с которого слетел, как бабочка с цветка, дотянулся до радиотелефона и сразу почувствовал злую и властную силу абонента.

— Привет, Тихий, — раздался в трубке холодный голос. — Я бы не беспокоил, да времени нет.

— До утра подождать нельзя? — спросил Рыков.

— Иначе я бы не звонил. Верни-ка мне мой чемоданчик, а? Неприятностей не оберешься. Зачем он тебе?

— А тебе? — вопросом на вопрос ответил Рыков. Отрицать, что похищенное секретное оружие находится у него, он не стал.

— Есть идея использовать «удавы» против основных конкурентов. Соответственным образом перенастроив их.

— Я кое-что слышал о такой возможности.

— Поторгуемся?

— Может быть, поговорим не по телефону?

Юрьев некоторое время молчал.

— Хорошо. Через час у Новодевичьего, я буду в черном «Хаммере» с дипломатическим номером.

— Почему у кладбища? — спросил Рыков, но Юрий Венедиктович уже отключился.

Привыкший воспринимать неожиданность как физическую неумолимую данность, Рыков умылся, переоделся и, не будя жену, которая спала отдельно, вышел из квартиры. Подождал, пока подъедет Жанболатов с обоймой телохранителей, сел сзади и бросил:

— Хамовнический вал, пятьдесят.

Ровно в четыре часа — еще не утро, но уже и не ночь — они подъехали к воротам Новодевичьего кладбища, напротив которого стоял низкий, широкий, мощный «Хаммер» черного цвета. Мигнули подфарники.

— Ждите, — сказал Рыков, вылезая. Еще подъезжая, он определил, что Юрьев в кабине машины один, и слегка успокоился.

Усевшись позади водителя на удобном сиденье, он сухо проговорил:

— Я слушаю.

— Что-то ты занервничал, Герман. — Юрий Венедиктович кивнул на машину Рыкова с охраной. — Вынашиваешь наполеоновские планы? Виктор и Кирилл в твоей связке?

— Давай о деле, — еще суше произнес Рыков.

— Изволь. Мне нужны «глушаки». Что нужно тебе?

С минуту Герман Довлатович молчал, засунув руки в карманы плаща.

— Каким образом можно перенастроить «глушак»?

— Существует некий кристалл... э-э... нечто вроде насадки на ствол, которая преобразует луч гипноиндуктора в соответствии с программой...

— Кодон, что ли?

— Ну вот, а спрашиваешь.

— Я Посвященный, к чему лукавить. А кодон — не кристалл, а одна из Великих Вещей Мира, оставленная Безусловно Первым. По легенде, это воплощение в материале одной из его Сил. К сожалению, это все, что я знаю. Какова суть кодона? Что он может еще?

— Герман, эти знания неподвластны Посвященным нашего уровня. Я тоже знаю не больше твоего. Ты прав, кодон — это реализованная физически одна из девяти Сил Бога, если вспомнить каббалу.

— Эхейх? — пробормотал Рыков. — Иегова?

— Может быть, и выше — Эл или даже Элохим Гибор. Не знаю. Каждая Сила, кроме того, имеет пять уровней. Мне это совершенно не важно. Главное, что такая вещь существует.

— У Бабуу? «Глушаки» ты ему хотел передать?

— В обмен на кодон.

— Чтобы испробовать на мне?

Юрьев рассмеялся.

— Герман, ты слишком серьезный противник, чтобы с тобой не считаться, посильнее даже твоих сторонников, Голованя и Мурашова.

— Благодарю. Мы договоримся лишь в одном случае: я отдаю «глушаки»... не все, половину, ты мне — кодон.

— Это невозможно. При всем моем желании Бабуу не станет рисковать.

Рыков помолчал, понимая, что Юрий Венедиктович прав.

— Тогда помоги мне устранить Хейно... а заодно и кое-кого из моих преданных друзей.

— Резкое сокращение численности Союза недопустимо, и ты это знаешь, Герман. Если Хейно Яновича еще можно «сокра-

тить» как бунтаря, скажем, то уход Кирилла и Виктора повлечет ослабление эгрегора Внутреннего Круга.

— Хорошо, пусть будет Хейно.

— А разве ты не подключил к «волне выключения» Хейно Посвященных I ступени? По-моему, Самандар согласился тебе помочь.

— Я не уверен, что он справится.

— Вот когда он не справится, тогда и поговорим. Так на чем мы остановились?

— «Глушаки» получишь, когда Хейно уйдет в отставку. Либо когда Бабуу согласится на обмен — «удавы» на кодон. Кстати, попробуй уговорить его лично убрать Носового, ему это сделать будет проще, чем любому из нас.

— Договорились, — медленно сказал Юрьев. — Похоже, ситуация в Союзе постепенно сдвигается к фазе плей-офф[1]. Не ошибиться бы...

Рыков молча вылез из машины, сел в свой джип «Мицубиси» и уехал. Юрьев остался сидеть, не включая мотора, пока не зазвонил телефон спутниковой связи.

— Что случилось? — раздался из скрытого динамика отчетливый голос настоятеля Храма Гаутамы. Качество канала связи, использующего американские и российские военные спутники, было таким, что создавалось впечатление, будто Бабуу-Сэнгэ сидит рядом.

— Рыков перехватил груз, — сказал Юрий Венедиктович на метаязыке. — Я понадеялся на «стохастический зигзаг» Дмитрия Феоктистовича, предложившего до погрузки в самолет непросчитываемый маршрут, но он явно перемудрил. В общем, хотели как лучше, а получилось как всегда.

— Не знал, что это русское национальное качество останется чертой характера Посвященного вашего уровня, — бесстрастно заметил Бабуу-Сэнгэ. — Я был о вас лучшего мнения. Вы говорили с Германом?

— Вынужден был.

— Чего он хочет?

— Он хочет иметь кодон. В крайнем случае просит убрать Носового.

— Уберите. Пообещайте кодон. Аппетиты Германа растут, надо удовлетворить его малым. Я буду в столице через три дня. К этому времени генераторы «удав» и «пламя» должны быть у вас.

— Сделаю все, что смогу.

Тихий щелчок в динамике означал конец связи.

— «Уберите»... — передразнил Юрий Венедиктович коорди-

---

[1] Плей-офф — спортивные игры с выбыванием, игры навылет.

натора. — Легко сказать! Придется, видимо, снова пошарить в запасниках федералов, поискать «дырокол»...

Урча мощным мотором, «Хаммер» объехал кладбище и помчался по Мичуринскому проспекту в сторону МКАД.

ДЕЛО ОПЕРАТИВНОЙ ПРОВЕРКИ

Вася заканчивал разговор с Владимиром — сначала он позвонил тетке Ксении, а потом Наташе, — когда за ним пришли. Может быть, именно мысли о Наталье да чувство вины и помешали ему правильно оценить степень изменения внешних психофизических полей, хотя расслабляться он в общем-то не имел права.

— Приезжай, когда захочешь, — предложила Наташа, весьма удивленная его звонком. — Хотя и поется в песне — у реки обид переправы нет, но знай: тебя тут ждут.

— Заметано, — засмеялся Вася, стараясь говорить бодрым тоном. Внезапно насторожился, уловив холодок опасности в коридоре, и в это время удар в дверь выбил замок и в квартиру ворвались вооруженные до зубов омоновцы.

— К стене! Руки за голову!

Вася послушно отступил, сцепляя руки на затылке. Поскольку нападавшие не имели целью немедленную ликвидацию, стоило выяснить, в чем дело, кто смог вычислить местонахождение майора секретной президентской команды.

— В чем дело, мужики? — миролюбиво спросил Василий, оценивая сноровку парней в пятнистых комбинезонах и масках. Пятеро сразу рассредоточились по комнатам, зашли на кухню, проверили балкон, двое навели на него стволы автоматов (укороченные «АКС-74У»), еще трое начали перетряхивать постель, шкафы, шарить в столах, простукивать стены.

— Да что случилось, е-мое? — возмутился Василий и получил удар прикладом в ухо, вернее, получил бы, если бы не среагировал. Поза со сцепленными на затылке руками была очень близка хоко-но камаэ — «позиции медведя, поднявшего лапы вверх», и Василий легко отбил удар, отобрал автомат и тут же усыпил второго автоматчика, не решившегося стрелять, что говорило о принадлежности команды к какой-то государственной структуре. Бойцы ОМОНа при всей своей тренированности и жесткости воспитывались в нормальных условиях, жили в нормальных семьях и жестокими в общем-то не были.

На шум из коридора в прихожую ворвались еще двое парней, один выглянул из кухни, и все они вполне могли открыть огонь, поэтому Вася заорал во все горло, бросая автомат на пол:

— Караул! Грабят! Спасите! Помогите!..

— Отставить орать! — вошел в квартиру плотный широкоплечий омоновец без маски, со знаками различия капитана. — Василий Котов?

— Я, — перестал кричать Василий. — А вы кто?

Капитан оглядел его, лежащих подчиненных, покачал головой, повысил голос:

— Болдырев, что там?

— Есть, товарищ капитан. — Из зала в прихожую вышел здоровяк Болдырев, держа в руках пакетик с каким-то белым порошком и пистолет «ТТ» на газете, с тремя магазинами. — В шкафу лежали. Там еще гранаты в ящике, ребята осматривают.

— Твои? — равнодушно спросил капитан.

— Елки-моталки! — прищурился Василий, сразу сообразив, что кто-то в его отсутствие подкинул в квартиру оружие, наркотики и позвонил в милицию. Не понял Котов только одного: почему он не учуял подброшенный компромат? — Отлично сработано, капитан! Могу я позвонить адвокату?

— В морг ты можешь позвонить, — все так же равнодушно ответил командир ОМОНа. — Василий Котов, вы обвиняетесь в незаконном хранении оружия, взрывчатки и наркотиков, а также в подготовке террористических актов на территории Москвы. Вы арестованы. Следуйте за мной.

— Вы забыли объяснить мне мои права, — насмешливо заметил Василий, подумав, что, если омоновцы куплены, они не будут заинтересованы в тщательном осмотре квартиры, сразу обнаружив компромат, но если они работают по наводке...

— Капитан, глянь-ка, что мы нашли! — Еще один верзила в пятнистом костюме вынес в прихожую спецкостюм со шлемом и пистолет «вепрь», которые Василий после операции в Зарайске так и не отвез на базу.

Последовала пауза. Командир отряда и рядовые его бойцы молча разглядывали костюм, незнакомое оружие, шлем, потом перевели взгляды на стоявшего в задумчивой позе Василия.

— А ты не простой мужичок-то, — оскалил зубы капитан. — Наручники ему! В машину! Переверните тут все вверх дном!

«Какая же сволочь меня подставила? — уже сидя в машине со скованными за спиной руками, подумал Василий. — Возможны в принципе только два варианта: Носовой или Юрьев. Посвященные, члены Союза Девяти. Только они могли вычислить мое участие в захвате контейнера с «глушаками» и подкинуть оружие, не оставив следа...»

Василий ошибался. Существовал и третий вариант.

Его поместили в Лефортово. Сначала в камеру, где сидело около тридцати уголовников, ожидающих решения суда. Некоторые из них провели здесь уже по пять-шесть месяцев, пока шло

следствие: российская Фемида торопиться не привыкла. Однако после двух инцидентов между «буграми» камеры, властвующими над заключенными, и новеньким, в результате чего полкамеры пришлось приводить в порядок, лечить, а кое-кого и реанимировать, Василия перевели в одиночку, где отбывали предвариловку трое «тихих», проходящих по статье 147 (часть III) УК — мошенничество. Здесь он провел двое суток, ломая голову, как выйти на волю и воздать должное тому, кто все это затеял.

Трижды его вызывали к следователю, вечно небритому, с трехдневной щетиной мордовороту, внешне похожему на телеведущего Караулова. Здесь Василий узнал, что на него заведено «дело оперативной проверки», которое может вылиться в «дело об участии в террористической деятельности», которое, в свою очередь, тянет уже от восьми до пятнадцати лет, а то и «вышку». Кто подставил Котова, узнать не удалось, вполне вероятно, что этого не знал и сам следователь. Вопросы он задавал одни и те же: откуда у Василия взрывчатка, патроны, оружие? Где он приобрел спецкостюм, являющийся средством защиты спецподразделений ФСБ? Почему проживал в квартире, принадлежащей другому лицу?

Ни на один вопрос Василий ответить правду не мог и лишь тянул время, ожидая, когда наконец Каледин, встревоженный его отсутствием, предпримет меры к освобождению. Однако шло время, а никто выручать «майора» Котова не спешил, и на четвертый день пребывания в Лефортовском СИЗО Василий решил бежать, вспомнив подвиги Матвея, сумевшего выйти даже из здания на Лубянке. Готовился Василий недолго — сутки, разработав план побега из следственной камеры, расположенной хоть и на территории тюрьмы, но за ее техническим изолирующим периметром, в административном корпусе.

За время, прошедшее с момента заключения, он трижды пытался связаться с Ульяной Митиной через ментальное поле, помня свой первый опыт во Владимире, и все три попытки закончились безрезультатно. Ульяна не откликнулась — значит, не услышала.

Его вызвали к следователю на пятые сутки, в пятницу, четырнадцатого июня, когда он и сам собрался передать через надзирателей, что «готов дать показания».

В кабинете следователя, кроме небритого, как всегда, хозяина, находился еще один человек, в котором Василий с недоверием узнал генерала ФСБ Первухина. Судьба свела их еще полтора года назад, но с тех пор они не встречались.

— Что же это вы, майор, молчите как рыба? — с иронией сказал Первухин, оглядывая онемевшего заключенного. — Хорошо, что нам сообщили о вас работники СИЗО, не то пришлось бы си-

деть вам еще долго. Сказали бы следователю, что вы майор безопасности, выполняете специальное задание, не пришлось бы отдыхать в этих тоскливых стенах.

В голосе Первухина звучали отеческие нотки, не свойственные этому человеку, и Василий присмотрелся к нему, отмечая кое-какие другие интересные детали. К тому же ему показалось, что силуэт генерала двоится, однако свет в кабинете был скуден и не позволял рассмотреть Первухина получше.

— Вот документ на освобождение, — повернулся начальник Управления спецопераций к бледному то ли от недосыпания, то ли от утренней опохмелки следователю. — Из всех списков его фамилию убрать, дело закрыть и уничтожить, вещдоки вернуть.

— Я понял.

— Его здесь никогда не было.

— Я понял.

— Капитану ОМОНа, которому подкинули дезу, скажете, что было проведено учение.

— Я понял.

Первухин пригляделся к измученному лицу следователя, сказал негромко:

— А пить вам противопоказано, Юрий Филиппович, почки долго не выдержат.

— Я понял, — машинально ответил следователь, потом вскинул удивленные глаза на генерала, но тот уже шел к двери, жестом приказывая Василию следовать за ним.

Они прошли на склад, где Котову выдали его вещи, преодолели три контрольно-пропускных пункта, вышли за ворота и сели в поджидавший их мини-автобус «Форд-Транзит» с затененными стеклами. Первухин бросил в салон мешок с Васиными вещами, сел за руль, повернул к освобожденному голову, и сквозь черты генерала на его лице вдруг проступили черты исключительно спокойного, волевого лица Матвея Соболева. Несколько долгих мгновений они всматривались друг в друга, потом Матвей улыбнулся и тронул машину с места.

— Здорово, генерал! — обрел голос Вася. — То-то я сразу почувствовал какое-то несоответствие, неловкость... не в тебе — в себе. Первухин не должен был знать, где я нахожусь, а тем более приезжать лично. Ты их всех загипнотизировал, что ли?

— Документы были настоящими. Я сначала навестил генерала.

Машина выехала на шоссе Энтузиастов, остановилась возле выхода метро «Авиамоторная».

— Как тебе удалось выяснить, что меня взяли?

— Ульяна сообщила.

— Что?! Уля Митина? А она как?.. — Вася замолчал, внезапно

догадавшись, что его мысленный зов все-таки достиг пси-сферы девушки. — Она сказала, что я в тюрьме?

— Она попросила помочь. — Матвей изучающе поглядел на отвердевшее лицо друга. — Я выполнил просьбу. Теперь наши дороги снова расходятся. На ту квартиру лучше не ходи, она засвечена. Могу дать адрес приятельницы.

— Марии? Не надо. — Василий закрыл глаза, успокаивая сердце, загоняя безумную надежду, что Уля спасла его не только из-за дружеского расположения, в глубины души. — У меня есть где остановиться. У тебя-то самого как дела?

— Нормально.

— Как там твоя сестра, Лида?

— Работает. Написала недавно. Разошлась с мужем, встретила хорошего человека, он заботится о ней и о детях. Дети учатся. Нормально, в общем.

— Ты знаешь, что произошло на Мещере?

— В курсе.

— Ну и?..

— Что «ну и...»?

— Что собираешься в связи с этим делать?

— Жить, — коротко ответил Матвей, и Вася вздрогнул, таким необычным показался ему тон друга.

— Несколько дней я побуду в Москве, — мягче добавил Соболев. — Потом слетаю за границу и вернусь в Питер.

— Что-нибудь ищешь?

Матвей задумчиво стер пыль с панели машины, улыбнулся своей своеобразной, приветливо-безмятежной, сдержанной, всепонимающей улыбкой:

— Пожалуй, ищу... место, где возможно воплощение идеала хотя бы в какой-нибудь форме.

— А-а... мм... э-э... понятно, — сказал обескураженный Вася. — Ну, тогда пока?

— До встречи. От Коржанова уходи немедленно, он зомбирован и ни за что не отвечает. К тому же его скоро ликвидируют.

— Откуда знаешь? Ладно, молчу, молчу. — Вася распахнул дверцу, но тут же закрыл. — Слушай, есть одна идея... Ты знаешь, что Юрьев выкрал у федералов чемодан с «глушаками»? А мы их отбили и передали Рыкову.

— Слышал.

— Это было ошибкой, я понял. Рыкову наверняка «глушаки» нужны не для добрых дел.

— Это уж точно.

— Так давай их у него умыкнем, а? Вдвоем мы справимся.

Матвей отрицательно качнул головой, поглядел на сразу потерявшее живость лицо Василия.

— А потом?

— Ну, потом... пригодятся... — забормотал Вася. — В крайнем случае уничтожим. Надо же выяснить, зачем он устраивал за ними охоту.

Соболев снова покачал головой.

— Уволь, не хочу.

— Боишься рискнуть? Или так на тебя влияют Хранители? Раньше ты был более решительным. — Вася понимал, что несправедлив, но обида на друга была сильнее объективной оценки его поведения. — Уж не собираешься ли ты сам стать Хранителем?

— Кто знает, — улыбнулся Матвей. — Кроме Хранителей Знаний существует еще и каста Собирателей, мне она ближе по духу.

— Собиратели? Не слышал, — буркнул сбитый с толку Василий, посидел немного, положил руку на колено Соболева. — Извини, психанул я... Значит, похищать «глушаки» у Рыкова не советуешь?

— Знаешь, Баловень, — сказал Матвей, — иногда я жалею, что обучил тебя технике смертельного касания. Наделаешь ты дел, если не свернешь с Пути воина.

— Ну, знаешь... — не нашелся, что ответить, готовый вновь обидеться Василий.

Матвей накрыл его ладонь своей, стиснул, передавая импульс успокоения, дружелюбия и понимания, и они, объятые полем взаимного расположения, несколько секунд сидели молча, думая друг о друге. Потом Матвей сказал:

— У нас разные пути, воин. Иди своим до конца, пока не почувствуешь, что пора сворачивать. До связи.

Василий стукнул кулаком в плечо друга, получил ответный толчок и вылез из машины, забрав мешок из салона. Через минуту «Форд» Соболева затерялся в потоке машин. Тогда Вася огляделся и сбежал по ступенькам в переход метро.

ЗДЕСЬ БЫЛ ВАСЯ

Ночь была безлунная, темная, и Василий порадовался этому обстоятельству, потому что его в костюме ниндзя вряд ли кто-нибудь мог увидеть, а сам он видел в темноте лучше кошки. Луна же могла помешать его проникновению на базу Рыкова в Домодедове, где, по расчетам Котова, Герман Довлатович прятал контейнер с гипногенераторами «удав».

В понедельник Вася сделал разведрейд в Домодедово, нацепив на всякий случай «тюбетейку» — генератор защиты от гипноизлучения. Он помнил, где оставил Самандара с контейнером, и

глухой кирпичный забор нашел за полчаса. Объехал это место кругом, отметив, что никаких строений за забором нет, кроме какого-то низкого сарая. Судя по запаху, это был пустырь, принадлежавший когда-то городской свалке или предприятию по переработке мусора. В прошлый раз, выпуская Самандара, Вася этого запаха почему-то не учуял, а может, не обратил внимания.

Огороженный участок имел приличную площадь — около двух гектаров. К нему вели две дороги, одна асфальтированная, но старая, разбитая тяжелой техникой до предела, другая грунтовая со следами грузовых машин. Однако ворота в заборе — монументальные, металлические, окрашенные в серый цвет — не имели ни единого шва или щели. Запирались они, очевидно, изнутри, снаружи ни замков, ни цепей, ни надписей, ни таблички.

Василий остановил было машину недалеко от ворот, к которым вела асфальтовая дорога, но быстренько убрался оттуда; ему показалось, что на территории пустыря началось какое-то шевеление и кто-то начал пристально разглядывать его в бинокль. Единственное, что он успел сделать, это прикинуть высоту забора — около трех метров.

Теперь же, глубокой ночью, экипированный в комплект Н-1 по классу операций «элит», Вася убедился, что все его прикидки оправдались. Трехметровый забор он преодолел легко, несмотря на спираль Бруно, брошенную поверху, оглядел со стены территорию пустыря и удовлетворенно хмыкнул: здесь действительно когда-то сжигали или перерабатывали мусор. Теперь же от фабрики по переработке остался один полуразвалившийся барак, штабеля досок, мусорных контейнеров и шпал. Остальная территория фабрики, недавно залитая асфальтом, парила нездоровым теплом.

Пойди найди тут ножичек, вспомнил Василий эпизод из старого мультфильма «Красота ненаглядная», в котором герой искал в доме Бабы-Яги волшебный меч. Пойди найди тут чемоданчик с «глушаками»...

Уже собираясь соскользнуть вниз, на полоску сорняков под забором, Вася вдруг почувствовал знакомый взгляд и, сжимаясь в предчувствии непоправимой ошибки, до отказа увеличил мощность защитного контура «тюбетейки» и в душе взмолился: «Господи, защити от дьявольского взгляда! Пусть Рыков меня не увидит!»

Неизвестно, помогла ли молитва, однако ощущение подкрадывающейся сторожевой собаки прошло. Но хотя пустырь с виду и не охранялся, Вася все время чувствовал какие-то живые токи, исходящие от скоплений разных предметов на территории пустыря. В другое время Василий порадовался бы: он развил свою чувственную сферу до такой степени, что уже мог ощущать эн-

граммы — следы присутствия других людей в материале помещений и вещей, то есть наведенные структуры в информационно-энергетическом каркасе вещественных тел. Но сейчас ему было не до оценки собственных возможностей.

Усилием воли перейдя в состояние меоза, Вася включил темп и молнией метнулся к одноэтажному шлакоблочному бараку посреди пустыря, вызывающему подозрение своей заброшенностью и ветхостью. Невесомой тенью преодолев расстояние в сто метров от забора до барака, Василий замер у его стены, превращаясь в слух. В тишине ночи сюда доносились звуки со всей округи: гул винтов с аэродрома, гудки и свистки с железнодорожной станции, редкие завывания автомобильных моторов на шоссе, голоса людей; пустырь же обнимала могильная плотная тишина, неестественная в своей концентрации. Такая тишина буквально кричала: осторожно, засада! И Вася удвоил внимание, напрягая нервную систему до предела.

Бесшумно обошел барак, обнаружил две двери, но ни в одну заходить не стал, обратив внимание на металлическую лесенку, ведущую на крышу строения. Постояв немного, он по-кошачьи мягко преодолел три марша лестницы и высунул голову из-за ограждения крыши. Сначала он увидел квадратную будочку, похожую на пристройку лифта на крышах домов, потом разглядел узкие бойницы в будочке, откуда явственно тянуло табаком и живым теплом. Так как в будочке мог находиться только один человек, Вася решил взять его в качестве «языка». Он даже обрадовался, выяснив, что периметр пустыря отслеживается: значит, пришел сюда не зря. Смущало только то обстоятельство, что наблюдатель его не обнаружил. То ли спал, то ли был невнимателен, то ли не имел инфракрасного сканера.

Верным оказалось первое предположение.

Когда Василий мягким ударом нукитэ сорвал с петель дверь в будочку, закрытую изнутри на защелку, сторож встрепенулся со сна, открыл рот, чтобы закричать, и тут же уснул снова от удара Василия.

Шум от распахнувшейся двери получился небольшой, тем не менее Вася несколько минут прислушивался, не раздастся ли где сигнал тревоги, потом залез обратно в будочку, закрыл за собой дверь и оглядел хозяйство поста.

Как он и ожидал, здесь был развернут «малый СЭР»: четыре объектива смотрели на четыре стороны света, охватывая весь периметр ограждения пустыря, на столике стоял дисплей с картинкой, разбитой на четыре сектора, на голове сторожа красовался шлем с наушниками. «СЭР» работал в режиме ночного сканирования, то есть прекрасно видел все в инфракрасном свете, и Ко-

това он наверняка засек. Если бы сторож не уснул, здесь давно появились бы охранники и тогда пришлось бы принимать бой.

Вася быстро привел наблюдателя в чувство, зажал ему рот рукой, шепнул на ухо:

— Не дергайся, шею сверну! Что здесь находится?

Сторож что-то промычал. Вася ослабил хватку.

— Я не знаю...

Василий сдавил нерв на шее сторожа, тот захрипел, пытаясь освободиться, и затих.

— Кого ты охраняешь? Говори!

— Я не знаю... внизу там бункер... приезжают иногда люди. Никого из них не знаю...

— Я же сказал — шею сверну!

Человек снова захрипел.

— Отпусти!.. Знаю только одного, он сюда приезжал один раз. Фамилия у него казахская...

— Жанболатов? Темир?

— Точно. Больше ничего не знаю. Отпусти, больно...

— Кто твой командир? Кому ты подчиняешься?

— Я его никогда не видел, звонит по телефону, дает задание...

— А ты, малый, не из «Чистилища», часом?

Сторож рванулся из рук, пытаясь достать противника финкой, которую он прятал в рукаве, и Васе пришлось усыплять его во второй раз.

Все сходилось. Этот парень действительно работал на «ККК», подчиненную Рыкову, а это означало, что пустырь на самом деле был одной из баз «Чистилища», где Герман Довлатович мог хранить контейнер. Интуиция привела Котова куда надо.

Вася спустился с крыши и, стараясь не скрипеть, открыл дверь в барак.

Ящики, ящики, большие и маленькие, бочки, тюки с ватой, свертки толя. Склад. Ничего необычного в принципе. Если не считать кабелей, змеящихся по стенам. Так, посмотрим, куда они ведут...

Лавируя между штабелями ящиков, Василий добрался до середины барака и обнаружил в полу распахнутый люк, из которого струился слабый красноватый свет. Шагнув к нему, он заметил боковым зрением какое-то движение слева и метнул туда звездочку сюрикэна. Раздался вскрик, в проход между штабелями упало тело. Вася метнулся к нему, но споткнулся обо что-то и с трудом удержал равновесие. Оглянулся на это «что-то», изумленно округлил губы: на полу лежал еще один человек, одетый в комбинезон, и то ли спал, то ли не дышал вообще.

Тот, в кого Вася метнул сюрикэн, еще шевелился, скреб бе-

тонный пол ногтями, но скоро затих — звездочка вошла ему прямо в левое надбровье.

«Извини, друг! — подумал Василий. — Не надо было попадаться мне под горячую руку».

Анализировать, почему здесь оказался еще один спящий, времени не было, и Василий нырнул в люк, ведущий в подземелье. Он оказался в узком колодце, уходящем вниз на неведомую глубину. Зрения Васи хватало только метров на двадцать, но колодец явно опускался ниже. Судя по наплывавшим оттуда запахам, он должен был врезаться в канализационную систему или в очистные сооружения. Лезть вниз не хотелось смертельно.

— Через фекалии к звездам! — пробормотал Василий, заставляя себя действовать, и решительно полез по скобам вниз. Однако лез недолго, всего метров девять: в стене колодца оказалась дверца — так же открытая, словно кто-то прошел здесь недавно; красноватый свет просачивался именно отсюда.

Вася заглянул в отверстие и увидел длинный широкий коридор, пол, стены и потолок которого были обложены шпалами. Два красных фонаря почти ничего не освещали в коридоре, но помогали ориентироваться. В одну сторону коридор уходил в темноту, неизвестно на сколько километров, другим концом он упирался в деревянную перегородку с толстой — и снова открытой! — дверью. Прищурившись, Вася стремительно преодолел расстояние до перегородки, заглянул в щель полуоткрытой двери, и рефлекс его сработал раньше сознания, бросив тело на пол. В то же мгновение перегородку и дверь прошила автоматная очередь. Стреляли либо из автомата «узи» с глушителем, либо из бесшумного автомата «АПБ» отечественного производства, поэтому выстрелов слышно не было, только звук с хрустом прошивающих доски пуль.

Не дожидаясь, пока стреляющие «подметут» очередями пол, Вася как паук взобрался по стене и завис под потолком над дверью, вдавливая пальцы в щели между шпалами.

Стрельба прекратилась. Дверь открылась шире, и в нее выглянул верзила в коричневом комбинезоне с толстоствольным автоматом (все-таки «АПБ»). Оглядел коридор, вытащил фонарь, но включить не успел — Вася прыгнул на него сверху.

Однако усыпить верзилу касанием из арсенала ТУК не удалось! Лишь отбив две его мощные атаки, Вася сообразил, что перед ним закодированный, боец-зомби, которому не страшны ни раны, ни переломы ребер и костей. И тогда Василий, каждую секунду ожидая автоматной очереди от напарника зомби-солдата, применил прием из техники смертельного касания. Не дожидаясь, пока солдат закроет глаза, прыгнул вперед, с перекатом, готовый метнуть в противника нож или сюрикэн. За дверью име-

лось прямоугольное помещение, заставленное стеллажами с оружием. Тусклая лампочка под потолком освещала лежащее у порога тело второго солдата, а напротив двери громоздилась глыба мрака, оформленная под силуэт человека с длинным ящиком в руке.

Василий метнул сюрикэн — не попал (!), вскочил на ноги и... едва успел остановить удар, расслышав знакомый вежливый голос:

— Своих не узнаете, Василий Никифорович?

Вася сглотнул ком в горле, шагнул вперед.

— Иван Терентьевич?!

Парамонов, одетый в такой же черный костюм, что и Котов, вышел навстречу, сжал плечо горячей рукой.

— Кажется, мы пришли сюда за одним и тем же?

Вася глянул на ящик в руке Парамонова, узнал контейнер с гипноизлучателями «удав», который он с Вахидом Тожиевичем отобрал у команды Маюмуры.

— Так вы тоже решили изъять «глушаки» у Рыкова?!

— Как видишь. Мне стукнула в голову мысль, что не стоит такие страшные штуковины оставлять у Рыкова. Их необходимо уничтожить.

— Мне стукнула в голову та же мысль. Кстати, Самандар работает на...

— Знаю, — кивнул Парамонов. — Мне жаль его. Если он не переборет амбиции, тягу к власти... Впрочем, пошли отсюда, здесь не место для... — Он не договорил.

Где-то далеко в глубине коридора раздался визг сирены, и тут же дверь за спиной Котова автоматически закрылась. Он рванул ее, ударил всем телом, отодвинулся, чтобы в прыжке выбить ногой, но потом сообразил:

— Айн момент!

Отыскав на стеллажах гранатомет «ММ-1» — револьверного типа, с вращающимся барабаном, — Вася зарядил его осколочно-фугасным боеприпасом «М-430» и, отойдя на десяток шагов, из-за стеллажа выстрелил в дверь. Бросил гранатомет на пол.

— Пожалте, Иван Терентьевич. Куда будем отходить? Обратно наверх, через пустырь?

— Нет, я знаю другой выход.

Парамонов выбрался через дыру в двери в коридор, махнул рукой — не отставай! — и легко помчался в темноту коридора с контейнером на плече.

Василий оглянулся на разбитую в щепы дверь, пробормотал:

— Здесь был Вася! — и припустил следом за Иваном Терентьевичем.

Коридор через полкилометра привел их к бетонно-кирпич-

ной перегородке с металлической дверью, которую Парамонов открыл за три минуты, не прибегая к взрывчатке. За перегородкой оказался еще один туннель — заброшенного метро с рельсами и пучками кабелей по стенам, из которого беглецы выбрались через вентиляционный колодец в районе железнодорожной станции. Там, за пакгаузом, Иван Терентьевич нашел дыру в заборе, они вылезли на тропинку, ведущую к домикам частного сектора Домодедова, и вскоре вышли к замаскированной ветками машине Парамонова — замызганной «Ниве» с грязными стеклами.

— Где вы оставили свою машину? — спросил Иван Терентьевич, включая мотор.

— Возле водокачки. Надо бы ее забрать.

— Конечно. Пересядем, эту бросим, переоденемся.

— А дальше куда? У вас есть надежное место, где можно спрятать «глушаки»?

— Такого места не существует в принципе. Но какое-то время можно будет подержать контейнер в Рязани, там у меня есть неплохой погреб... с кое-какой защитой.

— Тогда поехали в Рязань, — равнодушно сказал Василий, скрывая радость.

В начале пятого они выехали из Домодедова на Симферопольскую трассу и лишь после этого вздохнули с облегчением. Обоих волновала одна и та же мысль.

— Странно, что Рыков не подстраховался, — задумчиво проговорил Василий, сидя за рулем «Вольво». — Такая серьезная вещь, как «глушаки», должна и охраняться серьезно. А он доверил ее «чистильщикам» да зомби-легионерам.

— Я тоже об этом думаю, — признался Иван Терентьевич. — Существует только одно объяснение: он не собирался держать здесь «удавы» долго. К тому же Герман способен через ментал определить координаты любой вещи, на которой остался отпечаток его пси-взгляда.

— Веселенькая новость, — пробормотал Василий. — Значит, он все равно вычислит, где мы спрячем «глушаки»? А вы не можете как-то стереть этот пси-отпечаток? Наложить, так сказать, свое заклятие?

— Увы, мой друг, — грустно улыбнулся Иван Терентьевич. — Я всего лишь Посвященный I ступени, он же — на уровень выше. Я пытался, конечно, ослабил след в какой-то степени... Посмотрим.

Василий кивнул, окончательно расслабляясь. Впереди ждала Рязань, встреча с Ульяной, и это примиряло его с необходимостью борьбы за право жить свободно.

НИКОГДА НЕ ЗНАЕШЬ, ГДЕ НАЙДЕШЬ, ГДЕ ПОТЕРЯЕШЬ

Рыков прибыл на свой фильтрационный склад в Домодедове буквально через час после похищения контейнера с «глушаками».

Командир взвода охраны построил свое потрепанное подразделение отдельно от группы «чистильщиков», которым Рыков доверял больше, чем солдатам-зомби. И, как оказалось, напрасно.

— Кто подбирал кадры охраны? — спросил Рыков у сопровождавшего его Жанболатова.

— Это люди Щербака, — ответил глава безопасности «ККК». — Отобраны еще год назад. Серьезного ничего за это время не происходило, парни расслабились.

Рыков оглядел шеренгу «чистильщиков» в шесть человек, понуро глядящих в землю. Перевел взгляд на другую шеренгу, чуть длиннее, где стояли рослые, подтянутые, мощные бойцы-зомби, готовые выполнить любой приказ. Рядом на плащ-палатках лежали три тела — убитые неизвестными диверсантами зомбированные солдаты.

— Работали суперпрофессионалы... — начал было Жанболатов, но Рыков поднял руку, останавливая его, и скомандовал:

— Оружие к бою! Виновных в происшествии — расстрелять! Цельсь. Огонь!

Никто ничего не успел понять, даже Темир Жанболатов, готовый ради патрона пожертвовать если и не жизнью, то здоровьем.

Раздался треск автоматных очередей, шестеро «чистильщиков», успевших только разинуть рты и перевести взгляды с лица Рыкова на исполнителей приговора, легли на землю, прошитые каждый десятком пуль. Стало тихо. Жанболатов секунду спустя опомнился:

— Куда их, Герман Довлатович?

— Убитых похоронить под асфальтом, охрану вернуть на объект, — сухо ответил Рыков, поворачиваясь спиной к бараку, под которым прятался бункер с оружием. В кабине своего бронированного авто он посидел несколько минут с закрытыми глазами, бледнея от гигантских внутренних усилий — он хотел определить ментальные следы похитителей, но не смог и кивнул водителю: — В Кремль.

В своем кабинете он пришел в себя, попил чаю с вареньем и подсел к компьютеру, зная, что и где будет искать. И в это время басовито прогудел криптофон. Звонил Юрьев:

— Кажется, вы облажались, Герман, как говорят герои американских боевиков. Где груз?

— Украли. Работала группа профессионалов, ведомая кем-то из Посвященных.

— Может быть, это люди Хейно? Или Грушина?

— Непохоже. Хейно вытравил бы все следы, так что и запаха Посвященного не осталось бы, здесь же пытались просто исправить полевые нарушения структур. Похоже, это кто-то из Посвященных I ступени.

— Соболев, Парамонов, Самандар?

— Самандар под контролем, он заинтересован подыграть мне. Соболев тоже сработал бы тоньше. Скорее всего контейнер захватил Парамонов, а помогал ему приятель Соболева Котов. Через пару часов я буду знать точно.

— Хорошо, жду сообщений. Учтите, все зависит от вас, Герман. Привлеките Голованя и Мурашова, вместе вы прорветесь в ментал и обнаружите утечку.

— Вы говорили с координатором?

— Бабуу дал согласие на передачу кодона.

— А с Носовым что?

— Разрабатывайте его сами. Вы еще не использовали весь свой потенциал, да и Самандар готов рискнуть. Так что действуйте, Генеральный Судья.

Связь прервалась. Рыков несколько секунд посидел с трубкой возле уха, раздавил ее в руке и снова сел за стол перед компьютером.

В числе прочих достоинств Дзиро Маюмура обладал одним хорошим качеством: он никогда не обижался на хозяина, которому служил в данную минуту, как бы тот ни раздражался. Получив от Носового нагоняй за провал операции с перехватом партии «глушаков», Маюмура тем не менее принялся выполнять новые задания босса Сверхсистемы с прежней тщательностью и невозмутимостью. Как человек Востока, он был философом и даже убивал с философским спокойствием и отсутствием каких бы то ни было эмоций.

Хейно Яанович вызвал его в свою резиденцию на Арбате в субботу, пятнадцатого июня, велев захватить полную обойму сопровождения. Маюмура, никогда не считавший субботу праздничным днем или днем отдыха, выполнил приказ в точности, подъехав к дому на микроавтобусе «Форд-Гэлэкси» с двенадцатью бойцами своей команды «улаживания конфликтов». Маршал «СС» встретил его на этот раз, излучая флюиды нетерпения и удовлетворения, что для этого человека было совершенно несвойственно.

— Есть шанс реабилитировать себя за прошлую неудачу, — сказал он, теребя себя за пуговку носа. — Парамонов и Котов утащили у Рыкова контейнер с «удавами» и переправили его в Рязань. Отправляйся туда немедленно. Захвати Ульяну Митину,

приятельницу этих двоих, и жди моего появления. Самостоятельных акций не планируй, можешь провалить все дело. Я появлюсь в Рязани завтра вечером, связь будем держать постоянно через «Интерспутник». Все понял?

— Куда спрятать девушку?

— Вот адрес, дом частный, имеет экранированный подвал. Если на вас после захвата девушки нападут, отбейтесь и уходите. Если сделаете все тихо, мы обменяем Митину на контейнер.

— Понял.

— Оружие и снаряжение возьмите по классу «элит».

— А как же вы поедете один?

— Я поеду не один. — Носовой имел в виду отряд телохранителей-зомби, но помощнику знать это необязательно. — Поезжай.

Маюмура поклонился и исчез.

Хейно Яанович прошелся по квартире, потирая руки, потом бросил взгляд на часы и подсел к компьютеру. Наступало время сеанса связи с Грушиным, который уже находился в Рязани и следил за перемещением Посвященных I ступени. На этот раз осечка исключалась, Хейно Яанович не собирался упускать шанса отыграться. Судя по тишине в ментале, Рыков еще не знал о потере драгоценного контейнера.

ИГРА С ВЫБЫВАНИЕМ

Самандар приехал в Рязань на три часа позже Парамонова и Котова, но искать их не стал. У него созрела другая идея — выяснить все через Ульяну, которая наверняка знала, где похитители прятали «глушаки».

Приняв меры к тому, чтобы его не узнали потенциальные наблюдатели всех заинтересованных сторон — Юрьева, Носового и даже Рыкова, он спокойно отправился по адресу.

Ульяны дома не было, еще не вернулась с занятий, и Вахид Тожиевич, представившись тетке Ульяны, которая его не узнала, как «страховой агент», остался ждать девушку, для правдоподобия разложив на столе «документы». Анна Павловна, инстинктивно угадав не слишком добрые чувства гостя, отвлекать его разговорами не стала, лишь для приличия предложила чай. Самандар отказался, и она ушла на кухню, гадая, что могла застраховать Ульяна у столь серьезного агента.

Уля пришла в начале восьмого вечера, сразу определив, кто у нее в гостях.

— Вас не узнать, — сказала она весело, бросая сумочку на диван. Затем крикнула: — Теть Ань, поставь цветы в воду.

Анна Павловна забрала из ее рук розы, и Ульяна, плеснув на лицо и руки воды, прошла в гостиную, вытираясь на ходу.

— Цветы случайно не Котов подарил? — спросил Самандар.

Ульяна улыбнулась, и у Вахида Тожиевича екнуло сердце — так была красива девушка. Но он тут же подавил в себе все чувства, мешающие выполнять задуманное.

— Это имеет значение?

— В общем-то нет. Просто уточняю. И удивляюсь, неужели обыкновенный человек интересен Посвященной? Что у вас может быть общего?

Уля перестала улыбаться, снова крикнула:

— Теть Ань, поставь чай!

Внимательно глянула на вытянутое лицо-маску Самандара, типичное лицо страхового агента. Подумала, что она могла бы пройти рядом с Вахидом в толпе и не узнать его.

— Вопрос, конечно, интересный... но я не хотела бы на него отвечать. Что тебя еще интересует... в наших отношениях с Котовым?

— Меня ничего, но эти вопросы задаст тебе Собор Круга при очередном Посвящении.

— Когда это еще будет! — махнула рукой девушка. — Давай поужинаем, я голодна. Вино будешь? Шампанское?

— Нет.

— А я выпью, настроение хорошее.

Анна Павловна принесла на подносе овощные голубцы с рисом, бутерброды с красной икрой и с сыром, варенье, чай, и Ульяна, непосредственная, как девочка-школьница, принялась уплетать ужин. Чтобы не выглядеть смешным, Самандар позволил себе выпить чашку чаю с бутербродом. Тень Василия Котова бродила по комнате вместе с запахом роз и насмешливо поглядывала на угрюмую физиономию Вахида Тожиевича.

— Что тебя привело в Рязань? — спросила наконец Ульяна, насытившись и убрав посуду. — Соку налить?

— Не надо. — Самандар сел рядом с Улей на диван, внезапно подумав, что она находится сейчас в зоне абсолютной действенности приема: один удар — и...

— Выкладывай, что случилось.

— Многое случилось. Иерархи воюют между собой... Союз Девяти тоже готов взяться за оружие... Твой Котов украл мой шанс...

— Что украл Котов?! — удивилась Ульяна, не отреагировав на слово «твой».

— Контейнер с гипноиндукторами «удав». — Помедлив, Самандар принялся вводить девушку в курс дела. На это ушло минут десять. — Теперь ты знаешь все.

— Постой, постой, — проговорила пораженная услышанным Ульяна. — Рыков предложил тебе стать одним из Девяти?! И для этого ты должен...

— Убрать Носового и передать Рыкову те самые «глушаки», которые захватил Котов и привез сюда, в Рязань.

— А ты знаешь, для чего нужны «глушаки» Рыкову?

— Догадываюсь, — помолчав, сказал Самандар, понимая, что девушка не поверит, если он скажет «нет».

— А если догадываешься, зачем помогаешь ему? Он же устроит бойню! Через месяц после получения «удавов» вся власть в стране будет принадлежать ему. И дело даже не в нем. Зачем тебе вообще соваться в Союз Девяти? Кардиналы Союза — страшные люди! Даже не из-за того зла, которое они несут своим вмешательством в события, а из-за холодной, неумолимой, равнодушной жестокости! Ты хочешь стать таким же?

— Не хочу, — покачал головой Вахид Тожиевич. — Социум нуждается в коррекции, и я хочу подлечить его, успокоить.

— Это как раз тот случай, когда лекарство опаснее болезни, — отрезала Ульяна. — Подлинное спокойствие может воцариться в социуме лишь при содействии тех, кто спокоен. Ты же обеспокоен соблазном стать вершителем судеб миллионов. Или я ошибаюсь?

— Ошибаешься.

— Тогда откажись от предложения.

— Нет, я слишком глубоко увяз.

— Ты изменился, Вахид.

— А ты не видишь глубин происходящего. Тебе известно, что Монарх готовит новое Изменение? Люди стали ему неинтересны. А иерархи сейчас разобщены. Сорвать планы Монарха можно, лишь объединив Союзы здесь, на Земле, в запрещенной реальности, и я мог бы это сделать... в будущем.

— Каким образом? Переделав непокорных с помощью «глушаков»? — Ульяна грустно улыбнулась. — Сорвать планы Монарха может только аватара. Но придет ли он в нужный момент, никто не знает.

— Ты отказываешься помочь мне?

— Не отказываюсь, но надо найти другой путь. А «глушаки» необходимо уничтожить, чтобы никого не манила перспектива применить их для исполнения своих властных замыслов.

— Тогда я вынужден... — Самандар не договорил, вдруг почувствовав изменение психофизических полей вокруг дома Ульяны.

— Кажется, что-то происходит, — среагировала и девушка, уловив дыхание опасности. — Думаешь, это за нами?

— Не думаю, уверен. Быстро вниз, в машину.

— Но мы можем позвонить друзьям, а этим внушить...

— Во-первых, держать под контролем всех мы не сможем, во-вторых, эти ребята носят генераторы защиты от гипнолуча, в-третьих, половина из них зомбирована, в-четвертых, они посланы за тобой.

— Почему ты так уверен?

— Потому что никто из моих друзей и врагов не знает, где я сейчас нахожусь. Оружие есть?

— Только вилки да кухонный нож.

— Ладно, может, и так прорвемся.

— Давай я хоть Котову позвоню.

— Не теряй времени!

— Это займет не больше минуты. — Ульяна бросилась к телефону, одновременно подталкивая тетку к ее комнате. — Спрячься, теть Ань, к нам непрошеные гости пожаловали.

— Рэкетиры, что ль?

Телефон Василия не отвечал. Ульяна дважды набрала номер, а когда собралась телепатически позвать Парамонова, в квартиру ворвались вооруженные люди.

Их было не меньше двенадцати человек, судя по дроблению негативного психоэнергетического цунами, рухнувшего на дом. Маюмура привел сюда весь свой боевой отряд, не собираясь на этот раз попадать в ловушку, перекрыл проезды и подходы к дому, послал на крышу снайперов и занял все подъезды своими людьми. В атакующую группу вошли девять боевиков, многие из которых владели рукопашным боем, а все вместе — любым видом оружия. Да и вооружены они были не хуже любого спецподразделения ФСБ или ГУБО — штурмовыми винтовками, пистолетами-пулеметами, гранатометами и кинжалами.

Но Маюмура не учел двух обстоятельств: что девушка, которую ему приказали захватить, будет не одна, и что противники его — Посвященные Внутреннего Круга. Первая ошибка объяснялась тем, что главный телохранитель Носового никогда не был военным и не обеспечил наблюдение за квартирой объекта — Ульяны Митиной. Потому и приход Самандара оказался незамеченным. Вторая ошибка Маюмуры крылась в его рациональном отношении к полученной от босса информации: он не верил в большие психофизические возможности людей Внутреннего Круга, хотя Хейно Яанович и предупреждал своего слугу. Сам Носовой никогда не демонстрировал свое превосходство, будучи человеком Круга, и у Маюмуры сложилось свое представление о силе Посвященных.

Поэтому, ворвавшись в квартиру, вооруженные до зубов боевики встретились не с ее хозяйкой, пусть даже и вооруженной автоматом — допускался и такой вариант, — а с бесшумным, смер-

тельно опасным, стремительным, убивающим молниеносно демоном, которого невозможно было даже разглядеть.

Выглянув из гостиной в прихожую, Ульяна замерла. Такого Вахида Тожиевича она еще не видела! Это действительно был не человек, а демон, пробивающий людей насквозь, ломающий им руки, ноги, позвоночник, сворачивающий шеи, разбивающий головы, как арбузы!

Первая тройка боевиков, умело сорвавшая дверь с петель и вскочившая в прихожую, полегла тут же, в течение секунды, не успев разглядеть своего противника. Вторая тройка ворвалась в квартиру по инерции, еще не поняв, в чем дело, но тоже была уничтожена за несколько мгновений. Не помогло парням ни знание приемов комба, ни владение оружием. Никто из них не успел спустить курок пистолета или автомата.

Третью тройку вел Маюмура. Он уже сообразил, что нарвался на засаду, но из докладов наблюдателей, следящих за окнами квартиры, знал, что девушку охраняет всего один человек, поэтому особого значения мгновенной гибели шестерых своих солдат не придал. Приказав оставшейся внизу тройке подняться, Дзиро, одетый в отличие от своих подчиненных в черное трико, бросил в бой основную тройку.

Он сделал все что мог. Пока Самандар дрался с тремя оставшимися в живых бойцами резерва, Маюмура проскочил в гостиную, схватил притаившуюся там Ульяну за руку и ударом в подбородок послал в нокаут... хотел послать! Реакция Посвященной была на порядок выше его собственной, отточенной годами тренировок. Не помогло ему и знание приемов боя, чувство боя и боевой транс. Недаром мастера боевых искусств говорят: истинно готов тот, кто кажется ни к чему не готовым. Ульяна никогда не занималась борьбой, но она хорошо разбиралась в движении, в ритме сокращений человеческих мышц, в пластике мускулатуры и психики. Каждое ее движение было естественным и гармоничным, она просто увертывалась, уходила от захватов и ударов, и Маюмура слишком поздно понял, что ничего не добьется. Когда он схватил девушку в лесу, во время прорыва окружения тех, за кем был послан, Ульяна не смогла сориентироваться и показать все, на что была способна, и Дзиро действовал теперь, как тогда.

Он мог бы еще уйти — через окно, балкон и даже назад, через прихожую, но сделал ошибку, последнюю в жизни. Сначала он выстрелил в Ульяну из «глока-21» с глушителем, попав ей в плечо, а потом выхватил ампулу-шприц с усыпляющим веществом мгновенного действия. Больше сделать он ничего не успел — во-

рвавшийся в гостиную Самандар буквально снес ему полчерепа ударом конго[1].

— Уходим! Ты как?

— Нормально, — задохнувшись, ответила девушка, расширенными глазами глядя на труп японца и забрызганные кровью стены. — Я справлюсь, пуля в мякоти...

Самандар кивнул, прислушался к чему-то, бросил:

— Я сейчас, — и исчез. Из коридора донеслись шум, вскрики, удары, автоматная очередь, затем все стихло. Через минуту появился Вахид Тожиевич, забрызганный чужой кровью, и этот его вид снова заставил Ульяну побледнеть.

— Я... никуда... не пойду.

Самандар, не выходя из состояния боя, снова прислушался, вернулся в прихожую, вытащил из-под боевика штурмовую винтовку «HK G11», стал в гостиной за штору, несколько секунд всматривался в соседний дом, потом приоткрыл окно и сделал два выстрела. Бросил винтовку на пол.

— Уходим, сейчас сюда примчится ОМОН.

Ульяна покачала головой.

— Я с тобой... не пойду...

— Пойдешь, — глухо сказал Вахид Тожиевич. Поднял с пола ампулу-шприц, которой так и не успел воспользоваться Маюмура, и коротким движением воткнул девушке в руку.

Ульяна изумленно вскрикнула, потом ноги ее подкосились, и она опустилась на пол, не сводя гаснущего взора с лица Самандара.

— Прости, дорогая, киднеппинг — последнее дело, но мне нужен заложник, — тем же глухим голосом проговорил он. Затем взял девушку на руки, остановился у двери в спальню, откуда доносилась молитва Анны Павловны:

— Господи Боже Вседержителю, спасе всего мира! Сохрани и спаси раба своего и рабу свою Ульяну на всяком месте и на всяк час...

Самандар открыл дверь.

— Ульяне требуется врач.

— Что с ней?! — всполошилась старушка, по лицу которой катились слезы.

— Жива, я в больницу. Скоро к вам приедет один парень... Василий Котов. Так вот скажете ему, чтобы ждал моего звонка.

— Как сказать? Кто был? Вы кто?

— Он догадается, — ответил Вахид Тожиевич уже из лифта.

Во дворе он прошел сквозь собравшуюся толпу жильцов к ма-

---

[1] Конго — «алмазная молния», удар ребром ладони с выплеском энергии.

шинам, на которых приехала группа Маюмуры, посадил Ульяну на заднее сиденье джипа «Мицубиси» и выехал на улицу.

Вызванный кем-то из соседей Ули милицейский наряд приехал только через полчаса после его отъезда.

КЛАССИЧЕСКИЙ ОБМЕН

Дом, в котором они остановились, принадлежал троюродному дяде Ивана Терентьевича по отцовской линии и располагался на окраине Рязани, в ста метрах от Оки, на правом ее берегу. Василий сначала порывался поселиться в гостинице, но Парамонов уговорил его остаться.

Дом был, как и все дома частного сектора, деревянный, старый, без особых архитектурных прибамбасов — мансард, фронтонов, башен, застекленных террас и веранд. Строили его почти век назад, но строили добротно, и внутри он был просторен, светел и чист. Зимой в нем было тепло — хозяин оставил русскую печь, но добавил еще и водяное отопление, летом — прохладно.

Хозяев имелось двое — старики, доживающие век: Харлампий Игнатович Пресняков и Катерина Пафнутьевна, его жена; обоим давно перевалило за семьдесят.

— Что нам надо! — вздыхала сухая, но жилистая и сильная еще хозяйка с темными, почти без седины волосами. — Дети разъехались кто куда, внуки по городам живут, а мы тут зимуем. Свой сад, огород, коза, куры... все свое. Располагайся, мил человек, места всем хватит.

Василий оглядел комнату: кровать с горкой подушек, стол, большой сундук, этажерка с книгами, окно в сад, напротив окна — стена печки, на полу домотканые половички, на окне кактусы, на стене — репродукция картины Васнецова «Три богатыря». Уютно, чисто и располагает к полезным занятиям. Видимо, то была комната одного из сыновей Пресняковых.

— Ну, как устроился? — вошел в комнату Иван Терентьевич, раздвинув шторки на двери.

— Нормально, — отозвался Василий. — Давненько не спал в таких древних домах.

— Пошли, покажу подвал.

Вход в подвал начинался из сеней. Парамонов откинул квадратную деревянную крышку в полу, щелкнул выключателем. Внутри, на глубине двух метров, загорелся тусклый желтый свет.

— Бери контейнер.

Друг за дружкой они спустились по деревянной лестнице вниз, и Василий смог оценить размеры подвала.

Тянулся он метров на тридцать, то есть далеко за пределы до-

ма, и стены имел кирпичные, потемневшие от времени. На одном из кирпичей стойки Василий заметил клеймо: «Саврасовъ и сынъ. 1904 г.».

— Кирпичу цены нет!

— Это уж точно, — откликнулся Иван Терентьевич. — Дед Харлампия здесь вино держал. Видишь, бочки остались?

— А вино что ж, выпили?

— Кое-что сохранилось, но этим же серьезно заниматься надо, а как дед помер, так виноделие в семье и захирело.

Парамонов обошел громадные бочки, замурованные в стене, открыл какую-то тяжелую, с виду — из дубового бруса, дверь, зажег фонарь и шагнул в темноту. Василий с некоторым трудом протиснулся следом.

Помещение было невелико, три на пять метров, и тоже казалось обложенным дубовым брусом, но Иван Терентьевич постучал по «брусу» пальцем, вызывая глухой массивный звук, и Василий с удивлением понял, что это металл.

— Сталь? Железо?

— Свинец.

— Зачем?!

Иван Терентьевич пропустил Котова вперед.

— Дед был не только виноделом, но еще и алхимиком. Здесь он ставил опыты, требующие защиты от дьявольских сил и чар.

Взору Василия предстал верстак с десятком пыльных старинных реторт, вычурных стеклянных сосудов, банок и спиралей. Кроме того, две стены подвала скрывались за полками с разного калибра горшками и банками. Все это хозяйство покрывал толстый слой пыли. Запахов особых Вася не учуял, но все же кое-какие флюиды еще витали в воздухе: следы кислот, щелочей, растворов металлов. Но основное мистическое впечатление оставляли не они и даже не сами аксессуары алхимической науки. Тишина — вот что было главным! Глухая, мертвая, абсолютная тишина!

Наблюдавший за Васей Парамонов кивнул.

— Свинец экранирует большинство излучений электромагнитного спектра. Ментальное, или, как говорят сейчас, спинторсионное поле — нет, но на общем фоне эффект очевиден. Здесь контейнер побудет какое-то время, пока мы не найдем способ его уничтожить.

Они вышли из алхимической лаборатории и словно окунулись в живой мир звуков, запахов и движения. Иван Терентьевич запер дверь, погасил фонарь.

— Я здесь провел лучшие пять лет своей молодой жизни. Может быть, именно эта таинственная келья и подвигла меня на Путь в Круг. Вы куда сейчас, Василий? Или отдохнете с дороги?

— Нет, покатаюсь по Рязани. Потом заеду к Уле.

— Может, потом заедете за мной и мы втроем поужинаем где-нибудь? Если, конечно, не помешаю.

— Отличная мысль. — Василий поднялся из подвала, вдохнул полной грудью. — Ох и воздух тут вкусный! — Помрачнел. — Я вот все думаю...

— Зачем Рыкову «глушаки»?

— Нет. Почему нам не захотел помочь Соболь?..

Иван Терентьевич вышел из сеней во двор, где стояла машина Котова.

— Василий, не трогайте вы Соболева. Его судьба свертывается по этическому началу. У Матвея свой Путь, свои цели, своя линия жизни. Почему он должен заниматься тем же, чем вы или я?

— Но если добро бездействует, зло торжествует.

— Добро должно быть с кулаками, так?

— Примерно так.

Парамонов улыбнулся.

— Все далеко не так просто, как мыслится. Во-первых, зло многообразней добра, порой его градации отличить от нормы невозможно. Во-вторых, у зла тоже есть своеобразная этика, регулирующая его давление на жизнь людей. Вот, например, «глушак» или «болевик» носитель чего — добра или зла?

— Зла, конечно!

— Но ведь на самом деле «болевик» — колоссальный стимулятор и транквилизатор! Он способен стимулировать и раздражать не только центры «ада» в мозгу человека, но и центры «рая». То есть с его помощью можно получить как огромное страдание, так и огромное наслаждение! И тем, и другим можно человека лечить. Виноваты ли «глушак» и «болевик», что их используют только в качестве оружия?

Вася молчал.

— Вот видите. — Парамонов дружески сжал его локоть. — Об этом мы еще побеседуем. Будьте осторожны в городе. Маракуц похоронен, но остались его помощники, которые могли запомнить вас.

— Учту. — Василий нырнул в кабину и вывел «вольво» со двора. Через полчаса он был у Троицкого собора.

К дому Ульяны он подъехал в начале девятого и стал свидетелем работы следственной бригады милиции. Дом был оцеплен, во двор никого не пускали, даже жильцов. Предчувствуя недоброе, Василий небрежно сунул сержанту оцепления свою красную книжицу офицера безопасности и прошел во двор. Одного взгляда на трупы, складываемые у машины «Скорой помощи», было достаточно, чтобы определить главное: здесь произошла крупная разборка между спецподразделениями двух каких-то силовых

контор. Одну из контор Вася вычислил, увидев среди убитых Дзиро Маюмуру, телохранителя Носового. Второй конторой могла быть и «ККК», но так как в этом доме жила Ульяна Митина, Василий сделал вывод, что Маюмура пришел за ней. Однако одна Ульяна нанести такой урон банде не могла, кто-то ей помог.

— Страшное дело! — вполголоса заметил лейтенант-омоновец у входа в подъезд, жадно затягиваясь сигаретой. — Такого я еще не видел! Дрались жестоко! У каждого убитого либо сломана шея, либо перебит позвоночник, либо снесен череп!..

— Старший где? — спросил Василий, показывая свои документы.

— Наверху, квартира пятьдесят шесть... Ох и кровищи там!.. — Лейтенант опомнился, подтянулся. — Проходите.

В квартире Ульяны все говорило о жестокой схватке: кровь на полу и на стенах, разбросанные оружие, одежда, вещи, книги, поломанная мебель. По комнатам бродили эксперты-криминалисты, какие-то люди в штатском, всего человек десять, а один из них, молодой, широкоплечий, красивый, с пышными черно-седыми волосами, в хорошем костюме, беседовал в углу с Анной Павловной, теткой Ульяны, по лицу которой все еще струились слезы.

Не найдя тела Ульяны, Василий смог вздохнуть свободнее, хотя боль в груди осталась. Ему вдруг пришла в голову мысль, что здесь был Самандар. Только он владел рукопашным боем такого класса, который позволял ему отбиться от любой вооруженной до зубов группы. И только он мог увести Ульяну из дома... или унести.

Улучив момент, Вася подошел к Анне Павловне, безучастно рассматривающей погром в квартире, сказал тихо, прижав палец к губам:

— Что здесь произошло, тетя Аня?

— Ой, Вася! — запричитала старушка, но спохватилась и понизила голос. — Ой, что тут было! Если бы ты видел...

— Где Уля?

— Унес он ее, сказал: в больницу надо...

— Кто?

— Да приходил один, важный такой, чернявый, страховым агентом представился, ждал Улю, пока не пришла. Не знаю, о чем они говорили, только потом банда ворвалась...

— Как он выглядит? Вы его раньше не видели?

— Высокий, строгий такой, черноволосый... Я не видела, как и что происходило, только слышала... Ой, страшно-то как было! Ох ты, Господи, за что на нас такая напасть!..

— Он ничего не говорил?

— Ничего... Ой, прости ты меня, старую, запамятовала. Когда

уходил, сказал: придет Котов, скажите ему, чтобы ждал моего звонка. Я его спросила: кто, мол, передал? А он: догадается, мол.

— Спасибо, — глухо сказал Василий. Он окончательно поверил в свою догадку: здесь побывал Самандар. И самое главное, Улю он все-таки спас...

— Эй, кто вы такой? — подошел к Василию молодой седоволосый представитель власти, допрашивающий Анну Павловну.

Вася обернулся, протянул свидетельство офицера ФСБ. Седоволосый внимательно изучил книжечку, вернул.

— Прямо из Москвы, значит? Я подполковник Панкеев, отделение по борьбе с терроризмом местной конторы. Вы один?

— Скоро еще подъедут. Что говорят свидетели?

— Они говорят такое, что волосы дыбом! Якобы всю эту кашу заварил один человек. Перебил четырнадцать нехилых ребят, забрал девицу, которая тут проживала, и уехал на одной из машин бандгруппы.

— Ясно. Супермен, значит, объявился. — Вася вдруг заметил на полу стеклянный блик, подошел ближе, нагнулся. Это была пустая ампула-шприц для укрощения особо буйных пациентов психиатрических клиник, применяемая также и спецами секретных подразделений.

— Что там? — спросил красивый седой подполковник, нагибаясь.

Вася не ответил. Окинул взглядом стены, пол гостиной, зашел в спальню и пошел к выходу. И в этот момент зазвонил телефон. Трубку снял один из людей в штатском, выслушал, обвел взглядом присутствующих.

— Кто здесь Котов?

Вася, уже спускавшийся по лестнице, вздрогнул, метнулся обратно, схватил трубку.

— Привет, ганфайтер, — раздался в мембране спокойный голос Вахида Тожиевича. — Ульяна у меня. Бери товар и приезжай, обменяемся.

— Какой товар? — опешил Василий.

— Не шути так, парень. Иван и ты сегодня привезли сюда контейнер. Он мне нужен. Возвращаешь контейнер — получаешь Ульяну. Но без глупостей!

Вася молчал.

— В чем дело? Не слышу.

— Я понял. Мне нужно посоветоваться.

— Советуйся. Через два часа я жду тебя с контейнером на втором мосту через Оку, в сторону Заокского. Но предупреждаю...

— Не пугай, мастер. — Вася бросил трубку на рычаг и, не оглядываясь, сбежал по лестнице на первый этаж.

Известие потрясло Парамонова настолько, что он пришел в себя лишь после того, как Василий в третий раз задал один и тот же вопрос:

— Что будем делать?

— Никогда не думал, что он способен на такое! — сказал наконец Иван Терентьевич горестно. — Видел, что Вахид меняется, ожесточается, что его заносит... но верил, что на предательство он не способен...

— Что будем делать?

Иван Терентьевич сдавил лицо руками изо всех сил, растер щеки и превратился в бодрого и решительного человека.

— Я поеду к нему один. Со мной он не посмеет драться. Ты останешься здесь и...

— Нет, — перебил его Василий. — Поеду я, с вами он не станет договариваться, потому что вы один из Посвященных. Что будем делать с контейнером?

— Придется отдать. Или у тебя есть другая идея?

— Есть идея свернуть ему шею, — угрюмо процедил Василий, отметив, что Иван Терентьевич перешел с ним на «ты».

— Сделать это будет очень трудно. Хорошо, едем вместе. Он не посмеет сделать вторую подлость, после того как сделал первую.

— Что вы имеете в виду?

Иван Терентьевич исподлобья взглянул на Котова.

— Вахид может не отпустить Ульяну. Ему нужна гарантия, что мы его не тронем. Во всяком случае, пока он не вернет «глушаки» Рыкову.

— Я... убью... его! — с расстановкой проговорил Василий.

— Собирайся. — Парамонов похлопал его по спине. — Я за контейнером.

Через полчаса они сели в машину, переодевшись каждый по-своему. Парамонов натянул дорожный костюм, а Василий надел спецкостюм, выданный ему в команде КОП. Не забыл он и «тюбетейку», рассчитывая на ее защитные свойства от возможной психоэнергетической атаки Самандара, если дело дойдет до прямого боя.

— У меня созрел план, — сказал Иван Терентьевич, когда они выехали за город. — Я высажу тебя у излучины напротив пристани, ты возьмешь лодку и спустишься к мосту. Там всего три километра, за пятнадцать минут доплывешь. Ровно в четверть одиннадцатого я подъеду к мосту. А там сориентируемся.

Василий помолчал, взвешивая плюсы и минусы плана, потом кивнул:

— Годится.

В полдесятого они остановились у Рязанской пристани, Иван

Терентьевич вылез из машины и пошел искать лодку. Вернулся быстро.

— Заводи, подъедем к молу со стороны заводи. Там байдарочники пристали, путешествуют ребята. Балдеют у костра. Охраны никакой. Придется их обидеть, но другого выхода нет. Ну, с Богом?

— Иншалла! — шутливо отозвался Василий.

Он надел шлем с очками, проверил, как сидит амуниция, легко ли вынимается из поясного захвата «вепрь», махнул рукой и растворился в сгущающихся сумерках на фоне берегового откоса. Иван Терентьевич проводил его внутренним зрением, сел за руль и повел «Вольво» обратно к дороге, объезжая пристань слева.

Василий легко нашел байдарки. Горе-путешественники вынесли их из воды, но не разобрали, оставили даже весла. Группа была неопытной, и даже инструктору не удалось заставить молоденьких ребят и девушек выполнять все законы маршрута.

Выбрав байдарку, Вася снес ее к воде и через минуту был уже далеко и от лагеря с костром, и от мола, и от пристани с ее суетой.

К мосту через Оку, о котором говорил Самандар, Василий доплыл за десять минут. Оставил лодку на берегу и пробрался на гребень берегового откоса сквозь заросли кустарника. Достал бинокль.

Мост освещался всего двумя ртутными лампами, и прибор для ночного видения не понадобился. Однако ни одной стоящей машины на мосту видно не было. Изредка в обе стороны проезжали грузовики или легковые автомобили, но ни один из них не останавливался. Озадаченный Василий повел биноклем вправо от моста и буквально наткнулся на чей-то острый, физически плотный взгляд. Он даже пригнулся, хотя в кустах ночью никто увидеть его не смог бы. Ощущение взгляда прошло, и Василий понял, что кто-то — вероятнее всего, Самандар — оглядывал окрестности в ментальном, чувственно-психическом диапазоне, пытаясь обнаружить скрытное передвижение противника. Неизвестно, помогла ли «тюбетейка» замаскировать Василию его мысленную сферу, — он верил, что помогла, — но в его сторону больше никто не «смотрел». Зато Василий понял еще одну простую истину: незамеченным к мосту по берегу подобраться не удастся. Самандар занял где-то удобную позицию для наблюдения и легко вычислит лазутчика, как только Котов выйдет на открытое пространство.

Колебался Вася недолго. Еще раз осмотрев в бинокль шоссе по обе стороны от моста, он спустился к реке, вошел в воду и поплыл, не снимая шлема. Через несколько минут добрался до срединного быка, поддерживающего спину моста, бесшумно поднялся по скобам под ферму, на которой держался настил пеше-

ходной дорожки, и затаился, обращаясь в слух. Мгновением позже пришла уверенность, что Самандар уже подъезжает в машине к мосту.

Послышался гул автомобиля, приближающегося с небольшой скоростью. Снова Василий ощутил темный, угрожающий, ищущий взгляд, закрыл глаза, каменно твердея. Гул мотора стих, машина остановилась. Затем издалека прилетел звук мотора еще одной автомашины, и Вася узнал мотор своей «Вольво». Звук стих. Парамонов остановил машину в полусотне метров от машины Самандара. Хлопнула дверца, раздались шаги по настилу.

Затем отворилась дверца машины, остановившейся неподалеку от места, где под мостом сидел, скорчившись, Котов. Тонкий аромат духов «Ма гриф» коснулся ноздрей. Самандар не обманул, Ульяна была с ним. Вася закрыл глаза. Пришла минута подготовки.

Он представил себе, что смотрит в настоящее из будущего, что настоящее стало прошлым. Определил, как будет действовать в дальнейшем и как будут выглядеть его действия из воображаемого положения «в будущем». Потренировался в способности видеть момент действия из будущего, воздействовать на возможный результат, сделать осознанным каждое мгновение.

Человек, вылезший из машины, захлопнул дверцу, медленно двинулся навстречу тому, кто вышел из «Вольво» в начале моста. Василий подтянулся на руках, мягко перевернулся, так, чтобы ноги легли на край настила, и одним движением, в котором слились толчок, скольжение, кувырок назад, встал на ноги, мгновенно охватывая зрением панораму моста.

Джип с затемненными стеклами, в котором приехал Самандар, стоял в пяти шагах справа. Обычный человек вряд ли разглядел бы в кабине седока, но Вася находился в состоянии турийи, или меоза, то есть в состоянии просветления, боевого ментального озарения, и диапазон его зрения превосходил интервал зрения нормального человека. Ульяна сидела на заднем сиденье и, судя по ее неподвижности, спала или находилась под наркотическим воздействием. На появление Василия, похожего в своем спецкостюме на кибер-солдата, она не отреагировала.

Самандар, одетый в черную куртку и темные брюки, шел по направлению к машине Василия, из которой вылез Парамонов и двигался навстречу Вахиду Тожиевичу с длинным пеналом контейнера в руке. Через несколько шагов они должны были встретиться. И тут Василий допустил ошибку. Ему следовало бы сесть в кабину джипа и просто уехать отсюда, спасая Ульяну. Вместо этого он поднял прозрачное забрало шлема и крикнул:

— Вахид! Я здесь!

В тот же миг ему показалось, что на голову рухнула железная опора фонаря.

БОЙ НА КАЛИНОВОМ МОСТУ

Он летел вниз, в черный дымный колодец, и не было конца этому падению...

Вспышками на фоне то скользких, покрытых плесенью, то пышущих жаром стен колодца мелькали искаженные лица не то людей, не то монстров с глазами насекомых...

Изредка торчащие из стен острые когти вонзались в тело, и тогда страшная боль раздирала Василия от макушки до пят, но кричать он не мог — во рту торчал не язык, а свинцовый кляп...

Наконец он достиг твердого дна и разбился на сотни и тысячи мелких стеклянных осколков, испытав последний и самый страшный приступ боли...

Однако вопреки ожиданию он не умер! Стеклянные осколки тела собрались в ажурный воздушный шар, и тот поплыл вверх, сквозь фиолетовую толщу воды к небу, свету и свободе...

Всплыл! И Василий испытал шок! Колодец и вода были только иллюзией, созданной воображением. Он лежал лицом вниз на асфальте и чувствовал себя так, как чувствовала бы пуля, вонзившаяся в толстую броневую пластину. Скачком вернулась память: его ударили сзади по затылку!.. Голова закружилась, острые коготочки рванули глазные яблоки, впились в десны, в распухший язык... Нет, в него стреляли, в спину! Правда, попали почему-то в затылок... Чушь!

Снова закружилась голова, волна слабости разлилась по телу, но Василий стиснул зубы и переборол этот приступ. Память вернулась окончательно.

В него действительно стреляли! Но не из обычного оружия. Самандар выстрелил в него из «болевика», то есть из генератора боли «пламя». Однако «тюбетейка» ослабила мощность луча и, по сути, спасла хозяину жизнь. Что ж, не зря он возился с генератором защиты целый год...

Василий скосил глаза на руку, с трудом отогнул манжету костюма, но определить по часам, сколько пролежал без памяти, не смог. Тогда он поднял голову и увидел, что Самандар все еще идет навстречу Парамонову! Обморок длился всего пять-шесть секунд.

Затем Василий отчетливо увидел движение Самандара. Вахид выстрелил с двух рук одновременно: из пистолета в правой руке и из «болевика» в левой. До Ивана Терентьевича оставалось метров пятнадцать, промахнуться было невозможно, и тем не менее Самандар промахнулся! Парамонов, владеющий мощным психофизическим потенциалом и надситуационной защитой — техникой уклонения от психического удара, просто отклонил взгляд Самандара, заставил его выстрелить по несуществующей цели.

Однако долго этот поединок «И» — разумов-воль Посвященных — продолжаться не мог. Принципиальный противник применения огнестрельного оружия, Иван Терентьевич не имел шансов выстоять против человека, равного ему по ментальной и психофизической силе, но вооруженного в ином, «мирском» плане.

Второй залп Самандара тоже ушел в пустоту. И в этот момент Василий встал на ноги, ощущая себя так, будто в теле лопаются сухожилия и крошатся кости, и перешел на темп.

— Вахид!

Самандар действовал моментально, выстрелив в Васю с полоборота, с двух рук, но и Василий не стоял на месте, также пустив в ход оружие — пистолет «вепрь». Две пули вошли в бок Вахиду Тожиевичу, еще две выбили из его руки «болевик» и отбросили Самандара к перилам моста. Он успел выхватить еще один пистолет, но вторая, злая и точная, очередь прошила ему руку. Самандар уронил оружие, исчезнувшее под мостом, пошатнулся, держась за перила уцелевшей рукой.

По мосту проехала машина, замедляя ход, и Вася махнул водителю пистолетом: проезжай!

— Вахид, Вахид, — тихо проговорил Парамонов, подходя к бывшему приятелю. — Ты же знаешь формулу: власть — это всегда охранение незнания! Тебе-то зачем нужна власть?

— Я не хочу ждать, пока Собор Круга решит, что я достоин быть в числе избранных, — сквозь зубы процедил Самандар. С губы его сорвалась капля крови, упала на руку, которую он прижал к груди.

— Рана серьезная? — нахмурился Иван Терентьевич. — Мы можем доставить тебя в больницу.

— Спасибо, обойдусь, — криво усмехнулся Вахид Тожиевич. — К тому же по человеческим меркам я вас предал...

— Каждый имеет право на ошибку.

— Но не Посвященный I ступени. Иван, не надо сантиментов, ты же понимаешь, что я бы убил вас, не задумываясь...

— Иван Терентьевич, в машину! — крикнул издали Василий, вынося из джипа безвольное тело Ульяны.

— Прощай, — сказал Парамонов.

Самандар побрел прочь, остановился, когда мимо проходил Котов, и они несколько мгновений смотрели друг другу в глаза, потом Василий пошел дальше, хотя душа его горела и требовала мщения. Ульяна пришла в себя уже в машине, но была слаба, чтобы благодарить и вообще анализировать ситуацию. Она просто улыбнулась Василию одними глазами, когда тот размещал ее на заднем сиденье «Вольво», и Васе было этого достаточно, что-

бы почувствовать себя если и не на седьмом небе, то где-то поблизости.

Однако уйти победителями им не дали. Хотя, с другой стороны, все могло закончиться гораздо хуже: произошло очередное пересечение операций, и Посвященные разных уровней и групп помешали друг другу.

Парамонов услышал приближение опасности первым. Он вдруг перестал устраивать контейнер в кабине «Вольво», замер на мгновение и, бросив:

— К нам гости! — рванулся к оставленному Самандаром джипу. Василий, все еще не пришедший в себя от выстрела из «болевика» и потерявший поэтому на некоторое время свой природный дар интуитивного озарения, осознал опасность в момент ее появления.

С двух сторон шоссе на мост выскочили две знакомые Василию машины — джип «Крайслер» и микроавтобус «Синержи», резко развернулись, и на асфальт выпрыгнули такие же «кибер-солдаты» — люди в спецкостюмах, как и сам Котов. Это было подразделение КОП, высланное Рыковым.

На несколько мгновений установилась тишина, не нарушаемая даже отдаленным гулом автомобильных моторов. Василий сделал шаг навстречу первой цепочке «копов», узнавая Максима Усова и Бороду, Дмитрия Лысцова. Парамонов сел в джип, берясь за ручку переключателя скоростей.

Затем они начали действовать каждый по-своему.

Иван Терентьевич, двигаясь со скоростью, недоступной даже таким асам, какие были в КОП-команде, рванул джип в конец моста и ударом в бок сбросил микроавтобус с дороги, придавив двух замешкавшихся с высадкой пассажиров, шофера и командира группы полковника Каледина. Один из «копов» успел выброситься к бордюру пешеходной дорожки и открыл по джипу Парамонова огонь из «вепря». К нему присоединился шофер. Остальные «копы» пришли в себя не скоро.

Ситуация по другую сторону моста несколько отличалась от этой.

— Макс, это я! — крикнул Василий, срывая с головы шлем. — Что вы тут делаете?

— Огонь! — негромко скомандовал Темир Жанболатов, поднимая ствол «вепря».

Но его приказу никто не подчинился, во всяком случае, сразу. В «Крайслере», подъехавшем со стороны Заокского, было всего четверо «копов» во главе с Жанболатовым, и из них лишь новенький, недавно принятый Калединым член отряда не знал Василия и открыл огонь. Но успел дать лишь одну очередь, затем пуля, выпущенная Василием из «вепря», попала ему в не защи-

щенный забралом подбородок, и парень упал, все еще нажимая на спусковую скобу пистолета-пулемета. Очередь прошила багажник «Вольво», прочертила дорожку в асфальте моста и заглохла в боку Бороды. Лысцов с недоумением оглянулся и упал рядом.

— Не стреляйте, черт вас возьми! — крикнул Василий, все еще не определивший, как себя вести в этой ситуации. — Где полковник? Давайте объяснимся.

— Темир, это же Котов, — неуверенно проговорил Усов. — Мне никто не говорил, что он...

— Огонь! — ударил его в бок ногой Жанболатов и дал длинную очередь крест-накрест, перечеркивая ставшую вдруг зыбкой двоящуюся фигуру Котова. К его стрельбе добавилась и очередь Усова, хотя и не прицельная, но такая же опасная.

В тот момент Василий не знал, что спасла его Ульяна, постепенно приходящая в себя. Ее раппорт подействовал на сознание «копов», и они теперь стреляли на метр в сторону, туда, где видели противника. А потом Василий, преодолев наконец приступ слабости и нерешительности, вошел в темп.

Максиму Усову он прострелил руку и вывел из строя. С Жанболатовым же схлестнулся уже в ближнем бою, достав его в тот момент, когда тот менял в пистолете магазин.

Бой был скоротечным. Темир Жанболатов хорошо владел оружием, в том числе и холодным. Он вспорол Василию комбинезон на спине острейшим тесаком, однако приемы рукопашного боя знал в объеме не выше третьего дана карате и, дважды пытаясь атаковать Котова прямым кири-коми, на третий раз нарвался на ука-кимэ итиё[1], и жалеть его Вася не стал, придавая ответу смертельную силу космек.

Не дожидаясь развязки боя, Василий метнулся на помощь Ивану Терентьевичу, джип которого сбил одного из «копов», но подскочил на бордюре и опрокинулся набок, едва не проломив перила моста. Вася успел как раз к моменту, когда бойцы КОП сменили магазины в своих «ТП-95» и открыли огонь по кабине джипа с двух сторон, превратив ее в дуршлаг.

Одного Василий ранил выстрелом в ногу, у второго выбил из руки пистолет, не собираясь его убивать. Это был Вахтанг Гургенидзе, классный минер и подрывник, хороший стрелок из лука и арбалета.

— Уходи! Забирай Костю и уходи, пока жив!

Раненный в ногу, Сергей Лямин поднял «вепрь», но Василий опередил его, целясь в руку. Лямин отшатнулся и упал. Но не от выстрела Василия. Стреляли из-за спины, откуда-то с берега, из

[1] Ука-кимэ итиё — блок и удар как одно целое.

мощной снайперской винтовки типа «SLARM-650» калибра 14,5 миллиметра. Пуля попала Лямину прямо в затылок, пробила шлем и разнесла на выходе все лицо. Затем упал и Гургенидзе с пулей во лбу, разбившей забрало шлема.

Парамонов, высунувшись из кабины джипа, посмотрел в ту сторону, напрягся. Сказал Василию, едва двигая губами:

— Беги, быстрее! Я их подержу.

— Я сейчас обойду их берегом и...

— Беги! Спасай Улю. Это личная команда зомби Носового! Он тоже где-то неподалеку...

— Уйдем вместе, успеем...

— Беги!

Василий скрипнул зубами и бросился к своей машине, чувствуя, что сил на поддержку сверхскоростного режима уже не хватает.

Он вскочил в кабину «Вольво», встретив взгляд ожившей Ульяны. Не удержался, поцеловал ее в губы. Потом завел двигатель, подал машину влево, объезжая «Крайслер» КОП, и остановился, услышав какой-то гул. Высунув голову в боковое окно, увидел зависший над мостом вертолет. Озарение пришло мгновением позже: прилетел Хейно Яанович Носовой собственной персоной. Застыв, Василий смотрел на вертолет как сквозь слезы, потом ругнулся беззвучно и выскочил из машины, стремительно набирая темп.

Он знал, что КОП всегда возила с собой целый арсенал и знал также, что и где искать. Вскочить в джип Жанболатова, вытащить из-под заднего сиденья плоский ящик с оружием было делом одной секунды. Еще одна секунда ушла на заряжание гранатомета «скорпион» кумулятивным зарядом и две секунды — на прицел и выстрел.

Затем Василий с плеском нырнул в темноту беспамятства, получив мощнейший шоковый пси-удар от Носового. Но Хейно Яанович, отвлекшийся на борьбу с Парамоновым в ментальном поле, опоздал со своей реакцией на действия Котова. Граната калибра 52 миллиметра, способная пробить кирпичную стенку толщиной в триста миллиметров или железобетонную в двести, вошла под углом в днище вертолета и взорвалась внутри, оторвав Хейно Яановичу руку. Вертолет клюнул носом, задел винтом осветительный столб и рухнул на перила моста, переваливаясь в воду. Взорвался он уже под мостом.

Но ничего этого Василий уже не видел и не слышал. Не увидел он и того, как Парамонов подхватил его на руки, перенес в машину и умчался прочь от места боя, к которому уже с воем мчались из города машины милиции и ОМОНа, поднятых по тревоге.

Все это время — время боя Котова и Парамонова с командой КОП, а затем с отрядом зомби Носового и с ним лично — Самандар провел под мостом. Вахид Тожиевич знал, что Носовой идет по его следу и вот-вот настигнет, поэтому и подготовил встречу с Котовым таким образом, чтобы подставить его под удар Хейно Яновича, но немного не рассчитал время встречи. Впрочем, все закончилось для него неожиданно хорошо, даже лучше, чем если бы в бой вмешался он сам. Вахид Тожиевич был не настолько серьезно ранен, к тому же мог свободно «зашить» себя сам, но вмешаться в бой и помочь бывшим соратникам по борьбе с Монархом Тьмы он и не подумал.

ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКОВ

Они нашли его в двух километрах от места событий.

Хейно Янович Носовой, потерявший руку при взрыве гранаты и глаз при взрыве вертолета, получивший множество ранений, большинство из которых были бы смертельными для нормального человека, все-таки выбрался из развороченной кабины, проплыл под водой сто метров и выполз из Оки на противоположный топкий берег в районе плавней. Мало того, он успешно залечил некоторые открытые раны, остановил кровь, хлеставшую из артерий предплечья, и срастил сломанные ребра, мешающие ему дышать. Если бы у него было достаточно времени, он наверняка бы восстановил свой организм полностью. Но времени ему не хватило.

Рыков и Юрьев, примчавшиеся к месту происшествия со своими обоймами спустя три часа, обнаружили Хейно Яновича по его энграмме — психическому следу, оставленному борющимся за жизнь подсознанием Носового на местности. Следов на мосту вообще-то было оставлено много, однако разбираться в них временным союзникам в борьбе за власть было недосуг, да и сильно мешали подразделения милиции и следственных органов. Главное, что поняли двое из Девяти: здесь произошел бой между Посвященными, в результате которого контейнер с «глушаками» снова исчез. Но далеко отсюда его перевезти не могли, контейнер прятался где-то на территории Рязанской области.

— Привет, маршал, — сказал Юрьев, оглядывая раненого, который, в свою очередь, пристально разглядывал их уцелевшим глазом. — Кто это тебя так?

Носовой молчал.

Юрий Венедиктович оглянулся на мост через Оку в двух километрах отсюда, освещенный прожекторами милицейских «уазиков».

— Недалеко ты ушел, маршал. Что ж не помогли твои «эсэсовцы»? Плохо инструктировал? Вон у Германа люди научены по-другому.

Рыков, стоявший за спиной Юрьева, в свою очередь взглянул на мост, на цепочку своих зомби-«чистильщиков», охраняющих тылы, на группу поддержки Юрьева из семи человек, держащуюся в стороне, которой командовал Валерий Шевченко, и ничего не сказал.

— Где контейнер? — задал он наконец вопрос после продолжительного молчания.

— У Котова, — хрипло проговорил Носовой.

— У Котова? — удивился Юрий Венедиктович. — Ты хочешь сказать, что с тобой справился обыкновенный воинственный мальчишка, непосвященный?

— Ему помогли...

— Кто, если не секрет?

— Посвященные I ступени. Парамонов... Самандар...

— Самандар? — поднял голову Рыков.

Носовой мстительно усмехнулся.

— Что, думал, он на твоей стороне? Ошибаешься, Судья. Контейнер был у него... а теперь у Котова. Ищи, если найдешь.

— Найду, — равнодушно сказал Рыков. — Ты мне помешать уже не сможешь, а с Парамоновым и Самандаром я справлюсь.

— Ну-ну, хотелось бы поглядеть. Как в той поговорке: не хвались, идучи на рать...

К Рыкову подошел один из его телохранителей, сказал, понизив голос:

— Из девятки КОП в живых осталось четверо, все они под охраной ОМОНа отправлены только что в Рязань.

— Каледин?

— Жив, но тоже отправлен вместе со всеми.

Рыков думал недолго.

— Всех ликвидировать! Без особого шума. В руки федералов они попасть не должны. Бери своих и перехвати колонну до Рязани. Успеешь?

Телохранитель кивнул, дал команду по рации, и группа Рыкова растаяла в ночи.

Носовой хрипло, с кашлем, засмеялся.

— Лихо ты расправляешься со своими подчиненными! Не оправдали надежд? Правильно — в расход! Зачем лишние свидетели? Они опасны не только президенту.

— Прощай, Хейно, — тихо проговорил Рыков.

Носовой перестал смеяться, поднял уцелевшую руку, словно пытаясь защититься, но бессильно уронил и затих. Юрьев выта-

щил из кармана куртки гипноиндуктор «удав», направил в лоб Хейно Яновичу. Тот презрительно скривил губы.

— «Глушаком» меня не возьмешь, Юрий Венедиктович. Надо бы чем-нибудь помощней.

— Это не просто «глушак», — сказал Юрьев. — Это суггестор, модулированный кодоном.

Глаз Носового раскрылся шире, засветился по-кошачьи.

— Так вот зачем вам понадобились «удавы»! А я-то ломал голову... Не боитесь качать вакуум такими игрушками? Вдруг услышит Монарх? Ведь это его игрушки? Как они, кстати, попали сюда? Уровень кодона — уровень иерарха...

— Ты прав, кодоны достал Креспо и отвечает за их применение он. Прощай, Хейно...

— Подождите, давайте договоримся! — С губ Хейно Яновича слетела трасса голубых искр, вонзилась в грудь Юрьева, но тот уже нажал на спуск... и ничего не произошло! Только тело Хейно Яновича скрутило, выгнуло, как от электрического разряда. Отпустило. Он застыл, расслабился, открыл рот... Юрьев нагнулся к нему, встретил бессмысленный взгляд единственного глаза и выпрямился.

— Не сработал? — тихо спросил Рыков.

— Пошли. — Юрьев спрятал «глушак», повернулся и зашагал прочь по бурьяну, обходя овраг, туда, где стояли их машины.

— А он? — догнал Юрия Венедиктовича Рыков.

— Кодон фрустирует личность, — буркнул Юрий Венедиктович. — Разум Хейно покинул его, физически убивать его нет смысла.

В кабине второго рыковского «крайслера» они посидели несколько минут молча, думая о своем. Потом Юрьев достал плоскую фляжку, хлебнул, протянул соседу.

— Глотнешь? Коньяк.

Рыков покачал головой, и Юрьев спрятал фляжку.

— Итак, приходится решать проблему заново. Как же твой хваленый Самандар оплошал-то?

— Хейно солгал. Вахид — слуга реальности, он, можст быть, и отдал контейнер Котову, но лишь после поражения в борьбе, а не добровольно, по договоренности. Слишком сильно он увлекся идеей вхождения в Союз.

— Зачем он тебе нужен? Ты же не собираешься всерьез вводить его туда?

— Самандара лучше видеть в числе союзников, а не врагов. Он мне еще понадобится, особенно для нейтрализации Ивана Парамонова.

— Котова ты в расчет не берешь?

— Котов без Парамонова и вообще Посвященных — ноль...

— Однако твою КОП-команду уметелил за милую душу. Сдается мне, ты его недооцениваешь. Ладно, какие предложения имеются?

— Сначала найти этих двоих, уничтожить и забрать контейнер. Потом захватить детсад...

— Зачем? — хмыкнул Юрьев.

— Нам нужен Соболев, так? Захватим детсад и объявим ультиматум: мол, меняем заложников на Соболева. Он согласится, а там один выстрел из «глушака» с кодоновой модуляцией, и он наш!

— Весьма своеобразное решение. Не проще ли все же захватить его семью? В случае детсада может произойти огласка, вмешаются федералы, ОМОН...

Рыков щелкнул каким-то рычажком на панели управления «Крайслером», горящий в окошечке номер А-003КК сменился на другой: М-111МН.

— Что это? — полюбопытствовал Юрьев.

— Новинка одной из наших лабораторий — жидко-кристаллический номер на машине. Не надо менять в случае чего, скомандовал с пульта — появился новый номер.

— Хорошие головы сидят в наших лабораториях. Ну так что?

— Идея похищения семьи слишком стандартна. Боюсь, Соболев предпринял защитные меры.

— А мы не полезем на рожон, сначала выясним. К тому же он один, нас двое. А если еще привлечь Кирилла и Виктора...

Рыков тронул машину с места. Две остальные машины, набитые отрядами телохранителей, двинулись следом, не включая фар.

Светало. Стали видны домики Заокского, сады, холмы за рекой. Над водой поплыли языки тумана.

Объехав стороной мост, где продолжали работать следственные бригады МВД и ФСБ, не пропуская выстроившиеся в очередь автомобили, машины Рыкова и Юрьева повернули к Рязани.

В понедельник, семнадцатого июня, в двенадцать часов дня, к дому, где жили Сумароковы, подкатила незаметная серенькая «шестерка» с двумя пассажирами.

Несколько минут пассажиры сидели в кабине, рассматривая двор, играющих детей, автолюбителей, возившихся возле гаражей, потом тот, что сидел на месте водителя, кивнул соседу:

— Это он.

Пассажир «шестерки» вышел из машины и приблизился к играющим в футбол мальчишкам, крикнул:

— Стас!

Один из футболистов оглянулся, замедлил бег, остановился, пытаясь узнать того, кто его окликнул.

— Стас, подойди, — махнул рукой мужчина в строгом синем костюме с галстуком и, когда парень подошел, спросил: — Ты меня не узнаешь?

— Не-а, — покачал головой Стас, не видя, как водитель «шестерки» достает черный пистолет, наводит на него и стреляет.

Ноги у мальчишки подкосились, и он непременно упал бы, если бы мужчина в синем костюме не поддержал его.

— Я друг твоего папы, — с расстановкой сказал мужчина. — Меня зовут дядя Юра. Вспомнил?

— Вспомнил... друг... — еле слышно прошептал Стас. — Вспомнил... друг...

— С твоим папой случилась беда, надо сообщить маме и ехать к нему.

— Беда?! С папой?! — Из глаз мальчика брызнули слезы. — Поехали! Я сейчас позову Крис.

Мужчина едва успел схватить его за руку, проворчал подошедшему водителю:

— У него гиперреакция на внушение. Все тихо?

— По всем векторам нули, за домом никто не следит. Даже странно, что все так тихо.

— Идем за его матерью, пока мы контролируем ситуацию.

— Она не его мать. Стас — приемный сын.

— Какая разница! «Глушак» на всякий случай прихвати, кто знает, как отреагирует жена... на «друга» семьи.

Втроем с мальчишкой они зашли в подъезд, поднялись на третий этаж и позвонили в обитую коричневым дерматином дверь квартиры, где жили Сумароковы: отец, мать и бабушка Кристины. Дверь открыла сама Кристина, но понять ничего не успела, раппорт Рыкова заблокировал ее сознание с ювелирной точностью, подавив волю, но оставив слабую реакцию на концентрированные смысловые поля.

— Крис, там с папой беда! — закричал было Стас и замолчал, стиснутый раппортом Юрьева.

Глаза Кристины расширились, ее подсознание, тренированное Матвеем, пыталось освободиться от наведенного психофизического состояния, однако мыслеволя Рыкова была сильнее.

— Пойдемте вниз, в машину, — сказал с максимальной доброжелательностью Герман Довлатович. — Ваш муж попал в беду, ему нужна помощь. Возьмите одежду и выходите, мы подождем.

Кристина кивнула, деревянно повернулась и зашла в квартиру. Там заговорили женские голоса: мать женщины и бабушка спрашивали, что случилось. Усилием воли Рыков взял их мыслесферы под контроль, голоса стихли.

Через минуту вышла Кристина, одетая в джинсы и блузку свободного покроя, с сумочкой в руках. Глаза ее были полузакрыты, губы что-то шептали, лицо быстро менялось, бледнело.

— Быстрее! — как бичом щелкнул голос Юрьева.

Все четверо сбежали вниз, сели в машину, и в тот же момент Кристина потеряла сознание. Мальчишка еще держался, но был как пьяный, то закатывал глаза, то начинал плакать.

— У нее тоже гиперреакция на внушение, — сказал Юрьев. — Не нравится мне это. Гони, парни засекли какого-то незнакомца на «мерсе», едет в нашу сторону. А береженого Бог бережет.

Рыков спокойно выехал со двора, и тотчас же группа наблюдения и поддержки, подготовившая этот поход, посыпалась в машины, расставленные вокруг дома, приводя в действие стандартный план отсечки погони. Но погони не было.

Матвей Соболев находился в этот момент далеко отсюда, не в Рязани или в Москве и даже не в Санкт-Петербурге, он был в Греции, в местечке, известном под названием Метеора.

Василий Котов же с Парамоновым и Ульяной отходили после боя на мосту, не слишком прислушиваясь к эфирному эху событий, происходящих в Рязани. Похищение семьи Соболева осталось незамеченным.

БХУДЖАНГАСАНА

Юрьев не стал дожидаться финала поисков контейнера в Рязани. Сославшись на важные дела, он оставил Рыкова с семьей Соболева за городом, на теплоходе «Максим Горький», принадлежащем администрации президента, и уехал в Москву.

С одной стороны, дела его и в самом деле ждали, с другой — Юрий Венедиктович не слишком жаждал контакта с Матвеем Соболевым, оценив его потенциал еще при встрече в Питере. А еще у него был тайный расчет на нейтрализацию Рыкова, который шел к намеченной цели семимильными шагами.

Конечно, можно было отправить Германа вслед за Носовым в «область смыслового хаоса», превратить с помощью кодона в идиота, но кодон работал не как фильтр, постоянно модулирующий излучение «глушака», а как разовый контур и был рассчитан всего на три импульса. Во всяком случае, именно так объяснил его действие Бабуу-Сэнгэ, передавая пульсирующий, теплый, шелковистый на ощупь, буквально живой «желудь» кодона Юрьеву.

— Это копия, — сказал он. — Матрица кодона остается у меня. Уровень данной копии — Эхейх-Гамчикот, если вам это что-то говорит.

Юрий Венедиктович кивнул. Он знал, что кодон может реализовать пять уровней одной из девяти Сил подчинения, Сил Бога, как их называли. Уровни были зашифрованы текстами каббалы под названиями: Чайгидиель — Дьявольская Мудрость, Сатариал — Дьявольское Понимание, Гамчикот — Дьявольское Милосердие, Голаб — Дьявольская Жестокость и Тогарини — Дьявольская Красота. Последний уровень был самым мощным и неотразимым и в то же время опасным для обладателя.

— Как только получу «удавы», вы получите кодоны всех уровней, — добавил настоятель Храма Гаутамы. — Надеюсь, это произойдет скоро.

И Юрьев проглотил обидный тон реплики.

Вернувшись в Москву, он встретился с Блохинцевым, который не рискнул участвовать в прямых разборках с Посвященными, обменялся с ним информацией и стал ждать известий из Рязани. Но вечером в тот же день с ним связался Бабуу-Сэнгэ, причем не по телефону через спутниковую связь, а через ментал!

Откровенно испуганный, Юрий Венедиктович открыл свой личный пси-канал, защищенный каскадом виртуальных энергетических уплотнений.

«Бабуу, вы?! Что случилось?»

«Соболев ищет эйнсоф!»

«Откуда вы... Не может быть! Он же не знал. Сведения проверены?»

«Не отвлекайтесь на пустые эмоции. Соболев свободно ходит по менталу, не хуже нас с вами, несмотря на пороговый запрет. Он ощупал почти все храмы и соборы на всех континентах, сейчас он в Метеоре...»

«Где?!»

«Я же сказал: отключите свою эмоциональную сферу. Он был в Метеоре, где проходил Большой сход координаторов всех Союзов Неизвестных, и теперь знает о цели схода».

«Откуда у него сведения об эйнсофе?»

«Скорее всего от Хранителей, они ему почему-то благоволят. Но, зная о существовании «зоны пересечений миров», он не ведает ее координат. Пока. Если узнает и доберется туда, произойдет новое Изменение реальности, и, боюсь, нам в той новой реальности не будет места».

«Значит, надо, чтобы он не добрался».

«Перехватите его во что бы то ни стало! Вы еще не использовали кодон?»

«Один раз».

«Кто?»

«Носовой».

Недолгое молчание в эфире ментального поля.

«Хорошо. Соболев взял билет на самолет Мадрас — Рим — Париж — Москва. Вылет в десять утра по Москве».

«Может, не стоит торопиться с перехватом? У нас его семья».

«Какого дьявола?! Извините. Чья это идея?»

«Рыкова. Но я поддержал».

«Я лечу к вам, ждите. Если с семьей Соболева что-нибудь случится, мы проиграли!»

«Я так не считаю. Заложники всегда были инструментом давления, и, смею вас уверить, неплохим инструментом».

«Вы не понимаете. Соболев — незавершенный аватара, одно из воплощений Будды, если хотите. На пределе воли он способен инициировать эйнсоф даже на расстоянии... Правда, он этого не знает».

«Что же делать?»

«Пора принимать бхуджангасану[1]».

Юрьев понял. Принять позу змеи в символическом смысле означало принять стойку для нанесения удара.

«Что должен делать я?»

«Немедленно приступайте к разработке плана уничтожения всех трех эйнсофов: одного на нашей территории, двух других в Египте и в Австралии. Нужны точечные ядерные удары по соборам и храмам. Носитель — ракета класса «земля — земля», но в принципе удар можно нанести и с воздуха, с самолета, и с подводной лодки. У вас есть связи во всех военных сферах, рассчитайте доступ, прикиньте, кого надо запрограммировать... Короче, нужен детальный план».

«Но ведь эйнсоф разрушить нельзя...»

«Мы уничтожим соборы, города, точные координаты эйнсофов будут потеряны, а радиация в месте удара не позволит Соболеву какое-то время бродить по руинам. Мы же, собравшись вместе, нейтрализуем его. Все поняли?»

Юрьев, ошеломленный перспективой, молчал.

«До встречи, — добавил Бабуу-Сэнгэ. — Я пошлю своих людей на его перехват сам. Не отвлекайтесь. Давайте план».

Канал связи через ментальное поле Земли истончился, растаял.

Юрий Венедиктович, сидевший дома в своем любимом кресле перед телевизором, так и остался в позе ослепленного жутким видением человека. Потом стряхнул оцепенение и перешел в кабинет, где стоял компьютер. Бабуу сравнил план уничтожения эйнсофа с позой змеи, готовой к броску, но Юрьев далеко не был уверен, что сможет принять бхуджангасану. Ворочая миллионами, управляя коллективами людей, властными структурами, он

[1] Бхуджангасана — поза змеи (*йога*).

не был готов к личному участию в напряженном действии. Жить хотелось без особого риска, нажимая на рычаги управления государством издали, дистанционно. Умирать должны другие, но не Посвященный II ступени, добравшийся до заветной цели — власти.

ПЕРЕХВАТ ПОСВЯЩЕННОГО

В парижском аэропорту в самолет сел какой-то монгол или калмык, и Матвей сразу обратил внимание на его поведение: пассажир явно находился под наркотическим трансом или же был болен синдромом «вечеров коктейлей», характерным признаком которого является атаксия — нарушение координации. Матвей попытался мысленно прозондировать его, но с удивлением натолкнулся на умелый блок, пробить который с первого раза не удалось.

Тогда Матвей сел в кресле удобнее, закрыл глаза и приступил к дыхательной медитации. Расслабился, успокоился. Замедлил дыхание. Вдох — пять секунд, выдох — десять. Кашлянул, снимая напряжение. Ничего, это нормально... это естественно... Вдох — выдох... вдох — выдох... Начал слышать звуки внутри себя, несмотря на гомон и суету посадки... Хорошо...

Кто-то коснулся руки... стюардесса! Матвей остановился на дороге, ощутив беспокойство. Черт, сбился с потока! Придется все сначала...

Оставаясь неподвижным, он «оглянулся» вокруг. Появилась иллюзия игры света на воде... Очаровательно! Умненький объект попался, не хочет раскалываться... Возвращаемся к дыханию... вдох — шесть секунд, выдох — двенадцать...

Появились странные огромные летящие птицы, роняющие яйца в океан... Кала-ханса, Птица вне времени и пространства, центральный персонаж индийской мифологии... Это узел напряжения, надо отстроиться от него... Вдох — выдох... Птица бледнеет, остается чистый голубой фон свечения...

Голова становится легче, светлее, увеличивается в размерах — это расширяется сознание... Хорошо, идем дальше...

Продолжая следить за дыханием, Матвей воспарил над Миром и одновременно заполнил собой Мир изнутри. Включился третий глаз. Вот он, объект беспокойства — гигантский кочан капусты с тлеющим угольком внутри. Огонек — деструктивная программа в сознании монгола... нет, все-таки калмыка, а капустные листья — чужой блок. Так, теперь осторожненько развернуть «капусту»... Что там внутри?

Удар по нервам был не слишком сильным, но неожиданным, заставив Матвея сжаться и отступить. Однако кое-что понять он успел.

Калмык был кем-то послан, неважно — кем, для того, чтобы просто взорвать самолет в воздухе. Вместе с собой. Этот мужчина являлся запрограммированным камикадзе, имея под костюмом два жгута пластиковой взрывчатки, способной разнести лайнер на куски.

Почувствовав тошноту и слабость, вспотев, как в бане, Матвей отступил еще дальше, стараясь не спугнуть дремлющее сознание пассажира, настроенное на выполнение приказа. Надо было подумать, как обойти сторожевую команду.

Самолет пошел на взлет. Стюардесса снова продефилировала мимо Матвея, поглядывая на «уснувшего» пассажира, но на этот раз не тронула.

Продолжая дышать в замедленном ритме, Матвей отстроился от всего, что мешало, даже от мыслей, и снова принялся шевелить «капустные листья», уворачиваясь от шипящих «гадюк», подстерегающих его в глубинах психики запрограммированного. Огонек в центре «капусты» стал ярче, и, как только последний «лист» был развернут, Матвей послал «нежный» импульс умиротворения и расслабленности.

«Успокойся, все хорошо...»

Калмык (нет, все же бурят, зовут Алаг Дагдаган, шестьдесят шесть лет, монах из Храма Гаутамы, посланник Бабуу-Сэнгэ) успокоился.

«Все хорошо... все отлично... Теперь ты должен встать...»

Пассажир щелкнул пряжкой ремня.

«Иди в хвост самолета... так надо! Не волнуйся...»

Бурят послушно направился в хвостовую часть «Боинга».

«Спускайся вниз... Все хорошо, ты идешь выполнять задание, ради которого прибыл... Не обращай внимания на стюардессу, она работает, выполняет свои обязанности...»

Частью волевого потока Матвей вошел в сознание стюардессы, приказал ей вернуться в салон и забыть о пассажире с ликом Будды.

«Спустился? Хорошо... мы делаем все правильно... не спеши, иди дальше... Здесь есть люк... ищи люк...»

Монах, озираясь, застыл посреди грузового отсека, заставленного стеллажами и контейнерами, нашел овал аварийного люка.

«Молодец, как здорово ты все понимаешь... Подойди, сейчас мы с тобой выполним задание и получим награду... получим награду... Ну, конечно, наградой будет нирвана, слияние с Пустотой, с Ним!.. Берись за кремальеры, поворачивай... держись... теперь дерни люк за ручку на себя и в сторону... прыгай!»

Монах Дагдаган послушно сделал шаг в пустоту, и в ту же секунду откуда-то извне пришла команда, ощутимая Матвеем как вспышка бледного алого сияния. Тот, кто контролировал по-

сланца, приказал ему взорвать мину. Монах послушался, но взрыв произошел уже в полусотне метров от «Боинга», слегка подбросив его хвост воздушной волной.

В салоне закричали пассажиры, самолет пошел на снижение, хотя летчики ничего еще не поняли. Разгерметизации не произошло, самолет еще не успел набрать рейсовую высоту, но открытый в хвостовой части люк влиял на управление. Впрочем, только до тех пор, пока его не закрыли.

Матвей, мокрый от пота, открыл глаза и встретил взгляд симпатичной стюардессы, тотчас же профессионально улыбнувшейся ему:

— Все в порядке, мсье?

— Спасибо, — улыбнулся в ответ Соболев. — Уснул. Плохой сон увидел. Где мы?

— Только что взлетели, пересекаем Сену. — Разговор шел на французском, поэтому стюардесса задала еще один вопрос: — Мсье француз?

— Мсье русский. — Матвей снова закрыл глаза, потому что улыбаться больше не мог. Он вдруг почувствовал, что Кристина и Стас в опасности и ждут его...

КАК СТЕМНЕЕТ — БУДЕМ ВРАТЬ

Баканов позвонил Первухину в полдень семнадцатого июня, когда начальник Управления спецопераций готовился к выходу «на ковер» перед директором ФСБ, ломая голову, чем его успокоить.

— Федор, мы вышли на след «глушаков».

— Да ну?! — изумленно и радостно ответил Первухин. — Где?

— В Рязани. Я задействовал свою личную группу следопытов и топтунов, пообещал каждому «железный крест» и послал в белый свет как в копеечку. Мужики землю рыли, но след обнаружили. Контейнер находится в Рязани, там с ним произошла какая-то катавасия... Кстати, твои ребята случайно не участвовали? Наблюдатели насчитали пять трупов в спецкостюмах типа «кибер», видели каких-то парней в камуфляже...

— Мои все при мне, — резко сказал Первухин.

— Да это я так, к слову. Между прочим, к этой странной заварухе подключились крупные птицы из Москвы, но...

— Кто подключился?

— Ребята видели двоих, Рыкова и Носового. Кстати, Носовой сбрендил. Его нашли у моста через Оку, раненого — без руки: никого не узнает, не говорит, писает под себя...

— Ты уверен?

— Точно, я тебе говорю: все штаны мокрые и воняет...

— Я не об этом. Какого хрена начальника информслужбы президента понесло в Рязань?! Равно как и советника по безопасности? Что там происходит, в Рязани?!

— По моим данным — все тихо. Ну, убили, правда, местного авторитета, вора в законе по кличке Боксер... так это обычное дело. Небось свои же и пришили.

— Обычное дело... а если не обычное?

— Кореши в Рязанском отделении конторы молчат... Постой! — Дыхание Баканова в трубке участилось. — А что, если виной всему «глушаки»? И все слетелись туда по этой причине?

Первухин с минуту размышлял, бесцельно перекладывая бумаги на столе.

— Может быть, ты и прав. Бондарь меня вызывает на завтра, на десять утра...

— Меня тоже.

— Значит, по одному и тому же вопросу, узнал небось подробности.

— У него свои каналы сбора информации, независимые от нас.

— Это точно. Значит, твои ребята «пасут» контейнер? Что ты намереваешься делать?

— Как стемнеет — будем брать.

— Могу подключить свою команду зомбиков.

— Не возражаю. Я уже послал туда группу из «Витязя», пятнадцать человек, но твои спецы не помешают.

— Договорились, но инструктировать будешь сам. Если возьмем контейнер, завтра будет с чем идти к директору.

— Боишься ты его? — Начальник Управления «Т» хихикнул. — Не так страшен черт, как его Бондарь... Хе-хе! Пока!

— Ни пуха...

Но Баканов уже бросил трубку и не ответил.

Интересно, подумал Первухин, кто же у нас такой смелый в верхних эшелонах, что не побоялся пойти на конфликт с конторой? И кто ухайдокал Носового до такого состояния? А главное, что все-таки делает в Рязани Герман Довлатович Рыков? Неужто и в самом деле пронюхал о «глушаках»?

СИНТЕЗ МАГИИ И ВОЛИ

Он находился в состоянии свободного бытия, отделенный от тела и сознания в его абсолютной непринужденности...

Он действовал, не понимая, что действует, не ощущая внешнего мира, не думая...

Он не воспринимал своей персональности, своей отделенности от людей, отчужденности от целостности Вселенной...

Он был в состоянии небытия, достигнув предельной реальности — состояния Ничто, о котором никто ничего толком не знал, даже Посвященные...

Он достиг полноты и глубины медитации, чего никогда ранее не достигал... И мысль об этом вдруг подхватила его, закружила и понесла к свету сквозь толщу мрака, сквозь Ничто и Небытие — к жизни...

Очнулся Василий, чувствуя себя, как сшитая из кусков боли тряпичная кукла. По сути, он стал сосудом, наполненным болью и мукой, от которых хотелось выть по-волчьи и ругаться по-человечески. Пересилив желание, он открыл глаза и увидел склонившееся над ним лицо Ульяны.

— Живой, Васенька? Очнулся? — Губы девушки приблизились, и Василий почувствовал поцелуй, от которого по нервам побежал электрический родник. И тотчас же в теле стала стихать боль... стихла, ушла, оставив приятную ломоту в костях и мышцах. Голова почти очистилась от шума лавин и взрывов, приятный свежий ветер подул под черепом, щекотные мурашки побежали по коже на затылке, спустились на шею, потекли вдоль позвоночника...

— Хватит, а то он уснет, — произнес мужской голос, и Василий узнал Ивана Терентьевича. Он, стоя у окна, пил минеральную воду.

Ульяна убрала со лба и с груди Котова руки. Боль тотчас же вернулась, но уже не столь суровая, ее можно было терпеть. К тому же организм начал бороться с ней сам, и Васе ничего не стоило подключить к этой борьбе свои внутренние резервы. Через несколько минут он смог встать.

— Который час?

— Половина второго дня.

— День?

— Понедельник, семнадцатое июня.

— Год?

Ульяна оглянулась на Парамонова, с тревогой посмотрела на больного.

— Ты бы еще спросил, какой век и какое тысячелетие.

— А какое тысячелетие?

Иван Терентьевич рассмеялся.

— Согласно традиции, идет шестое тысячелетие Калиюги, которое началось семнадцатого февраля три тысячи сто второго года до рождения Христова. Ну а Калиюга входит в двадцать восьмую Махаюгу седьмой Манвантары нынешней Кальпы, ко-

торая, в свою очередь, является первым днем пятьдесят первого года жизни Брамы.

— Спасибо. Теперь хоть буду знать, в каком времени застрял.

Вася внезапно почувствовал облегчение, будто сказанное Парамоновым послужило успокоительным средством.

— Где я?

— У моего дяди, Харлампия Игнатовича, мы здесь уже были.

— Это тот, с винным подвалом?

— Я же говорил, что он быстро оклемается, — снова засмеялся Парамонов. — Если уж юморить пытается... Как себя чувствуешь, герой?

— Как футбольное поле, — пробормотал Василий, — на котором в футбол играли слоны и носороги. Что со мной произошло?

— Ты попал под астральную атаку Носового. До сих пор удивляюсь, как тебе удалось ее выдержать.

Василий потрогал рукой голову, сеточки «тюбетейки» не нащупал и вопросительно посмотрел на Ульяну. Девушка кивнула.

— Может быть, твой генератор и помог отбить атаку, взял на себя часть излучения. Но в принципе ты защитился сам. Я же говорила: у тебя есть потенциал, задатки экстрасенса, надо их усиленно развивать. Пси-выпад Носового — раппорт пронзил твою эфирно-энергетическую оболочку, смял эмоциональную — витальную и сильно изменил интеллектуальную — ментальную, но разрушить весь энергоинформационный каркас не смог. Так что ты теперь битый, но живой.

— За битого двух небитых дают, — сказал Парамонов, не переставая к чему-то прислушиваться. — Ульяна помогла тебе преодолеть наведенное психофизическое состояние, сняла чужие деструктивные блоки, но тебе надо бы научиться защищаться на пси-уровне самому.

— Как?

— Повысить порог чувствительности на внешние воздействия, переходить на другую частоту психического состояния, отводить удар «поворотом» сознания...

— Это все потом, — перебила Ульяна Ивана Терентьевича. — Пусть сначала придет в себя. Есть хочешь, герой?

— Пить.

Девушка налила из графина вареного меду, подала стакан. Василий выпил весь, чувствуя, как прибывают силы, слабо улыбнулся в ответ на взгляд Ульяны.

— Здорово он меня...

— Ты его тоже, — насмешливо проговорила она.

— Вертолет взорвался, — добавил Парамонов в ответ на немой вопрос Василия. — Вряд ли Хейно Яанович уцелел.

— Значит, я помог-таки Самандару выполнить первую часть условия — убрать конкурента?

Ульяна зябко поежилась, сжала губы.

— При мне о Вахиде больше не вспоминайте! Ясно?

Взяв графин, она вышла, рванув занавески.

Мужчины некоторое время смотрели ей вслед, потом обменялись взглядами.

— Она считает его предателем, — тихо произнес Парамонов.

— А разве это не так?

— Это эмоциональная оценка действий Посвященного. Традиции людей Внутреннего Круга не позволяют судить Посвященных столь прямолинейно. Вахид выбрал слишком простой путь к цели...

— Дерьмо собачье! — Василий сплюнул. — Любой путь, начинающийся с предательства, обмана и формулы: цель оправдывает средства, — дерьмо! Это еще до меня кто-то сказал. И не стоит убеждать меня в обратном. — Вася поморщился, прижал руку к груди.

— Я не доказываю, я объясняю. Что с тобой, опять плохо?

— У меня не сердце, а дырявая резиновая груша...

— Потерпи, пройдет. У тебя сильное полевое нарушение экзосоматической системы, всей энергетической ауры. Кстати, колдуны и маги Древней Руси умели наносить такие травмы своим врагам. Все эти сглазы, наговоры, порчи — по сути полевые нарушения биоэнергетической оболочки человека.

— То есть Носовой меня сглазил? Ничего себе глаз у него!

— Он за это поплатился. Вася, нам надо уходить отсюда, и как можно быстрей. Во-первых, нас засекла какая-то контора из Москвы: то ли федералы, то ли военные контрразведчики. Ее наблюдатели крутятся тут неподалеку. Во-вторых, в Рязани сейчас находится Рыков, и в скором времени он нас вычислит. И третье... — Иван Терентьевич помолчал. — Кто-то захватил семью Соболева, Кристину и Стаса.

— Что вы... сказали?!

— По следу, который оставили похитители, можно судить лишь о том, что это были Посвященные. Но кто именно...

— Рыков!

— Поскольку Рыков в Рязани, мог и он. Но вполне может быть и Юрьев, и Мурашов, и любой из Девяти.

— Нет, это Рыков, я чую. Есть неплохая идея: выйти на его жену, детей и других родственников, захватить и предложить обмен.

— Бедный ты мой, — покачала головой вернувшаяся Ульяна. — Видно, тебе действительно досталось.

— Это война, — с обидой возразил Василий, — а на войне допускаются любые приемы. К тому же начали не мы. Вот детей

действительно жалко... если они у Рыкова имеются. Не годится моя идея, предлагайте свои.

— Идея вообще-то классная, — добродушно проговорил Иван Терентьевич. — Только осуществить мы ее не сможем, нет времени. — Он задернул в комнате шторы, шагнул в зал. — Пойду осмотрюсь, покалякайте пока.

— А нас те наблюдатели снаружи не прослушают?

— Я принял меры.

Василий и Ульяна остались одни, поглядывая друг на друга, словно их только что познакомили. Потом задумчивая Ульяна тихо прочитала двустишие:

Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что кто-то нас забыл...

— Чье это? — Василий принял позу горы, перешел на медленное и глубокое дыхание. — Бальмонт?

— Гумилев, «Потомки Каина».

— Ты думаешь о нем? О Самандаре?

— Какой ты проницательный, Никифорович, прямо спасу нет. А вообще... о нем. Я остыла и поняла, что ненавидеть его нельзя. Вахид изменился... и мне его жаль.

— Относись к нему как хочешь, но я не прощу никогда! — угрюмо сказал Василий, сбился с ритма и тут же усилием воли подавил закипающий гнев. — Впрочем, если ты готова его простить...

— Я готова его понять.

— Может быть, и я его понимаю, но никогда не смогу принять!

— Ты еще слишком молод, воин.

— Естественно, ведь мой конь рыж, — усмехнулся Василий. — А ты что ж, давно скачешь на вороном?

Ульяна посмотрела на него с интересом, потом поняла: он имел в виду всадников Апокалипсиса. Первый всадник ехал на белом коне в короне и с луком и олицетворял Рождение. Второй ехал на рыжем коне с мечом и олицетворял Юность. Всадник на вороном был Зрелостью, а на белом — представлял собой Смерть.

— Нет, мне столько лет, на сколько я выгляжу, — серьезно проговорила девушка. — А Посвященной я стала благодаря Светлене, спутнице-двойнику инфарха, когда она выбрала меня авешей, проводником в нашей земной реальности. Потенциал у меня был, эзотерикой я увлекалась с детства, но если бы Светлена в качестве матрицы не выбрала меня...

— Извини, я не хотел уточнять. Просто изредка мне казалось, что ты намного старше.

— Это печать знаний, Васенька, которые здорово изменяют психику людей. Я ведь по сути ведьма. Не боишься?

Василий снова сбился с ритма дыхания. Ульяна засмеялась, подошла к нему, поцеловала и тут же убежала, не отвечая на его красноречивый вопросительный взгляд. Однако вернулась тотчас же вместе с Парамоновым.

— Положение осложняется, — сказал Иван Терентьевич. — Во-первых, наш дом находится в поле зрения одного из Посвященных высокого уровня. Во-вторых, мы окружены двумя цепями конкурирующих подразделений.

— Вы точно знаете? — усомнился Василий. — Насчет конкурирующих?

Чувствовал он себя еще не настолько хорошо, чтобы свободно входить в состояние меоза и держать темп.

Парамонов и Ульяна переглянулись.

— Первая цепь — это федералы из «Витязя» и «Руслана», общая численность группы — человек двадцать. Вторая цепь — чья-то зомби-команда, скорее всего того самого Посвященного.

— Тогда это неплохо, — пробормотал Василий, проваливаясь в яму слабости. — Есть шанс натравить их друг на друга. Но мне надо время для восстановления, хотя бы час.

— Ну, я считаю, они вряд ли пойдут в атаку сейчас, днем, — рассудил Парамонов. — Будут ждать сумерек. Восстанавливайся, мы тебя предупредим заранее, если они зашевелятся. Но все равно мы должны наметить какой-то план маневра.

— План прост. — Василий с трудом преодолел новый приступ слабости, стараясь выглядеть достойно. — Уля уходит одна. Я отвлекаю эту банду. Вы забираете контейнер и уходите огородами к Котовскому. Встречаемся в Норвегии в условленном месте.

Иван Терентьевич улыбнулся, Ульяна засмеялась, но тут же стала серьезной.

— Хотя ты у нас и стратег, но я предлагаю другой план. Я отвлекаю Посвященного, а вы с Иваном Терентьевичем уходите с оружием.

— Пожалуй, — кивнул Парамонов. — План не идеален, но лучшего нет.

— Но она женщина! — воскликнул Василий.

— Ты всегда такой наблюдательный? — насмешливо проговорила Ульяна. — Я Посвященная, мне не обязательно владеть рукопашным боем.

— Все равно, этот вариант не пойдет! — твердо заявил Вася. — Посвященного будете отвлекать вдвоем. Возьмете контейнер, но пустой. Пусть думают, что оружие у вас. Я же переложу «глушаки» в сумку и уйду другим путем.

— Василий Никифорович, это не...

— И без возражений, — тихо добавил Василий. — Дайте мне только час времени. В половине шестого я буду готов

Переглянувшись, Посвященные вышли. Василий глубоко вздохнул, посидел с открытыми глазами, ни о чем не думая, потом принял ваджрасану — позу алмаза, расслабился и перешел на «огненное дыхание», способствующее массажу внутренних органов. Ему нужно было изменить принципы восприятия и взаимодействия с окружающим миром таким образом, чтобы организм полностью очистился от физиологических и психических шлаков, вызванных пси-атакой Носового, и вошел в особое, измененное психоэнергетическое состояние, при котором пробуждаются глубинные резервы психики, способность мгновенно реагировать на любую неожиданную ситуацию и даже предвидеть ее. Это ощущение мастера ниндзюцу называют сакки — «ветер смерти», или «дыхание смерти», и состоит оно из предчувствия опасности еще до ее обнаружения и реагирования в форме смертоносного удара или уклона.

Окончательно успокоившись и уйдя мыслями в себя, Василий привел в равновесие мысленный поток, представляя его медленной рекой, сконцентрировался на сигналах, поступающих из подсознания. Через некоторое время он почувствовал, что владеет собой и может заставить «жить отдельно» любую клеточку тела, реагировать на свет, звук и тепло любую нервную веточку.

Затем сфера гипервидения стала расширяться, охватила комнату, где сидел Василий, весь дом, участок и прилегающее пространство вплоть до реки слева и леса справа. И наконец Вася сам стал частью мира, способной ощущать все его колебания. Он открыл рот и горло насколько мог широко, пока не захотелось зевнуть, медленно напряг мускулатуру живота и выдохнул через рот, издавая длинный, протяжный, вибрирующий звук «ах-х-х» из глубин тела. Сохранил этот звук, закрывая губы и прижимая их к приоткрытым зубам. Звук преобразился в вибрирующее жужжащее «м-м-м». Василий сжал губы и нажал языком на внутреннюю сторону зубов, превратив «м-м-м» в «н-н-н» и заставив звук медленно замирать, пока не кончился запас воздуха. Получилось странное «слово», напоминающее молитву или гимн: аххумм-ммм-ннн, — по сути, звуковая Дзюмон-мантра, в соответствии с концепцией Тайдзокай способствующая «осуществлению предельной правды». Теперь Василий был готов ко всеобщему видению действительности.

В комнату вошел Парамонов, глянул на абсолютно чистое, невозмутимое лицо Котова и все понял. Сказал с уважением:

— Ты далеко пойдешь, мэйдзин. Я услышал судзи[1], но не поверил... не знал, что ты этим владеешь.

— Я готов, — коротко ответил Василий, заставив мышцы тела танцевать волной с плеч до икр.

---

[1] Судзи — «исходные звуки» Миккё, то есть Дзюмон-мантры, которые придают намерениям ниндзя ритм и решимость.

...К операции отхода приступили в начале седьмого, когда дневная жара начала спадать и от реки подул прохладный ветер.

Первыми ушли в подвал Парамонов и Ульяна. Подвал имел выход к реке, не просматривающийся со стороны, и шанс выйти незамеченным у Посвященных был. Затем начал реализовывать свой план Василий.

Он спокойно вышел во двор, сразу ощутив на себе давление чужого взгляда, погрузил в кабину сумку с оружием, открыл ворота и, насвистывая, будто на прогулке, вышел в сад. Физически ощущая напряжение следящих за ним людей, их застывшие на курках автоматов и пистолетов пальцы, Василий размотал шланг для поливки огорода, подсоединил к вентилю на трубе, принес ведро, тряпки: человек собирается помыть машину. Однако нигде он не задерживался ни на мгновение, постоянно двигаясь таким образом, чтобы в него нельзя было прицелиться и выстрелить.

Вывел машину, вылез, не заглушая мотора, включил воду, направив струю в кусты, прямо на того, кто там прятался, и перешел на темп. Облитый водой спецназовец из группы «Витязь», который подобрался к дому совсем близко, не успел даже глаза протереть, когда сбоку мелькнула тень и в голове у него наступило «полное солнечное затмение».

Не останавливаясь, Василий отобрал у уснувшего парня «никонов», прошептав: «Ну, я вам сейчас устрою перехват!» — и дал длинную очередь по кустам малины в конце сада, где сидели в засаде еще двое в защитных мундирах — из второй цепи окружения.

Он не ошибся в расчетах. Очередь нашла прятавшихся, но это были не просто спецназовцы, а парни из команды зомби, приведенной Рыковым, и действовали они, не раздумывая, а тотчас же открывая ответный огонь. Правда, Василия там уже не было. Вычислив, где сидит очередной наблюдатель из первой цепи окружения, он достал его в тот момент, когда наблюдатель оглянулся на стрельбу в спину, соображая, что делать. Сообразить не успел, отключаясь от касания Васиного кулака к челюсти справа.

Это был офицер, как определил Вася по единичке на плече маскировочного комбинезона, командир подразделения федералов, и было бы грешно не воспользоваться случаем. Нахлобучив на себя его пятнистую маску, Вася выставил голову над поленницей дров и приглушенно заорал:

— Атака сзади! Всем отходить!

Услышали его и те, и эти, в результате чего поленница рассыпалась от шквала автоматной очереди, и началась всеобщая пальба и неразбериха — не поймешь, кто тут и по кому ведет огонь. Предоставив разбираться в этом командирам групп, Васи-

лий метнулся к машине, с ходу дал газ, молясь в душе, чтобы пули не попали в бак «Вольво», и рванул на улицу, сметя с ног какого-то бойца в камуфляже, неосторожно прыгнувшего навстречу, и заодно дворовые ворота. Через минуту он был на окраине Рязани, поехал медленнее, прислушиваясь к удаляющейся трескотне выстрелов.

Еще через несколько минут остановил машину во дворе старинного здания на улице Михневича, в котором когда-то располагалось Дворянское собрание, а ныне — с десяток торговых фирм. Машин здесь хватало, и на «Вольво» Котова с простреленной кормой никто не обратил внимания. Именно здесь и договорились встретиться Посвященные после бегства из дома с винным подвалом.

Не выключая себя из состояния боевого транса, Василий стал ждать, рисуя себе всевозможные варианты отступления Ульяны и Ивана Терентьевича. Все, что зависело от него, он сделал.

КАРМА РИСКА

Их оставили в комнате с единственным круглым узким окном одних.

Кристина пришла в себя позже Стаса; поняв, что лежит на узкой кровати, подхватилась было и встретила взгляд мальчишки, полный упрямой сосредоточенности.

— Где мы?

— На какой-то посудине, — тихо сказал Стас и попытался улыбнуться. — На теплоходе. Я не смог определить его класс, когда нас везли.

— А что на теплоходе — определил? — улыбнулась в ответ Кристина, но, вспомнив то, что ей сказали о Матвее, снова в испуге округлила глаза. — Что с Матвеем? Они говорили, что он... в беде!

— Это неправда. — Стас погладил Кристину по руке. — Они думали, что мы без сознания, и я слышал их разговоры. Тебя просто выкрали... ну и меня тоже.

— Выкрали? — Кристина внезапно успокоилась. — Зачем?

— Обычное дело — для шантажа папы.

— Обычное дело. — Она взъерошила волосы мальчишки, подошла к окну. — Точно, мы на пароходе, это не окно, а иллюминатор. Как они заставили нас поверить в их сказку?

— Облучили из «глушака». Я слышал, они говорили, что у нас гиперреакция на излучение. Они же не знали, что папа специально тренировал обоих... Как это он говорил? Надситуативная...

— Надситуационная защита.

— Да-да, точно. Что означает — повышение психофизического потенциала... — Стас вдруг обратился в слух. — Тише, сюда идут. Ложись, как лежала, пусть думают, что мы все еще без памяти...

Кристина послушно легла на койку, Стас скорчился в углу таким образом, чтобы поверх локтя можно было наблюдать, что делается в каюте.

В двери каюты повернулся ключ, она распахнулась, и в каюту вошли два молодых человека в брюках и рубашках из жеваной материи блекло-болотного цвета, с автоматами под мышкой. Один был долговяз и сутулился, все время откидывая со лба челку. Глаза у него были красные, а губы мокрые, он их непрерывно покусывал и облизывал. Второй, пониже ростом, ежился, будто ему было холодно, глаза с расширенными зрачками сухо блестели, руки дрожали, и сигарету он держал в кулаке.

— Я же говорил, — тонким голосом сказал долговязый и сутулый, — в отключке они. А баба смачная.

— Что надо, только беременная, — хрипло проговорил парень с сигаретой.

— Да хрен с ней сделается!

— Тогда давай по очереди.

— Я первый, идея моя.

— Ладно, давай, я пока пойду уколюсь, а то белый свет не мил.

— Ты же недавно кололся.

— Доза была маленькая.

— Смотри не перестарайся, Хромой увидит, выгонит из команды к чертовой матери.

— Не пужай, я ужо пужатый. — Низкорослый хохотнул, показывая гнилые зубы, и пошел к двери. — Придуши ее маленько, если очухается.

Сутулый, плотоядно облизываясь, оглядел Кристину, снял автомат, положил на стол, начал снимать штаны. Кристина зашевелилась и села, глядя на него в упор.

— Гля, очнулась! — сказал бандит, продолжая раздеваться. — Подожди, не ори, все будет хорошо... а будешь кочевряжиться — пристрелю!

— Дядь, — похлопал его ладошкой по спине Стас, — посмотри-ка сюда.

— Тебе чего? — оглянулся парень.

Стас дернул его за рукав, чтобы тот повернулся, и изо всей силы ударил ногой в пах. Сутулый издал сиплый возглас: ух! — скорчился, глаза его закатились, и он упал. Сжав кулаки, побледнев так, что живыми на лице остались только глаза, Стас ждал,

готовый ударить насильника еще раз, но этого не потребовалось: парень потерял сознание.

— А дальше что? — шепотом произнесла Кристина, такая же бледная, как и мальчишка.

— Надо уходить, — очнулся Стас, сразу повзрослев. — Стрелять умеешь? Возьмем его автомат.

Кристина с отвращением глянула на автомат с укороченным стволом, без приклада.

— Нет, я не хочу.

— Тогда возьму я. — Стас умело снял и защелкнул на место магазин автомата, передернул затвор, повесил его на грудь и подошел к двери. Оглянулся, глядя исподлобья, не по-детски серьезный и сосредоточенный. — Нам только на палубу выбраться, там мы что-нибудь придумаем.

Мальчишка распахнул дверь и наткнулся на шагнувшего в каюту прихрамывающего мужчину с сединой в волосах, одетого в дорожный костюм — таскер. Он ловко сдернул со Стаса автомат, подтолкнул его стволом на середину каюты, мельком глянул на лежащего у кровати долговязого любителя женщин и закрыл за собой дверь.

— Сядьте, — сказал он негромко. — И успокойтесь. Шансов на побег у вас все равно не было. Кто вы?

— Будто не знаете, — огрызнулся покрасневший до слез мальчишка, обнимая Кристину за талию.

Вошедший внимательно глянул на живот женщины, перевел взгляд на ее лицо, нахмурился.

— Кто вы?

— Зачем это вам? — с горечью спросила Кристина. — Сначала вы стреляете из «глушака», хватаете, увозите, а потом спрашиваете, кто мы?

— Меня прислали сюда недавно, и я не знал, кого придется стеречь. Но я вас где-то видел...

— Соболевы мы, — буркнул Стас, усаживая Кристину на стул. — Я сын, она жена.

Седой вздрогнул, внимательно разглядывая обоих.

— Не Матвея ли Соболева родственники?

Пленники не ответили, держась друг за друга. Шевченко — это был он — прошел на середину каюты, сел на другой привинченный к полу стул, поставив автомат между ног, задумался. Перед глазами промелькнула сцена боя в коридоре ассоциации ветеранов спецслужб «Барс», когда Матвей Соболев спас его от пули. Юрьев не объяснил Шевченко, зачем посылает его в Рязань, сказал только, что тот поступает в распоряжение некоего Рыкова и что сам Юрий Венедиктович тоже скоро приедет в Рязань. Рыков же через своего заместителя приказал Валерию охранять на

теплоходе «Максим Горький» важных пленников и отбыл со своей командой в неизвестном направлении. И вот оказывается, что пленники — жена и сын Соболева... и захвачены они наверняка с целью оказать давление на Матвея.

«Что будем делать?» — спросил Шевченко сам себя.

«Прежде всего надо выяснить, в какое дерьмо вляпался», — ответил внутренний голос.

«Не поздно?»

«Как бы поздно ни было, но долг платежом красен. Женщину и пацана надо спасать».

«Меня убьют».

«Тебя и так убьют, когда начнешь выяснять, на кого работает Юрьев. Кстати, не тот ли это Рыков — бывший комиссар «Чистилища»? Вот будет хохма, если это он!»

«Это не хохма, мой милый, это кое-что похуже. Тикай отсюда! Бери женщину, мальца и тикай. Потом будешь разбираться, кто есть кто...»

— Пошли, — встал Шевченко, подошел к зашевелившемуся бандиту без штанов, ударом ладони под ухо снова отправил его в беспамятство, усмехнулся, глядя на вытянувшиеся лица пленников. — Я Валера Шевченко, если вспомните, и встречался когда-то с Матвеем. Попытаюсь вывести вас отсюда. Только уговор — слушаться и повиноваться беспрекословно! Эх, надо бы начать отход попозже, когда окончательно стемнеет...

— Чего уж теперь, — по-взрослому проворчал Стас. — Давайте подождем немного, сейчас сюда придет второй бандит, он уколоться пошел.

— А, Ханыга... давно я его выгнать хотел... Тем лучше. Подождем. — Шевченко ободряюще подмигнул Стасу и встал за дверью.

Дрожащий в ознобе Ханыга заявился через две минуты. Едва ли он успел сообразить, что произошло, получив удар в лоб рукоятью пистолета.

— Подождите минуту, — прижал палец к губам Валерий и исчез за дверью.

Из коридора донесся негромкий треск, короткий шум, и Шевченко затащил в каюту еще одного стража в джинсах и безрукавке.

— Двое на выходе в бар, один у лестницы наверх и еще трое на первой палубе, на корме, в середине возле кают и на носу. Но туда мы не пойдем, попробуем через машинное отделение. Что с вами?

Кристина, почувствовавшая приступ слабости, побледнела, виновато посмотрела на Шевченко, но руку его отвела.

— Это пройдет. Говорите, что надо делать.

Стас подошел к ней, подставил плечо.

— Опирайся на меня.

Шевченко выглянул в коридор, махнул рукой.

— Не отставайте!

Они выскользнули в коридор средней палубы теплохода, в который выходили двери еще четырех кают, двинулись за проводником, у которого исчезла хромота, а движения стали по-кошачьи мягкими и гибкими. Левый конец коридора выходил в бар, откуда доносились голоса и музыка. Правый заканчивался еще одной дверью, ведущей на лестницу, соединяющую палубы. Валерий открыл ее, выглянул, снова махнул рукой, приглашая пленников вперед.

Они спустились по лестнице вниз, на нижнюю палубу теплохода, миновали камбуз, бильярдную, каюту капитана, направляясь к двери с иллюминатором, ведущей в машинное отделение. И в этот момент сзади раздался удивленный голос:

— Эй, Хромой, куда это ты их повел?

— А-а, Гуревич, хорошо, что ты не спишь, — хладнокровно обернулся Шевченко. — Ну-ка, подержи их под прицелом, я забыл взять документы.

Из каюты капитана вылез небритый отрок с длинными волосами, связанными сзади в пучок, с помповым ружьем в руке и банкой пива в другой.

— А куда это ты их?

— Шеф велел запереть в машинную, для надежности.

— Так он же уехал.

— А рация на что? Не умничай, стой тут, пока не приду. Пива захватить?

Парень приблизился, отхлебывая из банки, покачал головой.

— Что-то темнишь ты, Хромой. Я сам слышал, как шеф велел удвоить охрану и стеречь бабу с пацаном в его апартаментах. Иди обратно. — Он схватил Кристину за плечо, толкнул в сторону лестницы. — А ты что глазами сверкаешь, щенок? — Длинноволосый хотел щелкнуть Стаса по лбу и охнул от стремительного удара в кадык, выронил пиво. Прохрипел: — Ах ты, змееныш!..

Но сделать ничего не успел. Приблизившийся Шевченко резким ударом по затылку уложил сторожа на пол коридора. С одобрением глянул на мальчишку.

— Лихо ты его! Отец учил, что ли? А теперь бегом отсюда, вниз, будем искать люк... — Валерий не договорил.

На верхней палубе раздались крик, ругань, топот ног. С грохотом открылась одна дверь каюты, другая...

Долгое мгновение все трое смотрели друг на друга, потом Шевченко метнулся к двери в машинное отделение, откинул ее, махнул рукой.

— Сюда!

Они едва успели проскочить внутрь и задраить дверь, как в коридор выбежали трое парней с автоматами наготове.

— Гуря лежит! Ах они, паскуды! Быстро за борт, перекройте все иллюминаторы! Чалый, в лодку! Бей по ногам, если что! Сюткин, проверь камбуз. Где Хромой? Кто его видел?

— Он с ними, — донеслось издалека.

— Ах он, сучий потрох! В свою игру решил сыграть, ну, мы ему сыграем!..

Шевченко, глядевший в иллюминатор двери, оглянулся и ткнул пальцем в металлическую лестницу с поручнями, приказывая беглецам спуститься к машинам. Он знал, что жить ему осталось совсем немного, до тех пор, пока не закончатся патроны в пистолете и в магазинах автомата.

НЕ ЛЕЗЬТЕ НЕ В СВОЕ ДЕЛО, ПОЛКОВНИК

Начальник Управления ФСБ по Рязанской области полковник Шкодин был человеком сдержанным, терпеливым и рассудительным, но и он пришел в ярость, когда узнал, кто действует у него под боком, не извещая и не раскрывая сути дела.

Известие о новой перестрелке в районе Старой Рязани, возле поймы Оки, пришло в управление в семь часов вечера в понедельник. Шкодин, задерживающийся в последнее время на работе допоздна в связи с инцидентом на мосту через Оку, куда он отправил своего зама Панкеева, тут же сел в служебную «Волгу» и прибыл на место происшествия, к одному из домов частного сектора, куда уже были стянуты силы ОМОНа и милиции. Узнав среди приехавших милицейских чинов начальника УВД полковника Плясунова, Шкодин направился к нему.

— Привет, Владимир Петрович. Что здесь происходит?

— Шесть трупов, четверо раненых, — меланхолично ответил Плясунов. — Хотя это мне впору спрашивать, что происходит. Разборка-то произошла среди ваших.

— Как среди наших? — не понял Шкодин.

— Все убитые — профи из вашего ведомства. Кстати, вон и начальство из Москвы суетится.

Шкодин вгляделся в группу выходящих из дома людей в серых костюмах и узнал генерала Баканова, с которым всего два дня назад говорил по телефону. Вслед за Бакановым появился еще один генерал, начальник Управления спецопераций.

— Растуды твою мать! — сказал Шкодин. — Откуда они здесь?!

— Что, не поставили в известность? — сочувственно поглядел

на полковника Плясунов. — Терпи, мне тоже приходится изредка терпеть такие же закидоны столичного начальства.

Шкодин оттолкнул преградившего дорогу омоновца из оцепления, стремительно прошагал к дому по ухоженной дорожке, мельком глянув на тела в пятнистых комбинезонах, подошел к Баканову.

— Здравия желаю, Игорь Владимирович. Что здесь происходит? Почему мне никто не сообщает о ваших операциях? Сначала на мосту, теперь здесь...

— Не шуми, Анатолий Романович, — миролюбиво проговорил озабоченный Баканов. — Не всегда есть возможность сообщать о наших делах, особенно если они проходят по «четырем нулям».

Шкодин побагровел.

— Черт бы вас подрал! На территории области я отвечаю за все происходящее! И что бы вы ни затевали, я обязан знать!

— Успокойся, Анатолий, — подошел к ним хмурый генерал Первухин. — Тебе лучше не соваться не в свои дела, дольше проживешь.

— Это что, угроза? — Шкодин побледнел.

— Да остынь ты, полковник! У самих голова идет кругом. Кстати, понадобится твоя помощь. Это дело надо будет представить как бандитскую разборку.

Шкодин поперхнулся, с удивлением глянул на холодное сосредоточенное лицо Первухина, покачал головой.

— Рассказывайте, что вы здесь делаете. Но учтите, если в чем виноваты, покрывать не стану.

Из дома вывели пожилую пару — хозяев дома. Хозяйка плакала, старик-хозяин поддерживал ее под руку и что-то рассказывал мужчине в сером костюме. Первухин проводил их глазами, нехотя повернулся к Шкодину.

— Анатолий, ну не могу я тебе все рассказать, по «четырем нулям» работаем.

— Ну хоть намекни.

— Это все равно что рассказывать не сам анекдот, а смысл анекдота. Утечка у нас произошла. Пытаемся ее нейтрализовать.

— Странно как-то пытаетесь. Ведь я помочь могу, ребят опытных у меня хватает... тот же Панкеев, например.

— В том-то все и дело, что не можешь ты помочь, только зря людей положишь. Видишь, как здесь обернулось? Две наши группы попали в засаду... — Первухин замолчал — к нему подошел штатский в сером и что-то шепнул на ухо. Они отошли в сторону.

— Такие вот пироги, — пробормотал генерал Баканов. — Мы

сами, как телята, тычемся носами... Но все равно это дело не твое, Анатолий Романович, тянется оно так высоко, аж страшно!

— В Кремль, что ли? — усмехнулся Шкодин, чувствуя болезненное шевеление сердца в груди: в последнее время оно стало пошаливать.

— Догадливый, — усмехнулся и Баканов. — Не мешай нам, ладно? Размотаем, я тебе лично все сообщу.

Шкодин не ответил, глядя, как на дорожку выносят из сада и дома тела погибших спецназовцев.

ВИРАСАНА — ВАКРАСАНА

Купались по очереди: сначала Василий, потом Ульяна.

Было еще светло, хотя солнце уже зашло за горизонт и освещало лишь высокие перистые облака. Вася загляделся, как девушка выходит из воды, и прозевал, когда на костре вскипела в котелке вода для чая. Не вытираясь, девушка подошла, делая вид, что не обращает внимания на чувства Котова, села рядом, соблазнительная, юная, красивая, зовущая. Вася бросил ей махровое полотенце, разлил по кружкам чай, передал одну, как бы невзначай касаясь руки Ульяны, и обоих словно пронизал электрический ток.

Василий поднял глаза, встретил прямой обжигающий взгляд и потянулся к ней, уже не скрывая своего желания, обожания и любви. Их губы встретились, полетели в траву кружки с чаем, зашипели угли костра, и Вселенная закружилась вокруг, обнимая их тишиной и пониманием... Ушли, отступили тревоги, растаяли благие намерения, исчезла неловкость, пропали мысли, остались одни чувства и разгорающаяся страсть... и нежность... и жаркая мука неутоленности... и жажда растворения друг в друге... и блаженство обоюдного стремления жить...

Чай пришлось ставить еще раз, после нового купания в реке, теперь уже совместного. Однако к чувству радостного познания примешивались другие — ожидание вестей, беспокойство за друзей, и Василий вел себя сдержанно, каждый раз поражаясь, когда Ульяна вдруг обнимала его, целовала неожиданно, прижимаясь грудью к груди, и сердце от этого испытывало гулкие падения и форсажные взлеты.

Искупались, сели рядом, накрылись одним полотенцем, загляделись на голубые язычки пламени в куче углей. Ульяна снова обняла Васю, бросила в костер веточку, подняв фонтан искр, похожий на взрыв гранаты, и Вася вспомнил рассказ Ивана Терентьевича о бое с Рыковым...

Они почувствовали давление лоцирующего взгляда Рыкова

еще в подвале, когда только собирались выступать. Подвал имел выход к реке, поэтому решено было воспользоваться им, но Рыкову, чуть ли не свободно читавшему намерения людей, следовало внушить другое направление поисков, и Парамонов с Ульяной принялись претворять план в жизнь.

Оделись в джинсовые таскеры, все время имитируя мысленное общение, внушая всем, кто мог слышать их, что контейнер с ними, приготовили сумку со всем необходимым в дороге, успокоили стариков Пресняковых, велев им сидеть в «алхимической комнате» подвала, затем сосредоточились на передаче раппорта, который заставил бы Рыкова перехватить их в окне выхода. «Окном» же наметили конец картофельного поля, где якобы находился потайной лаз из подземелий дома.

Маневр вполне удался.

Рыков хотя и не поверил в их «мысленную искренность», все же вынужден был послать резервную группу своих зомби-исполнителей на картофельное поле, оставшись при одном телохранителе. Однако телепатом он был сильным и по смещению источников пси-сигналов определил, что уходят беглецы другим путем. Поэтому на берег Оки он прибыл буквально вслед за Посвященными. Они садились в лодку, когда на краю откоса появились две фигуры — Германа Довлатовича и молодого парня-телохранителя.

Парень с ходу открыл было огонь из автомата (возле дома в полусотне метров отсюда уже кипела перестрелка), но тут же безвольно опустил руки, получив мощный сдвоенный парализующий импульс Ульяны и Парамонова. После этого началась страшная, полная жестокой силы и напряжения дуэль Посвященных I ступени с Посвященным II ступени Внутреннего Круга. Длилась она всего полминуты, но отняла годы жизни и океан энергии и велась хотя и не в физическом пространстве, а психологическом, иллюзия активного действия была полной!

Парамонов и Ульяна дрались в странных лабиринтах, под землей, в ущельях, на вершинах гор, в пустоте, в кавернах во льду, на поверхности солнца! Дрались руками, ногами, клыками и крыльями, на мечах и шпагах, копьями и дротиками, стреляли из пистолетов и автоматов, пулеметов и пушек и даже пускали ракеты! Они отбили сотню кинжальных и охватывающих с флангов и с тыла атак Рыкова и сами нападали, обходили, защищались и наносили удары.

Наконец Ульяна выдохлась. Отразив несколько беспощадных выпадов противника в одиночку, Парамонов понял, что долго не продержится.

— Стой! — крикнул он, разрывая кольцо пси-удушения и на-

нося ответный укол копьем своей ненависти, вкладывая в удар остатки сил.

Круговерть боя замедлилась. Фигура Рыкова медленно проступила сквозь опадающее струение его пси-защиты. Вряд ли он остановил бы бой, если бы удар Ивана Терентьевича не достиг цели. Но Рыков был потрясен и снизошел до переговоров.

— Прекратим этот «диалог», — тоном ниже предложил Парамонов, борясь с головокружением и болью в затылке. — Предлагаю разойтись миром, иначе это плохо кончится для всех. Для тебя тоже.

— У вас есть то, что принадлежит мне, — сказал Рыков. — Верните, и мы расстанемся.

Иван Терентьевич переглянулся с Ульяной, приходящей в себя, поднял голову, вдруг подумав, что на фоне неба фигура Рыкова — отличная мишень. Герман Довлатович оглянулся тоже и спрыгнул на песок, поймав мысль Парамонова. Это говорило о том, что он тоже устал.

— Хорошо, — торопливо проговорил Парамонов. — Мы согласны. — Он повернулся к спутнице. — Отвяжи лодку...

— Но мы должны...

— Выходи. — Парамонов подал ей руку, помогая сойти на берег, бросил в лодку контейнер и оттолкнул от берега. — Он твой.

Рыков улыбнулся бледной змеиной улыбкой, от которой у кого угодно свело бы скулы, поднял было пистолет, вернее, «глушак», которым не успел воспользоваться во время боя, но на берегу вдруг показались люди в форме — омоновцы, окружавшие окраину Старой Рязани, и стрелять Герман Довлатович не рискнул.

— До встречи, партнеры.

С этими словами Рыков исчез. То есть на самом деле ускорил свои движения, вошел в воду и нырнул, но для подбегающих парней в камуфляже он перестал существовать.

Парамонова и Ульяну омоновцы задерживать не стали, получив от них раппорт-команду заняться телохранителем Рыкова. И вовремя: тот вдруг метнул в них гранату, и омоновцы отвлеклись на его нейтрализацию.

Посвященные сели в другую лодку, поглядывая на порядком удалившуюся посудину с контейнером, к которой подплывал Рыков, и дружно взялись за весла...

Василий представил лицо Рыкова, открывающего контейнер и не обнаруживающего там «глушаков», и засмеялся.

— Ты что? — встрепенулась Ульяна.

— Представил рожу Германа...

Уля тоже улыбнулась, но рассеянно. В отличие от Василия она не только сканировала пространство окрест, отыскивая ис-

точники опасности, но и слушала полет пси-потоков, рыскающих в ментале: кто-то упорно искал Посвященных, обманувших одного из Девяти.

— Ты... доволен?

Василий хотел отшутиться, но понял настроение девушки и прижал ее к груди.

— Ты же знаешь...

— Не знаю.

Он наклонился и поцеловал ее.

— Это не ответ.

— А в твоем вопросе уже есть ответ. Хотя доволен — не то слово. Я счастлив! Кто-то сказал, что человек вообще потому несчастлив, что не знает, что он счастлив. Так было со мной. Но я мог бы спросить кое-что ответно.

— Спрашивай.

Василий открыл рот и, с усилием справившись с собой, пробормотал:

— Ты не находишь, что нам не хватает Соболева?

Ульяна вздрогнула и отодвинулась. Не буквально, физически, а психологически, перестала излучать тепло и нежность, и Василий это почувствовал. Однако это ощущение длилось недолго. Горячая волна любви и признательности, благодарности и радости, нетерпеливого желания, покорности и ожидания вдруг хлынула в голову Василия, сбила его с тона, закружила и унесла в водоворот эмоций и желаний, пока он не очнулся лежащим с Ульяной на груди, целующей его лицо, глаза, нос, губы...

Потом девушка села, поправила волосы, в упор глянула на ошеломленно разглядывающего ее Василия, улыбнулась как ни в чем не бывало.

— Так что ты там говорил о Соболеве?

Вася проглотил ком в горле, веря и не веря тому, что пережил, в то, что ему психофизически сказала Ульяна, медленно сел. И стал самим собой, странным образом ощущая, что от него хотят не сентиментальных и слезных признаний, а естественного поведения и нормального, чуть ироничного отношения к происходящему. Ничего еще не было решено, ничего не было сказано всерьез, но надежда в душе росла и улыбалась ему...

— Я хотел сказать, что Соболев нам очень бы помог, — спокойно сказал Василий. — Где он сейчас, хотел бы я знать? Неужели не слышит, не ведает, что тут творится? Хоть бы объявился.

— Ведает, — уверенно ответила Ульяна. — И появится. В самый нужный момент. Я его знаю.

— Я тоже. А почему не вмешиваются иерархи, видя такое развитие событий? Или тот же Монарх?

— Васенька, ты все же еще очень зеленый идущий, — вздох-

нула девушка. — Да ведь все происходящие события — это и есть результат вмешательства в нашу жизнь иерархов и Монарха Тьмы! Только люди этого не ощущают, даже люди Внутреннего Круга. Вмешательство слишком тонко, слишком изощренно, чтобы понять это на логическом уровне. Большинству, толпе уровень трансцендентной оценки недоступен.

— Толпе вообще не присущи действия, требующие высокого интеллекта, — пробормотал Василий. — Ее объединяет не талант, а глупость. А подчиняется она покорно только силе... и слабо реагирует на доброту. Но разве все люди объединены в толпы?

Ульяна с изумлением глянула на собеседника, сокрушенно покачала головой.

— Я все время забываю, что у тебя законченное высшее образование. Ей-Богу, ты меня иногда поражаешь.

— Это плохо?

— Поражай меня и дальше, кто знает... — Она не договорила, но Василий понял недосказанное, и настроение его упало. Ульяна снова отодвинулась от него, устанавливая прежнюю дистанцию дружелюбного ожидания, иногда порождающего вспышки интереса и влечения.

— А кто знает? — пробормотал Вася.

Кто знает, как Бог созидает,
Зачем он моря содрогает,
В чем грома и молний причина,
Зачем завывает пучина?
Быть может, весь блеск этот нужен
Для зреющих в море жемчужин?[1]

Ульяна задумчиво оглядела сосредоточенное, выразительно-неулыбчивое лицо Котова, потом придвинулась, окуная его в бездонные омуты своих глаз, и поцеловала.

Поцелуй был бы долгим, если бы не появление Парамонова.

— Собирайтесь, — сказал он, окидывая невозмутимым взглядом их стоянку. — Я знаю, где Рыков прячет Кристину и Стаса.

— Где? — в один голос спросили Вася и Уля, оторвавшись друг от друга.

— На прогулочном теплоходе «Максим Горький», в двенадцати километрах отсюда. Теплоходом эту посудину, правда, назвать трудновато, скорее катером, хоть он и двухпалубный, но принадлежит теплоход какой-то государственной конторе и сейчас якобы на ремонте. И самое главное: Кристина и Стас пытались бежать, но неудачно.

— Что с ними?!

[1] А. Мюссе.

— Им помогал какой-то профессионал по фамилии Шевченко. Сейчас они забаррикадировались в машинном отделении. Но Рыкову ничего не стоит проникнуть туда. Просто ему это сейчас невыгодно, пленники все равно в его руках.

— Шевченко? — медленно проговорил Василий. — Не Валерий случайно? Он же погиб...

— Не знаю. Что будем делать?

— Где сам Рыков?

— На катере его нет, но он может появиться в любой момент. Он где-то поблизости... и очень рассержен!

— Представляю, — усмехнулся Василий. — Он может пойти на обмен? Мы ему «глушаки», он нам пленников.

Иван Терентьевич покачал головой.

— Он не поверит. И не согласится. Стоит нам подать голос, как в течение часа нас перехватят и убьют.

— Что ж, остается только один путь — взорвать катер!

Парамонов и Ульяна молча смотрели на Василия, и он добавил невозмутимо:

— Ну, после того, естественно, как пленники будут с нами. Другие предложения есть?

— Все-таки ты Аника-воин, — сказала Ульяна со слабой улыбкой. — Даже вакрасану ты умудряешься представить вирасаной[1].

— Это комплимент или осуждение?

— Ни то, ни другое. Но к идущим во Внутренний Круг этим Путем жизнь предъявляет особые счеты. Потому что это Путь потерь...

Вася не нашелся, что ответить, но не в его характере задумываться о будущем. Он жил в настоящем, рядом находилась любимая женщина, друзья ждали его помощи, и надо было действовать.

УНИЧТОЖИТЬ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ!

Бабуу-Сэнгэ мог бы пройти на территорию Кремля, используя свой дар органопластики, перевоплощения, превратившись, например, в двойника премьер-министра или начальника охраны, но он миновал все посты как невидимка, применив мощное психоэнергетическое поле как инструмент внушения. Попросту говоря, он заставлял людей его не видеть.

Юрьев ждал координатора возле царь-пушки, организовав вокруг себя зону мысленного обтекания. Настоятель Храма Гаутамы его видел, другие люди — нет.

---

[1] Вакрасана — скрученная поза, вирасана — поза героя.

Они встретились возле горки ядер.

Бабуу-Сэнгэ был одет в традиционный черный шелковый халат с алым поясом, мягкие сапожки и черную шапочку пирамидальной формы. Это означало, что координатор Союза Девяти готов контролировать любую ситуацию лично и намерен добиться поставленной цели любой ценой. Мнения и желания окружающих его не интересовали, он мог подчинить своей воле любого человека.

— Почему вы не в Рязани, милейший? — сказал Бабуу-Сэнгэ, разглядывая царь-пушку сквозь щелочки глаз. — «Удавы» ведь еще там?

— Рыков найдет их и сообщит. «Глушаки» у Посвященных I ступени Парамонова и Митиной, противник это не слишком серьезный, он справится.

— Немедленно отправляйтесь туда! Соболеву удалось обезвредить моего человека, а это уже уровень II ступени Посвящения, если не выше. Через три часа он будет в Москве. Если до его появления в Рязани «удавы» не удастся отобрать у Парамонова, мы можем остаться у разбитого корыта.

Юрьев внимательно посмотрел на лицо Бабуу-Сэнгэ, бронзово-твердое, невозмутимое, полное глубокого знания и силы, лицо человека, познавшего истинный смысл жизни и потому презиравшего ее. Координатор Союза Девяти был взволнован! И Юрий Венедиктович во второй раз в жизни испытал страх.

— Что происходит, координатор? Ситуация под контролем...

— Ситуация давно вышла из-под контроля! Во-первых, вы допустили к операции Рыкова, который не остановится на достигнутом и потребует свой кусок пирога в виде расширения полномочий. Во-вторых, нам начинают мешать эгрегоры Хранителей и Собирателей, которые до этого времени никогда ни во что не вмешивались.

По спине Юрьева пробежала ледяная сыпь.

— Хранители... против нас?!

— Они всегда были против активной коррекции реальности, то есть против Союза. Сейчас они получают реальный шанс остаться единственной силой, способной оказывать давление на социальные процессы, не вмешиваясь в них.

Юрьев бесцельно потрогал рукой шершавый холодный чугунный шар ядра.

— Разве с помощью кодонов мы не в состоянии справиться с... проблемами? Одну из копий я испробовал на Хейно, он теперь... не опасен.

— Для использования кодонов нужны «глушаки», а они до сих пор в руках случайных людей.

— Может быть, встретить Соболева в аэропорту, вдвоем, и

нейтрализовать его? У меня еще остались два кодоновых импульса. Да и у вас...

— Я попытаюсь. Соболева надо остановить и уничтожить любой ценой! Но вполне возможно, что придется выходить в ментал и даже выше, в логос или универсум.

— Зачем?

— Для прямого вызова Монарха.

Спину Юрьева снова охватил ледяной озноб.

— Это чревато прямой ликвидацией Союза...

— Может быть, связь не понадобится, но вмешательство Соболева тоже грозит прямой ликвидацией Союза. Летите в Рязань срочно, ищите «удавы», попытайтесь нейтрализовать Рыкова, он мешает.

— А вы?

— Я подготовлю удар по отечественному эйнсофу. Двумя другими займутся коллеги в других странах. Если ничего не удастся сделать с Соболевым, придется прибегнуть к крайней мере. Пойдемте в ваш кабинет, мне понадобится компьютерная сеть и место для размышлений.

Никем не видимые двое из Девяти Неизвестных направились к административному корпусу президентской резиденции.

НОЧЬ НИНДЗЯ

Несмотря на паранормальные возможности Парамонова и Ульяны, основной ударной силой отряда являлся, несомненно, Василий, и именно ему предстояло выполнить важнейшую часть операции освобождения — вывести Кристину и Стаса из машинного отделения на теплоходе «Максим Горький» и пересадить в лодку, которую должна была подогнать Ульяна.

Но перед тем как начать операцию, они около трех часов ждали, пока на теплоходе все угомонятся и ночь окончательно вступит в свои права. Одновременно Иван Терентьевич учил Василия защищаться от психофизического нападения с помощью «переключения частоты мышления» — то есть перехода в другое состояние сознания с иным темпом нервных процессов. В конце концов Вася понял, что от него требуется, и смог реализовать некий спектр состояний, опирающихся на поле всех возможных многообразий психики. Закончились опыты беспамятством, из которого Васю вывела Ульяна, лучше Парамонова знавшая размерность психологического подпространства Котова, именуемого свободой воли.

— Ничего, все нормально, — сказал ему Иван Терентьевич, когда Василий очнулся, ошеломленный своим неожиданным пу-

тешествием по глубинам собственного «я». — Как говорится, многие люди живут и умирают, не приходя в сознание, тебе еще повезло. Зато теперь ты не будешь особенно нуждаться в медитации. Выход за логически структурированное сознание можно организовать просто усилием воли.

— Но это же выход в меоз... ментальное просветление...

— Не совсем. Для выхода в меоз психику надо готовить специально, для вхождения в континуальное поле сознания, первым этажом которого является астрал, достаточно твоего желания. Но, конечно, тебе еще надо тренироваться и тренироваться.

— Убедился? — подсела к Василию Ульяна.

— В чем?

— Что сознание — не хозяин, а слуга. Настоящий хозяин человека — подсознание.

— А что, по-вашему, подсознание? — Василий рывком сел.

— Отличный вопрос, — развеселился Парамонов. — Вообще-то подсознание — это система с бесконечным числом степеней свободы. Но есть и другое толкование, медико-биологическое. Если хотите... — Парамонов замолчал, прислушиваясь к чему-то, и точно так же замерла Ульяна, затем они одновременно посмотрели на Котова.

— Рыков снова покинул теплоход...

— Точно? — подобрался Василий, вгоняя себя в состояние боевого транса. — Так это же хорошо. Надо срочно выступать!

— С одной стороны, хорошо, — задумчиво сказал Парамонов, — с другой, это может означать подготовку ловушки. Рыков знает, что мы попытаемся освободить пленников.

— Но идти все равно надо, — тихо сказала Ульяна.

Василий молча начал облачаться в свою привычную излюбленную форму «демона ночи» — костюм ниндзя, оставляющий открытыми только глаза. Через четверть часа он был готов к походу.

В начале второго ночи они сели в лодку и, бесшумно опуская весла в воду, поплыли вверх по течению Оки, по направлению к стоянке «Максима Горького».

В два часа лодка пристала к островку посреди реки в двухстах метрах от теплохода, на корме которого горел единственный фонарь да светился ряд иллюминаторов верхней палубы. Парамонов и Вася погрузились в воду и поплыли дальше одни, а Ульяна повернула к берегу. Она должна была подойти к теплоходу по суше и контролировать передвижение всех враждебных групп и лиц, в том числе Рыкова.

Высунув головы из воды, они обогнули теплоход и прислушались. Кроме плеска волн о борта, изнутри доносились приглушенные голоса, звуки шагов и музыка, но в машинном отделе-

нии было тихо. Парамонов перешел на гиперзрение, хотя давно определил местонахождение всех людей на борту теплохода. Васе сделать это было трудней, но и он перешел в меоз, воспринимая в этом состоянии широкий диапазон волн и полей.

Теплоход «Максим Горький» был построен в 1973 году и обслуживался в навигацию экипажем в сорок человек. Однако лишь с виду он казался обыкновенным двухпалубным речным катером. В начале девяностых годов его приобрел «для нужд президента» Юрьев, модернизировал на одной из финских судоверфей, после чего на «Горьком» появились два блока роскошных апартаментов с деревянными рельефами и декоративными панно, современный комплекс спутниковой связи, финская баня, отделанная итальянским мрамором и деревянными панелями из ценного манильского дерева абаки, крытый панорамный бар и лечебная барботажная ванна, имитирующая купание в горячих источниках итальянской Тосканы или в Борном озере в Калифорнии.

Кроме того, на теплоходе располагалось двенадцать трехместных гостевых кают. В одной из них до бегства в недра корабля держали Кристину и Стаса.

Хозяйские же апартаменты вмещали большую гостиную, спальню и ванную, библиотеку и кабинет с радио- и телеэлектроникой высшего класса.

Всего этого видеть Василий не мог, но по рассказу Ивана Терентьевича представлял и качественно оценил расположение кают. Можно было начинать действие.

— Сейчас на борту двадцать девять человек, — шепнул ему на ухо Парамонов. — Наверху двенадцать, в каютах десять и пятеро внизу, охраняют коридор, люки и дверь в машинное отделение. Может, я пойду вперед?

— Пойдете сзади! — ответил Василий.

Подтянувшись на руках за кормовой клюз с якорем, Василий перемахнул через решетку ограждения и нырнул под накрытую брезентом лодку. Охранник, прохаживающийся по спардеку над кормой, в это время как раз нагнулся над поручнем, вглядывался в воду, и Парамонову пришлось заставить его ничего не увидеть, хотя глаза их на мгновение встретились.

Подождав, пока шаги часового стихнут в отдалении, Василий тенью двинулся вдоль темного ряда окон в каюты твиндека, добрался до прохода и тут же атаковал второго часового, темневшего на его пути, как скала. Однако от первого усыпляющего укола в шею этот великан не упал, и Вася понял, что охраняют теплоход кроме обычных еще и зомби-солдаты. Это обстоятельство резко сужало их возможности, ведь запрограммированные люди про-

должали выполнять определенную им задачу, даже получив серьезные травмы и увечья. Их надо было только убивать.

— Тре... — начал часовой, поднимая автомат, и не закончил. Удар в лоб с выплеском энергии космек успокоил его навсегда.

На верхней палубе послышались голоса, шаги.

— Тюрин, внизу, кажется, кто-то упал, сходи проверь.

— Там Щеголев на посту, все тихо.

Голоса задержались над головой Василия, кто-то перевесился через ограждение.

— Фред, что у тебя?

— Норма, — басом ответил Василий. — Никого.

Он надеялся на подстраховку Парамонова и не ошибся. Иван Терентьевич послал импульс внушения и заставил говоривших прекратить проверку подозрительного шума.

Постояв несколько секунд над телом часового, Василий юркнул в проход между помещениями твиндека, откуда начиналась лестница вверх и в недра теплохода. Но, повернув не вниз, а на вторую палубу, вывести пленников тихо, не очистив верхнюю палубу от часовых, было непросто.

Те двое, что спрашивали Фреда, все еще стояли в коридорчике у борта и курили. Их Василий взял чисто, без применения космек, оба не были кодированными, принадлежа, очевидно, к охране теплохода, в отличие от зомби-команды, охраняющей какую-то важную персону — либо Рыкова, либо Юрьева. Уснули мужики, так и не поняв, что за мрак сгустился за их спинами.

Полагаясь на инстинкт и психоэнергетическое видение, Василий оглядел верхнюю палубу, обнаружил еще двух часовых — на корме и на носу теплохода, после чего подобрался к ним и нейтрализовал обоих. Один был нормальным человеком, источавшим целый букет алкогольных ароматов, второй оказался зомби-легионером и начал сопротивляться, обладая недюжинной силой. Лишь космек-удар Василия в гортань закончил борьбу: отступая, здоровяк наткнулся на ограждение и упал в воду.

Всплеск от падения тела показался Василию ударом грома. Однако на него отреагировал лишь часовой на корме нижней палубы. Он взвел автомат, на цыпочках добежал до того места, где послышался шум. В этот момент сверху на него и свалился Василий, резким рывком коппо-дзюцу сломав часовому шею. Перекинув тело за борт и придерживая его за воротник куртки, он без звука опустил его в воду.

Прошло ровно шесть минут, как он появился на борту «Максима Горького», но все семеро часовых верхних палуб были обезврежены.

Успокоив дыхание и сердце по рецепту Парамонова, Василий снова ощутил прилив сил и молнией слетел по лестнице на ниж-

ний горизонт теплохода, где его ждала команда из двенадцати рослых охранников, шестеро из которых были зомбированы.

Первых двух Вася обнаружил в нише под лестницей. Один спал, накачанный спиртным, второй стоял как истукан, глядя перед собой застывшими глазами: он тоже был в опьянении, но наркотическом. Обоих Василий усыпил за долю секунды, спрыгнув с лестницы прямо в нишу. Остановился, прислушиваясь, и, по-кошачьи изогнувшись, нырнул на пол, ощутив сакки.

Пуля, выпущенная из пистолета с глушителем, пролетела в сантиметре от головы, звучно вошла в дверь в конце коридора.

Василий, не глядя, бросил назад две звездочки сюрикэнов, но рисковать не стал — прыгнул туда же выгибом вперед и вытаскивая сай.

Он не ошибся. Стрелявший был зомби, сюрикэны сбили прицел, попав ему в руку и грудь, но не остановили охрану, и лишь выпад трехзубого сая, пронзившего сердце, погрузил его в мертвый сон. Только теперь Вася заметил, что здесь расположена не ниша, а тамбур перед каютой, где, очевидно, и отдыхал во время визитов хозяин теплохода.

Однако удар пули в деревянную дверь сделал свое дело. Сразу две головы высунулись из-за открывшихся дверей справа и слева по коридору. Василий вынужден был действовать на пределе темпа, чтобы погасить тревогу.

Звездочка сюрикэна вошла в висок первого из охранников, второму Вася движением пальца раздробил переносицу, вталкивая в каюту. Заскочил туда и сам: три койки, лакированное дерево стен, пейзажи в багетах по стенам, стол посреди, освещенный красивым бра, двое застывших парней с картами в руках, на лицах только-только начинает зарождаться удивление. Ну и продолжайте в том же духе, ребята, только во сне. Вкушайте пранаяму, как учит Йога Видья[1].

Двумя касаниями Василий усыпил обоих, мельком подумав, что первый еще может выжить. Метнулся обратно в коридор, чтобы увидеть, как закрывается дверь каюты, откуда высовывался охранник, получивший звезду сюрикэна. Иван Терентьевич на несколько секунд задержал реакцию того, кто находился в каюте, но держать больше не мог, потому что это был зомби-легионер.

Раздумывать было некогда, и Василий ударом кансю — «рука-копье» — пробил дверь, достав того, кто ее закрывал. Второй удар

[1] Йога Видья — кодифицированная система, определяющая восемь ступеней саморегуляции. Пранаяма — сознательное продление вдоха.

сорвал замок, а третьего не потребовалось — в каюте находились лишь двое охранников.

Но оставались еще четверо, и это были уже профессионалы, ни на что не отвлекающиеся во время службы. Двое из них стерегли второй блок апартаментов — с другой стороны прохода, но, к счастью, сидели не в нише для часовых, а внутри каюты, в гостиной. Еще двое дежурили на носу, в тамбуре, ведущем в нижние помещения теплохода и в каюту с барботажной ванной. Их Василий смог нейтрализовать в самый последний момент, когда оба уже собрались открыть огонь, заметив черный, несущийся по коридору вихрь. Его спасло лишь одно последствие зомбирования: у зомби-солдат реакция все же была замедленной по сравнению с нормальными людьми. Охранники не успели вызвать по рации начальника караула. Первый умер с кинжалом во рту, пронзившим мозг, второй лишился головы от удара меча-тамэ.

Вася остановился над телами, тяжело дыша, чувствуя, как сердце рвется через горло. Прошла целая минута, пока он смог восстановить силы и снова выйти в меоз. Краем глаза заметил какое-то движение сзади, вращательным взмахом кисти бросил сюрикэн и едва успел отклонить траекторию броска чуть в сторону. Это появился Парамонов.

— Тьфу на вас! — прошипел сквозь зубы Василий. — Зачем вы влезли сюда? Я же мог вас убить!

— Изменились условия. Приближаются Посвященные. Через четверть часа они будут здесь.

— Кто, Рыков?

— Трое: Рыков, Мурашов и Головань.

— О, черт! Ждите здесь, я нейтрализую еще двоих на этой палубе...

— Они уже спят, все в порядке, можно идти вниз.

— Вы усыпили зомби?! Как вам это удалось?

— Не время объясняться. Идите вперед, я прикрою спину. Ульяна предупредит, когда Рыков и компания будут близко.

Василий глубоко вздохнул, задержал дыхание, как перед прыжком в воду, перешел на темп и юркнул в колодец со ступеньками, ведущий в трюм и машинное отделение.

КТО СТОИТ НА СВОЕМ, ДАЛЕКО НЕ УЙДЕТ

Мурашов и Головань прибыли в Рязань на самолете частной авиакомпании «Шершень», на самом деле принадлежащей Службе внешней разведки. Но поскольку у Мурашова, как секретаря Совета безопасности, был допуск на любой военный сверхсек-

ретный объект, он имел возможность пользоваться им по своему усмотрению.

Прибыли двое из Девяти со своими пятерками телохранителей, и встречавший их в аэропорту в два часа ночи на летном поле Рыков отметил про себя: Посвященные не стали передвигаться без подстраховки. Сам Герман Довлатович начал прикрывать спину зомби-командой давно.

Встреча Посвященных II ступени, кардиналов Союза Девяти, напоминала сход «крестных отцов» мафии: ни объятий, ни приветствий, ни рукопожатий — короткие поклоны и перекрест стали во взглядах. Сентиментальными эти люди не были никогда. Но все же в данный момент они представляли коалицию, группу людей, делавших одно дело, поэтому о разногласиях временно забыли.

— Докладывай обстановку, — сказал Мурашов, усаживаясь в бронированный «Мерседес» Рыкова.

Герман Довлатович оглянулся на Голованя, не торопившегося к машине, кивнул на него.

— Что это с Кириллом?

Мурашов тоже оглянулся.

— Не знаю, чувствует что-то... всю дорогу молчал. О своей встрече с Соболевым он так ничего толком и не сказал.

— Просто он хорошо усвоил правило: в наше время все можно сделать, но не все сказать.

Мурашов усмехнулся.

— Возможно.

— Кирилл, время, — поторопил директора МИСИ Рыков.

Головань подошел, запахивая плащ.

— Знаете что, господа? Я не поеду.

Оба Посвященных переглянулись, потом Мурашов вылез из машины.

— Что с тобой происходит, Кирилл? Уж не зомбировал ли тебя Соболев?

Головань покачал крупной головой, глаза его отразили звезды и синие фонари взлетной полосы.

— Мне не нравится это место... мне не нравится, что во всем деле с «глушаками» замешан Юрьев... мне вообще не нравится вся эта затея — со сменой координатора. Нет, джентльмены, я подожду влезать в болото сомнительных дефиниций и расчетов.

Рыков и Мурашов обменялись взглядами.

— Кирилл, ты что, боишься?

Головань отвернулся, помолчал.

— Я чувствую чью-то... смерть. Герман, ты сказал, что контейнер с «глушаками» под твоим контролем, но не уточнил, что они у людей Круга.

— Это всего лишь Посвященные I ступени, — с пренебрежением сказал Рыков. — Парамонов и Митина. И по их следу идет Самандар, которого я соблазнил переходом в касту рангом выше.

— И все же это люди Круга, имеющие свой эгрегор. Неужели ты не чувствуешь его нарастающего давления? Но дело даже не в этом. Сюда скоро прибудет Соболев...

— Все-таки он тебя напугал, Кирилл, — нехорошо ухмыльнулся Мурашов. — Но с ним справится любой из нас, а уж тем более трое из Девяти!

— Начинать бой с Соболевым все равно что выпрыгнуть из окна двадцатого этажа и потом еще застрелиться.

Рыков фыркнул. Мурашов тоже рассмеялся, но Головань не поддержал их.

— Это не смешно, коллеги. Потенциал Соболева гораздо выше, чем принято считать, в скором времени вы убедитесь в этом. Прощайте, я возвращаюсь. — Кирилл Данилович кивнул и направился к двухэтажному зданию аэропорта в сопровождении пятерки телохранителей.

— Кирилл! — окликнул его Рыков. — Ты не ошибся в оценке ситуации? Тот, кто упорно стоит на своем, далеко не уйдет.

— Мне поводырь не нужен, — глухо, не оборачиваясь, ответил Головань и скрылся за стеклянной дверью сектора высадки.

Двое из Девяти молча смотрели ему вслед.

— Ну, что скажешь? — осведомился Мурашов. — Почему ты действительно не сказал ему, что «глушаки» все еще у Парамонова? Кстати, я чую, что он где-то близко... и не один...

Рыков очнулся, прислушался к своим ощущениям и, удовлетворенно улыбнувшись, сел в «Мерседес».

— Поехали.

— Чему ты радуешься? — Мурашов сел рядом.

— Парамонов с командой все-таки решился на штурм моей базы, где я держу семью Соболева. Через полчаса у нас будет полный комплект пленников и контейнер с «глушаками». Все идет по плану.

Виктор Викторович промолчал, хотя уход Голованя подействовал на него угнетающе и заставил переоценить кое-какие качества Посвященных. Интересно, подумал Мурашов, кого имел в виду Кирилл? Чью смерть он увидел?..

Рыков себе такой вопрос не задавал, он знал, о ком шла речь.

ПОГРУЖЕНИЕ ВО ТЬМУ

Толчок был не сильным, но довольно ощутимым.

Матвей открыл глаза, огляделся и присоединился к ровному гулу моторов. Почти все пассажиры спали. До Москвы было еще

с час лету, никаких эволюций подъема-спуска самолет делать не собирался. Что же его разбудило?

И в этот момент он ощутил нарастающую вибрацию своего психоинтеллектуального пространства. Страшная, останавливающая все движение тень встала над миром, и даже металл корпуса самолета сжался в смертельном ужасе перед властелином неведомых бездн и мертвого покоя. Матвей почувствовал небывалую, чудовищную, жуткую мощь темных крыл, взмах которых мог остановить бег атомов и разрушить спирали галактик! Взгляд пронзил Матвея, мертвый и в то же время неистово сверкающий, кипящий и зловещий, как отблеск огня на трубе крематория. Кто-то искал его через ментал, пытаясь нащупать сознание и внедриться в него. Матвей, холодея, сжался в точку, в элементарную частицу, растаял в вакууме, исчез... Вибрация пошла на убыль, пропала, но внутри у Матвея все ныло, как при перегрузке, и зрело ощущение, что его выследили. Не Бабуу-Сэнгэ и не другие кардиналы Союза Девяти, они и так знали, где он находится. Его вычислил кто-то рангом повыше.

Матвей оглянулся и встретил взгляд глубоких черных глаз, светящихся на смуглом невозмутимом лице. Хранитель смотрел на него, сдерживая улыбку, сидя в крайнем кресле, и ждал. Матвей молча встал, сел рядом.

— Добрый вечер. Давно не виделись.

— Давненько, — кивнул Матфей, одетый в какой-то блестящий комбинезон, делавший его похожим на космонавта. — Вы ничего не почувствовали только что?

— Я проснулся от... толчка. Потом увидел вас.

— Причиной... гм... толчка был не я. Ваш покорный слуга не трясет пространство во время передвижения. К тому же вы сейчас единственный, кто меня видит. Толчок произвел Монарх.

— Он... просочился сквозь барьер?

— Я уже говорил вам когда-то. Все, что творится в нашей запрещенной реальности и даже в «розе реальностей», суть результат действий Монарха. Он спровоцировал иерархов на борьбу за трон Мастера Мастеров...

— Иерарха...

— Он подготовил новое Изменение. Граница между мирами, укрепленная вами, еще держится, и он не может пробить ее на физическом уровне, но он смог обойти этот закон с другой стороны — перелив часть своего «я» в резервуар всеобщего информационного поля Земли...

— В ментал!

— В ментал тоже, но меньше. Вы же знаете, общее информполе состоит из четырех уровней: астрал, ментал, логос и универ-

сум. Монарх «растекся» по двум последним. Вы никогда не пытались проникнуть туда?

— Год назад... но впечатления это на меня не произвело. Я мало что увидел и понял. Эфирная высь без красок и перспектив, где созерцание бесстрастно, а воля погашена... где ничего не хочется и ничего не ждется...

— Да, это логос, таково первое впечатление. Информация логоса поляризована, по сути, это коллективное подсознание человечества, руководящее всеми его поступками. Хорошо, что вы больше не пробовали туда войти. Столкновение с Монархом, даже с его «проекцией», закончилось бы для вас печально.

— Он бы меня... зомбировал?

— Не исключено.

— Зачем вы все это говорите мне?

— Потому что я ваш Учитель, о идущий. Когда-нибудь надо было сказать вам это.

— Я догадывался... но не верил. Но вы же собирались уйти... в «розу реальностей».

— Я и ушел. Вы тоже сейчас видите не личность по имени Матфей, а его копию, так сказать, проекцию. Однако это не мешает нам контактировать.

— А почему я? Почему вы в ученики выбрали меня?

— Есть простой закон: люди, раз вступив в глубокое взаимодействие в земной жизни, полюбив ли по-настоящему, причинив ли друг другу зло, выручив из беды, возбудив глубокую симпатию или благодаря сродству душ, сохраняют связанность навсегда. Хотел бы я когда-нибудь еще раз встретиться с вами. — Матфей улыбнулся чуть снисходительно, печально и виновато. — Но все это лишь мечты...

— Почему? Раз вы можете пересекать границы реальностей...

— О, все изменится. Мечтая о будущем земной реальности, я просто оплакиваю настоящее, у которого будущего нет.

— Не понимаю.

— Неудивительно. У вас все впереди. Но сегодня я пришел не ради философских бесед. — Матфей посмотрел прямо в глаза Соболеву, и в его лице вдруг проступили знакомые черты.

— Инфарх! — прошептал Матвей с суеверным страхом. — Вы... инфарх!..

— И да, и нет. Я только стану им... там, в абсолютных планах, и в то же время я уже много тысяч лет инфарх. Но, конечно, с вами беседует только его часть, та, которая известна вам под именем Матфей-Хранитель. Личность, индивидуальная программа Мастера Мастеров в запрещенной реальности.

— Голова кругом!.. Значит, вы все знаете? Знаете все, что произойдет здесь у нас?..

— В какой-то мере. Вам придется все это пережить. Но запомните одно: при любом искажении формы содержание, то есть информационная матрица реальности, сохраняется. Это первое.

Матвей не понял ничего, что хотел сказать Хранитель. Вернее, он уловил смысл фразы, но к чему она была сказана, не понял.

— Второе, — продолжал Матфей, начиная вдруг бледнеть, становиться прозрачным. — Верховный координатор Союзов Неизвестных Хуан Франко Креспо санкционировал применение кодонов — особых программ гипервнушения, виртуальных переключателей сознания, созданных когда-то Инсектами. Аморфы пошли на Изменение не в последнюю очередь из-за увлечения Инсектами этим оружием. Кодоновую агрессию, если она начнется, остановить будет невозможно! Эта штука пострашнее атомной бомбы, потому что ломает психику не только отдельных людей, но и целых эгрегоров! Кардиналы Союза Девяти уже получили пятиуровневый кодон и даже успели применить одну из копий. Правда, против своего же коллеги.

— Кого?

— Носового. Хейно Яанович теперь в психиатрической клинике и вряд ли оттуда выйдет.

— Что же это, они воюют сами с собой?

— Передел власти штука азартная, в ней правил не бывает. — Фигура Хранителя стала совсем прозрачной. — Прощайте, Матвей Фомич. Даст Бог, еще свидимся. Помните, что я вам сказал.

Хранитель исчез.

Матвей, задумавшись, пересел на свое место, потом решительно настроился на переход в меоз для контакта с менталом. Через несколько минут он вернулся в самолет, узнав почти все, что было нужно, и приступил к реализации возникшего плана.

В результате этого самолет сел не в аэропорту Шереметьево-2, в Москве, а в рязанском аэропорту, в три часа ночи.

Бабуу-Сэнгэ, ожидавший Соболева в Шереметьеве, никак не выразил своих эмоций, когда диктор объявил об изменении пункта посадки парижского рейса, но это обстоятельство подвигло его на ответный ход, и прямо из Шереметьева он на вертолете вылетел к военному аэродрому в Гущине.

Матвей же, сойдя в аэропорту Рязани и отпустив наконец сознание пилотов, с ужасом осознавших, где они посадили самолет, сел в такси на привокзальной площади аэропорта, внушил водителю желание поспать в зале до утра и выехал по направлению к речному порту. Через двадцать минут он вышел из машины у причала, где стоял теплоход «Максим Горький».

Но еще при выходе из самолета на трап он почувствовал, будто спускается по скользкой тропинке в холодный, без единого проблеска света, застывший ад...

Психофизически Рыков и Мурашов были гораздо сильнее Парамонова, Ульяны и Василия. Они почувствовали это при первой же ментальной атаке Посвященных II ступени.

Конечно, они подготовились к виртуальному бою как могли, соединив свои индивидуальные пси-поля в единый щит, но силы были слишком неравными.

До этого момента, то есть до появления Рыкова возле теплохода, все шло нормально. Василий и Иван Терентьевич спустились в трюм, обезвредили семерых боевиков, охранявших два люка в машинное отделение, и Парамонов вошел в мысленный контакт с Кристиной, сообщив, что пришла подмога. Переговоры длились минуту. Раненный в плечо Валера Шевченко не сразу опознал голос Василия и не хотел открывать дверь. Наконец загремели кремальеры на железной дверце, и в коридоре появились бледные, измученные пленники. Обняли освободителей. Кристина всплакнула. Василий, удивленный и обрадованный встречей с бывшим коллегой по «Чистилищу», считавший его мертвым, с чувством пожал ему руку.

— Не думал тебя встретить, дружище! Правда, тебя не сразу узнаешь. Как ты здесь оказался?

— Стреляли, — улыбнулся Шевченко. — Долго рассказывать. Я сейчас в команде Юрьева. Слыхал о таком деятеле?

Вася присвистнул.

— Ну и занесло же тебя в зверинец!

— Я не знал, что он из того же сволочного сословия, что и Рыков. Со мной всегда вел себя по-джентльменски.

— Ну, этого у них не отнять, — скривил губы Вася. — У джентльменов все честно: мухи отдельно, котлеты отдельно. Тебе он говорил одно, а делал другое. Ладно, с ним мы еще разберемся. Давайте выбираться отсюда.

Бегом поднялись на палубу: впереди Василий с Иваном Терентьевичем, сзади Шевченко, вооруженный двумя автоматами. Плечо у него болело, но, перевязанное Кристиной, стрелять не помешало бы.

И в этот момент Ульяна, ждущая их на берегу возле металлического ограждения стоянки с дверью, которую охранял один из рыковских легионеров (Уля его усыпила), подала сигнал опасности. Впрочем, Парамонов, видевший приближение противника, не нуждался в предупреждении и вовремя поставил паранормальный блок, защитивший его и Василия от первого пси-удара. Для защиты Валеры Шевченко этого блока оказалось недостаточно. Затем для Василия начался самый странный и страшный бой, жутко реальный, несмотря на то, что проходил он в психо-

интеллектуальном, иллюзорном пространстве, и полный невыразимого драматизма и напряжения.

Пси-удар, нанесенный Рыковым и Мурашовым, мгновенно парализовал Кристину, Стаса и Шевченко, пробил мысленный соединенный щит Парамонова, Ульяны и Василия и вогнал их сознание в непостижимые ими самими глубины психики, глубины родовой памяти...

Пришел в себя Василий среди гигантских валунов на вершине плоского холма. Он был одет в шкуру какого-то зверя, подпоясан веревкой, на ногах имел нечто вроде кожаных чулок, а в четырех (!) лапах-руках держал целый набор метательных ножей странного вида.

В нескольких шагах от него стоял четырехрукий Парамонов, но одетый иначе: в кольчугу, латы, шлем с шишаком, сапоги с поножами, — и вооруженный арбалетом и длинным, чуть ли не двухметровым мечом, лезвие которого «дышало» — то удлинялось языком прозрачно-стального «пламени», то укорачивалось. Другой парой рук он держал необычной формы щит — звездообразный, перепончатый, испещренный узором жилок.

Ульяна стояла поодаль, пригнувшись, глядя вверх, экипированная примерно так же, как и Иван Терентьевич, но вместо меча второй парой рук она держала шпагу с огоньком на конце.

— Держитесь! — крикнула она, прикрываясь щитом.

Зеленая молния ударила сверху в щит, отразилась, задев один из валунов, и тот развалился надвое, расплылся алой лужицей. Василия сбило с ног, он откатился за камень, посмотрел в небо и обмер.

Чуть в стороне, над соседним холмом, всего на высоте девятиэтажного дома висело удивительное ячеистое сооружение цвета бутылочного стекла: два гигантских крыла, напоминающих крылья самолета, держали три складчатые башни разной высоты, но одинаковой длины, образуя как бы трехпластинчатый фюзеляж самолета. Сложный узор ниш, рытвин и каверн на поверхности «фюзеляжа» создавал впечатление гармонии и эзотерического иероглифического текста. Рисунок же отверстий на днище корпуса и на крыльях точно воспроизводил форму пчелиных сот, хотя каждая ячейка была размером с футбольный мяч. Это был зоэрекс, летающий замок-гнездо древних разумных ос — Веспидов.

Но не он поразил Василия.

На кромке ближайшего крыла стояли, вытянувшись вверх, два кошмарных существа, похожих на гигантских тараканов с человеческими лицами, затянутые в сетчатые, отсверкивающие золотом «скафандры». Но оружие в их руках-лапах было гораздо современнее того, чем были вооружены люди на холме. Рыков

(«таракан» черный) держал нечто вроде огнемета, Мурашов («таракан» лиловый) — громадный «пистолет» с длинным решетчатым дулом. И Вася понял, что разница в вооружении отражает уровень противостояния Посвященных I и II ступеней. Сам же он и вовсе был практически безоружен по отношению к врагу со своими ножами.

Мурашов поднял пистолет, из дула которого вырвалась знакомая зеленая молния. Но за мгновение до этого Парамонов и Ульяна подняли щиты, удивительным образом соединившиеся в единый зонтик из полупрозрачной перепончатой пленки, который накрыл всех троих. Молния вонзилась в зонтик, пробила его, породив оглушающий треск, и погасла в почве холма, проделав в ней оплавленный шрам. Ульяна и Парамонов на ногах устояли, Василия же швырнуло в сторону на несколько метров, едва не вмазав в камень.

Сгруппировавшись, он перекатился под защиту валуна и швырнул нож вверх изо всей силы, так что застонали мышцы плеча.

Нож до платформы зоэрекса не долетел, зеленая молния превратила его в облачко дыма.

— Не отвлекайся на них! — снова крикнула (не голосом, а мысленно, и Вася это понял) Ульяна. — Твоя задача — увести отсюда пленников и пробиться сквозь охотников.

Только теперь Василий увидел невдалеке, в воронке за камнями, два скорчившихся тела — Кристины и Стаса и почти полностью сгоревший труп Шевченко. Одетые в какие-то лохмотья, Кристина и мальчик не шевелились. Вася понял, что близкие Матвея без сознания. Увидел он наконец и тех, кого Ульяна назвала охотниками. Снизу вверх по склону холма двигалась цепь волосатых карликов с палицами и луками в руках. Это были телохранители из команд Рыкова и Мурашова, превращенные фантазией Васи в «пещерных людей». Но он знал, что драться с ними надо всерьез.

Увернувшись от очередного выстрела Мурашова, Василий вскочил и понесся вниз, с разбегу ударив первого приблизившегося карлика ногой в живот, а второго сбив с ног корпусом. Затем швырнул три ножа одновременно, целя в тех, кто метил в него из луков. Упал, пропустив над собой две свистнувшие стрелы, подхватился и бросил последний нож. Перекатился по земле под защиту скального выступа, поднял упавший лук, колчан со стрелами и спрятался за скалу, принявшую на себя еще несколько стрел. Он вывел из строя уже шестерых охотников, но их было вдвое больше, и все они непрерывно стреляли из луков, все точнее и точнее, и прорваться сквозь этот огонь с двумя беспомощными пленниками не представлялось возможным.

Но главным фактором, порождавшим отчаяние и ярость, было то, что Ульяна и Парамонов проигрывали бой двум из Девяти Неизвестных. Силы были слишком неравными.

Уже дважды молнии выстрелов Мурашова пробивали щит Ивана Терентьевича, проделав оплавленные борозды на его латах, и выбили из рук Ульяны ее шпагу. А затем в поединок вступил наконец Рыков, сделав выстрел из своего страшного «огнемета».

Клубок неистового радужного огня ударил в соединенный щит Посвященных I ступени, разбил его вдребезги, но и сам слегка отклонился, врезавшись в скалы рядом, проделав в них глубокий многометровый ров. Второй выстрел должен был сжечь и сопротивлявшихся людей. Но в этот миг произошли два события, круто изменившие ситуацию.

Сначала Иван Терентьевич, долго маневрировавший и выбиравший время для ответного удара, сделал стремительный выпад своим удивительным мечом. Лезвие меча удлинилось метров на тридцать и пронзило Мурашова насквозь. Виктор Викторович, вскрикнув, выронил пистолет, стрелявший молниями, сделал неверный шаг и камнем полетел вниз. Раздался тяжелый всплеск, будто свинцовое тело одного из Девяти упало не на склон холма, а в асфальтовое озеро. От сильнейшего сотрясения Василий упал на колени, но, будучи в состоянии боевого транса, не стал отвлекаться на созерцание полета Мурашова, а выстрелил из лука в Рыкова. И попал! Правда, для Посвященного II ступени его стрела, вонзившаяся в руку, была не страшнее комариного жала, и Рыков даже не пошатнулся, наводя ствол «огнемета» на вершину холма внизу. Однако второе событие заставило его оглянуться.

Между холмами показался всадник на шестиногом звере, закованный в сияющие холодным голубым огнем латы. От мощного ровного топота задрожала земля. Низкорослые охотники, окружавшие Василия, попятились. Ульяна и Парамонов, сбитые с ног, поднялись, глядя на приближавшегося всадника как на вестника смерти. Но это был не «князь тьмы», не один из Девяти, пожелавший помочь кардиналам Союза, это пришел Матвей Соболев.

Шестиногий монстр легко вознес его на вершину холма и остановился как вкопанный. Глыба металла, которой казался Соболев, шевельнулась, высвобождая закрепленное справа копье с мерцавшим серебристым наконечником, направляя острие вверх. Левая рука гиганта медленно подняла арбалет с толстой стрелой, наконечник которой тоже светился, но желто-оранжевым светом, словно раскаленный в горне.

Несколько мгновений Соболев и Рыков смотрели друг на друга, оценивая шансы на победу. Потом Генеральный Судья «Чис-

тилища» окутался пеленой серо-зеленого дыма, дым распух в облако, поредел, растаял, а вместе с ним растаяла и фигура одного из Девяти, пожелавшего стать Первым из Девяти. Рыков бежал!

ГОЛАБ

Майор ВВС, летчик первого класса Геннадий Степанович Ломотов, любил поспать после дежурства. Вторник восемнадцатого июня был именно таким днем, когда он мог позволить себе расслабиться. Вторая жена, прожившая с Ломотовым уже десять лет (первая сбежала от него спустя месяц после свадьбы), знала все слабости мужа и умело боролась с ними, но сон его никогда не нарушала, зная, что спать мужчина должен столько, сколько требует организм. Геннадий за это здорово уважал супругу и за все десять лет супружеской жизни на сторону не посмотрел ни разу.

Однако во вторник сон летчика был нарушен насильственным путем, хотя и не по вине жены. Она об этом даже не узнала, с утра пораньше отправившись на рынок за продуктами. Работала она парикмахером в военном городке под Гущином, где был расположен военный аэродром, и в этот день ее смена заступала в два часа дня.

Проснулся Геннадий Степанович от холодного прикосновения к лицу. Вздрогнул, пытаясь стереть со щеки «струйку воды», пробормотал недовольно: «Отстань, дай поспать...» Потом открыл глаза и окончательно проснулся.

Возле кровати стоял невысокий бронзоволицый человек, по типу лица — монгол или бурят, одетый в черный шелковый халат с красным поясом, на голове его красовалась необычная шапочка-тюбетейка в форме пирамиды. Раздвинув губы в холодной улыбке, он молча, не мигая смотрел на хозяина.

Ломотов, не ожидая подвоха, сел, почесал волосатую грудь, живот, наконец зевнул.

— Вам кого?

Монах продолжал молчать, изучая лицо Геннадия Степановича непроницаемыми черными глазами.

— Маш, кто это? — повысил голос Ломотов. — Кого ты впустила?

— Она ушла, — заговорил наконец незнакомец гортанным голосом. — Геннадий Степанович Ломотов, вы являетесь командиром эскадрильи многоцелевых истребителей-перехватчиков «СУ-35», расквартированной в Гущине?

— Ну? — сказал Ломотов.

— Тогда слушайте приказ.

— Какого хрена! — изумился Геннадий Степанович, поднимая редкие соломенные брови. — Маш, ступай-ка и выгони этого шута!

— Встать! — тихо скомандовал монах, и Ломотов поперхнулся, выражение изумления сползло с его лица, глаза стали пустыми и полусонными. Он медленно сполз с кровати, выпрямился, глядя на монаха, как удав на кролика.

— Сейчас вы умоетесь, позавтракаете, соберетесь и поедете на аэродром. Жене скажете, чтобы не волновалась, что у вас срочный вылет. В принципе так оно и есть. На аэродроме подготовите свой самолет к вылету и взлетите. Курс — Сергиев Посад, цель — Свято-Троицкая Сергиева лавра. Нанесете по ней ракетный удар. Повторите.

Майор, запинаясь, повторил, но все же потом сработала, очевидно, часть его сознания, еще не задавленная чужой волей.

— Но там же люди... и лавра... храмы... Жестоко... Зачем?

— Вы правы, — кивнул гость, — жестоко. Но это Голаб[1], закон власти, который не знает вопроса «зачем?». — Он задумчиво оглядел лысеющего, полнеющего, заросшего рыжим волосом майора. — Это секретный приказ командования. О нем никто не должен знать, иначе смерть! В Сергиев Посад проник враг, его надо уничтожить. Повторите.

Ломотов повторил, уже увереннее.

— А теперь слушайте внимательно. — Монах произнес странно звучащую фразу, не переводимую ни на один из земных языков. Когда звуки стихли, Геннадий Степанович сел на кровать — колени вдруг ослабели — и закрыл глаза. Когда открыл — в спальне никого не было.

Впрочем, о визите монаха майор потом вспомнить не мог вообще, будто его не существовало.

Через час, сделав все, что приказывал гость, хотя сам Ломотов считал, что действует по собственной инициативе, он уже выезжал из города, расположенного в семи километрах от аэродрома. В десять часов двадцать минут он вошел в ворота КПП. Без двадцати десять проследовал к капонирам «СУ-тридцать пятых», одетый в гермокостюм. День был нелетный, самолеты стояли на приколе, многие — со снятым вооружением, и требовалось время, чтобы подготовить командирский самолет к боевому вылету. О том, что вылет боевой, майор, естественно, не сказал никому. Да его и не спрашивали, считая, что командир эскадрильи полу-

[1] Голаб — Дьявольская Жестокость, одна из категорий (иерархий) Тьмы (*каббала*).

чил учебное задание. В десять часов пятьдесят минут к «СУ-35» с бортовым номером «01» подъехал заправщик, подстыковал шланги, и в баки самолета хлынул керосин...

Одноместный истребитель «СУ-35» был разработан в КБ Сухого еще в 1985 году и предназначался для действий не только по воздушным целям, но и для нанесения дальних и высокоточных ударов по тылам противника. Он был способен поражать на большом расстоянии надводные корабли — от авианосца до малозаметного катера, вести борьбу с самолетами дальнего радиолокационного обнаружения, с воздушными командными пунктами, а также летать на малых высотах, облетая препятствия, и уничтожать малоразмерные наземные цели.

Самолет оснастили новой системой управления вооружением, включающей бортовой компьютер, оптоэлектронную связь и многорежимную помехозащищенную РЛС, позволяющую обнаруживать воздушные цели на дальности до четырехсот километров, одновременно сопровождать не менее пятнадцати целей и не менее шести атаковать ракетами. Кроме того, на самолете использовалась автоматическая защищенная система обмена данных о целях, которая позволяла пилоту выбирать и атаковать наиболее опасную цель.

По широте ассортимента вооружения «СУ-35» не имел аналогов в мире. На внешних узлах подвески он мог нести до шестнадцати ракет разных назначений и мощности — больше, чем любой другой истребитель. Но главное для заказчика, закодировавшего майора Ломотова, было то, что на самолете могли быть размещены ракеты типа «Х» с телевизионным и лазерным наведением для атаки наземных целей. Двух таких ракет даже без ядерной начинки, например, «Х-25» или «Х-59», вполне хватило бы, чтобы уничтожить любой наземный объект с толщиной стен до двух метров. На самолете же майора Ломотова были закреплены ракеты «Х-96» с подъядерным боезапасом, взрыв которых создавал зону полного разрушения на площади в два квадратных километра. Их хватило бы для разрушения не только Троице-Сергиевой лавры, но и всего Сергиева Посада, расположенного в семидесяти километрах от Москвы.

В одиннадцать часов двадцать пять минут «СУ-35» с бортовым номером «01», ведомый командиром эскадрильи майором Ломотовым, стартовал с аэродрома в Гущине, направляясь по дуге вокруг Москвы на север. Лететь до цели ему предстояло всего семь минут.

ПРАВИЛО ВЕРЫ

Снова они оказались затерянными в болотах Мещеры. Только теперь не как туристы, а как беглецы.

Бой на теплоходе «Максим Горький» закончился гибелью Мурашова, Валеры Шевченко и бегством Рыкова. Боевые группы кардиналов Союза Девяти потеряли половину состава и тоже были не в состоянии продолжать борьбу и вести преследование. Помятые, но живые и здоровые, Ульяна, Василий, Парамонов, Кристина, Стас и Матвей погрузились в котовскую «Вольво» и в полной темноте отмахали шестьдесят километров на север, в сторону Спас-Клепиков, пока не кончился бензин. После этого они пробрались в село Ершово, нашли на берегу озера лодку, спустили на воду и погнали ее опять же в полной темноте вверх по Пре, практически повторяя маршрут тургруппы Котова, пройденный ею почти две недели назад. Никто их не увидел и не услышал, не тявкнула ни одна собака, не крикнул ни один петух. Посвященные держали полевую обстановку под контролем.

Когда наконец рассвело, беглецы были уже в двенадцати километрах от Ершова, на озере Великом. Отдохнули с час, перекусили консервами и снова поплыли вверх, к озеру Святому, на северном берегу которого начинались обширные леса и болота.

В семь утра сделали привал. Посматривая друг на друга, собрались у бездымного костра, который развел Василий. Стас чувствовал себя нормально, Кристина же была бледна и все время прислушивалась к себе, к шевелению в животе. Нападение, пленение, выстрел из «глушака», бегство, волнения последних суток не могли не сказаться на ее самочувствии и психическом состоянии, поэтому она с трудом держалась на ногах и безучастно выполняла мягкие распоряжения Матвея.

Позавтракав, мужчины проверили снаряжение отряда и вынуждены были признать, что экипированы недостаточно хорошо для хождения по лесам, а тем более для отпора врагу, который вскоре должен был предпринять новую попытку отобрать свое — «глушаки» и, конечно же, нейтрализовать Соболева. Правда, об этом знал только один Матвей, который во время всего отступления прокручивал в уме варианты своего участия в конфликте Посвященных.

Василий, который все еще был в черном костюме ниндзя, достав из сумки джинсовую двойку, переоделся. Иван Терентьевич тоже взял кое-что из одежды, не забыл прихватить с теплохода один «никонов» и два магазина к нему. В Васиной сумке оказались консервы, хлеб, сахар и сухое молоко, а также полный набор Н-1: сюрикэны, бола, десантные ножи «бакмастер» и «найтхок», шарики, комплект саев, шнур, взрыв-пакеты, светобарические

гранаты величиной с грецкий орех, духовая трубка с отравленными иглами и даже короткий окинавский меч-тамэ. Естественно, ему же пришлось нести и сорокапятикилограммовую сумку с «глушаками». Плывя по озеру, он сгоряча предложил ее утопить, но вовремя сообразил, что преследователям ничего не стоит поднять ее со дна.

Матвей был одет в стандартный таскер и нес с собой небольшую спортивную сумку, которую ни разу не раскрыл. Дорожный костюм Ульяны превращал ее в родную сестру Соболева, и лишь Кристина выделялась нарядом из всей компании: ей оказались почти впору Васины черные шаровары, выбирать было не из чего, ее джинсы пришли в полную негодность. Матвей взял ее под руку и повел в лес, бросив через плечо:

— Буду через полчаса.

Ульяна посмотрела им вслед, потом предложила Стасу искупаться, и они убежали к озеру. Стас все понимал, ни на что не жаловался и, хотя лицо его осунулось и побледнело, держался молодцом.

Василий и Парамонов остались у костра.

— На консервах мы далеко не уйдем, — буркнул Вася, подбрасывая в костер сушняк. — Такие вот инфарктные гонки требуют слишком много энергии.

Жующий что-то Иван Терентьевич сунул руку в карман и протянул кулак Котову.

— Держи.

— Что это?

— Сухой горох, очень полезная штука.

Василий разгрыз несколько горошин, сплюнул, проворчал:

— Это не горох, а консервированные зубы... А куда это Матвей ее повел?

— Думаю, хочет полечить, оздоровить. Существует несколько эзотерических способов лечения большинства болезней и снятия усталости, тем более мы в лесу.

— Расскажите.

Иван Терентьевич прожевал очередную порцию гороха, лег на траву, раскинув руки.

— Ну, самый простой и надежный в данном случае — способ соответствия. Входишь в соответствие с объектом, с деревом, например, проникаешь в его эфирную оболочку, как бы роднишься с ним и делишь с деревом болезнь или усталость.

— Так просто?

Парамонов улыбнулся.

— Это совсем не просто, но Матвей знает, как это делается. То же самое можно проделать и с животными, с медведем, например, с волком, с лосем.

— Зверей жалко...

— Они не погибнут, их вылечит собственный эгрегор, природа, запасы жизненных сил.

Василий подумал, встал и бесшумно нырнул в кусты, следуя за Соболевыми. Он обнаружил друга с женой в сорока шагах от озера, возле гигантского дуба. Оба стояли, обхватив его руками, прижимаясь к стволу всем телом, и не двигались. Постояв несколько секунд, Вася вернулся обратно. Иван Терентьевич понял его переживания, но ничего не спросил. Задал вопрос сам Василий:

— Что будем делать дальше, учитель?

Иван Терентьевич никак не отреагировал на слово «учитель».

— Придет Матвей, поговорим. Одно могу сказать точно: нас сейчас ищут не только Рыков и его коллеги по Союзу Девяти, но и спецподразделения ФСБ и МВД.

— Они-то с какого краю здесь оказались? Мы же ничего противозаконного не сделали.

— Это смотря как подать информацию тем, кто приказывает. После того как Матвей перекрыл границу нашей реальности с более высокими планами «розы реальностей», Союз Девяти потерял свою былую силу. Неизвестные стали допускать промахи и ошибки... как и в данном случае. Началось все с кражи «глушаков», а ФСБ не та организация, которая прощает такие ошибки. Для нее этот случай стал чем-то вроде лез-мажесте[1]. Думаю, Рязанская область в настоящее время обложена со всех сторон. Так что неизвестно, кто первый выйдет на нас.

— Да уж, перспектива будь здоров... — промычал Василий. — Хрен редьки не слаще... хотя по мне — лучше драться с нормальными профессионалами и даже с зомби, чем с господином Рыковым и его коллегами.

— Вообще-то лучше не драться ни с кем.

Василий согласно кивнул и тоже улегся на траву, раскинув руки.

Матвей с Кристиной пришли через полчаса.

Кристину было не узнать. Оживлена, деятельна, румянец вернулся на щеки, тени под глазами исчезли, и лишь глубоко на дне глаз все еще не растаяла тень обреченности и страха.

— Крис, иди к нам, — раздался с водной глади голос Стаса. — Вода теплая.

Кристина посмотрела на Матвея, и тот с едва заметной улыбкой закрыл глаза, разрешая купание.

— Ну что, милостивые судари, спасатели девиц, оценили наше положение?

---

[1] Лез-мажесте (Lèse-majesté) — преступление против монарха, покушение на высшую власть (*фр.*).

— Положение, как всегда, безнадежное, — ухмыльнулся Василий. — За нами идет целая стая охотников, а скоро будет не одна и не две. Предлагаю сдаться, иначе все потеряем.

Не всегда понимавший Васин юмор, Иван Терентьевич посмотрел на него с тревогой и мягко сказал:

— Не паникуй, мэйдзин. Есть хорошая тибетская пословица: теряешь жену — приобретаешь свободу, теряешь здоровье — приобретаешь удовольствие, теряешь деньги — приобретаешь опыт, теряешь надежду — теряешь все.

Василий засмеялся, видя, как на лицо Парамонова ложится печать озабоченности. Улыбнулся и Матвей.

— Все в порядке, Иван Терентьевич, он шутит. Я еще не видел, чтобы этот мрачный тип сдавался, какой бы безнадежной ситуация ни казалась. Мне нужна ваша помощь... и Улина тоже.

Парамонов испытующе глянул на Соболева, и тот уточнил:

— Я хочу выйти за «круг великого молчания».

— В ментал?

— Выше, в логос. А для этого нужна ваша подстраховка, чтобы, во-первых, отсечь возможную пеленгацию, а во-вторых, вернуться обратно в свое тело, а не в чужое.

— Это опасно.

— Знаю, но другого выхода нет. Нас действительно обложили со всех сторон, как зайцев, и живыми не выпустят. У всех приказ: уничтожить любой ценой! Поэтому мне хочется заручиться поддержкой эгрегора Собирателей или Хранителей, чтобы нам помогли.

— Какую помощь вы ожидаете?

— Самую что ни на есть материальную. Нам надо не только выбраться за пределы оцепления, но и опередить кое-кого.

— Союз Девяти?

— Его лидера, Бабуу-Сэнгэ. Вы слышали что-нибудь о кодонах — особых программах гипервнушения?

Лицо Парамонова напряглось, на мгновение стало грозным и властным, каким Василий его еще не видел.

— К сожалению, слышал. Снова из небытия выплыло это адское изобретение Инсектов.

— О чем вы? — недовольно осведомился Василий. — Не могли бы говорить понятней?

— Кодон — это и есть Слово Власти, Слово Бога, — сказал как бы нехотя Иван Терентьевич. — В физическом смысле это суперпозиция тонких полевых состояний вакуума, зона бифуркации, оказывающая максимальное психофизическое воздействие на глубины подсознания человека. — Он повернул голову к Соболеву. — Вы меня встревожили, Матвей. У Бабуу-Сэнгэ есть кодон?

— Да, им его снабдил верховный координатор Союзов Хуан Креспо. И теперь по Земле начинает расползаться кодоновая агрессия, означающая конец вида Хомо сапиенс... чего, собственно, и добивался Монарх Тьмы. Я думаю, он уже присутствует в астрале и ментале в виде проективного поля и готовит Изменение. Как долго осталось ждать, я не знаю.

У костра, постреливающего угольками, разлилось молчание. Василий, как более несдержанный, хмыкнул:

— Иной раз мне кажется, что я сплю... что ничего этого нет. Нет леса, реки, озера, вас... врагов и друзей... нет вообще реальных вещей, а есть лишь мои иллюзии... и так иногда хочется проснуться!

— В восемнадцатом веке жил такой немецкий ученый Лихтенберг, — рассеянно проговорил Парамонов. — Однажды он сказал: «В настоящее время я тоже полагаю, что вопрос, имеют ли вещи вне нас объективную реальность, лишен всякого разумного смысла».

— Вот-вот, — проворчал Василий. — Видимо, ему казалось то же самое, что и мне.

— Вы мне напомнили... — медленно сказал Матвей, глянув на Ивана Терентьевича. — Кроме кодонов, есть и иные точки бифуркации...

Парамонов пристально посмотрел на него, их взгляды встретились.

— Вы имеете в виду... эйнсоф?

— Да.

— Это не выход из положения.

— Не уверен... наверное, не выход... к тому же я не знаю его координат.

— Вы его искали?!

— А разве в этом есть нечто предосудительное?

— Если вы искали эйнсоф через ментал, то нам действительно отсюда не вырваться! О ваших поисках наверняка знает Бабуу и сделает все, чтобы вас нейтрализовать. Вплоть до сговора с Монархом!

— Нейтрализовать — значит, убить? — уточнил Василий, не совсем понявший, о каком эйнсофе идет речь.

Парамонов пропустил его вопрос мимо ушей.

— Где вы искали?

— Везде... В Москве, в России вообще... во всем мире. Это должен быть какой-то знаменитый храм или собор, но их слишком много. Я не нашел.

— Подмосковье смотрели? Патриаршию резиденцию в Свято-Даниловом?

— Свято-Данилов монастырь в первую очередь, а вот Под-

московье не все. — Матвей вдруг побледнел. — О Господи... Сергиев Посад!

Парамонов покачал головой.

— Вы не проверили Троице-Сергиеву лавру?..

Матвей закрыл глаза, побледнев еще больше.

— Ты что, Соболь? — придвинулся к нему встревоженный Василий. — Тебе плохо?

— Мне надо отстроиться... не мешай.

Парамонов успокаивающе положил руку на плечо Соболева.

— Давайте сделаем это вместе, Матвей.

Соболев открыл глаза, мерцающие нестерпимым ледяным огнем, глубоко вздохнул. Посвященные молча смотрели друг на друга. Потом Парамонов протянул руку и пожал протянутую к нему руку Соболева. Рукопожатие породило искру тихого оранжевого разряда, на миг озарившую все вокруг.

— Позвать Ульяну? — спросил Василий, восприняв «электрический контакт» Посвященных как должное.

— А я уже тут, — появилась в одном купальнике девушка.

Трое мужчин оглянулись, и взгляды их были столь красноречивы, что Ульяна невольно покраснела. Но взгляд, который она бросила на Василия, был особенным, и все это почувствовали, даже сам Вася. Теперь он вполне мог пойти на танк с голыми руками.

Хождение Посвященных «за три моря», то есть за три горизонта всемирного энергоинформационного поля, внешне походило на коллективный сеанс медитации или спиритический сеанс.

Они уселись лицом друг к другу на траву, в ложбинке, окруженной кустами ольхи и рябины, приняли позу лотоса и закрыли глаза. Васе невольно стало обидно, что он остался четвертым лишним, но эта обида длилась недолго. Он верил, что когда-нибудь сможет постичь многие тайны Внутреннего Круга и присоединится к избранным на равных. Пока же он занял позицию неподалеку от друзей, готовый защитить их от любой опасности, коль таковая появится. Не забывал он и поддерживать неторопливый разговор с Кристиной, успокаивая этим женщину.

Матвей прошел астрал и ментал спокойно, в режиме «привидения», поддерживаемый паутиной защитных блоков Парамонова и Ульяны. Чья-то мощная волевая структура пыталась остановить скольжение мысли Матвея, но была отклонена, повернута к себе самой с помощью эффекта пси-зеркала, и Матвей не стал разбираться, чей интеллект ждал его в засаде. Это мог быть как Бабуу-Сэнгэ, так и Монарх Тьмы.

Скольжение в глубь информполя закончилось у «железобетонной» стены потенциального барьера, отделявшего ментал от

соседнего уровня — логоса, и Матвей задержался здесь, перестраивая свое эфирное пси-волевое тело. За считанные мгновения он превратился в раскаленную, отточенную до молекулярной толщины иглу и вонзился в «стену», преодолевая ее злое противодействие. И тотчас же превратился в существо с колоссальной нервной системой, простирающейся в бесконечность.

Он ощутил Бездну! Бездну не человеческих эмоций и переживаний, а Бездну Знаний, заполнявших Вселенную. Он осознал до мельчайших подробностей сущность каждого элементарного кирпичика Мироздания — кварка, преона, стринга, суперточки... Он понял смысл континуальных превращений пространств и времен друг в друга, отношений Всего со Всем, перетекания мысли из формы в форму, смысл рождения и смерти... И еще он увидел След Безусловно Первого — первооснову Мироздания, не вакуум, но Великую Пустоту, Нирвану...

Найти то, что он искал, было делом несложным. Более трудной задачей было настроиться на массив целевой информации, принадлежащей эгрегору Собирателей. Но и с этим Матвей справился, сумев объяснить, чего он хочет, и получить «зеленую вспышку одобрения». После чего пора было возвращаться из эфирных высей на грешную землю и делать земные дела. Время играло против них. Оно оставалось неподвластным Посвященным всех ступеней Внутреннего Круга, подчиняясь только Первопричине. Но Безусловно Первый был бесконечно далек от переживаний представителей человеческого рода и не ответил на зов. Хотя у Матвея сложилось впечатление, что его услышали.

Возвращение в тело было стремительным, как падение метеорита. Если бы не помощь Ульяны и Ивана Терентьевича, Матвей непременно «разбился бы» или «проскочил мимо себя». Но все закончилось благополучно. Он осознал себя живым и сильным, хотя все тело болело, а перед глазами все плыло и качалось. Тонкие, но сильные руки Ульяны поддерживали его, а Парамонов протягивал кружку с соком земляники, которую успели насобирать Кристина, Стас и Василий.

— Все в порядке? Живой?

— Почти, — ответил Матвей, переживая острый приступ головокружения. — Все правильно, Иван Терентьевич. Эйнсоф в Сергиевом Посаде, точнее, в Надкладезной часовне лавры. Есть еще два эйнсофа, но они подальше, в Египте и в Австралии, нам туда не добраться.

— Но и до Посада около двухсот километров.

— Доберемся. Сейчас садимся в лодку и плывем до северной оконечности Святого озера, в устье Бужи. Там нас будут ждать.

— Кто? — спросил Василий.

— Не друзья, — ответил Матвей, с трудом вставая, но делая вид, что он бодр. — Но и не враги.

ТРЕВОГА ПО «ЧЕТЫРЕМ НУЛЯМ»

Утром восемнадцатого июня десантная рота группы «Витязь», принадлежащей Управлению спецопераций ФСБ, была поднята по тревоге и сброшена на Сергиев Посад. Задачу командир роты получил необычную: скрытно окружить Свято-Троицкую Сергиеву лавру и задерживать всех, кто попытается пройти на ее территорию. Тех же, кто вздумает сопротивляться, следовало уничтожать!

Еще одно подразделение Службы безопасности — батальон «Руслан» также был поднят по тревоге и переброшен в район Мещерских болот на территории Рязанской области. Приказ прочесать район, используя всю новейшую технику, в том числе секретные вертолеты «МИ-веллер», и задерживать всех, кто прячется в лесах, на реках и озерах. Сопротивляющихся — уничтожать!

И еще одна группа из элитарного спецподразделения ФСБ «Тигр», принадлежащего Управлению «Т», в то же самое время высадилась в Рязани и взяла под контроль вокзалы города, телецентр, радиостанцию и транспортные колонны. Кроме того, она установила наблюдение и над вокзалами в других городах на севере области, а также над дорогами, ведущими на север, в сторону Москвы и Ярославля.

Все эти мероприятия по классу «элит» были предприняты с подачи Юрьева, имеющего своих людей во всех эшелонах власти и друзей в силовых структурах — Федеральной службе безопасности, Министерстве внутренних дел, Министерстве обороны. Таким образом, кроме сил федералов, Юрьев и Бабуу-Сэнгэ задействовали сотни и тысячи людей других силовых структур, большинство из начальников которых ведать не ведали, ради чего это делается и что за этим кроется.

Так, в район Солотчи и Спас-Клепиков, сел Ершово, Тюково, Дунино, Канино, Лека и Коренец были выброшены десанты сил МВД с розыскными собаками, получившие задание проверять весь транспорт на дорогах и задерживать все группы людей — трех мужчин, двух женщин и ребенка. А дороги Коломны, Воскресенска, Егорьевска, Орехова-Зуева, Петушков, Киржача, Александрова, Хотькова, Струнина и Красноармейска перекрыли воинские соединения, получившие аналогичный приказ.

Генералу Коржанову стало известно об этом от одного из его агентов в ФСБ, и он тут же направился к президенту, понимая, что случилось нечто экстраординарное, — но что?! Однако до кабинета Ильи Ильича генерал не дошел. Убийца-зомби, давно получивший задание уничтожить главу службы безопасности, взорвал себя, половину парадной лестницы в Белый зал и Коржанова с двумя его телохранителями.

Рыкову генерал был уже не нужен, он сделал свое дело.

Спустя полчаса после убийства Коржанова президент принял у себя советника по безопасности Германа Довлатовича Рыкова и получил исчерпывающие сведения о заговоре, в котором якобы замешаны были высшие государственные лица: секретарь Совета безопасности Мурашов, начальник службы информации Носовой и начальник администрации Юрьев.

Герман Довлатович был уверен, что останется единственным кардиналом в Союзе Девяти, обладающим реальной властью на ближайшие несколько лет.

АНГЕЛ ПРИСУТСТВИЯ

Дважды им приходилось прятаться под сенью леса от вертолетов и сбивать со следа отряды рейнджерс с собаками. Последнее удавалось легко, Посвященные внушали охотникам из ведомств ФСБ и МВД, что никого здесь нет и в помине, и две группы в пятнистых комбинезонах проследовали дальше на восток и на север.

Не искали их только Посвященные из Союза Девяти: Рыков, Юрьев и Бабуу-Сэнгэ, — что беспокоило не только Ивана Терентьевича, но и Матвея. Несмотря на обещанную поддержку со стороны эгрегора Собирателей, он был далеко не уверен в том, что ее получит.

В начале десятого они достигли северной оконечности Святого озера и пристали к берегу, чутко вслушиваясь в тишину утреннего леса. Вытянули лодку на берег, спрятав ее в кустах, обследовали окрестности и вернулись на опушку сосново-лиственного леса, подступавшего к воде почти вплотную. На многие километры вокруг не было ни одного человека, кроме разве что пастуха, стерегущего деревенское стадо коров, однако всем троим непрестанно мерещилось, что за ними наблюдают, причем не из одного места и с разными эмоциями. Нельзя сказать, что они не учитывали возможность преследования со стороны кардиналов Союза Девяти, но тем не менее надеялись на везение и собственные силы. И все же психоэнергетическая структура пространства так прогибалась под воздействием чьих-то десинхронизирующих потенциалов, каких-то странных отголосков далекой бури, что это в конце концов заставило Матвея выйти в астрал.

Естественно, он сразу понял, что означает «прогибание» пространства леса, но было уже поздно. Тот, кто неслышно следовал за ними, прячась за порогом чувствительности их биолокаторов, начал пси-сражение, уверенный в своих силах, вооруженный лучше и знающий больше. Этим страшным противником был

Юрий Венедиктович Юрьев, не поспевший к бою на теплоходе в Рязани, но решившийся наконец на кодоновую атаку.

Он возник со стороны озера, проплыв под водой около километра, никем не видимый и не слышимый. Не видели его не только Кристина и Стас, несколько успокоившиеся после пережитого, но и Василий, и Ульяна Митина, и даже Парамонов едва хватал своим гиперзрением стеклянистый призрак гигантского дракона, поднимающегося из воды, облик которого отражал внутреннее состояние Юрьева. Лишь Матвей, мгновенно перенастроивший психику на максимум ментального видения, разглядел двойное эфирно-материальное тело одного из Девяти, понял его намерения и первым принял на себя кинжальный выпад кодона, наспех соорудив психофизический заслон и перейдя на другую частоту внимания.

И все же удар был слишком силен, чтобы отразить его без последствий. Даже Парамонов и Ульяна почувствовали его злую мощь, повергшую их в состояние заторможенности, хотя им досталась лишь сотая доля излучения «глушака».

Сознание Матвея вылетело из тела, как ядро из пушки, достигло Луны и разбилось о ее поверхность! Это было его первым впечатлением. Вторым стало ощущение, будто он представляет собой раскаленный брусок железа, лежащий на наковальне, а сверху опускается молот. Опустился!

Страшный удар бросил Матвея в бездну боли и мрака, сквозь которую он падал целую вечность — так остов корабля проваливается в океанские глубины и погружается в холод, темноту и неподвижность...

Однако запасы душевных сил в глубинах психики все же не позволили ему утонуть. Сработавшая память предков выловила сознание в бездне небытия и вложила в бегущую вниз, в прошлое, струйку души. Он оказался в теле своего прадеда, воевавшего за свободу Родины с фашистами. Может быть, это была Курская дуга, может, сражение под Прохоровкой. На окопы русских солдат шла грохочущая лавина немецких танков, и один из них выстрелил прямо в него — Матвея Соболева, душа которого снова вылетела из тела прадеда и, провалившись на столетие, оказалась в теле какого-то предка, воевавшего на Кавказе. Огромный чечен в папахе нанес предку страшный сабельный удар в висок, и сознание Соболева метнулось дальше по цепочке генной памяти, еще глубже в прошлое.

Он был офицером в войске Кутузова, разведчиком русского войска на Куликовом поле, защитником древнерусского поселения на рубеже тысячелетия, шаманом, воином в армии Александра Македонского, индийским князем, правителем Дадж-аш-Шаала, египетским жрецом, Первочеловеком — и везде его на-

стигал враг и гнал все дальше и дальше, и не было у Матвея ни сил, ни возможностей остановиться и оказать сопротивление.

Наверное, этот бой Юрьев выиграл бы, раз за разом разряжая в Соболева «глушак», модулированный кодоном. Но Юрий Венедиктович упустил из виду одно обстоятельство — вмешательство эгрегора Собирателей, касты Внутреннего Круга, ответственной за сбор информации. Вмешательство это было таким тонким, что Юрьев его не уловил. Держа под контролем Посвященных — Парамонова и Митину, он совсем забыл о Котове, считая его пси-потенциал пренебрежимо малым. Однако так не считал сам Василий, ощутив вдруг приток сил.

При первом же выстреле Юрьева, сообразив, кто это и где находится, он вошел в темп, подхватил один из автоматов и бросился прочь, сразу выйдя из зоны столкновения Посвященных, а также из зоны внимания Юрьева. Пробежав около сотни метров по берегу, Василий нырнул в воду и поплыл за спину Юрьева, чувствуя кипение воды вокруг разогретого тела одного из Девяти.

Интуиция сработала вовремя. Он вынырнул из воды не ближе и не дальше, чем следовало, — в тридцати метрах от Юрия Венедиктовича. Облик одного из Девяти все еще двоился — на тело человека накладывался образ дракона с огнедышащей пастью, но, так как Васино сознание не было фрустировано, то есть почти не подвергалось мощному потоку гипнополя, он сумел отстроиться от «боковых лепестков» воли Юрьева и открыл огонь из автомата.

Он не промахнулся, вся очередь ушла в голову Юрия Венедиктовича... вернее, в то место, где она была за миг до этого. Посвященный II ступени, продолжая стрелять из «глушака» в Соболева, все же успел отреагировать на атаку сзади, уйти из-под огня и нанести ответный ментальный удар. Однако, во-первых, на Васе была его «тюбетейка», уже спасшая его дважды от атак Носового и Рыкова. Во-вторых, Юрьев не мог ответить в полную силу, сражаясь сразу на три фронта. В-третьих, как только он ослабил пси-давление на противника, Парамонов и Ульяна тут же устремились в контратаку, нанося не сильные, но хлесткие, сбивающие ментальный «прицел» пси-удары.

Юрьев усилил нажим на них... и тут же получил от Василия еще одну очередь, заставившую его снова отвлечься на маневр. И опять Иван Терентьевич с Ульяной воспользовались этим, не дали ему добить «нахала», дезинтегрируя наведенные пси-структуры, деформируя силовой каркас защиты соперника, заставляя его промахиваться и злиться.

Эти «качели» не давали Юрьеву возможности сосредоточиться на бое с главным врагом — Соболевым. Он наконец пришел в ярость и ответил Посвященным не оглушающим раппортом, а

выстрелом из «глушака» с использованием последнего кодона. Импульс Гамчикот — третьего уровня Силы Эхейх — превратил Посвященных в «пустые туннели», лишенные мысли, чувств, рефлексий и движения. У них перестали сокращаться мышцы, остановились сердца и кровь застыла в жилах, как принято говорить в таких случаях...

Вся психофизическая борьба Посвященных длилась всего секунды, не больше, но этого времени хватило душе Матвея на то, чтобы вернуться обратно в тело, разбудить резервы психики и обрушить на мозг Юрьева вселенную гнева и презрения. Этого удара не хватило, чтобы превратить одного из Девяти в идиота или покорную воле господина марионетку, однако оказалось достаточно, чтобы погрузить его в состояние грогги, сумеречное состояние боксера, потрясенного нокдауном. А затем длинная очередь из «никонова», выпущенная оглушенным, но не потерявшим боевого пыла Василием, наконец-то достигла цели и разнесла голову Юрьева на куски.

Общий бой, длившийся две с половиной минуты, закончился.

Потом Матвей по очереди приводил в чувство Ульяну, Парамонова, Стаса и Кристину, которой стало совсем плохо. Василий тоже нуждался в лечении, но гордо отказался от услуг Соболева. Он сам умел корректировать свое самочувствие и поднимать тонус.

Закончив приводить себя в порядок, беглецы расселись вокруг костра, над которым Стас подвесил котелок с водой для чая, и молча принялись разглядывать бледные лица друг друга. Первым заговорил Парамонов, чаще других посматривающий на Соболева:

— Нам кто-то помог или я ошибаюсь? Мне показалось...

— Не показалось, — рассеянно сказал Матвей. — Нам помог эгрегор Собирателей. Но он вмешивается лишь в самых крайних случаях, постоянной помощи от него ждать не приходится.

— И за то спасибо, что помог, — тихо проговорила Ульяна, прижавшись щекой к плечу Василия, что добавляло ему уверенности и силы. — Куда мы теперь?

— В Сергиев Посад. Нам надо поторопиться. Я чувствую, что Бабуу-Сэнгэ предпринял какие-то жестокие меры, чтобы нас туда не пропустить.

— Но как мы туда доберемся?

— На вертолете.

Ульяна подняла голову, удивленная и обрадованная.

— Собиратели дадут нам вертолет?

— Вертолет мы раздобудем сами. Три машины спецсил кружат над лесом и болотами, как только один из них приблизится...

— Поняла.

— Предлагаю женщин оставить здесь, — проворчал Василий. — В Сергиевом нам наверняка придется драться...

— Нет! — хором произнесли Ульяна и Кристина, сделав очень разные жесты: Ульяна отстранилась от Васи, Кристина, наоборот, прижалась к Матвею.

— С одной стороны, без них было бы проще, — дипломатично сказал Иван Терентьевич. — Но с другой, женщина — ангел присутствия, его лучше всегда иметь рядом. Да и бросать женщин одних нельзя, кто-нибудь из наших врагов запросто отыщет их в лесу. А мы будем далеко...

— Да я же хотел как лучше, — притворно обиделся Василий.

Ульяна улыбнулась, чмокнула его в подбородок, глянула на Матвея смущенно, с каким-то грустным вызовом, но ни Котов, ни Матвей этого не заметили.

— Тогда в путь, — сказал Соболев.

И такова была вера в него, в то, что он знает путь, по которому надо идти, что никто не спросил, зачем они должны мчаться в Сергиев Посад сломя голову.

Где-то далеко послышался приближающийся стрекот — это летел вертолет наблюдения и поддержки «МИ-веллер», принадлежащий Федеральной службе безопасности. Летчик и два члена экипажа торопились выполнить мысленный приказ Матвея, хотя сами даже не подозревали об этом.

САМАЭЛЬ И ХАНИЭЛЬ

Троице-Сергиев монастырь был основан в сороковые годы XIV века Варфоломеем, сыном разорившегося ростовского боярина, получившим после пострижения в монахи имя Сергий.

Миру этот монах стал известен под именем Сергий Радонежский.

Расположен монастырь на горе Маковец, с двух сторон защищенной оврагами, образованными речками Кончура и Вондюга. Находится это место недалеко от села Городок, бывшего Радонежа.

Накануне Куликовской битвы 1380 года в Троице-Сергиев монастырь приезжал московский князь Дмитрий Иванович, где получил благословение Сергия.

Однако, несмотря на то что Куликовская битва закончилась победой русских, набеги татаро-монгол на Русь продолжались, и в 1408 году татарский князь Едигей сжег монастырь. Отстроен вновь он был в 1411 году.

Территория монастыря постепенно расширялась, достраивались приделы, церкви, башни, стены, превратившие его в непри-

ступную крепость. В 1744 году монастырю было присвоено наименование лавры. По сути, это был типичный провинциальный ремесленный город, которому принадлежало шестьсот двадцать домов и строений. Правда, все они, кроме трех, были деревянными, и в 1746 году половина поселений во время крупного пожара сгорела.

К моменту описываемых событий Троице-Сергиева лавра представляла собой законченный архитектурный ансамбль, в который входили белокаменный Троицкий собор, построенный в 1423 году, Успенский собор, церкви — Духовская, Надвратная, Михеевская, Смоленская, Зосимы и Савватия, Надкладезная часовня, Чертоги, Митрополичьи покои, колокольня, Больничные палаты, одиннадцать башен на крепостных стенах, Успенские и Водяные ворота, множество уже вполне современных зданий и пристроек. Общая длина ее крепостных стен составляла тысячу сто двадцать метров, высота — от семи до пятнадцати метров.

С высоты птичьего полета лавра производила впечатление величественного ансамбля, прекрасно вписанного в окружающую местность.

Матвей посадил вертолет прямо во дворе лавры — между Успенским собором, колокольней и обелиском.

Еще в воздухе он и Парамонов взяли под ментальный контроль территорию монастыря и за время полета успели определить «очаги опасности», а также разработать план действий. По этому плану всем отводилась определенная роль, даже Кристине со Стасом, которые имели задание отвлечь внимание десантированного в лавру спецбатальона ФСБ. Для этого они должны были начать стрельбу в небо из контейнер-пулеметов, установленных на вертолете на кронштейнах.

Они понимали, что времени у них мало, опасность слишком велика, но Матвей все же не побоялся еще раз «сходить» в астрал и получить информацию, от которой волосы стали дыбом даже у Василия. Бабуу-Сэнгэ наметил ракетный удар по лавре: он уже запрограммировал для этого летчика и собирался поднять в воздух истребитель «СУ-35».

— У нас в запасе всего сорок минут, — сказал Матвей сквозь зубы, увеличивая скорость «МИ-веллера» до предела. — После высадки будет еще меньше, минут двадцать, и за это время предстоит отбиться от десанта федералов, от Посвященных и проникнуть в эйнсоф.

— Что за штука такая? — спросил Василий. — Слышу уже второй раз, но не знаю, с чем ее едят.

— Эйнсоф — это зона виртуального пересечения реальностей, — тихо сказала грустно-сосредоточенная Ульяна.

— Ну и что? Зачем она нам нужна? — Василий повернул голо-

ву к Матвею, сидевшему в кресле пилота. — Что ты собираешься делать, Соболь?

— Только он сможет инициировать эйнсоф, — тем же тоном произнесла Ульяна, — и разблокировать «Иглу Парабрахмы».

— Ты хочешь сказать... он станет... сможет провести коррекцию? Как тогда, полтора года назад? — с сомнением спросил Василий.

Ульяна кивнула, а Парамонов, успокаивая, похлопал Василия по плечу.

— Это единственный выход из положения. Шанс дается только раз. Хотя последствия включения эйнсофа непредсказуемы.

— А почему другие Посвященные, из Союза Девяти, его не включили раньше?

— Матвей остался включенным в контур «саркофага»...

— Еще с тех времен?!

— И только он может остаться в живых после контакта с эйнсофом. Другим Посвященным это не дано.

— Приготовьтесь, — отрывисто бросил Матвей. — Садимся.

Вертолет нырнул вниз, в овраг, взмыл над крепостной стеной монастыря и без примерки сел возле колокольни, едва не задев ее винтом. Неподвижность обрушилась на людей, как удар.

— Пошли!

— Матвей! — слабо вскрикнула Кристина.

Соболев, готовый выпрыгнуть наружу, остановился, прижал к себе жену, Стаса, секунду посидел так, с закрытыми глазами, потом поцеловал обоих, улыбнулся и, проговорив: «Все будет хорошо, Кристя, я тебе обещаю! Стас, береги ее!» — выскочил из вертолета в проем распахнувшейся дверцы.

Высадка Посвященных и Котова прошла нормально и практически незаметно. Двигались они со скоростью, значительно превышающей реакцию нормальных тренированных людей. Но все же их здесь ждали.

Надкладезная часовня, конечная цель пути беглецов, была окружена двойной цепью парней в камуфляже, вооруженных «вепрями», «волками», «никоновыми», снайперскими и штурмовыми винтовками, а у дверей в часовню стоял никем не видимый, кроме Посвященных, настоятель Храма Гаутамы, координатор Союза Девяти Неизвестных Бабуу-Сэнгэ с «нагрудником справедливости» на цепи и «глушаком» в левой руке.

Матвей, предусмотревший внезапное появление главного противника, замедлил шаг, держа свой «глушак» в правой руке. Этот гипноиндуктор они по совету Парамонова забрали у мертвого Юрьева, чтобы использовать в качестве отвлекающей контрмеры. Бабуу-Сэнгэ вряд ли знал, что Юрий Венедиктович ис-

пользовал оба оставшихся у него кодона, и вряд ли мог поверить, что у Соболева есть чем ответить.

«Остановись! — передал ментальную раппорт-фразу Бабуу-Сэнгэ. — Даже воин должен знать, что всякий конфликт не имеет смысла. Предлагаю договор. Я снимаю блокаду, заказ на разрушение лавры — самолет уже готов к вылету, а лететь ему всего семь минут, отпускаю ваших друзей живыми, а ты прекращаешь этот ненужный штурм и вместе со мной включаешь эйнсоф».

«Нет!» — ответил Матвей мысленно в том же временном диапазоне.

«Это не ответ. Точнее, для всех ищущих знания не может быть дан один определенный ответ, а тем более отрицательный. Ты ищешь знания, я тоже».

«Неправда. Союзы Неизвестных давно перестали выполнять функции регуляторов поиска и хранения знаний, скатившись до уровня адхамадхама[1], хотя Посвященные II ступени не могут считать себя карма мукта[2]».

«Мы свободны в выборе цели и Пути ее достижения. Человек, наметивший себе целью кайвальявастху[3], достоин уважения. Почему мы должны отговаривать его? Дай и нам возможность управлять миром — для его же блага».

«Благими намерениями устлана дорога в ад! Средства, которые вы избираете для достижения своих целей, давно перестали быть справедливыми».

«К чему эти споры, Посвященный? Ты получишь все что хочешь. Я только буду присутствовать при твоем взаимодействии с эйнсофом».

«Еще раз — нет!»

«Тогда я вынужден буду применить кодон».

«Я отвечу».

«У тебя только Эхейх-Гамчикот — если это кодон, который я передал Юрьеву. У меня же полный пятиуровневый кодон силы Элохим Гибор! Ты понимаешь?»

Матвей уже прошел первую цепь десантников и приближался ко второй. На это — и на весь разговор с Бабуу-Сэнгэ — ему потребовалось всего две десятых секунды. Парамонов и Ульяна немного отстали, заходя вправо и влево. Вася Котов смог удержаться в сверхтемпе и был недалеко, успев свалить на землю двух крепышей в пятнистой форме. Он жил в своей стихии и не думал о смерти, хотя жить ему осталось совсем немного. И только он был

---

[1] Адхамадхама — нижайший из низкого.

[2] Карма мукта — освобожденный от результатов своего действия.

[3] Кайвальявастха — совершенное одиночество, состояние окончательного освобождения или блаженства.

объектом помощи эгрегора Собирателей, потому что один из них наметил его себе в ученики.

«Остановись!» — Бабуу-Сэнгэ поднял руку с «глушаком».

«Меня хранила Ханиэль, — Матвей ускорил бег, — она сильней, чем Самаэль[1]. Пропустите меня, я все равно пройду!»

Бабуу-Сэнгэ выстрелил.

Но за мгновение до этого Василий выстрелил в него из «вепря», который он отобрал у вертолетчиков еще в лесу, и этот выстрел координатор Союза Девяти пропустил! Васю он не принимал в расчет абсолютно, будто его и не существовало, и лишь Матвей знал, в чем тут дело: эгрегор Собирателей снова допустил тонкое вмешательство, как бы надев на Котова шапку-пси-невидимку.

Пуля из «вепря», выпущенная с расстояния в двадцать пять шагов, попала Бабуу-Сэнгэ в цепочку на груди и сорвала с него медальон с выгравированными на нем мандалами. Бабуу-Сэнгэ сразу потерял часть силы, защищавшей его мозг, и уже не мог контролировать всех Посвященных сразу. Во-вторых, его рука дрогнула, и луч «глушака», модулированный кодоном, Соболева миновал. А затем Матвей атаковал координатора сразу в двух планах — в ментальном и материальном, физическом. Ментальную атаку Бабуу-Сэнгэ отбил, физическую — нет и получил мощнейший кин-рю — «золотой дракон», пробивший его насквозь в области сердца и создавший ударную волну смертельных повреждений.

Конечно, убить Посвященного II ступени, который мог жить с остановленным сердцем не меньше часа, даже ударом из техники смертельного касания было сложно. Однако Бабуу-Сэнгэ был выведен из строя и оказывать сопротивление уже не мог.

И этим сразу воспользовался еще один персонаж развертывающейся драмы, наблюдавший за боем со стороны, — Герман Довлатович Рыков. Он выстрелил Котову в спину из «волка», на сверхскорости обошел Парамонова, снова выстрелил — в спину Ульяне и подхватил упавший медальон координатора, вспыхнувший при прикосновении красивым малиновым пламенем. Но Рыков не дал ему сгореть, он знал способы сохранения таких вещей.

Парамонов, державший спецназ ФСБ под гипнотическим контролем, вынужден был отвлечься на схватку с Рыковым и получил автоматную очередь в бок от одного из бойцов «Витязя», лишившую его возможности контратаки. Рыков добил Ивана Терентьевича одним мощным раппортом, остановившим сердце.

---

[1] Ханиэль — Милость Бога, Самаэль — Жестокость Бога (*каббала*).

Затем погибли Стас и Кристина.

В тот момент, когда мальчик, развернув контейнер-пулеметы на кронштейнах вертолета, как учил Матвей, открыл огонь в небо, пуля из снайперской винтовки попала ему в тонкую детскую шею, разом оборвав жизнь. Вторая пуля вошла в лоб Кристины, так и не увидевшей последнего броска к часовне своего мужа.

Остановившись на пороге часовни, Матвей оглянулся.

Иван Терентьевич и Василий были мертвы. Ульяна успела нейтрализовать командира спецназа, но пуля, выпущенная Рыковым с пяти метров, попала ей в сердце, и она была обречена. И еще Матвей понял, что Кристины и Стаса тоже нет в живых! Одно мгновение он боролся с желанием броситься к вертолету и попытаться спасти дорогих ему людей, потом нырнул в открывшуюся резную дверь в часовню и не услышал, как упавшая Ульяна прошептала ему вслед:

— Прощай, аватара!..

Рыков, оказавшийся сзади, мог бы открыть огонь в спину Матвею, но не рискнул. В принципе он получил почти все, что хотел.

ГВОЗДИ СТРАСТЕЙ ГОСПОДНИХ

Кабина «СУ-35» была оборудована полихромными панорамными индикаторами, заменившими десятки круглых циферблатов и шкал. Пилотировать самолет, ориентируясь по ним, было одно удовольствие. Но майор Ломотов никакого удовольствия от полета нынче не испытывал. В голову кто-то молотом вколачивал гвоздь приказа: подойти к Сергиеву Посаду на минимальной высоте, чтобы не засекли радары ПВО области, потом сделать горку и с высоты двух километров нанести ракетный удар по Троице-Сергиевой лавре. Приказ как приказ, ничего экстраординарного, но все же Геннадий Степанович ощущал какой-то дискомфорт, мешающий ему чувствовать себя хозяином неба.

По мере приближения к цели ощущение дискомфорта увеличивалось и наконец достигло максимума. Ничего не понимая, майор поймал себя на мысли, что не хочет выполнять приказ. Тогда он погнал самолет по кругу и потянулся пальцем к кнопке связи на рукоятке управления. И в этот момент пришло подтверждение приказа.

Это не был голос командира округа, приказ словно отпечатался в мозгу летчика, выбив из него все негативные эмоции и мысли, и Геннадий Ломотов бросил «СУ-35» в вертикаль, делая горку. Палец его отбросил колпачок пускового задатчика и коснулся кнопки пуска ракет.

Часы в кабине самолета показывали одиннадцать часов тридцать одну минуту...

...Генерал Первухин, прибывший в Троице-Сергиеву лавру во главе батальона быстрого реагирования «Витязь», первым догадался, что за вертолет свалился с неба во двор лавры между Успенским собором и колокольней. Как десантировались Посвященные, он не видел, но почему-то был уверен, что на глазах его заканчивается цепочка странных происшествий, взбудораживших специальные силы службы безопасности, министерств обороны и внутренних дел: кража «глушаков», таинственные разборки с множеством трупов, резня на мосту через Оку возле Рязани, еще одна резня на теплоходе «Максим Горький», тревога по степени «четыре нуля», бросившая спецподразделения из управлений «Т» и «СО» на защиту церквей и соборов лавры...

До этого момента Первухин не задумывался о причинах тревоги, выполняя приказ, теперь же с ним случилось некое озарение, и все стало на свои места. Кроме одного. Он не понимал, чего хотели «террористы», от которых федеральные силы должны защищать строения Троице-Сергиевой лавры. Если бы они задумали уничтожить ее, они бы просто дали залп из «НУРС» по любой церкви. Но они, подойдя скрыто, причем на вертолете, принадлежащем ФСБ, просто произвели посадку во дворе.

Однако сомнения генерала развеяли дальнейшие события. Сначала за спинами солдат, перекрывших подступы к часовне, собору и колокольне, началось какое-то движение и бойцы начали падать один за другим, затем один из пулеметов на подвеске справа от кабины вертолета развернулся и открыл огонь. Палил он почему-то в небо, но генералу было не до оценки действий пилотов, и он отдал приказ штурмовать вертолет.

Когда «Витязь» пошел в атаку, часы на руке Первухина показывали одиннадцать часов тридцать одну минуту.

ИЗМЕНЕНИЕ

Надкладезная часовня была построена в конце XVII века у юго-западного угла Успенского собора и представляла собой прямоугольную трехъярусную постройку с тремя последовательно уменьшающимися по мере подъема восьмериками — помещениями восьмиугольной формы. Восьмерики эти пышно украшены резьбой по белому камню и лепниной, в которых преобладает мотив виноградной лозы. Внутри же все помещения часовни тесны, украшены рельефными многоцветными изразцами и лепкой по потолку, увешаны иконами и производят впечатление декоративной игрушечности. Вряд ли многочисленные паломники и посетители лавры часто заходили внутрь часовни. Снаружи, на

фоне монументальных белых стен собора, она смотрелась гораздо интересней.

Проскочив первый этаж часовни, Матвей ощутил жуткие судороги психоэнергетического пространства! Остановился, оглядываясь в меозе. Вокруг зданий лавры кипела самая настоящая война — тихая, незаметная для обычных людей, но от этого не менее жестокая и страшная. Люди Внутреннего Круга, появившиеся здесь, сражались друг с другом! Одни — чтобы защитить лавру от разрушения, другие — чтобы сработал план координатора Союза Девяти, план уничтожения эйнсофа, а вместе с ним и бесценных архитектурных сооружений и всех, кто находился на территории монастыря.

А затем над холмами и равнинами, реками и озерами, над просторами лесов и полей вокруг Сергиева Посада раскатился низкий подземный гром, закачалась земля, как от землетрясения, заколебались стены соборов и церквей, волна нестерпимого холода хлынула с небес на землю, и над Троице-Сергиевой лаврой проявился чудовищный лик Монарха Тьмы!

Ощущение непоправимой беды настигло Матвея, но, пересилив себя, он взбежал на третий этаж часовни и ударом ноги сорвал запертую дверь, ведущую с лестницы в иконницу, верхний восьмерик часовни. Но опоздал. Сзади появился некто, не человек — тень человека с черной душой. Матвей, понимая, что не успевает среагировать на выстрел в спину, оглянулся.

Пролетом ниже, на фоне сияющего окна, стоял человек в черном одеянии ниндзя и внимательно смотрел на Соболева. Лицо его было в тени, но стоило ему сделать шаг вперед, как лицо засияло, словно озаренное багровыми всполохами пожара, и Матвей, чувствуя дрожь в ногах, пробормотал:

— Самандар!..

Но тут же пришло сомнение. Человек, стоящий перед ним, двоился, плыл, как голографический призрак, не вызывая в душе теплого отклика. Лицо его погасло, стало черным провалом, из которого на Матвея выплеснулась волна невыразимого одиночества и холодной угрозы. Матвей с трудом отбил этот раппорт, обрушив его же на голову незнакомца, и услышал тихий презрительный смех:

— Да, ты вырос, незавершенный, поздравляю. Я не Самандар. Вернее, Вахид Тожиевич — лишь моя оболочка в этом мире. Меня позвал Бабуу-Сэнгэ, но не смог устоять. Пришлось воспользоваться тем, что оказалось под рукой. Самандар прятался здесь и ждал тебя. Как и я. Вот мы и встретились снова. Не узнаешь?

— Конкере! — выдохнул Матвей онемевшими губами. — Монарх Тьмы!.. Но тебе не удастся меня остановить!

— Если мы договоримся, я не буду тебя останавливать. Если же нет — тебя ждет Нирвана. Небытие.

— Нирвана — минимум бытия, но не его отсутствие. Я там не задержусь. Ты не сможешь реализовать предельную реальность Мира, это под силу только Безусловно Первому.

— Что ж, ответ достойный. Пожалуй, мы бы с тобой сошлись по многим философским вопросам. Как ты догадался?

— О чем?

— Что этот мир становится реальным, только если ты делаешь его реальным? Что человек — это не действие Мира, а только мыслеформа?

— Я не догадывался, ты слишком хорошего мнения обо мне. Но я спешу, извини, поговорим в другой раз и в другой жизни.

— Другого раза может не представиться, хотя «в другой жизни» что-то есть... Но я вижу, что ты надеешься на помощь. На чью? Инфарха? Других иерархов? Хранителей? Не жди напрасно, они не помогут, потому что их вмешательство будет равносильно дезинтеграции реальности. То есть новому Изменению. Они на это не пойдут.

Матвей перешел в другой диапазон частот психоэнергетики, закинул в пространство десятки тончайших информационных щупалец, пронзивших все уровни общего энергоинформационного поля Земли. До ракетного удара оставалось всего три-четыре минуты, но он чувствовал, что Монарх не пропустит его к эйнсофу, и начал поиск способа прорыва.

— Чего ты хочешь?

— Разумный вопрос. Не торопись, у нас есть время. К тому же, если мы скрепим договор, я остановлю разрушение лавры. А хочу я немногого — чтобы ты осуществил мой давно задуманный план Изменения вашей реальности. Правда, людям места в новом мире не будет, но ты и твои друзья...

— Нет!

— Подумай хорошенько, незавершенный...

— Уходи! Уходи к себе, черный! В реальность, которую вы называете абсолютной. И не вмешивайся больше в нашу жизнь, иначе я...

— Договаривай, это интересно.

— Я приду к вам, в «розу реальностей», и сделаю Абсолютное Изменение, в результате которого станет невозможной никакая интерференция реальностей. Я вас просто изолирую!

— Смысловое поле твоей речи слишком размыто и эмоционально...

— Разговор окончен!

— Пожалуй.

Человек в черном с черным провалом вместо лица стал вдруг

расти, распухать, вдавливая и кроша стены, разрушая лестницу, навис над Матвеем, но его ментальный удар наткнулся на железную гору эгрегора, пришедшего на помощь Соболеву, и был отбит с такой силой, что «проекция» Монарха, высунувшаяся из астрала-ментала-логоса-универсума через тело Самандара в запрещенную реальность, этого не выдержала. На какое-то время Монарх Тьмы отступил, потрясенный до глубин своей темной дьявольской мудрости, и Матвей, воспользовавшись передышкой, проскочил сквозь дверь в пустое помещение иконницы верхнего восьмерика часовни.

Эйнсоф находился здесь!

Вряд ли люди, приходившие сюда, чувствовали этот «провал иномерия», колебания потенциально возможных состояний Вселенной. Они могли ощущать разве что святой трепет да невольный страх, не позволявший им долго находиться в часовне. Матвей же своим сверхострым чувствованием увидел провал сразу. Остановился, не зная, продолжать ли дело до конца. И услышал голос, раздавшийся внутри него — в голове, во всех костях и мышцах, в каждой клеточке тела, в каждой молекуле: «Программа остановлена. Ты свободен».

— Что?! — не понял Матвей, в то же время осознавая, о чем идет речь. — Кто говорит?!

«Никто». Голос был безлик и безразличен, но Матвей вдруг почувствовал безмерную мощь того, кто говорил. С ним заговорил Парабрахма, безличный и безымянный всемирный Принцип, Абсолют, Невыразимый и Непроизносимый. Его можно было назвать и Безусловно Первым, или Предельным Состоянием Вселенной, или Великим Молчанием, или Шаддай Эль Хай, что значит — Всемогущий. И все равно ни одно из имен не отразило бы сути.

— Я все-таки был запрограммирован? — спросил Матвей, уже задававший этот вопрос однажды.

«Каждый человек, рожденный в этой Вселенной, запрограммирован геномом. Разница лишь в уровне программы».

— Почему моя генная программа остановлена? Почему я свободен? Что это означает?

«Ты постоянно нарушаешь карму. Количество нарушений перешло в качество. Ожерелье Будды[1] больше не тяготеет над твоей судьбой. Поэтому ты свободен».

— Я не собирался становиться Буддой...

«Ты был рожден аватарой. Но приход на Землю высокого эона еще не созрел. Ты избрал другой путь, более длинный — Путь воина. А Путь воина — всегда тропа боли, путь потерь».

---

[1] Ожерелье Будды — цепь его воплощений.

— Я это знал. Эйнсоф мне... подвластен?

«До определенного предела».

— До какого?

«Узнаешь».

— Прощай... кто бы ты ни был! Или ты хочешь помешать мне?

«Нет».

Голос ушел из сознания Матвея. Чувствуя, как приближается самолет с ракетами, как прекращается борьба эгрегоров Внутреннего Круга, как все Посвященные оглядываются на него — мысленно, в ментальном поле, как жизнь уходит из двух женщин, которых он любил, из друзей, которые любили его, Матвей шагнул на середину часовни, и на его сознание обрушилась Вселенная, или, как бы назвал это Парамонов, «фазовое пространство возможных миров». Последней мыслью Матвея была мысль: хорошо бы стать тем, кем я был, — просто человеком...

РЕТРОСПЕКЦИЯ-1

Полковник Борис Иванович Ивакин был похож на викинга — и обликом, и характером. В контрразведке Федеральной службы безопасности, которую все за глаза прозвали «Смерш-2», он был вторым человеком — после начальника ВКР Дикого, — от которого зависело многое в слаженной работе управления, если не все. Во всяком случае, именно он подбирал кадры для ВКР, хорошо зная контингент училищ спецназа и академий Генштаба Министерства обороны, готовивших специалистов высокого класса.

Встретившись с Иваном Сергеевичем Пановым, директором ФСБ (кстати, его тестем), и выслушав его просьбу «помочь агентом класса «супер», Ивакин взвесил все «за» и «против», вызвал из Рязани агента и отправился на доклад к генералу. Полковник в принципе мог обойтись и без санкции начальника, но в данном случае не хотел действовать наобум, без тщательного анализа.

Генерал Валентин Анатольевич Дикой пришел на должность начальника военной контрразведки с должности заместителя начальника штабов Министерства обороны, показав себя блестящим аналитиком и безупречным тактиком. Шел ему всего лишь тридцать первый год, но его опыту и уму, а особенно, волевому характеру могли позавидовать и специалисты постарше. На вид худой, нескладный, с узким лицом, на котором выделялись по-детски пухлые губы, выглядел он типичным интеллигентом, которого смущает его высокий пост, но те, кто работал с ним раньше, знали его как умелого бойца, мастера кунгфу, способного

постоять за себя, а также как отличного стратега не без дара предвидения.

— Меня вызывал Панов, — сказал Ивакин, усевшись напротив генерала за стол, на котором стояли два дисплея оперативного компьютера и были аккуратно разложены бумаги, карандаши, дискеты, ручки. — Он просит помочь.

Начальник «Смерша» понял, что речь идет о директоре ФСБ, но лишь приподнял бровь, ожидая продолжения. Потом все же спросил:

— Что у них случилось? Уж не сработал ли «Стопкрим»?

Ивакин посмотрел в глаза Дикого. Иногда ему казалось, что генерал читает его мысли.

О деятельности «Стопкрима», или «Чистилища», как его называли, организации «суровой, но справедливой», заговорили вслух. Большинство, доведенное беспределом преступности до отчаяния, открыто одобряло эту деятельность, а для чиновничьей рати, опиравшейся на систему, установленную партдемократическим режимом, которую представлял госаппарат, практически сросшийся с организованной преступностью, настали плохие времена.

За «чистильщиками» из «Стопкрима», начавшего войну с преступностью, но при этом явно попиравшего закон, началась настоящая охота. К мафии и ворам в законе присоединились и силы милиции, угрозыск, Генпрокуратура, Управление по борьбе с организованной преступностью и даже Федеральная служба безопасности. Но «Стопкрим» не оставлял следов и не совершил ни одного промаха, за который можно было зацепиться и выйти хотя бы на исполнителей, не говоря уж о руководстве. В защищенности организация не уступала даже таким мощным конторам, как ФСБ или внешняя разведка.

— Так в чем дело, Борис Иванович? — нахмурился Дикой. — Чего молчишь? «Стопкрим» где-то наследил?

— И да, и нет. С одной стороны, «чистильщики» действительно вышли на прокуратуру Нагатинской префектуры, с другой — не это главное. К Панову обратился начальник ГУБО с просьбой о помощи, он подозревает у себя «глаза» и «уши» Купола.

Дикой кивнул и, не задав ни единого вопроса заместителю, включил компьютер и набрал запрос на вход в сеть МВД. Через минуту пришел ответ, генерал прочитал его, вздернув бровь, откинулся в кресле, засунув ладони под мышки.

— У нагатинцев-то рыльце в пушку, а? Но почему Панов решил, что мы имеем агентов класса «супер»? Откуда он знает, кто есть «ху» в военной контрразведке?

Ивакин почесал кончик носа.

— Наверное, профи Панова работают не хуже наших.

— Хороший ответ. И все-таки, Борис Иванович, вы решили ему помочь. Почему?

Ивакин не удивился прозорливости Дикого, сам будучи неплохим психологом.

— Потому что Купол, как и «Стопкрим», не остановится на достигнутом. Если дать им волю, они скоро доберутся и до руководства ФСБ, и до Минобороны, и до аппарата президента. И тогда командовать парадом в стране будут только эти две структуры. Хотелось бы принять кое-какие превентивные меры. Хотя я лично «чистильщиков» понимаю: нынешнее положение в верхних эшелонах власти терпеть больше нельзя, ведь даже силовые министерства коррумпированы сверху донизу.

— Вы правы, — задумчиво проговорил Дикой. — Но я даю «добро» не только из-за этого. Нынешнее положение в стране — это унижение великой державы, великого народа и, что самое ужасное — уничтожение его творческого и духовного потенциала. Хотя голосующий за коммунистов «гегемон» абсолютно не понимает, какая это трагедия. Извините за сентенцию. Итак, что мы знаем о Куполе?

— Что Купол — это конгломерат мафии и государственных структур. Достоверной же информации — «зеро».

— А о «Чистилище»?

— Столько же, если не меньше. Это организация типа «невидимка» с мощной эшелонированной подстраховкой. Судя по почерку, дилетантов в ее рядах нет. Скорее всего работают на нее бывшие спецы УВД, ФСБ и внешней разведки — в качестве аналитиков, тактических руководителей, инструкторов и так далее, а исполнители — профи рукопашного боя.

Ивакин не знал, что повторил соображения на эту тему своего начальника.

— Стратегическое же управление составляет теневой кабинет из пяти-семи человек, вхожих в высшие коридоры госвласти.

— Союз семи рыжих... — пробормотал генерал, виновато сморщившись. — Шутка такая, извините. Самое плохое, что «чистильщики» пользуются одобрением масс, а это немаловажный психологический фактор. Им будут помогать, несмотря на давление представителей закона, потому что создан прецедент: зло наказуемо, и наказуемо неотвратимо, притом скоро, без судебно-юридической волокиты. Конечно, деятельность «Стопкрима» раздута прессой, но в народе крепнет уверенность, что такие болезни, как разгул преступности и коррупция, лечатся только смертью. — Валентин Анатольевич помолчал. — Иногда в это хочется верить и самому.

Теперь они умолкли оба. Ивакин с разрешения Дикого закурил.

— К сожалению, жизнь убеждает нас, что человека не переделаешь. Вряд ли агрессивность и эгоизм излечимы: как волка ни корми, он все равно в лес смотрит.

— Существует мнение, что человек — имаго, куколка того существа, которое из него в конце концов вылупится. И будет это существо изначально добрым и умным.

— И в это хотелось бы верить, — слабо улыбнулся Валентин Анатольевич. — Но к делу. Как вы собираетесь помогать Панову?

— Для операции «Утечка» я вызвал ганфайтера-перехватчика. — Ивакин помял подбородок, погасил окурок в пепельнице. — Он три года находился «на грунте». Класс — «абсолют».

— У нас несколько перехватчиков, но агентов класса «абсолют» я что-то не припомню. А по должности обязан бы знать. Кого именно вы активизировали?

— Матвея Соболева. Это мой резерв. Но вы должны знать: «абсолютники» почти неподконтрольны. Мало того, что работников этого уровня практически нельзя убрать, их невозможно и заставить работать под чьим бы то ни было руководством. Они индивидуалы до мозга костей.

— Ну, это не главная наша беда. Я, кстати, хотел предложить ганфайтерный вариант по «Утечке». Но Соболева я не знаю. Ему можно доверить оба задания сразу — наше и пановское? И как вы сформулируете ему второе, по «Стопкриму»?

— Никак пока. Задание ему выдаст сам Панов. Но я уверен, что Соболев захочет выйти на верхи «Чистилища» и Купола, выяснить их планы. Что будет дальше, не знает никто. Что касается Соболева, то он сейчас мугэй-мумэй[1], если пользоваться терминами кэмпо. Для всех он — охранник на рязанском радиозаводе. С виду не силач, на самом деле — барс[2], в совершенстве владеет русбоем, кэмпо, айкидо, ниндзюцу. За шесть лет — четырнадцать успешных перехватов особо опасных, но это еще до вашего прихода. Имя его, конечно, нигде не фигурирует.

— Вы меня заинтриговали, Борис Иванович. — Дикой покачал головой. — Не подставляем ли мы такого ценного спеца? Ему придется решать, что делать с полученными данными. В принципе это еще не будет означать конец «Стопкрима» или Купола, возможностей уйти в подполье у них хватает. Но у «чистильщиков» меньше шансов, они и так ходят по лезвию бритвы: стоит раз ошибиться, убрать невинного, скажем, — и народ перестанет им верить. А вера — нравственная база для любого института власти. И не только нравственная, но и политическая. Нечем станет оправдывать насилие.

---

[1] Мугэй-мумэй — ни мастерства, ни имени (*кит.*).

[2] Барс — мастер по русбою (борьбе в русском стиле).

— В наше время, по-моему, ни один институт не оглядывается на моральную сторону. А грубость и насилие вообще рассматриваются как элементы соревнования, обеспечивающие выживание.

Генерал бросил взгляд на часы.

— Вы философ, Борис Иванович. Не пугайтесь, это похвала. Я даю «добро» на ваш эксперимент. Еще кто-нибудь знает о вызове Соболева?

— Никто. О его существовании будут знать только трое: вы, я да Панов.

— Тогда, может, не будем рисковать все-таки и «Утечку» поручим другому агенту?

— Само следствие и так ведут другие следователи, а Соболев — перехватчик, волкодав. Когда следствие подтвердит виновность подозреваемых, тогда в операцию включится Соболев, чтобы выполнить чистый захват.

Валентин Анатольевич стер с дисплея прежний текст и набрал код выдачи информации по делу утечки новейших образцов оружия со склада экспериментального завода «Арсенал».

— Что ж, это наша работа, и за нее спросят не с управлений «Т» или «СО» ФСБ, а с нас. Давайте поработаем. Вы уверены, что к похищению причастен батальон «Щит»?

— Уверен. Однако Соболев для того и вызван, чтобы проверить это... своими методами.

— Честно говоря, сомневаюсь, под силу ли это одному человеку, даже «суперу».

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО-1

Они вошли в магазин за пять минут до закрытия, и Матвей сразу насторожился, обратив внимание на четверых крепких ребят, явно крутых, одетых в одинаковые кожаные безрукавки и джинсы; со скучающим видом они рассредоточились по залам магазина. Черные очки и одинаковая стрижка делали их похожими друг на друга, как братья. Но тут подошла очередь Матвея, он отвлекся на несколько секунд на разговор с продавцом, а когда началось действие, пришлось с досадой констатировать, что расслабляться не стоило.

Магазин был частный, соединявший промтоварный и продовольственный отделы, чистый, уютный и с хорошим ассортиментом. Год назад его приватизировал молодой коммерсант, энергичный парень, пообещавший сделать из бывшего «Овощеторга» «конфетку». Обещание свое он выполнил, цены не гнал, и магазин с вежливыми продавцами, оборудованный по последне-

му слову оргтехники, посещали даже те, кто жил далеко от этого района. Чем владелец не угодил местной мафии, приходилось только гадать. Но факт остался фактом: четверо, которых заметил Матвей, пришли не за покупками.

Сориентировался он мгновенно, бесстрастно проанализировав ход возможных событий. И подивился своему решению вмешаться, потому что в принципе он не имел на это права! Вероятно, надоела долгая спячка, тело требовало оперативного напряга.

Переход в состояние турийи — состояние просветления — произошел в долю секунды с помощью точно рассчитанного волевого усилия. Матвей был готов к любому повороту событий. Время заметно сгустилось, замедлилось, движения окружающих сделались тягучими, вокруг них появились светящиеся ореолы биополей. Глаз выделял этот «свет» безошибочно.

Еще ничего особенного не произошло, четверо парней только начали движение. Один достал пистолет, остальные рэкетмены щелкнули пружинными ножами, но лишь двое из них были тренированы, судя по цвету и интенсивности ореола, хотя и не профессионально. Просто качки, знавшие кое-какие приемы карате; лица их почти не отличались от затылков.

В обоих залах магазина, кроме двух продавцов, оставалось еще пять покупателей, в том числе и Матвей: четыре девушки и старик, но рэкетиры не брали их в расчет. Впрочем, как не брали в расчет и Соболева, не выглядевшего гладиатором даже при росте в метр восемьдесят пять: обыкновенный молодой мужик в потертых джинсах, линялой рубашке в клетку и старых кроссовках, со стандартной внешностью, если не считать прозрачно-голубых, спокойных и холодных глаз. Но в глаза эти парни никогда никому не смотрели.

Тот, что был с пистолетом, успел сделать шаг к продавцу и направить на него дуло, когда Матвей начал свое движение. Свидетели потом дали такие противоречивые показания, что, узнай он об этом, порадовался бы своему маскараду.

Матвей сделал длинный скользящий шаг к вожаку, взял его запястье в захват и вырвал пистолет, одновременно пальцами левой руки сдавив шею в нужных точках. Парень еще падал, потеряв сознание, а Матвей уже делал подкат, доставая ногами сразу двоих качков с ножами. Третий успел махнуть ножом и достать баллончик с газом, однако вспорол лишь воздух и заработал точный укол в солнечное сплетение от противника, который невероятным образом оказался сбоку — совсем рядом.

— Вызовите милицию, — тихо сказал Матвей остолбеневшим продавцам, исказив лицо так, чтобы его потом трудно было узнать. И выскользнул за дверь, решив оставить пистолет у себя.

Как и ожидалось, страховали четверку двое на старой, видав-

шей виды «Вольво», но о драме в магазине еще не догадывались: все произошло слишком быстро и без шума.

Уже в машине Матвей довел разговор внутри себя до точки и снова подивился своему импульсу вмешаться в действие, которое его не касалось. Но так остро захотелось вдруг ответить подонкам, живущим по старому советско-пиратскому принципу: отнять и разделить!

Молодежи можно простить недостаток опыта и знаний, но не избыток наглости, хамства и равнодушия, подумал он чужими словами. Впрочем, не чужими — словами отца, провинциального учителя истории, которого любили ученики.

И вдруг пришло странное, жуткое, острое ощущение, что все это с ним уже происходило! Матвей даже припомнил, что не хотел вмешиваться в разборку в магазине. В голове вот-вот должна была созреть какая-то важная мысль, появилось предчувствие открытия. Но... ничего не произошло. Маленькая дверца, приоткрывшая кладовую памяти, снова закрылась. Однако предчувствие не подвело.

Поставив машину в гараж, Матвей проверил почтовый ящик и обнаружил там открытку с поздравлениями. Это был вызов в столицу. Размышляя о причинах вызова, Матвей вошел в квартиру и принялся готовить ужин. Да, предчувствия его не обманывали никогда. Недаром снова приснился один из тех странных снов, которые тревожили его последние полгода.

Что ж, выходит, сон был в руку? Нечто вроде предупреждения свыше? Кто такой Монарх, который начал охоту за ним?

Поскольку Соболев знал, что психика у него абсолютно здорова, в «сдвиг по фазе» он не верил, да и владел приемами душевного успокоения. Однако докопаться до причин странных сновидений пока не удавалось. Мешал режим «инкогнито», не хватало знаний, не хватало свободы передвижения и времени. Одно было ясно: подсознание отреагировало на какое-то внешнее воздействие и мозг воспользовался той информацией, которую имел, чтобы посигналить хозяину, — сны были из разряда описанных в книге Успенского[1].

После программы новостей Матвей позвонил своему непосредственному начальнику и отпросился на две недели «съездить к родственникам». О том, что в Рязань он вернется, но не через две недели и не в качестве охранника, Соболев пока не знал.

Наутро он сделал зарядку — занимался Матвей по специальной системе, вобравшей в себя элементы сильной чигонг-о и кэмпо, — позавтракал и в шесть утра был уже на первом вокзале Рязани, откуда уходил электропоезд на Москву. Взяв билет, он

[1] Успенский П. Д. Новая модель Вселенной.

прогулялся по залу, вышел на перрон, радуясь хорошему летнему утру, и вдруг заметил группу молодых людей, живо напомнивших ему вчерашних в магазине.

Их было пятеро: четыре парня и девица. Одеты все были модно, но неопрятно — рубашки у ребят засалены, в пятнах, как и джинсы, а костюм лохматой девицы состоял из обтягивающего красного платья-резинки, почти ничего не скрывающего. Двое парней разошлись по перрону, а двое оставшихся и девица подошли к девушке, которую Матвей видел у кассы: она брала перед ним билет. Девушка была высокая, с тонкой талией, гибкая, с копной темных волос, рассыпавшихся по плечам, и острый глаз Матвея оценил ее обаяние тотчас же. Девушка в профиль походила на Марию, и Матвей даже сделал шаг к ней, но она оглянулась, и наваждение прошло. У Марии не было таких больших глаз, зеленовато-серых, с влажным блеском, и не было таких точеных полных губ. Похожими были только волосы да овал лица. Незнакомку нельзя было назвать идеалом красоты, но что-то в ней притягивало взор: то ли милая улыбка, то ли сквозившая в каждом движении женственность.

Интересно, что от нее хотят эти трое?

Соболев приблизился к группе, напряг слух и сообразил: да это же обыкновенные рязанские вокзальные рэкетиры, мастера гоп-стопа. Выбрав жертву, бандиты просят у нее сумку, или коробку, или просто деньги, намекая, что, мол, не отдашь по-доброму, отнимем, но с мордобитием. Эти трое просили «подержать сумку, а то ведь тяжело нести».

Девушка не сразу поняла, что от нее требуется, потом кинула в сторону двух беседующих неподалеку мужчин отчаянный взгляд, но те отошли, предпочитая не связываться со шпаной. Матвей еще раз внимательно оглядел незнакомку: блузка в черно-белую полоску, такая же юбка, с полосами покрупней, и сандалии с оплетающими лодыжку ремешками. Большая синяя сумка стояла у ее ног, а через плечо висела черная дамская сумочка. Ни колец, ни серег, ни помады. «Голая» красота. И было ей от силы лет восемнадцать. Матвей колебался до тех пор, пока один из парней не щелкнул ножом, а второй снял с плеча девушки сумку. Последним доводом для Соболева был взгляд незнакомки — умоляющий и беспомощный. Кричать, звать на помощь она не стала.

Все произошло в течение двух-трех секунд.

Матвей дотронулся до локтя парня с ножом, подхватил падающий нож, ткнул пальцем в лоб второго бандита, отобрал у него сумочку, взял с асфальта синюю сумку незнакомки и свободной рукой подхватил ее под локоть.

— Пойдемте, сейчас объявят посадку.

Троица обалдевших гоп-стопников осталась стоять с разинутыми ртами: один держался за локоть, второй за голову, и лишь девица изумленно прошипела:

— Ты что делаешь, баклан?!

— Кто вы? — обрела дар речи девушка, останавливаясь и выдергивая локоть из руки Матвея, когда они прошли шагов десять.

— Извините, — мягко сказал он, опуская сумку, и добавил на одном дыхании: — Меня зовут Матвей, фамилия Соболев, родился в год Змеи, талисман — черный кот, закончил филфак МГУ, еду работать.

Девушка округлила глаза, потом засмеялась, приоткрыв великолепные зубы. Взгляд ее прояснился, стал приветливым и милым.

— Спасибо за помощь. Я уж думала, придется идти в милицию, в сумке все мои документы. Меня зовут Кристина, фамилия Сумарокова, родилась в год Овцы, талисман — сердце. Студентка первого курса МГУ, еду сдавать летнюю сессию. А они больше не пристанут?

Матвей тихо рассмеялся, чувствуя себя легко и свободно, и лишь самая трезвая аналитическая часть сознания зажгла тревожный красный индикатор: одна встреча с бандитами — случайность, две — уже странность, объясняемая только теорией вероятности. Не аукнулось бы в будущем. Рязань слишком близко от Москвы, где ему предстояло включиться в работу после трех лет «консервации».

Время в поезде промелькнуло незаметно. У них нашлись общие темы для разговоров, обнаружив сходство взглядов на искусство и культуру, а что касается литературы, то здесь их вкусы совпадали почти полностью: оба любили тонкий юмор О'Генри, мужественных и верных героев Джека Лондона, романтические приключения Дюма-отца, сочный язык Гоголя, тонкий — Чехова и палитру характеров Достоевского, — и оба отрицательно относились к фантастам, пишущим в стиле кибер-панк и турбореализм. Оказалось, что Кристина сдала уже два экзамена летней сессии — училась она на том же факультете, что и Матвей когда-то, на филологическом, — и едет сдавать последний — английский язык. Однако, провожая Кристину к зданию филфака от метро «Университет», Матвей с грустью подумал, что вероятен вариант, когда ему станет невозможно продолжать знакомство и встречаться с этой удивительной девушкой, беззащитной, редкой по чистоте и уму.

Надо же, земля еще рождает такие души, думал он по пути «домой» (то есть на квартиру, определенную первым вариантом выхода), а судьба хранит их, оберегая от миазмов моральной «свободы»! Вероятно, такие девочки могут появляться только в

провинции, большие города слишком глубоко погрязли в «цивилизации». Счастлив будет тот, кому достанется такое чудо...

По «легенде», он возвращался из мест лишения свободы, где просидел три года как бытовик — непрофессиональный преступник, осужденный за превышение мер защиты, будучи мастером по славяно-горицкой борьбе. На самом же деле он был барсом, профессионалом рукопашного боя такого класса, какой не снился и «черным поясам» карате.

Трехкомнатная квартира, в которой ему предстояло жить, находилась на четвертом этаже девятиэтажного дома на Варшавском шоссе, недалеко от метро «Тульская». Кроме того, у него была «своя» машина и гараж. Соседи уже знали его как преподавателя русской литературы, немного замкнутого, но вежливого и спокойного молодого человека. До того, как «получить срок», он прожил в квартире, как бы обменяв ее, около месяца. И вот вернулся, «отсидев положенное». Впрочем, соседи не интересовались личной жизнью жильца и о «подвигах» его скорее всего не догадывались.

Бросив сумки в прихожей, Матвей внимательно оглядел квартиру. Кухня была маленькая, но современная, с электроплитой, кухонным гарнитуром из пластика под дерево и со всеми необходимыми атрибутами хозяйства.

Гостиная казалась не слишком просторной, но уютной, с ковром на полу. Кроме роскошного дивана, двух кресел и двух книжных шкафов, в комнате стояли еще журнальный столик, сервант с чайным и кофейным сервизами, наборами бокалов и рюмок, а также телевизор «Голдстар». Ничего не прибавилось и не убавилось.

Убранство спальни тоже не изменилось: тахта, превращавшаяся по мере надобности в диван, еще один книжный шкаф во всю стену, с нишей для стола, два стула, платяной шкаф, спортивный комплект в углу — макивара, деревянный «идол» для тренировки ударов руками, стенд для физических нагрузок.

Матвей ткнул пальцем макивару, понаблюдал, как она качается, улыбнулся своим мыслям. Вспомнился случай в детстве, когда он с друзьями-второклашками пошел записываться в секцию карате-до. На первом же занятии к нему пристали ребята на год старше, стали дразнить, обзывать «дохлятиной», пока он не полез в драку и не получил незаметный, но точный удар пальцем в солнечное сплетение, так что не мог ни вздохнуть, ни слова сказать. С тех пор он много времени уделял отработке атэми — комплекса шоковых ударов пальцами, что оказалось оружием неэффектным, но исключительно эффективным. Дома он разрисовал кожаный мешок с песком, прообраз макивары, превратил

его в портрет обидчика и тренировал уколы пальцами по несколько часов кряду.

Правда, потом, через какое-то время, они подружились с тем пацаном и за два года продырявили мешок со всех сторон...

Третью комнату — рабочий кабинет, вход в который был замаскирован книжным шкафом, Матвей проверять не стал. Ничего особенного там не скрывалось, кроме разве что персонального компьютера.

И вдруг как удар на голову снова обрушилось совершенно дикое ощущение, что он уже переживал то же самое: получал задание Ивакина, встречал девушку, переезжал в Москву!..

Ощущение длилось несколько мгновений, словно фотовспышкой высветив детали прежней жизни, и ушло, исчезло, оставив сумбур в голове и желание проснуться.

Постояв немного у двери в кабинет, кое-как приведя мысли в порядок, он принял душ, переоделся, переложил одежду из сумки в шкаф, расставил книги и ровно в два часа дня позвонил по нужному телефону. Мужской голос, автоответчик, вежливо сообщил, что хозяин будет дома в двадцать один ноль-ноль. Матвей повесил трубку.

До вечера никуда не выходил. Читал, пообедал, валялся на тахте, смотрел телевизор, размышлял о фокусах своей памяти, начавшей «вспоминать» о том, чего не было. В восемь с минутами собрался, надел голубую хлопчатобумажную рубашку, джинсы, кроссовки и вышел из квартиры... чтобы напороться на сцену ограбления!

Лифтом он пользовался редко и махнул вниз по лестнице, преодолевая пролеты в два прыжка, а на втором этаже едва не столкнулся с двумя парнями, обернувшимися на слабый звук прыжка. Прыгал Матвей почти бесшумно. Остановился, выругавшись про себя. Позволив себе расслабиться, он допустил грубый просчет, и теперь предстояло как-то изворачиваться, чтобы выйти из положения попроще.

На лестничной площадке двое молодых людей зажали в угол третьего, одетого во все белое, а ниже, на середине пролета, их подстраховывала еще одна пара крепких мужичков.

— В чем дело? — спокойно осведомился Матвей, разглядывая лицо незнакомца в белом, и вздрогнул, встретив его ответный оценивающий взгляд. У него даже зубы заныли и мороз пошел по коже — такой необычайно знакомый и понимающий взгляд, без тени страха. Да и во всем облике незнакомца, которого явно пытались ограбить, ощущалась железная уверенность в себе. Этот парень все понимал, ничего не боялся и со всем мог справиться. Но шестерка грабителей думала иначе.

Тот, что стоял к Матвею ближе всех, сделал шаг по лестнице навстречу и сказал, поигрывая ножом:

— Вали обратно, бобик, и сиди там тихо, пока мы не поговорим с этим бобром. Понял? Вякнешь — замочу!

Парень походил на гориллу, на голой волосатой груди его висела цепь из желтого металла, на предплечье синела татуировка: сплетенные змеи и женщина. Жаргон его указывал на тюремную закалку.

Златая цепь на дубе том, подумал Матвей, блатари вышли на охоту. Обнаглели, однако. Работают так грубо и примитивно они лишь в подпитии или если срочно требуется «травка».

— Помочь? — спросил он парня в белом, снова зачарованный его обликом.

— Обойдусь, — улыбнулся тот, — спасибо.

Матвей двинулся прямо на «гориллу» с ножом, сказал негромко:

— Пропусти, я опаздываю.

— Ну, курва, я тебя предупреж... — Договорить бандит не успел, обмякая. Его напарник тоже осел на ступеньку, не успев ничего сообразить, и только после этого четверо оставшихся зашевелились, хватаясь за оружие: у троих были самодельные финки, у четвертого «макаров».

Конечно, Матвей мог успокоить их всех в своем излюбленном стиле — точным уколом в нервные узлы, реакция его на порядок превосходила реакцию бандитов, но ему не хотелось раскрывать свое умение перед неизвестным, наблюдавшим за ним все с тем же выражением на лице. И уже начиная короткий бой, Матвей пожалел, что не послушался первого налетчика и не ушел домой. Мужику в белом помощь была не нужна.

Двух Матвей уложил на проходе, двойным ударом рук в шею и голову, еще двух на лестнице — ногами, в прыжке, сбросив их на первый этаж, хотя профессионал внутри него и протестовал против такой лобовой демонстрации возможностей.

— Идемте, — обернулся Матвей. — Чего они от вас хотели?

— Наверное, им понравилось это. — Незнакомец в белом дотронулся до ремня своей сумки. Голос у него был глубоким и звучным, добавляя облику некую завершенность. — Вообще-то я редко попадаю в такие ситуации, но сегодня почему-то расслабился.

— Как и я.

— Сколько лет занимаетесь рукопашной?

— Двадцать, — буркнул Матвей, настораживаясь.

Незнакомец кивнул, соглашаясь со своей внутренней оценкой.

— Ниндзюцу, айкидо, кушти и русбой... так?

Матвей внимательно и хмуро глянул на парня.

— Вы очень проницательны, мсье...

— Тарас Горшин.

— Меня зовут Матвей, но...

— Вы торопитесь, я вижу, идите, все будет в порядке. Я не живу здесь и шел в гости. Может быть, еще свидимся.

Матвей молча повернулся с ощущением, что его только что провели, перешагнул через тело одного из налетчиков и поспешил на улицу, чувствуя спиной взгляд Тараса. У него зрела мысль, что эта схватка — звено в цепи проверки, которую ему устроили. Сначала в Рязани, теперь в Москве. Не могут такие события быть случайными. Три случая подряд — это уже закономерность. Во всяком случае, это предупреждение: что-то он делает не так. Или прав неведомый «инфарх» из снов и за ним начал охоту некий Монарх Тьмы?

Но как этот Тарас догадался, какими видами единоборств он владеет? Такое под силу лишь мастеру боя. Но тогда почему Горшин довел ситуацию с грабителями до тупика, не сделав ни одной попытки освобождения? Или это в самом деле инсценировка для проверки ганфайтера Соболева?

Матвей остановился. В душе крепла уверенность, что и этот прожитый эпизод он помнил раньше. Все, что с ним происходит, — уже происходило! А главное, он уже знал, был уверен почти наверняка, зачем его вызвали в Москву...

РЕТРОСПЕКЦИЯ-2

Через полчаса на «Таврии», принадлежащей ему по «легенде», Матвей въехал во двор частной автомастерской, приватизированной старым, еще со школьной скамьи, другом Соболева Ильей Шимуком по прозвищу Муромец.

Прозвище свое Илья заработал по праву: уже в десятом классе он рвал руками цепи, поднимал мизинцем двухпудовую гирю и гнул из гвоздей толщиной в карандаш разные узоры. Матвей вспомнил случай в автобусе, произошедший с Ильей лет пять назад.

Толпа на остановке собралась приличная, все хотели уехать — начал накрапывать дождик, поэтому никто, кроме Ильи, не пропустил вперед молодую женщину с ребенком. Но компания парней, растолкав толпу, влезла в автобус и загородила вход. Тогда Илья взялся за подножку и рванул автобус вверх так, что ребята посыпались внутрь, как горох. Правда, вместе с пассажирами, чего по молодости лет Муромец не учел. Пропустив женщину, Илья сел сам, и компания тут же пристала к нему. И отстала.

— Мужики, отвяжитесь, а то я вас маленько озадачу, — проникновенно сказал Илья Муромец (рост — метр девяносто, косая сажень в плечах, вес — девяносто восемь килограммов), и для эффекта сжал поручень в автобусе так, что смял двухдюймовую трубу как пластилиновую.

Хозяина мастерской Матвей нашел под новым «Линкольном», висевшим на подъемнике. В промасленном комбинезоне, с черными руками, с всклокоченной бородой и шевелюрой, Илья имел устрашающий вид сбежавшего из тюрьмы насильника, а не мастера золотые руки.

— Е-мое! — прогудел Илья. — Никак Соболев собственной персоной! Неужто вспомнил старого кореша?

Они обнялись, пробуя силу друг друга. Илья крякнул.

— А ты не меняешься: с виду хлипкий интеллигентик, а мои сто тонн выдерживаешь. Какими судьбами? На минуту заскочил или есть время?

— Полчаса наскребу, но вечером свободен, можем встретиться у меня, или у тебя, или на нейтральной территории. Как пожелаешь.

— Мне все годится. — Илья вытер руки ветошью, крикнул в глубь мастерской, напарнику, возившемуся возле бежевой «Волги»: — Коля, я в контору, буду минут через сорок. — Кивнул на дверь за подъемником. — Айда, посидим чуток. Видишь, какие аппараты чиним? Директора одной мала-мала иностранной фирмы.

— А это кто? — скосил глаза на молодого человека Матвей. — Ты же всегда один работал.

— Ленивый стал, — ухмыльнулся в бороду Шимук, — не успеваю. Взял парнишку из одного КБ: лет десять занимался проблемой изменения формы унитаза, пока не понял, что стране его продукция не нужна. Толковый отрок вообще-то и руки приделаны куда надо.

Они поднялись по узкой лестнице на второй этаж и очутились в «конторе» — уютной комнатушке с одним окном, в которой умещались двухтумбовый стол, сейф, этажерка и два стула.

— Держу кое-какие дефицитные детали, — кивнул Илья на сейф, сел на стул, жалобно скрипнувший под его весом. — А ты действительно не меняешься, Соболь, раздался чуть да бреешься чище. Чем, кстати? Станком или электробритвой?

— Тебе-то зачем это знать?

— Хочу сбрить бороду, чешется, проклятая, и есть мешает.

Матвей подумал.

— Один мой знакомый брился телефонной трубкой.

— Ну и?.. — заинтересовался Илья.

— Получалось медленней, чем бритвой.

Мастер засмеялся с гулким уханьем.

— Пожалуй, топором будет полегче. Ну, докладывай, как живешь, где, с кем, работаешь или нет? — Он открыл сейф, достал литровый пакет с кефиром и, надорвав, выдул в четыре глотка. Заметил взгляд Соболева, пожал плечами. — Люблю все молочное: творог, сливки, сметану, кефир, молочные железы.

Матвей улыбнулся последним словам, уловив шутку. Илья снова громыхнул булыжниками смеха.

— Я не женат, так что не казни за аморальный образ жизни. Сам-то не женился?

— Не получилось, — с неохотой ответил Матвей. Поразмыслив, достал из сумки отнятый у рэкетиров в Рязани пистолет. — Спрячь эту игрушку у себя.

— Какой раритет! — прищелкнул языком Муромец. — Старая отечественная машинка, да еще тридцать девятого года выпуска. Я таких давно не видел. Где взял?

— Где взял, где взял... купил, — проворчал Матвей и рассказал эпизод в магазине.

Илья почесал затылок, бороду, грудь под расстегнутым комбинезоном, хмыкнул.

— Не боишься, что владелец начнет искать?

— Не боюсь.

— Ой ли, — прищурился Муромец. — Не хвались, идучи на рать, хвались, идучи с... обратно. — Он поднял вверх громадные ладони. — Все-все, не буду, я знаю, чего ты стоишь. Что касается меня, то новостей мало. Вкалываю каждодневно, семьей не обзавелся, квартира та же — двухкомнатный полулюкс, хотя денег хватило бы и на пятикомнатную. Что еще? Машину себе сделал: купил сильно побитую «десятку» и сделал из нее чудо, вернее, бронеход. У тебя-то что?

— «Таврия-2110».

— Не густо.

— А мне и нужно что-нибудь понезаметней. Правда, кое-что хотелось бы переделать. Можешь сварганить из нее подобный «бронеход»? Но чтобы и бегал прилично, под двести.

— Таких движков у меня нет.

— Покумекай. Надо, Ильша.

— Ладно, попробую, но на скорый... — Илья не договорил. В контору без стука вошли четверо парней во главе с зашитым в кожу, несмотря на жару, здоровяком с гипертрофированно накачанными мускулами.

По правде сказать, Матвей услышал их давно, но не придал шуму особого значения: это могли быть и клиенты автомастерской. Однако оказалось, клиенты другого рода.

— Выметайся, — коротко бросил верзила Матвею. — А тебя, гнида, мы предупреждали. — Палец вошедшего направился в

грудь Ильи. — Ты что о себе возомнил, падла? Тебе же русским языком было сказано: плати, если хочешь жить спокойно. А теперь мы тебя слегка поучим, чтобы запомнил надолго и другим рассказал.

Матвей оглядел его с ног до головы и снова, уже в который раз, пришло ощущение, что подобное с ним происходило. Он даже помнил, чем все это кончилось...

— Кто это? — хмуро поинтересовался у Ильи Матвей, уже зная ответ.

— Рэкетиры, кто еще, — усмехнулся в усы Муромец.

— Пошел отсюда, тебе говорят! — рявкнул вожак в коже.

Илья вдруг перегнулся через стол, сгреб его за отвороты куртки, приподнял и бросил к двери, сбив с ног стоявшего сзади. Затем схватил за руку второго здоровяка, белобрысого и безбрового, в зеленых штанах и в майке, который выхватил нож. Раздался хруст костей, белобрысый отскочил в сторону с детским воплем:

— Ой-ой-ой! Руку сломал, гад!

Матвей засмеялся, привстал было, но Илья цыкнул на него:

— Сиди, я сам.

Верзила в коже неплохо знал карате, потому что ударил хозяина автомастерской в стиле каляри-ппаяту[1] — в голову кулаком и в живот ногой, через стол, но результат — словно попал в скалу! Илья даже не пошатнулся. Пока его противник дул на пальцы, он снова сгреб его ладонью и сдавил так, что у того глаза вылезли из орбит. Одновременно Илья отмахнулся от выпада ножом третьего незваного гостя, отчего тот врезался головой в стену, порезав руку. Четвертого, доставшего из широких штанов обрез (как он его там крепил?), Матвей успокоил точным уколом в нервный узел за ухом.

На этом рэкет и закончился.

Илья одного за другим вышвырнул гостей за дверь, предварительно отобрав оружие, и снова уселся за стол.

— Мы еще к тебе придем, паскуда! — донеслось с лестницы.

Муромец пожал широченными плечами.

— На лай бешеной овцы не отвечаю. Так и живем, не скучаем. Это уже третьи, желающие полакомиться дармовой выпивкой. Ничего, держусь.

— Смотри только, чтобы не подстрелили.

— А я поздно домой не хожу. И тебе не советую. Машина твоя где? Здесь? Тогда загоняй, «линк» подождет. Через пару дней заберешь.

Матвей поднялся.

— Ну и здоровый ты бугай, Ильша! Держишь удар, как про-

[1] Каляри-ппаяту — индийская разновидность карате.

фессионал мукки-бази[1]. Тебя подучить — великолепный ганфайтер получился бы.

— Кто-кто? — подозрительно прищурился Илья. — Это еще что за новое ругательство?

— Это не ругательство, а высший титул короля рукопашного боя. Ну, бывай. Вечером созвонимся и договоримся о встрече, давно не сидел с друзьями за чашкой чая. Кстати, твой «бронеход» на время не дашь? Отвык я по метро да автобусам мотаться.

Илья покопался в верхнем кармане комбинезона, бросил ключи Матвею.

— Вечером пригонишь сюда же. Права возьми. Не провожаю, буду завтракать.

Матвей прощальным жестом вскинул руку со сжатым кулаком. Уходил он с чувством, что вся будущая жизнь его расписана по минутам.

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО-2

В два часа Матвей оставил машину на Ломоносовском проспекте напротив филфака МГУ и отправился искать Кристину. Он не договаривался с ней о встрече, но был уверен, что найдет без труда. Первокурсники деятельно готовились к экзаменам все вместе, продолжая занятия и консультации. Кристина Олеговна Сумарокова проходила по спискам третьей группы. Матвей отыскал аудиторию, где занималась означенная группа, приоткрыл дверь.

Видимо, преподаватель ушел или еще не приходил, потому что студенты — человек восемь юношей и чуть больше девушек — оживленно вели дискуссию. Речь шла о вкладе диссидентов, русских писателей за границей, в мировую культуру. Больше всех и красноречивее всех говорил красивый смуглолицый парень с шапкой курчавых волос, но спорили с ним только девушки, парни предпочитали бросать реплики и апеллировать к девушкам. Кристина в споре не участвовала, хотя курчавый довольно часто обращался к ней, как бы приглашая присоединиться или подтвердить его слова. Заметив Матвея, она вскочила и выбежала в коридор, не обращая внимания на возглас подружки: «Крис, ты куда?!» — и на взгляд курчавого оратора. Встречи она не ожидала и явно обрадовалась. У Матвея дрогнуло сердце, к своему удив-

[1] Мукки-бази — индийская школа рукопашного боя, бойцы которой занимаются силовым тренингом, держат удары почти во все болевые точки, а руками разбивают булыжники и кокосовые орехи.

лению, он обрадовался не меньше, обнаружив, что соскучился по девушке.

На сей раз Кристина была одета в джинсы и футболку, обтягивающие и подчеркивающие фигуру, и стоять с ней было одно удовольствие, если бы не взгляды разгуливающих по коридору ребят. Из двери аудитории выглянул тот самый смуглый парень, оглядел Матвея, кивнул девушке:

— Крис, не забыла, что мы вечером идем в кафешку?

— Я не сказала «да», милорд, — оглянулась Кристина. — Наверное, пойдете без меня.

— Ну, мы еще обсудим этот вопрос. — Парень глянул в глубь коридора. — Вон Скунс идет, закругляйся.

Девушка фыркнула, посмотрела на Матвея, не успевшего сказать ни слова.

— Не хочешь пойти с нами в кафе? Впрочем, вижу, не хочешь. Тогда давай пойдем куда-нибудь еще. Если, конечно, у тебя есть время, — деликатно добавила она.

Матвей улыбнулся, получив в ответ улыбку девушки.

— Когда вы заканчиваете?

— В шесть, но я могу и сбежать.

— Подъеду к шести, жди, у меня есть кое-какие дела. Ты ведь в ДАСе[1] живешь? Как устроилась?

— Отлично, и девочки в комнате хорошие. — Кристина нахмурилась, вспомнив что-то, но тут же ее лицо разгладилось. — В принципе мы можем посидеть в кофейне и в ДАСе.

— Потом обговорим варианты. Беги, действительно Скунс идет.

Кристина оглянулась на входившего в аудиторию преподавателя английского языка, — Матвей знал его, — сморщила лоб.

— Девчонкам он нравится, а мне нет. Смотрит как... как паук и губы все время облизывает. От такого поневоле вспомнишь Хайяма.

— Что именно?

— Ну, он говорил, что учиться необязательно.

Матвей кивнул и процитировал:

Так как истина вечно уходит из рук,
Не пытайся понять непонятное, друг.
Чашу в руки бери, оставайся невеждой,
Нету смысла, поверь, в изученье наук.

Кристина засмеялась.

— Я Омарчика тоже читаю и люблю.

— Чао, — подтолкнул девушку к аудитории Матвей и, не ог-

[1] ДАС — Дом аспиранта и студента, общежитие МГУ.

лядываясь, пошел к лестнице. Ее взгляд он чувствовал спиной, но не обернулся, чтобы не смазать впечатление, пока не хлопнула дверь. И сразу же увидел в тупичке с дверью туалета того самого парня в белом, Тараса, которого он «отбил» у налетчиков в собственном доме.

— А говорят, гора с горой не сходится, — сказал тот с легкой улыбкой, выступая вперед.

У Матвея вдруг появилась уверенность, что парень этот намного старше, чем кажется. Глаза его смотрели на мир как бездонные колодцы, в которых стыло бесконечное знание. Он все видел, знал и умел, как столетний патриарх, хотя на вид ему можно было дать не больше двадцати восьми.

— Как вы меня вычислили? — тихо спросил Матвей, напрягаясь: у него возникло ощущение, что его ощупывают изнутри. — Вероятность повторной случайной встречи очень мала.

— Вы реагируете как ганфайтер, — погасил улыбку Тарас. — Пойдемте поговорим, у меня есть ключ от пустой аудитории, там нас никто не побеспокоит. — Он пошел вперед, не оглядываясь, в уверенности, что собеседник последует за ним.

Матвей расслабился, не чувствуя опасности, сказал в удаляющуюся спину:

— Здесь разговора не получится. У меня машина, поехали в центр. Я знаю пару хороших кафе.

Через полчаса они сидели в уютном кафе на Маросейке, где столики были отгорожены друг от друга решетками из бамбука, увитыми плющом, и где можно говорить спокойно под тихую музыку, не опасаясь быть подслушанным.

Матвей заказал себе то же, что и собеседник: салат, грибной суп, филе трески, запеченное в тесте, кофе. Однако ел, не чувствуя вкуса. Он не любил играть по чужим правилам. Еще раз, более внимательно оглядел сотрапезника, отметил гибкость и скупую точность его движений, тихую скрытую силу и снова поразился выражению лица, дышавшего внутренним глубоким и всепонимающим покоем. Этот человек знал и видел так много, что становилось не по себе. Возраст его угадать было невозможно — двадцать восемь или сто двадцать восемь лет? Матвея мороз продрал по коже, хотя он и не выдал своих чувств, понимая, что Горшин видит его переживания. И все же Матвей отметил и кое-что новое в его облике: нет-нет да и вспыхивали на его лице искры тоски и горечи. Человек этот явно не был счастлив, тая в глубинах души неведомую боль.

Во время всего разговора Матвей чувствовал себя скованно и был напряжен, как никогда. Впервые в жизни ему встретился человек, способный читать его как книгу, вычисливший траекторию его движения и даже суть задания, о котором должны были

знать лишь трое. Иногда ему удавалось отстроиться от цепкого взгляда Тараса, выскользнуть из пальцев его психофизического ощупывания, и тогда у собеседника в глазах вспыхивали интерес и уважение. И еще Матвей все время ловил себя на мысли, что все это с ним было. Память мучительно пыталась подсказать что-то, намекнуть, сообщить нечто важное, но главное — уже прожитое однажды!

— Предлагаю сразу расставить точки над «i», — сказал Тарас, заказав кофе по второму разу. — Я работаю на «Чистилище». Стоит расшифровывать?

— Не стоит, — остался спокойным Матвей. Чего-то подобного он и ожидал, а главное — поверил Горшину сразу.

— Вы хорошо воспринимаете неожиданности, — похвалил его Тарас, не дождавшись продолжения; оба неторопливо принялись пить кофе. — Только не вздумайте задерживать меня. — В глазах Горшина мелькнул и пропал насмешливый огонек. — Даже с вашей подготовкой сделать это будет нелегко. А то, я вижу, вы уж подумываете...

Матвей, действительно прикидывавший вариант захвата собеседника, помедлив, кивнул:

— В этом пока нет необходимости.

— Мне нравится это ваше «пока». Итак, продолжим. Кстати, вы хорошо закрываетесь, я имею в виду мысленный блок. В роду экстрасенсов не было? Отца-колдуна, например, бабки-ведьмы?

— Родителей сроду не имел, — мрачно пошутил Матвей. — Я не знаю, о чем вы говорите.

— Значит, способности врожденные. Надо же, человек владеет адаптивной психофизической защитой и не является лицом Круга! Парадокс. Но об этом мы еще поговорим. Я знаю, кто вы. Ганфайтер, перехватчик-волкодав, работающий на военную контрразведку «Смерш-2». Опровергать будете?

Матвей с трудом удержал себя от ненужных телодвижений, с трудом проглотил кусок бутерброда. Это был явный провал! Но если в обычных условиях Соболев чувствовал засаду и начинал схватку первым, что давало ему шанс выйти сухим из воды, то в данном случае удар был нанесен слишком неожиданно. Реагировать на происшедшее надо было иначе.

Тарас, наблюдавший за ним, кивнул.

— Правильно. Открытый бой — это в большинстве случаев паника, бой надо выигрывать до его начала. Аксиома разведки, но она применима и у нас. Успокойтесь, утечки информации не произошло, просто я... скажем так, не совсем обычный человек и могу читать...

— Мысли? Телепат, что ли?

— Не мысли, но состояние психики, и не телепат, а пара-

норм, эзотерик, человек Внутреннего Круга. Думаю, вы догадываетесь, о чем идет речь, коль читаете Успенского и других эзотериков. Но и об этом мы еще поговорим.

— Почему не сейчас? Я не тороплюсь. К тому же мне интересно, как вы меня вычислили, не будучи в штате моей конторы. В случайности подобного рода я не верю, а слежку сразу бы почувствовал.

— Правильно делаете, что не верите. Хотя, с другой стороны, случайность — тоже результат каких-то скрытых от нас процессов. Как говорил один мой знакомый: случайность — внезапно проявившаяся неизбежность. Существуют закономерности бытия, которых нормальные люди не видят, а замечают лишь их крайние проявления, да и то редко. Например: почему всегда идет дождь, когда обнаженная женщина выходит на крыльцо при полной луне?

— Ммм... — промычал Матвей.

Тарас белозубо засмеялся.

— А ведь это действительно закон, я проверял специально в течение многих сотен лет, но подчиняется он такой математике, которую люди вряд ли когда-нибудь узнают.

Кофе допили в молчании. Матвей размышлял о словах Тараса «в течение многих сотен лет», а Горшин ушел в свои мысли. Потом Соболев сказал:

— Чего вы хотите?

— Вы уже поняли. Я хочу, чтобы вы работали с нами.

— На «Стопкрим»? — Матвей задал вопрос машинально, подумав с некоторым удивлением, что собеседник не знает, какое именно задание он получил от командования. Удача пришла с той стороны, откуда он ее не ждал, и так быстро, что невольно рождалась вера в божественное провидение.

— Если предложение слишком неожиданно, мы подождем. Если неприемлемо — я буду сожалеть, что вы не с нами.

— Не знаю. Мне нужно подумать и все взвесить. И кое-что узнать о вас. Цели, сверхзадачу «Чистилища».

— Наша цель — уничтожение преступности как института. Если вы действительно имеете в виду сверхзадачу. «Стопкрим» задуман как бумеранг в ответ на возведенную в ранг негласного закона вседозволенность чиновников вообще и властных структур в частности. Государственных, коррумпированных сверху донизу, или теневых, мафиозных — нет никакой разницы.

— Звучит красиво. — Матвей с иронией посмотрел на невозмутимое лицо Горшина. — Этакий центр по нравственному воспитанию преступников... с помощью пули и кинжала.

Тарас остался спокоен.

— Мы не видим иного пути. Те, против кого нацелен «Стоп-

крим», давно перестали быть людьми, это человекоподобные монстры с извращенной моралью. У англичан есть пословица: там, где правила игры не позволяют выигрывать, английские джентльмены меняют правила. Увещевания и призывы к совести монстров явно не помогают, и мы вынуждены играть по более жестким правилам.

— Существует еще одна английская поговорка, — медленно проговорил Матвей. — Для других мы создаем правила, для себя — исключения. Как в данном случае сделали вы, присвоив себе право судить и карать.

— Мы не видим иного пути, — повторил Тарас тихо. — Времена негодяев требуют адекватного ответа. Откройте нам глаза, сообщите методы, столь же действенные, как наш, но не опирающиеся на террор и насилие, и мы пойдем за вами.

Матвей молчал, разглядывая цветочный узор на дне тарелки. Когда он поднял глаза, рядом никого не было. Тарас исчез бесшумно, как привидение. Впрочем, Матвей не особенно удивлялся, он чувствовал, что разговор не окончен. Одно только мучило: очень хотелось выяснить секрет Горшина, эзотерика, человека Круга, способного исчезать, как бесплотный дух. Да и узнать заодно, что такое Круг в натуре. У Успенского Внутренний Круг описан, так сказать, теоретически, а тут он, похоже, реализован на практике и столь же реален, как мафия.

В голове родилась вспышка света, изгнавшая все тени сомнения: он знал, что с ним происходит! И знал также, чем все закончится! Однако это была всего лишь вспышка, странный каприз «памяти будущего», она мелькнула и снова исчезла, оставив болезненное чувство неудовлетворенности и досады.

Посидев несколько минут в одиночестве, Матвей вышел из кафе и позвонил из автомата «по четырем нулям», сообщив полковнику Ивакину, что «ключ скоро будет готов». После чего отправился домой, где до пяти часов регулировал персональный комп с радиовыходом на компьютерные сети Федеральной службы безопасности и Министерства внутренних дел, размышляя о своих необычных «воспоминаниях». У него крепла уверенность, что в скором времени ответ ему будет дан.

Убедившись, что коды подключения действуют, Соболев дал компу задание найти в памяти всех подконтрольных «КР»-сетей сведения о Тарасе Горшине и поспешил к филфаку на машине Ильи, даже не подумав уведомить его о своем решении оставить авто на время у себя.

Кристина появилась вместе с сокурсниками, раскрасневшаяся, свежая, удивительно милая, с трудом отбилась от желающих сопровождать ее «хоть на край света» и подбежала к Матвею, который ждал ее под липой на скамейке. Взгляды, которыми их

проводили ребята из группы Кристины, были весьма красноречивы, и Матвей решил больше не «засвечиваться» перед этой компанией, обладавшей хорошей, молодой и ревнивой памятью. Не отреагировал он и на громко сказанное ему в спину пожелание курчавого Ромео-Жоржа «не гулять допоздна, а то перестанут ходить ноги».

— Ну и студенты пошли, — улыбнулся Матвей, распахивая дверцу машины и усаживая девушку. — В мое время филологи были поинтеллигентней.

— Чем сосуд наполнен, то из него и льется, — засмеялась Кристина. — У него отец — какая-то шишка в Федеральном собрании, сенатор, вот он и считает, что ему все дозволено. Лезет и лезет с предложениями и советами, надоел уже.

— Он красивый парень и развит неплохо.

— Вот-вот, уже демонстрировал свои мускулы. Но мне не нравятся ребята, мало думающие и много себе позволяющие. Жоржик вообще человек действия, даже удивительно, что он пошел на филологический, абсолютно непрестижный.

— Я думаю иначе. Если человек не умеет действовать, он не умеет и думать.

— Смотря как действовать. А насчет думать — послушали бы вы его безапелляционные суждения о классиках. Если все оригинальные мысли Жоржа перевести на деньги, то не хватит и на новый «Сникерс». Итак, куда мы едем?

— Можем поехать в кафе «Русский купец», это на Остоженке. Я в нем не был еще, но говорят, что кухня там неплохая. А если не боишься, поехали ко мне домой. У меня хороший бар, чай, кофе и видик с набором кассет.

Кристина подумала, потом отрицательно качнула головой, чему-то улыбнувшись. Видимо, вспомнила предложения Жоржа.

— Не обижайтесь, но в другой раз. Поехали в «Русский купец», я хочу есть. Надеюсь, ваших финансовых ресурсов хватит? Или вы тоже из купцов?

Матвей, улыбнувшись, тронул машину с места.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТИ

Вечер прошел так хорошо, тихо и спокойно, без конфликтов и шума, что не верилось в возможность повторения подобных вечеров.

Кристина держала себя мило, просто, с поразительной естественностью, хотя и была точна в оценках. Матвей не раз поражался ее созвучным с его представлениям о литературе и жизни, а ведь ей только-только исполнилось восемнадцать.

Танцевали они всего два раза, потом лишь слушали музыку и говорили, говорили обо всем, что приходило в голову.

Кристину Матвей тоже поразил однажды, хотя впоследствии и пожалел об этом; эффекты он не любил, хорошо помня наставления учителя о том, что мастер должен применять технику владения телом и предметами быта незаметно, без излишней бравады и показухи. А случилось это так: официант принес пиццу, забыв ножи, и, пока он ходил за ними, Матвей разрезал ароматно дымящуюся лепешку пиццы на четыре части с помощью новой пятидесятитысячной банкноты. Как он это сделал, Кристина не заметила, весь трюк заключался в скорости движения тонкого листика бумаги, но Матвей не стал ей это объяснять, переведя разговор на другую тему.

Заговорили о гадании на картах, по звездам, по китайской Книге Перемен и другими способами, перешли на психику восприятия прогнозов, и неожиданно для себя самого Матвей признался девушке, что видит странные сны, сны — путешествия в прошлое, после чего рассказал последние из них. Кристина — она разрешила звать себя короче — Крис, как звали ее родители, или Христя, как звала ее бабушка, полька по происхождению, — живо заинтересовалась этой темой, потому что многое читала о сновидениях и их толковании. Но разгадать сразу смысл снов Соболева не смогла, лишь пообещала покопаться в литературе.

— Но все это очень интересно, — заключила она, задумчиво поглядывая то в зал, на танцующих, то на лицо Матвея, севшего по привычке таким образом, чтобы тень падала на него. — Удивительно, что вы помните свои сны. Обычно они не запоминаются, бледнеют и к утру исчезают из памяти. Может быть, вы какой-нибудь скрытый буддист или пророк? Или вообще пришелец и с вами хотят таким способом связаться соотечественники-инопланетяне?

Матвей только улыбнулся в ответ, однако в душе признался, что хотел бы и сам выяснить, что с ним происходит. Тем более что снова наступил момент «воспоминания о будущем», в котором он уже сидел с Кристиной в этом же кафе и беседовал на эти же темы.

Девушку он отвез к общежитию в двенадцатом часу ночи, дождался прощального взмаха руки с балкона восьмого этажа и поехал домой. Спал как убитый, в одной позе, без сновидений. А наутро после обязательного часового тренинга отправился к Илье Муромцу каяться за машину, а заодно и взять свою.

Автомастерскую Ильи он нашел в плачевном состоянии: ворота были сорваны, будто сквозь них проехал танк, внутри помещение гаража было разгромлено, словно подверглось атаке разъяренных слонов. «Линкольн», который ремонтировал Илья, пре-

вратился в груду металлолома, и лишь машина Матвея, стоявшая в закутке, за стеллажами с инструментом и деталями, осталась цела и невредима.

В мастерской копался хмурый молодой парнишка, помощник Ильи, собирал мусор, осколки, разбитую мебель, подметал пол.

— Что здесь произошло? — тихо спросил Матвей, сжимаясь от нехорошего предчувствия.

Парень глянул на него исподлобья, продолжая заниматься своим делом, потом, видимо, вспомнил.

— Это ваш аппарат, что ли?

— «Таврия»? Мой.

— Вот ключи. — Он достал из кармана ключи от «Таврии». — Можете забирать. Не хуже, чем у Джеймса Бонда. Движок с форсажем, дает под двести, подвеска усилена, бак увеличен, берет около шестидесяти, заднее и переднее стекло — бронеплекс. Что еще?

— Не хватает только пулеметов под капотом, — улыбнулся Матвей. — С хозяином я сам рассчитаюсь. Где он? Что у вас стряслось? Потолок рухнул?

Парень вытер лицо ладонью, но лишь размазал грязь. Сказал нехотя:

— Банда наехала. Милиция только перед вами убралась. А Илья в больнице, подстрелили его.

— Что?!

Помощник Ильи снова принялся за уборку, проигнорировав вопрос. Буркнул под нос:

— Живой он, пуля прошла бок навылет, порвала подвздошную сумку, а вторая застряла в ноге.

— Из автомата стреляли, что ли?

— Я слышал разговор инспектора и следователя, стреляли из какого-то «волка».

Матвей присвистнул про себя: пистолет-пулемет «волк» был последней разработкой завода «Арсенал», и именно утечка «волков» со склада завода и была первым заданием Соболева, полученным от полковника Ивакина. Как странно все переплетено в этом не самом лучшем из миров!

— Где он лежит?

— Увезли в Склифосовского. Только вас не пустят, он без сознания, моя сестра только что приехала оттуда.

— Как все это произошло?

Парень разогнулся.

— Да так — вошли и...

По его словам вырисовывалась такая картина. Давешняя команда рэкетиров, которой Илья дважды дал отлуп, вломилась в мастерскую в начале седьмого утра, когда там был лишь один

Муромец: вставал он рано. Бандиты начали громить мастерскую, бить оборудование, машины, а когда вмешался хозяин, раскидав крутых громил, кто-то из них от испуга достал «пушку».

— И что по этому поводу заявила доблестная милиция?

— Да ничего, — помрачнел парень еще больше. — Дохлое, мол, дело. Я им говорю: они же весь квартал держат, разъезжают на «мерсах» и «Маздах», их все знают...

— Ну и что?

Парень безнадежно махнул рукой.

— Все они повязаны. Если не запуганы, то куплены.

— Что ж, понятно. Бывай.

Знакомое «гудение» в голове, рождающее вспышки «ложной» памяти, заставило Матвея напрячься, но на сей раз воспоминание не созрело: он был слишком взволнован происшествием. Помучив немного мозг, Матвей сел в «Таврию», опробовал двигатель и выехал из гаража. В клинику «Скорой помощи» Склифосовского он прибыл через сорок минут, ухитрившись ни разу не засветиться перед ГАИ, хотя мчал под сто и больше.

Илью уже прооперировали, и был он в сознании. Матвей сумел уговорить медперсонал, чтобы ему дали халат и пропустили в палату к раненому.

Выглядел Муромец чуть бледнее обычного, под глазами залегли тени, однако во взгляде его не было ни страха, ни злости, только сожаление и недоумение. Да еще упрямство. Увидев Матвея, он обрадовался так, что едва не опрокинул капельницу.

— Ты?! Взял аппарат? Я там его немного усовершенствовал, теперь он не хуже, чем у Джеймса Бонда, разве что крыльев не хватает.

— Лежи, знаю. — Матвей выгрузил из сумки пакет с яблоками и пять бутылок кефира. — Кто это был?

По лицу Ильи прошла тень, сжались и разжались громадные кулаки.

— Да ты их видел, команда Белого. Я до них еще доберусь, вот подлечусь только. Не вмешивайся в мои дела.

В голове щелкнуло: Матвей помнил фамилию Белый.

— Ты его знаешь лично?

— Знаю, что он то ли чеченец, то ли ингуш, оттуда, в общем. Но у него все схвачено, везде приятели, в том числе и в милиции. Вряд ли его станут ловить, выкрутится.

Матвей кивнул.

— Ладно, выздоравливай. Меня пустили на минуту, приеду завтра, привезу чего-нибудь вкусненького.

— Сигареты не забудь, а то мои отобрали.

— А можно?

Илья улыбнулся — через силу, глаза его помутнели: видимо, боль была едва переносимая.

Появилась медсестра, глянула на посетителя.

— Уходите, ему плохо.

Матвей еще некоторое время смотрел на беспомощное тело школьного друга и вышел. Уже в кабине машины почка, давно зревшая в глубинах психики, лопнула, и он наконец вспомнил все дальнейшие встречи с Кристиной, разборки с Белым, с мафиози всех мастей, с Монархом Тьмы — дважды! С деятелями из Союза Девяти Неизвестных, наконец! Он вспомнил также и последний бой с Бабуу-Сэнгэ и «проекцией» Монарха, пытавшихся отговорить его от инициации эйнсофа, гибель всех своих друзей и близких, Кристины и Стаса! Но он все же запустил эйнсоф... и оказался в своем прошлом!

Матвей почувствовал приступ слабости.

Неужели ему вновь предстоит пройти тот же смертельный Путь воина, отмеченный десятками смертей, гибелью друзей и близких? Снова встретиться с Монархом, чтобы замкнуть круг? Или есть иные варианты?..

Матвей задал себе этот вопрос и со страхом прислушался: не прозвучит ли ответ? Но ни его внутренний «космос», ни внешний не ответили. Означает ли это, что если он помнит будущие события, то может их изменить? Ведь запрета нет? Никто ему никаких запретов не оставил?..

Матвей снова прислушался к себе, но память молчала. Она и так выдала все, что знала. Эйнсоф сработал, хотя и не так, как ожидал Соболев. Он просто переместил человека к началу его эзотерического резонанса, как бы давая понять, что дальше все зависит от него самого: любовь и ненависть, движение и покой, жизнь и смерть. Все еще можно изменить. Все... еще... можно...

Изменить!..

Но у меня должен был появиться сын! — вспомнил Матвей.

Он и появится, ответил внутренний голос, если ты все повторишь, как было. Но сын может родиться и в других вариантах бытия.

Матвея бросило в жар. Он даже не извинился, столкнувшись с прохожим на улице, который долго смотрел ему вслед. Если бы Матвей не был занят собой и оглянулся, он узнал бы прохожего: это был Хранитель. Но Соболев не оглянулся.

Сев за руль машины, он уже прикидывал, что будет делать дальше.

Он должен найти Василия Балуева-Котова, все ему рассказать, заставить поверить в этот бред и с его помощью расстроить планы всех монстров — людей и нелюдей, не подозревающих в этот момент, что есть человек, который их знает!

Кроме того, Матвей хотел найти Стаса и вылечить его, Ульяну Митину — и познакомить ее с Василием, Парамонова — и предложить ему свой вариант преобразования Внутреннего Круга, инфарха — и узнать у него подробности жизни в абсолютных планах «розы реальностей», и, наконец, Монарха Тьмы — чтобы предупредить его, что прошедшая коррекция запрещенной реальности была последней и что разборки третьего уровня закончились, еще не начавшись! Однако при этом Матвей понимал, что Монарх вряд ли согласится с его решением. Впереди Соболева и его друзей ждала иная война — четвертого уровня! Только преодолев порог магической физики, отделявший запрещенную реальность Земли от других слоев «розы реальностей», встретившись с Монархом Тьмы лицом к лицу, он мог заставить его отступиться.

Матвей не знал, что как аватара он имеет возможность сделать новое Изменение, создать мир, где Монарху не было бы места. Но даже если бы он знал это, вряд ли согласился бы присвоить себе роль Безусловно Первого.

От перспектив, открывшихся вдруг перед ним, у него захватило дух. Потом вернулось самообладание, а с ним и трезвые мысли.

Путь воина не был главным при движении к цели — духовному и нравственному самосовершенствованию. Существовал еще один Путь, может быть, самый тяжелый, но самый эффективный — использующий принцип ненасилия.

Включив мотор и отъехав от клиники, Матвей все больше и больше задумывался, но так и не смог прийти к единственному решению. Для этого надо было изменить себя или изменить себе. Второе означало предательство, первое — подвиг, но ответ так и не созрел.

Впрочем, Матвею еще предстояло познакомиться с теми, кто мог осудить его колебания или помочь, а пока он ехал искать Васю Котова... то есть Балуева. Представив его лицо после того, как он выслушает историю «Смерша» и «Перехватчика», Матвей улыбнулся. И тут же погрустнел. В том отрезке жизни, который он прожил — или это был сон? — существовала еще одна женщина, которая любила его, — Уля Митина. И он не знал, что будет с ними, когда они встретятся.

Не возвращайтесь по своим следам...

Кто это сказал? Истина ли это? Может быть, как раз истина в другом — в Вечном Возвращении?..

Март 1996 года
Орехово-Зуево

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРЕХВАТЧИК. *Роман*

«КОРОЛЬ УМЕР — ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!» 7
ОМОН-РЭКЕТ 27
«ГОСУДАРСТВО — ЭТО Я!» 36
ВЗГЛЯД В СПИНУ 42
БАТОНЫ НАРЕЗНЫЕ 45-го КАЛИБРА 51
МЕЛКИЕ НЕПРИЯТНОСТИ 59
НАЙТИ! 67
ПИРАМИДЫ И ЗАСАДА 77
СЮРПРИЗ 86
ФЕРМЕРЫ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ! 98
«ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!» 107
CONSERVUS 119
КОНКУРИРУЮЩИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ 129
«ЛЕЧЕНИЕ» КРИСТИНЫ 137
ИЩИТЕ ЗАКАЗЧИКА 147
ЗАЩИТА «РЮРИКА» 154
ВЫЗОВ КОНКЕРЕ 164
ЗАЩИТА «РЮРИКА» (продолжение) 171
ПЕРЕСЕЧЕНИЕ 180
ХРАНИТЕЛЬ 188
СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ 198
СОПРОТИВЛЯТЬСЯ НЕЦЕЛЕСООБРАЗНО 205
КОНКУРЕНТЫ 215
СОПРОВОЖДЕНИЕ ЦЕННОГО ГРУЗА 225
ДОРОГА К ХРАМУ 234
ЛИКВИДАЦИЯ 243
ВСТРЕЧНЫЕ ПЛАНЫ 251
ПОМОГИ ТЫ — И ПОМОГУТ ТЕБЕ 254
«СМЕРШ» ПЛЮС 265

ПРОВОДНИК УЧИТЕЛЮ НЕ ТОВАРИЩ 271
«ККК» CONTRA «РКК» 283
ПЕРЕДАЧА ЗАПРЕЩЕННОЙ СИЛЫ 293
ИНИЦИАЦИЯ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ 302
ШТУРМ «БАРСА» 308
РАЗБОРКИ НА ВЕРХНИХ ЭТАЖАХ 315
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ 321
ПРИОБЩЕНИЕ К ТАЙНЕ 328
ПЛАЧ ПО ПРОКУРОРУ 336
ПОСЛЕДНИЙ СОН 342
ПЕРЕКРЕСТНАЯ ПОДГОТОВКА 351
СОЮЗ ДЕВЯТИ НЕИЗВЕСТНЫХ 358
ОПЯТЬ «ГРОЗА» 366
УЛЬЯНА МИТИНА 376
ПЕНА ПЕРВОЙ «ВОЛНЫ ВЫКЛЮЧЕНИЯ» 385
НАЙТИ И УНИЧТОЖИТЬ 392
«ВОЛНА ВЫКЛЮЧЕНИЯ»-ДВА 397
ПОПЫТКА ЗАДЕРЖАНИЯ 408
РАНДЕВУ С ХРАНИТЕЛЕМ 416
ТЫ НАС НЕ БРОСИЛ! 423
МИР ВОЗБУЖДЕННЫЙ 428
СУДНЫЙ ДЕНЬ 440

РАЗБОРКИ ТРЕТЬЕГО УРОВНЯ. *Роман*

ЗАКАЗ НА ЛИКВИДАЦИЮ 451
БУНТ ТРОИХ ИЗ ДЕВЯТИ 453
СОЮЗЫ ДОЛГО НЕ ЖИВУТ 460
«ККК» НА ТРОПЕ ВОЙНЫ 465
ВСЕМУ ЕСТЬ ПРЕДЕЛ (ОЖИДАНИЮ ТОЖЕ) 472
НЕЗАВЕРШЕННЫЙ 480
НЕ НАРЫВАЙСЯ НА НЕПРИЯТНОСТИ 488
ВЕЧЕР В КРУГУ ДРУЗЕЙ 498
ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА 506
ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ 511
РЖАВЧИНА «СС» 520
КАК ЭТО ПОНИМАТЬ? 524
ИМЕЮЩИЙ УШИ — ДА УСЛЫШИТ 528
ОСТАВАЙТЕСЬ У МЕНЯ 533
ОПЕРАЦИЯ КОП № 1 544
НАДЕЙСЯ И ЖДИ 552

ГОДЕН БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ 558
НОВАЯ ЦЕЛЬ 566
НЕПУСТЫЕ ХЛОПОТЫ 570
БЕЗ КАЙФА НЕТ ЛАЙФА 574
НЕ БЫЛО ПЕЧАЛИ... 584
ОТКАЗ № 2 587
О ЧЕМ ГОВОРИТЬ, ЕСЛИ НЕ О ЧЕМ ГОВОРИТЬ? 594
ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ, ЧТО БУДЕТ? 603
ОТКАЗ № 3 608
БУДЬТЕ С НАМИ 616
МЕТЕОРА 625
НАД ОБРЫВОМ 631
ФИЛОСОФСКИЕ БЕСЕДЫ НАКАНУНЕ МОРДОБОЯ 636
УТЕЧКА «ГЛУШАКОВ» 646
БОЙ В ЛЕСУ 651
ВЫ НЕ ПРАВЫ, ГЕРМАН ДОВЛАТОВИЧ 659
ПОДАЧА НАВЫЛЕТ 667
НАВЕДЕНИЕ НА ЦЕЛЬ 673
КОНТРНАВЕДЕНИЕ 677
ПЕРЕСЕЧЕНИЕ 681
ПЕРЕГРУППИРОВКА СИЛ 688
ДЕЛО ОПЕРАТИВНОЙ ПРОВЕРКИ 691
ЗДЕСЬ БЫЛ ВАСЯ 696
НИКОГДА НЕ ЗНАЕШЬ, ГДЕ НАЙДЕШЬ,
ГДЕ ПОТЕРЯЕШЬ 703
ИГРА С ВЫБЫВАНИЕМ 705
КЛАССИЧЕСКИЙ ОБМЕН 711
БОЙ НА КАЛИНОВОМ МОСТУ 719
ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКОВ 724
БХУДЖАНГАСАНА 729
ПЕРЕХВАТ ПОСВЯЩЕННОГО 732
КАК СТЕМНЕЕТ — БУДЕМ БРАТЬ 734
СИНТЕЗ МАГИИ И ВОЛИ 735
КАРМА РИСКА 743
НЕ ЛЕЗЬТЕ НЕ В СВОЕ ДЕЛО, ПОЛКОВНИК 748
ВИРАСАНА — ВАКРАСАНА 750
УНИЧТОЖИТЬ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ! 755
НОЧЬ НИНДЗЯ 757
КТО СТОИТ НА СВОЕМ, ДАЛЕКО НЕ УЙДЕТ 762
ПОГРУЖЕНИЕ ВО ТЬМУ 764
MORTAL COMBAT 768

ГОЛАБ 772
ПРАВИЛО ВЕРЫ 775
ТРЕВОГА ПО «ЧЕТЫРЕМ НУЛЯМ» 782
АНГЕЛ ПРИСУТСТВИЯ 783
САМАЭЛЬ И ХАНИЭЛЬ 787
ГВОЗДИ СТРАСТЕЙ ГОСПОДНИХ 792
ИЗМЕНЕНИЕ 793
РЕТРОСПЕКЦИЯ-1 797
ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО-1 801
РЕТРОСПЕКЦИЯ-2 809
ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО-2 813
ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТИ 819

Литературно-художественное издание

Головачев Василий Васильевич

ВОЙНА РЕАЛЬНОСТЕЙ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *М. Фирстова*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *А. Дубовика*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская»,ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: **sale@eksmo.com.ua**

Подписано в печать 13.10.2005.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 43,68. Уч.-изд. л. 51,2.
Тираж 6000 экз. Заказ 8636.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат"
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Лучшие игры на самых разнообразных платформах:

PC, PlayStation 2, Xbox, GameCube.

Мы поможем вам разобраться в этом круговороте и сделать правильный выбор

КАЖДЫЕ 2 НЕДЕЛИ

192 СТРАНИЦЫ

DVD 8,5 Гбайт

Имя, известное каждому ценителю отличной российской фантастики. Автор более чем тридцати романов, которые переиздаются миллионными тиражами и становятся бестселлерами из года в год, – таких романов, как «Смерш-2», «Перехватчик», «Посланник», «Черный человек», «Человек боя».

Василий Головачев —

мэтр российской фантастики, лауреат престижных литературных премий «Роскон», «Аэлита», «Золотой кадуцей», член Союзов писателей России и Украины. В 2005 году Василий Васильевич открыл в Книге рекордов России (окрещенной в народе «российской книгой рекордов Гиннесса») новую страницу – «Гиганты фантастики», вписав свое имя в первую строчку в качестве самого продуктивного писателя-фантаста России.

Книги автора выходят в сериях – «Абсолютное оружие», «Шедевры отечественной фантастики», «Гиганты фантастики», «Отцы-основатели»

Новые романы в серии «Абсолютное оружие» 2005 года:

«ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЖИННА», «СМЕРЧ»

Переиздания уже ставших классикой произведений в сериях:

«Шедевры отечественной фантастики» «Отклонение к совершенству», «Заповедник смерти»

«Отцы-основатели» «Вторжение в реальность», «Правила боя», «Сказания о Веере миров», «Гасители солнц»

«Гиганты фантастики» «Хроники реликта»

Составленные Головачевым сборники произведений лучших авторов:

«Серебряный век фантастики», «Золотой век фантастики»

Общий тираж книг Головачева на настоящий момент превысил **15 миллионов экземпляров**.

www.eksmo.ru **www.golovachev.ru**

РОБЕРТ ШЕКЛИ

В СЕРИИ

«ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ»

Все произведения знаменитого американского писателя Роберта Шекли в 6 томах!

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

«Цивилизация статуса»
«Лабиринт Минотавра»
«Обмен разумов»
«Белая смерть»

ISBN 5-699-14044-1